

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

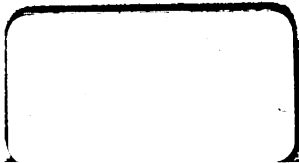
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07919837 4

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

THE NEW
PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ВТОРОЙ.

1869

І Ю Л Ь.

СО Д Е Р Ж А Н І Е:

- ✓ I. САМОЗВАНЕЦЪ СТЕПАНЪ МАЛЫЙ. I—II. В. Н. Макушева.
- ✓ II. МЫСЛИ О МУЗЫКАЛЬНОМЪ ОБРАЗОВАНИИ ВЪ РОССІИ. Г. А. Лароша.
- III. ТЕАТРАЛЬНЫЕ АРТИСТЫ. Романъ Гузандони. Сокращенный переводъ съ италянскаго. Часть первая. И. Л. Г.
- ✓ IV. ПАНУРГОВО СТАДО. Романъ. Окончаніе второй части. В. В. Крестовскаго.
- V. ПРОЦЕССЪ ЛЕЗЮРКА И ВОПРОСЪ О ВОЗОБНОВЛЕНІИ УГОЛОВНЫХЪ ДѢЛЪ. I—III. М. С. Гольденвейзера.
- VI. ПОСЛѢДНИЕ ВЫБОРЫ ВЪ ВЕНГРИИ. А. Б.
- VII. КОМИТЕТЪ 1833 ГОДА ОБЪ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ЗЕМЛЕДѢЛІЯ ВЪ РОССІИ. В. И. Вешнякова.
- ✓ VIII. КРЕСТЬЯНСКІЕ БЕЗПОРЯДКИ ВЪ ЛУЦКОМЪ УѢЗДѢ ВОЛЫНСКОЙ ГУБЕРНИИ ВЪ 1862 ГОДУ. К. Могола.
- ✓ IX. НОВЫЙ РОМАНЪ Г. ГОНЧАРОВА. Л. Нелюбова.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

✓ ПРИКЛЮЧЕНІЯ ДОКТОРА БРЕДИ. Романъ въ трехъ частяхъ. Соч. Вильяма-Говарда Росселя. Переводъ съ англійскаго. Часть третья. Гл. X—XV.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ,

издаваемый

М. Батковичъ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ВТОРОЙ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°)
На Страстномъ бульварѣ
1869.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
560016
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.
R 1913 L

САМОЗВАНЕЦЪ СТЕПАНЪ МАЛЫЙ

ПО АКТАМЪ ВЕНЕЦІЯНСКАГО АРХИВА.

Съ замѣчательною личностью самозванца Степана Малаго, выдававшего себя въ Черногоріи и пограничной съ нею венеціанской Албаніи за императора Петра III, въ первый разъ, насколько мнѣ извѣстно, познакомилъ русскихъ читателей г. Мордовцевъ. Не имѣя подъ руками его статьи, не могу судить о ней съ основательностью. Замѣчу только что она во всякомъ случаѣ имѣетъ достоинство *относительное*, будучи написана на основаніи не историческихъ актовъ, а одной современной брошюры; а на сколько можно вѣрить подобнымъ источникамъ, сузу по имѣющейся въ Венеціи въ бібліотекѣ Св. Марка книгъ, изданной въ Парижѣ въ 1776 году, подъ заглавіемъ: *Les imposteurs démasqués et les usurpateurs punis*, въ которой на стр. 383—386 разказываются о Степанѣ Маломъ разныя небылицы. Иное достоинство имѣетъ рукописная *Исторія Степана Малаго* (*Storia del Stefano Piccolo*), находящаяся въ бібліотекѣ г. Кукулевича-Сакцинскаго въ Загребѣ (№ 698) и сообщенная мнѣ въ копію В. И. Ламанскимъ: эта *Исторія* писана современникомъ, пользовавшимся отчасти официальными бумагами; но она слишкомъ кратка (въ копію г. Ламанскаго всего 13 стр. почтовой бумага малаго формата) и не всегда достоверна. Единственный источникъ на который можно положиться—акты венеціанскаго архива. Изъ нихъ я пользовался донесеніями генеральныхъ проведиторовъ Далмаціи и венеціанской Албаніи, ихъ перепиской съ

бачкомъ въ Константинополь и съ турецкими властями, общеніями венеціанскихъ шпионовъ, письмами Степана Малаго, владыки Саввы, патриарха Василя и черногорскихъ главарей, перепиской государственныхъ инквизиторовъ съ проведиторами въ Далмаціи и Албаніи и т. п.

На основаніи этихъ актовъ я постараюсь разъяснить, насколько возможно, кто такой былъ Степанъ Малаго, откуда пришелъ онъ въ венеціанскую Албанію и Черногорію, его похождения до самозванства, его частную и общественную жизнь, наконецъ, какими средствами и при какихъ обстоятельствахъ онъ достигъ власти въ Черногоріи и удержалъ ее до своей смерти. Въ изложеніи не буду опережать событий, и таинственная личность Степана Малаго будетъ выясняться предъ читателями по мѣрѣ того какъ она выяснялась предъ современниками. Сначала сообщу первыя венеціанскія извѣстія о Степанѣ Малаго и соберу разбросанныя въ нихъ свѣдѣнія о жизни и походахъ его до того момента когда Черногорцы и ихъ единовѣрцы и единоплеменники въ венеціанской Албаніи признали въ немъ Петра III; затѣмъ постараюсь познакомить читателей съ тѣми обстоятельствами которыя благоприятствовали самозванцу приобрести власть въ Черногоріи и подчинить своему владычю православыныхъ поморцевъ, венеціанскихъ подданныхъ; сообщу имѣющіяся у меня свѣдѣнія о состояніи Черногоріи и венеціанской Албаніи во второй половинѣ прошлаго вѣка и о взаимныхъ ихъ отношеніяхъ; затѣмъ изображу жизнь самозванца въ Майнахъ, и наконецъ перейду вмѣстѣ съ нимъ въ Черногорію и прослѣжу его дѣятельность до самой его смерти.

I.

„Неизвѣстный малкій иностранецъ, свискивавшій себя пропитаніе въ теченіе многихъ мѣсяцевъ въ Черногоріи и ея окрестностяхъ посредствомъ грубыхъ работъ, прибылъ въ Майны, венеціанскую общину пограничную съ Черногоріей, и поселился у одного изъ тамошнихъ жителей подъ предлогомъ леченія его отъ хронической болѣзни, увѣряя что онъ излѣчивается всякія лежонци посредствомъ травъ. Черезъ нѣсколько времени насталъ день въ который домо-

чады рѣшились освободиться отъ тяжести содержать его дожде и отпустили его. Тогда онъ вознамѣрился распустить слухъ о своемъ высококомъ происхожденіи, увѣряя что для достиженія своихъ таинственныхъ цѣлей онъ былъ принужденъ скрываться подъ одеждой нищаго и заниматься грубыми ремеслами, прозваншійся Степаномъ Малымъ. Затѣмъ нѣкій монахъ, а потомъ и самъ владыка Черногоріи признали въ немъ царя Петра Третьяго, и въ эгоистическихъ видахъ каждый изъ нихъ оказалъ ему такое благорасположеніе что внезапно онъ дерзнулъ обнародовать манифестъ, которымъ приглашалъ черногорскихъ главарей собраться на скупщину для приисканія средствъ къ умиротворенію ихъ общинъ и къ исправленію духовенства. Послѣдовали шумныя собранія, образовалась народная партія въ его пользу, и Черногорцы начали восхвалять его, повиноваться ему и признавать его своимъ повелителемъ. Возмущеніе распространилось изъ Майнъ въ сосѣднія венеціанскія общины, Побори и Бранчи. Это случилось въ то время когда венеціанскій генеральный провекторъ находился случайно въ Новомъ (Castel Nuovo) для принятія мѣръ къ прекращенію заразы, занесенной изъ Черногоріи въ Ораховацъ, въ Бокѣ Которской. Узнавъ о происшедшемъ въ вышепомянутыхъ общинахъ, онъ немедленно отправилъ чиновника къ неизвѣстному съ приказаніемъ тотчасъ же удалиться изъ венеціанскихъ владѣній, а въ случаѣ его сопротивленія предписалъ изгнать его силой. Владыка и главари Черногоріи настаивали на томъ чтобъ онъ оставался въ Майнахъ; а потому эти немногочисленные подданные, частію обманутые увѣреніями монаховъ и владыки, частію напуганные угрожаемымъ вторженіемъ Черногорцевъ, не повиновались приказаніямъ генеральнаго провектора и тѣмъ навлекли на себя гнѣвъ дожа: они были лишены свободнаго общенія съ другими подданными, и особымъ манифестомъ обвинялся въ измѣнѣ всякій кто дерзалъ оказывать малѣйшее содѣйствіе неизвѣстному возмутителю.

„Оказалось что онъ не владѣетъ свободно ни сербскимъ, ни русскимъ языкомъ; что его произношеніе—боснійское, и что онъ говорить по-турецки; что онъ принадлежитъ къ православному исповѣданію и въ обыкновенномъ разговорѣ употребляетъ свойственныя монахамъ выраженія; что, толкуя о справедливости и мирѣ, онъ возмущалъ живыми

показаніями (colle sue imposture) подданныхъ Блистательной Порты и явнѣйшей республики Венеціанской; что, не имѣя ни денегъ, ни поддержки, онъ обманываетъ простыхъ горцевъ фантастическими обѣщаніями почестей и богатствъ; что онъ разказываетъ басни о перепискѣ съ государями, отвѣтныя письма которыхъ будто бы перехватываются; что онъ осмѣлился перехватить на венеціанской землѣ письма отпавленныя генеральнымъ проведиторомъ къ венеціанскому консулу въ Скадрѣ по дѣламъ съ тамошнимъ пашой Мехмедомъ; что онъ внушилъ возмущившимся подданнымъ, его послѣдователямъ, мысль внезапно овладѣть Будвой, которая нѣсколько разъ огнемъ отражала ихъ нападенія и воспрепятствовала силою же огня ему самому угнать скотъ принадлежавшій тамошнимъ жителямъ; что онъ писалъ письма къ православнымъ Далматинцамъ, возбуждая ихъ не повиноваться приказаніямъ дожа; что онъ въ теченіе восьми мѣсяцевъ неоднократно обѣщалъ дать удостовѣреніе въ своемъ царскомъ происхожденіи, но всегда обманывалъ: первымъ срокомъ онъ назначилъ день Св. Димитрія, потомъ отсрочилъ до праздника Святителя Николая, затѣмъ до Рождества, и наконецъ поручился черногорскому народу своею головою сдержать данное слово въ день Св. Георгія. Несмотря на постоянные обманы, Черногорцы продолжаютъ почитать его своимъ повелителемъ, считаютъ его законодателемъ, уважаютъ его какъ судью, и днемъ и ночью охраняютъ его. Не обратило ихъ на путь истины ни его святотатство, когда онъ ограбилъ монастыри и сталъ преслѣдовать священниковъ и епископовъ, арестовавъ старца владыку Савву и заковавъ въ кандалы двухъ его племянниковъ за то что онъ, владыка, на основаніи сообщеній русскаго резидента въ Константинополь, рѣшился провозгласить его самозванцемъ. Неизвѣстно какими способами онъ потомъ примирился съ ними и освободилъ ихъ изъ-подъ ареста. Для удовлетворенія ежедневнымъ нуждамъ жизни онъ разоряетъ наиболѣе состоятельныхъ Черногорцевъ пенями.

„Генеральный проведиторъ, видя что Черногорцы собственнымъ внушительнымъ примѣромъ убѣдили и своею многочисленностью и стратегическимъ положеніемъ своей страны подчинили своей волѣ три вышепомянутыя венеціанскія общины, постарался схватить главныхъ преступниковъ и двухъ изъ нихъ, несмотря на то что одинъ былъ монахъ, предалъ

позорной смерти, и трупы ихъ выставилъ на показъ подъ висѣлицей. Онъ рѣшился бы наказать ихъ явномъ силой въ собственныхъ домахъ ихъ, еслибы не опасался обратить оружіе противъ Черногорцевъ, всегда готовыхъ къ ихъ защитѣ по первому данному сигналу.

„Недавно, впрочемъ, генеральный проведиторъ собирался перенести свою резиденцію въ Будву, что близъ Майнъ; но узнавъ что неизвѣстный самозванецъ, удалившись изъ этой венеціанской общины, переехалъ въ Мираць, а оттуда въ Нѣгуши, что въ Черногоріи, гдѣ обрѣтается доселѣ подъ защитой и покровомъ Черногорцевъ. Невозможно предугадать его будущія намѣренія, ибо они зависятъ отъ внезапнаго его каприза.

„Нѣкій бѣглый монахъ, бывшій печьскій патріархъ, по имени Василій Берчичъ, осмѣлился на дняхъ распространить между православными венеціанскими подданными посланіа, цѣль коихъ увѣрить что вышепомянутый самозванецъ есть Петръ Третій.

„Среди этихъ тревожныхъ и странныхъ происшествій, венеціанскій генеральный проведиторъ долженъ былъ бодрствовать, дабы возмущеніе не распространилось далѣе трехъ первыхъ венеціанскихъ общинъ и не нарушило спокойствія всей области. Поэтому онъ привелъ немногочисленное войско изъ Далмаціи и Корфу для защиты трехъ крѣпостей, Новаго, Котора и Будвы. При немъ находится нѣсколько вооруженныхъ судовъ. Въ Которскомъ каналѣ есть еще другія суда адриатической эскадры, которыя при наступившей уже зимѣ выйдутъ изъ Боки для надзираія за свободнымъ мореплаваніемъ въ Адриатикѣ. Единственную заботу генеральнаго проведитора составляетъ защита вышепомянутыхъ округовъ отъ внезапнаго вторженія всегда склонныхъ къ грабежу Черногорцевъ, руководимыхъ нынѣ слѣпымъ фанатизмомъ. Обо всѣхъ вышепомянутыхъ происшествияхъ генеральный проведиторъ постоянно увѣдомлялъ боснійскаго визиря, скадарскаго пашу и комендантовъ пограничныхъ крѣпостей Бара (Antivari) и Требинья. Ясѣнѣша же республика сообщала обо всемъ этомъ Блистательной Портѣ чрезъ посредство своего банна въ Константинополь, въ знакъ непрестанной правдивости и совершенной дружбы, долженствующихъ вѣчно существовать между обоими государствами, Оттоманскимъ и Венеціанскимъ. Подобныя

откровенныя сообщенія будутъ и впредь продолжаемы по мѣрѣ слѣдующихъ движеній вышепомянутаго самозванца, который, на сколько видно, держится только баснословною молвою и не имѣетъ иной помощи кромѣ оказываемой ему помѣшавшимися (impazziti) Черногорцами.“

Въ такихъ выраженіяхъ отзывался о Степанѣ Маломъ генеральный провекторъ, Антоній Реньеръ, въ промеморіи составленной имъ для румелийскаго бегалберга, отъ 7-го мая 1768 года (изъ Котора), и отправленной въ копіяхъ къ банну и въ сенатъ.* Эта прометарія представляетъ сводъ официальныхъ свѣдѣній того времени о самозванцѣ, о его появленіи въ венеціанской общинѣ Майнахъ и первыхъ его успѣхахъ, оставляя нерѣшеннымъ вопросъ о его происхожденіи. Степанъ Малый былъ загадочнымъ лицомъ для современниковъ (въ венеціанскихъ донесеніяхъ онъ называется не иначе какъ „Persona Ignota“, „Un ignoto forastiere“, „Ignoto Impostore“, „Ignato Perturbatore“, а самъ себя онъ называлъ „Степаномъ Малымъ“). Ни испытанные венеціанскіе шпіоны, ни хитрый баннъ константинопольскій, ни самый даже Совѣтъ Десяти съ его инквизиторами, ни друзья и довѣренные самозванца не могли проникнуть въ тайну его происхожденія. По венеціанскимъ донесеніямъ, сообщающимъ малѣйшія подробности о Степанѣ Маломъ,—объ образѣ жизни и дѣйствіяхъ его,—можно было бы составить обстоятельный дневникъ его. Эти подробности отлочно характеризуютъ и его самого, и его приближенныхъ и друзей, и его враговъ; онѣ могутъ объяснить намъ и причины его быстрыхъ успѣховъ, и средства коими онъ держался въ Черногоріи до самой смерти своей.

Но эти подробности начинаются только со времени прибытія Степана Малаго въ Майны; о прежнихъ же его походехъ извѣстно весьма мало, и то преимущественно изъ собственныхъ его разказовъ, которыми нельзя много довѣрять. Вотъ что онъ разказалъ о себѣ венеціанскому подполковнику Марку Антонию Бубичу, посѣтившему его 11-го октября 1767 года въ Майнахъ, по приказанію генеральнаго провектора Реньера.**

* Promemoria per Sua Eccellenza Beilerbei di Rumelia. Cattaro 7 Maggio 1768. („Lettere de Turchi e à Turchi“ въ „Generalato Renier“ въ венеціанскомъ государственномъ архивѣ).

** Copia di relazione, scritta all'Eccellentissimo Signor Antonio Re-

„Это—многозаслуженная одежда (benemerito abito): говоритъ онъ, показывая свое албанское платье, она спасла меня отъ опасности, угрожавшей мнѣ со стороны Турокъ, когда я путешествовалъ по ихъ имперіи, осматривая самыя важныя крѣпости. Въ Боснѣ я нашелъ семь неприступныхъ, но и эти, съ Божіею помощію, я возьму. Послушайте, вотъ какова одна изъ нихъ. Она окружена крѣпчайшими стѣнами. Дома построены подъ сводами, параллельными со стѣнами. Надъ сводами—валъ (tegaripeno), дабы бомбы не могли вредить жителямъ, подъ нимъ укрывающимся. Военныхъ снарядовъ такъ много, какъ будто она въ осадѣ. Магазины полны съѣстныхъ припасовъ. Бальзамы и все необходимое для лѣченія раненыхъ наготовѣ. Я болѣе знаю силы Турокъ чѣмъ Майны въ которыхъ нынѣ нахожусь. Въ долину Мостара жители страдаютъ недостаткомъ воды, не имѣя другой кромѣ искусственно добываемой. Я постигъ эту крѣпость въ качествѣ старшины (proto) Геговъ, и на глубинѣ 21 локтя, съ Божіею помощію, нашелъ воду. Работникамъ платилъ изъ своего кармана. За эту одну работу я заслуживалъ большаго вознагражденія, но какъ такъ она была мнѣ только предложена, я долженъ былъ продолжать условленную по контракту работы. Турки, наконецъ, замѣтили что я на дѣлѣ не былъ старшиною Геговъ, но осматривалъ ихъ укрѣпленія. Я бѣжалъ за десять перевозовъ (dieci poste lontano) и нанялся въ услуженіе къ одному Турку, который поручилъ мнѣ пасти его стадо. Я было пристроился, какъ вотъ приходитъ одинъ изъ работниковъ, бывшихъ у меня на жалованьи, и говоритъ мнѣ: вы здѣсь, а Турки въ тревогѣ и ищутъ васъ по всей Боснѣ. Я простился съ хозяиномъ и отправился въ Попово, дабы бѣжать оттуда въ Дубровникъ, что мнѣ и удалось, благодаря священнику-миссіонеру, возвращавшемуся въ Дубровникъ: онъ взялъ меня съ собою въ качествѣ слуги. Съ нимъ вмѣстѣ я пробылъ въ дубровницкомъ карантинѣ, откуда, по истеченіи положеннаго срока, онъ отправился въ свой монастырь, а я остался на Плочахъ (предмѣстье Дубровника) безъ совѣтниковъ и безъ денегъ. Оставшіяся еще у меня нѣсколько „пара“ я заплатилъ за перевозъ въ Цавтатъ (Ragusa Vecchia). Тамъ меня приняли за нарушителя карантинныхъ правилъ и отправили назадъ въ Дубровникъ, откуда, по полученіи свидѣтельства о здравіи, я пошелъ чрезъ Конавле въ Новый. Сколько я выстрадалъ отъ этихъ каналій, созданныхъ только для преслѣдованія человѣческаго рода!

„Вотъ наконецъ я въ Новомъ. Я взшелъ на холмъ близъ главной дороги, на которомъ построена церковь Св. Анны. Спустившись съ него, я отправился въ сопровожденіи одного

nier, Proveditor Generale il Dalmazia ed Albania indata da Budua 11 Ottobre 1767 da quel Colonello sostituto Marc' Antonio Bubich — въ венеціанскомъ архивѣ.

итальянскаго солдата въ Которъ на лодкѣ; но не имѣя денегъ, я долженъ былъ прибѣгнуть къ хитрости, дабы солдатъ заплатилъ и за себя, и за меня. Онъ замѣтилъ только тогда, когда мы прибыли въ Которъ, что платилъ за двоихъ. Дошло почти до драки, но я искусно избѣгъ ея.

„Настала ночь. У меня не было знакомыхъ. Мнѣ пришло въ голову обратиться къ стражѣ Морскихъ воротъ съ просьбой укрыть меня на ночь, и прося по очереди то одного, то другого, я легъ спать подъ портикомъ до утра. Съ наступленіемъ дня прохожіе стали мнѣ предлагать наняться въ солдаты или матросы. Смѣялись они, смѣялся и я. Я видѣлъ что никто не нанималъ меня въ услуженіе. Я думалъ пройти чрезъ ворота „Gordichio“ въ Скальери, гдѣ на дорогѣ растутъ маслины, и остался дожидаться, не найметъ ли кто меня. Наконецъ нѣкто подошелъ ко мнѣ и спросилъ чего я ожидаю. Я отвѣтилъ ему: жду наняться въ услуженіе. „Хотите ко мнѣ?“—Почему нѣтъ, отвѣчалъ я. Условились въ жалованьи—по „газетѣ“ въ день. Условились также, что я буду служить, пока заработаю сколько мнѣ нужно. Невѣжда думалъ уловить меня нѣ свои сѣти; но я, насытившись, на третій день спросилъ жалованье, говоря что заработанныхъ денегъ мнѣ достаточно и что я отправляюсь далѣе. Онъ мнѣ далъ три газеты.

„Я блуждалъ по Черногоріи, наблюдая нравы и образъ жизни ея жителей. Я замѣтилъ дурную жизнь епископовъ, полную неправды, обмана, корыстолюбія, нарушенія церковныхъ правилъ; они подавали дурной примѣръ этому слѣпому народу (*queste cieche genti*). Послушайте, какъ поступилъ со мною владыка Савва. Видя что этотъ народъ вводится въ обманъ, я написалъ владыкѣ Саввѣ увѣщаніе (*un monitotio*) собратъ (*unig*) все духовенство, бѣлое и черное. Онъ мнѣ отвѣтилъ что не можетъ собратъ духовенства турецкихъ областей, дабы не заподозрили его тамошніе начальники, и что венеціанскимъ подданнымъ воспрещено общеніе съ Черногоріей по случаю заразы. Мнѣ не понравился этотъ глупый отвѣтъ, неосновательный и дурно придуманный.

„Я принялся за дѣло, и, какъ Степанъ Малый, малѣйшій на свѣтѣ (*come Stefano Picolo, il piú piccolo del mondo*), письменю увѣщевалъ Черногорцевъ забыть взаимныя обиды и на вѣки примириться, приглашая ихъ собраться во Врелѣ. Потомъ, разсудивъ что Врело не можетъ вмѣстить приглашенный мною народъ, я перенесъ собраніе въ Цетинье, гдѣ оно будетъ имѣть мѣсто завтра.“

Нельзя всему вѣрить въ этомъ разказѣ; но нѣкоторыя подробности подтверждаются изъ другихъ источниковъ. Такъ, конечно, никто не повѣритъ что Степанъ Малый странствовалъ по Турціи согладатаемъ, и что для достиженія таинственныхъ цѣлей носилъ простую одежду и занимался въ

работники; нѣтъ также поводовъ думать чтобъ онъ былъ въ другихъ турецкихъ областяхъ кромѣ Герцеговины. О пребываніи самозванца въ Герцеговинѣ мы имѣемъ извѣстіе изъ Новаго отъ 10-го ноября 1767 года: Станиславъ Буровичъ, донося Реньеру о томъ что въ Никшичахъ, Гаукъ и Требиньи, провозгласили Степана Малаго царемъ Петромъ Третьимъ и что тамъ ожидаютъ скорого прибытія русскаго войска и союзаго съ нимъ австрійскаго, прибавляетъ: „Турки же утверждаютъ, что года два тому назадъ самъ неизвѣстный былъ въ услуженіи у нѣкоего аги-Арсланагича, что онъ впалъ въ подозрѣніе, потому что не имѣлъ достаточныхъ познаній въ дѣлѣ за которое взялся, что онъ былъ принужденъ бѣжать, что въ погоню за нимъ было послано 17 человекъ, но что онъ успѣлъ спастись бѣгствомъ.“

Что Степанъ Малаый пробрался въ Черногорію чрезъ Дубровникъ и Новый подтверждается *письмомъ ректора и советниковъ Дубровницкой республики къ Реньеру* отъ 24-го мая 1768 года, при которомъ была препровождена копія допроса Коновлянъ Мата Большаго и его племянника Муха, отъ 18-го того же мѣсяца и года. Они показали что наканунѣ праздника Св. Марка, въ полночь, прибылъ къ нимъ на ночлегъ неизвѣстный иностранецъ, въ сопровожденіи знакомаго имъ Албанца, Омы, учившагося въ Дубровникѣ ружейному мастерству; что неизвѣстный говорилъ имъ что идетъ изъ „Цесаревины“ (Австріи) въ Боку; что, по наружности, ему было около 21 года; что онъ былъ одѣтъ по-албански; что при немъ было два узла, вѣроятно, съ одеждой; что онъ былъ учтивъ; что на другой день утромъ онъ отправился въ сопровожденіи Муха въ Витальину на Мулъ и заплатилъ два пернера; что въ Новый онъ прибылъ въ самый праздникъ Св. Марка, и переночевавъ у знакомаго лавочника, отправился въ Доброту (близъ Котора) на лодкѣ; и что сопровождавшій его Албанецъ возвратился на родину.

Это показаніе простыхъ Коновлянъ, которому нельзя не вѣрить, не совсѣмъ согласно съ разказомъ Степана Малаго объ его походахъ по пути изъ Дубровника въ Которъ: изъ него видно, что у самозванца были не только деньги, но и знакомые въ этихъ краяхъ.* Стоить обратить вниманіе

* Одинъ изъ спутниковъ Степана Малаго на допросѣ 11-го октября 1767 года показалъ, что „около года тому назадъ иностранецъ, по-

также на то что Степанъ Малый говорилъ что онъ идетъ изъ *Цесаревины*. И въ разговорѣ съ вышепомянутымъ Бубичемъ Степанъ Малый упоминалъ о своихъ походахъ въ *Австрію* въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Во время путешествія по Германіи я былъ принятъ за шпіона, и комендантъ крѣпости приговорилъ меня къ висѣлицѣ; но его жена вымолила у него мое прощеніе. Проходя чрезъ *Вѣну*, я сбился съ пути и наткнулся на отрядъ солдатъ; они меня избили и хотѣли взять въ плѣнъ, но одинъ изъ нихъ сжалился надо мною, убѣдилъ товарищей отпустить меня и указалъ мнѣ дорогу.“ Самозванецъ въ разговорахъ съ венеціянскими чиновниками часто касался *Австріи* и *Россіи*, обнаруживая знакомство съ этими странами. Носился слухъ что онъ долгое время пробылъ въ *Россіи* (che sia stato diverso tempo in *Moscovia*). Всѣ послѣдующія обстоятельства, какъ увидимъ, подтверждаютъ этотъ слухъ.

Соображая всѣ вышеприведенныя показанія, мы можемъ съ основательностью принять что самозванецъ прибылъ въ венеціанскую *Албанію* изъ *Россіи* чрезъ *Австрію*, *Герцеговину* и *Дубровникъ*: это было въ началѣ осени 1766 года.

Похожденія Степана Малаго начались, по собственному его признанію, въ ранней молодости или, по болѣе точному его показанію *, съ 1760 года, когда ему было около 23 лѣтъ. Итакъ до появленія его въ *Майнахъ* прошло цѣлыхъ семь лѣтъ. Гдѣ и какъ провелъ онъ все это время? Положительный отвѣтъ трудно дать; но соображая различныя

сдѣланный кнѣзь въ *Майнахъ*, пришелъ въ эти края изъ *Дубровника* въ сопровожденіи многихъ ружейныхъ мастеровъ (schierpetter) изъ *Нового*, пройдя чрезъ горы *Снилье*, и что они вмѣстѣ ѣли и пили*. *Relazione di Confidente*. A di 11 Ottobre 1767 Cattaro alle ore una della nota (при домесеніи чрезвычайнаго провѣдителя Котора, Паскуала Чиконья Реньеру отъ 12-го октября 1767 г.). *Generalato Renier*. Carteggio busta № 112.

* По свидѣтельству очевидцевъ, Степану Малому въ 1767 году было около 30 лѣтъ; вычтя 7 лѣтъ проведенныхъ имъ до прибытія въ *Майну*, получимъ 23. По слухамъ, онъ провелъ долгое время въ *Россіи*, а по соображенію различныхъ обстоятельствъ, кратковременное царствованіе Петра III и первые годы Екатерины II. Пребываніе его въ *Австріи*, по всей вѣроятности, было непродуктивно. Нѣтъ также поводовъ думать чтобъ онъ долго прожилъ въ *Боснѣ* до бѣгства въ *Дубровникъ*.

обстоятельства, можно догадываться что первые пять лѣтъ онъ провель въ Россіи, а шестой годъ въ странствіи по Австріи и Герцеговинѣ; въ 1766 году, какъ положительно извѣстно, онъ пробрался чрезъ Дубровникъ и Которъ въ Черногорію, гдѣ пробылъ около года, а весною 1767 г. поѣхалъ въ Майнахъ.

Анонимная записка, находящаяся въ бумагахъ генеральнаго провектора, Реньера, слѣдующимъ образомъ объясняетъ появленіе самозванца въ Майнахъ:

„Католическій священникъ, Петръ Мединъ изъ Кастель-Ластвы, воспитанникъ иллирійской коллегіи въ Лоретто, достойный ученикъ отцовъ иезуитовъ, былъ виновникомъ появленія этого лица въ венеціанскихъ владѣніяхъ. Его зять, Николай Давыдовичъ, страдалъ болѣзною желчи. Мѣстные медики не могли излѣчить его отъ этой болѣзни, а потому Мединъ отправился въ Которъ посоветоваться съ тамошними докторами. Прибывъ въ Будву изъ Кастель-Ластвы, мѣста своего жительства, 27-го іюня 1766 года, и по причинѣ непогоды принужденный продолжать путешествіе не моремъ, а сухимъ путемъ, онъ отправился въ сосѣднюю деревню Черичанье, майнинской общины, къ своему знакомому Вуку Марковичу, старостѣ общины, съ цѣлю нанять лошадь до Котора и переночевать. Его встрѣтили въ домѣ Марковича ласково и освѣдомились о причинѣ столь необычнаго его путешествія. Чрезъ нѣсколько времени, въ октябрѣ или ноябрѣ мѣсяцѣ, прибыло въ Нѣгуши, черногорскую общину, неизвѣстное лицо, выдававшее себя за медика, специалиста по болѣзни желчи, и остановилось въ домѣ нѣкогого Юрія Кустодія, родственника Марковича, который, узнавъ объ этомъ, не замедлилъ сообщить эту новость аббату. Немедленно прибылъ аббатъ въ Будву, сталъ освѣдомляться у Марковича о личности и познаніяхъ незнакомца и предложилъ хорошее вознагражденіе, если онъ, докторъ, согласится ѣхать съ нимъ въ Ластву. Марковичъ отвѣчалъ что этотъ докторъ личность неизвѣстная, что онъ лѣчитъ посредствомъ цѣлебныхъ травъ и что въ случаѣ неудачнаго лѣченія не принимаетъ никакого вознагражденія; но что онъ не соглашается ѣхать въ Ластву, а предлагаетъ привезти больного въ Майны. Аббатъ, находя это условіе неудобноисполнимымъ, настаивалъ на томъ чтобы докторъ пріѣхалъ къ нему. На томъ дѣло и остановилось. 27-го декабря вечеромъ Мединъ, возвращаясь изъ Котора, куда ѣздилъ по своимъ дѣламъ, прибылъ къ Марковичу и засталъ у него неизвѣстную особу, въ которой легко узналъ иностранца, и съ обыкновенною вѣжливостію поздоровался съ нимъ, титулуя его „господинъ докторъ“. Незнакомецъ отвѣчалъ съ такою же учтивостію. Но напрасно хитрый аббатъ употребилъ все свое

краснорѣчіе дабы вывѣдать кто и откуда онъ. Незнакомецъ, обладая обширными географическими познаніями, говорилъ о многихъ странахъ, останавливаясь на тѣхъ которыя ему особенно нравились. Аббать утверждаетъ что незнакомецъ говоритъ на нарѣчій посавскомъ, употребляемомъ одинаково турецкими и австрійскими подданными; онъ могъ узнать только что его собесѣдникъ былъ въ Петервардейнѣ и Бродахъ, городахъ славонскихъ..... Незнакомецъ былъ одѣтъ весьма дурно. Его бритую голову съ чубомъ посрединѣ, по восточному обычаю, покрывалъ фесъ изъ краснаго сукна. На немъ была рубаха простаго полотна, повидимому, восточнаго, и широкіе шаровары изъ такого же полотна. На голыхъ ногахъ были обуты восточные башмаки. Аббать просилъ его къ себѣ вмѣстѣ съ Вукомъ Марковичемъ, что онъ и исполнилъ около 10-го февраля текущаго 1767 года. Его приняли какъ нельзя лучше. Онъ пробывъ въ домѣ Медина трое сутокъ, въ продолженіе коихъ посѣтилъ въ сопровожденіи проживающаго въ Каствль - Ластвѣ Майнога Христофора Марковича, венеціанско-турецкую границу. Въ это время Пастровичи ограбили барскихъ (антиварійскихъ) купцовъ, а потому опасались мести Турокъ. Незнакомецъ внимательно осматривалъ границу, и при видѣ опустошенія, произведеннаго Черногорцами и Турками въ деревнѣ Бѣлая Смоква и пяти сосѣднихъ, принадлежащихъ семейству Медина, покачалъ головой и воскликнулъ: „бѣдный дождь венеціанскій! бѣдные Пастровичи! о что за несчастная граница!“ По возвращеніи, онъ простился съ аббатомъ. Проходя черезъ Пастровичи, онъ избѣгалъ свиданія съ архимандритомъ Никодимомъ Резевичемъ, бывшимъ дважды въ Петербургъ. Много времени спустя онъ снова появился въ Майнахъ на совѣщаніи сихъ послѣднихъ съ Пастровичами.“

Точность сообщаемыхъ этою запиской свѣдѣній ручается за ихъ достовѣрность; а свѣдѣнія эти весьма важны для исторіи Степана Малаго.

Итакъ онъ прибылъ въ Черногорію въ сентябрѣ или октябрѣ 1766 года и поселился у Юрія Кустодіи въ Нѣгушахъ, нанявшись, вѣроятно, въ батраки. Обезпеченный въ крайне необходимомъ для существованія, онъ вздумалъ заняться знахарствомъ: этотъ промыселъ доставлялъ ему возможность сблизиться съ народомъ и, переходя съ мѣста на мѣсто, узнать его нужды и желанія. Знахарство было для него только средствомъ, а не цѣлью: не корысти онъ искалъ, а извѣстности; не ручаясь за свое искусство, онъ бралъ вознагражденіе только по излѣченіи больнаго. Такое видимое безкорыстіе, конечно, располагало Черногорцевъ въ его пользу. Пользуясь ихъ расположеніемъ, онъ могъ легко ознако-

миться съ состояніемъ умовъ въ Черногоріи и въ благоприятную минуту принять на себя роль реформатора, что ему и удалось, какъ видно изъ собственнаго его разказа, приведеннаго нами выше. Въ Черногоріи онъ могъ также узнать о пограничныхъ православныхъ общинахъ венеціанской Албаніи, съ которыми Черногорцы были въ непрерывныхъ сношеніяхъ и родственныхъ связяхъ. Владѣя приморьемъ, эти общины гарантировали Черногорцамъ сообщеніе съ моремъ, обстоятельство весьма важное для Степана Малаго. Кромѣ того, ему нужно было расположить къ себѣ эти общины еще съ цѣлью имѣть въ нихъ убѣжище на случай неудачи въ Черногоріи. Чрезъ своего вѣнускаго хозяина онъ познакомился съ Вукомъ Марковичемъ, однимъ изъ главарей майинской общины, и не упустилъ этого случая для сближенія съ другими влиятельными лицами какъ Майнъ, такъ и сосѣднихъ общинъ, Поборей и Бранчей. Понимая очень хорошо отношенія католиковъ къ православнымъ въ венеціанской Албаніи и Далмаціи, а также къ Черногорцамъ, Степанъ Малый опасался сближенія съ первыми, опираясь только на послѣднихъ. Вотъ почему онъ такъ неохотно отправляется къ католическому священнику въ Кастель-Ластву; но не упускаетъ и этого случая, дабы ознакомиться съ пограничными съ Турціей мѣстностями.

Подготовивъ почву въ Черногоріи и православныхъ общинахъ венеціанской Албаніи, Степанъ Малый попытался развѣдать какъ отнесется правительство дожа къ задуманному имъ перевороту, и съ этою цѣлью въ февралѣ 1767 года, отправляясь съ Марковичемъ въ Кастель-Ластву, послалъ съ солдатомъ изъ Жупы къ которскому проведитору Парутѣ письмо на имя дожа: „въ немъ говорилось объ отвѣтѣ данномъ Богомъ Богородицѣ, и требовалось чтобы въ теченіе двухъ мѣсяцевъ дожъ отправилъ два корабля для принятія Свѣтъ-Императора (lo splendore di un imperatore),—чтобъ эти корабли были украшены живыми и мертвыми цвѣтами и тремя позолоченными флагами, чтобъ они остановились подъ Которомъ на двѣнадцать дней, пока не придутъ другіе по приказанію вѣнскаго двора, и чтобы съ ними были присланы девять паръ монашескихъ одеждъ, и по двѣ пары италіанской и сербской.“ Письмо это, казалось, писано сумашедшимъ, говорить неизвестный биографъ Степана Малаго. *

* *Storia del Stefano Piccolo*. Рукопись бібліотеки И. Кукулевича-Т. LXIII. 1*

„Хотя оно не могло внушить Венеціанцамъ никакого страха, тѣмъ не менѣе“, прибавляетъ онъ, —

„чрезвычайный провѣдиторъ Котора, Парута, приказалъ разыскать автора; но розыски тщетны.

„Около половины августа чрезвычайный провѣдиторъ Чиконья, преемникъ Паруты, получилъ чрезъ посредство Вука Марковича изъ Майнъ новое письмо. Податель, получившій за доставленіе этого письма червонецъ, говорилъ, что онъ не знаетъ кѣмъ оно писано. Хотя и не было подписи, но по сравненію почерка оказалось что оно писано тѣмъ же лицомъ отъ котораго нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ было получено письмо на имя дожа.

„Немедленно отправленный въ Майну шпионъ узналъ что у вышепомянутаго Вука Марковича уже почти годъ обрѣтается неизвѣстное лицо, которое для своего существованія должно было заниматься сельскими работами, пользуя иногда больныхъ; что излѣчивъ отъ хронической болѣзни того же Вука Марковича, незнакомецъ остался у него въ домѣ и посредствомъ разныхъ хитростей убѣдилъ его что онъ не только важная особа, но даже самъ царь Петръ III, избѣгшій чудеснымъ образомъ смерти по низложеніи своемъ съ престола. Ему было около 40 лѣтъ, и говорилъ онъ хорошо по-сербски, но съ произношеніемъ нѣмецкимъ и русскимъ или, по мнѣнію другихъ, боснійскимъ.“

Не продолжаемъ далѣе разсказа неизвѣстнаго біографа Степана Малаго, потому что и въ вышеприведенныхъ нами строкахъ заключаются очевидныя ошибки, исправить которыя легко съ помощью венеціанскихъ донесеній. Изъ нихъ видно, что до весны 1767 года Степанъ Малый проживалъ въ Черногоріи, изрѣдка бывая въ Майнахъ, гдѣ онъ поселился, кажется, не раньше августа мѣсяца, когда было отправлено имъ письмо къ Чиконья. Изъ донесенія Степана Вракъена отъ 16-го октября мы узнаемъ что Степанъ Малый былъ вызванъ Марковичемъ изъ Черногоріи для пользованія отъ какой-то внутренней болѣзни, которою страдалъ Марковичъ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ Степанъ Малый сдѣлалъ Марковичу ложное признаніе что онъ Петръ III. *

Сакцинскаго № 698, сообщена имъ въ копіи В. И. Ламанскимъ. Авторъ, очевидно, пользовался официальными источниками, но не всегда оставался имъ вѣренъ.

* Замѣтимъ также, что, по общему свидѣтельству очевидцевъ, Степану Малому было въ то время не 40, а 30 лѣтъ, и что онъ говорилъ по-сербски, саѣдуя боснійскому нарѣчію.

Рядъ дошедшей венеціанскихъ шпіоновъ о Степанѣ Маломъ начинается письмомъ *Доменика Палеолога къ генеральному провектору, Антонию Реньеру*, изъ Будвы, отъ 6-го сентября 1767 г. * „Ему“, писалъ Палеологъ о Степанѣ Маломъ,

„около 30 лѣтъ; роста онъ почти обыкновеннаго, не высокаго, худощавъ, лицо небольшое, усы цѣльные (intieri), волосы свѣтлорусые, глаза черные, небольшіе, тѣло не бѣлое, на лицѣ слѣды оспы. Одѣвается по-морлацки. Говоритъ пословицами, выразительно и краснорѣчиво. Въ выраженіяхъ не затрудняется. Соображеніе быстрое. Искусно излагаетъ свои познанія, укоряетъ Морлаковъ за неповиновеніе дожу и за самоуправство. Говоритъ чисто и выразительно по-иллирски и увѣряетъ что не знаетъ другаго языка, въ чемъ я сомнѣваюсь, ибо, какъ видно изъ его разговора, онъ путешествовалъ по всей Турціи. Въ его присутствіи я спросилъ Морлака Марковича, по какой причинѣ онъ не открылъ мнѣ ни въ Которѣ, ни въ Новомѣ, отъ кого было письмо (къ Реньеру) и что это за личность, замѣтивъ ему что бояться меня онъ не имѣлъ поводовъ. Онъ (Степанъ Малый) не позволилъ ему отвѣчать и самъ объяснилъ что, вручая Марковичу письмо, взялъ съ него клятву что онъ ничего не скажетъ никому и ни подъ какимъ видомъ, и что только передастъ письмо и дождется отвѣта. При этомъ онъ выразилъ неудовольствіе что не получилъ отвѣта. На это я замѣтилъ ему что странно писать тайственные письма безъ подписи къ кому бы то ни было, а тѣмъ болѣе къ высокой особѣ вашего превосходительства, и что поэтому, естественно, не было на него обращено никакого вниманія.

„Онъ страдаетъ лихорадкой, и я долженъ былъ дожидаться его выздоровленія. И теперь еще онъ не совсѣмъ оправился. Сообщивъ ему свое имя, я спросилъ его какъ его зовутъ и откуда онъ. Подумавъ немного, онъ мнѣ отвѣтилъ: Степанъ; но объ его отечествѣ я не могъ ничего узнать. Его свободная рѣчь, то скромная, то надменная, ставитъ всякаго въ недоумѣніе насчетъ его личности. Онъ просилъ меня передать вашему превосходительству что хочетъ писать въ сенатъ, и что желаетъ чтобы ваше превосходительство препроводилъ его письмо къ дожу и доставили ему желанный отвѣтъ. Получивъ ваше согласіе на эту просьбу, онъ напишетъ письмо къ дожу и другое препроводительное къ вашему превосходительству; но до полученія письменнаго отвѣта отъ вашего превосходительства отъ ничего не предприметъ. Тогда только откроется кто онъ и каковы его намѣренія. Я спросилъ его, не желаетъ ли онъ видѣться съ вашимъ

* *Lettera di Domenico Paleologo al Prov. Gen. in Dalm. et Albania, Antonio Renier, a Castel Nuovo, in data di Budua, 6 settembre 1767.*

превосходительствомъ; онъ отвѣчалъ: „нѣтъ, безъ разрѣшенія сената“, и обнаруживаетъ боязнь.

„Онъ съ нетерпѣніемъ будетъ ждать отвѣта отъ вашего превосходительства для собственнаго руководства. Затѣмъ онъ сказалъ что онъ врагъ обмановъ, но что никому другому, кромѣ лживѣшаго дожа, не откроетъ кто онъ такой....“

Упоминаемое въ этомъ донесеніи письмо Степана Малаго къ Реньеру сохранилось въ венеціанскомъ архивѣ только въ италіянскомъ переводѣ: оно помѣчено 4-мъ августа 1767 г. Передаемъ его по-русски:

„Ваше превосходительство. Прошу васъ, м. г., увѣдомить меня, получили ли вы отвѣтъ сената по моему дѣлу. Мнѣ нужно знать немедленно. Напишите мнѣ, пришло ли какое рѣшеніе или нѣтъ. О томъ что пишу вамъ пусть никто не знаетъ, кромѣ Бога на небѣ и вашего превосходительства на землѣ. Посылаю къ вамъ вашего подданнаго, Вука Марковича, чрезъ посредство котораго прошу васъ дать отвѣтъ на другой день и послать съ нимъ рѣшеніе сената. Если рѣшеніе не придетъ въ теченіе двухъ дней, то оно не застанетъ меня здѣсь долѣе; прошу ваше превосходительство не допрашивать Вука Марковича, вѣрноподданнаго вашего, и приказать ему никому не показывать рѣшенія; я подумаю что предпріять. Весьма желалъ бы я чтобы ваше превосходительство, буде возможно, возвратили мнѣ письмо мое отъ 20-го іюля; рѣшеніе сената напишите мнѣ по-славянски, дабы могъ я понять.

„Имени своего не подписываю, но придетъ время когда вы его узнаете.“

На предложенное ему Реньеромъ свиданіе Степанъ Малый отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ, также сохранившимся въ италіянскомъ только переводѣ:

„Я узналъ что ваше превосходительство желали бы видѣться со мною. Исполненію таковаго желанія вашего, если то отъ Бога, никто не можетъ помѣшать; въ противномъ же случаѣ угрожаетъ намъ гнѣвъ Господень. Сердце Степана Малаго твердо. Онъ не боится враговъ. Цѣль не распухнетъ безъ воли Господа, управляющаго землею и людьми. Вѣрьте тому что скажетъ Марко Яновичъ. Я могъ бы и написать объ этомъ, но лучше такъ.“

„Маймы, 4-го сентября 1767 г.“

„Степанъ Малый.“

Таинственность, которою окружалъ себя Степанъ Малый и которая выразилась и въ его письмахъ, и въ его разговорѣ съ Палеологомъ, естественно внушила Реньеру безо-

койство. Онъ сознавалъ необходимость приподнять завѣсу скрывавшую Степана Малаго, и съ этою цѣлью подослалъ къ нему цѣлую фалангу шпионовъ; но они, описать въ подробности его житье-бытье и его дѣятельность въ Майнахъ и Черногоріи, не могли никоимъ образомъ проникнуть въ тайну его происхожденія. Къ числу наиболее характеристическихъ донесеній венеціанскихъ агентовъ принадлежитъ извѣстное уже читателямъ по вышеприведенному отрывку донесеніе подполковника Марка Антонія Бубича, послѣдовавшаго Степана Малаго 11-го октября, по приказанію генеральнаго провектора. Когда онъ прибылъ въ Майны къ дому Вука Марковича, у котораго жилъ самозванецъ, его заставили прождать четверть часа, пока онъ проснулся; наконецъ показался въ дверяхъ Иванъ Пеіовъ и сказалъ что господинъ всталъ и что г. Бубичъ можетъ его видѣть. „Въ сопровожденіи Ивана“, продолжаетъ Бубичъ, —

„я вошелъ въ весьма неудобную комнату, въ которой сидѣлъ на постели неизвѣстный. Я привѣтствовалъ его по-сербски, и онъ отвѣтилъ мнѣ весьма вѣжливо. Я прибавилъ тогда что имѣлъ порученіе отъ вашего превосходительства повидаться съ нимъ и пригласить его чистосердечно открыться чрезъ мое посредство, увѣряя его что будутъ приняты мѣры сообразно съ его обстоятельствами и съ его объясненіемъ. Тогда онъ сказалъ: сдѣлайте одолженіе, сообщите мнѣ ваши инструкціи. Я прочелъ ихъ ему дважды, въ сербскомъ переводѣ. Ему понравилось выраженіе „неизвѣстная особа“ (incognita persona).

„Онъ сказалъ: „Степанъ Малый мое имя, самый малый на свѣтѣ, въ бѣдной одеждѣ, какъ вы, м. г., замѣчаете, но по милости Божіей съ каждымъ днемъ буду большій и большій.“

„Онъ отдалъ приказаніе на нѣмецкомъ языкѣ своему вѣрному Ивану принести кофе и кипрокаго. И то и другое было тотчасъ же принесено.

„Онъ усадилъ меня и сталъ разговаривать. Онъ съ благодарностью отозвался о предложенномъ ему вашимъ превосходительствомъ свиданіи въ Новомъ; но прибавилъ: „здесь я нахожусь подъ покровомъ юнкѣшей республики Венеціанской; но обстоятельства препятствуютъ мнѣ удалиться изъ Майны: я надѣюсь что съ Божіею помощію, Черногорцы будутъ жить по-христіански; удалившись отсюда, я могу потерять ихъ довѣренность. Если его превосходительство г. генеральный провекторъ отправилъ мои письма къ августѣйшей Венеціанской республикѣ и къ его величеству императору австрійскому Іосифу, то севать венеціанскій имѣть уже свидѣнія о, моей личности и не преиниметь предписать

„его превосходительству г. генеральному проведитору какъ
 „онъ долженъ держать себя въ отношеніи ко мнѣ. Мое мол-
 „чаніе можетъ послужить только въ пользу его превосходи-
 „тельства, ибо оно освобождаетъ его отъ ответственности
 „предъ яснѣйшею республикой и другими семью братьями,
 „разыскивающими меня и слѣдящими за мной. Я поразка-
 „жу вамъ сказочки на мой счетъ; слушайте только.“

„Я замѣтилъ что въ комнатѣ находилась Христофоръ Май-
 „вичъ, предки коего происходятъ изъ фамиліи Марковичей
 изъ Майнъ и который въ родственныхъ связяхъ съ выше-
 „помянутымъ Вукомъ Марковымъ.

„Съ важнымъ видомъ, онъ держалъ обнаженную саблю че-
 „резъ правое плечо; сбоку стояла пика, снизу до полови-
 „ны покрытая зеленымъ сукномъ, а съ половины доверху
 „краснымъ. Древко заканчивалось трехъугольнымъ желѣзнымъ
 „остриемъ, на подобіе и въ размѣрахъ кинжала.

„Не пришло еще время отъѣзда. Все зависитъ отъ его
 „превосходительства генеральнаго проведитора. Если онъ
 „исправно отправилъ помянутыя мои письма, то отъѣзжая
 „уже на пути. Черезъ рѣку построено тридцать мостовъ, и я
 „долженъ перейти черезъ нихъ. Двадцать девять заперты, и
 „одинъ только открытъ. Во что бы то ни стало, я перейду
 „черезъ мостъ. Таковъ мой обычай, м. г. (его собственныя
 „слова), оставлять за собою путь ровный и безъ терній. У
 „меня есть копія письма къ его превосходительству, гене-
 „ральному проведитору, на случай еслибы понадобилось мо-
 „имъ братьямъ. М. г., это самое счастливое время: онъ (гене-
 „ральный проведиторъ) можетъ быть счастливъ навѣки, если
 „не злоупотребитъ фортуной. Замѣтите что онъ мѣшаетъ
 „плевелы съ пшеницей, и отъ его хлѣба кружится голова. Я
 „увѣренъ что онъ пришлетъ ко мнѣ своихъ посланцевъ; но
 „не всякій будетъ имѣть доступъ ко мнѣ. Я узналъ что вашъ
 „батюшка человекъ честный и безъ обмана. Не знаю таковъ
 „ли и сынокъ, но надѣюсь.“ Эти слова онъ повторилъ нѣ-
 „сколько разъ.

„Онъ сказалъ нѣсколько словъ по-нѣмецки и потомъ спро-
 „силъ меня, говорю ли я на этомъ языкѣ. Я отвѣтилъ отри-
 „цательно.

„Онъ призвалъ Ивана чтобы помогъ ему одѣться. На немъ
 была турецкая шелковая рубаша и такіе же шаравары. Онъ
 надѣлъ также суконную турецкую куртку безъ рукавовъ, под-
 „битую бобромъ (*fordato con pelle di color castagno*). На го-
 „лыхъ ногахъ я замѣтилъ саняки, — воспоминанія, какъ онъ
 мнѣ сказалъ, семилѣтнихъ походовъ. Сверхъ витяныхъ
 чулокъ были обуты турецкія *nanучи*. Онъ сталъ прогули-
 ваться по комнатѣ. Вукъ набросилъ ему на плечи загорскій
 плащъ. На греческую феску, покрывавшую его голову, онъ
 надѣлъ солдатскую шапку.

„Я внимательно разсмотрѣлъ его лицо, сравнивая его съ портретомъ русскаго императора Петра III, и нашелъ его весьма схожимъ. Лицо продолговатое, маленькій ротъ, толстый вѣмекій подбородокъ, носъ какъ на портретѣ, — блестящіе глаза съ изогнутыми дугой черными бровями. На лѣвой щекѣ два рубца, какъ на портретѣ. На лицѣ признаки бѣдствій и слѣды недавней болѣзни. Цвѣтъ тѣла бѣлый, приближающійся къ оливковому. Ростъ обыкновенный. Пальцы длинные и хорошо сложенные. Длинные, по-турецки, волосы цвѣта каштановаго. Усы черные. Онъ полонъ ума и твердаго характера.“

Опуская сообщенный уже нами разказъ Степана Малаго объ его похожденияхъ, продолжаемъ донесеніе Бубича. Степанъ Малый говоритъ:

„Такъ какъ вы находитесь подъ начальствомъ его превосходительства г. генеральнаго провѣдатора, то попросите его отъ моего имени, чтобъ онъ помирилъ Пастровичей съ Бранчами и Майнами, прекратилъ кровавыя распри Ризанотовъ (жителей Ризано, въ Бокѣ Которской) съ сосѣдями и водворилъ спокойствіе въ родѣ Каменоровичей въ Добротѣ (близь Котора). Я видѣлъ кое-какія политическія книги, и знаю что не слѣдуетъ вмѣшиваться въ дѣла чужаго государства. Но мое высокое мнѣніе о яснѣйшей республикѣ и желаніе блага христіанству побуждаютъ меня просить его превосходительство о водвореніи мира и спокойствія между здѣшнимъ народомъ.“

„Есть змій, разверзшій пасть, дабы проглотить христіанство. Но, съ Божіею помощію, онъ будетъ поправъ и убитъ.“

„Скажите также его превосходительству, чтобъ онъ написалъ въ Константинополь и турецкимъ властямъ въ Албаніи противъ меня; клянусь честью, яснѣйшая республика одобритъ таковой его поступокъ. Не могу открыть тайны моего сердца, доколѣ его превосходительство не получитъ отвѣта изъ Венеціи. Удивляюсь какъ его превосходительство, особа столь просвѣщенная, не могъ доселѣ разгадать мою личность по письму посланному ему въ Новый съ моимъ Вукомъ.“

„Пришло время напомнить о рабскомъ служеніи (servitu) моему Туркамъ въ теченіе столькихъ лѣтъ. Надѣюсь, что они по неволѣ послужатъ мнѣ и моимъ.“ (Затѣмъ слѣдуетъ уже извѣстный разказъ Степана Малаго о его приключеніяхъ въ Австріи.)

„Онъ прибавилъ, что я долженъ передать вашему превосходительству что было бы, по его мнѣнію, необходимо вооружить Будву, столь важный стратегическій пунктъ.“

„Кромѣ того, онъ жаловался на подесту Будвы, арестовавшаго его Ивана, не обращая вниманія на личность его, Степана Малаго, и спросилъ меня, по своему ли побужденію,

или по приказанію его превосходительства освободилъ его? Я счелъ долгомъ отвѣтить, что по приказанію вашего превосходительства.

Онъ продолжалъ говорить мнѣ: „если графъ (sorgasomito) Морозини пожелаетъ посѣтить меня, буду весьма радъ видѣть его. Я бѣденъ; но, благодаря Бога, сердце мое полно утѣшенія, ибо бодрствуютъ надо мною Богъ и семь моихъ братьевъ. Я нахожусь здѣсь въ такихъ стѣснительныхъ обстоятельствахъ по милости духа возмутительнаго и безпокойнаго, между тѣмъ какъ еще въ прошедшемъ апрѣлѣ я долженъ былъ вкусить сладость моего предназначенія (del mio destino), еслибы не были задержаны мои письма. Хорошо бы было, еслибы его превосходительство могъ послать какое-либо военное судно къ берегамъ Будвы: тѣмъ онъ покажетъ бы видъ предъ турецкими властями что преслѣдуетъ меня. Слышали ли вы, что по московской границѣ сосредоточена стотысячная армія?“ Я отвѣтилъ что Россійская имперія далеко и что здѣсь трудно имѣть газеты (fogliesti).

„Тогда сказалъ онъ: „теперь уже поздно. Мнѣ жаль что вы пришли ко мнѣ во время, когда я очерь занятъ. Желалъ бы провести съ вами нѣсколько дней. Вы узнали мои чувства. Передайте мой низжайшій поклонъ его превосходительству генеральному провизитору и скажите ему что Степанъ Малый пришелъ не съ тѣмъ чтобы провозгласить себя императоромъ Будвы, а для блага этого обманутаго народа. Думаете ли вы что я былъ въ Венеціи? Да, я былъ, и съ помощью Божіею надѣюсь вернуться въ иномъ видѣ, на удивленіе всего свѣта. Яснѣйшая республика напечатлѣна по среди моего сердца. Я знаю что нахожусь на ея лонѣ и что она съ нетерпѣніемъ ждетъ часа обнять меня.“ Потомъ онъ спросилъ меня знаю ли я провіантмейстера Будвы, и на положительный отвѣтъ мой замѣтилъ: „Онъ кляузникъ, не знающій гдѣ его голова.“

Приближался уже 23-й часъ дня (это было 11-го текущаго мѣсяца), и я послѣ семичасовой бесѣды простился съ нимъ (Степанымъ Малымъ). Уходя, я спросилъ его, не желаетъ ли онъ при своихъ крутыхъ обстоятельствахъ какой-либо помощи отъ вашего превосходительства. Онъ поблагодарилъ меня и сказалъ что не имѣетъ ни въ чемъ нужды, кромѣ благоволенія вашего превосходительства.

Итакъ я направился къ Будвѣ. Когда я удалялся изъ дома, въ которомъ онъ живетъ, онъ приказалъ сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ; я отвѣчалъ тѣмъ же.

Вотъ точный отчетъ въ исполненіи возложеннаго на меня вашимъ превосходительствомъ, предписаніемъ отъ 9-го текущаго мѣсяца, порученія. Особа, о которой идетъ рѣчь, отличается быстрымъ и возвышеннымъ умомъ. Кто бы онъ ни былъ, его физіономія весьма схожа съ физіономіей русскаго императора Петра III.“

II.

Въ половинѣ XVIII вѣка, какъ видно изъ отчетовъ генеральныхъ проведиторовъ, Далмація находилась въ плачевномъ состояніи. Единственные источники существованія, мореходство и торговля, были въ упадкѣ. Триестъ подорвалъ не только далматинскую, но и венеціанскую торговлю: сюда стали посылать изъ Приморья шерсть, изъ Дубровника соль, ввозъ которой изъ венеціанскихъ владѣній былъ воспрещенъ Австріяцами; нѣмецкіе товары шли въ Италію чрезъ Триестъ; въ рукахъ Триестинцевъ была вся торговля дорогими мануфактурными произведеніями. Дубровничане, постоянно интриговавшіе противъ Венеціи, перетянули къ себѣ торговлю съ со-сѣдними турецкими областями и окончательно уронили сплетскій и новлянскій (Кастель-Ново) рынки. Кондрабандная торговля, особенно солью (спеціальность Ульциньйотовъ), приняла огромные размѣры, благодаря продажности венеціанскихъ чиновниковъ. Иностранные купцы захватили въ свои руки и ту незначительную торговлю которая оставалась въ Далмаціи. Сама собою эта безплодная, скалистая область существовать не могла и должна была подчиниться въ экономическомъ отношеніи вліянію Австріи, изъ которой, по свидѣтельству генеральнаго проведитора, *Антонія Джюсти* (1756), ежегодно вывозилось хлѣба и товаровъ на 300.000 дукатовъ. Благоприятствовать торговлѣ не могъ и недостатокъ денегъ въ обращеніи, на который такъ часто жалуются генеральные проведиторы. Постоянные грабежи турецкихъ гайдуковъ, въ которыхъ принимали участіе и Морлаки, разорали страну и держали въ страхѣ жителей, а ульциньйотскіе, триполійскіе и собственные далматинскіе корсары препятствовали мореходству. Присоедините къ этому чуму, двухгодичный голодъ и страшно развившееся взяточничество венеціанскихъ чиновниковъ, и вы получите ясное понятіе объ экономическомъ состояніи Далмаціи въ описываемую нами эпоху.

И другаго рода бѣдствія тяготѣли надъ этою несчастною страной. Общинные раздоры часто доходили до кровопролитія. Неудовольствія земледѣльцевъ на землевладѣльцевъ

разразились наконецъ крестьянскимъ возстаніемъ: въ 1755 году 20.000 вооруженныхъ крестьянъ выместили давно накопившую злобу на своихъ господахъ. Католики и православные составляли два противоположные лагера и взаимною враждой и ненавистью увеличивали внутренние беспорядки. Къ нимъ присоединялись еще внѣшнія затрудненія. Австрійцы, постоянно заводившіе споры изъ-за границъ, пользовались случаемъ дабы захватить пограничныя мѣстности (такъ въ началѣ столѣтія они заняли Градиць въ Лукъ и Звониградь); они предъявляли притязанія на острова Кварнера, какъ на неотъемлемую собственность венгерской короны, и грозили овладѣть ими силой. Съ Турками были постоянныя непріятности изъ-за пограничныхъ грабежей и разбоевъ. Дубровничане подкупали турецкихъ пашей, возбуждали ихъ противъ венеціанскихъ властей въ Далмаціи, и всячески препятствовали торговлѣ съ пограничною Герцеговиной и Босніей. Наконецъ Черногорцы не упускали случая грабить Боку Которскую и захватывать венеціанскія земли. *

Еще бѣдственнѣе было состояніе венеціанской Албаніи (нынѣшній Которскій округъ), въ которой началась дѣятельность самозванца Степана Малаго. Такъ какъ его успѣхи много завистли отъ хаотическаго и плачевнаго состоянія этой области, то мы считаемъ нужнымъ поближе ознакомить съ нимъ нашихъ читателей, руководствуясь исключительно отчетами и донесеніями чрезвычайныхъ проведиторовъ Котора.

Паскуаль Чиконья, бывшій проведиторомъ въ венеціанской Албаніи въ 1767—1771 г., слѣдовательно въ описываемую нами эпоху, сообщаетъ въ своемъ отчетѣ ** слѣдующія статистическія данныя о трехъ округахъ вѣренной его управленію области:

Народонаселеніе.	Которъ.	Будва.	Новый.	Всего.
Число жителей	17.767	227	2.022	20.016
Католиковъ.	8.024	226	1.866	10.116
Православныхъ	9.743	1	156	9.910
Мальчиковъ	3.673	34	60	3.767

* Relazioni dei Proweditori Generali in Dalmazia ed Albania 1596—1765. Collegio V. Secreta.

** Relazione del N. H. Pasqual Cigogna, Proweditor Estrordinario Venezia, 12 Agosto 1771. (Relazioni dei Rettori di Cattaro 1553—1780. Collegio V. Secreta).

Народонаселеніе.	Которь.	Будва.	Новый.	Всего.	
Мужчинъ (отъ 16 до 60 лѣт.).	4.728	96	502	5.326	
Стариковъ	487	8	16	511	
Женщинъ	4.610	75	644	5.329	
Дѣвочекъ	2.681	29	60	2.770	
Католич. священниковъ.	83	5	8	96	
Католич. монаховъ	35	—	4	39	
Православнаго духовенства.	62	—	9	71	
Ремесленниковъ	163	6	7	176	
Матросовъ	1.245	12	29	1.286	
Домовъ	3.410	86	459	3.955	
Судовъ					
{ большихъ	107	} 329	15	22	366
{ малыхъ	222				

Изъ этой таблицы видно что половина жителей венеціанской Албаніи принадлежала къ православному вѣроисповѣданію, и что въ Которскомъ округѣ православные составляли большинство, а въ Новлянскомъ меньшинство жителей. Что же касается Будвинскаго округа, то, очевидно, Чиконья не принявъ въ разчетъ народонаселенія православныхъ общинъ Пастровичей, Жупы, Майны, Бранчей и Поборей: иначе пришелъ бы къ совершенно иному заключенію, то-есть и здѣсь отдавъ бы преимущество православному элементу надъ католическимъ. *

Излишне говорить что въ венеціанской Албаніи отношенія между православными и католиками были тѣ же что и въ Далмаціи; но здѣсь положеніе православныхъ было иное: съ одной стороны, они не уступали, какъ въ Далмаціи, численностью католикамъ, а съ другой—находились въ зависимости отъ черногорскаго владыки, который поставлялъ и рукополагалъ священниковъ и постоянно вмѣшивался въ церковныя и монастырскія дѣла. Которскіе проведиторы неоднократно поставляли на видъ венеціанскому сенату опасность протекающую для государства отъ вмѣшательства черногорскихъ владыкъ въ дѣла православныхъ венеціанскихъ общинъ и приписывали имъ частые безпорядки и открытыя возмущенія этихъ общинъ противъ законной власти. Поэтому Петръ Эмо (1766) предлагалъ поставить въ Которѣ „протопопа“, которому подчинить все православное духовенство въ

* Полагаю что Чиконья въ народосчисленіи ограничилась только городскими округами, не принявъ въ разчетъ сельскаго народонаселенія. По показанію Петра Эмо (1766), въ венеціанской Албаніи было жителей 85.000.

венеціанской Албаніи: этою мѣрой онъ надѣялся прервать церковную зависимость православныхъ отъ Черногоріи и привлечь ихъ на сторону законнаго правительства, которому они будутъ обязаны своимъ положеніемъ. Православное духовенство въ венеціанской Албаніи было постоянно элементомъ революціоннымъ, и которскіе проведиторы неоднократно жалуется, что православные священники и монахи по преимуществу возмущаютъ народъ противъ дожа. Чиконья говоритъ, что православные монастыри безконтрольно управляются игуменами изъ людей корыстныхъ и добившихся своего избранія посредствомъ интригъ, что они не признаютъ надъ собою законной власти и укрываютъ въ своихъ стѣнахъ монаховъ, большею частью бѣжавшихъ изъ Турціи или другихъ мѣстностей по совершеніи тяжкихъ преступленій, и что эти монахи, не признающіе ничего подданства, думаютъ объ одномъ только какъ бы поскорѣе нажиться и вернуться восвояси съ деньгами, при помощи коихъ достигаютъ потомъ самыхъ важныхъ сановъ.

Въ виду постоянныхъ безпорядковъ и неповиновенія православныхъ общинъ, венеціанское правительство не могло разчитывать и на поддержку католиковъ. „*Латинскія общины*“, говоритъ Петръ Эмо, постоянно возбуждаемыя ревностью и пастырскими увѣщаніями здѣшняго епископа dall'Oglio, который, несмотря на недостатокъ матеріальныхъ средствъ, усердно заботится о сохраненіи во всей чистотѣ католическаго ученія и о внушеніи обязанностей вѣроподданныхъ, *только по наружности кажутся послушными*: онъ занимаются контрабандною торговлей и укрываютъ дезертировъ изъ гарнизоновъ здѣшнихъ крѣпостей, преступниковъ и матросовъ, своевольно покидающихъ эскадру.“

По единогласному свидѣтельству которскихъ проведиторовъ, жители венеціанской Албаніи, какъ православные, такъ и католики, отличались неповиновеніемъ властямъ. „*Неуваженіе къ закону и неповиновеніе властямъ*“, говоритъ Валеріо Ансельми (1753), *чрезвычайно замѣтные въ этой области*, и губительные ихъ результаты слишкомъ очевидны въ настоящее время, и если немедленно не будутъ приняты строгія мѣры, нужно опасаться еще худшихъ и плачевныхъ послѣдствій. Однѣ изъ главныхъ источниковъ, откуда происходитъ эта зараза, есть злоупотребленіе привило-

силы дарованными здѣшнымъ жителямъ великодушнымъ правительствомъ, и насколько полезно и сообразно съ обстоятельствами сохраненіе ихъ въ чистотѣ, настолько губельно злоупотребленіе ими. По всѣмъ общинамъ и деревнямъ этой области вошло въ обычай, достойный всякаго порицанія и противный основнымъ государственнымъ законамъ, *созывать* безпрестанно совѣты, сборы и всякаго рода собранія *не только безъ разрѣшенія властей, безъ ивъ въдола и огласія, но даже тайно, съ ульями явно воспрещенными.* Эти собранія *благоприятствуютъ самымъ преступнымъ замысламъ, клонящимся къ возмущенію противъ правительства.* Отсюда проистекло явное сопротивленіе властямъ жителей Картолей и другихъ деревень, составляющихъ сборъ Св. Михаила. * Предвидя что придетъ время, когда эта рана сдѣлается неизлѣчимою и когда противъ нея не будетъ другихъ средствъ кромѣ желѣза и огня, я неоднократно обращался за инструкціями какъ къ инквизитору въ Далмаціи, такъ и къ сенату, но совершенно напрасно....“

Къ числу самыхъ непослушныхъ общинъ Петръ Эмо относитъ Ризано, Жупу и Пастровичи. „По моему крайнему пониманію, говоритъ онъ, Ризаноты, къ которымъ принадлежатъ Кривошіяне, Леденичане и Убляне, склонны *по природѣ и привычкѣ* къ разбоямъ и грабежамъ. Общину Жупу раздраютъ раздоры четырехъ ея старѣйшихъ (conti), виновниковъ всѣхъ несогласій и беспорядковъ. Пастровичи склонны къ неповиновенію *по необходимости,* въ которую поставлены отсутствіемъ торговли и уступкой лучшихъ ихъ земель Цермничанамъ и другимъ нахіямъ Черногоріи. Другія ихъ земля перешли во владѣніе опасныхъ сосѣдей частію по добровольному соглашенію, или же были захвачены силой.“

Пользовавшіяся вслѣдствіе древнихъ привилегій правомъ самоуправленія, общины венеціанской Албаніи представляли печальную картину взаимныхъ раздоровъ и усобицъ, оканчивавшихся обыкновенно кровопролитіемъ и общимъ разо-

* Въ пяти деревняхъ, составлявшихъ сборъ Св. Михаила (sborgo di S. Michiele), было около 300 домовъ и около 1.500 душъ. Всѣ жители были православыне, имѣли свои старыя привилегіи и жили совершенно спокойно. Примѣры ихъ возстанія находимъ въ отчетахъ еще XVI вѣка, древнѣйшихъ изъ дошедшихъ до насъ.

рѣшѣемъ: руководимые мѣстью, жители ихъ не щадили ни лицъ, ни имущества, — убивали, грабили, жгли деревни, лѣса и сады. Кто не вѣритъ подобнымъ примѣрамъ самоуничтоженія въ XVIII вѣкѣ, пусть прочтетъ отчеты которскіихъ проведиторовъ, особенно же Данила Барбаро (1780 г.), подробно описавшаго кровопролитныя усобицы между общинами Майною, Поборами и Бранчами; Картолею и Дустицею; Добротою, Перастомъ, Перцаньомъ и Ризаномъ.

Едиственное средство имѣвшееся въ наличности для примиренія враждующихъ, рѣдко впрочемъ оказывавшееся дѣйствительнымъ, были *состанки* или полюбовныя сдѣлки (*arbitrage*). Враждовавшія между собою общины посылали своихъ выборныхъ на эти *состанки* для полюбовнаго рѣшенія споровъ, неудовольствій и тяжбъ. Эти шумные состанки, на которыхъ собиралось иногда до трехсотъ и болѣе чело-вѣкъ, оканчивались обыкновенно кровопролитіемъ. Которскіе проведиторы неоднократно указывали на опасность для государства отъ подобныхъ скопищъ людей привыкшихъ къ самоуправству и ни во что не ставившихъ мѣстныхъ власти съ ихъ судами и законами. Но порицая состанки выборныхъ общинами венеціанской Албаніи, которскіе проведиторы находили полезнымъ поддерживать этотъ древне-сербскій обычай, когда дѣло шло о враждѣ турецкихъ подданныхъ (къ которымъ причисляли и Черногорцевъ) съ венеціанскими; ибо эти состанки освобождали мѣстныя венеціанскія власти отъ столкновеній съ пограничными турками и слагали съ нихъ отвѣтственность за грабежи и разбои производившіеся на границѣ: пограничныя общины ссорились и мирились какъ хотѣли и знали, а венеціанское правительство оставалось въ сторонѣ спокойнымъ зрителемъ.

Объ экономическомъ состояніи венеціанской Албаніи Чичковъ говоритъ слѣдующее: „Почти вся область окружена скалистыми и бесплодными горами; незначительныя участки способной къ воздѣлыванію земли производить хлѣба и вина въ количествѣ достаточномъ для пропитанія жителей только на три мѣсяца; а потому они принуждены искать средствъ къ существованію въ промышленности и торговлѣ, которыя наиболѣе развиты въ общинахъ Добротѣ, Перцаньо, Перасто, Столивѣ и Топлѣ, находящихся въ торговыхъ сношеніяхъ не только съ турецкою Албаніей, но и съ Востокомъ (*Levante*). Но при настоящихъ обстоятельствахъ мѣстные

купцы потеряли большія неудачи какъ въ Албаніи, такъ и въ Морехъ, и потеряли значительные капиталы. Всегда будетъ полезно и въ государственномъ отношеніи, и въ нравственномъ, поощрять ихъ къ продолженію торговыхъ сношеній и покровительствовать имъ преимущественно въ турецкой Албаніи, гдѣ они имѣютъ, особенно Добротяне, самыя обширныя коммерческія виды, хотя, благодаря скадарскому пашѣ, они имѣли кровопролитныя столкновенія съ мѣстными жителями и рано или поздно выместятъ на нихъ свою злобу: въ противномъ случаѣ, оставаясь въ бездѣйствіи и лишеныя средствъ къ существованію, они предадутся морскимъ разбоямъ.

„Которскій каналъ, простирающійся на 18 миль, изобилуетъ всякаго рода рыбой; но за исключеніемъ жителей Мулы и нѣсколькихъ человекъ въ Перасто, никто не занимается рыболовствомъ.... Необходимо было бы поощрить эту промышленность, могущую обогатить страну, особенно если жители научатся солить, коптить и сушить рыбу какъ за границей.

„Съ Новымъ (Castel nuovo), прибрѣтеннымъ въ 1688 году покойнымъ Геронимомъ Корнаромъ, граничатъ съ одной стороны владѣнія дубровницкаго правительства, а съ другой—Герцеговина, изъ которой приходятъ караваны съ товарами, состоящими изъ шерсти, воску и кожъ, и отправляемыми потомъ на баркахъ въ Которъ по выдержаніи карантина.... Эти караваны приходятъ два раза въ недѣлю, въ числѣ ста вьючныхъ лошадей.... Только одна шерсть потребляется на мѣстѣ, а другіе товары отправляются въ Неаполь и Анкону, гдѣ сбываются съ большою выгодой....“

Въ дополненіе къ свидѣніямъ сообщеннымъ Чиконьею о торговлѣ Новаго, нужно замѣтить что Венеціанцы, завоевавъ этотъ городъ, намѣрены были сдѣлать изъ него важный рынокъ для сосѣдней Герцеговины; но это имъ не удалось вслѣдствіе интригъ Дубровничанъ, и торговля Новаго пала въ самомъ началѣ.

При непроезводительной почвѣ, при упадкѣ торговли и промышленности, венеціанская Албанія могла существовать только мореходствомъ. Изъ статистическихъ данныхъ мы видимъ что значительная часть ея жителей (1.300 на 20.000) были моряки, а по свидѣтельству Петра Эмо, она поставала ежегодно 72 матроса для венеціанскаго флота.

Но и этотъ источникъ существованія былъ затрудняемъ пиратами, грабившими коммерческія суда. По венеціанскимъ извѣстіямъ, Дубровничане поощряли ульциньйотскихъ корсаровъ грабить венеціанскія суда и заниматься контрабандною торговлею. Которскій провекторъ Викентій Гритти, въ отчетѣ отъ 1-го іюня 1750 г., жалуется на дубровницкаго консула въ Драчѣ (Dugazzo), Кабасси, открыто поощрявшаго Ульциньйотовъ къ подобнымъ дѣйствіямъ противъ венеціанскихъ подданныхъ. Но кромѣ Ульциньйотскихъ и триполійскихъ корсаровъ, затрудняли мореплаваніе и свои собственные. Пастровичи были гнѣздомъ корсаровъ. Отсюда вышелъ прославившійся своими разбоями въ половинѣ XVIII вѣка Христофоръ Казанегри и его премникъ Андрей Голый, шайка котораго состояла не только изъ Пастровичанъ, но также изъ Спицанотовъ и жителей Бара, турецкихъ подданныхъ. (*Депеша Венгера дожду*, отъ 29-го января 1762 г., № 30.) Лепетане, селеніе Которскаго канала, имѣло представителя въ лицѣ Марка Луковича, по прозванію Баялуда, плававшаго подъ британскимъ флагомъ въ Средиземномъ морѣ въ теченіе многихъ лѣтъ и въ 1762 году появившагося у береговъ Албаніи и Дубровника. (Его же депеша отъ 30-го мая того же года, № 27.)

Чѣмъ были пираты на морѣ, тѣмъ были Черногорцы на сушѣ. Они не только грабили купцовъ, но и нападали на селенія, угоняли скотъ, уносили съ собою что можно было захватить и даже силою овладѣвали венеціанскими землями и поселялись на нихъ. Они находили постоянную поддержку и содѣйствіе въ уступленныхъ Турціей Венеціи въ началѣ XVIII столѣтія трехъ общинахъ: Майнахъ, Поборахъ и Бранчахъ. Для прекращенія набѣговъ Черногорцевъ, Петръ Эмо предлагалъ вступить въ болѣе тѣсныя сношенія съ турецкими властями, выдавать имъ захваченныхъ на мѣстѣ преступления Черногорцевъ и настаивать на примѣрномъ ихъ наказаніи; въ то же время воспретить венеціанскимъ подданнымъ держать у себя черногорскихъ работниковъ. Что же касается до вышепомянутыхъ общинъ, находившихся въ стачкѣ съ Черногорцами, то которскій провекторъ предлагалъ прекратить имъ субсидіи.

Познакомивъ читателей съ состояніемъ Далмаціи и преимущественно венеціанской Албаніи въ половинѣ прошлаго столѣтія, мы должны, сообразно съ цѣлью нами предпола-

желая, описать состояніе Черногоріи въ ту же самую эпоху и рассмотреть каковы были въ то время отношенія Черногорцевъ къ Венеціи. Двѣ весьма побудительныя причины заставляютъ насъ остановиться на этомъ предметѣ несравненно долѣе: 1) въ Черногоріи по преимуществу, если не исключительно, была сосредоточена дѣятельность Степана Малаго и 2) не только исторія сношеній Черногорцевъ съ Венеціей, но и вообще черногорская исторія извѣстна намъ весьма мало, и то въ превратномъ видѣ. Черногорскіе историки-панегаристы, если только они достойны имени историковъ, односторонни, скудны свѣдѣніями и заслуживаютъ мало довѣрія: ихъ такъ-называемыя „исторіи“ родственны съ народными пѣснями, которыя, впрочемъ, были ихъ главнымъ источникомъ; государственными же актами они пользовались чрезвычайно мало и односторонне. Оттого черногорская исторія представляется намъ смѣсью эпопей съ средне-вѣковой хроникой. До тѣхъ поръ мы не будемъ имѣть черногорской исторіи, пока не будутъ изслѣдованы акты венеціанскаго архива: здѣсь ея настоящій источникъ, начинающійся съ первыхъ извѣстныхъ намъ по имени князей Черногоріи въ половинѣ XIV вѣка и непрерывно продолжающійся до послѣднихъ годовъ прошлаго столѣтія. Начало такому изслѣдованію уже положено г. Шафарикомъ, издавшимъ въ своихъ *Acta archivi Veneti* значительное число документовъ касающихся сношеній Венеціи съ Черногоріей въ XIV и XV вѣкахъ. Къ сожалѣнію, *Сборникъ* г. Шафарика составленъ весьма небрежно, на-скоро; но въ этомъ мы не винимъ его: въ кратковременное пребываніе свое въ Венеціи онъ могъ просмотрѣть только кое-какіе указатели и по нимъ отвѣтить акты для переписки.

Сношенія Черногоріи съ Венеціей начались при первыхъ извѣстныхъ намъ по имени князьяхъ ея: Страшимирѣ, Юріи I и Бальшѣ II Бальшичахъ: 3-го іюля 1362 года дожъ Лаврентій Чельзи пожаловалъ ихъ въ граждане Венеціи.* Шестъ лѣтъ позже, Венеціанцы дозволили Юрію I Бальшичу, за его благорасположеніе и вѣрность (*attenta bona dispositione et fidelitate sua*), имѣть въ морѣ двѣ вооруженныя

* *Acta archivi Veneti spectantia ad historiam Serborum et reliquorum Slavorum meridionalium collegit et transcripsit Dr. Ioannes Schafaric. Fasciculus I (Belgradi 1860), p. 186.*

галеры „ad datum solum suorum inimicorum“, но подъ условіемъ не вредить венеціанскимъ купцамъ. Юрій не исполнилъ этого обязательства, и въ 1869 году, когда онъ чрезъ своего посланника приглашалъ въ свое княжество венеціанскихъ купцовъ и предлагалъ дожу учредить въ его странѣ консульство, Венеція прежде всего потребовала удовлетворенія за убытки причиненныя ея подданнымъ въ его владѣніяхъ, а потомъ представила на его утвержденіе проектъ привилегій венеціанскимъ купцамъ въ Черногоріи. Въ томъ же самомъ году Венеція отправляетъ къ Юрію посольство для примиренія его съ Которомъ, имъ осажденнымъ. Посольство состоялось по просьбѣ сербскаго царя, паны и самихъ Которянъ, но преимущественно изъ опасенія чтобы, по завоеваніи Бальшичемъ этого города, не перешла вся мѣстная торговля въ Дубровникъ. Венеція требовала, въ случаѣ несогласія Юрія на примиреніе, чтобы онъ въ теченіе пятнадцати дней обезоружилъ свои галеры, иначе съ ними будетъ поступлено какъ съ корсарамъ. Бальшичъ не хотѣлъ мириться съ Которомъ, и въ то же время находилъ стѣснительнымъ для себя обезоружить свои галеры, а потому отправилъ въ слѣдующемъ году посольство въ Венецію, предлагая ей „multa valde utilia“, если она разрѣшитъ ему имѣть по-прежнему въ морѣ вооруженныя галеры. Его просьба была уважена; но Венеціанцы ошиблись въ своихъ расчетахъ: Бальшичъ не мирился съ Которомъ и, вмѣсто обѣщанныхъ благъ, не только не удовлетворялъ за убытки, но, по интригамъ Дубровничанъ, притѣснялъ ихъ купцовъ, отнималъ ихъ имущество и даже допускалъ убійства (въ Авлонѣ, въ 1875 г.). Такія непріязненные отношенія между Юріемъ Бальшичемъ и Венеціей продолжались около девяти лѣтъ, до его смерти (1879).

Въ 1885 году Бальша II Бальшичъ, владѣтель Зеты (Черногоріи), Канины и Авлоны, „civis postet et carissimus amicus nostri domini“, какъ выражаются о немъ Венеціанцы, отправилъ къ дожу посольство съ просьбой дать ему четыре галеры, которыя онъ вооружитъ въ Венеціи на свой счетъ, для защиты отъ Турокъ, ежедневно опустошающихъ его владѣнія и грозившихъ ему и его народу конечною гибелью. Венеція отвѣчала ему уклончиво.

Бальша вскорѣ умеръ, и его вдовѣ было дозволено (въ 1886 году) прибыть въ Венецію.

Когда въ 1889 году Юрій II Страшимировичъ Бальшичъ,

кандителъ Ульциня (Dalcignin), просилъ Венецію дозволить ему держать въ морѣ два вооруженные бригантина для защиты отъ неприятелей, Венеція сначала отказала ему въ его просьбѣ, но потомъ, когда пришло отъ него посольство, изъвила свое согласие.

Венеціанское правительство, услышавъ что Юрій II, взятый въ плѣнъ султаномъ Баязетомъ, соглашался для своего освобожденія уступить Турціи Ульцинь, Скадаръ и другія своя земли, поручило въ 1392 году капитану моря отправиться къ его супругѣ съ увѣщаніемъ не вадать духомъ и не уступать своихъ земель Туркамъ, общая помощь Венеціи.

Въ томъ же самомъ году Венеція, въ виду постоянно возраставшей опасности со стороны Турокъ, заискивая благорасположеніе Черногорцевъ, даруетъ право потомственного венеціанскаго гражданства Юрію Юрьевичу Бальшичу и Радичу Черному (Radiz de Serpie), владѣтелю Зеты и Будвы. Этотъ послѣдній, въ знакъ благодарности къ Венеціи, предложилъ въ 1393 г. уступить ей Лешъ (Alessio), „правое око Драча (oculus dexter Durachii)“, по выраженію Венеціанцевъ. Примѣру его послѣдовалъ вскорѣ (въ 1395 г.) Юрій II Страшимировичъ, укрывшій было у себя измѣнника Марка Барбадиго: онъ предложилъ уступить Венеціи Скадаръ, Драчь, Ульцинь, Дривасто и всю свою земаю, и просилъ дозволенія переселиться со всѣмъ своимъ семействомъ въ Венецію; впрочемъ, когда дѣло дошло до формулованія условій этой уступки, Юрій II Страшимировичъ раздумалъ о переселеніи въ Венецію и рѣшилъ удержать за собою всѣ земли, кромѣ Скадра, за который Венеціанцы предложили ему вѣчное потомственное дворянство, ежегодную пенсію на вѣчныя времена въ 1.000 дукатовъ и нѣкоторыя другія условія. На этихъ условіяхъ Юрій Страшимировичъ дѣйствительно уступилъ (въ 1396 г.) Венеціи Скадаръ и Дривасто, удержавъ за собою Ульцинь, Баръ и всю страну до Дивичиной стѣны, въ просторѣчій называемую Забоюю. Венеціанцы не замедлили вступить во владѣніе уступленными землями и посадили въ Скадаръ своего капитана и графа. Добрыя сношенія съ Юріемъ II Страшимировичемъ продолжались до его смерти (1404 г.): въ 1396 г. онъ извѣщалъ даже объ умерщвленіи его войсками 15-го апрѣля измѣнника Радича Чернаго, а въ 1401 году извинялся въ убыткахъ причиненныхъ не по его волѣ венеціанскимъ купцамъ въ его владѣніяхъ.

По смерти Юрія II Страшимировича, Венеція, по предложенію капитана моря, рѣшилась въ 1405 году, изъ корыстныхъ видовъ, на весьма гнусный поступокъ—извести, или схватить живаго его сына и наследника, Бальшу III, вмѣстѣ съ его матерью Еленою,—последнюю отрасль Страшиміра Бальшича,—и присвоить себѣ его владѣнія, обѣщая даровать ежегодную пенсію въ тысячу дукатовъ тому кто рѣшится на такой подвигъ. Попытка Венеціи не удалась, и Бальша естественно сталъ врагомъ венеціанскаго правительства: онъ потребовалъ въ 1406 году возвращенія Дривасто и Будвы, и когда Венеція отказала ему, онъ, въ союзѣ съ Албанцами и Турками, напалъ (1407) на венеціанскія владѣнія въ Албаніи, перерѣзалъ всѣ сообщенія и осадилъ Баръ. Получивъ объ этомъ извѣстіе, венеціанскій сенатъ опредѣлилъ примириться съ Бальшею во что бы то ни стало, и въ іюнь того же года былъ заключенъ въ Барѣ миръ, по которому Венеція уступила Бальшѣ Будву и Забойну. Но этотъ миръ, заключенный столь поспѣшно, былъ, по сознанию самой Венеціи, непроченъ, и она обратилась къ какимъ-то таинственнымъ средствамъ для укрощенія Бальши; но, видно, и эти средства оказались неэффективными, ибо въ 1409 году Венеціанцы вступаютъ въ новые переговоры съ Бальшею, переговоры давшіеся цѣлыхъ два года и не приведшіе ни къ какому результату, такъ какъ Венеція не соглашалась уступить ему Баръ и ограничивалась предложеніемъ ежегодной пенсіи до 2.000 дукатовъ. Въ 1411 году они заключили союзъ съ Иваномъ Кистріотомъ и братьями Юрашичами противъ Бальши, и въ то же время предложили капитану моря стараться о заключеніи съ нимъ мира, нуждаясь въ хлѣбѣ, вывозимомъ изъ его владѣній. Но Бальша хитрилъ: въ то время какъ его послы въ Венеціи обѣщали миръ, онъ осаждалъ Баръ въ 1412 г. Наконецъ 26-го ноября 1412 г. былъ заключенъ миръ, по которому Бальша приобрѣталъ Будву и Ульцинь и получалъ тысячу дукатовъ ежегодной пенсіи. Такія условія не могли удовлетворить Бальшу, и вскорѣ война возобновилась: въ 1417 году онъ осадилъ Скадаръ, но не могъ взять его; въ 1419 году онъ овладѣлъ Ульциньемъ, Будвою, Баромъ и Дривасто. Венеція искала союза противъ него съ Турками и Которянами; возбуждала противъ него албанскихъ главарей, оцѣнила его голову въ 8.000 дукатовъ и обѣщала Юрашичамъ отдать Будву, если они будутъ вѣрно

помогать Венеціанцамъ противъ Бальши.... Но Бальша соглашался на миръ только подъ условіемъ уступки ему Скадра, и война продолжалась до его смерти (1421 г.)

Не былъ уступчивѣе и преемникъ Бальши III, Стефанъ Черноевичъ: въ продолженіе 22 лѣтъ онъ воевалъ съ Венеціей, у которой отнялъ Дривасто и Баръ. Наконецъ въ 1444 г. былъ заключенъ въ Скадрѣ миръ, по которому обѣ стороны остались при прежнихъ владѣніяхъ. Въ 1451 году Венеція даровала Стефану Черноевичу *привилегию* на венеціанское гражданство, гарантировала ему его владѣнія, признала его *своимъ капитаномъ и воеводою въ Черногоріи*, обѣщала ему ежегодную пенсію въ 600 дукатовъ и жаловала ему домъ въ Которѣ. Онъ же обязался усмирить возмущившихся противъ Венеціи Жуплявъ и помогать ей войскомъ, когда понадобится. Въ слѣдующемъ году она изъявила его посланникамъ согласіе на его прибытіе въ Венецію и обѣщала помощь противъ Турокъ и субсидіи. Въ 1455 году (6-го сентября) Стефанъ Черноевичъ и черногорскіе главари заключили съ Венеціей договоръ *о добровольномъ подчиненіи ей Черногоріи* на слѣдующихъ условіяхъ: 1) Черногорцы пользуются правомъ самоуправленія по обычаямъ времени Бальшичей; 2) Венеція даруетъ имъ всеобщую амнистію; 3) Черногорскою митрополіей управляетъ православный сербскій архіепископъ, и католическое духовенство не допускается въ Черногорію; 4) Черногорцы обязуются помогать Венеціи въ войнѣ до Дрина и Лема; 5) получаютъ субсидіи, какъ во времена Бальшичей, и нѣк. др. На этихъ условіяхъ Черногорцы *поклонились въ стѣнѣ Венеціи*, а она обѣщала обращаться съ ними какъ съ остальными своими вѣрноподданными.

Сынъ и наследникъ Стефана Черноевича, Иванъ, въ началѣ не только не питалъ вѣрноподданныхъ чувствъ къ Венеціи, но даже поступалъ враждебно въ отношеніи къ ней, однако вскорѣ (въ 1466 г.) раскаялся и просилъ принять его подъ ея покровительство (*in protectionem*) на тѣхъ же условіяхъ на коихъ былъ принятъ отецъ его. Республика согласилась на его просьбу, но подъ условіемъ чтобъ онъ уступилъ ей Соаварни.

Съ тѣхъ поръ Иванъ Черноевичъ до своей смерти (1490 г.) оставался вѣрнѣе Венеціи (*dilectissimus et prefectissimus amicus nostri domini*), которая въ 1474 году пожаловала ему пономственное дворянство съ правомъ участвовать въ боль-

номъ собраніи (ad numerum et de numero nobilium nostri majoris consilii).

Когда Турки вознамѣрились укрѣпить Подгорицу и занять ее пяти тысячнымъ гарнизономъ, Иванъ Черноевичъ обратился (1474) къ Венеціи съ просьбой увеличить ему субсидію еще на 600 дукатовъ въ годъ и прислать ему сто лошадей, обязуясь воевать съ Турками. Венеція согласилась на его просьбу и обѣщала дать ему и его семейству убѣжище въ своихъ владѣніяхъ, въ случаѣ если Турки прогонятъ его изъ Черногоріи. Какъ нуждалась Венеція въ Иванѣ Черноевичѣ и какъ дорожила его вѣрностью, видно изъ того что въ томъ же 1474 г., по опредѣленію сената, было послано ему въ даръ 100 кусковъ сукна разныхъ цвѣтовъ и 3.000 дукатовъ, и было обѣщано увеличить его пенсію до 2.000 дукатовъ, если, благодаря ему, сохранять Скадарь.

Тѣ же отношенія Венеціи къ Черногоріи продолжались и при сынѣ Ивана Черноевича, Юріи, пожалованномъ въ 1496 году въ венеціянскіе нобили. * Онъ умеръ въ 1514 г., и съ нимъ пресѣкъся домъ Черноевичей.

Съ пресѣченіемъ династіи Черноевичей настаетъ новая эпоха въ исторіи Черногоріи и ея отношеній къ Венеціи. Приведенные нами факты достаточно, полагаемъ, свидѣтельствуя въ какомъ ограниченномъ смыслѣ должно понимать „независимость“ Черногоріи, о которой говорятъ черногорскіе историки-патриархисты, включая сюда и автора писанной по заказу князя Данила брошюры: *La Souveraineté du Monténégro*, г. Вацлака. Находясь при Бальшичахъ подъ покровительствомъ Венеціи, при Черноевичахъ Черногорія стала въ вассальное къ ней отношеніе, а съ пресѣченіемъ ихъ дома подпала власти Турокъ. Изъ венеціянскихъ актовъ видно что братъ послѣдняго черногорскаго князя изъ дома Черноевичей, Юрія, потурчился, принялъ имя Скан-дербега и управлялъ Черногоріей отъ имени Турціи. Тѣ же акты въ продолженіе всего XVI вѣка не упоминаютъ о независимыхъ владѣтеляхъ Черногоріи: напротивъ, они постоянно говорятъ о *sandžakaz* (sanzacco) „del Ducato di Montenegro“. Съ этими санджаками, а не съ владыками Черногоріи, переписывалась Венеція по поводу грабежей производившихся Черногорцами въ венеціанской Албакии. Весь

* *Liber privilegionum*, II об.

отчетъ *Бернарда Контарини* (22-го февраля 1572 г.) посвященъ описанію мѣръ принятыхъ для защиты Котора отъ Турокъ и *санджака черногорскаго Асанбегга*. * Съ начала XVII вѣка зависимость Черногоріи отъ Турціи стала ослабѣвать. *Giovanni Marco da Molin*, въ отчетѣ отъ 2-го сентября 1604 года, говоритъ, что *Албанцы и Черногорцы желаютъ передаться Венеціи, дабы избавиться отъ турецкаго ига*. По свидѣтельству *Франциска Дольфина*, ** Черногорцы мало слушались турецкихъ пашей; а *Giovanni Paolo Gradenigo* *** говоритъ что зависимость Черногоріи отъ Турціи только номинальная. Яковъ Дореданъ хвалитъ преданность Черногорцевъ Венеціи и указываетъ на пользу проистекающую отсюда для нея въ коммерческомъ и политическомъ отношеніяхъ. Генеральный провекторъ Далмаціи и Албаніи Георгій Морозини, говоря объ услугахъ оказанныхъ Венеціи въ послѣднюю войну съ Турціей черногорскаму племени *Кучей* и албанскимъ *Клементи*, получавшими отъ венеціанскаго правительства *жалованье и другія пособія*, замѣчаетъ, что вслѣдствіе прекращенія оныхъ по заключеніи мира, племена эти пришли въ раздраженіе противъ Венеціанцевъ: отсюда прибавляетъ онъ, проистекаетъ прямой вредъ для республики, ибо не будетъ возможности производить между ними наборъ для арміи и флота, какъ было прежде.

Въ 1696 году, на цетинскомъ соборѣ, Черногорцы избрали своимъ правителемъ Данила Петровича Нѣгоша, родоначальника нынѣшняго княжескаго дома. При немъ начались сношенія Черногоріи съ Россіей: по призыву Петра I (1711 г.), Черногорцы вторглись въ Герцеговину и Албанію и разбили шестидесяти-тысячную армію Ахметъ-паши. Врагъ Турокъ, владыка Данилъ не былъ пріятелемъ Венеціанцевъ: они называютъ его „*pietore del scandalo*“ и приписываютъ ему безпорядки происходившіе въ недавно прибрѣтённыхъ общинахъ Жупѣ, Поборахъ, Бранчахъ и Майлахъ. Генеральный провекторъ Далмаціи, Петръ Кендрашинъ, въ отчетѣ отъ

* *Relazioni del Prouveditori di Cattara* № 2.

** *Ibid.* № 15: *Relazione de N. H. Francesco Dolfin*, 23 Novembre 1616.

*** *Ibid.* № 26: *Relazione del N. H. Giovanni Paolo Gradenigo* 1640. По его исчисленію, Черногорцы, къ которымъ онъ относитъ также и албанскія племена *Клементи* и *Хоти*, могли въ это время составить 16.000 воиновъ.

21-го октября 1739 года, говорить, что Черногорцами управляетъ „съ неограниченною властью (autorisâ illimitata) епископъ Давидъ, человекъ въ высшей степени продажный и столь же честолюбивый.... Онъ не совсѣмъ склоненъ въ пользу Венеціи и руководится личнымъ капризомъ или личною выгодой. Врагъ Турокъ по обязанностямъ религіи, онъ не большой пріятель нашихъ превосходительствъ по недостатку внутренняго влеченія, и если онъ иногда съ какимъ-нибудь отрядомъ Черногорцевъ приходилъ къ намъ на помощь, то съ цѣлью не послужить намъ, а поживиться на нашъ счетъ. Онъ поступаетъ съ такою осмотрительностію что, показывая видъ что служить вашей свѣтлости, ни мало не вредитъ Туркамъ, и съ изворотливостію обманывая обѣ стороны, извлекаетъ личные выгоды; пользуясь неограниченною властію въ Черногоріи, онъ сталъ почти необходимъ для пограничныхъ державъ. Поощряемый русскимъ золотомъ (dall'oro di Moscoviti), онъ внушилъ Черногорцамъ преданность царю, въ ущербъ Венеціи. Въ виду таковыхъ его дѣйствій необходимо продолжать придерживаться въ отношеніи къ нему прежней системы—ласкать и обнадеживать его. Нерасположеніе его къ Венеціи обнаружилось особенно при уступкѣ намъ Турціей четырехъ общинъ: Жупы, Поборей, Бранчей и Майнъ; онъ не упустилъ посвятить между этими новыми подданными сѣмена отвращенія и ядовитыя инсинуаціи, дабы отвратить ихъ отъ преданности и вѣрноподданности Венеціи. Нужны были неутомимое вниманіе и рѣшительная и непоколебимая неустрашимость для противоудѣйствія столь преступнымъ замысламъ этого владыки.“

Для укрощенія Черногорцевъ Венеція знала только одно средство—субсидіи: черногорскіе главари, кромѣ подарковъ сукномъ и другими вещами, получали ежемѣсячно около 400 дукатовъ. Когда въ 1731 году Черногорцы стали угрожать Котору, имъ были прекращены субсидіи на нѣсколько мѣсяцевъ: это средство оказалось столь дѣйствительнымъ, что Черногорцы не замедлили помириться съ Которянами, и только тогда имъ была уплачена сполна вся сумма слѣдовавшая имъ отъ венеціянскаго правительства.

Любопытныя свѣдѣнія о Черногоріи и отношеніяхъ ея къ Венеціи въ началѣ правленія племянника Давида, Савва; сообщаетъ генеральный провекторъ, Давидъ Дольфинъ IV. въ отчетѣ отъ 2-го декабря 1738 г. „Нерасположеніе къ

Венеціи даже по различію вѣроисповѣданія, Черногорцы*, говорить онъ,—

„показываютъ видъ, что преданы ей. Вотъ почему было найдено необходимымъ ласкать ихъ и даже давать имъ субсидіи, которыя проходятъ чрезъ руки ихъ главарей, первое мѣсто между коими занимаютъ два сердаря, князь (conte) Петръ Славичъ и попъ Јоко Станишичъ, подчиненные губернатору Вукачину Вукотичу. Второй изъ этихъ сердарей, человекъ быстрого ума и дѣятельный, подчинилъ своему влиянію большинство главарей и заправляетъ Черногоріей деспотически, но онъ непостояненъ и вѣроломъ, а потому необходимо неулавно слѣдить за нимъ и обращаться съ нимъ весьма осторожно. Много зависитъ отъ этихъ главарей расположеніе Черногорцевъ къ Венеціи, которая, въ случаѣ войны, можетъ разчитывать на столькихъ заклятыхъ враговъ Порты. Эти же сердари могутъ много содѣйствовать отклоненію репрессалій и разбоевъ, безпрестанно производимыхъ на турецкой границѣ, и тѣмъ избавить насъ отъ будущихъ жалобъ Турокъ, которыя могутъ укорять насъ въ поддержкѣ и возбужденіи бунтовщиковъ. Вотъ почему я прекратилъ имъ выдачу субсидій, пока они не исправятся; но тщетно. Постоянно нужно опасаться что въ настоящую войну они примутъ сторону одной изъ христіанскихъ державъ, и въ такомъ случаѣ Турція не замедлитъ обвинить въ поддержкѣ ихъ республику, которая однакоже можетъ оправдаться тѣмъ что прекратила имъ ежегодныя субсидіи. Между этимъ народомъ, буйнымъ по природѣ и привычкѣ, происходятъ безпрестанныя распри и буйство; грабежи и оскорбленія причиняемыя Черногорцами пограничнымъ и родственнымъ съ ними по происхожденію и вѣрѣ подданнымъ нашимъ влекутъ за собою частыя кровопролитія. По изстари заведенному обычаю, поддерживаемому необходимостью, ихъ взаимныя распри разбираются на состанкахъ.... собирающихся большею частью въ Юрьевъ день. Этотъ обычай, никогда не устанавливавшій между ними прочнаго примиренія, временно успокоиваетъ возбужденныя страсти и даетъ возможность устанавливаться торговымъ сношеніямъ между Черногорцами и нашими подданными, преимущественно Которскаго канала, извлекающими большія выгоды отъ торговли мясомъ.... На всѣхъ этихъ состанкахъ присутствуетъ владыка Савва, способствующій достиженію ихъ цѣли. Онъ имѣетъ такое вліяніе на Черногорцевъ, что они легко подчиняются его волѣ. Съ нимъ нужно обращаться съ большою осторожностью и искусствомъ. Онъ хвалится властью надъ Черногорцами и приписываетъ себѣ ихъ преданность республикѣ, преданность, впрочемъ, весьма не благонадежную, какъ основанную на корыстныхъ видахъ. Онъ искренно преданъ Россіи, и по вѣрѣ, и по завѣщанію покойнаго дѣда своего.“

Даніилъ Дольфинъ былъ правъ, называя преданность Черногорцевъ Венеціи *ненадежною*: они безпрестанно тревожили Боку Которскую, и чрезвычайный проведиторъ, *Ма-но Querini*, дабы оградиться отъ ихъ нападеній, потребовалъ у нихъ четырехъ заложниковъ; но эта мѣра оказалась неэффективною: грабежи Черногорцевъ и распри ихъ съ пограничными венеціянскими подданными продолжались по-прежнему. И несмотря на эти распри, жители венеціанской Албаніи, однокровные и одновѣрные съ Черногорцами, подчиненные духовной власти владыки Саввы, имѣвшаго обыкновенно мѣстопробываніе въ венеціанской общинѣ Майнахъ и пользовавшагося большимъ на нихъ вліяніемъ, находились, по свидѣтельству того же проведитора, въ стачкѣ съ Черногорцами и вмѣстѣ съ ними грабили Турокъ, на что неоднократно жаловался скадарскій паша.

Вассальныя отношенія Черногоріи къ Портѣ Оттоманской постоянно ослабѣвали, такъ что въ 1756 году султанъ приказалъ боснійскому пашѣ силою укротить Черногорцевъ и заставить ихъ платить харачъ; но паша медлилъ привести въ исполненіе это приказаніе Порты, сознавая свое безсиліе; ибо, по свидѣтельству генеральнаго проведитора Франциска Гримани, для укрощенія Черногоріи не были достаточны даже соединенныя силы Герцеговины, Босніи и Албаніи. Между тѣмъ венеціанское правительство, въ виду угрожавшей его границамъ войны, нашло необходимымъ укрѣпить Которъ, Новый и Будву, а боснійскій паша гарантировалъ неприкосновенность венеціанскихъ владѣній. „Что касается Черногорцевъ“, прибавляетъ Гримани,—

„то они деспотически управляются двумя ихъ епископами сербскаго вѣроисповѣданія. Старѣйшій изъ нихъ, владыка Савва Петровичъ, имѣетъ характеръ спокойный, хотя корыстолюбивый, и кажется что въ сердцѣ его укоренена преданность Венеціи, и что онъ не поощряетъ нѣкоторыхъ необдуманнхъ предприятий. Его помощникъ (coadjutore), владыка Василиі Петровичъ,—напротивъ, человекъ молодой, характера беспокойнаго и чрезвычайно честолюбиваго, питаетъ замыслы безпутные и беспокойные (straviati e inquieti). Возвратившись въ прошломъ году изъ путешествія по Россіи и Германіи, онъ задумалъ стать во главѣ народа, *склоняя его къ Россіи, по чувствамъ единовѣрія, и къ Германіи, въ надеждѣ субсидій*, и увѣряя что онъ находится въ хорошихъ сношеніяхъ съ дворами этихъ странъ. Было бы бесполезно пересказывать пышныя и почти баснословныя рѣчи, кото-

рыжи онъ возбуждаетъ честолюбіе главарей. Онъ довелъ ихъ до того что они пренебрегли *обязанностями вѣрноподданства султану, внушивъ имъ что они народъ свободный* и что могутъ разчитывать на союзъ двухъ государей. Главарямъ онъ обѣщаетъ большія стипендіи отъ обоихъ дворовъ, а простой народъ *возбуждаетъ къ грабежамъ*, отъ которыхъ страдаютъ и венеціянскіе подданные. Чрезвычайнымъ проводиторомъ было дознано, что Василій *возбуждалъ къ возстанію* три общины, Побори, Бранчи и Майны, и четырехъ графовъ (contì) Жупы... Въ особенно тѣсныхъ связяхъ, скрѣпленныхъ родствомъ, находится онъ съ братьями Газаровичами, губернаторомъ (governatore) и сердаремъ Жупы, которыхъ я арестовалъ за весьма важныя ихъ преступленія.“

Изъ венеціанскихъ донесеній, равно какъ изъ собственно ручныхъ писемъ владыки Саввы, сохранившихся въ венеціанскомъ архивѣ, несомнѣнно, что Савва, на старости лѣтъ, дѣйствительно *служилъ Венеціи* и получалъ за то отъ нея жалованье; этимъ обстоятельствомъ воспользовался въ послѣдствіи Степанъ Малый для возбужденія Черногорцевъ противъ владыки. Савва, по признанію проводиторовъ, генеральныхъ и чрезвычайныхъ, *былъ необходимъ Венеціи* для противодѣйствія Василю, находившемуся въ сношеніяхъ съ Петербургомъ, Вѣною и Неаполемъ и ненавидѣвшему Венеціанцевъ. Но скоро Венеція избавилась отъ этого безпокойнаго сосѣда: въ 1765 году Василій отправился въ Россію, гдѣ въ слѣдующемъ году скончался. Черногоріей остался управлять дряхлый Савва, стипендіатъ Венеціи, и венеціанская Албанія могла надѣяться на спокойствіе со стороны Черногорцевъ. Въ это время появился въ Майнахъ самозванецъ.

(До слѣд. №).

ВИКЕНТІЙ МАКУШЕВЪ.

МЫСЛИ

О МУЗЫКАЛЬНОМЪ ОБРАЗОВАНИИ

ВЪ РОССІИ

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одной изъ нѣмецкихъ музыкальныхъ газетъ появилась рѣзкая нападка на учрежденіе, тогда еще только что начавшее жить, на Петербургскую Консерваторію. Поводомъ къ нападкѣ послужилъ методъ который Петербургская Консерваторія избрала для преподаванія теоріи музыки, и который значительно разнится отъ метода нѣкоторыхъ изъ весьма извѣстныхъ современныхъ профессоровъ Германіи. По плану занятій принятому въ Петербургской Консерваторіи (а по примѣру ея и въ Московской), одинъ изъ годовъ полного теоретическаго курса посвящается на изученіе такъ-называемаго *строгаго контрапункта*, формы, въ которой нельзя выразить никакого современнаго содержанія, языка мертваго, на которомъ едва ли кто думаетъ, а пишутъ немногіе записные поклонники музыкальной старины. Воззрѣніе, которымъ объясняется негодование автора статьи на петербургскихъ профессоровъ, не принадлежитъ ему лично: оно есть воззрѣніе цѣлой школы. Судя по газетнымъ и журнальнымъ отзывамъ, которые болѣе или менѣе служатъ органами направленія русскихъ музыкантовъ, это воззрѣніе распространено и въ нашемъ отечествѣ: можно почти навѣрное сказать что большинство нашихъ отечественныхъ композиторовъ настроено противъ изученія „мертваго языка“ въ музыкѣ не менѣе враждебно нежели авторъ лейпцигской статейки. Поборниками агого

изученія, такимъ образомъ, являются почти исключительно наши консерваторіи, но и въ нихъ личнымъ перемѣнамъ въ составѣ профессоровъ легко могутъ пошатнуть недавно установленныя начала, и тогда школа, которая въ теченіи четырехъ вѣковъ считалась единственною и незамѣнимою для серьезнаго музыкальнаго образованія, школа, въ которой встрѣчались дилеттантскія развлечения и чувствительныя изліянія, но не было цѣльныхъ, органическихъ музыкальныхъ произведеній, лишится на Руси послѣдняго представителя.

При общемъ недостаткѣ у насъ людей специально знакомыхъ съ музыкальнымъ искусствомъ и могущихъ правильно обсудить задачи и потребности музыкальнаго воспитанія, всякое заблужденіе, всякій односторонній и пристрастный взглядъ, всякое порожденіе дилеттантизма и невѣжества, пользуются у насъ большею силою нежели въ Германіи и Франціи, гдѣ они всегда могутъ найти отпоръ въ серьезномъ и основательномъ знаніи. Но сила заблужденія является вдвѣсатеро опаснѣйшею когда оно принимаетъ личину либеральнаго протеста, когда сторонники застоя и упадка облачаютъ въ одежду борцовъ за прогрессъ, когда элементарныя условія нашего обученія клеймятся отсталыми и зловредными тормозами всякаго развитія. Бывали эпохи въ исторіи литературы, когда орудіе сарказма обращалось исключительно на здоровыя задатки, на добрыя начинанія, на проблески жизни и движенія. Такую эпоху отчасти переживаетъ нынѣ русская музыка. Подъ знаменемъ либеральнаго направленія, съ лозунгомъ свободы и прогресса, у насъ открытъ походъ противъ коренныхъ, необходимыхъ условій музыкальнаго образованія. Подвергаются порицанію и осмѣянію какъ учрежденія долженствующія развить музыкальныя познанія по нашему отечеству, такъ и господствующія въ этихъ учрежденіяхъ начала, приемы и преданія. Между этими преданіями есть одно, которое по всемъ своимъ свойствамъ наиболѣе открыто для псевдо-либеральныхъ нападеній. Я говорю о томъ мертвомъ языкѣ музыки, формы и обороты котораго въ нашихъ консерваторіяхъ изъ года въ годъ изучаются съ неослабнымъ рвеніемъ. Въ настоящее время языкъ этотъ, извѣстный подъ именемъ *строгаго контрапункта*, весьма далекъ отъ того чтобы сдѣлаться основаніемъ всего музыкальнаго преподаванія въ Россіи. Его значеніе понимается не менѣе ложно и толкуется не менѣе превратно нежели

значеніе классическихъ языковъ въ обществѣ образованія. Ненависти на строгій контрапунктъ отличаются тою же обманчивою жаружностью прогрессивнаго либерализма, какая свойственна нападкамъ на обученіе греческому и латинскому языкамъ. Обманъ въ музыкальномъ вопросѣ такъ же легко посылать и такъ же трудно искоренить, какъ и въ вопросѣ педагогическомъ. Вотъ почему я рѣшилася представить здѣсь нѣсколько соображеній о цѣляхъ и средствахъ музыкальнаго образованія, а равно и о его теперешнемъ положеніи въ Россіи.

Какъ извѣстно, музыка не имѣетъ образца въ природѣ, какъ имѣютъ его живопись и ваяніе; музыка не есть также языкъ мысли, какъ поэзія: ея образъ, такъ-сказать, лишенъ подлинника и во вѣншемъ, предметномъ мірѣ, и во внутреннемъ, умственномъ. Она, подобно архитектурѣ, составляетъ самостоятельный, спеціальннй языкъ, и если въ живописи и ваяніи счастливый даръ нерѣдко обходится безъ строгой систематической школы, если въ поэзіи даже и вовсе не существуетъ учителей и учениковъ, то въ архитектурѣ и музыкѣ безъ особой подготовки нельзя и думать о самостоятельномъ сочиненіи. Эта особая подготовка гораздо обширнѣе и глубже нежели могутъ подумывать люди незнакомые съ искусствомъ; усвоеніе лексигона и грамматики музыкальнаго языка, или того что принято называть *теоріей музыки*, требуетъ продолжительнаго, сосредоточеннаго углубленія, и пробѣлы въ этомъ знаніи всегда отражаются на самомъ сочиненіи, лишая его или внутренней силы, или вѣншей ясности и доступности. Спеціальность и замкнутость музыкальнаго языка издревле придавала искусству музыки нѣсколько ученый характеръ: и въ древніе, и въ средніе вѣка, и до нашихъ временъ, теорія музыки была предметомъ научныхъ трактатовъ, опиравшихся на математику, на философію, на богословіе, старавшихся брать предметъ какъ можно шире и отвлеченнѣе и найти для него общія, незыблемая основанія. Многія тонкости этихъ теоретическихъ построекъ, многіе выводы и догадки музыкальныхъ ученыхъ, безъ сомнѣнія, имѣли слншкомъ непрактичннй характеръ, и остались безплодны для живаго развитія искусства, но вообще говоря, начиная съ того времени отъ котораго дошли до насъ, кромѣ теоретическихъ руководствъ, и художественныя произведенія

намъ не видѣть тѣснаго взаимодѣйствія теоріи и практики, нельзя не признать благотворнаго вліянія одной на другую. По мѣрѣ расширенія и обогащенія искусства, теорія замѣтно исходитъ отъ философскихъ и математическихъ отвлеченностей къ частнымъ случаямъ, къ живымъ примѣрамъ. Этотъ постепенный переходъ теоріи музыки къ болѣе фактическому изложенію можно наблюдать именно въ томъ періодѣ исторіи, когда совершилась большая часть фактовъ опредѣлявшихъ содержаніе нашей, то-есть новѣйшей, музыки: въ теченіе среднихъ вѣковъ, а особенно въ ихъ исходѣ. Когда, въ концѣ XV столѣтія, въ нашемъ искусствѣ обнаружилось великое и богатое движеніе, когда музыка приобрѣла гармоническія средства о которыхъ не догадывались тысячелѣтія предыдущей культурной жизни, когда сложившаяся и окрѣпшая гармонія стала изливаться въ цѣломъ сонмѣ стройныхъ классическихъ произведеній — мысль теоретика приобрѣла изобильный матеріалъ, который надо было усвоить и привести въ разумную систему. Теорія музыки въ XVI столѣтіи блистательно выполнила эту задачу. Композиція не эманципировалась отъ теоріи, несмотря на великолѣпные успѣхи сдѣланные на практическомъ поприщѣ; связь между школою и жизнью осталась столь же тѣсная, уваженіе къ школѣ не пострадало отъ богатаго развитія которое получила жизнь. Но сама теорія сознала громадность совершенныхъ успѣховъ и отнеслась къ великимъ завоеваніямъ композиціи съ тѣмъ глубокимъ, объективнымъ вниманіемъ, которое сообщило ея положеніямъ характеръ жизненности и плодотворности. Періодъ XVI столѣтія есть окончательное завершеніе всѣхъ успѣховъ сдѣланныхъ музыкой въ средніе вѣка; въ этотъ періодъ установилась гармонія, первоначальные законы которой тождественны съ законами нашей, современной, образовался музыкальный языкъ, посредствомъ котораго, правда, въ этотъ вѣкъ высказалось содержаніе нѣсколько одностороннее и исключительное, но который, въ отношеніи силы, чистоты, стройности и благородства, самъ по себѣ составляетъ великій памятникъ человеческого генія. Число произведеній оставленныхъ этою эпохою необозримо, число талантовъ вызванныхъ ею на поле дѣятельности изумляетъ изслѣдователя и служитъ новымъ подтвержденіемъ той необыкновенной даровитости которая отличаетъ XVI столѣтіе на всѣхъ поприщахъ искусства. Языкъ, или стиль, кото-

рый выработали безсмертные музыканты эпохи возрожденія, отличается тѣмъ что онъ основанъ на простѣйшихъ началахъ, и эти начала, за незначительными исключениями, вездѣ выдержаны со строжайшею послѣдовательностью, а между тѣмъ въ примѣненіи ихъ господствуетъ величайшее разнообразіе, гибкость и утонченность. Всѣ гармоническія сочетанія, которыми владѣетъ современный стиль, составляютъ выводы изъ началъ положенныхъ XVI вѣкомъ; стиль этого вѣка содержитъ основныя формы нашего стиля, музыкальныя корни, изъ которыхъ послѣдующее развитіе выработало болѣе и болѣе производныхъ формъ. Въ XVI столѣтіи не только установились всѣ коренныя гармоніи, простыя и ясныя, но также открылась перспектива для всѣхъ гармоній производныхъ, не исключая самыхъ сложныхъ и запутанныхъ; установился общій законъ гармоніи, законъ до того разумный и плодотворный, что примѣненіе его, постепенно расширенное, довело гармонію до того безконечнаго разнообразія, свободы и роскоши, которыя составляютъ ея теперешнее отличіе.

Со времени этихъ великихъ успѣховъ музыкальнаго искусства, „теорія“ его окончательно отбросила тѣ схоластическія отвлеченности, которыми еще такъ недавно была наполнена. Изученіе спеціальнаго языка, которымъ говоритъ музыка, приобрьло матеріалъ въ классическихъ памятникахъ творчества и обратилось цѣлкомъ на техническіе приемы которыми руководствовались великіе классики XV и XVI столѣтій. Усвоеніе ученикомъ этихъ приемовъ сдѣлалось цѣлью музыкальной педагогики. Очевидно, что идти впередъ искусству возможно было не иначе какъ на основаніи прошедшаго, а потому творенія великихъ мужей, положившихъ основаніе новѣйшей музыки, а вѣстѣ съ этими твореніями и теорія, изъ нихъ выведенная, сдѣлалась необходимымъ предметомъ изученія для всякаго желавшаго посвятить себя музыкальному искусству. Между тѣмъ жизнь искусства шла впередъ; приобрьтались новыя музыкальныя формы и обороты; языкъ сталъ удаляться отъ своего корня, сталъ терять прежнюю цѣльность и послѣдовательность, сталъ дѣлаться пестрымъ и своевольнымъ. Учиться его строю и законамъ по современнымъ образцамъ уже въ XVII столѣтіи было неудобно, и въ основаніе школы продолжали полагать стиль предыдущаго столѣтія, хотя на композиторской практикѣ стиль

этотъ былъ оставленъ. Но чѣмъ болѣе въ музыкальномъ языкѣ нагромождалось формъ и оборотовъ, тѣмъ труднѣе дѣлалось усмотрѣть въ этой громадной массѣ звукоочетаній ихъ основной типъ, ихъ вѣчный законъ, все болѣе и болѣе открывавшійся подъ разнообразнымъ покровомъ частныхъ примѣненій и исключеній. Чѣмъ дальше, поэтому, уходило развитие музыки, тѣмъ труднѣе дѣлалось начинающему таланту ориентироваться въ ней, и тѣмъ настоятельнѣе заявляла себя необходимость того *историческаго* приема практическаго преподаванія который знакомить ученика сначала со стилемъ легшимъ въ основаніе всей нашей музыки, со стилемъ XVI вѣка, а потомъ уже со стилемъ нашего времени. Сказавъ что приемъ этотъ есть приемъ *историческій*, я опредѣлялъ отношеніе въ которомъ школа находится къ исторіи искусства. Такъ какъ въ этомъ отношеніи заключается вся сущность вопроса музыкальнаго образованія, то я долженъ войти здѣсь въ нѣкоторыя историческія разсужденія.

Гармонія сложилась въ концѣ среднихъ вѣковъ, первоначально посредствомъ прибавленія къ мелодіи церковнаго (католическаго) напѣва другой мелодіи, которая съ нею звучала согласно (консонировала) и поэтому могла съ нею исполняться одновременно. Къ двухголосному сочиненію, такимъ образомъ составленному, позднѣе прибавляется третій голосъ, потомъ четвертый: является гармонія трехголосная, за нею четырехголосная. Какъ видно изъ этого, гармонія, хотя она нашему современному слуху представляется состоящею изъ отдѣльныхъ аккордовъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ во времени, имѣеть чисто-мелодическое происхожденіе и въ основномъ своемъ видѣ состоитъ изъ ряда напѣвовъ, одновременно исполняемыхъ разными голосами. Голосъ прибавляемый композиторомъ къ основному, первоначальному напѣву долженъ былъ удовлетворять двумъ требованіямъ. Взятый отдѣльно, онъ долженъ былъ представлять плавную, пріятную и выразительную мелодію. Взятый вмѣстѣ съ основнымъ напѣвомъ, онъ долженъ былъ образовать съ нимъ звучную, ясную и красивую гармонію. При условіяхъ композиціи XV или XVI стол., первое изъ этихъ требованій (мелодическое) не могло не быть уважаемо. Гармонія того времени назначалась не для фортепіано или оркестра, какъ нынѣшняя. Она распредѣлялась между живыми, человѣческими

голосами пѣвческаго хора; она назначалась исключительно для вокальнаго исполненія въ церкви, и поэтому вся она, подъ гениальнымъ перомъ Климентіевъ, Жоскиновъ, Виллаертовъ, Гомбертовъ, прониклась пѣвчестью, вся она сдѣлалась сплетеніемъ самостоятельныхъ, индивидуальных мелодій. Въ этотъ ранній періодъ гармонической жизни еще не ослабла связь соединявшая его съ гомофоннымъ періодомъ. Въ гармоніи прежде всего искали *отдѣльными* мелодій, искали мелодическихъ красотъ въ каждомъ отдѣльномъ голосѣ. Стремленіе это, однакоже, не мѣшало гармоніи развиваться, не мѣшало совокупности голосовъ сливаться въ стройные и величавые аккорды. Напротивъ, отъ красоты отдѣльных мелодій, составлявшихъ гармонію, общая гармонія только выигрывала. Ни въ одномъ изъ послѣдующихъ періодовъ музыки не найдете вы этой здоровой мощи, этой величавой простоты, этого идеальнаго спокойствія гармоніи, какими отличаются произведенія ХVІ стол. Въ характерности, въ выразительности, въ индивидуализаціи, гармонія, конечно, сдѣлала со времени Жоскина огромные успѣхи. Но въ идеальности и цѣльности настроенія ни одинъ изъ стилей позднѣйшихъ временъ не можетъ сравниться со стилемъ Лассо или Палестрины. То время, когда въ музыкальной техникѣ было всего менѣе уклоненія отъ общаго закона, всего менѣе исключеній и особенностей, совпадаетъ съ эпохой, когда во внутреннемъ содержаніи музыки было всего менѣе борьбы, страданія и болѣзненности. Не мудрено, если музыкальный историкъ видитъ тутъ не простое совпаденіе, а внутреннюю зависимость. Не мудрено, если эта внутренняя зависимость побуждаетъ музыкальнаго педагога, въ свою очередь, перенести условія давшаго развитію гармоническаго искусства такой счастливый ходъ въ свое преподаваніе, заставить школу вкратцѣ пережить тѣ фазисы гармоніи которые дали такіе богатые и плодотворные результаты, словомъ, если въ преподаваніе гармоніи вносится *историческій* ходъ. Ученику даютъ правила, съ помощью которыхъ, въ ХV и ХVІ вѣкѣ, къ одной мелодіи („данному голосу, *chant donné, cantus firmus*“) прибавлялась другая, съ нею одновременная („контрапунктъ“), даютъ основную мелодію („данный голосъ“) и заставляютъ прибавлять къ этой основной мелодіи собственныя, въ возможно большемъ числѣ изъ которыхъ однако ни одна не должна отступать отъ строгости запретительныхъ правилъ. Стѣсненный множе-

ствомъ этихъ правилъ, ученикъ обязанъ представить большое число вариантовъ къ каждой своей работѣ; въ самыхъ тѣсныхъ рамкахъ, гдѣ начинающему иной разъ представляется невозможнымъ написать задачу даже на одинъ способъ, онъ находитъся писать ее на десять, на двадцать способовъ; онъ находится въ постоянной борьбѣ съ бѣдностью матеріала, ибо огромное большинство оборотовъ и сочетаній, знакомыхъ современному слуху, исключается правилами контрапункта основанными единственно на стилѣ XV и еще болѣе XVI столѣтія, и въ этой борьбѣ развивается и крѣпнеть изобрѣтеніе. Силы юнаго таланта изоцряются на суровомъ и сначала не поддающемся матеріалѣ языка, далекаго отъ современнаго, но удивительно цѣльнаго, послѣдовательнаго и законченнаго. Технические условія, чрезвычайно многочисленныя, строгія и точныя, вдающіяся во всѣ мелкія подробности фактуры, заставляютъ и ученика вглядываться во всѣ эти подробности, узнавать цѣну всякаго аккорда, всякаго расположенія голосовъ, всякаго мелодическаго движенія, всякаго удлинненія или сокращенія ноты, вносить тонкую разборчивость и обдуманность туда, гдѣ безъ этой строгой дисциплины обыкновенно царить произволъ и грубое безразличіе. Задачи контрапункта постепенно растутъ въ трудности, и въ одинаковой съ ними мѣрѣ растутъ умѣніе и изобрѣтательность ученика, осливающаго ихъ. Какъ гимнастъ постепенно отваживается на большее и большее напряженіе своихъ мускуловъ, и между тѣмъ, по мѣрѣ успѣховъ своихъ, все съ большею легкостью и граціей побѣждаетъ физическія трудности, такъ и музыкантъ постепенно побѣждаетъ все болѣе и болѣе сложныя задачи контрапункта, и между тѣмъ, по мѣрѣ своихъ успѣховъ, все лучше и лучше скрываетъ голое техническое усиліе подъ граціей и прелестью мелодіи. Успѣхъ, такимъ образомъ, сказывается не только въ возрастающей трудности задачъ, но и въ развивающейся красотѣ рѣшеній, и только тамъ, гдѣ на ряду съ голою правильностью и безупречностью видна свободная, непринужденная текучесть мелодіи, мы въ правѣ признать что контрапунктическая школа принесла плоды. Нельзя не сознаться что плоды эти она приноситъ только при нѣкоторомъ талантѣ; но также несомнѣнно, что есть очень много весьма крупныхъ и яркихъ талантовъ, сочиненія которыхъ носятъ прискорбныя слѣды отсутствія контрапунктической школы.

Еслибы сравненіе съ гимнастикой, помощью котораго я старался выше выяснитъ характеръ контрапункта, исчерпывало собой все его значеніе, еслибы тутъ шло дѣло только о болѣе или менѣе ловкомъ преодоленіи болѣе или менѣе замысловатыхъ трудностей, то и тогда незнаніе этой отрасли музыки оставило бы неизгладимый слѣдъ на стилѣ композитора. Вездѣ гдѣ бы онъ имѣлъ дѣло съ нѣсколькими самостоятельными (или, говоря техническимъ языкомъ, реальными) партіями, въ особенности же гдѣ ему пришлось бы писать для человѣческихъ голосовъ, отсутствіе контрапунктическаго образованія дало бы себя знать неловкостью, шероховатостью, натянутостью а иногда пустотой, ничтожествомъ одновременныхъ мелодій. Тѣ нелѣпыя интонаціи, невозможныя ни для какого голоса, которыя мы довольно часто встрѣчаемъ въ новѣйшихъ хорахъ, и которыя парализуютъ исполненіе, могутъ служить образцами ближайшихъ послѣдствій пренебреженія контрапунктомъ. Но контрапунктъ не есть исключительно гимнастика. Польза отъ него не ограничивается тою плавностью, бойкостью и щеголеватостью письма, которыя почти всегда пріобрѣтаются цѣною болѣе или менѣе основательнаго занятія имъ. Если поставить контрапунктическую школу на строго историческую почву, если освободить ее отъ правилъ, совѣтовъ и запрещеній чуждыхъ духа строгаго стиля и его преданій, но выросшихъ на немъ въ теченіе послѣдняго столѣтія, а взявъ изъ этихъ новѣйшихъ искаженій возобновить всѣ тѣ правила контрапункта, которыя вытекаютъ изъ сочиненій Жоскина, Климентія, Палестрины, Лассо *, то окажется что контрапунктъ заключаетъ въ себѣ гораздо болѣе нежели полезную ремесленную школу, которую видятъ въ немъ даже многіе изъ его педагогическихъ приверженцевъ. Контрапунктъ есть стиль эпохи въ высшей степени богатой музыкальнымъ вдохновеніемъ. Стиль этотъ созданъ подъ дѣйствіемъ высшаго религіознаго одушевленія. Это одушевленіе, доходившее

* Укажу здѣсь на прекрасное сочиненіе: *Der Contrapunkt*, von Heinrich Bellermann. Berlin, Springer, 1862. Превосходный трактатъ Беллермана есть плодъ глубокаго историческаго знанія, равно оладѣвшаго и художественными памятниками XVI вѣка, и теоріей имъ современною, и позднѣйшими теоріями, сжѣлавшими одна другую. Кромѣ того, онъ написанъ съ величайшею простотою и совершенно чуждъ той цѣтливости и фразистости, въ которую такъ часто впадаютъ нѣмецкіе музыкальные писатели.

до фантастическаго мистицизма, создало контрапунктическій стиль, такъ же какъ оно создало готическую архитектуру (по времени нѣсколько предшествовавшую процвѣтанію контрапункта). Въ контрапунктическомъ, какъ и въ готическомъ, стилѣ строгая и послѣдовательная выдержанность общаго типа соединяется съ изумительною роскошью фантазіи въ деталяхъ. Въ томъ и другомъ стилѣ колоссальность размѣровъ цѣлаго, грандіозность концепціи соединяются съ тончайшею отдѣлкой мелкихъ украшеній. Въ томъ и другомъ стилѣ всѣ богатства техники отдаются на служеніе идеалу, на служеніе всеобъемлющей, одухотворяющей религіозной идеѣ. Тотъ и другой стиль поражаютъ громаднымъ, необозримымъ числомъ *первоклассныхъ* произведеній. Видѣть въ готическомъ искусствѣ или контрапунктѣ однѣ лишь техническія проблемы, болѣе или менѣе хитро поставленныя и болѣе или менѣе ловко разрѣшенныя, — значитъ представленіемъ о недостойномъ фокусѣ осквернять святыню идеальныхъ твореній. Къ готическому стилю, впрочемъ, давно и перестали относиться небрежно и высоко. Къ контрапункту же еще не начали относиться со всѣмъ подобающимъ почтеніемъ. Музыкальная литература, даже въ ученой Германіи, слишкомъ исключительно занята интересами минуты и не прочь на эти интересы тратить много лишняго краснорѣчія и остроумія, пренебрегая, вмѣстѣ съ этимъ, тѣми высшими интересами искусства которымъ удовлетворяетъ только основательное историческое изученіе его памятниковъ. Концерты, за исключеніемъ такъ-называемыхъ историческихъ, доселѣ составляющихъ не болѣе какъ рѣдкіе куріозы, пробавляются произведеніями послѣднихъ восьмидесяти лѣтъ, преимущественно же Бетгоvena, Мендельсона и теперь живущихъ композиторовъ. Если музыкальная литература и концерты не распространяють знакомства со строгимъ стилемъ, то, скажутъ мнѣ, существуетъ школа, существуютъ консерваторіи и частныя курсы, на обязанности которыхъ прямѣе нежели на обязанностяхъ журналистовъ и капельмейстеровъ лежитъ ознакомленіе молодаго поколѣнія съ классиками. Но школа въ наши дни переживаетъ періодъ колебанія, періодъ въ которомъ самыя незыблемыя преданія ея становятся спорными пунктами. Значительная часть музыкальныхъ педагоговъ совершенно оставляють преподаваніе „строгаго контрапункта“ и ограничивають упражненія ученика стилемъ новѣйшаго (послѣ-Бахов-

скаго) времени. Руководствуясь тѣмъ *реальнымъ* воззрѣніемъ на школу которое отказывается понять для чего учить въ школахъ такимъ вещамъ какихъ по выходѣ изъ нея вовсе и не приходится дѣлать, эти педагоги стараются какъ можно скорѣе ввести ученика въ обладаніе всѣмъ аппаратомъ новѣйшей композиціи, дабы ученикъ могъ воспѣшить примѣнить этотъ аппаратъ къ собственнымъ сочиненіямъ. Педагоги этой школы, разумѣется, ссылаются при своемъ преподаваніи на классиковъ конца прошлаго и всего нынѣшняго столѣтія, и побуждаютъ этимъ ученика заняться въ чтеніи опять тѣми же композиторами, которыхъ ему предлагаютъ слушать въ концертахъ и которыхъ предъ нимъ анализируютъ журнальныя статьи. При такомъ положеніи дѣлъ становится понятнымъ и совершенное равнодушіе публики къ именамъ Палестрины и Габриели, и высокоумное презрѣніе къ нимъ музыкантовъ. Музыканты очень часто знаютъ объ этихъ великихъ генияхъ музыки не болѣе чѣмъ масса публики. Очевидно, что незнаніе дѣлаго періода искусства, періода, съ такимъ рѣдкимъ совершенствомъ выработавшаго важныя стороны его, должно пагубно вліять на сознаніе и воображеніе нашихъ современныхъ композиторовъ; очевидно что поколѣніе, воспитанное въ невѣдѣніи не то чтобы многихъ превосходныхъ произведеній, а дѣлаго рода прекраснаго, должно огрубѣть въ своихъ вкусахъ и обвѣднѣть въ своемъ избрѣженіи. Эстетическія послѣдствія нашего незнакомства съ твореніями XVI вѣка и нашего неумѣнія писать въ строгомъ контрапунктическомъ стилѣ столь же очевидны и еще плачевнѣе чѣмъ послѣдствія техническія. Не отсюда ли то болѣзненное раздраженіе, не отсюда ли та рапсодическая разрозненность, которая такъ часто господствуютъ въ произведеніяхъ нашихъ молодыхъ композиторовъ? Не отсюда ли это исканіе внѣшнихъ эффектовъ, обманчивыхъ блескокъ, пестрой мишуры? Не отсюда ли это самолюбивое раскрашиваніе ничтожнаго и пошлаго содержанія пикуантными гармоніями и цвѣтистою оркестровкой? Не въ правѣ ли мы искать хоть часть причинъ тепершняго упадка и деморализаціи искусства въ томъ разрывѣ съ историческимъ прошлымъ, въ томъ отчужденіи отъ идеаловъ вѣка Рафаэля и Палестрины которое вносится въ жизнь заблужденіями школы? Созерцаніе великихъ твореній XVI столѣтія и собственныя, долгія упражненія въ его трудномъ,

но здоровомъ и мощномъ стилѣ—вотъ необходимыя средства для развитія въ юномъ музыкантѣ какъ чувства изящнаго, такъ и творческаго таланта. Ни на чемъ самостоятельный талантъ не закаляется такъ крѣпко, какъ на работахъ въ чуждомъ ему, сложномъ и мудреномъ, но цѣльномъ и вездѣ послѣдовательномъ стилѣ, и это—техническая сторона пользы отъ контрапунктической школы. Ни на чемъ, вмѣстѣ съ этимъ, не проясняется, не облагораживается такъ чувство изящнаго, ничто не способно зажечь такой чистый художественный энтузіазмъ въ душѣ молодаго артиста, какъ изученіе того чистаго и кристаллически яснаго стиля, чуждаго вашему мрачнаго драматизма, нашихъ смутныхъ тревоженій, въ которомъ Жоскинъ, Климентій, Гомбертъ, Виллаертъ, Гудимель, Палестрина, Габріели, Витторія, Нанини, Аперіо такъ неподражаемо выразили полетъ восторженной и благоговѣйной души въ обитель идеала.

Отъ этихъ общихъ мыслей перейду къ нѣкоторымъ соображеніямъ вызваннымъ особенностью положенія *русской* музыки.

Еслибъ изученіе строгаго контрапункта имѣло только педагогическое значеніе, еслибъ оно служило только для развитія въ учащихся техническаго умѣнія и чувства изящнаго, то и тогда было бы обязанностью музыкальныхъ педагоговъ поддерживать изученіе этой вѣтви искусства. Такое значеніе, дѣйствительно, имѣетъ контрапунктъ въ Германіи и Франціи, гдѣ развитіе искусства пережило контрапунктскій періодъ, и гдѣ современныя задачи музыки мало вызываютъ къ его непосредственному примѣненію. Совсѣмъ другое дѣло у насъ въ Россіи. Въ нашемъ отечествѣ строгій стиль музыки не только не есть фазисъ пережитый исторіей, но напротивъ того, это фазисъ до котораго мы еще не доросли. Строгий стиль развился на Западѣ подъ условіями письма для пѣвческаго церковнаго хора безъ аккомпанимента; свойство церковныхъ напѣвовъ, исконныхъ мелодій церкви, значительно повліяло на ходы и обороты гармоніи. Въ послѣдствіи же большее развитіе органа видоизмѣнило отношеніе композиціи къ хору; отъ вмѣшательства инструментальнаго элемента церковный стиль сочиненія потерялъ въ отношеніи чистоты и спокойствія и выигралъ въ отношеніи богатства и оживленности. У насъ же въ церкви не допускается органъ; у насъ церковная композиція должна сообразоваться съ условіями интонаціи, не

поддерживаемой никакимъ инструментомъ; партіи должны быть доступны исполненію голосами безъ помощи аккомпанимента, а для этого необходимы многія ограниченія гармоніи, мелодіи и ритма, необходимо исключеніе всякаго искусственнаго, насильственнаго оборота, хотя бы удобнаго и легкаго въ инструментальномъ исполненіи. Но есть только одинъ стиль въ музыкѣ, который возвелъ всѣ эти ограниченія въ правильно-организованную систему, который основанъ на требованіяхъ голосовой интонаціи, который получаетъ смыслъ только въ вокальномъ исполненіи безъ аккомпанимента. Это именно и есть стиль строгаго контрапункта. Я выше упомянулъ о томъ что на гармонію церковнаго стиля западной музыки значительно повліялъ складъ исконныхъ мелодій, бывшихъ въ употребленіи при богослуженіи. Но эти католическія мелодіи имѣютъ весьма много общаго съ нашими, православными, и поэтому особенности строгаго стиля, зависящія отъ склада основныхъ мелодій, могутъ и даже должны появиться и въ нашей церковной музыкѣ. Если наши церковные композиторы хотя бы дѣйствительно стать въ своихъ произведеніяхъ на объективную почву, если они откажутся отъ мысли навязать хору, навязать церкви музыку по существу своему чуждую хора и церкви, — они должны будутъ писать въ стилѣ строгаго контрапункта. Въ техническомъ отношеніи, этотъ стиль обезпечитъ за ихъ сочиненіями чистую интонацію исполнителями; въ художественномъ — онъ придастъ сочиненіямъ характеръ идеальнаго спокойствія и величія, такъ хорошо идущій къ произведеніямъ религіознаго искусства. Церковное, храмовое искусство вездѣ составляло первую, древнѣйшую форму искусства; изъ него развивались, съ теченіемъ времени, формы свѣтскія, болѣе свободныя и разнообразныя. Искусство выростало и крѣпло въ храмѣ, и выходило изъ него лишь тогда, когда чувствовало свою зрѣлость, свою способность къ отдѣльному существованію. Для этого отдѣльнаго существованія весь предшествовавшій религіозный періодъ составлялъ широкій, незыблемый фундаментъ; приемы и средства заимствовались у религіознаго періода и видоизмѣнялись лишь тѣ которые не соотвѣтствовали новымъ сюжетамъ и задачамъ. Если этотъ историческій законъ примѣнить къ Россіи, то окажется что наша музыка вовсе не имѣетъ такого фундамента. Этотъ недостатокъ можетъ показаться маловажнымъ только тому

кто незнакомъ съ исторіей искусства; на самомъ же дѣлѣ онъ громаденъ. Лишь тщательная, въ одно и то же время смиренная и талантливая разработка нашей церковной музыки дастъ всей нашей музыкальной жизни почву; безъ этого она будетъ вести непрочное существованіе, подверженное всѣмъ прихотямъ моды, всѣмъ случайностямъ увлеченія. Пора намъ наконецъ признаться: вся наша церковная музыка, всѣ эти „переложенія“ и „сочиненія“, изъ которыхъ нѣкоторые пользуются такимъ огромнымъ, почетнымъ авторитетомъ, стоятъ, по содержанію и по формѣ, по таланту и по умѣнью, на такой низкой ступени что въ нихъ нельзя признать даже какихъ-либо задатковъ для будущаго развитія. Пора признаться что нельзя приписывать серьезнаго значенія плоскимъ, рутиннымъ подражаніямъ Сарти и Галуппи, которыя изобличаютъ въ своихъ авторахъ столько же неуваженія къ духу и требованіямъ церкви, сколько незнанія средствъ и формъ музыки. Пора намъ признаться, въ виду той поразительной цѣпи музыкальныхъ геніевъ отъ Дифе и Окенгейма до Моцарта и Керубини, которою справедливо гордится латинская церковь, что мы не имѣли ни одного церковнаго композитора, и что дилеттантскія произведенія нашихъ Бортянскихъ и Турчаниновыхъ одинаково не церковны и не музыкальны.

Причины этого прискорбнаго факта легко найти въ исторіи русской музыки. Духовная музыка перенесена къ намъ изъ Италіи въ то время, когда въ самой Италіи она находилась въ глубокомъ упадкѣ, исказилась оперными формами, опозорилась всеобщою страстью къ виртуозности кастратовъ, именно около середины прошедшаго столѣтія. Но наши италіянскіе учителя, хотя и сыны растлѣнной эпохи искусства, по крайней мѣрѣ были бойкіе техники, по крайней мѣрѣ обладали всѣми матеріальными условіями для музыкальной композиціи. О ихъ русскихъ ученикахъ и подражателяхъ нельзя сказать и этого: техника музыкальнаго дѣла у насъ была лишена всякой подготовки, всякихъ преданій. Такимъ образомъ, во второй половинѣ восемнадцатаго столѣтія, и установилась у насъ этотъ стиль духовной музыки, въ которомъ нѣтъ религіознаго величія, возвышенности, торжественности, но нѣтъ также и музыкальной ловкости, разнообразія и богатства, стиль, который въ музыкальномъ отно-

шеніи возбуждалъ презрительный сарказмъ Галяки,* а въ религіозномъ — негодованіе митрополита Евгенія.** Нельзя сказать чтобы со временъ Березовскаго и Бортьянскаго положеніе дѣла значительно улучшилось, напротивъ того, наши позднѣйшія церковныя композиціи написаны подъ очевиднымъ ихъ влияніемъ, и успѣхъ тутъ очевидно сдѣлается возможенъ только при большемъ развитіи у насъ музыкальныхъ знаній. Только музыкальное знаніе, полное и зрѣлое, способно рѣшить вопросъ о стилѣ подобающемъ музыкальной сторонѣ богослуженія. Если мы взглянемъ на тѣ страны и эпохи гдѣ дѣйствительно эта музыкальная область была доведена до высшаго совершенства, на Францію, Германію и Италію XV и XVI столѣтія, мы убѣдимся что строгій контрапунктъ составляетъ необходимое условіе церковной музыки, и что никогда безъ строгаго контрапункта человечество не имѣло бы тѣхъ безсмертныхъ памятниковъ искусства которые до сихъ поръ возбуждаютъ энтузіазмъ и благоговѣніе слушателя. Отъ введенія у насъ строгаго контрапункта въ музыкальное преподаваніе зависитъ введеніе его въ духовную музыку, а отъ введенія его въ духовную музыку—вся ея будущая участь на Руси.

Въ дѣлѣ церковной музыки интересы религіи соприкасаются съ интересами искусства, и на мой взглядъ, единственный путь, на которомъ можно удовлетворить первымъ, есть единственный и для удовлетворенія вторымъ. Но есть другая область въ нашей русской музыкѣ которая, такъ же настоятельно какъ и церковная, требуетъ введенія строгаго стиля и лишь отъ него можетъ ожидать прочныхъ, дѣйствительныхъ успѣховъ. Я говорю объ обработкѣ нашихъ народныхъ пѣсней. Установленіе настоящей точки зрѣнія здѣсь еще

* „Что такое Бортьянскій? Сахаръ Медовичъ Паточкинъ — довольно!“ писалъ Галяка К. А. Бугакову 8-го ноября 1855 года. (Письма Галяки къ К. А. Бугакову, въ *Русскомъ Архивѣ*, 1869 г., № 2).

** „Кажется, они“ (то-есть наши церковные композиторы) „хотѣли болѣе удивлять слушателей концертантною симфонією, нежели трогать сердца благочестивою словесною мелодією, и часто, при пѣсносоженіяхъ ихъ, церковь болѣе походитъ на италянскую оперу нежели на домъ благоговѣйнаго молитвенословія ко Всевышнему“. (*Историческое разсужденіе о богослужбномъ пѣніи*, Спб. 1804, стр. 16, примѣч. 36.)

труднѣе чѣмъ въ дѣлѣ церковной музыки, такъ какъ тамъ, по крайней мѣрѣ, сторонникъ контрапункта можетъ ссылаться на готовые образцы Палестрины и множества другихъ, а между обработками русскихъ народныхъ пѣсень еще вовсе нѣтъ классическихъ, въ смыслѣ чисто-объективной передачи духа пѣсни. Поэтому, не опираясь на историческіе памятники, не имѣя фактическихъ доказательствъ, я долженъ избрать путь аналогіи для того чтобы доказать необходимость примѣненія строгаго контрапункта къ обработкѣ нашихъ народныхъ пѣсень. Древніе напѣвы христіанскихъ церквей—православной, римско-католической и даже лютеранской—основаны на діатонической гаммѣ, придерживаются такъ-называемыхъ церковныхъ ладовъ, постоянно избѣгаютъ нѣкоторыхъ интервалловъ, отличаются большою свободой и разнообразіемъ ритма. Но всѣ эти признаки мы находимъ и у русскихъ народныхъ пѣсень, разумѣется, у подлинныхъ, древнѣйшихъ народныхъ пѣсень, а не у тѣхъ издѣлій сомнительнаго происхожденія которыя въ новѣйшее время нерѣдко распѣваются простонародіемъ и иными музыкантами весьма ошибочно принимаются за народныя пѣсни.* Сходство древнѣйшихъ свѣтскихъ пѣсень русскаго народа съ исконными напѣвами церкви идетъ весьма далеко, и фактъ этотъ нисколько не удивителенъ, если вспомнить что тѣ и другіе принадлежатъ такому періоду въ исторіи музыки, когда духовное и свѣтское еще не было строгаго разгра-

* Въ особенности иностранцы почти всегда впадаютъ въ заблужденіе, когда выбираютъ матеріалъ для произнесенія сужденія о русскихъ народныхъ пѣсняхъ. Подъ названіемъ *air russe, russische Nationalmelodie*, Французъ или Нѣмецъ почти всегда разумѣетъ какое-нибудь Барлаамовское или Титовское произведеніе, столько же похожее на русскую пѣсню какъ пародія похожа на оригиналъ. Нельзя въ этихъ постоянныхъ промахахъ не винить и нашей собственной небрежности, нашего равнодушія къ сокровищамъ національнаго творчества. За исключеніемъ двухъ новѣйшихъ сборниковъ русскихъ народныхъ пѣсень (г. Вильбуа и г. Балакирева), во всѣхъ сборникахъ ясны безразлично перемѣшаны съ *романсами*, произведенія эпической древности съ произведеніями „временъ очаковскихъ и покоренія Крыма“, нерѣдко даже преобладаютъ новѣйшія салонныя произведенія—и иностранецъ, изучающій русскую народную музыку по такому сборнику, при самой доброй волѣ, не можетъ не получать о ней превратнаго попятія.

ничено, когда молодое искусство еще не успѣло развѣтвиться, а всѣ произведенія его носили общій, наивный отпечатокъ. Поэтому реформа въ обработкѣ нашихъ церковныхъ напѣвовъ въ смыслѣ строгаго стилиа столь же разумна и настоятельна, сколько и реформа въ гармонизаціи нашихъ народныхъ пѣсенъ. И если, дѣйствительно, нѣтъ готовыхъ образцовъ контрапунктической обработки русскихъ пѣсенъ, то нельзя того же сказать о древнихъ народныхъ пѣсняхъ Запада. И на Западѣ были народныя свѣтскія пѣсни, строгодіатоническія, въ церковныхъ ладахъ, словомъ, близкія по техникѣ къ грегорианскимъ напѣвамъ церкви, хотя пѣсни эти не сохранились въ народѣ до нашего времени, какъ русскія, а извѣстны только музыкальному историку по письменнымъ памятникамъ. И эти пѣсни стали поводомъ къ многочисленнымъ контрапунктическимъ сочиненіямъ, изъ коихъ многія блистаютъ неувядаемою красотой. Особенно нидерландскіе композиторы конца XV и всего XVI столѣтія любили брать темами для своихъ много-голосныхъ контрапунктическихъ сочиненій пѣсни свѣтскаго содержанія, распѣвавшіяся въ простонародіи. На развитіе контрапункта, а вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдовательно, на развитіе всего музыкальнаго искусства, народныя пѣсни среднихъ вѣковъ имѣли вліяніе далеко не ничтожное. Въ нашемъ народѣ пѣсни, подобныя этимъ средне-вѣковымъ напѣвамъ Запада, живутъ до сихъ поръ; вполне логично будетъ заключить, что сходство темъ должно отразиться и на сходствѣ обработокъ, и что только несчастныя обстоятельства нашего музыкальнаго развитія помѣшали этому заключенію а priori оправдаться въ дѣйствительности.

Кто дорожитъ судьбами богослужебнаго пѣнія православной церкви, кто чувствуетъ красоту нашихъ неподражаемыхъ и неисчерпаемыхъ народныхъ пѣсенъ, тотъ, вѣроятно, желаетъ имъ развитія, по возможности, чуждаго отъ постороннихъ вліаній, отъ чуждыхъ примѣсей. Безъ знанія исторіи музыки — а это знаніе составляетъ у насъ въ Россіи величайшую рѣдкость — простительно принимать и коренныя, жизненныя условія за постороннія примѣси, и постороннія примѣси за коренныя условія. Но ставъ на единственно-вѣрную историческую точку зрѣнія и отказавшись отъ легкихъ, но не всегда безвредныхъ, произвольныхъ фантазій, отправляющихся отъ личнаго вкуса и ин-

стигмативнаго чувства, нельзя, полагаю, не согласиться съ моимъ воззрѣніемъ. Гадать о томъ чѣмъ могла бы быть церковная музыка, какъ *можно* бы было обрабатывать народныя пѣсни — для этого, конечно, представляется весьма обширное поприще. Но при тѣхъ условіяхъ какія ставить богослуженіе православной церкви, мы въ исторической дѣйствительности видимъ только *одинъ* случай процвѣтанія церковной музыки; и въ этомъ случаѣ ея процвѣтаніе было неразрывно съ установленіемъ и завершеніемъ строгаго контрапункческаго стиля. Точно также народная пѣсня, въ своей постройкѣ подобная русской, только *однажды* въ исторіи вызвала цѣлую школу обработокъ и переложеній, безукоризненныхъ независимо отъ своихъ темъ и органически вытекающихъ изъ свойства этихъ темъ; и эта школа есть нидерландская контрапунктическая. Факты прошлаго указываютъ намъ какимъ образомъ тѣ данныя которыми обладаетъ наша народная музыка могутъ получить широкое и богатое развитіе, могутъ разростись въ особенную, народную школу искусства. Факты же настоящаго указываютъ отчего эти богатые данныя получили развитіе такое отрывочное и незначительное.

Я говорилъ выше что „строгій стиль“ содержитъ основныя формы изъ которыхъ развился современный стиль музыки. На Западѣ, такимъ образомъ, музыкальное искусство стоитъ на твердыхъ корняхъ и органически развилось изъ условій контрапункта. Но музыка Запада начала переходить въ Россію только тогда, когда строгій стиль уже давно сдѣлался антикомъ. Мы, въ восемнадцатомъ столѣтіи, приняли изъ Италіи и Германіи готовые результаты, но не перенесли корней, изъ которыхъ они развились. Съ тѣхъ поръ мы, иногда болѣе, иногда менѣе удачно, идемъ вровень съ вѣкомъ, переносимъ съ Запада къ себѣ всѣ его дальнѣйшія нововведенія; не достаетъ только корня, недостаетъ *raison d'être* всей этой музыки, такъ легко и удобно начавшей у насъ съ того, до чего другіе народы прошли путемъ вѣковыхъ трудовъ. Но слишкомъ большая легкость усвоенія неволью возбуждаетъ сомнѣніе въ прочности и пользѣ. Эта музыка, такъ поздно начавшая говорить свое слово; эта музыка, питающаяся дешевыми плодами чужихъ изобрѣтеній; эта музыка, старческая уже въ дѣтствѣ; эта музыка, въ которой нынѣ сказываются признаки утомленія и разоча-

рованности послѣ едва столѣтняго періода существованія, не носить ли на себѣ слѣды своей легкой, скороспѣлой школы? Не отзывается ли отсутствіе крѣпкаго историческаго фундамента всѣми ея односторонностями и недугами? Наши композиторы не имѣютъ подъ собой почвы въ вѣковомъ, органическомъ развитіи техники искусства; они, повторяю, начали со ступени уже весьма поздней, и вслѣдствіе этого являютъ всѣ невыгоды положенія русской школы музыки. Слишкомъ легкой процессъ усвоенія ею формъ и оборотовъ музыкальнаго лексикона, слишкомъ дешевая цѣна на которую она приобрѣла механизмъ сочиненія, весьма естественно породили во многихъ представителяхъ этой школы то легкое и прѣзрительное отношеніе къ техникѣ, то неуваженіе къ труду и знанію, которыя въ настоящее время составляютъ едва ли не самый главный тормозъ нашего музыкальнаго преуспѣванія. Съ тѣмъ глубокимъ пренебреженіемъ, съ которымъ средневѣковой рыцарь, блестящій, недѣятельный и безграмотный, долженъ былъ смотрѣть на горожанина-мѣщанина, снискивавшаго хлѣбъ въ потѣ лица своего, представители нашего музыкальнаго „молодаго поколѣнія“, незнакомые со строгою школою, съ суровымъ трудомъ, смотрятъ на музыкальнаго труженика, на искуснаго техника, скромнаго педагога и т. п. Еслибы наши молодые музыканты знали что трудъ и ученость вынесли на своихъ плечахъ всю исторію гармоніи, что всѣ дѣйствительные успѣхи нашего искусства—плоды громадной работы, упорной, кропотливой, они, быть-можетъ, перемѣнили бы свое отношеніе къ техникѣ. Но откуда имъ это узнать, и какое имъ дѣло до исторіи? Какое имъ дѣло до тружениковъ двигающихъ впередъ искусство своими изслѣдованіями и открытіями? Какое имъ дѣло до медленныхъ шаговъ прошлыхъ столѣтій и западныхъ народовъ, добывшихъ каждое сочетаніе, каждое послѣдованіе аккордовъ собственнымъ трудомъ? Тѣ вѣка, тѣ народы шли пѣшкомъ; а мы сидимъ на конѣ; мы закованы въ блестящіе латы; мы быстро скачемъ по ровному полю и рисуемъ своими красивыми перьями на шлемахъ. Контрапунктисты и теоретики наши рабы; они даромъ работали для насъ, даромъ расчистили намъ гладкую и широкую дорогу, по которой намъ, счастливцамъ, не знаящимъ труда, остается только нестись во всю прыть, и развѣ

иногда, для разнообразія, побивать другъ друга въ благородномъ поединкѣ...

Это презрѣніе къ труду и знанію, эти полемическіе поединки отъ нечего дѣлать, это отсутствіе твердыхъ знаній, а съ ними и твердыхъ убѣжденій, эта хвастливая и задорная самоувѣренность, всѣ эти прискорбные и болѣзненные признаки скороспѣлости и преждевременной старости главнымъ образомъ выступаютъ въ критикѣ, служащей органомъ „молодой“ партіи нашего музыкальнаго мірка. Но есть другіе признаки того же недуга, которые высказываются не въ рецензіяхъ, а въ практическомъ сочиненіи. Эти признаки указываютъ на тотъ же фактъ, что наша музыка начала съ готовой уже ступени, поставленной чужимъ трудомъ. Сюда относится то отчаянное исканіе новизны и пикантности, сюда относится та ломка художественной формы, ломка для ломки, а отнюдь не по требованію внутренняго содержанія, которыми отличаются многія изъ новѣйшихъ произведеній русской школы музыки. Гдѣ нѣтъ самостоятельности, тамъ естественно давящее и гнетущее чувство несамостоятельности, тамъ естественно желаніе обмануть себя и другихъ игрою въ самостоятельность, внѣшнею копировкой самостоятельности. Нельзя вычеркнуть тотъ фактъ, что въ общемъ историческомъ ходѣ нашего музыкальнаго образованія, не мы создали гармонию и формы композиціи, а приняли ихъ готовыми отъ западныхъ сосѣдей, что нашъ музыкантъ, почти всегда, не самъ слагаетъ гармонию изъ собственныхъ контрапунктическихъ этюдовъ, а принимаетъ ее готовою въ систематической теоріи аккордовъ. Итакъ мы несамостоятельны въ технику; но нельзя ли скрыть этотъ обидный фактъ, нельзя ли превзойти всѣхъ нашихъ предшественниковъ и обратить самыя смѣлыя ихъ попытки въ ничтожныя дѣтскія забавы предъ нашими дерзкими нововведеніями? Какъ ни дикъ кажется теперь этотъ вопросъ, формулованный мною во всей его наготѣ, и какъ ни очевидно нелѣпость сѣтованія на тотъ фактъ что не мы выдумали гармонию, но въ глубинѣ нашего, столь распространеннаго и столь пагубнаго оригинальничанія кроется смутное, несознанное чувство несамостоятельности, зависимости отъ готоваго образца, замѣнившаго для насъ собственныя вѣковыя исканія. Вѣроятно, ни одинъ изъ нашихъ юныхъ искателей оригинальности не признается въ этомъ предъ

самимъ собою; но что же его подталкиваетъ писать подчасъ наперекоръ требованіямъ слуха и здраваго смысла, какъ не тайное чувство своей постоянной подражательности въ предѣлахъ разумнаго и красиваго?

Да, нашей музыкѣ необходима самостоятельность, и я скажу не обинуясь, что только историческій методъ въ музыкальномъ обученіи, что только контрапунктическая школа могутъ вывести ее изъ тѣсныхъ рамокъ подражанія. Въ малыхъ размѣрахъ музыкальной педагогики долженъ повториться великій историческій процессъ образованія гармоніи. Ученикъ долженъ самъ пройти, долженъ самостоятельно воспроизвести тѣ фазисы чрезъ которые прошло развитіе гармоніи, онъ долженъ *найти* аккорды и ихъ послѣдованіе путемъ контрапунктическихъ упражненій, и чѣмъ углубленнѣе, чѣмъ специальнѣе будутъ его контрапунктическія упражненія, тѣмъ богаче будутъ плоды музыкальной школы. Поверхностное знакомство и энциклопедическій обзоръ тутъ совершенно бесполезны. Важно не знаніе названій формъ, а умѣніе производить формы; не сообщая этого умѣнія, школа обратится въ опаснѣйшій разсадникъ дилеттантства. Нечего опасаться отвлеченныхъ, сухихъ и, по видимому, непрактическихъ задачъ, которыя во множествѣ ставятъ строгій контрапунктъ. Чѣмъ труднѣе, чѣмъ тѣснѣе ограничена правилами такая задача, тѣмъ болѣе она вызываетъ всю энергію самостоятельности, тѣмъ болѣе она отрѣшаетъ ученика отъ вліянія воспоминаній и подражательства, тѣмъ болѣе, слѣдовательно, она способствуетъ воспитанію самостоятельнаго, оригинальнаго таланта. Всѣ эти *обращенныя* и *обратныя имитаци*, всѣ эти *соединенія разныхъ ритмовъ* въ разныхъ голосахъ, всѣ эти формы *канонновъ*, обремененныя тысячами затѣпливыхъ трудностей, въ свое время послужили къ обогащенію музыкальнаго лексикона, сообщили ему гибкость и изворотливость, ибо принудили къ отысканію, въ предѣлахъ непреложнаго закона, новыхъ и новыхъ сочетаній. Всѣ они, примѣняемые въ настоящее время къ педагогикѣ (въ которой они потеряли живое значеніе), окажутъ то же укрѣпляющее и развивающее дѣйствіе на отдѣльнаго ученика, какое въ свое время оказали на все искусство. Закаленный въ борьбѣ съ высшими трудностями контрапункта, ученикъ, вмѣстѣ съ чистотою и ясностью музыкальной рѣчи, получитъ величайшую свободу

въ выраженіи и легкость въ умѣніи находить, безъ помощи воспоминавія и заимствованія, обороты и сочетанія въ гармоніи и мелодіи. Только этимъ путемъ и возможно для него достиженіе дѣйствительной, здоровой, не напускной и не насильственной оригинальности.

Есть одно весьма распространенное заблужденіе, котораго нельзя не вспомнить говоря о музыкальномъ образованіи, и въ особенности о музыкальномъ образованіи въ нашемъ отечествѣ. Неоднократно слышали и читали мы совѣтъ, обращенный къ молодому поколѣнію музыкантовъ, ограничиваться при изученіи своего предмета чтеніемъ партитуръ первоклассныхъ композиторовъ и анализомъ бѣльшаго или мѣньшаго числа ихъ произведеній. Совѣтъ этотъ направленъ въ особенности противъ школьныхъ упражненій въ контрапунктъ и гармонизаціи, на которыхъ доселѣ основывалось музыкальное обученіе. Въмѣсто сухихъ и деревянныхъ работъ, на которыхъ долго останавливается прилежаніе и энергія ученика, слѣдующаго обыкновенной методѣ, поборники чтенія и анализа на первыхъ же порахъ сулятъ ему входъ въ роскошный вертоградъ вдохновеннаго творчества. Въмѣсто того чтобы ломать голову надъ какимъ-нибудь неудачнымъ *контрапунктомъ синкopi*, ученикъ восторженно слѣдитъ за страницами Беттовенской симфоніи. Казалось бы что для сочиненія хорошей піесы, кромѣ таланта, только и требуется что основательное знакомство съ другими хорошими піесами, и что не можетъ быть и рѣчи о выборѣ между двумя методами, изъ которыхъ одинъ ведетъ ученика прямо къ цѣли, а другой избираетъ длинный, трудный и окольный путь. Но здѣсь-то и заключается вся сущность громаднаго обмана, въ который сторонники разбираемаго метода вовлекаютъ себя и другихъ. Никто не можетъ быть поручкой за то, на какія именно стороны Беттовена или другаго классика падетъ первоначальное вниманіе ученика, что именно найдетъ онъ въ немъ достойнымъ подражанія, что приметъ, и что отвергнетъ изъ предлагаемой ему пищи. Никто не можетъ предвидѣть, отлучитъ ли ученикъ существенныя стороны отъ случайныхъ, внутреннее содержаніе отъ вѣншнихъ прикрасъ, черты общія отъ чертъ индивидуальныхъ, достоинства отъ недостатковъ. Никто слѣдовательно не можетъ опредѣлить заранее какія стороны разбираемыхъ образцовъ вызовутъ подражаніе ученика. Но этимъ далеко еще

не ограничивается зло, представляющееся многимъ въ видѣ педагогическаго успѣха. Предположимъ что ученикъ отъ природы одаренъ вѣрнымъ артистическимъ чутьемъ, что онъ получилъ вѣрное первоначальное направленіе; предположимъ что вездѣ въ изученіи своихъ образцовъ онъ восхищается только истинными ихъ красотами, что онъ сознаетъ всѣ ихъ недостатки и въ собственныхъ опытахъ подражаетъ первымъ и избѣгаетъ вторыхъ. Достоинство этихъ опытовъ, если онъ ограничивался разбираемымъ здѣсь методомъ, все-таки болѣе чѣмъ сомнительно. Умъ, не привыкшій къ работѣ надъ чуждымъ ему сначала и никому сразу не поддающимся музыкальнымъ матеріаломъ, не приобрететъ самостоятельной мысли, не станетъ на высоту собственного изобрѣтенія отъ одного созерцанія чужихъ совершенствъ. При вѣковой степени начитанности и таланта, писать музыкальныя сочиненія становится дѣломъ очень легкимъ и удобнымъ: ходячія красивыя фразы, подмѣченные у другихъ обороты и эффекты толпятся въ головѣ и свободно льются на бумагу. При самой большой снисходительности, однакоже, трудно признать за этими плодами частаго посвященія оперъ и концертовъ какое-нибудь самостоятельное значенія. Слышанное и прочитанное смѣшивается въ амальгаму, въ которой болѣею частию легко распознать основные элементы, и частицы подобной амальгамы затѣмъ добродушно выдаются композиторами, воспитанными на чтеніи и анализѣ, за плодъ собственного творчества. Стоить оглянуться русскому музыкальному критику чтобы кругомъ себя увидать примѣры краснорѣчиво подтверждающіе мои слова. Какъ ясно слышатся въ сочиненіяхъ иныхъ изъ нашихъ молодыхъ композиторовъ знакомые звуки любимаго ими Глинки или Шумана! Какъ легко опредѣлить, прослушавъ иное сочиненіе написанное молодымъ русскимъ талантомъ, какіе композиторы и даже какія ихъ сочиненія знакомы ему и цѣнятся имъ высоко! Какая пугающая тѣснота, какая ограниченность и рутинность въ этомъ міркѣ, воображающемъ себя свободнымъ отъ школьныхъ рамокъ и безознательно поставившемъ себя въ самыя узкія и замкнутыя рамки! Было бы большимъ заблужденіемъ приписать ту массу произвольныхъ воспоминаній, заимствованій и повтореній задовъ, которая озадачиваетъ насъ въ сочиненіяхъ нашихъ современныхъ композиторовъ, отсутствію врожденнаго таланта.

Талантъ не имѣетъ и сотой доли того значенія которое ему часто приписывается. Нѣтъ, не большая или меньшая мѣра таланта, а прежде всего большая или меньшая мѣра школы, и школы непременно самостоятельной, или, что то же самое, контрапунктической—вотъ что рѣшаетъ вопросъ о самостоятельномъ содержаніи музыкальной мысли. Рабская подражательность въ содержаніи и формѣ есть лишь послѣдствіе того способа ученія, который мнитъ достигнуть прочныхъ результатовъ легкимъ путемъ чтенія и анализа. Если наши композиторы такъ часто блистаютъ отсутствіемъ самостоятельной мысли, если въ ихъ произведеніяхъ такъ часто выступаетъ ребяческій приемъ бессознательнаго повторенія чужихъ мыслей, то изъ этого не слѣдуетъ дѣлать никакого поспѣшнаго заключенія о степени ихъ даровитости. Представьте себѣ, въ самомъ дѣлѣ, иное дарованіе, еще не окрѣпшее и не сложившееся, готовое принять всякую форму и поддаться всякому обаянію; представьте себѣ что этому дарованію не предлагается никакой трудной работы, требующей объективнаго углубленія и настойчивой воли; что вмѣсто этого его исключительно питаютъ произведеніями близкими ему по эпохѣ своего происхожденія, а слѣдовательно и по духу и языку; представьте себѣ что все его вниманіе уходитъ на усвоеніе себѣ этихъ произведеній съ ихъ мельчайшими подробностями. Какая могучая оригинальность, какая исполнинская сила нужна ученику для того чтобы въ своихъ собственныхъ работахъ, подъ обаяніемъ прочитаннаго и анализированнаго, не впасть въ тотъ бессознательный лепетъ восторженнаго подражательства, который иными молодыми композиторами принимается за звонкую монету собственнаго творчества!

Странное дѣло! Противники контрапунктической школы, сторонники школы чтенія и анализа, принадлежатъ къ самымъ рьянымъ прогрессистамъ въ музыкѣ; они въ современномъ искусствѣ признаютъ только то въ чемъ видятъ борьбу его со старымъ, новые пути, новыя формы; они презрительно относятся къ именамъ недавно пользовавшимся, или еще теперь пользующимся, всеобщимъ уваженіемъ и любовью; они не допускаютъ авторитетовъ, они проповѣдуютъ разрывъ съ преданіемъ. Въ этомъ своемъ либерализмѣ они остаются совершенно послѣдовательны, пока дѣло не касается педагогическаго вопроса. Но поднимите вопросъ о

преподаваніи, и вы сейчасъ услышите вопли противъ „схоластическихъ рамокъ“ и совѣтъ ограничиться „саморазвитіемъ“, то-есть, другими словами, вы услышите самую явную поддержку преподаванія которое можетъ расплодить подражательство и повтореніе задовъ до безконечности. „Схоластическими рамками“ называются строгія формы, преимущественно контрапунктическія, въ которыхъ серіозная школа всегда упражняла и будетъ упражнять ученика, а „саморазвитіемъ“ опять то же чтеніе партитуръ и игра на фортепиано преимущественно новѣйшихъ сочиненій, какъ самыхъ „современныхъ“ по духу и формамъ. Это ограниченіе чтенія новѣйшими композиторами очень характерно для критики нашихъ музыкальныхъ прогрессистовъ. Критика, выражающая это направленіе, такъ убѣждена въ негодности всего музыкальнаго созданнаго прежде вчерашнаго дня, что заболливо увѣрываетъ въ этой негодности и своихъ учениковъ и адептовъ, и такимъ образомъ отвращаетъ ихъ отъ изученія произведеній прошлаго. Такимъ образомъ не только обученіе запирается въ тѣсный кругъ анализа и чтенія, но и самое чтеніе въ свою очередь запирается въ тѣснѣйшій кругъ модной современности, новѣйшихъ сливокъ музыкальнаго прогресса. Результатомъ педагогическаго метода, восхваляемаго нашими музыкальными либералами, является поколѣніе композиторовъ воспитанныхъ въ презрѣніи великаго прошлаго музыки, въ незнаніи исторіи, въ неумѣніи писать вокальныя партіи, въ самолюбивомъ повтореніи любимыхъ коньковъ и общихъ мѣствъ, въ безкусномъ оригинальчаніи, въ тщеславномъ невѣжествѣ. И если не всѣ эти грустныя стороны нашей современной музыкальной жизни имѣютъ единственнымъ корнемъ методъ образованія, то нельзя не согласиться что введеніе другаго метода, контрапункческаго, послужитъ могущественнымъ средствомъ для устраненія большей части изъ нихъ, давъ молодому уму здоровую музыкальную пищу, давъ всему образованію прочный, историческій фундаментъ.

Самодѣтельность и борьба съ техническими препятствіями, а не легкое и покойное разсматриванье чужихъ красотъ, вотъ путь по которому музыкантъ можетъ достигнуть зрѣлаго и всесторонняго развитія. Только на этомъ пути существуетъ мѣрило способностей, мѣрило знаній, мѣрило успѣховъ; только на немъ возможно уберечься отъ само-

оболеженія, только на немъ каждое пріобрѣтеніе обращается въ дѣйствительную цѣнность. Но было бы величайшемъ односторонностью отрицать пользу и даже необходимость обширнаго чтенія. Чтеніе классическихъ произведеній не можетъ быть замѣнено никакимъ другимъ образовательнымъ средствомъ: это сторона изящная, согрѣвающая, поддерживающая бодрость въ ученикѣ. При томъ методѣ, на преимущество котораго я старался указать, чтеніе и анализъ не только не исключаются изъ педагогическаго плана, но получаютъ свое настоящее значеніе и благотвѣтельную силу. Ознакомленный чрезъ собственные многочисленныя и разнообразныя работы со всѣмъ механизмомъ контрапункта, ученикъ становится на ту точку съ которой онъ можетъ войти въ музыкальное произведеніе, понять и оцѣнить его особенности. Тѣ которые съ увѣренностью утверждаютъ что для образованія композиторскаго таланта достаточно ознакомленія съ музыкальною литературою, и не догадываются какая разница существуетъ между чтеніемъ піесы двумя музыкантами, изъ которыхъ одинъ имѣетъ контрапунктическое образованіе, а другой нѣтъ. Кто не освоился на практикѣ со всѣмъ аппаратомъ многоголоснаго сочиненія, кто не владѣетъ языкомъ гармоніи отъ самыхъ простыхъ до самыхъ сложныхъ сочетаній, тотъ, читая и, пожалуй, анализируя піесу, постоянно находится между двумя опасностями, постоянно рискуетъ впасть въ двѣ ошибки, изъ которыхъ каждая въ состояніи сдѣлать этотъ анализъ ничтожнымъ, а потому и это чтеніе бесполезнымъ. Или онъ вовсе не видитъ технической стороны произведенія, или, напротивъ, онъ видитъ только ее. Въ первомъ случаѣ, его сужденіе, лишенное всякой почвы, витаетъ въ сферѣ фантазіи и произвола; личное впечатлѣніе, настроеніе минуты направляютъ вниманіе на ту или другую черту произведенія, и въ головѣ разбирающаго составляетъ общее цѣлое, представляющее часто весьма мало сходства съ разбираемою піесой. Во второмъ случаѣ, ученикъ, и даже самый способный и воспріимчивый ученикъ, почти постоянно смѣшиваетъ черты общія, родовыя, съ чертами индивидуальными и своеобразными, и вмѣсто того чтобы сосредоточить свое вниманіе на послѣднихъ, тратитъ его, а не рѣдко и свои восторги на родовые признаки и общія мѣста, которые для зрѣлаго музыканта не представляютъ ничего инте-

реснаго. Для того чтобы чтеніе могло дѣйствовать на ученика плодотворно необходимы двѣ вещи: надобно чтобъ онъ разобралъ и опредѣлялъ технику произведенія, а также чтобъ онъ позналъ его духъ, чтобъ онъ воику въ его внутреннюю гармонию. Но только тотъ кто самъ владѣетъ техникой, сумеетъ оцѣнить ее у другаго; только тотъ кому извѣстенъ общій законъ языка сумеетъ почувствовать всѣ частныя отступленія, всѣ оригинальныя уклоненія отъ него; только тотъ кому извѣстны средства и приемы техники можетъ, не останавливаясь на внѣшней технической оболочкѣ, проникнуть во внутреннее, идеальное содержаніе разбираемой пьесы. Чтеніе классическихъ произведеній способно принести богатѣйшіе плоды, но только тамъ гдѣ ему предшествуетъ самостоятельная, обширная и строго-систематическая работа. Анализъ музыкальныхъ сочиненій въ высшей степени развиваетъ критическую способность и чувство изящнаго; но ученикъ никогда не упражнявшійся въ основныхъ формахъ своего искусства неспособенъ ничего усмотрѣть въ разбираемомъ сочиненіи, неспособенъ отдать себѣ отчета въ его постройкѣ, неспособенъ оцѣнить его подробности и извлечь изъ анализа какую бы то ни было пользу для своего собственного развитія.

Впрочемъ, признавая необходимость возможно-обширнаго ознакомленія учащихся съ литературой ихъ предмета, я долженъ оговориться относительно объема самой этой литературы. Выше уже было замѣчено что нѣкоторые наши критики, претендующіе выражать собою духъ нашего молодого поколѣнія, постоянно стараются убѣдить своихъ читателей въ негодности всего не-новѣйшаго въ музыкѣ и въ необходимости изучать только современныя, или по крайней мѣрѣ весьма недавнія сочиненія. Насъ съ самымъ серьезнымъ видомъ учили что музыка начинается только съ Бетгоvena, что все до-Бетговеновское время только собирало и складывало матеріалъ, но не достигло художественности ни въ одномъ произведеніи. Кто изучалъ музыку различныхъ періодовъ исторіи, тотъ знаетъ что вся музыка послѣ Бетгоvena имѣетъ чрезвычайно много общихъ чертъ, встречающихся у всѣхъ композиторовъ этого времени, и что такимъ образомъ, взятая отдѣльно, эта музыка, при всѣхъ своихъ интересныхъ и замѣчательныхъ качествахъ, отличается значительною односторонностью. То же самое, впрочемъ, можно сказать и о каждомъ отдѣльно

взятыхъ періодъ искусства: ни одинъ изъ нихъ не исчерпывалъ собою *всего* искусства, а всегда отдѣльный періодъ разрабатывалъ и отдѣльную сторону или нѣсколько сторонъ искусства. Допустивъ эти азбучныя истины, нельзя не вывести что изученіе періода, развившаго только одну или нѣсколько сторонъ искусства, должно отпечатлѣться большею или меньшею односторонностью и на свойствахъ знанія. Перейду отъ общихъ положеній къ историческимъ фактамъ. Время, начинающееся Бетговеномъ и отлщающееся, дѣйствительно, весьма обширною и оживленною дѣятельностью на музыкальномъ поприщѣ, сосредоточило свое вниманіе, въ области техники, на обогащеніи гармоніи и оркестровки, въ области же эстетики—на усовершенствованіи индивидуальной характеристики. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ сдѣланные со времени смерти Бетговена успѣхи дѣйствительно огромны и достойны самаго глубокаго и тщательнѣйшаго изученія. Но все искусство не исчерпывается только этими сторонами. Техника музыки не ограничивается гармоніей и оркестровкой; она имѣетъ еще мелодію, контрапунктъ, ритмъ и композицію, и въ этихъ сферахъ съ двадцатыхъ годовъ нашего столѣтія не только не видно успѣха, но замѣтно несомнѣнное и сильное паденіе. Равно и эстетическая сторона музыки не исчерпывается одною характеристикой; кромѣ частныхъ образовъ и представленій существуютъ еще общія настроенія, кромѣ опредѣленныхъ понятій—общія идеи, и неопредѣленность этихъ идей и настроеній, ихъ неподатливость точной формулѣ именно и составляетъ ихъ истинную музыкальность. И въ этой сферѣ дѣльныхъ настроеній, специфически-музыкальныхъ, со времени двадцатыхъ годовъ нельзя видѣть успѣха, а можно только признать фактъ упадка, фактъ, остающій во всемъ ихъ значеніи дѣйствительные успѣхи въ области утонченной характеристики поэтическихъ частностей, удачной живописи звуками и вообще *програмной музыки*. Говоря что музыка существуетъ только со времени Бетговена, критика, очевидно, говоритъ что для музыки достаточно мѣткой характеристики и живописи, что средства ея ограничиваются гармоническимъ и инструментальнымъ колоритомъ; критика прицмаетъ часть искусства за цѣлое, и даже его потери за пріобрѣтенія. Въ приговорахъ подобнаго рода нельзя не видѣть послѣдствій глубокаго историческаго невѣдѣнія. Но достойно сожалѣнія что

такія изреченія, будучи сами порожденіемъ неважна, въ своемъ очередь служатъ къ распространенію невѣжества. Они принимаются на вѣру многими изъ читателей, они повторяются и заучиваются въ извѣстныхъ кружкахъ, на которые псевдо-либеральная критика успѣла приобрести вліяніе, и такимъ-то образомъ мѣсто знакомства со многочисленными превосходными произведеніями XVI, XVII и XVIII столѣтій заступаетъ удобная и покойная увѣренность въ совершенной неадаптивности такого знакомства. Да будетъ мнѣ позволено привести здѣсь и примѣнить къ музыкѣ прекрасныя слова г. Буслаева, сказанныя имъ преимущественно по поводу современныхъ критикъ о живописи (въ его статьѣ *Задачи современной эстетической критики*, въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, 1868 г., № 9, стр. 279): „Самолюбіе толпы“, говоритъ почтенный авторъ, „вполнѣ удовлетворялось, когда оправдывали ея мѣтѣдніе и неразвитость вкуса, когда испровергали то чего она и такъ не знала и до чего не имѣла никакого дѣла, и когда ей доказывали что все прошедшее въ искусствѣ уже утратило для нашей современности свою цѣну, что художникъ долженъ забыть всѣ старыя предрасудки и прислушиваться только къ раздающимся около него голосамъ дѣйствительности.... Нѣтъ доктрины болѣе заманчивой какъ та которая лелѣетъ современное самолюбіе и убѣждаетъ въ возможности, даже въ необходимости отрѣшиться отъ всего прошедшаго.“ Конечнымъ результатомъ этихъ откровеній критики и вѣры въ нихъ со стороны читателей является крайняя узкость горизонта, совершенное отсутствіе масштаба въ сужденіяхъ и оттого постоянная готовность, послѣ разжалованія столькихъ гениевъ прошлаго въ ничтожества, произвести всякое современное ничтожество въ геніи.

Въ то время когда у насъ на Руси иные критики съ высоты своего пьедестала объявляютъ что все произведенное прежними вѣками въ области музыки — хаамъ и ветошь, за границей, въ Германіи и Франціи, историческое направление музыкальных изсѣдованій приобретаетъ все бѣльшую и бѣльшую популярность. Сочиненія прошлыхъ вѣковъ вновь выходятъ во множествѣ и мерѣдко появляются въ концертныхъ программахъ. Прекрасныя монографіи мало-по-малу снимаютъ завѣсу со множества историческихъ фактовъ; классическое сочиненіе Чеха Амброса: *Geschichte der Musik* (1 т. 1862, 2 т. 1864, 3 т. 1868 г.), еще далеко не оконченное,

Впервые сводить результаты повѣвшихъ изысканій въ общую стройную картину. Больше и больше распространяется обычай *историческихъ концертовъ*, которые для музыки должны представлять то же что галереи для живописи, которые должны, наряду съ современными любимцами публики, дѣлать ей доступными и древнихъ, малоизвѣстныхъ, но чѣмъ-либо замѣчательныхъ композиторовъ.* Прогрессъ въ музыкальныхъ знаніяхъ Германіи и Франціи не разрушаетъ прежнихъ авторитетовъ, какъ нашъ мнимый, каррикатурный прогрессъ, а напротивъ того, прибавляетъ къ прежнимъ множеству новыхъ авторитетовъ, возвращаетъ литературѣ забытыя сокровища стараго времени и обогащаетъ концертный репертуаръ драгоценнѣйшими пріобрѣтеніями. Въ то же время контрапунктическія преданія, хотя меньше чѣмъ прежде распространеныя, все еще продолжаютъ храниться въ некоторыми глубокими знатоками: достаточно назвать Грелла въ Берлинѣ, этого искуснаго композитора въ строгомъ стилѣ XVI столѣтія, чтобы напомнить что это великое искусство на Западѣ еще не утеряно. У насъ же въ Россіи — дѣло другое. Несмотря на практическое значеніе которое именно для нашего народа имѣетъ строгій контрапунктъ (значеніе, о которомъ я подробно говорилъ выше), несмотря на педагогическую необходимость у насъ твердыхъ, основательныхъ знаній въ исторіи музыки, — контрапунктъ и исторія музыки блистаютъ у насъ своимъ отсутствіемъ. Музыкальное образованіе наше будетъ бессильно подняться, пока не оживится у насъ изученіе этихъ отраслей. Исторію музыки, конечно, невозможно изучать по книгамъ о ней трактующимъ: ее можно узнать только изъ созерцанія памятниковъ творчества, изъ чтенія и слушанія художественныхъ произведеній. Контрапунктъ же невозможно изучать ни по книгамъ, ни чтеніемъ контрапунктическихъ партитуръ, ни слушаніемъ ихъ въ исполненіи: его можно постичь только въ самодѣтельномъ, неустанномъ упражненіи по контрапунктическимъ правиламъ.

Истинны эти такого рода что ихъ трудно провести въ общее сознаніе. Взглядъ противоположный всегда будетъ

* Попытки такихъ концертовъ, въ 1868—69 годахъ, дѣлались и въ Петербургѣ не безъ успѣха. Нельзя не привѣтствовать подобныхъ начинаній съ открытій живыхъ, самымъ полнымъ сочувствіемъ.

понятіе, заманчивѣе, потому что его поверхностное отношеніе къ искусству и исторіи запечатлѣно тѣмъ привлекательнымъ мнимымъ либерализмомъ, который всегда нравится толпѣ и всегда подкупаетъ ее. Защитникъ историческихъ основъ въ преподаваніи искусства долженъ быть приготовленъ къ тому что его назовутъ школьнымъ педагогомъ и отсталымъ реакціонеромъ. Своими мнѣніями и ученіями онъ какъ нельзя болѣе выгодно отгнѣить просвѣщенный либерализмъ своихъ противниковъ и дать имъ множество случаевъ выказать свое „передовое“ значеніе въ самомъ блистательномъ свѣтѣ. Разчитывать на сочувствіе и пошманіе историческое направленіе въ музыкѣ можетъ только въ небольшомъ, но, къ счастью, съ каждымъ годомъ увеличивающемся кружкѣ людей которые всецѣло предались изученію искусства со всѣхъ его сторонъ и во всемъ его объемѣ. Фразы же либераловъ, ихъ храбрый вылазки противъ всего серьезнаго и добросовѣстнаго въ музыкальной педагогикѣ не произведутъ разрушительнаго дѣйствія среди этого кружка. Можно надѣяться что, со временемъ, эти фразы и вылазки потеряютъ кредитъ и въ собственномъ кругу. Со временемъ окажется разница между результатами музыкальнаго образованія по двумъ способамъ, изъ которыхъ одинъ старается привлечь въ кругъ знаній и занятій ученика все что было сдѣлано гениальнаго, талантливаго и искуснаго въ теченіи многихъ вѣковъ, а другой, напротивъ того, старается удалить отъ ученика всѣ сокровища прошлыхъ вѣковъ и ограничить его кругозоръ самую рѣзкою и непереходимою чертой. Окажется разница между умственнымъ капиталомъ приобретеннымъ первымъ, положительнымъ, и вторымъ, отрицательнымъ путемъ. Окажется настоящая мѣра пользы отъ тѣхъ мнимо-прогрессивныхъ ученій, враждебныхъ ко всѣмъ и всему кромѣ пяти-шести современныхъ идоловъ, ученій, которыми въ настоящую пору, вѣроятно не надолго, увлечены многіе юные таланты. Со многихъ глазъ спадеть пелена; окрѣпшее сознаніе устыдится громкихъ и безсодержательныхъ фразъ, и музыкальное образованіе молодого поколѣнія, не смущаемое болѣе непризванною критикой, пойдетъ по единственно-вѣрному, плодотворному и богатому надеждами объективному и историческому пути.

ЛАРОШЪ.

ТЕАТРАЛЬНЫЕ АРТИСТЫ

РОМАНЪ ГИЗЛАНЦОНИ.

СОКРАЩЕННЫЙ ПЕРЕВОДЪ СЪ ИТАЛЯНОКАГО.

I.

Въ одинъ зимній вечеръ, 1843 года, молодая дѣвушка возвращалась домой съ концерта, гдѣ она своимъ пѣніемъ и своею красотой произвела всеобщій восторгъ. Ее вель подъ руку старикъ-отецъ. Сзади нихъ шелъ мальчикъ, лѣтъ тринадцати, со сверткомъ нотъ въ рукахъ. Его вялая походка и тоскливый взглядъ его большихъ темныхъ глазъ выражали усталость и апатію. Старикъ часто поворачивалъ голову, какъ будто съ намѣреніемъ взглянуть на мальчика, но его истинная цѣль была не выпускать изъ виду молодого человѣка, который немного дальше слѣдовалъ за ними. Маленькое общество поворотило въ узенькую улицу и, все въ томъ же разстояніи другъ отъ друга, остановилось предъ высокимъ домомъ. Въ то время какъ старикъ, чтобъ отпереть дверь у входа, выпустилъ руку дочери, молодой человѣкъ успѣлъ приблизиться къ ней и передать ей записку. Пѣвица-красавица не вручила ему, подобно Розинѣ въ *Севильскомъ цирюльницѣ*, тотчасъ отвѣта, не произнесла „é già scritto“, но послѣшно спрятала полученную записку и быстро скользнула въ отвернутую дверь.

— Раскione! посвѣти намъ, сказалъ старикъ угрюмо мальчику.

Узкой, грязной лестницѣ, казалось, конца не будетъ. Будущая примадонна жила на пятомъ этажѣ. На верху, на порогѣ, ее встрѣтила старая женщина, или скорѣе одицетворе-

нѣ идеала одной изъ тѣхъ вѣдьмъ, которыми воображеніе Вальтеръ-Скотта населяетъ древніе замки Шотландіи. Рыжій парикъ почти совсѣмъ прикрывалъ ее низкій, сморщенный лобъ и длинными локонами окаймлялъ ея лицо, все изрытое оспой. Кошечій взглядъ красноватыхъ глазъ и недобрая улыбка беззубаго рта придавали этому лицу выраженіе хитрости и злобы. Ея туалетъ вполне гармонировалъ съ ея наружностью: огромный чепецъ съ красными лентами, грязная, когда-то бѣлая, юбка и темная, шелковая мантилья, оканчивающаяся лохмотьями въ видѣ неправильной бахромы.

— Поцѣлуй твою Эмилию, сказалъ ей старикъ:—она произвела сегодня фанатизмъ! Въ ней воскресла Малибранъ! Раскѣне! Чтѣ, ты еще долго будешь торчать на лѣствицѣ? Или ты ждешь чтобъ я палкой научилъ тебя всходить по-скорѣе?

Мальчикъ, зная по опыту что его отецъ не любитъ медлить исполненіемъ своихъ угрозъ, взбѣжалъ на послѣднія ступеньки. Всѣ вошли въ квартиру, если подобное жилище можно назвать квартирой. Одна низенькая комната служила и кухней, и столовой, и спальней. Закопѣлый каминъ, большая кровать, покрытая грязнымъ одѣяломъ, столъ, на немъ множество самыхъ разнородныхъ предметовъ: тарелки, ножи, вилки, зеркало, гребешки, музыкальные инструменты, ноты, вино, хлѣбъ, жилетъ и дамская шляпа; въ самомъ темномъ углу комнаты маленькое ложе, составленное изъ досокъ и тряпокъ; нѣсколько стульевъ,—вотъ и все. Но изъ этой комнаты ведетъ дверь въ другую, крошечную комнату, чистенькую и убранныю хотя не богато, но со вкусомъ. Свѣтлые обои, маленькій диванъ, комодъ, у окна и кровати бѣлые занавѣсы, на столѣ букетъ цвѣтвъ, фортепіано. На стѣнѣ около кровати изображеніе Мадонны. Это уголокъ Эмилии. Она сѣла на диванъ, съ граціознымъ движеніемъ отбросила капюшонъ своего бедуина на плечи и задумалась. Густые золотистые кудри рассыпались по обѣимъ сторонамъ ея дѣтски прелестнаго личика. Она бы годилась въ модели для ангеловъ Фра-Анджелика. Раскѣне оставался въ первой комнатѣ. Онъ нашелъ на столѣ кусокъ хлѣба и съ жадностью ѣлъ.

— Дженевьева! обратился старикъ опять къ своей супругѣ:—эта дѣвушка наше счастье! Еслибы ты слышала какъ она сегодня пѣла, какія рулады, какія групети, какіе апао-

дисметы! Эмилия въ скоромъ времени замѣнитъ Малибранъ. Сто, двѣсти тысячъ лиръ въ годъ. Черезъ десять лѣтъ у насъ будетъ миллионъ! Миллионъ!!.. Мы будемъ пить самое лучшее, старое вино, будемъ ѣсть каждый день фазановъ!... Ахъ, да! Дай чего-нибудь поѣсть Эмилии. Когда пропоешь, какъ она сегодня, четыре арии, да три дуэта—проголодаешься. Не скупись, она скоро съ процентами вознаградитъ насъ за всѣ эти издержки.... Когда вспомню что это чудо, что этотъ фениксъ, какъ ее сегодня называлъ одинъ журналистъ, моя дочь, моя собственность!

— Перестань, Гарофоло! прервала его Дженовьева.—Знавала я на своемъ вѣку много артистокъ и пѣвицъ, которыя проводили свою жизнь посреди шума, блеска и роскоши, въ то время какъ ихъ родители, вскормившіе ихъ, умирали чуть не съ голоду гдѣ-нибудь въ гауши, на чердакѣ.

— Что ты вздоръ мелешь! Развѣ такой ягненокъ какъ Эмилия способна такъ поступить!

— Мало ли что бываетъ! Ужь не говорю о чемъ дурномъ; но пѣвица, напримѣръ, идетъ на сцену, и только что начинаетъ собирать деньги, какъ является какой-нибудь юноша съ черными усиками, примадонна теряетъ рассудокъ, оставляетъ сцену и выходитъ замужъ. Развѣ намъ возможно будетъ запретить Эмилии выйти замужъ?

— Ты сумасшедшая! воскликнулъ Гарофоло вмѣсто отвѣта.—А ты, Раскионе, раздуѣ огонь въ каминѣ, а потомъ можешь лечь спать, мы поужинаемъ и безъ тебя.

Раскионе исполняетъ родительское приказаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ продолжаетъ глотать куски черствого хлѣба.

Эмилия не обращала никакого вниманія на все происходившее во второй комнатѣ. Она вся предалась своимъ мечтамъ. Она любила. Она предвидѣла что ея любовь принесетъ ей много тревогъ, можетъ-быть, много горя, но сознаніе быть любимой наполняло ее душу вѣрой въ счастье. Отецъ Эмилии, Франческо Реденти, по прозванію Гарофоло, былъ въ молодости комическимъ танцовщикомъ, а въ свободные часы давалъ уроки на скрипкѣ. Онъ женился на очень красивой танцовщицѣ, черезъ нѣсколько лѣтъ овдовѣлъ, но не нашелъ нужнымъ предаваться отчаянію и тотчасъ же сталъ мечтать о возможности поправить выгодною женитьбой свои плохія обстоятельства. Его выборъ палъ на Дженовьеву. Она была уже стара и замѣчательно дурна, но благо-

даря своимъ многолѣтнимъ подвигамъ въ цѣрквѣ сумѣла приобрести капиталъ въ 25.000 франковъ. Гарофоло зналъ объ ея скандальномъ прошедшемъ, но не задумавшись предложилъ ей руку и сердце. Его первая жена оставила ему двухъ дѣтей, Эмилию и Лучіано, котораго въ семьѣ звали Раскione. Въ первые годы своего супружества Гарофоло и Дженевьева, живя припѣваючи и съ относительнымъ комфортомъ, держали дѣтей въ совершенномъ загонѣ. Но когда у Эмилиі обнаружился превосходный голосъ, ея отецъ и мачиха иначе стали обращаться съ ней. Они начали ее лично одѣвать, хорошо кормить и посылать въ пансіонъ. Большая часть приданого Дженевьевы уже давно находилась въ разныхъ кофейняхъ и трактирахъ, гдѣ Гарофоло проводилъ свои минуты досуга. Остатки ихъ состоянія уходили на образованіе будущей примадонны. Но они разчитывали что голосъ Эмилиі не только вознаградитъ ихъ за потраченныя для нея деньги, но и принесетъ имъ со временемъ милліоны.

Лучіано, по прозванію Раскione, тринадцать лѣтъ, но онъ такъ малъ и щедушенъ что кажется гораздо моложе. Каждый день, рано утромъ, только что проснувшись, онъ обязанъ снять со стѣны старую скрипку и взять у отца урокъ. Урокъ этотъ продолжается ровно четыре часа. Метода Гарофоло для преподаванія скрипичной игры состоитъ преимущественно въ частомъ употребленіи большой палки. Но съ Раскione эта метода оказывается несостоятельною. Несмотря на почти непрерывные побои, онъ дѣлаетъ мало успѣховъ и ненавидитъ музыку вообще, а скрипку въ особенности. Отецъ и мачиха убѣждены что онъ никогда не будетъ въ состояніи принести имъ хотя кой-какую матеріальную пользу, смотрятъ на него какъ на полуидіота и относятся къ нему съ ненавистью и пренебреженіемъ. Послѣ своего четырехчасоваго урока онъ долженъ цѣлый день исполнять въ домѣ всю черную работу. Если эти физическія и нравственныя истязанія еще не совсѣмъ извели его, то это только благодаря частому заступничеству Эмилиі и ласкамъ которыя она, украдкой отъ родителей, иногда оказываетъ бѣдному ребенку.

Эмилиа, пожелавъ родителямъ и брату покойной ночи, заперла дверь своей комнатки и принялась за чтеніе полученнаго письма. Оно было подписано Эрнесто Сальвиани, и отлучалось отъ обыкновенныхъ любовныхъ писемъ тѣмъ что было

проникнуто истиннымъ чувствомъ, и тѣмъ что кромѣ изліяній страсти, въ немъ заключалось также нѣсколько серьезныхъ словъ. Эрнесто Сальвиани писалъ Эмилию что ему обѣщаютъ мѣсто при одномъ извѣстномъ адвокатѣ, и что съ помощью ежемѣсячно получаемой пенсіи отъ своего отца, онъ въ состояніи будетъ, правда, скромно, но порядочно содержать жену; что они могутъ скоро обвѣнчаться, и что онъ посвятитъ всѣ свои мысли и познанія, всю свою жизнь старанію осчастливить ее и доставить ей со временемъ больше комфорта и довольства. „Но, моя Эмилія“, оканчивалось посланіе, „съ твоимъ голосомъ, съ твоимъ талантомъ, ты можешь создать себѣ иную жизнь, не тахую и скромную, а полную радостныхъ тревогъ, роскоши и славы. Я горячо люблю тебя, но не хочу чтобы ты пожертвовала для меня такими надеждами, не взвѣсивъ прежде серьезно твои чувства и желанія. Отвѣчай мнѣ прямо и откровенно. Буду ждать отвѣта съ замираемъ сердца, съ невыразимымъ страхомъ, но умоляю тебя, вдумайся хорошенько въ мои слова и скажи что ты выбираешь—блестящую судьбу знаменитой артистки, или скромную долю любимой жены и матери семейства? Богатство, роскошь, рукоплесканія и лавры, или тихое, монотонное счастье семейной жизни?...“ „Неужели ты не знаешь, прошептала Эмилія,—что я могу жить только твоею жизнію и для тебя? Что для того чтобы быть твоею, я всѣмъ готова пожертвовать?...“ Эмилія вспомнила отца и матицу и вздрогнула. Невольный страхъ охватилъ ее, и какъ бы желая спастись отъ грозящихъ ей зла и горя, она кинулась на колѣни предъ образомъ Божіей Матери и вся погрузилась въ горячую молитву.

На другое утро Эмилию разбудила раздрающая уши игра Раскіоне. Гарофоло, еще въ постели, энергически бранилъ его, но тотъ, дрожа отъ холода и страха, повторялъ сто разъ одну и ту же фразу также фальшиво и съ тѣми же ошибками.

—Идіотъ, собака, лапландское чудовище! кричалъ Гарофоло: — въ какомъ тонѣ ты играешь?! Послѣ шести лѣтъ ежедневныхъ уроковъ не знать первыхъ элементарныхъ правилъ музыки!

Внѣ себя отъ ярости Гарофоло соскочилъ съ кровати и приблизился къ Раскіоне. Страшная брань и жестокіе побои посыпалась на несчастнаго скрипача.

— Хорошенько, хорошенько его! приговаривала Джена-льева.

— Отецъ! перестань, ради Бога! раздался голосъ Эмилии.— Ты все забываешь что подобныя сцены вредны для моего нѣня, спокойствіе необходимо для голоса.

Это замѣчаніе мгновенно подѣйствовало на Гарофоло, и онъ мгновенно бросилъ папку.

— Ты бы лучше вошелъ ко мнѣ въ комнату, продолжала Эмилиа.— Мнѣ нужно поговорить съ тобой.

Супруги значительно взглянули другъ на друга. Гарофоло, вида нѣчто въ родѣ Калифорніи въ голосѣ своей дочери, ходилъ и ласкалъ ее, но вмѣстѣ съ тѣмъ давалъ ей иногда почувствовать что онъ, въ случаѣ надобности, не прочь былъ бы и отъ строгихъ мѣръ. Онъ давно замѣтилъ любовь Эмилии къ Сальвиани и заранѣе приготовилъ систему дѣйствій.

— Чѣмъ я могу служить вамъ, signora primadonna assoluta? спросилъ онъ шуточно дочь, усаживаясь около нея.

Чистая, святая любовь, надежда на милосердіе Божіе наполняли душу Эмилии, и ей казалось что она совершенно спокойна. Но въ присутствіи отца она почувствовала невыносимую робость.

— Я хотѣла поговорить съ тобой, начала она немного дрожащимъ голосомъ,—объ одномъ дѣлѣ величайшей важности, отъ котораго зависитъ вся моя будущность, все счастье моей жизни....

— Довѣрай всегда и во всемъ твоимъ родителямъ. На землѣ мы не имѣемъ лучшихъ и болѣе безкорыстныхъ друзей!

— Не знаю какъ начать мою исповѣдь, сказала улыбнувшись Эмилиа.

— Бѣдняжка! Ну, такъ и быть, я начну ее за тебя. Ты влюблена....

— Кто тебѣ сказалъ?!...

— „Любовь и пламень невозможно скрыть“, гласитъ старая пословица. Мнѣ кажется даже что я угадалъ кто твой вздыхатель. Не этотъ ли красивый, курчавый блондинъ — какъ его, Сальвиани, Эрнесто Сальвиани?—что вчера проводилъ насъ до нашей квартиры?

— Да, отецъ... а я думала что никто не замѣчаетъ.

— Любящій отецъ все знаетъ и замѣчаетъ. Мнѣ также показалось что онъ вчера вручилъ тебѣ письмо.... но не знаю....

— Да. Я покажу тебѣ это письмо.

— Это будет совершенно лишнимъ. Я знаю наизусть всѣ подобные письма. Оно, конечно, изобилуетъ сравненіями возлюбленной съ разными свѣтилами и жителями неба. Я долженъ сознаться что въ молодости я самъ скопировалъ множество такихъ писемъ изъ *Il segretario galante*, — неопытная книга, изъ которой всѣ влюбленные черпаютъ страсть свою.

— Эрнестъ человекъ серьезный; его письмо не наполнено пустыми фразами; онъ проситъ меня....

— Прислать ему „доколь твоихъ золотистыхъ кудрей“, или „ленточку“, или „розу“....

— Нѣтъ! онъ проситъ моей руки.

— Вотъ оно чтѣ! Да, дѣло въ самомъ дѣлѣ интереснѣе нежели я предполагалъ. Дай-ка письмо! Онъ быстро пробѣжалъ письмо.— Эмилія! сказалъ онъ:—я не зналъ что его намѣренія такъ серьезны и благородны. Теперь я вижу что надо подумать объ этомъ не шутя. Ты чтѣ рѣшила?

— Отецъ, Эрнестъ такъ любитъ меня, я была бы счастлива принадлежать ему.

— И ты для него пожертвовала бы сценой, богатствомъ, славой?

— О да! отъ всей души!

— А твой отецъ? а добрая Дженевьефа? а твой братъ?

— Мы сумѣемъ оградить васъ отъ нужды. Мы будемъ отдавать вамъ часть нашихъ доходовъ. Эрнестъ такъ благороденъ!

— Да! Мнѣ подобныя исторіи хорошо извѣстны. Предъ свадьбой для влюбленныхъ все кажется удобнымъ и возможнымъ, но потомъ.... Сначала ты будешь приносить намъ кой-какія деньги; но скоро ты найдешь несправедливымъ лишать изъ-за насъ твою собственную семью большаго довольства. Ты станешь рѣже бывать у насъ чтобы не видѣть и забыть нашу бѣдность, чтобы не слышать наши упреки, и мы наконецъ погибнемъ оставленные, одинокіе, подъ бременемъ горя и нищеты. Но, впрочемъ, я для тебя пожертвовалъ всѣмъ: не хочу остаться на подорогѣ. Я самъ пойду къ Сальвиани. Я съ нимъ поговорю. Если онъ въ состояніи доставить тебѣ жизнь хотя безбѣдную, то я не стану противиться этому браку. Отецъ сумѣетъ принести въ жертву счастьемъ дочери всѣ свои мечты и надежды!..

Эмилія крѣпко обняла отца, онъ поцѣловалъ ее въ лобъ и

посѣбно вышелъ. Дженеѡефа подслушивала у дверей. Она съ яростью схватила руку мужа.

— И ты допустишь этотъ бракъ? прошептала она со злобой.

— Я? Ты думаешь что я сошелъ съ ума?

— Я думаю что ты одурѣлъ; а то ты бы постарался не шуточками и ласками выбить у этой глупой, избалованной дѣвочки ея дурь изъ головы. Значитъ мнѣ придется вразумлять ее!

— Не смѣй произвести ни единого словечка! Ты испортишь все дѣло! Безмозглая!...

Долго еще продолжалась между супругами ссора съ акомпанментомъ разныхъ весьма краснорѣчивыхъ жестовъ. Наконецъ Гарофоло надѣлъ пальто, взялъ шляпу и вышелъ. Дженеѡефа какъ бѣшеная кошка обернулась къ Расконе.

— Что ты тутъ торчашь, проклятый мальчишка?

Маленькій скрипачъ во все время супружеской сцены стоялъ прижавшись къ углу и съ нѣмымъ страхомъ ожидалъ своей очереди въ этой бурѣ. Но онъ со вчерашняго дня ничего не ѣлъ, и въ эту минуту голодъ заглушилъ въ немъ всѣ другія чувства.

— Мнѣ ѣсть хочется, пробормоталъ онъ сквозь слезы, — кусочекъ хлѣба!...

— И ты смѣешь еще просить у меня ѣсть?! закричала махиха. — Ты, ни къ чему негодный лѣнтяй! Если ты голоденъ, то выйди на улицу и проси милостыни вмѣстѣ съ отцомъ твоимъ, который былъ такимъ же нищимъ какъ ты, когда онъ женился на мнѣ!

II.

Эрнесто Сальвиани былъ по званію адвокатъ, по происхожденію побіле, по натурѣ и наклонностямъ артистъ. Его родители были нѣкогда богаты, но вслѣдствіе разныхъ неудачъ потеряли почти все состояніе и поселились въ своемъ замкѣ въ Кремонѣ, гдѣ они, несмотря на свои ограниченныя средства, могли сохранить привычки барской жизни. Эрнесто, кончивъ курсъ въ университетѣ, охотнѣе всего предался бы своимъ артистическимъ занятіямъ. Онъ съ талантомъ рисовалъ, съ чувствомъ пѣлъ, хорошо зналъ музыку. Но онъ

понялъ что положеніе его родителей лишаетъ его права жить баричемъ и обязываетъ его серьезно трудиться. Онъ доѣхалъ въ Миланъ и сталъ тамъ заниматься у адвоката. Знакомство съ Эмилией еще болѣе утвердило его въ намереніи стремиться къ самостоятельному и независимому положенію. Первый шагъ уже сдѣланъ, онъ получаетъ порядочное мѣсто. Со временемъ, съ помощью энергіи и труда, ему легко будетъ доставить женѣ своей всѣ прихоти роскоши. Но Эмилія любитъ его, она согласится раздѣлать съ нимъ теперь его скромную жизнь. Онъ полюбилъ Эмилію всѣми силами души и не хочетъ откладывать свое счастье.

Кто-то постучалъ. Сальвиани поспѣшилъ отворить дверь.

— Сильйоръ Реденти! воскликнулъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

— Причина моего визита, началъ Гарофоло, усаживаясь и вынимая изъ кармана письмо, — это письмо, которое вы изволили написать моей дочери: у нея нѣтъ тайнъ отъ своего отца. Она поручила *мнѣ* словесно отвѣтить вамъ.

— Я радъ что Эмилія откровенно говорила съ вами. Не оставляйте же меня въ неизвестности. Какой ея отвѣтъ? Она приняла мое предложеніе?...

— Она?... Развѣ вы думаете что благовоспитанная дѣвушка можетъ дѣйствовать самовластно? Она предоставила свою судьбу *мнѣ*, а я поступлю сообразно моему отцовскому сердцу и моимъ разчетамъ.

— Я надѣюсь, пробормоталъ Сальвиани.

— Оставимъ фразы! Рѣчь идетъ о слишкомъ важномъ дѣлѣ чтобы по-пустому терять время и слова. Вы скоро получите мѣсто; какое у васъ будетъ жалованье?

— 150 лиръ въ мѣсяцъ.

— Гмъ! Это не слишкомъ много. Но вы также упоминаете въ письмѣ вашемъ о пенсіи назначенной вамъ вашимъ отцомъ?

— Также 150 лиръ.

— Гмъ! 300 лиръ въ мѣсяцъ. Да, этимъ, пока нѣтъ дѣтей, можно жить безбѣдно, и я понимаю что вы, сильйоръ Сальвиани, могли бы удовольствоваться подобнымъ существованіемъ. Но не Эмилія! Она слишкомъ добра и благородна чтобы забыть обязанности дочери, сестры, чтобъ оставить родителей и брата въ нищетѣ, когда ей такъ легко вывести ихъ изъ ихъ ужаснаго положенія. Она не сумѣетъ быть счастливою,

пока хотя нѣсколько не обезпечить ихъ. И вы сами, вы не захотите чтобы та которую вы любите забыла своихъ родителей, заплатила имъ за все что они для нея сдѣлали неблагодарностью!...

— Но, можетъ-быть, началъ Сальвиани....

— Позвольте мнѣ кончить! перебилъ его Гарофола еще съ бѣльшимъ пафосомъ.— Вы не знаете всѣхъ обстоятельствъ. Я старъ, боленъ и уже не могу работать; отъ состоянія жены моей не осталось уже ни одного центезима. Мой сынъ слабый ребенокъ и полуидиотъ: Эмилиа вся наша опора, вся наша надежда! Чтобы образованъ ея талантъ мы потратили все наше состояніе и переносили всевозможныя лишения. Мы терпѣли нужду, голодь! Наконецъ настало вождельное время: у меня уже были многіе импрессариі съ самыми выгодными предложеніями. Черезъ нѣсколько недѣль Эмилиа можетъ вступить на сцену, всѣ ей предсказываютъ величайшій успѣхъ, — и въ эту минуту ее хотятъ отнять у насъ и оставить насъ въ нашемъ горестномъ положеніи! Синьоръ Эрнесто, теперь судите, взываю къ вашей совѣсти!...

Сальвиани стоялъ блѣдный, разстроенный.

— Неужели нѣтъ исхода? сказалъ онъ....— Но нѣтъ, нѣтъ! Если я на ней женюсь, она не можетъ идти на сцену. Я не могу допустить, я не хочу, получая самъ какіе-нибудь 150 лиръ въ мѣсяць, быть *мужемъ знаменитой артистки* и жить на счетъ тысячъ зарабатываемыхъ ея трелями и рудами. Это невозможно, невысказимо!... Можетъ-быть, если жить всѣмъ вмѣстѣ, скромно, экономно, моихъ доходовъ было бы достаточно? Скажите, не согласились ли бы вы жить съ нами? Сначала будетъ немного тяжело, но я надѣюсь что мнѣ удастся скоро получить лучшее мѣсто....

— Какая мысль! Съ вашими средствами содержать пять человекъ!... Вполнѣ цѣню ваши благородныя намѣренія, но они неисполнимы.

— Но я не могу отказаться отъ Эмилии. Мы любимъ друг друга. Само небо даетъ ее мнѣ.

— Послушайте, друг мой, я васъ уважаю, Эмилиа любитъ васъ и хочетъ быть вашею женою. Вы сами сознаете что моментъ для свадьбы неудобенъ. Подождите! При такой обоюдной любви можно ждать безъ всякаго опасенія. Вы займетесь вашею службой, Эмилиа вступитъ на сцену. Черезъ два, три года она легко заработаетъ сумму которая совер-

шенно обезпечить насъ. Тогда она можетъ разстаться съ театромъ и, безъ всякихъ угрызений совѣсти, выйти за васъ замужъ.

— Допустить чтобъ она поступила на сцену, зная что она окружена тысячами опасностей, ждать три года! Нѣтъ, это рѣшительно невозможно!

— Вы оба еще такъ молоды....

Сальвиани не отвѣчалъ. На его красивомъ, оживленномъ лицѣ выражались сильное волненіе и тревожная борьба.

— Да! воскликнулъ онъ, помолчавъ немного:—это единственный исходъ, единственное спасеніе! И я поступаю на сцену.

— Вы?... спросилъ Гарофоло, сдѣлавъ притомъ гримасу напоминающую артистическіе подвиги его молодости.

— Да, я буду артистомъ. Я горячо люблю искусство, я уже много пѣлъ, всѣ увѣряютъ меня что у меня есть драматическій талантъ. Я еще поучусь нѣсколько мѣсяцевъ, у меня хорошій голосъ.

— Какой голосъ, *di grazia?*...

— Теноръ.

— Теноръ!...

— Я обращаюсь къ самому лучшему маэстро, займусь серьезно, и когда сдѣлаюсь артистомъ....

— Тогда?...

— Тогда я женюсь на Эмилиі. Мы *gloriosi* будемъ на сценѣ, а ваша жизнь будетъ обезпечена благодаря намъ *обоимъ*.

— Превосходная мысль! Не хочу чтобы сказали что я помышлялъ счастьемъ моей дочери, моей единственной дочери. Итакъ, дѣло рѣшеное: Эмилиа подпишетъ контрактъ съ импрессариемъ театра Санъ-Карло въ Неаполь; такими выгодными условіями нельзя пренебрегать; мы съ ней на дняхъ увидимъ въ Неаполь, а черезъ полгода, когда вы окончите ваше музыкальное образованіе, вы придете къ намъ, и мы сыграемъ свадьбу.

Сальвиани желалъ бы чтобъ Эмилиа вступила на сцену не раньше какъ вмѣстѣ съ нимъ, но узнавъ положеніе ея семьи, не имѣлъ духа требовать у старика подобной жертвы. Въ томъ же день Сальвиани и Эмилиа были провозглашены женихомъ и невестой.

— Что я не права была, воскликнула Дженева, оставшись наединѣ съ своимъ супругомъ, — развѣ ты не помышлялся, давъ согласіе на этотъ бракъ?

— А ты развѣ не сообразила, что пока живъ Гарофоло, этой свадьбѣ не бывать? Влюбленнымъ никогда не должно *прямо* „выбивать дурь изъ головы“. Тебѣ, мой ангелочекъ, вслѣдствіе твоей многолѣтней практики, слѣдовало бы знать это!...

III.

Сальвиани, рѣшившись избрать артистическую карьеру, поступилъ подъ исключительнымъ вліяніемъ страсти. Въ этомъ рѣшеніи онъ видѣлъ единственное средство устранить всѣ препятствія къ своему соединенію съ Эмилией. Но вспоминая жизнь и убѣжденія своихъ родителей, аристократическія сужденія и привычки отца, строгую религіозность матери, предвидя что поступокъ его глубоко огорчитъ ихъ, онъ понялъ что принесъ немалую жертву своей любви. Съ чувствомъ непобѣдимаго упрека въ душѣ, онъ написалъ родителямъ о своемъ намѣреніи оставить адвокатуру и посвятить себя артистическому поприщу. Черезъ нѣсколько дней онъ получилъ отвѣтъ отъ сестры. Она писала ему что письмо его упало какъ громъ въ ихъ мирную семью, что оно совершенно возстановило противъ него отца, что мать не перестаетъ плакать и мучиться, и что мысль видѣть своего единственнаго сына на сценѣ приводитъ ихъ въ отчаяніе. Въ заключеніе она умоляла его отказаться отъ своей несчастной мысли. Сальвиани долго съ грустью и тоской глядѣлъ на строки сестры. Онъ былъ прерванъ въ своихъ размышленіяхъ неожиданною радостью: появленіемъ своего университетскаго товарища и друга Родольфа Флоренцы.

— Ты въ Миланѣ? воскликнулъ Сальвиани.

— Какъ видишь, другъ мой. Я оставилъ университетъ, распростился на вѣчныя времена съ юриспруденціей и занимаюсь теперь....

— Коммерческими дѣлами? перебилъ его Сальвиани.

— Какъ ты дерзаешь произносить при мнѣ слово коммерція? Ты знаешь что я не признаю ни счетовъ, ни денегъ, и даже никогда не хотѣлъ учиться ариеметикѣ. Нѣтъ! Подымай выше! Я парю въ сферахъ поэзіи, я посвятилъ себя драматической литературѣ, и въ эти два года написалъ уже

три комедии, одну драму и одинъ фарсъ, а чрезъ какія-нибудь двѣ, три недѣли, здѣсь, въ театрѣ Коркано, будетъ поставлена одна изъ моихъ пьесъ. Что, постигъ теперь мое величiе?

— Ты способенъ, у тебя много воображенiя и чувства, желаю тебѣ счастья. Назначенiе драматическаго писателя одно изъ самыхъ высокихъ и благородныхъ, особенно у насъ въ Италiи, гдѣ въ послѣднее время драматическая сцена такъ упала. Сначала тебѣ, конечно, придется бороться съ большими неприятностями, но... прибавилъ онъ улыбувшись:— вспомни что отблескъ славы писателя озаряетъ всю націю къ которой онъ принадлежитъ.

— Еслибы ты зналъ сколько я перенесъ горя въ эти два года! Недовѣрчивыя улыбки, совѣты не увлекаться самолюбивыми мечтами, насмѣшки! Мои друзья болѣе всего надоѣдали мнѣ. А мой отецъ, какъ услышалъ только слово: „драматическая литература“, чуть ни проклялъ меня, и „не желая поддерживать меня на пути къ моей гибели“, пересталъ присылать мнѣ деньги. Бывали времена, когда я находился въ чрезвычайно неприятныхъ обстоятельствахъ, даже терпѣлъ настоящую нужду.

— Отчего же ты не вспомнилъ о твоёмъ университетскомъ другѣ? Какiя, право, бываютъ ложныя сужденiя! Сказать мнѣ, напримеръ: „Эрнесто, помоги мнѣ“, значило бы „поступить противъ достоинства“...

— Въ томъ-то и дѣло что я „поступалъ противъ достоинства“, потому что обращался къ друзьямъ которые мнѣ ничего не дали. Прости, если, послѣ этого, я и тебя смѣшалъ съ другими, но я прошелъ чрезъ такiе грустные опыты, что твердо рѣшился лучше умереть съ голоду нежели просить денегъ взаймы у своихъ друзей. Когда въ первый разъ мнѣ до-зарѣзу понадобились деньги, я обратился къ нѣсколькимъ изъ нихъ. Первый отвѣтилъ что онъ, къ крайнему своему сожалѣнiю, самъ не имѣетъ ни копѣйки, и съ этого дня старался, встрѣчая меня, не видѣть меня; второй не далъ мнѣ денегъ, но вмѣсто того угостилъ меня длиннѣйшей проповѣдью о томъ что я напрасно выбираю литературное поприще; третiй далъ мнѣ маленькую сумму и тотчасъ же отправился въ ближайшiй кафе-ресторанъ чтобы тамъ громогласно ораторствовать о моёмъ несчастномъ положенiи и въ заключенiи воскликнуть: „все-таки жаль его,

бѣднугу! Я растрогался и далъ ему немного денегъ. Впрочемъ, надо же поддерживать отечественную литературу, вѣдь и литераторы должны жить"... Но теперь всѣ эти горестныя испытанія канули въ вѣчность. Воспользовавшись одною минутой слабости моего родителя, я предложилъ прочесть ему мои произведенія; слушая ихъ, родитель отъ восторга прослезился и вновь открылъ мнѣ свои объятія и свой кошелекъ. Убѣдившись въ моемъ „громадномъ талантѣ“, онъ предвѣщаетъ мнѣ славу и безсмертіе, а пока назначилъ своему геніальному сыну двѣсти лиръ въ мѣсяцъ и подарилъ ему тысячу лиръ на необходимыя издержки при постановкѣ его первой пьесы.

— Радуюсь за тебя! Для себя я ожидаю теперь страданія, борьбу.

— Да ты, напротивъ, долженъ торжествовать! Кто бы могъ думать что ты, съ твоими артистическими наклонностями, такъ блистательно окончишь курсъ въ университетѣ и такъ блаторазумно...

— Со вчерашняго дня, перебилъ Сальвиани друга, — я разстался съ кодексомъ и адвокатурой. Я посвящаю себя театру....

— Какъ? И ты драматургъ! Значить, мы соперники, это превосходно! Соревнованіе порождаетъ удивительные результаты.

— Нѣтъ, я посвящаю себя пѣвнью, я поступаю на сцену.

Слова эти такъ поразили Флоренцу, что Сальвиани поспѣшилъ познакомить его со всеми причинами побудившими его изъ адвоката превратиться въ пѣвца.

— Ты легко догадаешься, кончилъ онъ, — что и мнѣ придется идти противъ воли отца; вотъ письмо сестры, прочти.

— Эхъ, другъ мой, всѣ отцы таковы! Нельзя сказать чтобъ они черезчуръ покровительствовали литературѣ и искусствамъ. Еслибъ иногда не являлась на помощь непокорность сыновей, отцы задушили бы еще въ люлькѣ всякую геніальность, уничтожили бы всѣхъ геніевъ Италиі, и мы не имѣли бы ни литераторовъ, ни артистовъ.

— Моя мать беспокоитъ меня....

— Советую тебѣ написать ей самое поэтическое письмо и убѣдить ее, что если ты долженъ будешь отказать отъ театра, то ты сдѣлаешься несчастливѣйшимъ существомъ въ цѣломъ мірѣ, и тогда она сама поможетъ тебѣ исполнить твое намѣреніе. Въ нашъ безчувственный, матеріальный вѣкъ только одиѣ

женщины еще понимают поэзію жизни.... Да! А пока твой родитель будет гнѣваться, моя касса къ твоимъ услугамъ.

Послѣ долгихъ переговоровъ друзья рѣшили жить вмѣстѣ и вести общее хозяйство. На другой день Флоренца переѣхалъ къ Сальвиани съ крошечнымъ чемоданомъ и огромнымъ ящичкомъ наполненнымъ манускриптами. Сальвиани продалъ книгопродавцу кодексъ и нѣсколько другихъ книгъ изъ области юриспруденціи; нанялъ фортепиано и заплатилъ впередъ за мѣсяцъ учителямъ пѣнія и декламации. Пересчитавъ свои капиталы, молодые люди убѣдились что у нихъ въ кассѣ 1.200 лиръ.

— Да это неисчерпаемое богатство! воскликнулъ Флоренца.

— Я не знаю какъ я рѣшился принять твое предложеніе, почти всѣ эти деньги твои....

— Какіе пустяки! Напротивъ, всѣ выгоды на моей сторонѣ. Литераторъ рѣдко можетъ разчитывать на большія богатства, а черезъ нѣсколько лѣтъ ты, пожалуй, будешь миллионеромъ! Въ наше время, для того чтобы разбогатѣть, выгоднѣе всего имѣть уши и горло. Ты вспомни-ка лучше что Италия именно страдаетъ отсутствіемъ хорошихъ драматическихъ писателей и хорошихъ теноровъ. Быть-можетъ, я и ты, Эрнесто, мы предназначены для того чтобы покрыть славой италіанское имя?... Кто могъ предвидѣть, еще такъ недавно, когда мы были вмѣстѣ въ университетѣ, что мы оба будемъ великими людьми. А? Эрнесто?..

IV.

Въ Миланѣ площадь предъ театромъ „La Scala“ нѣчто въ родѣ артистическаго форума, гдѣ сходятся всѣ возможные актеры, пѣвцы, танцоры, всѣ герои и мученики сцены, чтобы разказать другъ другу о своихъ справедливыхъ успѣхахъ и несправедливыхъ невзгодахъ, и беспощадно критиковать и бранить своихъ отсутствующихъ товарищей. Многочисленные представители искусства являются въ самыхъ разнородныхъ и эксцентрическихъ костюмахъ и прическахъ. Короткіе волосы, тщательно завитые, длинные до плечъ, невѣроятно растрепанные, воротнички à l'enfant, альмавивы живописно закинуты назадъ, венгерки обшиты мѣхомъ,

широкія шляпы придающія видъ разбойниковъ—все тутъ можно видѣть. Размѣщеніе и формированіе отдѣльныхъ группъ зависятъ не отъ случая, а отъ того своего рода аристократизма, который въ театральномъ мірѣ ярко выступаетъ наружу. Между актерами, пѣвицами, танцорами *первыми* и *вторыми* ампула проведена граница никогда не переступаемая ни съ той, ни съ другой стороны. Пѣвецъ-дебютантъ не посмѣетъ сѣсть около перваго тенора. Танцоръ изъ *corps de ballet* смотритъ на танцора-солиста какъ во время оно вассалъ смотрѣлъ на своего барона. Въ 1843 году, въ Миланѣ, артисты-патриціи часто собирались также въ кафе Мартини, гдѣ вслѣдствіе этого, несчастныя *вторая* и *третья* партіи уже не дерзали показываться. Тутъ чаще всего слышались рѣзкія жалобы на импрессаріевъ Италіи и хвастливые разказы, прерываемые иногда руганкой въ полголоса, о „фанатическомъ восторгѣ“ произведенномъ въ разныхъ городахъ и странахъ.

Артисты-плебеи, то-есть, вторая и третья партіи, собирались въ кафе Чекини, хозяинъ котораго могъ бы сочинить грандіозную элегію о неуплаченныхъ счетахъ.... Въ дверяхъ кафе Чекини стоялъ Гарофоло, окруженный нѣсколькими неангажированными пѣвицами.

— Черезъ мѣсяцъ моя дочь будетъ принадлежать публикѣ, произнесъ онъ торжественно.—Мы ангажированы въ Неаполь.

— Ты ангажированъ!

— Нѣтъ, я уже совершилъ свою артистическую карьеру; безъ хвастовства: оставилъ извѣстное имя. Но теперь очередь дочери. Знаете ли, господа, эта дѣвчонка можетъ черезъ нѣсколько лѣтъ собрать мѣшки золота! Вотъ она выходитъ съ моею дражайшею половиной изъ театра. Взгляните что за красавица! Какая талія! Голубушка! да сохранятся сокровища которыя таятся въ твоемъ горлышкѣ!

— Кто это молодой человѣкъ что подошелъ къ ней?

— Студентъ, кончившій курсъ правъ, или адвокатъ, то-есть, собственно теноръ, однимъ словомъ, господа, настоящая скотина!

— Посмотрите, посмотрите, онъ говоритъ съ Бароки; это что-нибудь да значить.

— Вздоръ! воскликнулъ Гарофоло:—Бароки не изъ такихъ чтобъ ангажировать этого безгласнаго пѣвца.

— И ты говоришь что у этого хлыща теноръ?

— Какой теноръ! Голосъ какъ у продавца спичекъ, какъ у комара, какъ у лягушки....

Сальвиани, подойдя къ Гарофоло, помѣшалъ ему въ приискиваніи еще другихъ сравненій.

— Что, сеньѳоръ Эрнесто, каковы наши дѣла? спросилъ его таинственно Гарофоло:—подвигаются?....

— Да, кажется.

— Безъ сомнѣнія, Бароки поспѣшить сдѣлать вамъ самыя выгодныя предложенія, онъ смышленный импрессарио! Господа! воскликнулъ онъ во все горло, обращаясь къ присутствующимъ:—у этого молодаго человѣка удивительный, необычайный голосъ! И скоро вся Италія будетъ аплодировать ему. Вотъ Бароки вернулся на площадь, онъ, кажется, поджидаетъ васъ. Ну, идите и будьте осторожны въ подписаніи контракта, не поддавайтесь на дурныя условія.

— Переговоривъ съ Бароки, я вернусь, сказалъ уходя Сальвиани, совершенно сконфуженный хвалебными возгласами своего будущаго тестя.

— Этакая скотина! провозгласилъ ему вслѣдъ Гарофоло.

— Да! Правда, правда! отозвалось нѣсколько неангажированныхъ теноровъ.—Учился въ университетѣ, можетъ найти мѣсто, еще пожалуй изъ дому получаетъ доходы, а туда же, на сцену, чтобъ отнять у настоящихъ пѣвцовъ хлѣбъ! Чортъ бы ихъ побралъ этихъ импровизованныхъ артистовъ изъ *горочинихъ фамилій*. Желаю чтобъ у него при первомъ дебютѣ первая нота сорвалась. Да! У насъ искусство гибнетъ? Проклятые журналисты и корреспонденты! А импрессарию? А театральныя дирекціи? Я, господа, не выйду изъ Милана не проучивъ порядочно двухъ, трехъ журналистовъ.

— А я затѣю серьезное дѣло съ этимъ подлымъ импрессариемъ, который меня надулъ! Да! Всю эту братію слѣдовало бы повѣсить, потопить, гильотинировать!

Къ счастью журналистовъ и импрессаріевъ, эти страшныя угрозы провозглашались только на словахъ и въ весьма почетительномъ разстояніи отъ нихъ.

Гарофоло, увидѣвъ возвращающагося Сальвиани, побѣжалъ ему навстрѣчу.

— Ну что?

— Контрактъ заключенъ.

— Bravo! Поздравляю! Бароки былъ, конечно, пораженъ вашимъ голосомъ! Но, между нами будь сказано, я ему такъ много и съ такимъ восторгомъ говорилъ о васъ, что онъ, даже не слышавъ васъ, повѣрилъ бы мнѣ на-слово и поспѣшилъ бы заключить съ вами контрактъ. Что, каковы условія?

— Вотъ контрактъ, сказалъ Сальвиани.

— Не дурно, хотя не соотвѣтственно требованіямъ которыя вы въ правѣ были бы сдѣлать. Но, впрочемъ, сначала надо потерпѣть. Бароки сумѣетъ подвинуть васъ; Дебасини, Фраскини и многія другія знаменитости начали также скромно у него. Бѣгу сообщить добрую вѣсточку Эмилиі. Ахъ, да! Не можете ли вы одолжить мнѣ триста или хоть двѣсти лиръ? Черезъ мѣсяцъ я пришлю вамъ эту маленькую сумму вмѣстѣ съ тѣми двумястами лиръ что вы мнѣ надняхъ дали.

— Признаюсь, въ настоящее время мнѣ трудно.... пробормоталъ Сальвиани.—У меня общая касса съ моимъ другомъ Флоренцею.

— Дорогой синьйоръ Эрнесто, пожалуста, не откажите мнѣ. Мы должны расплатиться съ нѣкоторыми долгами мы въ крайней нуждѣ... Я уже смотрю на васъ какъ на своего сына и потому такъ откровенно говорю съ вами.

— Побѣда, побѣда! вдругъ раздался звонкій голосъ Флоренцы. Онъ подбѣжалъ къ Сальвиани и бросился ему на шею. — Другъ мой! Гвельфы разбиты, Гибеллины торжествуютъ! Несмотря на всѣ подлые интриги моихъ непріятелей, моя піеса будетъ дана 5-го января.

— Теперь удобная минута чтобы поговорить о нашемъ дѣлѣ; постарайтесь сегодня принести мнѣ деньги... шепнулъ Гарофоло на ухо Сальвиани и скорымъ шагомъ удался.

Мысль что Эмилиа находится въ нуждѣ заставила Сальвиани тотчасъ же сообщить другу просьбу Гарофоло.

— Но имѣю ли я право пользоваться твоею добротой? прибавилъ онъ.—Я получу деньги не раньше какъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

— Что за вздоръ! перебилъ его Флоренца. — Мы будемъ питаться поэзіей, гармоніей и славой. „Деньги“, si donс! Развѣ великіе поэты и артисты могутъ обращать вниманіе на

этот презрѣнный металл? Моя драма, театр, актеры— вотъ все что мнѣ нужно.

Кто бы могъ въ эту минуту предвидѣть что Флоренца, этотъ поэтичный, благородный юноша, чрезъ какіе-нибудь два, три года не только станетъ обращать величайшее вниманіе „на презрѣнный металл“, но и готовъ будетъ продать за него свою совѣсть?...

Въ тотъ же день Сальвиани вручилъ своему будущему тестю двѣсти лиръ, вслѣдствіе чего Гарофоло горячо его обнялъ, Дженовьева ласково ему улыбнулась, и онъ и Эмилиа на часокъ оставлены были одни.

— Не могу простить себѣ, говорилъ Сальвиани невѣстѣ,— что допустилъ чтобы ты теперь уже, одна, не дождавшись меня, поступила на сцену. Ты, въ своей чистотѣ, не можешь знать, не можешь подозрѣвать что такое театр! Сколько женщинъ, рожденныхъ для добродѣтели, для пониманія всего высокаго и прекраснаго, погибло посреди этого развращающаго театральнаго міра, который со стороны кажется такимъ блестящимъ и заманчивымъ.... Я въ тебя вѣрю какъ въ святую. Но, Эмилиа, еслибъ я могъ думать что сцена запятнаетъ хотя отдаленнѣйшую изъ твоихъ мыслей, я былъ бы глубоко несчастливъ!

— Моя любовь къ тебѣ охранитъ меня отъ всего дурнаго.

— О да, моя Эмилиа! Я знаю, я.... но я долженъ тебѣ сознаться, что думая о твоёмъ близкомъ отъѣздѣ, я не только страшусь страданій разлуки, я ревную.

— Ты ревнуешь? спросила Эмилиа, засмѣявшись:—но противъ кого же?

— Да, меня терзаетъ ревность. Я увѣренъ въ твоей любви. До сихъ поръ мысль о соперникѣ ни разу не приходила мнѣ на умъ. Но теперь я съ ужасомъ сознаю что скоро у меня будетъ страшнѣйшій изъ соперниковъ, „имя же ему легионъ“, говоря слогомъ нашихъ священниковъ. Скоро ты явисься предъ публикой... Тысячи нескромныхъ взглядовъ устремятся на тебя.... твоя красота, твои улыбки, твой голосъ, все что я въ тебѣ обожаю, будетъ принадлежать публикѣ, будетъ продано толпѣ!....

— Эрнесто, ты правъ! воскликнула Эмилиа, какъ испуганный ребенокъ, кидаясь въ его объятія.—Еслибъ я зависла

отъ себя, еслибы не положеніе родителей, я бы ни за что не пошла на сцену....

— Съ твоею красотой, съ твоимъ талантомъ, ты должна нравиться публикѣ. На другой же день послѣ твоего дебюта толпа обожателей явится къ тебѣ. Сдержанность въ обращеніи съ женщиной не посвятившею себя сценѣ совершенно исчезаетъ въ отношеніи къ актрисамъ. Подъ предлогомъ желанія оцѣнить твой талантъ, тебѣ стануть, въ формѣ разныхъ овацій, дѣлать самыя страстныя и безцеремонныя любовныя изъясненія.... Убѣдившись что эти средства ни къ чему не поведутъ, обратятся къ интригамъ, къ обману, къ клеветѣ.... Эмилія, Эмилія! Да оградить тебя Господь! Да сохранить Онъ тебя такою, какъ ты теперь....

— Мы недолго будемъ разлучены. До твоего пріѣзда я никого не буду принимать. Все свое свободное время посвящу тебѣ. Каждый день я буду къ тебѣ писать, сто разъ перечитывать твои письма.... И если я въ самомъ дѣлѣ буду имѣть успѣхъ, то развѣ ты не будешь гордиться сознаніемъ что посреди всѣхъ этихъ овацій, всего этого энтузіазма, я думаю только о тебѣ, принадлежу только тебѣ?.... Другія женщины дарятъ тому кого онѣ любятъ красоту, качества ума и сердца, но только артистка можетъ жертвовать для него всѣми обольщеніями славы!

Сальвиани грустно улыбнулся: „счастье мужчины не въ славѣ любимой женщины“, хотѣлъ онъ сказать... Но онъ взглянулъ на свою невѣсту. Она была такъ хороша въ эту минуту! Въ ея взглядѣ, въ ея улыбкѣ выразалось столько любви. Онъ обнялъ ее, ихъ уста слились въ горячемъ, долгомъ поцѣлуѣ.

— Ваша бесѣда продолжается, кажется, ужъ черезчуръ долго!... послышался рѣзкій голосъ Гарофоло.— Впрочемъ, не мѣшаетъ чтобъ Эмилія уже начала привыкать къ сценамъ сильной страсти. Для женщины невозможно достигнуть совершенства въ сценическомъ искусствѣ пока она мало упражнялась въ любви; но, синьйоръ Эрнесто, я думаю что для перваго урока болѣе не нужно.... прибавилъ онъ, громко расхохотавшись.

Появленіе Гарофоло и его циническія слова произвели невыразимо тяжелое впечатлѣніе на Сальвиани. Подъ предлогомъ неотлагаемаго дѣла, онъ скоро распростился съ

невѣстой и ея родителями. Налѣстницѣ онъ встрѣтилъ Раскiоне.

— Сивьйоръ Сальвиани!

— А, здравствуй, другъ мой.

— Знаете, сказалъ весело Раскiоне, какъ бы подаваясь желанiю подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своею радостью,—я не ѣду въ Неаполь, я остаюсь здѣсь. Отецъ выхлопоталъ для меня мѣсто второй скрипки въ театрѣ Фиандо. Я буду зарабатывать десять су въ день.

— Тебѣ не грустно разстаться съ твоими родителями?

Раскiоне молчалъ.

— Развѣ ты не любишь твою сестру?

— Да, съ ней мнѣ тяжело будетъ проститься.

— Бѣдный ребенокъ! сказалъ Сальвиани, вглядываясь въ черты маленькаго скрипача:—ты уже страдалъ въ твоей жизни!... Навѣщай меня почаще. Мы будемъ говорить о твоей сестрѣ.

Черезъ нѣсколько дней Эмилиа, Гарофоло и Дженовьева отправились въ Неаполь. Сальвиани проводилъ ихъ до конторы дилижансовъ. Тамъ было много народу. Нѣкоторые пришли полюбоваться еще разъ красотой Эмилии. Театральный агентъ, сивьйоръ Бовола, толстый, краснощекій, подошелъ къ ней, и пожелавъ ей счастья и успѣха, не задумавшись, громко два раза поцѣловалъ ее въ щеку. Эмилиа, не привыкшая еще къ театральнымъ нравамъ, вся вспыхнула. Сальвиани сталъ еще блѣднѣе прежняго. Дилижансъ тронулся. Эмилиа взглянула на своего жениха и, сдерживая громкія рыданія, залилась слезами. Когда Сальвиани вышелъ на улицу, онъ увидѣлъ около себя Раскiоне. И онъ хотѣлъ проститься со своими, но его никто не замѣтилъ. Гарофоло и Дженовьева не нашли нужнымъ обратить на него вниманіе; Эмилиа, вся поглощенная мыслью о разлукѣ съ женихомъ, забыла брата....

— Уѣхали! проговорилъ взволнованнымъ голосомъ Сальвиани.—Ты не плакалъ, прощаясь съ сестрой?

— Нѣтъ. Никто меня не любитъ. Никто на меня и не взглянулъ. Я думалъ что Эмилиа вспомнитъ обо мнѣ, приласкаетъ меня, но она.... Теперь я испытываю только одно желаніе никогда, никогда болѣе не видѣть ихъ.

— Твоя сестра любитъ тебя, я это знаю.... Раскiоне, если

ты въ чемъ-нибудь будешь нуждаться: въ совѣтѣ, въ деньгахъ, обращайся прямо ко мнѣ.

— Благодарю, вы добры!

— Сегодня мы проведемъ день вмѣстѣ. Приходи ко мнѣ обѣдать, а вечеромъ, хочешь, я поведу тебя въ Ла-Скалу слушать сестеръ Миланоло?

V.

Расконе, всегда запуганный, забитый, голодный, былъ обыкновенно до нельзя молчаливъ. Но ласковое обращеніе Сальвиани, хорошій обѣдъ, а главное, сознаніе что онъ избавленъ отъ своихъ тирановъ, оживительно подѣйствовали на него. Его блѣдныя щеки зарумянились, глаза заблестѣли, и онъ разговорился.

— Еслибы вы знали, синьйоръ Сальвиани, сколько уже я перенесъ горя! Ясно вспоминаю свой *первый* урокъ. Мнѣ не было еще семи лѣтъ. Въ одно зимнее утро отецъ далъ мнѣ въ руки скрипку. Холодный вѣтеръ дулъ сквозь паюхія окна нашей квартиры. Мои оледенѣвшіе пальцы насилиу двигались. При первыхъ звукахъ, взятыхъ мною дурно и фальшиво, отецъ схватилъ палку и сталъ бить меня. Мольбы и слезы не смягчили его ярости.... И подобныя истязанія продолжались до сегодняшняго дня. Я пересталъ просить и безмолвно переносилъ всѣ мученія. Повѣрите ли: восьми-лѣтнимъ ребенкомъ я сталъ думать о самоубійствѣ. Я желалъ умереть. Разъ какъ-то я слышалъ что можно умереть отъ голоду; я рѣшился перестать ѣсть. Къ концу втораго дня я совершенно ослабъ. Эмилиа, угадывая, быть-можетъ, мой замыселъ, начала ласкать, упрашивать меня и уговорила съѣсть что-нибудь. Помню какъ мачиха тогда закричала на сестру: „Къ чему ты принуждаешь его ѣсть? Если онъ не хочетъ порядочно учиться чтобъ умѣть зарабатывать деньги, то онъ не имѣетъ права ѣсть.“— „Такъ вы хотите чтобъ онъ умеръ?“ воскликнула Эмилиа. „Пустьки, отвѣчала мачиха, цидоты такъ легко не умирають!“

— Ужасно, ужасно!... проговорилъ Сальвиани. — Но скажи: Гарофоло и Дженевьева всегда были съ Эмилией такъ ласковы?

— О, вѣтъ! Когда я еще былъ смилкомъ малъ и слабъ, а

Эмилия еще не пѣла, они взваливали на нее всю черную работу. Почти ребенкомъ еще, она должна была каждое утро, иногда въ самую дурную погоду, отправляться на рынокъ, дѣлать покупки и тащить тяжелую корзину съ провизіей. И не дай Богъ, если, по мнѣнію Дженевьевы, провизія была не хороша или заплачена слишкомъ дорого, тогда и на Эмилию сыпались бранныя слова и побои. Но когда ей минуло пятнадцать лѣтъ и въ ней обнаружился талантъ къ пѣнію, когда она оказалась красавицей, ея участь совершенно измѣнилась. Отецъ и матица начали беречь ее. Сперва самъ отецъ заставлялъ ее пѣть сольфеджи, акомпанируя ей на скрипкѣ. Убѣдившись что стоить чтобъ она училась у настоящаго хорошаго учителя пѣнія, отецъ употребилъ всѣ усилія доставить ей эти уроки даромъ. Но это ему не удалось. Тогда онъ пустился на отыскиваніе протекторовъ.

— Продолжай, продолжай, проговорилъ Сальвиани, съ лихорадочнымъ любопытствомъ слушавшій Раскione.

— Въ одинъ вечеръ Гарофоло возвратился домой необыкновенно веселымъ. „Дженевьева! воскликнулъ онъ, обнимая матицу: нашелся протекторъ! И какой еще! Если наша Эмилия не будетъ черезчуръ глупенькою, мы можемъ скоро разбогатѣть. Сегодня вечеромъ графъ явится къ намъ съ первымъ визитомъ; надо приготовить къ этому нашу дочь.“ „Графъ, графъ?“ спросила Дженевьева съ радостнымъ удивленіемъ. „Да, моя кошечка, никто другой какъ графъ Фриджери. И такой еще красивый мужчина, что въ свое время и ты бы почувствовала къ нему влеченіе; но что же дѣлать? надо уступить тѣмъ которыя немного моложе тебя, не правда ли, дружочекъ?“ прибавилъ онъ, находясь въ расположеніи шутить и любезничать. Вечеромъ въ самомъ дѣлѣ къ намъ пришелъ графъ; его попросили въ комнату Эмилии. Гарофоло и Дженевьева вышли изъ дому „чтобы навѣстить больную родственницу“ и возвратились далеко за полночь.

— А ты, Раскione?... спросилъ Сальвиани дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

— Я? Я прижался въ уголокъ въ кухнѣ, радуясь что родители забыли обратить на меня вниманіе. Но оставшись одинъ, я поспѣшилъ, не знаю, изъ дѣтскаго ли любопытства, или по какому-то инстинкту, какъ бы предчувствуя опасность для сестры, приблизиться къ дверямъ ея комнаты и

пристально сталъ смотрѣть въ щелочку. Эмилиа была блѣдна, ея губы дрожали, глаза были полны слезъ. Графъ сидѣлъ возлѣ нея на диванѣ, и нагнувшись близко къ ней, говорилъ шепотомъ.

— А Эмилиа?...

— Эмилиа, чѣмъ долѣе слушала, тѣмъ дѣлалась блѣднѣе. Слезы хлынули изъ ея глазъ. „Боже милосердый!“ воскликнула она, „не оставляй меня, защити Ты меня несчастную, беззащитную!“ Она встала, подбѣжала къ Распятію, и громко зарыдавъ, кинулась передъ Нимъ на колѣна.

— Да будутъ прокляты тѣ которые хотѣли погубить тебя! воскликнулъ Сальвиани.

— Въ эту минуту я понялъ все, всю невыразимую грустность поступка Гарофоло и Дженеьевы. При мысли о нихъ уже не боязнь только наполняла мою душу, но и ненависть и презрѣніе. Мнѣ тогда всего было одиннадцать лѣтъ. Вамъ покажется непостижимымъ чтобы дитя могло такъ чувствовать и сознавать дурное. Но живя въ горѣ и въ такой средѣ въ какой я находился, рано перестаешь быть ребенкомъ... Какъ бѣшеный я вбѣжалъ въ комнату сестры, и заслонивъ ее собою, сжалъ кулаки и грозно взглянулъ на графа. Онъ грустно улыбнулся, подошелъ ко мнѣ и поцѣловалъ меня въ лобъ. Потомъ взялъ за руку, отвелъ меня въ противоположный конецъ комнаты и далъ мнѣ кошелекъ. „Здѣсь довольно денегъ“, сказалъ онъ, „чтобы доставить сестрѣ твоей возможность въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ брать уроки у самыхъ лучшихъ учителей. Когда эти деньги будутъ издержаны, ты поспѣши извѣстить меня объ этомъ“. „А вы, сеньора“, обратился онъ къ Эмилии, „вы, бѣдное дитя, простите меня что я осмѣлился такъ оскорбить васъ. Не хочу сказать вамъ какъ и кѣмъ, но я былъ обманутъ, меня приготовили встрѣтить здѣсь совершенно другое... Простите, и повѣрьте что вы можете разчитывать на меня какъ на друга.“ Онъ быстро вышелъ изъ комнаты. Когда возвратились отецъ и мачиха, уже разсвѣтало, но я еще не спалъ. Я былъ такъ взволнованъ, что не могъ скоро успокоиться. Я тотчасъ же отдалъ отцу кошелекъ оставленный мнѣ графомъ. Гарофоло поспѣшилъ раскрыть кошелекъ. Дженеьева, увидѣвъ золото, радостно и громко засмѣялась.

— И съ этими людьми моя Эмилиа уѣхала!.. О, еслибъ я зналъ ихъ прежде. Могъ ли я предполагать въ нихъ столько низости?...

Въ то время театръ Ла-Скала считался первымъ въ мірѣ. Въ Ла-Скала оперную труппу составляли Паста, Маабранъ, Рубини, Гали, Лаблашъ, Тамбурини; когда они оставили Миланъ, ихъ замѣнили Фредолини, Шоберленнеръ, Брамбила, Маріани, Ронкони, Варези. Въ балетахъ появлялись Тальйони, Эльслеръ и Черито. Не мудрено что миланская публика, имѣвшая возможность въ продолженіи столькихъ лѣтъ слушать и видѣть такихъ артистовъ, въ высшей степени образовала свой вкусъ, такъ что имѣть успѣхъ въ Ла-Скала равнялось патенту на званіе великаго артиста. Въ тотъ вечеръ когда Сальвиани повелъ Раскione въ театръ, съ намѣреніемъ разсѣять и повеселить его и, можетъ-быть, также въ надеждѣ и самому найти въ музыкѣ хотя мгновенное развлеченіе отъ снѣдавшей его тоски, въ Ла-Скала пѣли дебютанты Дебасини, Гуаско, Альбони. Раскione, утомленный разнородными ощущеніями этого дня, еще во время увертюры склонилъ голову на перила ложи и крѣпко заснулъ. Сальвиани, несмотря на твердое намѣреніе восхищаться великолѣпнымъ голосомъ Альбони, мягкимъ пѣніемъ Гуаско, широкою фразировкой Дебасини, вовсе не слушалъ ихъ; его мысли были далеко. Онъ даже не замѣтилъ что опустился занавѣсъ, что онъ вновь поднялся, и что декорация, вмѣсто „дремучаго лѣса“ перваго дѣйствія, изображала самую обыкновенную концертную залу. Раздавшійся вдругъ громъ рукоплесканій, неумолкающіе, восторженные крики заставили его взглянуть на сцену. На эстрадѣ, около оркестра, стояли, въ бѣлыхъ простенькихъ платьицахъ, двѣ дѣвочки, обѣ прелестныя, но каждая совершенно въ другомъ родѣ. Марія Миланолло, меньшая, съ своимъ дѣтскимъ личикомъ окаймленнымъ бѣлокурыми локонами, веселая, свѣженькая, точно полевой цвѣточекъ, вся движеніе, вся улыбка, казалось, заранѣе вдыхала всѣ ожидающія ее въ жизни радости. Тереза, блѣдная, серьезная, съ своими густыми, длинными черными косами, съ глубокимъ взглядомъ своихъ темныхъ глазъ, въ которыхъ выражалось какъ бы предчувствіе тяжелыхъ страданій, или ранней смерти, могла бы служить ваятелю моделью для изображенія статуи Меланхолии. Странная иронія случая и судьбы! Тереза вышла замужъ за того кого любила и живетъ въ счастіи и роскоши. Марія давно покоится въ землѣ. Смерть похитила ее, прекрасную, молодую, полную жизни и таланта. Контрастъ въ наружности сестеръ Миланолло выражался также въ ихъ

игрѣ. Марія предпочитала для своей скрипки веселье, блескъ и грацію. Тереза своею широкою, страшною игрою не стремилась удивлять, она трогала до слезъ, провикала въ душу и могущественно оковывала ее. Шумный приемъ оказанный сестрамъ Миланолао миланскою публикой разбудилъ Раскione. Онъ съ любопытствомъ подвнялъ голову. „А, скрипки!...“ произнесъ онъ съ пренебреженіемъ, почти съ ненавистью, и приготовился опять уснуть. Но дѣвочки начали играть, Раскione рыскрылъ глаза, и какъ бы подчиняясь вліанію какого-то магнетизма, весь превратился въ слухъ.

— Это въ самомъ дѣлѣ скрипки! воскликнулъ онъ, обращаясь къ Сальвиани.—Еслибъ я могъ думать что изъ скрипки можно извлекать такіе звуки, я бы училса съ охотой....

— Ты еще такъ молодъ, ты легко можешь наверстать потерянное время.

— Вы думаете? спросилъ Раскione прерывающимся отъ волненія голосомъ.—Нѣтъ, это невозможно.

— Отчего же?

— Эти дѣвочки сверхъестественныя созданія, а я заброшенная, несчастное дитя....

Сестры кончили дутьъ; Тереза начала играть одна. Раскione болѣе уже не произнесъ ни одного слова. Его щеки горѣли, глаза блистали необычайнымъ огнемъ.... Игра Терезы зажгла въ душѣ Раскione искру священнаго огня. Изъ театра, наскоро поблагодаривъ Сальвиани, Раскione побѣжалъ домой; черезъ нѣсколько минутъ онъ очутился въ своей квартирѣ, на чердакѣ, схватилъ скрипку и началъ играть. Онъ игралъ долго. Долго извлекаемые имъ звуки звучали рѣзко, неприятно. Потомъ ему показалось что они начинаютъ мѣняться, подчиняться его волѣ, дѣлаются мягче и лучше.... Забытый, бѣдный ребенокъ въ первый разъ въ жизни почувствовалъ восторгъ энтузіазма. Предъ его душой, какъ въ далекомъ туманѣ, открылись тайны, радости и сокровища искусства. Съ чувствомъ еще никогда не испытаннаго благоговѣнія онъ взглянулъ на свою скрипку, положилъ ее на столъ, потомъ медленно, какъ бы невольно сложилъ руки. Его уста шептали молитву....

VI.

Авторскія надежды Флоренцы не осуществлялись. После нѣсколькихъ мѣсяцевъ тревожныхъ ожиданій, онъ въ одно прекрасное утро получилъ черезъ посланнаго отъ театрального Общества „Ромоло и Бергамаски“ толстый пакетъ. Это былъ его манускриптъ. Озадаченный драматургъ тогда только немного утѣшился, когда узналъ что члены Общества „Ромоло и Бергамаски“ не удостоили его драмы даже чести быть прочитанною.... Но его отецъ рѣшительно этому не повѣрилъ, и происшествіе это поколебало до самаго основанія его убѣжденіе въ гениальности сына. Въ возвращеніи манускрипта сыну онъ увидѣлъ явное, неопровержимое доказательство что его драма никуда не годится, и подумавъ не много, твердо рѣшился не посылать ему болѣе денегъ. Сальвиани, обратившись къ самымъ лучшимъ учителямъ, издерживалъ почти всѣ получаемые имъ отъ импрессаріевъ деньги на уроки пѣнія и декламации, и финансы пѣвца и драматурга окончательно разстроились. Неожиданное происшествіе измѣнило ихъ положеніе. Сальвиани получилъ письмо отъ сестры съ извѣстіемъ что она выходитъ замужъ за французскаго графа Сень-Виктора и уѣзжаетъ съ мужемъ въ Парижъ. „Отецъ все еще такъ ожесточенъ противъ тебя“, писала она, „что несмотря на всѣ мои просьбы и на слезы матушки, не хотѣлъ допустить чтобы ты пріѣхалъ на свадьбу. Утѣшайся надеждой увидѣть тебя скоро въ Миланѣ.“

Графъ Сень-Викторъ былъ красивъ, богатъ, аристократъ въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова. Элиза Сальвиани славилась своею красотой. Она напоминала типъ мурилловскихъ мадоннъ. Она была добра. Въ ея взглядѣ выражалась привычка серіозной мысли. По всему этому оба они чрезвычайно годились бы для героевъ романа, еслибы жизнь ихъ не сложилась такъ прозаически. Эти славныя два существа встрѣтились, полюбили другъ друга, и при отсутствіи и тѣни какихъ бы то ни было препятствій, преспокойно обвѣнчались. Въ этихъ немногихъ словахъ вся ихъ исторія.

Когда Элиза прѣехала съ мужемъ въ Миланъ, она при первомъ свиданіи съ братомъ хотѣла передать ему всѣ слова, поцѣлуи, просьбы, которые посылала ему мать ихъ, но не знала захочетъ ли Эрнесто при ея мужѣ говорить обо всемъ откровенно. Въ день своего отъѣзда она отправилась къ брату.

— Эрнесто, начала она, — мы сегодня уѣзжаемъ. Богъ знаетъ когда мы опять увидимся. Я пришла сказать тебѣ что наша дорогая, наша добрая матушка глубоко страдаетъ изъ-за тебя!... Я пришла просить, умолять тебя пожалѣть ее, отказаться отъ твоего несчастнаго намѣренія идти на сцену, не возстановлять еще болѣе отца противъ себя, возвратитъ имъ миръ и покой.

— Всѣ эти слова огорчаютъ меня можетъ-быть болѣе чѣмъ сколько могу выразить, но они напрасны. Теперь мнѣ положительно невозможно отступить отъ разъ даннаго слова. Мнѣ больно что я долженъ дѣйствовать противъ желанія родителей, но скажи, Элиза, развѣ они правы?... Ради какихъ-то отсталыхъ, нелѣпыхъ предрасудковъ матушка предается страданіямъ которыя подкапываютъ ея здоровье, отецъ лишаетъ меня всякой матеріальной поддержки, выталкиваетъ меня изъ своей семьи, не хочетъ даже чтобъ я присутствовалъ на свадьбѣ сестры, хотя знаетъ какъ горячо я тебя люблю, — все это не наказаніе только, это уже принимаетъ характеръ мщенія, страшнаго мщенія! И изъ-за чего? Развѣ избранное мною поприще недостойно честнаго человѣка? Развѣ званіе артиста можетъ быть названо унижительнымъ?...

— Я слишкомъ молода и неопытна чтобы рѣшить этотъ споръ; скажу тебѣ только что театральные артисты всегда вызываютъ во мнѣ нѣчто въ родѣ жалости... Я не понимаю какъ человѣкъ съ серіознымъ характеромъ, съ обширнымъ образованіемъ, съ возвышенною душой можетъ рѣшиться идти на сцену... Выставить себя публикѣ какъ зрѣлище, дать право каждому разбирать свою наружность, всѣ мельчайшія движенія своего ума, своего сердца... Предъ нашимъ отъѣздомъ изъ Кремоны мужъ захотѣлъ чтобы мы вмѣстѣ поѣхали въ оперу. Матушка была съ нами. Повѣришь ли? Мысль что скоро ты, Эрнесто, будешь на сценѣ забавлять публику, что каждый заплатившій за мѣсто нѣсколько франковъ или су приобрѣтетъ право раскритиковать, унижить тебя—такъ взвол-

говорила насъ обвѣхъ, что мы тотчасъ послѣ перваго дѣйствія оставили театръ.

— Я не обманываю себя, я знаю что сценическая карьера имѣетъ свои изнанки. Но за то сколько она можетъ доставить вдохновенныхъ, высокихъ минутъ! Я не гожусь для слишкомъ спокойной жизни. Ожиданія самыхъ жестокихъ разочарованій пугаютъ меня меньше нежели перспектива валаго существованія, лишеннаго сильныхъ ощущеній.

— Я всегда понимала твои идеи и разделяла ихъ. Помню какъ въ твоихъ юношескихъ мечтахъ ты предавался желаніямъ и надеждамъ стать выше людей обыкновеннаго уровня... Но скажи, если ты даже приобрѣтешь славу извѣстнаго опернаго пѣвца, удовлетворишь ли она тебя, когда ты подумаешь что эту славу можетъ разделить съ тобой какой-нибудь невѣжда, каждый идиотъ, и даже оспорить ее у тебя, если природа одарила его болѣе сильнымъ голосомъ и возможностью пѣть нѣсколько нотъ выше нежели ты?... Когда ты вспомнишь, что если пѣвецъ утрачиваетъ изъ своего регистра нѣсколько бластательныхъ нотъ къ которымъ *присыкла* публика, она начинаетъ смотрѣть на него какъ на старую, испорченную игрушку... Не говорю объ оперной сценѣ какою она *должна* была бы быть, но какава она *есть*. Не почувствуешь ли ты со временемъ упрека, что ты не употребилъ иначе и лучше твоихъ способностей, твоего образованія?..

Эрнесто слушалъ сестру молча. Можетъ-быть, онъ внутренно сознавалъ всю истину ея словъ, но ужъ было поздно. Какъ бы для того чтобъ извинить себя предъ самими собою и предъ Елизой, онъ повѣрилъ ей свою любовь къ Емилиа и главныя причины побудившія его избрать сценическую карьеру. Тогда Елиза оставила всѣ убѣжденія.

— Ты не можешь любить не серьезно, сказала она. — Теперь я знаю что мои доводы и просьбы не измѣнятъ твоего рѣшенія. Теперь мнѣ остается только молить за тебя Бога... Не забудь, еслибы постигло тебя какое-либо горе, что у тебя есть сестра которая любитъ тебя всѣми силами своей души. Когда Елиза ушла, Сальвиани увидѣлъ на своемъ столѣ маленькую шкатулочку, и въ ней пятьдесятъ золотыхъ.

— Пятьдесятъ золотыхъ! воскликнулъ съ энтузіазмомъ рожденій Флоренца. — Другъ! я спасенъ! прибавилъ онъ, бросаясь Сальвиани на шею. — Ты позволишь мнѣ взять триста франковъ чтобы принести ихъ въ жертву моему будущему величію?

- Разумѣется! Чтѣ за вопросъ? вѣдь у насъ общая касса.
 — Съ помощью этихъ денегъ, черезъ двѣ недѣли моя драма будетъ дана на сценѣ театра Каркано.

VII.

Кафе „Королевскаго театра“ въ Миланѣ такое же мѣсто сборища для драматическихъ актеровъ, какъ кафе „Мартини“ для оперныхъ пѣвцовъ. Надо обладать большою наблюдательностью чтобъ отличить актера отъ пѣвца. Въ образѣ жизни, въ манерахъ они почти совершенно сходны. Представители драматическаго искусства короче стригутъ волосы и бреютъ бороды. Кромѣ того, они еще оригинальнѣе и небрежнѣе одѣваются и еще громче говорятъ и болѣе жестикулируютъ нежели пѣвцы, за исключеніемъ однако „благородныхъ отцовъ“, которые стараются придать себѣ видъ серьезной сдержанности и непоколебимаго достоинства. Игра въ бильярдъ и въ карты главная страсть и преобладающее занятіе всѣхъ драматическихъ артистовъ. Видя какъ всѣ „первые и вторые любовники“, всѣ „великодушные отцы“ и „отцы тираны“, всѣ „тупоумные и гениальные лакеи“, всѣ „обманутые мужья“ и „мужья Ловеласы“, всѣ „дяди-милліонеры изъ Америки“ дѣльные дни, а часто и ночи, проводятъ въ кафе за бильярдомъ, или съ картами въ рукахъ, приходишь къ убѣжденію что драматическое искусство самое шуточное дѣло, и что для серьезнаго изученія роли *совсе* не требуется времени.

Въ кафе „Королевскаго театра“ сидѣли у столика Густавъ Модена, Аламанъ Морели и Монкальво, три знаменитѣйшіе актера Италіи, во всѣхъ отношеніяхъ стоящіе неизмѣримо выше всѣхъ своихъ собратьевъ. Ихъ присутствіе явно сдерживало посѣтителей кафе. Всѣ избѣгали громкихъ, неприличныхъ шутокъ и возгласовъ, разговаривали въ полголоса. Въ кафе вошелъ Флоренца. Сознаніе его „будущаго величія“, кажется, въ эту минуту совершенно оставило его. Онъ замѣтно робѣлъ. Онъ пришелъ въ кафе съ намѣреніемъ представиться Морели и просить его исходить за постановку его драмы, которая уже была принята дирекціей.

— Мнѣ сказали, началъ онъ, обращаясь къ кельнеру, — что сеньоръ Морели обыкновенно бываетъ здѣсь въ это время?..

— Сеньйоръ Морели? Одно изъ первыхъ свѣтилъ нашей сцены! закричалъ какой-то господинъ со страшно растрепанною прической:—вы ищете сеньйора Аламана Морели? Развѣ вы не видите что онъ сидитъ тамъ у столика и курить сигарку? Какъ не знать Морели?! Извините, сударь, но вы, вѣроятно, только что прибыли изъ провинціи, можете быть изъ Абiateграсо или изъ Г'аргондолы.....

Флоренца вспыхнулъ и окончателно сконфузился. Морели всталъ.

— Перестань, пожалуйста, молоть вздоръ! сказалъ онъ, обращаясь къ растрепанному энтузіасту.—Ты совершенно ошеломилъ нашего молодого поэта.

— Поэтъ! вы поэтъ? Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ позжать вамъ руку. И я поэтъ. Я написалъ нѣсколько превосходныхъ сатиръ противъ театральныхъ рецензентовъ, съ дюжину высоко поэтическихъ одъ въ честь вторыхъ и третьихъ теноровъ и раздирательную драму въ девяти актахъ и шестнадцати картинахъ, подъ названіемъ: *Одинокій чертёкъ*.

— Сеньйоръ Флоренца, вы, я вижу, не знаете нашего тенора Гумирато, и не привыкли къ его выходкамъ; пойдите въ другую комнату чтобы переговорить о вашей драмѣ. Здѣсь г. теноръ намъ будетъ мѣшать.

Они только что скрылись за дверь, какъ одинъ молодой человекъ, сидѣвшій за отдѣльнымъ столикомъ, разразился громкимъ хохотомъ.

— Чему вы изволите смѣяться? спросилъ теноръ Гумирато, грозно сдвинувъ брови. Гумирато самъ и не думалъ признавать себя пѣвцомъ, и потому никогда не посѣщалъ кафе „Мартини“, гдѣ собирались пѣвцы. Но за то въ кафе „Королевскаго театра“ назывался „теноромъ“ и помогалъ хозяйку распоряжаться и хозяйничать.

— Невозможно не смѣяться глядя на этого „поэта“, отвѣчалъ молодой человекъ.—Непремѣнно захотѣлось ему быть литераторомъ, писать драмы. Надѣюсь что Морели слыхкомъ разсудителенъ чтобы протезировать такого молоко-соса!

— Такъ вы знаете этого драматурга?

— Какъ не знать! Мы вмѣстѣ были въ университетѣ. Какой чортъ онъ драматургъ! Никогда не писалъ для

театра — и вдругъ ему вздумалось сочинить драму, да еще въ стихахъ.

— Позвольте спросить васъ, сказалъ Густавъ Модена, улыбаясь,—вы читали эту драму?

— Нѣтъ. Съ какой стати я стану тратить время на подобную чепуху? Говорю вамъ что онъ до этого не написалъ ни одной пьесы. Если ему удастся поставить свою драму, публика, я увѣренъ, сумѣетъ прочесть его.

Флоренца и Морели вошли въ залу.

— Чѣмъ кончились ваши переговоры? спросилъ Модена.

— Черезъ двѣ недѣли пьеса г. Флоренцы будетъ въ первый разъ дана въ бенефисъ Луизы Лодети.

— Въ противномъ случаѣ, продолжалъ громко Модена,—я бы просилъ тебя уступить пьесу мнѣ, для моей труппы. У насъ не перестаютъ сѣтовать на упадокъ драматической литературы въ Италиі. Но когда видишь какъ у насъ каждый вступающій на это поприще встрѣчаетъ при своемъ первомъ шагѣ не сочувствіе и поддержку, а мелкую зависть и злостную насмѣшку, то не мудрено что немногіе стремятся стяжать мученической вѣнецъ литературной славы. Желаю чтобъ у васъ было достаточно характера и мужества стать выше нападеній злыхъ и глупцовъ.

Когда они всѣ трое вышли изъ кафе, университетскій товарищъ Флоренцы презрительно улыбнулся и пожалъ плечами.

— Господа! воскликнулъ онъ:—повѣрьте мнѣ что Флоренца стоить того чтобъ его пьесу освистали!

— Какъ названіе этой новой драмы? спросилъ кто-то.

— *Сила предразсудка.*

— Названіе не много обѣщаетъ.

— Судя по моей роли, отозвался какой-то актеръ третьей степени,—пьеса эта суцая дрянь. Вообразите себѣ, вся роль состоитъ изъ какихъ-нибудь десяти фразъ! Я было отказался принять ее, но директоръ упросилъ меня. Утѣшаюсь мыслью что уже послѣ перваго дѣйствія могу оставить театръ и не буду присутствовать при *уничтожающей* катастрофѣ, которая послѣ конца пьесы непременно обрушится на нее...

— А тебѣ хорошая досталась роль? спросилъ онъ одного изъ своихъ собратьевъ.

— Я взглянулъ только на первыя строки. Ты знаешь, я не люблю терять много времени на изученіе роли и въ

песахъ поважнѣ драмы какого-нибудь г. Флоренцы. Нашъ суфлеръ гениальнѣйшій человекъ въ мірѣ, да еще мой закадычный другъ. А впрочемъ, прошу не шутить со мной, у меня важная роль, я буду представлять „сына палача“...

— А! вѣроятно, главная роль принадлежитъ „палачу“. По-нимаю, значитъ драма во французскомъ стилѣ.

— Какой бы тамъ стиль ни былъ, а пѣса должна быть освистана. Я постараюсь похлопотать объ этомъ, торжественно провозгласилъ Раятофуло, „второй благородный отецъ“.

— Развѣ у тебя большая роль? Ты вѣдь, братъ, тупъ на ухо, не въ ладу съ суфлеромъ, и слѣдовательно, признаешь только тѣ пѣсы въ которыхъ у тебя крошечная роль...

— Не въ моей роли тутъ дѣло, а въ томъ что этотъ вдругъ упавшій съ неба поэтъ каналья, котораго слѣдуетъ отдѣлать. Вы знаете мою дочь, мою несравненную дочь! Вы знаете какъ она божественна въ партіяхъ „первыхъ любовницъ“. Вообразите, синьоръ, Лодети вздумала замѣнить ее, выпросила у Морели бенефисъ для себя и получила главную роль въ драмѣ г. Флоренцы! А мою дочь заставили взять крошечную роль, безцвѣтную, безъ одной эффектной сцены!.. Вамъ извѣстно что у моей дочери много друзей, они сумѣютъ отомстить за нее; даю вамъ честное слово что драма не будетъ доиграна до конца и рухнетъ вмѣстѣ съ авторомъ и съ синьорой Лодети.

— Кирилло, ты играешь въ новой драмѣ? спросилъ Гумирато уродливаго человекъ, обладающаго рѣдкою способностью превращать однимъ своимъ появленіемъ на сценѣ самую трагическую роль въ самую комическую.

— Да, какъ же! отвѣчалъ Кирилло:—у меня предлинная роль! Желаю всѣмъ новымъ драматургамъ и новымъ драмамъ провалиться сквозь землю.

— Ну, Раятофуло! воскликнулъ Гумирато:—если Кирилло играетъ въ пѣсѣ Флоренцы, то ты можешь быть спокоенъ, твоя дочь будетъ отмщена! Это важнѣ для тебя даже твоего честнаго слова.

VIII.

Для Флоренцы настала желанный часъ: на афишахъ театра Каркано было объявлено первое представленіе драмы *Сила предрасудка*. Но вмѣсто радости и счастья, драматургъ-дебютантъ испытывалъ столько горькихъ разочарований и мучительныхъ тревогъ, что онъ чуть не занемогъ. Присутствуя на репетиціяхъ, онъ могъ видѣть какъ небрежно, съ какимъ непониманіемъ и невниманіемъ разыгрывали его піесу. Къ довершенію бѣды, дня два до представленія, Морели заболѣлъ. Томазо Помпей, заступившій его, пользовался въ Италиі репутаціей, если не гениальнаго, то довольно талантливаго актера; но не имѣвъ времени разучить роль, онъ на генеральной репетиціи читалъ ее какъ школьникъ урокъ изъ грамматики....⁴Кромѣ всего этого, до Флоренцы дошли слухи объ интригахъ Рантофуло отца и дочери, и о зловѣщихъ предсказаніяхъ его университетскихъ друзей. Бѣдный драматургъ уже нѣсколько ночей не спалъ. Успокоительныя мечты о восторженномъ приѣмѣ и о фурорѣ замѣнились предугадываніемъ фіаско....

Въ день представленія Флоренца уже въ шесть часовъ поспѣшилъ въ театръ. На площади онъ встрѣтилъ нѣсколько молодыхъ людей, въ томъ числѣ и университетскаго товарища, такъ сильно возстававшаго въ кафе „Королевскаго театра“ противъ дерзновеннаго написавшаго всего только одну драму и слѣдовательно не имѣющаго на то никакого права.

— Флоренца! мы всѣ сегодня соберемся въ театръ Каркано чтобъ аплодировать твоей піесѣ! закричалъ онъ.

Драматургъ былъ еще очень ювъ. Онъ съ искреннею теплою поблагодарилъ за это обѣщаніе. Флоренца входитъ въ театръ. Еще никого нѣтъ. Онъ начинаетъ огромными шагами прохаживаться по сценѣ. Еще темно. Сердце у него бьется, въ головѣ стучить. Вотъ начинаютъ освѣщать сцену, являюся нѣкоторые актеры.

— Папа, ты полагаешь что я должна начать одѣваться? спрашиваетъ сибьора Рантофуло, съ явнымъ намѣреніемъ возвышая голосъ.

— Да, конечно, отвѣчаетъ ея папаша.— Ты вѣдь являешься въ первомъ дѣйстви, а можно ожидать что по крайней мѣрѣ первое дѣйствіе будетъ доиграно до конца.

Флоренца вытираетъ холодный потъ со своего блѣднаго лица.

— Прелестная Луиза! много будетъ народу? обращается Помпей къ сеньорѣ Лодети.

— Всѣ билеты разобраны.

— Поздравляю съ успѣхомъ! А драма, какъ ты думаешь, какъ она пойдетъ? продолжаетъ Помпей въ полголоса, но Флоренца превращается весь въ слухъ и ясно слышитъ каждое слово.

— Драма, вѣроятно, упадетъ. Но моя роль эффектна, а главное, касса полна.

— И ты вовсе не заботишься о поэтѣ? Я его мало знаю, но онъ не безъ таланта, и онъ такъ молодъ, такъ красивъ... Говорятъ, что ты питаешь особенное пристрастіе ко всѣмъ сыновьямъ Аполлона вообще, а къ нему въ особенности?...

— Мало ли какой вздоръ говорятъ! Отдаю справедливость его красотѣ и даже его таланту, но ты знаешь,—не стану выставлять себя поэтическимъ существомъ,—для меня важнѣе всего что сборъ превосходный, а успѣхъ піесы....

— Въ ней много чувства, теплоты.

— Не спорю. Но я убѣждена что она упадетъ. Впервые никто, не исключая и тебя, мой драгоценнѣйшій другъ, хорошенько не знаетъ и не исполняетъ роли; а ввторыхъ, извѣстно что драматическія произведенія принадлежащая итальянскому перу почти всегда подвергаются фіаско, а тѣмъ паче „первая драма“....

Партеръ и ложи начали наполняться. По распоряженію сеньора Бофи, мясника-богача и главнаго обожателя бенефициантки, зала освѣщена а гіогно. Флоренца приложилъ глазъ къ дырочкѣ въ занавѣсѣ. Въ ложахъ и въ партерѣ много знакомыхъ. Всѣ разговариваютъ, смѣются, направляютъ бинокль съ партера на ложи, съ ложъ на партеръ. Ни на одномъ лицѣ не видно и тѣни хотя бы малѣйшаго волненія или безпокоиства. Флоренца взглянулъ на раекъ и увидѣлъ тамъ знакомое, милое лицо. Это была Марія, дочь бѣднаго ремесленника, у котораго онъ до своего переѣзда къ Сальвиани нанималъ комнатку. Марія, несмотря на всѣ свои старанія и молитвы, не могла забыть жильца.... Прочитавъ

ею имя на афишахъ, она упросила мать свою пойти съ ней въ театръ. Красивое личико молодой дѣвушки выражало сильную душевную тревогу.... Флоренца съ благодарностью взглянулъ на нее.

Оркестръ уже сыгралъ увертюру. Режиссеръ закричалъ уже „долой со сцены“ и хотѣлъ подать знакъ къ поднятію занавѣса.

— Погодите, погодите! еще нельзя начинать! воскликнулъ Рантофуло, вбѣгая на сцену.—Моей дочери шили такое короткое платье что нѣтъ никакой возможности надѣть его. Она послала домой за драгумъ.

Этотъ туалетный вопросъ произвелъ задержку на двѣнадцать минутъ. Бенефициантка приходила въ отчаяніе.

— Повѣрьте, обратилась она къ Флоренцѣ,—вся эта исторія съ платьемъ чистѣйшая выдумка, подлая интрига синьоры Рантофуло! О, я ей отомщу! Двѣнадцать минутъ ожиданія для нетерпѣливой публики!... Это цѣлая вѣчность!

— Чтò это значить? Отчего не начинаютъ? спросилъ Сальвиани, торопливо подходя къ Флоренцѣ.— Публика недовольна....

Въ залѣ уже раздавались шиканья, свистки и хохотъ. Флоренца еще разъ взглянулъ сквозь дырочку занавѣса на зрителей. Его университетскій товарищъ шикалъ съ замѣчательною энергіей. Марія еще болѣе поблѣднѣла и пристально смотрѣла на занавѣсъ. „Долой со сцены!“ слышалось во второй разъ. При поднятіи занавѣса публика разразилась хохотомъ: Помпей, воспользовавшись неожиданною туалетною задержкой, велѣлъ, для подкрѣпленія голоса, подать себѣ стаканъ пуншу. Попивая пуншъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ наскоро просматривалъ свою роль. Къ несчастію, онъ такъ ею увлекся что не обратилъ вниманія на знакъ поданный режиссеромъ и опомнился когда занавѣсъ уже былъ поднятъ.... Онъ быстро и ловко швырнулъ тетрадь и стаканъ за кулисы, но уже было поздно: публика замѣтила и тетрадь, и стаканъ. Трудно было придумать болѣе веселое и несчастное начало для новой, серіозной пьесы. Помпей чувствовалъ это. Онъ захотѣлъ исправить свою ошибку и спасти пьесу. Подождавъ немного и давъ публикѣ время поуспокоиться, онъ началъ свой монологъ и сказалъ его превосходно. У Флоренцы радостно забилось сердце. Слышалось нѣсколько аплодисментовъ. Слѣдующія сцены были хороши,

публика уже начинала слушать со вниманіемъ и одобреніемъ. Недоброжелатели Флоренцы уже принимали немного сконфуженный видъ. Вотъ начинается самая эффектная сцена перваго дѣйствія, въ которой объявляется вся завязка піесы, — любимая сцена автора, — въ ней, казалось ему, высказывалась вся сила его таланта.... Входятъ бенефициантка и ея соперница, обѣ въ изящныхъ туалетахъ, обѣ молоды и хороши. Раздаются оглушительныя рукоплесканія. Это бы еще ничего, и остановивъ „эффектную сцену“, не испортило бы ея. Но недогадливый обожатель Лодети, мясникъ Бофи, возымѣвъ неудачную мысль именно въ этотъ моментъ бросить на сцену громади́вшій букетъ. Какъ молнія, предвѣщающая сильнѣйшій громъ, букетъ этотъ ударился о полъ сцены. Лодети нагнулась чтобы поднять букетъ, Рантофуло презрительно пожала плечами. Лодетисты и рантофулисты нашли что это самый удобный случай выразить, након ещѣ съ совершенною ясностью всю неприязненность своихъ другъ къ другу отношеній. Въ залѣ начинается настоящий скандалъ. Аплодисменты, шиканье, крики, свистки, все соединилось въ одинъ неумолкающій гулъ. Съ этой минуты не только исчезла всякая надежда что „эффектная сцена“ произведетъ потрясающее впечатлѣніе на публику, но никто уже и не думалъ смотрѣть и слушать піесу: всеобщее вниманіе было поглощено ожесточенною борьбой двухъ враждебныхъ партій, благодаря которой ходъ піесы былъ ежеминутно прерываемъ. Въ послѣдней сценѣ перваго дѣйствія, явился Кирилло. Онъ былъ такъ неуклюжъ и смѣшонъ, что на время отвлекъ вниманіе публики отъ войны лодетистовъ и рантофулистовъ; завѣсъ спустился при громкомъ хохотѣ въ залѣ. Трудно передать всѣ ощущенія волновавшія бѣднаго автора. Онъ былъ униженъ, взбѣшенъ. Съ горестною улыбкой вспоминалъ онъ свои радостныя надежды, свои тайныя честолюбивыя мечты о громадномъ успѣхѣ.... Вышелъ изъ театра и направилъ свои шаги безъ цѣли. Ходилъ долго и быстро, движеніе и свѣжій воздухъ немного успокоили его. Бѣгство показалось ему непростительнымъ малодушіемъ, онъ поспѣшилъ вернуться и поспѣлъ еще къ концу піесы.... Медленно опускался завѣсъ при шиканьяхъ и продолжительныхъ свисткахъ. Авторъ стоялъ на сценѣ какъ окаменѣлый. Сивьора Рантофуло прошла мимо его съ торжествующею улыбкой. Бенефициантка, подъ руку съ мясникомъ-

милліонеромъ, изъ деликатности сдѣлала видъ что не замѣчаетъ уничтоженнаго автора. Кирилло взглянулъ на него съ ненавистью и проговорилъ въ сторону, но довольно громко, что онъ приписываетъ дурной приемъ сдѣланный ему публикой единственно плоховатости піесы. Къ Флоренцѣ подошли Сальвиани, Морели, теноръ Гумирато и Модена. Морели, несмотря на свое нездоровье, хотѣлъ присутствовать при представленіи новой драмы. Онъ былъ возмущенъ небрежною, дурною игрою актеровъ.

— Да, сказалъ Модена, — мои собратья не пожалѣли васъ. Но вы не должны придавать слѣшкомъ большое значеніе сегодняшней неудачѣ.

— Вспомните что такое публика! воскликнулъ съ паэосомъ Гумирато. — Развѣ хоть одинъ изъ всѣхъ тѣхъ которые такъ немилосердно ошкарли васъ задалъ себѣ трудъ серіозно выикнуть въ смыслъ и значеніе вашего произведенія?... Не думайте что я шучу. Я говорю шуточки да прибауточки, а мимоходомъ замолваю и серіозное словечко. Да; всѣ эти глупцы даже не слушали, не смотрѣли вашей піесы. Они осви-стали ее преимущественно потому что она *первая* піеса неизвѣстнаго автора. Они думали, вѣроятно, что первая піеса могла силою какого-нибудь чародѣйства превратиться въ десятую. Ослы!

— Въ вашей піесѣ, началъ опять Модена, — есть недостатки, длинноты, но вмѣстѣ съ тѣмъ, безспорно, высказывается истинный талантъ. Пишите!

— Къ будущему году, сказалъ Морели, — я буду директоромъ ломбардской труппы. Предлагаю вамъ написать для меня другую піесу.

— Видишь какое лестное предложеніе! воскликнулъ Сальвиани. — Я убѣжденъ что ты можешь пойти далеко.

— Благодарю васъ, друзья! перебилъ его Флоренца. — Цѣню ваше участіе, ваше доброе мнѣніе обо мнѣ. Можетъ-быть, вы правы, можетъ-быть, во мнѣ есть талантъ, и я могъ бы пойти далеко... Знаю что публика бываетъ несправедлива, знаю что многіе знаменитые драматурги начинали съ фіаско. Но теперь вижу и чувствую что я не созданъ для этой тяжелой борьбы. При нашемъ первомъ знакомствѣ, вы, Модена, пожелали мнѣ достаточной силы воли чтобы побѣдить всѣ ожидающія меня невзгоды и стать выше ихъ. Я думалъ что это легко. Теперь смиренно сознаюсь что я не въ силахъ идти

настрѣчу такой жизни, что я глубоко уязвленъ, что я слабъ, малодушенъ или, можетъ-быть, чрезчуръ самолюбивъ.... Два года я ожидалъ этого *перваго представленія* какъ избавленія, какъ награды за все перенесенное мною.... Нѣтъ, я не могу, я не хочу долѣе оставаться въ Италіи. Я не рожденъ для мученичества....

Когда Флоренца и Сальвиани ушли, Морели приблизился къ актерамъ, весело и шумно толковавшимъ о какомъ-то предстоящемъ ужинѣ.

— Господа, сказали имъ Морели,—я вами сегодня чрезвычайно недоволенъ. Трудно болѣе исказать піесу.

— Клянусь тебѣ!... началъ Помпей.

— Не говорю о тебѣ, ты сдѣлалъ все что могъ въ два дня. Но другіе!... А что касается Кирилло...

— Что касается этого гениальнаго актера, перебилъ его Гумирато,—я не позволю тебѣ сказать ни слова! Кирилло! Такого артиста, какъ ты, не было, нѣтъ и, я думаю, не будетъ въ Италіи!... Ты неподражаемъ! И если Морели, по свойственному ему непониманію или, еще вѣрнѣе, изъ зависти, выключитъ тебя изъ своей труппы, то я, я ангажирую тебя для представленія главной роли въ моей девятиактной и пятнадцатикартинной драмѣ *Одинокій червекъ*.

IX.

Вскорѣ послѣ перваго представленія своей піесы, Флоренца уѣхалъ въ Парижъ. Предъ отъѣздомъ онъ не хотѣлъ видѣть никого изъ своихъ знакомыхъ и простился только съ Маріей и съ Сальвиани. Марію онъ обнялъ, поцѣловалъ и поблагодарилъ за участіе. Бѣдная дѣвушка не сумѣла найти ни одного слова; она только заплакала.

— Мнѣ тяжело разстаться съ тобой, сказалъ Сальвиани другу.

— Еслибъ я теперь долѣе остался съ тобой, ты бы разлюбилъ меня, съ грустію отвѣтилъ Флоренца.—Въ эти немногіе дни во мнѣ произошла большая перемена, я себя не узнаю....

— Желаю чтобы мнѣ, когда намъ придется опять встрѣтаться, не трудно было тебя узнать, перебилъ его съ улыбкой Сальвиани.

Оставшись одинъ, Сальвиани сталъ чаще видаться съ Раскионе. Съ знаменательнаго для него вечера, когда онъ въ первый разъ слышалъ сестеръ Миланоло, маленькій скрипачъ совершенно измѣнился. Возрастающая страсть къ музыкѣ, непрерывныя занятія, бѣдность, нужда, одиночество изнурили физическія силы ужъ и безъ того слабого ребенка. Онъ сдѣлался еще блѣднѣе, еще болѣе похудѣлъ. Но выраженіе его лица преобразилось. Въ этомъ мальчикѣ съ огненнымъ взглядомъ, со свѣтлою улыбкой, съ умною, восторженною рѣчью, нельзя было узнать того прежняго Раскионе который безмолвно, съ апатіей пѣюта, исполнялъ всѣ тяжелыя работы по приказанію отца и мачихи и переносилъ ежедневныя нравственныя и физическія истязанія. Раскионе почти не выпускалъ скрипки изъ рукъ. Съ неутомимою энергіей онъ изучалъ свой инструментъ и дѣлалъ необычайные успѣхи. Но онъ сознавалъ что ему не достаетъ руководства хорошаго учителя. Уроки были дороги. То немногое чтѣ Сальвиани въ состояніи былъ давать ему уходило на самыя необходимыя издержки. Нѣсколько разъ уже онъ писалъ къ сестрѣ въ Неаполь, и умолялъ ее прислать ему денегъ на уроки; нѣсколько разъ и Сальвиани въ своихъ письмахъ къ Эмилиі просилъ ее объ этомъ, выражая сожалѣніе что онъ самъ не можетъ помочь Раскионе. Но на эти просьбы отвѣта не было. Съ тѣхъ поръ какъ Раскионе остался одинъ въ Миланѣ, онъ не получилъ отъ своихъ ни одного су. Разговаривая съ нимъ, Сальвиани находилъ безчисленныя причины извиненія для Эмилиі. Но тайно онъ самъ предавался грустнымъ мыслямъ и тяжелымъ предчувствіямъ. Сначала онъ получалъ отъ своей невѣсты длинныя письма, исполненныя любви и нѣжности. Прошло мѣсяца два, три, и она стала писать рѣже и короче. Ея письма не заключали уже въ себѣ поэтическихъ воспоминаній и надеждъ, страстныхъ изліаній чистой дѣвственной души. Въ каждой строкѣ, въ каждой фразѣ высказывались упоеніе и жажда успѣха, и заражающіяся театральныя страстишки. Любящая женщина превращалась въ блистательную примадонну. Сальвиани съ невыразимою тоской замѣчалъ эту перемѣну и съ ужасомъ вспоминалъ чтѣ могъ извлечь изъ разказовъ Раскионе о *правилахъ* Гарофоло и Дженевьевы, путеводителей Эмилиі. Желаніе скорѣе увидѣть ее, оградить ее своимъ присутствіемъ отъ всего дурнаго, можетъ-быть отъ гибели, не давало ему покоя.

Онъ переговорилъ со своимъ импрессариємъ и сказалъ ему съ какимъ нетерпѣніемъ онъ ждетъ возможности быть ангажированнымъ на той же сценѣ гдѣ поетъ Эмилія.

— Да, отвѣчалъ Бароки,—мы можемъ начинать. Вашъ маэстро намедни увѣрялъ меня что вы теперь уже смѣло можете предстать предъ публику. Но послушайте моего совѣта: дебютируйте прежде въ маленькомъ театрѣ. Вы можете этимъ услугу и себѣ, и мнѣ. Я обѣщался отправить труппу для оперы въ Кодонью и рѣшительно не нахожу порядочнаго тенора. Если вы туда поѣдете, то обѣщаю вамъ что вы скоро будете ангажированы на одной сценѣ съ вашею невѣстой.

Въ назначенный для отъѣзда въ Кодонью день, Сальвиани всталъ чуть свѣтъ. Онъ былъ сильно взволнованъ. Онъ зналъ что въ театральномъ мірѣ много дурнаго, мелкаго, грязнаго, но развѣ нельзя стать выше этого? Но развѣ искусство не вознаградитъ за все?... Онъ вступаетъ на артистическое поприще!... Мысль что оно приближаетъ его къ его главной цѣли, къ соединенію съ любимомъ имъ дѣвушкой, сознание высокаго назначенія артиста, все это возвышало его душу. Отъѣзжающіе пѣвцы должны были собраться въ гостиницѣ *del Falcone*. Сальвиани пришелъ туда первый. Худенькія лошадки уже были запряжены въ громадную карету. Ветурино насвистывалъ пѣсенку и старался украсить лошадокъ, прикрѣпляя около ихъ ушей къ сбруѣ банты съ букетами. Вскорѣ послѣ Сальвиани явилась примадонна синьора Боракеги, уже весьма не молодая и замѣчательно толстая и не красивая собой. Она вошла на дворъ гостиницы торжественно, съ походкой Нормы. За ней слѣдовала ея компаніонка, еще старше, некрасивѣе и толще самой примадонны. Обѣ госпожи несли въ своихъ объятіяхъ по собаченкѣ закутанной въ шаль, и обѣ, не удостоивъ Сальвиани поклономъ, тотчасъ же помѣстились въ каретѣ.

— Ну, что же! Отчего мы не ѣдемъ? закричала примадонна.—Что мы тутъ дѣлаемъ?..

— Мы ждемъ, спокойно отвѣчалъ ветурино.

— „Ждемъ“? Вотъ новости какія! Примадонну заставить ждать!... Сказано что отъѣздъ въ шесть часовъ: кто не явился въ-время, пусть остается въ Миланѣ.

— Потерпите немного, синьора, сказалъ ветурино.—Вотъ и г. теноръ уже съ полчаса ждетъ, прибавилъ онъ, указы-

вая на Сальвиани, который, задумавшись, стоялъ немного подалше.

— Это теноръ?... А!... воскликнули въ унисонъ обѣ госпожи.

— Прекрасный носъ! удивительный носъ! замѣтила компаньонка.

— Держись прямо—хорошо! Поклонись дамамъ—хорошо! Будь всегда послушнымъ!..

Эти приказанія и увѣщанія, произнесенныя густымъ низкимъ голосомъ, были адресованы сивьйоромъ басо-профондо своему попугаю, котораго онъ привезъ изъ Америки, и который составлялъ единственную добычу вывезенную имъ изъ своей неудавшейся артистической экспедиціи за Океанъ. За басо-профондо шелъ баритонъ, длинный, сухой, въ парикѣ высоко-завитомъ, но по своему непредставительному состоянію требовавшемъ неотлагательной замѣны новымъ. Баритонъ вполнѣ сознавалъ это, но вслѣдствіе совершеннаго разстройства своихъ финансовъ никакъ не могъ приобрести новый парикъ. Баритонъ и басо-профондо съ попугаемъ также усѣлись въ каретѣ.

— Вообразите, воскликнула примадонна,—я уже жду здѣсь болѣе часу! Это возмутительно! Ей, ветурино, если мы не сейчасъ же, не сію минуту тронемся съ мѣста, я выхожу изъ кареты и уничтожаю, разрываю свой контрактъ!

— Вы совершенно правы, сказалъ баритонъ.—Въ прежнія времена ничего подобнаго не случалось. Теперь все идетъ шиворотъ-на-выворотъ, вторыя партіи окончателно зазнались! Отчего мы не ѣдемъ? Мы всѣ *первыя* партіи уже собрались, слѣдовательно нечего ждать.

— Г-жи Карнаибо и ея супруга нѣтъ, вотъ важность какая! начала опять съ бѣшенствомъ примадонна.—О! Я эту дуру, эту фурию проучу, непременно проучу, вотъ только доѣдемъ до Кодоньи! прибавила она, повидимому совершенно забывъ что только-что объявила твердое намѣреніе разорвать контрактъ и остаться въ Миланѣ.

— Эхъ, надоѣли, право, проборталъ ветурино,—лошадки мои не хуже вашего.... а ждутъ съ самаго утра; также могли бы быть въ претензіи.... Вотъ, кажется, идетъ сивьйора Карнаибо съ мужемъ и съ импрессаріемъ.

— Прекрасно, браво, превосходно! заговорила примадонна, выглянувъ чрезъ окошечко кареты и вся побагровѣвъ отъ злости. Сивьйоръ Бароки ведетъ подъ руку вторую сопрано.

Этого только не доставало! Ну-съ, господинъ импрессарио, этотъ разъ я ужъ оплачу вамъ, кѣтъ, это невозможно такъ пропустить! Вы воображаете что наткнулись на новичка. Слава Богу! Я примадонна опытная! Я сумѣю отучить васъ водить подъ ручку вторыхъ сопрано!... Приѣхавъ въ Кодонью, я, впервыхъ, тотчасъ же на недѣлю заболѣваю, ввторыхъ, каждый праздникъ буду больна и лежать въ постели, втретьихъ.... Ахъ, Сальвиани! Теноръ, послушай! перебила она перечень своихъ будущихъ дѣйствій, видя что синьора Карнаибо приближается къ каретѣ. — Сальвиани! Скорѣй занимай свое мѣсто, мѣсто тенора, между мной и моей компаніонкой! Этотъ молодой теноръ, кажется, еще ничего не понимаетъ. Сальвиани, надѣюсь что вы не уступите ваши права этой.... этой стрекозѣ!

Сальвиани и синьора Карнаибо въ одно время подошли къ дверцамъ кареты.

— Сударыня! Это мѣсто принадлежитъ тенору! закричала во все горло примадонна.

— А мнѣ гдѣ же прикажете помѣститься? спросила Карнаибо. — Мои нервы и такъ ужъ совершенно разстроены.

— Я съ удовольствіемъ уступлю вамъ мое мѣсто, сказалъ Сальвиани.

— Какъ! Это невозможно, начала опять примадонна, съ замѣчательнымъ *crescendo*. — Въ одной каретѣ три дамы! Можно задохнуться!... Синьоръ Бароки, неужели секунда-донна не могла бы сѣсть на вторыхъ мѣстахъ въ кабріолетѣ?

— Пойдемъ, другъ мой, обратилась Карнаибо къ мужу. — Я предпочту каждое мѣсто мѣсту около госпожи Борагети! Да и къ тому же мы, *вторые* партіи, недостойны находиться возлѣ такой примадонны, особенно въ каретѣ.... На сценѣ другое: тамъ публика рѣшаетъ кто первый, кто послѣдній. Увидимся въ Кодоньи, синьора Паста, синьора Малибранъ Толстое чучело!

Импрессарио нашелъ нужнымъ вмешаться въ дѣло. Онъ просилъ, грозилъ, говорилъ нѣжности, кричалъ и наконецъ успѣлъ умиротворить обѣихъ *донны*. Сальвиани помѣстился съ Бароки въ кабріолетѣ. Карнаибо вошла въ карету съ мужемъ и съ корзинкой, въ которой находилась обезьяна. Обѣ собаки, не перестававшія во время ссоры двухъ пѣвицъ лаять изо всѣхъ силъ, тоже угомонились и свернулись на кѣльняхъ своихъ хозяекъ въ клубки. Лошади тронулись, и

группа наконецъ вышла изъ Милана. Въ каретѣ водворилось спокойствіе, даже веселье. Посыпались разные, не слишкомъ приличные, анекдоты и шуточки. Попугай вскарабкался на прикрѣпленную сверху кареты сѣтку, наклонилъ голову на бокъ, и съ явнымъ вниманіемъ сталъ прислушиваться къ разговору. Но новое происшествіе чуть было не разрушило съ такимъ трудомъ установившійся миръ. Басо-профондо имѣлъ обыкновеніе возить весь свой багажъ въ своей шляпѣ. Почувствовавъ на головѣ невыносимую тяжесть, онъ снялъ шляпу и высыпалъ въ уголокъ около себя свой багажъ: поддюжины воротничковъ, двѣ пары носковъ, шелковый жилетъ съ большими пестрыми разводами, ящикъ со спичками, большое красное перо и банку съ помадой. Облегчившись такимъ образомъ, онъ, принадлежа къ числу обожателей сивьоры Карнаибо, вызвался держать корзинку съ обезьяной. Но едва только Карнаибо успѣла выразить благодарность за эту рыцарскую услугу, какъ басо-профондо вскочилъ съ своего мѣста. „Проклятая! Вотъ удружила!“ воскликнулъ онъ, съ омерзѣніемъ швырнувъ далеко отъ себя корзинку съ обезьяной. Въ каретѣ поднялась такая суматоха и сдѣлался такой шумъ что трудно было разобрать въ чемъ именно она провинилась.... Басо-профондо угрюмо молчалъ. Баритонъ съ жаромъ декламировалъ противъ невыносимой привычки таскать съ собою, во время путешествія, разныхъ животныхъ. Примадонна криливо повторяла что это еще можно дозволить первымъ партіямъ, но ни въ какомъ случаѣ вторымъ. Карнаибо сдѣлалось дурно. Попугай сжался и струсилъ. Собаки проснулись и подняли страшнѣйшій лай на виновницу всей катастрофы, которая, выскочивъ изъ корзинки, усѣлась на сѣткѣ противъ попугая, и оскаливъ на всѣхъ присутствующихъ людей и животныхъ зубы, съ неизмовѣрною быстротой стала чистить себѣ хвостъ. Ветурино остановилъ лошадей; Бароки и Сальвиани вынули дамъ изъ кареты; и всѣ отправились пѣшкомъ въ гостиницу, къ счастію, находившуюся въ близкой деревушкѣ. Шествіе оканчивалъ мужъ Карнаибо, крѣпко держа обезьяну въ своихъ объятіяхъ. Незавидная доля мужа примадонны! Но какъ назвать общественное положеніе мужа секунда-донны?!

Всѣ, не исключая собакъ и обезьяны, были озлоблены и нахмурены. Только компаніонка примадонны находилась въ необычайно хорошемъ : асположеніи духа. Она почувствовала сильное влеченіе къ Сальвиани.

— Какой красавец! шепнула она примадоннѣ.— Жаль только что ужь, кажется, черезчуръ застычивъ и неопытенъ; во поживетъ между нами, перемѣнится.

Въ гостиной, за столомъ, предъ громаднымъ пантетомъ, блюдомъ съ цѣлою горой котлетокъ и нѣсколькими бутылками вина, всеобщее настроеніе тотчасъ же измѣнилось. У всѣхъ артистовъ былъ необыкновенный аппетитъ; особенно отяжелась въ этомъ отношеніи примадонна.

— Что ты, тетушка, сегодня такъ присмирѣла? спросила она свою компаніонку.

— Боюсь скандализировать нашего тевора. Посмотри какъ онъ все конфузится. Это вамъ очень, очень къ лицу, синьйоръ Сальвиани, но театральныя подмостки скоро отучаютъ васъ отъ привычки краснѣть; на нихъ скоро приобретаешь ту откровенность, ту развязность, однимъ словомъ все то что чопорные люди на своемъ свѣтскомъ жаргонѣ называютъ „дерзостью“ и „безстыдствомъ“, но что именно характеризуетъ истинныхъ артистовъ и придаетъ имъ рельефность!...

— Bravo, bravo! воскликнулъ басо-профондо.— Это неопровержимая истина: въ наше время для артиста безъ дерзости нѣтъ спасенія и карьеры. Повѣрьте, многіе, благодаря только этому качеству, сумѣли попасть на сцену въ Ла-Скалаѣ. Въ *Нормѣ*, напримѣръ, кромѣ божественной Монтенегро, всѣхъ остальныхъ я бы согналъ со сцены.

— Басъ Марини удивительный пѣвецъ!

— Никогда не бываетъ въ ладу съ оркестромъ.

— А ты, Сальвиани, обратилась къ нему примадонна,—ты также находишь что Монтенегро заслуживаетъ всѣ дѣлаемыя ей оваціи, лавровые вѣнки?...

— Я одинъ изъ ея величайшихъ поклонниковъ.

— Она не безъ достоинствъ. Но въ *Нормѣ*, право, не трудно эффектно спѣть. Въ прошломъ году, на сценѣ театра въ Ваакамоникѣ, я пѣла Норму и произвела фанатизмъ. Серафина, скажи правду, безъ всякой лести, развѣ я была хуже Монтенегро?

— Напротивъ, отвѣчала компаніонка,—ты была еще величественнѣе. Я часто вспоминаю эти представленія *Нормы* въ Ваакамоникѣ. Какія оваціи, празднества, подарки! Помнишь, какъ докторъ и аптекарь за тобой ухаживали? А сынъ перваго депутата?... Онъ безъ памяти былъ влюбленъ въ тебя.... правда, онъ потомъ измѣнилъ тебѣ и обратилъ

все свое вниманіе на меня.... прибавила она, бросая нѣжный взглядъ на Сальвиани.

Безцеремонные разказы, отвратительныя, грязныя шутки повторялись все чаще и чаще; хохотъ становился все громче. Сальвиани стоялъ какъ окаменѣлый, онъ не могъ произнести ни одного слова. Онъ слышалъ много дурнаго о театральномъ мѣрѣ. Онъ приготовился встрѣтить многое что должно оскорбить его привычки, его идеи. Но ничего подобнаго онъ не могъ предвидѣть и вообразить себѣ. Дѣйствительность превосходила все что ему прежде казалось преувеличеніемъ и даже клеветой.... Въ первый разъ онъ почувствовалъ стыдъ своего положенія. Всѣ его мечты о благородномъ, высокомъ назначеніи артиста, были, казалось ему, затоптаны, закиданы грязью....

Пока Сальвиани предавался тяжелымъ мыслямъ и ощущеніямъ, примадонна перебирала и уничтожала на всѣ лады всѣхъ извѣстныхъ ей пѣвицъ. За одну изъ нихъ Карнаубо заступилась. Между двумя доннами возникла самая ожесточенная полемика. Съ обѣихъ сторонъ посыпались брань, проклятія, разоблаченія разныхъ обоюдныхъ грѣховъ. Басо-профondo, съ истинною гражданскою доблестью, смѣло стоялъ за секундадонну, и ругаясь съ баритовомъ, уже схватилъ тарелку въ руки. Обѣ пѣвицы вскочили съ своихъ мѣстъ. Примадонна, съ походкой Нормы, уже яростно приблизилась къ секундадоннѣ, и вся эта сцена превратилась бы, вѣроятно, въ настоящую трагедію, еслибы приходъ новаго лица не обратилъ на себя общаго вниманія.

— А, Кривели! воскликнулъ Бароки:—что, ты всѣхъ успѣлъ собрать?

— Ты мнѣ прежде объясни, сказалъ Кривели, театральныи агентъ и помощникъ Бароки,—что это здѣсь происходитъ, война или вакханалія?

— И то и другое. Я привыкъ къ такимъ сценамъ и, какъ видишь, гляжу на нихъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ, даже не безъ нѣкотораго удовольствія, тѣмъ болѣе что не подвергаюсь за ихъ исполненіе никакой отвѣтственности предъ публикой. Гдѣ же все твое общество?

— Тамъ въ каретѣ. Мы всѣ помѣстились въ одной каретѣ, только немного тѣсновато.

— Что, твой людъ не голоденъ?

— Не думаю. Да, впрочем, хористкамъ не слѣдуетъ много вѣсть, это портить голосъ... Ахъ, да! вмѣсто шести, я ангажировалъ восемь.

— Да это сумашествіе! Ты разоряешь меня.

— Двѣ сверхштатныя хористки очень не дурны собой и пожелали быть ангажированными почти безъ жалованья.

— Это другое дѣло. Ну, теперь надо отправляться. Въ путь, въ путь!

Обѣ пѣвицы, молча и надувшись, по-прежнему усѣлись въ каретѣ въ обществѣ басо-профондо, баритона, мужа Карнаибо, обезьяны, собакъ и попугая. За ними слѣдовалъ громаднѣйшій экипажъ, въ которомъ помѣщались, какъ селедки въ бочкѣ, восемь хористокъ, шесть танцовщицъ, четыре хориста, второй басъ, суфлеръ, буфъ и театральныя агентъ Кривели, въ какомъ-то фантастическомъ, полу-турецкомъ, полу-китайскомъ костюмѣ. Когда оба экипажа вѣхали на дворъ гостиницы въ Кодоньѣ, они чрезъ нѣсколько минутъ были окружены публикой. Вся прислуга и всѣ прїѣзжіе въ гостиницѣ, и бѣольшая часть жителей Кодоньи посѣщили вблизи взглянуть на новую труппу. Солистовъ Бароки размѣстилъ въ гостиницѣ. Хористы и хористки отправились искать квартиру въ сопровожденіи цѣлой толпы уличныхъ мальчишекъ. Оставшись, наконецъ, одинъ въ своей комнатѣ, Сальвиани въ изнеможеніи сѣлъ, почти упалъ, на диванъ. Онъ былъ возмущенъ, глубоко оскорбленъ всѣмъ что видѣлъ и слышалъ.... Невыносимо тяжелыя чувства волновали его душу, и онъ читалъ въ нихъ безнадежную будущность....

Х.

Сальвиани уже болѣе мѣсяца не получалъ писемъ отъ Эмилии. „Съ тѣхъ поръ какъ ты выѣхала изъ Неаполя въ Римъ,“ писалъ онъ ей,—

„я не получалъ отъ тебя ни строчки. Не знаю что думать, мои мысли путаются, на сердцѣ тяжело.... Нѣтъ! Не можетъ быть!... Театръ опасенъ и страшенъ для другихъ, но ты, чистая, святая, не измѣнилась!... Успѣхъ который я здѣсь имѣю, похвалы моего импрессаріо, восторженный прїемъ публики, все это радуетъ меня потому только что приближаетъ меня къ тебѣ. Надяхъ меня слышалъ импрессаріо театра Ла-Скала. Онъ хочетъ ангажировать меня. Тебѣ

легко будетъ быть ангажированною къ этой осени туда же. Мнѣ Миланъ дорогъ, я тамъ тебя узналъ! Я бы желалъ чтобы наша свадьба была въ Миланѣ. Мы не оставимъ артистической карьеры, пока не обезпечимъ твоихъ родителей. Но потомъ, не правда ли? мы распостимся навсегда съ театромъ. Я вижу, я не рожденъ для сцены. Любовь къ музыкѣ, къ искусству, такъ же живуча во мнѣ какъ и прежде, но на сценѣ можно разлюбить ихъ. Сколько невѣжества, грязи, цинизма, алчности, мелкой злобы и зависти, низкихъ интригъ, какое забвеніе всякаго человѣческаго достоинства за *кулисами* этого *драма искусства!*... Не сумѣю выразить что я испытываю при мысли что ты возвращаешься теперь въ подобной же сферѣ!... Я и прежде зналъ что театральная жизнь имѣетъ свою темную сторону: но я думалъ что она составляетъ только одну изъ ея принадлежностей, а не всю почти ея сущность. Я благоговѣлъ предъ тѣмъ могущественнымъ, благотворнымъ вліяніемъ, которое сцена должна и можетъ имѣть на образованіе, на цивилизацію человѣческаго общества, предъ благороднымъ, высокимъ назначеніемъ артиста. Я не могъ безъ глубокаго негодованія думать о нелѣпныхъ предразсудкахъ тѣхъ людей которые съ высокоуміемъ, съ пренебреженіемъ относятся къ театральнымъ артистамъ и не считаютъ ихъ достойными принадлежать къ порядочному обществу.... И теперь, въ теоріи, мои идеи о назначеніи сцены и артиста остались тѣ же; и теперь я не могу сочувствовать отсталымъ предразсудкамъ, но я сознаю что ихъ надо побѣдять и уничтожить не пустыми декламаціями, а совершеннымъ преобразованіемъ театральнаго міра. Пока въ немъ будутъ преобладать невѣжество, цинизмъ, отвратительная безцеремонность и распущенность нравовъ, *отсталые слуги* будутъ правы; театральные артисты будутъ вытолкнуты изъ круга порядочныхъ людей, и порядочному человѣку почти будетъ стыдно принадлежать къ театральному міру.

„Твой братъ часто пишетъ ко мнѣ, и жалуется на тебя. Признаюсь, я рѣшительно не понимаю: отчего ты не стараешься помочь ему. Но прости: это не можетъ быть твоею виной; твоя мачиха, твой отецъ, вѣроятно, обманываютъ тебя. Они продолжаютъ преслѣдовать несчастнаго ребенка. Еслибъ они хотѣли повѣрить что въ немъ открылся истинный талантъ, они, можетъ-быть, сдѣлались бы великодушнѣе. Я послалъ немного денегъ твоему брату, увѣривъ его что деньги эти отъ тебя. Ему будетъ легче принять ихъ, и онъ перестанетъ сомнѣваться въ тебѣ. Я хочу чтобы всѣ вѣрили въ тебя, какъ я въ тебя вѣрю. Я смотрю теперь на избранную мною театральную карьеру какъ на *чистилище*.... и живу только надеждой что скоро буду соединенъ съ тобою. Напиши мнѣ скорѣе. Не забывай что только для любви къ тебѣ я всѣмъ жертвую. Не забывай что только твоя любовь можетъ охранить тебя. Если она ослабнетъ въ твоей душѣ—ты погибла....“

Через нѣсколько времени Сальвиани получилъ три письма. Отъ Флоренцы изъ Парижа, отъ Эмилии изъ Рима и отъ Расконе изъ Милана. „Другъ!“ писалъ Флоренца,—

„поздравь меня! Я сдѣлаюсь журналистомъ. Моя первая статья появилась во французскомъ журналѣ *Хроника*. Я познакомился со многими французскими литераторами. Люма обнял, расцѣловалъ меня и расхвалилъ мою статью. Ты боишься что я слишкомъ опрометчиво поступилъ, оставивъ себя литературной карьерѣ, надо обладать силой воли и фанатизмомъ мученика, а ты знаешь что я не богатъ этими качествами. Парижъ такъ великъ и многолюденъ, что здѣсь автору легко *спрятаться* за свое произведение. У насъ даже самые большіе города, всѣ отзываются провинціей. Въ Миланѣ, напримѣръ, появляется объявленіе что „въ непродолжительномъ времени“ на такомъ-то театрѣ будетъ представлена новая піеса, сочиненія, ну хоть бы твоего друга Флоренцы: „Флоренца!“ восклицаютъ со всѣхъ сторонъ, съ чрезмѣрнымъ удивленіемъ, товарищи, знакомые, друзья. „Флоренца, что каждый день приходитъ сюда въ кафе, и послѣ обѣда прогуливается на бульварѣ! Да вѣдь онъ готовился быть адвокатомъ, съ какой же стати онъ вздумалъ лѣзть въ литераторы?“ Основываясь на томъ неопровержимомъ фактѣ что первое произведеніе не можетъ быть вторымъ, эти господа отправляются въ театръ съ твердымъ намѣреніемъ проучить дерзкаго самозваннаго драматурга. Потомъ въ цѣломъ городѣ дѣлается извѣстнымъ что публика ошкандала его піесу. „Публика...“ Въ бель-этажѣ рядъ разфранченыхъ барынь. Онѣ чрезвычайно заняты желаніемъ похвастать красивымъ туалетомъ, хорошенькою шейкой и надеждой произвести эффектъ на партерѣ. Первые ряды партера занимаютъ городскіе львы всѣхъ возможныхъ сортовъ: длиннобородые, вовсе еще безбородые и начинающіе уже терять бороды, и въ продолженіи почти цѣлаго спектакля дорнируютъ бель-этажъ. На остальныхъ мѣстахъ размѣщаются путешественники пріѣхавшіе на нѣсколько дней въ Миланъ изъ провинціи или изъ-за границы; они такъ разсыпаны и такъ измучены всѣми *достопримѣчательностями* что и не думаютъ обращать вниманія на піесу, да еще театралы-старіки, которые, распредѣляя свою жизнь по часамъ, съ педантической правильностью, находятъ удобнымъ и полезнымъ ежедневно по вечерамъ посѣщать театръ, для лучшаго пищеваренія, и обыкновенно съ перваго же дѣйствія предаются сладкой, невозмутимой дремотѣ. Все это называется „публикой“.... Ты скажешь что силою таланта можно побѣдить равнодушіе публики, можно даже уничтожить подленькія замашки и продѣлки мелкихъ завистниковъ. Но въ Италіи, сдѣлавшись знаменитостью, приходится

бороться противъ новаго, сильнѣйшаго бѣдствія — противъ клеветы. У насъ не довольствуются разборомъ самого литературнаго произведенія, а доискиваются мельчайшихъ подробностей интимной жизни автора. Ихъ искажаютъ, преувеличиваютъ до невероятныхъ размѣровъ, и выставляютъ на судъ толпы. И вотъ, въ одно прекрасное утро литераторъ узнаетъ свою „достоверную биографію“, составленную изъ лжи и гнусной клеветы. Не знаю, найдется ли у насъ хоть одинъ изъ представителей литературы настоящаго времени, который избѣжалъ бы обвиненій въ безчестности, въ безнравственности, въ измѣнѣ, въ шпіонствѣ, а болѣею частью вся ихъ вина состоитъ въ томъ что они выше другихъ по уму и таланту, и ниже по карману. Я бы, вѣроятно, достигъ только *последняго* и, слѣдовательно, не подвергся бы, можетъ-быть, нападеніямъ „клеветы“. Но во всякомъ случаѣ я ни чуть не раскаиваюсь въ своей „опрометчивости“, какъ ты изволишь называть мой отъѣздъ изъ Милана. Великодушно прощаю тебя, и даже приношу тебѣ торжественную клятву, что когда ты, какъ слѣдуетъ ожидать, прибудешь въ Парижъ чтобы дебютировать на сценѣ италіянкой оперы, мое перо и столбцы журнала *Хроника* будутъ къ твоимъ услугамъ.“

Грустно сказать, но надо сознаться что письмо Эмилии содержало въ себѣ, почти исключительно, описанія ея триумфовъ...

„И здѣсь, какъ въ Неаполѣ, публика принимаетъ меня съ величайшимъ энтузіазмомъ. Меня увѣряютъ что со времени Малибранъ ни одна пѣвица не производила въ Римѣ такого фанатизма. При последнемъ представленіи въ Санъ-Карло меня осыпали букетами, вѣнками, стихами, подарками. Я думаю что къ концу сезона эти господа окончательно съ ума сойдутъ! Я рѣшительно не постигаю какъ ты можешь ненавидѣть театръ. Неужели тебѣ не дороги тѣ ощущенія которыя можно найти только въ жизни артиста? Когда я нахожусь на сценѣ, въ этой атмосферѣ роскоши, свѣта, гармоніи; когда я вижу и чувствую что тысячи людей слушаютъ меня съ любовью, съ восторгомъ, и то въ безмолвномъ энтузіазмѣ боятся потерять хотя единый звукъ моего голоса, то увлеченные, фанатизированные, благодарятъ меня неумокающими аплодисментами и кликами, я испытываю истинное блаженство и переносюсь въ дивный, фантастическій міръ, недоступный обыкновеннымъ смертнымъ.... Надѣюсь что настанетъ время, когда и ты будешь раздѣлять эти чувства и мысли. Безъ энтузіазма для сцены, ты никогда не будешь великимъ артистомъ. Я никакъ не могу исполнить твое желаніе и пѣть эту осень въ Миланѣ. Меня это очень, очень огорчаетъ, но

что же делать? После такого громаднаго успѣха въ Неаполь и въ Римѣ мнѣ со всѣхъ сторонъ дѣлаются самыя бластательныя предложенія. Для осени я уже подписала контрактъ съ импрессаріемъ театра въ Марсели. Зимой я буду пѣть во Флоренціи. Отецъ говоритъ что Марсель и Флоренція несравненно выгоднѣе Милана, а главное, гораздо важнѣе для моей артистической карьеры, чѣмъ, конечно, невозможно пренебрегать. Кстати объ отцѣ: ты чрезвычайно несправедливъ къ нему. Прошу тебя, не выражайся такъ о немъ. Не забывай что онъ мнѣ отецъ, и что я его люблю. Еслибъ ты зналъ какъ онъ теперь балуетъ меня! Онъ предупреждаетъ, угадываетъ малѣйшее мое желаніе!... И какъ онъ, бѣдный, хлопочетъ, цѣлый день на ногахъ! То отправляется въ театръ чтобы переговорить съ импрессаріемъ и съ артистами, то въ одно утро перебиваетъ въ нѣсколькихъ кафе и вездѣ рассказываетъ о моихъ успѣхахъ. Избави Богъ, если кто-нибудь, хотя слегка, затронетъ мой талантъ! Отецъ превращается тогда въ настоящаго тигра. Къ счастью, отецъ, бывъ столько лѣтъ на сценѣ, превосходно знакомъ съ ея требованіями. Онъ ничего не упускаетъ изъ виду что необходимо для распространенія и увеличенія славы начинающей артистки. Онъ дѣлаетъ частые визиты и подарки всѣмъ журналистамъ, посылаетъ корреспонденціи о моихъ успѣхахъ въ другіе города, съ прибавленіемъ необходимыхъ денегъ „на расходы по печати“; старается снискать дружбу и протекцію вліятельныхъ особъ, и противъ возможности оппозиціи имѣть всегда наготовѣ организованную *claque*. Съ тѣхъ поръ какъ наши дѣла идутъ хорошо, и Дженовезева сдѣлалась несравненно добрѣе и ласковѣе; въ Миланѣ безпрерывныя лишения и нужда портятъ ея характеръ. Я такъ занята, что ни разу не успѣла написать къ брату, я съ трудомъ даже нахожу время чтобы писать къ тебѣ, но меня очень удивляетъ что онъ не получилъ еще посланные нами деньги. Мнѣ, конечно, некогда заниматься счетами. Отецъ—мой кассиръ и казначей. Онъ сказалъ мнѣ что брату уже послано 40 франковъ. Болѣе мы въ настоящую минуту ничего не можемъ сдѣлать. Трудно повѣрить сколько у насъ теперь, при томъ положеніи которое я занимаю на сценѣ, громадныхъ издержекъ. Многое, многое еще хотѣла бы я сообщить и сказать тебѣ, но надо спѣшить на репетицію. Посылаю тебѣ сто поцѣлуевъ. Вѣрь, что никогда не перестанетъ любить тебя твоя Эмилія.

„P. S. До меня дошли слухи что къ завтрашнему спектаклю готовится для меня кака-то особенная овація.“

Раскюне писалъ Сальвиани что онъ оставляетъ Миланъ и уѣзжаетъ съ цѣлою компаніей артистовъ въ Америку. „Мнѣ отраднѣе было бы увидѣть васъ предъ отъѣздомъ“, прибавлялъ онъ; „у меня нѣтъ болѣе семьи, вы мой единственный

другъ, и въ васъ сосредоточиваются *всѣ* мои привязанности. Искренно благодарю за присланныя деньги. Знаю что вы обманываете меня: деньги не отъ Эмилии, а отъ васъ. Мои родители и сестра бросили меня какъ ненужную, невыгодную вещь, и забыли что я существую на свѣтѣ. Эмилиа была добра. Но близость такого отца и такой мачихи испортили ея сердце. Между нами и мною все кончено навсегда. Повторяю—у меня нѣтъ болѣе семьи.“

XI.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ.

Въ Марсели, въ ближайшемъ отъ театра кафе, нѣсколько молодыхъ людей громко и съ жаромъ разсуждали о первомъ представленіи *Маріи Падилы*.

— Которую вы предпочитаете изъ нашихъ двухъ примдоннъ?

— Я стою за сопрано-сфогато.

— А я за меццо-сопрано.

— Господа, вы оба правы, я стою за обѣихъ: одна поэтичная блондинка, другая пикантная брюнетка.

— Но какое сравненіе! Эмилиа Реденти первоклассная пѣвица, она въ Римѣ и въ Неаполѣ произвела фуроръ.

— У Контини голосъ сильнѣе и больше страсти.

— Я не отдамъ одной нотки Реденти за всѣ возможныя руганья вашей Контини.

— Публика не раздѣляетъ вашего мнѣнія: вчера она явно высказалась въ пользу Контини.

— Извѣстно кому она обязана этимъ „всеобщимъ энтузіазмомъ“: весь городъ знаетъ что синьоръ Контини протектируетъ баронъ Доке, и что онъ каждый вечеръ посылаетъ, на свой счетъ, челоуѣкъ сто въ оперу.

— А вы думаете что у вашей Реденти нѣтъ протекторовъ? кричалъ континистъ.—А графъ Фирмане? А Жюльенъ, остроумный редакторъ *Аргуса*? А нашъ поэтъ, журналистъ и оригиналъ Савонъ? Всѣ эти господа у ея ногъ и, какъ я слышалъ, вздыхаютъ не даромъ.... Красивая „Падила“ не такъ жестока какъ думаютъ....

— Всѣ эти обожатели ровно нуль въ сравненіи съ барономъ Доке, закричалъ еще громче редентистъ.—Вы знаете

какъ онъ богатъ и какъ онъ любитъ бросать деньги для удовольствія и славы протежируемыхъ имъ красавицъ!

Споръ между редентистомъ и континистомъ былъ прерванъ разнощиномъ газетъ: „сегодняшній номеръ *Семафора*, разборъ *Маріи Падильи*“, провозгласилъ онъ во все горло, входя въ кафе. Одинъ изъ присутствовавшихъ выхватилъ у него газету и началъ читать вслухъ критику о *Маріи Падильи*. *Семафоръ* холодно выражался о Реденти и возносилъ до небесъ Контини. Это сдѣлалось сигналомъ къ настоящей войнѣ въ кафе. Обѣ враждебныя партіи стали прибѣгать къ колкостямъ, къ насмѣшкамъ, къ самымъ невѣроятнымъ разказамъ,—и репутаціи и имя обѣихъ примадоннъ были заброшены грязью. Въ самый разгаръ борьбы въ кафе вошли еще два лица. Одинъ—господинъ, съ растрепанными волосами, въ помятой шляпѣ и поношенномъ сюртукѣ застегнутомъ до верху, что избавляло отъ необходимости носить бѣлье. Это былъ извѣстный поэтъ и журналистъ Савонъ. Въ другомъ господинѣ мы узнаемъ нашего стараго знакомаго Гарофоло, но въ совершенно другомъ видѣ: онъ походилъ на кукаву выставленную въ магазинѣ разныхъ товаровъ. Вся одежда на немъ съ иголки; жилетъ и шарфъ, повязанный на шеѣ, изъ яркихъ матерій; рубашка застегнута дорогими пуговицами; въ шарфѣ вколота огромнѣйшая золотая булавка съ бриллантомъ; на часовой цѣпочкѣ, чрезмѣрной величины, цѣлая куча брелоковъ; всѣ пальцы въ кольцахъ.

— Господа, вы читали въ *Семафоръ* статью о вчерашней оперѣ? воскликнулъ Савонъ съ пафосомъ.—Хотя журналистъ написавшій ее не человекъ, а низкое созданіе, кѣто въ родѣ дворяшки, я хочу предложить ему драться со мною. Выборъ оружія предоставляю ему—отъ пера и булавокъ до кинжала и пистолетовъ, мнѣ все равно. Континисты начали возражать ему, но онъ перебилъ ихъ, представивъ всему обществу „отца Эмилии Реденти“.

— Да, милостивые государи! началъ Гарофоло, кланяясь навсѣ стороны:—я счастливый отецъ этой феи, этого рѣдкаго, небеснаго созданія, то-есть, я хотѣлъ сказать, этой доброй дѣвочки, которая, вотъ уже двѣ недѣли, имѣетъ честь каждый вечеръ пѣть на знаменитой сценѣ вашего классическаго театра, предъ почтеннѣйшею, образованнѣйшею марсельскою публикой.... которая удостоиваетъ дочь мою

своимъ снисходительнымъ одобреніемъ и своею высокою протекціей, что возбуждаетъ въ сердцахъ нашихъ самую горячую, самую глубокую благодарность, которую мы стараемся доказать не только на словахъ, но и на дѣлѣ.

Кончивъ свой спичъ, онъ съ самодовольною улыбкой окинулъ взглядомъ всѣхъ присутствовавшихъ.

— Ваша дочь должна быть довольна приеомъ сдѣланнымъ ей въ Марсели.

— О! Отъ публики, то-есть понимая это слово въ обширномъ смыслѣ, дочь и я въ восторгѣ!

— А что касается до этихъ немногихъ недоброжелателей, прибавилъ Савонъ,—то всѣмъ извѣстна низкая причина заставляющая ихъ дѣйствовать противъ собственнаго убѣжденія. Всѣмъ извѣстно что баронъ Доке не уклоняется ни отъ какихъ средствъ и издержекъ чтобы способствовать торжеству г-жи Контини...

— Не станемъ доискиваться тайныхъ причинъ всѣхъ этихъ скандаловъ! воскликнулъ Гарофоло, сжмуривъ глаза.—Я не имѣю чести знать барона Доке, и никогда ни въ чемъ не провинившись предъ нимъ, рѣшительно не могу понять отчего онъ обрушаетъ гнѣвъ свой на насъ. Правда, что дочь моя не имѣетъ обыкновенія принимать у себя всѣхъ и каждого и не любитъ подозрительныхъ посѣтителей, да и я не позволилъ бы имъ перешагнуть нашъ порогъ. Лучше быть ошиканнымъ на сценѣ нежели обезславленнымъ въ общественномъ мнѣніи. Дочь моя лучезарное исключеніе изъ всѣхъ оупществовавшихъ и существующихъ примадоннъ сего міра. Молю только Небо чтобы она никогда не сошла съ этого свѣтлаго пути чести и высокой нравственности.

— Такъ это достовѣрно что баронъ Доке содержитъ Контини?

— Говорять....

— Фельетонистъ *Семафора* недавно хвасталъ въ клубѣ, что въ тѣ часы когда у нея нѣтъ барона, Контини принимаетъ его?...

— Говорять....

— Рассказываютъ также что сынъ банкира Ру послалъ ей дорогой браслетъ?

— Говорять.... Я долженъ предупредить васъ, господа, что это совершенно противъ моихъ правилъ осуждать другихъ артистовъ, но вы, милостивые государи, такъ хорошо

знакомы со многими фактами из жизни Контини, что было бы с моей стороны чистым ребячеством долге скрывать истину. Въ Италиі Контини никогда не нравилась публикѣ, но пѣла на большихъ сценахъ и была восхваляема въ журналахъ, потому что для достиженія своихъ цѣлей не разбирала средствъ.... Но, Савонь, выйдемъ на чистый воздухъ, а чувствую что отъ негодованія вся кровь бросается мнѣ въ голову. Еслибъ я могъ думать что моя дочь способна къ такимъ низостямъ, я бы задушилъ ее самъ, собственными руками.

Поручившись такимъ образомъ въ фотографическомъ сходствѣ между собою и отцомъ Виргиліи, и допустивъ разницу только въ родѣ смерти который онъ избралъ бы для умерщвленія своей дочери, благородный отецъ, съ походкой актера представляющаго великаго Римлянина въ трагедіи Альфиери *Виргиліи* вышелъ съ Савономъ изъ кафе.

— Старое животное! проговорилъ ему вслѣдъ какой-то господинъ не принимавшій до того участія въ разговорѣ. — Кто не знаетъ отцовъ примадоннъ, могъ бы въ самомъ дѣлѣ поверить этому пацу что его дочь перлъ чистоты и нравственности! Намъ извѣстны ея привычки и продѣлки....

Всѣ съ любопытствомъ окружили его.

— Господа, теперь я ничего болѣе не скажу вамъ. Но скоро у меня будутъ доказательства въ рукахъ, и тогда....

— Э, какіе пустяки! вѣдь рѣчь идетъ не Богъ вѣсть о комъ, а объ актрисѣ: что жъ тутъ слишкомъ церемониться?...

— И то правда. Такъ знайте же, господа, что Эмилія Реденти, этотъ „ангелъ невинности“, которая отказывается принимать у себя „подозрительныхъ посѣтителей“, завтра вечеромъ, въ девять часовъ, явится одна-одинешенька въ Прадо въ гостиницу „Дельфинъ“, гдѣ она назначила rendez-vous, какъ вы думаете, кому?... Господину Валентино, знаменитѣйшему члену нашего цирка.... я вижу что вы поражены; да, кто не знакомъ съ нравами театральной жизни, съ трудомъ поверить такому факту. Но, господа, могу доказать вамъ правдивость словъ моихъ: въ эту пятницу, въ гостиницѣ „Туринъ“, Валентино читалъ вслухъ, при довольно многочисленномъ собраніи, письмо принесенное ему театральнымъ разсылнымъ. Письмо было исполнено вѣжливыхъ изліяній, возвышалъ счастливцу о назначенномъ rendez-vous, и было подписано „Р... артистка италянкой оперы“, не забудьте что въ этотъ

четвергъ синьора Реденти присутствовала при представленіи въ циркѣ....

— Нѣтъ, это невозможно! Это клевета! Эмилія Реденти такъ молода и хороша! раздалось нѣсколько голосовъ.

— Предлагаю пари, сказалъ хладнокровно разкащикъ. — Мы можемъ завтра къ девяти часамъ вечера всѣ собраться въ Прадо, въ гостиницѣ „Дельфинъ“, куда должна прибыть оклеветанная красавица.

Пари было принято съ поспѣшностью и приняло для участвующихъ въ немъ характеръ настоящей *partie de plaisir*.

Черезъ четверть часа Гарофоло былъ уже увѣдомленъ своими лазутчиками о всемъ случившемся.

— Новая интрига Контини! проговорилъ онъ. — Если мы не успѣшимъ уничтожить эту госпожу и отомстить ей, для насъ здѣсь нѣтъ спасенія.

Онъ вошелъ въ комнату дочери. Эмилія сидѣла на балконѣ и задумчиво глядѣла на море. У пристани стояли пароходы, корабли и толпился народъ.

„Всѣ эти люди“, думала она, „вчера, быть-можетъ, съ энтузіазмомъ аплодировали мнѣ. Черезъ нѣсколько дней, въ другомъ театрѣ, они будутъ восхищаться другою примадонной и забудутъ о моемъ существованіи.... Потомъ пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, и всѣ тѣ которые теперь у ногъ моихъ отвернутся отъ меня и покинутъ меня... Всѣ? А Эрвесто! О, онъ останется мнѣ вѣренъ!...“ Чтѣ-то похожее на внутренній упрекъ пролетѣло какъ тучка по личику Эмиліи. Она не измѣнила Сальвиани, нѣтъ, она любитъ его, но достойна ли она его теперь такъ же, какъ и прежде?... Проницательный наблюдатель, взглянувъ на нее, сказалъ бы: „Эта женщина еще не пала, но грѣшная мысль уже затронула ея душу и запятнала ее.“

„Слава, слава! пробормотала Эмилія: — когда я гляжу на величавое, безконечное море, когда я вспоминаю объ Эрвесто, все чтѣ называется успѣхомъ, славой кажется мнѣ мелкимъ, ничтожнымъ, но я не могу существовать безъ этого! Здѣсь я страдаю, я мучусь....“ Ея брови сдвинулись, она поблѣднѣла, какое-то недоброе чувство исказило черты ея прекраснаго лица. Эмилія уже привыкла къ триумфамъ сцены. Чрезмѣрное честолюбіе и жажда успѣха развивались и росли въ ней съ неимоверною силой и какъ ядъ отравляли ея чувства и мысли. Въ Неаполь и въ Римъ она единогласно была

признана первою. Здѣсь, въ Марсели, Контини имѣла большій успѣхъ. Эмилія знала что успѣхъ этотъ подготовленъ, подкупленъ; но одно сознание своего артистическаго превосходства уже не удовлетворяло ея, и каждый вечеръ, возвращаясь изъ оперы, она, раздосадованная, измученная, съ нѣмымъ ожесточеніемъ заливалась слезами.

— Эмилія, началъ Гарофоло, подходя къ ней, — Контини не перестаетъ интриговать противъ тебя. Ты видишь что она уже во многомъ успѣла. Нарушить контрактъ и выѣхать изъ Марсели невозможно. Надо найти средства противодействовать Контини, а то мы погибли.

Пока завязывается между отцомъ и дочерью оживленный разговоръ, мы перенесемся въ изящный будуаръ второй марсельской примадонны.

На уютномъ турецкомъ диванчикѣ сидятъ синьора Контини и баронъ Доке. Контини маленькая, худенькая брюнеточка. У нея черные, жгучіе глаза, крошечные бѣлые зубки и кошечьи манеры. Баронъ, *bel homme*, лѣтъ сорока, гладко выбритый, немного толстоватъ и съ маленькою лысиной. Онъ медленно куритъ огромную гаванскую сигарку. Контини перебираетъ пальчиками брелоки его цѣпочки.

— Да, мой милѣйшій баронъ, мы имѣемъ свою тайную полицію, и намъ извѣстно что сегодня синьоръ Гарофоло изволилъ быть у васъ.

— Быть-можетъ....

— Вѣроятно, вымаливалъ вашу протекцію?

— Быть-можетъ....

— И вы успѣшили увѣрить его въ вашей благосклонности?

— Одно обѣщаніе ни къ чему не обязываетъ.

— Ужь лучше бы вы прямо сознались что вы влюблены въ Реденти! Я знаю, я чувствую что вы влюблены въ нее безъ памяти, и еслибъ она была менѣе „жестока“, вы и минутки не задумались бы измѣнить мнѣ, прибавила примадонна уже съ замѣчательнымъ *crescendo* въ тонѣ.

— Непонятно, сказалъ баронъ, съ невозмутимымъ хладнокровіемъ продолжая курить, — какъ послѣ всего.... послѣ всѣхъ доказательствъ моей любви вы еще можете сомнѣваться въ моей страсти.

— О, я не вѣрю мужчинамъ! Они всѣ неблагодарные эгоисты, измѣнники, обманщики, изверги! воскликнула пѣвица *pfotissimo*.

— Скажите, пожалуйста, сколько разъ вы уже были обмануты чтобы составить себѣ о мужчинахъ вообще, а о вашихъ обожателяхъ въ особенности такое неблагоприятное мнѣніе?

— Я вижу, вы хотите сегодня окончательно взбѣсить меня.

— Напротивъ, моя прелестная Друзила. Я былъ бы въ отчаяніи еслибы теперь что-нибудь повредило твоему здоровью: для завтрашняго спектакля я заказалъ пятьдесятъ букетовъ; еслибы ты вздумала заболѣть, ихъ надо было бы бросить въ воду.

— Пятьдесятъ букетовъ!

— Да. Они упадутъ къ твоимъ ногамъ послѣ финала твоей большой арии.

— Мой дорогой, мой несравненный другъ! Реденти задохнется отъ зависти и злости!...

— И ты будешь еще увѣрять что я въ нее влюбленъ? спросилъ баронъ разсѣянно и вѣло.

Баронъ Доке, несмотря на репутацію Ловеласа и на свои сорокъ лѣтъ, ни разу еще не испыталъ искренней любви. Онъ бросалъ миллионы на свои любовныя интриги только изъ-за безграничнаго тщеславія. Связь съ самою очаровательною женщиною не прельстила бы его, еслибы связь эта должна была остаться тайной для публики. Онъ исключительно останавливалъ свои выборы на театральныхъ артисткахъ, потому что онъ болѣе всѣхъ другихъ женщинъ привлекаютъ на себя всеобщее вниманіе, и что ихъ легче другихъ компрометтировать. Эта страсть къ артисткамъ составляла главную жизненную цѣль барона Доке. Каждый карнавалъ онъ развѣзжалъ по театрамъ въ Италію, всюду сыпалъ деньги, подарки, обѣщанія и приобреталъ влияние надъ театральными директорами, импрессаріями, журналистами. Благодаря неутомимому изученію театральныхъ нравовъ, а еще болѣе громаднымъ богатствамъ, онъ съ легкостью достигалъ своихъ цѣлей. Знаменитѣйшія артистки боялись его враждебныхъ преслѣдованій и прельщались его миллионами, и каждый сезонъ прибавлялось нѣсколько цифръ къ числу его артистическихъ побѣдъ. Между ними баронъ Доке уже насчитывалъ 32 сопрано, 9 контральто, 11 меццосопрано, 57 танцовщицъ и 18 драматическихъ актрисъ. Когда Эмилія Реденти приѣхала въ Марсель, баронъ послѣшилъ представиться ей; но Эмилія, зная его по его репутаціи, отвѣчала холодно на всѣ его комплименты. Явившись во второй разъ

къ примадоннѣ-красавицѣ, баронъ не былъ принятъ. Съ этой минуты онъ сталъ видѣть въ сценическихъ успѣхахъ Контини не только удовлетвореніе своему тщеславію, но и средство къ мщенію и къ исполненію цѣлаго глубокомысленно задуманнаго плана.

Контини была прервана въ своихъ нѣжныхъ изліяніяхъ благодарности „за пятьдесятъ букетовъ“ приходомъ лакея, который подаетъ барону на серебряномъ подносе маленькое письмо.

— Кто принесъ? спросила примадонна.

— Разсмысленный изъ Большаго театра.

— Я готова держать пари что письмо это отъ госпожи Реденти!

— Вы выиграете, сказалъ спокойно баронъ.

— А!... письмо отъ нея! отъ „этого идеала нравственности“, отъ этой фальшивой змѣи!... Что она пишетъ? Что она хочетъ? Я должна сію минуту прочесть это письмо. Господинъ баронъ, я требую это письмо.

Примадонна съ быстротою и ловкостью злаго котенка ухватилась своими пальчиками за письмо.

— Моя очаровательная маленькая фуриа, проговорилъ баронъ, не трогаясь съ мѣста и удерживая письмо, — зачѣмъ ты прибѣгаешь къ такимъ энергическимъ средствамъ?... Письмо это отличается невинностью содержанія. Я доставлю тебѣ удовольствіе прочесть его вслухъ: „Баронъ! Меня уверяютъ что вы ложно растолковали то случайное обстоятельство лишившее меня чести видѣть васъ во второй разъ у себя. Если въ отношеніи къ вамъ я могу упрекнуть себя въ чемъ-нибудь, то это развѣ только въ незнаніи всѣхъ свѣтскихъ требованій, но никакъ ни въ неумѣннн оцѣнить вашу любезность и честь которую вы оказали прибывшей артисткѣ, удостоивъ ее вашимъ посвѣщеніемъ. Надѣюсь что вы примете мое извиненіе и не откажете мнѣ въ удовольствіи видѣть васъ завтра вечеромъ у себя. Эмилія Реденти.“

— Ваша нога не будетъ у нея! закричала Контини, уже прибѣгая къ постепенному crescendo, а прямо сразу fortissimo. (Баронъ улыбнулся.) Я требую чтобы ты произнесъ священную, ненарушимую клятву что забудешь о существованіи этого письма. (Баронъ сидѣлъ какъ статуя и молчалъ.) А! ты хочешь привести меня въ отчаянне! Ты хочешь чтобъ я прибѣгла къ публичному скандалу! Фулденціо!

ціо! мой другъ, мой возлюбленный! Не доводи меня до крайности, я страдаю, я ревную, я люблю тебя!

Видя что баронъ даже послѣ этихъ словъ не измѣнялъ удобной позы и не прерывалъ своего молчанія, примадонна выхватила у него изъ рукъ письмо и разорвала его въ мельчайшіе кусочки.

— Друзила, ты настоящій ребенокъ, произнесъ наконецъ баронъ медленно и лѣтливо. — Несмотря на всю силу моей любви къ тебѣ, не могу же я забыть всѣ законы вѣжливости и общежитія. Я Французъ, прибавилъ онъ съ достоинствомъ, — и никогда не поступаю противъ должнаго уваженія къ прекрасному полу. Завтра я отправлюсь къ Реденти. Когда ты хотя немного поуспокоишься, ты сама поймешь что поступить иначе было бы съ моей стороны пошлымъ мальчишествомъ.

Контини прибѣгла къ послѣднему средству: она вскрикнула на самой высокой нотѣ своего голосоваго регистра и упала въ обморокъ. Баронъ дернулъ звонокъ. Прибѣжала компаніонка и братъ примадонны и окружили ее. Когда началось опрыскиваніе водой и одеколономъ, баронъ взглянулъ на свои часы, немного подумалъ, взялъ шляпу и тихо вышелъ изъ комнаты. На лѣстницѣ онъ остановился и вынулъ изъ кармана маленькую книжечку и карандашъ.

— Въ продолженіе моей карьеры я уже видѣлъ триста двадцать семь обмороковъ, проговорилъ онъ, записывая цифру, — но еще ни разу не пришлось мнѣ видѣть и записать случай скоропостижной смерти вслѣдствіе обморока....

Черезъ нѣсколько секундъ примадонна раскрыла глаза и подняла свой томный взглядъ.

— Какъ! воскликнула она, вскочивъ съ дивана:—его нѣтъ! Онъ ушелъ! Толстое чучело! Я тебя проучу. Я покажу тебѣ, твоей Реденти и твоей Марсели что такое Контини! Братъ, вопервыхъ, бѣги сію минуту къ импрессарию, объяви ему что я внезапно заболѣла, что я въ опасности и умираю, и что ни завтра, ни послѣзавтра, ни чрезъ недѣлю я нѣтъ не буду. А, господинъ баронъ! Вы изволите уходить когда я лежу въ обморокѣ!... О, я сумѣю наказать васъ. Несмотря на вашу толщину, я заставляю похудѣть васъ какъ.... какъ спичку! прибавила она, употребивъ съ секунду на приисканіе самаго вѣрнаго сравненія.

На другой день Гарофоло объявилъ своей супругѣ что онъ

на целый день уходить из дому. Онъ имѣлъ обыкновеніе тогда только посвящать ее во всѣ тайны своихъ плановъ и дѣйствій, когда нуждался въ ея помощи; не находя нужнымъ разказывать ей о клеветѣ взведенной на Эмилию и о пари молодыхъ людей въ кафе, онъ только сообщилъ ей что баронъ Доке, вѣроятно, придетъ вечеромъ къ нимъ.

— Не забудь, прибавилъ онъ, стоя уже въ дверяхъ,—что отъ результата его разговора съ Эмилией зависитъ для насъ многое, можетъ-быть, вся наша будущность. Вспомни также что твое присутствіе можетъ прогнать самого дьявола.

Дженевьева, пробормотавъ какое-то проклятiе въ отвѣтъ на эту супружескую любезность, поспѣшила, въ сопровожденiи горничной, въ свою комнату. Черезъ полтора часа она вышла оттуда совершенно преобразованная: въ пестромъ шелковомъ платьѣ, полудекольте, въ бѣлой шляпкѣ съ длиннымъ краснымъ перомъ, въ небрежно накинутомъ на плеча красномъ шарфѣ обшитомъ золотою бахромой и приколотомъ на груди двумя огромнѣйшими брошками. На рукахъ цѣлая коллекція браслетокъ. Изъ-подъ шляпки висѣли свадьи и спереди локоны. Лицо, шея и руки были до-нельзя набѣлены, брови нарисованы густою черною краской, а на щекахъ наложены круглыя красныя пятна. Благодаря этой живописи и этому наряду, уродливая старуха казалась еще отвратительнѣе. Она сдѣлала таинственный знакъ горничной, еще разъ взглянула въ зеркало, самодовольно улыбнулась, и проходя на цыпочкахъ около комнаты Эмилии, вышла изъ дому.

Горничная объявила Эмилии что ея родители должны были отлучиться по одному дѣлу, что думая что она отдыхаетъ, они не хотѣли войти къ ней и приказали просить ее обѣдать безъ нихъ. Эмилиа вспомнила предстоящій визитъ барона Доке. Ей стало досадно что она рѣшилась написать ему письмо, и она невольно смутилась при мысли что она совершенно одна. Какъ бы въ надеждѣ найти защиту, она стала перечитывать послѣднее письмо Сальвиани. „Можетъ-быть, я бы могъ извинить тебя“, писалъ онъ ей, „если бы ты полюбила другаго. Но никогда бы я не могъ простить тебя, если бы ты, по расчету, ради тщеславія и жажды успѣха, подарила другому хотя только одинъ взглядъ любви...“ Эмилиа склонила головку, ея большіе глаза наполнились слезами, она задумалась. Она вспомнила свою первую встрѣчу

съ Эрнесто, его чистую, благородную любовь, его первой поцѣлуй. Она вспомнила счастливыя мечты о тихой, скромной, никѣмъ незамѣчаемой жизни....

— Баронъ Доке! провозгласила громко горничная, отворяя дверь.

— Не сумѣю выразить вамъ, началъ баронъ, цѣлуя руку примадонны,—какъ глубоко я вамъ благодаренъ за ваше письмо. Я нашелъ въ немъ утѣшеніе, вознагражденіе за всѣ страданія, которыя перенесъ изъ-за васъ....

— Страданія! пробормотала Эмилиа, краснѣя и тщетно стараясь освободить свою руку изъ рукъ барона.

— Изгнать меня изъ вашего дома! Когда я не требовалъ другаго счастья какъ возможности видѣть васъ вблизи, восторгаться вашею небесною красотой и пасть къ ногамъ великой артистки! Еслибы вы не были такъ молоды и такъ недавно на сценѣ, я бы подумалъ что вы поступали со мной такъ жестоко съ цѣлю свести меня совершенно съ ума! Но вамъ, очаровательная фея, не нужно прибѣгать къ такимъ средствамъ... съ вашими глазами, съ вашей улыбкой, съ вашимъ голосомъ. О! этотъ голосъ! Я его слышу день и ночь здѣсь! прибавилъ баронъ страстно прижимая руку Эмилии къ своему сердцу.

— Скажите, баронъ, сколькоимъ примадоннамъ вы уже говорили подобныя слова?

— О, боюсь вамъ, ни одна изъ пѣвицъ не произвела на меня такого впечатлѣнія какъ вы!

— Не исключая даже и Контини?

— „Контини, Контини!“ повторилъ баронъ съ пренебреженіемъ.—Я былъ увѣренъ что вы заговорите о ней, во прочемъ я радъ видѣть что вы способны испытывать не только чувства ангела, но и ощущенія примадонны.... „Контини!“ Развѣ вы не замѣтили какъ мало граціи и женственности въ ея движеніяхъ, въ ея манерахъ, во всемъ ея существѣ?... А эти огромныя ноги.... Но еслибы она даже была еще красивѣе васъ, еслибы даже, какъ многіе утверждаютъ, она была страстно влюблена въ меня, я бы никогда не могъ ее любить, потому что я преклоняюсь только предъ истиннымъ талантомъ! Я слышалъ величайшихъ артистокъ нашего времени, и мой вкусъ такъ образовался что дурное пѣніе, непониманіе искусства для меня отвратительны! А Контини,

по моему мнѣнію, не только не имѣть права называться артисткой, но и совершенно плохая пѣвица....

Эмилиа, добрая, кроткая Эмилиа, съ наслажденіемъ прислушивалась къ этимъ словамъ. Она уже научилась ненавидѣть своихъ соперницъ съ энергіей примадонны. Кто не присматривался вблизи къ жизни театральнымъ артистовъ, тотъ не въ состояніи составить себѣ хотя бы самую слабую идею о той безпредѣльной ненависти, которую даже самыя лучшія изъ нихъ способны питать другъ къ другу.

— Но, баронъ, чѣмъ же вы объясните эти безчисленные букеты падавшіе изъ вашей ложи къ ногамъ Контини?

— Чѣмъ? Неужели вы не поняли что я хотѣлъ немного отомстить вамъ? О, я глубоко виноватъ предъ вами!... Но не имѣя надежды видѣть васъ, говорить съ вами, выразить всю силу моей любви, я терпѣлъ рассудокъ. Скажите мнѣ, умоляю васъ, что вы меня простите!

— Хорошо, но не иначе какъ подъ однимъ условіемъ: прошу васъ, не говорите мнѣ никогда о любви, на которую мнѣ невозможно отвѣчать.

Эти слова, сказанныя просто, безъ афектаціи и жеманства, немного озадачили барона. Но онъ скоро ободрился. „Лучше и естественное имѣть играть роль чѣмъ другія, вотъ и все“, подумалъ онъ, внимательно всматриваясь въ взволнованное личико Эмилии.

— Такія условія я не могу принять! воскликнулъ онъ.—Ваша откровенность даетъ мнѣ смѣлость высказать вамъ всю истину: моя страсть такъ сильна, что еслибъ я даже обѣщалъ вамъ молчать о ней, она бы говорила сама за себя.... И къ чему обманываться? Я хочу чтобы вы знали что все мои желанія, мечты, вся цѣль моей жизни заключаются теперь въ одной надеждѣ что вы когда-нибудь полюбите меня.

Смущеніе Эмилии баронъ истолковалъ въ свою пользу. Онъ смѣлъ еще ближе къ Эмилии и продолжалъ говорить. Онъ говорилъ долго. Она молчала и съ возрастающимъ замѣшательствомъ слушала мастерски заученныя пламенные рѣчи любви. Мысль что она совершенно одна волновала и тревожила ее. Она встала, подошла къ звонку и сильно дернула его. Никто не приходилъ. Она стала звать горничную. Никто не отвѣчалъ ей.

— Не знаю куда дѣлась Марія, сказала она, стараясь казаться спокойною, —пора подать лампу.

— Къ чему?... перебилъ ее полушепотомъ баронъ:—бываютъ минуты въ жизни, когда свѣтъ только нарушаетъ позю и блаженство, наполняющія душу....

Вся эта *ситуація* дѣлалась невыносимою для бѣдвой Эмили. Она стояла у окна и бессознательно глядѣла на потемнѣвшее небо. Слезая медленно катилась по ея лицу. „Славно играетъ комедію! думалъ между тѣмъ баронъ, любуясь граціозною позой Эмили и ея роскошными плечами.—Но никто, конечно, не подумаетъ чтобъ я, я, баронъ Доке, захотѣлъ играть въ подобной комедіи роль дурака! Ея ревность къ Контини, ея письмо.... „Родители должны были выйти по дѣлу....“ „Лампа не приготовлена...“ „Горничная куда-то ушла....“ (что мнѣ, разумѣется, будетъ стоить золотой) все это черезчуръ ясно.... Что я, неопытный ребенокъ что ли, чтобы всѣмъ этимъ не воспользоваться?...“

Онъ тихо подошелъ къ Эмили и крѣпко обнявъ ее. Она вскрикнула и съ невѣроятною энергіей оттолкнула его.

— Баронъ! Я должна указать вамъ на мою дверь! произнесла она съ перерывающимся отъ негодованія голосомъ.—Я думала что принимаю у себя французскаго джентльмена, который знаетъ какъ должно обращаться съ женщиной, если она даже не болѣе какъ актриса, которая никогда никому не подала повода къ неуваженію. Ваши преслѣдованія вредили моей артистической карьерѣ, отецъ уговорилъ меня прямо обратиться къ вамъ, какъ къ извѣстному покровителю искусства, и искать вашей дружбы. Къ несчастію, я послушалась его. Если вы нашли меня совершенно одну, то повѣрьте, это случилось безъ моего вѣдома и навѣрное противъ моего желанія.... Теперь вы можете по-прежнему преслѣдовать меня. Пользуйтесь вашимъ вліяніемъ, вашимъ богатствомъ чтобы возстановлять противъ меня и всѣхъ журналистовъ, и всю публику, мнѣ все равно. Пусть я утрачу славу артистки, но я не хочу потерять уваженіе къ самой себѣ, я васъ не боюсь, я васъ презираю.

Въ продолженіе своей многолѣтней практики посреди театральнаго міра, барону Доке еще ни разу не приходилось слышать подобныя слова. Его обычайная дерзость и опытность совершенно оставили его. Онъ чувствовалъ себя пристыженнымъ какъ школьный мальчикъ. Вошедшая горничная, съ лампой въ рукахъ, вывела его изъ его глупаго положенія.

— Къ чему ты уходила изъ дому? обратилась къ ней Эмилиа:—я звала тебя, и....

— Вашъ батюшка, перебила ее нагло горничная,—велѣлъ мнѣ не мѣшать вамъ, когда господинъ баронъ будетъ находится у васъ.

Эмилиа вспыхнула, но не отвѣчала ни слова. Отвѣтъ горничной лишилъ ее всей ее энергіи. Она заилась горькими слезами. Баронъ молча глядѣлъ на нее. На его обыкновенно столь спокойномъ и безжизненномъ лицѣ выражалось что-то похожее на истинное чувство. Онъ подошелъ къ Эмилии.

— Повѣрьте, сказалъ онъ съ волненіемъ,—я бы охотно заплатилъ кровью возможность вычеркнуть изъ моей жизни мой сегодняшній поступокъ; умоляю васъ, скажите хоть одно слово прощенія!

— Я теперь вижу что была несправедлива къ вамъ, не вы виноваты, виновата моя несчастная доля! произнесла Эмилиа, продолжая рыдать.—Все могло заставить васъ думать что вся эта сцена была подготовлена.... и каждый на вашемъ мѣстѣ поступилъ бы, можетъ-быть, такъ какъ вы...

— Съ этой минуты я постараюсь доказать вамъ что „французскій джентльменъ“ умѣетъ цѣнить и уважать такую женщину какъ вы.

— Ради Бога, разнимите ихъ, вдругъ раздався испуганный голосъ вбѣжавшей горничной,—а то они укокошатъ другъ друга.

— Кто? Что случилось? спросила Эмилиа.

— Вашъ отецъ и г-жа Дженевьева....

Баронъ и Эмилиа поспѣшили въ комнату Гарофоло. Они увидѣли отвратительное зрѣлище: Гарофоло и Дженевьева, съ окровавленными лицами, лежали на полу. Гарофоло сжималъ обѣими руками горло Дженевьевы; она одною рукой ухватилась за волосы своего супруга, другою царапала ему лицо. Чтобъ объяснить причину этого нѣжнаго объятія, надо вернуться нѣсколько часовъ назадъ и отправиться въ Прадо, въ гостиницу „Дельфинъ“. Гарофоло прибылъ туда первый. Онъ спросилъ особую комнату и помѣстился у окна. Черезъ нѣсколько минутъ подѣхала наемная карета, и изъ нея вышелъ высокій, атлетически сложенный мужчина. Гарофоло узналъ въ немъ Валентино, перваго акробата Марсели.

— Комнату! обратился Валентино къ подбѣжавшему гарсону.—И если прійдетъ дама и спроситъ меня, ты скажешь

ей что я жду ея и укажешь гдѣ, поймаю? прибавилъ онъ съ фатовскою улыбкой.

— Какъ не поймаю!...

— Хорошо. Ты получишь на чай, сказалъ Валентино, входя въ сосѣднюю комнату отъ той гдѣ находился Гарофоло.— Немного погодя приѣхали въ коляскѣ пять молодыхъ людей державшихъ пари по случаю rendez-vous назначеннаго Валентино, и тоже спросили себѣ комнату. Наконецъ, почти вслѣдъ за ними, остановилась у подъезда гостиницы еще карета. Гарсонъ отворилъ двери и высадилъ даму подъ густою вуалью, въ красномъ шарфѣ съ золотой бахромой и въ бѣлой шляпкѣ съ длиннымъ краснымъ перомъ. Въ этой дамѣ Гарофоло узналъ Дженевиеву, свою дражайшую половину. Въ гостиницѣ „Дельфинъ“ комнаты были отдѣлены одна отъ другой тонкими перегородками. Около дверей образовалось нѣсколько значительныхъ скважинъ. Гарофоло приложилъ къ одной изъ нихъ глазъ и притаилъ дыханіе.

Появленіе Дженевиевы произвело на бѣднаго Валентино впечатлѣніе громоваго удара. Получивъ записку подписанную „Р..... артистка итальянской оперы“, онъ предался самымъ упоительнымъ мечтамъ. Онъ припоминалъ всѣхъ хористокъ и танцовщицъ и старался угадать которая изъ нихъ почувствовала къ нему такую внезапную, непреодолимую страсть. Бывали даже минуты когда его дерзновенная мысль останавливалась на Эмилиі Реденти: мало ли неожиданныхъ, счастливыхъ случаевъ бывало въ моей жизни?... говорилъ онъ себѣ. Минутами онъ находилъ болѣе благоразумнымъ не увлекаться слишкомъ радостными ожиданіями, чтобъ оградить себя отъ чрезчуръ сильнаго разочарованія, и старался вспомнить тѣхъ изъ артистокъ итальянской труппы, которыя не отличались привлекательною наружностью. Но взглянувъ на Дженевиеву, онъ остолбенѣлъ и онемѣлъ: ничего хотя бы приблизительно подобнаго онъ не могъ ожидать. Гарсонъ, присутствовавшій при этой сценѣ, тотъ самый у котораго Валентино съ такимъ надменнымъ самодовольствомъ просилъ комнату, не выдержалъ и расхохотался.

— Извините, еударыня, пробормоталъ наконецъ Валентино,—но удивленіе.... то-есть замѣшательство, волненіе....

— О! Это весьма естественно.... въ первыя минуты.... перебила его Дженевиева, снимая шляпку и поправляя локоты своего парика.—Но несмотря на наше „замѣшательство“, мы

не должны забыть объѣдъ. Гарсонъ! Подай намъ обѣдъ, но самый лучший: устрицы, паштетъ съ трюфелями, котлеты съ трюфелями, телячью головку съ трюфелями, бутылку шабли и бутылку шампанскаго. (Гарфоло съ яростью ежась кулаки.) Я должна сказать вамъ, обратилась она опять къ Валентино,—что я сама артистка и была на сценѣ цирка много, то-есть нѣсколько лѣтъ. Вотъ почему, увидѣвъ васъ въ этотъ четвергъ въ циркѣ, я сразу поняла какой вы великій артистъ. И вотъ почему я непременно захотѣла и поспѣшила познакомиться съ вами, чтобъ имѣть случай высказать вамъ мое удивленіе, мой восторгъ и то громадное впечатлѣніе, которое вашъ необыкновенный талантъ произвелъ на меня! Какая ловкость, какая увѣренность въ ногахъ, какая грація въ движеніяхъ! А когда вы на лошади, можно думать что вы и лошадь составляете одно!

Валентино, даже въ отвѣтъ на этотъ послѣдній восторженный комплиментъ, не нашелъ ни одного слова. Онъ былъ нѣмъ, и каждый разъ когда гарсонъ входилъ въ комнату съ кушаньемъ, краска бросалась въ лицо несчастнаго акробата.

— Да! Это большое горе имѣть стараго мужа! воскликнула Женевьева, продолжая поддерживать разговоръ мовологами.— О! еслибъ я во второй разъ овдовѣла, я бы знала кого выбрать!... Валентино, я теперь богата, очень богата! Наша дочь можетъ зарабатывать въ годъ до ста тысячъ франковъ—и, можетъ-быть, со временемъ у насъ будутъ милліоны: въ настоящую минуту баронъ Доке съ визитомъ у нашей дочери.

— Васъ, конечно, удивляетъ, прервалъ наконецъ свое молчаніе Валентино, рѣшившись, въ своемъ несчастіи, воспользоваться по крайней мѣрѣ счастливою импровизаціей,—что ни вашъ оживленный разговоръ, ни ваша рѣдкая... любезность, ни даже превосходный обѣдъ не въ состояніи развеселить меня.... Дѣйствительно, ничто въ мірѣ не могло бы разсѣять мои грустныя, тяжелыя мысли. Я нахожусь въ самомъ затруднительномъ, въ самомъ отчаянномъ положеніи.

Онъ сдѣлалъ трагическій жестъ.

— Что случилось? Я не переношу мысли что вы страдаете. Можетъ-быть, я могу помочь?...

— Не думаю.... но разкажу вамъ мое горе, это нѣсколько облегчитъ меня. Вчера вечеромъ я увлекся карточною игрою, проигралъ все что имѣлъ, и былъ такъ непростительно глупъ

что продолжалъ игру и проигралъ еще восемьсотъ франковъ. Меня заставили подписать вексель, обязывающій меня отдать эти восемьсотъ франковъ не позже какъ завтра. Теперь вамъ понятенъ весь ужасъ моего положенія: въ моемъ портъ-моне не болѣе какъ пять франковъ! прибавилъ онъ шепотомъ трагика, и принимая позу Ореста преслѣдуемаго фуріями.

— Мой другъ, не отчаивайтесь! воскликнула Дженевьева, также со сценическимъ пафосомъ:—я, заплачу эти восемьсотъ франковъ!...

Услышавъ эти слова, Гарофоло кинулся къ дверямъ съ твердымъ намѣреніемъ войти въ соседнюю комнату и задуть свою супругу. Но онъ остановился. Онъ самъ испугался своего бѣшенства. Онъ вспомнилъ что существуютъ кодексъ, тюрьма, каторжная работа, висѣлица. Обыкновенно только полу-негодяи подвергаются самымъ сильнымъ наказаніямъ; совершенные негодяи умѣютъ во-время избѣгнуть ихъ. Гарофоло быстро вышелъ изъ гостиной, отправился домой и вѣкъ незаметный прошелъ въ свою комнату.

Молодые люди державшіе пари также вышли изъ гостиной „Дельфинъ“. Поэтъ Савонъ импровизовалъ поэму подъ названіемъ: *Дженевьева и Валентино*. Черезъ нѣскольکو часовъ эта поэма читалась во всѣхъ кафе Марсели. При всѣхъ этихъ шуткахъ, къ именамъ Дженевьевы и Валентино часто прибавлялось еще одно имя—имя Эмили Реденти. Гарофоло стоялъ у окна своей комнаты и дожидался. Подъѣхала карета, изъ нея поспѣшно вышла Дженевьева, а Валентино остался въ каретѣ, съ безпокойствіемъ выглядывая изъ окошечка. Гарофоло спрятался за ширму. Дженевьева осторожно вошла, притворила дверь, потомъ зажгла свѣчу, подошла къ комоду, вынула изъ него шкатулку, открыла секретный ящикъ и начала отсчитывать деньги. Въ эту минуту Гарофоло, съ проворствомъ гienн, кинулся на нее,—и тогда произошла сцена, заставившая горничную призвать Эмилию и барона Доке на помощь. Увидѣвъ дочь и барона, Гарофоло постарался встать. Дженевьеву посадили на диванъ. Но всѣ столь разнородныя ощущенія испытанныя ею въ этотъ день уничтожили ея силы. Она лишилась чувствъ и повалилась на полъ.

— Ради Бога, пошлите скорѣй за докторомъ, она умираетъ! воскликнула Эмилиа.

— Не умереть! пробормоталъ Гарофоло.— Еслибъ она хоть на что-нибудь годилась, то дьяволъ давно бы уже прибралъ ее къ себѣ.... да она и ему не нужна.

ХП.

Дженевьева опасно захворала. Гарофоло еще рѣже сталъ оставаться дома. Дни и ночи онъ бѣгалъ по трактирамъ и игорнымъ домамъ, съ неизмовѣрною расточительностью издерживая деньги зарабатываемыя дочерью. Эмилиа проводила все свое свободное время у постели маичихи. Больная или бредила, или издавала страшные стоны и проклинала мужа, падчерицу и себя. Эмилию, въ исполненіи ея тяжелой обязанности, поддерживалъ только баронъ Доке, который почти ни на минуту не оставлялъ ее одну. Съ того памятнаго вечера когда баронъ нашелъ удобнымъ обратиться къ Эмилиі съ дерзкимъ изъясненіемъ въ любви, онъ сталъ посѣщать ее ежедневно и всюду провожать ее; но съ тѣхъ поръ онъ ни разу болѣе не намекнулъ ей о своей любви. Изъ искреннаго ли уваженія, или дѣйствуя по строго начертанному плану, но онъ съ рѣдкимъ умѣніемъ избѣгалъ каждаго слова, каждаго взгляда, которые могли бы хотя слегка испортить его роль безкорыстнаго, благороднаго друга. Проводя цѣлые дни съ Эмилией, онъ разсуждалъ съ ней объ искусствѣ, о литературѣ, читалъ ей вслухъ замѣчательныя произведенія французскихъ писателей, и иногда съ увлеченіемъ и энтузіазмомъ описывалъ ей впечатлѣніе произведенное на него ея пѣніемъ.

Эмилиа глубоко цѣнила дружбу, участіе барона и болѣе всего его молчаніе, исполненное уваженія къ ней и къ ея одинокому положенію. Ихъ бесѣды становились интимнѣе, откровеннѣе и продолжались иногда до поздней ночи, особенно когда Эмилиа говорила о Сальвиани и разказывала барону исторію своей любви, повѣряя ему всѣ свои планы и надежды.

Между тѣмъ въ городѣ носились недобрые слухи объ Эмилиі. Они переходили изъ дома въ домъ, изъ кафе въ кафе, съ публичныхъ прогулокъ въ ложи и партеръ театровъ. Съ тѣхъ поръ какъ баронъ Доке сдѣлался ежедневнымъ посѣтителемъ и непремѣннымъ провожатымъ Эмилиі, всѣ ея успѣхи на сценѣ казались подозрительными. Всѣ

получаемые ею букеты, вѣнки, стихи, подарки, всѣ восторженныя оваціи приписывались протекціи барона; интриги и гениальныя клеветы Контини не переставали еще болѣе распространять это мнѣніе, и бѣдная Эмилиа и не подозрѣвала что въ то время когда она была еще чиста и невинна предъ своею совѣстью и предъ Богомъ, ея имя уже было затоптано въ грязь.

Къ началу зимы кончался оперный сезонъ въ Марсели, и Эмилиа должна была спѣшить во Флоренцію. Врачъ объявилъ что путешествіе для Дженевьевы немислимо. Гарофоло воспользовался этимъ для исполненія замысла, благодаря которому онъ надѣялся навсегда разлучить Эмилию съ Сальвиани, а главное, болѣе сблизить съ барономъ.

Гарофоло вошелъ къ дочери съ озабоченнымъ выраженіемъ въ лицѣ.

— Мы черезъ три дня должны уѣхать во Флоренцію; началъ онъ:—Дженевьеву взять съ собой нельзя, — ей предстоить въ скоромъ времени совершенно другое путешествіе,— а оставить ее здѣсь одну, на произволь чужимъ, нанятымъ людямъ, мнѣ кажется также невозможнымъ. Не стану разыгрывать комедію и увѣрять что я питаю особенно нѣжныя чувства къ своей женѣ. Но теперь я не переношу мысли что не буду присутствовать при ея послѣднихъ минутахъ, при ея похоронахъ, что на ея могилѣ не спомо *de profundis*. Назовите это силой привычки, странностью и слабостью человѣческаго сердца, предрасудкомъ, но сознаюсь, еслибъ я теперь оставилъ свою жену, я бы никогда себѣ этого не простилъ. Онъ поднялъ глаза къ потолку.

— Эти чувства дѣлаютъ вамъ честь, сказалъ баронъ.

— Но развѣ нельзя написать импрессарію во Флоренцію и уничтожить съ нимъ контрактъ? спросила Эмилиа. Если мы объяснимъ ему всю важность причинъ.

— О, это рѣшительно невозможно! перебилъ ее Гарофоло.— Душевныя влеченія никогда не должны заставлять насъ дѣйствовать противъ нашего долга и развѣ взятаго на себя обязательства, а еще менѣе въ ущербъ выгодамъ другаго. Если ты чрезъ недѣлю не будешь во Флоренціи, ты принесешь существенный вредъ импрессарію и серьезно скомпрометируешь твою артистическую карьеру. Сообразивъ все это, я рѣшился остаться здѣсь, а тебя поручить компаніонкѣ. Къ счастью, я уже нашелъ весьма почтенную женщину, но,

признаюсь, мысль что ты совершишь это путешествие без меня нѣсколько тревожить меня...

— Поручивъ дочь вашу компаніонкѣ, сказалъ баронъ,— вы исполняете всѣ свѣтскія требованія приличія; но не знаю, достаточно ли это?... Подумайте сами, какъ молодой дѣвушкѣ пуститься въ такой путь и пріѣхать въ неизвѣстный ей городъ въ сопровожденіи только, пожалуй, хорошо рекомендованной, но собственно совершенно чужой вамъ женщины?.. Синьора Эмилія! позвольте мнѣ сопутствовать вамъ до Флоренціи, иначе я не могу быть спокоенъ. Примите это предложеніе какъ послѣднюю дань уваженія къ вамъ и къ вашему таланту.

— Неужели господинъ баронъ удостоитъ насъ?... воскликнулъ Гарофоло, въ порывѣ удивленія и восторга не договаривая фразы.— Да это было бы настоящее, великое счастье для тебя, для меня, для насъ всѣхъ! У меня нѣтъ словъ, нѣтъ силъ выразить вамъ, господинъ баронъ, мою глубокую, мою безконечную благодарность....

— Рѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ вашей дочери, произнесъ скромно баронъ.— Если она согласна....

— „Согласна“? перебилъ его Гарофоло:— можно было бы подумать что она потеряла разсудокъ еслибъ она отказалась отъ такого великодушнаго предложенія. Всѣ ваши поступки, г. баронъ, вселили ей такое довѣріе къ вамъ что, я убѣжденъ въ этомъ, она бы сама не простила себѣ и тѣни сомнѣнія насчетъ чистоты и благородства вашихъ намѣреній. О, г. баронъ, вы сняли камень съ моего сердца! Поручивъ дочь мою вамъ, я могу спокойно остаться здѣсь и исполнить мой долгъ и всѣ священныя обязанности мужа, прибавилъ онъ, съ тономъ и жестомъ героя французской мелодрамы, и поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

— Синьора Эмилія, вы еще не произнесли ни слова.... сказалъ баронъ.— Неужели вы въ простомъ, естественномъ желаніи друга проводить васъ до вашего новаго мѣста назначенія ищете какую-нибудь заднюю мысль? Неужели вы можете предположить что я....

Баронъ не кончилъ, и съ выраженіемъ глубоко-оскорбленнаго чувства вопросительно взглянулъ на Эмилію.

— Баронъ, я привыкла относиться къ вамъ какъ къ моему лучшему, благороднѣйшему другу, и повѣрьте, я искренно цѣню ваше предложеніе, но....

— Какое же, послѣ этихъ словъ, можетъ еще существовать „но“?...

— Я часто говорила вамъ о Сальвиани, вы знаете что я люблю его, что я буду его женой. Какъ онъ посмотритъ на то что я отправлюсь въ путь въ сопровожденіи нанятой, неизвѣстной мнѣ компаніонки и всѣмъ извѣстнаго, богатаго барона Доке?... Я хочу чтобы мой женихъ увидѣлъ меня не только чистою предъ вами и Богомъ, но и съ именемъ чистымъ предъ людьми. Моя честь, моя репутація....

— Ваша честь, ваша репутація, ваше имя мнѣ также дороги какъ и вамъ, перебилъ ее баронъ. — И именно потому я настаиваю, я требую чтобы вы не вѣхали одна. Судя по вашимъ словамъ и разказамъ, женихъ вашъ человѣкъ съ умомъ, съ образованіемъ, съ душой. Онъ любитъ васъ. Онъ знаетъ вашего отца и — простите! — необдуманность его поступковъ, его легкомысліе. Онъ узнаетъ меня. Я скажу ему: „Я искренно предаю вашей невѣстѣ. Я уважаю ее, хорошо знаю — простите еще разъ! — ее отца и не доверяю ему. Онъ хотѣлъ отправить дочь изъ Марсели съ какою-то компаніонкой.... я нашелъ что это можетъ подвергнуть вашу невѣсту многимъ неприятностямъ, даже серьезной опасности, и навѣрное разнымъ толкамъ, оскорбительнымъ для ее чести. Вы знаете что извѣстная артистка болѣе чѣмъ всякая другая женщина имѣетъ несчастье быть всѣми замѣченою и испытывать всѣ нападенія зависти и клеветы. Для отвращенія всего этого, я рѣшилась проводить ее до Флоренціи.“

— Да, вы правы! Я неопытна, я одна,—не стану скрывать предъ вами истины,—мнѣ не къ кому обратиться за совѣтомъ. Вы мнѣ единственный другъ. Принимаю ваше предложеніе. Я убѣждена что вы ничего не посоветуете мнѣ что могло бы причинить мнѣ вредъ.

Баронъ поцѣловалъ ее руку.

Гарофоло убѣдилъ Эмилию уѣхать не простившись съ Дженевею „чтобы не разстраивать черезчуръ больную“. Насталъ день отъѣзда. Гарофоло вышелъ изъ дому. Эмилиа наскоро укладывала всѣ вѣчки и подарки полученные ею наканунѣ въ театрѣ. Потомъ она сняла со стѣны портретъ Сальвиани и стала вглядываться въ любимыя черты. „Ничто не разлучитъ меня съ тобою, прошептала она,—мой благородный другъ, мой женихъ, мой мужъ“.....

— Мужъ? раздалось какъ эхо около Эмилии:—мужъ? никогда!

Въ растворенныхъ дверяхъ стояла Дженевьева. Несмотря на принятые мѣры чтобы скрыть отъ нея предполагаемое путешествіе, она, со свойственною всѣмъ большимъ хитростью, сумѣла все развѣдать. Она не любила своей падчерицы, но сознавала что въ ней одной могла найти жалость, помощь и защиту. Мысль что она остается одна съ Гарофоло не давала ей ни минуты покоя и пугала ее болѣе всѣхъ ужасовъ ада.

Она обманула и услала горничную, и пробралась до комнаты Эмилии. Закутанная въ длинную простыню, со впавшими глазами и, вмѣсто рыжаго парика, съ растрепанными сѣдыми волосами вокругъ худого, желтаго лица, уродливая старуха походила на какое-то страшное, отвратительное привидѣніе.

— Никогда тебѣ не быть его женой! продолжала она глухимъ голосомъ.— Съ той минуты когда отецъ твой первый разъ прочелъ имя Сальвиани въ твоемъ сердцѣ, вы уже были на всегда разлучены. Я не могу безъ смѣха вспомнить какъ ты съ твоимъ отцомъ, то-есть съ Гарофоло, съ мужемъ Дженевьевы, говорила о твоей любви.... Ты еще до сихъ поръ не знаешь твоего отца, не видишь какъ люди прошедшіе на сценѣ школу нравственности смотрять на любовь. И твой отецъ, пожалуй, нѣсколько разъ любилъ въ своей жизни. Вотъ онъ меня любилъ, потому что у меня было нѣсколько банковыхъ билетовъ. Теперь онъ нѣжно любитъ свою дочь, потому что видитъ въ ней хорошій капиталъ. И ты, глупенькая, воображаешь что такой человѣкъ выпуститъ капиталъ этотъ изъ своихъ рукъ? Онъ тогда только броситъ тебя, какъ выжатый лимонъ, когда ты потеряешь голосъ и красоту. Ты блѣднѣешь. Говорю тебѣ все это изъ благодарности къ тебѣ: ты жалѣла меня, ты ходила и смотрѣла за мной, мнѣ захотѣлось оказать тебѣ услугу. Я говорила Гарофоло что ты узнаешь отъ меня всю истину. Я не думала что ты уже сегодня ѣдешь, онъ все обманывалъ меня. Теперь, когда тебя не будетъ, меня бросятъ какъ старое, ненужное животное.... Что ты, дочь, отворачиваешься отъ меня? Ты, напротивъ, хорошенько присмотришься ко мнѣ, чтобы знать какой видъ можетъ принять женщина-красавица современемъ.... Да, и я когда-то очаровывала своею красотой, и я прошла блистательную артистическую карьеру. Мои смѣлые скачки производили такой же всеобщій внту-

зіязмъ какъ твои смѣлая рулады. И къ моимъ ногамъ падали букеты, стихи, вѣлки. И между моими обожателями былъ одинъ красивый, благородный юноша, который, съ горя что не могъ жениться на мнѣ и что разочаровался во мнѣ, умеръ. Быть-можетъ, такая же участь предстоитъ и твоему Сальвиани. Ты уѣзжаешь съ барономъ Доке; этотъ человѣкъ погубилъ твою репутацію, онъ погубитъ и твою добродѣтель. Ты будешь искать утѣшенія на сценѣ. Ты будешь разѣзжать изъ города въ городъ и вездѣ продавать твое пѣніе, твой талантъ, твои улыбки, и вездѣ упиваться успѣхомъ и разными оваціями. Но пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ,—ты утратишь свѣжесть молодости, красоты, голоса,—и публика оставитъ, забудетъ, броситъ тебя.... Тогда папà Гарофоло, привыкшій уже теперь къ роскоши, станетъ, можетъ-быть, прискивать другую выгодную карьеру для тебя....

Эмилиа не знала, говорила ли ея мачиха въ бреду, или съ полнымъ сознаніемъ. Испугъ и страхъ парализовали ея силы и движенія и какъ бы приковали ее къ мѣсту. Она не трогалась съ мѣста и съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивалась къ этому ужасному предсказанію. Дженовьева говорила съ лихорадочною быстротой. Но ея голосъ все болѣе слабѣлъ. Послѣднія слова она произнесла какимъ-то хриплымъ шепотомъ, сдѣлала нѣсколько шаговъ чтобы приблизиться къ Эмилиа, и упала на полъ. Эмилиа бросилась къ ней.

Въ эту минуту послѣшно вошли баронъ и Гарофоло.

— Скорѣй, скорѣй! сказалъ баронъ.—Мы немного опоздали. Ваши вещи и ваша компаніонка уже на пароходѣ. Этотъ ящикъ и мѣшокъ мы возьмемъ въ карету. Намъ нельзя терять и секунды. Вамъ холодно? Вы такъ блѣдны и дрожите.... прибавилъ онъ, набрасывая на Эмилию бурнусъ и предлагая ей руку.

— Отецъ! обратилась Эмилиа къ Гарофоло, подымавшему Дженовьеву:—Умоляю тебя! Помоги этой бѣдной женщинѣ, не оставь ея...

Черезъ часъ пароходъ, отправлявшійся въ Ливорно, отчалилъ отъ береговъ Марсели.

И. Л. Г.

(До слѣд. №.)

ПАНУРГОВО СТАДО

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Х. Бесѣда съ мудрымъ Никодимомъ.

— Охъ, господи! Хвалынцевъ, да какой же вы, право, нервный! говорилъ Свитка, качая головой, когда студентъ усѣлся уже въ старое, но очень мягкое и покойное кресло.— Ишь вѣдь, и до сихъ поръ, нѣтъ-нѣтъ, а все-таки дергается лицо дрожью!

— Не дрожью, а злостью дергается, отвернувшись отъ него, проворчалъ Хвалынцевъ.

— Злость—чувство очень почтенное, когда оно разумно направлено! какъ бы между прочимъ замѣтилъ Свитка.— А знаете, выпейте-ка стаканъ бургонскаго? это васъ и освѣжить, и подкрѣпитъ какъ слѣдуетъ; кстати, дома есть бутылочка, и посылать не надо.... Я вѣдь человекъ запасливый! говорилъ онъ, доставая изъ шкафчика темную бутылку и пару стакановъ..

Хвалынцевъ давно уже чувствовалъ внутреннюю, нѣсколько воспаленную, болѣзненную сухость, и потому! залпомъ выпилъ стаканъ вина, которое утолило его лихорадочную жажду.

— Хотите сигару, или папиросу? Только предупреждаю, сигаретка такъ себѣ, весьма посредственнаго достоинства, говорилъ Свитка, подвигая студенту то и другое:—главное у меня чтобы вы успокоились. Это прежде всего. Сидите,

лежите, курите, пейте, а когда будете совсѣмъ спокойны—будемъ толковать.

Хвалынцевъ, съ улыбкой, послѣдовалъ его предупредительнымъ, любезнымъ совѣтамъ, закурилъ сигару, налилъ въ стаканъ еще вина и съ ногами перемѣстился на диванъ, подложивъ себя подъ бокъ кожаную подушку.

— Ну-съ, теперь я въ совершенно покойномъ положеніи. Можете начинать, полшута обратился онъ къ своему любезному хозяину.

— Могу и начинать, въ томъ же духѣ отвѣтствовалъ Свитка, въ свою очередь подливая себѣ бургонскаго.—Прежде всего, милостивый мой государь, господинъ Хвалынцевъ, да будетъ вамъ извѣстно что вы—арестантъ.

Студентъ вскинулъ на него вопросительный взглядъ.

— Да-съ, вы арестантъ, продолжалъ Свитка, какъ бы въ отвѣтъ на этотъ взглядъ,—потому что вы арестованы.... Понимаете-съ?

— Немножко не понимаю, улыбнулся Хвалынцевъ.

— Вы арестованы мною и у меня, и вскорѣ будете переправлены въ болѣе надежное мѣсто.

— Буде до того времени не уйду изъ-подъ ареста, въ видѣ добавленія къ словамъ Свитки и впадая въ его тонъ, замѣтилъ Хвалынцевъ.

— Это само собою разумѣется! поклонился тотъ, вполне соглашаясь со своимъ гостемъ.—Но буде вы уйдете изъ-подъ ареста, то рискуете быть арестованнымъ санктъ-петербургскою явною или тайною полиціей. Вамъ это желательно?

— Мнѣ это рѣшительно все равно.

— Какъ „все равно“?... А Малая Морская улица?

Хвалынцевъ въ замѣшательствѣ и въ нѣсколько тревожномъ недоумѣніи вскочилъ съ дивана.

— Ну, вотъ видите, я говорилъ вамъ что вы еще не совсѣмъ спокойны. Оно такъ и есть! полусмѣясь замѣтилъ Свитка.—Ложитесь-ка лучше опять, и пейте, и курите, и ведите бесѣду, какъ подобаетъ мужу мудрому.

— Все это прекрасно, возразилъ студентъ, возвращаясь на диванъ въ прежнее свое положеніе:—но....

— Чтò такое но? лукаво улыбаясь, прищурился Свитка.

— Но?... Но вы начинаете говорить загадки.

— А! на то и существуютъ на свѣтѣ загадки чтобъ ихъ отгадывать. Вы видите что мнѣ кое-что извѣстно, и,

повѣрите слову, я бы никакъ не сталъ заводить рѣчь о такихъ деликатныхъ предметахъ какъ Малая Морская улица, еслибы въ этомъ не было самой настоящей надобности.

— Вѣрю вполне, но мнѣ было бы интересно знать кто васъ уполномочилъ на это?

— Н-да... я вижу что коснулся дѣйствительно щекотливаго предмета! уставя въ землю глаза, медленно проговорилъ Свитка:—кто уполномочилъ меня?... хм!... Полагаю, вашъ собственный интересъ, ваша собственная польза.

— Ну, что жь! Мнѣ, стадо-быть, оѣдается только поблагодарить васъ за участіе къ моимъ пользамъ.

— О, я въ томъ и не сомнѣваюсь! Но это вы успѣете сдѣлать и потомъ, въ послѣдствіи! говорилъ Свитка, притворяясь будто не понимая настоящаго смысла фразы Хвалынцева.— Вѣдь не можете же быть чтобы человекъ, въ вашемъ положеніи, добровольно пожелалъ сидѣть, Богъ знаетъ сколько времени, въ Петропавловскихъ казематахъ.

— Какъ знать!... пожалуй плечами студентъ:—Вы сегодня же видѣли противное, и еслибы не вы да не тѣ господа офицеры, то и сидѣлъ бы! Вѣдь отвели же цѣлыхъ триста человекъ.

— Э, господинъ Хвалынцевъ! перебилъ Свитка:—но вѣдь это отвели барашковъ.... это отвели хоръ, а вы въ хоръ не годитесь; вы изъ породы солистовъ. Вѣдь туда, если не ошля баюсь, то кажись и Полоярова нынче же отвели съ толпою, но какому же порядочному, серіозному человеку охота стоять въ одной категоріи, съ позволенія сказать, съ господиномъ Полояровымъ? Помилуйте!

— Да; но какъ бы то ни было, а только вы далеко не услугу оказали мнѣ, помѣшавъ моему аресту, сдержанно замѣтилъ Хвалынцевъ.

Свитка, облокотясь на столъ надъ своимъ стаканомъ, и подперевъ кулаками обѣ щеки, пристальнымъ взглядомъ уставился на студента.

— И вы серіозно хотѣли быть арестованы? спросилъ онъ.

— А положимъ что и такъ; положимъ что хотѣлъ совершенно серіозно.

Свитка тако засмѣялся, и смѣхъ сіо вполне выражалъ

мысль которая могла бы быть совершенно ясно формулована словами: „нѣтъ, милый, ты меня не проведешь!“

— Ну, положимъ! согласился оня:—но извините за безцеремонный вопросъ, для чего же вы это хотѣли?

— Да хоть для того чтобы быть вмѣстѣ съ моими товарищами, чтобы дѣлать ихъ участь.

— И для этого вы даже пожертвовали бы, безъ сожалѣнія, Малою Морскою улицей? Простите новую нескромность.

— Н-ну, это другой вопросъ! возразилъ студентъ:—безъ сожалѣнія, не скажу.

— А, вотъ видите ли!... Нѣтъ, господишь Хвалынцевъ! со вздохомъ поднялся оня съ мѣста, однакоже не спуская съ собесѣдника пристальнаго взгляда:—не потому только чтобы быть съ товарищами желали вы ареста!

— Такъ почему жь, по-вашему? нахмурясь, спросилъ студентъ.

— По-моему?... Я предполагаю, что ужь если было такое желаніе, то была и другая причина и.... быть-можетъ, а догадываюсь кака! Выслушайте меня!

И подсѣвъ къ нему на диванъ, Свитка дружелюбно, какъ бы располагая въ пользу интимной откровенности, дотронулся ладонью до его колѣна.

— Можетъ-быть я и ошибаюсь, началъ оня:—а можетъ-быть и нѣтъ. Не хотѣли ли вы доказать вашимъ арестомъ что вы.... что вы не шпионъ, какъ распустили объ васъ тутъ нѣкоторые близорукіе болваны.

Хвалынцевъ мгновенно вспыхнулъ при этомъ словѣ, которое уязвило его подобно каплѣ растопленнаго свинца упавшей на тѣло. Свитка какъ нельзя вѣрнѣ попалъ въ настоящую суть дѣла.

— Что вы не шпионъ, то въ этомъ безусловно убѣжденъ каждый честный и порядочный человекъ кто хоть сколько-нибудь знаетъ васъ, съ полнымъ спокойствіемъ и весьма вѣско продолжалъ оня:—что на каждого честнаго человека это слово, это нареканіе производитъ такое же дѣйствіе какъ и на васъ сію минуту, это вполне естественно; иначе и быть не можетъ; но что вашъ арестъ вмѣстѣ съ товарищами ровно ни въ чемъ не разубѣдилъ бы близорукихъ болвановъ, то это также не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. „Помилюте, скажетъ любой изъ нихъ да его нарочно

посадили чтобы, впервыхъ, глаза намъ отвести, а вторыхъ, чтобы и здѣсь удобнѣе наблюдать за нами, а потомъ довести полициі! Вотъ что навѣрное скажетъ каждый оселъ! И стало-быть арестъ вашъ былъ бы совершенно напрасенъ.

— Да.... пожалуй что и такъ.... пожалуй что вы и правы, медленно и глухо проговорилъ наконецъ Хвалынцевъ послѣ нѣкотораго раздумья надъ его словами.

— Да ужъ повѣрьте на честь что такъ! утвердилъ Свитка:— и притомъ же аресты огуломъ хороши только для хора, повторяю вамъ, а для солистовъ они совсѣмъ не годятся-съ!

— Можетъ-быть, согласился студентъ:—но кто же вамъ сказалъ что я-то солистъ?

— Э, батюшка! виденъ соколъ по полету, говорится пословица. И потому-то надо поберечь васъ, а чтобы поберечь, надо было арестовать.

Хвалынцевъ очень внимательно поглядывалъ на Свитку: по его словамъ и, главное, по тону, никакъ нельзя было оказать утвердительно, говорится ли это серьезно, или такъ только, одной шутки ради.

— И вы меня арестовали? улыбаясь спросилъ онъ.

— И я васъ арестовалъ! поклонился Свитка:—арестовалъ пока у себя, а къвечеру, какъ уже сказано, переправлю въ болѣе надежное мѣсто. Надо убрать васъ подальше отъ Цѣпнаго моста.

— Да вы это серьезно или въ шутку? приподнявшись съ дивана, озабоченно спросилъ студентъ.

— Чтò за шутки, помилуй Богъ!

— Но....

— Опять „но“?

— Да непременно! Я хочу спросить васъ на чемъ вы все это основываете?

— На томъ что знаю что васъ хотятъ арестовать и, можетъ-быть, не далѣе какъ нынѣшнею ночью.

Эти слова были произнесены съ самою точною и непоколебимою увѣренностью, какъ дѣйствительный фактъ, какъ истина самая непреложная.

— Но за чтò же наконецъ? пожалъ плечами Хвалынцевъ.

— За то что 25-го числа вы предложили шествіе въ Колокольную улицу въ извѣстномъ порядкѣ, по извѣстной программѣ. Достаточно съ васъ этого?

— Но отчего жь меня не арестовали прежде, въ ту же ночь?

— Оттого что изъ слѣдственнаго дознанія объ этомъ узнали они только вчера утромъ въ девять часовъ. Теперь понимаете?

— Это-то понять не трудно, но не понимаю одного: откуда вы-то все это знаете и притомъ съ такою точностью? возразилъ озадаченный Хвалынцевъ.

— Хм... Вы, кажись, начинаете нѣсколько сомнѣваться въ моей личности? добродушно и въ то же время лукаво улыбнулся Свитка:—не сомнѣвайтесь! Я вашъ добрый геній.

— Этого для меня мало. Я хочу знать, замѣтилъ студентъ.

— Отчего же? когда-нибудь, можетъ, и узнаете, отвѣчалъ Свитка въ томъ же полусмѣливомъ и полусерьюзномъ тонѣ:—вы видите что *намъ* кое-что извѣстно, и не только насчетъ вашего ареста, но и насчетъ Малой Морской.

— Вопросъ не въ томъ! перебилъ Хвалынцевъ:—а въ томъ, откуда, почему и какъ извѣстно?

— Извѣстно ровно на столько и такъ какъ оно есть въ дѣйствительности, самымъ положительнымъ образомъ завѣрилъ Свитка:—а почему извѣстно, это, вотъ, видите ли, я вамъ объясню, на сколько возможно. Кромѣ правительственной полиціи, есть еще другая, которая, быть-можетъ, слѣдитъ, въ свою очередь, и за правительственною. Это, такъ-сказать, полиція внѣ полиціи. Вѣдь, согласитесь, если на васъ нападаютъ, если противъ васъ изыскиваютъ разные тайные пути, которые должны вредить вамъ, то съ вашей стороны будетъ очень естественно подумать о самозащитѣ, о томъ чтобы, по мѣрѣ возможности, парализовать эти вредные происки и замыслы. Ну, вотъ вамъ, отсюда и вытекаетъ полиція внѣ полиціи, или, вѣрнѣе сказать, контръ-полиція.

Хвалынцевъ не на шутку раздумался надъ этими словами, которыя его и поразили, и озадачили, и какъ будто сказали многое, тогда какъ въ сущности не было сказано ровно ничего опредѣлительнаго. Эти слова только слегка, только чуть-чуть приподняли для него край непроницаемой завѣсы, за которою вдали, какъ можно было предполагать и догадываться, крылось во мгнѣ что-то большое, важное, таинственное, серьезное и сильное, но что именно—распознать за мглою было невозможно. Студентъ однакоже сдѣлалъ еще одну попытку пощупать это неуловимое нѣчто.

— Хорошо, сказалъ онъ: — положимъ, вамъ удастся при-

прятать меня наврема отъ жандармовъ, но что жь изъ этого? Вѣдь я же не могу вѣкъ быть спрятанъ; вѣдь рано ли, поздно ли, они все-таки найдуть и притянуть меня къ дѣлу.

— Объ этомъ не заботьтесь! Объ этомъ предоставьте заботу другимъ! успокоительно и авторитетно отвѣчалъ Свитка:— дѣло можно устроить и такъ что все обойдется пустяками. Для этого руки найдутся, а спрятать васъ необходимо собственно на первое только время, пока тамъ идетъ вся эта переправа. Погодите: уговорятся!

Недоумѣніе Хвалынцева все-таки ни мало не разсѣялось.

— Вашъ арестъ будетъ сопряженъ для васъ съ нѣкоторымъ лишеніемъ, продолжалъ Свитка:— то-есть, я разумѣю Малую Морскую, но вы не беспокойтесь: мы найдемъ возможность тотчасъ же тамъ предупредить и успокоить; а показываться вамъ самимъ въ Hôtel de Paris неудобно по той причинѣ что жандармамъ, точно такъ же какъ и намъ, уже кое-что извѣстно по поводу Морской, въ этомъ ужь вы мнѣ повѣрьте! И потому васъ могутъ захватить и тамъ, а это будетъ очень непріятно не одному только вамъ, а и другимъ особамъ.

Хвалынцевъ колебался, не зная въ какую сторону направить свое рѣшеніе: принять ли предложеніе Свитки, или не принимать его.

Свитка замѣтилъ это колебаніе и угадалъ внутренній смыслъ его.

— Дѣлайте какъ хотите, сказалъ онъ, принимая равнодушный видъ:—хотите согласиться со мною—соглашайтесь, а не желаете, такъ какъ угодно. Я, конечно, настаивать и удерживать васъ насильно не стану: я не имѣю права на это. Но только, знайте, господинъ Хвалынцевъ: если вы выйдете изъ-подъ моей опеки, вамъ грозить арестъ неминуемый. Какковы будутъ послѣдствія этого ареста, мнѣ, конечно, неизвѣстно еще, но во всякомъ случаѣ они будутъ несравненно тяжелѣе, и самый арестъ продолжительнѣе чѣмъ арестъ у меня. Я говорю все это вамъ не на вѣтеръ, а совершенно серьезно. Итакъ, угодно вамъ имѣть дѣло съ вашимъ покорѣннѣйшимъ слугою, или угодно имѣть его съ третьимъ отдѣленіемъ и петропавловскими казематами?

— Господинъ Свитка, началъ Хвалынцевъ, послѣ нѣкотораго раздумья,—я васъ слишкомъ мало знаю для того чтобы... для того чтобы... ну, однимъ словомъ....

— Однимъ словомъ, для того чтобы вполне довѣриться мнѣ, повѣрить моимъ словамъ, хотите сказать вы? не правда ли? перебилъ онъ.

— Пожалуй, и такъ. Вы угадали.

— Гм.... такъ вотъ въ чемъ дѣло! ухмыльнулася Свитка, руки въ карманы, пройдясь по комнатамъ и остановившись, наконецъ, предъ своимъ гостемъ: — другими словами, въ переводѣ на безцеремонный языкъ, ваша мысль формулируется такимъ образомъ: я не могу довѣриться тебѣ, любезный другъ, потому что ты, быть-можетъ, не болѣе какъ ловкій полицейскій шпионъ и можешь головой выдать меня правительству. Такъ что ли, господинъ Хвалынецъ?

Студентъ немного сконфузился и промолчалъ: Свитка вполне разгадалъ сокровенную мысль его. Хвалынецъ началъ и чувствовать и понимать что имѣеть дѣло съ человѣкомъ настолько умнымъ и провицательнымъ что отъ него трудно вилять куда-нибудь въ стороны.

— Ну, хорошо. Положимъ что я шпионъ, продолжалъ межъ тѣмъ Свитка:—стало-быть, въ данную минуту вы уже въ рукахъ тайной полиціи, которая можетъ сдѣлать съ вами все что заблагоразсудитъ, и никто знать этого не будетъ, потому что никто не зналъ и не видалъ какъ, гдѣ, кѣмъ и когда вы арестованы. Если я шпионъ, то и бѣжать вамъ отсюда некуда, потому что—почемъ вы знаете?—можетъ, за этою дверью стоятъ уже жандармы, которые, чуть вы носъ покажете, схватятъ васъ, усадятъ въ темную карету и умчатъ хоть туда куда Макаръ телятъ не гонялъ. Ха, ха, ха!... Полноте, господинъ Хвалынецъ, не опасайтесь меня! шутиливо заикающа Свитка, протягивая руку студенту: — я прошу только немножко довѣрія, ради вашей же собственной пользы. Неужели это такъ трудно?

— Но кто же вы, наконецъ, и что все это значить? показавъ плечами, нетерпѣливо вскочилъ съ мѣста Хвалынецъ.

— Повторяю вамъ еще разъ: я—вашъ добрый геній, а значить все это—полиція внѣ полиціи или, такъ-сказать, контръ-полиція. Болѣе этого объяснять вамъ пока, ей-Богу, не могу и не имѣю права. Но еще разъ предваряю: внѣ моей опеки васъ ждетъ арестъ неминуемый.

— Да что же это, наконецъ, за участіе такое къ моей особѣ? Чѣмъ вызвалъ, чѣмъ заслужилъ я его? Почему не къ другимъ, а къ одному только мнѣ?...

— А почему вы знаете что къ одному только вамъ? Не безпокойтесь: есть и другіе! удостовѣрилъ его Свитка;—а что, касается участія къ вашей особѣ, то оно вызвано тѣмъ что, опять-таки, мѣры пригодныя для хора не всегда годятся для солистовъ. Васъ надо побережь. Они могутъ стричь наши волосы, брить нашу бороду, но обрубать наши пальцы мы не можемъ дозволить. Обрубите пальцы, рука ваша ни къ чорту не годится. Дѣло вѣдь, кажется, ясное? Вотъ почему мы и бережемъ наши живыя, дѣятельныя силы. Если вы сами не хотите еще сознать въ себѣ эту дѣятельную, живую силу, то другіе очень хорошо провидать ее въ васъ. Итакъ, угодно вамъ отдаться въ мое распоряженіе?

Хвалынцевъ начиналъ чувствовать досаду. Сознаніе что онъ въ рукахъ у этого человѣка, который, очевидно, составляетъ звено какой-то тайной силы, но какой?—не извѣстно, это сознаніе становилось все болѣе и болѣе ощутительнымъ для студента. Онъ, конечно, болѣе всего не хотѣлъ быть арестованъ правительственною полиціей: вся не пріятная сторона такого ареста и всѣ лишенія сопряженныя съ нимъ говорили слишкомъ громко въ пользу того чтобы всячески стараться избѣжать ихъ, особенно послѣ этой бесѣды съ Василиемъ Свиткой. Одно уже лишеніе встрѣчь и свиданій съ Татьяной Николаевной на неопредѣленное и, конечно, болѣе или менѣе продолжительное время, казалось ему невыносимымъ. Арестъ у Свитки хотя тоже требовалъ этого послѣдняго лишенія, но все же не на столь долгій срокъ, и все же, въ сущности, этотъ послѣдній арестъ былъ несравненно легче перваго, уже потому что онъ могъ быть только добровольнымъ. Стало-быть, колебаній въ выборѣ того или другаго для Хвалынцева теперь уже не было. Но ему становилось досадно при сознаніи, что вотъ этотъ человѣкъ, съ которымъ онъ едва знакомъ, сразу забираетъ надъ нимъ какую-то силу, какое-то нравственное преобладаніе, отъ которыхъ, пожалуй, можно и освободиться, да только не иначе какъ въ явный ущербъ самому себѣ. Стало-быть, благоразумнѣе будетъ пока подчиниться ему. Но подчиняясь, невольно приходишь въ соприкосновеніе съ какою-то таинственною и, какъ кажется, правильно и прочно организованною силой. Чтò это за сила? Куда, какъ и кѣмъ она направлена? На сколько могуча и чѣмъ могуча она? Все это были вопросы неразрѣшимые теперь для Хвалынцева.

Бое-о-чемъ можно было догадываться, но однихъ догадокъ казалось ему слишкомъ мало: хотѣлось *знать*, а знать нельзя. Что же дѣлать? Зажмура глаза отдаться на авось этому потоку, этой таинственной и потому заманчивой силѣ? Она-то, можетъ-быть, и есть настоящая, спасительная сила, а можетъ въ ней-то и заключается погибель. Между чѣмъ выбирать тутъ? Отдаться подѣ опеку Василя Свитки значить слѣпо довѣриться этой силѣ, которая, какъ водоворотъ, притянетъ, закружитъ и, можетъ-быть, засосетъ, поглотитъ тебя. Отказаться отъ Свитки значить самому идти въ руки другой силы, которая не сулитъ ничего свѣтлаго въ будущемъ. Первые молодого человѣка достаточно уже были взбудоражены всѣми предшествовавшими впечатлѣніями: онъ чувствовалъ что, въ настоящемъ своемъ положеніи, рѣшительно не можетъ относиться холодно и спокойно къ тѣмъ задачамъ и вопросамъ которые подымались въ его головѣ, онъ не могъ теперь обсудить вполне хладнокровно, какъ нѣчто постороннее, шансы того и другаго — жандармовъ и Свитки. На сторонѣ той невѣдомой силы которая въ лицѣ этого Свитки протягиваетъ теперь ему руку, онъ какъ будто чуялъ и свѣтъ, и правду, и свободу, или, по крайней мѣрѣ, борьбу за нихъ. Другая же сила представлялась ему враждебною и свѣту, и правдѣ, и свободѣ: неужели же онъ, полный молодости, вѣры и силъ отдастся безъ всякой борьбы этой послѣдней, враждебной силѣ? Нѣтъ, надо теперь избѣгать ея, укрыться отъ нея, для того чтобы потомъ успѣшнѣе бороться съ нею! Кромѣ этихъ соображеній, отрывочно и не совсемъ ясно мелькавшихъ въ глазахъ студента, на сторону Свитки тянуло его еще и любопытство, которое такъ легко и такъ заманчиво возбуждается въ предприимчивомъ и впечатлительномъ человѣкѣ когда онъ приходитъ въ первое соприкосновеніе съ чѣмъ-то таинственнымъ, неизвѣданнымъ.

— Ну, что же вы? Я жду, наконецъ, вашего отвѣта! дружески, но рѣшительно обратился Свитка къ своему гостю, послѣ довольно продолжительной паузы.

— Дѣлайте какъ знаете! подаль ему руку Хвалынцевъ:— признаю себя вашимъ арестантомъ.

— Это все что могли вы сдѣлать лучшаго! поклонился Свитка:—и повѣрьте, каяться не станете! Какъ стемнѣетъ, я перевезу васъ въ болѣе надежное мѣсто. Тамъ вы будете вполне безопасны.

XI. Надежное мѣсто.

Въ началѣ шестаго часа, когда совсѣмъ уже стемнѣло, Свитка привезъ Хвалынцева на уголъ Канонерской улицы и поднялся въ ту, хорошо знакомую ему, квартиру, на дверяхъ которой сіяла мѣдная доска съ надписью: „Типографія І. Колтышко.“ Тотъ же самый рыженькій Лѣсницкій на высокомъ табуретѣ сидѣлъ за высокою конторкой и сводилъ какіе-то счеты.

— Господинъ Хвалынцевъ! громко сказалъ Свитка, подходя къ конторкѣ.

Лѣсницкій тихо, изъ-за бумагъ, поднялъ глаза на студента, всталъ съ табурета и, не произнося ни слова, какъ-то кратко и отрывисто стиснулъ и дернулъ его руку, въ знакъ пожатія.

— Мы разчитываемъ на ваше гостепріимство, продолжалъ Свитка.

Лѣсницкій сутуловато и отрывисто поклонился, осклаивъ широкою улыбкой свои рѣдкіе, но крупные бѣлые зубы, и подоѣда къ двери, сдѣлалъ пригласительный жестъ своимъ посѣтителемъ.

Тѣ пошли вмѣстѣ съ нимъ по корридору, въ концѣ котораго управляющій отворилъ дверь въ особую, непроходную комнату, служившую жилищемъ если не ему, то кому-либо изъ принадлежащихъ къ типографіи, и указавъ на нее новымъ пригласительнымъ жестомъ, промолвилъ:

— Вотъ.

— Здѣсь вамъ, пока до времени, будетъ очень удобно, пояснилъ Свитка.

Комната, дѣйствительно, была и удобна, и темна, и уютна. Широкій, мягкій диванъ, письменный столъ, шкафъ и полки съ книгами составляли ея убрaнство.

— Вы обѣдали, господа? спросилъ Лѣсницкій.

— Нѣтъ еще, не успѣли.

Управляющій торопливо удалился изъ комнаты, а чрезъ нѣсколько времени лакей принесъ туда два прибора и обѣдъ, который былъ съѣденъ съ большимъ аппетитомъ двумя проголодавшимися юношами.

— Дайте мнѣ записку къ вашей хозяйкѣ, предложилъ Свѣтка студенту,—я привезу вамъ кое-что изъ бѣлья, да тѣ вещи которыя вамъ болѣе всего нужны; а въ Малую Морскую ничего не пишете.

— Отчего такъ? нѣсколько удивился Хвалынцевъ.

— Да ужь такъ. Довѣрьтесь мнѣ во всемъ, пожалуста! Я вамъ худаго не желаю. Надобно чтобы никому не было извѣстно мѣсто вашего пребыванія... Вѣдь почему знать, и въ Малой Морской ничѣмъ не обезпечены отъ внезапнаго обыска; а если ваша записка какъ-нибудь не уничтожится—лишний документъ будетъ... Надо какъ можно болѣе избѣгать вообще документовъ. Къ чему подвергать лишнимъ затрудненіямъ, если не себя, то другихъ? Я лучше самъ сейчасъ же стѣзжу туда и успокою насчетъ полной вашей безопасности.

— Дѣлайте какъ знаете, согласился Хвалынцевъ.

Свѣтка вскорѣ послѣ обѣда уѣхалъ.

Черезъ нѣсколько времени послѣ этого въ дверь осторожно и тихо постучался Лѣсницкій.

— Не хотите ли почитать что-нибудь? любезно предложилъ онъ:—вся полка къ вашимъ услугамъ. Впрочемъ, тутъ больше все польскія да французскія. Есть нѣсколько и англійскихъ книжонокъ, а вы, можетъ-быть, хотите русскаго?

— Пожалуй, дайте хоть русскаго.

Лѣсницкій отперъ одинъ изъ шкапчиковъ письменнаго стола и досталъ нѣсколько брошюръ, листковъ и томиковъ. Это все были лондонскія изданія вольной русской книгопечатни.

— Вотъ вамъ. Можетъ, найдете что-нибудь нечитанное. А если что понадобится, позвоните: человекъ придетъ. До свиданія.

И управляющій опять дернулъ руку студента и удалился.

Хвалынцевъ раздумался надъ настоящимъ своимъ положеніемъ. „Какъ все это странно! думалось ему: арестъ не арестъ, а между тѣмъ нѣтъ своей воли, и нѣтъ ея по своей собственной охотѣ, по своему же выбору... Опека этого Свѣтки котораго я почти совсѣмъ не знаю... Это участіе, это вниманіе,—что все это такое? И за что, главное дѣло?... И гдѣ, и у кого я теперь?... „Типографія Колтышка“,—но гдѣ же этотъ Колтышко? Вѣдь рыженькій баринъ, кажись, не долженъ быть Колтышко... Онъ что-то въ родѣ фактора, конторщика... И кто онъ такой, и какъ его фамилія?... Фу, ты, чортъ возьми! Хоть убей, если я что-нибудь понимаю во

всемъ этому!... „То что годится для хора не годится для солистовъ...“ Да почему же я солистъ, наконецъ, и съ чего такое странное, хотя и лестное для меня заключеніе?... „Мы не можемъ позволить обрубать себѣ пальцы...“ „Контръ-волиція...“ Все-то имъ извѣстно, все-то они знаютъ.... Общество это тайное, что ли? Но гдѣ же оно? Кто его члены, и сколько ихъ, и въ чемъ его силы?... Заманчиво, чортъ возьми!“

И сколько онъ ни думалъ, и что ни гадалъ обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ,—въ концѣ концовъ размышленія его приходили къ одному: заманчиво и любопытно. И кромѣ этого единственнаго исхода, никакого болѣе точнаго, положительнаго отвѣта не представилось на всѣ вопросы которые ставило ему его странное положеніе. А любопытство, межъ тѣмъ, всею влекущею и заманчивою стороною своею разыгрывалось въ немъ все болѣе и болѣе. Онъ порѣшилъ, наконецъ, совершенно покориться своему загадочному положенію и терпѣливо ждать что будетъ дальше, что изъ всего этого послѣдуетъ?

Прошло уже болѣе двухъ часовъ времени, а его никто и ничѣмъ не обезпокоилъ, только слуга принесъ стаканъ очень хорошаго чая. Такимъ образомъ, онъ могъ чувствовать себя совсѣмъ какъ дома. Свитка не возвращался, а Константину Семеновичу, межъ тѣмъ, очень хотѣлось поскорѣй узнать результатъ его посѣщенія Малой Морской улицы. Отъ нечего дѣлать принялся онъ за чтеніе и, мало-по-малу, увлекся. Въ то время съ такимъ жаднымъ интересомъ, съ такою вѣрою и увлеченіемъ поглощалась каждая строка вышедшая изъ-подъ станка „вольной русской типографіи.“ И вотъ въ рукахъ Хвалынцева, благодаря рыженькому господину, обильный запасъ этихъ изданій, и столько нашелъ онъ въ нихъ новаго, еще не читаннаго! Кое-что попадалось ему и прежде, но большею частію урывкомъ, кое-что были извѣстно вскользь, или только по слуху, по отзывамъ, по разговорамъ, а теперь все оно здѣсь, воочию, въ полномъ его распоряженіи, съ возможностью читать не вскользь, а основательно и прочно, углубляясь и вдумываясь въ смыслъ всего что въ то время и не одному Хвалынцеву, съ его увлекающеюся юностью, казалось вышею и безусловною правдою, высшимъ откровеніемъ.

Такъ онъ и не дождался въ этотъ вечеръ Василя Свитки, а Свитка, между тѣмъ, пріѣзжалъ въ типографію и бесѣдовалъ

съ Лвѣницкимъ, и послѣ этой бесѣды, отпустивъ отъ себя Свѣтку, Лвѣницкій тотчасъ же отправился во внутреннiе покои квартиры смежной съ типографіей.

Въ просторномъ кабинетѣ, за большимъ столомъ, врыскабомъ освѣщеніи двухъ свѣчей, подъ зелеными абажурами, сидѣлъ хозяинъ этой квартиры. Комфортабельная и вмѣстѣ съ тѣмъ скромная обстановка, судя по обилію книгъ, корректуръ и дѣловыхъ казенныхъ бумагъ, указывала что кабинетъ этотъ принадлежитъ лицу которое соединяетъ въ себѣ литератора-издателя съ довольно значительнымъ чиновникомъ. Этотъ литераторъ-издатель и вмѣстѣ съ тѣмъ значительный чиновникъ былъ собственникъ типографіи, надворный совѣтникъ Іосифъ Игнатьевичъ Колтышко.

— Чтѣ еще новаго? отрываясь отъ бумагъ, спросилъ онъ Лвѣницкаго.

— Все еще о Хвалынцевѣ! осканивъ короткою улыбкою свои зубы, поклонился управляющій.

— Ага! Прекрасно! Въ чемъ же дѣло?

— Францишекъ обѣщаетъ полный успѣхъ. Говорить: человекъ стоить чтобы признаться....

— Чтѣ жъ, тѣмъ лучше. Займитесь оба.

— Но.... Тутъ есть одно обстоятельство.... Маленькая любовь.... Францишекъ по этому поводу дѣлалъ уже свои наблюденія, справки многія собралъ, нашелъ даже хорошій случай познакомиться въ гостиницѣ съ горничною этой особы, ну, и онъ полагаетъ что эту любовь надо бы какъ-нибудь устроить.

— А чтѣ такъ?

— Да такъ. Говорить что можетъ помѣшать успѣху.

— Гм.... Почему онъ такъ думаетъ?

— У него свои соображенія. Дѣвушка эта любитъ, конечно, эгоистически, то-есть прежде всего для самой себя, и едва ли захочетъ жертвовать женихомъ для какого бы то ни было дѣла. А тотъ вѣдь думаетъ жениться на ней. Стало-быть, если позволить развиваться этому чувству, онъ окончательно привяжется къ ней, а она такъ и теперь уже, кажется, имѣетъ на него влияние—ну, и тогда ужъ онъ погибъ для дѣла. Да еще, въ добавокъ, у обоихъ въ Славнобубенской губерніи есть кой-какія имѣньяца. А человекъ, между тѣмъ, какъ есть, совсѣмъ подходящий; жаль будетъ упустить!

Францшекъ того убѣжденія что необходимо, во что бы то ни стало, разорвать эту любовишку. И я думаю то же.

— Гм.... Легко оказать: разорвать!... Какъ же вы разорвете?

— Дѣло не невозможное, пожалъ плечами Лѣсницкій, снова окаля большіе, рѣдкіе зубы: — стоить заюбится въ другую. Ого, конечно, мудрено немного, потому — тутъ мужень и случай, и время. Но.... можно найти и то, и другое. У насъ уже есть свой маленькій плавъ, и если вы намъ поможете, дастъ Богъ, будетъ и удача.

— Вотъ какъ! Ужь и плавъ готовъ! шутиuvo улыбулася Колтышко:—любопытно знать въ чемъ дѣло?

— Дѣло? Дѣло въ графинѣ Маржецкой.

Колтышко, откинувшись на спинку своего кресла, быстро вскинулъ взглядъ на Лѣсницкаго и поглядѣлъ на него пристально, внимательно и серьезно.

— Выдумка довольно оригинальная, замѣтилъ онъ сквозь зубы: — но не слишкомъ ли ужъ много для какого-нибудь студента?

— А какъ знать чѣмъ можетъ быть для насъ этотъ студентъ? пожалъ плечами Лѣсницкій:—смотримъ какъ вы смотрите, такъ мы ровно никого не навербуемъ. Если уже рѣшено разъ что Москали въ нашихъ рядахъ необходимы, надо вербовать ихъ, и чѣмъ скорѣе, чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Кладите же начало!

— За мной дѣло не станетъ! замѣтилъ Колтышко: — но.... тутъ не я: тутъ графиня. А что скажетъ графиня на это?

Лѣсницкій, съ видомъ суровости, насунилъ брови.

— А что же можетъ сказать она, если дѣло потребуетъ этого? въ свою очередь, спросилъ онъ: — неужели же вскружить голову юношѣ такой трудный и великій подвигъ, такая страшная жертва на которую она не могла бы рѣшиться? И, наконецъ, чего же стоить ей эта полезная шалость, и къ чему она ее обзываетъ?... Вѣдь только вскружить, не болѣе!

— М-м.... да; это не дурно! согласился наконецъ Колтышко:—мы подумаемъ объ этомъ.

— Э, Боже мой! о чемъ тутъ думать?... Говорю: чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, махнулъ рукою Лѣсницкій.

И онъ принялся объяснять своему патрону кое-какія соображенія относительно задуманнаго плана.

XII. Дрессировка начинается. . .

Только на другой день, въ четвертомъ часу, Василій Свитка посѣтилъ, наконецъ, Хвалынцева. Онъ привезъ ему сакъ съ бѣльемъ и необходимыми вещами, извиняясь тысячью хлопотъ и бездною дѣлъ въ томъ что не успѣлъ прѣхать раньше. Эта же тысяча хлопотъ помѣшала Свиткѣ быть вчерашній день у Горевыхъ. Онъ говорилъ что сейчасъ только оттуда, что молодой Горевой не видалъ, такъ какъ ея не было дома, а видѣлъ только старую тетку, которую вполне успокоилъ насчетъ Хвалынцева, сказавъ что онъ теперь внѣ всякой опасности, въ благонадежномъ мѣстѣ, но что нѣкоторыя, весьма важныя обстоятельства требуютъ недалежнаго отъѣзда его изъ Петербурга на недолгое время, и потому-де Хвалынцевъ просить ни мало не беспокоиться его отсутствиемъ. Болѣе сказаннаго Свитка, до времени, ничего не могъ объяснить старушкѣ, только просилъ ее передать все это Татьянѣ Николаевнѣ и за симъ держать въ секретѣ и его посѣщеніе, и сообщенныя имъ извѣстія. Старая тетка, по его словамъ, вполне успокоилась и даже послала свой поклонъ Хвалынцеву: „буде вы увидите его раньше“.

Хотя всего сообщеннаго было слишкомъ мало для Константина Семеновича: онъ ждалъ что Свитка увидитъ самоѣ Татьяну Николаевну и привезетъ отъ нея если не письмо, то хоть прѣвѣтное, ободряющее, доброе слово, — „но все же это лучше чѣмъ ничего“, рѣшилъ онъ: — „по крайней мѣрѣ беспокоиться и опасаться не станетъ“.

Уходя отъ Хвалынцева, Свитка внушительно предупредилъ его:

— Вамъ, вѣроятно, предстоитъ знакомство съ Колтышкой, сказалъ онъ:—такъ вы глядите, не выдайте ни словомъ, ни взглядомъ о закулисной сторонѣ нашихъ отношеній и разговоровъ. Колтышко, предваряю васъ, ничего не знаетъ. Онъ ни во что не посвященъ.

— Да вѣдь и я ничего не знаю, и тоже ни во что не посвященъ, возразилъ студентъ.

— Ну, все-таки теперь знаете неизмѣримо болѣе чѣмъ онъ, поэтому—осторожность!

Хвалынцевъ мелькомъ, недоувѣрчиво взглянулъ на Свитку. Въ этихъ послѣднихъ словахъ ему показалось что-то не совсемъ искреннее, что-то притворное.

— Но въ какомъ же смыслѣ и въ какомъ родѣ будетъ наше знакомство? спросилъ онъ: — и не лучше ли, въ такомъ случаѣ, не знакомиться намъ вовсе?

Свитка немножко замямся.

— Н.... нѣтъ, познакомиться-то необходимо, сказалъ онъ: — вѣдь онъ все жь таки хозяинъ этой квартиры. Да вы не безпокойтесь: Лвсницкій представитъ васъ какъ своего добраго знакомаго.

— Но чѣмъ же онъ объяснитъ мое присутствіе въ квартирѣ господина Колтышки?

— А тѣмъ и объяснить что вы не желаете участвовать въ студентскихъ беспорядкахъ и попасться въ лапы жандармовъ, а потому просили его избавить васъ отъ тѣхъ и отъ другихъ въ этомъ укромномъ убѣжищѣ, очень развязно и улыбаясь, объяснялъ Свитка.

— Послушайте, добрый опекунъ, вы однако ставите меня въ очень фальшивое положеніе, весьма серьезно замѣтилъ Константинъ Семеновичъ: — я вамъ безконечно благодаренъ за ваше участіе и расположеніе ко мнѣ; но если.... если все это необходимо сопряжено съ такого рода фальшью, то я признаюсь вамъ — весьма затрудняюсь принимать ваше доброе участіе.

Свитка окинулъ его безпокойнымъ взглядомъ и лукаво улыбнулся.

— А жандармы? многозначительно спросилъ онъ.

— Что жь?... Конечно, это очень невкусно, но... предъ жандармами у меня, по крайней мѣрѣ, нѣтъ и не будетъ фальшиваго положенія.

Свитка, притворяясь равнодушнымъ, спокойно прошелся по комнатѣ. Онъ понялъ что сдѣлалъ промахъ, заговоривъ съ Хвалынцевымъ о предстоящемъ ему знакомствѣ и ведя весь послѣдующій разговоръ. Надо было, во что бы то ни стало, поправить теперь этотъ промахъ. Выпустить Хвалынцева изъ своихъ рукъ ему точно также не хотѣлось, да теперь это было бы и не разчетливо, послѣ того какъ ради его сдѣлано уже столько подходовъ и даже кое-что разоблачено до извѣстной степени. Свитка сообразилъ что

поправить свой промахъ онъ можетъ не иначе какъ напустивъ на себя тонъ полной искренности и откровенности.

— Ну, Хвалынецъ, будемте говорить по-братски, по душѣ! рѣшительно предложилъ онъ, остановясь предъ студентомъ и открыто протянувъ ему руку: — въ чемъ вы видите фальшь своего положенія?

— Въ томъ что вы меня заставляете играть роль какого-то подловательнаго трусишки, который изъ боязни жандармовъ хочетъ укрыться отъ своихъ товарищей, ототать отъ общаго дѣла. Я не согласенъ на это.

— Ха, ха, ха! тихо засмѣялся Свитка:—ну, я такъ и зналъ! Я такъ и зналъ что не что иное какъ это!... Ну, дайте сюда вашу руку, помиримтесь!... Это, дѣйствительно, фальшь—ну, значитъ, и долой ее!... Выслушайте меня: Лѣвицкій объяснитъ Колтышкѣ прямо что вамъ до времени нужно убѣжище чтобъ избѣгать полицейскихъ агентовъ. Вѣдь это такъ и есть на самомъ дѣлѣ? Вы согласны?

Хвалынецъ утвердительно кивнулъ головой.

— Колтышкѣ можно объяснить это вполне откровенно, продолжалъ Свитка:—это на столько порядочный и честный человекъ что онъ, впервыхъ, никакъ не лишитъ васъ этого убѣжища, ввторыхъ, никому и ни за что не выдастъ васъ. Въ этомъ ужъ мы на него смѣло можемъ положиться. Но... Колтышко, повторяю вамъ еще разъ, *ровно ничего не знаешь*. (Послѣднія слова были произнесены съ особенною многозначительностью.) Вы помните къчто изъ моихъ вчерашнихъ интимныхъ сообщеній?

Хвалынецъ опять кивнулъ головой.

— Ну, такъ Колтышко ни о чемъ такомъ и малѣйшаго понятія не имѣетъ. Между прочимъ, сегодня вы, вѣроятно, будете обѣдать у него. За обѣдомъ, вѣроятно, будутъ и постороннія лица. Онъ очень хлѣбосолюбъ. Между этими людьми могутъ быть и такія которыя уже посвящены где-то что, а будутъ и такія которыя ровно ни о чемъ, какъ и онъ же, понятія не имѣютъ и не должны имѣть. Такъ дожь именно въ виду чего я говорилъ вамъ что будьте какъ можно, осторожны и не показывайте ни малѣйшаго вида что вамъ дожь чуточку что-нибудь извѣстно. Понимаете-съ?

— Это-то понять не мудрено, возразилъ студентъ:—но вы мнѣ указываете на лицъ посвященныхъ и непосвященныхъ. Во что посвященныхъ, — вопросъ. Я-то самъ, я лично,

повторяю вамъ, ровно еще ни во что не считаю себя посвященнымъ.

Свитка опять тихо и лукаво засмѣялся.

— Э, Боже мой! Нельзя же сразу. Постепенность и последовательность есть первое правило каждаго сильнаго и серьезнаго дѣла! докторально замѣтилъ онъ студенту:—неужели же вы хотите чтобы мы на всѣхъ перекресткахъ о себѣ кричали? Подождите, придетъ время — и закричимъ! Наше вниманіе и участіе къ вамъ ровно еще ни къ чему не обязываютъ васъ. Намъ достаточно одного убѣжденія что вы — честный человѣкъ, что вы, во всякомъ случаѣ, не донощикъ. Вы сами, надѣюсь, крѣпко убѣждены въ этомъ. И этого одного убѣжденія достаточно чтобы мы ни минуты не задумались протянуть вамъ руку помощи, оказать честную, братскую услугу. Вѣдь вы насъ не знаете и никогда не узнаете, если не захотите идти заодно съ нами. А захотите — тогда другое дѣло! Намъ нужны люди свободно и сознательно отдавшіеся дѣлу. Вы строго подумайте сначала, взвѣсьте свои силы, свои шансы pro и contra, и тогда рѣшайтесь. Да — такъ да, а нѣтъ — такъ нѣтъ! Въ послѣднемъ случаѣ мы мирно и тихо разойдемся, какъ порядочные люди; вы насъ не узнаете, и никто изъ насъ — ни вы, ни мы — претендовать другъ на друга не будемъ. Повторяю еще разъ: въ честности и благородствѣ вашемъ мы убѣждены безусловно, отлабыть, мы вполне спокойны за то, что если разойдемся, то настоящія отношенія будутъ тайной для всѣхъ и навсегда, единымъ словомъ, умрутъ между нами. Ну, достаточно ли я сказалъ вамъ, господинъ Хвалынцевъ?

— Я вамъ могу пока поручиться за одно, съ достоинствомъ и твердо заговорилъ студентъ: — я, дѣйствительно, прежде всего и болѣе всего убѣжденъ что я — честный человѣкъ, и не дамъ вамъ повода разочароваться во мнѣ въ этомъ отношеніи.

— Ну, а остальное что Богъ дастъ! подхватилъ Свитка; хлопая ему по рукѣ своею ладонью: — а между прочимъ, я уже объяснилъ вашей хозяйкѣ что вы по самой экстремной и непредвидѣнной надобности уѣхали за городъ, и что она, въ случаѣ надобности, можетъ въ полицію отмѣтить васъ вышедшимъ изъ Петербурга. Квартира, однако, оставлена за вами. А теперь прощайте. Мнѣ некогда.

XIII. Еще болѣе надежное мѣсто.

Въ обѣденную пору, часовъ около пяти, въ дверь Хвалынцева раздался знакомый уже ему осторожный стукъ, по которому онъ узналъ Лѣвницкаго.

— Иосифъ Игнатьевичъ васъ ждетъ къ обѣду, сообщилъ управляющій, дернувъ руку студента своимъ обычнымъ пожатіемъ: — если готовы, пойдемте.

— Онъ уже знаетъ обо мнѣ? спросилъ Хвалынцевъ.

— Знаетъ.

— Вы какъ именно объяснили ему?

— Вполнѣ сообразно вашему желанію, съ улыбкой поклонился Лѣвницкій.

Дѣло обошлось безъ рекомендацій. Колтышко, замѣтивъ изъ своего кабинета входящаго Хвалынцева съ Лѣвницкимъ, самъ пошелъ къ нимъ навстрѣчу и, какъ знакомый, молча, но съ милою, приветливою улыбкой протанулъ и радушно пожалъ руку студента.

— Пойдемте, я васъ познакомяю съ моими гостями, сказалъ онъ, взявъ его подъ руку, и повелъ въ кабинетъ.

Тутъ были двое какихъ-то чиновниковъ, весьма приличной и солидной наружности, фамиліи которыхъ хотя и были названы, но Хвалынцевъ — какъ зачастую это случается — черезъ минуту, хоть убей, не помнилъ уже этихъ фамилій. Кромѣ чиновниковъ находился тутъ еще капитанъ генеральнаго штаба.

— Капитанъ Чарыковскій, назвалъ его Колтышко, подводя къ нему студента.

Физиономіи хозяина и этого капитана сразу сказались тѣмъ-то знакомымъ, и очень недавно знакомымъ Константину Семеновичу. Умное и энергическое лицо Чарыковскаго и нѣсколько выдвинутая впередъ нижняя челюсть Колтышка, съ его тонкими, подобранными и сжатыми губами, придававшими его лицу какое-то презрительное и вмѣстѣ съ тѣмъ энергическое, твердое выраженіе рѣшимости и силы, и эти намытые сѣрые глаза, дышавшіе умомъ, и эта изящная скромность манеръ, все это сразу напомнило Хвалынцеву вчерашній день, предъ университетомъ, и ту минуту когда онъ подошелъ къ Василію Свиткѣ. Теперь онъ вспомнилъ очень

явно что подавъ Свитки стоялъ именно капитанъ Чарыковскій, крикнувшій вмѣстѣ съ другими офицерами на полицейскаго, когда тотъ схватилъ за шиворотъ Хвалынцева; а тотъ блондинъ чиновникъ, въ распахнутомъ бобровомъ пальто, съ орденомъ на шеѣ, былъ не кто иной какъ Іосифъ Игнатьевичъ Колтышко. Кто же изъ нихъ посвященъ, и кто не посвященъ? думалъ себѣ Хвалынцевъ, стараясь разгадать свой вопросъ по лицамъ присутствующихъ: „капитанъ, кажется, знаетъ. Эти чиновники—Богъ вѣсть: можетъ и да, а можетъ и нѣтъ; а вѣрнѣе что нѣтъ. Но Колтышко.... Неужели Колтышко ни во что не посвященъ?... Этого быть не можетъ!.. Одна физиономія—одна физиономія—то чего стоитъ!.. Но гдѣ же тутъ правда и гдѣ мистификація? И кто кого, наконецъ, надуваетъ?“

Эти соображенія студента были прерваны порокомъ и легкимъ свистомъ шелкового женскаго платья. Хвалынцевъ поднималъ глаза—на порогѣ стояла женщина вся въ черномъ. Колтышко предупредительно бросился къ ней навстрѣчу и, съ видомъ глубокой почтительности, подавъ руку.

„Фу! какая красавица!“ невольно подумалъ Хвалынцевъ при первомъ взглядѣ на эту женщину. И точно: въ ней была бездна красиваго. Ее невозможно было назвать красавицей въ строгомъ смыслѣ этого слова, но въ ней эффектно сверкало нѣчто поражающее, сценическое, декоративное. Высокій ростъ; необыкновенно соразмѣрная, гармоническая стройность; упругость и гибкость всѣхъ членовъ и сильнаго стала; лицо полное игры и жизни, съ такимъ румянцемъ и такимъ цвѣтомъ, который явно говорилъ что въ этомъ организмѣ много силъ, много крови; блестящіе каріе глаза подъ энергически очерченными бровями и совершенно пепельные, роскошные волосы—все это, въ соединеніи съ необыкновенно симпатичною улыбкой и чисто славянскимъ типомъ лица, дѣлало эту женщину не то что красавицей, но лучше, поразительнѣе красавицы: оно отличало ее чѣмъ-то особымъ и говорило про фанатическую энергию характера, про физическую мощь и въ то же время—сколь ни рѣдко такое сочетаніе—про тонкую и старую аристократическую породу.

— Графиня Маржедка! громко назвала ее своимъ гостямъ Іосифъ Колтышко.

„Графиня Маржецкая... Опять-таки знакомая фамилія!“ припомнилъ себѣ студентъ: „Устиновъ писалъ про какого-то сосланнаго графа Маржецкаго.“

Колтышко отдѣльно представилъ ей Хвалынцева. Съ капитаномъ Чарыковскимъ, съ Лѣсницкимъ и однимъ изъ чиновниковъ она, повидимому, была уже раньше знакома.

Гости отправились въ столовую. Обѣдъ былъ очень оживленъ, бойкая, искристая веселость красивой графини невольно электризовала каждого. Хвалынцевъ сидѣлъ рядомъ съ нею что подавало ей поводъ очень часто обращаться къ нему съ разговоромъ и за маленькими услугами, въ родѣ просьбы налить стаканъ воды или рюмку вина. Въ обращеніи ея было столько милаго, привлекательнаго и такое отсутствіе принужденности, что Хвалынцевъ какъ-то сразу почувствовалъ себя, относительно ея, знакомымъ. Разговоръ все время шелъ то по-русски, то по-французски, и только вскользь было обронено кое-какія нѣсколько польскихъ фразъ, непонятныхъ для Хвалынцева. Графиня, впрочемъ, показывала видъ будто плохо изъясняется по-русски, и потому въ устахъ ея раздавался почти исключительно очень бойкій и изящный французскій языкъ.

При первомъ ея появленіи Хвалынцевъ ждалъ что сію минуту выйдетъ и хозяйка дома, но таковая не вышла, да и вся обстановка этой прекрасной квартиры явно показывала что Іосифъ Игнатьевичъ Колтышко человекъ холостой и одинокій. Вслѣдствіе этого студенту показалось нѣсколько страннымъ появленіе аристократической особы за обѣдомъ холостаго общества. „Или эта графиня не графиня, или хоть и графиня, но какая-нибудь куртизанка и авантюристка, или... или ужъ я и не знаю что! подумалъ Хвалынцевъ:—но нѣтъ, и на куртизанку не похожа: держитъ себя хоть и развязно, но въ высшей степени прилично, и съ такимъ тактомъ, и потому эта глубокая почитательность съ которою къ ней всё относятся,— да что же, наконецъ, все это такое?!“ За обѣдомъ она кстати упомянула въ разговорѣ нѣсколько именъ извѣстныхъ аристократическихъ домовъ, съ которыми, повидимому, у нея было знакомство и свои отношенія, и это еще болѣе заставило студента отдаваться отъ предположенія что его сосѣдка свѣтская куртизанка.

Послѣ обѣда, ведя ее въ гостиную, Колтышко наклонился къ ней и тихо спросилъ:

— Ну, какъ вы находите этого юношу?

— Ничего, онъ мнѣ нравится, съ легкомъ, но очень милою гримаской отвѣчала она.

— Желаете заняться?

— Отчего же; пожалуй.

— Ну, въ такомъ случаѣ мы заранѣе поздравляемъ себя съ полнымъ успѣхомъ. Но имѣйте въ виду, главное, то что я ужь объяснилъ вамъ.

— Ахъ, это соперницу? улыбнулась она:—надѣюсь не остаться побѣжденною!

И она все время была очень внимательна ко Хвалынцеву, что, до извѣстной степени, весьма льстило его юному самолюбию. Вечеромъ же, часовъ около девяти, переговоривъ о чемъ-то съ Лѣсницкимъ и отправивъ его распорядиться насчетъ экипажа, графиня совершенно неожиданно обратилась къ студенту съ просьбой проводить ее домой. Тотъ немощко смѣшаясь отъ неожиданности такого вызова, но почувшивъ отвѣтить ей полною готовностью.

Они отправились въ наемной каретѣ. У Владимірской графиня приказала остановиться предъ подъѣздомъ одного большаго дома. Хвалынцевъ повелъ ее въ третій этажъ, по освѣщенной лѣстницѣ, и остановился предъ дверью съ мѣдною доской, на которой было написано: „графиня Цезарина Фердинандовна Маржецкая“.

— Войдите, предложила она ему, когда человекъ изнутри отворилъ дверь.

Хвалынцевъ не почелъ возможнымъ отказатья.

— Я попрошу васъ подождать минуту. Я только переодѣнусь, сказала она въ гостиной и, шума своимъ чернымъ шлейфомъ, скрылась за тяжелою портьерой боковой двери.

Хвалынцевъ присѣлъ къ столу заваленному роскошными кинсеками и альбомами. Обстановка этой гостиной была изящна и роскошна. Прошло минутъ десять, когда изъ-за портьеры показалась очень приличная камеристка и сказала Хвалынцеву, что графиня проситъ его къ себѣ. Онъ пошелъ вслѣдъ за дѣвушкой, которая привела его въ будуаръ.

— Вы меня извините что я принимаю васъ совсѣмъ по домашнему, сказала Маржецкая, впервые протягивая ему руку:— я ужасно устала.... поэтому мнѣ такъ хочется побаловать себя!...

И закинувъ надъ головой руки, она съ какою-то тигрициною

граціей и въ то же время улыбаясь дѣтски-свѣтлою безпечною улыбкой, потянулась въ широкое, покойное кресло.

— Впрочемъ, я люблю баловать себя только когда это возможно, продолжала она: — а то я могу совершенно спокойно обходиться и безъ малѣйшаго комфорта. Для меня это все равно.

Хвалынцевъ вопросительно поглядѣлъ на нее.

— Да; мнѣ приходилось на моемъ вѣку скакать на перекладныхъ, ночевать въ литовской курной хатѣ, обѣдать въ еврейской корчмѣ, заблудить на морозѣ или мокнуть подъ дождемъ на лосиной охотѣ, и такія рѣзкія пережвны ни мало меня не беспокоятъ. Я переношу ихъ какъ добрый хлопецъ. Первы у меня сильные.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора, Хвалынцевъ взялся за фуражку и поднялся съ мѣста.

— Куда же вы? вскинула она на него глаза, съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Вы устали, да и мнѣ домой пора, сказалъ онъ.

— Домой?... Но вы дома!

Хвалынцевъ выразилъ явное недоумѣніе на эту послѣднюю фразу.

— Ну да, вы дома, подтвердила Маржецкая:—вы остаетесь здѣсь, у меня, въ моей квартирѣ.

Недоумѣніе студента достигло высшаго предѣла. Онъ не зналъ какъ понять все это, и молча, однимъ недоумѣвающимъ взглядомъ устремленнымъ на свою собесѣдницу, ждалъ отъ нея дальнѣйшихъ объясненій.

— Развѣ тамъ ничего вамъ не сказали? спросила она.

— Ничего. И я ровно ничего не понимаю.

— Оставаться тамъ долѣе для васъ было бы неудобно, продолжала Маржецкая:—здѣсь же васъ уже никто не найдеть: у меня вы вполне безопасны. Вы проживете здѣсь сколько потребуютъ обстоятельства.

Хвалынцевъ хотѣлъ было сдѣлать какое-то возраженіе.

— Вы меня ничѣмъ не стѣсните и не можете стѣснить, торопливо предупредила она, какъ бы предугадавъ въ чемъ будетъ состоять это возраженіе, — я уже распорядилась: для васъ сейчасъ будетъ готова комната рядомъ съ комнатою моего сына.

— Но согласитесь, мое проживание у васъ можетъ казаться весьма страннымъ.... Оно не можетъ же остаться тайной

для всѣхъ.... Ваша прислуга.... наконецъ, кто-нибудь изъ вашихъ знакомыхъ, какъ и чѣмъ они могутъ объяснить себѣ мое странное присутствіе въ вашемъ домѣ?

— Моя прислуга, лакей и дѣвушка, знаютъ меня съ дѣтства и очень мнѣ преданы. Они такіе же Поляки какъ и я, и потому опасаться ихъ нечего! успокоила графиня:—а что касается моихъ знакомыхъ, то хотя бы кто изъ нихъ и узналъ какъ-нибудь,—такъ что жь? У меня есть пятнадцатилѣтній сынъ, которому нуженъ уже гувернеръ. Для моихъ знакомыхъ вы гувернеръ моего сына.

— Виновать, но.... позвольте еще одинъ вопросъ? слегка поклонился Хвалынцевъ: — почему мое присутствіе тамъ найдено неудобнымъ?

Цезарина пожала плечами.

— Съ фактической точностью я не могу отвѣтить вамъ на это: я не знаю, сказала она:—но вообще, типографія слишкомъ открытое мѣсто; туда можетъ придти всякій, хоть подъ предлогомъ заказовъ; наконецъ, наборщики, рабочіе — вѣдь за cadaго изъ нихъ нельзя поручиться, и между ними легко могутъ быть подкупленные, шпионы.... Вотъ почему, полагаю, вамъ не удобно было оставаться тамъ. А здѣсь, у меня, вы безопаснѣе чѣмъ гдѣ-либо. Никому ничего и въ голову не придетъ, и у меня ужъ никакъ васъ не отыщутъ!

Хвалынцевъ остался предъ нею, стоя съ фуражкой въ рукахъ, въ замѣтномъ смущеніи.

— Ну, о чемъ же вы такъ задумались? нѣсколько задорно и нѣсколько насмѣшливо улыбнулась она.

Студентъ еще болѣе смутился.

— Признаться откровенно, меня озадачиваетъ одно, заговорилъ онъ наконецъ:—меня все удивляетъ чѣмъ заслужилъ я такое вниманіе къ моей особѣ со стороны людей или мало, или вовсе мнѣ незнакомыхъ?... Вотъ хоть бы, напримѣръ, и вы, графиня....

Она опять, съ улыбкой, пожала плечами.

— Чѣмъ заслужили вы это мнѣ тоже неизвѣстно, отвѣчала она,—я знаю только одно: меня просили укрыть васъ на время отъ розысковъ полиціи, и я, какъ видите, въ точности исполняю это, зная что этимъ я оказываю маленькую услугу честному юношѣ. Вотъ все что я знаю.

Вошла камеристка и доложила что комната готова. Графиня предложила Хвалынцеву вмѣстѣ осмотрѣть ее. Комната

была и просторна, и удобна. Диванъ, долженствовавшій служить постелью, былъ заставленъ свѣжимъ прекраснымъ бѣлымъ и заставленъ ширмами. Все это было приготовлено въ какіе-нибудь полчаса. Графиня Маржецкая, одна съ сыномъ и съ двумя человѣками прислуги, занимала очень просторную и очень удобно расположенную квартиру, въ которой все говорило о довольствѣ и изобиліи матеріальныхъ средствъ молодой хозяйки.

— Я васъ прошу ни мало не стѣсняться! въ высшей степени любезно предложила она:—хотите остаться здѣсь—располагайтесь какъ у себя дома, а нѣтъ—пойдемте ко мнѣ, посидимъ, поболтаемъ еще. Я съ вами тоже не буду церемониться, и когда захочу спать, то такъ и скажу вамъ, тогда вы меня оставите.

Хвалынцевъ просидѣлъ и проболталъ весь остатокъ вечера. Она съ живымъ участіемъ разспрашивала его про студентскую исторію, про причины и весь ходъ ея, сама, въ свою очередь, разказывала про Варшаву, про Польшу, про страданія своей отчизны и даже про свои семейныя обстоятельства, изъ которыхъ Хвалынцевъ узналъ что мужъ ея, по одному дикому произволу русскихъ властей, высланъ подъ присмотръ полиціи на житье въ Славнобубенскъ, что она нарочно пріѣхала въ Петербургъ хлопотать за него, за облегченіе его печальной участи, и живетъ уже здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ. Хвалынцевъ сообщилъ ей о ея мужѣ тѣ небольшія свѣдѣнія которыя были ему извѣстны изъ письма Устинова, и графиня, казалось, съ такою радостью, съ такимъ теплымъ участіемъ и интересомъ выслушала его сообщенія, что можно было подумать будто она изъ Славнобубенска не получаетъ никакихъ извѣстій. Она, впрочемъ, и жаловалась ему на крайнюю строгость полицейскаго вниманія къ письмамъ ея мужа. Было уже очень поздно, когда они разстались совершенно добрыми друзьями; придя въ свою комнату, студентъ засталъ на столѣ у себя газеты, сигары, папирсы и легкій ужинъ съ бутылкой вина—еще новый знакъ предупредительнаго вниманія къ его особѣ.

Онъ долго не могъ уснуть. Весь этотъ водоворотъ событий и приключеній, въ который попалъ онъ за послѣднее время, кружилъ ему голову. Эти студентскія демонстраціи, эти уличныя столкновенія съ войскомъ, это анонимное письмо съ извѣщеніемъ о нелѣпой клеветѣ, Горева, Свѣтка, Колтышко,

контръ-полиція, еска, жандармы, какое-то таинственное общество и, наконецъ, эта графиня Цезарина Маржецкая и неожиданный пріютъ въ ея домѣ — что же все это такое! И какими судьбами онъ-то, почти помимо своей воли, даже помимо своего пониманія, пришелъ въ столкновение со всѣмъ этимъ таинственно-загадочнымъ міромъ? „Графиня Маржецкая.... Какъ? Неужели и она, думалъ Хвалынцевъ:— она, съ ея связями, съ ея положеніемъ, неужели и она тоже принадлежитъ къ этому обществу!... А, можетъ, и не одна она.... Можетъ ихъ много тутъ такихъ какъ она....“ Его подавляло ясное почти до ощущенія сознание какой-то большой и таинственной силы, въ область которой судьба толкнула его, и которая теперь всецѣло тяготѣетъ надъ нимъ. Но это тяготѣніе не казалось ему тягостнымъ; онъ не хотѣлъ освободиться изъ-подъ него; напротивъ, его манило отдаться теченію всѣхъ этихъ страшныхъ обстоятельствъ, провикнуть далѣе и далѣе въ глубь и сущность дѣла, увидѣть, понять, разгадать что это за міръ и что за сила и,—быть можетъ,—сознательно отдаться ей.... И среди всей этой вереницы мыслей мелькалъ сверкающій такою оригинальною красотой образъ графини Цезарины, которая въ эту самую минуту здѣсь, рядомъ, подъ одною кровлей, такая спокойная, простая, сильная и вмѣстѣ съ тѣмъ загадочная.... И этотъ образъ подавлялъ и затмевалъ своимъ блескомъ тихій обликъ другой женщины. Хвалынцеву было это даже досадно, онъ усиленно гналъ его изъ своего воображенія; но какъ-то невольно, независимо отъ него самого, этотъ блистательный образъ врывался въ область его думъ и поминутно прерывалъ собою нить его размышленій....

XIV. Метаморфоза.

Поутру лакей передалъ ему сакъ съ вещами и объяснилъ что этотъ сакъ, часъ тому назадъ, принесъ какой-то молодой человекъ, для передачи по назначенію, сказавъ что тутъ же находятся и тѣ книги что читалъ господинъ Хвалынцевъ. Отомкнувъ сакъ, студентъ, дѣйствительно, нашелъ тамъ цѣлую связку тѣхъ самыхъ лондонскихъ изданій, которыя такъ любезно предложилъ ему, для прочтенія, Лѣсницкій. „Все это очень любезно и очень внимательно“, могъ

только подумать Хвалынцевъ. Дни заточенія въ квартирѣ графини Маржецкой текли для него быстро и почти незамѣтно. Онъ очень скоро освоился въ новомъ своемъ помѣщеніи, благодаря той свободѣ которую предоставила ему внимательная хозяйка. Всѣ утра его проходили почти исключительно въ чтеніи, и это чтеніе, которому отдавался онъ съ юношескимъ и почти невольнымъ увлеченіемъ, постепенно производило на него свое наркотическое вліяніе. Обѣды вмѣстѣ съ Цезариной, и потомъ зачастую цѣлые вечера въ ея обществѣ, съ глазу на глазъ съ этою интересною, умною и прелестною женщиной, рѣшительно не давали ему глубже вдуматься въ себя, въ свое положеніе, и даже чувство къ Татьянѣ Николаевнѣ, мало-по-малу, все какъ-то сглаживалось въ немъ и отходило на задній планъ, и онъ самъ все меньше и меньше замѣчалъ въ себѣ эту внутреннюю и какъ-то невольно совершавшуюся метаморфозу. Иногда по вечерамъ Цезарина просила его прочитать что-нибудь и для нея, и въ такихъ случаяхъ всегда сама выбирала и давала ему книги. Это были листки французскихъ брошюръ, почти исключительно произведенія польской эмиграціи, которыя въ яркихъ, поражающихъ чертахъ изображали несчастія польской земли, стоны польскаго народа и не скупились на самыя черныя краски для обрисовки русскихъ отношеній къ Польшѣ и русскаго гнета. Цезарина слушала внимательно и даже благоговѣнно, хотя для нея всѣ эти книги и брошюры были давно уже знакомы. Часто нервическое, злобное движеніе отражалось на ея лицѣ, и тогда въ ея карихъ глазахъ свѣтилась фанатическая, непримиримая ненависть, и руки судорожно начинали мять и вертѣть какую-нибудь вещь, въ родѣ случайно попавшейся бумажки, батистоваго платка, или бахромки на шали. Хвалынцевъ, отрывая глаза отъ печатныхъ строкъ, мелькомъ взглядывалъ на это лицо, и оно казалось ему еще болѣе прекраснымъ въ этомъ живомъ одушевленіи гнѣва и ненависти. А иногда, при чтеніи о пыткахъ, жестокихъ мукахъ и страданіяхъ какого-либо польскаго героя, въ глазахъ Цезарины вдругъ начинали сверкать слезы, и тогда лицо это казалось Хвалынцеву еще вдохновеннѣе, еще прекраснѣе.

Въ то время вообще на Руси такъ мало было извѣстно о Польшѣ, о польскихъ дѣлахъ и притязаніяхъ; изъ русскаго лагеря не подымалось ни единого голоса для разъясненія

нашихъ отношеній къ этой несчастной странѣ; тридцать лѣтъ у насъ на этотъ счетъ все молчало; все было темно, мертво и глухо, и эта самая мертвенность и глухота набрасывала мрачную и антипатичную тѣнь на эти русскія отношенія. Въ эти глухія и нѣмые три десятка годовъ память современниковъ, свидѣтелей и очевидцевъ 1831 года понемногу притуплялась; негодованіе если и было, то немногò смирялось и утомлялось самимъ временемъ; въ русскомъ сердцѣ давно уже поселилось если не примиреніе и забвеніе, то равнодушный и спокойный индифферентизмъ. Мы Польши не знали; большинство думало что разъ она была усмирена, покорена и что затѣмъ съ нею навсегда уже поконченъ всѣ расчеты. Молодое же поколѣніе, благодаря все той же нѣмотствующей глухотѣ общественнаго сознанія, выросло въ полнѣшемъ и всестороннемъ невѣдѣніи этой древней русско-польской тѣжбы. Молодое поколѣніе, благодаря школьной скамьѣ, знало только стихотвореніе Пушкина *Клеветники на Польшу*, но плохо понимало ради чего оно писано. Находились чьѣсь радѣтели которые рѣшались даже утверждать что поэтъ былъ подкупленъ, соблазненъ камеръ-юнкерскимъ шитьемъ и дворскими милостями, и не было громкаго, разъясняющаго голоса въ защиту оскорбляемой памяти русскаго поэта. Знало еще молодое поколѣніе что въ 1830 году Польша поднялась за свою свободу и независимость, за что была раздавлена русскими войсками, и это смутное знаніе, естественно, могло рождать въ каждомъ честномъ молодомъ сердцѣ только сочувствіе къ угнетенному и поработенному народу. А между тѣмъ противная сторона не дремала. Въ эти глухія тридцать лѣтъ, тамъ, на западѣ, эмиграція создала своихъ историковъ, поэтовъ, публицистовъ, голоса которыхъ громко и дружно, на всю Европу, раздавались въ защиту польскаго дѣла, и эти голоса подхватывались людьми другихъ національностей, усиливавшими общій негодующій хоръ, а мы все молчали и молчали, и съ этимъ молчаніемъ въ наши „образованныя“ массы, мало-по-малу, но все болѣе и все прочѣе проникало сознаніе, что правы они, а виноваты мы. Колоколь грохко и неустанно будилъ общественную совѣсть и зывалъ къ покаянію. И мы, позабывъ, отъ времени, самую сущность, самое ядро стараго дѣла, начинали уже смиренно каяться... Въ этомъ случаѣ, все что относится къ намъ могло всецѣло относиться и къ моему юному герою.

И вдругъ, подъ ловкою, и потому незамѣтною эгидой женщины, этому юношѣ раскрывается цѣлая исторія страданій, горя, угнетеній, насильствъ и мукъ поработеннаго народа. Онъ только тутъ впервые узналъ про эти муки, онъ ежедневно слышалъ свѣжіе разказы еще о вчерашнихъ только событіяхъ изъ устъ молодой женщины, онъ видѣлъ порою взрывы ея невольнаго негодованія, порою ея слезы и... и потуплая глаза, краснѣлъ за себя, за свой народъ, за свое правитель-ство, которое становилось ему ненавистнымъ въ эти тяжелыя минуты. И чтѣжь ему оставалось сдѣлать? Онъ зналъ и выслушивалъ только одну сторону. Другая сторона, какъ и онъ же, все еще молчала въ своемъ невѣдѣніи и конфузилась.

Часто, приходя въ будуаръ Цезарины, онъ застаивалъ ее за работой. На широкихъ и большихъ пальцахъ была натянута красная шелковая матерія, подшитая съ исподней стороны бѣлою матеріей. Работа графини близилась къ концу. Хвалынцевъ могъ свободно разсматривать на пунцовомъ фонѣ изображеніе креста съ терновымъ вѣнкомъ и двѣ пальмовыя вѣтви, а надъ всѣмъ этимъ парящаго бѣлаго орла. На исподней сторонѣ былъ вышитъ образъ Богоматери съ сердцемъ пронзеннымъ семью мечами и съ надписью вокругъ: „*Boże, zmiłuj się nad nami!*“ Надъ бѣлымъ орломъ тоже красовалась надпись, надъ окончаніемъ которой трудилась теперь графиня. Эта надпись, вышитая серебряною битью и блестками, была сдѣлана на русскомъ языкѣ и гласила: „*За свободу вашу и нашу.*“

Хвалынцева уже давно интересовала эта работа, но все какъ-то онъ не рѣшался спросить чтѣ это и для чего графиня вышиваетъ? Наконецъ, однажды вечеромъ, сидя подлѣ нея и утомясь нѣскольکو чтеніемъ, онъ отбросилъ въ сторону брошюру и сталъ слѣдить за интересовавшимъ его рукодѣльемъ. Графиня встала, и поднявъ бѣлую салфетку до половины покрывавшую ее работу, стала любоваться на свое произведеніе.

— Хорошо? спросила она, ласковымъ взглядомъ обратясь къ студенту и вызывая его этимъ на участіе.

— Прекрасно! отъ души похвалилъ онъ:—я ужъ давно люблюсь на это вышиванье и давно хотѣлъ спросить чтѣ это такое вы работаете?

— Это? какъ-то загадочно и вмѣстѣ съ тѣмъ горделиво усмѣхнулась Цезарина:—это для нашихъ будущихъ героевъ.

: Хвалынецъ вопросительно поглядѣвъ на нее.

— Это знамя, продолжала она:—знамя свободы, которое, со временемъ, я вручу достойнѣйшему, а можетъ, раздумчиво зашевелилась она:—можетъ и сама понесу его навстрѣчу вашимъ солдатамъ.... Вѣдь тутъ недаромъ же написано: „за свободу вашу и нашу!“

При этихъ словахъ Хвалынецъ замѣтилъ въ ней какую-то странную, отчасти театральную, но очень эффектную экзальтацію.

— Но нѣтъ! минуту спустя со вздохомъ продолжала она, закрывая салфеткой пальцы:—эта послѣдняя мечта едва ли когда сбудется!... Это знамя не для васъ, оно для Полакковъ!... Вы вѣдь умѣете быть только нѣмыми рабами вашего правительства.

И говоря это, она не скрывала безпощадно-презрительной мимики, заигравшей на ея одушевленномъ лицѣ.

— Вы позволяете бить себя и угнетать, отказываетесь отъ свободы для того только чтобы въ свою очередь бить и угнетать другія народности. Кто только подъ вами не стонетъ! Все ваше народное самолюбіе въ томъ чтобы быть хоть рабскимъ, но варварски-сильнымъ государствомъ и служить пугаломъ каждой цивилизаціи. Для этого вы даже Нѣмцамъ продаетесь. Нѣтъ, вы не Славяне, вы рабы, Татары.

— Но эти Татары еще только вчера освободили двадцать милліоновъ рабовъ, и своихъ татарскихъ, и вашихъ польскихъ, возразилъ задѣтый за живое Хвалынецъ. Во глубинѣ души онъ не могъ не сознаться что графиня сильно задѣла его русское самолюбіе.

— Польскихъ? изумленно возразила она, и съ гордымъ достоинствомъ отрицательно покачала головой:—вы ошибаетесь, вы не знаете исторіи: въ Польшѣ, слава Богу, давно уже нѣтъ рабовъ. Въ Польшѣ крестьяне лично свободны.

Студентъ, благодаря своему всероссійско-полному невѣдѣнію, ничего не сумѣлъ возразить ей на это. Ему было только больно и горько слушать упрёки этой женщиной, и душащая ихъ, онъ все-таки не могъ не любоваться ею, не могъ не созрѣвать въ ней какого-то превосходства, которое даетъ иловѣрку его возвышенное и гордое страданіе.

— Но это знамя.... заговорилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія: — отчего вы думаете, что наши солдаты не войдутъ

такихъ простыхъ и ясныхъ словъ: „за свободу вашу и нашу“? Слова общечеловѣческія.

— Вашъ солдатъ!... Вашъ солдатъ уже цѣлѣе десятки поколѣній рождается и умираетъ работъ; въ немъ данно уже убито все человѣческое. Вашъ солдатъ умѣетъ только стрѣлять въ безоружную толпу, въ молящихся дѣтей и женщинъ.

— Графиня! Но гдѣ же, когда же это? наконецъ, не выдержавъ, воскликнулъ Хваланцевъ.

— Гдѣ?... А, вы сомнѣваетесь!... Я скажу вамъ гдѣ! Хотѣ бы въ Варшавѣ... Боже мой!... Какъ сейчасъ помню, это было только семь мѣсяцевъ назадъ.... На Зыгунтовой площади, предъ замкомъ, стояли тысячи народа... Я тутъ же въ одномъ изъ домовъ, глядя съ балкона... Вечеръ ужъ былъ, темно становилось; солдаты ваши стояли противъ народа, въ этотъ день они нашъ крестъ изломали... и вдругъ раздались выстрѣлы... Помню только какой-то глухой ударъ и больше ничего, потому что упала замертво.

— Какъ! Вы, графиня? тихо произнесъ изумленный Хваланцевъ.

— Да, я!... Что вы такъ удивляетесь?... Я была ранена. Вы не вѣрите? Вотъ, смотрите!

И быстрымъ движеніемъ руки, она отстегнула воротъ кашмироваго пальюара, и близко наклонясь надъ Хваланцевымъ, обнажила предъ нимъ часть груди и все свое лѣвое, удивительно созданное, бѣлое плечо.

— Вотъ она, эта рана! Смотрите! говорила Цезарина, указывая на темнобурое, круглое пятнышко и бороздку къ плечу, образовавшіяся отъ стянутой кожи:—пуля ударила меня выше ключицы и скользнула по плечу. Два съ половиной мѣсяца я пролежала тогда. Десять человѣкъ было убито и больше ста ранено. * Я всѣмъ и каждому смѣло могу показать эту русскую рану! съ гордымъ увлеченіемъ продолжала она:—а горжусь ею: все-таки и моя капля крови пролилась за родину, за свободу!

Хотя все это было сдѣлано и сказано опять-таки съ какимъ-то присущимъ этой женщинѣ спеническимъ эффектомъ, но эффектъ удался какъ нельзя болѣе: онъ вполне подействовалъ на юношу, и Хваланцевъ съ глубокимъ, почти благоговѣннымъ уваженіемъ посмотрѣлъ на графиню Цезарину.

И въ эту ночь, опять долго не могъ уснуть онъ и

* Демонстрація въ Варшавѣ 27-го марта (8-го апрѣля) 1861 года.

долго ходилъ у себя по комнатамъ. И сердце, и голова его какъ-то мутились. Онъ силится дать себѣ отчетъ въ своихъ мысляхъ, въ своихъ чувствахъ, и не смѣлъ, боялся произвести окончательный и вѣрный приговоръ надъ собою. Въ первые дни его влекло къ этой женщинѣ одно только любопытство, возбужденное странностью его исключительнаго положенія. Въ то время ему хотѣлось только проникнуть въ заманчивую загадку того таинственнаго міра и той дѣятельности, въ которыхъ вращались Цезарина Маржецкая, Лѣвандскій и Свитка. Въ то первое время, замѣчательная, оригинальная красота этой женщины хотя и производила на него свое невольное-обаятельное впечатлѣніе, но эта красота, это богатство и роскошь тѣла говорили только чувственности,—ощущеніе, которое, при мысли о любви къ Татьянѣ, Хвамынецъ гналъ отъ себя и безусловно осуждалъ его, хотя это ощущеніе все-таки, помимо его собственной воли, какъ тать, закрадывалось въ душу и смущало его порою. Но теперь, когда прошло уже нѣсколько дней его таинственнаго пребыванія въ домѣ этой женщины, когда ежедневныя и довольно долгія бесѣды съ нею каждый разъ открывали ему въ ней какое-нибудь новое нравственное достоинство, когда, наконецъ, вотъ въ этотъ послѣдній вечеръ, она на столько высказалась предъ нимъ, онъ увидѣлъ въ ней нѣчто высшее, царящее надъ ея физической красотой, нѣчто героическое, теперь ему сказалась въ ней нравственная мощь и великая, всепроникающая сила страстной любви къ своей родинѣ, къ свободѣ, къ своему народу,—сила освященная страданіемъ и даже кровью. Ему казалось что для подобной женщины можно все рискнуть, все пожертвовать, на все рѣшиться.

И подъ наплывомъ этихъ мыслей и ощущеній, въ немъ страстно совершилась внутренняя метаморфоза.

XV. К р у ж о к ѣ.

Вскорѣ послѣ этого вечера, графиню Маржецкую посетилъ капитанъ Чарыковскій. Когда лакей доложилъ о его приездѣ, Хвамынецъ, по обыкновенію, поднялся съ мѣста чтобъ удалиться въ свою комнату, но Цезарина просила его остаться, предупредивъ что Чарыковскій изъ такихъ

людей съ которыми можно отбросить въ сторону подобную осторожность.

— Рекомендую: гувернеръ моего сына, представила она студента.

— А, да вы уже, кажется, знакомы, если господинъ Хвалынцевъ не забылъ меня? любезно и радушно пожимая руку Константина, сказалъ капитанъ.

Тотъ, съ не меньшею любезностью, поспѣшилъ заявить ему о своей памяти.

— Но нашъ молодой менторъ, кажется, скучаетъ, продолжала Цезарина, весело поглядывая то на студента, то на своего гостя:—я вѣдь живу почти отшельницей, развлеченій у меня никакихъ, а вы, monsieur Хвалынцевъ, надѣюсь, приехали къ обществу?

Хвалынцевъ отвѣтилъ что-то нескладное, въ родѣ того что ея общество онъ предпочитаетъ всѣмъ другимъ на свѣтѣ, и самъ немножко сконфузился и смѣшался.

— Ну, это такъ, одна только любезная фраза! улыбнулась Цезарина:—а шутки въ сторону: я думаю, вы такъ скучаете; вѣдь онъ такъ усердно посвятилъ себя занятіямъ съ моимъ сыномъ, обратилась она къ Чарыковскому,—такъ ревностно предаваюсь своему дѣлу, что вотъ уже болѣе недѣли какъ никуда не показывается, никуда даже изъ дому не выходитъ!

Чарыковскій съ вѣжливо-списходительною усмѣшкой слушалъ эту болтовню Цезарины. Въ самыхъ простыхъ и незначительныхъ фразахъ своего разговора, обращаясь къ Хвалынцеву, онъ выказывалъ очень внимательную предупредительность и любезность, видимо желая понравиться молодому человѣку, расположить его въ свою пользу. Разговоръ перешелъ на университетскія событія, все еще составлявшія главную тему толковъ того времени. Капитанъ началъ порицать двусмысленное поведеніе нѣкоторыхъ профессоровъ, которыхъ Хвалынцевъ сталъ горячо отстаивать. Зная лично этихъ профессоровъ, ихъ образъ мыслей и отношенія къ студентамъ, онъ не могъ допустить и тѣни сомнѣнія ихъ личности и потому горячо заспорилъ съ капитаномъ.

— Вы хотите доказательствъ? Если угодно, я готовъ! предложилъ Чарыковскій:—мнѣ самому не менѣе васъ больно разочарованіе въ этихъ людяхъ, но я могу доказать вамъ фактами, документами. Да самое лучшее вотъ что: если вы

такъ живо принимаетъ это къ сердцу, прїѣзжайте ко мнѣ, мнѣ будетъ очень прїятно видѣть васъ у себя! сказалъ онъ, радушно пожимая руку студента:—и не зачѣмъ откладывать въ долгій ящикъ, прїѣзжайте сегодня же вечеромъ, часу въ восьмомъ, у меня мы и потолкуемъ, а я постараюсь убѣдить васъ довольно осязательными доказательствами.

— Ну, вотъ и прекрасно! подхватила графиня: — monsieur Хвалынецъ, по крайней мѣрѣ, хоть сколько-нибудь разсѣется, а кстати и я нынче вечеромъ не буду дома. Въ самомъ дѣлѣ, поѣзжайте-ка, поѣзжайте! А то у меня вы совсѣмъ одичаете, анахоретомъ, пелюдимомъ сдѣлаетесь.

Чарыковскій подаль ему свою визитную карточку, на которой былъ его адресъ. Хвалынецъ поблагодарилъ его и обѣщався прїѣхать. Хотя за всѣ эти дни онъ уже успѣлъ привыкнуть къ своей замкнутости, которая стала ему мила и прїятна постояннымъ обществомъ умной и молодой женщины, и хотя въ первую минуту онъ даже съ затаеннымъ неудовольствіемъ встрѣтилъ приглашеніе капитана, однако же поощрительный, веселый взглядъ графини заставилъ его поколебаться. „Къ тому же и она нынче не дома“, подумалъ онъ, и согласился.

— У него вы ничѣмъ не рискуете: ни непрїятною встрѣчей, ни непрїятными послѣдствіями, а нѣкоторое разсѣяніе для васъ все-таки необходимо. Поѣзжайте! сказала Маржецкая, послѣ того какъ Чарыковскій удался изъ ея гостиной.

Въ назначенный часъ Хвалынецъ отправился по данному адресу. Капитанъ встрѣтилъ его въ высшей степени любезно, но студентъ вскорѣ замѣтилъ что хозяинъ какъ-то мнется, какъ будто чѣмъ-то стѣсняется.

Константинъ началъ уже думать что посвѣщеніе его пришло почему-либо не совсѣмъ-то кстати, какъ вдругъ Чарыковскій предупредилъ его дальнѣйшее раздумье.

— Послушайте, Константинъ Семеновичъ (капитанъ еще утромъ очень внимательно освѣдомился о его имени и отчествѣ): вы не будете на меня въ претензіи, если я предложу вамъ, вмѣсто того чтобы провести вечеръ у меня, отправиться вмѣстѣ къ однимъ моимъ знакомымъ? обратился онъ къ студенту: — люди холостые и безцеремонные, они рады будутъ; а давеча мнѣ совсѣмъ было и изъ ума вонъ что я обѣщавъ къ нимъ прїѣхать. Поѣдьте-ка вмѣстѣ, и

ручаюсь вамъ, мы проведемъ вечерокъ не дурно, только вы, пожалуста, не отвѣсняйтесь и не думайте что ихъ чѣмъ-нибудь стѣсните. Церемоніи всѣ въ сторону!

— А кто они такіе? спросилъ Хвалынцевъ.

— А наша молодежь изъ военной академіи. Люди простые, честные и хорошіе, и, повторяю, очень будутъ рады намъ. Катитте!

Хвалынцеву было теперь все равно гдѣ ни провести вечеръ, и онъ согласился тѣмъ охотнѣе что ему еще съ обѣда у Колтышка почему-то казалось будто Чарыковскій непременно долженъ быть посвященъ въ тайны Лѣсницкаго и Свитки, а теперь—почемъ знать—можетъ, чрезъ это новое знакомство, предъ его пытливо любопытными глазами приподнимется еще болѣе край той непроницаемой завѣсы, за которою кроется эта таинственная „сила“ съ ея заманчивымъ, интереснымъ міромъ, а къ этому міру, послѣ столькихъ бесѣдъ съ Цезариной и послѣ всего что довелось ему перечитать за нѣсколько дней своего заточенія и надъ чѣмъ было уже столько передумано, онъ, почти незамѣтно для самого себя, начиналъ чувствовать какое-то симпатическое и словно инстинктивное влеченіе. Теперь уже пожалуй что не одно простое любопытство влекло его къ этому міру. Въ этомъ влеченіи стала играть извѣстную роль и симпатія, правда, пока еще заочная, но уже на столько замѣтная что одно только мимолетное предположеніе о вѣроятной возможности заглянуть поближе въ тайны міра Лѣсницкаго и Свитки заставило его съ живымъ удовольствіемъ принять предложеніе новаго знакомства. Чарыковскій порядилъ извозчика въ Офицерскую улицу, и они поѣхали. Про доказательство двусмысленнаго поведенія профессоровъ не было сказано ни слова. Такъ этотъ вопросъ и канулъ для капитана въ Лету. Онъ былъ для него не болѣе какъ случайнымъ предлогомъ чтобы заручиться посвященіемъ Хвалынцева.

Въ пяти довольно просторныхъ и помѣстительныхъ комнатахъ, составлявшихъ одну холостую квартиру, было говорно и людно. Тамъ ходили, сидѣли, разговаривали, пили чай, курили, спорили и читали человекъ тридцать народу. Это, болѣею частію, была все военная молодежь, въ суртукахъ различныхъ родовъ оружія, и по преимуществу съ „лученымъ“ артиллерійскимъ, либо инженернымъ кантомъ.

Гвардейскій кавалерійскій мундиръ совершенно дружелюбно братался здѣсь со скромными петлицами армейскаго пѣхотинца; зеленый кантикъ пухляка горячо, но приятно спорилъ съ малиновымъ кантомъ лѣсничаго. Изъ партикулярныхъ костюмовъ замѣтны были только чамарка Василія Святки да черный сюртукъ Лѣснацкаго.

Большой раскидной столъ, въ простой гостиной, былъ заваленъ русскими и заграничными журналами, газетами, брошюрами и книгами. Въ смежной комнатѣ, на такомъ же большомъ раскидномъ столѣ, кипѣлъ выхотительный самоваръ, окруженный коллекціей разнокалиберныхъ стакановъ и чашекъ, а рядомъ съ нимъ помѣщалась небольшая батарея бутылокъ, разныхъ закуски и подносъ съ цѣлою горой сухарей, булокъ и пеклеваннаго хлѣба. Во всѣхъ комнатахъ было уже дымно отъ папиросовъ и сигаръ, и вечеръ, несмотря на относительно ранній еще часъ, былъ уже въ полномъ разгарѣ. Надо всемъ этимъ говорливымъ, оживленнымъ обществомъ вѣялъ какой-то духъ молодости, задора и горячки увлеченія.

Тутъ было четверо хозяевъ-сожителей, молодыхъ офицеровъ-академистовъ, которые, подъ предлогомъ „литературныхъ вечеровъ“, еженедѣльно собирали подъ своимъ безцеремоннымъ гостеприимнымъ кровомъ всю эту компанію.

Всѣ члены этого общества, какъ показалось Хвалынцеву, состояли въ довольно короткомъ знакомствѣ между собой, что, впрочемъ, и не мудрено, такъ какъ они были постоянными и нечужбынными посетителями „литературныхъ вечеровъ“ этой холостой квартиры.

Чарыковскій былъ принятъ болѣе чѣмъ радушно: его встрѣтили съ радостью и почтеніемъ. Точно такая же приветливая почтительность выражалась въ отношеніи къ нему со стороны всѣхъ присутствующихъ. По всему можно было замѣтить что капитанъ Чарыковскій играетъ въ этомъ обществѣ оцарь видную роль и пользуется большимъ авторитетомъ. Хвалынцевъ сразу замѣтилъ это, и ему стало особенно прилинымъ то обстоятельство что вводитъ его сюда именно капитанъ Чарыковскій. Обстоятельство это не ускользнуло и отъ вниманія почти всѣхъ остальныхъ членовъ собравшейся компаніи, которые, поэтому, при первомъ же знакомствѣ, оказали студенту радушное и какъ бы товарищеское вниманіе.

Чарыковскій представилъ Константина четыремъ хозяевамъ, а тѣ, въ свою очередь, познакомили его кое съ кѣмъ изъ своихъ гостей.

Найдя здѣсь Лясницкаго и Свитку, Хвалынцевъ, въ первое время, все отыскивалъ глазами Колтышка, но Колтышка не было, и не было его ни въ началѣ, ни въ концѣ вечера.

— А что же Иосифа Игнатьевича нѣтъ? спросилъ онъ между прочимъ у Свитки:—или онъ не бываетъ здѣсь?

— Нѣтъ, бываетъ иногда, но очень рѣдко, отвѣчалъ тотъ съ некоторою неохотою, какъ показалось Хвалынцеву, и тотчасъ же перемѣнилъ разговоръ.

Все общество, въ разныхъ углахъ комнатъ, разбивалось на кружки, и въ каждомъ кружкѣ шли очень оживленные разговоры; толковали о разныхъ современныхъ вопросахъ, о политикѣ; объ интересахъ и новостяхъ дня, передавали разные извѣстия, оплетки и анекдоты изъ военного и административнаго міра, обсуждали разные проекты, разбирали вопросы исторіи, права и даже метафизики, и всѣ эти разнородныя темы обобщались однимъ главнымъ мотивомъ, который въ тѣхъ или другихъ вариацияхъ проходилъ во всѣхъ кружкахъ и сквозь всѣ темы, а этимъ главнымъ мотивомъ были Польша и революція—революція польская, русская, общеввропейская и, наконецъ, даже общечеловѣческая.

Хвалынцевъ замѣтилъ что очень многіе за разрѣшеніемъ спорныхъ вопросовъ обращались къ Чарыковскому, который сидѣлъ въ самой отдаленной комнаткѣ, среди очень небольшого и тѣснаго кружка. Чарыковскій вообще говорилъ мало и держалъ себя весьма сдержанно, но все что произносилъ онъ, носило скорѣе характеръ краткихъ и окончательныхъ приговоровъ чѣмъ споровъ и разсужденій.

Много было толковъ о современномъ состояніи русскаго общества, и всѣ мнѣнія болѣе или менѣе сходились въ томъ что общество теперь наканунѣ огромнаго революціоннаго переворота, при чемъ проводили параллель между Россіей и Франціей 1788 года. Назначалось даже время къ которому обще-русская революція вспыхнетъ необходимо и неизбежно, и временемъ этимъ долженствовалъ быть 1868 годъ, когда окончательно прекратятся временно-обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, а причина будущей

революціи видѣлась въ томъ что помѣщики недовольны и ропщутъ, и что правительство „понадуло“ крестьянъ, и крестьяне будто бы увидать это по прекращеніи обязательныхъ отношеній. Чѣмъ именно правительство „понадуло“, объ этомъ не говорилось, но всё какъ-то единодушно были согласны что понадудло, да и конецъ. У многихъ на устахъ была знаменитая и, какъ видно, модная въ этомъ кружкѣ фраза *Колокола*: „народъ обмануть!“ Говорили и о фискальномъ кризисѣ, и о томъ что Россія не сегодня-завтра—круглый банкротъ.

Въ тѣ времена почти вездѣ и зачастую слышались разговоры на подобныя темы. Хвалынцеву и самому не однажды доводилось разговаривать объ этихъ „матерьяхъ важныхъ“, но въ другихъ домахъ и въ другихъ кружкахъ, при разсужденіяхъ о печальномъ положеніи Россіи, объ зачастую подмѣчалъ какую-то горечь русскаго сердца и боль русской души о своемъ кровномъ, родномъ дѣлѣ. Здѣсь же не могъ не замѣтить объ нѣкотораго здорадства, которое явно сквозило во всѣхъ толкахъ о печальномъ современномъ положеніи. Больше общій вопросъ былъ о томъ какъ встрѣтить будущую русскую революцію образованному и военному сословію.

— Я полагаю, говорилъ одинъ бравый поручикъ въ конноартиллерійской формѣ,—я полагаю что въ русскомъ обществѣ необходимо должны составиться свои центры дѣйствія, которыя противопоставятъ силѣ правительства силу общественнаго заговора.

— Правительство уже бессильно! съ шумомъ возражали ему съ разныхъ сторонъ:—развѣ недостаточно доказательствъ хоть бы въ студентской исторіи? Развѣ всѣ эти стѣснительныя мѣры не доказательство слабости?

— Кружки! центры дѣйствія! возражали другіе:—но любопытно бы знать какъ это организуются они среди *русскаго* общества?

— Какъ бы то ни было, но они, по силѣ вещей, должны организоваться! съ убѣжденіемъ настаивалъ бравый поручикъ:—тихо, или быстро, явно или тайно, это зависитъ отъ силы людей, отъ сближенія, отъ согласія ихъ, но они образуются. Остановиться теперь уже невозможно. Тутъ все можетъ способствовать: и общественные толки, и слово, и

пенать, и дѣло, все должно быть пущено въ ходъ. Задача въ томъ чтобъ окончательно обезсилить власть.

— А войско? возразилъ Хвалынецъ.

— Э, что такое войско? заспорилъ конно-артиллеристъ:—я самъ солдатъ, я знаю! Дисциплина въ нашемъ войскѣ держится только страхомъ палки, шпиль-рутенами, а вотъ походите: отбывать тѣлесныя наказанія, дисциплина разомъ упадетъ до нуля, и войско сбѣгаетъ ручку правительству. Я убѣжденъ въ этомъ, я знаю! Вообще теперь самое полезное — оставлять коронную службу: этимъ власть обезсиливается.

— А я думаю что иногда гораздо полезнѣе вместе *свое* вліяніе въ служебную дѣятельность, скромно замѣтилъ господинъ въ комиссариатской формѣ.

— Да, *иногда!* согласился бравый поручикъ:—но отнюдь не въ гражданской службѣ. Въ военной иное дѣло. Чѣмъ больше будетъ у насъ развитыхъ, образованныхъ офицеровъ, тѣмъ усилится пойдетъ пропаганда: солдаты, во первыхъ, не пойдутъ тогда противъ крестьянъ, когда тѣ подымутся всею землею; во вторыхъ, образованные офицеры не помѣшаютъ освободиться и Польшѣ. Разовьете вы какъ слѣдуетъ пропаганду между офицерами, вы облегчите революцію и вызовете ее гораздо скорѣе. Образованный офицеръ не поидетъ противъ Поляковъ.

— Русскіе-то? Ха, ха, ха!.. всегда пойдутъ! съ презрительною усмѣшкой махнулъ рукою путеецъ.

— Не пойдутъ! настойчиво убѣждалъ поручикъ:—я самъ солдатъ, говорю вамъ, я знаю!.. Не пойдутъ, если будутъ убѣждены что выходъ русскихъ войскъ изъ Польши необходимъ, и если, *conditio sine qua non*, сила правительства будетъ равняться нулю.

— Но что вы заставите ихъ въ этомъ случаѣ разумѣть подъ Польшей? скромно возразилъ Хвалынецъ:—тотъ ли клочокъ земли который извѣстенъ подъ именемъ Царства Польскаго, или...

— Какъ это „Царство Польское“? съ недоумѣніемъ перебилъ его конно-артиллеристъ:—не Царство разумно я, а всю, всю Польшу, какъ она есть, всю, въ границахъ 1772 года! Вся тѣ земли, гдѣ масса народа или говоритъ по-польски, или привязана къ прежней уніатской вѣрѣ, всю Литву, Бѣлоруссію, Волынь, Украйну, Подолю, Малороссію, все это

единая и нераздельная Польша. Иной я не признаю и не понимаю.

— Но вѣдь народъ въ Малороссіи.... снова попытается было возразить Хвалынецъ, но поручикъ не далъ ему даже досказать и заговорилъ еще съ бѣльшимъ жаромъ:

— Народъ!.. Во вѣхъ этихъ земляхъ народъ если и не носитъ официально имени Поляковъ, то все же онъ Полякъ, Полякъ до жюга кости своей, потому что въ немъ жизнь польская, стремленія польскія, духъ польскій; потому что этотъ народъ былъ польскимъ. Этому вѣдь только въ официальныхъ учебникахъ не учатъ, а на дѣлѣ оно такъ! Я это лучше знаю! и вамъ, господа Русскіе, вамъ, честное, молодое поколѣніе, пора, наконецъ, проснуться отъ долгой русской летаріи; и вы сами съ своимъ развитіемъ должны же понять что вамъ первый, священный долгъ освободить Польшу и даже идти за нее передовыми бойцами, потому что освобождая Польшу вы освобождаете и Россію, себя освобождаете! Неужели вамъ, честнымъ юношамъ, не стыдно глядѣть въ глаза всей Европѣ, которая съ презрѣніемъ клеймитъ васъ названіемъ палачей и варваровъ? Смотрите же, наконецъ, это позорное пятно! Докажите цѣлому свѣту что вы честные, справедливые люди, что вы такіе же Славяне какъ и Поляки, и не хотите вѣшать и стрѣлять своихъ братьевъ!

Офицеръ говорилъ бойко, краснорѣчиво, съ энергіей убѣжденія и фанатическимъ жаромъ. Въ его выразительныхъ глазахъ, въ его видной, красивой и энергической наружности, было очень много симпатичнаго и невольно подкупающаго. Поминутныя фразы „я знаю, я это лучше знаю“, фразы которыя указывали на маленькое самолюбіе и маленькую самоувѣренность этого офицера, и которыя въ началѣ чуть было не заставили улыбнуться Хвалынцева, не помѣшали ему однако выслушать очень серьезно всю эту краснорѣчиво горячую тираду. Слова „палачи и варвары“, сопоставленныя со словами „честное молодое поколѣніе“, даже ударили его по очень тонкой стрункѣ молодого самолюбія, а въ послѣдніе дни эта самая струна очень часто и очень ловко задѣвалась графиней Цезариной.

— Вы говорите о насъ, о русскомъ молодомъ поколѣніи, обратилса онъ къ поручику:—неужели вы думаете что мы не понимаемъ, не чувствуемъ сами всѣ эти упреки которыя падаютъ на Россію? Но что же мы можемъ сдѣлать?

Вѣдь все это хорошія слова, мы и сами ихъ хорошо умѣемъ говорить, но вы скажите намъ что дѣлать? Если тутъ нужно дѣло, укажите его!

— Не сидѣть сложа руки, горячо и выразительно началъ офицеръ, методически высчитывая по пальцамъ:—это разъ! Организовать изъ себя кружки, которые и словомъ, и дѣломъ, и вообще чѣмъ только можно, противодействуютъ этимъ безобразіямъ. Затѣмъ, вносить и словомъ, и дѣломъ свою пропаганду въ массы общества; не служить ни въ какой службѣ, исключая какъ во фронтѣ, для подготовки войска, или брать только такія мѣста гдѣ можно имѣть непосредственное вліяніе на мужиковъ, вотъ что нужно дѣлать! И во всякомъ случаѣ, идти рука объ руку съ Поляками, потому что невозможно отдѣлать дѣло польской свободы отъ русскаго дѣла. Помогая Полякамъ, вы только самимъ же себѣ помогаете, не болѣе!

— Но вопросъ въ томъ захотятъ ли Поляки нашего участія? возразилъ Хвалынцевъ:—у насъ къ нимъ одно сочувствіе и ни тѣни ненависти. Но я знаю по трехлѣтнему университетскому опыту, Поляки всегда чуждались насъ; у нихъ всегда для насъ одно только сдержанное и гордое презрѣніе; наконецъ околько разъ приходится слышать намъ отъ Поляковъ слова злорадства и ненависти не къ правительству, но къ намъ, къ Россіи, къ русскому народу: такъ нуждаются ли они въ нашемъ сочувствіи?

Говоря это, Хвалынцевъ думалъ сдѣлать легкій намекъ что не далѣе какъ сегодня же, въ этой самой комнатѣ, все то что въ русскомъ сердцѣ могло бы вызвать только боль и скорбь здѣсь встрѣчало какое-то злорадство. Конно-артилеристъ, казалось, угадалъ его мысль.

— Впервыхъ, вездѣ есть свои фанатики, заговорилъ онъ,— и смотрите на нихъ не болѣе какъ на фанатиковъ. Случалось ли вамъ какъ-нибудь, напримѣръ, вколачивая гвоздь, хватить нечаянно молоткомъ по пальцу и въ первое мгновеніе, съ досадою, а то еще и выругавшись, швырнуть отъ себя молотокъ? Ну, за что вы изругали молотокъ? Вѣдь онъ не виноватъ, онъ только орудіе, но вы выругали его потому что это орудіе причинило вамъ боль, вы вѣдь сдѣлали это почти безсознательно, не такъ ли?

Студентъ согласился.

— Ну, вот то же самое и фанатики! живо подхватили поручикъ:—они чувствуютъ боль и, отуманенные болью, не разбирая, ругаютъ молотокъ, а вѣдь молоткомъ-то является тутъ все же русскій народъ въ рукахъ правительства. А что касается студентовъ, то чего же вы могли и ждать отъ людей угнетенныхъ, задавленныхъ? Кто страдалъ такъ много и долго, тому свойственна и замкнутость, и недоверіе. Вы имъ предлагали доброе слово; предложите теперь доброе дѣло, дайте не риторикѣ, а хлѣбъ насущный, и тогда посмотрите будутъ ли васъ чуждаться. Наконецъ, вы, молодое поколѣніе, должны, со всемъ смиреніемъ, первые протянуть руку дѣла Полякамъ чтобъ искупить долгій историческій грѣхъ вашихъ отцовъ. Фанатиковъ вѣдь немного, а за ними стоитъ цѣлый народъ, который съ надеждой смотритъ на васъ и ждетъ отъ васъ помощи.

Эта бесѣда сдѣлала-таки свое впечатлѣніе на Хвалынцевъ, и впечатлѣніе становилось тѣмъ сильнѣе чѣмъ болѣе старался онъ найти возраженій на доводы собесѣдника, а возраженій межъ тѣмъ не находилось. Студентъ, наконецъ, сознался въ глубинѣ души, что ему больше нечего сказать своему противнику. „Стало-быть, правы все-таки они, а не мы, что же дѣлать? что дѣлать теперь?“ снова поднялся въ немъ старый вопросъ, который уже неоднократно и прежде тысячами сомнѣній тревожилъ, ему и умъ, и совѣсть, а теперь вдругъ сталъ предъ нимъ со всею настойчивою и безпощадною неотразимостью.

Хвалынецъ ясно почувствовалъ что пора наконецъ на что-нибудь рѣшиться.

XVI. Роковые вопросы.

Въ нервно-возбужденномъ состояніи вышелъ онъ на улицу вмѣстѣ со Свиткой. Усаужливый Свитка, подъ тѣмъ предлогомъ что давно не видались и не болтали, вызвался пройтись съ нимъ по пути. Хвалынцеву болѣе хотѣлось бы остаться одному, со своею мучащею, назойливою мыслью, но Свитка такъ неожиданно и съ такою естественною простотою предложилъ свое товарищество что, Константинъ, вѣдътый врасплохъ, не нашелъ даже достаточнаго предлога чтобъ отдѣлаться отъ него. Ночь была ясная и звѣздная.

— Ну что, вамъ не надоѣлъ еще вашъ арестъ? шута, спросилъ Свитка, дорогой.

— Пока еще нѣтъ. А все-таки, скоро ли онъ кончится?

— Теперь ужъ не долго.... Дайте еще только чуточку поупокоиться властямъ предержащимъ, и мы васъ выпустимъ: гуляйте себѣ на всѣ четыре стороны!

Хвалынцеву вдругъ стало даже жалко какъ-то что скоро кончится для него эта предельная таинственной жизни подъ одною кровлею съ женщиной которая все болѣе и болѣе овладевала его помыслами и чувствомъ.

— А какъ вы находите графиню Маржецкую? неожиданно спросилъ Свитка.

— Я ее уважаю, отвѣтилъ вполне серьезно и даже нѣсколько сухо Хвалынцевъ, не желая дѣлать эту женщину предметомъ праздной, легкой болтовни, что чувствовалось по тону вопроса. — А вотъ вы скажите мнѣ лучше кто этотъ конно-артиллеристъ? спросилъ онъ.

— О, это голова!... Кабы такихъ побольше между офицерами!

— Фамилия его?

— Бейгушъ. Онъ съ забранаго края, съ Литвы. А какъ вы его находите?

— Онъ говорить дѣло, и хорошо говорить.

— Еще бы. Я думаю!... А что, пале Хвалынцевъ, помните вы наши послѣдніе разговоры? съ простодушною шутовщицею предложилъ вдругъ Свитка новый вопросъ.

— Разговоры были не такого свойства чтобы можно было скоро забыть.

— Ну, и, говоря откровенно, какъ теперь ваше мнѣніе?

— Вы хотите полной откровенности? Извольте! согласился Хвалынцевъ:—я сочувствую этому дѣлу, сочувствую, какъ мнѣ кажется, на сколько могу, всею душой моею, но....

— Вотъ всегда у васъ это *но* является, смѣясь, перебилъ Свитка:—а вы безъ *но*; говорите прямо!

— Я прямо и говорю вамъ.

— Итакъ, въ чемъ же *но*?

— Но въ томъ, что меня мучитъ одно весьма серьезное сомнѣніе. Я сомнѣваюсь въ себѣ самомъ, въ своихъ силахъ. Въдѣ чтобъ отдаться дѣлу нужно взвѣснить и сообразить многое, и прежде всего нужно знать его.

Свитка помолчалъ немного, обдумывая что и какъ отвѣчать.

— Вы знаете уже достаточно, серьезно заговорилъ онъ: — если вы убѣждены, по собственному опыту, что то положеніе въ которомъ принуждены жить и вы, и мы, есть положеніе невыносимое, если вы чувствуете что не созданы быть малодушнымъ и подлымъ рабомъ, — простите мой рѣзкій языкъ! — и если вы, наконецъ, сознаете что такъ или иначе надо измѣнить это положеніе, вы уже знаете достаточно чтобы рѣшиться. А когда вы окончательно рѣшитесь, то окончательно и все узнаете. Ранѣе же этого знать *все* невозможно: дѣло слишкомъ большое и серьезное. Скажу вамъ пока только то что къ этому дѣлу принадлежать уже не сотни, но тысячи честныхъ и надежныхъ людей по всемъ концамъ Россіи, на всѣхъ, такъ сказать, ступеняхъ общества.

— И вы увѣрены что между этими тысячами не найдетса хоть одного Иуды? спросилъ Хвалынцевъ.

Свитка засмѣялся.

— О, такая увѣренность была бы слишкомъ наивна! возразилъ онъ: — тридцать сребрениковъ для мелкой душонки всегда будутъ достаточною приманкой. Но мы Иудъ не боимся, они для насъ ни мало не опасны. Все дѣло въ организаціи общества, а организація такова что Иуда, во всякомъ случаѣ, можетъ выдать не болѣе трехъ человѣкъ, никакъ не болѣе! Ну, а убыль нѣсколькихъ головъ не повредитъ общему великому строю дѣла, потому что главные нити и пружины, ухъ! какъ далеко и высоко отъ насъ грѣшныхъ!... Каждый членъ имѣетъ свой опредѣленный кругъ обязанностей, и вѣдь этого тѣснаго круга ему ничего неизвѣстно. Вѣдь и тутъ есть своя тайная іерархія и своя постепенность, сразу никому не открывается *все*, а съ расширеніемъ дѣятельности и кругъ зрѣнія расширяется. Наконецъ, противъ Иудъ есть и противодія хорошія: вспомните хоть бы контръ-полицію! Наши сидятъ вездѣ и повсюду и слѣдятъ за всѣмъ, такъ что мы имѣемъ всегда полную возможность предупредить слишкомъ дурныя послѣдствія. А Иуды несутъ заслуженное возмездіе, вѣдь для нихъ существуетъ и специальное дерево — осина! И такъ, все-таки, дѣвъ чемъ же ваше *но*, я не понимаю? спросилъ въ заключеніе Свитка.

— Мое *но*, говорю вамъ, сомнѣніе въ самомъ себѣ, въ своихъ силахъ. Чѣмъ могу я быть полезенъ? что могу сдѣ-

— ать я для дѣла? Соціальное положеніе мое слишкомъ еще маленькое, средства тоже не Богъ вѣсть какія; подготовки къ дѣлу ни малѣйшей! Вы назвали меня солистомъ, но вотъ именно солиста-то въ себѣ я и не чувствую, а быть трутнемъ, какъ подумаю хорошенько, уже нѣтъ ровно никакой охоты.

— Багородная скромность и честное сомнѣніе въ себѣ всегда были и есть отличительными признаками людей медоуживныхъ! менторски серьезно и докторально замѣтилъ Свитка:—одна только пустельга самоуверенна и ни въ чемъ не сомнѣвается. Чтѣ вы изъ солистовъ, то это почувствуете вы сами при первомъ прикосновеніи къ серьезному дѣлу, а за сямъ, вспомните чтѣ сказано: „имѣйте вѣру съ горчичное зерно, и вы будете двигать горами“! Не вѣрьте въ себя, но твердо вѣруйте въ дѣло, въ его правоту и святость, и вы тоже будете двигать если и не горами, то массажи живыхъ людей, которые для насъ теперь поважнѣе горы!

Среди оживленнаго разговора Хвалынцевъ и не замѣтилъ какъ она прошла болѣе половины пути. На углу Мѣщанской и Невскаго проспекта Свитка остановился и подаль на протянь руку.

— Ну, такъ какъ же? въ дѣло или нѣтъ? рѣшительно спросилъ онъ.

Студентъ пожалъ плечами.

— Э, Боже мой! Рѣшайтесь! ободрительно махнулъ рукой Свитка:—рѣшайтесь такъ: aut Caesar, aut nihil.

— А если nihil? сомнительно спросилъ Хвалынцевъ.

— Nihil?... Nihil все-таки лучше чѣмъ рабское прозябанье, чѣмъ эта апатія и нравственная мертвечина! Коли побѣдимъ—честь намъ и слава, а нѣтъ—исторія тоже не забудетъ насъ, да и собственное сознаніе останется что погибли по крайней мѣрѣ не безславно, а за честное дѣло, за братскую свободу. Вѣдь ужьли же гибнуть наши отцы и дѣды въ двадцать пятомъ и тридцать первомъ годахъ. Чтѣ же мы, чортъ возьми, хуже ихъ, что ли? Или ужь мы не дѣти своихъ отцовъ? Вѣдь за насъ и сочувствіе, и любовь, и помощь всей Европы, всего либеральнаго міра! Вѣдь и гибнуть-то такимъ образомъ не каждому такая честь дается! Такъ что же мы, да или нѣтъ?

Хвалынцевъ почувствовалъ какую-то мучительно-трепетную и сладкую тоску.

— Бога ради... Бога ради! взволнованно заговорилъ онъ, крѣпко стискивая руки Свитки:—дайте мнѣ однѣ только сутки, одну только ночь, еще разъ подумать, взвѣсить и открыть самого себя, и я скажу вамъ! Я прошу для того, что не хочу ни себя, ни васъ обманывать.

— Ну, bene! быть по сему! порѣшилъ Свитка и простился.

Хвалынцевъ кликнулъ извожника и повхалъ на Владимірскую.

„Да что же я, наконецъ?! Что я за человѣкъ-то, въ самомъ дѣлѣ? досадливо раздумывалъ онъ:—все ли равно мнѣ какъ ни жить и что ни терпѣть, или нѣтъ? И изъ-за чего не могу я рѣшиться ни туда, ни сюда? Ну, что меня заставляетъ быть не съ ними, что меня удерживаетъ? Что же здесь-то въ самомъ дѣлѣ? Отсутствіе всякаго права, стѣсненіе слова, закрытіе университетовъ, свобода и стрѣмяніе въ крестьянѣ, какъ въ Высокихъ Свѣжкахъ, стрѣмяніе въ Поляковъ, въ безоружныя толпы дѣтей и женщинъ, это все, что ли, такъ мило и достолюбезно? За это, что ли, стою я. Чего же мнѣ жаль-то тутъ?!.. А тамъ, тамъ хоть, можетъ-быть, и мечтаютъ, и увлекаются, да вѣдь какія мечты, какія увлеченія! Какія цѣли великія, и какая подготовка! И такъ, другъ любезный, кто же ты, наконецъ, и за что стоишь ты?“

И съ этими роковымъ, но все еще не разрѣшеннымъ окончательно вопросомъ въ душѣ, Хвалынцевъ вернулся домой, въ квартиру графини Маржецкой.

XVII. Aut Caesar, aut nihil!

Тихо пройдя въ свою комнату, онъ услышалъ звуки роля Человѣкъ на вопросъ его отвѣтилъ что графиня одна и цѣлый вечеръ никуда не выѣзжала изъ дому. Это она играла. Чтобы не прерывать ея игры, Константинъ осторожно вошелъ въ залу освѣщенную одною только матовою лампой, и тихо остановился въ дверяхъ, позади Цезарины. Изъ-подъ ея изящно-блѣдныхъ, тонкихъ пальцевъ гремѣли полнозвучные, могучіе аккорды, и было въ нихъ что-то величественное, грозное и скорбящее. То были звуки какого-то религіознаго гимна, какъ показалось Хвалынцеву. Онъ стоялъ и слушалъ какъ переливались эти звуки, какъ окрылялись они

паращю въ небеса силой, славно грозно молящися стоны и вопли цѣлаго народа, и какъ потомъ стали стихать, стихать понемногу, переходя въ болѣе мягкіе, нѣжные тоны—и вдругъ, вмѣстѣ съ этимъ переходомъ, раздаѣся страстно-пѣвучій, густой и полный контральтъ Цезарины:

Боже, что Польшу родимую нашу
Славою леплялъ столь долгіе вѣки,
Ты, отвращавшій намъ горькую чашу
Бронею своею всемогущей опеки,
Нынѣ къ Тебѣ мы возносимъ мольбы:
Отдай намъ свободу! Пошли избавленья!

Она пѣла по-польски. Константинъ вслушался и узналъ знакомые слова той самой знаменитой „*Boze coś Polskę*“, которую столько разъ декламиривала и переводила ему Цезарина. Но пѣнія ея до сей минуты онъ еще не слышалъ ни разу. Его поразила и этотъ звучный, симпатичный голосъ, и эта страстно-религіозная выразительность самой манеры пѣнія. Онъ стоялъ тихо, почти затаивъ дыханіе, изъ боязни обнаружить свое присутствіе и нарушить имъ вдохновеніе этой минуты. А эта женщина, казалось, вся была полна теперь вдохновенія и религіознаго восторга. Одѣта она была совсѣмъ по-домашнему, въ кашмировый пельюаръ съ черными четками на шеѣ. На рукѣ, открытой гораздо выше кисти, чернѣлъ вороненый браслетъ, въ видѣ каторжной цѣпи. На плечи и спину ея падали густыми, тяжелыми волнами распущенные пепельные волосы—самая модная польская прическа того времени, служившая однимъ изъ символовъ скорби по отчизнѣ. Графиня, когда оставалась дома, почти всегда носила эту прическу, которая придавала еще болѣе оригинальной прелести ея и безъ того оригинальной красотѣ.

Она кончила свой гимнъ, а звуки не переставая торжественно гремѣть и стонать подъ ея пальцами, мало-по-малу перелились въ иные тоны, которые дышали еще бѣльшимъ, почти фанатическимъ религіознымъ экстазомъ, и снова зазвучалъ ее контральтъ:

Съ дымомъ пожаровъ и съ кровію братій
Бьетъ въ небеса нашъ отчаянный голосъ.
Вопли послѣдніе... стоны проклятія...
Съ этихъ молитвъ побѣзаетъ и волосъ!

Этот молящійся женскій голосъ, эти религіозно- торже- ственные звуки, этотъ напѣвъ, полный фанатизма и чего-то трагическаго, и наконецъ самый смыслъ этихъ изступленныхъ и многоскорбныхъ словъ, все это глубоко проникало въ душу юноши и произвело на него потрясающее дѣйствіе. Много поднялось и заговорило въ немъ въ эту минуту: и сладкій трепетъ религіознаго восторга, и упоеніе звуками прекраснаго голоса, и теплое, страстное чувство увлеченія этою женщиной, и боль щемящая, и энергическая рѣшимость все привести въ жертву ради этого идола. Онъ стоялъ какъ ошмыбавый, какъ зачарованный, только внутренняя легкая дрожь пробѣгала по всему тѣлу, да слезы иными мгновеньями готовы были хлынуть....

Цезарина встала изъ-за рояля и только тутъ замѣтила Хвалынцева. Она нѣсколько смугилась этою неожиданностью, но замедлясь на мигъ, прямо подошла къ нему и ясно увидѣла то впечатлѣніе подъ которымъ онъ находился.

Словъ у него не было, но глаза говорили лучше словъ, и Цезарина поняла что это такая минута въ нравственной жизни его внутренняго міра которой нельзя дать пройти безмядно.

— Поздравьте меня: мое знамя готово! Сегодня кончила! свѣтло улыбаясь, протянула она ему руку:—я предпочла остаться нынче дома, и хорошо сдѣлала. Пойдемте, я вамъ покажу.

Въ немъ только что начиналъ еще разсѣваться туманъ очарованія.

— Ну, что же вы стоите? Пойдемте, говорю!

— Постойте... Дайте опомниться... Отчего вы раньше никогда не бѣли?

Цезарина съ улыбкой пожала плечами.

— Такъ... не хотѣлось. Я вообще пою мало и рѣдко, развѣ ужъ потребность такая на душу найдетъ, да и то только когда бываю одна, совсѣмъ одна. Однакоже, мнѣ хочется похвастаться предъ вами моимъ знаменемъ.

И она провела его въ будуаръ—обычное мѣсто ея работы.

Великолѣпное знамя, отороченное золотомъ бахрамой, съ золотыми кистями по концамъ, было уже снято съ плечъ и наброшено, для виду, на высокую спинку широкаго готическаго кресла. Въ немъ, дѣйствительно, было на что полю-

боваться и было чѣмъ похвалиться, и Цезарина сама за-
любовалась на свое произведеніе.

— Все, какъ видите, все сработано моими собственными
руками! говорила она:—никому не уступила я чести прило-
жить къ этой работѣ свою руку! Даже весь матеріалъ, каж-
дую нитку, каждую шелковинку сама покупала. Польское зна-
мя должно быть сработано польскими же руками.

— И знамя вполне достойно дѣла! съ похвалою замѣтилъ
Хвальщевъ.

— А не странно ли! вдругъ сказала она:—вы, Русскій, Мос-
каль, и вы первый увидѣли у меня это знамя, первый узна-
ли про мою работу, на вашихъ глазахъ она кончилась, и да-
же первый похвалили ее вы, Москаль!... Москаль, говорю а!...
Но кто-то первый подыметъ и понесетъ его? съ грустно-
раздумчивымъ вздохомъ добавила она, послѣ короткаго мол-
чанія.

— Найдется человѣкъ! какъ-то неопредѣленно замѣтилъ
Хвальщевъ.

— О! если такой найдется, и если сумѣетъ быть дѣйстви-
тельно героемъ... тихо говорила она, съ тою же блуждающею
по лицу грустно-раздумчивою улыбкой:—да я не знаю на что
бы я не рѣшилась для такого человѣка! Вся благодарность
Польки.... даже.... даже вся душа, все сердце, вся жизнь, вся
любовь моя принадлежала бы этому человѣку!..

— А еслибъ этотъ человѣкъ былъ Русскій, Москаль, какъ
вы говорите? тихо спросилъ Хвальщевъ, у котораго вдругъ
захолонуло сердце.

— Все равно, кто бы ни былъ, лишь бы шелъ за свободу
моей отчизны, лишь бы точно былъ героемъ! съ огнемъ увле-
ченія заговорила Цезарина.

У Константина даже въ глазахъ замутилось. Онъ былъ
блѣденъ. Онъ чувствовалъ что сейчасъ должно свершиться
съ нимъ что-то рѣшительное, роковое и безповоротное. Те-
перь уже, казалось, не самъ онъ идетъ къ этой дѣлѣ, а ка-
кая-то независящая отъ его воли великая, внутренняя сила
сама влечетъ и толкаетъ его дальше, дальше и дальше...

— А если... если я возьму и понесу это знамя? съ трудомъ,
почти задыхаясь, глухо проговорилъ наконецъ Хвальщевъ.

Цезарина долго и серіозно посмотрѣла на него. Онъ не-
отводно глядѣлъ въ ея лицо, какъ бы желая прочесть въ немъ
свой приговоръ.

Она вдруг тихо подняла свои руки и положила къ нему на плечи.

— Если это будетъ такъ, я ваша! медленно и твердо сказала она:—но знайте, только тогда... Тогда, но не раньше!

Хвальцевъ восторженно схватилъ ея руки и сталъ покрывать ихъ безчисленными благодарными и влюбленными поцѣлуями. Онъ не видѣлъ ея лица, не видѣлъ того выраженія и той улыбки которая играла на немъ въ эту минуту, но чувствовалъ что эта женщина близко склоняется надъ его повиженнымъ лицомъ, почти прикается къ самому пачу его; чувствовалъ на горячей щекѣ своей легкое, случайное прикосновение ея душистаго локона; чувствовалъ что она не отрывается и не хочетъ отрывать рукъ своихъ изъ-подъ его поцѣлуевъ, и какое-то странное благоговѣнне къ ней проникало всю его душу.

— Aut Caesar, aut nihil! шепталъ онъ, покрывая восторженными поцѣлуями ея блѣдныя, артистически созданныя руки.

XVIII. С а е с а r.

На другой день рано утромъ графиня Маржецкая отослала съ человѣкомъ къ Иосифу Колтышку записку слѣдующаго содержания:

„Вашъ юный козелъ выдрессированъ отлично. Увѣрена что вы меня похвалите за это. Но онъ мнѣ уже начинаетъ надоедать. Если можно, то уберите его отъ меня и отправьте по назначенію. Онъ, повторяю, совершенно готовъ. Нѣкоторыя подробности передамъ при свиданіи. Ц. М.“

Тотъ же посланный принесъ ей и отвѣтъ:

„Благодарю. И двѣ недѣли назадъ я былъ совершенно увѣренъ въ успѣхѣ, потому что вы слишкомъ обаятельный менторъ. Юнаго козла уберутъ непременно, но я прошу васъ потерпѣть еще дня два, или три, не болѣе. I. К.“

Въ тотъ же день, послѣ обѣда, совершенно неожиданно, посетилъ Хвальцева Святка.

— Ну, пане Константы! Я къ вамъ сегодня радостнымъ вѣстникомъ! заговорилъ онъ, хлопнувъ своею ладонью въ руку студента:—поздравляю! вы свободны, арестъ вашъ конченъ, однимъ словомъ: гуляйте гдѣ благоугодно!

— Итакъ все уже кончено? безъ особенныхъ признаковъ радости спросилъ Константинъ Семеновичъ.

— То-есть, главная-то гроза миновала. Я говорю насчетъ ареста, казематовъ, допросовъ и прочихъ удовольствій, пояснилъ Свитка: — но тутъ еще остаются кое-какія маленькія загвоздки, которыя, впрочемъ, легко будутъ устранены, если только вы сами того захотите.

— Въ чемъ дѣло? Какія загвоздки?

— А это ужъ по части администраціи и университета. Вы этого, можетъ-быть, еще не знаете, а тамъ, что называется выше, рѣшено, буде кто не взялъ матрикулы — долой изъ студентовъ! А кто долой, тѣхъ въ сорокъ восемь часовъ высыпаютъ изъ столицы на мѣсто родины, подъ надзоръ полиціи, если нѣтъ въ Петербургѣ близкихъ родныхъ или надежныхъ поручителей. Однимъ словомъ, очень попечительно! Нашихъ уже очень многихъ выслали на казенный счетъ въ Польшу да въ Литву.... Ха, ха, ха!... Молодцы, ей-Богу! Мы имъ весьма даже благодарны за это. А есть у васъ кто-нибудь изъ родныхъ здѣсь? спросилъ онъ.

— Никого не имѣется.

— Фю-фю-ю!... Ну, эдакъ, пожалуй, черезъ двое сутокъ будете на пути въ Славнобубенскія дебри и веси!... Плохо дѣло!... Надо будетъ, значить, подыскать надежнаго поручителя. Есть въ виду кто-нибудь?

Студентъ сталъ припоминать въ умѣ разныхъ своихъ знакомыхъ и сомнительно пожалъ плечами. Вполнѣ подходящаго и настолько короткаго знакомаго, къ которому можно бы обратиться съ такою просьбой, у него не было на примѣтѣ.

— Право, не знаю теперь.... Надо подумать, сказалъ онъ.

— Ну, вы думайте себѣ, и мы тоже подумаемъ, авось кто-нибудь и выдумаетъ! Надо постараться, весело усмѣхнулся Свитка и взялся за шапку.

— Постойте, остановилъ его Хвалынцевъ:—два слова насчетъ нашего послѣдняго разговора: я рѣшился.

Свитка притворился пріятно удивленнымъ.

— То-есть aut Caesar, aut nihil? или рѣшились прочь?

— Я вашъ и душой и тѣломъ! дѣлайте со мной все что потребуетъ польза дѣла, сказалъ студентъ, и почувствовалъ словно бы, послѣ этихъ словъ, какая-то гора у него съ плечъ скатилась.

Свитка, въ отвѣтъ, молча заключилъ его въ свои объятія и расцѣловался нѣсколькими крѣпкими поцѣлуями.

— Ну, вотъ за это спасибо! радостно проговорилъ онъ:— такъ, полный, нерушимый и братскій союзъ!... Дѣло! что дѣло, то дѣло! А теперь, съ первой же минуты, необходимо сообщить вамъ кой-какія главныя инструкціи. Прежде всего помните пословицу: ѣшь парогъ съ грибами, а языкъ держи за зубами. Это главнѣе всего. Если вы даже и будете знать что такой-то, напримѣръ, принадлежитъ къ организаціи, то все-таки отнюдь не выдавайте ему себя; развѣ ужъ будетъ вамъ поручено какое-либо дѣло лично къ нему; ну, въ этомъ случаѣ можно открыться, и то потому только что необходимость заставитъ. Потомъ не старайтесь узнавать фамиліи принадлежащихъ къ организаціи. Это необходимо въ видахъ обезпеченія общей нашей безопасности. Часто, по какому-нибудь дѣлу, вамъ можетъ быть указанъ человѣкъ совершенно вамъ неизвѣстный. Вамъ не скажутъ ни его фамиліи, ни его квартиры, но сообщать какой-нибудь вѣншній характеристичный признакъ и укажутъ мѣсто гдѣ встрѣтиться, на улицѣ, въ церкви, въ театрѣ, въ трактирѣ, гдѣ бы то ни было. Чтобы подойти и заявить ему себя, вамъ скажутъ заранее двѣ или три цифры, которыя вы можете показать кому-либо на клочкѣ бумажки, либо, еще лучше, просто подойти и сказать это число. Онъ уже будетъ знать что вы свой, и что у васъ есть дѣло лично къ нему. Это, вотъ видите, я поясню вамъ примѣромъ. Напримѣръ, вы и я. Предположите что мы совсѣмъ не знаемъ друга друга. Центръ поручаетъ мнѣ передать вамъ какое-нибудь сообщеніе. Вы имѣете свой собственный, постоянный и неизмѣняемый номеръ; положимъ, что это число будетъ хоть 330,441. Я, во все не зная васъ, подхожу къ вамъ и осторожно, какъ будто про себя и въ сторону, говорю либо три первыхъ, либо три послѣднія цифры вашего числа, смотря по тому которыя изъ нихъ будутъ сообщены мнѣ чрезъ моего непосредственнаго старшаго. Этотъ условный знакъ покажетъ вамъ что я заслуживаю въ извѣстной мѣрѣ довѣрія. Если же я произнесу вамъ полное ваше число, то это значитъ что я заслуживаю полнаго довѣрія. Тогда вы можете, по всѣмъ извѣстнымъ вамъ дѣламъ, говорить со мной совсѣмъ откровенно. Затѣмъ вотъ что: всѣ дѣла ведите болѣе на словахъ, а не на бумагѣ, чтобы никакихъ уликъ не оставалось, а если иногда необхо-

димось и заставить писать, то старайтесь выражаться какъ-нибудь иносказательно или намеками, но никогда не высказывайтесь открыто и прямо. Можете съ осторожностью вербовать себя новыхъ adeptовъ. Обыкновенно вербуйте двухъ, съ которыми вы сами составите тройку. Тройка принята въ основаніе здѣшней организаціи. Три двойки, одна тройка и единица составляютъ десятокъ. Когда ваша двойка навербууетъ въ свой чередъ adeptовъ, вы будете старшимъ, десятникомъ, потомъ сотникомъ, и такъ далѣе. Вотъ и все что вамъ надо пока принять къ свѣдѣнію, но это только пока, на первое время. Итакъ руку, добрый товарищъ!

Хвалынцевъ съ удовольствіемъ подаль ему руку, и они снова расцѣловались. Въ душѣ его, въ эту минуту, заговорило чувство гордаго довольства собою, что вотъ уже сдѣлавъ первый шагъ на томъ пути, идти по которому онъ вчера далъ такое торжественное обѣщаніе графинѣ Цезаринѣ.

— Ахъ, да! Еще одно! спохватился Свитка:—у насъ принято въ сношеніяхъ съ членами, и особенно въ письменныхъ сношеніяхъ, избѣгать собственныхъ именъ и настоящихъ фамилій. Это тоже въ видахъ общей безопасности. Поэтому изберите для себя какой-нибудь псевдонимъ, только псевдонимомъ лучше взять названіе какой-нибудь вещи или отвлеченнаго предмета чѣмъ фамилію, а то, пожалуй, еще qui pro quo какое-нибудь выйдетъ. Что вы хотите выбрать?

Хвалынцевъ подумалъ, и мысль его невольно вилась около Цезарины, царившей теперь и надъ его чувствомъ, и надъ всѣми помыслами.

— Вы мнѣ совѣтывали вчера рѣшиться на Caesar, aut nihil, сказалъ онъ:—я такъ и рѣшился. Пускай же, если нужно, а псевдонимъ мой будетъ Caesar!

— Bravo! захопалъ въ ладоши Свитка, улыбувшись про себя такому мальчиществу:—Bravo! славный и многознаменательный псевдонимъ! Отлично! Безподобно!

„Имя ея, имя Цезарины напоминаетъ“, подумалъ про себя Хвалынцевъ, только ради этого напоминанія и избравшій себя такой псевдонимъ. Въ этомъ было немощко и мальчищества, немощко и рыцарственнаго донкихотства, и много юношеской влюбленности.

XIX. Нежданый шагъ на новую дорогу.

Свитка отсвѣтовала Хвалынцеву тотчасъ же перебираться на старую квартиру. Онъ ему прямо, „какъ старшій“, указывала оставаться у графини Маржецкой до того времени пока будетъ присканъ надежный поручитель, такъ какъ въ противномъ случаѣ полиція могла бы придраться къ экс-студенту и выслать его на родину въ теченіе двухъ сутокъ. Въ сущности же, Свитка дѣлала это для того чтобы вновь завербованный адептъ еще болѣе укрѣпился въ своемъ рѣшеніи, а кто же лучше графини могъ способствовать этому?

На другой день, утромъ, онъ опять заѣхалъ къ Константину, и сообщивъ адресъ конно-артиллериста Бейгуша, сказалъ что Бейгушъ будетъ ждать его нынче въ началѣ восьмого часа, и что Хвалынцевъ непременно долженъ явиться къ нему въ назначенное время.

Хвалынцевъ явился со всею аккуратностью новичка, усердно стремящагося къ исполненію своего долга, что для самолюбія всевозможныхъ добродѣтельныхъ новичковъ вообще бываетъ дѣльно и утѣшительно: это обыкновенно тѣшитъ ихъ на первое время.

Бейгушъ, вопреки ожиданіямъ Хвалынцева, ни полуслова не обронилъ ему насчетъ вступленія его въ тайное общество; онъ не высказалъ по этому поводу ни одобренія, ни похвалы, ни признательности, ни даже какого бы то ни было мнѣнія, а прямо, безъ дальнихъ околичностей, спросилъ его:

- Вы не взяли себѣ матрикулы?
- Не взялъ.
- Стало-быть, вы покончили съ университетомъ?
- По неволѣ покончилъ.
- Въ университетѣ вы посвящали себя какой-либо исключительной специальности?
- Никакой. Я искалъ только университетскаго образованія.
- Для гражданской службы?
- Для чего бы то ни было.
- Не вы думали служить?

— Можеть-быть. Впрочемъ, окончательно я не рѣшалъ еще себѣ этого вопроса.

— Такъ. Но теперь, въ настоящее время, не думаете ли вы посвятить себя какой-либо специальной дѣятельности?

— То-есть, въ какомъ это смыслѣ?

— Въ смыслѣ, наприкладъ, педагога, инженера, агронома, чиновника, врача, технолога, адвоката-юриста, и тому подобное.

— Нѣтъ, не думаю. Вообще, говорю, я не избралъ еще себѣ никакой исключительной дѣятельности.

— Но къ чему болѣе чувствуете себя склоннымъ?

Хвалынцевъ пожалъ плечами.

— У васъ есть какая-нибудь собственность?

— Есть часть имѣнія послѣ дяди и свое кой-какое.

— Можеть-быть, вы хотѣли бы служить по крестьянскимъ учрежденіямъ?

— Да, такая служба, мнѣ кажется, согласовалась бы съ моими способностями и симпатіями; но я пока еще не считаю себя достаточно подготовленнымъ для такой дѣятельности: у меня нѣтъ практическаго, предварительнаго знакомства съ дѣломъ, съ бытомъ крестьянъ. Сначала, полагаю, надо эту сторону дѣла узнать покороче.

— Конечно; это безъ всякаго сомнѣнія. Итакъ, вы пока еще не опредѣлили своего дальнѣйшаго пути?

— Какъ видите.

— Стало быть для васъ, въ сущности, совершенно все равно избрать тотъ или другой родъ дѣятельности?

— Пожалуй, кромѣ шпіонскаго, шутиливо улыбнулся Хвалынцевъ.

Бейгушъ посмотрѣлъ на него вопросительно и серьезно.

— Отчего же такъ? спросилъ онъ:—вы смотрите на это съ очень узкой и притомъ ошибочной точки зрѣнія.

Хвалынцевъ, въ свою очередь, поглядѣлъ на него вопросительно и недоумѣло.

— Да; это такъ! продолжалъ Бейгушъ:—должностей безчестныхъ нѣтъ. Есть только безчестные люди. Вспомните, что не мѣсто красить человѣка, а человѣкъ мѣсто.

— Но какими же судьбами человѣкъ можетъ украшать собою мѣсто шпіона? смѣясь, спросилъ Хвалынцевъ.

Онъ былъ убѣжденъ, что Бейгушъ либо шутитъ не совсемъ-то кстати, либо съ разныхъ сторонъ выпытываетъ его.

— Какими судьбами? переспросилъ поручикъ: — а очень просто! Представьте себѣ что тайная полиція Луи-Наполеона вся наполнена людьми и душою, и тѣломъ преданными революціи; представьте себѣ что нашъ корпусъ жандармовъ, ваши секретныя канцеляріи переполнены прочными людьми нашего направленія: были ли бы возможны аресты, осмылки, неудачныя движенія и взрывы? Положительно нѣтъ! И если въ этихъ учрежденіяхъ есть уже *наши*, то не должны ли мы благодарить ихъ, преклоняться, благословлять, даже благоговѣть предъ великимъ гражданскимъ подвигомъ этихъ самоотверженныхъ людей. Это высшій героизмъ! Это болѣе чѣмъ на баррикадахъ подставить грудь свою подъ пули. На баррикадахъ вы жертвуете только собою и получаете въ награду красивое имя отважнаго героя; здѣсь же вы точно также жертвуете собою, даже лучшею частію своего нравственнаго я, своимъ именемъ, своею честью, и охраняете сотни, тысячи людей, спасаете отъ гибели, можетъ-быть, самое дѣло и въ награду за все несете общественное презрѣніе слѣпыхъ гаупцовъ и непосвященныхъ: въ чемъ же болѣе жертвы? Чтѣ, по-вашему, самоотверженіе, и чтѣ болѣе достойно чести и удивленія?

— Согласенъ; но это уже дѣль оправдывающая средства, замѣтилъ Хвалынецъ.

— Да, дѣль оправдывающая средства! со спокойнымъ и твердымъ убѣжденіемъ подтвердилъ Бейгушъ: — васъ, кажется, пугаетъ то что это правило іезуитовъ? Не такъ ли?

— Признаюсь, я не сочувствую іезуитскимъ правиламъ.

Бейгушъ тихо засмѣялся.

— Не сочувствуете, потому что не знаете ихъ. Это несочувствіе съ чужаго голоса.

На этихъ словахъ поручикъ остановился, замѣтивъ что Хвалынецъ начинаетъ морщиться.

— Но оставимъ іезуитовъ: они сами по себѣ, а мы сами по себѣ. Я сказалъ это такъ только, къ слову, поспѣшилъ онъ оправдаться. — Дѣло не въ іезуитахъ, а въ извѣстномъ принципѣ. Но вѣдь и іезуиты не все же выработывали одну только скверность, выработали же и они что-нибудь хорошее, пригодное и для не іезуитовъ. Отчего жъ бы намъ не позаимствоваться и у нихъ этимъ хорошимъ? Если вы хотите парализовать силы своего врага, бороться съ нимъ оружіемъ если не превосходящимъ, то хотя равнымъ бори-

тею его же оружіемъ. Всѣ почти революціи шли этимъ путемъ; а иначе и заговоръ невозможенъ, и невозможенъ уже потому что онъ, по самой сущности своей, обреченъ на тьму и тайну, пока не настанетъ часъ выказать его со всей прямою, гордо и блистательно. Что дѣлать? такова сущность вещей!

Хвальщевъ не возразилъ ни слова.

— Но мы уклонились въ сторону, продолжалъ поручикъ:— а вамъ хотѣлъ сообщить только мой личный взглядъ, который впрочемъ раздѣляется очень и очень многими, на то что называется шпионствомъ. Я хотѣлъ только сказать что если оно полезно для дѣла, то не слѣдуетъ имъ пренебрегать и гнушаться; собственно, главнѣе-то всего, я хотѣлъ спросить васъ, совершенно ли вы равнодушны къ выбору той или другой дѣятельности?

— По крайней мѣрѣ, специальности у меня нѣтъ еще никакой, отвѣтилъ Хвальщевъ.

— Ну, что вы думаете о военной службѣ?

— Хм... ухмыльнулся студентъ:— я ее не совсемъ-то уважаю.

— Отчего такъ?

— Оттого что, по-моему, самая война есть величайшее зло и безобразіе въ человечествѣ, стало-быть, какъ же послѣ этого. уважать ремесло и орудіе этого безобразія!

— Да, но это безобразіе пока неизбежно, и потому не лучше ли подумать о томъ чтобы сдѣлать зло менѣе вреднымъ для хорошаго дѣла?

— Да что вы съ нимъ подѣлаете?

— Какъ что! Помыслите! Внесите въ войско свою пропаганду, привейте ее къ солдатамъ, подѣйствуйте на ихъ убѣжденія, на ихъ чувства, на совѣсть, и вотъ зло уже на половину парализовано! Коли солдатъ не станетъ стрѣлять въ Полака, такъ вы уже достигли своей цѣли, а когда онъ вообще не захочетъ стрѣлять въ человѣка, въ ближняго, кто бы онъ ни былъ, вы уже на верху торжества своей идеи.

— А если ближній, въ родѣ Турка или Француза, въ меня или въ русскаго солдата вдругъ стрѣлять пожелаетъ? шутя возразилъ Хвальщевъ.

— Не пожелаетъ. Никто не пожелаетъ, если идеи блага проникнуть въ общенародное сознаніе! съ жаромъ отвѣчалъ Бейгушъ:— но для того-то вотъ людямъ нашего закала, нашихъ убѣжденій и нужно, прежде всего, вносить пропаганду въ войско. Если у васъ нѣтъ въ жизни особой специальности,

ступайте въ военную службу, сближайтесь съ солдатами, идите на него, старайтесь въ полках заводить кружки, тайныя общества, а главное—имитируйте въ виду солдата. Вы поступите юнкеромъ, стало-быть вы будете гораздо ближе къ солдату чѣмъ офицеръ, ваши отношенія будутъ проще, короче офицерскихъ, вотъ и постарайтесь этимъ воспользоваться для дѣла,

Хвалынецъ слушалъ молча. Въ душѣ онъ уже во многомъ соглашался съ Бейгушемъ.

— Намъ нужны въ войскѣ хорошіе, прочные дѣятели не изъ корпусовъ, но вотъ именно люди вашего, напримѣръ, развитія, продолжалъ Бейгушъ:—въ войскѣ вы сдѣлаете пользу для дѣла неизмѣримо болѣе чѣмъ на всякомъ другомъ мѣстѣ. И какъ подгажу я на васъ, отчего бы намъ и въ самомъ дѣлѣ не идти? показавъ плечами, остановился поручикъ предъ студентомъ:— молодость и сила у васъ есть, здоровье, даже красота, все это на вашей сторонѣ. И въ добавокъ, есть кой-какое состояніе, значить, жить можно. Ступайте-ка, право, господинъ Хвалынецъ! Я указываю вамъ чудную дорогу.

— Но вѣдь тутъ, кажется, есть множество формальностей для начала, при самомъ поступленіи, усомнился Константинъ.

— Никакихъ! съ живостью предупредилъ Бейгушъ:— то-есть, ровнехонько никакихъ! Ужъ мы вамъ все это дѣло обдѣлаемъ и справимъ, и всѣ хлопоты устранимъ, все пойдетъ какъ по маслу, а вы только ступайте.

— Хорошо, я подумаю, согласился Хвалынецъ.

Прежде чѣмъ окончательно рѣшиться, онъ хотѣлъ еще переговорить съ Цезариной. Идея о военной службѣ захватила его внезапно, врасплохъ. До нынѣшняго дня онъ никогда, ни разу и не помышлялъ даже о возможности для себя военной карьеры. Люди тѣхъ кружковъ въ которыхъ по преимуществу онъ вращался смотрѣли на этотъ родъ службы скорѣе даже неблагоклонными и неуважительными чѣмъ равнодушными глазами, и потому теперь, когда для дальнѣйшей жизни его предстали вдругъ новыя задачи и дѣла, ему показалось какъ-то странно и дико видѣть и сознавать себя вдругъ военнымъ человекомъ, хотя, поразобравъ себя, онъ вовсе не нашелъ въ душѣ своей особенной антипатіи къ этому дѣлу. Онъ хотѣлъ знать теперь какъ взглянетъ на эту идею та женщина для которой онъ чувствовалъ въ себѣ рѣшимость почти на все чего бы она ни пожелала.

Въ тотъ же вечеръ сообщилъ онъ Цезаринѣ о предложеніи Бейгуша, и ждалъ что она встрѣтитъ его слова такою улыбкой какою обыкновенно встрѣчаются всякія несерьюзныя, пустыя идеи. Но Цезарина, сверхъ ожиданія, отнеслась къ этой новости очень серьезно.

— Въ словахъ этого офицера много дѣльнаго, сказала она — да, онъ правъ, потому что дѣйствительно теперь настало такое время что необходимо какъ можно скорѣе подготовить войско, и если вы точно не избрали еще никакой специальности, ступайте! Я васъ благословляю.

— Но я никогда не думалъ.... какъ это, я.... и вдругъ военный....

Оно пожалъ плечами и сомнительно улыбнулся.

— А кто вызывался поднять и нести мое знамя? насмѣшливо прищурилась на него Цезарина: — или, быть-можетъ, вы трусъ, господинъ Хвалынцевъ?

Эта шутка заставила его вспыхнуть яркимъ румянцемъ. Она уязвила его самолюбіе. Онъ почувствовалъ въ этой фразѣ оскорбленіе, но тутъ же въ душѣ сознался что оно вызвано его же собственною нерѣшительностью и сомнѣніями.

— Трусъ ли я, не знаю, отвѣтилъ онъ сдержанно: — можетъ и да, а можетъ и нѣтъ. Это покажетъ дѣло. Но рѣшаясь на такой шагъ, я хотѣлъ только знать ваше мнѣніе.

— Мнѣніе женщины о намѣреніяхъ мужчины распорядиться своею жизнью! проиически замѣтила графиня: — въ этихъ случаяхъ у человѣка должно быть свое собственное мнѣніе.

Хвалынцевъ вновь почувствовалъ себя уязвленнымъ. Ему стало даже мальчишески досадно и на себя, и на Цезарину, и потому именно досадно что показалось будто она смотритъ на него въ эту минуту какъ на мальчика.

— Стоять противъ штыковъ и пуль вовсе не такъ страшно какъ кажется, добавила она послѣ короткаго молчанія: — вотъ все что я могу сказать вамъ, и говорю по собственному опыту.

Это былъ новый чувствительный ударъ его самолюбію. Хвалынцевъ начиналъ уже кусать себя губы отъ смущенія и досады. „Но что жъ это! Или она въ самомъ дѣлѣ считаетъ меня за мальчишку и малодушнаго труса?“ думалось ему. Графиня замолчала и равнодушно занялась просматриваніемъ какой-то брошюры. Константинъ же положительно не чувствовалъ въ себѣ рѣшимости слова заговорить на эту

тому. Молчаніе начинало уже казаться ему тягостнымъ, и съ каждою новой минутой этого неловкаго молчанія, внутренняя, сдержанная досада на самого себя закипала въ немъ все больше и сильнѣе. Наконецъ, онъ какъ-то порывисто сорвался съ мѣста и молча протянулъ ей руку.

— Куда же вы? равнодушно подгляда она на него глаза, изъ-за книги.

— Хочу написать этому офицеру что я рѣшился, сухимъ, но не совсѣмъ-то естественнымъ и внутренне раздраженнымъ тономъ сказалъ Хвалынецъ.

— Къ чему же такая экстренность? замѣтила Цезарина:— это вы успеете сдѣлать и завтра, и притомъ на словахъ гораздо лучше чѣмъ на бумагѣ.

— Если я, графиня, и колебался минуту, смущенно и тихо заговорилъ онъ:—то вѣрьте, это оттого что мнѣ... Ну, да! мнѣ больно, мнѣ тяжело разстаться съ вами!

Последнія слова онъ даже почти выкрикнулъ голосомъ, въ которомъ сказывались и напряженіе досады, и сдержанныя слезы.

— Зачѣмъ же разстаться? съ легкимъ недоумѣніемъ подняла она брови.

— Да вѣдь вы же уйдете отсюда!... Будь я свободенъ, это другое дѣло! я повсюду пошелъ бы за вами, я дѣлалъ бы все чего бы вы ни потребовали!.. Но приковать себя къ службѣ, къ полку...

— Вы должны дѣлать не для меня, а для дѣла которому служите, строго замѣтила она:— но, впрочемъ, что же васъ тутъ особенно беспокоитъ? Мой отъѣздъ въ Варшаву? Ну, поѣзжайте и вы туда! Опредѣляйтесь въ какой-нибудь полкъ изъ тѣхъ что стоятъ въ самой Варшавѣ, вотъ вамъ и разрѣшеніе вашей трудной проблемы!

И вмѣстѣ съ этими словами, она кинула на него ясный, мягко улыбающійся взглядъ, въ которомъ онъ почувствовалъ примиреніе и забвеніе, и свѣтлый и радостный, съ облегченною душой, съ безповоротною рѣшимостью на новое дѣло, Хвалынецъ подошелъ къ своему идолу.

— Такъ, значить, вы благословяете?

— Благословляю, разрѣшаю и отпускаю!

И она, поднявъ руку какъ бы для благословенія, шута и кокетливо дотронулась до его лба кончиками своихъ пальцевъ.

XX. Поручитель.

Черезъ день, рано утромъ, къ Хвалынцеву опять-таки приѣхалъ Свитка.

— Ну, пане Хвалынцевъ, вставайте и какъ можно скорѣй одѣвайтесь!

— Это еще ради чего такъ?!..

— Поручитель вамъ найденъ. Да вѣдь какой поручитель-то! Особа! Превосходительная особа, поймите вы это! Вѣдь съ такимъ поручителемъ вы какъ у Христа за пазухой!

— Да къ чему сейчасъ одѣваться-то?

— Э, батюшка: время! Онъ принимаетъ только до одиннадцати часовъ, а въ одиннадцать къ нему являются съ докладами, а въ двѣнадцать ужъ увѣжаетъ на службу, то-есть преакуратный старикъ, а вамъ скажу! Вы теперь поѣзжайте къ Колтышкѣ: онъ васъ будетъ ждать.

— А къ Колтышкѣ зачѣмъ еще?!

— Ха-ха!... Зачѣмъ!... Да вѣдь мы-то и все дѣло черезъ Колтышку обдѣлали! Самымъ наиполитичнымъ образомъ! Колтышко, спасибо, добрый человекъ, не отказался помочь, а то вамъ плохо было бы!... Ну, такъ живѣй, живѣй одѣвайтесь, батюшка! Нечего мѣшкать!

Въ полчаса Хвалынцевъ былъ уже совершенно готовъ предстать предъ очи особы и поѣхалъ къ Иосифу Игнатьевичу. Тотъ уже дѣйствительно дождался его, и они отправились.

Особа эта состояла на россійской государственной службѣ, въ рангѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, занимала очень видное и даже вліятельное мѣсто, пользовалась съ разныхъ сторонъ большимъ респектомъ, была украшена различными регаліями и звѣздами, имѣла какую-то пожизненную казенную аренду, благопріобрѣтенный капиталъ въ банкѣ, подругу въ Средней Подъяческой, кресло въ оперѣ и балетѣ, авторитетный голосъ въ обществѣ и репутацію въ высшей степени благонамѣреннаго человека, въ высокиихъ сферахъ. Именовалась эта вѣская особа Марианомъ Адабертовичемъ Почебутъ-Коржимскимъ.

Въ передней особы, форменный курьеръ, или вѣстовой снялъ съ обоихъ посѣтителей верхнюю одежду и пошелъ докладывать.

— Ихъ превосходительство изволятъ просить васъ пожаловать въ кабинетъ, отнеся оны по выходѣ отъ особы исключительно къ Иосифу Игнатьевичу.

— Вы подождите пока въ приемной, шепнулъ Колтышко Хваалынцеву.

Кабинетъ его превосходительства обрисовывалъ въ немъ и любителя просвѣщенія, и любителя государственной службы, и любителя прекраснаго пола, и любителя благонамѣренности. Объ изяществѣ и комфортѣ нечего и говорить. Три письменные стола съ дѣловыми бумагами, сенатскими вѣдомостями и сводомъ законовъ краснорѣчиво указывали на разнообразныя государственно-служебныя занятія Маріана Адалбертовича; тысячи полторы томовъ въ изящныхъ дубовыхъ шкафахъ, съ бюстами Сократа, Платона, Демосѣена, Коперника и Мицкевича громко говорили о его любви къ просвѣщенію. Копіи съ Нефовой Наяды, и двухъ нимфъ, мясистая вакханка подъ тѣнью винограда, французскія гравюры изображающія Фанни Эльслеръ, двухъ наѣздницъ и еще что-то въ этомъ же родѣ, наконецъ, двѣ или три большія фотографіи балетныхъ танцовщицъ съ задранными ножками, показывали что сей почтенный старецъ цѣнитъ искусство, пластику и можетъ претендовать на репутацію цѣнителя женской красоты, а цѣлый рядъ портретовъ Императорскаго дома, начиная съ Петра Перваго, убѣждалъ всѣхъ и каждого въ его благонамѣренности и добрыхъ вѣрноподданскихъ чувствахъ.

Несмотря на ранній часъ утра, особа была уже гладко выбрита, въ напомаженномъ и подвитомъ парикѣ, въ форменномъ вицмундирѣ, со звѣздой прячущеюся за лѣвымъ бортомъ. Его превосходительство казался глубокомысленно погруженнымъ въ подписываніе чего-то, когда въ кабинетъ почтительно вошелъ Иосифъ Игнатьевичъ.

— Вы, вѣроятно, съ этимъ студентомъ? снисходительно и мягко улыбулась особа, дѣлая Колтышку округло-мягкій жестъ въ видѣ ручки.

— Ваше превосходительство угадали.

— Такъ оны въ самомъ дѣлѣ стоить чтобы ручаться?

— Это общее мнѣніе людей успѣвшихъ коротко узнать его за послѣднее время.

— Хи.... Не довѣряю я этой русской молодежи!... Нѣтъ въ

нихъ, знаете, этой стойкости, упора.... выдержки настоящей вѣтъ.

— Этотъ человекъ, по отзывамъ, обѣщаетъ быть очень полезнымъ. Онъ съ тактомъ и достоинствомъ держалъ себя, напримѣръ, во всей этой студентской исторіи.

— Глупая исторія! брызгаиво и пренебрежительно двинулъ нижнюю губой его превосходительство.

— Совершенно согласенъ, но она была необходима, возразилъ Колтышко.

— Несвоевременно! пробрызгалъ Почебутъ-Коржимскій:— И что за плоды! Усиленіе полицейскаго надзора, всеобщая репрессія.... По-моему, она только повредила ходу дѣла.

— То-есть, чѣмъ же? скромно возразилъ Колтышко.

— Какъ чѣмъ?! Заставила огаянуться, насторожить уши.... И все что было уже сдѣлано къ должной подготовкѣ молодежи, все это назадъ теперь!

— Н-вѣтъ.... Я позволяю себѣ думать что опасенія вашего превосходительства вѣсколько напрасны, осторожно замѣтилъ Колтышко.—Мы вѣдь ничего серьезнаго и не ждали отъ всей этой исторіи, и не глядели на нее какъ на серьезное дѣло. Она была не больше какъ пробный шаръ—узнать направленіе и силу вѣтра; не болѣе-съ! Польская фракція не выдвинула себя на показъ ни единымъ вожакомъ; стало-быть, никто не смѣетъ упрекнуть отдѣльно однихъ поляковъ: дѣйствовалъ весь университетъ, вожаки были Русскіе.

— Да это я все очень хорошо и самъ знаю! пожала плечами вѣская особа.

— Исторія если и была вызвана съ помощью благоприятныхъ обстоятельствъ, скромно продолжалъ Колтышко, — то единственно за тѣмъ чтобъ опредѣлить почву подъ ногами, и не столько для настоящаго, сколько для будущаго. Надо было узнать на опытъ, насколько подготовлено общество, масса, общественное мнѣніе и, пожалуй, даже войско. Это одво; а потомъ необходимо было знать насколько слабо, или сильно правительство....

— Да въ этомъ-то отношеніи я и прежде понималъ все дѣло точно такъ же, согласился Почебутъ-Коржимскій:—вы мнѣ ничего новаго этимъ не говорите. Дѣйствительно, дѣло не болѣе какъ пробный шаръ, какъ барометръ общественнаго настроенія, это такъ; но зло исторія, по-моему, въ

томъ что теперь огромная масса молодежи лишена своего естественнаго и легально-гарантированнаго центра, какимъ былъ университетъ. Теперь эти силы разбросались, онѣ раздроблены, разъединены. А вліять на людей въ однородной массѣ, или такъ сказать въ кучѣ, въ стадѣ, или вліять на каждаго порознь и въ одиночку, это двѣ совсѣмъ розныя задачи, и вторая несравненно, неизмѣримо труднѣе! Вотъ въ чемъ нанесли вы ударъ самимъ себѣ! И я говорилъ вамъ это и прежде!

— Въ этомъ ваше превосходительство правы, почтительно согласился Иосифъ Игнатьевичъ: — но дѣло далеко не непоправимое.

— А чѣмъ вы его поправлять будете? На поправку нужно время, нужно хотя бы наружное, но полное успокоеніе.

— Время своимъ чередомъ, а успокоенія пожалуй что и не нужно теперь, возразилъ Колтышко:—будутъ составляться кружки, тайныя братства, потайная пресса будетъ давать направленіе,—и для того, и для другаго есть уже достаточно подготовленныхъ дѣятелей,—стало-быть пропаганда пойдетъ своею дорогою, если еще даже не сильнѣе. А дѣло это, кромѣ пробнаго шара, неожиданно дало теперь еще и положительныя хорошія результаты: оно озлобило молодежь, вопервыхъ; вовторыхъ, общественное мнѣніе....

— Что до результатовъ, то я вижу только одинъ хорошій, перебила особа:—и это именно то что правительство распорядилось экстренною высылкой на родину большей части нелитературовѣдцевъ.

— Это-то вотъ я и хотѣлъ сказать вашему превосходительству! съ видимымъ удовольствіемъ подхватилъ Колтышко: — мѣра необыкновенно удобная, необыкновенно кстати! Благодаря ей, сколько энергичныхъ агентовъ и пропагандистовъ разсыялось теперь по Литвѣ, по Польшѣ! Каждый сдѣлаетъ свое дѣло, и дѣло не малое!

Его превосходительство, въ знакъ полнаго согласія, улыбнулся мягкою и многодольною улыбкой.

— Такъ какъ же, ваше превосходительство, насчетъ молодого козла? шутиво обратился къ нему Колтышко.

— Да что жь, я готовъ, пожалуй.... Вы что съ нимъ намѣреваетесь сдѣлать?

— Его убѣдили идти въ военную службу.

— Хм... Это хорошо. Гдѣ же онъ опредѣляется? Здѣсь, въ Петербургѣ?

— То-есть, снарядимъ-то мы его здѣсь, но не въ гвардію, а пошлемъ въ какой-нибудь изъ варшавскихъ полковъ. Тамъ онъ будетъ теперь полезнѣе; а Чарыковскій все это обдѣлаетъ въ главномъ штабѣ и быстро, и хорошо!

— Хм!... Прекрасно! задумчиво одобрила особа: — такъ что жь, пожалуй, кликните сюда этого юношу.

Колтышко ввелъ въ кабинетъ Хвалынцева.

— Иосифъ Игнатьевичъ просилъ меня поручиться за васъ предъ начальствомъ, стереотипно-официальнымъ тономъ обратился Маріанъ Адалбертовичъ къ Константину, не протягивая ему руки и не сажая, для чего, между прочимъ, и самъ поднялся съ мѣста. — Вы, молодой человѣкъ, надѣюсь, очень хорошо понимаете значеніе всякаго поручительства, и потому, конечно, постараетесь поведеніемъ своимъ оправдать то участіе, какое беретъ въ васъ—вотъ—почтеннѣйшій Иосифъ Игнатьевичъ. Я тѣмъ охотнѣе готовъ сдѣлать для него это маленькое одолженіе что и самъ былъ когда-то молодъ, и самъ тоже увлекался, и до сихъ поръ даже сохранилъ любовь къ наукѣ и молодости.... Я не врагъ молодого поколѣнія; напротивъ, я люблю молодое поколѣніе и жду отъ него многого.... м-м.... много хорошаго. Поэтому дѣлаю для васъ тѣмъ охотнѣе....

Хвалынцевъ слегка поклонился.

— Вы, я слышалъ, желаете избрать себѣ военную карьеру?

— Да, я поступаю въ военную службу.

— Хотя я и гражданскій человѣкъ, но.... одобряю! замѣтилъ, съ благосклоннымъ жестомъ, его превосходительство:— военная служба для молодого человѣка не мѣшаетъ.... это формируетъ, регулируетъ.... Это хорошо, однимъ словомъ!... Постарайтесь и на новомъ своемъ поприщѣ стойко исполнить то къ чему зываютъ долгъ и честь, и ваша совѣсть. Я надѣюсь что вы вполне оправдаете ту лестную рекомендацію которую сдѣлалъ мнѣ о васъ многоуважаемый Иосифъ Игнатьевичъ.

Хвалынцевъ еще разъ отдалъ легкій поклонъ.

— Я напишу сейчасъ же маленькую записочку къ свѣтаѣшнему, а вы отправьтесь съ нею къ нему въ канцелярію, дожидитесь его выхода къ просителямъ и тогда вручите ему лично. Я напишу что прошу освободить васъ отъ полицейскаго

надзора на мои поруки и даже прибавлю что вы поступаете въ военную службу. Это ему будетъ приятно, съ улыбкой замѣтилъ, въ скобкахъ, Почебутъ-Коржимскій:—вы передайте его свѣтлости отъ меня что я самъ заѣду къ нему сегодня, если позволятъ дѣла службы. Прощу садиться.

И указавъ Хвалынцеву на стуль, его превосходительство присѣлъ къ столу и въ очень почтительныхъ выраженіяхъ, не въ формѣ записки, но въ формѣ письма, написалъ что онъ покорнѣйше проситъ за студента Хвалынцева и прочее что требовалось въ данномъ случаѣ. Въ этомъ же письмѣ было и извиненіе что многообильныя и важныя дѣла службы лишаютъ его удовольствія выразить лично эту просьбу.

Маріанъ Адалбертовичъ запечаталъ конвертъ собственнымъ перстнемъ и съ мягкою любезностью вручилъ свое посланіе Константину.

— Итакъ, молодой человѣкъ, желаю вамъ успѣха на вашемъ поприщѣ. Прощайте!

И Хвалынцевъ тотчасъ же откланялся.

XXI. Что немножко беспокоило Хвалынцева.

Въ тотъ же самый день Константинъ могъ считать себя совсѣмъ уже свободнымъ человѣкомъ. Поручительство вѣской особы, принятое вполнѣ благосклонно куда онъ былъ адресованъ, становилось теперь болѣе чѣмъ достаточною гарантіей личной безопасности и спокойствія. Оно могло служить какъ бы патентомъ на благонамѣренность молодого человѣка въ глазахъ властей предержавшихъ. Веселый и какъ вельзя болѣе довольный собою, полетѣлъ Хвалынцевъ на извожикъ къ Іосифу Игнатьевичу горячо поблагодарить его за такое существенное участіе къ его особѣ. Въ типографской конторѣ онъ засталъ и Лѣсницкаго, и Свитку и даже самого Колтышка. Всѣ они поздравляли его со счастливымъ исходомъ, а Василій Свитка выказывалъ даже радость и, по видимому, непритворнаго свойства. До прибытія Хвалынцева въ этой самой конторѣ, между этими тремя лицами, происходили нѣкоторыя совѣщанія, предметомъ коихъ между прочимъ былъ и „юный козелъ“, какъ специально прозвали они Константина, въ качествѣ единаго отъ членовъ

многочисленнаго „Панургова стада“. Свитка доказывалъ что хотя Хвалынцевъ и „уловленъ“, тѣмъ не менѣе его пока еще невозможно выпустить на полную свободу: „нянька все еще нужна покуда“, говорилъ онъ, „спусти его съ привази, пожалуй забрыкается“. Возможность этого брыканья Свитка предусматривалъ въ неизбежной встрѣчѣ Хвалынцева съ Горевой. Надо было не допустить этой встрѣчи по крайней мѣрѣ хоть до тѣхъ поръ когда все уже будетъ кончено, когда рекомендательное письмо отъ очень значительнаго лица изъ главнаго штаба къ полковому и дивизионному командирамъ будетъ добыто черезъ Чарыковскаго, когда деньги и подорожная будутъ лежать въ карманѣ, такъ что только бы завтра съѣсть и ѣхать, тогда пусть себѣ на прощанье поводится. Все это могло быть сдѣлано менѣе чѣмъ въ недѣлю времени, и на эти-то дни Свитка думалъ перетащить Хвалынцева къ себѣ на квартиру, подѣ свой ближайшій контроль, ради пущаго развитія и укрѣпленія въ новомъ „символѣ вѣры“. Петербургскій центръ имѣлъ въ виду для Константина довольно значительное, по его соображеніямъ, значеніе въ Варшавѣ, въ сферѣ тайной революціонной дѣятельности, и назначеніе именно такое на которомъ *долженъ* быть отнюдь не Полякъ, но непременно Русскій.

Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, Свиткѣ удалось наконецъ получить согласіе Константина на переездъ въ его квартиру. Они немедленно отправились къ старой хозяйкѣ Хвалынцева, у которой онъ нанималъ себѣ комнату, для того чтобы не теряя лишняго времени сейчасъ же разчитаться съ ней и заняться переездомъ на новое помѣщеніе.

Хозяйка очень обрадовалась внезапному появленію стараго и всегда очень исправнаго въ расчетахъ жильца, и съ первыхъ же почти словъ объявила что въ его отсутствіе какъ-то пріѣзжала сюда какая-то молоденькая барышня, и очень беспокоилась, и спрашивала не извѣстно ли какъ и куда, и когда онъ уѣхалъ, и когда будетъ назадъ, но ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ хозяйка не могла дать ей никакого отвѣта.

— Она оставила записку вамъ, вотъ здѣсь, на письменномъ столѣ, пояснила она въ заключеніе.

„Эге! такъ барышня даже и на квартиру прискакала.... Это неудобно!“ подумалъ-себѣ Свитка, выслушавъ всѣ эти новости, послѣ чего еще болѣе созналъ необходимость поскорѣе

удалить Константина от возможности преждевременной встречи.

Хвалынецъ торопливо кинулся къ письменному столу, гдѣ на виду лежалъ оторванный полулистъ бумаги, въ нѣсколькихъ строкахъ исписанный карандашомъ быстрымъ и тревожнымъ женскимъ почеркомъ.

Свитка внимательно слѣдилъ за выраженіемъ его лица и видѣлъ какъ тревожно забѣгали его глаза по этимъ косымъ строчкамъ.

„Бога ради, гдѣ вы и что съ вами?“ стояло въ этой запискѣ.— „Эта ужасная неизвѣстность въ конецъ измучила меня. Я просто голову потеряю. Если вы вернетесь въ эту квартиру живы и здоровы, то, Бога ради, не медля ни одной минуты, сейчасъ же пріѣзжайте къ намъ. Все равно въ какое время, только пріѣзжайте. Если же нельзя, то хоть уведомите. Я жду. Ваша Т.“ „Мы перемѣнили квартиру. Адресъ: Литейная улица, домъ №№.“

Свитка подмѣтилъ какъ какое-то сильное движеніе внутренняго недовольства нервически передернуло личные мускулы Хвалынцова.

Онъ еще разъ перечиталъ записку, и молча опустился въ кресло, полуприкрывъ глаза рукой.

Странное дѣло! Въ послѣдніе дни онъ даже какъ-то совсѣмъ забылъ про Гореvu. Въ головѣ его ни разу не мелькнулъ вопросъ: „Что съ ней? Что она думаетъ объ его странномъ отсутствіи? Какъ на нее должна дѣйствовать эта томительная неизвѣстность?“ Предъ его помыслами, предъ его душой и сердцемъ, въ его воображеніи, въ его волѣ и желаніи стояла только Цезарина и Цезарина, вездѣ и во всемъ лишь она одна, всецѣло и нераздѣльно. Всѣ эти дни онъ жилъ какою-то усиленною, напряженною и одурманенною жизнью, среди какого-то фантастическаго міра затаенно-страстныхъ внутреннихъ ощущеній, подъ царящимъ обаяніемъ необыкновенной и могучей, какъ казалось ему, женщины, а теперь этотъ болтливыи разказъ квартирной хозяйки и эти нѣсколько строкъ, написанныя тревожною рукой и дышашія такимъ взволнованнымъ чувствомъ тоски и любовью, разомъ спустили его изъ міра восторженныхъ грезъ въ дѣйствительность настоящей жизни.

Онъ почувствовалъ острый уколъ укоризны, который нанесла ему его собственная совѣсть. Онъ ясно сознавалъ всю

глубокою неправду свою предъ этою любящею дѣвушкой, и въ томъ что его одолѣло новое чувство къ другой женщинѣ, и въ томъ что послѣ этой записки сѣдовало бы сейчасъ же, бросивъ все, летѣть къ ней, а между тѣмъ на такой подвигъ онъ рѣшительно не чувствовалъ въ себѣ силы. Поѣхать къ ней, успокоить, обрадовать ее, быть съ нею какъ прежде,—а возможно ли это теперь быть съ нею какъ прежде? Притворяться, играть комедию? Но это не честно, да и къ чему же оно поведетъ въ концѣ концовъ-то? Осудить себя за чувство къ Цезаринѣ, задушить его, выгнать его вонъ изъ сердца, — но опять-таки возможно ли это, когда это чувство, Богъ вѣсть какъ и когда, незамѣтно и неволью, но такъ могуче овладѣло имъ, когда изъ-за него онъ всю будущаость, всю жизнь свою поставилъ уже на карту когда безповоротно сказано себѣ: „aut Caesar, aut nihil“; когда наконецъ и теперь, послѣ этой записки, послѣ всѣхъ колючихъ укоровъ совѣсти, послѣ признанія своей неправоты, это проклятое чувство наперекоръ всему—и разсудку, и долгу, и совѣсти, — вотъ такъ и взмываетъ его душу какъ птицу въ ясную высь, въ неизвѣстную даль, и все заглушаетъ, все уничтожаетъ собою. И посреди этого внутреннего хаоса, въ его душѣ ясно стоитъ одинъ только яркій и чудный образъ Цезарины, съ ея знаменемъ въ рукахъ, съ ея героическимъ призваніемъ, съ ея обѣтомъ полной и беззавѣтной любви, и вотъ такъ и манитъ, такъ и влечетъ къ себѣ словно сверхъестественною, чарующею силой.

— Ну, батюшка, некогда мечтами заниматься! Время и за дѣло! Давайте-ка собираться поскорѣе, да разчитывайтесь съ хозяйкой! настойчиво заторопилъ его Свитка, и юноша по первому его слову озабоченно захопоталъ со своими сборами. Онъ обрадовался первой возможности ухватиться за какое-нибудь дѣло, а тѣмъ болѣе за дѣло не терпящее отлагательства, для того чтобъ этимъ дѣломъ, хотя бы механически, перебить наплывъ своихъ тяжелыхъ мыслей и ощущеній, и для того, наконецъ, чтобы въ немъ найти баюкающій предлогъ и оправданіе самому себѣ въ томъ что не летитъ тотчасъ же къ Горовой по ея призыву. Этими сборами, этимъ нетерпачимъ дѣломъ, онъ просто вильнулъ предъ собственною совѣстью, просто думалъ обмануть себя, стакнуться съ самимъ собою, и все это оттого что въ данную

минуту рѣшительно не чувствовалъ въ себѣ силъ исполнить мощную просьбу дѣвушки, и самъ съ собой нерѣшилъ еще какъ быть и что дѣлать относительно ея дальше.

Сборы были не долгіе, и часа чрезъ полтора Хвалынцевъ уже переѣхалъ на квартиру Свитки. Онъ рѣшилъ себѣ что во всякомъ случаѣ надо поѣхать къ Горевымъ. Пришла было ему мысль замѣнить собственное посвѣщеніе письмомъ, и онъ даже сѣлъ къ столу и принялся за писаніе, но дѣло какъ-то не клеилось.

„Нѣтъ, прямо и на словахъ лучше!“ порѣшилъ онъ наконецъ, бросая перо. „Слова нѣтъ, оно тяжело, очень тяжело и ей, и мнѣ будетъ это объясненіе, но все же лучше прямо!.. Надо ѣхать самому....“

Но рѣшивъ что надо ѣхать, Хвалынцевъ все-таки не ѣхалъ. Все что-нибудь да останавливало, задерживало, мѣшало ему исполнить это намѣреніе. Въ сущности же ничто не мѣшало, и ничто, при твердой волѣ, не могло бы остановить, еслибы самъ Хвалынцевъ не радъ былъ придратъся къ малѣйшему предлогу чтобъ отсрочить часъ своего посвѣщенія. Все ему было некогда. Утромъ онъ говорилъ себѣ что поѣдетъ послѣ обѣда или вечеромъ. Но тутъ подвертывался Свитка съ какимъ-нибудь дѣломъ, съ какими-нибудь наставленіями и инструкціями касательно будущихъ дѣйствій въ Варшавѣ, то надо было брать изъ университета бумаги, писать прошеніе объ опредѣленіи въ военную службу и отвозить все это къ Бейгушу, то вдругъ Свитка тащилъ его затѣмъ-нибудь къ Лѣсницкому, или на „литературный вечеръ“, въ „кружокъ“ Офицерской улицы, то вдругъ графиня Цезарина присылала сказать что нынче она ждетъ къ себѣ Хвалынцева обѣдать, и вотъ такимъ образомъ, глядишь, день и промелькнулъ, а къ Горевымъ все-таки не съѣзжено.

— Ахъ, Боже мой, опять!.. Да когда жъ я, наконецъ, поѣду!.. Вѣдь нужно, вѣдь это необходимо! Вѣдь это подло же, наконецъ, не ѣхать! горько и мучительно посылаалъ себѣ Константинъ укоры, ложась въ постель, и вслѣдъ затѣмъ баюкалъ себя твердымъ рѣшеніемъ: Ну, ужъ завтра баста! Завтра утромъ непременно поѣду!

Но наступало завтра, и рѣшеніе изъ столь твердаго „непремѣнно“ переходило въ шаткое: „надо съѣздить“; а тутъ опять подвертывается препятствующій случай, и „надо съѣздить“ отлагалось до вечера. И такъ шель день за день.

Хвалынцевъ чувствовалъ что относительно Татьяны у него не чиста совѣсть, а чѣмъ дольше тянутся эти проволочки, тѣмъ не чище и тяжеле становится на совѣсти, но признаться въ томъ самому себѣ, безпощадно обнажить предъ собою это нехорошее чувство, назвать его настоящимъ именемъ, у него духу не хватало. Онъ какъ бы старался закрыть себѣ глаза, забыться, закружиться въ какомъ-нибудь вихрѣ, и не могъ: укоряющее чувство, нѣтъ-нѣтъ, да все-таки колюче больно, до стыдливой краски въ лицѣ, вставало предъ нимъ во многія минуты этихъ дней. Такъ часто бываетъ съ людьми которые знаютъ что имъ нужно, на примѣръ, съѣздить туда-то и сдѣлать то-то, но которымъ исполнить это почему-либо неприятно или неловко, совѣстно, тяжело, и они день за день откладываютъ свое рѣшеніе, и съ каждымъ днемъ исполненіе принятаго рѣшенія становится для нихъ все труднѣе, все неловче и тяжеле, тогда какъ сразу, по первому порыву, оно было бы неизмѣримо и легче, и проще, и короче. Такъ точно было и съ Хвалынцевымъ, и онъ хорошо чувствовалъ все это, но.... все-таки баюкалъ и обманывалъ себя разными оправдательными предлогами, не смѣя или боясь сознать въ себѣ малодушную нерѣшительность. Человѣкъ всегда склоненъ думать о себѣ лучше чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, внутри своей сокровенной сущности.

XVI. Последнія инструкціи.

Однажды утромъ къ двумъ новымъ сожителямъ пріѣхалъ Бейгушъ.

— Ну, поздравляю васъ! съ торжественнымъ видомъ обратился онъ ко Хвалынцеву:—письмо уже послано въ дивизію вмѣстѣ съ бумагами. Да вѣдь какое письмо-то, батюшка! Какая рекомендація! Да послѣ этого, знаете ли вы, полковой-то командиръ предъ вами просто на заднихъ лапкахъ станетъ ходить! Ха-ха!... Теперь вы, можно сказать, почти уже и опредѣлены. Стоять будете въ самой Варшавѣ, при полковомъ штабѣ. Ну-съ, нижній чинъ! Что же вы? Извольте встать и вытянуться предъ офицеромъ! Руки по швамъ! весело шутилъ онъ:—вѣдь я теперь въ нѣкоторомъ родѣ начальство надъ вами. А и лихой же солдатъ будетъ! ей-Богу лихой!... Ха-ха-ха!... Вотъ какъ мы скоро васъ обдѣлали! Разъ, два и готово!

— Дѣйствительно скоро! удивился Хвалынцевъ, никакъ не ожидавшій такой быстроты.

— Потому что, батюшка, все это въ нашихъ рукахъ, все мы этимъ орудуемъ! самодовольно похвалился Бейгушъ: — а вотъ вамъ кстаги ужъ и подорожная готова. Озаботился, батюшка, самъ взялъ чтобы васъ отъ лишнхъ хлопотъ избавить! объявилъ онъ, подавая Хвалынцеву бумагу:— а остальные документы всѣ уже посланы съ письмомъ же. Ну-съ, довольны вы такою, по истинѣ, воинскою быстротой?

— Я даже и опомниться не успѣлъ, улынулся Хвалынцевъ.

— То-то же вотъ и есть! А вы только служите своему дѣлу какъ слѣдуетъ, понимаете-съ? Какъ слѣдуетъ: умно, ловко, дѣятельно, такъ только ротикъ разинете, какъ увидите съ какою быстротой пойдетъ служебная карьера-съ!... Ха-ха-ха!... И повышенія, и отлучія, и все это будетъ!

— Да я къ этому равнодушенъ, махнулъ рукой Константинъ.

— Вы равнодушны, да мы-то неравнодушны! возразилъ Бейгушъ:— для насъ необыкновенно важно чтобы въ ту минуту когда наступитъ для насъ полное торжество, наши люди возвышались надъ массами не однимъ только личнымъ вліяніемъ, но и внѣшними отлучіями. Декорумъ, батюшка, великая вещь! Декоруму-то вѣдь массы скорѣе и охотѣе подчиняются. Вы, напримѣръ, юнкеръ, а я поручикъ; и вы, и я, положимъ, оба имѣемъ нравственное вліяніе на солдата, но будь-ка вы полковой командиръ, а я дивизионный — вліяніе-то наше вѣдь на сто градусовъ поднялось бы!... Будь-ка въ головахъ полковыхъ колоннъ все наши люди—ге-ге!... Посмотрѣли бы вы что изъ этого вышло бы!... Но оно и будетъ! Оно и будетъ такъ! одушевленно заключилъ поручикъ, со всею полнотою и твердостью искреннаго убѣжденія.

— Когда же я могу ѣхать? освѣдомился Хвалынцевъ.

— Да хоть завтра. Чѣмъ скорѣй тѣмъ лучше. Деньги на дорогу есть?

— Есть пятьсотъ рублей свободныхъ.

— Ну, на первое время въ Варшавѣ этого будетъ очень и очень достаточно, а еслибы тамъ, сверхъ ожиданія, вдругъ понадобились деньги, то я вамъ предъ отъѣздомъ дамъ одинъ адресъ и маленькій бланкъ; съ этимъ бланкомъ вы явитесь по адресу, и вамъ въ известной степени будетъ открытъ кредитъ. Ну-съ, а теперь главная суть дѣла: центръ назначаетъ васъ членомъ варшавскаго отдѣленія русскаго

общества „Земля и Воля“. Главная ваша цѣль—пропаганда въ войскѣ, а частности и подробности, и вообще указанія своей дѣятельности вы узнаете уже на мѣстѣ отъ представителя. Номинація ваша на эту должность послана уже въ Варшаву. Ваше число (Бейгушъ вынулъ свой бумажникъ и прочелъ въ записной книжкѣ)... ваше число, на всякій случай, будетъ 7.342. Запишите его у себя и запомните. И вотъ вамъ еще одинъ адресъ, сказалъ онъ, подавая Константину ключокъ бумажки:—вы отыщите по немъ поручика Палявицу, и когда вы придете къ нему, то подайте ему еще вотъ этотъ ключокъ, и это, смотрите, не забудьте сдѣлать при первой рекомендаціи, прежде всего. Это очень важно. Да смотрите, не потеряйте его какъ-нибудь!

Хвалынцевъ принявъ изъ рукъ Бейгуша еще одинъ новый ключокъ бумажки, зигзагами оторванный съ одной стороны, на которомъ было написано: *заслуживъ*. Писаніе это доходило какъ разъ до оторваннаго края, а продолженіе слова или фразы, очевидно, должно было находиться на другой половинѣ этой бумажки.

Константинъ съ недоумѣніемъ поглядѣлъ на Бейгуша.

— Чтѣ же это должно означать? спросилъ онъ.

— А, это необыкновенно важный ключокъ! Это для насъ все равно что вашъ паспортъ, или и вашъ нравственный аттестатъ, пояснилъ поручикъ.—Вы видите что эта бумажка оторвана зигзагомъ; ну, такъ вотъ другая ея половинка отослана уже въ Варшаву вмѣстѣ съ вашей номинаціей, а тамъ ужъ она будетъ передана Палявицѣ, и когда вы къ нему явитесь и предъявите вашу половинку, то онъ свѣритъ ее со своей, и это будетъ для него подтвержденіе что вы действительно то самое лицо на чье имя у нихъ имѣется номинація. На той половинкѣ обозначена и степень довѣрія, на которую вы имѣете право. Такъ вы сами видите теперь что ключокъ этотъ весьма важенъ, заключилъ Бейгушъ:—въ такомъ великомъ дѣлѣ, батюшка, надо имѣть въ виду всѣ случайности и обезопаситься всевозможными предосторожностями. Это необходимо!

Бейгушъ торопилъ его отъѣздомъ, да Хвалынцевъ и самъ желалъ поскорѣй разстаться съ Петербургомъ, уйти въ новую среду, въ новую заманчивую дѣятельность, гдѣ ему въ непродолжительномъ времени предстояла встрѣча съ графиней Цезариной, уже на варшавской почвѣ. Онъ рѣшилъ

выѣхать завтрашній же день, а на сегодня сдѣлать кое-какія послѣднія приготовления къ отъѣзду, и въ послѣдній разъ заѣхать къ Цезаринѣ, проститься до новаго свиданія.

Не теряя времени, онъ тотчасъ же выѣхалъ изъ дому.

XXIII. „Довольно!“

„А вѣдь надобно заѣхать къ Горевымъ; вѣдь это невозможно же уѣхать такъ, не повидавшись, не простившись.... Совсѣмъ даже неблаговидно выходить,“ думалъ Хвалынцевъ, проѣзжая по Невскому. И вдругъ, обращая къ самому себѣ всѣ эти укоризненные наставленія, онъ замѣтилъ случайно что на встрѣчу ѣдетъ кто-то, какъ будто очень похожа на Татьяну Николаевну, и въ этотъ самый мигъ болезненно почувствовалъ что его словно жаромъ всего обдало. Спѣшно юркнулъ онъ лицомъ въ бобровый воротникъ шинели и спрятался въ немъ. Это было какое-то скорѣе безотчетно-инстинктивное чѣмъ сознательное движеніе. Но поровнявшись со встрѣчною женщиной, Константинъ робко кинулъ на нее искоса пытливыи взглядъ и увидѣлъ что онъ ошибся. Это была не Татьяна Николаевна. Ему стало совѣстно и стыдно на самого себя.

„Фу, Боже мой, какая я дрянь однако! презрительно и съ досадою подумалъ онъ: а еще въ заговорщику собрался! И чего это я струсилъ?... И вдругъ, словно мышенокъ въ норѣ юркнулъ.... Экая подлость сидитъ въ человѣкѣ-то! И зачѣмъ я прячусь, зачѣмъ я давно не ѣду къ ней? Чтѣ это за странная боязнь! Сдѣлалъ я противъ нея какое-нибудь низкое, черное дѣло? Нѣтъ. Разлюбилъ ее, полюбилъ другую? Да! Въ этомъ и все дѣло! Но любя, давалъ ли я ей какія-нибудь клятвы, обѣщанія? Никакихъ.... Объ этомъ чувствѣ ни слова, даже намекъ яснаго не было сдѣлано между нами.... Отношенія не заходили далѣе простаго поцѣлуя руки, да и то я не всегда позволялъ себѣ: такъ чего же я мнусь и прячусь? Это была скорѣе хорошая, теплая дружба, чѣмъ.... это чувство. И развѣ я виноватъ что полюбилъ другую? Развѣ я искалъ этого?... Случай, судьба — и только!“

Такими-то софизмами оправдывалъ себя Константинъ Семеновичъ, и въ нихъ почерпалъ для себя необходимую бодрость и твердость для предстоящаго посвященія. Онъ

порѣшил ѣхать сейчасъ же и приказалъ извозчику повернуть на Литейную. А какое-то внутреннее ноющее чувство все-таки копошилось въ немъ, несмотря ни на какія успокоительные софизмы, и порою изподтишка смутно шептало ему что онъ все-таки что-то не хорошее дѣлаетъ относительно любящей его дѣвушки.

„Ну, какъ бы тамъ ни было, а ужъ теперь поздно!“ злобно рѣшилъ онъ, вставая съ извозчика предъ домою гдѣ жили Горевы: „Пусть оно и не хорошо.... Пусть даже подло, но.... Цезарина.... Это женщина которая и изъ подлеца сдѣлаетъ честнаго человѣка, и изъ честнаго — подлеца!.. А она для меня — все!.. Помоги же мнѣ, Цезарина!“

И съ этою мыслью онъ остановился предъ дверью квартиры Горовыхъ.

Въ тотъ день когда Хвалынцевъ явился къ Татьянѣ Николаевнѣ съ анонимнымъ письмомъ и по ея убѣжденію отправился на послѣднюю студентскую сходку, окончившуюся извѣстною катастрофой, молодая дѣвушка нетерпѣливо ждала его возвращенія. Но прошелъ цѣлый день, прошелъ вечеръ, онъ не вернулся. Ею овладѣло сильное безпокойство. Поутру она нарочно поѣхала къ однимъ своимъ знакомымъ, узнать какого рода происшествія были вчера предъ университетомъ. Тамъ разказали ей какъ было дѣло, даже со множествомъ не существовавшихъ подробностей, которыя тогда въ изобиліи плодились въ городскихъ толкахъ. Татьяна вернулась домой взволнованная и разстроенная. Ей уже чудилось что Хвалынцевъ не то убитъ, не то израненъ, не то сидитъ теперь въ Петропавловскихъ казематахъ, и Богъ вѣсть какъ и на сколько продлится его заключеніе, и что-то будетъ еще потомъ? чѣмъ-то все это кончится?..

Все это представлялось ей съ ясностью неизбежнаго, несомнѣннаго и почти уже совершившагося факта, и во всемъ случившемся съ Хвалынцевымъ, она укоряла и обвиняла только себя: „Не приди мнѣ эта нелѣпная мысль посоветовать ему ѣхать туда, ничего бы этого не было! Онъ остался бы и цѣлъ, и на свободѣ, думала она:—а теперь.... все я, одна я всему причиной! И не все ли равно для меня что какіе-то дураки будутъ о немъ того или другаго мнѣнія? Вѣдь я-то сама знаю, я-то вѣдь убѣждена что онъ честный, чего же мнѣ болѣе!.. Онъ изъ-за меня теперь терпитъ, мучится... за что?!“

Она не знала что ей дѣлать, къ кому обратиться чтобы узнать о судьбѣ Константина; а время шло, и съ каждымъ часомъ тщетнаго ожиданія росла ея тоска и мучительное безпокойство. Она поѣхала въ правленіе университета, въ надеждѣ не знаютъ ли тамъ о немъ чего-нибудь. Въ это время къ ея теткѣ пріѣхалъ въ гостиницу Василій Свитка и привезъ свое темное, но все-таки успокоительное извѣстіе. Татьяна стала ждать что называется, у моря погоды. Въ университетѣ она узнала отъ швейцара, на всякій случай, прежній адресъ Хвалынцева, и когда прошло болѣе недѣли, а Свитка все не появлялся вторично и о Хвалынцевѣ ни слуху, Татьяна снова затосковала. Опять ей стали мерещиться разные страхи и ужасы, которымъ онъ, по ея заключенію, долженъ былъ подвергаться въ это время и, наконецъ, въ этой тоскѣ не овладѣла она со своимъ неутомимымъ сердцемъ: и поѣхала къ нему на квартиру. Это пообщеніе точно также не принесло ей ничего утѣшительнаго. Въ смутной надеждѣ что авось онъ вдругъ и вернется какъ-нибудь, полувѣря и полуневѣря этому, она, на всякій случай, написала ему тутъ же нѣсколько строкъ на первомъ попавшемся клочкѣ бумаги.

Но и съ тѣхъ поръ прошло уже болѣе полуторы недѣли, а о Константинѣ ни слуху, ни духу. Татьяна въ концѣ истосковалась. Отъ вѣчно-тревожной одной и той же думы и бессонныхъ ночей, она осунулась и поблѣднѣла. Она совсѣмъ перестала показываться на свѣтъ Божій, никуда не выѣзжала, сидѣла большею частію въ своей комнатѣ, или бродила безъ цѣли по своей квартирѣ. Все ей опостылѣло, все раздражало, и работа, и чтеніе; просто рукъ ни къ чему приложить не могла. Тетка серіозно стала опасаться за ея здоровье. Въ то время они уже переѣхали на постоянную квартиру, которая, по случаю временнаго отъѣзда хозяйки, сдавалась на шесть мѣсяцевъ со всею мебелью и принадлежностью. Для старушки это была истинная находка, и съ тѣхъ поръ она всегда съ большою похвалою относилась о полицейскихъ вѣдомостяхъ, въ которыхъ помѣщаются такіа полезная объявленія.

Татьяна Николаевна была одна. Тетка отправилась къ позднему обѣднѣ ко „Всѣмъ Скорблящимъ“, и еще не возвра-

щалась. Часовая стрѣлка показывала еще только двѣнадцатый часъ въ началѣ.

Вдругъ звякнулъ колокольчикъ, и Татьяна услышала въ передней знакомый голосъ, который спрашивалъ ее.

Вся кровь прихлынула ей къ сердцу, и застучало оно порывисто и шибко. Какъ стояла, такъ и осталась она на мѣстѣ, словно оцѣмѣла вся. Послѣ столькихъ дней напраснаго ожиданія, ей смутно представлялось что это не сонъ, что это дѣйствительность. Но она боялась повѣрить что это все наяву, что это точно его голосъ.

Въ комнату вошелъ Хвалынцевъ.

— Голубчикъ!... Милый ты мой!... Здравствуй! стремительно кинулась она къ нему, вся внѣ себя отъ счастья, радости и восторга.

Это печальное *ты*, еще впервые только сорвавшееся для него съ ея устъ, словно обожгло его. Столь сильный и неожиданный порывъ смутилъ молодого человѣка. Онъ почему-то ждалъ болѣе обыкновенной и болѣе сдержанной встрѣчи. Не допуская себя принять ея объятія, радостныя до полного самозабвенія, онъ, отступя на шагъ, тихо встрѣтилъ ее простертыя къ нему руки и съ чувствомъ, но очень сдержанно пожалъ ихъ.

— Здравствуйте, Татьяна Николаевна, сказалъ онъ, стараясь казаться спокойнымъ.

Та, не отнимая отъ него рукъ, отшатнулась легкимъ движеніемъ назадъ и съ недоумѣніемъ заглянула ему въ глаза.

— Развѣ такъ друзья встрѣчаются послѣ такой разлуки?

— Мнѣ нужно поговорить съ вами, Татьяна Николаевна.... Я не надолго.... Я пріѣхалъ проститься.... Завтра уѣзжаю....

Внутренняя тревога и смущеніе, несмотря на напускной спокойный тонъ, сквозили въ невольной отрывистыхъ и мало связанныхъ фразахъ Хвалынцева.

Татьяна еще съ большимъ недоумѣніемъ поглядѣла на него.

— Чтѣ?... Проститься?... Уѣзжаете?... Какъ это.... куда уѣзжаете? Зачѣмъ? пролепетала она.

— Да не близко ѣду.... Можетъ и не увидимся больше.

— Господи, да чтѣ это все такое!... Гдѣ вы до сихъ поръ-то были, говорите мнѣ!

— Я уѣзжаю изъ Петербурга.... и.... сегодня только пріѣхалъ, согалъ Хвалынцевъ.

— Гдѣ же вы были? продолжала она разспрашивать съ

возрастающим недоумѣниемъ. Сердце ея тревожно подсказало ей что во всемъ этомъ кроется что-то недоброе.

— Гдѣ я былъ, пожалъ оны плечами:—этого я вамъ сказать не могу.

— Константинъ Семенычъ! да что вы, шутки шутите что ли!?

— Нѣтъ, я говорю совершенно серьезно.

— Такъ что же это за таинственность?!.. Почему это *мы* вы вдругъ сказать не можете?

— Не имѣю права.... Это не отъ одного меня зависитъ....

— Да вы мнѣ скажите толкомъ: сидѣли вы гдѣ-нибудь? Арестованы были? Высылаютъ васъ теперь изъ города что ли?

— Нѣтъ, я самъ уѣзжаю, своею доброю охотой.

— Куда?

— Въ Варшаву.

Она молча оглядѣла его испытующимъ взглядомъ.

— На долго вы ѣдете?

— Не знаю.... Можетъ и навсегда.

— Что жъ это за странное рѣшеніе?

— Служить ѣду.

— Служить! удивилась она:—да прежде же курсъ вѣдь кончить надо! Куда же вы безъ диплома служить пойдете? И что за идея!

— Для моей службы можно и безъ дипломовъ; я вѣдь въ военную.

Изумленіе Горевой дошло до крайней точки, она даже руки опустила.

— Константинъ Семенычъ!... Да что же вы, наконецъ, мистифируете меня или что?... Если все это шутки, такъ кончите пожалуста! Хорошенькаго понемножку.

— Никакихъ тутъ шутокъ нѣтъ! Я вамъ говорю самымъ серьезнымъ образомъ! вступился оны за себя въ нѣсколько амбиціозномъ тономъ:—да и что же тутъ невѣроятнаго что человекъ пошелъ служить?

— Въ военную?! подхватила Горева.

— Да, въ военную, какъ будто это не все равно: военная или гражданская.

— Но это, вѣроятно, покажется такъ только.... однѣ мечты, предположенія, намѣренія? улыбнулась Татьяна, которой рѣшительно не хотѣлось вѣрить въ дикую идею Хвалынцева.

— Далеко не мечты и не намеренія, возразилъ онъ:—я уже поступилъ.... Я и теперь, можно сказать, считаюсь на службѣ.... Я уже зачисленъ въ N—скій полкъ.

Хвалынцевъ все это солгалъ, ради пущаго удостовѣренія въ справедливости своихъ словъ, но солгавъ разъ, и въ этой дѣлѣ какъ бы даже порисовавшись предъ нею въ новомъ своемъ положеніи, онъ какъ будто и самъ повѣрилъ въ истину сказаннаго; ему вдругъ и самому стало казаться что все это точно такъ и есть, что онъ точно зачисленъ и уже служить....

Горева молча поглядѣла на него внимательно.

— Что же за дѣлъ, наконецъ? тихо спросила она, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Цѣль.... чуть-чуть замаяса Хвалынцевъ:—Боже мой, да надо же человѣку что-нибудь дѣлать съ собою!... Не небо же коптить, вотъ и цѣль вамъ!

Татьяна чутко чувствовала въ глубинѣ души что это все что-то не то. Раза два молча прошла она по комнатѣ, и вдругъ съ веселымъ и рѣшительнымъ видомъ остановилась предъ Хвалынцевымъ.

— Полноте-ка, Константинъ Семеновъ! Оставьте все это! съ убѣжденіемъ заговорила она, взявъ его руки и ласково глядя въ глаза:—бросьте всѣ эти глупости!... Ей Богу!... Ну, что вамъ?!.. Давайте-ка лучше вотъ что: если вамъ адѣсь очень ужъ надоѣло, укатите въ Славнобубенскъ, позжайте въ имѣніе, при займите хозяйствомъ, ей Богу же такъ-то лучше будетъ!... А то что вдругъ—служба, да еще военная, да еще въ Варшаву.... Нѣтъ, право, бросьте, голубчикъ!

— Все это такъ легко только говорить, возразилъ онъ, видимо стараясь придать словамъ своимъ и серіозность, и значительность:—но что сдѣлано, то сдѣлано, и назадъ его не вернешь!... Это ужъ теперь зависитъ не отъ моей воли, Татьяна Николаевна!

— Какъ не отъ вашей?... Какъ не отъ вашей?!.. Вздоръ! Чисто отъ васъ одного только и зависитъ, больше ни отъ кого! входя въ нѣкоторый азартъ возражала и доказывала дѣвушка:—вопервыхъ, если васъ зачислили, то могутъ и отчислить; вѣдь это не кабала же какая, не запродажей, не контрактомъ, а своею доброю охотою!... Ну, вчера вамъ хотѣлось, а сегодня расхотѣлось.... Ну, тамъ по домашнимъ

обстоятельствамъ, по болѣзни, по встрѣтившимся препятствіямъ; да, Господи! мало ли можно найти предлоговъ для отставки!... Стоить захотѣть только! Ну, захотите, Константинъ Семеновичъ!... Ну же, ну?... Скорѣй!... Да захотите же, Боже мой! Ну, что вамъ стоить отказаться отъ такой пустой идеи!?

На эту живую, ласковую шутку, онъ только хмуро, съ опущенными внизъ глазами, отрицательно покачалъ головой.

Горева снова пристально и долго поглядѣла на него пытливомъ, осторожнымъ взглядомъ и тихо опустилась на кресло подлѣ него.

Оба молчали, и обоимъ начинало становиться какъ-то неловко, и оба чувствовали въ то же время одинъ въ другомъ ту же самую неловкость. А неловкость эта шла оттого что Горева все больше и больше угадывала въ Хвалынцевѣ присутствіе какой-то неискренности и затаенности, и онъ тоже понималъ что она угадала въ немъ именно *это*. Молчаніе начинало становиться тягостнымъ.

— Константинъ Семеновичъ, это все не то.... я чувствую что не то, очень серьезно начала наконецъ Татьяна, поборая въ себѣ вѣчто такое что сильно удерживало ее отъ предстоящей послѣдней попытки:— у васъ что-то есть на душѣ, вы что-то, кажется, таите, скрываете.... Ну, скажите же мнѣ, зачѣмъ?... Если это тяжело вамъ, не лучше ли облегчить себѣ душу?... Предо мной вы можете говорить прямо, вы знаете меня.... Видь мы же друзья не на-вѣтеръ!

И она кротко взяла, и не выпуская, стала держать руку Хвалынцева, и вся фигура ея, и взглядъ, и лицо, и самый поворотъ головы, все это выражало собою теплое и любовное участіе. Раскрытая душа ея ждала что вот-вотъ сейчасъ другая сочувственная душа перелетѣтъ въ нее все свое горе, всю свою тайну, и она затишитъ, умиротворитъ, убаюкаетъ и исцѣлитъ эту другую, дорогую ей душу.

Константинъ сидѣлъ угрюмо, понурясь и не глядя на нее. Онъ чувствовалъ что въ эту минуту предъ Татьяной не скроешься, что она чутьемъ угадаетъ правду, которой онъ и не хотѣлъ утаивать отъ нея, но только высказать эту правду было такъ тяжело, такъ мучительно тяжело ему!..

— Вы хотите правды.... Ну, скажу вамъ эту правду! говорилъ онъ, наконецъ, стараясь напускною усмѣшкой замаскировать свою невольную и темную угрюмость:— отчего же

и вѣтъ.... Сказать, вѣдь это всего одна только минута.... не болѣе.... Да; конечно, я скажу вамъ, но.... еслибы вы знали какъ тяжело это.... какъ тяжело это высказывать-то!...

И при этихъ словахъ дѣвушка замѣтила какъ лицо его передернулось движеніемъ внутренняго глухаго страданія.

— Говорите, говорите, тихимъ и ласковымъ шепотомъ ободрила она.

— Татьяна Николаевна!... Я всю жизнь свою поставилъ на карту.... безповоротно, и предо мною вѣтъ болѣе никакихъ выходовъ, и я самъ и не ищу ихъ, и не хочу себѣ никакого выхода изъ этого положенія!...

— Но.... изъ-за чего же все это? участливо спросила она.

— Изъ-за женщины, глухо, смутно и чуть слышно отвѣтилъ Хвалынцевъ, весь блѣдный и низко потупясь опущенными глазами.

Этимъ словомъ сказалось все. Татьяна не стала спрашивать далѣе. Къ чему ей были слова, объясненія, подробности, когда однимъ этимъ словомъ все безпощадно обнажилось предъ нею: онъ любить другую женщину, онъ для нея всю жизнь поставилъ на карту, о чемъ же тутъ больше спрашивать? Чтѣ еще беречь ему сердце? И чтѣ еще, наконецъ, нужно знать больше этого?... Все сказано, все сдѣлано, довольно!

И она съ твердостью, словно ножомъ отрѣзала, сказала сама себѣ это внутреннее „довольно!“

Хвалынцевъ медленно поднималъ на нее глаза, и ему показалось страннымъ лицо этой дѣвушки: онъ никакъ не ждалъ встрѣтить у нея такое лицо въ эту минуту. Нельзя сказать чтобы даже тѣнь какой-либо болѣзненной мысли скользнула по немъ, чтобы хоть на мгновение дрогнуло въ немъ страданіе, злоба, укоръ, оскорбленіе, презрѣніе; вѣтъ, ни единое изъ этихъ ощущеній не выдавало себя въ лицѣ Татьяны. Оно было совершенно спокойно, и только ровная, глубокая блѣдность сплошь разлилась и застыла на немъ. И глаза тоже глядѣли спокойно, но эти глаза какъ-то вдругъ потухли, словно умерли, словно искра жизни отлетѣла отъ нихъ.

— Ну, вотъ, я, кажется, ужъ все сказалъ вамъ! пересохшимъ, хриплымъ голосомъ промолвилъ Хвалынцевъ, подымаясь съ мѣста. Весь онъ былъ какой-то погнутой, притиснутый, словно на плечи ему навалилась какая-то тяжкая, темная сила и все гнететь его собою.

Татьяна тоже поднялась.

Разговоръ между ними съ этой минуты пропалъ, и больше не нужно было ни ему, ни ей никакихъ разговоровъ.

— Если можете, не снимайте у меня вашей дружбы, смущенно и тихо попросилъ онъ, глядя въ землю, и въ тонѣ его просьбы Татьянѣ чутко сказалось затаенное страданіе.

— Дружбу! повторила она, слегка пожавъ плечами:— берите! если только когда-нибудь и на что-нибудь пригодится вамъ моя дружба.

Хвалынцевъ съ чувствомъ теплой благодарности пожалъ ея руку.

Снова наступило молчаніе. Оба стояли одимъ противъ друга, не глядя другъ на друга.

— Ну, прощайте, Татьяна Николавна! проговорилъ онъ наконецъ съ полнымъ, груднымъ вздохомъ:— коли можно, такъ не поминайте лихомъ! Это послѣдняя и единственная просьба.

Она махнула рукой, словно говоря: „что ужъ! зачѣмъ лихомъ!...“

— Ну, дай вамъ Господи всякаго счастья! непритворно пожелала она ему на прощанье, все съ тѣмъ же мертвеннымъ спокойствіемъ въ лицѣ и во взорѣ.

Дверь за ушедшимъ Хвалынцевымъ затворилась.

Татьяна почувствовала теперь что она *одна*.

ВСЕВОЛОДЪ КРЕСТОВСКІЙ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ПРОЦЕССЪ ЛЕЗЮРКА

И

ВОПРОСЪ О ВОЗОБНОВЛЕНІИ УГОЛОВНЫХЪ ДѢЛЪ

Status reipublicae maxime iudicatis
rebus continetur.

(Cicero Orat. pro Sylla.)

Дѣло Лезюрка, которое безъ малаго три четверти вѣка не переставало занимать общественное мнѣніе во Франціи, о возобновленіи котораго повторялись толки и хлопоты при каждомъ изъ правительствъ смѣнявшихъ другъ друга со времени Директоріи,—дѣло, въ пользу котораго главнымъ образомъ рѣшились измѣнить существенно букву закона, дабы сдѣлать возможнымъ его пересмотръ и возстановленіе добраго имени невинно-осужденнаго,—дѣло это окончательно разрѣшено французскимъ кассационнымъ судомъ и разрѣшено не въ пользу просителей. Семидесятилѣтнія усилія несчастнаго семейства Лезюрка оказались тщетными. Вопреки всеобщему убѣжденію, могущественно поддерживаемому обстоятельствами дѣла, рѣшеніе французскаго кассационнаго суда, отъ 17-го декабря 1868 г., еще болѣе закрѣпило въ глазахъ „неумолимаго“ правосудія приговоръ Сенскаго ассизнаго суда, отъ 15-го августа 1796 года, вслѣдствіе котораго Лезюркъ сложилъ свою голову на эшафотѣ. 80-ти-лѣтняя дочь послѣдняго, оставшаяся въ живыхъ до сихъ поръ, лишена окончательно надежды на достиженіе той цѣли которой она посвятила всю свою жизнь. Въ глазахъ закона отецъ ея останется на вѣки убійцей и грабителемъ, несмотря на то что невинность его въ глазахъ общественнаго мнѣнія не подлежитъ сомнѣнію.

Въ виду всего этого процессъ Лезюрка получаетъ *въковой* интересъ помимо своей *въковой* продолжительности. Съ подробностями его стоить познакомить и русскую публику, для которой такъ-называемыя *Cases célebres* получаютъ значение не только по своему фактическому содержанию, но и по тѣмъ практическимъ урокамъ которые могутъ извлечь изъ нихъ читатели какъ будущіе присяжные. Дело Лезюрка въ особенности богато такого рода поучительными указаніями и предостереженіями для представителей общественной совѣсти на судѣ.

Но прежде чѣмъ перейти къ изложенію самого процесса, считаемъ нелишнимъ вкратцѣ уяснить для читателей тотъ юридическій вопросъ о которомъ главнымъ образомъ шла рѣчь при послѣднемъ разбирательствѣ во французскомъ кассационномъ судѣ. Что такое возобновленіе или пересмотръ окончательнаго судебного рѣшенія? Въ какихъ случаяхъ оно можетъ и должно быть допускаемо? Излагая постановленія объ этомъ предметѣ французскаго законодательства, мы укажемъ и на соотвѣтствующія, во многомъ съ ними сходныя, узаконенія нашего устава уголовного судопроизводства. Мы начнемъ съ краткаго изложенія понятія объ окончательномъ, вошедшемъ въ законную силу, рѣшеніи.

I.

Въ числѣ юридическихъ аксіомъ установленныхъ великими строителями права, Римлянами, одно изъ самыхъ основныхъ было положеніе о нерушимости судебного приговора. Окончательный судебный приговоръ *долженъ* почитаться истиной: *res judicata pro veritate habetur*. Это положеніе перешло въ законодательство всѣхъ позднѣйшихъ благоустроенныхъ государствъ. Вездѣ гдѣ люди стремились замѣнить произволъ господствомъ закона, свято хранился авторитетъ судебного приговора, какъ лучшей и самой твердой основы общественнаго быта. Прогрессъ въ этомъ дѣлѣ заключается въ постоянномъ стремленіи къ усовершенствованію тѣхъ способовъ, посредствомъ которыхъ вырабатывается судебная истина, къ тому чтобы, насколько доступно человѣку, эта формальная истина совпадала съ истиной матеріальной. Средства эти были весьма разнообразны; формы судопроизводства и

судоустройства (въ особенности уголовного) подвергались въ продолженіе вѣковъ самымъ разнообразнымъ переменамъ, начиная отъ „судовъ Божіихъ“, гдѣ общество, не довѣряя своей собственной способности достиженія истины, предоставляло слѣпому року рѣшеніе вопроса о виновности, и до такъ-называемаго слѣдственнаго процесса, гдѣ, напротивъ, предполагалось возможнымъ преподать суду напередъ установленныя формулы, въ видѣ обязательной теоріи формальныхъ доказательствъ. Изъ приложенія этихъ формулъ къ безконечно разнообразнымъ случаямъ дѣйствительной жизни имѣла выработываться судебная истина съ точностью математической задачи. Возможныя при такой процедурѣ ошибки и заблужденія старались устранить посредствомъ послѣдовательнаго пересмотра дѣла въ нѣсколькихъ инстанціяхъ. Наконецъ эта многосложная форма судопроизводства, вмѣстѣ съ теоріей формальныхъ доказательствъ, замѣнена судомъ присяжныхъ, представителей общественной совѣсти, произносящихъ свой приговоръ исключительно по внутреннему убѣжденію. Слѣдственный процессъ замѣненъ обвинительнымъ, гдѣ предъ судьей происходитъ состязаніе двухъ противоположно заинтересованныхъ сторонъ, изъ которыхъ каждая приводитъ свои доказательства. Взаимное сравненіе этихъ двухъ рядовъ доказательствъ признано наилучшимъ средствомъ къ выясненію истиннаго смысла дѣла и къ достиженію истинной цѣли правосудія. Эта цѣль предполагается достигнутою съ момента произнесенія присяжными ихъ приговора. Апелляція на этотъ приговоръ не допускается. Единственный путь предоставленный сторонамъ (то-есть обвиняемому, въ случаѣ осужденія, и обвинителю, въ случаѣ оправданія) послѣ произнесенія вердикта присяжныхъ есть путь кассациі. Скажемъ вкратцѣ о значеніи кассациі и ея отличіи отъ апелляціи.

Нашъ уставъ уголовного судопроизводства, будучи однимъ изъ самыхъ образцовыхъ воспроизведеній новѣйшихъ выработанныхъ наукою и практикой началъ уголовного процесса, опредѣлялъ совершенно точно и ясно все что относится до судебного приговора, его исполненія и способовъ его опроверженія и отмены. Держась постановленій нашего устава, мы изложимъ здѣсь вкратцѣ ходъ уголовного процесса съ момента произнесенія приговора.

Между тѣмъ какъ въ дѣлахъ уголовныхъ меньшей важности

допускается пересмотръ приговора суда первой степени судомъ высшей инстанціи (у насъ мировымъ съѣздомъ или судебною палатою), приговоры постановленные съ участіемъ присяжныхъ почитаются *окончательными* и не могутъ быть обжалованы въ порядкѣ апелляціонномъ. „Подсудимый и защитникъ его не въ правѣ отвергать достовѣрность дѣйствій признанныхъ присяжными засѣдателями“ (ст. 823 уст. уг. суд.). Необходимость и подлѣйшая разумность такого правила очевидны сами собою. Когда дѣло обсуждается судьей по призванію, приговоръ его можетъ быть подвергнутъ повѣркѣ судомъ высшей инстанціи, ибо предполагается что этотъ высшій судъ, состоя изъ большаго числа членовъ и притомъ болѣе опытныхъ и свѣдущихъ, обладаетъ большими средствами къ достиженію истинныхъ дѣлей правосудія. Вотъ почему въ дѣлахъ судимыхъ безъ присяжныхъ приговоръ становится *окончательнымъ* лишь во второй инстанціи суда, который или подтверждаетъ приговоръ первой инстанціи, или отменяетъ его и постановляетъ новый приговоръ. Но вердиктъ присяжныхъ не можетъ быть подвергнутъ такому пересмотру уже потому что надъ ними нѣтъ и не можетъ быть высшей инстанціи, о которой можно было бы предположить что она обладаетъ большими и лучшими средствами къ достиженію истины. Рѣшеніе присяжныхъ не есть рѣшеніе отдѣльныхъ лицъ, а приговоръ общественной совѣсти произнесенный въ лицѣ двѣнадцати безупречныхъ представителей *всего* общества. Выборъ этихъ представителей общества на судѣ обставленъ такимъ образомъ чтобъ ими внесены были въ обсужденіе дѣла не только здравый смыслъ и самыя основныя начала нравственности, но также и тотъ житейскій опытъ который необходимъ для того чтобы каждое дѣло было обсуждено во всей своей житейской индивидуальности и сообразно со всеми своими особенностями, часто неуловимыми для судьи-спеціалиста ограниченнаго кругомъ своего призванія, но вполне доступными людямъ собраннымъ изъ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ слоевъ и группъ. Но именно потому что приговоръ присяжныхъ почитается приговоромъ *всего* общества, противъ него и не можетъ быть допущена апелляція, ибо вторые присяжные были бы избраны изъ того же общества; подчинить же приговоръ присяжныхъ пересмотру со стороны суда безъ присяжныхъ значило бы отказаться отъ тѣхъ принциповъ, въ силу коихъ пред-

ставители общества на судѣ признаны наилучшими судьями фактической стороны дѣла. Въ такомъ случаѣ лучше было бы вовсе не вводить суда присяжныхъ.*

Но если приговоръ присяжныхъ признается столь непоколебимымъ выраженіемъ истины по вопросу о совершившемся преступленіи и не подлежащимъ спору опредѣленіемъ характера и всѣхъ фактическихъ особенностей послѣдняго, то необходимо чтобы приговоръ этотъ не только по закону, но и въ дѣйствительности соответствовалъ самымъ высокимъ дѣламъ правосудія, насколько это вообще достижимо при человѣческой немощи. Въ противномъ случаѣ, то-есть еслибы вердиктъ присяжныхъ, будучи непоколебимъ по закону, не былъ въ то же время самымъ правильнымъ приговоромъ еявѣсти всего общества о данномъ преступленіи, судѣ присяжныхъ потерялъ бы самую крѣпкую свою опору,—сочувствіе общества. Но кромѣ нравственной безупречности и умственной зрѣлости представителей общества на судѣ, есть еще одно условіе отъ котораго въ столь же высокой степени зависитъ справедливость ихъ приговора. Это, именно, возможно лучшее устройство уголовного процесса. Самые разумные и опытные въ житейскихъ дѣлахъ присяжные могутъ придти къ совершенно превратному убѣжденію, если данныя представленныя на ихъ обсужденіе будутъ недостаточно полны и вразумительны, если не будетъ имъ предоставлена возможность познакомиться прямо и непосредственно, черезъ личное наблюденіе, со всѣми обстоятельствами имѣющимися въ дѣлѣ, а также со всѣми выводами и соображеніями, могущими быть приведены за и

* Новѣйшее уголовное судопроизводство допускаетъ лишь одно изъятіе изъ правила о безапелляционности приговора присяжныхъ. Оно выражено въ нашемъ уставѣ слѣдующимъ образомъ: „Если судъ *единогласно* признаетъ что рѣшеніемъ присяжныхъ *засѣдателей* осужденъ *невинный*, то постановляетъ опредѣленіе о передачѣ дѣла на разсмотрѣніе новаго состава присяжныхъ, рѣшеніе которыхъ почитается уже во всякомъ случаѣ окончательнымъ“ (ст. 818). Это правило существенно различается отъ права апелляціи, ибо такой передачи дѣла новымъ присяжнымъ не могутъ помогать стороны. Оно есть только уступка *единогласному* убѣжденію судей, и притомъ уступка лишь однократная, ибо вторичный приговоръ присяжныхъ *обязателенъ* и для нихъ, хотя бы онъ вполнѣ согласовался съ приговоромъ первыхъ присяжныхъ.

противъ достовѣрности извѣстнаго событія, которое они призваны подтвердить или отвергнуть. При этомъ не слѣдуетъ забывать что присяжные сами не доискиваются, не изслѣдуютъ событія какъ прежніе судьи въ слѣдственномъ процессѣ, а только одѣниваютъ и взвѣшиваютъ тотъ матеріалъ который готовятъ и разрабатываютъ предъ ними состязающіяся стороны. Съ этою-то цѣлію, то-есть дабы присяжнымъ дана была возможность полного и всесторонняго ознакомленія съ дѣломъ, и установлены различныя формы и обряды судопроизводства, которые тѣмъ существеннѣе, чѣмъ болѣе ими обезпечивается возможность полного раскрытія истины на судѣ. Законодателю необходимо было установить напередъ всѣ эти формы и обряды и обставить ихъ соблюденіе самою твердою гарантіею. Эта гарантія заключается въ такъ-называемой кассациі. Предполагается что приговоръ присяжныхъ есть лучшее выраженіе истины относительно даннаго событія, и въ этомъ отношеніи никто не можетъ его оспаривать; но можетъ быть что умозаключеніе присяжныхъ, само по себѣ логически и нравственно вѣрное, основано на невѣрныхъ данныхъ которыя были имъ представлены, такъ что они должны были признать ихъ за достовѣрныя. Формы и обряды судопроизводства, о коихъ мы говоримъ, установлены съ тѣмъ чтобы по каждому дѣлу каждая сторона имѣла полную возможность представить всѣ тѣ доказательства которыя онѣ считаютъ существенными. Въ этомъ заключаются *права сторонъ на судѣ*, права факультативныя, коими каждая изъ нихъ можетъ воспользоваться или нѣтъ, по своему усмотрѣнію, но коль скоро они пожелали ими воспользоваться, судъ обязанъ предоставить имъ полную къ тому возможность. Напримѣръ, каждая сторона имѣетъ право выставять своихъ свидѣтелей, которые на судѣ допрашиваются, смотря по степени ихъ достовѣрности напередъ определенной закономъ, подъ присягой или безъ оной; большинство свидѣтелей, въ которыхъ законъ предполагаетъ возможность пристрастія, устраняются отъ присяги не безусловно, а лишь по отводу сторонъ, такъ что и отводъ свидѣтелей составляетъ одно изъ существенныхъ процессуальныхъ правъ сторонъ; каждой сторонѣ предоставлено также допрашивать свидѣтелей выставленныхъ противною стороною. Еслибы судъ отказалъ какой-либо сторонѣ въ одномъ изъ этихъ правъ, не вызвалъ бы указаннаго стороною свидѣтеля, не

уважилъ бы законнаго отвода, или отказалъ бы одной сторо-
нѣ въ правѣ допросить свидѣтелей другой стороны, то это
могло бы послужить основаніемъ къ предположенію что нѣ-
которыя обстоятельства дѣла разъяснены на судѣ въ невр-
номъ свѣтѣ, и что поэтому приговоръ присяжныхъ, произне-
сенный при такихъ нарушеніяхъ, не совсѣмъ согласенъ съ
истиной. Нарушенія такого рода могутъ быть весьма разно-
образны; опредѣлить ихъ напередъ со всею точностью нѣтъ
никакой возможности, и ни одно законодательство за это не
берется. Но всѣ эти нарушенія имѣютъ тотъ общій при-
знакъ что при существованіи ихъ *можетъ быть допущено*
предположеніе что приговоръ присяжныхъ не былъ основанъ
на полномъ и всестороннемъ раскрытіи обстоятельствъ дѣ-
ла, и что онъ былъ бы совершенно другой, еслибы, напри-
мѣръ, допрошенъ былъ свидѣтель, вызова котораго домога-
лась та или другая сторона, или еслибъ извѣстное показаніе,
данное безъ присяги, было закрѣплено въ глазахъ при-
сяжныхъ торжественною присягою, или наоборотъ. Коль ско-
ро подобное предположеніе можетъ быть допущено, состояв-
шійся приговоръ уже не можетъ считаться „въ силѣ судеб-
наго рѣшенія“ и долженъ быть отмѣненъ, кассированъ, ибо
разбирать самое содержаніе приговора присяжныхъ нельзя
и, стало-быть, нѣтъ возможности опредѣлить на сколько из-
вѣстное нарушеніе *дѣйствительно* повліяло на сложившееся
въ ихъ совѣсти убѣжденіе. Въ этомъ существенное различіе
между апелляціей и кассаціей. Нарушеніе формъ и обря-
довъ судопроизводства могутъ имѣть мѣсто и при апелля-
ціонномъ порядкѣ; но апелляціонная инстанція, пересматри-
вающая дѣло во всемъ его объемѣ, и которой приговоръ су-
да первой инстанціи предаетъ не въ формѣ лаконической
сентенціи, подобно вердикту присяжныхъ, а какъ рѣшеніе
подробно мотивированное,—имѣетъ полную возможность при-
знать что извѣстное нарушеніе, дѣйствительно допущенное
судомъ низшей инстанціи, не имѣло однако никакого вліянія
на правильность' самого приговора и на этомъ основаніи
оставить апелляціонный отзывъ безъ послѣдствій. Апел-
ляціонная инстанція обязана перерѣшить дѣло лишь въ томъ
случаѣ, если она находитъ что первое рѣшеніе дѣйствитель-
но несогласно съ истиной. Кассаціонная же инстанція не
имѣетъ возможности провѣрить дѣло этимъ путемъ и пото-
му рѣшаетъ подлежащій ей вопросъ лишь на основаніи

предположенія, и притомъ такого предположенія которое установлено закономъ. Законъ именно опредѣлилъ напередъ тѣ условія, ту обстановку въ которой долженъ развиваться уголовный процессъ. Каждое отступленіе отъ этого порядка даетъ основаніе предположить невѣрность самого результата, то-есть судебного приговора. И вотъ кассационной инстанціи предоставлено обсуждать въ каждомъ данномъ случаѣ, на сколько извѣстное отступленіе можетъ быть признано существенно важнымъ, то-есть на сколько, при существованіи такого отступленія, можетъ или должно,—быть допущено предположеніе что истина на судѣ раскрыта не вполне. Разница между апелляціей и кассацией заключается, такимъ образомъ, прежде всего въ томъ что въ первомъ случаѣ высшая инстанція имѣетъ дѣло съ фактомъ, въ другомъ—съ закономъ. Кассационный судъ есть хранитель неприкосновенности закона, и притомъ главнымъ образомъ закона процессуальнаго, то-есть тѣхъ правилъ которыя признаны существенными для того чтобы задача суда,—раскрытіе истины и восстановление нарушеннаго порядка,—была достигнута съ возможною полнотой и совершенствомъ. Это значеніе кассационнаго суда какъ хранителя закона послужило основаніемъ къ расширенію его вѣдѣнія и на тѣ порядки судопроизводства уголовного и гражданскаго, гдѣ допускается апелляція въ судъ второй степени. Кассационная жалоба или протестъ допускаются противъ всѣхъ *окончательныхъ* приговоровъ, то-есть, во-первыхъ, въ тѣхъ случаяхъ когда апелляція вовсе не можетъ имѣть мѣста, а во-вторыхъ, противъ самыхъ рѣшеній апелляціонной инстанціи. Кассационному суду присвоено значеніе верховнаго хранителя и толкователя не только процессуальнаго, но и матеріальнаго права. Онъ учреждается одинъ для всего государства, и рѣшеніямъ его дана обязательная сила въ качествѣ прецедента, то-есть всѣ суды государства обязаны въ примѣненіи закона къ отдѣльнымъ случаямъ руководиться тѣми толкованіями которыя высказаны по аналогическимъ случаямъ кассационнымъ судомъ.

Возвращаясь къ порядку кассационнаго производства въ судѣ съ присяжными, намъ остается сказать что кассационный судъ, въ случаѣ отмены приговора, обращаетъ дѣло въ тотъ же или равный по степени судъ для новаго рѣшенія съ новымъ составомъ присяжныхъ. Въ случаѣ же оставленія

кассационнаго домогательства безъ послѣдствій, приговоръ присяжныхъ и рѣшеніе суда на немъ основанное входить въ окончательную законную силу, приводятся въ исполненіе. Съ этого момента прекращаются всѣ ординарные пути правосудія, судебная истина предполагается достигнутою вполнѣ. „На рѣшенія сената (нашего кассационнаго суда) жалобы ни въ какомъ случаѣ не допускаются и выѣзды не могутъ быть принимаемы.“ (Ст. 927 уст. угол. суд.).

II.

Итакъ мы видимъ что во всѣхъ порядкахъ судопроизводства процессъ достигаетъ такой точки которая есть крайній предѣлъ его развитія, именно когда рѣшеніе вступаетъ въ окончательную законную силу, ибо „какъ бы ни были широки устанавливаемые закономъ средства для открытія истины, какъ бы ни были многосложны формы и обряды судопроизводства для сей цѣли учрежденныя, какъ бы ни велико было количество судебныхъ инстанцій, тѣмъ не менѣе наступаетъ моментъ когда всѣ эти средства исчерпаны, когда всѣ эти формы соблюдены, когда судъ, исполнивъ все что въ силахъ человѣческихъ исполнить, торжественно произноситъ свой приговоръ. Съ этого момента приговоръ суда получаетъ значеніе непоколебимаго памятника человѣческаго правосудія, съ этого момента ему безусловно должны подчиниться и подсудимый, и общество; какъ подсудимый не въ правѣ уже оспаривать свою невинность, такъ и общество не въ правѣ уже доказывать его виновность. Наступаетъ время когда судебное рѣшеніе должно почитаться истиной. Отвергать въ это время истину судебного рѣшенія значило бы отвергать пользу правосудія, сомнѣваться въ его необходимости, обращать его въ пустое слово.“*

Таковъ принципъ признанный и строго охраняемый наукой права и всѣми законодательствами цивилизованныхъ странъ. Само собою разумѣется, что на практикѣ встрѣчаюсь отступленія отъ него, въ особенности въ тѣ времена и въ тѣхъ странахъ гдѣ не вполнѣ еще укоренилось уваженіе къ закону вообще, гдѣ произволъ власти еще не получилъ своего

* См. соображенія къ ст. 23 уст. уг. суд. по изданію госуд. канц.

спасительнаго противоязія въ твердомъ, неизмѣннѣнномъ и правильно организованномъ правосудіи. Нерушимости судебнаго рѣшенія всегда была рука объ руку съ уваженіемъ къ закону вообще.

Однако основная аксіома во векиъ человѣческихъ дѣлать, что нѣтъ правилъ безъ исключенія, не могла не получить своего призмѣненія и въ усовершенствованной системѣ правосудія. Неумолимый законъ долженъ былъ смириться предъ еще болѣе неумолимою дѣйствительностью. Судъ человѣческій не можетъ имѣть притязанія на безусловную непогрѣшимость. Сознаніе этого привело къ вопросу о пересмотрѣ окончательно рѣшенныхъ уголовныхъ дѣлъ, въ случаѣ судебной ошибки, и заставило выработать и на этотъ счетъ точныя правила, къ разсмотрѣнію коихъ мы и переходимъ. Вездѣ гдѣ преобразовывалось уголовное правосудіе и вводилось устное и гласное судопроизводство съ участіемъ присяжныхъ, положеніе о непоколебимости окончательнаго судебнаго рѣшенія занимало мѣсто въ ряду самыхъ основныхъ положеній уголовного кодекса. Во Франціи, съ изданіемъ кодекса уголовного процесса 1791 года, отмѣнено было постановленіе, ordonnance, 1670 г., коимъ допускался королевскій приказъ о пересмотрѣ процесса (*lettres de révision*). Во Франціи, гдѣ правильныя формы судопроизводства введены въ горячую пору первой революціи и реакціи противъ произвола власти, упомянутое положеніе доведено было до самыхъ крайнихъ своихъ послѣдствій, и на первыхъ порахъ не допускались никакія изъ него изыятія, даже въ случаѣ осязательной судебной ошибки. Ниже мы увидимъ что Лезюркъ, главнымъ образомъ, палъ жертвою этого доведеннаго до фанатизма поклоненія авторитету суда. Въ послѣдствіи печальный опытъ убѣдилъ и французскаго законодателя въ необходимости допустить извѣстныя изыятія изъ основнаго правила. Но французское право и французская судебная практика до сихъ поръ остались самыми ревнивыми оберегателями авторитета *de la chose jugée*, который и теперь высоко почитается и теоріей, и общественнымъ мнѣніемъ страны.

Вскорѣ послѣ изданія перваго кодекса уголовного судопроизводства основаннаго на началахъ устности и гласности и участія присяжныхъ, французское законодательство нашлось вынужденнымъ отступить отъ безусловнаго

принципа нерушимости окончательнаго судебного приговора допустить изъ него исключеніе на случай такъ-называемой судебной ошибки. Съ 1791 года, когда изданъ былъ первый кодексъ, и до 1808 г., когда обнародованъ дѣйствующій до сихъ поръ Code d'Instruction Criminelle, издаво было нѣсколько законовъ касательно возобновленія уголовныхъ дѣлъ, коими постоянно расширялась возможность возобновленія; причемъ однако всегда замѣтно желаніе обставить процедуру возобновленія самыми твердыми правилами, опредѣлить ее, такъ-сказать, математически и тѣмъ преградить путь ко всякой возможности колебать судебный приговоръ безъ явной и осазательной въ томъ надобности, ограничивъ эту процедуру лишь тѣми случаями, когда обнаружатся обстоятельства которыя указываютъ явно что въ данномъ судебномъ приговорѣ заключается фактическая ошибка. Въ кодексъ 1808 года правила о возобновленіи уголовныхъ дѣлъ формулованы весьма точно. Этихъ случаевъ—три. Мы разберемъ каждый изъ нихъ.

Первый случай (ст. 443 кодекса), когда по одному и тому же преступленію произнесены дослѣдовательно два обвинительные приговора надъ двумя подсудимыми, и эти два приговора не могутъ быть между собою согласованы, такъ что виновность одного изъ осужденныхъ исключаетъ возможность виновности другаго. Такъ, напримеръ, А осужденъ судомъ за кражу; спустя полгода тотъ же или другой судъ признаетъ виновнымъ въ той же кражѣ Б, не какъ сообщника А, а какъ самостоятельнаго и единоличнаго виновника кражи; или: двумя различными приговорами трое подсудимыхъ признаны виновными въ грабежѣ, о которомъ достоверно извѣстно что онъ совершенъ лишь двумя лицами; или: двое признаны виновными въ произведеніи одного и того же выстрѣла съ цѣлью убить извѣстное лицо. Во всѣхъ этихъ случаяхъ очевидно что между осужденными есть одинъ невинно-пострадавшій. Общество не можетъ ни успокоиться на томъ что всѣмъ этимъ подсудимымъ предоставлены были всѣ средства къ защитѣ, ни настаивать на нерушимости окончательнаго приговора. Этими соображеніями должно быть пожертвовано во имя высшихъ цѣлей правосудія, которое не можетъ мириться съ мыслью о безвинно-осужденномъ, хотя бы по всѣмъ правиламъ самого совершеннаго уголовного процесса. Какъ бы ни были тщательно предустановлены всѣ способы къ огражденію суда отъ ошибки, какъ бы ни были широки гарантіи

безпристрастія до стороны суда и присяжныхъ, послѣдствіе все-таки люди; ошибки и даже пристрастное сужденіе все-таки возможны, и обыкновеннымъ путемъ подсудимый не можетъ достигнуть устранения такой фактической ошибки, ибо ему предоставляемо жаловаться лишь въ кассационномъ порядкѣ, а кассационный судъ не входитъ и не имѣетъ права входить въ разсмотрѣніе фактовъ. Въ случаѣ явнаго противорѣчія между двумя приговорами, оба эти приговора отменяются, и всѣ осужденные этими приговорами подвергаются вновь суду. Но для того чтобы ст. 443 Code d'instruction criminelle могла имѣть примѣненіе, требуется, во-первыхъ, чтобы двое или нѣсколько подсудимыхъ были приговорены двумя различными приговорами, а не однимъ и тѣмъ же, ибо въ такомъ случаѣ предполагается что присяжные имѣли въ виду представляющееся противорѣчіе между виновностью одного и виновностью другого подсудимаго и признали его только кажущимся. Во-вторыхъ, чтобы два приговора относились именно къ одному и тому же определенному преступленію, ибо, напримѣръ, у одного и того же лица, въ одну и ту же ночь, могли быть произведены двѣ кражи и, стало-быть, виновность А въ произведеніи въ известную ночь и въ известномъ мѣстѣ кражи еще не исключаетъ виновности Б въ произведеніи другой кражи въ томъ же мѣстѣ и въ ту же ночь. Въ данномъ случаѣ для успѣшности ходатайства о возобновленіи дѣла нужно доказать что въ эту ночь и въ этомъ мѣстѣ произведена только одна кража, или, что какъ А, такъ и Б, признаны укравшими одну и ту же вещь. В-третьихъ, оба приговора должны взаимно исключать одна другую, ибо А и Б, признанные виновными двумя приговорами въ одной и той же кражѣ, могли дѣйствительно участвовать въ ней въ качествѣ сообщниковъ.

Второй случай (ст. 444 кодекса) представляется еще болѣе разительнымъ: лицо предполагаемое умершимъ и въ убійствѣ котораго признано виновнымъ другое лицо, оказывается въ живыхъ. Первый приговоръ уничтожается, и дѣло возобновляется. Очевидно что и для примѣненія этой статьи требуется тройное условіе: 1) чтобы приговоръ произнесенный надъ подсудимымъ заключалъ въ себѣ обвиненіе именно въ убійствѣ, а не въ нанесеніи ранъ или тяжкихъ побоевъ; 2) чтобы доказательства нахождения въ живыхъ признаннаго убитымъ были представлены уже послѣ суда и произнесенія

приговора, и 3) чтобы доказательства эти были вполне убедительны.

Третий случай (ст. 445 кодекса): когда послѣ осужденія кого-либо за извѣстное преступленіе, одинъ или нѣсколько свидѣтелей показывавшихъ противъ подсудимаго, будутъ подвергнуты суду по обвиненію въ ложныхъ показаніяхъ по этому дѣлу. Возобновленіе дѣла имѣетъ мѣсто, когда упомянутые свидѣтели будутъ дѣйствительно обвинены; если же они будутъ оправданы, тогда, конечно, о возобновленіи не можетъ быть рѣши. Этотъ случай не представляетъ столь разительнаго и осязательнаго противорѣчія между судебнымъ приговоромъ и дѣйствительностью какъ два первые. Доказательство что одинъ или даже нѣсколько свидѣтелей дававшихъ показанія противъ подсудимаго показывали ложно, еще не служитъ подтвержденіемъ того что эти ложныя показанія дѣйствительно ввели присяжныхъ въ ошибку, ибо присяжные не мотивируютъ своего рѣшенія, и нельзя знать на чемъ именно они основали свой вердиктъ. Они могли не придать никакой вѣры показаніямъ жесвидѣтелей и все-таки признать подсудимаго виновнымъ на основаніи другихъ доказательствъ и уликъ. Но, съ другой стороны, именно потому что производство съ присяжными не оставляетъ по себѣ никакихъ слѣдовъ, и что нельзя знать насколько доказанныя живыми показанія повліяли на ихъ убѣжденіе, правосудіе требуетъ чтобы сомнѣніе было устранено, и чтобы дѣло было пересмотрѣно на основаніи другихъ имѣющихся данныхъ, причемъ опороченные свидѣтели уже не допускаются на судъ.

Вотъ тѣ исключительные три случая, при которыхъ французское законодательство считаетъ возможнымъ отступить отъ принципа неприкосновенности и нерушимости окончательнаго судебного приговора по уголовнымъ дѣламъ. Нельзя не согласиться что случаи эти опредѣлены дѣйствительно съ математическою точностью и не допускаютъ никакого пространственнаго толкованія. Эта точность и опредѣленность имѣетъ то преимущество что процедура возникающая въслѣдствіе домогательства о пересмотрѣ дѣла (*demande en révision*) совершенно опредѣлительна. Разрѣшеніе пересмотра предоставлено кассационному суду, но этотъ верховный трибуналъ и при процедурахъ этого рода не имѣетъ надобности отступать отъ своей обычной роли хранителя общаго

формальныя началъ и точнаго смысла закона и спускаться до разбора факта и индивидуальнаго случая. Ему предстоитъ только убедиться въ томъ что два приговора взаимно исключаютъ другъ друга, или что свидетели показывавшіе должно въ известномъ дѣлѣ признавать въ этомъ виновными; онъ отменяетъ первые обвинительные приговоры и передаетъ дѣло для новаго разсмотрѣнія въ ассизный судъ или трибуналъ исправительной полиціи, смотря по подоудности дѣла, и этому суду первой инстанціи подлежатъ новое фактическое разсмотрѣніе дѣла и опредѣленіе, въ случаѣ двухъ противорѣчивыхъ приговоровъ, который изъ нихъ ошибоченъ, а въ случаѣ жесвидѣтельства, насколько первый обвинительный приговоръ обуславливался этими жесвидѣтельствами. Даже въ случаѣ предусмотрѣнномъ ст. 444 кодекса кассационный судъ не входитъ въ разсмотрѣніе тождества лица предполагаемаго умершимъ и оказавшагося въ живыхъ, а поручаетъ эту процедуру, то-есть разсмотрѣніе фактическихъ доказательствъ тождества, трибуналу низшей инстанціи. Эта инстанція, признавъ тождество, представляетъ свое рѣшеніе кассационному суду, который отменяетъ первый приговоръ о мнимомъ убійцѣ и, если найдетъ нужнымъ обращаетъ дѣло къ новому разсмотрѣнію.

Но, спрашивается, можетъ ли быть допущенъ пересмотръ дѣла во всякое время, когда бы ни оказались тѣ доказательства которыя, по французскому закону, считаются достаточными для признанія судебной ошибки? Французскій кодексъ 1808 года и въ этомъ отношеніи совершенно опредѣлительнъ. Пересмотръ дѣла по этому кодексу допускался лишь относительно *осужденныхъ находившихся въ живыхъ*. Исключеніе изъ этого правила допущено было лишь въ одномъ случаѣ, предусмотрѣнномъ ст. 444 (мнимаго убитаго). Ст. 447 кодекса устанавливаетъ что, въ этомъ случаѣ, если осужденный за убійство человека оказавшагося въ живыхъ самъ уже не будетъ въ живыхъ во время открытія этого обстоятельства, то кассационный судъ при передачѣ дѣла въ судъ низшей инстанціи для изслѣдованія этого обстоятельства назначаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и защитника памяти умершаго, который участвуетъ въ изслѣдованіи. Въ случаѣ признанія что лицо предполагаемое убитымъ находится въ живыхъ, судъ провозглашаетъ возстановленіе добраго имени незаконно-осужденнаго. Что же касается формальныхъ

двухъ законныхъ поводовъ возобновленія дѣла, то какъ бы ни были убѣдительны и очевидны открытыя вновь доказательства, не говоримъ вообще невинности осужденнаго (они не имѣютъ никакой силы даже при жизни осужденнаго, если не подходятъ подъ указанные три случая), но и того что два приговора о двухъ осужденныхъ взаимно исключаютъ одинъ другой, какъ того требуетъ ст. 443 кодекса, или что осужденный сдѣлался жертвой лжесвидѣтельства,—какъ бы ясно это ни было доказано, дѣло все-таки не можетъ быть возобновлено если осужденный или осужденные находятся уже въ могилѣ. Такъ было по кодексу 1808 года. И это суровое восстановление французскаго закона удержалось до 1867 года, несмотря на многократныя попытки къ его отмене, которыя во все это время не переставали предприниматься преимущественно въ виду дѣла Лезюрка, о восстановленіи добраго имени котораго хлопотали многіе, но не могли добиться пересмотра его процесса, такъ какъ этому противилась неумолимая буква закона, ибо поводы, на которыхъ основывалось это домогательство, не подходили подъ смыслъ ст. 447 кодекса. Столь явное и, повидимому, вопиющее противорѣчіе между буквой закона и требованіемъ справедливости оправдывается однако нѣкоторымъ образомъ слѣдующими весьма серьезными соображеніями процессуальнаго свойства. Когда открывается что лицо предположенное убитымъ находится въ живыхъ, возобновленіе дѣла о невинно-осужденномъ по обвиненію въ этомъ мнимомъ убійствѣ ограничивается весьма простою процедурой. Кассационный судъ, прежде чѣмъ разрѣшить возобновленіе, передаетъ суду первой инстанціи разсмотрѣніе доказательствъ тождества лица предположеннаго убитымъ. Задача суда весьма простая. Если лицо находится въ живыхъ и можетъ быть вызвано въ судъ, процедура ограничивается допросомъ его и свидѣтелей его знающихъ и разсмотрѣніемъ документовъ объ его личности; если лицо это умерло или находится въ дальней отлучкѣ, тогда задача суда нѣсколько болѣе сложна, ему приходится снестись съ тѣми мѣстами гдѣ оно теперь проживаетъ, или гдѣ оно умерло; а въ послѣднемъ случаѣ убѣдиться въ томъ что оно умерло при другой совсѣмъ обстановкѣ чѣмъ та которая значится въ судебномъ приговорѣ о его мнимомъ убійствѣ. Вся эта процедура можетъ быть сопряжена со многими изысканіями различнаго рода, но цѣль ея тѣмъ не менѣе

проста и опредѣлительна. На основаніи добытыхъ ясныхъ изысканіями данныхъ судъ произноситъ свое рѣшеніе въ тождествѣ лица. Участіе присяжныхъ тутъ совершенно не нужно, ибо рѣчь идетъ не о вопросѣ о виновности, напротивъ, процедура эта имѣетъ чисто гражданскій характеръ, ибо и въ гражданскомъ процессѣ, въ особенностяхъ въ тяжбахъ по наследствамъ, весьма часто встрѣчается надобность въ провѣркѣ тождества лица. Кассационному суду, которому сообщается рѣшеніе признающее что лицо предполагаемое убитымъ находится въ живыхъ, остается только провозгласить невиновность мнимаго убійцы, а если послѣдній уже умеръ, то возстановить его честь. Пересмотръ дѣла съ участіемъ присяжныхъ для рѣшенія вновь вопроса о виновности здѣсь вовсе не требуется, ибо какимъ образомъ можетъ быть еще сомнѣніе въ ошибочности прежняго приговора объ убійствѣ, когда доказано что самое убійство не совершилось? Вотъ почему кодексъ 1808 года допустилъ пересмотръ дѣла этого рода даже послѣ смерти осужденнаго. Совсѣмъ другое бываетъ при домогательствѣ о пересмотрѣ дѣла по двумъ остальнымъ предусмотрѣннымъ французскимъ закономъ поводамъ. Два приговора о двухъ лицахъ признанныхъ виновными въ совершеніи одного и того же преступнаго дѣянія противорѣчатъ одинъ другому; изъ смысла ихъ явствуетъ очевиднымъ образомъ что одинъ изъ осужденныхъ сдѣлался жертвой судебной ошибки. Но кто изъ двухъ этотъ невинный, это можетъ быть рѣшено лишь по пересмотрѣ вновь всего дѣла и путемъ того же процесса съ участіемъ присяжныхъ, коему и подвергаются вновь оба осужденные. Точно также и въ случаѣ доказаннаго лжесвидѣтельства еще не явствуетъ само собою что осужденный дѣйствительно невиновенъ, и вопросъ этотъ опять подлежитъ рѣшенію по существу съ участіемъ присяжныхъ. Когда осужденный или осужденные въ томъ и другомъ случаѣ еще находятся въ живыхъ, пересмотръ дѣла вполне возможенъ, ибо время прошедшее отъ совершенія преступления до открытія новыхъ обстоятельствъ не можетъ еще быть столь продолжительно чтобъ изгладились всѣ слѣды; свидѣтели, или по крайней мѣрѣ часть ихъ, тоже еще находятся въ живыхъ и, стало-быть, устное разбирательство, въ присутствіи подсудимыхъ, еще можетъ имѣть мѣсто. Но если новые обстоятельства открыты уже тогда когда подсудимыхъ

нѣтъ болѣе въ живыхъ, устный процессъ становится въ большаго числа случаевъ невозможнымъ, во первыхъ, потому что онъ долженъ происходить въ отсутствіи обвиняемаго, что не допускается самимъ принципомъ *состязательнаго* процесса, а во вторыхъ, такъ какъ рѣчь идетъ о возстановленіи добраго имени умершаго, то возстановленіе это, конечно, не можетъ быть ограничено никакимъ срокомъ: но новыя обстоятельства могутъ быть открыты спустя много десятковъ лѣтъ, когда уже не будетъ въ живыхъ не только обвиняемаго, но и ни одного изъ свидѣтелей, и для устнаго разбирательства предъ присяжными не представится уже никакой возможности. Предоставить присяжнымъ разобрать дѣло на основаніи оставшихся объ этомъ письменныхъ данныхъ, значило бы отступить отъ самаго основнаго принципа суда присяжныхъ, основаннаго на совокупности впечатлѣній вынесенныхъ ими изъ непосредственнаго наблюденія живаго дѣла, со строгимъ устраненіемъ мертвой бумаги. Поручить дѣло короннымъ судьямъ безъ присяжныхъ? Но въ такомъ случаѣ пришлось бы съ этою дѣлаю установить особый порядокъ уголовного судопроизводства, или возстановить собственно для дѣлъ этого рода старыи свидѣственный процессъ съ теоріей формальныхъ доказательствъ, такъ какъ о внутреннемъ убѣжденіи не можетъ быть рѣчи при отсутствіи наблюденія живой дѣйствительности, на которомъ это убѣжденіе только и можетъ быть основано. Притомъ здѣсь возникаетъ еще особое затрудненіе: въ процессѣ съ присяжными только предварительное свидѣствіе заключаетъ въ себѣ письменное изложеніе обстоятельствъ дѣла; но предварительное свидѣствіе, именно потому что оно направлено не къ изысканію прямыхъ уликъ виновности, а лишь къ тому чтобъ убѣдиться насколько извѣстное лицо навлекаетъ на себя подозрѣніе чтобы быть подвергнутымъ суду, и служить только подготовительнымъ матеріаломъ для судебного свидѣствія, не можетъ быть сочтено даже настолько надежнымъ и полнымъ отраженіемъ дѣйствительности какъ свидѣственное производство по старому процессу, которое не подлежало провѣркѣ и дополненію на судѣ и потому должно было заключать въ себѣ всю полноту данныхъ на коихъ основывалось судебное рѣшеніе. Судебное же свидѣствіе происходящее предъ присяжными не оставляетъ по себѣ никакихъ письменныхъ свидѣствъ кромѣ протокола; а въ протоколѣ

судебнаго слѣдствія не заносится ни одинъ фактъ, ни одно показаніе относящіяся до существа дѣла, а излагается лишь то что относится до формъ и обрядовъ судопроизводства и подлежитъ контролю кассационнаго суда. Изъ всего этого ясно что возобновленіе и пересмотръ дѣла объ умершихъ осужденныхъ представляетъ дѣйствительно большія и весьма серьезныя затрудненія, и французское законодательство долго и упорно не рѣшалось пренебречь ими. Единственное исключеніе, установленное кодексомъ 1808 года, допущено было лишь во вниманіе къ тому что въ случаѣ мнимаго убійства указаннаго затрудненія не имѣютъ мѣста, ибо поводъ къ возобновленію дѣла въ этомъ случаѣ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и доказательство невинности осужденнаго, такъ что кассационный судъ не имѣетъ надобности предписывать новое судебное слѣдствіе, а прямо произноситъ оправдательный вердиктъ, если осужденный еще находится въ живыхъ, или возстановленіе чести и добраго имени невинноосужденнаго, если онъ уже умеръ.

Какъ ни основательны однако соображенія предъ коими останавливалось французское законодательство, нельзя не сказать что это упорное отстаиваніе процессуальной симметріи вопреки требованіямъ высшей справедливости, этотъ отказъ въ правосудіи безвинно-осужденному и увещанію въ могилу незаслуженный позоръ, не выдерживаютъ строгой критики, въ особенности если принять во вниманіе что во Франціи существуетъ смертная казнь. Печальный опытъ доказалъ что не одинъ невинный сложилъ свою голову на эшафотѣ; отказывать памяти такого несчастнаго въ запоздаломъ удовлетвореніи, а его семейству въ возстановленіи честнаго имени, было вдвойнѣ безчеловѣчно, ибо тутъ нельзя даже отговариваться тѣмъ что процессъ объ умершемъ не можетъ быть возобновленъ за вѣроятною смертию всѣхъ свидѣтелей. Новыя обстоятельства могутъ быть открыты вскорѣ послѣ исполненія приговора, когда еще вполне сохранились живые слѣды дѣла; личное же присутствіе подсудимаго на судѣ и его оставаніе съ обвинительною властью можетъ быть вполне замѣнено присутствіемъ его близкихъ и родныхъ, которые достаточно заинтересованы въ исходѣ дѣла чтобы приложить всѣ старанія къ представленію доказательствъ.

Лишь въ самое послѣднее время французское законодательство уступило этимъ требованіямъ гуманности и

справедливости. 17-го юня 1867 года обнародованъ законъ, коимъ внесены важныя измѣненія въ законоположенія о возобновленіи уголовныхъ дѣлъ. Оставляя неприкосновенными поводы къ возобновленію какъ они опредѣлены въ кодексѣ 1808 г., законъ этотъ распространяетъ на всѣ три случая предусмотрѣнные стт. 443, 444 и 445 кодекса постановленіе ст. 447. По всѣмъ тремъ поводамъ возобновленіе дѣла можетъ быть допущено несмотря на смерть осужденнаго. Но имѣя въ виду затрудненія указанныя выше, законъ 17-го юня постарался хотя отчасти устранить ихъ, опредѣливъ что въ случаѣ смерти осужденнаго кассационный судъ, признавъ существованіе повода къ пересмотру дѣла, самъ приступаетъ къ этому пересмотру по имѣющимся письменнымъ актамъ, не обращая дѣла въ судъ низшей инстанціи. Предполагается именно (и совершенно основательно), что обсужденіе дѣла по существу на основаніи однихъ письменныхъ документовъ, какъ процедура совершенно исключительная, для регулированія которой не имѣется даже никакихъ постановленій въ нынѣ дѣйствующемъ уголовномъ кодексѣ, основанномъ на принципѣ устности и внутренняго убѣжденія, можетъ быть вѣрено лишь самому высшему суду въ государствѣ.

III.

Таковъ нынѣ дѣйствующій французскій законъ о возобновленіи уголовныхъ дѣлъ. Нельзя не сказать что въ теперешнемъ своемъ видѣ законъ этотъ весьма счастливо примираетъ принципъ нерушимости судебного приговора съ требованіями высшей справедливости. Другія законодательства представляютъ большій въ этомъ отношеніи просторъ; но зато они не отличаются тою опредѣлительностью которую мы видимъ во французскомъ законѣ, а такая опредѣлительность существенно необходима, дабы не допускать слишкомъ большаго простора къ колебанію силы судебного рѣшенія:

Въ нашемъ уставѣ уголовного судопроизводства возобновленіе уголовныхъ дѣлъ обставлено слѣдующими условіями. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить что возобновленіе окончателно рѣшеннаго уголовного дѣла допускается лишь въ пользу, а не во вредъ осужденнаго. Оправданный вошедшимъ въ законную силу приговоромъ надлежащаго суда не можетъ быть вторично подвергнутъ слѣдствію и суду по тому же

самоу преступленію, еслибы даже открылись къ изобличенію его новыя обстоятельства (ст. 21 устава). Присужденный вшедшимъ въ законную силу приговоромъ къ наказанію или взысканію не можетъ быть вновь судимъ по тому же дѣлу, хотя бы въ послѣдствіи были обнаружены обстоятельства увеличивающія его вину (ст. 22). Изъ этого правила допускается лишь одно исключеніе, а именно, ст. 23 гласитъ: „правила постановленныя въ статьяхъ 21-й и 22-й не распространяются на тѣ случаи, когда судомъ будетъ признано что прежде состоявшійся приговоръ былъ послѣдствіемъ подлога, подкупа или иного преступленія. Относительно же невинно-осужденнаго законъ нашъ постановляетъ слѣдующее: открытіе доказательствъ невинности осужденнаго или понесенія имъ наказанія, по судебной ошибкѣ, свыше мѣры сдѣланнаго, признается законнымъ поводомъ къ возобновленію о немъ дѣла въ установленномъ на то порядкѣ (ст. 26). Возстановленіе чести и правъ невинно-осужденнаго допускается во всякое время, несмотря ни на истеченіе давности, ни на смерть осужденнаго (ст. 26). Порядокъ установленный для возобновленія дѣлъ слѣдующій. Разршеніе возобновленія дѣла, рѣшеннаго общими судебными мѣстами или мировыми судебными установленіями принадлежитъ исключительно уголовному кассационному департаменту правительствующаго сената. Каковы же законныя причины, при существованіи коихъ нашъ законъ допускаетъ возобновленіе? Эти причины указаны въ ст. 935 устава; онѣ суть слѣдующія: 1) осужденіе различными приговорами нѣсколькихъ лицъ за одно и то же и притомъ такое преступленіе, совершеніе коего однимъ изъ осужденныхъ доказываетъ невозможность совершенія его другимъ; 2) осужденіе кого-либо за убійство человека оказавшагося послѣ живымъ, или за иное преступленіе, которое не совершилось, и вообще открытіе доказательствъ невинности осужденнаго или понесенія имъ наказанія, по судебной ошибкѣ, свыше мѣры сдѣланнаго, 3) открытіе подложности документовъ или лживости показаній, на которыхъ основанъ приговоръ; 4) доказанные по суду корыстные или иные личныя виды судей по тому дѣлу, о возобновленіи коего поступили просьбы или сдѣлаано представленіе. Изъ смысла этихъ постановленій ясно видно что они построены по образцу французскихъ узаконеній по тому же предмету, но подъ вліяніемъ гораздо болѣе гуманнаго

взгляда, почему и приложеніе ихъ значительно расширено сравнительно съ французскимъ закономъ. Но на то, съ другой стороны, восстановленія нашего закона страдаютъ однимъ важнымъ недостаткомъ; въ нихъ совершенно, можно сказать, упущена изъ виду та руководящая идея, которая побудила французскаго законодателя ограничить законныя поводы къ возобновленію уголовныхъ дѣлъ такими исключительными случаями, при которыхъ, еще прежде чѣмъ дѣло подвергнется новому судебному разбирательству, существованіе судебной ошибки несомнѣнно и осязательно и можетъ поэтому быть признано а priori высшимъ судомъ, который не входитъ въ разсмотрѣніе существа дѣла. Изъ четырехъ пунктовъ ст. 935 уст. уг. суд., первые три соответствуютъ случаямъ предусмотрѣннымъ стт. 443, 444 и 445 французскаго кодекса. Но анализируя ближе редакцію этихъ трехъ пунктовъ, мы усматриваемъ весьма существенное различіе между нами и французскимъ закономъ. Изъ нихъ только первый пунктъ соответствуетъ вполнѣ ст. 443 кодекса, но редактированъ гораздо лучше послѣдней. Второй пунктъ, подобно ст. 444 кодекса, предусматриваетъ осужденіе кого-либо за убійство человѣка оказавшагося послѣ живымъ, но включаетъ въ себя два дополненія: „или за иное преступленіе, которое не совершилось, и вообще открытіе доказательствъ невинности осужденнаго или понесенія или наказанія, по судебной ошибкѣ, съими явры содѣланнаго.“ Принципъ нерушимости окончательнаго судебного приговора заставлялъ въ началѣ всею отвергать всякую возможность возобновленія и перерѣшенія дѣла. Жизненный опытъ заставлялъ убѣдиться что никакое человеческое дѣло не можетъ имѣть притаванія на безусловную непогрѣшимость, и принудилъ допустить исключенія изъ основнаго правила. Но эти исключенія отнюдь не должны были разрушать самое правило; поэтому они были строго ограничены лишь тремя твердо опредѣленными случаями, и внѣ ихъ уже не допускалось никакого отступленія. Нашъ законодатель дополнилъ эти исключенія еще тѣмъ случаемъ, когда доказано что преступленіе, хотя бы и не убійство, въ совершеніи коего извѣстное лицо обвинено, всею не совершилось, — дополненіе вполнѣ целесообразное и согласное не только съ требованіемъ правосудія, но и съ вѣщаніемъ нерушимости судебного рѣшенія. Но „открытіе вообще доказательствъ невинности осужденнаго“ есть уже не

опредѣленный случай, а общее правило, обнимающее всю совокупность казусовъ уголовного права; оно не можетъ относиться какъ исключеніе къ правилу нерушимости окончательнаго рѣшенія; эти два правила взаимно другъ друга исключаютъ, ибо, если по каждому рѣшенному окончательно уголовному дѣлу на основаніи каждаго дѣйствительнаго или воображаемаго новаго обстоятельства можетъ возникнуть домогательство о возобновленіи, которому нельзя будетъ не дать установленнаго закономъ хода, то гдѣ же *неприкосновенность* и нерушимость судебного рѣшенія которая выставляется и нашимъ законодателемъ какъ основной принципъ? (См. приведенныя выше соображенія къ ст. 24 и 935 уст. угол. суд.) Въдѣ въ сущности допущеніе такого широкаго домогательства возобновленія и перерѣшенія дѣлъ почти равносильно допущенію апелляціи, которая относительно приговоровъ присяжныхъ не можетъ и не должна быть допущена. Ибо, если и толковать пунктъ 3-й ст. 935 уст. угол. суд. въ томъ смыслѣ что возобновленіе можетъ имѣть мѣсто лишь въ случаѣ открытія такихъ новыхъ обстоятельствъ которыя не были въ виду первыхъ судей, то это ограниченіе все-таки значительно теряетъ свою силу въ виду того что для разрѣшенія вопроса, на сколько выставляемый поводъ къ возобновленію есть *новое* обстоятельство, потребуются особое разбирательство по существу дѣла, во всемъ сходное съ апелляціоннымъ производствомъ; а кассационный судъ, отъ котораго и по нашему закону зависитъ разрѣшеніе пересмотра дѣла, не входитъ въ обсужденіе существа дѣла. Наконецъ, спрашивается: къ чему было устанавливать четыре отдѣльные пункта ст. 935, если одна вторая часть втораго пункта обнимаетъ собою *все* возможные случаи? Установленіе этихъ отдѣльныхъ случаевъ во французскомъ кодексѣ совершенно понятно, потому что три случая тамъ предусмотрѣнные именно установлены во исключеніе всѣхъ остальныхъ. Если же нашъ законодатель не согласенъ съ принципомъ послужившимъ во французскомъ кодексѣ основаніемъ къ точному опредѣленію трехъ указанныхъ выше случаевъ, то было бы несравненно цѣлесообразнѣе и логичнѣе редактировать всю статью 935 такъ: „Закономъ причиной возобновленія дѣла признается открытіе доказательствъ невинности осужденнаго или понесенія имъ наказанія по судебной ошибкѣ, свыше мѣры содѣяннаго.“

Неопредѣленность, а вслѣдствіе того и шаткость нашего закона сравнительно съ французскимъ выступаетъ еще болѣе наружу: если принять во вниманіе процедуру, то-есть тотъ порядокъ коимъ возникаетъ и разрѣшается вопросъ о допущеніи пересмотра извѣстнаго уголовного дѣла. Французскій законъ, какъ мы объяснили выше, и въ этомъ отношеніи вполне опредѣлителенъ. Исходя отъ начала нерушимости судебного рѣшенія, французскій законодатель счелъ необходимымъ допустить разрѣшеніе отступленія отъ этого принципа исключительно одному кассационному суду. Самые случаи, въ которыхъ возобновленіе допускается, формулованы такъ чтобы кассационному суду не было надобности входить въ разсмотрѣніе существа дѣла. Далѣе французскій законодатель, предусматривая условія процедуры возникающей послѣ возобновленія и имѣя въ виду требованія устнаго процесса, допустилъ первоначально возобновленіе дѣла въ случаѣ смерти осужденнаго лишь въ одномъ случаѣ, при которомъ новое разбирательство по существу оказывается воевое ненужнымъ. Законъ 17-го іюня 1867 года, распространивъ право возобновленія дѣла объ умершемъ осужденномъ на всѣ три случая предусмотрѣнные закономъ, вмѣстѣ съ тѣмъ вѣтрнулъ самое разбирательство дѣла объ умершемъ по существу исключительно верховному въ государствѣ трибуналу, считая невозможнымъ допустить въ судахъ низшихъ инстанцій разбирательство на основаніи однихъ письменныхъ документовъ. Инициатива возобновленія дѣла во всѣхъ случаяхъ возложена на прокурорскую власть. Только одна она, въ лицѣ министра юстиціи, можетъ возбудить въ кассационномъ судѣ вопросъ о возобновленіи. При твердости и точности правилъ установленныхъ по этому предмету во французскомъ кодексѣ, этотъ путь представляетъ весьма важныя преимущества, ибо прокурорская власть имѣетъ право дѣлать представленія о возобновленіи лишь въ трехъ указанныхъ закономъ случаяхъ. Съ другой стороны, случаи эти такъ опредѣлительны, ихъ такъ легко провѣрить предварительно, не вдаваясь въ разбирательство существа дѣла, что вышепомянутое право прокурорской власти есть вмѣстѣ съ тѣмъ и обязанность, подлежащая контролю, такъ что интересъ стороны, помогающей са возобновленія, достаточно обезпеченъ, несмотря на то что

она не имѣетъ права сама домогаться возобновленія предъ кассационнымъ судомъ.

Нашъ Уставъ уголовного судопроизводства уступаетъ въ опредѣлительности французскому кодексу и въ этомъ отношеніи. Инициатива возобновленія дѣлъ по ст. 934 предоставлена не только прокурорской власти, но и самимъ осужденнымъ, или ихъ родственникамъ и свойственникамъ. Статья эта говоритъ, правда, что просьбы и представленія объ этомъ предметѣ должны быть основаны на „указанныхъ въ законѣ причинахъ“. Но именно потому что самое домогательство о возобновленіи допускается лишь при существованіи указанныхъ въ законѣ причинъ, необходимо подвергнуть эти домогательства предварительной провѣркѣ. Но самъ осужденный или его родственники, конечно, не стануть придерживаться строго буквы закона; для нихъ всякая причина покажется законною, и кассационному суду по буквальному смыслу ст. 934 уот. уг. суд., пришлось бы разсматривать и обоуждать массу просьбъ о возобновленіи совершенно неосновательныхъ и завѣдомо недобросовѣстныхъ. Нашъ кассационный судъ разрѣшилъ уже этотъ вопросъ относительно дѣлъ производящихся въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ. Рѣшеніемъ 23-го ноября 1866 г., № 56, сенатъ призналъ что *просьбы* (но не представленія прокурорской власти) о возобновленіи должны подаваться тому судѣ или съѣзду коими постановленъ первоначальный приговоръ, а сіи послѣдніе уже представляютъ сенату о возобновленіи дѣла, если убѣдятся что обстоятельства, указанная въ просьбѣ, суть дѣйствительно *новыя*. Этимъ разрѣшеніемъ сената дѣйствительно устраняется одно неудобство, ибо сенату нѣтъ возможности провѣрить на сколько достоверно данное обстоятельство, выставляемое какъ новое. Но это разъясненіе сената относится и можетъ относиться къ однимъ только мировымъ учрежденіямъ. По болѣе же важнымъ уголовнымъ дѣламъ, рѣшаемымъ на основаніи вердикта присяжныхъ, окружный судъ имѣетъ столь же мало данныхъ для провѣрки какъ и сенатъ, ибо приговоръ присяжныхъ не мотивируется, присяжные не излагаютъ на письмѣ тѣхъ обстоятельствъ на основаніи коихъ они пришли къ убѣжденію въ виновности. Суду не будетъ, стало-быть, никакой возможности удостовѣрить было ли данное обстоятельство въ виду присяжныхъ или нѣтъ, ибо если присяжные имѣли его въ

виду, то какъ бы убѣдительно оно ни казалось, оно уже не можетъ служить поводомъ къ возобновленію дѣла. Это-то затрудненіе,—невозможность удостовѣриться на сколько приводимое какъ поводъ къ возобновленію обстоятельство есть новое,—и было главнымъ образомъ причиною печену французское законодательство ограничило поводъ къ возобновленію лишь такими случаями, при которыхъ ошибочность первоначальнаго приговора становится очевидною съ перваго взгляда. Но, какъ выше уже было указано, законъ нашъ говорить и вообще объ „открытіи доказательствъ невинности осужденнаго или понесенія имъ наказанія по судебной ошибкѣ свыше мѣры содѣяннаго“. Спрашивается: если дѣло идетъ о приговорѣ присяжныхъ, то какъ опредѣлить что данное обстоятельство, выставляемое какъ доказательство невинности или меньшей виновности осужденнаго не было въ виду суда?

Другое неудобство, которое представляетъ нашъ Уставъ, заключается въ правилѣ установленномъ для возобновленія дѣла относительно умершаго осужденнаго. Мы видѣли что французскій законъ 17-го іюня 1867 года, допустившій безусловно такое возобновленіе, вмѣстѣ съ тѣмъ счелъ нужнымъ ввѣрить самое разсмотрѣніе возобновленнаго дѣла по существу кассационному суду, такъ какъ возможно что отъ процесса давно минувшаго не останется ни одного доказательства, ни одного живаго свидѣтеля, а лишь письменные акты, и притомъ такіе въ которыхъ весьма неполно отражается вся обстановка дѣла. Нашъ законъ не дѣлаетъ такого исключенія; по ст. 936 уст. уголовн. суд., сенатъ, удостовѣрившись въ дѣйствительности обстоятельствъ на коихъ основывается ходатайство о возобновленіи дѣла и признавъ это ходатайство уважительнымъ, обращаетъ дѣло въ тотъ судъ коему оно подсудно. Но если разрѣшеніе послѣдуетъ по такому дѣлу о которомъ остались одни только письменные документы, а оно по роду своему подсудно суду присяжныхъ, то спрашивается: какимъ образомъ присяжные приступать къ разрѣшенію такого дѣла?

Впрочемъ, намъ нѣтъ надобности останавливаться здѣсь долѣе на недомолвахъ нашего Устава по вопросу о возобновленіи уголовныхъ дѣлъ. Мы не сомнѣваемся что практика нашего кассационнаго суда, а если нужно, то и законодательство, устранятъ всѣ теперешнія недоразумѣнія, когда

въ томъ окажется надобность на дѣлѣ. Параллель, которую мы провели между нашимъ уставомъ и французскимъ кодексомъ уголовного судопроизводства, имѣла лишь цѣлью, впервыхъ, уяснить чрезъ это сравненіе идею лежащую въ основаніи законоположеній по этому предмету — идею нерушимости окончательнаго судебного приговора, а ввторыхъ, показать что тугость, съ которою французское законодательство и французская судебная практика допускаютъ возобновленіе уголовныхъ дѣлъ, во всякомъ случаѣ достаточно оправдывается весьма здравымъ юридическимъ принципомъ, и что упреки, раздавшіеся противъ французскаго кассационнаго суда по поводу его недавняго рѣшенія по дѣлу Лезюрка, были совершенно незаслуженны.

Перейдемъ къ изложенію самаго процесса.

М. ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕРЪ.

(До слѣд. №).

ПОСЛѢДНІЕ ВЫБОРЫ

ВЪ ВЕНГРІИ

I.

Недавно кончились выборы въ пештскій сеймъ въ земляхъ короны Св. Стефана, и разыгрался новый актъ той драмы, которую иные считаютъ преобразованиемъ Австро-Венгерской имперіи, другіе же — распаденіемъ Австріи. Человѣку незнакому съ многочисленными дѣйствующими лицами этой драмы, случайно или законно привлеченнымъ къ участию въ ней, не знающему ихъ характера, и стремленій, не бывшему ни очевидцемъ, ни участникомъ случившагося, трудно по внѣшнимъ явленіямъ составить себѣ точное понятіе о происшедшихъ событіяхъ.

Венгрія — страна партій. Вся ея исторія представляетъ грустный примѣръ непрерывной борьбы разныхъ династическихъ, областныхъ, религіозныхъ, олигархическихъ партій. Эта непрерывная борьба въ высшей степени развила не только кастовый духъ, но и духъ пристрастія. Каждая сторона считаетъ себя непогрѣшимою, на противниковъ смотритъ какъ на враговъ, которыхъ нужно побороть, и, въ интересахъ своей партіи и въ ущербъ другимъ, считаетъ все дозволеннымъ.

Венгрія, кромѣ того, страна политиковъ и въ особенности политиковъ-дилеттантовъ, политикующихъ. Въ Венгріи все занимается политикой, отъ министра-президента до послѣдняго кучера. Но подъ занятіемъ политикой здѣсь понимаютъ не только сужденія и пренія о важныхъ государствен-

ныхъ и общественныхъ вопросахъ сообразно различнымъ возрѣніямъ, развитію и положенію лицъ, участвующихъ въ спорѣ: въ это понятіе включается здѣсь и умѣнье воспользоваться ограниченностію, беспомощностію, добродушіемъ или даже добрымъ имениемъ ближняго и рѣшать общіе вопросы въ духѣ выгодномъ для себя и для своихъ, хотя бы пагубномъ для общества. Нигдѣ слово *патріотизмъ* не произносится въ такой степени всеу какъ въ Венгріи; но нигдѣ кромѣ нея не встрѣтишь также такого рѣзкаго и грубаго политическаго эгоизма.

Согласно V статьѣ законовъ 1848 года, въ Венгріи непосредственное участіе въ выборахъ принимаетъ гораздо значительнѣйшая часть населенія чѣмъ въ остальной Австріи. Избирательные округа приблизительно вмѣщаютъ въ себѣ 30.000 человекъ, а число избирателей нѣрѣдко доходитъ до трехъ и четырехъ тысячъ. Въ городахъ, дворянскихъ помѣстьяхъ или вольныхъ мѣстечкахъ относительное число избирателей увеличивается еще болѣе. Какая громадная разница въ этомъ отношеніи между Венгріей и Цислейтаніей, гдѣ, какъ извѣстно, число избирателей по округамъ вращается между 100—200 человекъ! Къ тому же, въ Венгріи вихрь избирательнаго движенія захватываетъ не только однихъ избирателей, но буквально все населеніе, безъ различія званія, возраста и пола.

Прибавьте къ этому, что въ Венгріи все недовольно настоящимъ порядкомъ вещей, или сплошь, или по крайней мѣрѣ въ частностяхъ; что все жаждетъ поворота къ лучшему, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, и никто не спрашиваетъ какую цѣну будетъ куплено это улучшеніе и въ чемъ оно будетъ состоять. Изъ массы недовольныхъ выдѣляется лишь полчище правительственныхъ чиновниковъ и благодѣтельствованныхъ правительствомъ обладателей различныхъ синекуръ, которыхъ томить боязнь лишиться дорогихъ имъ благъ и которыхъ личный интересъ побуждаетъ поддерживать во что бы то ни стало и во всѣхъ мелочахъ *status quo*.

Для ближайшаго ознакомленія съ причинами этого недовольства позволю себѣ войти въ нѣкоторыя подробности.

Бывшій крѣпостной въ высшей степени недоволенъ способомъ регулiranja и разверстки земель, вслѣдствіе котораго онъ лишился большей части земли которою владѣлъ до регулiranja, лишился лѣсныхъ участковъ и выгона, такъ

что вынужденъ былъ сократить свое стадо. Притомъ со многихъ селеній затребованы громадныя суммы въ видѣ выкупа за утрату владѣльцами правъ на отошедшія земли. Чтобы показать какъ смотритъ народъ на это „регулированіе земель“, достаточно добавить, что въ устахъ его это выраженіе сдѣлалось синонимомъ „узаконенной кражи“. Несмотря на мѣры къ окончательному упраздненію остатковъ крѣпостнаго права, прежніе землевладѣльцы сохраняютъ еще въ своихъ рукахъ многія права или регаліи, такъ, напримѣръ, право на помоль, продажу вина, рыбную ловлю и охоту въ ихъ бывшихъ владѣніяхъ. Такимъ образомъ община бывшихъ крѣпостныхъ не можетъ ловить рыбу и охотиться на собственной землѣ, не можетъ выстроить мельницу или гостиницу, не можетъ молоть муку или продавать вино иначе какъ съ согласія бывшего землевладѣльца и по уплатѣ ему известной суммы. Понятно какъ много содѣйствуетъ усиленію недовольства этотъ остатокъ феодальнаго права. Въ то же время высокій уровень налоговъ раздражаетъ народъ, тѣмъ болѣе что еще во дни Баха и Шмерлинга все вопіяло противъ тяжести повинностей; теперь же, вмѣсто уменьшенія ихъ, послѣдній сеимъ значительно ихъ возвысилъ. Недовольнаго народа не успокоятъ прекрасныя фразы „мы платимъ-де нынѣ намъ же самимъ, а не Нѣмцамъ“. Народу все равно кому бы онъ ни платилъ, если только онъ принужденъ много платить, не видя оттого никакой осязательной пользы для себя. Далѣе, народъ еще не проникнулъ въ сущность новаго военнаго устава, весьма мало ему известнаго. Онъ знаетъ лишь что численность арміи на слѣдующія десять лѣтъ будетъ значительно увеличена. Это уже отталкиваетъ его; что же будетъ, когда, въ минуту приведенія устава въ исполненіе, онъ узнаетъ что каждый югуцій носить оружіе отъ 20 до 36-лѣтняго возраста зачисляется въ войско, а неспособный облагается особымъ сборомъ въ пользу инвалиднаго фонда!

Дворянство доселѣ не можетъ утѣшиться послѣ утраты своихъ привилегій и преимуществъ въ матеріальномъ, политическомъ и социальномъ отношеніи, и усиливается утраченное въ одномъ видѣ возродить подъ другою формой. Дворянство „рыцарской мадьярской націи“, выказываетъ полное сочувствіе къ новому военному уставу, но въ глубинѣ души далеко не радо ему и охотно бы желало послать вмѣсто себя подъ ружье крестьянъ. Крупные земле-

владѣльцы томатся подъ бременемъ налоговъ, въ особенно-сти тѣ изъ нихъ которые прежде не знали ихъ вовсе; они не рѣшаются возставать противъ обязательнаго для всѣхъ гражданъ разложенія податей, но за то ихъ девизомъ сдѣлалось требованіе *справедливаго* распредѣленія ихъ; подъ этими словами они собственно разумѣютъ большее обложеніе ими крестьянъ, такъ какъ, по ихъ разсужденію, крестьянинъ самъ обрабатываетъ свою землю и владѣетъ лишь тѣмъ количествомъ ея которое въ состояніи обработать. Кроме того, вслѣдствіе простаго образа жизни и домашняго устройства, расходы крестьянина весьма невелики, поэтому онъ, сравнительно, можетъ больше платить. Землевладѣлецъ же принужденъ воздѣлывать свои поля при затратѣ большихъ капиталовъ; у него много разорительныхъ потребностей, которыя погашаютъ значительную часть его прибыли. Поэтому крупному землевладѣльцу и слѣдуетъ-де платить сравнительно гораздо меньше.

Высшее духовенство, владѣющее большими имѣніями, трепещетъ, сознавая возможность лишиться собственности и главнѣйшихъ доходовъ. Люди отъ міра сего стремятся въ то же время захватить духовныя помѣстья и объявить ихъ собственностью государства; міряне-католики и низшее духовенство понуждаютъ высшую іерархію приступить къ преобразованіямъ въ положеніи венгерской церкви сообразно принципу автономіи.

Правительство, и именно министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, баронъ Іосифъ Этвешъ, стремится организовать народное образованіе, которое сгладило бы всѣ вѣроисповѣдныя отлѣнки и слѣдо бы всѣ національности въ единомъ мадьяризмѣ. Эту дѣль, очевидно, имѣетъ въ виду утвержденный мнувшимъ сеймомъ законъ о преподаваніи въ высшихъ школахъ, а равно и выработанные министерствомъ законопроекты объ устройствѣ среднихъ учебныхъ заведеній. Это стремленіе все подводитъ подъ одну мѣрку оскорбляетъ какъ вѣроисповѣдныя, такъ и національныя права гражданъ. Политическая администрація доставляетъ обильную пищу недовольству во всѣхъ сферахъ населенія, не заботясь ни о чемъ кромѣ исправнаго сбора податей и назначенія чиновниковъ на различныя должности. За то она охотно вмѣшивается въ дѣла между различными политическими партіями, какъ скоро затронуты

интересы ея сторонниковъ и благопріятелей, и рѣшаетъ ихъ въ пользу этихъ близкихъ ей лицъ.

Для яснаго уразумѣнія низкаго уровня личной и имущественной безопасности въ Венгріи достаточно вспомнить что послѣдній сеймъ нашелся вынужденнымъ, въ видахъ возстановленія спокойствія въ нѣкоторыхъ областяхъ, открыть министерству внутреннихъ дѣлъ экстраординарный кредитъ во 100.000 гульденовъ. Положеніе судебного вѣдомства не лучше состоянія администраціи, и не только потому что дѣятельность судовъ слишкомъ узка и незначительна, но и потому что дѣйствія ихъ нерѣдко пристрастны, что судьи доступны подкупу, начиная съ низшихъ комитатскихъ судей до членовъ верховной судебной палаты и даже до членовъ стола септемвировъ. Считаемо бесполезнымъ указывать на причины не недовольства только, но открытаго негодованія, возбужденнаго въ массѣ не-мадьярскихъ національностей закономъ о мнимомъ уравниіи ихъ правъ съ Мадырами.

Но особое вниманіе необходимо обратить на раздраженіе порожденное въ народѣ закономъ 1865—1867 годовъ „о расходахъ общихъ для земель венгерской короны съ прочими владѣніями его величества и объ управленіи общеимперскими дѣлами“, какъ равно и иными измѣненіями законовъ 1848 года. Эти вопросы раздѣлили всю страну на два враждебные лагеря. Въ 1861 году сеймъ, какъ извѣстно, былъ распущенъ прежде чѣмъ успѣлъ обсудить что-либо кромѣ адреса, составленнаго въ умѣренномъ духѣ Деакомъ. Въ этомъ адресѣ заключалось требованіе полного возстановленія законовъ 1848 года и тогдашняго порядка вещей, то-есть признанія независимаго государственнаго существованія Венгріи, связанной съ цислейтанскими землями лишь особой общаго монарха, сообразно прагматической санкціи; это послужило тогда поводомъ къ распущенію сейма. Сеймъ, созванный въ концѣ 1865 года, или, лучше сказать, его большинство, искусно организованное тѣмъ же Деакомъ, покинуло почву положительнаго права, приняло политику выжидательную, и несмотря на кризисъ, постигшій Австрію въ 1866 году, во дни борьбы „Нѣмцевъ съ Нѣмцами“, вступило на путь уступокъ. Партія строго держащаяся конституціи 1848 года поспѣшила объявить подобный образъ дѣйствій грубою политическою ошибкой и измѣной отечеству. Слѣдствіемъ

этого разногласія было образование двухъ главныхъ партій въ странѣ, изъ коихъ одна получила названіе Деаковой, или правой стороны, или просто правительственной партіи. Эта партія признаетъ заключенное минувшимъ сеймомъ соглашеніе съ Австріей и рѣшеніе вопроса о государственномъ бытіи Венгріи не подлежащими измѣненію и желаетъ во что бы то ни стало удержать эти начала. Для того она постоянно отделяетъ сужденія о нихъ на сеймѣ и считаетъ задачей будущаго сейма лишь однѣ внутреннія реформы. Вторая, *лѣвая* партія, стремящаяся въ возможно-скорѣйшемъ времени низвергнуть все упомянутое соглашеніе, видитъ цѣль трудовъ сейма въ исполненіи этого предпріятія. Правая сторона распадается въ свою очередь на центръ, желающій реформъ въ узкомъ, аристократическомъ духѣ, и на крайнюю правую сторону, стремящуюся къ либеральнымъ реформамъ и сходящуюся въ этомъ съ лѣвымъ центромъ. Лѣвая сторона совмѣщаетъ въ себѣ также два отѣнка. Лѣвый центръ, съ Коломаномъ Тиса и Коломаномъ Гици во главѣ, желаетъ соединенія Австріи съ Венгріей посредствомъ личной уніи и во всякомъ случаѣ путемъ вполне законнымъ. Крайняя лѣвая, настоящій глава которой есть Лудовикъ Кошутъ, весьма мало заботится о союзѣ съ Австріей и даже о самомъ существованіи ея; она стремится напротивъ, какъ это высказалъ Кошутъ въ своемъ манифестѣ 1861 года, къ устройству дунайской федераціи; на время Кошутъ допускаетъ, впрочемъ, нѣкоторую, возможно слабѣйшую связь съ Австріей.

Партія Деака дорожитъ и существованіемъ Австріи, и связью Венгріи съ нею. Въ 1866 году партія, господствовавшая въ то время на сеймѣ, спокойно взирала, почти вплоть до катастрофы при Садовой, какъ сила обстоятельствъ вела Австрію на край пропасти; тогда она боялась нарушить постановленіе сейма 1848 года, отказавшагося помогать чѣмъ-либо Австріи въ ея стремленіяхъ воспрепятствовать объединенію Германіи. Въ то же время ослабленіе Австріи было вполне на-руку деакистамъ: они видѣли возможность въ данную минуту выступить въ качествѣ спасителей династіи и монархіи и вознаградить себя за то полною признательностью спасенныхъ и пріобрѣтеніемъ сильнаго вліянія на дѣла. Партія Деака считаетъ Венгрію въ настоящемъ ея положеніи слишкомъ слабою для подчиненія себѣ прочихъ

земель короны Св. Стефана или для отдѣльнаго политическаго существованія, а послѣднее считаетъ даже опаснымъ для будущности мадьярской расы. Для того чтобы Мадьяры могли спокойно существовать, пытаюсь уметь, потому и кровью другихъ народовъ, въ особенности же Славянъ, деактивисты отдали Венгрію подъ покровительство Австріи, но именно нынѣшней Австріи, уже слишкомъ слабой чтобы быть опасною или захотѣть управлять Венгріей по собственной системѣ, но напротивъ принужденной, по своей безпомощности, отдать свои все еще большія средства въ полное распоряженіе мадьярскихъ политиковъ. Лѣвая сторона, какъ сказано выше, мало заботится и о существованіи Австріи и о связи Венгрии съ нею, а крайняя оппозиція, какъ писалъ въ прошедшемъ году Кошутъ къ своимъ избирателямъ, находить это соединеніе не только вреднымъ, но даже въ высшей степени опаснымъ для Венгрии. Она считаетъ свою родину способною жить независимою политическою жизнью. Но даже и эта партія желаетъ обезпечить себя отъ напора Славянъ заключеніемъ международныхъ оборонительныхъ и наступательныхъ договоровъ съ объединенною Германіей, что ясно видно изъ инструкцій, данныхъ венгерскимъ министерствомъ 1848 года отправленному на франкфуртскій сеймъ уполномоченному депутату.

Лица принадлежація къ немадьярскимъ національностямъ группируются около этихъ двухъ политическихъ партій, смотря по личнымъ взглядамъ и выгодамъ. Люди же остающіеся вѣрными своему національному патриотизму, становятся въ особое, независимое отъ этихъ партій, положеніе; они слишкомъ хорошо видятъ, что главный догматъ мадьяризма есть солидарность политики Мадьяровъ и Нѣмцевъ отъ Гамбурга до Чернаго моря. Эта политика направлена главнымъ образомъ противъ Славянъ; ея главная задача присоединеніе и ассимилированіе различныхъ славянскихъ племенъ или, по крайней мѣрѣ, отдѣленіе южныхъ Славянъ отъ сѣверныхъ ихъ братьевъ и ослабленіе ихъ. Политика эта направлена и противъ Румыновъ, но это менѣе замѣтно по ихъ малочисленности. Румыны и Сербы сошлись въ началѣ февраля текущаго года на конференцію въ Темешварѣ, гдѣ приняты были слѣдующія рѣшенія, какъ непремѣнныя условія національной программы: 1) солидарность всѣхъ не-мадьярскихъ національностей; 2) требованіе

закона о равноправности ихъ, основаннаго на сущности мнѣнія меньшинства минувшаго сейма; 3) соединеніе Венгріи съ Трансильваніей на началахъ заявленныхъ въ постановленіи румынскихъ депутатовъ Марцелларіу съ товарищами; 4) отмѣна закона 1867 г., опредѣлившаго способъ управленія общеимперскими дѣлами; 5) разрѣшеніе хорватскаго вопроса на началахъ противоположныхъ уни, проведенной мадьяронами; 6) организація муниципій на демократическихъ началахъ. Наконецъ было постановлено, что національные депутаты должны образовать на сеймѣ особую партію и отдѣльный клубъ. Не нужно прибавлять, что подобная программа встревожила Мадьяровъ, какъ членовъ правой стороны, такъ и дѣятелей оппозиціи. Морицъ Іокай, главный редакторъ газеты *Hon*, органа лѣваго центра, объявилъ что новая партія измѣняетъ отечеству. Органъ Деака *Pesti Naplo* и газеты *Hazank* и *Szazadunk*, органы генерала Кланки и Франца Пульского, соперничали между собой въ обвиненіяхъ противъ не-мадьярскихъ національностей.

Словаки, въ свою очередь, не имѣли причинъ быть довольными установившимся порядкомъ вещей и наслаждаться благодѣяніями законовъ, ловко проведенныхъ деакистами. Они никогда и не высказывали своего удовольствія. Въ то же время законъ о мнимой равноправности національностей, противъ котораго не поднялъ голоса ни одинъ депутатъ лѣвой стороны, не содѣйствовалъ усиленію ихъ симпатій и къ оппозиціи, тѣмъ болѣе что Іокай въ газетѣ *Hon* причислилъ и Словаковъ къ измѣнникамъ отечеству, а въ своей юмористической газетѣ *Üstökös* (*Комета*) сказалъ, что партія *Петитбудижскихъ Вндомостетей* есть *Triplabal* (утроенная оппозиція), стоящая притомъ одною ногою въ Россіи. Такимъ образомъ естественно было Словакамъ, во имя солидарности всѣхъ не-мадьярскихъ народовъ и согласно духу словацкаго меморандума 1861 года, примкнуть къ заявленію и программѣ Сербовъ и Румыновъ. Но такъ какъ Словаки не могли ожидать отъ правой стороны ни въ гражданскомъ, ни въ политическомъ, ни еще менѣе въ національномъ отношеніи какихъ-либо выгодъ, а въ то же время живущіе въ словацкихъ комитатахъ сторонники оппозиціи обѣщали имъ поддерживать во время предстоявшихъ выборовъ національныхъ словацкихъ кандидатовъ, такъ какъ, наконецъ, и въ массѣ

словацкаго народа, куда уже проникло сознание истиннаго значенія дѣятельности Деаковой партіи, господствовало раздраженіе противъ нея, то органъ словацкихъ націоналистовъ, *Пештбудижскія Вѣдомости*, и національные кандидаты въ обнародованныхъ ими программахъ объявили себя на сторонѣ оппозиціи.

II.

Таково было положеніе дѣлъ въ Венгріи, когда въ прошедшемъ декабрѣ окончился законный трехгодичный срокъ сейма. Всюду началось движеніе. Въ журналистикѣ, въ комитатскихъ собраніяхъ и въ частныхъ кружкахъ оппозиція противъ правительства и сильной на только что закрытомъ сеймѣ партіи Деака сдѣлалась всеобщей, бурной. Правительство и деакисты не уступали съ своей стороны. Ихъ журналистика до небесъ превозносила результаты трудовъ послѣдняго сейма и называла членовъ оппозиціи, не разбирая Мадыяры ли они или нѣтъ, измѣнниками, русскими агентами и наемниками. Великіе жупаны и бывшіе члены большинства въ самонадѣянныхъ и пышныхъ рѣчахъ восхваляли неустанные труды правительства и ихъ собственной партіи на пользу родины, причемъ не преминули въ яркихъ краскахъ изобразить опасности которымъ оппозиція подвергма бы „дорогое“ отечество, еслибъ ей удалось достигнуть большинства. Оппозиція съ своей стороны выставяла ораторовъ, слова которыхъ встрѣчали болѣе сочувствія. И чѣмъ больше правительство и деакисты старались распространить свое вліяніе, тѣмъ болѣе они утрачивали его въ глазахъ народа, склоняющагося въ пользу лѣвой стороны и національной не-мадыарской партіи.

Въ виду этого деакисты тѣсно и открыто соединились съ клерикалами. Въ Пештѣ организовался центральный клубъ деакистовъ съ различными бюро, какъ-то: бюро корреспонденцій, административныхъ и статистическихъ свѣдѣній и финансовъ. Привлекаемые членами этой партіи, въ особенности магнатами и членами администраціи, банкиры христіане, а еще болѣе новобращенные въ христіанство Евреи, равно какъ и облагаемые при всякомъ случаѣ

„добровольною“ контрибуціей духовныя лица сдѣлали въ центральную кассу партіи громадныя вклады. * По образцу центрального клуба, во всѣхъ комитатахъ возникли клубы деакистовъ, распространившіеся и на отдѣльные избирательные округа; при мелкихъ клубахъ основывались филиальныя кассы.

Клубы эти обнародовали программу, составленную, конечно, въ центральномъ клубѣ партіи. Они распространили эту программу въ большомъ количествѣ экземпляровъ, убѣждая обывателей приложить къ ней руку, не взирая на то имѣютъ ли они право подачи голоса или нѣтъ, чтобы заранѣе собственною ихъ подписью связать ихъ съ деакистами. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ это дѣло шло неуспѣшно, и собиратели подписей нерѣдко выпроваживались довольно грубо. За то среди мало образованной части общества нерѣдко удавалось вынудить подпись различными домогательствами въ родѣ слѣдующихъ: „Хочешь ли ты мира или революціи, говорили они колеблющемуся, — въ революціи тебя повѣсятъ и сына твоего застрѣлятъ? Если хочешь мира, то подпиши.“ Католикамъ они говорили: „Хочешь ли чтобъ у епископовъ и канониковъ была отнята собственность и отдана еретикамъ? Не хочешь, такъ подписывай.“ Словакамъ они говорили: „Хочешь продать родину Русскимъ?...“ и такъ далѣе до безконечности.

Лѣвая сторона, по примѣру правой, также организовала центральный клубъ въ Пештѣ и клубы въ комитатахъ съ филиаціями во всѣхъ избирательныхъ округахъ, и также обнародовала прокламацію. Но она не имѣла большихъ средствъ, не имѣла власти, покровительства администраціи и духовенства. Національная не-мадьярская партія не имѣла почти вовсе этихъ важныхъ вспомогательныхъ средствъ.

Организація избирательнаго движенія была уже окончена и предвѣщала борьбу съ крайнимъ напряженіемъ всѣхъ

* Не могу достовѣрно ручаться за слухи распространяемые многими газетами и большинствомъ публики, что правительство, для направленія выборовъ согласно съ своими видами, пожертвовало девять милліоновъ гульденовъ изъ государственной казны, но должно сознаться что расточительность деакистовъ во время волнений сопровождавшихъ выборы даетъ право думать что эта партія имѣла въ своемъ распоряженіи другіе доходы, кромѣ личныхъ средствъ участниковъ.

силъ, когда прибылъ въ комитаты императорскій рескриптъ, указавшій приготовительныя мѣры къ выборамъ въ сеймъ. Теперь надлежало деакистамъ позаботиться чтобы всѣ эти приготовления были въ пользу ихъ партіи, а также чтобы всѣ постановленія правительства клонились къ ихъ же выгодамъ. Въ этомъ отношеніи они обладали громаднымъ преимуществомъ и рѣшились пользоваться имъ до послѣдней крайности.

Все относящееся къ выборамъ опредѣляется V-ю статьею закона 1848 года. Согласно съ этою статьею, лишь только различными вѣдомствами получается рескриптъ, возвѣщающій о началѣ приготовленій, во всѣхъ комитатахъ безотлагательно созываются собранія, на которыхъ, для веденія избирательныхъ дѣлъ, организуются центральные комитеты, каждый подъ предсѣдательствомъ жупана. Въ комитетахъ всѣ избирательные округа должны имѣть своихъ представителей. Но эти представители населенія только для вида избираются общинами, въ сущности же назначаются самими чиновниками, по ихъ собственному произволу.

Для ближайшаго ознакомленія съ ходомъ выборовъ и съ наиболѣе дѣятельными при томъ факторами, центральными комитетами, необходимо взглянуть въ то что называютъ комитатскимъ собраніемъ; ибо каковъ избиратель, таковъ и избираемый. Законъ 1848 года постановилъ, что министерство обязано представить слѣдующему же сейму законопроектъ объ организаціи комитатовъ на началахъ народнаго представительства, и что до тѣхъ поръ дѣятельность комитатскихъ собраній должна перейти къ „постояннымъ комитетамъ“. Для устройства сихъ послѣднихъ были созданы собранія, въ которыхъ правомъ голоса пользовались всѣ кому до тѣхъ поръ предоставлялъ это право или законъ или постановленія комитатовъ; это были дворяне и знатныя лица, и нѣкоторые депутаты отъ общинъ. При общей экзальтаци, господствовавшей въ то бурное время, и при излишней многолюдности собранія, выборы въ постоянный комитетъ состояли въ томъ что предсѣдатель, великій жупанъ, прочитывалъ списокъ лицъ, составленный имъ и его близкими, и затѣмъ провозглашалъ всѣхъ поименованныхъ имъ членами комитета при громкихъ выраженіяхъ сочувствія со стороны собранія. По буквѣ закона, при выборахъ слѣдовало принимать во вниманіе пространство комитата и населеніе, включая всѣ

его классы, безъ различія происхожденія; но если вспомнимъ что избирательное собраніе состояло преимущественно изъ дворянъ, и что немногіе участвовавшіе въ немъ депутаты отъ общинъ при первомъ своемъ дебютѣ собирались въ весьма ограниченномъ числѣ и играли робкую роль возлѣ ихъ прежнихъ помѣщиковъ, то мы поймемъ почему главную роль играла тутъ дворянская партія. Такъ организованъ былъ постоянный комитетъ въ 1848 году, и такимъ онъ остался доселѣ. Министерство до сихъ поръ не исполнило требованія сейма, а въ 1861 году оно признало постоянные комитеты 1848 вполнѣ законными, восстановленными къ новой дѣятельности, и сдѣлало только въ ихъ составѣ небольшія измѣненія. Это дополненіе личнаго состава, неполнаго за убылью многихъ членовъ, совершилось тѣмъ же способомъ, по списку заготовленному жупанами и ихъ пріятелями; при господствовавшемъ тогда поклоненіи Деаку, новые члены комитетовъ были по большей части назначены изъ деакистовъ, а національныхъ депутатовъ и въ этотъ разъ тщательнѣе избѣгали.

Мы должны упомянуть здѣсь еще о весьма важномъ элементѣ входящемъ въ составъ этихъ учреждений, именно о комитатскихъ чиновникахъ, которые еще до 1848 года имѣли уже право голоса и мѣсто въ собраніяхъ, а въ послѣдствіи утверждены были въ этихъ правахъ законами. Чиновники, за исключеніемъ великаго жупана который назначается императоромъ, всѣ должны быть избираемы комитатскимъ собраніемъ, какъ того требуетъ прежнее законодательство, ограждавшее нѣсколько областную автономію; опредѣленные къ должностямъ не правительствомъ, а собраніемъ обывателей, они должны бы поэтому быть ответственными лишь предъ этимъ собраніемъ и отъ него зависѣть. Но это далеко не такъ на самомъ дѣлѣ. Властителемъ судебъ мѣстной администраціи только въ теоріи является комитатское собраніе, на дѣлѣ же вся власть въ рукахъ правительства, и именно въ рукахъ жупановъ, которымъ правительство отдаетъ низшихъ чиновниковъ въ такое же безотчетное распоряженіе въ какое отдало чиновниковъ государственной службы на произволъ министровъ. Понятно что комитатскіе чиновники во все время своей службы являются слѣпными орудіями воли жупановъ. Замѣчательно при томъ что жупаны, по изстари принадлежащей имъ привилегіи, имѣютъ право, по своему усмотрѣнію, назначить неограниченное

число почетныхъ чиновниковъ различныхъ званій, и такимъ образомъ имѣютъ возможность увеличивать число этихъ послушныхъ агентовъ своихъ. Почти нѣтъ ни одного жупана, который не воспользовался бы этимъ правомъ, и не затѣмъ чтобъ, какъ встарину, открыть тѣмъ молодому поколѣнію возможность подготовиться къ служенію родинѣ, но просто за тѣмъ чтобъ увеличить число сторонниковъ правительственной партіи въ комитатскихъ собраніяхъ.

Итакъ, вотъ изъ какихъ элементовъ и какимъ путемъ образуются эти собранія. Побуждаемая интересами своей партіи и повинная внушеніямъ правительства, она составила и центральные комитеты для управленія избирательнымъ движеніемъ почти сплошь изъ деакистовъ, а въ не-мадьярскихъ комитатахъ—изъ противниковъ національнаго движенія. Обстоятельство очень важное, такъ какъ во время выборовъ центральные комитеты образуютъ первую и, можно даже сказать, единственную инстанцію. Протесты и жалобы на неправильность избирательныхъ списковъ, составляемыхъ отдѣленіями комитета учрежденными по всѣмъ округамъ, могутъ быть приносимы только въ центральный комитетъ, имѣющій резиденцію въ главномъ городѣ области; всѣ жалобы рѣшаются тутъ безапелляціонно. Позже, по окончаніи выборовъ, можно обращаться и къ сейму, но лишь съ просьбой объ уничтоженіи выбора. Въ промежуточный періодъ законъ дозволяетъ обращаться и къ посредничеству министровъ, которые обязаны надзирать за соблюденіемъ законныхъ постановленій и давать соотвѣтствующія инструкціи центральнымъ комитетамъ. Но редакция этой статьи закона даетъ только возможность министерству вмѣшаться въ дѣла тамъ гдѣ центральный комитетъ дѣйствуетъ не въ пользу правительственныхъ кандидатовъ, какъ это было въ недавнее время въ Темешварѣ и Кошицѣ (Kaschau). Центральные комитеты въ этихъ мѣстностяхъ состояли изъ сторонниковъ оппозиціи: министерство распустило ихъ и назначило новые выборы. Но жалобы приносимыя оппозиціей оставляются министерствомъ безъ всякихъ послѣдствій.

Каждый центральный комитетъ, какъ сказано выше, учреждаетъ въ различныхъ округахъ, для переписи избирателей, подвѣдомственные ему отдѣленія, обязанныя составить въ двѣ недѣли списокъ лицъ желающихъ участвовать въ выборахъ. Кто въ теченіе этого срока не заявитъ о своемъ желаніи,

имя того не можетъ болѣе быть внесено въ число избирателей. Списокъ этотъ долженъ быть вывѣшенъ для публики въ продолженіе нѣсколькихъ дней. Центральныи комитетъ долженъ окончить свои засѣданія въ теченіе двухъ недѣль, послѣ чего обязанъ послать одинъ экземпляръ списка въ министерство, другой въ комитатскій архивъ и оставить третій для справокъ во время выборовъ.

Укажемъ какія лица имѣли право голоса по закону 1848 года. Законъ этотъ гласитъ:

„1) Всѣ принимавшіе доселѣ участіе въ выборахъ и впредь сохраняютъ это право. 2) Избирателями могутъ быть природные жители Венгріи и сосѣднихъ земель или натурализованные иностранцы, безъ различія вѣроисповѣданія, если эти лица не моложе 20 лѣтъ, не состоятъ подъ какою-либо опекой или въ крѣпостной зависимости, не подвергались наказанію за грабежъ, контрабанду, убійство или поджогъ. Въ частности сюда относятся: а) имѣющіе въ городахъ и общинахъ управляемыхъ магистратомъ домъ или участокъ земли цѣною въ 300 гульденовъ, въ прочихъ же мѣстностяхъ обладающіе четвертью крестьянскаго надѣла; б) ослѣдые ремесленники, купцы и фабриканты, имѣющіе собственныя заведенія, хотя бы съ однимъ рабочимъ; в) лица не принадлежащія къ поименованнымъ категоріямъ, но имѣющія чистаго дохода 100 гульденовъ; г) всѣ доктора, адвокаты, инженеры, художники, профессоры, фармацевты, духовные, общинные нотариусы и учителя, безъ различія получаемыхъ ими доходовъ; д) всѣ состоявшіе доселѣ гражданами городовъ, хотя бы они не принадлежали къ упомянутымъ выше разрядамъ.“

Вмѣстѣ съ тѣмъ законы 1848 года точно опредѣляютъ число избирательныхъ округовъ для каждаго комитата, включая и находящіяся на территоріи комитатовъ небольшіе города. Но въ какой степени это дѣленіе составлено въ духѣ благопріятномъ Мадырамъ и невыгодномъ для прочихъ національностей, ясно изъ слѣдующаго сравненія: большіе мадыарскіе города, какъ, на примѣръ, Дебрецинъ, Сегединъ, Мышкольдъ, Пештъ и Офенъ, посылающіе на сеймъ отъ одного до пяти депутатовъ, выставляютъ круглымъ числомъ на 793.000 жителей 59 депутатовъ, а въ чисто-словацкихъ комитатахъ на 823.000 душъ приходится не болѣе 27 депутатовъ. Вслѣдствіе этого одинъ депутатъ мадыарскихъ городовъ служитъ представителемъ 13.000 душъ, въ то время какъ словацкій депутатъ — 34.000. Наконецъ разграниченіе избирательныхъ округовъ, назначеніе мѣстъ для производства выбо-

ровъ, зависящее отъ соображеній о населенности и центральности избираемаго пункта, предоставлено закономъ комитатскимъ собраніемъ. Произведенное ими въ 1848 году разграниченіе округовъ остается почти неприкосновенно доселѣ.

Если пристально вглядѣться въ дѣятельность словако-мадьярскихъ и русско-мадьярскихъ комитатовъ, которыхъ такъ много начиная отъ австро-моравской границы до Буковины, то невольно удивляешься, съ какимъ тонкимъ расчетомъ поступали въ 1848 году комитеты при формированіи избирательныхъ округовъ. Всѣ они округлены такъ, что ни одинъ изъ нихъ ни чисто-словацкій, ни чисто-русскій, но повсюду Русскіе и Словаки образуютъ съ Мадьярами одинъ избирательный округъ. Мѣстомъ для производства выборовъ избирался всегда либо мадьярскій, либо извѣстный своею преданностью мадьяризму городъ или мѣстечко, иногда даже лежащее на самомъ краю комитата, хотя бы длина его равнялась десяти милямъ. Такое распределеніе округовъ принесло громадныя выгоды Мадьярамъ и причинило громадныя ущербы прочимъ народамъ. Весьма часто многіе не-мадьярскіе избиратели, отдаленные на нѣсколько миль отъ мѣста выбора, съ трудомъ рѣшаются пожертвовать тремя или пятью днями и принять на себя значительные расходы для подачи голоса. Живущіе же на самомъ мѣстѣ производства выборовъ Мадьяры, безъ всякаго труда, расходовъ и потери времени, могутъ всегда явиться къ вотированію всѣ до одного и образовать надежную массу, которая можетъ смѣло дѣйствовать на не-мадьярскихъ избирателей путемъ обѣщаній или угрозъ и даже превзойти численностью.

Въ законѣ, затѣмъ, не указано гдѣ должно происходить составленіе избирательныхъ списковъ, на самыхъ ли мѣстахъ жительства избирателей или въ главномъ городѣ округа. Поэтому вполне зависитъ отъ произвола комиссій избрать тотъ или другой образъ дѣйствія; комиссія можетъ перѣзжать съ мѣста на мѣсто, или исполнить всю свою работу въ городѣ и немногихъ избранныхъ мѣстностяхъ. При послѣдней переписи избирателей комиссіи въ полной мѣрѣ воспользовались пробѣломъ, оставленнымъ упомянутымъ закономъ. Когда комиссіи открыли свои дѣйствія, уже извѣстны были всѣ кандидаты правой и лѣвой сторонъ и національной партіи, извѣстно было въ какой общинѣ восторже-

отвѣтъ та или другая сторона. Комиссіи, составленныя почти повсюду, исключая Темешваръ и Кошицы, изъ деакистовъ, тщательно освѣдомлялись о настроеніи умовъ въ каждой отдѣльной мѣстности и согласно съ тѣмъ опредѣляли мѣста производства переписи. Всѣ мѣстности проникнутыя духомъ мадьяризма комиссіи осматривали сполна, давая возможность полноправнымъ гражданамъ безъ хлопотъ и безотлагательно записываться въ число избирателей; къ этому нерѣдко понуждали гражданъ комитатскіе чиновники, мѣстные власти или агенты деакистовъ, такъ-называемые *kortesi* (*kortes*), пуская въ ходъ и угрозы денежнымъ штрафомъ. Для составленія переписи въ округахъ не сочувствующихъ деакистамъ или, что еще хуже, съ національнымъ направленіемъ, избирались отдаленныя и незначительныя мѣстечки, чтобъ этимъ затруднить или даже сдѣлать вполнѣ невозможнымъ требуемое закономъ личное присутствіе избирателей, равно какъ и предъявленіе удостовѣренія въ полноправности.

Но когда комиссіи, провѣряя свои труды, убѣдились все-таки, что при законномъ ходѣ дѣлъ ихъ партія не получитъ большинства голосовъ, онѣ принялись за вербовку работниковъ, подмастерьевъ и другихъ лицъ не имѣющихъ по закону права голоса, съ условіемъ стоять за деакистовъ, а въ то же время не допускали къ выборамъ гражданъ, хотя и полноправныхъ, но принадлежавшихъ къ тѣмъ мѣстностямъ которыя заявили свое сочувствіе къ оппозиціи. Всего хуже поступали онѣ съ тѣми общинами, жители которыхъ объявили себя *панславистами* или *Русскими*. Я знаю многія словацкія общины, гдѣ изъ 250 избирателей бывало отвергнуто 130; знаю торговыя села, въ которыхъ не допускали до выборовъ отъ двухъ до трехъ сотъ человекъ, или села съ 5.000—6.000 жителей, состоящихъ преимущественно изъ сельскихъ хозяевъ или ремесленниковъ, гдѣ въ списки избирателей вошло не болѣе 70 или 100 именъ. Съ другой стороны, я знаю также много мѣстностей гдѣ изъ 2.000 жителей записывалось болѣе трехсотъ избирателей тольکو потому что эти мѣстности объявили себя за Деака, или потому что образъ мыслей и пріочія личныя достоинства общинныхъ и приходскихъ старшинъ и другихъ властей показали комиссіи прочною гарантіей того что всѣ мѣстные избиратели будутъ восторговать въ пользу правительства.

Для такихъ обмановъ главная опора нашлась въ самомъ положеніи 1848 года. Въ немъ сказано, что всѣ имѣвшіе до-тогда право голоса и впредь сохранять его, и между прочимъ къ этому разряду отнесены дворяне и почетныя лица, имѣющія многочисленныхъ представителей въ большинствѣ комитатовъ, часто заселенныхъ почти одними дворянами. Отъ нихъ не требуется никакихъ удостовѣреній, что весьма важно для комиссій. Вообще комиссіи объясняютъ слова закона: *имѣвшіе доселѣ право голоса*, совершенно произвольно, смотря по тому чего требуетъ выгода правительства и его кандидатовъ. Гдѣ дворянскія общины были расположены въ его пользу, комиссія принимала что всѣ члены общины, начиная съ двадцати, а въ иныхъ комитатахъ даже съ семнадцати-лѣтняго возраста, пользовались правомъ голоса. Если же община принадлежала къ оппозиціи или стояла за кандидата изъ панславистовъ, что случалось иногда въ словацкихъ комитатахъ, тогда комиссіи объясняли слова закона въ томъ смыслѣ, что только тѣ дворяне имѣютъ право голоса, которые лично пользовались имъ уже въ 1848 году, потомство же ихъ исключали изъ епископъ, если оно не имѣло другихъ правъ на участіе въ выборахъ.

Еще шире истолковывалась статья закона касательно городскихъ обывателей. Въ строгомъ значеніи слова именовъ *города* обозначаются только королевскіе вольные города (*königliche Freistädte*), въ болѣе же обширномъ смыслѣ этимъ именовъ называются и общины управляемыя магистратами, а въ просторѣчій и всѣ торговыя общины. Комиссіи усердно истолковывали это въ пользу своей партіи и во вредъ противниковъ, давая право голоса, смотря по обстоятельствамъ, либо обывателямъ однихъ королевскихъ вольныхъ городовъ или распространяя это право и на обитателей другихъ мѣстностей.

Въроятно читатель удивится, почему въ виду столько злоупотребленій никто не принесъ жалобы въ центральный комитетъ или въ министерство. Но если взять въ соображеніе разстояніе, трату времени и денегъ и сомнительность успѣха, то удивительно ли, что никто изъ небогатыхъ обывателей не рѣшился на подобный ризкъ? Къ тому же возможно ли предположить чтобы комиссіи дозволили себѣ столько вопиющихъ злоупотребленій, еслибы не имѣли на то согласія центрального комитета и не заручились заранѣе

снисхожденіемъ самого министерства. Результатъ подтвердилъ истину этихъ словъ. Избиратели отдаленныхъ мѣстностей не воспользовались своимъ правомъ протеста, а тѣ которые рѣшились на это, протестовали бесполезно.

Все сказанное до сихъ поръ заимствовано изъ газетъ или основано на показаніяхъ очевидцевъ, и я ничуть не искажилъ и не преувеличилъ дѣйствительности. Для полнѣйшей характеристики дѣйствій комиссіей я долженъ прибавить, что во многихъ словацкихъ общинахъ комиссію, видя невозможность торжества правительственнаго кандидата надъ противоположною партіей, не оканчивали переписи въ опредѣленный закономъ срокъ, чтобы въ послѣдствіи увеличить число приверженцевъ своего кандидата дополнительнымъ внесеніемъ въ списокъ именъ гражданъ не пользующихся по закону правомъ голоса. Случалось также что имена преданныхъ національному дѣлу избирателей, которыхъ ни подъ какимъ предлогомъ нельзя было лишить ихъ законныхъ правъ, преднамѣренно искажались при записываніи, чтобы можно было въ послѣдствіи удалить ихъ. Это дѣлалось слѣдующимъ образомъ: является, напримѣръ, Мартынь Богатый, а комиссія записываетъ Ивана Богатаго или Мартына Рогатаго. Когда Мартынь Богатый приходитъ на выборы, немедленно справляется въ спискахъ, и оказывается что записанъ вовсе не онъ, а другое лицо, и его отсылаютъ обратно.

Но довольно всѣхъ этихъ подробностей. Я полагаю что успѣлъ показать до какой степени несправедливъ избирательный законъ относительно не-мадьярскихъ національностей, и какое раздолье представляетъ онъ проискамъ правительственныхъ агентовъ для поддержанія своихъ кандидатовъ и устраненія партизановъ оппозиціи. Взглянемъ теперь на картину съ другой стороны и посмотримъ въ дѣйствія самихъ избирателей во время конскрипціи и вплоть до наступленія дня выборовъ.

III.

Мы говорили уже о раздробленіи населенія страны на двѣ большія партіи и объ обособленіи національной партіи. Дѣятели, въ своей борьбѣ съ лѣвой стороной, считали все позволительнымъ, но противъ Словаковъ они почти преступали

границы возможнаго: когда дѣло не шло на ладъ, они рѣшались даже поддерживать оппозиціоннаго кандидата, только бы не допустить въ сеймъ Словака. Когда дѣло шло объ устраненіи національнаго кандидата, деакисты не рѣдко даже соединялись съ лѣвою стороною, иногда открыто, иногда же, для сохраненія декорума въ виду общественнаго мнѣнія и для вящаго обмана національной партіи, втайнѣ; каждая изъ соединившихся такимъ образомъ партій подъ рукою работала противъ національнаго кандидата. Католическое духовенство, съ своей стороны, оказало громадныя услуги дѣлу Деаковой партіи. Оно организовало, благодаря своему іерархическому устройству, стойкую и обширную фалангу бойцовъ противъ оппозиціи. Въ этомъ дѣлѣ духовенство пошло такъ далеко что, напримѣръ, епископъ Рожновской (Розенауской) епархіи избавилъ завербованныхъ имъ избирателей отъ поста за все время выборовъ. Духовныя лица изъ Словаковъ склонялись ихъ начальствомъ на сторону Деака угрозами или обѣщаніями наградъ, повышеній и т. д. Лишь немногіе составили исключеніе изъ общей массы и не дали себя ни устранить, ни соблазнить; къ числу ихъ принадлежалъ, напримѣръ, священникъ Андрей Радлинскій, который и безъ того уже считается опутаннымъ сѣтями діавола вслѣдствіе его поѣздки на московскую этнографическую выставку; точно также поступили удаленныя отъ службы за непоколебимую вѣрность національному дѣлу почтенный директоръ гимназіи Мартынь Чулень, священникъ Іоаннь Благо, учитель семинаріи и историкъ Францъ Сасинекъ. Не мало пособляли дѣлу Деака и Евреи, благодарные сеймовому большинству за свою эманципацію и напуганные тѣмъ что оппозиція, взявъ власть въ руки, лишитъ-де ихъ приобретенныхъ правъ. Еврейскій же элементъ въ населеніи Венгріи имѣетъ важное значеніе, такъ какъ онъ служитъ представителемъ капитала и обладаетъ большими участками земли; кромѣ того, что немаловажно во время избирательныхъ волненій, Евреи во всѣхъ мѣстностяхъ населенныхъ Словаками держатъ шинки и гостиницы, и потому имѣютъ въ своихъ рукахъ опасное средство для совращенія простаго народа. Наконецъ, партіи Деака содѣйствовали также и евангелическіе суперинтенденты и подвѣдомственное имъ духовенство. Сербы, Румыны, а въ нѣкоторой степени и Русскіе имѣли то преимущество что духовенство ихъ отличалось національнымъ направленіемъ и стояло за народное дѣло.

Словаки не поддавались примѣру, поданному имъ обѣими мадьярскими партіями и не устроили особыхъ избирательныхъ клубовъ, уже потому что это было бы невозможно. У Словаковъ нѣтъ центральнаго пункта, гдѣ бы сосредоточивалась ихъ вліятельная интеллигенція и могла бы быстро, безъ затрудненій и расходовъ, принять участіе въ выборахъ. Вліятельные Словаки разсыяны по различнымъ мѣстамъ пространной полосы земли отъ Прешборка (Presburg) до Кошице, изрѣзанной горами и лишенной хорошихъ путей сообщенія. Поэтому личныя сношенія между ними крайне затруднительны, а отъ ноября до апрѣля почти невозможны. Письменныя сношенія, значительно замедлившіяся въ последнее время вслѣдствіе умноженія почтовыхъ станцій и неумѣлости чиновниковъ, оказываются весьма недостаточными для управления движеніемъ на такомъ обширномъ пространствѣ и причиняютъ иногда недоразумѣнія и замѣшательства. Все это побудило Словаковъ ограничиться созывомъ мѣстныхъ избирательныхъ митинговъ по округамъ и устройствомъ окружныхъ комитетовъ.

Деакисты ловко распредѣлили роли между своими сторонниками, искусно сочетая ихъ дѣятельность между собою, подобно тому какъ одно колесо содѣйствуетъ движенію другаго въ большой машинѣ. Такъ хозяинъ фабрики просто предписывалъ своимъ служащимъ поддерживать его кандидата и оставалъ упорствующимъ безъ куска хлѣба. У людей, пользовавшихся въ бывшихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ правомъ рубки дѣса и выгономъ, отнималось это право въ случаѣ противодѣйствія. Духовенство съ кафедры проклятіями оппозицію и въ особенности національную партію, называя ея дѣятелей революціонерами, коммунистами, измѣнниками и русскими агентами. Жуланъ Звоненкаго комитета, Антоу Радванскій, распространялъ слухъ будто бы словацкій національный кандидатъ Людевитъ Турчо-Носицкій получалъ изъ кассы Словацкой Матицы для агитаціи 6.000 гульденовъ. Въ то же время пуцены были слухи что національный кандидатъ Сасинець получалъ „отъ русскаго царя“ 5.000 рублей, что другой словацкій патріотъ получалъ еще больше, и т. д.

Что не удавалось пропагандѣ помѣщика, приказанію чиновника, проповѣди священника, то довершалъ Еврей въ своемъ шинкѣ. Клубы щедро снабжали его деньгами, и онъ

усердно поилъ виномъ всѣхъ сторонниковъ ихъ партій, а нередко и всякаго встрѣчнаго, кто радъ былъ выпить даромъ. Приведу нѣсколько примѣровъ расточительности деакистовъ и деморализаціи народа. Министръ торговли Стефанъ Горове, выступившій въ Терезіенштадтскомъ кварталѣ Пешта кандидатомъ Деаковой партіи противъ Мораца Юкая, употребилъ на цѣли агитаціи 60.000 гульденовъ, — и тѣмъ не менѣе потерпѣлъ поражение, такъ что думалъ даже о выходѣ изъ министерства. Въ чисто словацкомъ округѣ Глоговцѣ, въ Нитрянскомъ комитатѣ, выступилъ кандидатомъ каноникъ Зуппанъ употребившій для избранія своего въ сеймъ 40.000 гул. По показаніямъ очевидцевъ, въ каждой мѣстности округа была приискана по крайней мѣрѣ одна гостиница, гдѣ, начиная съ Новаго Года и вплоть до 17-го марта (дня выборовъ), каждый изъ членовъ партіи получалъ по опредѣленной мѣрѣ вина съ придачей говядины, сельдей, сыру, хлѣба и т. д.; кто не являлся самъ въ шинокъ, получалъ слѣдующее ему на дому.

Мы упоминали объ агитаторахъ называемыхъ *кортешами*. По большей части это задорные крикуны, привыкшіе къ совращенію другихъ, а въ случаѣ надобности къ схваткамъ и дракамъ. Принимался за дѣло, кортешъ заботливо собираетъ справки о настроеніи умовъ въ извѣстной общинѣ, избранной имъ театромъ его дѣйствій. Если настроеніе это враждебно его дѣлу, онъ прокрадывается, какъ лиса, тихо и открыто въ общину, гдѣ у него всегда найдутся по крайней мѣрѣ одинъ или два официальные или духовные патрона. Последние приглашаютъ къ себѣ подъ какимъ-нибудь особымъ предлогомъ нѣсколько сосѣдей; кортешъ, будто случайный гость, вышанивается въ разговоръ, ставитъ „дорогимъ согражданамъ“ кварту, другую вина или водки, и между прочимъ приступаетъ со всею осторожностью къ восхваленію кандидата его партіи. Если упоминаніе его имени принято благосклонно, кортешъ шагъ за шагомъ подвигается впередъ, пока знамя его кандидата не разовьется надъ общиннымъ управленіемъ. Тогда вино снова льется рѣкой, цѣлыя бочки доставляются въ приходскій или общинный домъ и разливаются всѣмъ встрѣчнымъ. Если же, съ первыхъ словъ, кортешъ встрѣчаетъ холодность, онъ становится дерзокъ, бранится, грозитъ, и подвергается изгнанію изъ общины, или самъ почти

только скрывается, чтобы снова вернуться при первомъ обстоятельствѣ.

Когда, напротивъ, кортежъ вполнѣ устроенъ въ сочувствіи населенія, и ему предстоитъ склонить на свою сторону лишь одну часть его, или устроить торжественную демонстрацію въ честь своего кандидата, тогда онъ принимаетъ другой планъ дѣйствій. Онъ богато украшаетъ свое платье взятыми на прокатъ драгоценностями, кольцами, лентами, перьями; беретъ съ собой двухъ, трехъ надежныхъ мальчиковъ, садится съ ними въ экипажъ, на которомъ водружено знамя; на другомъ экипажѣ помѣщаетъ хоръ цыганской музыки, на третьемъ и четвертомъ бочки вина и водки. Во главѣ такого поѣзда въѣзжаетъ онъ въ село, при звукахъ музыки, оглушительной фанфарамъ, приветствуемый пистолетными и ружейными выстрѣлами. Тогда сбѣгается, и къ ней кортежъ обращается съ напыщенною рѣчью, раздаетъ ей программы, карды, знамена, провозглашаетъ здоровье своего кандидата; нерѣдко, при подобныхъ въѣздахъ, умышленно возбуждается враждебное чувство одной части гражданъ противъ противной партіи, и ватѣваются споры, даже кровавыя схватки; подбитые глаза, окровавленные головы, опасныя раны ножомъ падутъ тутъ ни по чемъ; нерѣдко эти схватки стѣбятъ жизни многимъ. При этомъ вмешиваются мѣстные власти и, разумеется, всегда въ пользу правительственной партіи. Если же самъ кортежъ въ то же время и комитатскій чиновникъ, то онъ собственною властью арестуетъ участниковъ въ схваткѣ со стороны оппозиціи, отдаетъ ихъ въ руки пандуровъ (комитатскихъ полицейскихъ, замѣшавшихъ собою прежнихъ жандармовъ), и либо самъ приговариваетъ виновныхъ къ наказанію, либо отсылаетъ ихъ въ комитатскій судъ, начинающій слѣдствіе съ нескрываемою цѣлью непременно обвинить противниковъ. Но перейдемъ къ послѣдней сценѣ, — къ самому дню выборовъ.

По законамъ 1848 года, центральные комитеты, по полученіи извѣщенія о ерокѣ открытія сейма, обязаны немедленно назначить день и часъ для производства выборовъ и объявить объ этомъ во всѣхъ общинахъ комитата. Кроме того, избираются для руководства выборами президентъ (Wahlpraeses) и нотариусъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и товарищи къ нимъ. Прибывъ на мѣсто выборовъ, каждый избиратель имѣетъ право предложить любого канди-

дага. Когда, по открытіи избирательнаго собранія, обнаружится что всѣ назвали одно и то же лицо, президентъ долженъ спросить избирателей, действительно ли они желаютъ этого кандидата, и въ случаѣ подтвержденія, объявляетъ его избраннымъ единогласно. Если же 10 избирателей потребуютъ подачи голосовъ, президентъ обязанъ исполнить это требованіе. При этомъ избираются изъ собранія два лица, которымъ поручается сборъ и счетъ голосовъ. Вотированіе производится посредствомъ записыванія именъ избирателей, подающихъ голоса въ пользу того или другаго кандидата; оно не можетъ быть прервано пока вотирующие не перестаютъ подходить съ своими заявленіями. Избранный абсолютнымъ большинствомъ кандидатъ провозглашается депутатомъ, въ противномъ же случаѣ начинается новая подача голосовъ относительно тѣхъ двухъ кандидатовъ которые получили наибольшее число голосовъ. Избиратели не должны являться на выборы съ оружіемъ; оскорбленія нанесенныя избирательной комиссіи караются уголовнымъ судомъ. Президентъ наблюдаетъ вообще за сохраненіемъ порядка и, въ случаѣ необходимости, можетъ потребовать присутствія вооруженной силы.

Последніе дни предъ выборами всѣ приверженцы Дежака день и ночь провели на ногахъ. Несмотря на постъ, всюду слышались веселые звуки нанятыхъ волынокъ, трубъ и другихъ инструментовъ, всюду во множествѣ пеклись и жарились кушанья для угощенія избирателей, вино лилось неисчерпаемыми струями. Въ то же время, гдѣ это было возможно, подкупались избиратели національной партіи за 2, 5 и даже 10 гульденовъ звонкою монетою, а старосты и имее начальство и за 100—200 гульденовъ. Когда въ известномъ округѣ правительственный кандидатъ не могъ надѣяться на побѣду надъ національнымъ противникомъ, обеспечившимъ себѣ большинство, тогда выдвигали въ послѣдніе дни передъ выборами лишняго кандидата изъ quasi-словацкихъ патриотовъ и ренегатовъ, нередко подъ ложною фирмой принадлежности къ оппозиціи, и этотъ кандидатъ, благодаря своему словацкому происхожденію, весьма часто вредилъ дѣлу національной партіи. Онъ ослаблялъ число ея сторонниковъ, а такъ какъ ни одинъ изъ трехъ кандидатовъ не имѣлъ абсолютнаго большинства, то являлась необходимость новаго вотированія, при которомъ можно было принять

новою мѣрой въ пользу деакиста. Избиратели правительственной стороны искусно задерживаются на мѣстѣ, угощаются и снабжаются всѣмъ необходимымъ, а противниковъ стараются выжить проволочками, надѣясь что истощеніе ихъ припасовъ и неудобство помѣщенія заставятъ ихъ удалиться. Противъ упорствующихъ употребляется подкупъ, если же и оныя не удается, то рѣшаются даже поджигивать вредныя вещества въ пите, чтобы лишить одурманеннаго возможности явиться на вторичное вотированіе.*

Почти во всехъ словацкихъ округахъ президенты выборовъ потребовали присылки военныхъ отрядовъ, которые, часто изъ-за 10 или 15 миль, прибывали на мѣсто дня за два или за три до начала выборовъ. Въ тѣхъ же мѣстахъ гдѣ національная партія была особенно сильна, располагался даже цѣлый гарнизонъ за нѣсколько недель до выборовъ, несмотря на то что въ этихъ городахъ съ незапамятныхъ временъ не бывало войска. Такъ, въ мѣстечкѣ Св. Мартинъ и Мошовцѣ, гдѣ выступили кандидатами Іоаннъ Іесенокій и Павелъ Мудронъ (посѣтившіе, какъ извѣстно, московскую этнографическую выставку), былъ помѣщенъ гарнизонъ.

Всѣ партіи и кандидаты налицо. Деакисты строго наблюдаютъ за своими, опасаясь перебивчиковъ къ Словакамъ. Президентъ даетъ деакистамъ ближайшее къ центральному мѣсту, удобнѣйшее и выгоднѣйшее помѣщеніе, гдѣ избиратели защищены отъ непогоды и удобно могутъ, въ ожиданіи, есть и пить. Противникамъ же отводится самое неудобное мѣсто. Обѣ партіи раздѣлены другъ отъ друга войсками, но такъ что кортежи деакистовъ могутъ легко пробираться къ Словакамъ и сиванивать ихъ. Подача голосовъ начинается съ деакистовъ, дабы показать всемъ какимъ почетомъ пользуется эта партія, вознаградить ея избирателей быстрымъ окончаніемъ труда, раздражить націоналистовъ и, на сколько удастся, понудить промедленіемъ, долгимъ стояніемъ въ грязи, подъ дождемъ, къ удаленію отъ мѣста подача голосовъ.**

* Въ Тренчинскомъ комитатѣ были даже случаи смерти вслѣдствіе подобной подлѣи.

** Въ нѣкоторыхъ округахъ число избирателей доходитъ до 3 и 4 тысячи, такъ что одно первое вотированіе продолжается 24, 36 и даже 48 часовъ, особенно когда президентъ умышленно затягиваетъ дѣло.

Иные президенты допускали подачу голосовъ по общинамъ, но и тутъ отдавали предпочтеніе тѣмъ общинамъ гдѣ все населеніе или большая его часть отошли за деакиста. Патрули изъ солдатъ и павуры ходятъ все время между избирателями.

Подача голосовъ должна быть личная и состоитъ въ поименованіи избирателемъ сначала себя, а потомъ и кандидата за котораго онъ вотируетъ. Если президентъ замѣчаетъ что на сторонѣ деакистовъ не составляетя большинства, онъ начинаетъ замедлять вотированіе на столько, чтобы дать время коротешамъ сманить побольше членовъ противной партіи и, кроме того, чтобы дать время тѣмъ избирателямъ которые уже подали голосъ переодѣться и потомъ снова вотировать подъ именемъ лицъ не жившихся на выборы или даже просто вымышленныхъ. Въ крайнемъ случаѣ войско отѣмляетъ остающихся націоналистовъ, а президентъ объявляетъ выборы окончанными и провозглашаетъ деакиста депутатомъ.

Все это покажется читателю невѣроятнымъ и преувеличеннымъ, но, къ сожалѣнію, все это вѣрно. Въ мѣстечкѣ Св. Мартинѣ, гдѣ, какъ оказано, большинство было за Гесенскаго, предъ днемъ выборовъ отрядъ войска двинулся въ зданіе занимаемое Словацкою Матицею, и когда городской судья Андрей Швельга отвѣчалъ на требованіе ключей отъ дома что согласится скорѣе быть застрѣленнымъ чѣмъ выдать ихъ, солдаты разломали двери и, противно всѣмъ постановленіямъ о постоѣ, разбѣгались въ домъ. Во время выборовъ противная партія затѣвала страшную драку, съ тѣмъ чтобы дать поводъ объявить вотированіе, прерванное ею, несостоявшимся; она даже подожгла по близости зданія Матицы сарай, думая что огонь охватитъ и сосѣднія постройки. Къ счастью, вѣтеръ дулъ въ противоположную сторону. Въ Мошовцѣ войско, воспользовавшись схваткой между избирателями, даю залпъ по сторонникамъ Мудрона и поранило многихъ. Въ Ельшавѣ, въ Гемерскомъ комитатѣ, партія словацкаго кандидата Калины, пришедъ на мѣсто, услышала о состоявшемся уже избраніи Мадьяра Сентъ-Ивана. Дѣло было въ томъ что выборы назначены были на девятый часъ утра; а башенные часы, благодаря подвигу сторожа, были подвинуты на цѣлый часъ впередъ. Не дожидаясь прибытія противниковъ, партія Сентъ-Ивану провоз-

главила его избраннымъ, какъ только стрѣлка часовъ показала девять.

Въ чисто-словацкомъ округѣ Вербовѣ, въ Нитранскомъ комитатѣ, выступилъ кандидатомъ Деаковой партіи Рудольфъ Очкай, съ малою однако поддержкой въ населеніи. Национальная партія передала кандидатуру, согласно постановленію собраннаго въ Миявѣ съѣзда представителей нѣсколькихъ общинъ, Ивану Францисци, основателю и пожизненному почетному президенту Словацкой Мѣтлицы, бывшему совѣтнику намѣстничества и великому жупану Липтовскаго комитата. Кроме того, повая словацкая партія выставила кандидатомъ адвоката Юсифа Боора, котораго она предназначила для роли подставнаго. Требовалось же что бы то ни стало воспрепятствовать избранію Ивана Францисци. При переписи избирателей, въ тѣхъ общинахъ которыя объявили себя за него было внесено въ списокъ шестью стами голосовъ менше, а въ общинахъ высказавшихся за Очкая нѣсколькими стами голосовъ болѣе, въ сравненіи съ 1865 годомъ. Когда Иванъ Францисци посѣтилъ, еще до начала выборовъ, избирательный округъ Кнапъ, тамъ произошелъ слѣдующій скандалъ. Представители этой мѣстности, имѣющей около 10.000 жителей, получили извѣщеніе отъ сосѣдняго торговаго села, гдѣ Иванъ Францисци только что встрѣтилъ радушный пріемъ, что онъ вскорѣ прибудетъ къ нимъ, что нѣкоторые бродягіи замышляютъ нанести ему оскорбленіе, и что потому просятъ принять мѣры для отвращенія скандала. Когда Францисци прибылъ въ названное мѣстечко въ сопровожденіи торжественной свиты, поѣздъ этотъ былъ встрѣченъ дождемъ камней, пистолетными выстрѣлами и палочными ударами со стороны толпы негодаевъ, собравшихся подъ окнами комитатскаго судьи; много было раненыхъ съ обѣихъ сторонъ. Судья, запершійся въ своемъ домѣ, и мѣстныя власти, слабо преданныя комитатскому начальству, допустили все безпорядки. Всю ночь длилась драка между приверженцами стоявшихъ за Францисци и партизанами Очкая. Когда въ день выборовъ партія Францисци явилась на мѣсто, она нашла дорогу занятою сильнымъ военнымъ отрядомъ, который, преграждая путь пытавшимся пробраться сквозь дѣль, пропустилъ въ то же время партію Очкая, шедшую съ музыкой и пѣнями. Тогда партія Францисци, при посредствѣ нѣсколькихъ лицъ которымъ удалось пробраться чрезъ

ограду одного сада, объявила президенту что она считает выборы, вслѣдствіе насилій противъ нея, незаконнымъ и, протестуя противъ него, удаляется. Очкай былъ выбранъ.

Въ словацкомъ округѣ Сеницкомъ извѣстный дѣятель народной партіи и евангелическій священникъ, докторъ Іосифъ Милославъ Гурбанъ, имѣлъ за себя двѣ трети избирателей, въ то время какъ правительственный кандидатъ Бузинкай имѣлъ за себя лишь одну треть. Тогда пущены были въ дѣло два подставные кандидата, изъ коихъ одинъ, нѣкто Конрадъ, отъявленный врагъ Гурбана, возымѣлъ вдругъ нѣжную дружбу къ нему, какъ бывший его школьный товарищъ, и выразилъ ему свое сожалѣніе что вынужденъ состязаться съ нимъ; другой такой же кандидатъ, капланъ Хованецъ, сторонникъ новой словацкой партіи, обнаруживалъ желаніе склонить въ свою пользу лишь католическія общины и затѣмъ соединиться съ Гурбаномъ. Чтò же случилось на дѣлѣ? Гурбанъ потерпѣлъ поражение, ибо и Конрадъ и Хованецъ съ ихъ сторонниками передались деакисту Бузинкаю.

Быть-можетъ, спросать, неужели не было никакихъ средствъ воспрепятствовать этимъ беззаконіямъ? Средство есть: дозволяется протестовать предъ сеймомъ противъ неправильности каждаго выбора. Но этотъ протестъ сопряженъ съ формальностями и иными затрудненіями и, кромѣ того, по постановленію минувшаго сейма, требуетъ представленія обезпеченія въ 1.000 гульденовъ на издержки по слѣдствію. Пришлось бы подать столько протестовъ, сколько есть словацкихъ округовъ, а національная партія не имѣетъ средствъ внести обезпеченіе даже въ нѣсколькихъ важнѣйшихъ случаяхъ нарушенія закона. Трудно ей рисковать многимъ, зная по опыту какъ мало приносятъ пользы протесты при пристрастіи судовъ и властей.

Но за всѣмъ тѣмъ остается еще вопросъ, почему же въ мадарскихъ избирательныхъ округахъ удалось провести выборы значительнаго числа оппозиціонныхъ депутатовъ, а въ словацкихъ округахъ почти не удавалось избрать оппозиціонныхъ или національныхъ кандидатовъ? Отвѣчу на это слѣдующимъ. Оппозиція пустила гораздо глубже свои корни въ мадарскихъ округахъ не потому что у Словаковъ менѣе поводовъ къ недовольству, но потому что мадарскій народъ гораздо самостоятельнѣе словацкаго. Онъ живетъ среди плодотворной мѣстности, обработка земли, коею онъ почти

исключительно занимается, даетъ ему возможность удовлетворять своимъ потребностямъ и не нуждаться ни въ чьей помощи. Между тѣмъ Словакъ зависитъ и отъ помещика, нуждаясь для обезпеченія жизни въ помещичьихъ лѣсахъ и выгонахъ, и отъ владѣльца большихъ промышленныхъ заведеній, горныхъ заводовъ и т. д., ибо не можетъ жить одною обработкой земли, а долженъ искать иной работы. Все это даетъ Мадырамъ удобное средство подавить свободу мнѣнія въ словацкомъ народѣ. Деакова партія хорошо поняла это, и когда оппозиція стала усиливаться въ мадыарскихъ областяхъ, смѣло и безошибочно предсказала что возьметъ свое у Словаковъ....

А. В.

КОМИТЕТЪ 1833 ГОДА

ОБЪ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ЗЕМЛЕДѢЛІЯ ВЪ РОССІИ

Тысяча восемьсотъ тридцать третій годъ, памятный въ нашихъ хозяйственныхъ лѣтописяхъ какъ одинъ изъ самыхъ бѣдственныхъ неурожайныхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, память также и тѣмъ что это самое бѣдствіе впервые внушило правительству серіозную мысль не о временныхъ только мѣрахъ для устраненія затрудненій въ продовольствіи населенія, но и о болѣе прочныхъ и постоянныхъ мѣрахъ къ усиленію производительности русской земли.

Среди заботъ, которыми осенью 1833 года занято было правительство, изыскивавшее средства къ облегченію страданій народа отъ обнаружившагося во многихъ мѣстностяхъ Россіи голода, раздался честный и правдивый голосъ бывшего въ то время президентомъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества адмирала, въ послѣдствіи графа, Николая Семеновича Мордвинова, который всегда относился со свойственною ему живостію ко всѣмъ важнѣйшимъ современнымъ ему явленіямъ въ отечествѣ и смѣло высказывалъ свои патриотическія убѣжденія, не боясь осужденія современниковъ и не увлекаясь желаніемъ слыть либераломъ.

Понятно что графъ Мордвиновъ не могъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ тѣхъ лишеній которыми подвергался русскій народъ вслѣдствіе постигшихъ его въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду неурожаевъ, и не могъ также удовлетвориться даже и тѣми энергическими мѣрами и тою

обширною системою всякаго рода пособій, къ которымъ прибѣгало правительство чтобы помочь нуждающимся маселеніямъ. Графъ Мордвиновъ видѣлъ въ посѣтившемъ Россію бѣдствіи только неизбежное послѣдствіе тѣхъ отсталыхъ системъ хозяйства, которыя господствовали на всемъ ея пространствѣ, и потому считалъ необходимымъ дѣлать заю въ самомъ его корнѣ. Съ этою цѣлю онъ рѣшился обратитъ вниманіе самого государя на причины неудовлетворительнаго положенія тогдашняго помѣщичьяго и крестьянскаго хозяйства, и указать на тѣ средства, которыя, по мнѣнію его, могли бы содѣйствовать радикальнымъ образомъ постепенному измѣненію этого положенія, въ надеждѣ что правительство приступитъ, по крайней мѣрѣ, хотя къ испытанію нѣкоторыхъ изъ этихъ средствъ.

Мысли графа Мордвинова, изложенныя имъ въ особой, довольно сжатой запискѣ, представленной императору Николаю Павловичу, такъ замѣчательны и до извѣстной степени такъ поучительны, даже въ настоящее время, что мы не можемъ не припомнить ихъ здѣсь и не разказать какъ обстоятельство, сопровождавшихъ это дѣло, такъ и вызванныхъ имъ послѣдствій, тѣмъ болѣе что они мало извѣстны, до нынѣ сохраняясь въ архивныхъ дѣлахъ.

„Признано за непреодолимую истину, такъ начиналась записка адмирала Мордвинова *, что начало богатства, а съ онымъ и благосостояніе народа возникаютъ отъ плодовъ землею произращаемыхъ. Но изобиліе и качество плодовъ зависятъ отъ степени проsvѣщенія въ наукѣ сельскаго хозяйства; сія же наука, полезнѣйшая въ составѣ всѣхъ другихъ, мало еще извѣстна въ Россіи, ибо ни въ одномъ изъ учебныхъ заведеній не преподается. Отъ сего существеннаго, при воспитаніи юности, недостатка, государственные доходы остаются и до нынѣ въ скудномъ ихъ состояніи, не отвѣтствующемъ ни пространству обладаемой земли, ни многообразнымъ угодамъ ея, ни числу народа, въ селахъ и деревняхъ живущаго и земледѣліемъ занимающагося. Крестьяне

* Всеподданнѣйшая записка адмирала Мордвинова напечатана въ *Полномъ Собраніи Законовъ* 1833 года, подъ № 6567, въ приложеніи къ высочайше утвержденному 14-го ноября 1833 года положенію комитета министровъ „объ усиленіи спосебовъ Великаго Экономическаго Общества къ состоящему въ вѣдѣніи разсмотрѣнія самодѣльной записки. С.-Петербургъ. 1833 г.“

пахнуть, сѣять, жнуть, какъ пахали, сѣли, жали за сто лѣтъ тому назадъ. Паренина вездѣ существуетъ; треть пахатной земли ежегодно остается безплодною; жатва вообще едва ли приноситъ четыре зерна, вмѣсто 15 и 20 при усовершенствованномъ хозяйствѣ; да и сіи скудные зерна суть обыкновенно рожь, овесъ, греча, малопѣкныя и болѣе истощающія землю, нежели уплождающія оную.

„Не выведя изъ бѣдности земледѣльца, будетъ неминуемо бѣденъ городской житель, и сія бѣдность распространяется на всѣ сословія народа. Дворяне обладатели земель, обреченные на службу военную и гражданскую, не живущіе въ своихъ помѣстьяхъ, а при томъ и мало просвѣщенные въ сельскомъ хозяйствѣ, предоставляютъ заурядъ обрабатываніе полей старостамъ, бурмистрамъ, не знающимъ ни употребленія усовершенствованныхъ орудій, облегчающихъ работу, ни присвоенныхъ каждому роду земли особыхъ сѣвооборотовъ, отъ коихъ зависятъ богатые урожаи, ни посѣва травъ, питательныхъ для скота и дающихъ съ десятины отъ 500 до 1.000 пудовъ сѣна, вмѣсто нынѣшнихъ 50, накашиваемыхъ съ дикихъ обыкновенныхъ луговъ, на коихъ часто растетъ кислая, тощая, а иногда даже и ядовитая трава. Чтобы замѣнить невѣжество искусствомъ, наставить и научить тому что другіе просвѣщенные въ Европѣ народы ввели въ употребленіе по сельскимъ хозяйствамъ съ безчисленными выгодами, Россія не имѣетъ еще особаго сословія, занимающагося наукой усовершенствованнаго земледѣлія, изъ котораго избираемы были бы управители искусные и опытные.“

Исходя изъ этихъ основныхъ мыслей и будучи глубоко убѣжденъ что всякое пожертвованіе со стороны правительства на пользу сельскаго хозяйства принесетъ сугубое вознагражденіе государственному казначейству, графъ Н. С. Мордвиновъ, какъ президентъ Вольнаго Экономическаго Общества, единственнаго въ то время центральнаго сельскохозяйственнаго, хотя и не правительственнаго органа, имѣющаго, по выраженію его, дѣлю „созидать народное богатство, стяжаемое изъ трехъ источниковъ: земли, рукодѣлія и промышленности,“ ходатайствовалъ о дарованіи Обществу 78.000 р. асс. для распространенія сельско-хозяйственныхъ знаний посредствомъ обученія молодыхъ людей практической агрономіи въ Россіи и за границей, продажей деш-

выхъ популярныхъ руководствъ по сельскому хозяйству, приготовленіемъ усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій, учрежденіемъ одного новаго экономического общества, одного земледѣльческаго института и образцовой усадьбы.

„Адмиралъ Мордвиновъ не о пользѣ и выгодахъ Экономическаго Общества ходатайствуетъ, говорилось въ заключеніи записки; но со всею искренностію заботится о пользахъ государственныхъ и о возможности совершить услугу угодную августѣйшему монарху нашему. По симъ уваженіямъ, онъ уповаетъ что не встрѣтитъ отказа въ испрашиваемомъ имъ со стороны правительства пожертвованіи, столь умѣренномъ, по важности предмета на который оное употребится и по надеждамъ къ достиженію частнаго и государственнаго блага. Стяжать богатство, или вѣчно бороться со скудностію, о семъ предлежитъ къ разрѣшенію вопросъ. Благословенъ будетъ Россією часъ разрѣшенія сего вопроса, съ онымъ возникнетъ благосостояніе 40 милл. народа живущаго въ селахъ и деревняхъ.“

Записку свою графъ Мордвиновъ представилъ императору Николаю Павловичу при всеподданнѣйшемъ письмѣ 23-го сентября 1833 года, * въ которомъ онъ между прочимъ писалъ: „Время, всемилостивѣйшій государь, помыслить о скудныхъ доходахъ государственнаго казначейства, изъ коего изливается изобиліе на всѣ отрасли пространнѣшаго въ мірѣ царства. О семъ неумолчно всегда радѣло сердце мое, и симъ оправдываю настоящій мой подвигъ. Природа щедро наградила обладаніе вашего величества, но народъ не богатъ, болѣе нуждающійся, и скудно казначейство ваше. Сію истину должно познать, и ваше величество явльше оному познаете, желая устроить благосостояніе каждаго изъ вѣрноподданныхъ вашихъ. Усердію предоставлено смѣло и небоязненно объ ней говорить. Удостойте всемилостивѣшаго воззрѣнія подносимую при семъ бумагу. Упованіе мое въ достиженіи успѣха утверждаю на единой высочайшей волѣ и благоуваженіи вашего величества, ибо донынѣ испытывалъ я одѣтъ токмо отсрочки и отказы въ ходатайствахъ и

* Письмо это находится въ дѣлѣ № 11, 1833 года, собственной министра финансовъ канцеляріи, по секретной части. Дѣло это по учрежденіи министерства государственныхъ имуществъ передано было въ бывшій 8-й департаментъ этого министерства.

представленіяхъ моихъ, когда время уходитъ и исчезаетъ невозвратно для блага, столь близкаго, но втунѣ нами теряемаго.“ Государь принялъ записку графа Мордвинова благосклонно и передалъ ее министру финансовъ, графу Е. Ф. Канкрину, для доклада.

Графъ Канкринъ, наслѣдовавшій отъ своего предшественника государственные финансы далеко не въ блистательномъ положеніи и съ немалымъ усиленіемъ достигшій устраненія въ бюджетѣ дефицита, въ виду неблагоприятныхъ условій созданныхъ неурожаемъ 1833 г. и вызванныхъ имъ чрезвычайныхъ расходовъ не могъ, конечно, принять съ большимъ сочувствіемъ предложеніе графа Мордвинова объ открытіи новаго кредита Вольному Экономическому Обществу въ 78.000 руб. Поэтому понятно что, соглашаясь, повидимому, съ общею мыслію записки адмирала Мордвинова, графъ Канкринъ старался ослабить производимое ею впечатлѣніе посредствомъ тѣхъ громкихъ и лестныхъ для національнаго самолюбія, хотя и мало заключавшихъ въ себѣ истины, фразъ, къ которымъ нерѣдко любятъ прибѣгать бюрократическая рутина, когда она возстаетъ противъ какой-либо новой мѣры или предложенія. Такъ въ докладѣ своемъ государю графъ Канкринъ замѣчалъ, * что кромѣ недостатка усовершенствованнаго сельскаго хозяйства есть и другія причины бѣдности крестьянъ, что правительствомъ уже много сдѣлано для поощренія сельскаго хозяйства, что личный интересъ есть гораздо сильнѣйшее побужденіе къ улучшеніямъ нежели содѣйствіе правительства или экономическихъ обществъ, что Россія едва ли находится на столь низкой степени развитія какъ полагаетъ адмиралъ Мордвиновъ, что въ предшествующія 20 или 30 лѣтъ промышленность наша сдѣлала вообще быстрый шагъ впередъ, и если, чего графъ Канкринъ не отвергалъ, сельское хозяйство дѣйствительно, по различнымъ естественнымъ и другимъ причинамъ, осталось позади этого общаго движенія, то, безъ сомнѣнія, судя по нѣкоторымъ начаткамъ улучшеній, чрезъ десятокъ лѣтъ и оно сдѣлаетъ значительные успѣхи. Къ сожалѣнію, мы знаемъ какъ мало оправдались эти предсказанія нашего

* Этотъ воспроизведенный докладъ, представленный гр. Канкринъ государю въ Царскомъ Селѣ, 6-го октября 1833 г., находится въ вышеозначенномъ дѣлѣ канцеляріи министра финансовъ.

замѣчательнаго финансоваго дѣятеля второй четверти настоящаго столѣтія, да едва ли и самъ графъ Канкринъ придавалъ особенное значеніе своимъ словамъ и раздѣлялъ тѣ блестящія надежды, которыми онъ старался успокоить государя. Вся цѣль его заявленій была направлена, конечно, лишь къ тому чтобъ отклонить новый, значительный, по его мнѣнію, расходъ, котораго требовалъ графъ Мордвиновъ изъ государственнаго казначейства для пользы отечественнаго земледѣлія. Въ надеждѣ что нѣкоторая уступка настоящему домогательству графа Мордвинова можетъ успокоить его и избавить казну отъ новаго расхода, и что отсрочка въ осуществленіи проектовъ графа Мордвинова можетъ охладить его собственный жаръ и ослабить вниманіе къ нимъ государя, графъ Канкринъ призналъ возможнымъ отпускать ежегодно Вольному Экономическому Обществу 20.000 р. асс. на отправленіе молодыхъ людей въ чужіе края, съ цѣлію изученія сельскаго хозяйства, и вообще на усиленіе дѣйствій Общества, и предложилъ передать записку графа Мордвинова для разсмотрѣнія въ комитетъ министровъ, на что и послѣдовало соизволеніе государя. Здѣсь записка эта встрѣтила полное сочувствіе. Но комитетъ не нашелъ возможнымъ дать мыслямъ адмирала Мордвинова полное развитіе въ своей средѣ, обыкновеннымъ порядкомъ разсмотрѣнія правительственныхъ дѣлъ, а считалъ необходимымъ образовать съ этою цѣлію особый комитетъ изъ лицъ, по своему офиціальному положенію, или по своимъ познаніямъ, ближе знакомыхъ съ состояніемъ и потребностями отечественной сельско-хозяйственной промышленности, съ тѣмъ чтобы комитетъ указалъ общія мѣры могущія вести къ возвышенію успѣховъ земледѣлія и сельскаго хозяйства въ Имперіи и изыскалъ средства къ осуществленію этихъ мѣръ.

Мнѣніе комитета министровъ одобрено было вполнѣ и государемъ, * и вслѣдствіе этого въ томъ же 1833 году, по высочайшему повелѣнію, учрежденъ былъ комитетъ, извѣстный въ нашихъ правительственныхъ лѣтописяхъ подъ названіемъ *Комитета объ усовершенствованіи земледѣлія въ Россіи*, изъ семи членовъ: министра финансовъ графа Канкрина,

* *Журналъ Комитета Министровъ* по этому дѣлу и высочайше утвержденное 14-го ноября 1833 года положеніе комитета напечатаны въ П. С. З. 1833 г. № 6567.

министра внутреннихъ дѣлъ Д. Н. Блудова, адмирала Н. С. Мордвинова, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя В. П. Кочубея, генералъ-адъютанта графа И. В. Васильчикова, егермейстера Д. В. Васильчикова и оберъ-гофмаршала К. А. Нарышкина. * Предсѣдательство въ комитетѣ принадлежало по старшинству адмиралу Мордвинову, ближайшее же наблюденіе за производствомъ дѣлъ своихъ комитетъ возложилъ на министра финансовъ, который поручилъ управленіе дѣлами комитета директору своей канцеляріи дѣйствительному статскому совѣтнику А. М. Княжевичу, бывшему въ послѣдствіи министромъ финансовъ.

Послѣ занятій, продолжавшихся два съ половиной мѣсяца, комитетъ пришелъ окончательно къ заключенію, что главныя мѣры для достиженія указанной ему цѣли должны быть троякаго рода: а) возбужденіе владѣльцевъ къ улучшенію земледѣлія и распространеніе свѣдѣній по этой части; цѣли этой предполагалось достигнуть посредствомъ изданія особой земледѣльческой газеты и продажи ея по возможно низкой цѣнѣ; б) приготовленіе людей для практическаго занятія сельскимъ хозяйствомъ, какъ въ видѣ управителей имѣніями, такъ и въ видѣ способныхъ исполнителей; для сего предложено было учредить нѣсколько учебныхъ земледѣльческихъ заведеній съ опытными при нихъ хуторами, куда могли бы поступать какъ казенные поселяне, такъ помѣщичьи и вообще разнаго званія люди, и в) облегченіе къ приобрѣтенію усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій, посредствомъ учрежденія механическаго заведенія для приготовленія означенныхъ орудій и устройства въ губерніяхъ депо для продажи таковыхъ орудій. **

* Первые пять членовъ указаны были въ журналѣ комитета министровъ, послѣдніе же два назначены самимъ государемъ въ собственноручной его резолюціи на журналѣ комитета министровъ: „Совершенно согласенъ; въ комитетъ сей прибавить оберъ-гофмаршала Нарышкина и егермейстера Васильчикова.“

** На содержаніе каждой учреждаемой школы исчислено было комитетомъ ежегоднаго расхода по 125.000 р. асс., изъ коихъ 38.000 р. предполагалось покрывать платою съ пансіонеровъ, 6.000 р. доходами съ практическаго хутора, остальные же 81.000 р. отпускатъ отъ казны.

Для устройства школы исчисленъ былъ приблизительно единовремен-

Изданіе земледѣльческой газеты, постепенное устройство предложенныхъ земледѣльческихъ школъ, учрежденіе механическаго заведенія для приготовленія улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій, а равно завѣдываніе разными существующими уже заведеніями по части сельскаго хозяйства, по мнѣнію комитета, должно было составить занятіе весьма обширное. Ни министру внутреннихъ дѣлъ, ни министру финансовъ, до котораго и самый предметъ этотъ не относился, по мнѣнію комитета, не достало бы времени входить въ подробности этого дѣла, какъ относительно устройства, такъ и дальнѣйшаго управленія, „вести же это дѣло по обыкновенному порядку, посредствомъ бумажной очистки департаментовъ“, комитетъ не находилъ полезнымъ, ибо тогда, по мнѣнію его, „скорѣе наполнились бы архивы нежели поспѣли школы“. Поэтому комитетъ считалъ необходимымъ имѣть особаго хозяина, который рѣшительностію личныхъ дѣйствій могъ бы отвращать всѣ эти неудобства, и съ этою цѣлію полагалъ учредить должность *главнаго директора земледѣльческихъ заведеній*, съ достаточною степенью власти чтобъ управлять симъ дѣломъ съ успѣхомъ. При директорѣ предполагалось образовать особое центральное управленіе, изъ 22 штатныхъ чиновниковъ, съ постояннымъ штатомъ въ 68.000 руб. асс., и подчинить ему всѣ учрежденія по сельскому хозяйству въ Имперіи.

Главному директору земледѣльческихъ заведеній предполагалось предоставить право, по дѣламъ большей важности, присутствовать съ совѣщательнымъ голосомъ въ комитетѣ министровъ, или подлежащемъ департаментѣ государственнаго совѣта; по дѣламъ своего управленія, касающимся

менный расходъ въ 575.000 р. асс., изъ коихъ на постройки до 460.000 р., на обзаведеніе 115.000 р.

Дѣло орудій по губерніямъ предполагалось учредить при земледѣльческихъ школахъ и въ губернскихъ городахъ, по ближайшему назначенію, особенно въ Москвѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Кіевѣ и Тамбовѣ. Единовременный расходъ на устройствѣ механическаго заведенія исчисленъ былъ примѣрно въ 25.000 р. асс. собственно на машины, инструменты и вообще обзаведеніе, не считая расхода на покупку дома и устройство мастерскихъ, который не былъ исчисленъ. Постоянный же ежегодный расходъ на содержаніе механическаго заведенія исчисленъ былъ въ 25.000 руб. асс.

разныхъ министерствъ, сносятся непосредственно съ министрами и главноуправляющими, разрѣшать употребленіе суммъ, штатами и особо опредѣленныхъ, съ тою властію которая предоставлена министрамъ; входят по нѣкоторымъ текущимъ дѣламъ съ представленіями непосредственно въ сенатъ, и лишь о томъ что требовало новыхъ законоположеній, новыхъ расходовъ, распространенія существующихъ положеній, главный директоръ долженъ былъ представлять министру. Относительно того при какомъ министерствѣ должно состоять управленіе главнаго директора земледѣльческихъ заведеній, въ комитетѣ произошло разногласіе. Адмиралъ Мордвиновъ полагалъ что управленіе это, или, какъ онъ называлъ его, *земледѣльческій департаментъ*, или *департаментъ по усовершенствованію земледѣлія*, должно состоять въ вѣдѣніи министра финансовъ, на томъ основаніи что въ его же вѣдѣніи находился департаментъ мануфактуръ. „Въ Россіи земледѣліе,“ писалъ онъ въ особомъ мнѣніи своемъ по этому предмету, „есть первая и главная мануфактура и тѣсно соединена съ рукодѣліемъ. Способы къ усовершенствованію въ Россіи земледѣлія и къ содѣланію онаго богатѣйшимъ источникомъ государственныхъ доходовъ находятся въ рукахъ министерства финансовъ; безъ пожертвованія на сіе денегъ нельзя надѣяться никакого успѣха. По симъ уваженіямъ земледѣльческій департаментъ долженъ быть въ зависимости министра финансовъ, а притомъ министр финансовъ долженъ быть предсѣдателемъ комитета объ усовершенствованіи земледѣлія.“ Но графъ Канкринъ двукратно и весьма положительно отозвался въ комитетѣ что онъ полагаетъ невозможнымъ умножить занятія министерства финансовъ присоединеніемъ къ нему, хотя бы даже и на время, дѣлъ по главному управленію земледѣльческими заведеніями, и потому вопросъ объ отнесеніи этого управленія къ тому или другому министерству положено было представить на усмотрѣніе государя императора.

По окончаніи главныхъ работъ комитета, журналъ его 7-го февраля 1834 года, * вмѣстѣ съ составленнымъ для каждаго

* Высочайше учрежденный комитетъ объ усовершенствованіи земледѣлія, согласно первоначальному постановленію своему, для изданія издѣльнаго писемоводства, не составлялъ журналовъ по каждому засѣданію, но только по тѣмъ въ коихъ постановлялись какія-либо окончательныя мѣры. Подлинныя журналы комитета

рода учрежденій проектомъ положенія и штатовъ, былъ представленъ предварительно государю, который оставилъ ихъ у себя дѣлю недѣлю и возвратилъ 23-го февраля 1834 года министру финансовъ для внесенія въ государственный совѣтъ, отозвавшись что читалъ съ удовольствіемъ.

Къ представленію министра финансовъ въ государственный совѣтъ отъ 8-го марта 1834 г. приложены были также, по опредѣленію комитета, проекты манифеста и указа сенату, для разрѣшенія вопроса въ формѣ какого высочайшаго акта должны быть изданы проектированные постановленія, въ случаѣ ихъ утвержденія, такъ какъ и по этому предмету въ комитетѣ возникло разногласіе. Графъ Н. С. Мордвиновъ настаивалъ на объявленіи предлагаемыхъ комитетомъ мѣръ посредствомъ манифеста, и даже представилъ сперва комитету, а въ послѣдствіи и государю, проектъ манифеста. „Я осмѣливаюсь мыслить, писалъ графъ Мордвиновъ 2-го апрѣля 1835 года по этому поводу государю, * что манифестомъ токмо возможно будетъ породить всеобщее рвеніе къ совершенію великаго, въ первый разъ ознаменовываемаго правительствомъ подвига, признаніемъ земледѣлія въ числѣ наукъ, представляя оному первенство по тѣмъ пользамъ, кои стяжаетъ народъ, наиболѣе въ сельскомъ хозяйствѣ упражняющійся.“ Въ проектѣ же манифеста, исправленномъ по замѣчаніямъ нѣкоторыхъ членовъ комитета, мы читаемъ между прочимъ слѣдующее:

„Постигшее въ минувшемъ (1833) году большую часть государства бѣдствіе, чрезъ неурожай хлѣба, заставило насъ вникнуть со всею попечительностію въ производство въ отечествѣ нашемъ земледѣлія. Нѣтъ сомнѣнія, что самое обработываніе полей и несоотвѣтствующее устройство вообще

хранятся нынѣ въ департаментѣ земледѣлія и сельской промышленности.

* Письмо адмирала, въ это время уже графа Мордвинова, находится въ дѣлѣ „объ открытіи комитета“ производившемся въ канцеляріи министра финансовъ съ 14-го ноября 1833 по 24-е октября 1835 г. и переданномъ, по учрежденіи министерства государственныхъ имуществъ, въ бывшій третій департаментъ. Дѣло по архивной описи этого департамента значится подъ № 9, 1833 г. Письмо графа Мордвинова находится на 226 и 227 листахъ этого дѣла.

сельскихъ хозяйствъ служить истинною причиною недостатковъ и испытываемаго голода.

„По отеческому соболъзнованію нашему о такомъ тягостномъ состояніи земледѣльцевъ, съ неминуемымъ потрясеніемъ и соприкосновенныхъ къ нимъ другихъ сословіи народа, признали мы необходимымъ, для отвращенія на будущее время подобныхъ горестныхъ сердцу нашему событій, дать иное направленіе земледѣлію и сельскимъ хозяйствамъ, примѣняясь къ тѣмъ усовершенствованіямъ въ оныхъ, каковыя съ давняго уже времени успѣли оказать нѣкоторыя иностранныя державы, а потому, дабы ускорить совершеніемъ сего великаго намѣренія нашего, повелѣли мы учредить:

„1) Комитетъ, изъ первыхъ сановниковъ Имперіи, который будетъ верховнымъ блюстителемъ за ходомъ усовершенствованія въ отечествѣ нашемъ земледѣлія.

„2) Управление главнаго директора земледѣльческихъ заведеній, для ближайшихъ отъ него вліаній на занимающихся вообще земледѣліемъ и для приведенія, принимаемыми отъ него мѣрами, сей столь важной государственной статьи въ усовершенствованное состояніе“ (слѣдуетъ перечисленіе мѣръ и обращеніе къ дворянству и сельскому духовенству, съ призывомъ ихъ явить себя примѣромъ народу въ трудолюбіи и во всѣхъ хозяйственныхъ упражненіяхъ) и т. д.

Государственный совѣтъ*, не отвергая пользы предложенныхъ его разсмотрѣнію мѣръ, находилъ ихъ частію рановременными, частію недостаточно разработанными и подготовленными для немедленнаго приведенія въ исполненіе, а главное, не считалъ возможнымъ ассигновать для сего какія-либо суммы, въ виду затруднительнаго положенія государственнаго казначейства, обнаружившагося при сводѣ государственной росписи на 1835 годъ.

Мысль о сосредоточеніи управленія земледѣльческихъ заведеній и другихъ хозяйственныхъ частей въ отдѣльномъ вѣдомствѣ государственный совѣтъ находилъ весьма основа-

* Предположенія комитета объ усовершенствованіи земледѣлія въ Россіи разсматривались сперва въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи, а затѣмъ и въ общемъ собраніи, и заключенія ихъ изложены въ журналахъ 23-го марта, 6-го и 27-го апрѣля 1834 г. и 2-го февраля и 11-го марта 1835 года.

тельною, и не встрѣчалъ препятствія къ приведенію ея въ исполненіе, какъ скоро учредятся школы и предположенія комитета получать полное развитіе. Это представлялось тѣмъ болѣе необходимымъ, что имѣлось въ виду предположеніе министра финансовъ образовать отдѣльное управленіе казенныхъ крестьянъ.

Такимъ образомъ цѣль графа Канкринъ была, повидимому, достигнута, время было выиграно, предположенія графа Мордвинова подвергались продолжительному разсмотрѣнію въ нѣсколькихъ инстанціяхъ, и хотя въ двухъ первыхъ, то есть комитетѣ министровъ и высочайше учрежденномъ комитетѣ, они нашли полное сочувствіе, за то въ послѣдней, самой высшей инстанціи, государственномъ совѣтѣ, они потерпѣли почти совершенное пораженіе. Сочувствіе, выраженное имъ здѣсь, было чисто формальное, заявленное болѣе изъ приличія; для осуществленія же ихъ нашлось столько препятствій, что можно было считать это дѣло почти совершенно погибшимъ. Не таковъ былъ бы исходъ, еслибы графъ Канкринъ, и по личному своему авторитету, и по дѣятельному участію своему въ работахъ особаго комитета 1833 года, и по званію министра финансовъ, принималъ на себя трудъ отстаивать въ государственномъ совѣтѣ предложенія комитета объ усовершенствованіи земледѣлія въ Россіи и заявилъ что найдетъ средства для ихъ осуществленія. Еслибы и государь убѣдился доводами и соображеніями государственнаго совѣта въ пользу отсрочки на неопредѣленное время предположеній о развитіи сельско-хозяйственныхъ учрежденій въ Россіи, то, конечно, дѣло было бы сдано въ архивъ и покоилось бы въ немъ еще долгое время; но судьба рѣшила иначе. Дѣло приняло неожиданнѣйшій оборотъ вслѣдствіе личной инициативы императора. Относясь благосклонно къ этому вопросу съ самой первой минуты поднесенія ему первоначальной записки графа Мордвинова, государь и въ послѣднюю рѣшительную минуту, когда ему была представлена меморія государственнаго совѣта по этому дѣлу, остался вѣренъ своему первоначальному взгляду на пользу дѣятельнаго правительственнаго содѣйствія развитію земледѣлія. Не утвердивъ мнѣнія государственнаго совѣта, государь положилъ на меморію его по этому дѣлу слѣдующую собственноручную резолюцію: „Министру финансовъ представить мнѣ свои соображенія, *какимъ*

образомъ находить возможнымъ приступитъ къ нему полезному дѣлу, не отлагая безъ крайней нужды."

До нѣкоторой степени несомнѣнно что такая резолюція, благопріятная дѣлу развитія у насъ земледѣльческихъ учрежденій, была отчасти вызвана какъ настояніями графа Н. С. Мордвинова, не перестававшаго напоминать государю о необходимости принятія рѣшительныхъ мѣръ для улучшенія сельскаго хозяйства въ Имперіи, такъ и несогласіемъ съ заключеніемъ государственнаго совѣта министра внутреннихъ дѣлъ и двухъ членовъ совѣта, бывшихъ членами и комитета объ усовершенствованіи земледѣлія, оберъ-гофмаршала Нарышкина и генераль-адъютанта графа Васильчикова, который подалъ даже отдѣльное мнѣніе. Графъ Мордвиновъ, занимавшій въ это время должность председателя гражданскаго департамента государственнаго совѣта, по этому самому не принималъ лично участія въ обсужденіи соединенными департаментами законовъ и государственной экономіи предложеній комитета 1833 года; въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, 11-го марта 1835 года, когда слушалось это дѣло съ заключеніемъ означенныхъ департаментовъ, графъ Мордвиновъ также не присутствовалъ, можетъ-быть даже потому что не надѣялся на благопріятный исходъ дѣла, въ виду уклончиваго или, вѣрнѣе, отрицательнаго отзыва департаментовъ, но онъ рѣшился поправить дѣло другимъ путемъ, и не ошибся въ своемъ разчетѣ. Въ то время когда вопросы возбуждаемые особымъ комитетомъ объ усовершенствованіи земледѣлія въ Россіи рассмотрѣны были государственнымъ совѣтомъ окончательно, и оставалось только, по заведенному порядку, представить на Высочайшее усмотрѣніе меморію общаго собранія совѣта по сему предмету, графъ Мордвиновъ обратился съ новымъ всеподданнѣйшимъ письмомъ къ государю, отъ 2-го апрѣля 1835 года, въ надеждѣ убѣдить его въ несостоятельности мнѣнія государственнаго совѣта.

„Я не могу убѣдиться, писалъ онъ между прочимъ, чтобы въ настоящее время Россія дошла уже до того изнеможеннаго состоянія, которое лишило бы ее всѣхъ способовъ отыскать нѣсколько милліоновъ рублей, числомъ малыхъ, и чтобы важнѣйшій подвигъ для приумноженія доходовъ, коихъ требуетъ самая необходимость, отлагаясь былъ еще на дальнѣйшее время.

„Опыты доказали, что при всѣхъ случаяхъ и не столь великой важности, каково есть усовершенствованіе земледѣлія, всегда потребное количество денегъ отыскиваемо было, хотя и не предстояло особенно побудительной къ тому причины, и самый предметъ употребленія могъ бы отложенъ быть до дальнѣйшаго времени. Единое изъявленіе воли вашего величества, и въ деньгахъ никогда не было недостатка.

„Въ настоящемъ же случаѣ министръ финансовъ имѣлъ деньги въ готовности, и внеся въ государственный совѣтъ предложенія земледѣльческаго комитета, ожидалъ токмо разрѣшенія на употребленіе ихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что при утвержденіи вашимъ величествомъ тѣхъ предположеній, какъ ведущихъ къ устроению счастливой судьбы Имперіи вашей и къ доставленію государственному казначейству изобильныхъ доходовъ, деньги найдены будутъ и недостатка въ оныхъ не явится.“

Послѣдствіемъ этого письма было то, что императоръ Николай, не видя изъ него * на какомъ основаніи графъ Мордвиновъ вновь обращался къ нему съ этимъ предметомъ, и узнавъ отъ графа Канкринна что письмо вызвано, по всей вѣроятности, мнѣніемъ государственнаго совѣта о необходимости отклонить предложенныя комитетомъ мѣры для улучшения земледѣлія въ Россіи, приказалъ немедленно представить себѣ меморію государственнаго совѣта о земледѣльческихъ заведеніяхъ *особо*, и положилъ на ней уже извѣстную намъ резолюцію, которая дала совершенно неожиданный оборотъ всему дѣлу.

Стараясь дѣйствовать непосредственно на самого государя, графъ Мордвиновъ не упускалъ въ то же время случая распространять свои убѣжденія о пользѣ и первостепенной важности земледѣльческихъ учрежденій и между высшими правительственными лицами, особенно же старался онъ привлечь на свою сторону графа Канкринна, какъ лицо особенно вліятельное. Въ этихъ видахъ онъ не щадилъ выражений и въ то время когда дѣло принимало не совсѣмъ благопріятное направленіе въ государственномъ совѣтѣ, онъ передалъ графу Канкрину, между прочимъ, слѣдующій рѣзкій отзывъ свой по этому предмету: „Еслибы представленіе сіе (министра

* Резолюція была слѣдующая: „Препровождаю къ вамъ (графу Канкрину) полученныя мною бумаги: не знаю съ чего мнѣ Н. С. Мордвиновъ съ самъ ко мнѣ обратился.“ Къ письму своему графъ Мордвиновъ приложилъ и проектъ манифеста.

финансовъ въ государственный совѣтъ отъ лица комитета объ усовершенствованіи земледѣлія), столь благотворное для всего руссійскаго народа, и не раздѣльно съ тѣмъ и для государственнаго казначейства, могло въ государственномъ совѣтѣ встрѣтить возраженіе, то въ то же время должно будетъ согласиться, что Россія отъ существующихъ въ оной учебныхъ заведеній, какъ-то: университетовъ, академій, гимназій, кадетскихъ корпусовъ, лицеевъ и прочихъ, не получила никакой пользы, что употребленныя донинѣ на заведенія и содержаніе ихъ суммы утрачены совершенно напрасно, и остается намъ изъявлять сожалѣніе, что таковыя понятія о просвѣщеніи въ наукахъ не были извѣстны Петру Великому, Екатеринѣ Великой и прочимъ государямъ, ревностно заботившимся о благѣ Руссійской Имперіи. Послѣ сего мы должны будемъ признать еще другую истину, что въ учебныхъ заведеніяхъ полезно намъ имѣть профессоровъ танцованія, вольтижированія, но намъ вовсе не нужны ни учителя сельскаго хозяйства, ни просвѣщенные и искусные управители въ деревняхъ нашихъ.“

Но все это производило мало впечатлѣнія на графа Канкринъ, и хотя онъ увѣрялъ письменно графа Мордвинова, * „что не престанетъ настаивать о необходимости улучшенія у насъ сельскаго хозяйства въ совокупности съ лѣсной частью“, однако ничѣмъ не доказавъ этого во время разсужденія государственнаго совѣта по этому предмету, и сочувствіе его отрицательному рѣшенію государственнаго совѣта не подлежитъ сомнѣнію. Только одна твердая воля императора Николая и его свѣтлый взглядъ на этотъ предметъ спасли отъ забвенія благотѣльную идею графа Мордвинова и бывшаго комитета для изысканія мѣръ къ усовершенствованію земледѣлія, относительно водворенія у насъ сельско-хозяйственнаго образованія и другихъ способовъ поощренія къ улучшенію земледѣлія.

Исполняя волю государя, графъ Канкринъ не замедлилъ представить требуемыя отъ него соображенія, которыя ключались въ томъ чтобы немедленно приступить къ учрежденію одной земледѣльческой школы въ Московской или

* Въ письмѣ отъ 5-го апрѣля 1835 года, по поводу высочайшей резолюціи посажденной на восподанныйшее письмо графа Мордвинова отъ 2-го апрѣля 1835 года.

Кіевской губерніи, для чего и послать лѣтомъ того же 1835 года одного агронома и одного довѣреннаго чиновника для осмотра и выбора удобнаго для сего мѣста въ одномъ изъ казенныхъ имѣній. Современемъ графъ Канкринъ предполагалъ устроить другую подобную же школу въ приволжскомъ краѣ. Всѣ первоначальныя распоряженія по устройству земледѣльческихъ школъ графъ Канкринъ принималъ на собственное свое попеченіе, дальнѣйшее же завѣдываніе этимъ дѣломъ предполагалъ передать новому управленію казенными крестьянами, по утвержденіи этого учрежденія; затѣмъ особое управленіе директора земледѣльческихъ заведеній графъ Канкринъ признавалъ излишнимъ, и всѣ дѣла по сельскому хозяйству, вѣдавшіяся прежде въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, предполагалъ оставить тамъ по-прежнему. Мнѣніе графа Канкринина было утверждено государемъ 19-го апрѣля 1835 года.

Такимъ образомъ графу Канкрину удалось въ третій разъ парализовать осуществленіе полной программы комитета объ усовершенствованіи земледѣлія въ Россіи. Отстранивъ главный вопросъ объ учрежденіи отдѣльнаго высшаго управленія по земледѣлію, графъ Канкринъ, въ виду положительной воли государя о скорѣйшемъ осуществленіи предположений комитета 1833 года и для удовлетворенія той немногочисленной партіи защитниковъ сельско-хозяйственныхъ учреждений, во главѣ которой стоялъ графъ Мордвиновъ и которая была сильна только сочувствіемъ оказаннымъ ея программѣ государемъ императоромъ, рѣшился, съ искусствомъ ловкаго государственнаго человѣка, разработать нѣсколько частныхъ предложеній комитета 1833 года и съ этою цѣлью пожертвовать даже изъ государственнаго казначейства нѣсколько сотъ тысячъ рублей для основанія нѣсколькихъ казенныхъ учреждений и для оказанія частию востоянныхъ, частию временныхъ пособій нѣкоторымъ частнымъ обществамъ и предпріятіямъ.

Быстрота съ которою дѣйствовалъ графъ Канкринъ и щедрость которую онъ обнаружилъ при этомъ на первыхъ порахъ поистинѣ изумительны. Въ 1835 году уже было прискано мѣсто для открытія казенной земледѣльческой школы, въ Оршанскомъ уѣздѣ, Могилевской губерніи, а въ 1836 году учреждено положеніе для этой школы и приступлено къ

самому ея устройству.* На ежегодное содержаніе школы назначено было отпускать изъ государственнаго казначейства по 135.000 р. асс. или 38.580 р. с., и сверхъ того въ распоряженіе школы было отдано казенное Горьгорѣвское имѣніе съ принадлежащими къ нему землями, оброчными статьями и крестьянами въ числѣ 2.735 душъ, которые должны были обрабатывать поля школы и исполнять при ней всѣ хозяйственныя работы, по примѣру крестьянъ въ помѣщичьихъ и арендныхъ имѣніяхъ; всѣ доходы отъ хозяйства, производимые на этихъ основаніяхъ, предоставлены были школѣ на ея потребности и на дальнѣйшее ея развитіе.

Въ 1836 году, при Технологическомъ Институтѣ въ С.-Петербургѣ устроено было небольшое заведеніе для приготовленія моделей разныхъ земледѣльческихъ орудій и разсылки ихъ по губерніямъ, съ цѣлю составленія образцовыхъ коллекцій при казенныхъ палатахъ.

Сверхъ того графъ Канкринъ въ 1835 г. испросилъ высочайшее разрѣшеніе на отпускъ Московскому Обществу Сельскаго Хозяйства 210.000 р. асс. единовременно, для отстройки земледѣльской школы и хутора, и по 44.000 р. асс. ежегодно, на содержаніе этихъ заведеній и вообще на усиленіе ихъ дѣятельности. Императорское Вольное Экономическое Общество также почувствовало на себѣ неожиданную щедрость министра финансовъ. Съ 1837 года ему назначено было къ отпуску въ теченіи четырехъ лѣтъ по 10.000 р. асс. на содержаніе учениковъ Общества въ земледѣльской школѣ графини Строгановой, или въ другихъ заведеніяхъ, независимо отъ постояннаго пособія въ 20.000 руб. дарованнаго въ 1833 году. Къ этимъ пожертвованіямъ изъ государственнаго казначейства въ 1836 г. присоединилась еще ссуда 70.000 руб. асс. безъ процентовъ московскимъ фабрикантамъ земледѣльческихъ орудій братьямъ Бутеновъ, на распространеніе незадолго предъ тѣмъ основаннаго ими заведенія.

Такимъ образомъ въ теченіе трехъ-четырехъ лѣтъ для поощренія сельскаго хозяйства назначено было болѣе 200.000 руб. асс. постоянныхъ и болѣе 200.000 р. асс. единовременныхъ расходовъ изъ государственнаго казначейства. Какъ ни значительны были эти денежныя пособія со стороны

* Открытіе школы послѣдовало 15-го августа 1840 года.

правительства, особенно для того времени, когда министру финансовъ приходилось бороться съ постоянными и весьма значительными дефицитами, вслѣдствіе разныхъ политическихъ обстоятельствъ и тѣхъ чрезвычайныхъ усилій которыя требовались для отвращенія бѣдствій причиненныхъ неурожаемъ 1833 года *, графъ Мордвиновъ не думалъ чтобы слѣдовало останавливаться на этомъ. Тѣсно связывая интересы государственнаго казначейства и народа съ развитіемъ богатства извлекаемаго изъ земледѣльческой промышленности, графъ Мордвиновъ старался убѣдить графа Канкринна въ необходимости несравненно большихъ пожертвованій и съ этою, конечно, цѣлю, въ официальной перепискѣ своей съ нимъ, по званію президента Вольнаго Экономическаго Общества, старался какъ можно чаще повторять графу Канкрину истину въ родѣ слѣдующихъ: „Я не перестану утверждать, писалъ онъ ему въ 1836 году, ** что для усовершенствованія земледѣлія въ Россіи, сего великаго и благотворнаго подвига, еслибы назначаемо было собственно изъ государственнаго казначейства и по десяти милліоновъ рублей въ годъ, никогда не было бы излишнимъ, а напротивъ, симъ средствомъ, ускоряя успѣхъ къ раскрытію богатѣйшаго источника доходовъ, съ вѣщшею лихвою возвращался бы употребляемый капиталъ, а доходы казначейства постепенно возрастали бы въ количествахъ своихъ и по всѣмъ другимъ итогамъ. Я увѣренъ что статья таковая приукрасила бы роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ, была бы

* Дѣйствительный дефицитъ оказавшійся при исполненіи бюджета составлялъ, какъ видно изъ *Статистич. Временника Россійской Имперіи* 1866 г. Отд. III, га. III, стр. 80—81:

Въ 1832 году	4.842.354	р. сер.
„ 1833 „	9.472.471	„ „
„ 1834 „	21.306.641	„ „
„ 1835 „	15.045.607	„ „
„ 1836 „	6.545.935	„ „
„ 1837 „	5.373.498	„ „

** Письмо отъ 25-го марта 1836 г., по поводу возбужденнаго въ то время графомъ Мордвиновымъ вопроса объ усиленіи средствъ Вольнаго Экономическаго Общества отдачей въ его распоряженіе на пятьдесятъ лѣтъ нѣкоторыхъ казенныхъ оброчныхъ статей, находится въ дѣлѣ канцеляріи министра финансовъ 1836 г., № 37, о нѣкоторыхъ мѣрахъ къ усовершенствованію въ Россіи сельскаго хозяйства.

великимъ торжествомъ для Россіи и прославила бы на вѣчныя времена имя вашего сіятельства, какъ перваго виновника, положившаго залогъ къ благоденствію російскаго народа.“

Что графъ Канкринъ не легко уступалъ увѣщаніямъ графа Мордвинова, не проникался его горячими увѣжденіями о полезномъ вліяніи какое могутъ оказывать на сельское хозяйство правительственная помощь и хозяйственныя учебно-практическія учрежденія, и вслѣдствіе того не усвоивалъ себѣ той программы правительственной дѣятельности въ отношеніи сельскаго хозяйства какую выработалъ комитетъ, то это можно объяснить, конечно, не только тою строгою бережливостію и постояннымъ стремленіемъ къ сокращенію государственныхъ расходовъ, которыя характеризовали финансовое управленіе графа Канкринъ, но и недостаточнo еще сильнымъ и увѣдательнымъ въ то время примѣромъ западной Европы въ отношеніи развитія правительственныхъ сельско-хозяйственныхъ учреждений. Дѣйствительно, хотя правительства во многихъ странахъ уже начинали проявлять свою дѣятельность на пользу сельскаго хозяйства, хотя и сама хозяева начинали сознавать необходимость введенія разныхъ улучшеній и съ этою цѣлію стремились къ болѣе дѣятельному и частому общенію между собою, въ формѣ агрономическихъ кружковъ или обществъ, но нигдѣ еще система правительственнаго поощренія не достигала въ то время тѣхъ обширныхъ размѣровъ какіе мы видимъ нынѣ; нигдѣ принимаемая съ этою цѣлію мѣры не имѣли еще того разнообразія какъ нынѣ; ни одна страна не была еще покрыта такою густою сѣтью сельско-хозяйственныхъ обществъ какъ нынѣ большая часть западной Европы; нигдѣ еще сознаніе потребности въ распространеніи агрономическаго образованія не успѣло породить такой обширной системы спеціальнаго общественнаго образованія какъ нынѣ. Всюду эта отрасль образованія была еще въ зародышѣ, и притомъ почти всюду первыя попытки были дѣлаемы частными лицами, а не правительствомъ.

Мегаинъ, Гогенгеймъ, Ровиль, вотъ три главныя разсадника спеціальныхъ агрономическихъ знаній въ первой трети нынѣшняго столѣтія, и по образцу ихъ едва, едва успѣло возникнуть еще по одному или по два заведенія во Франціи, въ Пруссіи, въ Баваріи, въ Швейцаріи и Ирландіи.

Серьезное движеніе въ общественномъ мнѣніи большей части западной Европы въ пользу разумнаго правительственнаго вмѣшательства въ интересы земледѣлія началось только въ половинѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятыхъ годовъ и вызвало къ жизни большую часть тѣхъ учрежденій которыя дѣйствуютъ нынѣ съ такимъ успѣхомъ.

Такъ въ Пруссіи въ 1842 году былъ учрежденъ сельско-хозяйственный совѣтъ, а въ 1848 году и министерство сельскаго хозяйства; въ сороковыхъ же годахъ возникла въ Пруссіи и большая часть сельско-хозяйственныхъ обществъ и учебныхъ агрономическихъ заведеній существующихъ до нынѣ.

Во Франціи въ 1845 г. возбужденъ былъ вопросъ объ агрономическомъ образованіи, и разработка его привела къ принятію закона 3-го октября 1848 года, которымъ учреждались три степени агрономическаго образованія: высшая, средняя и низшая. Представителемъ первой явился версальскій національный агрономическій институтъ; второй — три земледѣльческія училища: Гриньонское, Гранжуанское и Сольсе; третьей — учебныя фермы въ частныхъ имѣніяхъ съ субсидіями отъ казны. Съ 1853 года министерство земледѣлія, торговли и промышленности, учрежденное во Франціи уже въ 1836 году, получило новое развитіе.

Въ 1846 году и въ Бельгіи основанъ былъ отдѣльный органъ для заведыванія дѣлами по сельскому хозяйству, и въ то же время, по инициативѣ самой палаты депутатовъ, учреждено нѣсколько учебныхъ агрономическихъ заведеній на счетъ казны. Въ то же время возникла система спеціальнаго представительства хозяевъ, въ формѣ провинціальныхъ земледѣльческихъ комиссій и высшаго сельско-хозяйственнаго совѣта для заявленія правительству о мѣстныхъ нуждахъ.

Въ Голландіи сороковые годы ознаменовались основаніемъ сельско-хозяйственныхъ конгрессовъ и Голландскаго Общества сельскаго хозяйства, пустившаго свои вѣтви по всѣмъ частямъ королевства, и въ то же время возникли замѣчательныя сельско-хозяйственныя школы.

Англія также не осталась чужда этому общему стремленію къ развитію сельско-хозяйственныхъ учрежденій. Въ это время въ ней возникли и развились два главные центра хозяйства: Королевское Земледѣльческое Общество и Центральный

Фермерскій Клубъ, которые своею могущественною инициативой и плодотворными усилиями замѣняютъ нынѣ для Англіи до нѣкоторой степени правительственную дѣятельность другихъ странъ, и своими митингами, выставками и преміями возбуждаютъ духъ улучшеній во всей странѣ. Въ 1845 году возникло въ Англіи, по инициативѣ самихъ хозяевъ и на ихъ средства, подъ покровительствомъ королевы и принца Альберта, высшее агрономическое заведеніе въ Сиренчестерѣ. Къ тому же времени относится начало систематическаго развитія земледѣльческихъ школъ въ Ирландіи.

Въ Италіи, именно въ королевствахъ Сардинскомъ и Неаполитанскомъ, съ 1848 года для интересовъ земледѣлія, торговли и промышленности созданы были особыя высшія центральныя управленія въ формѣ отдѣльныхъ министерствъ земледѣлія, торговли и промышленности. Даже въ мелкихъ государствахъ Германіи въ сороковыхъ годахъ учреждены были особыя органы съ болѣе или менѣе обширнымъ кругомъ дѣятельности для завѣдыванія сельско-хозяйственными интересами.

Нынѣ дѣятельное поощреніе земледѣльческихъ и другихъ промышленныхъ интересовъ составляетъ неизмѣнную часть общей программы каждаго образованнаго правительства въ Западной Европѣ. Для достиженія этой цѣли въ составѣ высшаго центрального управленія существуютъ или отдѣльныя министерства земледѣлія, торговли и промышленности, какъ во Франціи, Пруссіи, Австріи и Италіи, или особыя дирекціи, департаменты и иныя учрежденія подъ разными названіями при другихъ министерствахъ, какъ въ Бельгіи, Баваріи, Саксоніи, Виртембергѣ и другихъ, менѣе значительныхъ государствахъ.*

Даже свободная республика Сѣверной Америки почувствовала необходимость имѣть въ своей правительственной системѣ органъ для попеченія о развитіи сельско-хозяйственныхъ интересовъ. Замѣчательно, что уже съ первыхъ временъ независимости, Вашингтонъ, находившійся въ дружественныхъ сношеніяхъ и весьма дѣятельной перепискѣ съ

* Подробныя свѣдѣнія объ организаціи и дѣятельности подобныхъ учреждений изложены въ составленномъ авторомъ настоящей статьи и изданномъ въ 1866 году обзорѣ сельско-хозяйственныхъ учреждений въ Англіи, Франціи, Бельгіи, Голландіи, Германіи и Италіи.

Артуромъ Йонгомъ и Джовомъ Силклеромъ, знаменитыми англійскими агрономами того времени, мечтавъ объ учрежденіи въ Северо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ палаты земледѣлія (Board of Agriculture), по примѣру существовавшей въ то время подобной же палаты въ Англіи. Не успѣвъ исполнить свое намѣреніе во время своего управленія, Вашингтонъ какъ бы завѣщалъ его своимъ преемникамъ, въ прощальной рѣчи своей конгрессу. Но обстоятельства не благоприятствовали еще въ то время осуществленію подобнаго проекта. Неурожаи тридцатыхъ годовъ, потребовавшіе ввоза иностраннаго хлѣба и разныхъ сѣвѣстныхъ припасовъ въ Америку, заставили Американцевъ очнуться и отказаться отъ своего рутиннаго и истощающаго способа хозяйствованія. Ближайшимъ результатомъ этого было основаніе практическихъ сельско-хозяйственныхъ школъ и назначеніе правительствомъ особыхъ суммъ на собраніе свѣдѣній о состояніи хозяйства и на изученіе средствъ къ его улучшенію. Забота эта сперва возложена была на учрежденіе завѣдующее выдачей привилегій на изобрѣтенія (Patent office) и обязанное слѣдить за ходомъ улучшенія всѣхъ отраслей промышленности, а съ 1862 года передана департаменту земледѣлія, учрежденному въ томъ году по настоятельному требованію заявленному неоднократно на митингахъ Центральнаго Земледѣльческаго Общества Соединенныхъ Штатовъ. Дѣятельность этого департамента пользуется значительною популярностію, что доказывается распространеніемъ его годовыхъ отчетовъ въ количествѣ до 185.000 экземпляровъ и оказавшеюся потребностію не только въ годовыхъ, но и въ ежемѣсячныхъ печатныхъ отчетахъ, для доставленія возможности всѣмъ интересующимся слѣдить за состояніемъ и успѣхами сельскаго хозяйства въ Союзѣ.*

Въ тѣхъ странахъ, гдѣ еще нѣтъ высшихъ специальныхъ правительственныхъ органовъ для завѣдыванія хозяйственными интересами, общественное мнѣніе настоятельно требуетъ ихъ основанія. Такъ въ Англіи, въ послѣдніе годы, тамошними агрономическими обществами неоднократно заявляемо было о необходимости учрежденія особаго Board of Agriculture которое вѣдало бы интересы земледѣлія; а въ

* См. въ Русскомъ Вѣстникѣ 1869 г., № 1, статью нашу *Департаментъ земледѣлія въ Соединенныхъ Штатахъ.*

Швеци, какъ говорятъ, проектъ учрежденія министерства земледѣлія готовится уже для внесенія на обсужденіе палаты.

Впрочемъ, несмотря на доказанную опытомъ пользу учрежденій для содѣйствія развитію народной промышленности, введеніе подобныхъ учрежденій тамъ гдѣ ихъ еще не существуетъ гервѣдко встрѣчаетъ большое противодѣйствіе, съ одной стороны, какъ всякій вообще новый проектъ, съ другой—какъ новый источникъ расходовъ, причемъ обыкновенно противники подобныхъ учрежденій ссылаются на доводы экономистовъ о необходимости свободнаго развитія промышленности. Къ сожалѣнію, хозяйственно-административныя учрежденія не всегда имѣютъ такихъ защитниковъ, каковымъ явился въ 1860 году въ итальянскомъ парламентѣ, по поводу проекта объ учрежденіи министерства земледѣлія, торговли и промышленности для Итальянскаго королевства, графъ Кавуръ, который тѣмъ съ большимъ авторитетомъ могъ отстаивать учрежденіе новаго министерства, что самъ зналъ, по собственному опыту, роль и значеніе подобнаго министерства, бывъ министромъ земледѣлія въ бывшемъ Сардинскомъ королевствѣ въ 1850—53 годахъ.

Вотъ что говорилъ онъ между прочимъ по этому поводу.*

„Я самъ, безъ сомнѣнія, не менѣе другихъ врагъ всякаго прямаго вмѣшательства правительства въ частныя дѣла и особенно въ дѣла земледѣлія, и думаю, что еслибъ оно вздумало учить насъ практическому управленію нашими имѣніями, то намъ угрожала бы большая опасность, ибо вмѣсто обогащенія оно привело бы насъ къ нашей гибели; но правительство можетъ облегчить и просвѣтить насъ во многомъ. И я думаю что, поощряя изученіе сельско-хозяйственныхъ наукъ и способовъ ихъ практическаго приложенія, правительство можетъ оказывать земледѣлію большую пользу; что правительство можетъ и должно, въ интересахъ земледѣлія, производить нѣкоторые опыты, которые были бы слишкомъ дороги и обременительны для частныхъ лицъ; что правительство, не вмѣшиваясь въ извѣстныя операціи, можетъ облегчать ихъ исполненіе или распространеніемъ образованія, или доставленіемъ нѣкоторымъ частнымъ лицамъ средствъ къ успѣшному ихъ выполненію.“

Указавъ на то что разобщеніе хозяевъ и привычка ихъ

* *Annuario del Ministero di Agricoltura, Industria e Commercio del Regno d'Italia pel 1863. Anno 1, стр. XI—XV. См. также Обзоръ сельско-хозяйственныхъ учрежденій въ Англіи и т. д., стр. X—XII.*

къ уединенію служатъ весьма важнымъ препятствіемъ для успѣшнаго развитія земледѣлія, графъ Кавуръ заявилъ о той пользѣ которую могутъ оказать земледѣльческія выставки и агрономическія общества, сближая хозяевъ различныхъ мѣстностей. „Я не думаю“, присовокупилъ графъ Кавуръ, „чтобы правительство должно было навязывать хозяевамъ образованіе земледѣльческихъ обществъ и учреждать ихъ мѣрами принудительными, но полагаю, что хорошій министръ можетъ дать имъ много жизни и силы.“ Равнымъ образомъ и въ отношеніи промышленнаго и торговаго развитія народа графъ Кавуръ видѣлъ широкое поприще дѣятельности для министерства земледѣлія, торговли и промышленности. Извѣстно что результатомъ рѣчи графа Кавура было принятіе палатой закона объ учрежденіи такого министерства для Италіи.

Тамъ гдѣ въ средѣ высшей администраціи существуютъ особые органы для заведыванія хозяйственными интересами страны, они призываются не только къ развитію спеціальныхъ учрежденій, каковы агрономическія общества, выставки или школы, но и къ обсужденію всѣхъ тѣхъ экономическихъ вопросовъ которые затрогиваютъ въ какомъ либо отношеніи интересы сельскихъ хозяевъ. Однимъ изъ самыхъ свѣжихъ и живыхъ тому доказательствъ служитъ недавно только оконченное во Франціи изслѣдованіе нуждъ и потребностей французскаго земледѣльческаго населенія (*enquête agricole*), исполненное по самой широкой программѣ. Изслѣдованіе это, предпринятое въ силу императорскаго декрета 28-го марта 1866 г., вызвано было многочисленными жалобами на затрудненія и упадокъ земледѣльческой промышленности во Франціи, жалобами, которыя возбудили самую оживленную пренію въ законодательномъ собраніи въ началѣ 1866 года. Вся Франція раздѣлена была на 28 округовъ, заключающихъ въ себѣ отъ трехъ до четырехъ департаментовъ; въ каждомъ округѣ учреждена была особая коммиссія изъ 10 или 12 членовъ изъ мѣстныхъ хозяевъ, подъ предсѣдательствомъ лица избраннаго министромъ земледѣлія изъ среды сенаторовъ, депутатовъ законодательнаго собранія и вышихъ чиновъ имперіи. Соединяющимъ звеномъ всѣхъ этихъ мѣстныхъ коммиссій была высшая коммиссія учрежденная въ Парижѣ подъ предсѣдательствомъ министра

земледѣлія, съ участіемъ многихъ сенаторовъ, депутатовъ и даже министровъ.

Для руководства мѣстныхъ комиссій имъ предложена была программа изъ двухсотъ вопросовъ, которые могутъ быть подведены подъ слѣдующія девять категорій: 1) о поземельной собственности, ея распредѣленіи, передачѣ, разграниченіи, отдачѣ въ наемъ; 2) о капиталахъ и кредитѣ; 3) о заработной платѣ и рабочихъ рукахъ; 4) объ улучшеніяхъ почвы; 5) о сбытѣ и обращеніи произведеній и способахъ перевозки; 6) о таможенномъ законодательствѣ; 7) объ общемъ гражданскомъ законодательствѣ; 8) о финансовомъ законодательствѣ, и 9) о сельско-хозяйственномъ образованіи и нѣкоторыхъ другихъ вопросахъ. По всѣмъ этимъ вопросамъ мѣстными комиссіями собрано до 4.000 устныхъ и столько же письменныхъ отвѣтовъ, выражающихъ заявленіе нуждъ и потребностей земледѣльческаго населенія всѣхъ частей Франціи. Труды центральной и мѣстныхъ комиссій, вмѣстѣ съ полученными данными, свидѣніями, указаніями, заявленіями и сдѣланными изъ нихъ общими выводами, какъ по отдѣльнымъ мѣстностямъ, такъ и по отдѣльнымъ вопросамъ, печатаются во всеобщее свидѣніе и должны составить не менѣе 35 томовъ in 4°, изъ коихъ 21 уже готовы и опубликованы. Сводъ главныхъ результатовъ добытыхъ этимъ путемъ, сдѣланный бывшимъ генеральнымъ комиссаромъ центральной комиссіи и директоромъ департамента земледѣлія во французскомъ министерствѣ земледѣлія, г. Молли де-Морне, недавно умершимъ, отчасти вслѣдствіе усиленныхъ трудовъ которыхъ потребовала отъ него эта работа, составляетъ особый томъ in 4°, въ 350 страницъ. Въ декабрѣ 1868 года бывший министръ земледѣлія де-Форкадъ ла-Рокеттъ представлялъ императору краткій отчетъ о всѣхъ результатахъ занятій центральной и мѣстныхъ комиссій.*

Какъ изъ программы занятій комиссій, такъ и изъ всѣхъ ихъ отчетовъ вытекаетъ тотъ главный выводъ что, и по мнѣнію самого правительства, и по заявленіямъ хозяевъ, дальнѣйшее улучшение земледѣльческой промышленности и

* *Le Moniteur Universel*, 20 décembre 1868, № 355. См. также въ *Revue des deux Mondes*, 15-го ноября 1868 г., стр. 400—427, статью Леона де-Лаверна: *L'enquête agricole*.

устраненіе встрѣчаемыхъ затрудненій зависятъ не только отъ введенія разныхъ техническихъ усовершенствованій, отъ принятія разныхъ специальныхъ мѣръ, но и отъ измѣненія нѣкоторыхъ общихъ экономическихъ условій производительности и отъ принятія нѣкоторыхъ новыхъ общихъ мѣръ, тѣсно связанныхъ, не съ одною сельско-хозяйственною, но и съ другими сторонами народнаго и государственнаго быта. Дальнѣйшее и ближайшее соображеніе всѣхъ сдѣланныхъ заявленій возложено [на высшую центральную комиссію, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ министра земледѣлія и при ближайшемъ участіи чиновъ его администраціи, которой прочія отрасли управленія оказываютъ самое дѣятельное содѣйствіе. Такимъ образомъ сельско-хозяйственная администрація является здѣсь представительницею интересовъ земледѣльческаго населенія въ полномъ значеніи этого слова, несмотря на то что многія требуемая этимъ населеніемъ мѣры и законоположенія не относятся прямо къ предметамъ вѣдѣнія этой администраціи.

Задача административныхъ сельско-хозяйственныхъ учрежденій во всѣхъ странахъ облегчается дѣятельнымъ содѣйствіемъ какое они находятъ въ мѣстныхъ агрономическихъ обществахъ и мѣстныхъ земскихъ учрежденіяхъ, прямо заинтересованныхъ изученіемъ условій и потребностей земледѣлія и заявленіемъ правительству своихъ желаній по этому предмету. Для болѣе безпристрастной оцѣнки такого рода заявленій и для обсужденія тѣхъ мѣръ которыя правительство, по собственной инициативѣ или по предложеніямъ мѣстныхъ представителей сельскаго хозяйства, предполагаетъ принимать для его развитія, почти всюду существуютъ при центральныхъ агрономическихъ управленіяхъ особые совѣты, составленные частію изъ лучшихъ и извѣстнѣйшихъ хозяевъ, частію изъ разныхъ представителей сельско-хозяйственной администраціи. Такіе совѣты собираются обыкновенно періодически, въ извѣстное время года, и по обсужденію вопросовъ, предложенныхъ на каждую сесію сельско-хозяйственною администраціею, или возбужденныхъ по инициативѣ членовъ совѣта, представляютъ результаты своихъ совѣщаній высшему сельско-хозяйственному управленію. Хотя сельско-хозяйственные совѣты имѣютъ значеніе только совѣщательныхъ органовъ, но здравая политика и уваженіе къ сельско-хозяйственнымъ интересамъ

страны заставляютъ каждую просвѣщенную высшую сельско-хозяйственную администрацію принимать въ серьезное соображеніе мнѣнія и заявленія сельско-хозяйственныхъ соѣтовъ, какъ ближайшихъ представителей сельско-хозяйственныхъ интересовъ націи.

Какъ значительна мѣра содѣйствія оказываемаго разными правительствами дѣлу развитія сельскаго хозяйства, это выражается всего нагляднѣе суммою тѣхъ матеріальныхъ пожертвованій которыя съ этою цѣлью удѣляются ежегодно на счетъ государственнаго бюджета, причежъ большая часть этихъ расходовъ въ фискальномъ отношеніи совершенно безвозвратна, ибо доходы отъ сельско-хозяйственныхъ учреждений едва могутъ покрыть и десятую долю всѣхъ употребляемыхъ на нихъ правительствомъ затратъ; но за то расходы эти окупаются съ теченіемъ времени обогащеніемъ сельскаго населенія полезными знаніями, усиленіемъ производительности и соответственнымъ возвышеніемъ народнаго благосостоянія.

Такъ въ 1860 и слѣдующихъ годахъ на развитіе сельскаго хозяйства и коннозаводства назначалось по бюджетамъ:

Во Франціи.....	2.172.000 р.
Въ Пруссіи.....	1.034.000 .
„ Италіи.....	900.000 .
„ Бельгіи.....	235.000 .
„ Соединенныхъ Штатахъ.....	200.000 .
„ Англіи.....	166.000 .
„ Баваріи.....	132.000 .
„ Баденъ.....	67.000 .
„ Виртембергъ .	60.000 .
„ Саксоніи .	45.000 .

О томъ на какія значительныя пожертванія и усилія готовы были разныя правительства въ видахъ улучшенія сельскаго хозяйства, даже независимо отъ ежегодныхъ смѣтныхъ назначеній, могутъ служить еще и слѣдующія немногія краснорѣчивыя цифры.

Въ Ирландіи изъ спеціальнаго соуднаго фонда для поощренія разныхъ національныхъ предпріятій, роздано было до половины 1862 г. въ соуду 14½ милл. руб. на предпріятія по устройству орошеній и 10 милл. руб. на разныя поземельныя улучшенія. На устройство дренажа, въ теченіе 5 лѣтъ съ 1846 по 1850 г., ассигновано было авглійскими правитель-

ствомъ, для выдачи ссудъ, 25 милл. руб. на Англію и Шотландію и 29 милл. руб. на Ирландію. Значительная часть этихъ суммъ была дѣйствительно взята хозяевами въ ссуду и употреблены по назначенію. Французское правительство также открыло въ 1858 году кредитъ хозяевамъ въ Обществѣ поземельнаго кредита на 25 милл. руб., для введенія дренажа, но вслѣдствіе излишнихъ формальностей, съ которыми сопряжено было пользованіе кредитомъ, мѣра эта не удалась, и до 1863 года не болѣе 100.000 руб. поступили въ ссуду. Въ Италіи на осушеніе тосканскихъ мареммъ употреблено правительствомъ, съ 1828 по 1862 г., 5.130.000 руб., а на улучшеніе неаполитанскихъ земель, съ 1855 по 1863 г., 3.565.000 р. Въ Голландіи осушеніе Гарлемскаго озера, представляющаго нынѣ рядъ цвѣтущихъ фермъ, обошлось казнѣ въ 4.958.000 р., въ Пруссіи, въ теченіе 15 лѣтъ 1850—1866 гг., правительствомъ затрачено на разныя улучшенія болѣе 3 милл. руб. Всѣ эти расходы, конечно, вполнѣ окупились тою усиленною производительностію, которая была результатомъ обширныхъ поземельныхъ улучшеній исполненныхъ на счетъ выше исчисленныхъ суммъ.

Несмотря на всѣ подобнаго рода усилія и пожертвованія правительствъ для развитія земледѣлія, извѣстный экономистъ Мишель Шевалье еще недавно, въ предисловіи своемъ къ отчетамъ международныхъ экспертныхъ комиссій о Парижской всемирной выставкѣ 1867 года, * по поводу успѣховъ земледѣлія обнаруженныхъ выставкой, заявилъ что земледѣліе изъ всѣхъ отраслей промышленности оказывается самою отсталою, и несмотря на то что вопросъ о первостепенной важности земледѣльческой промышленности у всѣхъ на языкѣ, на долю ея пришлось наименѣе поощреній и пособій правительства. При этомъ Мишель Шевалье замѣтилъ, что въ Европѣ есть страны, даже весьма обширныя, въ которыхъ приемы хозяйства мало разнятся до сихъ поръ отъ тѣхъ приемовъ какіе описаны были 2.000 лѣтъ тому назадъ въ сочиненіи Колумеллы. Едва ли мы ошибемся, сказавъ, что Мишель Шевалье имѣлъ при этомъ въ виду Россію. Подобная характеристика русскаго хозяйства,

* *Exposition Universelle de 1867. Rapports du jury international. Introduction par M. Michel Chevalier. Paris. 1868 г., стр. 223 и 224.*

безъ сомнѣнiя, слишкомъ груба, но упрекъ, сдѣланный Мишелемъ Шеваье вообще всемъ народамъ, за недостаточное вниманiе оказываемое ими интересамъ земледѣлiя, можетъ быть, конечно, отнесенъ къ намъ съ большею справедливостiю нежели къ какому-либо другому народу.

Правда, сѣмя, брошенное графомъ Мордвиновымъ и комитетомъ объ усовершенствованiи земледѣлiя въ Россiи не пропало совершенно безслѣдно. При образованiи въ 1837 г. новаго управленiя для завѣдыванiя государственными крестьянами и имуществами, въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, какъ представитель главнаго въ государствѣ вотчинника, повидимому, наиболее заинтересованнаго потому въ улучшенiи сельскаго хозяйства, отведено было скромное мѣсто и завѣдыванiю дѣлами по развитiю и поощренiю земледѣльческой промышленности. Изъ этого центральнаго органа вышелъ цѣлый рядъ мѣръ клонившихся къ развитiю агрономическаго образованiя въ разныхъ слояхъ населенiя, къ возбужденiю духа соревнованiя между земледѣльцами путемъ выставокъ, конкурсовъ, премiй, наградъ и т. п., къ изученiю состоянiя разныхъ отраслей промышленности и средствъ для ихъ развитiя. Многiя изъ этихъ мѣръ были несомнѣнно полезны, но большая часть ихъ не достигала своей цѣли, что зависѣло не только отъ недостаточной организацiи учреждений, но также и отъ духа того времени и той среды въ которыхъ они дѣйствовали.

Характеръ всей вообще администрацiи прежняго времени отличался преимущественно тѣмъ, что большая часть принимаемыхъ ею мѣръ истекала не изъ непосредственнаго наблюденiя нуждъ и потребностей народныхъ и изъ желанiя удовлетворить заявленнымъ требованiямъ, а преимущественно изъ теоретическихъ и априористическихъ соображенiй что можетъ и должно быть полезно, причемъ нередко слишкомъ большое подражанiе иностраннымъ образцамъ играло не послѣднюю роль. Для сельско-хозяйственной администрацiи особенно трудно было знать истинныя потребности земледѣльческихъ классовъ, ибо она имѣла весьма мало средствъ для ознакомленiя съ этими нуждами и потребностями. Специальныя изслѣдованiя отдельныхъ отраслей промышленности, посредствомъ особыхъ комиссiй изъ лицъ вполне компетентныхъ, были, конечно, самымъ вѣрнымъ и лучшимъ

средствомъ для ознакомленія съ потребностями хозяйства, и къ этому способу администрація прибѣгала иногда, но способъ этотъ не могъ быть всегда доступенъ и употреблялся лишь какъ исключеніе. Сельско-хозяйственныя общества были еще весьма немногочисленны и далеко не всѣ одинаково дѣятельны. Болѣе крѣпкой и живой связи между администраціей и хозяевами не существовало. Притомъ и сами хозяева, подъ вліяніемъ крѣпостнаго права, обезпеченные даровою рабочею силою и большею частію чуждые правильнаго коммерческаго разчета, мало сознавали еще нужды въ какомъ-либо содѣйствіи извнѣ и чаще всего только смѣялись надъ наукой, считая ее неприменимою на практикѣ къ нашему русскому хозяйству. Еще менѣе сознавали потребности въ какихъ-либо улучшеніяхъ крестьяне, чуждые всякаго образованія, стѣсненные помѣщичьею и административною опекой и господствомъ общиннаго способа владѣнія землей. Оттого понятно что бѣольшая часть мѣръ, которыя были принимаемы правительствомъ, были скорѣе опытами и жертвами на пользу сельскаго хозяйства, и хотя принесли свою несомнѣнную долю пользы, бросивъ у насъ первыя сѣмена сельско-хозяйственныхъ знаній, но въ свое время были нерѣдко встрѣчаемы тою средой, для которой онѣ предназначались, съ недо-вѣрчивостію или холодностію. Ошибки, неизбежныя во всякомъ дѣлѣ, особенно при началѣ его, еще болѣе развивали этотъ скептическій духъ въ хозяевахъ. Къ этому присоеди-нилось еще весьма распространенное убѣжденіе, часто раздѣляемое даже лицами близко знакомыми съ устройствомъ нашихъ государственныхъ установленій, что всѣ сельско-хозяйственныя учрежденія министерства государственныхъ иму-ществъ существуютъ исключительно для государственныхъ крестьянъ: мнѣніе противное первоначальной цѣли этихъ учрежденій и самой буквѣ закона. Реформа 19-го февраля 1861 года совершенно измѣнила весь экономическій строй нашего хозяйства и привела хозяевъ къ убѣжденію въ необходимости замѣнить прежній рутинный, безразчетный способъ хозяйства правильнымъ, коммерческимъ, рациональнымъ способомъ. Отсюда возникло между хозяевами стремленіе къ приобрѣтенію научныхъ сельско-хозяйственныхъ знаній, результатомъ чего было, между прочимъ, распространеніе со-знанія въ необходимости введенія въ хозяйство рациональ-ныхъ улучшеній привороженныхъ къ нашимъ климатическимъ

и экономическимъ условіямъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ сознаниі хозяевъ все болѣе и болѣе стало утверждаться убѣжденіе что успѣхъ сельско-хозяйственной промышленности вообще, а слѣдовательно и производительности страны, зависитъ не только отъ частныхъ техническихъ улучшеній, но и отъ общихъ мѣръ правительства, имѣющихъ несомнѣнное вліяніе на развитіе промышленности, и вслѣдствіе того обсужденіе вопросовъ, удачное разрѣшеніе которыхъ зависѣло отъ общихъ правительственныхъ мѣръ, сдѣлалось любимой темой разсужденій всѣхъ сельско-хозяйственныхъ обществъ и сѣвцовъ, число коихъ стало быстро возрастать съ 1861 г. Въ то же время рядъ экономическихъ мѣръ и реформъ, быстро слѣдовавшихъ одна за другою и затронувшихъ самые насущные интересы сельскаго хозяйства, скоро убѣдили хозяевъ что отсутствіе у насъ высшей самостоятельной сельско-хозяйственной администраціи, которая бы служила представительницей всей совокупности интересовъ сельскаго хозяйства и призвана была подавать свой голосъ по всѣмъ вопросамъ съ которыми тѣсно связано развитіе земледѣлія, было причиной почему нѣкоторыя изъ означенныхъ мѣръ и реформъ, удовлетворяя общимъ государственнымъ и въ особенности финансовымъ цѣлямъ, въ то же время нарушали нрѣдко интересы земледѣлія. Особенно рѣзко явленіе это бросалось въ глаза въ питейно-акцизной системѣ, которая, въ первоначальной своей формѣ, удовлетворяя требованіямъ фискальнымъ и обезпечивая казнѣ возможно большее полученіе дохода съ потребленія вина, совершенно убила малые винокуренные заводы, весьма важные для сельскаго хозяйства. И не только по вопросамъ винокуренія или свеклосахарной промышленности, тѣсно связаннымъ съ земледѣліемъ, но и по многимъ другимъ вопросамъ, болѣе или менѣе общимъ, сельскіе хозяева находились въ послѣднее время въ затрудненіи, какъ и чрезъ кого проводить свои желанія и кому заявлять свои нужды. Таковы были вопросы о наймѣ рабочихъ, о конокрадствѣ, о скотскихъ падежахъ, о налогахъ падающихъ на поземельную собственность, объ избраніи направленія для проведенія желѣзныхъ и другихъ путей сообщенія, объ установленіи тарифовъ для перевозки сельскихъ произведеній по желѣзнымъ дорогамъ, и иные вопросы внутренней и внѣшней торговой политики, соприкасающіеся съ интересами земледѣлія.

Если иногда заявленія или ходатайства касающіяся подобныхъ предметовъ и были передаваемы хозяевамъ учрежденію завѣдующему нынѣ спеціальными сельско-хозяйственными мѣрами, то учрежденіе это въ большей части случаевъ могло, говоря канцелярскимъ языкомъ, только передавать ихъ, по принадлежности, на дальнѣйшее распоряженіе другимъ вѣдомствамъ, ограничиваясь развѣ выраженіемъ своего сочувствія предлагаемымъ мѣрамъ. Оно даже не всегда имѣло возможность слѣдить за дальнѣйшею судьбой подобныхъ заявленій и ходатайствъ, такъ какъ не было призываемо офіціально къ участию въ разрѣшеніи многихъ изъ вышеозначенныхъ вопросовъ, а по организациіи своей не имѣло нужныхъ средствъ для того чтобы знать въ точности желанія и потребности хозяевъ, безъ чего невысказано было и всякое настояніе въ пользу того или другаго мѣропріятія.

Результатомъ такого положенія дѣлъ, при новомъ порядкѣ вещей, было все чаще и чаще раздававшееся устно и печатно съ разныхъ сторонъ мнѣніе о необходимости для насъ такой вышей администраціи, которая, будучи поставлена въ живую и непосредственную связь съ хозяевами, могла бы прислушиваться къ голосу хозяйственныхъ нуждъ и потребностей народа и являться во всѣхъ правительственныхъ совѣтахъ и учрежденіяхъ представительницей и защитницей этихъ нуждъ и потребностей, и которая была бы призываема къ участию въ разрѣшеніи всѣхъ вопросовъ затрогивающихъ какимъ-либо образомъ интересы земледѣлія.

Самымъ вѣрнымъ и краснорѣчивымъ истолкователемъ потребности хозяевъ въ этомъ отношеніи явился президентъ Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства І. Н. Шатиловъ.

Въ виду спеціальности мѣръ необходимыхъ для развитія сельско-хозяйственныхъ интересовъ, въ виду потребности имѣть нѣкоторую подготовку для изученія мѣстнаго хозяйства, для собиранія о немъ вѣрныхъ свѣдѣній и для извлеченія правильныхъ выводовъ, І. Н. Шатиловъ въ 1866 г. выразилъ сперва въ Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства, а затѣмъ и въ Московскомъ губернскомъ земскомъ собраніи мысль о пользѣ учрежденія при земскихъ собраніяхъ постоянныхъ губернскихъ и уѣздныхъ сельско-хозяйственныхъ комиссій, обязанность коихъ заключалась бы въ собираніи свѣдѣній о состояніи сельскаго хозяйства,

въ заявленіи о всѣхъ сельско-хозяйственныхъ нуждахъ и о мѣрахъ необходимыхъ для удовлетворенія этихъ нуждъ, а также и въ самомъ выполненіи правительственныхъ распоряженій, клонящихся къ улучшенію хозяйства. Мысль г. Шатилова встрѣтила живое сочувствіе и въ средѣ Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, и въ средѣ московскаго земства. При дальнѣйшемъ развитіи своего предложенія, какъ самъ г. Шатиловъ, такъ и Московское Общество Сельскаго Хозяйства, и московское земство пришли къ убѣжденію въ необходимости учрежденія у насъ, кромѣ сельско-хозяйственныхъ губернскихъ и уѣздныхъ комиссій, еще и центрального сельскохозяйственного совѣта съ участіемъ образованныхъ хозяевъ, и, наконецъ, вышней и притомъ самостоятельной центральной сельскохозяйственной администраціи, которая не ограничивалась бы однимъ тѣснымъ завѣдываніемъ специальныхъ, техническихъ мѣръ развитія сельскаго хозяйства, а была бы истинною представительницей и защитницей сельско-хозяйственныхъ интересовъ и наблюдала, особенно при совершающихся нынѣ въ государствѣ реформахъ по разнымъ частямъ, дабы интересы сельскаго населенія не были упускаемы изъ виду. При этомъ было указано на *важность земледѣлія, торговли и промышленности*, какъ на наиболее благоприятную, по опыту другихъ странъ, форму сочетанія хозяйственно-промышленныхъ интересовъ въ центральномъ управленіи. *

Такимъ образомъ въ настоящее время и въ средѣ хозяевъ выражается сознаніе пользы и потребности учрежденія такого управленія, которое бы *главною* и даже *исключительною* своею заботой имѣло одни интересы земледѣлія и промышленности и во всѣхъ высшихъ правительственныхъ совѣтахъ отстаивало эти интересы противъ всѣхъ вольныхъ и

* Предложенія г. Шатилова и дальнѣйшее развитіе его идей можно прослѣдить въ *Современной Лѣтописи* 1866 г. № 4: *Сельско-хозяйственные беды въ Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства*; въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* 1866 г., 29-го декабря № 274, въ отчетѣ о засѣданіяхъ Московскаго губернскаго земскаго собранія; наконецъ въ *Современной Лѣтописи* 1867 г., № 14, въ рѣчи г. Шатилова произнесенной имъ въ годовомъ засѣданіи Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства 12-го февраля 1867 г.

невольныхъ попытокъ ихъ нарушенія какими-либо мѣрами или распоряженіями другихъ органовъ администраціи. Поддержаніе постоянной связи между хозяевами и этою высшею администраціей чрезъ посредство земскихъ комиссій и центрального агрономическаго совѣта должно дать жизнь и силу подобному управленію и привести къ тѣмъ плодотворнымъ результатамъ, какіе мы видимъ въ другихъ странахъ.

Нисколько не нарушая свободы частной инициативы, правительство можетъ, съ учрежденіемъ особою центральной администраціи для хозяйственно-промышленныхъ интересовъ, оказывать на эту инициативу самое полезное вліяніе, если только администрація будетъ имѣть возможность получать правильныя и точныя свѣдѣнія о нуждахъ и потребностяхъ общества въ промышленномъ отношеніи, если ни одинъ вопросъ внутренней политики, соприкасающійся съ этими интересами, не будетъ миновать этой администраціи, если она сама постарается стать въ живую и непосредственную связь съ промышленными сословіями, будетъ тщательно изучать ихъ нужды и потребности и всѣми мѣрами стараться объ удовлетвореніи ихъ. Лишь при такомъ направленіи она можетъ разчитывать на вполне практическіе результаты своей дѣятельности и на содѣйствіе той среды, для пользы которой она назначается. Такого рода администрацію и съ такимъ же назначеніемъ имѣли въ виду и англійскіе фермеры, когда они, во время послѣднихъ скотскихъ падежей отъ занесенной чумы, собирали подписку въ пользу основанія особаго центрального учрежденія, для огражденія нуждъ земледѣльцевъ. Къ той же цѣли стремились и сѣвероамериканскіе хозяева, когда, устрешенные оскуднѣніемъ, вслѣдствіе нераціональнаго хозяйства, земель, прежде считавшихся неистощимыми, настаивали на подобномъ же ходатайствѣ предъ конгрессомъ.

Низкій уровень нашего хозяйства, бѣдствія неурожаевъ, такъ часто посѣщающія наше отечество, и недостаточность средствъ для борьбы съ ними, вредно отражающаяся въ цѣлой странѣ, должны привести и, какъ мы видѣли, уже начинаютъ приводить и нашихъ хозяевъ къ тому же сознанію, къ которому пришли хозяева другихъ странъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы желанія, формулованныя г. Шатиловымъ, относительно введенія у насъ стройной системы правительственно-общественныхъ учрежденій для завѣды-

ванія хозяйственно-промышленными интересами Россіи, получили когда-либо удовлетвореніе, то это было бы самымъ полнымъ и вѣрнымъ осуществленіемъ программы комитета 1838 г. объ усовершенствованіи земледѣлія въ Россіи, а тотъ государственный человекъ, на долю котораго выпало бы исполненіе этого дѣла, спискалъ бы себѣ тѣмъ полное право на ту признательность потомства, на которую указывалъ графъ Мордвиновъ графу Кавкрику.

В. ВЕШНЯКОВЪ.

КРЕСТЬЯНСКІЕ БЕЗПОРЯДКИ

ВЪ ЛУЦКОМЪ УѢЗДѢ ВОЛЫНСКОЙ ГУБЕРНІИ

ВЪ 1862 ГОДУ

17-го октября 1862 года помѣщикъ села Карасина Ф. З. составилъ для крестьянъ уставную грамоту. При составленіи ея крестьяне не были и не принимали въ неѣ никакого участія. Были ли они приглашаемы или нѣтъ, что заставило ихъ отказаться отъ участія—неизвѣстно. Замѣчательно только, что почти всѣ уставныя грамоты въ этой мѣстности были въ ту эпоху составляемы самими помѣщиками, безъ участія крестьянъ. Помѣщикъ обыкновенно писалъ въ грамотѣ все что ему угодно,—*своей* посредникъ признавалъ ее правильною. А когда крестьяне не принимали составленныхъ грамотъ, посредники и помѣщики выставляли ихъ бунтовщиками, нарушителями порядка. Начальство не желало, конечно, допускать своевоія и старалось подавить всѣ беспокойныя заявленія при самомъ зародышѣ. Принимались репрессивныя мѣры и исполнялись съ усердіемъ переходившимъ мѣру требованій. Начальство, напримѣръ, разрѣшало поставить экзекуцію въ непокорномъ селѣ, но предписывало чтобы солдаты кормились на казенный счетъ, а мѣстные исполнители распоряженій приказывали солдатамъ брать все что вздумаютъ—гусей, куръ, овецъ и пр.; начальство разрѣшало наказывать трехъ человекъ, исполнители наказывали двадцать; начальство предписывало дѣйствовать „убѣжденіемъ“, исполнители убѣждали затрепичами.

По составленной помѣщикомъ З. грамотѣ, крестьянамъ, на каждый дворъ, отведено было: въ коренномъ надѣлѣ усадеб-

ной 1 дес., пахатной 6 дес. 144 с. и сѣнокосной 4 д. 1.056 с., всего полевой земли 10 $\frac{1}{2}$ дес. и столько же въ дополнительномъ надѣлѣ. Годовой платежъ исчисленъ: за усадьбу 5 руб. 10 коп. и за полевую землю 28 р. 35 к., всего на дворъ 33 р. 45 к., или отработкой, вмѣсто взноса денегъ, дѣтскихъ дней 107 и зимнихъ 71 $\frac{1}{2}$. Среднимъ числомъ, каждый рабочий день оплачивается 18 $\frac{1}{2}$ коп. Такъ какъ по грамотѣ показано во всемъ селѣ дворовъ 67, а ревижскихъ душъ 292, то затѣмъ на все село приходилось усадебной земли 67 дес. и полевой 1.407 дес. 1.474 саж., кромѣ 14 дес. неудобной, вошедшей въ границу крестьянской. На ревижскую душу приходится вообще 5 д. 115 с. За эту землю крестьяне должны были платить въ годъ 2.241 р. 25 к., что составитъ на ревижскую душу 7 р. 67 $\frac{1}{2}$ к. Отъ половины полевой земли, отъ дополнительнаго надѣла, какъ сказано въ грамотѣ, крестьяне отказались навсегда, но приговора объ отказѣ не было, и вообще дѣйствительность отказа не подтверждается никакимъ документомъ. Принимая дѣйствительность отказа, на каждый дворъ приходится платежей въ годъ 19 р. 27 $\frac{1}{2}$ к., а на ревижскую душу 4 р. 42 $\frac{1}{4}$ к.

Страннымъ кажется, какимъ образомъ внесенъ въ грамоту пунктъ объ отказѣ крестьянъ отъ дополнительнаго надѣла, когда они въ составленіи грамоты не участвовали и, следовательно, помѣщикъ не могъ въ точности знать ихъ желанія. Отказъ этотъ, какъ сказано въ грамотѣ и въ составленномъ посредникомъ актѣ, основанъ на 94 ст. Мѣстнаго Положенія. Въ статьѣ этой сказано, что „дѣлае сельское общество *можетъ* отказаться, по своему усмотрѣнію, отъ всей земли отведеннаго ему дополнительнаго надѣла и возвратитъ ее во *временное* распоряженіе помѣщика“. Несмотря на ясный смыслъ статьи, не дозволяющей крестьянамъ навсегда отказываться отъ дополнительнаго надѣла и требующей непременно чтобъ отказъ, даже временный, былъ заявленъ обществомъ и, следовательно, чтобъ объ отказѣ былъ составленъ приговоръ, посредникъ утвердилъ уставную грамоту, не найдя въ ней ничего противузаконнаго. Но, кромѣ того, помѣщикъ внесъ въ грамоту слѣдующіе пункты, незаконно стѣсняющіе положеніе крестьянъ: 1) Пограничная съ помѣщикомъ дорога крестьяне обязываются поддерживать пополамъ, а ведущія въ помѣщичій лѣсъ, какъ устроенная „для исключительной пользы крестьянъ“, исправ-

ляются безъ содѣйствія помѣщика. 2) Помѣщикъ имѣеть право въ теченіи 8 лѣтъ сдѣлать разграниченіе и переносить крестьянскія усадьбы. 3) Крестьяне обязаны поддерживать плотину на прудѣ, безъ всякаго вознагражденія, но не имѣють права ловить рыбу, мочить коноплю и ленъ. Мельница на плотинѣ принадлежитъ исключительно помѣщику. 4) Крестьяне не имѣють права пастбы и прогона скота на поляхъ помѣщика, не имѣють права ходить по дорогамъ и тропинкамъ между помѣщичьими полями. 5) Запрещается крестьянамъ заводить пчелъ въ деревьяхъ находящихся на ихъ же поляхъ. 6) Общество крестьянъ отвѣчаетъ за пожаръ въ помѣщичьемъ лѣсу. 7) Каждый дворъ крестьянъ долженъ вносить одинаковые платежи, а пользоваться землею не въ одинаковомъ количествѣ. Въ замѣнъ этихъ важныхъ правъ, присвоенныхъ помѣщикомъ, онъ предоставлялъ крестьянамъ кощическое право на собственныхъ земляхъ брать глину для домашняго употребленія.

Ограниченія эти имѣють важное значеніе. Весь смыслъ ихъ сдѣлается понятнымъ когда скажемъ что село Карасинъ находится въ Полѣсьи, гдѣ земли состоятъ изъ сыпучаго песку, съ прибавкой въ нѣкоторыхъ мѣстахъ небольшихъ кремнистыхъ камней, гдѣ много болотъ, а полевая земля разбросана въ разныхъ мѣстахъ небольшими кусками. Лучшими землями считаются тѣ на которыхъ имѣется кремень, потому что онъ сдерживаетъ песокъ, препятствуетъ его передвиженію и обнаженію посѣянныхъ сѣмянъ и растеній. Такія земли, какъ сильно нагрѣвающіяся и скоро охлаждающіяся, требуютъ удобренія непременно отъ рогатаго скота, потому что навозъ этотъ не сильно нагрѣвается, имѣеть болѣе вязкихъ свойствъ, и долѣе удерживаетъ теплоту чѣмъ навозъ полученный отъ другаго скота. Понятно, что земледѣліе въ Полѣсьи, болѣе нежели гдѣ-нибудь, должно идти рядомъ со скотоводствомъ. Но при чрезвычайно бѣдной производительности почвы, для содержанія скота требуются большія пространства могущія служить пастбищемъ. Повѣрочное отдѣленіе, осматривавшее въ послѣдствіи (1866 г.) земли села Карасина, говоритъ: „усадебныя земли песчано-болотистаго свойства, при тщательномъ удобреніи, неспособны производить необходимыхъ огородныхъ овощей. Полевая также песчано-болотистая. Хозяйство ведется переложное, отъ 6 до 10 лѣтъ.

Земледѣліе находится на самой низкой степени и далеко не вознаграждаетъ трудовъ хлѣбопашца. Сѣнокосы худокачественны и болотисты, такъ что изъ общаго количества опредѣляется чистаго сѣнокоса едва $\frac{1}{3}$."

Такимъ образомъ ограниченія для крестьянъ, введенныя въ грамоту составленную помѣщикомъ, должны были произвестъ, и дѣйствительно произвели, слѣдующіе результаты.

Крестьянскій дворъ, среднимъ числомъ изъ пяти душъ, имѣлъ только 6 десятинъ поля и 4 сѣнокоса. Даже при лучшихъ обстоятельствахъ, то-есть при шестилѣтнемъ перелогѣ, можно было засѣвать ежегодно только одну десятину поля и собирать сѣно съ двухъ десятинъ. Отъ урожая съ десятины не могло получиться болѣе 6 четвертей ржи, а за исключеніемъ сѣменъ на посѣвъ, 5 четвертей, по $2\frac{1}{2}$ р., на 12 р. 50 коп.; выключивъ 5 р. на обработку, останется 7 р. 50 к. Двѣ десятины плохаго сѣнокоса не могутъ дать болѣе 100 пудовъ сѣна. Такимъ, въ теченіе зимняго времени, можетъ прокормиться не болѣе $1\frac{1}{2}$ штуки рогатаго скота, который, допустимъ, дастъ такое же количество навоза, которое и употребится на уваживаніе огорода. Но для средняго удобренія десятины нужно не менѣе 1.500 пуд. навоза, которыхъ неоткуда взять. Безъ удобренія и одна десятина поля не можетъ дать дохода 7 р. 50 к., такъ что, опасаясь убытковъ, крестьянинъ не рѣшился бы обрабатывать эту единственную десятину, что дѣйствительно и было. Затѣмъ допустимъ что усадебная земля на половину занята постройками, а на половину огородомъ. Последняя часть могла дать чистаго дохода не болѣе 10 руб.; оброка же помѣщику за землю крестьянинъ долженъ платить 19 руб. $27\frac{1}{2}$ коп., то-есть удѣлять изъ особыхъ на сторонѣ заработковъ ежегодно по 9 руб. $27\frac{1}{2}$ к. Въ теченіе 49 лѣтъ онъ уплатитъ всего 944 руб. 23 коп., то-есть, десятина земли обойдется болѣе 90 р., тогда какъ годовою платежъ равняется не болѣе $\frac{1}{3}$ капитальной ея цѣнности. Положимъ, семейство состоитъ изъ 5 душъ, $2\frac{1}{2}$ мужскаго и столько же женскаго пола. При заработной платѣ въ $18\frac{1}{2}$ коп. для мужчины и на половину для женщины, полагая въ годъ рабочихъ дней 250, вся семья заработаетъ 173 р. 48 к. Но она столько не заработаетъ, потому что есть малолѣткіе, которыхъ, допустимъ, будетъ двѣ души; тогда остальные заработаютъ только 104 руб. Изъ этого придется на мужскую душу оброка за землю, подушныхъ, на волость, на дорожную

видность, на рекрутовъ, на мировыя учрежденія, поземельнаго, на содержаніе священника и причта—до 15 р., а со всей семьи до 37½ руб. Изъ заработка, слѣдовательно, остается только 66 р. 50 к. Чтò дѣлать семьѣ при такомъ положеніи.

Предоставляя себѣ право въ теченіе восьми лѣтъ сдѣлать разграниченіе и переносить крестьянскія усадьбы, помѣщикъ поставилъ крестьянъ въ невозможность опомниться въ теченіе этого времени. Крестьянинъ не могъ заняться улучшеніемъ своей земли, потому что не зналъ производителенъ ли его трудъ, не будетъ ли онъ напрасенъ, когда земля перейдетъ къ помѣщику при разверстаніи. Дѣлать новыя постройки, производить въ нихъ капитальныя починки, крестьянинъ также не могъ: онъ не былъ увѣренъ что спустя нѣсколько дней послѣ постройки помѣщикъ не выгонитъ его, не переведетъ на другое мѣсто. Такимъ образомъ восемь лѣтъ крестьянинъ долженъ жить спуща рукава, находится въ кочевомъ состояніи, не заботиться о будущемъ, опуститься.

Крестьяне обязаны бесплатно починять плотину, которая для нихъ не приноситъ никакой пользы, и на котрой мельница принадлежитъ помѣщику. Крестьяне не имѣютъ права пасты свой скотъ на поляхъ помѣщика, даже прогонять его, и сами не должны ходить по дорогамъ между помѣщичьими полями. Зная положеніе мѣстности, гдѣ поля небольшими кусками разбросаны въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ много болотъ и часто лѣтъ никакой возможности устроить прямые пути, мы понимаемъ что при такомъ условіи у крестьянина отнимается возможность доступа къ своимъ полямъ. Отнявъ у крестьянъ возможность прохода по дорогамъ пролегающимъ между помѣщичьими полями, помѣщикъ, однакоже, возлагаетъ на нихъ обязанность исправлять эти дороги бесплатно, потому, говоритъ, что они устроены „для исключительной пользы ихъ, крестьянъ“! Въ добавокъ, помѣщикъ возлагаетъ еще на общество крестьянъ отвѣтственность за могущій произойти въ его лѣсу пожаръ. Не говоря уже о томъ что еслибы пожаръ произошелъ и дѣйствительно по винѣ кого-либо изъ крестьянъ, то и тогда не было основанія относить вину частнаго лица къ цѣлому обществу, — пунктъ выраженъ такъ, что еслибы пожаръ произошелъ и по винѣ самого помѣщика, то и въ такомъ случаѣ отвѣтственность должна пасть на общество крестьянъ. Очевидно, помѣщикъ употреб-

ляя всё усилія поставить крестьянъ въ самое невыгодное положеніе.

Такой грамоты крестьяне не приняли.

18-го октября 1862 года посредникъ Ж — скій доносилъ губернатору, что крестьяне села Карасина, помѣщика З., на вызовъ къ объявленію грамоты отвѣчали отказомъ и не явились. Они говорили что не хотятъ никакой грамоты, не хотятъ получать въ свое пользованіе никакой земли, не хотятъ вѣрить ни посреднику, ни священнику села Городка Я—чу, который приглашенъ посредникомъ для содѣйствія при введеніи грамоты. Крестьяне прибавляли, будто слышали что губернаторъ благодарилъ тѣхъ крестьянъ которые грамоты не принимаютъ, не подписываются подъ ней. Посредникъ опять вызывалъ крестьянъ. На этотъ разъ къ нему явились только старшина и староста. Эти донесли, что крестьяне Рудникъ, Карпюкъ и Мисюкъ до такой степени возмущили остальныхъ, что тѣ единогласно говорятъ: „Не хотимъ никакой грамоты. Насъ хотятъ погубить, но мы не поддадимся. Мы будемъ ждать царскаго выкупа.“ Когда нѣсколько голосовъ отозвалось что нужно повиноваться начальству и явиться къ посреднику, Рудникъ кричалъ: „Не идите, я не позволяю. Я буду за васъ отвѣчать.“ Посредникъ хотѣлъ арестовать зачинщиковъ и отослать въ городъ, крестьяне не позволили. Послѣ такой неудачи посредникъ просилъ пристава арестовать виновныхъ: крестьяне изъ всего селенія ушли въ лѣсъ, не осталось ни одного человѣка.

Въ это время арестованъ былъ приставомъ въ карасинской корчмѣ не имѣвшій паспорта и распускавшій „вредные для крестьянъ слухи“ крестьянина Тульской губерніи, Алексинскаго уѣзда, деревни Каменки, Никифоровъ. При разслѣдованіи найдено: Никифоровъ, какъ коноваль, являясь въ село, говорилъ, что крестьяне должны работать барщину только до Нового Года, а потомъ получать отъ Царя землю бесплатно, за то что дѣлали барщину.

Несмотря на убѣжденія, крестьяне остались при своемъ, Исправникъ предложилъ имъ явиться на мировой сѣздъ. они согласились. При этомъ исправникъ предполагалъ арестовать виновныхъ. Губернаторъ изъявилъ свое согласіе, и 6-го ноября предписано было исправнику и посреднику, если крестьяне явятся на сѣздъ, арестовать виновныхъ и наказать полицейскими

мѣрами, если же будетъ сопротивленіе, предать ихъ уголовно-
му суду, потомъ известъ грамоту. Но крестьяне не явились.
Никифоровъ былъ посаженъ въ тюрьму, и назначено слѣдствіе.

Исправникъ отправился въ Карасинъ. Къ нему явились
только староста, добросовѣстный и три крестьянина; осталь-
ные скрались въ лѣсу. Этыхъ трехъ крестьянъ исправникъ
послалъ къ остальнымъ чтобъ убѣдить явиться въ волостное
правленіе и къ посреднику. Крестьяне не явились и послан-
ныхъ не пустили, говоря, что если тѣ вздумаютъ возвра-
титься къ исправнику, ихъ возьмутъ на веревку и пове-
дутъ съ собой въ лѣсъ. Исправникъ дозналъ что главные
зачинщики, вскорѣ послѣ перваго отказа явиться къ по-
среднику, отправились (29-го октября) въ село Кунацкую
Волю, Пяскаго уѣзда, помѣщика В., къ дьячку Базилевичу.
Самъ или по совѣту кого другаго, Базилевичъ написалъ имъ
прошеніе на имя Государя и обѣщалъ доставить ихъ въ
Брестъ и тамъ снабдить средствами отправиться въ Петер-
бургъ для подачи прошенія Государю. Выхода изъ села,
крестьяне эти сказали остальнымъ чтобы до возвращенія
ихъ они грамоты не принимали, ничего на бумагахъ не дѣ-
лали и къ начальству не являлись. Возвратившись 26-го
октября, Рудникъ, Карпюкъ и Мисюкъ собрали съ крестьянъ
до 200 р. и отправились опять къ Базилевичу, а крестьянъ
Демьяновичъ остался въ селѣ для наблюденія за кре-
стьянами.

Вслѣдствіе этого 20-го декабря 1862 г. губернаторъ пред-
писалъ начальнику уѣздовой полиціи немедленно арестовать
крестьянина Тимофея Демьяновича и содержать его въ Луцкѣ
до тѣхъ поръ пока въ селѣ Карасинѣ не будетъ введена
уставная грамота; также поступить и съ отправившимися
Рудникомъ, Карпюкомъ и Мисюкомъ по явкѣ ихъ въ село.
Тогда же губернаторъ просилъ петербургскаго оберъ-по-
лицеймейстера арестовать вышепоименованныхъ крестьянъ,
если только они явятся въ Петербургъ, и отправить ихъ
въ Луцкъ. Въмѣстѣ сообщено и минскому губернатору, съ
просьбой сдѣлать распоряженіе объ обыскѣ дьячка Базиле-
вича: не отыщется ли у него черновое прошеніе крестьянъ;
также предписано сдѣлать дознаніе кто именно писалъ про-
шеніе, въ чемъ оно заключается, и гдѣ именно могутъ нахо-
диться означенные крестьяне Рудникъ, Карпюкъ и Мисюкъ.

Пока происходила эта переписка, 21-го декабря составленъ былъ актъ за подписами посредника, помѣщика и стороннихъ лицъ. Въ актѣ сказано, что составленная безъ участія крестьянъ грамота оказалась правильною, крестьяне не предъявили никакихъ „законныхъ возраженій, но между прочимъ, по разнымъ своимъ недѣльнымъ толкамъ“, отъ подписи отказались, а потому грамота введена безъ ихъ согласія. Въ протоколѣ того же числа сказано, что имъ предложено было собраться въ церковь для объявленія грамоты, но они „учинили противу того упорное сопротивленіе и по какимъ-то недоразумѣніямъ не желали явиться въ церкву, однако, хотя съ трудностію, собрались при домѣ помѣщика, и на томъ мѣстѣ мировой посредникъ объявилъ имъ уставную грамоту“.

Время шло. 3-го апрѣля 1863 года исправникъ доносилъ губернатору, что, несмотря на всѣ старанія, крестьяне рѣшительно не хотятъ повиноваться ни помѣщику, ни волостному правленію, ни посреднику; подстрекателей защищаютъ, при появленіи чиновниковъ скрываются въ лѣсъ; дѣлаютъ угрозы общественнымъ должностнымъ лицамъ, оброка не хотятъ платить и этимъ подають худой примѣръ соседнимъ селамъ. Для разъясненія Положенія и чтобъ узнать чего именно домогаются крестьяне, исправникъ вызвалъ къ себѣ двухъ почетнѣйшихъ хозяевъ, какихъ выберетъ само общество. Выборные не явились. Тогда (8-го апрѣля) волостной старшина Гапонюкъ, староста и добросовѣстный явились къ исправнику и подали рапортъ. Въ немъ говорили, что крестьянъ бунтуетъ двачокъ Ковельскаго уѣзда, села Гривы, Терешкевичъ, и что крестьяне не хотятъ уплачивать даже и земскихъ повинностей. Для Терешкевича производили сборъ разныхъ продуктовъ, за что тотъ условился написать какое-то прошеніе, съ которымъ крестьяне и намѣрены отправиться „въ большую дорогу“. Куда и о чемъ прошеніе—представившія рапортъ лица не знали. Донося объ этомъ губернатору, исправникъ Д. предлагалъ: „такъ какъ село Карасинъ состоитъ на военной дорогѣ изъ мѣстечки Колокъ Луцкаго уѣзда до мѣстечка Стобахвы Ковельскаго уѣзда, гдѣ расположены войска для прикрытія пространства между рѣками Стыремъ и Горынемъ, то назначить въ это селеніе, не въ видѣ экзекуціи, а на квартиры, одну роту солдатъ“. Въ этомъ случаѣ, подѣ благовиднымъ предлогомъ, можно было бы „задержать подлежащихъ

арестованію и возстановить порядок". 15-го апрѣля, со словъ рапорта волостнаго старшины, исправникъ опять доносилъ, что крестьянинъ Карлъ Карпюкъ начинаетъ возмущать крестьянъ уже и въ другихъ селеніяхъ. Старшина распорядился было арестовать Карпюка, но карасинскіе крестьяне не допустили.

20-го апрѣля сдѣлано было распоряженіе арестовать дьячка Терешкевича и сдѣлать у него обыскъ. Рота солдатъ отправлена была въ село Карасинъ, но другія обстоятельства заставили измѣнить это распоряженіе, и солдаты возвратились на свое мѣсто. По дознанію на мѣстѣ и обыску дьячка Терешкевича, ничего не обнаружено. Терешкевичъ отправленъ къ начальнику луцкой полиціи.

Получивъ уведомленіе что 3-го мая третья стрѣлковая рота Черниговскаго полка выступила изъ мѣстечка Колокъ въ село Карасинъ, 5-го мая исправникъ отправился въ село Карасинъ самъ, съ двумя унтеръ-офицерами. На дорогѣ онъ встрѣтилъ майора К., возвращавшагося со своею ротой въ мѣстечко Колки по распоряженію начальства. Взявъ отъ майора К. шесть человѣкъ солдатъ, исправникъ явился въ село Карасинъ 6-го мая, въ 12 часовъ ночи. Старшина донесъ что по вступленіи войскъ подлежащіа арестованію лица скрылись, но какъ только солдаты выступили изъ села, они возвратились. Исправникъ немедленно распорядился схватить ихъ. Въ три часа ночи задержанъ былъ только Рудникъ, ушедшій изъ своего сарая, гдѣ спалъ. Онъ и семейство его начали кричать: „громадо, ратуйте!“ На этотъ крикъ обѣжалось до двухъ сотъ мушкетъ и женщинъ съ кольями въ рукахъ и старались отбить арестованнаго; женщины бросали песокъ въ глаза солдатамъ. Изъ толпы особенно выдавался крестьянинъ Касянъ. Онъ болѣе прочихъ старался отнять Рудника и постоянно кричалъ: „Собирайтесь, громадо, и не дайте.“ Съ большимъ трудомъ удалось арестовать Рудника и Касяна. Ихъ привели въ помѣщичій дворъ, гдѣ остановился исправникъ. До двухъ сотъ крестьянъ собралось было отобрать ихъ. „Вынужденный крайностію“, исправникъ едва могъ утратить ихъ угрозами, что если рѣшатся сдѣлать попытку отнять арестованныхъ, онъ велитъ стрѣлять. Крестьяне утихли. Исправникъ подошелъ къ нимъ, началъ толковать объ обязанностяхъ и наконецъ спросилъ: „почему они не исполняютъ воли Царя, т.-е. не хотятъ платить

ни оброка за земли, ни, вмѣсто того, отбывать владѣльцу издѣльной повинности? Крестьяне объявили, „что проходящіе неизвѣстные солдаты читали имъ „Положеніе“, и они видятъ что съ ними не такъ поступаютъ какъ установлено Положеніемъ, ибо Царь далъ имъ полную волю, даетъ земли и всё угодія.“ Видя невозможность убѣжденія, исправникъ предложилъ имъ избрать 4 или 6 человекъ и отправить ихъ въ Житомиръ или въ Киевъ, гдѣ они могутъ лично явиться къ губернатору и тамъ узнать о Царской волѣ. На свободный проѣздъ туда и обратно исправникъ обѣщалъ выдать свидѣтельство. Сначала крестьяне согласились, но потомъ сказали, что не думаютъ идти ни въ Житомиръ, ни въ Киевъ, а будутъ попрежнему пользоваться всеми угодьями, но не будутъ ни уплачивать за это, ни отработывать, такъ какъ Царь, давъ имъ волю, далъ и всё выгоды къ жизни. При этомъ заявили, что владѣлецъ имѣнія З. далъ имъ худую землю, а себѣ взялъ отъ нихъ лучшую. На это исправникъ предложилъ подать формальное заявленіе посреднику, или ему, и что затѣмъ просьба ихъ будетъ удовлетворена. Крестьяне отвѣтили, что и въ этомъ случаѣ они не намѣрены поступать по указанному порядку.

Доносъ объ этомъ, исправникъ прибавляетъ что арестованные два человека содержатся въ городѣ Лудкѣ; просилъ опять прислать роту солдатъ, потому что начинаютъ замѣчаться беспорядки и въ другихъ осяднихъ селеніяхъ: „Съ помощью солдатъ, писалъ онъ, хотя и укрыются главные зачинщики, можно *убѣдить* (!) и привести благоразумныхъ къ повиновенію, но и то въ такомъ лишь случаѣ, когда предложено будетъ наказаніе на мѣсть, хотя по нѣскольکو разогъ, главныхъ подстрекателей и тѣхъ которые болѣе прочихъ оказываютъ дерзости и неповиновенія.“

Пока все это происходило, генераль-губернаторъ совѣтовалъ волинскому губернатору прибѣгать къ содѣйствию войскъ для восстановленія между крестьянами порядка только въ совершенно неизбѣжныхъ случаяхъ, а дѣйствовать силой убѣжденія; также обратить вниманіе не происходятъ ли беспорядки отъ желанія крестьянъ выйти изъ обязательныхъ къ помѣщику отношеній посредствомъ выкупа поступившихъ въ надыль земель. Въ послѣднемъ случаѣ совѣтовалъ пригласить владѣльца къ соглашенію съ крестьянами. Содержаніе этого предложенія генераль-губернатора передано

было и луцкому исправнику, 18-го мая. Исправникъ ничего не отвѣтилъ на это.

29-го мая онъ доносилъ что арестованный Рудникъ, „объявляя готовность возвратиться къ должному уваженію властямъ, попросилъ дозволенія отправиться домой для убѣжденія прочихъ крестьянъ къ повиновенію“. Ему выданъ былъ открытый листъ на восемь дней. Черезъ восемь дней Рудникъ возвратился и объявилъ что онъ и крестьяне Барпюкъ и Сахнюкъ „слѣдуемый владѣльцу оброкъ уплатили, и что по убѣжденіямъ его многие уже крестьяне готовы тоже уплатить и возстановить спокойствіе, но боятся наказанія за прежнее“. Рудникъ и Касянъ были освобождены. Черезъ нихъ объявлено крестьянамъ, что какъ только они будутъ исполнять лежащія на нихъ обязанности, то имъ будетъ все прощено. По словамъ посредника, убѣжденія Рудника сильно подѣйствовали на крестьянъ, и они начали „исполнять обязанности“.

Такъ было на бумагѣ, но не такъ на дѣлѣ. Въ своихъ донесеніяхъ исправникъ нигдѣ не упоминаетъ что онъ наказывалъ крестьянъ, хотя это ему не было дозволено. „Убѣжденные“ такимъ образомъ крестьяне смирились и заявили покорность. Но положеніе ихъ было отчаянное. Приходилось или заплатить оброкъ и разстаться со всѣмъ имуществомъ, собраннымъ по копѣйкамъ въ продолженіи многихъ годовъ, или отказаться отъ платежа. Отработка натурой была равносильна оброку, потому что приходилось работать безденежно, а ѣсть нужно, нужно заработать и на хлѣбъ. Крестьяне рѣшились не платить оброка.

Не получая оброка, помѣщикъ З. жалуется и генералъ-губернатору, и губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію. 31-го июля онъ пишетъ что крестьяне села Карасина и Лѣсновки „не хотятъ отрабатывать, еще съ 1-го января, оброкъ, а также и за деньги работать, вслѣдствіе чего еще не начата уборка хлѣба въ полѣ, а сѣно только что начато косить.“ Поэтому просить „чтобы повелѣно было крестьянамъ отработать ему оброкъ слѣдуемый съ 1-го января. Остальное количество чинша, равно какъ и уронъ *черезъ нихъ въ ильнии сдѣланный*, дабы было обращено на пополненіе податей отъ него слѣдуемыхъ“. Прошеніе это губернскимъ присутствіемъ передано было на удостовѣреніе и рѣшеніе мирового посредника Ж—скаго. 20-го августа Ж—скій доноситъ губернатору что онъ дѣлалъ

удостоверенія по жалобѣ помѣщика З., и „дѣйствительно оказалось что крестьяне села Карасина не платятъ оброка за землю, самоправно завладѣли экономическими землями (?), а также дѣлаютъ и другія произвольныя дѣйствія, и что жалоба помѣщика справедлива“. Для „образумленія“ крестьянъ и „восстановленія нарушеннаго порядка въ исполненіи обязанностей“, оны, „при помощи окрестныхъ волостныхъ старшинъ, старостъ и прочихъ лицъ, оброкъ взыскалъ и внесъ въ волостное правленіе, для выдачи по принадлежности.“ Строго внушилъ крестьянамъ чтобъ они вошли въ добровольное соглашеніе съ помѣщикомъ, и чтобъ условія соглашенія представлены были ему, посреднику, для засвидѣтельствованія. „Съ виновными же“, прибавляетъ посредникъ, „поступлено согласно правиламъ о крестьянахъ“.

Это „поступленіе съ виновными согласно правиламъ о крестьянахъ“ происходило слѣдующимъ образомъ. „Посредствомъ собранныхъ изъ окрестныхъ волостей Трояновской, Гулевичевской, Оконской, Медыжской, Куликовичской и Колковской старшинъ, старостъ и крестьянъ, числомъ 340 человекъ, посредникъ арестовалъ у карасинскихъ крестьянъ скотъ для продажи, въ случаѣ дальнѣйшаго упорства въ уплатѣ оброка. Когда при этомъ крестьяне села Карасина причинили побои крестьянамъ жѣсточка Колокъ Федору Гаючуку и Михаилу Кулику, то за эту обиду посредникъ далъ послѣднимъ по одной коровѣ съ телятами, изъ числа арестованныхъ. Засимъ нѣкоторые крестьяне, уплативъ оброкъ, выручили свой скотъ, а скотъ принадлежавшій другимъ крестьянамъ былъ проданъ за весьма дешевую цѣну. Оброкъ взыскивался за коренной и дополнительный надѣлъ (хотя ни тѣмъ, ни другимъ крестьяне не пользовались, а отъ дополнительнаго отказались по грамотѣ), съ пенемъ и штрафомъ по 5 руб. за ослушность, что все составило по 40 р. 15 к. со двора. Всего скота, отчасти и мелкаго, продано до 100 штукъ, 16-го августа. Наказано розгами до 15 женщинъ, отъ 15-ти до 20-ти ударовъ, и пять мужчинъ до 30-ти ударовъ, а одинъ до 50-ти, за ослушничество и дерзость. Два мальчика, за намѣреніе причинить побои крестьянамъ, искавшимъ въ лѣсу скота и скрывшихся туда крестьянъ с. Карасина, наказаны по 25-ти розогъ и, сверхъ того, принуждены были перенести въ зубахъ, черезъ селеніе, палки

отняты въ лѣсу. У крестьянъ Карпа Карпюка и Пареева Бугайчука забранъ и проданъ весь скотъ, а именно: у перваго девять и у послѣдняго семь штукъ, и болѣе скота у нихъ не имѣется. Изъ взысканныхъ въ штрафъ, какъ упомянуто выше, по 5 руб. со двора, выдано старшинамъ и старостамъ означенныхъ волостей по 3 руб. сер., а крестьянамъ по 1 руб., за содѣйствіе ихъ по взысканію оброка.“

Такъ окончилось возмущеніе карасинскихъ крестьянъ. Еслибы первоначальная уставная грамота навсегда осталась въ своей силѣ, то понятнo что сдѣлалось бы съ крестьянами. Но благодаря особымъ обстоятельствамъ, грамота подверглась поправкамъ, и обстоятельства крестьянъ измѣнились.

На сѣздѣ повѣрочнаго отдѣленія крестьяне заявили (протоколь 28-го декабря 1866 г.), что число ревизскихъ душъ по грамотѣ показано менѣе на двѣ, именно 292, тогда какъ на лицо 294; что 67 *тяглыхъ* дворовъ показано неправильно: два грунтовыхъ и осмнадцать огородниковъ пропущены; на лицо состоитъ 69 *пѣшихъ* и 18 огородниковъ, а всего 87 дворовъ *пѣшихъ*, потому что инвентарную повинность отбывали *пѣшую*, свойственную Польсю: выдѣлка лучины, смолы и пр.; что послѣ введенія грамоты помѣщикъ отобралъ отъ каждаго по нѣскольку усадебной земли и обмѣнялъ крестьянамъ на свою; что по инвентарю крестьяне пользовались топливомъ и пастбищемъ въ лѣсахъ, а теперь лишены; что выгонъ отобранъ; что платежи высоки.

Соображаясь со всѣми обстоятельствами, отдѣленіе признало за крестьянами земли усадебной 78 дес. 374 саж., полевой (пахатной съ выпасомъ и сѣнокосной) 2.550 дес. 2.152 с. и выгона 45 дес. 372 с., всего удобной 2.674 дес. 468 с.; кромѣ того неудобной 261 дес. 1.778 саж. Полевой земли на дворъ пришлось 36 дес. 2.299 саж. За всю землю годовой платежъ исчисленъ по *пѣшей* повинности въ 1.292 р. 32 к., но, по несостоятельности крестьянъ, пониженъ до 314 р. 10 коп. въ годъ. Такимъ образомъ, противъ исчисления первоначальной уставной грамоты, составленной помѣщикомъ безъ участія крестьянъ, при повѣркѣ этой грамоты повѣрочнымъ отдѣленіемъ общее количество удобной земли отошедшей въ надѣлъ крестьянамъ увеличилось почти въ два раза, и неудобной въ восемнадцать съ половиною разъ. Еслибы при повѣркѣ платежи разчитывались по тяглому надѣлу, какъ это

дѣлалъ помѣщикъ, то за отведенную крестьянамъ при по-
вѣркѣ землю пришлось бы платить въ годъ 4.033 р.; но по-
вѣрочное отдѣленіе исчислило платежи по нѣшему надѣлу
(какъ и слѣдовало), да по разнымъ обстоятельствамъ, и осо-
бенно по совершенной несостоятельности крестьянъ, нашло
положительно необходимымъ, для обезпеченія исправнаго
взноса платежей, повизить ихъ до 314 руб. 10 коп.

Говорятъ, честное исполненіе своихъ обязанностей есть
долгъ каждаго человѣка, поэтому благодарить за честное
исполненіе не слѣдуетъ. Мы не совсѣмъ такъ думаемъ, и,
въ настоящемъ случаѣ, считаемъ не лишнимъ привести нашу
скромную благодарность гг. мировымъ дѣтелямъ, давшимъ
жизнь крестьянамъ.

К. МОГОЛЬ.

НОВЫЙ РОМАНЪ Г. ГОНЧАРОВА

Съ понятнымъ нетерпѣніемъ ожидала наша публика новаго произведенія г. Гончарова, которое, въ исходѣ прошлаго года, было ей обѣщано редакціей *Вѣстника Европы*. Г. Гончаровъ рѣдко доставляетъ читателю удовольствіе прочесть произведеніе его пера; въ нашей не отличающейся плодовитостью беллетристикѣ онъ едва ли не наименѣе плодовитый романистъ: промежутки въ десять лѣтъ отдѣляютъ его романы одинъ отъ другаго (*Обыкновенная исторія* 1847, *Обломовъ* 1859, *Обрывъ* 1869). За то каждое изъ этихъ рѣдко-появляющихся сочиненій есть крупное пріобрѣтеніе нашей литературы. Каждый изъ этихъ романовъ весьма значителенъ по объему, богатъ числомъ дѣйствующихъ лицъ, сценъ и положеній, изобилуетъ наблюденіями, мыслями и тонкими подробностями. Каждый возбуждалъ всеобщее вниманіе, множество толковъ и противорѣчивыхъ мнѣній. Ужь этого было бы достаточно чтобъ остановить на произведеніяхъ г. Гончарова серіозное вниманіе критики. Но внутреннія, художественныя качества его произведеній еще болѣе вызываютъ и оправдываютъ такое вниманіе. Глубокое знаніе авторомъ изображаемой имъ жизни, необычайная наблюдательность и, благодаря ей, огромное изобиліе выпуклыхъ и характерныхъ подробностей, въ особенности же повѣія провинціального захолустья, повѣія тихой, замкнутой патріархальной жизни, въ которой дремлютъ мирные обитатели глухихъ закоулковъ нашего обширнаго отечества, и теплый, грустный тонъ разлитый надъ многими и иногда лучшими страницами его романовъ, все это вмѣстѣ дѣлаетъ талантъ г. Гончарова столь же оригиналь-

нымъ, сколько и симпатичнымъ. Но кромѣ этихъ изящныхъ сторонъ, въ романахъ г. Гончарова есть еще сторона отличающая ихъ отъ большинства произведеній этого рода. Это—ихъ отношеніе къ развитію идей и убѣжденій въ нашемъ обществѣ. Въ самомъ дѣлѣ, и *Обыкновенная Исторія*, и *Обломовъ*, и *Обрывъ*, каждый воспроизводитъ какую-нибудь фазу этого развитія, большею частью сопоставляя въ контрастѣ представителей двухъ борющихся направленій. Здѣсь заключается, вмѣстѣ съ важнымъ условіемъ интереса и занимательности, и Ахиллесова пята творчества г. Гончарова. Въ самомъ дѣлѣ, избранный имъ способъ: олицетворять ходячія мнѣнія и убѣжденія въ отдѣльныхъ представителяхъ и сосредоточивать въ одномъ лицѣ черты разбросанныя въ цѣломъ лагерѣ людей, хотя, съ одной стороны, и далъ ему случай намѣтить множество тончайшихъ чертъ и высказать множество мыслей, за то, съ другой, сообщилъ изображенію этихъ представителей какую-то отвлеченность и искусственность, которую много скрадываетъ талантъ автора рисовать подробности, но которая все-таки даетъ себя чувствовать. Поэтому нерѣдко случалось у г. Гончарова что самыя слабыя фигуры его романовъ — главные, и напротивъ, лица второстепенныя, лица случайныя и какъ-бы для роскоши выставленныя въ романѣ, отличаются живью и правдой. Всѣ три романа г. Гончарова богаты этими второстепенными лицами, которыя иногда не находятъ въ романѣ ни малѣйшаго себѣ дѣла, но, взятые отдѣльно, очерчены неподобно. Эти лица снова подтверждаютъ старую истину, что искусство всегда лучше дается тамъ гдѣ художникъ не задается никакою дидактическою или даже философскою цѣлью, гдѣ онъ творитъ наивно и отказывается отъ постороннихъ искусству цѣлей. Еслибъ эта истина нуждалась въ какихъ-либо новыхъ доказательствахъ, то достаточно было бы указать на тѣ промкнутыя реальною правдой и чистою поэзіей картины провинціальной помѣщичьей жизни, которыми такъ богаты произведенія г. Гончарова, которыми такъ прославилась въ особенности его *Обломовъ*. Нигдѣ талантъ г. Гончарова не находилъ такого средняго ему содержанія, какъ въ сферѣ этой тихой и лѣнивой жизни, въ которой, при всей ея кажущейся неподвижности, усмотрѣвъ имъ такой богатый источникъ поэзіи. Нигдѣ мастерство въ описаніи, свойственное нашему автору, не развертывалось съ такимъ блескомъ,

какъ въ этихъ изображеніяхъ дремлющаго захолюстья, съ его тѣсно ограниченной, однообразно вращающейся жизнью. Г. Гончарова можно назвать повтомъ захолюстья. Никто лучше его не умѣлъ разгадать поэтическое значеніе, уловить поэтической ароматъ этого захолюстья и воспроизвести его съ такою законченною художественностью.

Все сказанное нами о талантѣ г. Гончарова вообще, можно сказать и о его новомъ романѣ. Блестящія качества его дарованія выказались въ немъ тѣ же и почти такъ же, какъ и въ его прежнихъ двухъ романахъ; слабыя стороны для насъ также не новы и даже происходятъ отъ тѣхъ же причинъ какъ и въ прежнихъ его произведеніяхъ. Но романъ *Обрывъ* отнюдь не есть копія съ *Обломова*, или съ *Обыкновенной Исторіи*. Напротивъ, новый романъ значительно отличается отъ прежнихъ, во первыхъ, канвою своего сюжета, „фабулою“, которая не представляетъ ничего общаго съ содержаніемъ прежнихъ романовъ г. Гончарова; во вторыхъ, противоположность между представителями двухъ лагерей, и олицетвореніе двухъ направленій двумя лицами романа (эта необходимая черта всякаго романа г. Гончарова) здѣсь совершенно иного рода чѣмъ въ *Обломовъ* и *Обыкновенной Исторіи*. Въ *Обрывѣ* этотъ необходимый контрастъ обнаруживается между человѣкомъ принадлежащимъ къ такъ-называемымъ „артистическимъ натурамъ“ и человѣкомъ изъ того довольно неопредѣленнаго, хотя и многочисленнаго разряда который у насъ въ Россіи называется „нигилистами“. Очевидно, новый романъ долженъ былъ услѣдить за новѣйшимъ движеніемъ русской мысли и отразить на себѣ эту временную и нынѣ уже проходящую болѣзнь ея. По склонности автора къ типическимъ контрастамъ, въ новомъ романѣ долженъ былъ съ другой стороны обозначиться и характеръ соединяющій въ себѣ большую часть того на чтѣ главнымъ образомъ падаетъ отрицаніе нигилистовъ. Но идея романа, такимъ образомъ формулованная, возникла не предъ написаніемъ его, а обозначилась мало-по-малу въ долгій періодъ времени пока созидался романъ. Изъ небольшого предисловія, которое авторъ предпослалъ своему повому произведенію, явствуетъ что *Обрывъ* былъ начатъ г. Гончаровымъ еще въ 1857 году, и писался по-немногу („прибавляя нѣсколько главъ въ годъ“, говоритъ г. Гончаровъ) въ теченіе *двѣнадцати лѣтъ*; что

авторъ „самъ видѣлъ въ перспективѣ весь романъ, съ толпой дѣйствующихъ лицъ, съ описаніемъ мѣстностей, сценъ, съ характерами, *выключая одинъ изъ нихъ (Маркъ Волоховъ), принявшій подъ конецъ романа, начатаго давно и конченнаго недавно, болѣе современный оттѣнокъ*“. Скромность и откровенность автора въ значительной мѣрѣ обезоруживаютъ критику; но критика, для которой дорога правда, должна сознаться, что романъ, съ теченіемъ времени измѣнявшійся по отношенію къ самому себѣ, что романъ, въ которомъ дѣйствующія лица измѣняются въ значеніи не вслѣдствіе развитія характеровъ внутри самого романа (такое измѣненіе вполнѣ законно и бываетъ въ высшей степени интересно), а вслѣдствіе современныхъ вѣяній, наступившихъ автора среди его творчества, что такой романъ, говорю я, по необходимости лишень художественнаго единства. Въ самомъ дѣлѣ, *Обрывъ* прежде всего страдаетъ этимъ недостаткомъ: первая, петербургская часть романа, съ Бѣловодовою, Наташею, Аяловымъ и Пахотиными совершенно излишня по отношенію къ остальнымъ частямъ и въ дѣйствіи всего остальнаго романа ничего не обуславливаетъ и не объясняетъ. Извѣстно что отсутствіе единства въ цѣломъ никогда не препятствуетъ наслаждаться отдѣльными подробностями: и *Обрывъ*, несмотря на всю разрозненность его композиціи, читается съ величайшимъ интересомъ, постоянно приковывая къ себѣ вниманіе утонченною и остроумною отдѣлкою деталей. Но читая его, нельзя не чувствовать постепеннаго возникновенія того *современнаго оттѣнка*, какъ выражается предисловіе, оттѣнка, котораго первоначально не имѣлось въ виду и отъ котораго романъ едва ли выигралъ. Слишкомъ долгое писаніе повредило художественному произведенію: другія вѣянія, другія ученія, другіе лозунги окружали конецъ этого романа чѣмъ при какихъ создавалось начало, и конецъ явился съ тою „разницею въ перѣ“, о которой упоминаетъ самъ авторъ и въ которой онъ скромно извиняется.

Какъ и прежде бывало у г. Гончарова, въ его новомъ романѣ самую удачную частью является общій фонъ картины, изображеніе обстановки среди которой разыгрывается драма. Деревня, служащая мѣстомъ дѣйствія романа, эта Малиновка, царство бабушки Татьяны Марковны, изображена съ тою вѣрностью, цѣльностью и любовью, которыхъ слѣдовало ожидать отъ поэта *Обломовки*. Здѣсь неподобна вѣшная

декорація, неподобно описаніе стараго дома, новаго дома, двора, обрыва, вида на Волгу, а выше всего — картина соннаго губернскаго города, къ которому прилегаеть деревня Райскаго (часть II гл. IV). Но не одна декорація поражаетъ здѣсь законченностью и повтискимъ вдохновеніемъ. Фигуры, населяющія эту глушь, изображены не менѣе живо, выпукло и ярко. Вся деревня Бережковой превосходна. Этотъ Яковъ, солидный, задумчивый и набожный, — этотъ нахальный и неотвязчивый Егорка - зубоскалъ; этотъ мрачный и неповоротливый Савелій, подъ грубою оболочкой таящій страстно и глубоко-любящее сердце; эта деревенская Мессалина, Марина; эта молчаливая, вѣчно-пенчущая Василиса, даже гномъ - Улита, образъ которой небрежно набросанъ въ нѣсколькихъ словахъ — какъ всѣ эти фигуры живо рисуются предъ вашими глазами! Для хода романа, для объясненія дѣйствія онѣ ненужны; въ его общей экономіи онѣ составляютъ роскошь; но кто, прочитавъ *Обрывъ*, согласился бы отказаться отъ этой роскоши, кто бы захотѣлъ чтобъ эти фигуры были выключены изъ романа? Подвигнемся ступенью выше на гражданской дѣйствицѣ — и мы увидимъ новыя лица, не болѣе Савелія или Марины нужны для разказа, но и не менѣе ихъ превосходно нарисованныя. Сюда принадлежит пьяный Опекинъ, этотъ продуктъ безграничнаго гостепріимства, какимъ гордится провинція; сюда принадлежит генералъ Тычковъ, этотъ „серіозный“ человекъ, какъ называетъ его бабушка Татьяна Марковна, этотъ всеобщій авторитетъ города и околотка, авторитетъ обязанный обаяніемъ давности привычки, чину и звѣздъ на груди, и признанный даже бабушкой, помнящею неблагоприятное прошлое авторитета; сюда принадлежать мелькомъ появляющіеся (на именинномъ завтракѣ у бабушки) сынки провинціального помѣщика, „гордость и счастье отца“, очерченные съ такимъ веселымъ юморомъ (часть III, гл. II). По нашему мнѣнію едва ли можно причислить сюда „львицу“ Полину Карповку Крицкую, эту эксцентрическую барыню, ищущую, на старости лѣтъ, случая уронить свою репутацію и (оберегая себя отъ дѣйствительнаго паденія) прослыть женщиной свободныхъ нравовъ. Характеръ этотъ такъ дикъ и страненъ что невольно рождается сомнѣніе въ его вѣроятности и подозрѣніе въ преувеличеніи. Мы почти готовы раздѣлить о Крицкой мнѣніе самого Райскаго (часть II, гл. XII): „А она

не годится и въ романъ: слишкомъ каррикатурна! Никто не повѣритъ...”

Къ характерамъ не поставленнымъ около центра дѣйствія и, такъ сказать, не заинтересованнымъ въ его ходѣ, мы еще причислимъ двѣ фигуры, составляющія прелестный эпизодъ въ этомъ богатомъ эпизодами романѣ. Мы говоримъ объ учителѣ Леонтіи Козловѣ и о его женѣ Ульянѣ Андреевнѣ. Леонтіи—ученый по призванію, чуждый вѣяній современной жизни, ушедшій въ свой замкнутый и немногимъ вѣдомый міръ, въ дѣйствительной жизни крайне наивный, неловкій и непрактическій человекъ. Онъ страстно любитъ свою жену, рыжую красавицу, „съ застывшимъ смѣхомъ въ лицѣ“ и римскимъ профилемъ, бойкую и ловкую, легкомысленную и чувственную. Она заботится о немъ, увѣренная, по ея собственнымъ словамъ (часть III, гл. XII), что только благодаря ея попеченіямъ „онъ одѣтъ, обутъ, ѣсть вкусно, спитъ покойно“, что „если не посмотрѣтъ за нимъ, онъ мимо рта ложку пронесетъ“; она хлопочетъ о хозяйствѣ и съ задняго крыльца принимаетъ, какъ Леонтіи наивно рассказываетъ своему другу Райскому, родителей учениковъ своего мужа съ различными подарками (часть II, гл. VII); а отъ скучной жизни съ нелюбимымъ мужемъ, ученымъ и неинтереснымъ, она развлекается интрижками съ различными господами, интрижками, которыхъ не замѣчаетъ и не подозрѣваетъ ея безхитростный супругъ. Контрастъ между этими двумя характерами, связанными судьбой и другъ друга не понимающими — изященъ и исполненъ глубокаго смысла. Леонтіи Козловъ прекрасно олицетворяетъ то дѣтское простодушіе, то доверчивое невѣдѣніе жизни, которое такъ часто бываетъ у кабинетныхъ людей, живущихъ своею, книжною жизнью и обособившихся отъ міра сего. Такой-то человекъ полюбилъ всѣми силами души женщину, которая и по натурѣ, и по воспитанію меньше всего способна оцѣнить его прекрасныя стороны и сочувственно понять его слабости. Пустая и необразованная, прозаическая и поверхностная, жена Козлова однакоже одарена какимъ-то опыающимъ, сладострастнымъ обаяніемъ, благодаря которому она обезоруживаетъ краснорѣчиваго друга своего мужа, Райскаго, пришедшаго было ее увѣщать и вмѣсто того сдѣлавшагося ея любовникомъ (часть III, гл. XII). Прекрасенъ рассказъ о томъ какъ Ульяна

Андреевна покинула мужа (уйдя отъ него съ своимъ главнымъ любовникомъ, Французомъ Шарль), и какъ неожиданный ударъ подѣйствовалъ на Козлова (часть IV, гл. VI); прекрасно дополняютъ характеристику Козлова и рисуютъ намъ его кроткую и любящую натуру слова его обращенныя къ Райскому, когда тотъ съ изумленіемъ спросилъ его: „Ты хотѣлъ бы.... ты принялъ бы ее (жену) теперь!“

„— Ахъ, Борисъ, и ты не понимаешь! почти съ отчаяніемъ произнесъ Козловъ, хватаясь за голову и ходя по комнатѣ.—Боже мой! Твердятъ что я боленъ, страдаютъ мнѣ, водятъ лѣкарей, сидятъ по ночамъ у постели, и все-таки не угадываютъ моей болѣзни и лѣкарства какое нужно, а лѣкарство одно.... Ея нѣтъ—вотъ моя болѣзнь. Я не боленъ, я умеръ: и настоящее мое, и будущее, все умерло, потому что ея нѣтъ! Поди, вороти ее, приведи сюда, и я воскресну!... А онъ спрашиваетъ: принялъ ли бы я ее! Какъ же ты романъ пишешь, а не умѣешь понять такого простаго дѣла!“

Переходимъ отъ лицъ болѣе или менѣе постороннихъ и эпизодическихъ къ главнымъ лицамъ романа, къ обитателямъ барскаго дома въ Малиновкѣ и немногимъ другимъ поставленнымъ къ нимъ въ ближайшія отношенія. Здѣсь на первомъ планѣ стоятъ, если не по числу страницъ и строчекъ ими занимаемыхъ, то по красотѣ и правдѣ изображенія, двѣ благородныя, старческія фигуры, Татьяна Марковна Бережкова, бабушка героя романа, и ея неизмѣнный другъ и рыцарь Титъ Никонъичъ Ватутинъ. Этого послѣдняго можно было бы назвать заглавіемъ одного изъ Джемсовскихъ романовъ: *A Gentleman of the old school*, джентльменъ старой школы. Легкій оттѣнокъ юмора, наложенный авторомъ на его изображеніе (впрочемъ, съ тончайшимъ соблюденіемъ мѣры), эта кудрявость церемонной рѣчи, эта устарѣлость нѣкоторыхъ оборотовъ, эта старческая щеголеватость туалета не въ силахъ скрыть теплое сочувствіе автора къ этой столь удавшейся ему фигурѣ и еще менѣе въ силахъ повредить этому сочувствію у читателя. Мы увѣрены что и читатель, взглядываясь, хотя бы иногда съ улыбкой, въ наружность, нравы и поступки стараго „джентльмена“, не въ силахъ будетъ не полюбить благороднаго старичка, который самъ такъ исполненъ любви и благодушія ко всѣмъ и всему окружающему. Титъ Никонъичъ именно такая фигура которая подъ перомъ г. Гончарова должна была

выйти превосходною. Онъ провинціалъ, онъ старикъ, онъ добрякъ, онъ хлѣбосоль, образованіе его старомодное, честность и благородство его несомнѣны, онъ именно принадлежитъ къ этимъ фигурамъ, населяющимъ гончаровскія Stilleben (картины тихой жизни), какъ говорятъ Нѣмцы, и неразрывно связаннымъ со всѣмъ бытомъ этого Stilleben. Конечно, провинціальная обстановка и старый вѣкъ выработывали не однихъ благодушныхъ, незлобивыхъ Ватутиныхъ; конечно, Тычковы и Опенкины и еще болѣе мрачныя и отталкивающія явленія въ изобиліи встрѣчались тамъ, гдѣ взоръ могъ изрѣдка остановиться на какомъ-нибудь Ватутинѣ; но за то сколько отрады въ этихъ свѣтлыхъ исключеніяхъ! Какъ симпатична каждая черта въ этомъ старикѣ, какъ мила его старосвѣтская вѣжливость, его обращеніе съ дамами! „Предъ дамой никогда не сядетъ и на улицѣ говоритъ безъ шапки, прежде всѣхъ подниметъ платокъ и подвинетъ скамеечку. Если въ домѣ есть дѣвицы, то принесетъ фунтъ конфетъ, букетъ цвѣтовъ и старается подладить тонъ разговора подъ ихъ лѣта, занятія, склонности, сохраняя утонченнѣйшую учтивость, смѣшанную съ неизмѣнною почитательностью рыцарей стараго времени, не позволяя себѣ нескромной мысли, не только намека въ рѣчи, не являясь предъ ними иначе какъ во фракѣ“ (часть I, гл. IX). Какъ просто его сознаніе своего достоинства, съ которымъ „онъ сохранялъ всегда учтивость и сдержанность въ словахъ и жестахъ, какъ бы съ кѣмъ близко ни былъ. И губернатору, и пріятелю, и новому лицу онъ всегда одинаково поклонится, шаркнетъ ногой и приподниметъ ее немного назадъ, соблюдая старинные фасыны вѣжливости“ (тамъ же). Какъ добродушна его щедрость и расточительность, которой хватаетъ не только на роскошные подарки внучкамъ его обожаемой Татьяны Марковны (часть IV, гл. X), но даже на милостыню въ триста рублей негодю и отверженцу Марку Волохову (часть II, гл. IX)! Какъ трогательна его мягкость, не умѣющая осуждать и злословить, мягкость, съ которою онъ и объ этомъ ненавистномъ Маркѣ только говоритъ: „Онъ, такъ сказать, загадка для всѣхъ. Должно-быть, сбился въ ранней молодости съ прямого пути.... Но, кажется, съ большими дарованіями и свѣдѣніями: могъ бы быть полезенъ....“

Можетъ-быть, черты, намѣченныя нами, покажутся читателю мелкими и мелочными; можетъ-быть, читатель увидитъ

въ Титъ Никонычъ не болѣе какъ состарѣвшагося Манилова, сотканнаго изъ учтивыхъ фразъ и смѣшной церемонности. Но мы увѣрены что едва ли кто останется при этомъ презрительномъ мнѣніи прочитавъ весь романъ, и едва ли на кого не повѣетъ теплою отъ скромнаго и добраго человѣка, „старомодные фасоны вѣжливости“ котораго могутъ заставить улыбнуться, но развѣ тою хорошею улыбкой, которая на тысячу верстъ далека отъ ироніи и насмѣшки. Въ пятой части романа неожиданно раскрывается трагическая участь Ватутина, постигшая его въ молодости и легшая гнетомъ на всю его жизнь; и, признаемся, мы не были удивлены и не чувствовали ощущенія неправдоподобности, когда узнали что этотъ тихій и ласковый человѣкъ былъ способенъ на сильную и роковую страсть, доведшую и его, и любимую дѣвушку до трагическаго несчастія...

Обратимся теперь къ самому капитальному изъ всѣхъ характеровъ романа, къ „бабушкѣ“ Татьянѣ Марковнѣ Бережковой. Такой переходъ естественъ отъ Тита Никоныча, личность котораго неразрывно связана съ бабушкой, и по годамъ и возрѣніямъ, и по прекраснымъ сторонамъ души, общимъ имъ обоимъ, и по ихъ долготѣвнему и близкому знакомству и, болѣе всего, хотя для всѣхъ окружающихъ (и до пятой части романа и для самого читателя) это составляетъ тайну, по той глубокой и страстной привязанности, которая съ ранней молодости соединила ихъ неразрывными узами.

Когда Райскій, будучи студентомъ, въ каникулы пріѣхалъ въ Малиновку и увидалъ вновь бабушку, которую оставилъ въ раннемъ дѣтствѣ, она ему показалась красавицей (часть I, гл. VII). И дѣйствительно вся Татьяна Марковна, какъ она рисуется и раскрывается намъ въ пяти частяхъ романа, исполнена красоты, той красоты которая происходитъ отъ совершеннаго согласія между натурой, убѣжденіями, поступками, обстановкой, отъ полной внутренней гармоніи. Бабушка въ высшей степени честная и прямая натура; съ сильною волей, перешедшею, при ея помѣщицкѣй привычкѣ повелѣвать, въ легкій деспотизмъ, она соединяетъ мягкость и нѣжность чувства, неразлучныя съ истинною женственностію. Райскій, который въ теченіе всего романа сопровождаетъ каждое лицо, каждое событіе своими замѣчаниями и сентенціями, Райскій, размышленія котораго составляютъ почти полный критическій комментарий къ произведе-

денію г. Гончарова, въ одномъ мѣстѣ (ч. II, гл. X), говоритъ себѣ: „Я бьюсь чтобы быть гуманнымъ и добрымъ: бабушка не подумала объ этомъ никогда, а гуманна и добра. Я недо- вѣрчивъ, холоденъ къ людямъ и горячъ только къ создані- ямъ своей фантазіи: бабушка горяча къ ближнему и вѣрить во все. Я вижу гдѣ обманъ, знаю что все—иллюзія, и не мо- гу ни къ чему привязаться, не нахожу ни въ чемъ примире- нія: бабушка не подозрѣваетъ обмана ни въ чемъ и ни въ комъ, кромѣ купцовъ, и любовь ея, снисхожденіе, доброта покоятся на тепломъ довѣріи къ добру и людямъ, а если я... бываю снисходителенъ, такъ это изъ холоднаго сознанія принципа: у бабушки принципъ весь въ чувствѣ, въ сим- патіи, въ ея натурѣ. Я ничего не дѣлаю, она весь вѣкъ трудится...“ Параллель весьма удачна, хотя послѣдняя ан- титеза грѣшитъ преувеличеніемъ. Бабушка, собственно говоря, не трудится, а наблюдаетъ и надзираетъ надъ чужимъ трудомъ. „То она заставитъ дѣвокъ кроить, шить, то чинить что-нибудь, то варить, чистить. Дѣлать все самой она называла смотрѣть чтобы все при ней дѣлали. Она соб- ственно не дотронется ни до чего, а старчески-граціозно по- допретъ одною рукою бокъ, а пальцемъ другой повелительно указываетъ что какъ сдѣлать, куда поставить, убрать“ (ч. I, гл. VIII). Несмотря на это, бабушка—великая хозяйка и не безъ маленькаго педантизма соблюдаетъ у себя въ домѣ и въ имѣніи строжайшій порядокъ. Она хлѣбосольна и радуш- на, какъ только можно быть хлѣбосольной и радушной: и престарѣлая кокетка Крицкая, внушающая ей глубокое отвращеніе, и горькій пьяница Опенкинъ, личность вполне неприличная, и даже пресловутый Маркъ Волоховъ, выслан- ный въ городъ Татьяны Марковны за какія-то революціон- ныя затѣи и живущій подъ надзоромъ полиціи, Маркъ Во- доховъ, это живое отрицаніе всѣхъ божескихъ и человѣче- скихъ законовъ, этотъ ужасъ бабушки,—все пользуются ши- рокимъ, чисто-русскимъ гостепріимствомъ бабушки. Но, при всей своей добротѣ, Татьяна Марковна очень далека отъ того всепрощенія, того „изящнаго смиренія“ (выраженіе г. Гончарова), которымъ отличается ея другъ Титъ Никонычъ. Личности, которыхъ она угощаетъ у себя на славу, подвер- гаются, однакоже, ея строгому суду. Ея нравственныя по- нятія, чистыя и честныя, притомъ, конечно, старо-свѣтскія, не имѣютъ податливости и уступчивости идущей на всякіе

компромиссы. Ея простыя и наивныя убѣжденія составляютъ для нея непреложныя аксіомы. Она очень умна, но умъ ея нашель себя опредѣленную сферу, въ которой онъ заключился и которой на старости лѣтъ, конечно, не покинетъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, кажется намъ, пока мы видимъ бабушку лишь на аренѣ всенедельной жизни, пока она не выступаетъ, въ концѣ романа, во всей силѣ своего характера. Съ юморомъ и остроуміемъ рассказываетъ г. Гончаровъ нѣсколько стычекъ происшедшихъ между ею и внукомъ, Райскимъ, привезшимъ въ ея мирную глушь гибкую шаткость скептическаго образа мыслей и словоохотливую діалектику образованнаго и празднаго челоуѣка. Привыкшій къ неправильной жизни холостаго Петербуржца, вращающагося то въ „свѣтѣ“, то въ мирѣ артистовъ, Райскій, въ первый же день своего (второго) пріѣзда исчезаетъ изъ дома во время обѣда и возвращается лишь поздною ночью. Происходитъ очень забавная ссора, въ которой бабушка „со старческою граціей“ дуется и упрекаетъ любимаго ею внука въ невниманіи и пренебреженіи. Эта маленькая ссора открываетъ цѣлый рядъ мирныхъ и безобидныхъ стычекъ, въ которыхъ Райскій, къ изумленію бабушки, во все не подчиняющійся ея авторитету, принимается разрушать ея практическіе догматы и житейскую мудрость. Эти пренія Райскаго съ Бережковой и приводятъ его въ конечномъ результатѣ къ той параллели между имъ и старушкой которую мы выписали выше, и въ которой онъ признаетъ превосходство ея цѣльнаго и гармоническаго характера надъ своею изломанностью и пресыщенностью. Бабушка въ высшей степени консервативна, „говоритъ языкомъ преданій, сыплетъ пословицы, готовыя сентенціи старой мудрости, и весь наружный обрядъ жизни отправляется у ней по затверженнымъ правиламъ. Но когда Райскій приглядѣлся попристальнѣе, то увидѣлъ что въ тѣхъ случаяхъ, которые не могли почему-нибудь подойти подъ готовыя правила, у бабушки вдругъ выступали собственныя силы, и она дѣйствовала своеобразно. Сквозь обветшавшую, а иногда никуда непригодную мудрость, у ней пробивалась живая струя здраваго практическаго смысла, собственныхъ идей, взглядовъ и понятій.“ Она съ привычнымъ уваженіемъ соблюдаетъ церемоніаль стародавнихъ приличій, но живое и теплое чувство ея иногда неожиданно сбрасываетъ съ себя стѣснительныя условія

этого церемоніала, какъ въ томъ случаѣ когда мать молодого Викентьева прѣзжаетъ къ ней сватать своего сына за ея внучку Марейнку. Этотъ визитъ, по-старомодному, долженъ непременно быть параднымъ, и бабушка, принимая давнишнюю и короткую знакомую, напускаетъ на себя важность, радится въ богатый туалетъ, заводитъ разговоръ о погодѣ и о томъ и о семъ, прикидывается что предложеніе, съ которымъ прѣехала гостя, для нея совершенно неожиданно, тогда какъ не только молодые люди объяснились, но и чисто-сердечная Марейнка сейчасъ же разказала ихъ объясненіе бабушкѣ. Но этикетъ, соблюдаемый бабушкой, требуетъ непременно чтобы родители игнорировали всѣ неофіціальныя проявленія любви, чтобы вся инициатива казалась принадлежащею имъ. Викентьева, живая и нетерпѣливая, не выдержала этикета и сболтнула: „Марья Васильевна согласна: она любитъ Николеньку“, — и чуть не произошла бѣда, этикетъ былъ нарушенъ самымъ оскорбительнымъ образомъ, и, строго говоря, двумъ барынямъ оставалось только поссориться. Но въ рѣшительную минуту „у Татьяны Марковны пропала вся важность. Морщины разгладились, и радость засіяла въ глазахъ. Она сбросила на диванъ шаль и чепчикъ“ и обратилась къ гостѣ съ словами:

„— Мочи нѣтъ, жарко! Извините, душечка, скиньте мантилю, вотъ такъ, и шляпку тоже. Видите какая жара! Ну... мы ихъ накажемъ вмѣстѣ, Марья Егоровна: женимъ; у меня будетъ еще внукъ, а у васъ дочь. Обнимите меня, душенька! Вѣдь я только старый обычай хотѣла поддержать! Да видно не вездѣ пригожи они, эти старые обычай!...“

„Какое сватовство и церемонія между нами! Обѣ мы знали къ чему дѣло идетъ, и еслибъ не хотѣли этого, такъ не допустили бы ихъ слушать соловья.“

Въ этой сценѣ, живо и увлекательно разказанной, выступила, на этотъ разъ, конечно, въ случаѣ маловажномъ, особая сторона характера Татьяны Марковны, ея способность отрѣшаться отъ рутины тамъ гдѣ сильно заговорить ея теплое, женственное чувство. Строю ея понятій и убѣжденій былъ сужденъ самый жестокой ударъ, ударъ, который въ то же время долженъ былъ поразить и ея сердце. Ея другая внучка и воспитанница, Вѣра, сестра Марейнки, влюбилась въ Марка Волохова и была имъ обольщена. Мы до поры отлагаемъ оцѣнку этого факта какъ онъ является въ

романъ, и скажемъ только что въ этомъ случаѣ, въ самыхъ грандіозныхъ размѣрахъ, выказалось въ характерѣ Татьяны Марковны преобладаніе непосредственности, горячей и любящей натуры надъ строемъ непреложныхъ понятій. Изъ предыдущаго очерка, который мы пытались представить, прибѣгая нерѣдко къ словамъ самого подлинника, читатель могъ заключить, до чего у женщины, подобной Татьянѣ Марковнѣ, нравственные догматы должны быть чисты и суровы; такими, дѣйствительно, они выказываются во многихъ мѣстахъ романа (часть I, гл. VII, XI; ч. II, гл. XII и др.). И вдругъ, въ собственной семьѣ, въ лицѣ своей же воспитанницы, она должна видѣть падшую женщину! Но здѣсь фигура бабушки, безъ всякой надобности, претерпѣваетъ неожиданное помяченіе. Авторъ принесъ ея чистоту въ жертву главной героинѣ своего романа. Мы знаемъ Татьяну Марковну достаточно для того чтобы понять что она не останется на безвозвратномъ и безжалостномъ приговорѣ который внушалъ ей ея строгій и неуступчивый нравственный кодексъ: въ этомъ порукой намъ служить ея сердце, ея доброта, ея любовь. При извѣстіи о случившейся „бѣдѣ“ она впадаетъ въ состояніе какого-то помѣшательства, изъ котораго ее сразу приводитъ въ сознаніе другое извѣстіе, о болѣзни Вѣры. Какъ бы горе ни было законно и искренно, но оно можетъ сдѣлаться эгоистическимъ, и сильная, великодушная женщина, предавшаяся было своей скорби до забвенія, сейчасъ же пробуждается къ тревожной и сознательной заботѣ, лишь только до ея чуткаго слуха доходитъ вѣсть о новой опасности и случаѣ помочь. „Усталости какъ не бывало. Жизнь воротилась къ ней, и Райскій радовался, какъ доброму другу, страху на ея лицѣ“ (ч. V, гл. VIII). Все это прекрасно; но зачѣмъ же было нужно осквернять эту милую, добрую, чистую бабушку проступкомъ учиненнымъ ею въ молодости и оставшимся безъ всякихъ послѣдствій и неузнаннымъ? Зачѣмъ понадобилось выдумывать исторію ея паденія которою ничего не объясняется и которая является грубою и бессмысленною случайностію. Авторъ оскорбилъ въ лицѣ бабушки нравственное чувство читателя и нарушилъ требованія художественной истины для того чтобы приподнять свою главную героиню въ ея фальшивомъ достоинствѣ и какъ бы узаконить и облагородить мерзость ея паденія.

Безъ этого фальшиваго эпизода, который было бы легко вынуть ничего не разстраивая въ экономіи романа, отношеніе Татьяны Марковны къ поступку Вѣры, ея глубокое горе, но вмѣстѣ съ тѣмъ ея полное любви прощеніе прекрасно дополнили бы характеръ бабушки и выяснили бы предъ нами его сущность. Въ образѣ Татьяны Марковны съ замѣчательною полнотою изображена женщина вскормленная преданіемъ и мудростью старыхъ временъ, крѣпко привязанная ко всему ее окружающему, чуждая сомнѣній и разлада, но чуждая ихъ не по ограниченности ума, не по бѣдности внутренняго міра, а напротивъ того, богато одаренная, нѣжно чувствующая натура, съ тонкимъ чутьемъ правды, умѣющая дополнять узкій кругозоръ завѣщанныхъ истинъ тѣмъ непосредственнымъ угадываніемъ которое дается въ удѣлъ лишь немногимъ избраннымъ, которое есть несомнѣнный признакъ поэтической души.

Въ образѣ Бережковой романъ достигъ своей высшей точки: ни въ одномъ изъ остальныхъ характеровъ мысль художника не достигла такого живаго выраженія. Для дарованія г. Гончарова въ высшей степени характеристично, что этотъ наилучше удавшійся характеръ романа опять принадлежитъ къ старымъ людямъ, что авторъ помѣстилъ его въ провинцію; сказанное нами въ началѣ статьи о той особенной спеціальности которая замѣтна въ талантѣ г. Гончарова, здѣсь находитъ новое подтвержденіе. Талантъ нашего автора торжествуетъ гдѣ онъ имѣетъ дѣло со строемъ внутренней жизни которой не коснулись вѣянія новѣйшаго разлада и скептицизма. Такую цѣльность и наивность жизни въ нашихъ романахъ и повѣстяхъ обыкновенно приписываютъ людямъ „старога поколѣнія“; но, разумѣется, она можетъ быть и у молодыхъ людей: здѣсь вопросъ не всегда въ поколѣніи, къ которому принадлежитъ лицо, но въ обстановкѣ, воспитаніи, вліяніяхъ, наконецъ, въ индивидуальности самого лица. Въ *Обрывѣ* есть и молодые люди живущіе въ полномъ ладу со своею обстановкой, чуждые недовольства средой и внутренняго протеста, молодые люди не дошедшіе и не обѣщающіе дойти до того бесплоднаго отрицательнаго анализа, до той изящной проницательности надъ всѣмъ окружающимъ, до того интересничанья внутренними страданіями собственнаго издѣлія, которыя (опять въ нашихъ романахъ и повѣстяхъ) отчасти прежде составляли, отчасти теперь составляютъ

признаки людей „новаго поколѣнія“. И эти молодые люди, гармонирующие со старыми людьми и со всею своею обстановкой, у г. Гончарова опять-таки изображены превосходно. Мы сейчасъ говорили что вопросъ о внутренней гармоніи и наивности душевнаго строя зависитъ, помимо другихъ условій, и отъ индивидуальности лица. Въ *Обрывѣ* авторъ изобразилъ двухъ сестеръ почти одинаковыхъ лѣтъ, выросшихъ при совершенно тождественныхъ условіяхъ, въ добавокъ и вмѣстѣ, среди самой мирной и старосвѣтской обстановки, подъ крылышкомъ Татьяны Марковны, и однако развившихся въ полную противоположность. Одна изъ нихъ оторвалась отъ преданія, отъ вѣрованій старины, освободилась отъ всѣхъ ея вліяній, стала „молодымъ поколѣніемъ“; другая крѣпко приросла къ своей почвѣ, вѣрится въ одно со стариной, и не чувствуя потребности, даже не видя возможности поколебать ея ученіе, осталась „старымъ поколѣніемъ“. Первая, героиня романа, ея примадонна, ея *donna primissima*, какъ выразился Троллопъ о героинѣ одного изъ своихъ романовъ,* справедливо полагаая и между примадоннами нѣкоторую іерархію; вторая также примадонна, съ хорошею ролью и отлично костюмированная, но все-таки второстепенная. Обратимся къ послѣдней.

Марѳа Васильевна или Марѳинька (этимъ уменьшительнымъ зовутъ ее и авторъ, и почти всѣ лица въ романѣ, кромѣ, разумѣется, вѣжливаго Тита Никоньча), „свѣжая, бѣлокурая, здоровая, склонная къ полнотѣ дѣвушка, живая и веселая. Она прилежна, любитъ шить, рисуетъ.... любитъ домашнія заботы.... разливааетъ чай и вообще присматриваетъ за хозяйствомъ.... Желанія у ней вращаются въ кругу ея быта: она любитъ чтобы Святая Недѣля была сухая, любитъ Святки, сильный морозъ, чтобы сани скрипѣли и за носъ щипало. Любитъ катанье и танцы, толпу, праздники, пріѣздъ гостей и выѣзды съ визитами—до страсти.... Но несмотря на страсть къ танцамъ, ждетъ съ нетерпѣніемъ лѣта, поры плодовъ, любитъ чтобы много вишенъ уродилось и арбузы вышли большіе, а яблоковъ народилось бы столько какъ ни у кого въ садахъ.... Она никогда не задумывалась и смотрѣла на все бодро, зорко.“ (Часть II, гл. XI.) Въ душѣ этого веселаго, цвѣтущаго созданія, конечно, нѣтъ мѣста для

* *The Bertrams.*

неопредѣленной тоски, для скуки и отвращенія къ окружающему. *Отрицаніе* къ ней не прививается, и Райскій, отъ нечего дѣлать подвергающій анализу всѣхъ кто ему попадаетъ, а въ особенноти женщинъ, тщетно силится найдти у ней зародышъ разлада или недовольства средой.

„— Скажи, Марейнька, началъ онъ однажды, сидя съ нею въ сумерки на дерновомъ диванѣ, подъ акаціями:—не скучно ли тебѣ здѣсь? Не надоѣли тебѣ бабушка, Титъ Никоничъ, садъ, цвѣты, пѣсенки, книжки съ веселымъ окончаніемъ?

Марейнька предъ тѣмъ говорила Райскому что она любить только такіа повѣсти, гдѣ исходъ счастливый.

„— Нѣтъ, сказала она, удивляясь этимъ вопросамъ,—чего же мнѣ еще нужно?

„— Не кажется тебѣ иногда это.... однообразно, пошло, скучно?

„— Пошло, скучно? повторяла она задумчиво.—Нѣтъ! Развѣ здѣсь скучно?

„— Все это ребячество, Марейнька: цвѣты, пѣсенки, а ты ужъ взрослая дѣвушка (онъ бросилъ бѣглый взглядъ на ея плечи и бюстъ): ужели тебѣ не приходится въ голову что-нибудь другое, серіозное? Развѣ тебя ничто больше не занимаетъ?

„Она задумалась, потупивъ глаза. Ей было немного стыдно и неловко что ее считаютъ еще ребенкомъ. „А вѣдь я давно „не ребенокъ: мнѣ идетъ четырнадцать аршинъ матеріи на „платье, столько же сколько бабушкѣ.... нѣтъ, больше: ба- „бушка не носитъ широкихъ юпокъ“, успѣла она въ это время подумать. „Но, Боже мой! что это за вздоръ у меня въ „головѣ? Что я ему скажу? Пусть бы Вѣрочка поскорѣе „пріѣхала на подмогу.“ (Сестра ея въ это время гостила за Волгой, и Райскій покаместъ занимался Марейнькой.) Она не знала что ей надо дѣлать чтобы быть не ребенкомъ, чтобы на нее смотрѣли какъ на взрослую, уважали, боялись ея. Она безпокойно оглядывалась вокругъ, тиранила пальцами кончикъ передника, смотрѣла себѣ подъ ноги. У ней многое проносилось въ головѣ, росли мысли, являлись вопросы, но такъ туманно, блѣдно, что она не успѣвала вслушиваться въ нихъ, какъ онѣ исчезали, и не умѣла высказать.

„— Послушайте, братецъ, отвѣчала она: — вы не думайте что я дитя, потому что люблю птиць, цвѣты, я и дѣлаю дѣлаю. Бабушка часто велитъ мнѣ записывать приходъ и расходъ. Я знаю сколько засѣвается ржи, овса, когда что поспѣваетъ, куда и когда сплавляютъ хлѣбъ, знаю сколько дѣсу надо мужику чтобы избу построить....—Она смѣло поглядѣла на него.—Я бы могла и за полевыми работами

смотреть, да бабушка не пускаетъ. Что же еще? прибавила она, глядя на него во всё глаза и думая: выросла ли она хоть немного въ его глазахъ?

— Да, все это, конечно, хорошо, и со временемъ изъ тебя можетъ выйти такая же бабушка. Развѣ ты хотѣла бы быть такою?

— Ахъ, дай Богъ; да гдѣ мнѣ?

— А другою тебѣ не хочется быть?

— Зачѣмъ? Вѣдь еслибъ я была другою, а бы здѣсь была не на мѣстѣ....

— Такъ, умно сказано, Марейника: да зачѣмъ же здѣсь? Ты слышала про Москву, про Петербургъ, про Парижъ, Лондонъ; развѣ тебѣ не хотѣлось бы побывать вездѣ?

— Зачѣмъ мнѣ?

— Какъ зачѣмъ? Ты читаешь книги, тамъ говорится какъ живутъ другія женщины, вонъ хоть бы эта Елена у миссъ Эджвортъ; развѣ тебя не тянетъ, не хочется тебѣ испытать этой другой жизни?...

„Она медленно и задумчиво качала головой.

— Нѣтъ, сказала она,—чего не знаешь, такъ и не хочется. Вотъ Вѣрочка, той все скучно, она часто груститъ, сидитъ какъ каменная, все ей будто чужое здѣсь; ей бы надо куда-нибудь уѣхать, она не здѣшная. А я.... ахъ, какъ мнѣ здѣсь хорошо въ полѣ, съ цвѣтами, съ птицами, какъ дышется легко! какъ весело когда съѣдутся знакомые!... Нѣтъ, нѣтъ, я здѣшная, я вся вотъ изъ этого песочку, изъ этой травки! Не хочу никуда.“

Райскій, однакоже, продолжаетъ закидывать ее вопросами и приводитъ ее все въ большее замѣшательство. Наконецъ онъ ее спрашиваетъ:

— Не мучаешься ты ничѣмъ внутренно? Нѣтъ ничего-у тебя на душѣ?

„Она глубоко вздохнула. „Бабушка велѣла чтобъ ужинъ былъ хорошій,—вотъ что у меня на душѣ: какъ я ему скажу это!“ подумала она.“ (Часть II, гл. XIII.)

Этотъ прелестный разговоръ, который мы, къ сожалѣнью, по объему его не можемъ привести здѣсь вполнѣ, и предъ Райскимъ, и предъ читателемъ вполнѣ выяснилъ граціозную и невинную фигуру Марейника, этого безмятежно-счастливаго существа, этой, какъ выразился умиленный Титъ Никонъ (часть IV, гл. III) „распускающейся, такъ сказать, розы на стебелькѣ, до коей даже дыханіе вѣтерка не смѣетъ прикоснуться“. Марейника глубже и поэтичнѣе, чѣмъ сумѣлъ бы это одѣлать Райскій со всѣмъ своимъ

анализомъ, опредѣлила себя въ немногихъ словахъ: „я здѣшная, я вся вотъ изъ этого песочку, изъ этой травки!“ говоритъ она, мѣткимъ словомъ давая чувствовать свою живую, органическую связь съ тою почвой на которой она стоитъ. Надъ каждою чертой характера Марейники, надъ каждымъ событіемъ касающимся ея, какъ надъ выписаннымъ мною отрывкомъ, разлито это чувство отрадной гармоніи и глубокаго счастья; отъ каждаго поступка, каждаго слова ея вѣтъ тою же наивною, дѣтскою граціей. Такою же какъ въ разговорѣ съ Райскимъ Марейника является намъ и въ сценѣ объясненія съ Викентьевымъ (часть III, гл. XVI), и въ послѣдующихъ сценахъ съ женихомъ (гл. XVIII и XIX), и въ своихъ посвѣщеніяхъ деревни и мужиковъ (часть II, гл. XI, часть IV, гл. X), и въ день своего рожденія незадолго предъ свадьбой (часть V, гл. I). Лишенная глубины и силы характера бабушки, лишенная ея энергіи и страстности, Марейника, однако, подобна ей въ своемъ отношеніи къ окружающему, въ своемъ сродствѣ съ „этимъ песочкомъ“, съ „этою травкой“, въ которое она поэтично облекала мысль о полномъ, тепломъ, гармоническомъ единствѣ своей натуры, своихъ вѣрованій и своей обстановки.

Къ молодымъ людямъ которые, по вышеопредѣленнымъ признакамъ, вполне принадлежать къ „старому поколѣнію“ отнесется и Викентьевъ, который въ теченіе романа дѣлается женихомъ и мужемъ Марейники. Но о немъ мы не считаемъ нужнымъ долго распространяться, хотя онъ и очерченъ съ большою веселостью и живостью. Мы не сомнѣваемся въ его добротѣ, въ искренности его любви къ Марейникѣ; въ теченіе романа мы видимъ много свидѣтельствъ его неусидчивости, а также его огромнаго аппетита. Мы не имѣемъ ни малѣйшаго повода подозрѣвать въ немъ какой-нибудь разладъ, или внутреннее бореніе. Но едва ли мы будемъ слишкомъ строги, сказавъ что тѣ же или почти тѣ же черты которыя у Марейники являются дѣтски-граціозными, нѣсколько увеличенныя въ фізіономіи Викентьева, дѣлаются уже ребяческими. Быть-можетъ, это потому что онъ мужчина, и въ суммѣ его качествъ не достаетъ плюса той нѣжной прелести которая такъ рѣшительна въ дѣйствиіи производимомъ молодою дѣвушкой и въ жизни и даже въ чтеніи; быть-можетъ, это потому что въ мужицкѣ мы привыкли

скорѣе ожидать присутствіе мысли, и глубже сожалѣемъ, когда она въ немъ отсутствуетъ.... Тѣмъ не менѣ Викентьевъ, говоря языкомъ Татьяны Марковны, „буфонить“ иногда очень забавно и значительно оживляетъ романъ, въ которомъ преобладаютъ люди совсѣмъ иного и не слишкомъ веселаго свойства, люди, съ характерами которыхъ намъ еще остается познакомиться.

Самое большое мѣсто въ романѣ занимаетъ звукъ Татьяны Марковны, троюродный братъ Вѣры и Марейки, Борисъ Павловичъ Райскій, и занимаетъ не событіями относящимися до него, и даже не разговорами, а болѣе всего своими монологами, размышленіями, изліяніями. Авторъ довольно подробно разказываетъ жизнь Райскаго почти съ колыбели, описываетъ его дѣтство, отрочество, юность. Въ пяти частяхъ романа разсѣяно множество чертъ служащихъ для характеристики Райскаго, но всѣ эти черты однородны и сводятся къ весьма немногимъ крупнымъ признакамъ. Райскій принадлежитъ къ нѣсколько устарѣлому въ нашей литературѣ типу развитыхъ и скучающихъ людей, стоящихъ въ сознаніи (мы чуть было не сказали: въ собственномъ мнѣніи) гораздо выше окружающей ихъ среды, людей много читавшихъ, много пожившихъ, красно говорящихъ, отрицательно добродушныхъ и неизлѣчимо-праздныхъ. Эти господа знакомы намъ еще съ Пушкинскаго Олега; черезъ множество вариантовъ, черезъ Бельтова г. Герцена и Тургеневскихъ героевъ, типъ этотъ (давно оставленный, напримѣръ, г. Тургеневымъ) прошелъ до нашихъ дней и разбираемаго романа. Повидимому, тутъ есть одно большое различіе, на которое авторъ романа кладетъ сильнѣйшій вѣсъ, черта, къ которой онъ постоянно возвращается и которую считаетъ какъ бы важнѣйшею въ характерѣ Райскаго. Это артистическія наклонности Райскаго, его живописный и музыкальный талантъ, его эстетическая наблюдательность, его культъ красоты. Разработавъ съ большою подробностью и очевидною любовью эту сторону своего героя, г. Гончаровъ намѣтилъ много чертъ дѣйствительно изящныхъ и правдивыхъ, напримѣръ, описаніе того какъ маленькій Райскій, въ школѣ, изучалъ не уроки, а учителя и товарищей, вглядываясь въ малѣйшія подробности ихъ фізіономій, приемовъ и нравовъ (часть I, гл. VI). Не говоримъ уже о томъ что подъ видомъ наблюденій Райскаго (особенно во второй и третьей части) намъ

предлагается запасъ наблюденій самого г. Гончарова, картины деревенской жизни и очерки провинціальныхъ характеровъ. Въ цѣломъ же, въ окончательномъ выводѣ, который дѣлается читателемъ по прочтеніи всего романа, Райскій совсѣмъ не представляется тѣмъ чѣмъ онъ самъ себя величаетъ (часть III гл. VI), „художественною натурой“. Призваніе Райскаго къ искусству не что иное какъ та лишенная производительности, но много-поглощающая воспримчивость, которая нерѣдко бываетъ у способныхъ и живо-чувствующихъ людей, вовсе не дѣлая изъ нихъ художниковъ. У такихъ людей бываетъ утонченное критическое чутье, пониманіе формы и страсть къ изящному, и эти качества, которыя они любятъ воспитывать и дѣлать въ себѣ чтеніемъ, смотрѣніемъ картинъ, слушаніемъ музыки, которыя, такимъ образомъ, развиваются у нихъ на счетъ остальныхъ сторонъ души, нерѣдко дразнятъ и увлекаютъ ихъ къ собственнымъ опытамъ на художественномъ поприщѣ. Но лишенные творческой силы и не вѣдая того повелительнаго зова, того „требованія къ священной жертвѣ“ которое знакомо художникамъ настоящимъ, эти люди бросаются изъ стороны въ сторону, хватаются за различные жанры, тщетно отыскивая свое истинное призваніе, тщетно надѣясь установиться на найденномъ и остаться ему вѣрными на всю жизнь. Ихъ занятіе искусствомъ не болѣе какъ праздный дилеттантизмъ, хотя бы образованный и облагороженный, ихъ дѣятельность заключается въ рядѣ попытокъ безъ внутренняго прогресса, попытокъ произвольныхъ и случайныхъ, бесполезныхъ для искусства и горько-разочаровывающихъ самихъ дилеттантовъ, въ томъ случаѣ когда они не упоены самолюбіемъ и тщеславіемъ. Райскій носитъ всѣ признаки этого изящнаго и бесплоднаго дилеттантизма: онъ никогда не имѣлъ терпѣнія одолѣть технику какого-нибудь искусства, терпѣнія присущаго истиннымъ художникамъ, которымъ неутолимый жаръ творчества даетъ силу побѣдить прозаическія трудности механизма, не охлаждаясь отъ ихъ сопрякосновенія и не чувствуя ихъ гнета. Онъ никогда не зналъ какое призваніе, къ какому искусству вложила въ него природа: въ началѣ романа мы застаемъ его за картинами и литературными очерками, въ большей части романа за портретами и за романомъ, а въ концѣ—за элементарными уроками скульптуры, которой онъ дотолѣ не вѣдалъ и за

которую принимается уже съ сѣдинами въ волосахъ! Райскій не имѣеть и той объективности, того уваженія и любви къ явленіямъ дѣйствительности, которыя составляютъ другой признакъ истиннаго художника: онъ моралистъ и проповѣдникъ, онъ имѣеть свою схему понятій и требованій, за которыя ратуеть, которыя навязываетъ и Бѣловодовой, и бабушкѣ, и Марейнкѣ. Настоящій художникъ любитъ въ живомъ явленіи, въ личности именно ихъ самобытность, ихъ индивидуальный характеръ, ихъ выразительность, посредствомъ которой въ нихъ сказывается идея. Вотъ почему художникъ съ сильнымъ призваніемъ такъ чуждъ тенденціозности, вотъ почему онъ способенъ воспринимать и воспроизводить такія различныя, такія противоположныя явленія. И Райскій въ одномъ мѣствѣ (часть II, гл. XII) является намъ такимъ, прося бабушку не вмѣшиваться въ драму разыгрывающуюся между Савеліемъ и Мариною, не прерывать ее своими мѣрами и распоряженіями: „Въ кои-то вѣки, восклицаетъ онъ, тутъ завязался настоящій человѣческій интересъ, сложился въ драму, а вы мѣшаете!... Оставьте, ради Бога!“ Но это „оставьте“ является какъ исключеніе, вѣроятно потому что грубые крѣпостные люди слишкомъ далеки отъ Райскаго, и онъ, не питая къ нимъ ни малѣйшаго участія, относится къ нимъ объективно. Въ другомъ мѣствѣ (часть III, гл. I) г. Гончаровъ кратко, но довольно опредѣленно объясняетъ отношеніе Райскаго къ такъ-называемымъ современнымъ идеямъ, причемъ говорить что Райскій „добродушно и снисходительно воевалъ съ бабушкой, видя что подъ старыми, заученными правилами, таилась здравый смыслъ и житейская мудрость, и лежали сѣмена тѣхъ началъ чтò безусловно присвоила себѣ новая жизнь, но чтò было только завалено уродливыми формами и наростами въ старой.“ Чтò можетъ быть прозаичнѣе, суше, тенденціознѣе этого „добродушія“ и „снисхожденія“? Тотъ художникъ, который еще въ дѣтствѣ не могъ слушать учителя, потому что ушелъ въ наблюденіе надъ нимъ, „какой онъ, какъ говорить, какъ нюхаетъ табакъ, какія у него брови, бакенбарды“, встрѣтается здѣсь, въ порѣ самаго зрѣлаго развитія своихъ душевныхъ силъ, а слѣдовательно и художническихъ, съ такимъ цѣльнымъ, самобытнымъ и поэтическимъ характеромъ какъ бабушка, не вливается въ этотъ чудный образъ глазами художника, а занимается просвѣщеннымъ либераль-

начаньемъ, „нисходительно“ прощая бабушкѣ ея отсталость, за то что и у ней, пожалуй, отыщутся кое-какіе зародыши современныхъ, прогрессивныхъ идей! Мы отказываемся признать въ этой постоянной пропагандѣ, въ этомъ словоохотливомъ ратованіи черту совмѣстимую съ художническою натурой: это опять тотъ же дилеттантизмъ, то же дѣло отъ бездѣяла, какъ и живопись и поэзія Райскаго, только дилеттантизмъ искусства замѣненъ дилеттантизмомъ тенденціи. И потому въ такомъ человѣкѣ, какъ герой г. Гончарова, двойнѣя странно поражаютъ такія уже и сами-по-себѣ неправдоподобныя черты, какія въ V части романа являются для вящаго подтвержденія „художественности“ натуры Райскаго. Глядя на бабушку, которая послѣ полученія ужасной для нея вѣсти о проступкѣ Вѣры впала въ какой-то сомнамбулизмъ и бессознательно бродить по окрестностямъ своего дома, Райскій, который (по всему предыдущему) весь погруженъ въ семейное горе, да и вообще весь полонъ нѣжнаго участія къ своимъ, вдругъ начинаетъ мысленно уподоблять бабушку Марѣ Посадницѣ, сосланному русскимъ боярынямъ (часть V, гл. VII). Усталая, измученная раскаяніемъ и болѣзью, Вѣра приходитъ въ комнату Райскаго говорить съ нимъ о весьма важномъ для нея дѣлѣ, о письмахъ полученныхъ ею отъ обольстившаго ее господина, а Райскій не понимаетъ, не слышитъ словъ, которыя бы въ другое время подѣйствовали на него какъ прикосновеніе „каленаго желѣза“ (выраженіе автора). Онъ находится въ состояніи вдохновенія. У него „волосы поднимаются, мурашки бѣгаютъ“, готовы брызнуть слезы. Онъ начинаетъ писать портретъ Вѣры и, не замѣчая ея утомленія, все пишетъ, „блѣдный отъ артистическаго раздраженія“, пока та не засыпаетъ (часть V, гл. XIV). Въ обоихъ разказанныхъ здѣсь случаяхъ утрировка такъ неприятно-ощутительна, такъ сразу бросается въ глаза, что производитъ дѣйствіе прямо противоположное предполагаемому. Читатель еще съ большою силой вспоминаетъ какъ поверхностно и бессильно до тѣхъ поръ бывало вдохновеніе Райскаго, и не можетъ увѣрять въ этого новаго Райскаго, внезапно поднятаго на ходули.

Впрочемъ, въ характерѣ Райскаго противорѣчія разсыпаны щедрой рукой. Мы говоримъ совсѣмъ не о томъ непостоянствѣ которое описываетъ самъ авторъ, говоря о контрастахъ которые совмѣщала въ себѣ его герой (часть I,

гл. VI). Это непостоянство черта весьма правдивая, оно должно быть въ человѣкѣ безъ опредѣленнаго стремленія, безъ идеала, безъ воли, каковъ Райскій, и слѣдуетъ прибавить что эта черта очень тонко выдержана въ романѣ. Но въ Райскомъ есть еще совсѣмъ другія противорѣчія, которыя уже никакъ нельзя объяснить его измѣнчивостью, его обычаемъ переходить изъ одной крайности въ другую. Посмотрите какъ онъ знакомится со своею троюродною сестрой, съ красавицей Вѣрой. Съ перваго взгляда она производитъ на него сильнѣйшее впечатлѣнiе, заставляетъ его совершенно забыть о существованіи Марейники, „развитіе“ которой его недавно такъ беспокоило, а немного спустя онъ влюбляется въ нее безъ памяти. Но мы знаемъ изъ первой части (гл. XIII и XV) какъ опытенъ Райскій въ дѣлѣ любви и женщинъ, мы знаемъ также что ему за тридцать лѣтъ, что у него волосы съ просѣдью (часть I, гл. I); это намъ нѣсколько разъ повторяютъ. И вотъ, предъ изумленными глазами читателя, Райскій начинаетъ „приставать“ къ Вѣрѣ самымъ докучливымъ, самымъ невыносимымъ образомъ, съ перваго раза закидываетъ ее вопросами, напрашивается къ ней въ руководители (часть II, гл. XVI), и не смотря на ея очевидную, и даже слишкомъ очевидную и резко-выраженную холодность, лѣзетъ къ ней съ кипами книгъ, неожиданно врывается въ ея комнату и добродушно объясняя ей свой странный поступокъ такими словами: „улетимъ куда-нибудь на крыльяхъ поэзіи, будемъ читать, мечтать, понесемся вслѣдъ за поэтами“ (часть II, гл. XXI). Такая неслыханная, наивная навязчивость еще возможна у очень неопытнаго и притомъ горячаго юноши, хотя, конечно, и тутъ обличаетъ натуру грубоватую, самоувѣренную и простодушную. Но Райскій искушенъ опытомъ многихъ лѣтъ; ничѣмъ онъ такъ постоянно не занимался какъ изученіемъ женщинъ, кокетничаніемъ съ ними, „любовью“ въ самыхъ утонченныхъ, а также и въ грубыхъ формахъ. Кромѣ того, онъ человѣкъ хорошаго общества, гдѣ могъ научиться не навязывать себя другимъ; кромѣ того, онъ тонко-чувствующая натура, для которой слишкомъ довольно было перваго урока полученнаго имъ отъ Вѣры, когда онъ спросилъ ее не боится ли она его, а она поглядѣла на него *во всю глаза, съ извѣстными удивленіемъ* (гл. XVI). Другія неправдоподобности, бросающіяся въ глаза въ характерѣ Райскаго,

находятся въ тѣсной связи съ исторіей Марка Волохова и Вѣры, а потому и будутъ указаны при разборѣ этихъ характеровъ, а неправдоподобность, въ которой совсѣмъ не виновать Райскій, но о которой намъ не приходилось упомянуть раньше, есть слѣдующая: Райскій такъ очевидно для всѣхъ окружающихъ ухаживаетъ за Вѣрой, дуется на нее, огорчается ея отсутствіемъ, и т. п., что не замѣтить его любви къ ней весьма трудно для нихъ. И мы въ романѣ находимъ два прямыхъ указанія на то что любовь Райскаго не была тайной для прислуги и сосѣдей. Егоръ, лакей Райскаго, всеобщій любимецъ женской половины двора и извѣстный подъ именемъ „Егорки-зубоскала“, приводитъ двухъ дѣвокъ къ перегородкѣ комнаты Райскаго смотрѣть въ щель какъ баринъ ходитъ и говоритъ самъ съ собою. „Экъ его разбираетъ!“ говоритъ Егорка, „връзались, должно-быть, въ Вѣру Васильевну“ (ч. IV, гл. IV). И хотя дѣвушка, любующаяся вмѣстѣ съ Егоркой на барина, приходитъ въ негодованіе отъ такого предположенія и говоритъ ему: „ври, да не смѣй трогать барышень“, однакоже въ другомъ мѣстѣ (ч. IV, гл. VI) люди Татьяны Марковны, не спрошенные Райскимъ, говорятъ ему: „барышни нѣтъ!“ когда онъ, возвратившись домой послѣ поѣздки съ губернаторомъ по его губерніи, „тоскливо оглядѣлся вокругъ себя“. Другое доказательство того что любовь Райскаго къ Вѣрѣ была замѣчена (и что даже слухъ объ этой любви проникъ въ городъ) видно въ словахъ Ульяны Андреевны къ Райскому: „Развѣ ничего не осталось на мою долю въ этомъ сердцѣ?... Развѣ все отдали Вѣрѣ?“ (часть III, гл. XII). Но есть и другія менѣе рельефныя обстоятельства, которыя обнаруживаютъ что Райскій не умѣлъ скрывать свою страсть отъ окружавшихъ его лицъ. Ближе всего, конечно, она была замѣтна для его родныхъ, то-есть для бабушки и Марейники. Чтѣ имъ слѣдовало подумать когда Райскій, которому до смерти хотѣлось узнать отъ кого Вѣра получила нѣкое письмо на синей бумагѣ, „освѣдомлялся осторожно у Марейники и бабушки, къ кому всѣ онѣ пишутъ и кто пишетъ къ нимъ“.

— Да кто пишетъ: ко мнѣ никто, сказала бабушка,—а къ Марейникѣ недавно изъ лавки купецъ письмо прислалъ....

— Это, бабушка, не письмо, а счетъ за шерсть, за узоры: я забирала у него.

— А къ Вѣрочкѣ купецъ не прислалъ? спросилъ Райскій.

„И къ ней присылалъ: она для пощады забирала....

„Не на синей ли бумагѣ?

„Да, на синей: вы почему знаете?“ (Часть III, гл. VI.)

Какъ видите, Марейнька уже подчеркнула своимъ „вы почему знаете“ не совсемъ скромный и не совсемъ обыкновенный вопросъ Райскаго о цвѣтѣ бумаги. Но этого мало. Вѣра солгала Райскому что письмо это она получила отъ пощады, своей подруги. У Райскаго „гора съ плечъ свалилась“, и онъ такъ мало владѣетъ собой, что при бабушкѣ и Марейнкѣ вдругъ дѣлаетъ сѣдующую выходку:

„Письмо отъ пощады! вдругъ бракнулъ Райскій.

„Какое письмо? сказали объ, Марейнька и бабушка.

„А то что на синей бумагѣ, о которомъ я недавно спрашивалъ“ (гл. VI).

Это очень забавно, очень хорошо подмѣчено, очень остроумно, но во всякомъ случаѣ послѣ этихъ словъ Райскаго бабушка и Марейнька не могутъ не догадаться что Райскій влюбленъ. Но и этого мало. Въ бесѣдѣ съ бабушкой о Вѣрѣ (часть III, гл. X), Райскій говоритъ про себя: „Всѣ ключи увезла!“ Татьяна Марковна услышала и вся встрепенулась. Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ съ ея стороны, разъясняется что Райскій разумѣлъ „ключи отъ своего (то-есть Вѣрина) ума, сердца, характера, отъ мыслей и тайнъ, вотъ какіе!“ У бабушки отлегло отъ сердца: она было подумала что Вѣра увезла дѣйствительныя, не аллегорическіе ключи. Разговоръ съ внукомъ продолжается все о той же Вѣрѣ. Наконецъ Райскій говоритъ старушкѣ:

„Не стѣсняйте только ея, дайте волю.... Она сумѣетъ упредить своей судьбой одна....

„А развѣ я мѣшаю ей, стѣсняю ее? Она не довѣряется мнѣ, прячется, молчитъ, живетъ своимъ умомъ: я даже не прошу у ней *ключей*, а вотъ ты, кажется, беспокоишься!

„Она пристально посмотрѣла на него. Райскій покраснѣлъ.“

Посмотрѣвъ пристально на Райскаго, трудно было не увидать что онъ влюбленъ въ Вѣру. Согласно съ этимъ, въ вышеприведенномъ случаѣ гдѣ люди предугадали вопросъ Райскаго (часть IV, гл. VI), и Марейнька, и Викентьевъ оказались проникательны не менѣе прислуги.

„А Вѣра уѣхала вчера! сказала Марейнька съ особенною живостью, замѣтивъ, конечно, что онъ тоскливо оглядывался вокругъ себя.

„Да, Вѣра Васильевна уѣхала, повторилъ и Викентьевъ.“

Если ужъ Райскій такъ мало умѣетъ или такъ мало хочетъ скрывать свои чувства, что и Марѣинька, и Викентьевъ, и Егорка, и Яковъ про нихъ знаютъ, то кому же лучше знать, кому скорѣ замѣтить ихъ какъ не бабушкѣ, этой умной, проникательной, знающей жизнь старушкѣ, отъ пристального взора которой, какъ видѣли мы выше, Райскій покраснѣлъ какъ пойманный школьникъ? Каково же наше удивленіе когда мы въ концѣ романа узнаемъ что бабушка „ничего не знала о страсти Райскаго“ (часть V, гл. XIV)? Правда, это странное извѣстіе выражается авторомъ такъ что его можно принять и за мысль Вѣры, и за фактъ сообщенный самимъ авторомъ. Но авторъ, какъ видно изъ всѣхъ мѣстъ романа гдѣ участвуетъ Вѣра, почти солидаренъ съ сужденіями своей героини, ибо ей приписываются такой умъ и вообще такія качества души, при которыхъ она въ романѣ съ удобствомъ можетъ занять мѣсто какое занимаетъ въ иной драмѣ лицо говорящее за автора. Да еслибы бабушка знала о страсти Райскаго, то это, вѣроятно, въ чемъ-нибудь бы высказалось. Итакъ, по намѣреніямъ автора, Татьяна Марковна ничего не замѣтила изъ худо скрытой, постоянно прорывавшейся страсти Райскаго; между тѣмъ, по вышеприведеннымъ отрывкамъ, на которыхъ мы съ намѣреніемъ остановились такъ подробно, видно что люди съ меньшимъ противъ ея природнымъ умомъ и знаніемъ жизни догадались объ этой страсти. Выходитъ неправдоподобность, ускользающая только отъ невнимательнаго чтенія и значительно вредящая роману.

Райскій, какъ видитъ читатель, принадлежитъ къ „молодому поколѣнію“. Во всемъ романѣ есть только одна женщина принадлежащая къ „молодому поколѣнію“, по тому опредѣленію которое мы, на основаніи обычаевъ нашей беллетристики, дали двумъ поколѣніямъ. Женщина эта—Вѣра, героиня романа, *donna primissima*. На эту первѣйшую примадонну г. Гончаровъ не пожалѣлъ никакой помпы, никакихъ издержекъ. Она освѣщена и костюмирована въ высшей степени эффектно. Самое первое появленіе ея уже обставлено тою особенною, такъ-сказать, *почтительною*, эффектною, которою писатель даетъ чувствовать читателю что вотъ это лицо и есть самое важное, самое интересное и значительное во всемъ романѣ. Райскій, зашедши въ „старый домъ“ (гдѣ Вѣра живетъ совершенно одна, занимая единственную

обитаемую комнату среди давно оставленныхъ, пыльных и обвалившихся, богатыхъ покоевъ), неожиданно видитъ предъ собой Вѣру, о которой онъ еще не зналъ что она воротилась въ Малиновку изъ-за Волги, гдѣ она гостила у подруги. Онъ видитъ ее въ профиль: она стоитъ у окна и неподвижно и напряженно смотритъ въ даль, „какъ будто провожая кого-то глазами“. Она тотчасъ же „ослѣпила“ Райскаго своею красотой (часть II, гл. XVI). Произведя на читателя впечатлѣніе своею жизнію въ уединенномъ и развалившемся замкѣ, своею мечтательною позою, своимъ неожиданнымъ появленіемъ, она сейчасъ же производитъ еще сильнѣйшее впечатлѣніе на Райскаго. Начинается то странное и докучливое „приставаніе“ къ ней Райскаго, о которомъ мы выше упомянули. Начинается и сопротивленіе Вѣры: Райскій унимается, потомъ опять пристаётъ, потомъ опять унимается и т. д. Въ этой борьбѣ, занимающей во второй, третьей и четвертой частяхъ романа очень значительное число страницъ, выказываются нѣкоторыя черты характера Вѣры, черты все болѣе и болѣе приковывающія къ ней сердце Райскаго. Вѣра очень мало общительна, ко всѣмъ холодна, молчалива, любитъ уединеніе, бабушки не слушается (впрочемъ, болѣе оттого что та ей рѣдко выражаетъ свою волю съ опредѣленностью, и вообще оставляетъ ее въ покоѣ); въ тѣхъ разговорахъ на которые вынуждаетъ ее Райскій, она говоритъ языкомъ образованнаго и начитаннаго человѣка, выражается рѣзко и открыто, обнаруживаетъ знаніе и опытность жизни которыя трудно предположить въ дѣвушкѣ, и которыми она удивляетъ Райскаго. Райскій начинаетъ допытываться „откуда у ней эта мудрость“, но она отвѣчаетъ уклончиво, говоря напримѣръ: „Духъ Божій вѣетъ не на однихъ финскихъ болотахъ, повѣялъ и на нашъ уголокъ“, (часть II, гл. XXII) и лишь гораздо позже (часть IV, гл. IX) Райскій узнаетъ что Вѣра брала читать много книгъ изъ старой библіотеки дома, что она читала творенія святыхъ отцовъ, Спинозу, Вольтера, нѣкоторыхъ энциклопедистовъ и, кромѣ сокровищъ старой библіотеки, сумѣла гдѣ-то себѣ достать и прочесть „Фейербаха съ братіей“. Изъ всего видно что Вѣра, въ совершенную противоположность Марейнцкѣ, выражаетъ собой выходъ женщины изъ-подъ опеки старыхъ людей и старыхъ ученій, освобожденіе отъ авторитета и рутины, протестъ молодого поколѣнія. Но съ этимъ, олице-

твореннымъ протестомъ, по нашему мнѣнію, случилось то же что и со многими дѣвицами читавшими „Фейербаха съ братіей“ и, вѣроятно, попадавшимися читателю. Кто не видалъ образика нашихъ псевдо-современныхъ дѣвицъ, просвѣщенныхъ и либеральныхъ по самому новѣйшему рецепту, говорящихъ литературными фразами и оборотами, гордыхъ своимъ воображаемымъ сходствомъ съ образованными мужчинами, и кто, кромѣ Марковъ Волоховыхъ, не чувствовалъ при видѣ ихъ глубокаго сожалѣнія о томъ отсутствіи граціи, скромности и женственности, которое всегда сопровождаетъ эти фальшивыя претензіи на сходство съ мужчинами и усвоеніе себѣ ихъ языка? Да не поймутъ нашего вопроса превратнымъ образомъ. Грація и женственность, эти драгоценныя атрибуты красоты, ни мало не страдаютъ отъ дѣйствительнаго знанія, отъ серіознаго образованія: онѣ затираются именно отъ этой модной и поверхностной замашки, этой пародіи на знаніе и образованіе, которая, къ сожалѣнію, часто встрѣчается у нашихъ модныхъ дѣвушекъ и часто почитается ими за дѣйствительное приобрѣтеніе, за благо и успѣхъ. Этотъ же видъ просвѣщенія мы встрѣчаемъ и у Вѣры: ея отчеканенныя фразы, ея рѣзкій тонъ, ея „мудрость“, какъ говоритъ восторгающійся Райскій, какъ нельзя болѣе далеки отъ того идеала граціи и прелести, какимъ она представляется глазамъ своего влюбленнаго. Въ Вѣрѣ есть нѣчто сухое, холодное и книжное: самъ Райскій, хотя любовь и дѣлаетъ слѣпымъ, не могъ не воскликнуть послѣ одной изъ ея фразъ: „Ай да Вѣра! Откуда у тебя эти ультра-юридическія понятія?“ (Часть II, гл. XXII.) Та поэзія любви и страсти, которыми авторъ обстановилъ свою героиню, увлеченіе ею Райскаго, вся роль которую она разыгрываетъ въ романѣ, заставляютъ насъ думать что авторъ не совсѣмъ сознательно придалъ своей героинѣ эти непривлекательныя черты современно-либеральной дѣвицы. Напротивъ, во всемъ романѣ Вѣра стоитъ на пьедесталѣ, который, по мѣрѣ развитія дѣйствія, дѣлается все выше и выше, такъ какъ въ Вѣрѣ, къ интересу любви и красоты, прибавляется еще интересъ страданія и несчастія. Вѣра—та красавица романа которая должна приковать къ себѣ все участіе и возбудить все сочувствіе читателя. По нашему крайнему разумѣнію, она въ этомъ не можетъ успѣть, такъ какъ именно то качество ея, въ которомъ заключается весь смыслъ ея характера и все

значеніе его для романа, ея самостоятельность, ея эманципация отъ бабушкиныхъ вліяній выражаются въ формѣ, которая лишаетъ ее всякой мягкости, нѣжности и симпатичности. Самостоятельность Вѣры заключается больше всего въ томъ что она мало сидитъ съ бабушкой, почти не говоритъ за обѣдомъ, не удостоиваетъ свою наивную и добрую сестру своимъ обществомъ, а на авансы Райскаго отвѣчаетъ съ самою отталкивающею жестокостью. Правда, Райскій очень навязчивъ и докучливъ; правда, что отъ тѣхъ приемовъ ухаживанія, которыхъ мы выше привели образчикъ, трудно ожидать чего-нибудь кромѣ полнѣйшаго не успѣха. Но разувѣряя Райскаго въ его надеждахъ на взаимность любви, Вѣра постоянно переступаетъ ту черту которая раздѣляетъ спокойное равнодушіе, свободу сердца отъ умысленной, грубой рѣзкости. Въ продолженіе всего романа, Вѣра обращается съ Райскимъ, великодушно подарившимъ ей бѣольшую часть своего состоянія, съ самою оскорбительною небрежностью. Говорятъ что женщины особенно жестоки съ тѣми кто въ нихъ влюбленъ и чью любовь онѣ не раздѣляютъ: это можетъ быть справедливо по отношенію къ кокеткамъ, которыхъ жизнь посвящена игрѣ въ любовь и наслажденіямъ тщеславія. Но мы сильно сомнѣваемся чтобъ авторъ намѣренно представилъ именно Вѣру въ этомъ невыгодномъ и пошломъ свѣтѣ. Къ тому же „самостоятельность“ Вѣры сказывается въ самой капризной и непонятной непослѣдовательности: когда Райскій, ея родственникъ, человѣкъ давно знакомый, въ порядочности котораго она должна быть увѣрена, говоритъ ей о ея красотѣ, она благонаравно оскорбляется и возмущается; когда объ этой же красотѣ начинаетъ говорить ей какой-то оборванный незнакомецъ, котораго она застаетъ въ своемъ саду съ краденными яблоками, она спокойно и почтительно выслушиваетъ его любезности. „Что вамъ нужно?“ спрашиваетъ Вѣра со свойственною ей мягкостью и пріятностью оборотовъ у Райскаго, молчаливое, влюбленное преслѣдованіе котораго ей сильно надоѣло. „Мнѣ ничего не нужно“, отвѣчаетъ ей влюбленный дилеттантъ, „но ты сама должна знать, какими другими глазами, какъ не жадными, влюбленными, можетъ мущина смотрѣть на твою поразительную красоту.“ Райскій очевидно увлекается и говоритъ лишнее; но посмотрите какъ она его „осадила“.

Она вспыхнула и быстро встала съ мѣста.

„— Какъ вы смѣете говорить это? сказала она, вспыхнувъ и глядя на него съ ногъ до головы.“ (Часть II, гл. XXI)

Бѣдный Райскій совсѣмъ уничтоженъ за свое увлеченіе. Положимъ, что и подѣломъ. Но для увлеченія подобнаго рода у Вѣры двойкѣй вѣсъ и двойкая мѣра. Въ концѣ третьей части (гл. XXIII) заднимъ числомъ разказывается какъ познакомилась Вѣра съ Маркомъ Волоховымъ, въ котораго она влюблена. Сидя однажды въ саду, въ бесѣдкѣ, около забора, она увидѣла незнакомаго человѣка, судя по платью, не простолюдина, сидѣвшаго на заборѣ и нагнувшаго къ себѣ вѣтвь одной яблони, съ которой онъ срывалъ плоды. Увидѣвъ ее, незнакомецъ не обнаружилъ ни малѣйшаго смущенія. Онъ закусилъ одно яблоко, подвинулся къ Вѣрѣ и предложилъ ей другое. Она вступила съ нимъ въ разговоръ: не было еще сказано четырехъ словъ какъ рѣчь дошла до Прудона и до знаменитаго изреченія что „собственность есть кража“; еще нѣскольکو словъ, и Волоховъ—это и былъ незнакомецъ—даетъ ей слѣдующій лестный отзывъ: „Вы красавица, вдвойнѣ красавица. И хороши собой, и умны. Жаль, если украсите собой существованіе какого-нибудь идиота.“ Конечно, было бы смѣшно еслибы Вѣра вспыхнула, встала и начала говорить: „какъ вы смѣете“ и пр., какъ она сдѣлала съ Райскимъ. Гораздо проще было, не раздражаясь негодваніемъ, встать и уйти, дабы пресѣчь назойливому незнакомцу путь къ дальнѣйшимъ любезностямъ, а дома сказать кому слѣдуетъ чтобы лучше караулили садъ, а то яблоки подвергаются серіозной опасности, да и гулять въ саду молодымъ дѣвушкамъ будетъ неудобно. Но Вѣра не сдѣлала ни того, ни другаго. Циническая фамильярность начальнаго вора повралась ей болѣе чѣмъ лирическая восторженность „художнической натуры“. Разговоръ продолжается, и знакомство завязалось. Это ли результатъ того „духа Божія“ который, если мы вѣрно поняли вышеприведенныя слова Вѣры, вѣетъ всего сильнѣе на финскихъ болотахъ, и первоначально именно повѣялъ на этихъ болотахъ, а потомъ и на разныхъ уголкахъ въ родѣ Малиновки, повсюду вызывая своимъ благотворнымъ вѣяніемъ явленія подобныя связи Вѣры съ Маркомъ? Это ли выраженіе самостоятельности и свободы, которыя и Райскій, и авторъ приписываютъ Вѣрѣ? Смыслительность Вѣры къ Марку при первомъ же свиданіи,

ея странная любезность съ нимъ тѣмъ болѣе поражаютъ что Вѣра далеко не имѣетъ того невиннаго невѣдѣнія нѣкоторыхъ сторонъ любви и страсти, что иногда бываетъ у молодыхъ дѣвушекъ, какъ напримѣръ въ этомъ же романѣ у Марейники. Авторъ самъ распространяется объ этой дѣвической просвѣщенности своей героини въ формѣ слѣдующихъ размышленій Райскаго (часть III, гл. IV): „У Вѣры нѣтъ этой безсознательности: въ ней проглядываетъ и проговаривается, если не опытъ... если не знаніе, то явное предчувствіе опыта и знанія, и она—не невѣдѣніемъ, а гордостью отразила его (Райскаго) нескромный взглядъ и желаніе нравиться ей. Стало-быть, она уже знаетъ что значить страстный взглядъ, влеченіе къ красотѣ, къ чему это ведетъ, и когда, и почему поклоненіе можетъ быть оскорбительно. Она какъ-нибудь угадала или услѣдила перспективу впечатлѣній, борьбу чувствъ и предузнаетъ ходъ и, можетъ-быть, драму страсти, и понимаетъ какъ глубоко входитъ эта драма въ жизнь женщины.“ Тѣмъ хуже для Вѣры, скажемъ мы отъ себя, если она такъ много знаетъ, а между тѣмъ у забора сада пускается въ разговоры съ какимъ-то неизвѣстнымъ и неприличнымъ человѣкомъ, съ первыхъ же словъ хвалящимъ ея красоту и сожалеющимъ о ея возможномъ въ будущности замужствѣ.

Характеръ Вѣры невозможно разсматривать иначе какъ въ связи съ характеромъ Марка Волохова, въ котораго вскорѣ послѣ бесѣды о Прудонѣ и ея красотѣ, она влюбилась. Этотъ господинъ живетъ въ городѣ, пограничномъ съ Малиновкой, куда онъ высланъ на жительство подѣ присмотромъ полиціи. Денегъ у него нѣтъ никакихъ, и онъ занимаетъ ихъ у перваго встрѣчнаго (первый встрѣчный, съ замѣчательною щедростью, никогда не отказываетъ въ нихъ Волохову), занимаетъ довольно порядочными кучами и тутъ же объявляетъ что никогда не отдастъ. Занятій у него нѣтъ никакихъ кромѣ охоты. Но онъ съ похвальной изобрѣтательностью создаетъ себѣ занятія: беретъ у Леонтія Козлова книги и вырываетъ изъ нихъ листы чтобы закуривать ими сигары; воспитываетъ бульдоговъ, которыхъ онъ гдѣ-то досталъ себѣ, съ тѣмъ чтобы травить ими полицеймейстера когда тотъ пройдетъ, осаждаютъ ночью трактиры и т. п. Неизвѣстно какъ, но, хотя онъ и высланъ изъ столицы и живетъ подѣ надзоромъ полиціи, у него удѣлали запрещенныя книги,

которыя онъ и распространяетъ гдѣ возможно, приписывая, разумѣется, этому невинному занятію величайшую важность и ставя его себѣ въ гражданскую заслугу. Въ *Обрывѣ* сообщаются нѣкоторые разговоры его, почти исключительно съ Райскимъ (кромя сценъ съ Вѣрой), и во всѣхъ этихъ разговорахъ Волоховъ поражаетъ читателя апломбомъ и безнаказанностью наглаго, дерзкаго тона. Политическія и социальныя мечтанія, а тѣмъ болѣе религіозный матеріализмъ на заднемъ планѣ: на первомъ планѣ грязная безцеремонность, трактирное буйство, любовь къ сигарамъ и жженкѣ, и развѣ страсть говорить людямъ свое мнѣніе о нихъ. Г. Гончаровъ не поспешилъ, въ характерѣ Волохова, на непристойныя и неблаговидныя поступки: кромя всѣхъ вышеупомянутыхъ подвиговъ, Волоховъ, напримѣръ, когда Райскій приходитъ къ нему, уговариваетъ его снять пальто, подъ предлогомъ жары; потомъ надѣваетъ пальто Райскаго и объявляетъ что не отдастъ ему (часть II, гл. XX); не разъ получавъ вспоможенія отъ Райскаго, поддѣлываетъ къ нему письмо подъ почеркъ Вѣры чтобы выманить у него деньги (часть IV, гл. V; часть V, гл. III), и вообще выказываетъ себя окончательнымъ негодяемъ. Вотъ этотъ-то господинъ сидѣлъ на заборѣ, ѣлъ яблоки, предложилъ Вѣрѣ книжку Прудона и сдѣлался ея идеаломъ. Фактъ этотъ былъ бы не особенно удивителенъ, еслибы Вѣра являлась во всемъ романѣ такою какъ мы старались ее опредѣлить. Недостаточность образованія, зараженіе какими-то журнальными верхушками новѣйшихъ ученій, нелюбовь къ своей семьѣ и отчужденность отъ всѣхъ тѣхъ кто должны бы были быть ей близки, наконецъ и природная эксцентричность и чувственность, все это не могло не подготовить паденія, къ которому страсть привела Вѣру. Въ такомъ случаѣ это было паденіе дѣвушки самой обыкновенной, весьма не глупенькой, но лишенной поэзіи, сердечной доброты и природной стыдливости. Такою, дѣйствительно, кажется намъ Вѣра. Но такъ какъ, повторяемъ, въ большей части романа она поставлена на пьедесталъ, такъ какъ она исправляетъ должность какого-то чуда красоты, ума и граціи, такъ какъ Райскій, этотъ тонкій и опытный цѣнитель женщинъ, въ продолженіи нѣскольکو отъ страницъ расточаетъ ей самыя восторженныя гимны, то дѣло представляется въ нѣскольکو иномъ видѣ. Въ *Обрывѣ* (на сколько

написанное произведение даетъ матеріалъ для обсуждения цѣлей и намѣреній автора, которыя въ произведеніи художественномъ весьма важно знать) Вѣра исполненная такъ же развита отъ Вѣры задуманной, какъ и Райскій исполненный отъ Райскаго задуманнаго. И какъ Райскій не вышелъ въ романѣ тою художническою натурой какъ онъ былъ задуманъ, а оказался просто умнымъ, досужимъ и скучающимъ баринкомъ, измелъчавшимъ Олѣгичемъ, такъ и Вѣра, эта, по намѣреніямъ автора, высшая женская натура, выросшая въ самой ограниченной сферѣ, но силой души порвавшая съ нею связь и освободившаяся отъ гнета предрасудковъ, эта избранница истины, порывающаяся къ свѣту и свободѣ, — на дѣлѣ оказалась просто хорошенькою губернскою барышней, много читавшею и плохо переварившею читанное, сухою сердцемъ и лишенною привязанностей, но неумѣстно тронутою участіемъ къ грязной личности безстыднаго пройдохи. Надобно увидать дѣйствительную Вѣру сквозь Вѣру придуманную и призрочную, надобно разсвѣять заблужденіе относительно Вѣры въ которомъ находится Райскій, а съ нимъ и авторъ, чтобы найти объясненіе для факта, съ перваго взгляда возмутительнаго и чудовищнаго, факта обольщенія Вѣры пустымъ и презрѣннымъ негодяемъ. Еслибы Вѣра была тѣмъ чѣмъ она кажется Райскому и чѣмъ нерѣдко выставляетъ ее самъ авторъ, еслибы въ ней дѣйствительно присутствовали тѣ высшія силы которыя выдвигаютъ личность изъ круга всего окружающаго и дѣлаютъ ее непонятною для будничныхъ людей, — она никогда не могла бы увлечься этою пошлою смѣсью трактирныхъ приключеній и нигилистическихъ фразъ, этимъ ломаніемъ циническаго безобразія какое представляетъ личность Марка. Нѣтъ, Вѣра не есть протестъ разума и свободы противъ преданія и власти: Вѣра незрѣлый плодъ нездоровыхъ ученій, нечто среднее между „кисейною барышней“ и стриженою нигилисткой, эманципированная женщина, остановившаяся и раскаявшаяся на полдорогѣ. Она стоитъ еще на той ступени развитія когда можно почувствовать обаяніе трактирнаго героя, шатающейся и подозрительной личности; когда можно мечтать о милостѣ, хвастающемся своими буйными скандалами и существующемъ чуть не мошеничествами; когда сердце безсильно противъ театральнаго

эффекта производимаго доморощеннымъ Карломъ Моромъ, и нравственное чувство на столько некрѣпко что не можетъ проникнуться омерзѣнiемъ даже къ личности подобной Волохову. Такова, по нашему мнѣнiю, единственная точка зрѣнiя съ которой исторiя Вѣры дѣлается правдоподобною и проступокъ ея находятъ объясненiе. Но ставъ на эту точку зрѣнiя, мы должны пойти далѣе и сказать что Вѣра, въ умственномъ отношенiи, не стоитъ выше Марка, что у ней нѣтъ никакой нравственной силы которую она могла бы ему противопоставить, что она ему покоряется, потому что она всецѣло увлечена имъ. Авторъ посматрѣлъ на отношенiя Вѣры къ Марку иначе. Такъ какъ у него задумана совѣтъ не эта Вѣра, такъ какъ его задуманная Вѣра обладаетъ громадною силою ума и развитiя, то г. Гончаровъ, во всѣхъ разговорахъ Вѣры съ Маркомъ (часть IV, гл. I и XII) и еще болѣе въ окончательномъ, *post factum*, анализѣ ея отношенiй къ Марку (часть V, гл. VI) ставитъ Вѣру несравненно выше Марка, выказываетъ безсилiе его пропаганды противъ строя ея убѣжденiй, указываетъ даже на частныя побѣды ея надъ нимъ, на благодѣтельныя переимѣны въ Маркѣ которыхъ Вѣра была причиной. Мы и этому противорѣчiю нисколько не удивляемся. Гдѣ въ романѣ г. Гончарова мы видимъ появленiе этого противорѣчiя, мы знаемъ что на смѣну настоящей Вѣры является Вѣра первоначально задуманная, лицо, которое въ другомъ произведенiи, съ другою канвою, могло бы быть знаменательнымъ и глубоко-поэтическимъ, а въ *Обрывѣ* есть не болѣе какъ блѣдный призракъ, риторическая фигура.

Но если внутреннiя причины факта страсти Вѣры къ Марку и ея паденiя ясны и просты, несмотря на безобразiе и кажущуюся неестественность такого факта, то внѣшнее развитiе драмы, внѣшняя обстановка и судьба этой страсти отличаются величайшею невѣроятностью. У Вѣры очень часты свиданiя съ Маркомъ, за садомъ, внизу „обрыва“, по которому и названъ романъ. Въ этомъ обрывѣ было когда-то совершено убiйство, и въ немъ же зарытъ преступникъ; вслѣдствiе этого дворня Бережковой и окрестные жители суетно обходятъ этотъ обрывъ (часть I, гл. X), и Вѣра и Маркъ могутъ въ немъ видѣться никѣмъ незамѣченныя (часть V, гл. VI). Такъ объясняетъ авторъ тотъ фактъ что никто никогда не заставлялъ Вѣры съ Маркомъ. Но мы

рѣшительно отказываемся вѣрить или даже понять это объясненіе. Пусть люди не ходятъ на дно самого обрыва, но вѣдь они должны же иногда бывать въ той сторонѣ. Какъ это, въ самомъ дѣлѣ, при столь частыхъ свиданіяхъ Вѣры съ Маркомъ все въ одномъ и томъ же мѣстѣ, никто никогда не замѣтилъ одновременнаго приближенія къ обрыву, съ одной стороны, Марка, съ другой—Вѣры? Какъ люди Бережковой могли не найти подозрительнымъ что около сада барыни все шатается этотъ подозрительный человекъ? Какъ Марейника, любившая бѣгать въ садъ, могла не замѣтить что Вѣра ходитъ гулять все въ одну сторону и, главное, всегда отправляется въ эту сторону когда слышитъ *свистръль*, условный сигналъ Марка? Какъ эти частые выстрѣлы вблизи сада не возбудили ничьего недоумѣнія и любопытства? Не бекасиное же болото этотъ обрывъ! Но если родные, дворня и сосѣди должны были заподозрить Вѣру и догадаться о ея свиданіяхъ, то уже Райскій, конечно, могъ, не питая подозрѣній и не теряясь въ догадкахъ, приобрести самую твердую увѣренность въ ея отношеніяхъ къ Марку. Въ концѣ второй и по всей третьей части романа разсыяно множество мелкихъ подробностей уличающихъ Вѣру отчасти въ томъ что она влюблена въ Марка, отчасти въ томъ что она съ нимъ переписывается и ходитъ къ нему на свиданія. Впервыхъ, Маркъ Волоховъ какъ-то непонятно скоро, словно озаренный ясновидѣніемъ, узнаетъ о любви Райскаго къ кузинѣ и дразнить его этою любовью (часть II, гл. XX): „Что томить себя вздохами, не спать, караулить когда бѣленькая ручка откинеть лиловую занавѣску.... ждать по недѣлямъ отъ нея ласковаго взгляда?“ и пр. Ввторыхъ, Вѣра всегда, такъ или иначе, обнаруживаетъ волненіе когда рѣчь заходитъ о Волоховѣ. Напримѣръ, она замѣчаетъ на своемъ кузенѣ пальто Волохова, вмѣсто котораго Маркъ, какъ мы выше упоминали, въ посѣщеніе его Райскимъ, надѣлъ пальто своего гостя и оставилъ его себѣ.

„— Чье это на васъ пальто? Это не ваше? вдругъ спросила она съ удивленіемъ, вглядываясь въ пальто.

„— Ахъ, это Марка....

„— Зачѣмъ оно у васъ? развѣ онъ здѣсь? спросила она, *отплелъ у него руку.*

„— Нѣтъ, вѣтъ, смѣясь отвѣчалъ онъ:— *чего ты испугалась?*

Или вотъ другой примѣръ. Райскому докладываютъ что къ нему пришелъ Маркъ. Онъ въ это время сидѣлъ съ Вѣрой въ ея комнатѣ.

„Вѣра сдѣлала какое-то движеніе.

„— Подите скорѣй, узнайте зачѣмъ онъ? торопливо сказала она.

„— Чего ты испугалась? замѣтилъ Райскій:—вѣдь онъ не собака, не мертвецъ, не воръ, а такъ, безпутный бродяга....

„— Идите, идите, въ тревогѣ говорила Вѣра, не слушая его.—Это любопытно.“ (Часть III, гл. IX.)

Мы уже упоминали выше о таинственномъ письмѣ на синей бумагѣ, которое также должно было усилить подозрѣнія Райскаго, если и не могло обратить ихъ именно на Волохова. Но есть другое письмо, письмо Вѣры къ ея подругѣ, попадѣ, которое Вѣра показываетъ Райскому. Въ этомъ письмѣ встрѣчаются такія выраженія: „я отъ этого преслѣдованія (то-есть отъ преслѣдованія Райскаго) чуть не захворала; не видалась *ни съ кѣмъ*, не писала *ни къ кому*“ (курсивъ въ подлинникѣ: не знаемъ, принадлежитъ ли онъ Вѣрѣ, или это только авторъ подчеркнул эти слова по тому впечатлѣнію которое они произвели на Райскаго). На этотъ разъ и Райскій догадался что „тутъ есть *кто-то съ кѣмъ* она видится, *кому* пишетъ!“ (часть III, гл. V и VI). И вслѣдствіе этого долго надѣждаетъ Вѣрѣ просьбой раскрыть ему ея тайну (гл. VIII и др.).

Въ другомъ мѣстѣ Вѣра отправляется на островъ на Волгѣ, предварительно написавъ (при Райскомъ) какую-то записку и спрятавъ ее у себя за платьемъ на грудь. Разумѣется, по своему обыкновенію, Райскій приставалъ съ распросами къ кому записка и узналъ только что это секретъ. Онъ, незамѣченный, отправляется вслѣдъ за Вѣрой и натывается на Марка Волохова (ч. III, гл. XX). Въ этотъ разъ Вѣра не шла на свиданіе: она отправлялась на *partie de plaisir*, въ которой Маркъ не участвовалъ; но прежде чѣмъ соединиться съ остальными, она могла застать Марка и передать ему записку. Маркъ былъ съ *ружьеймъ*. Два дня спустя, вечеромъ, когда совершенно стемнѣло, Райскій пробирается мимо стараго дома. „Вдругъ онъ услышалъ что въ старомъ домѣ отворяется окно. Онъ взглянулъ вверхъ, но окно которое отворилось выходило не къ саду, а въ поле, и онъ поспѣшилъ въ бѣсѣдку изъ акацій, перепрыгнулъ черезъ заборъ и попалъ въ лужу, но остался на мѣстѣ не шевелясь.

„— Это вы? спросилъ шепотомъ кто-то изъ окна нижняго этажа, конечно Вѣра, потому что въ старомъ домѣ никого кромѣ ея не было.

„У Райскаго затряслись колѣни, однако онъ невнятнымъ шепотомъ отвѣчалъ: „Я“.

„— Сегодня я не могла выйти: дождикъ шель цѣлый день, завтра приходите туда же въ десять часовъ.... Уйдите скорее, кто-то идетъ!

„Окно тихо затворилось. Райскій все стоялъ.

„Куда „туда же“, спрашивалъ онъ мучительно себя, проклиная чьи-то шаги, помѣшавшіе услышать продолженіе разговора. „Боже! такъ это правда! тайна есть (а онъ все не вѣрилъ), письмо на епископѣ бумагѣ не сонъ! Свиданія! Вотъ она таинственная ночь! („Ночью“ Райскій прозвалъ самоё Вѣру.) А мнѣ утромъ проповѣдывала о правдивности.“ (Гл. XXII.)

Итакъ герой есть у Вѣры: остается догадаться кто этотъ герой. Если всѣ предшествовавшія улики были для этого недостаточны, то вотъ вамъ еще новая: на слѣдующій день Райскій зоветъ Вѣру идти гулять именно въ условленный часъ свиданія, и она, къ его удивленію, соглашается. Они отправляются въ садъ, проходятъ черезъ него и садятся на лавку у обрыва. Вѣрѣ, которая послѣ ухода Райскаго отъ окна, узнала что это былъ онъ, а не Маркъ, скрывается и хитритъ больше нечего: она сознается что любитъ; Райскій спрашиваетъ кого, она въ шутку отвѣчаетъ что его....

„Внизу въ рощѣ раздался въ это время выстрѣлъ. Она быстро встала со скамьи.

„— А это чтѣ: это.... онъ? спросилъ Райскій, мѣняясь въ лицѣ.

„— Мнѣ пора, десять часовъ! сказала она, видимо встревоженная, стараясь не глядѣть на Райскаго. Она подошла къ обрыву, онъ ступилъ шагъ за ней. Она сдѣлала ему знакъ рукой чтобъ онъ остался.

„— Чтѣ значитъ этотъ выстрѣлъ? спросилъ онъ съ испугомъ.

„— Меня зоветъ....

„— Кто?

„— Авторъ сянгаго письма. Ни шагу за мной! шепнула она ему сильно:—если не хотите чтобъ я....

„— Вѣра!

„— Ни шагу—никогда! повторила она, спускаясь съ обрыва:—яи я оставляю домъ навсегда!—Она скользнула въ кусты.

„— Вѣра! Вѣра! Берегись! кричалъ онъ въ отчаяніи и сталъ слушать. Онъ слышалъ только какъ два раза подъ ея торопливыми шагами затрещали сухія вѣтки, потомъ

настала тишина.—Боже мой! въ отчаянной зависти вскрикнулъ онъ.—Кто онъ? кто этотъ счастливецъ?

„Люблю васъ! говоритъ она.... Меня! Чтò, если правда.... А выстрѣлъ? шепталъ онъ въ ужасѣ:—а авторъ снлаго письма? Чтò за тайна: кто это?“ (Тамъ же, гл. XXII.)

И послѣ всѣхъ этихъ указаній на Марка Волохова которая сама судьба дѣлаетъ Райскому, онъ все еще продолжаетъ недоумѣвать, онъ даже не понимаетъ выстрѣла, хотя предъ тѣмъ, въ тѣхъ же мѣстахъ, встрѣчалъ Волохова съ ружьемъ! Читатель, однако, опытный и догадливый Райского: онъ давно видитъ куда гнетъ авторъ, и поэтому весьма законно обижается, когда г. Гончаровъ, не безъ нѣкоторой торжественности, открываетъ слѣдующую главу объясненіемъ:

„А никто другой какъ Маркъ Волоховъ, эта парія, цыникъ, ведущій бродячую, цыганскую жизнь,“ и пр. и пр.

Напрасно авторъ съ такимъ усиленіемъ и эффектомъ открываетъ читателю глаза: читатель и такъ уже прозрѣлъ. Лучше бы было открыть глаза Райскому, слѣпота котораго, и послѣ сейчасъ описанной сцены, во все продолженіе четвертой части остается неизлѣчимою, хотя указанія и намеки на Марка Волохова и въ этой части продолжаются съ прежнимъ постоянствомъ.

Въ этихъ натяжкахъ, въ этомъ отсутствіи правдоподобія одинъ изъ главныхъ недостатковъ романа, очевидно, въ цѣломъ слишкомъ придуманнаго. Вдохновеніе автора не въ цѣломъ, а въ частностяхъ: оно уходитъ на обстановку, аксессуары, картины нравовъ, описаніе мѣстностей, и большею частью покидаетъ его когда онъ беретъ главную нить своего разказа, когда онъ завязываетъ исторіей *Обрыва*, то-есть омерзительною по своей живости исторіей любви и паденія Вѣры. Въ *Обрывѣ* тѣмъ „поэтичнѣе“ (въ ходячемъ смыслѣ) предметъ, тѣмъ менѣе поэзіи въ его изображеніи. Какіе-нибудь рабочіе сидятъ за обѣдомъ, въ городѣ, на открытомъ воздухѣ, и картина этихъ рабочихъ выходитъ яркая и живая. А тутъ страсть, любовь, скитающійся изгнанникъ, мученикъ свободы, и влюбленная дѣвушка, пугливо охраняющая свою тайну, и ничего изъ всего этого богатаго матеріала не выходитъ, кромѣ мертвыхъ, придуманныхъ разговоровъ, длинныхъ, холодныхъ разсужденій, однообразному вертящихся около одной точки. Не удалось автору *Обрыва*, рѣшительно не удалось „молодое поколѣніе“! Представители, взятые имъ, претендуютъ на замѣчательныя

качества души, Маркъ на остроуміе и смѣлость мысли, Вѣра на умъ, чувство, поэзію, страсть, и пр. и пр. А между тѣмъ, оба представителя оказываются крайне мелкими и посредственными натурами, и „дѣти“ г. Гончарова не только не изображаютъ, какъ по многимъ мѣстамъ романа слѣдовало бы ожидать, момента высшаго сравнительно съ „отцами“, но напротивъ, на столько же ниже „отцовъ“ въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, насколько ихъ изображеніе ниже изображенія „отцовъ“ въ эстетическомъ.

Исторія любви Вѣры и ея паденія есть главная основа всего романа, и долгое, нервнѣйшее приготовленіе этого паденія, долгая борьба Вѣры противъ собственной страсти,— главная пружина интереса въ произведеніи г. Гончарова. Содержаніе четвертой части почти исключительно заключается въ томъ что моментъ этого паденія откладывается и еще откладывается, а между тѣмъ дѣлается все неизбежнѣе. Это тѣмъ невыносимѣе что ничѣмъ не выкупается для читателя, тѣмъ оскорбительнѣе для него что его заставляютъ волноваться ожиданіемъ самой дикической развязки, которой сообщается характеръ нагнанной поэзіи. Вотъ-вотъ эта пустынная Вѣра отдастся грязнымъ объятіямъ негодая, и въ этомъ весь интересъ романа, весь пагубъ возбуждаемый его развитіемъ въ душѣ читателя! Пусть бы это было писано въ *объяснмомъ* стилѣ, это могло бы имѣть свою цѣну для любителей; но авторъ требуетъ возвышенныхъ чувствованій отъ своихъ читателей; онъ хочетъ чтобъ они всю поэзію души своей присутствовали при актѣ паденія жалкой барышни и съ великимъ напряженіемъ своихъ силъ готовятъ читателей къ сему таинству издалика, хотя вся эта томительно-оскорбительная исторія подготовленія ровно ничего не подготовляетъ, ничего не объясняетъ, а только все болѣе и болѣе вноситъ ложь въ дѣло. Ничтожество характеровъ Вѣры и Марка находится въ яркомъ контрастѣ съ тѣмъ значеніемъ и вѣсомъ которые придамы имъ въ романѣ. Уваженіе самаго низменнаго свойства получаетъ, благодаря фальшивому освѣщенію, характеръ какого-то роковаго величія. Обыкновенная исторія, какъ можно было бы назвать и это произведеніе г. Гончарова, насильственно обращается въ грандіозную трагедію. Грязный Маркъ и незначительная Вѣра окружаются какими-то поэтическимъ ореоломъ. Авторъ не сумѣлъ или

не захотѣлъ взглянуть на исторію Марка и Вѣры такъ же просто какъ онъ смотритъ на Савелія и Марину, хотя, въ добавокъ, Савелій и Марина несравненно поэтичнѣ Вѣры съ Маркомъ. Въ совершенную противоположность той трезвой простотѣ, которая составляетъ отличительный признакъ таланта г. Гончарова и господствуетъ на каждой страницѣ *Обыкновенной исторіи* и *Обломова*, въ новомъ его романѣ появляется элементъ напряженной риторики. Эта риторика, эта ходульность, господствующія въ изображеніи Вѣры, дѣлаются все ощутительнѣе по мѣрѣ того какъ подвигается романъ: болѣе всего преобладаютъ онѣ въ той части, чтеніе которой значительно затрудняется этимъ элементомъ. Авторъ очевидно поставилъ себѣ задачу которая лежитъ или внѣ круга его реальныхъ наблюденій, или внѣ области его дарованія. Онъ захотѣлъ изобразить столкновеніе между старымъ воспитаніемъ и новыми идеями, между обаяніемъ авторитета и вѣяніемъ революціи, между силой старыхъ убѣжденій и силой новыхъ требованій. Нѣчто подобное, но безъ всякаго участія театральныхъ эффектовъ, потрясающихъ сценъ, обмороковъ и сомнамбулизма, изобразилъ г. Тургеневъ въ своихъ *Отцахъ и дѣтяхъ*. Романъ этотъ не имѣетъ того богатства интересныхъ подробностей, той тщательной отдѣлки реальныхъ миниатюръ, которыми плѣняетъ *Обрывъ*; но за то въ немъ дѣйствительно изображено столкновеніе, и люди, выражающіе его, выказываются не прибѣгая къ оскорбляющей смыслъ мелодраматической натяжкѣ. Нигилистъ г. Тургенева несравненно порядочнѣе нежели нигилистъ г. Гончарова, и все-таки не находится въ его обстановкѣ ни одной дѣвушки которая бы произвела его въ свои герои и кинулась бы ему на шею. Г. Тургеневъ вполне обошелся безъ тѣхъ рѣзкихъ красокъ которыя мы находимъ въ *Обрывѣ* и которыя такъ неумѣстны въ романѣ съ содержаніемъ изъ современной жизни, гдѣ читатель болѣе чѣмъ гдѣ-либо контролируетъ фантазію поэта и скорѣе всего почувствуетъ малѣйшую натяжку и неестественность. Главное же преимущество романа г. Тургенева предъ романомъ г. Гончарова то что лица перваго вышли именно тѣмъ чѣмъ хотѣлъ ихъ сдѣлать авторъ, что ни одинъ изъ нихъ не занялъ мѣста не по чину, что ни одному изъ нихъ не приписываются авторомъ возвышенныя качества которыхъ на повѣрку у него не оказывается. Борьба въ современномъ

русскомъ обществѣ понятій и ученій, отношенія между собой различныхъ кружковъ, придерживающихся того или другаго строя убѣжденій, все это издавна составляетъ область дарованія г. Тургенева. Совсѣмъ иного рода область въ которой торжествуетъ талантъ г. Гончарова. Борьба, движеніе и дѣятельность ему антипатичны. Его сфера — покой и старина. И потому, покусившись на анализъ высшихъ натуръ, г. Гончаровъ не произвелъ ничего кромѣ блѣдныхъ абстракцій, кромѣ сбивчивыхъ и противорѣчивыхъ призраковъ, съ вритазаніями на глубокій и трагическій смыслъ, но безъ повѣстическаго содержанія или жизненной правды.

То что мы имѣемъ противъ Райскаго и Марка какъ представителей молодого поколѣнія, вѣроятно, сознавалъ и г. Гончаровъ; вѣроятно и онъ видѣлъ что безсильный дилеттантизмъ одного и грязная распущенность другаго не составляютъ достойнаго контраста, достойнаго *pendant* къ возвышенной фигурѣ бабушки, къ симпатичнымъ личностямъ Тита Никоныча, Марейныки, Леонтія и другихъ; что и героиня романа, Вѣра, по крайней мѣрѣ болѣзненное и ненормальное явленіе. Г. Гончаровъ, такъ сказать, очистилъ свою сферу предъ молодымъ поколѣніемъ, играющимъ столь незавидную роль въ его романѣ, тѣмъ что изобразилъ еще одного представителя молодого поколѣнія, но на этотъ разъ уже совершеннаго и безупречнаго во всѣхъ отношеніяхъ: Мы разумѣемъ Ивана Ивановича Тушина, лѣснаго помѣщика и „друга“ Вѣры (почему это именно Тушинъ удостоился быть ея другомъ, а не Райскій, не Викентьевъ и не Ватутинъ, мы никогда не поймемъ). Причислили мы его къ молодому поколѣнію за рациональное хозяйство которое онъ завелъ у себя въ лѣсу, — черта старому поколѣнію несвойственная. Тушинъ благодѣтель своихъ крестьянъ, отличный администраторъ, отличный лѣсной хозяинъ, верхъ благородства и аккуратности, нравственный и промышленный идеаль. Онъ относится къ Райскому какъ Штольцъ къ Обломову; даже Вѣра въ концѣ романа, хотя не влюбляется, но собирается влюбиться въ Тушина, — черта, соответствующая любви Ольги къ Штольцу. Со Штольцемъ онъ имѣетъ еще и то общее что онъ — чистѣйшая абстракція, извѣстная сумма высокихъ душевныхъ и хозяйственныхъ качествъ, и то что въ этомъ идеалѣ технология и сельское хозяйство играютъ

свою необходимую роль. Несмотря на всю доброту, на все великодушіе, которое авторъ заставляетъ выказывать Тушина, мы рѣшительно не видимъ въ этомъ господинѣ ни малѣйшей живой черты. Прекрасныя качества добродѣтельныхъ идеаловъ г. Гончарова чисто отрицательныя. Они свободны отъ тѣхъ пороковъ, отъ тѣхъ увлеченій, отъ того неблагоразумія которыя мы видимъ въ остальныхъ персонажахъ г. Гончарова; но сами по себѣ они не представляютъ ни одной выпуклой, индивидуальной черты, которая могла бы замечъ въ память или заинтересовать воображеніе. Это гладкія, сытыя, здоровыя лица, необыкновенно чистыя, безъ малѣйшаго родимаго пятнышка, бородавки, рабинки или веснушки, но также и безъ малѣйшаго слѣда выраженія. Впрочемъ, несмотря на отвлеченность и безжизненность характера Штольца, онъ все-таки въ художественномъ отношеніи выше Тушина, такъ какъ онъ всеми нитями связанъ съ ходомъ развитія *Обломова*, такъ какъ его личность, хотя и неудачно обрисованная, для сюжета этого романа необходима. Тушинъ же, несмотря на свою образцовую дѣятельность, именно въ романѣ г. Гончарова ничего не дѣлаетъ, исключая развѣ то обстоятельство что онъ въ немъ является почталіономъ относящимъ отказъ Вѣры къ Марку Волохову. Но отнести это письмо могла бы и Марина, относившая уже столько другихъ писемъ своей барышни. Мы не можемъ, по отношенію къ г. Гончарову, быть строгими судьями *экономіи* числа дѣйствующихъ лицъ. Умелательный талантъ въ эпизодахъ, повсюду обнаруживаемый нашимъ авторомъ, вполнѣ оправдываетъ его роскошь въ этомъ отношеніи. Пусть многія лица бесполезны, но они схвачены мѣтко и переданы живо. Но это соображеніе совсѣмъ не можетъ относиться къ Тушину. Онъ столь же не интересенъ самъ по себѣ, сколько не нуженъ въ канвѣ романа. Въ довершеніе производимой имъ скуки, онъ больше всего выступаетъ впередъ послѣ катастрофы Вѣры, когда въ романѣ уже нашелъ трагическую развязку и, повидимому, автору слѣдовало бы кончить. Но авторъ, вмѣсто того чтобы кончить, везетъ Райскаго въ усадьбу Тушина (часть V, гл. XVIII) и заставляетъ его удивляться этой „простою, открытою личностію“ и ея дѣсоциальному заводу. Въ той части романа гдѣ читатель подвергается скукѣ этой назидательной поѣздки, нельзя вообще не видѣть признаковъ величайшаго утомленія, легко

объяснимаго послѣ такого большаго сочиненія, широко задуманнаго и въ первыхъ, давно написанныхъ, частяхъ исполненнаго прекрасно. Авторъ, очевидно, вынуждалъ себя окончить свой романъ, заглядывая въ прежде написанное, заботясь о тѣснѣйшемъ единствѣ, повторялъ прежніе признаки, выраженія, обычные поступки своихъ лицъ (въ пятой части довольно много такихъ повтореній), но несмотря на все свои успія и на все свое остроуміе, не могъ уже вдохнуть жизнь въ охладѣвшіе члены этихъ вѣкогда полныхъ страсти и движенія фигуръ, умершихъ въ долгій срокъ писанія романа. И вотъ на смѣну живыхъ, полныхъ значенія и интереса лицъ, является блѣдный и искусственный характеръ, олицетворенная мораль басни, каллиграфическая пропись, живо напоминающая того „добродѣтельнаго человѣка“ котораго Гоголь не захотѣлъ взять героемъ *Мертвыхъ Душъ*. Злая и безпощадная характеристика Гоголевскаго „добродѣтельнаго человѣка“ невольно приходитъ на умъ когда читаешь описанія добродѣтелей Тушина; остается, конечно, радоваться что и г. Гончаровъ, собственно говоря, не взялъ себѣ добродѣтельнаго человѣка въ герои романа, а помѣстил его на скромный третій планъ.

Мы окончили нашъ обзоръ дѣйствующихъ лицъ новаго романа г. Гончарова. По нашему убѣжденію, въ этомъ произведеніи второстепенныя и вводныя лица большею частію удачны, но за то главныя (кроме бабушки) нарисованы и освѣщены фальшиво. Истинный интересъ романа заключается не въ содержаніи его, а въ постороннихъ, эпизодическихъ описаніяхъ и характеристикахъ. Особенно богата такими эпизодическими красотами вторая часть, а также тотъ отдѣлъ первой, который посвященъ бабушкѣ (гл. VII—XI). Эти характеристики правдивы, закончены и повѣчны; но тѣмъ мизернѣе является главное содержаніе романа и тѣмъ рѣзче выступаетъ фальшь главныхъ фигуръ. Повѣстическій талантъ г. Гончарова еще разъ сказался въ деталяхъ новаго романа со всею своею силой, съ тою силой, вдохновенныя проявленія которой давно восхищали насъ въ *Обыкновенной Исторіи* и въ *Обломовѣ*. И если новый романъ по основной канвѣ, по общей формѣ, представляетъ цѣлое фальшивое, натянутое, плодъ рефлексіи безъ вдохновенія, а потому необходимо заблуждающейся, то въ тѣхъ частно-

стяхъ, которыя мы старались указать, въ деталяхъ будничной, старомодной, провинціальной жизни, *Обрывъ* представляетъ богатый запасъ поэзи, наблюдательности, тонкаго юмора и теплаго чувства и живо напоминаетъ лучшія страницы прежнихъ произведеній нашего автора.

Л. НЕЛЮБОВЪ.

щими. Онъ пробирался все дальше, пока мы не дошли до передовыхъ карауловъ, и насъ охватила.

— Глядите, и скажите мнѣ что вы видите тамъ предъ собою, Бреди.

— Я вижу красный отблескъ на небѣ и безчисленные огни.

— Не совсѣмъ безчисленные. Я попробовалъ счесть ихъ. Полагая по двадцати человекъ на каждый огонь, тамъ должно быть тысячъ около сорока Русскихъ.

— Я не подозревалъ что мы такъ близко.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло. Вы видѣли вчера кавалерію? У нихъ, говорятъ, по крайней мѣрѣ тысячи три всадниковъ. Они знаютъ въ точности гдѣ мы стоимъ и могли бы изловить насъ какъ птицу. Наши люди изнурены, а непріятель свѣжъ. Они того и гляди пустятъ на насъ конницу, и съдомъ за нею вышлютъ артиллерію чтобы довершить пораженіе. Мы въ двухъ шагахъ отъ непріятеля, а наши генералы и не подумали сдѣлать окопъ, или хотя поставить нѣсколько батарей прикрытыхъ насыпью ил. Стой! Это что?

Появился человекъ съ большимъ бумажнымъ фонаремъ, который держалъ надъ головой одною рукою, а другою стремительно хваталъ что-то въ воздухъ. Онъ подошелъ ближе, и при свѣтѣ фонаря мы узнали доктора Блоссомъ. Онъ ловилъ ночныхъ насѣкомыхъ.

— Я сейчасъ поймалъ удивительный экземпляръ, мистеръ Бреди! Совершенно новый! Это надѣлаетъ пропасть шуму!

И онъ пошелъ дальше, озаренный своимъ фонаремъ, словно сіяніемъ.

— Онъ представитель насъ всѣхъ, этотъ сумасшедшій уродъ со своими бабочками и мошками! Вонъ онъ гоняется за своимъ конькомъ совершенно довольный и беззаботный, хотя, можетъ-быть, не увидитъ завтрашняго утра. Я злобщая птица, Бреди, но я сообщаю свои опасенія не воину. Я много видѣлъ войнъ, и надѣюсь только на одно что та сторона будетъ такъ же глупа и безпечна какъ мы. Пойдемте назадъ къ нашему огню, если найдемъ его, и ляжемте спать съ этою надеждою.

Пробраться назадъ было не такъ легко. Майоръ принадлежалъ къ штабу, но онъ не занялъ квартиры въ домѣ у моста, и такъ какъ почти всѣ огни погасли, то мы могли руководствоваться только его знаніемъ расположенія полковъ по бригадамъ. Разспрашивая часовыхъ, я увидѣлъ офицера сидящаго

у догорающаго огня, облокотившись на колѣни и склонивъ голову на руки. Я тихонько подошелъ, оставивъ майора въ спорѣ съ раздраженнымъ квартирмейстеромъ, которому не нравилось что по немъ ходить ногами. Обвалившаяся головешка внезапно вспыхнула и освѣтила лицо офицера. Это былъ Джеральдъ Десмондъ. Сначала я подумалъ что онъ спитъ, но сквозь закрытыя вѣки слезы тихонько текли по щекамъ, и когда онъ приподнялъ руку чтобы отереть ихъ, я увидѣлъ въ рукахъ его миниатюрный портретъ. Онъ страстно поцѣловалъ его и положилъ себѣ на грудь, весь дрожа отъ сильнаго внутренняго волненія. Признаюсь, я былъ удивленъ вида такое глубокое чувство въ человѣкѣ съ виду столь легкомысленномъ и беззаботномъ. Я хотѣлъ заговорить, но удержался. Я считалъ себя не въ правѣ тревожить его грустную думу. Но майоръ закричалъ: „Бреди! Все обстоитъ благополучно, мы пришли!“ Джеральдъ Десмондъ поднялъ голову, прикрывъ глаза рукой, разглядѣлъ меня и, не вставая, подозвалъ къ себѣ знакомъ.

— Какая встрѣча, любезный докторъ! воскликнулъ онъ.— Я васъ отыскивалъ всюду съ тѣхъ поръ какъ мы высадились. Прежде я не могъ улучить свободной минуты чтобы обратиться къ вамъ, и мы были всегда на десяткахъ миль разстоянія другъ отъ друга. Какъ вы поживаете?... А я не совсемъ хорошо, началъ онъ опять въ отвѣтъ на мой вопросъ:— слегка хвораю; должно-быть, лихорадка. Не слѣдуетъ однако говорить слишкомъ громко; въ той палаткѣ находится мой доблестный вождь, генералъ Крукенкръ, а онъ болѣе всего на свѣтѣ дорожитъ своимъ покоемъ. Чтò же у васъ новаго?

— Ничего. А у васъ, капитанъ Десмондъ?

— Пожалуста, не величайте меня капитаномъ, Теренсъ. Дядя и Мери всегда называютъ васъ по имени въ письмахъ, и я, съ вашего позволенія, присвою себѣ это право. Да? Очень хорошо. А вы должны звать меня Джеральдомъ. Я еще сегодня утромъ получилъ вѣсти, только не хорошія. Баронетъ едва справляется съ дѣлами; такъ запутано состояніе. Ренты не уплачиваются, а кредиторы не даютъ покоя. Должно-быть, они теперь на пути въ Ниццу, если уже не пріѣхали туда.

— А миссъ Фрезеръ? прервалъ я.— Не слышно ли чего-нибудь о ней?

— Ничего. Да и что за бѣда, въ сущности? Она, я увѣренъ, нигдѣ не пропадетъ.

— А миссъ Бутлеръ совершенно здорова?... Такъ писали мнѣ съ послѣднею почтой.

— Да, кажется.—Онъ замолчалъ.—Становится холодно, сказалъ онъ чрезъ нѣсколько минутъ.—Пойду, попробую уснуть.

Когда онъ всталъ проститься со мной, портретъ упалъ на землю, и я наклонился поднять его.

— Не троньте! вскричалъ Джеральдъ запальчиво, и наступилъ на него ногой. Но я увидалъ лицо при огнѣ. То было лицо не Мери Бутлеръ.

Х. Альма.

Читатели мои уже знаютъ, если ихъ сколько-нибудь интересуетъ мой характеръ, что я отъ природы кротчайшій изъ смертныхъ, и что только превратность судьбы съ самаго рожденія бросила меня въ среду раздоровъ, смуть и битвъ. Вотъ я теперь въ теплый, ясный осенній вечеръ взбираюсь на гору, словно подымающуюся изъ ада со всѣмъ демонскимъ населеніемъ. Кругомъ смятеніе невыразимое, безконечное. Звукъ пушекъ, для котораго нельзя приискать названія: это не ревъ, и не громъ; визгъ бомбъ, жужжаніе ядеръ, смертоносное пѣніе свинцовыхъ птицъ, непрерывно летающихъ взадъ и впередъ, буря человеческихъ голосовъ во всемъ разнообразіи интонацій на какое они способны: повелѣніе, гнѣвное требованіе, страданіе, ругательство, ненависть, бѣшеный вопль, молящіе крики о помощи и пощадѣ, все смѣшивалось вмѣстѣ съ воемъ пожара горящихъ селъ и трескотней батальнаго огня; вотъ музыка подъ которую разыгрывалась драма актерами помышляющими частью лишь о томъ какъ бы убраться отсюда, частью о томъ какъ бы побольше убить, или ужъ поскорѣе быть убитымъ. Всѣ законченные дымомъ, вытаращивъ глаза, стиснувъ зубы, наши солдаты шли на гору. Нѣкоторые хладнокровно стрѣляли, другіе лишь механически подвигались къ сѣрымъ колоннамъ стоявшимъ на верху. Я видѣлъ кивера съ мѣдными шишками; фигуры пушкарей, заряжающихъ и наводящихъ орудія, рѣзко выдѣлялись на тучахъ бѣлаго дыма. Вотъ человѣкъ тихонько падаетъ ничкомъ, словно споткнулся о камень и сейчасъ же встанетъ, и знаешь что онъ уже не пошевелится,

вотъ другой подпрыгиваетъ вверхъ, роняетъ ружье, хватается за сердце и валится на траву, вотъ третій кружится и падаетъ, и напрасно силится встать, вотъ человекъ катится кубаремъ, какъ заяцъ подстрѣленный на бѣгу, вотъ другой шатается, опирается на ружье, тихонько склоняется къ землѣ, поддерживаясь одною рукою, а другою сжимая рану, вотъ человекъ внезапно перевортывается и ползетъ въ сторону, таща за собою разбитую ногу, вотъ туловище стоитъ секунду безъ головы, вотъ лежитъ туловище съ головою безъ ногъ, вотъ, на пролетѣ картечи, рядъ мертвыхъ и умирающихъ.... Ко всему этому я въ нѣсколько минутъ уже совершенно привыкъ, и это менѣе на меня дѣйствовало нежели исполненная ужаса наружность какого-нибудь бѣдняка старающагося отползти въ сторону чтобъ его не задавили ногами до смерти, или молящія лица раненыхъ понимающихъ сразу что дѣло ихъ кончено. Я шелъ самъ не зная куда, ибо мои инструкціи были самаго неопредѣленнаго свойства. Мнѣ приказано было находиться въ распоряженіи дивизіоннаго медика и отправляться туда гдѣ будетъ мнѣ дѣло. Но дивизіонный медикъ нигдѣ не показывался, а дѣла вездѣ было волю. Однако, очевидно, я направлялся не туда куда слѣдовало и зашелъ слишкомъ далеко на путь славы, за которую гоняться былъ не въ правѣ. Старый Багшо, всегда такой учтивый, закричалъ на меня: „Какого чорта вы тутъ дѣлаете? Извольте сейчасъ же отправиться назадъ!“ Махая саблей, верхомъ на слабоногомъ турецкомъ пони, онъ велъ Бенгалскихъ Тигровъ въ атаку. Майоръ Севеджъ, сѣдой, меланхолическій ветеранъ, весьма угнетаемый г-жою Севеджъ и многими тиранами дѣтymi, совершенно преобразился. Онъ скакалъ на хромои возовой лошади, крича во все горло: „Компанія нумеръ первый! Чтѣ же вы не смыкаетесь, капитанъ Вильмотъ? Впередъ, нумеръ первый! Подайся влѣво, нумеръ второй! Такъ, ребята!“; и онъ поспекалъ далѣе. Я видѣлъ какъ Тигры стали ломанюю линіею и открыли усиленный огонь чтобъ остановить сѣрую массу пѣхоты въ киверахъ сходящую съ горы. Черезъ минуту хромая возовая лошадь пронеслась мимо меня, сердито брыкая, по направленію къ рѣкѣ.

Багшо былъ правъ, дѣлать тутъ мнѣ было нечего. Некому было помочь мнѣ перевязать рану, или унести раненаго. Я повернулъ внизъ къ Альмѣ, мимо пылающей деревни, обходя тѣла и сторонясь отъ наступающихъ баталіоновъ.

Шумъ не утихалъ, но команда и крики страданія слышатся посреди всѣхъ звуковъ на полѣ сраженія. Вправо отъ горящихъ домовъ Де-Ласи-Эвансъ съ маленькимъ штабомъ слѣдилъ въ трубку за ходомъ сраженія на лѣвой сторонѣ. Онъ видѣлъ что легкая дивизія смята и не въ силахъ держаться. Повзжайте, воскликнулъ онъ, обращаясь къ своему адъютанту,—къ его королевскому высочеству и скажите отъ меня что слѣдовало бы немедленно двинуть впередъ третью дивизию.

Напирая неотразимо, двинулись съ горы гранитная колонна Русскихъ. Потомъ сквозь дымъ показались медвѣжьи шапки нашей гвардіи среди листьевъ виноградинокъ. Рѣка перегородилась живою стѣной. Остатки легкой дивизіи остановились, собрались. Покатый склонъ покрылся черными и красными рядами, окаймленными ружейными встывками и блестящею штыковъ. Влѣво за деревьями видѣлись шапки Шотландцевъ, позади ихъ неподвижно стояла часть легкой дивизіи въ карре. Еще далѣе влѣво, на равнинѣ, построена была вся наша кавалерія. Сзади насъ, въ превосходномъ порядкѣ, подходила третья дивизія. Кучка офицеровъ только что проѣхала мимо меня къ рѣкѣ. Вотъ однорукій человекъ въ синемъ фракѣ, въ треугольной шляпѣ съ бѣлымъ перомъ—мы всѣ его знаемъ—идетъ словно на парадѣ, изящно и бодро, прямо на крутизну усѣянную на вершинѣ Русскими, и ведетъ свой штабъ въ огонь. Справа Французы толпятся на буграхъ и пригоркахъ, сражаясь подъ густымъ дымомъ отъ непрерывнаго батальнаго огня. Генералъ второй дивизіи проскакалъ со штабомъ мимо горящей деревни къ своимъ солдатамъ, которые бьются отчаянно вправо отъ гвардіи. Куда на обернусь я, всюду есть мнѣ работа.

Странно, посреди шума и дыма ласточки летаютъ спокойно, радуясь, можетъ-быть, смущенію мухъ. Одна изъ этихъ птицъ, очень большая, даже оторвала кусокъ моей шляпы, и тутъ я узналъ что осколки бомбъ можно принять за ласточекъ, когда много дыму.

Повсюду крики о помощи, или безмолвные, молящіе взгляды. Бандажи, корпія, лубки. Все тотъ же непрерывный ревъ, смертельно однообразный. Когда же это кончится?

Вдругъ затихло... нѣсколько громкихъ взрывовъ батальнаго огня... гулъ пушекъ... дальше и дальше, наконецъ замираетъ..... отдѣльные выстрѣлы, опять батальный огонь, и

потомъ.... что это? Громовый крикъ торжества. Но какой крикъ! Это ревъ десятковъ тысячъ людей стоящихъ побѣдителями на крутизнахъ Альпы. А вдали слышатся побѣдныя трубы и барабаны Французовъ, темныя массы которыхъ появляются на высотахъ въ лучахъ заходящаго солнца, озаряющихъ оружіе и мертвыя тѣла.

Когда дѣло солдата кончено, начинается дѣло доктора. Я избавляю читателя отъ ужасовъ этой ночи. Каждую минуту боялся я увидѣть лицо какого-нибудь стараго пріятеля. Такъ и думалось: „вотъ, вотъ гланеть на меня Джеральдъ Десмондъ,“ когда вносили раненыхъ въ сарай служившій госпиталемъ. Но онъ остался невредимъ.

— Увѣряю васъ, капитанъ Десмондъ не раненъ, говорилъ бѣдный старикъ Багшо.—Я видѣлъ его у генеральской квартиры, какъ несла меня сюда по окончаніи дѣла. Стыдъ что насъ оставили безъ подкрѣпленій! Это было просто побоище. Нѣтъ, я буду говорить хотя бы умерь отъ этого! Позоръ возмутительный. Бѣдные мои Тигры! Насъ съ вами порядкомъ потрепали. Но если только вы, доктора, залѣчите мою ногу, я съ Божьею помощью, опять буду командовать ими. Пусть теперь этотъ негодяй, который всю жизнь меня преслѣдовалъ, лишитъ меня производства. На этотъ разъ я пересилилъ его!

И мы залѣчили ногу стараго Багшо, и онъ командовалъ Тиграми при Инкерманѣ и въ траншеяхъ, пока не получилъ раны, съ которою наше искусство не могло сладить, ибо ему оторвало ногу. Теперь можно его видѣть вечеркомъ въ Поль-Моль, ковыляющаго въ свой каубъ, гдѣ онъ продолжаетъ разсуждать о несправедливостяхъ которымъ все еще подвергаетъ его неизвѣстный гонитель.

Утромъ послѣ сраженія, идя съ бумагами къ доктору Блосому, я увидѣлъ какого-то человѣка подлѣ генеральской палатки, предъ которою столъ для завтрака накрытъ былъ бѣлоснѣжною скатертью на нѣсколько приборовъ. Человѣкъ этотъ писалъ на доскѣ, лежавшей на двухъ кадушкахъ. Подъѣхавъ, я узналъ Стендша.

— Говорятъ мы одержали побѣду. Очень радъ! А я бы не догадался. Какая ужасная была ночь! воскликнулъ онъ.—Мнѣ пришлось тащить свое сѣдло на гору и спать на немъ, такъ какъ у бѣднаго моего коня отстрѣлили ногу. Ничего не тѣлъ до этой минуты. Сейчасъ только комиссаріатскій офицеръ

дамъ мнѣ кусокъ подошвы. Не добьешься никакихъ свѣдѣній; нѣтъ ни чернилъ, ни бумаги!

— А это у васъ что же?

— Да! Я сдѣлалъ чернила изъ пороха, бумагу эту я нашелъ подлѣ котомки одного Русскаго, а перо мое изъ соломы, какъ вы видите. Слуга мой опять удралъ, и я серьезно помышляю послѣдовать его примѣру. О! Бреди! Еслибы вы видѣли какъ одно время разбѣгались въ заднихъ рядахъ, какъ люди наши прятались, да, прятались подъ берегомъ Аальмы, когда я переходилъ ее въ бродъ. А теперь они носы поднимаютъ. Фу! Опротивѣло мнѣ все это. И вонь къ тому же! Дѣло, въ сущности, скверное!

Когда пишу я эти воспоминанія, времени еще такъ недавнаго, кажется что съ тѣхъ поръ прошли уже вѣка. Стоянка при рѣкѣ, фланговое движеніе, видъ изъ фермы Макензи, когда открылась предъ нами долина Черной и показались зубчатые утесы Балаклавы, бѣлые дома обвитые виноградниками, фермы на равнинѣ, вдали синее море и темные мысы, глубокое Инкерманское ущелье, воды Севастопольской бухты, главы церквей, крѣпостные казематы, мачты потопленнаго флота, и жадность, съ которою мы, завидѣвъ внизу добычу, какъ потоки лавы разлились по плоской возвышенности,—все это кажется дѣломъ давно, давно минувшимъ.

XI. Осада и травшеи.

Настала работа осады: выгрузка припасовъ и орудій, изслѣдованіе страны, рекогносцировка города и его укрѣпленій, гдѣ солдаты, мушкетеры, женщины и дѣти непрерывно работали за быстро поднимавшимися земляными насыпями.

Въ свое время пришелъ радостный отголосокъ изъ родины, обильная награда за труды и опасности.

„Не могу сказать вамъ, какъ пріятно и лестно мнѣ было прочесть ваше имя въ газетѣ, писалъ мистеръ Бетсъ.—Первою мыслью моею было, какъ обрадовался бы мой дорогой старшій другъ, еслибы довелось ему дожить до этого дня. Онъ, я думаю, вставилъ бы этотъ номеръ въ рамку и повѣсилъ бы на стѣнѣ рядомъ съ приказами о производствѣ вашего отца. Майоръ Турнбуллъ также очень обрадовался, но онъ безтолковъ по-прежнему и говоритъ что теперь на вашемъ мѣстѣ бросилъ бы докторство и сдѣлался бы офицеромъ. Упоминаю объ этомъ для того чтобы показать до чего онъ

дошелъ. Джеральдъ Дасмондъ былъ, должно-быть, въ самомъ пылу сраженія, ибо дивизіи Крукенкра досталось порядочно. Мать Кези проѣхала здѣсь, на пути домой, съ раной въ горло. Онъ говоритъ что вы ее перевязывали. Правда ли что Французы побѣжали? Онъ не помнитъ навѣрное. Французы ли, или Турки. Онъ говоритъ что взялъ орла. Но майоръ клянется что Русскіе не носятъ орловъ. Можетъ-быть, онъ захватилъ птицу болѣе скромную, которую не такъ трудно поймать. Турнбуллъ желаетъ знать что значитъ что Бойкота называютъ подающимъ надежды офицеромъ? Онъ уже тридцать лѣтъ на службѣ. Хорошо что война эта, по слухамъ, скоро должна кончиться; вы дома очень нужны. Вы бы порадовались, еслибы видѣли что сэръ - Денисъ писалъ о васъ. Я быстро дряхлѣю, какъ можете вы замѣтить по этому маранью, и мнѣ хочется увидѣть васъ прежде чѣмъ скажу: „*pene dimittis*“. Мы съ Турнбуллемъ пара жалкихъ старухъ калѣкъ, но онъ, какъ человекъ военный, Богъ знаетъ что корчитъ изъ себя и страшно себя мучаетъ стараясь ходить прямо и твердо, какъ прежде.“

Другое письмо показалось мнѣ нѣсколько холодно и формально.

„Любезный Бреди, извѣстіе о побѣдѣ одержанной союзниками при Альмѣ причинило мнѣ и Мери нѣкоторое безпокойство о моемъ племянникѣ, такъ какъ были неточности и замедленія въ объявленіи имени раненыхъ и убитыхъ. Наконецъ однако мы успокоились и стали ждать подробностей о сраженіи не тревожась уже на его счетъ, хотя я потерялъ въ этомъ дѣлѣ не одного дорогаго мнѣ знакомаго. Теперь вышла газета съ депешамъ, и я не удивился найдя въ ней имя Джеральда, ибо могу сказать, безъ пустаго хвастовства, что онъ принадлежитъ къ роду всегда со славой выходившему изъ подобныхъ испытаній. Но мы съ племянницей очень обрадовались похвальному отзыву о васъ и отъ души поздравляемъ васъ, въ надеждѣ что теперешнее ваше отличіе послужитъ началомъ славной и быстрой карьеры. Одно только не хорошо. Есть особа которая, какъ увѣряютъ меня, тщательно слѣдитъ за всѣмъ что здѣсь дѣлается. Можетъ-быть, она не видитъ газетъ и не знаетъ поэтому о вашихъ успѣхахъ, но если знаетъ, то непременно тотчасъ же опутаетъ васъ своими интригами. Мои индійскіе корреспонденты ничего не слыхали о ней въ послѣднее время; но нельзя еще поздравить васъ съ ея кончиной, ибо женщина можетъ скрываться сколько угодно при туземныхъ дворахъ. Съ тѣхъ поръ какъ поднялось дѣло о канавагійскихъ драгоценностяхъ и правительственный конвой былъ атакованъ Таагріискимъ народомъ по ея прямому наущенію, она, кажется, не осмѣливается являться на британскую территорію. Нашего комиссіонера увѣрили что она

оставила Тангру, отправилась въ Лукновъ, а оттуда вернулась въ Янсы. Хотя на это нѣтъ доказательствъ, а полагаю что Фрезеръ съ ней. Онъ до сихъ поръ ни словомъ не отозвался на извѣщенія мои о бѣгствѣ его дочери, погрузившемъ насъ всѣхъ въ такое горе. Я напечаталъ отчетъ о разрушеніи замка въ индійскихъ періодическихъ изданіяхъ, мои агенты тщательно его разыскивали. Но съ тѣхъ поръ какъ онъ былъ отставленъ и имя его вычеркнуто изъ описковъ, а полкъ названъ по имени подполковника Попельтона, ни одинъ Европеецъ не видалъ его: онъ скрылся безъ слѣда послѣ военнаго суда, въ ожиданіи исхода котораго я и взялъ къ себѣ Мабель. Васъ, полагаю, огорчитъ извѣстіе что мы, по всей вѣроятности, долго не вернемся въ замокъ. Онъ со всѣмъ разваливается, а у меня нѣтъ денегъ выстроить его заново. Имѣніе все болѣе и болѣе приходитъ въ упадокъ. Страна такъ разорена, что народъ не платитъ ренты и поглощаетъ наши капиталы въ видѣ налоговъ въ пользу бѣдныхъ.“

Тутъ сэръ-Денисъ пускался въ разсужденія, чтеніе которыхъ я отложилъ до другаго раза, собираясь перечестъ письмо отъ Мерц, только бѣгло просмотрѣнное, конечно, прежде другихъ.

„Милый Теренсъ, извѣстіе, котораго ждала я съ наибольшимъ нетерпѣніемъ, не такъ скоро пришло какъ вѣсть о великой побѣдѣ, вызвавшей столько ликованія, — и многіе, вѣроятно, чувствовали то же что я. Но какъ жалко тѣхъ которые потеряли въ этотъ ужасный день все что любили. Мы несказанно обрадовались и отъ глубины души благодарили Бога; когда узнали что вы съ Джеральдомъ невредимы. Признаюсь, я такъ предалась этой радости, что не въ состояніи была гордиться, какъ бы слѣдовало, подвигами Джеральда и также вашимъ отличіемъ. Кто этотъ генераль Блоссомъ, который отзывается о васъ съ такою похвалою? Мнѣ пришлось по нѣскольку разъ перечитывать каждое слово въ газетахъ объ этомъ дѣлѣ, и дядя журилъ меня за неприличное выраженіе состраданія къ матерямъ, женамъ и сестрамъ бѣдныхъ Русскихъ, которыхъ мы такъ безжалостно стараемся истреблять. Я только и молюсь о томъ чтобы война эта поскорѣ кончалась, и вы оба вернулись бы къ намъ. Мы живемъ тихо, по-прежнему; но дядя очень озабоченъ положеніемъ имѣнія и думаетъ что придется ѣхать туда ради Джеральда, хотя въ замкѣ едва ли можно будетъ жить. Онъ непрерывно работаетъ: пишетъ письма, составляетъ проекты. Жаль только что дѣло-то такое не благодарное. Всѣ восхищаются его идеями, но говорятъ что ихъ нельзя привести въ исполненіе. Дядя въ головѣ своей что-то порѣшилъ относительно Мабели Фрезеръ, но мнѣ не сообщаетъ. Онъ часто говоритъ: „не тревожьтесь больше о ней; я увѣренъ что она рано или поздно появится въ дѣлости, и надѣюсь что мы всѣ тогда этому обрадуемся.“ Отъ Розы Прендер-

гастъ я по временамъ получаю вѣсти. Она, кажется, боится постриженія, чтобы не разлучиться съ братомъ, котораго очень любить, хотя онъ о ней не заботится. Судя по нѣкоторымъ ея словамъ, я полагаю что онъ уже около года гдѣ-то на Востоку. Какое онъ долженъ быть странное, бродячее существо! Жаль что съ такими способностями къ азыкамъ, да и ко всему за что ни возьмется, онъ сталъ бездомнымъ скитаальцемъ и не въ состояніи оказывать помощь и защиту бѣдной Розѣ. Дама купившая ихъ имѣніе осматривала его со своимъ повѣреннымъ Макъ-Туркомъ и пробыла тутъ нѣсколько дней, но не принимала и не отдавала визитовъ. Это какая-то мистрисъ Алайнъ. Она побывала въ Лохъ-на-Каррѣ, а также и въ замкѣ, потомъ уѣхала очень поспѣшно и поручила завѣдываніе имѣніемъ своему лондонскому агенту. Когда она заѣзжала въ Лохъ-на-Каррѣ, на ней былъ густой вуаль, но слуги говорятъ что она очень красива. Она очень сердилась когда разказала ей о нападеніи на замокъ, о пожарѣ и объ исчезновеніи бѣдной Мабелы. Однако я начинаю сплетничать. Дядюшка звонить, а мнѣ еще надо предъ выѣздомъ переписать длинную бумагу, озаглавленную: „конфиденціально“. Я хранилище весьма важныхъ секретовъ, которыхъ однако, къ сожалѣнію, не понимаю. Мы всегда съ нетерпѣніемъ ждемъ почты, и я надѣюсь что вы всѣкій разъ найдете время написать мнѣ, или дядѣ. Джеральдъ, разумѣется, будетъ писать мнѣ съ каждою почтой, но у него, какъ видно, меньше свободнаго времени чѣмъ у васъ. Итакъ, милый Теревсъ, желаю вамъ всего добраго, остаюсь вашимъ старымъ, очень ужъ старымъ другомъ.

„Мери Бутлеръ.“

„Джеральдъ, разумѣется, будетъ писать мнѣ.“ Почему же „разумѣется“? Размышляя о значеніи этой фразы, я увидѣлъ на полу моей палатки письмо сэръ-Дениса. Имя Джеральда бросилось мнѣ въ глаза. Пробѣжавъ разсужденіе о невозможности сдѣлать что бы то ни было изъ Ирландіи, я прочелъ далѣе:

„весьма пріятно, сѣдовательно, при всѣхъ этихъ обстоятельствахъ, что война скоро должна кончиться, такъ какъ свадьбу Мери не слѣдуетъ откладывать. Еслибы не ея желаніе и не мое намѣреніе узнать покороче ея будущаго мужа, они были бы уже обвѣнчаны. Я не могу относиться равнодушно къ предложеніямъ занять важную должность въ Индіи, которыя мнѣ дѣлають самымъ лестнымъ для меня образомъ. Независимо отъ денежныхъ выгодъ, отъ пользы для состоянія, я чувствую что тамъ я могу быть полезенъ государству и отдалаться наконецъ отъ дѣшнихъ мелочныхъ заботъ. Мери надо пристроить прежде отъѣзда, да и тогда я могу лишь хитростью отъ нея уѣхать. Вы, кажется мнѣ,

знаете до какой степени можетъ она привязать къ себѣ все окружающее, какъ необходима становится она для счастья каждаго кто только разъ почувствовалъ возвышающее дѣйствіе ея простоты и чистоты.“

Это я зналъ давно! Зналъ, и однако былъ пораженъ, когда прочелъ на бумагѣ. Слуга пришедшій звать меня къ богослуженію, испугался.

— Что съ вами, докторъ? Вамъ дурно? озабоченно допрашивалъ онъ меня.—Я сбѣгаю за докторомъ Блоссомомъ; вѣдь вы сами себя не лѣчите! Сбѣгать?

На слѣдующій день мы выступили въ первую линію; дивизія построилась на краю плоской возвышенности, отъ котораго земля спускалась къ Севастополю. Утро было ясное, свѣтлое, дома въ городѣ видѣлись явственно, еще невредимые, съ крышами, стѣнами и окнами. Звонъ церковныхъ колоколовъ по временамъ доносился къ намъ. Между сѣрыми насыпями, опоясывавшими городъ, и красноватыми линіями батарей, за которыми мы хлопотали, поднимались голоса работавшихъ людей. Полки, весьма уменьшенные въ числѣ, въ весьма ветхихъ мундирахъ, стояли въ лощинѣ, по срединѣ которой поставили барабанъ вмѣсто налож. Генералъ со штабомъ стояли подлѣ барабана, и когда я пришелъ, нашъ священникъ, достопочтенный Эліасъ Витальberi уже началъ службу.

Но богослуженіе было рѣзко прервано. Русскіе до сего времени, вѣроятно, разсматривали съ удивленіемъ красные мундиры на краю возвышенности, удерживаясь отъ враждебныхъ дѣйствій, но наконецъ рѣшились потревожить насъ, такъ какъ мы были на разстояніи выстрѣла. Мы дошли до самой торжественной части служенія. Отзвуки солдатъ, твердые и звучные, катились по рядамъ въ отвѣтъ на тонкій голосъ мистера Витальberi.

— Пошли миръ, о Господи, простоналъ онъ. И въ отвѣтъ на его молитву громко раздалось по рядамъ: „ибо нѣтъ намъ защитника, развѣ тебя, Господи!“

Вдругъ съ одного редута поднялись два бѣлые клуба, быстро разростаясь въ тихомъ, свѣтломъ воздухѣ.

— Берегитесь бомбъ! прокричали часовые вдоль края возвышенности.

Въ воздухѣ послышался свистъ, быстро приближающійся.

— Бомбы! закричали всѣ, и въ одну минуту достопочтенный Витальberi, а съ нимъ и большая часть его паствы,

бѣжали съ мѣста служенія, оставивъ большой барабанъ и генерала со штабомъ, глядящихъ вверхъ на чугунные шары, изъ которыхъ одинъ лопнулъ въ воздухъ и осыпалъ барабанъ осколками, а другой ударился въ землю ближе къ бѣгущимъ и обдалъ ихъ тучей пыли и песку.

Мало бываетъ общенія въ дѣйствующей арміи. Каждый корпусъ, каждый полкъ держится особнякомъ и распадается въ свою очередь на маленькіе кружки. Сходки прекращаются, офицеры, суровые какъ Ахиллъ, ѣдятъ одни въ своихъ палаткахъ, или смыкаются въ группы, связанные собственнымъ интересомъ каждаго. Тигры не ѣздуются съ зелеными, зеленые видятъ красныхъ лишь въ боевомъ строю на флагѣ или во фронтѣ; тяжелая кавалерія стоитъ далеко въ Кадикахъ, а легкая въ авангардѣ. Артиллеристы такъ заняты своимъ дѣломъ, что имъ некогда думать о другомъ; инженеры мѣряютъ, вычисляютъ, чертятъ, каждый про себя. И я тоже, заваленный, къ сожалѣнію, работой, не имѣлъ времени на посвѣщенія и болтовню. Тѣмъ лучше. Мнѣ некогда было останавливаться на моемъ горѣ, развѣ когда я садился въ палаткѣ за пищу подаваемую мистеромъ Малони *secundum artem*, то-есть въ сыромъ, или въ сожженомъ видѣ, смотря по обстоятельствамъ. Когда палатка была закрыта и свѣчка, воткнутая въ бутылку, поставлена на кадку, служившую мнѣ столомъ, я иногда оставался одинъ нѣкоторое время, и разсуждалъ самъ съ собою въ тишинѣ. Правда, парусинныя стѣны тряслись отъ пальбы, ибо бомбардированіе началось и продолжалось непрерывно, а темнота озарялась вспышками орудій на батареяхъ внизу. Но со всемъ этимъ я скоро свыкся; одно только было неприятно, что отъ сотрясенія палатки валились сверху міриады сонныхъ мухъ. Днемъ было постоянно дѣло, то въ госпиталѣ, то въ траншеяхъ. Я не могъ улучшить времени сходить въ бригаду Крукенкра, повидаться съ Джеральдомъ Десмондомъ; но я зналъ что онъ здоровъ, ибо каждый день просматривалъ въ канцеляріи Блоссомы отчеты о раненыхъ, а однажды я увидѣлъ его вдалекѣ ѣдущаго въ свитѣ своего начальника на рекогносцировку.

Бомбардированіе началось, и началось неудачно. Мы смотрѣли на эту картину отъ Благаго дома, видѣли подходящій флотъ, Севастополь опоясанный огнемъ и дымомъ, раздираемый ядрами и бомбами и все отвѣчающій съ возрастающею

энергіей, пока земля задрожала, и орудія и тѣла, какъ глыбы, полетѣли на воздухъ отъ взрыва магазиновъ нашихъ союзниковъ. Французы, батареи кѣихъ стояли ближе и уступали въ достоинствѣ нашимъ, были просто забыты.

— Да, забыты, повторялъ Стендишъ,—и Богъ знаетъ когда еще можно будетъ думать о приступѣ. Тѣмъ лучше, говорятъ нѣкоторые изъ моихъ пріятелей: есабы попробовать, то вѣрно бы не удалось, а тогда намъ пришлось бы плохо. Однако, рано или поздно, надо будетъ попытаться. Хотѣлъ бы я знать что онъ думаетъ, продолжалъ онъ, кивая на всадника вѣхавшаго впереди свиты въ сопровожденіи гусарскаго конвоя. — Какъ они молчаливы! И не диво! Сегодня рано утромъ они чуть не наскочили на меня, смѣясь и болтая весело. Теперь присмирѣли и не пикнуть! Ну, другъ, и у меня есть заботы. Да и у васъ, должно-быть, тоже. Какъ? Ну да, разумѣется. Оказывается что я надѣлалъ множество промаховъ въ моемъ отчетѣ о сраженіи. Просто ужасно! Вы видѣли какъ я писалъ его. Вотъ старый Багшо напустился на меня, весь оцѣтенившись, полный негодованія: „отчего-де вы не сказали что благодаря однимъ только Тиграмъ одержана побѣда?“ Полковникъ Грумметъ желаетъ заявить что онъ наводилъ орудія принудившія Русскихъ къ отступленію. Сержантъ Тоджерсъ надѣлалъ пушку также что-то рѣшившую. Слашеры въ негодованіи зачѣмъ я сказалъ будто они шли по ущелью, тогда какъ они находились на высотѣ. Я однако доказалъ майору Бабсу, къ его удовольствію, что взойти на высоту они могли не иначе какъ пройдя по ущелью. Затѣмъ всѣ личности являющіяся ко мнѣ съ разными свѣдѣніями, указывающими большею частью на то что сами они сдѣлали и что другіе должны были сдѣлать, но не сдѣлали, бѣсятся на мою невнимательность. Кавалерія недовольна тѣмъ что нельзя преслѣдовать Русскихъ. Дивизионный генералъ и генералъ легкой бригады не говорятъ другъ съ другомъ. Адмиралъ завидуетъ второму начальнику флота. Гаусеръ, выдумавшій Балаклану, сердится что ея открытіе приписывается Томпону. Главнокомандующій видитъ въ главномъ докторѣ личнаго врага, потому что тотъ требуетъ лазаретовъ и госпитальныхъ припасовъ. Генералъ - комиссаръ, который всѣхъ васъ кормитъ, находится въ постоянной войнѣ съ главною квартирой. Когда генералъ-квартирмейстеръ встрѣчается съ главнымъ адъютантомъ, самыя перья на ихъ шляпахъ

щегляются какъ у пѣтуховъ передъ боемъ. Мы ненавидимъ нашихъ союзниковъ Французовъ, Французы, по всей вѣроятности, ненавидятъ насъ. И мы, и они одинаково ненавидимъ и презираемъ Турокъ, а Турки имѣютъ полное основаніе питать къ намъ подобныя же чувства. Куда ни взглянешь, вездѣ только несогласіе, зависть, происки, интриги. Меня возмущаетъ все это! „Но рвися сердце, и молчи языкъ!“

— Вы, однако, рисуете весьма мрачную картину, любезный Стендишъ.

— Я не прибавляю ни одной черты, ни одной тѣни. Это, напротивъ, лишь весьма блѣдный и слабый очеркъ. Напримѣръ, не дальше какъ вчера вечеромъ одиъ медикъ зашелъ ко мнѣ „конфиденціально“ позлословить на васъ, потому что вы поименованы въ депешахъ за отаичное усердіе, тогда какъ онъ, видите ли, дѣлалъ ваше дѣло, а вы у него же лѣчили отъ бѣлой горячки.

— Негодяй! Какъ его зовутъ? Стендишъ, я требую чтобы вы его назвали!

— Любезный Бреди, чужихъ секретовъ выдавать нельзя. Я только засмѣялся и отвѣчалъ что не я пишу депеши, что васъ я знаю очень хорошо и видѣлъ въ тотъ самый день о которомъ идетъ рѣчь. Бѣдная природа человѣческая! Тѣ же самые люди которые способны на такія низости, въ минуту увлеченія, инстинктивно и безъ разчета совершаютъ благородныя, высокія дѣла. О! сердце гораздо лучше головы. Сердце чувствуетъ, голова думаетъ; сердце дѣйствуетъ, голова разсуждаетъ и разчитываетъ. Вотъ наша армія исполнена смѣлости, преданности, самоотверженія, однако она въ то же время разсадникъ мелкихъ непріязней, интригъ и происковъ. Страшная въ сущности профессія, въ которой человѣкъ прямо выигрываетъ отъ смерти товарища.

— Да развѣ не то же самое во всѣхъ профессіяхъ, Стендишъ? Вы, кажется, становитесь ужъ очень желчны и рѣзки. Развѣ докторъ Смолль не ощущаетъ чего-то непохожаго на горь, когда узнаетъ что знаменитѣйшій въ околдкѣ братъ его переселился *ad auras superas*? Развѣ кандидаты на судебныя должности не испускаютъ радостнаго вздоха, когда объявляютъ имъ что судья отправился къ праотцамъ? Развѣ нельзя допустить что смерть членовъ іерархіи вызываетъ не одно только состраданіе въ духовныхъ лицахъ и

ускоряетъ біеніе сердца у блѣдныхъ затворниковъ и энергическихъ сельскихъ священниковъ?

— Можеть-быть, и такъ. Но тутъ нѣтъ газеты, нѣтъ увѣренности. Если майоръ Броунъ палъ, то капитанъ непременно весьма скоро увидитъ въ газетѣ свое имя „на мѣсто Бруна, убитаго въ дѣлѣ“. Вотъ въ этомъ-то и разница. Даже въ мирное время въ нашей арміи, да вѣроятно и въ арміи нашихъ союзниковъ, есть много условій мѣшающихъ истинному товариществу, въ которое такъ твердо вѣрятъ люди не знающіе дѣла. На каждомъ шагѣ встрѣчаются вопросы объ отпускахъ, о производствѣ. А вотъ у васъ, напримѣръ, нѣтъ ничего подобнаго.

— Вы думаете? Да вы сами же сейчасъ указали какъ начинаютъ уже подъ меня подкапываться за то что начальникъ упомянулъ обо мнѣ. И кто знаетъ, можеть-быть кому-нибудь и удастся повредить мнѣ подобными средствами, не смотря на справедливость начальника.

Что слѣдовало даѣе, не занесено ли въ лѣтописи, не изложено ли въ книгахъ, не разказано ли въ газетахъ? При всѣхъ дурныхъ сторонахъ своихъ, газеты свидѣлствуютъ объ убѣжденіяхъ людей писавшихъ ихъ. Возникаетъ поколѣніе, и уже возникло, не знающее бѣдныхъ страдальцевъ трудившихся на чужой сторонѣ. Оно, по всей вѣроятности, не заглядываетъ въ эти лѣтописи, въ эти газеты, ибо между совершеніемъ событій и появленіемъ исторіи есть всегда промежутокъ непривлекательный для изученія. Но уже и теперь Альма, Балаклава, Инкерманъ имена историческія. Отъ бывшихъ тамъ какъ мало осталось.

Въ теченіе вѣковъ люди спокойно живутъ и умираютъ, не свидѣлствуя дѣломъ о своей вѣрѣ. Вдругъ настаетъ испытаніе, тяжкое, мучительное, и костры пылаютъ, и умираютъ мученики. Такъ бываетъ и съ солдатами. Въ теченіи многихъ лѣтъ онъ не болѣе какъ разряженная игрушка, забавляющая зрителей. Его нарядъ возбуждаетъ смѣхъ. Но вотъ настаетъ время испытанія, *die irae*, когда, народъ требуетъ жертвъ во имя общаго блага, во имя чести, или другаго какого-либо кумира, и солдатъ становится героемъ, полубогомъ. Затѣмъ время испытанія проходитъ, и великія побѣды прошлаго забываются ради мелкихъ стычекъ настоящаго. Мнѣ всѣ тревоги и труды этой страшной и славной

зимы кажутся теперь ничтожными событиями моей частной жизни. Какъ хорошо помню я Балаклаву, но съ памятью о томъ утрѣ битвы неразрывно связано воспоминаніе нѣсколькихъ строкъ полученныхъ мною въ палаткѣ, когда были тревогу и раздались первыя пушки. Нѣскольکو строкъ знакомой руки! Онѣ перенесли меня въ то время когда я гулялъ съ нею рядомъ и любилъ ее тою дѣтскою любовью, которая мало-по-малу наполнила все мое существованіе.

„Я очень благодарна вамъ, мой милый Теренсъ, писала она,—за вашу доброту. Благодарна тѣмъ болѣе, что ничѣмъ въ вашихъ глазахъ не могла заслужить ее. Мнѣ отрадно сознаніе что у меня есть другъ, на котораго я могу разчитывать и которому могу открыть мою душу. Я и теперь смотрю на васъ, Теренсъ, какъ смотрѣла въ то время когда мы были дѣтьми въ Лохъ-на-Каррѣ, и я вѣ вамъ читала наставленіе. Ваше послѣднее письмо (то именно котораго я такъ опасался) еще болѣе убѣдило меня въ уваженіи, которое вы ко мнѣ питаете.“

Странно, въ ночь наканунѣ Инкермана, возвращаясь изъ госпитальной палатки, я нашелъ на своемъ столикѣ письмо отъ нея съ цѣлою пачкой другихъ писемъ, отъ сэръ-Дениса, отъ мистера Бетса, отъ маіора Турбулла, отъ лорда Бельбрука словомъ, чуть не ото всѣхъ знакомыхъ. Я распечаталъ и прочелъ письмо отъ Мери. Оно было у меня въ рукахъ, когда я былъ пробужденъ громомъ русскихъ пушекъ обстрѣливавшихъ нашъ лагерь и трескомъ бомбъ среди нашихъ палатокъ. Я положилъ это письмо въ карманъ, спѣша на должность въ госпитальную палатку.

Она буквально была изодрана въ клочки бомбою. Когда я вернулся въ лагерь, отъ моей собственной палатки оставался лишь обломокъ шеста.

Наканунѣ урагана 14-го ноября, причинившаго намъ столько горя, я опять получилъ письмо отъ нея; утромъ оно лежало подлѣ меня на сѣдлѣ, служившемъ мнѣ подушкой. Такимъ образомъ я сталъ наконецъ смотрѣть на письма отъ Мери какъ на предвѣстникъ какой-нибудь великой опасности, но такъ же какъ на ручательство что я избѣгну ее невредимо.

Къ чему разказывать въ подробности ужасы этой зимы? Вся эта часть моей исторіи кажется мнѣ теперь какимъ-то несвязнымъ кошмаромъ. Отъ Стендима, бывшаго въ Бала-

Клавъ, я узналъ что Джеральдъ Десмондъ былъ раненъ, утѣжалъ въ Скутари и потомъ оправился. Я просилъ отпуска чтобъ ѣхать къ нему, ходить за нимъ и тѣмъ заслужить признательность Мери, хотя онъ, повидимому, знаться не хотѣлъ со мной и возбудилъ въ умѣ моемъ подозрѣнiя, мнѣ самому неясныя. Но мнѣ отказали. Съ утра до ночи все та же печальная работа, мѣсяць за мѣсяцемъ; съ изобиліемъ всего и хорошею погодой дѣла прибавилось, а что значило это дѣло, никто не зналъ лучше доктора.

ХII. Посѣтитель изъ Индіи.

Первая атака на Реданъ, безславное для насъ 18-е іюня, миновало. День роковой не для тѣхъ только кто палъ предъ темными линіями батарей. При всемъ изобиліи, при яркомъ свѣтѣ солнца, горе господствовало въ нашихъ палаткахъ.

Сѣдоватый старецъ, начальствовавшій нами, осужденный въ концѣ своей карьеры впервые видѣть свои войска обрацающими тылъ къ неприятелю, занемогъ и умеръ. Онъ боролся, твердый духомъ, въ чемъ впечатлительный Сентъ-Арно признавалъ характеристическую черту героя, съ бѣдствіями зимы, съ разочарованіемъ, съ гибельными послѣдствіями замедленія осады. Подъ конецъ однако имъ овладѣло уныніе, уже не знавшее утѣшенія. Онъ оставался съ виду пріятливый, спокойный, даже бодрый, но жаръ успѣха, укрѣплявшій духъ его, угасъ, и струна порвалась. Грустно проводили мы остатки вождя отъ крымскихъ береговъ. Штабъ, окружавшій гробъ, казалось, заявлялъ намъ что среди ужасовъ войны возникаетъ уже иное, новое поколѣніе. Всюду смерть и раны кругомъ; каждый часъ новыя жертвы; каждый день новый грузъ страдальцевъ отправляется въ госпитали на берегахъ Босфора.

Въ одинъ лучезарный вечеръ крымскаго лѣта, когда вслѣдъ за солнцемъ, склоняющимся на пурпурное ложе на далекомъ западѣ, уносились желанія обитателей тѣсныхъ хижинъ и палатокъ, изъ коихъ многимъ не суждено было видѣть его восходъ, я только что слѣзъ съ лошади послѣ одинокой прогулки, какъ подѣхалъ ко мнѣ незнакомецъ и спросилъ: «дама ли докторъ Бреди?»

Это былъ стройный, красивый юноша, въ простой одеждѣ,

похожій съ виду на англійскаго туриста. Сначала я принялъ его за одного изъ тѣхъ путешественниковъ которыхъ было много въ лагерѣ; но взглянувъ въ него внимательнѣе, я замѣтилъ что цвѣтъ лица его болѣе смуглый чѣмъ у самаго загорѣлаго Европейца. Лучи заходящаго солнца освѣщали его кожу бронзоваго цвѣта и большіе, темные глаза. Онъ подаль мнѣ записку отъ Стендша.

„Податель этой записки индійскій принцъ, съ которымъ я встрѣтился здѣсь“, писалъ онъ изъ Константинополя, куда отправился на нѣсколько дней для перемѣны воздуха. „Онъ ѣдетъ обратно на Востокъ, получивъ отъ правительства отказъ въ какихъ-то суммахъ и земляхъ, на которыя предъявлялъ права. Ему очень хочется взглянуть на осадныя работы. Такъ какъ вы стоите въ первой линіи, я и пишу вамъ эти строки, прося“ и т. д.

Очень досадно. Я далъ слово обѣдать въ кружкѣ сосѣднихъ офицеровъ и не могъ идти съ нимъ въ траншеи. Я пригласилъ его отобѣдать съ нами, завѣряя нѣ радушному приѣмѣ.

— Вы забываете, сказалъ онъ,—или, лучше сказать, вы не знаете что я мусульманинъ, и могъ бы увидѣть за вашимъ обѣдомъ что-нибудь оскорбительное для моихъ предразсудковъ и съ своей стороны оскорбить вашихъ друзей. О! продолжалъ онъ съ улыбкой:— не считайте меня до такой степени глупымъ. Еслибъ я былъ голоденъ, я сталъ бы ѣсть свинину не хуже любого христіанина. Но дѣло въ томъ что я уже обѣдалъ. Мнѣ только хочется видѣть траншеи. Если вы можете доставить мнѣ случай и указать помѣщеніе лошаденкѣ которую я нанялъ въ Балаклавѣ, вы крайне меня обяжете.

Я послалъ за приказомъ о пропускѣ въ главную квартиру и повелъ его къ горѣ, откуда видѣлся какъ въ панорамѣ Севастополь, опоясанный укрѣпленіями, окруженный сѣтью зигзаговъ и параллелей, чтобъ указать ему главные пункты до возвращенія моего слуги. Зрѣлище было прекрасное. Не такое, положимъ, какое открывалось съ какой-нибудь упирающейся въ небо горы на долины Трои, но болѣе величественное и грозное. Тишина случайно господствовала вдоль нашихъ линій. Слѣбны собирались спускаться въ лоцины. Я указалъ Французовъ слѣва и справа, и наши батареи и параллели, и весь рядъ русскихъ укрѣпленій отъ моря до крутыхъ высотъ Инкермана.

Быстрый взглядъ Индійца слѣдовалъ за мною; его умъ схватывалъ все; онъ ничего не спрашивалъ, а стоялъ, прикрывъ глаза рукою отъ солнца, внимательно разсматривая англійскія батареи и считая по временамъ бойницы въ свою зрительную трубку. И меня онъ не оставлялъ безъ вниманія. Я замѣтилъ что онъ пристально и съ видимымъ любопытствомъ вглядывался въ меня.

— Вы, Англичане, великій народъ, воскликнулъ онъ наконецъ. — Но вы теперь не такъ велики какъ прежде. Вотъ здѣсь и вы, и Французы, и войска султана, и маленькая сардинская армія, всѣ побиты Русскими. Нѣтъ, вы не такъ велики какъ были прежде. И однако вы думаете вѣчно владѣть Индіей.

— Мы не побиты! Мы только...

Отвѣтъ мой былъ прерванъ залпомъ съ Редана и съ неприятельскихъ батарей впереди. Бомбы затрещали вдоль нашихъ линій; картечь врѣзалась въ наши работы и запрыгала по камнямъ, на которыхъ мы стояли.

Принцъ страшно поблѣднѣлъ, при всей своей смуглости. Онъ повернулся, какъ будто собирался бѣжать; губы его были бѣлы.

— Не бойтесь, это сейчасъ кончится. Это обычное вечернее присутствіе непріятеля нашимъ смѣнамъ. Смотрите, вотъ большая штука.

Принцъ присѣлъ, съжившись, на землю, когда тридцатифунтовое ядро, вырывъ борозду, ударилося въ гору.

Въ эту минуту слуга мой подошелъ къ намъ и подалъ мнѣ бумагу.

— Вотъ приказъ, сказалъ онъ. — Генераль говоритъ, что вы будете отвѣчать за вашего пріятеля, такъ какъ вы не объявили его имени.

Принцъ всталъ съ дрожащими губами и смущеннымъ взглядомъ, какъ бы стыдясь за себя.

— Кстату, сэръ, или, лучше сказать, ваше высочество, я не имѣю чести знать вашего имени. Потрудитесь сказать его. Я могу вписать его въ приказъ карандашомъ.

— Азимулла-Ханъ, отвѣчалъ онъ. — Я, собственно говоря, у васъ едва ли считался бы принцемъ, но Европейцы такъ называютъ меня въ моей странѣ.

— Мой слуга доведетъ васъ до первой параллели, принцъ, и каждый офицеръ, которому вы предъявите этотъ приказъ,

дасть вамъ всѣ требуемыя указанія. Вы найдете въ моей хижинѣ постель, и ужинъ, еслибы меня еще не было дома, когда вы вернетесь.

Я пошелъ обѣдать. Когда я воротился часовъ въ одиннадцать, слуга мой дожидался меня у двери хижины.

— Принцъ не захотѣлъ идти въ траншеи. Онъ говорилъ что довольно ужъ наглядѣлся. Онъ выпилъ почти цѣлую бутылку нашей водки и повалился на вашу постель.

Когда я проснулся на слѣдующее утро, проведя ночь въ походномъ креслѣ, принца уже не было. Онъ всталъ на разсвѣтъ и уѣхалъ обратно къ бухтѣ. На столѣ моемъ лежала записка, писанная женскимъ почеркомъ:

„Принцъ Азимулла-Ханъ благодаритъ доктора Бреди за доброту и любезность. Принцу столько же хотѣлось видѣть самого доктора Бреди, сколько работы великаго непріятеля, котораго Англичане и Французы не могутъ одолѣть. Судьба — а кто можетъ противиться ей? — вѣроятно, опредѣлила чтобы докторъ Бреди побывалъ въ Индіи. Хорошо бы ему пріѣхать туда поскорѣе. Почему ему не оставить армию, предназначенную къ скорому уничтоженію? Въ Индіи есть богатые покровители искусствъ и медицины. У доктора Бреди найдутся тамъ друзья, которыхъ ему будетъ приятно видѣть. Когда бы вы ни пріѣхали, справьтесь обо мнѣ у Могуна на Каунпурскомъ базарѣ. Его всякій знаетъ. Покажите эту записку ему, и никому другому. Много нужно бы еще сказать вамъ, но надо поспѣть на корабль, который отходить рано. Остаюсь искренно-преданный вамъ

„принцъ Азимулла Ханъ.“

Я вздрогнулъ, прочитавъ подчеркнутыя слова: *у доктора Бреди найдутся друзья, которыхъ ему будетъ приятно видѣть*; но потомъ тотчасъ же забылъ объ этомъ, смѣясь видимому нежеланію принца подойти ближе къ непріятелю, коего далекоразящія ядра имѣлъ онъ случай видѣть. Я не думалъ что встрѣчусь опять когда-нибудь съ этимъ принцемъ.

Редуты, траншеи, перестрѣлки приносили мнѣ лишь заботы и утрату друзей. Дорогіе старые друзья,—старые, ибо въ лагерѣ дружатся скоро,—умирали одинъ за другимъ. День за днемъ наполнялъ я списки именами взятыхъ смертью. Наконецъ драма стала приближаться къ развязкѣ.

Былъ второй день послѣ втораго приступа. Севастополь уже палъ, но мы этого еще не знали. Всю ночь и все утро земля

подъ ногами дрожала, небо рдѣло отъ зарева взрывовъ, укрѣпленія, батареи, магазины летѣли на воздухъ, пламя перескакивало отъ дома къ дому; самая зара меркла предъ свѣтомъ пожара. На закатѣ солнца французскія трубы громко заиграли на Малаховѣ. Но мы не гордились побѣдой; мы думали только о тѣхъ которые остались безъ жизни во рву Редана. Я стоялъ на козляхъ у одѣвала, на которомъ старый пріятель мой Гудъ лежалъ внѣ человѣческой помощи.

Онъ былъ произведенъ въ генераль-маіоры за отличие въ дѣлѣ.

— Генераль-маіоръ, бормоталъ онъ: — вдова будетъ леди Гудъ. Не долго придется имъ выдавать мнѣ жалованье. Да и пора мнѣ умереть. Жалѣю что не умеръ тогда когда собралъ людей къ послѣдному натиску въ Инкерманскомъ оврагѣ чтобы воротить наши пушки. Зачѣмъ насъ тогда не поддержали? Говорю вамъ.... (Онъ попытался приподняться на локтѣ.) Нѣтъ, не удерживайте меня!... Скажите этому проклятому газетчику, котораго вы знаете, что это дѣйствительно правда. Пусть онъ такъ и напечатаетъ, и подпишетъ мое имя. Мы потеряли Реданъ потому что насъ не поддержали. Тигры овладѣли имъ слѣва; справа была вся бригада. Но насъ валяли снопами и оставили идти на убой. Я видѣлъ какъ Русскіе строятся въ атаку и огланулся кругомъ.... помощи не было. Зачѣмъ принесли меня сюда? Все бы равно мнѣ тамъ остаться!

И дѣйствительно, оно было все равно.

ХІІІ. Два смертные приговора.

Я зналъ давно что Мери Бутлеръ назначена въ жены Джеральду Десмонду, но все какъ-то загашало въ себѣ это сознаніе, сторонился отъ него, какъ лошадь сторонится отъ невѣдомаго предмета въ темнотѣ. Рѣшеніе было неизмѣнно, какъ законы Мидьянъ и Персовъ. Но я не рѣшался взглянуть въ лицо дѣйствительности. Можетъ-быть, это мученіе какъ-нибудь минуетъ меня. Можетъ-быть, на очастье, я не доживу до этого. Ни разу не позволилъ я себѣ остановиться на мысли: „Можетъ-быть, онъ будетъ убитъ.“

Однако близилось время тяжкаго испытанія. Два письма, полученныя мною когда была очищена горная сторона Сева-

стополя, сами говорятъ за себя. Думаю что ни одинъ преступникъ не прочелъ смертнаго приговора съ меньшею надеждою на избавленіе и не шелъ на плаху спокойнѣе нежели я.

Первое письмо было отъ сэръ-Девиса. Вотъ оно:

„Восточный клубъ, сент. 1854.

„Любезный Теренсъ, вы поймете по какимъ важнымъ соображеніямъ свадьба племянницы моей съ Джеральдомъ должна совершиться какъ только онъ оправится отъ раны. Я не могу отказаться отъ виднаго мѣста предложеннаго мнѣ въ Индіи и, съ другой стороны, не могу принять его пока не пристрою ея. По всей вѣроятности, миръ будетъ заключенъ весьма скоро. Тогда Джеральдъ можетъ выйти въ отставку и жить въ Кильмойлѣ тѣмъ чѣмъ удастся спасти отъ разореннаго имѣнія. Васъ не удивитъ этотъ бракъ, составлявшій, какъ вамъ извѣстно, неизмѣнную цѣль въ моей жизни; но зная ваши чувства, я не могу не выразить вамъ моего состраданія. Говорю искренно, еслибы Мери подала мнѣ хотя малѣйшій поводъ предполагать что ея наклонности не соотвѣтствуютъ моимъ желаніямъ, я бы не сталъ ее неволить, какъ ни тяжело было бы мнѣ ея рѣшеніе. Я уже говорилъ вамъ прежде, браки между нашими семействами не разъ вели къ несчастіямъ, и вы должны сознаться что ваше положеніе не даетъ вамъ права искать руки Мери, еслибы она и не хотѣла выйти за Джеральда и была неравнодушна къ вамъ. Въ настоящемъ случаѣ вамъ остается только собраться съ духомъ и твердо перенести неизбѣжное. Вы благородно хранили свою тайну; я цѣню вашу сдержанность и прошу васъ не обижаться, если, выражая вамъ мою признательность, я вмѣстѣ съ тѣмъ прямо говорю что знаю ваши чувства. *Miser ego miseris miserere disco*. Зная ваши обстоятельства и дѣйствіе какое произведетъ на васъ свадьба, я счелъ справедливымъ назначить вамъ ренту изъ доходовъ съ Туллиморскихъ земель. Мистеръ Бетсъ уладитъ это съ моимъ повѣреннымъ, и Джеральдъ, безъ сомнѣнія, дастъ свое согласіе. Пожертвовавъ половиною имѣнія, я надѣюсь очистить Кильмойлѣ, но доходъ будетъ такъ незначителенъ что Джеральду съ женой придется соблюдать строгую экономію и жить въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ весьма скромно. Въ будущемъ мѣсцѣ мы ѣдемъ черезъ Мальту въ Бонстангиполь, такъ какъ Джеральду и Мери не дурно прожить нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы за границей, чтобъ избѣгнуть нашей суровой зимы. Она съ виду не совсѣмъ здорова. Кажется, ее разстраиваетъ безпокойство о Джеральдѣ. Послѣднія вѣсти, однако, очень насъ ободрили. Она была обозначенъ раненымъ, но мы не знали легко ли, или опасно, пока не получили письма отъ него. Я отправляюсь въ Индію, какъ только пристрою молодую чету.

„Вамъ пріятно будетъ слышать, если вы этого не знаете,

что мистеръ Бетсъ и майоръ Турнбуллъ ѣдутъ съ нами на Востокъ. Старикъ желаетъ васъ видѣть. У него есть какія-то бумаги, которыя вамъ нужно подписать, а ему сказано что, въ случаѣ заключенія мира, вашъ подкъ отправится на мысъ Доброй Надежды. До насъ дошли наконецъ вѣсти отъ миссъ Фрезеръ, но положеніе ея такъ печально что почти нечего радоваться этимъ вѣстямъ. Моя племянница получила отъ нея письмо, замедлившее нѣсколько мѣсяцевъ на пути, весьма грустнаго содержанія. Едва вѣришь тому что она рассказываетъ. Отецъ увезъ ее въ ту ночь какъ сдѣлано было нападеніе на замокъ, и теперь держитъ ее въ заключеніи при дворѣ индійскаго князька, неподвластнаго намъ, у котораго онъ состоитъ на службѣ.

„Этотъ отчаянный злодѣй, приговоренный къ смерти и здѣсь, и въ Индіи, предводительствовалъ шайкой напавшею на замокъ. Она знала о его присутствіи. Съ невѣроятною дерзостью, сколько мнѣ извѣстно, совершенно чуждою его характеру, онъ пробрался въ мой домъ и пугаль бѣдную дѣвушку, но у ней хватило духа не согласиться украть мои ключи, какъ онъ требовалъ. Любовь ея къ негодяю помѣшала ей выдать его. Онъ такъ запугалъ ее угрозами и изображеніемъ своей смерти на висѣлицѣ, что она сдержала клятву которую онъ заставилъ ее произнести. Убѣжавъ изъ комнаты, въ которую врывалась его шайка, она бросилась по корридору къ кухнѣ и была схвачена отцомъ и другимъ мушкетеромъ, ворвавшимся въ дверь у котораго въ стояли. Въ эту минуту одинъ изъ ихъ караульныхъ подавъ знакъ что идетъ полиція. Фрезеръ посадилъ бѣдную дѣвушку на лошадь и ускакалъ съ ней. Не знаю, можно ли было бы отнять ее у него. Привязанность къ такому недостойному отцу составляетъ одну изъ странностей ея характера и пересиливаетъ въ ней всѣ другія чувства, кромѣ развѣ страха и отвращенія какое питаетъ она къ мистрисъ Бреди. Фрезеръ и ваша мать жестоко ненавидятъ другъ друга. Должно-быть, миссъ Фрезеръ только привидѣлось что мать ваша была въ Кильморѣ и устраивала съ ея отцомъ разные замыслы подъ самыми стѣнами замка. Когда пріѣду въ Индію, я постараюсь принудить негодяя выдать дочь, если она пожелаетъ оставить его. Еслибы не она, да не вы, я счелъ бы своею обязанностью призвать къ отвѣтственности эту чету, совершившую такія ужасныя злодѣянія. Остаюсь съ искреннимъ уваженіемъ, преданный вамъ

„Денисъ Десмондъ.“

Прочитавъ это письмо, я написалъ короткій отвѣтъ, въ которомъ, не касаясь замѣчаній сэръ-Дениса о чувствахъ моихъ къ Мери Бутлеръ, я благодарилъ его за доброту ко мнѣ, но рѣшительно отказывался отъ ренты которую онъ

намѣревался мнѣ назначить. Съ тою же почтой я написалъ къ Мери Бутаеръ, Отвѣтъ ея пришелъ въ свое время. Вотъ этотъ отвѣтъ:

„Лондонъ, 2-го окт. 1854.

„Любезный Теренсъ, ваше доброе поздравительное письмо очень меня обрадовало. Я прочла часть его дядѣ, который былъ пріятно удивленъ выраженіемъ вашей радости. Но онъ не знаетъ, какъ я, теплоту вашего сердца. Не знаетъ также искренности дружбы нашей съ самаго дѣтства. Вы такъ заботливо ходили за Джеральдомъ. Какъ намъ благодарить васъ? Онъ пишетъ лишь по нѣскольку строкъ, и то не веселыхъ, но нельзя ожидать отъ раненаго особенной бодрости. Я дивлюсь что вы не встрѣтились съ миссъ Прендергасть, или съ сестрой Розой, какъ слѣдуетъ теперь называть ее, хотя она еще не пострижена. Въ послѣднемъ письмѣ она уведомила насъ что ѣдетъ на Востокъ, какъ сестра милосердія, и я завидовала ей, хотя была бы не въ силахъ послѣдовать ея примѣру. Есть въ Скутари французскій священникъ, отецъ де-Ланси, родственникъ ея, который присмотритъ за ней. Она словно считаетъ себя въ чемъ-нибудь виноватою предо мной, и горячо просила у меня прощенія за какую-то вину которую я узнаю со временемъ. Какъ будто она въ состояніи сдѣлать зло кому бы то ни было! Когда увидите ее, увѣрьте ее въ моей любви и скажите что я напередъ прощаю ей все въ чемъ только можетъ она провиниться. А затѣмъ, въ заключеніе, любезный Теренсъ, позвольте просить васъ оставить мрачный взглядъ на себя и на все окружающее. Развѣ мы всѣ не любимъ васъ отъ души, развѣ вы не заслужили нашей признательности? Дядя съ великою похвалою отзывается о васъ. У него есть вліятельные друзья, еслибы вамъ, при вашихъ признанныхъ всѣми достоинствахъ, потребовалось содѣйствіе. Всѣмъ намъ приходится жертвовать многимъ чувству долга, какъ мы съ вами знаемъ. Съ дѣтства я была или нянькой, или существомъ лишеннымъ воли, и примарилась съ моею участіемъ. Общество, танцы, балы, всѣ увеселенія молодыхъ дѣвушекъ, которыя, можетъ-быть, и меня радовали бы не меньше другихъ, не достались мнѣ на долю. Я жила въ заперти въ большомъ домѣ съ теткой, съ ея собаками, кошками, съ ея ревматизмомъ; или меня возили на воды, гдѣ я служила тростью. Потомъ начались разѣзды съ обѣдненнымъ дядей Ричардомъ, котораго собесѣдники не были ни пріятны, ни занимательны. Дядя Денисъ сдѣлалъ много для моего воспитанія. Я стала его повѣреннымъ, его секретаремъ, его дѣльцомъ, его другомъ, я научилась при этомъ уважать его, несмотря на его рѣзкость, и узнала какъ сильно онъ васъ уважаетъ. Вы можете разчитывать на всѣхъ насъ, на меня, любезный Теренсъ, и хотя я не прошу

васъ доверить мнѣ причину вашего горя, но будьте увѣрены въ моему глубокому сочувствію къ нему и въ искреннемъ моемъ желаніи чтобъ оно скоро совсѣмъ, совсѣмъ прошло. Я знаю какъ много огорченій вы имѣли, и молю Бога чтобы теперь было для васъ послѣднее испытаніе, и чтобы вамъ пришлось жить много лѣтъ съ увѣренностію что ваше счастье дорого многимъ друзьямъ, и что никому изъ нихъ оно не дороже чѣмъ старѣйшему вашему другу

„Мери Бутлеръ.“

Мнѣ легче было бы подчиниться моей судьбѣ, еслибы для меня не было такъ явно что такъ больно поразившій меня ударъ былъ преднамѣренъ.

XIV. Признаніе.

Спустя нѣсколько недѣль послѣ сдачи города я былъ переведенъ въ Скутари съ отрядомъ раненыхъ и больныхъ. Днемъ и ночью больные и раненые были моими товарищами. Чтобы вѣрнѣе передать теперь то что тогда происходило со мной, я выпишу нѣсколько страницъ изъ моего дневника, выпуская ничтожныя подробности и останавливаясь только на событіяхъ имѣющихъ связь съ моимъ разказомъ.

Октября 21-го 1855 г. Четырнадцать умершихъ. Прибылъ *Ориноко* съ больными и ранеными, и новые госпитали наполнились. Сестры милосердія дѣятельны и, признаюсь, очень полезны, хотя я не желалъ бы чтобы Блоссомъ зналъ что я такъ думаю. Мнѣ показалось что одну изъ нихъ я видалъ прежде; постараюсь завтра разглядѣть ее хорошенько. Она отвернулась и опустила вуаль, когда я, войдя въ госпиталь, взглянулъ на нее, привлеченный ея восклицаніемъ.

Октября 22-го. Пути Провидѣнія изумительны. Кто повѣрилъ бы тому что случилось въ послѣднюю ночь, еслибы прочелъ это въ романѣ? Но это правда, все до послѣдняго слова. Когда я проходилъ по госпиталю съ моимъ начальникомъ, одна изъ сестеръ милосердія остановила меня за руку и сказала:

— Этотъ больной помѣщенъ сюда докторомъ Джонсономъ, сэръ, но я думаю что это ошибка. Случай, кажется, смертельный, сэръ.

Она была не совсѣмъ права, хотя, дѣйствительно, опасная гнойная рана, горячечное состояніе и бредъ составляли

дурные симптомы. Я далъ ему возбуждительною. Онъ открылъ глаза и вдругъ воскликнулъ:

— Миссъ Роза! О, миссъ Роза, дорогая моя! Такъ это вы?

Я обернулся; за мной стояла сестра милосердія, Роза Прендергастъ. Я вздрогнулъ, но она даже не шевельнула руками, сложенными на груди.

— Неужели вы меня не узнаете? воскликнулъ я.—Я другъ вашего брата, Теренсъ Бреди. Вы такъ недавно еще ухаживали за мной, когда я былъ боленъ.

— Да, я васъ, конечно, узнала, отвѣчала она.—Я видѣла васъ вчера, и мы, вѣроятно, будемъ встрѣчаться еще долго, потому что я поступила въ этотъ госпиталь. Взгляните, докторъ Бреди, съ больнымъ сдѣлался опять обморокъ. Узнаете вы его? Это Макарти изъ Лохъ-на-Каррѣ, вашей родины.

— Да благословить Господь Лохъ-на-Каррѣ, прощенталь солдатъ.—Да хранить васъ Пресвятая Дѣва и всѣ святые неба, миссъ Роза. Такъ это былъ сонъ, сказалъ онъ, открывая глаза и оглядывая комнату.

Роза дѣйствительно исчезла.

— Это былъ сонъ и знаменіе для меня.... А вы кто? Мнѣ бы хотѣлось припомнить.

При этихъ словахъ смертельный страхъ изобразился на его лицѣ; глаза его расширились, полные ужаса. Онъ перекрестился дрожащею рукою.

— Святая Матерь Божія! воскликнулъ онъ:—сжался надо мной! Вы пришли наказать меня за грѣхи мои.

— Успокойтесь, другъ мой, сказалъ я.—Я докторъ, мистеръ Бреди.

— Да, помню. Васъ зовутъ Теренсъ Бреди, изъ Лохъ-на-Каррѣ. Я васъ знаю, я васъ слишкомъ хорошо знаю. И вотъ то что вы теперь стоите у моей постели, это мнѣ знакъ что Господь не проститъ мнѣ, если даже вы меня прощаете.

— Чтò же могу я вамъ простить?

— Тише, насъ могутъ услышать. Вы развѣ не знаете? Скажите что вы меня прощаете, мистеръ Теренсъ. Вы все узнаете, и я буду надѣяться, сэръ, что вы меня простите, хотя я былъ очень дурнымъ человекомъ и сдѣлалъ вамъ много зла.

Въ тонѣ его дрожащаго голоса мнѣ слышалось что-то знакомое, но я бы не узналъ его загорѣлаго, взволнованнаго страхомъ лица.

— Она ушла, говорилъ онъ, озираясь,—она ушла, и я могу успокоиться. Еслибъ она знала, она никогда не простила бы мнѣ, но, Богъ свидѣтель, что это было не мое дѣло. Выслушайте меня, сэръ, я долженъ облегчить свою совѣсть прежде чѣмъ придетъ священникъ. Мнѣ легче отъ одной мысли что я могу признаться вамъ во всемъ. Какъ это странно однако что вы сидите теперь возлѣ моей постели, въ этомъ чужомъ краю, возлѣ меня который былъ вашимъ врагомъ, и ухаживаете за мной, лѣчите меня, и миссъ Роза тутъ же!

Онъ опять перекрестился и безпокойно шепталъ что-то съ закрытыми глазами. Я пощупалъ его пульсъ, онъ былъ слабъ и ускоренъ, но немедленной опасности для него я не видѣлъ. Я привыкъ къ бреду больныхъ и раненыхъ, и еслибы не то что онъ меня узналъ, и еслибы не волненіе съ которымъ онъ говорилъ со мной, я не обратилъ бы вниманія на его слова. Онъ былъ въ опасности, и за жизнь его нельзя было ручаться. Обѣщавъ ему что онъ скоро поправится, если постарается успокоиться и будетъ слушаться, и поручивъ дежурному внимательно ухаживать за нимъ, я пошелъ отыскивать Розу Прендергастъ. Ни одна изъ сестеръ, дѣятельно предававшихся своему дѣлу любви, никогда не слыхала подобнаго имени, но наконецъ я нашелъ ее въ корридорѣ. Она неохотно заговорила о нашихъ общихъ друзьяхъ.

— Внѣшній міръ отвлекаетъ насъ отъ нашего долга. Мой міръ теперь здѣсь; у меня больше ничего не осталось въ жизни.

— А вашъ братъ? Мнѣ бы очень хотѣлось знать гдѣ онъ, потому что у меня странная фантазія будто я видѣлъ его въ Крыму. Все войско знаетъ Англичанина съ рубцомъ на лицѣ котораго можно видѣть во всякой атакѣ противъ насъ. Онъ однажды ночью стоялъ такъ близко отъ меня, какъ вы теперь, и если я не ошибаюсь, это онъ поджегъ магазинъ.

— Увѣряю васъ, я не знаю живъ или умеръ теперь мой несчастный братъ, отвѣчала Роза.—Я давно уже ничего не слышу о немъ. Вы, можетъ-быть, правы, утверждая что онъ сумасшедшій. Даже я пострадала отъ него, я, которую онъ такъ любитъ и покидаетъ, какъ вы видите.

— Вамъ лучше никогда болѣе не видѣться съ нимъ. Горько мнѣ такъ говорить о моемъ другѣ, но онъ, право, не достоинъ сожалѣнія.

Роза не сказала ни слова. Она стояла скрестивъ руки на груди; на лѣвой рукѣ она носила перчатку.

— Давно вы здѣсь? продолжалъ я спрашивать. — Почему вы не написали мнѣ?

— Я здѣсь уже недѣль шесть или семь, а предъ тѣмъ была въ Буюкдере.

— Въ Буюкдере? Видали вы тамъ Джеральда, — извините, — майора Десмонда?

Губы и рѣсницы ея вздрогнули, и слабый румянецъ pokrылъ щеки. Она отвѣчала, опустивъ глаза:

— Да, видѣла, я ходила за нимъ во время его болѣзни.

— Какое было счастье для него, бѣднаго, имѣть подлѣ себя друга! Миссъ Бутлеръ ничего мнѣ объ этомъ не говорила, а она передаетъ мнѣ все что онъ ей пишетъ.

— Счастье? Надѣюсь что такъ. Мнѣ кажется, докторъ Бреди, майоръ Десмондъ долженъ прѣхать сюда очень скоро, не правда ли?

— Я не думаю чтобъ онъ прѣхалъ сюда прежде чѣмъ войско отправится на зимнія квартиры, если намъ суждено провести здѣсь еще зиму. Сэръ-Денисъ настаиваетъ чтобы свадьба состоялась до его отъѣзда въ Индію, и мнѣ кажется, онъ самъ прѣдетъ сюда съ миссъ Бутлеръ. Майоръ Десмондъ не можетъ надѣяться получить теперь отпускъ и не можетъ выйти въ отставку.

— А вы, сказала Роза, поднявъ на меня глаза, — какъ можете вы говорить хладнокровно объ этомъ бракѣ?

— Мнѣ пріятно все что приноситъ счастье миссъ Бутлеръ.

— И вы дѣйствительно думаете что Мери любитъ своего кузена? пытливо спросила Роза. — Вы думаете, она бы очень огорчилась, еслибы Джеральдъ, — я, какъ и вы, должна поправиться, — еслибы майоръ Десмондъ, убѣдившись что не любить ея, отказался отъ этого брака?

— Я никогда объ этомъ не думалъ. Сэръ-Денисъ увѣренъ что можетъ довѣрить счастье своей племянницы ея кузену.

— Кто же можетъ сомнѣваться въ хорошихъ качествахъ Джеральда! съ жаромъ воскликнула Роза; потомъ, какъ бы спохватившись, она прибавила: — по крайней мѣрѣ на сколько я его знаю. А что Макарти? Я о немъ очень беспокоюсь. Это онъ тогда далъ мнѣ это письмо для передачи вамъ, чтобы предупредить васъ о заговорѣ тѣхъ отчаянныхъ людей.

Онъ сьмъ старика Дана, надъ которымъ вы съ Мери подшучивали въ дѣтствѣ.

— Онъ довольно опасенъ и требуетъ тщательнаго ухода, отвѣчалъ я.

Роза вьзалась ходить за нимъ, и съ этихъ поръ я видѣлъ ее постоянно у его постели. Бредъ и горячка прошли постепенно, и онъ началъ входить въ силы.

— Макарти желаетъ поговорить съ вами, сэръ, сказала мнѣ однажды Роза (она всегда называла меня такъ при другихъ).— У него есть что-то на душѣ, и онъ думаетъ что ему будетъ легче, когда вы его выслушаете.

Мы остались наединѣ, потому что почти всѣ кровати въ этой комнатѣ были пусты. Помолчавъ немного, онъ началъ свой разказъ. Онъ говорилъ медленно, но внятно, закрывъ глаза, и по временамъ отдыхая.

„Лѣтъ восемь, сэръ, прошло съ тѣхъ поръ какъ я ушелъ изъ Кильмойля и записался въ полкъ стоявшій въ Атлонѣ. Я былъ красивый малый, но я любилъ выпить, а когда насъ послали въ Индію, я сталъ тамъ пить все больше и больше, должно-быть отъ жаркаго климата, и жизнь моя проходила въ постоянныхъ арестахъ и ученіяхъ, и въ ожиданіи розогъ и исключенія изъ службы. Полкъ нашъ стоялъ въ Кауннпортѣ. Это дьявольское мѣсто по своей пыли, которая еще больше разжигала мою жажду. Тамъ былъ славный трактиръ, на базарѣ, куда любили ходить всѣ горемычные пьяницы нашего полка. Хозяиномъ былъ Могунъ Лель; вотъ добрая-то душа, подумали бы вы о немъ: даетъ въ долгъ сколько угодно; но я бы посмотрѣлъ чтъ бы вы сказали когда бы дѣло дошло до мѣсячнаго платежа. Вотъ однажды вечеромъ, когда мы собирались уходить, Могунъ говоритъ мнѣ (онъ говорилъ по-англійски): погоди немного, мнѣ надо съ тобой поговорить.

„— Да у меня, отвѣчаю я, теперь ничего нѣтъ съ собою. Клянусь тебѣ, не буду я Пить Макарти, если я не заплачу тебѣ на будущей недѣлѣ.

„— Я теперь не о деньгахъ, говоритъ Могунъ, кивая мнѣ головой, и когда всѣ ушли, онъ спрашиваетъ меня:— ты разказывалъ о Кильмойлѣ; это тотъ самый чтъ въ Ирландіи?

„— А у какого же чорта ему быть какъ не въ Ирландіи, спрашиваю я, а самъ удивляюсь что онъ это знаетъ, потому

что туземцы самый необразованный народъ, сэръ. Но какъ же я вытаращиваю глаза, когда онъ вдругъ началъ меня спрашивать о сэръ-Ричардѣ изъ замка, о докторѣ Бреди изъ Лохъ-на-Каррѣ, о мистерѣ Теренсѣ; всѣхъ тамошнихъ онъ зналъ. „Да ты развѣ колдунъ, Могунъ?“ спросилъ я его. „А можетъ-быть и колдунъ“, сказалъ онъ. Потомъ онъ далъ мнѣ вина и началъ спрашивать о васъ, на кого вы похожи и тому подобное, потому что я ему сказалъ что я второй сынъ Дана Макарти, который живетъ на землѣ доктора Бреди и былъ прежде рыбакомъ въ Лохъ-на-Каррѣ. А когда я уходилъ, онъ мнѣ сказалъ: „ты приходи поскорѣе опять, мнѣ нужно съ тобой поговорить“. Но будь проклятъ тотъ день когда я въ первый разъ увидалъ его черную морду. Когда я воротился въ казармы, началась опять старая исторія. Я опоздалъ и воротился пьяный, меня посадили подъ арестъ, и прошло нѣсколько дней прежде чѣмъ я могъ пойти въ трактиръ. Старый Могунъ обрадовался мнѣ и далъ мнѣ вина столько сколько я могъ выпить, и даже больше, и я какъ скотина напился, до того что не могъ шевельнуться. Когда я очнулся, я думалъ что голова моя треснетъ отъ боли. Я лежалъ на какомъ-то чердакѣ, прикрытый рогожей; тамъ было такъ жарко какъ въ огнѣ, и я видѣлъ предъ собой на стѣнѣ свѣтлыя пятна отъ лучей солнца.

„— Лежи тутъ, сказалъ мнѣ старый Могунъ,—а не то тебя схватятъ. Тебя ищутъ какъ дезертира.

„Я пролежалъ тамъ весь день и всю ночь, и часть слѣдующаго дня, безжизненный и безчувственный какъ камень. Слушайте дальше, сэръ, и вы увидите что изъ этого вышло. Когда наступила ночь, Могунъ говоритъ мнѣ: „если ты теперь опомнися, ты можешь сдѣлаться богатымъ человѣкомъ. Пойдемъ со мной, и я спасу тебя отъ розогъ и прощу тебѣ все что ты мнѣ долженъ, и ты можешь составить себѣ состояніе, если сдѣлаешь что тебѣ прикажутъ“. Мысль что мнѣ не избѣжать розогъ сводила меня съ ума, и я на все согласился. Старый мошенникъ одѣлъ меня въ туземное платье, я сѣлъ въ паланкинъ, а онъ въ другой, и мы торжественно поѣхали по городу, въ сопровожденіи толпы носильщиковъ съ фонарями, потому что Могунъ былъ богатый старикъ и, кромѣ вина, торговалъ всѣмъ чѣмъ угодно и имѣлъ большія лавки. Мы медленно двигались впередъ и наконецъ въѣхали на большой дворъ, окруженный высокими стѣнами и снаружи

казавшіяся тюрьмой. Я хотѣлъ было схватиться за ружье, но его у меня, конечно, не оказалось. Ну, думаю, теперь пришелъ мой конецъ. „Иди за мной“, сказалъ мнѣ Могунъ, и мы поднялись по лѣстницѣ на веранду. Внизу на дворѣ слышенъ былъ лай собакъ и вой шакаловъ, но когда мы поднялись на верхъ, туда откуда-то доносилась музыка, какую любятъ туземцы. Боже мой что это за музыка! Еслибы Фланниганъ, флейтчикъ изъ Лискадилли, услышалъ такую музыку, онъ бросилъ бы свою флейту и тутъ же умеръ бы отъ отвращенія. „Жди меня здѣсь, пока я тебя не позову“, сказалъ мнѣ Могунъ. Онъ снялъ свои башмаки, какъ туземцы всегда дѣлаютъ когда входятъ къ важной особѣ, и вошелъ въ какую-то дверь. Теперь я приближаюсь къ самому дѣлу, сэръ, имѣйте терпѣніе меня дослушать. „Входи“, позвалъ меня немного погодя Могунъ, „веди себя какъ слѣдуетъ, потому что ты будешь представляться высокой особѣ, а не то“, и старый мошенникъ обхватилъ пальцами свою шею, на которую давно пора бы было надѣть веревку. Онъ поднялъ занавѣсъ и отворилъ дверь. Пресвятая Богородица! Я никогда не видывалъ ничего подобнаго. Я очутился въ такой прекрасной комнатѣ какой вы никогда не видывали. Она вся сіяла отъ свѣта лампъ висѣвшихъ на стѣнѣ и спускавшихся съ потолка; куда бы вы ни обернулись, вездѣ зеркала; полъ устланъ дорогими коврами; стулья и кресла серебряные, а посреди комнаты стоялъ большой столъ уставленный золотыми и серебряными кувшинами съ виномъ, блюдами съ фруктами и сладостями, и маленькими кувшинчиками въ которыхъ курились ароматы. Я стоялъ окаменѣлый и безсловесный, и повернулся чтобъ уйти, но дверь оказалась запертою, и Могунъ исчезъ. Я былъ ослѣпленъ свѣтомъ комнаты послѣ ночной темноты, и можете вообразить какъ я вздрогнулъ, когда кто-то ангельскимъ голосомъ назвалъ меня по имени: „Макарти“, сказала она, „взгляните на меня и дайте мнѣ посмотреть на ваше лицо“.

„На диванѣ, покрытомъ дорогою матеріей, сидѣла какая-то леди. Изъ всего что я видѣлъ въ комнатѣ ничто не поразило меня такъ какъ ея волосы. Я никогда не видывалъ подобныхъ волосъ. Что ленъ, или шелкъ въ сравненіи съ ними! А еслибы вы видѣли ея глаза! О, мистеръ Терекъ, еслибы вы увидали ее, вы отдали бы ей въ ту же минуту вашу

жизнь и вашу душу; вы исполнили бы все что бы она вамъ и приказала. Что вы такъ содрагаетесь, сэръ? я, право, не лгу. Она курила маленькую трубочку и, должно-быть, попробовала котораго-нибудь изъ винъ стоявшихъ предъ нею на столѣ, потому что щеки ея горѣли. Когда разсѣялось облако дыма, которое она напустила своею трубкой, и я очутился предъ ней съ раскрытымъ ртомъ отъ удивленія, она улыбнулась самою милою улыбкой. Она сіяла какъ богиня, въ своихъ брилліантахъ и драгоценностяхъ. Одѣта она была въ широкое платье и шаровары, какъ одѣваются туземныя женщины, но сзма она была отнюдь не изъ туземокъ. Она мнѣ показалась довольно полною, потому что руки ея и шея были круглы и такой бѣлизны какой я не видывалъ.

„— Сколько вамъ лѣтъ, Макарти? спросила она.

„— Двадцать первый идетъ, ваше высочество, отвѣчалъ я.

„— Я не высочество, Макарти, сказала она, и опять улыбнулась. — Подойдите сюда ближе, мнѣ нужно съ вами поговорить.

„— Сейчасъ, ваше величество, и я съ трудомъ подвинулся шага на два, потому что колѣна мои дрожали.

„— Я не величество, сказала она.— У меня нѣтъ никакого титула, и вы не должны разказывать обо мнѣ, пока я сама вамъ этого не разрѣшу. Подойдите еще ближе и садитесь сюда.

„И она указала мнѣ на серебряный стулъ подлѣ дивана. Когда я сѣлся, подъ диваномъ что-то зашевелилось, и два большіе глаза уставились на меня.

„— Не пугайтесь, сказала леди,—она васъ не тронетъ.

Она крикнула что-то, и изъ-подъ дивана выскочила пантера и закружилась по комнатѣ, виляя хвостомъ и цѣпляясь когтями о коверъ, и мяукая, какъ будто мяукало пятьдесятъ кошекъ сразу. Потомъ она прыгнула на диванъ, положила свою громадную голову къ ней на колѣна и все время не спускала съ меня глазъ.

„— Вы говорите по-индустански? спросила меня леди.

„— Нѣтъ, миледи, я умѣю только спросить повѣсть или выпить.

„Она захлопала въ ладоши, и въ комнату вошелъ молодой джентльменъ, въ чалмѣ, въ бѣлой одеждѣ, и съ осыпаннымъ брилліантами кинжаломъ на поясѣ.

„— Азимулла, позвала его леди и заговорила съ нимъ

шепотомъ на ихъ нарѣчїи. Онъ, слушая ее, проникательно взглядывалъ на меня, и они смѣялись между собой, а я тѣмъ временемъ старался отгадать кто она такая, потому что я зналъ что реалїя туземцевъ запрещаетъ ихъ женщинамъ показываться съ открытымъ лицомъ. Я рѣшилъ наконецъ что она какая-нибудь знатная англїйская леди, немного помѣшанная, и что ей, должно-быть, нравятся туземные обычаи и костюмъ, какъ это иногда бываетъ. Этотъ Азимулла былъ красивый туземецъ, мѣдно-краснаго цвѣта, тонкій, стройный, не очень высокій, но гибкій въ движенїяхъ и съ рѣзкимъ взглядомъ. Но при всей красотѣ своей одежды, онъ не былъ похожъ на настоящаго джентльмена, а такіе попадаются иногда между туземцами, несмотря на ихъ отвратительную привычку плевать вокругъ себя и другія отвратительныя замашки. Немного погодя вошелъ слуга и поднесъ мнѣ вина, и леди заставила меня выпить, хотя я далъ себѣ клятву, отправляясь туда, что впредь буду пить только воду. Она выслала Азимуллу и затѣмъ, мистеръ Теренсъ, она сѣла такъ близко ко мнѣ что я чувствовалъ ея дыханїе у себя на лицѣ, и заговорила о Лохъ-на-Каррѣ и о Десмондахъ изъ Кильмойла. Она разказала мнѣ что могла бы быть королевой въ Индїи и знатною леди въ Ирландїи, что Десмонды лишили ее всего этого и заставили скрываться, но что она отомститъ имъ и воздастъ каждому по его заслугамъ. Она говорила что ее притѣсняютъ, что она окружена врагами и нуждается въ смѣломъ, рѣшительномъ другѣ, который не задумался бы умереть по ея приказанїю, еслибы такъ понадобилось, и потомъ, положивъ мнѣ руку на плечо и глядя мнѣ въ глаза своими глазами, сказала:

„— Хотите вы быть для меня такимъ другомъ?”

„О, сэръ, я не знаю что я ей отвѣчалъ на это, но помню что она приложила къ моимъ губамъ распятїе, и что я повторилъ за ней слово въ слово клятву которою погубилъ свою душу. Когда я произнесъ эту клятву, жестокая улыбка показалась на ея прекрасномъ лицѣ, она протянула мнѣ руку и приказала поцѣловать ее. Потомъ она встала и пошла изъ комнаты, и пантера, прыгая, послѣдовала за ней. Занавѣсъ предъ ней приподнялся. Она остановилась, кивнула мнѣ, погрозила пальцемъ и ушла, оставивъ меня несчастнымъ, погибшимъ человекомъ. Вошелъ Могуль и сказалъ мнѣ что я останусь во дворцѣ (они такъ называли этотъ

домъ), что меня будутъ хорошо кормить, одѣвать, и дадутъ хорошее жалованье. и что чрезъ нѣсколько времени я отправлюсь въ Ирландію и буду тамъ служить этой леди. Она была прежде (это онъ мнѣ сказалъ) гдѣ-то королевой, но онъ велѣлъ мнѣ молчать объ этомъ. Послѣ этого я довольно долго не видалъ королевы; мнѣ не позволяли выходить, да я и самъ не имѣлъ никакого желанія чтобы меня схватили какъ дезертира, и ждалъ дальнѣйшихъ приказаній. Наконецъ, однажды за мной пришелъ Азимулла и сказалъ что мнѣ выкрасятъ лицо, и что я отправлюсь на носилкахъ въ городъ, потому что леди Мемъ Сабиль желаетъ меня видѣть. Меня нарядили въ красивое платье, а Азимулла сдѣлалъ меня такимъ же чернымъ какимъ былъ самъ, и, окруженный слугами въ красныхъ ливреяхъ, съ обнаженными саблями, я отправился въ Каунпоре, гордый какъ павлинъ. Я вообразилъ что королева влюбилась въ меня, и удивлялся почему же она такъ долго не присылала за мной. Меня ввели заднимъ ходомъ въ какой-то домъ и проводили на верхъ. Тамъ меня ждала королева (я всегда ее такъ звалъ про себя), и когда я вошелъ, она знакомъ подозвала меня къ окну. Это было туземное окно, съ рѣшеткой внутри, чрезъ которое вы можете изъ комнаты все видѣть, а васъ никто не видитъ. Оно выходило на площадь парадовъ, на которой по утрамъ производилось учение солдатъ. Тамъ стоялъ уже мой полкъ, и Британскій кавалерійскій полкъ, и полкъ туземной кавалеріи. Въ тотъ день былъ большой смотръ въ честь знатнаго гражданина, какъ мы ихъ называемъ въ Индіи, мистера Десмонда, брата сэръ-Ричарда изъ Кильмойля, который былъ провѣдомъ въ томъ городѣ. Толпа жителей собралась вокругъ войска.

„— Ну, Макарти, сказала леди, положивъ мнѣ руку на плечо, очень ласково, но вмѣстѣ съ тѣмъ величественно и повелительно,—можете вы отличить генерала между его штабомъ? Хорошо; они подѣдутъ сюда ближе, когда окончатъ всѣ свои дурачества. Тутъ есть два человѣка которыхъ вы должны замѣтить хорошенько, такъ чтобы, гдѣ бы и когда бы вы ихъ ни встрѣтили, вы могли ихъ узнать какъ теперь узнаете меня.

„Они стали приближаться. Впереди ѣхалъ генералъ, красивый старикъ съ краснымъ лицомъ, какъ у большей части генераловъ въ Индіи; за нимъ слѣдовалъ его штабъ,

а направо отъ генерала вѣхалъ высокій, красивый господинъ, въ синемъ фракѣ, въ бѣлыхъ брюкахъ и въ низкой шляпѣ, верхомъ на красивой лошади. У него былъ необыкновенно величественный видъ, и всѣ относились къ нему съ почтеніемъ, но онъ говорилъ только съ генераломъ. Я могъ хорошо видѣть его лицо, и королева тоже, и еслибъ она была дѣйствительно королевой, я не поручился бы за его жизнь, судя по взгляду которымъ она на него смотрѣла.

„— Ну, вотъ первый, сказала она, стискивая пальцами мое плечо и сама того не замѣчая.—Это мистеръ Десмондъ, губернаторъ Аврипора. Не забывайте его пока вы живы. Еслибъ я могла....

„И она такъ взглянула на него, что я подумалъ что она можетъ страшно отомстить, если ее довести до того.

Начался маршъ. Впередъ прошли уланы, а за ними слѣдовалъ полкъ туземцевъ, въ синихъ съ серебромъ мундирахъ, очень красивый на видъ.

„— Смотрите хорошенько на человѣка который вѣдетъ впереди этого полка.

„Полковникъ былъ высокій, болѣзненный на видъ человѣкъ, съ большою черною бородой и усами. Поравнявшись съ генераломъ, онъ отдалъ честь шпагой, а мистеръ Десмондъ слегка кивнулъ ему головой, какъ бы желая сказать: „да, я узнаю васъ“.

„— Видите вы его? Знаете вы какой это полкъ?

„— Нѣтъ, миледи, не знаю. Онъ, должно-быть, только что пришелъ сюда.

— Это полковникъ Фрезеръ. Это второй человѣкъ котораго я приказываю вамъ замѣтить.

„Она замолчала, сѣла и смотрѣла до конца. Потомъ губернаторъ, генералъ со штабомъ и всѣ граждане и дамы проѣхали мимо насъ. Подъ нашими окнами сидѣлъ въ коляскѣ какой-то толстый, рябой индійскій принцъ. Всѣ туземцы подобострастно смотрѣли на него, и на немъ было столько брилліантовъ и изумрудовъ, что онъ могъ бы на нихъ выкупить короля, но самъ онъ былъ невзрачный человѣкъ. У двери его экипажа стоялъ Азимулла, и его окружала толпа слугъ въ красныхъ ливреяхъ и въ золотѣ.

„Когда генералъ и губернаторъ проѣзжали мимо насъ леди спросила меня:

„— Замѣтили вы ихъ? Укажите мнѣ полковника Фрезера.

„— Вонъ онъ, первый отъ мистера Десмонда.

„— Таше, сказала она, и начала слушать.

„Принцъ подошелъ къ мистеру Десмонду, и сложивъ руки, что-то говорилъ ему. Мистеръ Десмондъ сдерживалъ свою лошадь и слушалъ его съ гордымъ, презрительнымъ выраженіемъ, а потомъ отвѣтилъ ему что-то, и я видѣлъ что толстая рожа принца пожелтѣла. Мистеръ Десмондъ сказалъ немного, но что-то такое что заставило всѣхъ туземцевъ задрожать, а потомъ ускакалъ за генераломъ. Всѣ офицеры и леди ужасно смѣялись, только одинъ полковникъ Фрезеръ не смѣялся. Онъ переговорилъ о чемъ-то съ принцемъ и уѣхалъ за нимъ. Нужно было видѣть какіе взгляды бросали на наши окна черный принцъ и Азимулла.

„— Вы теперь можете идти, сказала мнѣ леди. — Берегитесь чтобъ васъ не увидали. Я скоро призову васъ опять, и тогда-то придетъ вамъ время послужить мнѣ, и вы получите награду.“

„И время это пришло скоро. Теперь, когда я разказалъ вамъ какъ я впутался въ это дѣло, я сокращу мой разказъ.

„Полковникъ Фрезеръ со своею дочерью отправлялся въ Ирландію, и мнѣ вѣрно было слѣдовать за нимъ на томъ же самомъ кораблѣ на которомъ онъ отправлялся и не выпускать его изъ виду. Леди боялась что этотъ полковникъ надѣлаетъ зла ея сыну отъ перваго брака, мистеру Бреду, — а это никто иной какъ вы, свѣрь, — а сдѣлаетъ онъ это какъ по своимъ особымъ дѣлямъ, такъ и для того чтобы повредить ей, потому что они были въ страшной враждѣ. „Еслибы не эта дѣвушка, онъ не уѣхалъ бы живой изъ Индіи“, говорила она, и я ей вѣрю. Она меня много спрашивала о васъ, такъ какъ я васъ хорошо зналъ, и, казалось, принимала очень къ сердцу что вы никогда не хотѣли написать ей. Она велѣла мнѣ слѣдить за всѣмъ что будетъ происходить, и пуще всего когда полковникъ будетъ близко отъ васъ. „Помните вашу клятву“, сказала она мнѣ. „и если пострадаетъ хоть одинъ волосъ на его головѣ, вы мнѣ отвѣтите своею жизнью“. Мнѣ дали много денегъ, платья и всего необходимого, и я уѣхалъ изъ Калькутты на одномъ кораблѣ съ полковникомъ и его дочерью. Съ нимъ былъ одинъ негодяй, Шортеръ, выгнанный изъ службы за дурное поведеніе, и дѣлая толпа слугъ туземцевъ, самаго низшаго сословія. Я старался, сколько могъ, держаться въ сторонѣ отъ него, но мнѣ

удалось передать молодой барышнѣ пакетъ который дала мнѣ леди. Съ какою робостью она его раскрыла и потомъ спрягала на грудь. Она, повидимому, очень любила полковника, но онъ дѣлался ужаснымъ человѣкомъ, когда прикасался къ картамъ. На кораблѣ было множество господъ которые только и дѣлали что играли дни и ночи, а когда полковникъ проигрывалъ, что, кажется, случалось довольно часто, его характеръ выходилъ изъ всякихъ границъ. Онъ тащилъ за собой, какъ я вамъ сказала, толпу черныхъ негодяевъ, которые взбунтовались противъ него за то что онъ не отдавалъ имъ жалованья, которое обѣщали выдать имъ какъ только они сядутъ съ нимъ на корабль. Онъ часто билъ главнаго надсмотрщика надъ ними, который былъ такой уродъ, какихъ я не видывала, и такой силачъ, что могъ бы въ одну минуту переломить ребра полковнику. Онъ носилъ съ собой желѣзную палку съ шпикой на концѣ, на подобіе кочерги, которою онъ всякаго могъ бы свалить какъ барана. На кораблѣ Индеецъ не смѣлъ тронуть полковника, но стоило только взглянуть на него, когда онъ слѣдилъ за нимъ глазами, чтобы понять что онъ чувствуетъ. Я свела большую дружбу съ туземцами, потому что угощала ихъ лакомствами, но за мной слѣдилъ Шортеръ, какъ кошка слѣдитъ за мышью. Этого человѣка леди сильно подозрѣвала, но пока мы были на кораблѣ, онъ и полковникъ не сказали между собой ни слова. Я однако замѣтилъ что Шортеръ былъ всегда на сторожѣ, когда молодая барышня выходила на палубу, и не спускалъ съ нея глазъ. Долго мы вѣхали, но наконецъ пріѣхали въ Лондонъ. Я не знала Лондона, но обязанъ былъ слѣдить за полковникомъ какъ его тѣнь, и какъ я былъ радъ когда онъ переѣхалъ въ Дублинъ и остановился у Морисона. Недѣлю или болѣе, полковникъ сидѣлъ спокойно, но за то Шортеръ постоянно шатался по городу, и мнѣ стоило большаго труда не попадаться ему на глаза. Тамъ, вблизи отъ Морисона, въ сосѣднемъ переулкѣ, былъ трактиръ, куда я часто ходила, и такъ какъ я не жалѣла денегъ, я скоро сдѣлалась тамъ общимъ любимцемъ, и наконецъ вошелъ туда съ „ножнами шпажниковъ“, какъ тамъ выражались, то-есть вступилъ въ ихъ общество. Нѣкто Слаттери, аптекарскій ученикъ, служившій, какъ онъ говорилъ, въ американскомъ войскѣ, былъ однимъ изъ главныхъ между нами. Мы все клялись стоять за республику и

изгнать англійское правительство изъ Ирландіи. Тамъ часто говорили о васъ; одни предсказывали что мистеръ Прендергастъ завербууетъ васъ въ наше общество, а другіе спорили что этого никогда не будетъ. Все это время полковникъ не ходилъ къ вамъ, но Шортеръ все разузнавалъ о васъ чѣмъ вы занимаетесь и куда ходите. Однажды вечеромъ Шортеръ является въ нашъ трактиръ. Онъ меня сейчасъ же узналъ, потому что на мнѣ въ этотъ день не было бороды, которую я носилъ съ тѣхъ поръ какъ высадился на берегъ. Какимъ-то образомъ онъ и Слаттери оказались друзьями, а послѣ нѣсколькихъ вечеровъ онъ принялъ присягу нашего общества. Я съ нимъ сблизился. Я ему сказалъ что купилъ себѣ отставку, но что я знаю что онъ дезертиръ и что онъ въ моей власти. Полковнику въ то время жилось плохо. Онъ разчитывалъ получить деньги отъ какихъ-то родственниковъ, но не получилъ ни копѣйки, а чѣмъ азартнѣе онъ игралъ, тѣмъ больше проигрывалъ. Положеніе его становилось день ото дня хуже. Какой-то индійскій подрядчикъ, прїѣзжавшій въ Англію по тяжбынымъ дѣламъ, узналъ что Фрезеръ въ Ирландіи и прїѣхалъ въ Дублинъ съ тѣмъ чтобы взыскать съ него двѣ тысячи фунтовъ которые полковникъ былъ ему долженъ, поклявшись, что если онъ не отдастъ ему долга, то онъ обвинитъ его предъ судомъ въ подлогѣ. Все это происходило предъ самымъ возстаніемъ, и я едва удерживался чтобы не хохотать имъ въ глаза когда они говорили о своихъ пикахъ и бутылкахъ съ купороснымъ масломъ. „Пика—царица оружія“, говорили они, бѣдняки. Не знали они что одна хорошая батарея устоитъ противъ всѣхъ пикъ Ирландіи. Шортеръ удостоивалъ меня полной откровенности, и я обѣщалъ помогать ему и Индійцу Али, надсмотрщику Фрезера. Шортеръ былъ ужасный злодѣй, сэръ. Онъ открылъ мнѣ что полковникъ задумалъ погубить васъ, а онъ взялся исполнить это дѣло. „А потомъ“, сказалъ онъ, „я потребую у него въ награду не денегъ, а его „хорошенькую дочку, и посмотримъ какъ онъ мнѣ откажетъ, когда я сослужу ему такую службу.“ Мнѣ это-то и нужно было узнать отъ него; какъ ни уменъ былъ Шортеръ, а я его надулъ. Мы купили себѣ прочную, легкую, подержанную лодку, и держали ее въ старомъ сараѣ, а по ночамъ катались вдоль по рѣкѣ, или переплывали на противоположный берегъ, когда у мистера Прендергаста, или у кого-нибудь изъ нашихъ назначался митингъ. Однажды

утромъ ко мнѣ приходитъ Шортеръ, и говоритъ: „пойдемъ со мной, намъ сегодня ночью будетъ работа“. И мы идемъ съ нимъ въ коллегію, входимъ туда какъ посѣтителю, и начинаемъ бродить по двору. Немного погодя приходитъ полковникъ и поднимается на какую-то лѣстницу. Мы продолжали ходить взадъ и впередъ, пока не вышелъ полковникъ, и тогда Шортеръ прошелъ со мной мимо двери, изъ которой онъ вышелъ, и сказалъ:

„— Видишь ты это имя: Теренсъ Бреди. Онъ сдѣлалъ визитъ, и я пойду узнаю какъ намъ теперь поступать, но ты долженъ увидать этого господина, чтобы намъ не ошибиться.

„Я ему не говорилъ что знаю васъ. Мы подождали пока вы вышли, и когда вы шли по двору, Шортеръ указалъ мнѣ на васъ. Въ этотъ вечеръ мы сошлись въ трактиръ, и Шортеръ передалъ мнѣ что Рустумъ, — это индійскій подрядчикъ, — отправляется на митингъ къ мистеру Прендергасту. Тамъ считали его за индійскаго принца, и одинъ изъ друзей мистера Прендергаста думалъ что сдѣлаетъ отличное дѣло, завербовавъ его въ свое общество. „А мы должны его покончить, сказалъ Шортеръ: я велѣлъ Али ждать насъ у лодки.“ Онъ объяснилъ мнѣ, что если намъ представится возможность, мы должны убить подрядчика ударомъ въ голову, потомъ стащить въ лодку, и привязавъ ему на шею камень, спустить его въ глубину. „И каждый шагъ будетъ стоить намъ сотню фунтовъ.“ Была ужасная ночь, — громъ, молнія и дождь, — когда мы переправлялись на другую сторону рѣвки. Для безопасности мы прикрѣпили лодку къ берегу, пошли къ дому мистера Мориса, и стали тамъ насторожѣ. Долго намъ пришлось ждать, и по временамъ мы принуждены были отходить въ сторону, потому что подисменъ приходилъ не разъ, а у дверей стояли экипажи гостей. Вотъ наконецъ выходитъ Рустумъ, и едва держится на ногахъ. Но ему суждено было спастись отъ насъ. У дверей его ждалъ крытый экипажъ, двое молодыхъ людей посадили его, и онъ уѣхалъ, а мы остались, вытаращивъ глаза другъ на друга. Я думалъ что мы воротимся на лодку, но Шортеръ воскликнулъ съ проклятіемъ: „нѣтъ, если ужъ мы взялись за дѣло, „попытаемъ удачи до конца. Если этою дорогою пройдетъ кто- „любудь не изъ нашихъ, мы посмотримъ что онъ несетъ съ „собою. Не отступать, товарищи!“ Въ это время вы выходите и

останавливаетесь въ дверяхъ. Я васъ хорошо видѣлъ, но Шортеръ былъ пьянъ и не узналъ васъ. Вы подошли къ намъ, и Шортеръ окликнулъ васъ. Я надѣялся что вы отвѣтите какъ слѣдуетъ, а въ противномъ случаѣ рѣшился убить того изъ нихъ кто первый бросится на васъ; я уже замахнулся и не спускалъ съ нихъ глазъ, но вы вдругъ какъ олень ускакали отъ насъ. „Да вѣдь это Бреди!“ воскликнулъ Шортеръ. „Вотъ нечаянная-то удача. Онъ дастъ намъ пятьсотъ фунтовъ.“ Мы всѣ трое побѣжали за вами. Я всегда отлично бѣгалъ, но въ этотъ разъ я отставалъ отъ Индійца, а онъ не могъ поспѣть за вами. О, какое счастье что у васъ въ этотъ вечеръ было столько силы въ ногахъ. Пьяный Шортеръ скоро отсталъ отъ насъ. Я видѣлъ что Индеецъ настигаетъ васъ, но вы собрались съ новыми силами и побѣжали еще скорѣй. Я всѣми силами старался не отстать, чтобы спасти вамъ жизнь. Разъ или два я хотѣлъ наудачу выстрѣлить въ Али, но боялся промахнуться и попасть въ васъ. Я совсѣмъ выбился изъ силъ, и когда я добѣжалъ до моста, вы оба уже скрылись изъ виду, и я слышалъ только стукъ шаговъ, потомъ услышалъ стукъ колесъ, свистскъ полицейскаго, а затѣмъ все смолкло. Я остановился и слушалъ. Скоро послышались приближавшіеся шаги; я вздрогнулъ. Это былъ Али.

„— Въ лодку! вскричалъ онъ:— Тамъ лежатъ двое.

„Онъ указалъ пальцемъ назадъ, и два раза ударилъ по воздуху своею желѣзною палкой.

„— Мистеръ Бреди? Разбойникъ! Если ты только его тронешь!

„— Нѣтъ, не его. Слышишь? Полиція. Они ихъ увидели. Скорѣй!

„Мы добѣжали до лодки, на дорогѣ захвативъ Шортера, пьянаго до безпамятства. Въ лодкѣ у насъ была бутылъ съ водкой: мы съ Шортеромъ выпили, но Али даже не попробовалъ, и хорошо сдѣлалъ, потому что, еслибы не онъ, намъ никогда бы не добраться до сарая. На утро вы знаете какія новости мы узнали. Мы согласились что намъ слѣдуетъ тотчасъ же разойтись, и только возвратившись въ Индію я узналъ отъ Али какъ ему удалось совершить свою месть. „Я не могъ упустить такого удобнаго случая. Когда „саибъ прыгнулъ въ ѡкипажъ, этотъ полковникъ, который „билъ меня какъ собаку, вдругъ очутился у меня подъ

„руками. Я его ударилъ. Полицейскій, который бѣжалъ за мной, видѣлъ это и хотѣлъ меня схватить, но я и его свалилъ. Моя рука была слаба, иначе имъ никогда бы не говорить опять.“ Такъ разказывалъ объ этомъ Али.“

— Такъ неужели полковникъ Фрезеръ поручилъ Шортеру убить меня? Вы сказали, Макарти, что Шортеръ вамъ самъ это говорилъ? спросилъ я медленно. — Отвѣчайте мнѣ правду.

— Не знаю, сэръ. Шортеру поручено было слѣдить за вами, а въ тотъ вечеръ, — я сомнѣваюсь чтобъ онъ зналъ заранѣе что вы тамъ были, — онъ не помнилъ что дѣлалъ.

— Гдѣ теперь полковникъ Фрезеръ?

— Не знаю, сэръ, и, право, не лгу. Индеецъ отправился въ Ливерпуль, а оттуда моремъ переправился въ Индію. Я послѣ того встрѣтилъ его въ Каунпортъ. Шортеръ, по рекомендаціи полковника, получилъ мѣсто въ Шотландіи, и ящикъ съ серебряною посудой въ томъ домѣ сдѣлался такъ легокъ что онъ могъ унести его съ собою. Леди очень сердилась на меня, когда узнала что я оставилъ полковника, и тотчасъ же перестала присылать мнѣ денегъ, и трудно мнѣ было тогда отыскивать средства къ существованію. Однако она сама вызвала меня въ Индію и прислала денегъ на проѣздъ. Въ этотъ разъ она находилась въ Лукно. Трудно мнѣ было тамъ скрываться, и я былъ ужасно радъ, когда чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ получилъ отъ леди приказаніе отправляться опять въ Ирландію. Она послала меня въ Кильмойль съ тѣмъ чтобъ я доносилъ ей обо всемъ что говорится въ замкѣ и слѣдилъ за миссъ Фрезеръ которую моя леди тоже очень любила. Сэръ-Денисъ взялъ ее къ себѣ по какимъ-то воспоминаніямъ о прошломъ, и моя леди была внѣ себя отъ радости что она удалена отъ отца. Полковникъ хотѣлъ ее опять потребовать къ себѣ, и моя леди могла удержать его только тѣмъ что поклялась открыть въ такомъ случаѣ полиціи мѣсто гдѣ онъ скрывался. Возвратившись на родину, я опять предался пьянству и сошелся со „шпажниками“ Кильмойля, а ихъ было тамъ очень много, потому что Кильмойль самое жалкое мѣсто во всей Ирландіи, а сэръ-Денисъ своими нововведеніями нисколько не улучшилъ положенія дѣлъ. Мы затѣвали большую войну противъ Англичанъ. Мистеръ Морисъ, который предъ тѣмъ скитался по Америкѣ и по Востоку, возвратился, но этого тогда никто не зналъ, даже

бѣдняжка сестра его. Можете вообразить какъ я былъ пораженъ однажды, когда, въ то время какъ мы сидѣли въ комнатѣ совѣта, то-есть въ задней комнатѣ хижины Дрисколя, туда вошли полковникъ и Шортеръ. Полковникъ занялъ предсѣдательское мѣсто, и они начали обсуждать способы напасть на замокъ. Все шло отлично пока не вошелъ мистеръ Морисъ. „Деньги главная сила войны, говоритъ полковникъ,— а этотъ тиранъ заперъ золото въ свои сундуки. У него есть и оружіе, и если мы дадимъ залпъ въ носъ только-что пришедшему войску, это произведетъ необыкновенное дѣйствіе и поддержитъ наше дѣло.“ Мистеръ Морисъ тотчасъ же возсталъ противъ этого плана. Онъ говорилъ что не честно нападать на частные дома. Мистеръ Морисъ, мнѣ кажется, очень заботился о женщинахъ замка, по крайней мѣрѣ навѣрное объ одной изъ нихъ. Я поддерживалъ, какъ умѣлъ, мистера Мориса, но полковникъ, который между ними былъ извѣстенъ подъ именемъ генерала Чарльза, повелъ весь митингъ противъ него, и совѣтъ рѣшилъ напасть на замокъ въ слѣдующую ночь. Когда мистеръ Морисъ узналъ что вы ту ночь будете ночевать въ замкѣ, онъ послалъ вамъ предостереженіе, рискуя самъ за то заплатить, а я по долгу моей службы у леди обязанъ былъ оберегать васъ, но вы разстроили всѣ наши планы, отказавшись придти къ намъ. Вы знаете остальное, сэръ, и чѣмъ все это кончилось.

— Гдѣ былъ генералъ Чарльзъ въ ту ночь?

— Съ нашими молодцами, и самъ предводительствовалъ ими. Онъ и Шортеръ имѣли въ этомъ дѣлѣ свои собственные цѣли: ему хотѣлось увести дочь и завладѣть деньгами сэръ-Дениса. У него были уже готовы лошади чтобы увести ее, и онъ разчитывалъ что она не окажется ему сопротивленія, потому что не захочетъ погубить его. Но я ручаюсь что, если онъ живъ, леди успокоила его окончательно.

— Леди? А гдѣ она была въ то время?

— Не дальше какъ въ Ирландіи и очень недалеко отъ замка. Вы поражены, сэръ, точно такъ же какъ и я былъ пораженъ тогда, но что вы скажете, когда я расскажу вамъ что она была въ Кильмойлѣ? Она по горячимъ слѣдамъ наступила генерала, а онъ и не подозревалъ что она жила въ коттеджѣ старика, въ Кульбоунѣ. По ночамъ она, какъ привидѣніе,

отправлялась гулять и заставляла меня провожать себя въ замокъ, и тамъ она смотрѣла въ окна на миссъ Фрезеръ, миссъ Бутлеръ и на сэръ-Дениса. Она смотрѣла на васъ, когда вашъ полкъ вѣзжалъ въ Кильмойль, и шептала: „Какъ онъ красивъ! Какъ онъ похожъ на отца!“ Она видѣла сэръ-Дениса и барышень, когда они проѣхали въ коляскѣ и назвала миссъ Мери, прости ей Богъ, „кукольною красавицей“. Какъ она сердилась когда съ ними заговорилъ капитанъ Джеральдъ, и миссъ Мебъ опустила головку. А въ какой ярости она была, когда узнала о нападеніи на замокъ, и что миссъ Мебъ исчезла, а вы получили рану въ голову. Когда она узнала что вы поправляетесь, она поспѣшно собралась и уѣхала, потому что получила дурныя вѣсти изъ Индіи. Она дала мнѣ не мало денегъ, Богъ свидѣтель, но я остался такимъ какимъ всегда былъ, и принялся за прежнее ремесло, и вотъ я теперь здѣсь, гдѣ, кажется, пробуду не долго. Вы должны были получить то письмо раньше, сэръ, право, раньше.

XV. Тайный бракъ.

Мнѣ не надо разказывать какія чувства возбудилъ во мнѣ разказъ солдата Макарти. Онъ объяснилъ мнѣ многое что до сихъ поръ оставалось для меня загадкой. Но то что моя мать была въ Кильмойль, что полковникъ Фрезеръ былъ ночнымъ разбойникомъ, бунтовщикомъ и убійцей, это превосходило всякую вѣроятность. Они были страшными врагами, но мнѣ не вѣрилось чтобъ онъ могъ имѣть намѣреніе убить меня безо всякой другой причины, какъ изъ одного желанія причинить ей горе, предположивъ что она меня любитъ и принимаетъ во мнѣ участіе. Если Макарти говоритъ правду, она подозрѣвала Фрезера въ такомъ умыслѣ противъ меня, который, еслибъ онъ его исполнилъ, по всей вѣроятности, принесъ бы ему позорный конецъ, и который казался мнѣ несогласнымъ съ цѣлями какія онъ могъ имѣть въ виду и съ возможностью посредствомъ меня причинять ей постоянное безпокойство. Макарти былъ увѣренъ что она ни разу не видала Фрезера въ Кильмойль, и не знала что онъ былъ тамъ, до тѣхъ поръ пока не было произведено нападеніе, во время котораго исчезла Мабель. Изъ всего разказа я вывелъ заключеніе что несчастная женщина не лишена была

чувства материнской любви. Возможно ли допустить подобное чувство въ сердцѣ до такой степени переполненномъ дурными страстями? Она ненавидѣла негодяя, бывшаго сообщникомъ ея грѣховъ. Она и сэръ-Дениса ненавидѣла адскою страстью, и въ этомъ она и Флезерь сошлись. И несмотря на то, они сами поддаются этому человѣку. Они, правда, спаслись, но какимы опасностямъ они себя подвергали, пріѣхавъ въ незнакомую страну, они, отмѣченные манерами и выговоромъ, незнакомые со всѣмъ окружающимъ, и довѣривъ свои тайны такимъ людямъ которые, по своему положенію, легко могли измѣнить имъ. Нельзя предположить что Морисъ Прендергастъ употребилъ свое вліяніе чтобы сохранить тайну, потому что онъ самъ предупредилъ меня о заговорѣ убить и грабить обитателей замка. Заговоръ этотъ, по всей вѣроятности, былъ изобрѣтеніемъ Фрезера. Если же Морисъ принимаетъ участіе въ такихъ гнусныхъ преступленіяхъ, то онъ погибъ окончательно. Во всякомъ случаѣ онъ не сдѣлалъ ничего чтобы выдать преступниковъ правосудію и предупредить преступленіе, когда могъ бы это сдѣлать нѣсколькими строками анонимнаго письма. Какія причины побудили мою несчастную мать посвятить Кильмойль, было для меня непостижимо. Когда я раздумывалъ объ этомъ, у меня блеснула лучъ надежды что чувства женщины еще сохранились въ ея душѣ, и что голосъ и мольбы ея сына могутъ смягчить ея сердце и побудить окончить свои дни въ мірѣ и раскаяніи. Я не спрашивалъ Макарти въ чемъ онъ просилъ у меня прощенія. Онъ былъ ея несчастнымъ, невѣжественнымъ орудіемъ, и я боялся довести его до признанія въ какомъ-нибудь низкомъ замыслѣ, которой разрушилъ бы мои надежды и окончательно затушилъ бы слабую искру, оставшуюся отъ моей прежней пламенной любви къ этой женщинѣ.

Спустя нѣсколько недѣль послѣ моего прибытія въ Скутари, я былъ опять переведенъ въ Крымъ. Между письмами, ожидавшими меня тамъ, было письмо отъ Стендиша. Оно было написано вскорѣ послѣ штурма города, и занятія Южнаго берега. Другое письмо, написанное позднѣе, сопровождалось запиской отъ доктора, моего галипольскаго знакомаго, Гута Калагана, просившаго меня пріѣхать поскорѣй.

„Я упранивалъ мистера Стендиша, какъ только показались извѣстные симптомы, отправиться домой, или пере-

мѣнить климать, но онъ упрямо остался здѣсь, и я не могу скрыть моего опасенія, что если онъ и т. д.“

Я поспѣшилъ въ маленькую хижину, и когда сильный голосъ отвѣчалъ: „взойдите“, я вошелъ и былъ пораженъ перемѣной въ Стендишѣ; онъ былъ боленъ не на шутку. Онъ сидѣлъ у своего бюро и писалъ. Его исхудалыя руки, истощенное лицо, чахоточный румянецъ и блестящіе глаза сказали мнѣ все. Онъ былъ въ большой опасности, и зима убивала его.

Я умолялъ его воротиться на родину, или по крайней мѣрѣ удалиться изъ лагеря до болѣе теплаго времени.

Онъ остался спокоенъ и непоколебимъ.

— Это невозможно, дорогой другъ мой. Здѣсь мой постъ. Я солдатъ пера и стою здѣсь на часахъ. И я останусь здѣсь, а когда придетъ смерть, она найдетъ меня съ перомъ и записною книгой въ рукахъ. Никакія частныя дѣла не призываютъ меня домой, а женѣ и дѣтямъ я принесу больше пользы своею смертію чѣмъ могу принести своею жизнью. Впрочемъ, ей я этого не скажу. Мнѣ бы, конечно, хотѣлось еще разъ повидаться съ *ней*, взглянуть на *ихъ* невинныя личики, но мое удовольствіе дорого окупилось бы *ихъ* горемъ. Мы оба стояли за кулисами, Терекъ. Вы видѣли работу войны, а я узналъ какъ дѣлаются героями. И мы должны исполнить свой долгъ до конца, хотя ни почести, ни награды не ожидаютъ насъ, но

„Одинъ часъ самоодобренія стоитъ многихъ годовъ
Удивленія глупцовъ и *ихъ* громкихъ одобреній.“

И съ этою вѣрой, безъ расчетовъ на земную славу, онъ умеръ.

Между тѣмъ какъ дипломаты и конгрессы составляли протоколы и трактаты, мѣсяцы свинцовыми крыльями пронеслись надъ войскомъ, и люди упрямо умирали. Джеральдъ Десмондъ, который послѣ своего возвращенія съ Босфора былъ посланъ въ Керчь, получилъ вторую рану въ стычкѣ съ русскою кавалеріей. Рана была не опасна, но дѣлала его на время неспособнымъ къ службѣ. Онъ принужденъ былъ покинуть Керчь и лечь въ госпиталь. Я навѣщалъ его такъ часто, какъ позволяли мнѣ мои занятія, и, кажется, чаще чѣмъ онъ того желалъ. Рана его залѣчивалась медленно, но онъ

не хотѣлъ переселиться въ Скутари. Когда я ему напомнил однажды объ его приближающейся свадьбѣ, онъ отвѣчалъ своимъ прежнимъ презрительнымъ тономъ, заставившимъ меня вспыхнуть отъ негодованія. Но мое ли это было дѣло?

Дипломаты и конгрессы столковались наконецъ, и пока они писали свои условія, мы забавлялись стрѣльбой въ русскіе доки; Французы упражнялись бросаньемъ бомбъ и ракетъ съ другой стороны гавани, а непріятель готовился къ тому, чему не суждено было быть....

— О, Боже мой, Боже мой, вздыхалъ мой вѣрный Мелони, — неужели то правда, что они говорятъ, будто надъ нами разразился миръ.

— Да, Мелони, теперь это рѣшено окончательно. Мы должны убираться отсюда какъ можно скорѣй.

— И неужели же отдать имъ это мѣсто, ваша честь, недовѣрчиво спрашивалъ онъ.

— Конечно. Мы опустошили Южный берегъ, и теперь должны возвратить его по принадлежности.

— Вотъ-те-на! Послѣ этого я ужъ совсѣмъ не понимаю за какимъ чортомъ мы сюда приходили.

За миромъ должно было слѣдовать событіе, къ которому я много мѣсяцевъ закалялъ свое сердце. Миръ и надо мной „разразился“. Мой полкъ готовился отплыть въ Мальту, но я не былъ избавленъ отъ жестокой вѣжливости, настоятельно требовавшей моего присутствія на жертвоприношеніи.

Это случилось на послѣдней недѣлѣ нашего пребыванія въ Балаклавѣ. Я всталъ рано и исполнилъ свои обязанности въ госпиталѣ. Море было покрыто бѣлопарусными кораблями, и небо омрачалось дымомъ пароходовъ, уносившихъ на западъ и востокъ, на сѣверъ и югъ остатки войска. Я ушелъ отъ шумящей на набережной толпы въ свою маленькую хижину, стоящую между утесами, увѣчанными старыми Генуэзскими фортами, хмурившимися на волны и сторожившими узкій входъ въ заливъ. По дорогѣ есть маленькое мѣстечко, уставленное деревянными крестами и каменными плитами и отгороженное дерновою насыпью отъ окружающихъ его виноградниковъ. Я вошелъ въ калитку. Женщина, въ глубокомъ траурѣ, стояла на колѣняхъ предъ мраморною плитой, выдѣлявшеюся между великолѣпно разросшимися вокругъ цвѣтами. Два ребенка стояли возлѣ нея и

безмолвно и удивленно смотрѣли на слезы струившіяся по ея щекамъ.

— Не плачьте, мама. Мы вамъ нарвемъ цвѣточковъ. Вѣдь мы нарвемъ, Степли?

И маленькая дѣвочка, поднявъ глазки, увидала меня и воскликнула:

— О, мама, вотъ молодой докторъ. Онъ васъ сейчасъ выльчитъ и приведетъ намъ папа.

На плитѣ, надъ которою наклонилась женщина, было написано:

„Въ память о Степальѣ Стендишъ,

умершемъ въ лагерѣ подъ Севастополемъ, 1-го января 1856 г. 27 лѣтъ.

„Здѣсь претерпѣваемъ мы кару Адама.“

Этотъ смиренный памятникъ я счелъ своимъ долгомъ воздвигнуть моему бѣдному Стендишу.

Нижнія слова были его послѣдними словами.

Я увелъ вдову и дѣтей.

— Вашъ мужъ былъ моимъ лучшимъ другомъ, когда я наугадъ пускался въ жизнь. Если вы и ваши дѣти будете нуждаться въ моихъ услугахъ, располагайте мною до конца моей жизни. Я постараюсь устроить все къ вашему отъѣзду. Эти ужасныя недѣли много повредили вашему здоровью. Вспомните что у васъ на рукахъ его дѣти.

Оставшись одинъ, я молилъ Бога о твердости духа, въ которой я такъ нуждался.

Я тщательно одѣлся въ свой старый мундиръ, попробовалъ принять безпечную улыбку предъ моимъ трехъ-угольнымъ осколкомъ зеркала, и опять отправился на набережную. Удивительная картина представилась мнѣ! Палубы на которыхъ толпились солдаты и моряки, телѣги запряженныя мулами и лошадьми на набережныхъ, длинные ряды верховыхъ и пѣшихъ нестрившіе холмы. Слухъ поражался гуломъ множества голосовъ, катившихся ядеръ, пустыхъ бочекъ и скрипучихъ тачекъ, трескомъ блоковъ, возгласами и пѣніемъ моряковъ. У входа въ гавань стоялъ *Анаксандронъ*, капитанъ Джонъ Виндо, эсквайръ. Бѣлоснѣжные занавѣсы закрывали переднюю палубу, и темная холстина защищала его команду отъ палящихъ лучей солнца, новый флагъ развѣвался въ высоту, всѣ канаты были натянуты прямо, „математически“, какъ выразился бы мой госпитальный сержантъ; однимъ словомъ

Анаксандронъ смотрѣлъ, тѣмъ, чѣмъ ему слѣдовало быть, наряднымъ кораблемъ наряднаго капитана. Когда я спускался по тропинкѣ пролежавшей между виноградниками, спугивая маленькихъ жирныхъ перепелокъ, выстрѣлъ потрясъ старую стѣну форта, и эхо раскатилось между утесами, пробуждая знакомые звуки, смолкшіе нѣсколько недѣль тому назадъ. Это былъ сигналъ небольшому французскому пароходу, стремившемуся въ стѣсненную гавань, дававшей ему знать чтобъ онъ не входилъ не получивъ разрѣшенія начальствующаго морскаго офицера. Начались оживленные переговоры между остановившимся въ морѣ французскимъ пароходомъ, повидимому, правительственнымъ почтовымъ катеромъ, и сигнальнымъ на башнѣ, переговоры, которые меня нисколько не интересовали, и я былъ бы до крайности удивленъ, еслибы мнѣ сказали тогда что эти цвѣтные лоскутья имѣютъ важное значеніе въ моей судьбѣ.

Я вошелъ въ ожидавшуюся меня лодку. Когда мы проплывали подъ кормой *Анаксандрона*, на ней стоялъ Джонъ Вандо, въ полной формѣ, въ эполетахъ, бѣломъ жилетѣ и широкой красной лентѣ, и махалъ мнѣ телескопомъ.

— Смотрите, не опоздайте, ужасный ирландскій докторъ! Мы всѣ ждемъ вашего маіора, и безъ него не будетъ никакого веселья. Это докторъ Бреди отправляется за своимъ пациентомъ, сэръ-Денисъ.

И сэръ-Денисъ наклонилъ голову и махалъ мнѣ рукой. Взмахъ чѣмъ-то бѣлымъ, точно носовымъ платкомъ, мелькнулъ въ окнѣ, и лодка, пробираясь между кораблями, помчалась къ противоположной пристани.

Джеральдъ Десмондъ, въ полной формѣ, ждалъ меня у госпиталя. Онъ сидѣлъ въ тѣни, на лавочкѣ и былъ такъ погруженъ въ свои думы, что замѣтилъ меня только тогда, когда моя тѣнь упала къ его ногамъ.

— Это вы, Теренсъ? Что это вы такъ спѣшите?

— Мы опоздаемъ, Десмондъ. Назначено въ одиннадцать часовъ, а теперь четверть одиннадцататаго, по часамъ *Анаксандрона*. Отправимтесь.

— Мнѣ очень не здоровится, вздохнулъ онъ. — Какъ бы они хорошо сдѣлали, еслибъ отложили. Но нѣтъ, чему быть, того не миновать. Дайте мнѣ вашу руку и пойдемте.

Нога его все еще болѣла, и онъ тяжело опирался на мою руку, когда мы шли къ набережной. Онъ опять вздохнулъ.

О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1869 году.

Годовое изданіе РУССКАГО ВѢСТНИКА, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, будетъ въ 1869 г. стоить въ Москвѣ и Петербургѣ, безъ доставки, четырнадцать рублей; съ доставкой на домъ въ Москвѣ пятнадцать рублей; съ почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи шестнадцать рублей.

Заграничные высылаютъ за доставку въ Австрію, Баварію, Баденъ, Виртембергъ, Ганноверъ, Нидерланды, Пруссію, Саксонію и другія государства Герм. Почт. Союза — 16 р.; въ Бельгію — 17 р.; во Францію и Данію — 18 р. 50 к.; въ Англию, Швецію, Испанію и Португалію — 20 р.; въ Швейцарію — 21 р., и въ Италію — 22 руб.

Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается:

ВЪ МОСКВѢ:

Въ конторѣ Университетской Типографіи на Страстномъ бульварѣ; въ книжной лавкѣ И. Г. Соловьева (бывшей Базунова), на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загражскаго, и у другихъ книгопродавцевъ Москвы.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжной лавкѣ Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Энгельгардтъ, и у другихъ книгопродавцевъ Петербурга.

Въ почтовыхъ мѣстахъ Имперіи подписка на Русскій Вѣстникъ не принимается.

Иногородные адресуются: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

Подпискѣ на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1869 году.

Цена за МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ на 1869 годъ, съ казенными объявленіями и воскресными прибавленіями; въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, двѣнадцать рублей сер.; съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой въ другіе города пятнадцать рублей сер.

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ. Въ Петербургѣ, кромѣ того, можно подписываться въ книжномъ магазинѣ А. Θ. Базунова, на Невскомъ проспектѣ.

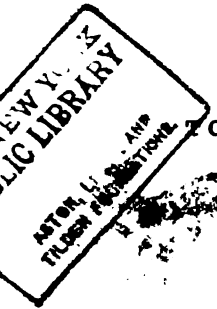
МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К^о).
на Страстномъ бульварѣ.

С. С. Смирнов
РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ВТОРОЙ.

1869

3690 16

АВГУСТЪ.

СОДЕРЖАНИЕ:

- I. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ПЕТРА III. (Окончаніе.) П. К. Щербальскаго.
- II. ТЕАТРАЛЬНЫЕ АРТИСТЫ. Романъ Гизлаандони. Сокращенный переводъ съ италянскаго. (Окончаніе.) И. Д. Г.
- III. СЪѢЗДЫ ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЕЙ ВЪ ШВЕЙЦАРИИ, ГЕРМАНИИ И АНГЛИИ. Н. А. Любимова.
- IV. ПОДДѢЛКА КРЕДИТНЫХЪ БИЛЕТОВЪ ВЪ РОССИИ. В. И. Росковщенко.
- ✓ V. САМОЗВАНЕЦЪ СТЕПАНЪ МАЛЫЙ. Гл. III. В. Макушева.
- ✓ VI. БАЛОВЕНЬ СЧАСТІЯ. Повѣсть. М. Хозарскаго.
- VII. ПРОЦЕССЪ ЛЕЗЮРКА И ВОПРОСЪ О ВОЗОБНОВЛЕНИИ УГОЛОВНЫХЪ ДѢЛЪ. Гл. IV—V. М. С. Голденвейзера.
- ✓ VIII. ПРЕБЫВАНІЕ СІЕРАНСКАГО ВЪ ПЕРМИ. А. Дмитриева.
- IX. НОВЫЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ ИЗДАНИЯ. II. *Басни Крылова*, иллюстрированныя академикомъ Трутовскимъ. О. И. Вуслаева.
- X. ЗАМѢТКА. П. Щ.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

- ✓ ПРИКЛЮЧЕНІЯ ДОКТОРА БРЕДИ. Романъ въ трехъ частяхъ. Соч. Вильяма-Говарда Росселя. Переводъ съ англійскаго. Окончаніе.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ПЕТРА III*

VI.

„1) Die Restitution Schleswig, Femern et (sic) Heiligland. 2) Zur Wiedervergütung die dänische Hälfte von Holstein mit allen Vestungen, die dazu gehören. *Peter.*“ Такова была лаконическая инструкция данная Петромъ III Сальдерну при отправленіи его на берлинскій конгрессъ. ** Сальдернъ числился въ это время не болѣе какъ конференцъ-соувѣтникомъ, но мы уже видѣли что онъ въ дѣйствительности былъ главнымъ дѣльцомъ въ сложномъ дѣлѣ о курляндскомъ престолѣ, и не подлежитъ сомнѣнію что ему предстояло играть на предположенномъ конгрессѣ первенствующую роль, потому что, находясь у самаго источника тогдашней политической системы, онъ долженъ былъ лучше знать ея тайны чѣмъ его товарищъ, Корфъ. Онъ прибылъ въ Берлинъ 26-го іюня. Короля тамъ еще не было; о датскихъ уполномоченныхъ не было и слуха; графъ Финкенштейнъ, долженствовавшій представлять въ совѣщаніяхъ, хотя и находился въ Берлинѣ, не имѣлъ еще никакихъ инструкцій отъ своего государя, а между тѣмъ оставалось всего четыре дня до открытія конгресса. Явно было, что дѣлу не разрѣшиться путемъ переговоровъ, и что война неминуема.

Но война между Россіей и Даніей должна была происходить близъ границъ Пруссіи, и притомъ Фридриху, при тѣхъ отношеніяхъ которыя устанавливались между нимъ и

* Окончаніе. См. *Русск. Вѣстн.* 1868 г. №№ 6, 8 и 10 и 1869 г. № 6.

** *Дѣла Прусск.* № 11. „1) Возвращеніе Шлезвига, Фемерна и Гельголаанда. 2) Въ вознагражденіе за убытки отдача датской половины Гольштейна со всеми крѣпостями къ оной принадлежащими.“

Петромъ III, едва ли можно было бы уклониться отъ непосредственнаго въ ней участія. Дѣйствительно, 25-го марта государь коснулся въ разговорѣ съ Гольцемъ своего желанія чтобы Пруссія приняла участіе въ голштинско-датскихъ дѣлахъ. „Я старался увѣрить его въ добрыхъ намѣреніяхъ вашего величества, доносилъ Гольцъ, * но и далъ почувствовать вмѣстѣ съ тѣмъ, что имѣя на рукахъ тяжелую войну, вашему величеству невозможно будетъ отдѣлать часть своихъ войскъ для содѣйствія его предположеніямъ, и что я нахожу болѣе достойнымъ его величества отказаться отъ нѣсколькихъ клочковъ земли, которые могло бы доставить ему оружіе, съ тѣмъ чтобы сдѣлаться миротворцемъ Сѣвера. Его императорское величество отвѣчалъ на это что онъ не требуетъ войскъ теперь же, отъ всей души желаетъ чтобы ваше величество съ успѣхомъ употребляли ихъ противъ своихъ враговъ, но что онъ хотѣлъ бы ихъ содѣйствія въ случаѣ надобности, и что съ своей стороны онъ отдалъ бы въ ваше распоряженіе двѣнадцати-тысячный корпусъ. Я думаю, замѣчалъ прусскій посланникъ, что можно было бы получить этотъ корпусъ немедленно, еслибы вашему величеству угодно было войти въ виды императора касательно Гольштейна.“ Предвидя это, Фридрихъ еще 21-го марта (н. ст.)** предупреждалъ барона Гольца что на него возложено будетъ ходатайствовать, взаменъ услугъ (complaisances) по голштинскимъ дѣламъ, о вооруженной помощи Россіи, съ тѣмъ чтобы принудить непріятелей Пруссіи къ возвращенію ей всѣхъ занятыхъ ими областей. Снабженный такимъ наставленіемъ, баронъ Гольцъ ожидалъ приглашенія начать переговоры о союзномъ трактатѣ. „Министерство сильно занято датскими дѣлами и пріисканіями способовъ вести войну, доносилъ баронъ Гольцъ отъ 25-го мая (6-го іюня); поэтому переговоры о союзѣ замедлились, и устранить это я былъ не въ состояніи. Однако мнѣ удалось имѣть конференцію съ принцемъ Георгомъ, назначеннымъ самимъ императоромъ, и съ канцлеромъ.“ Впрочемъ, переговоры не могли быть долги; въ этой первой конференціи съ русской стороны прочтенъ былъ полный проектъ трактата съ сепаратными пунктами. Баронъ Гольцъ

* Деп. отъ 26-го марта (6-го апрѣля), въ Берлинскомъ государств. архивѣ, Russland, 1762.

** Берлинскій архивъ.

получилъ копию съ этого проекта; онъ нашелъ что главный трактатъ былъ совершенно сходенъ съ трактатомъ 1743 года, кромѣ числа вспомогательныхъ съ обѣихъ сторонъ войскъ, но за то онъ остался недоволенъ сепаратными пунктами, гдѣ между прочимъ говорилось что Берлинскій дворъ утвердить того кандидата на польскій престолъ, въ случаѣ его упраздненія, котораго укажетъ императорское правительство. Гольцъ потребовалъ чтобъ это было измѣнено и представилъ свой контръ-проектъ. Впрочемъ, не въ сепаратныхъ пунктахъ заключалась важность съ точки зрѣнія Берлинскаго двора: ему надо было, какъ писалъ Фридрихъ своему посланнику отъ 21-го марта: 1) взамѣнъ снисхожденія (*complaisance*) по голштинскимъ дѣламъ, добиться вооруженной медиации Россіи съ тѣмъ чтобы принудить его 'противниковъ' возвратитъ ему всѣ завоеванныя у него области, и 2) уклониться отъ обязательства немедленной помощи Россіи войскомъ, такъ какъ тяжелая и опасная война могла еще продлиться неопредѣленное время. Въ какой мѣрѣ удалось барону Гольцу осуществить виды своего государя видно изъ самого трактата, напечатаннаго въ *Полномъ Собраніи Законовъ* (кромѣ секретныхъ пунктовъ). *

Въ первыхъ четырехъ пунктахъ этого трактата возмѣщалось о послѣдовавшемъ между обоими дворами утверженіи дружбы и согласія касательно взаимной помощи. Эта помощь была опредѣлена въ 15 тысячъ человѣкъ пѣхоты и 5 тысячъ конницы, съ соответствующимъ количествомъ артиллеріи, со всякаго рода военными припасами и пр., каковая помощь выговаривалась на все время „пока обиженная сторона, за такое причиненное ей насильство и неправду, совершенно награждена“ будетъ (п. 5). Положено было пополнять означенныя войска рекрутами и довольствоваться жалованьемъ отъ *просящей стороны* (п. 6), состоять же имъ въ подчиненіи главнокомандующаго *просящей стороны*, но подъ непосредственнымъ начальствомъ собственнаго генерала, которому предоставлялось право участвовать въ военныхъ совѣтахъ и подавать голосъ при обсужденіи военныхъ операцій (п. 7); постановлялось чтобъ эти войска были не болѣе изнуряемы чѣмъ войска *просящей стороны* и по возможности вмѣстѣ съ послѣдними

* См. № 11566.

содержались и употреблялись (п. 8). Пункты 9 и 10 касались права войскъ просимой стороны имѣть своихъ священниковъ и участвовать въ добычѣ; далѣе постановялось, что обстоятельства могутъ потребовать и болѣе того контингента который значится въ п. 5, и что договаривающимся не препятствуется просить и оказать болѣе сильную чѣмъ вышеозначенная помощь (п. 11). Въ пунктѣ 12 объяснялось, что для обороны своихъ береговъ или для иной военной цѣли, королю прусскому предоставляется требовать у своего союзника, вмѣсто сухопутнаго войска, нѣсколько кораблей. Точно также дозволялось замѣнить пособіе войскама соответствующимъ денежнымъ вносомъ, а именно: по 600.000 р. въ годъ (п. 13), причеиъ договаривающіяся стороны обязывались, что одна сторона безъ согласія другой мира съ непріателеиъ не заключить и даже въ переговоры не вступить (п. 14). Но съ другой стороны постановялось, что если прошенная сторона, уже послѣ подачи помощи, сама будетъ атакована, то послѣ двухъ мѣсяцевъ со дня заявленія о томъ своему союзнику, можетъ отозвать принадлежащія ей войска для собственной своей защиты (п. 15). Далѣе было заявлено о правѣ другихъ державъ присоединяться къ настоящему договору (п. 17), о безпрепятственной торговлѣ между подданными обѣихъ сторонъ (п. 18) и о томъ что настоящій трактатъ заключенъ на 20 лѣтъ.

Случая этотъ трактатъ съ предшествующими, мы замѣчаемъ, что они, такъ-сказать, отлиты въ одну форму, но вглядываясь внимательно, мы усмотримъ и довольно важныя нововведенія. Такъ, наприиѣръ, прусская гарантія распространена была въ настоящеиъ случаѣ и на тѣ владѣнія русскаго императора, коими онъ „въ Россійской имперіи владѣеть“, и договаривающіяся стороны обязались взаимною помощью несравненно большею нежели прежде: по прежнимъ трактатамъ она опредѣлялась въ 3.000 пѣхоты и 2.000 конницы; подобнымъ же образомъ возвышена была и цифра субсидій, которая прежде ограничивалась 200.000 рублей. Въ настоящій трактатъ включена была сверхъ того оговорка, которой не находимъ въ прежнихъ, именно о томъ случаѣ когда бы прошенная сторона сама подверглась нападению. Эта оговорка очень существенна. Очевидно, она не могла служить въ пользу Россіи, ибо на нее никто не думалъ нападать, и предполагавшееся движеніе ея арміи къ датскимъ

границамъ не могло быть подведено подъ эту статью; но кампанія со стороны противниковъ Пруссіи могла начаться наступленіемъ на это государство, и тогда не могло ли прусское правительство потребовать русскаго вспомогательнаго корпуса? Такимъ образомъ, если не ошибаюсь, проведена была и осуществилась мысль Фридриха, выраженная въ письмѣ къ барону Гольцу отъ 21-го марта.

Что касается Петра, то его виды раскрываются во всемъ ихъ объемѣ въ приложенныхъ къ трактату секретныхъ и сепаратныхъ артикулахъ, къ которымъ мы и переходимъ. Въ настоящемъ случаѣ были составлены два сепаратные артикула. Первый изъ нихъ не имѣетъ большого значенія; имъ постановляется что, въ случаѣ войны Россіи съ Персіей или Пруссіи съ Англіей (а такія войны не предвидѣлись), условія о взаимномъ пособіи не имѣютъ мѣста; въ случаѣ же войны между Россіей и Турціей или между Пруссіей и Франціей, пособіе оказывается не войсками, а деньгами. Что касается до втораго сепаратнаго пункта, то въ немъ заключается взаимное обязательство Пруссіи и Россіи покровительствовать польскимъ диссидентамъ, какъ православнаго, такъ и протестантскаго исповѣданія. Это покровительство, какъ мы видѣли, издана включено было въ трактаты между Россіей и Пруссіей; второй сепаратный артикулъ договора 1762 года почти буквально переписанъ съ перваго сепаратнаго артикула трактата 1743 года, а этотъ послѣдній повторялъ лишь то что было внесено въ договоры 1730 года и что предоставлено Россіи по Московскому трактату 1686 года, а Пруссіи — по трактату Оливскому. Не приводимъ текста сепаратныхъ артикуловъ, такъ какъ онъ напечатанъ въ *Полномъ Собраніи Законовъ*. Но въ этомъ сборникѣ не напечатаны секретные пункты, которые читатель встрѣтитъ здѣсь еще впервые на русскомъ языкѣ, въ копіи съ акта, за подписью графа Воронцова и барона Гольца, хранящагося въ архивѣ ми нистерства иностранныхъ дѣлъ. *

* Подлинникъ этого трактата (по реестру трактатовъ съ прусскимъ дворомъ, № 62) написанъ по-нѣмецки; текстъ здѣсь приводимый списанъ съ перевода, хранящагося вмѣстѣ съ подлинникомъ и тѣмъ актовъ ретификаціи (написаннымъ на пергаментѣ), который былъ приготовленъ для подписи Петра III; эта подпись не была приложена за коимъ лично государя, какъ отмѣчено на русскомъ переводѣ.

Артикулъ секретный I.

Въ постановленномъ и подписанномъ сегодня оборонительномъ трактатѣ хотя именно не выговорено и не постановлено ничего о законныхъ и справедливыхъ притязаніяхъ его императорскому величеству Всероссійскому, яко герцогу Голштинскому, на Шлезвигъ, по наслѣдственному праву принадлежащихъ; но понеже его королевское величество Прусское, для изъявленія искренней и непоколебимой дружбы своей, также въ разсужденіи сихъ толь законныхъ и неоспоримыхъ притязаній склоненъ и готовъ дѣйствительно и всеми способами вспомогать, чтобъ его императорское величество Всероссійское помянутое герцогство Шлезвигское отъ его величества короля Датскаго обратно получить и во всѣхъ справедливыхъ и законныхъ притязаніяхъ своихъ удовольствованъ быть могъ, то его королевское величество Прусское симъ секретнымъ артикуломъ общааетъ и торжественнѣйше обязуется употребить сперва при датскомъ дворѣ всѣ удобовозможныя представленія и сильнѣйшія увѣщеванія, прилагая въ этомъ ревностнѣйшее стараніе свое, дабы Данія, не допуская до крайности, способомъ производимой съ его императорскимъ величествомъ Всероссійскимъ полюбовной негодіаціи, удовольствовала его императорское величество во всѣхъ его справедливыхъ и законныхъ притязаніяхъ; напротивъ чего его императорское величество общааетъ въ помянутой негодіаціи всякую съ своей стороны возможную податливость показывать. Но если, несмотря ни на какое съ стороны его императорскаго величества Всероссійскаго снисхожденіе и не взирая на чинимыя отъ его королевскаго величества Прусскаго сильныя представленія и увѣщеванія, датскій дворъ въ упорности своей, какъ и донинѣ чрезъ многіе годы то чинилъ, останется, и потому его императорское величество Всероссійское по неволѣ принужденъ будетъ негодіацію разорвать, а прародительскія наслѣдственныя свои владѣнія доставать силою оружія, въ такомъ случаѣ обязуется его королевское величество Прусское не токмо сему не препятствовать, но еще отдать въ диспозицію его императорскаго величества Всероссійскаго корпусъ своихъ войскъ, состоящій въ 15 тысячахъ человѣкахъ пѣхоты и въ 5 тысячахъ человѣкахъ конницы, которое войско во всемъ, на основаніи подписаннаго сего же числа союзнаго оборонительнаго трактата, содержится и до тѣхъ поръ въ диспозицію его императорскаго величества оставлено быть имѣетъ, пока его императорское величество датскимъ дворомъ совершенно удовольствовано будетъ. Также обязуется его королевское величество Прусское, за себя и наслѣдниковъ своихъ, не токмо княжескую долю Голштиніи, которою его императорское величество владѣетъ, но и помянутое герцогство Шлезвигское, по полученіи оного его императорскимъ величествомъ Всероссійскимъ со всеми другими владѣніями, какъ оныя достанутся его император-

скому величеству постановляемъ рѣшительнымъ трактатомъ съ его королевскимъ величествомъ Датскимъ, — гарантировать на вѣчныя времена его императорскому величеству Всероссійскому, всѣмъ его величества наслѣдникамъ и Голштинскому его императорскаго величества дому. Во взаимность чего его императорское величество Всероссійское симъ секретнымъ артикуломъ на торжественнѣйше обязуется его Прусскому величеству и всѣмъ его наслѣдникамъ на вѣчныя времена гарантировать спокойное, законное и какъ на Бреславскомъ, такъ и на многихъ другихъ торжественныхъ трактатахъ основывающееся владѣніе герцогства Шлезскаго (Силезскаго) и графства Гладкаго; которой гарантіи, не смотря на нынѣшнія воинскія замѣшательства, имѣть совершенную свою силу и дѣйствіе со дня размѣны ратификаціей союзнаго оборонительнаго трактата и сего секретнаго артикула, во всѣ времена, также и при будущемъ генеральномъ замиреніи. Во увѣреніе того съ сего секретнаго артикула, — который равной силы и дѣйствія быть имѣеть, якобы оный въ заключенный сего числа главный союзный оборонительный трактатъ отъ слова до слова внесенъ былъ, — два равногласящія экземпляра сочинены, подписаны и припечатаны. Чтѣ учинено въ С.-Петербургѣ. Юня 8-го дня 1862 года. (*Михайло графъ Воронцовъ. Бернгардъ-Вилггельмъ баронъ Гольцъ.*)

Артикулъ секретный II.

Понеже какъ его императорскому величеству Всероссійскому, такъ и его королевскому величеству Прусскому, соблюденіе сосѣднихъ княжествъ Курляндскаго и Семигальскаго нужно, и чтобъ оныя всегда и во всякія времена при ихъ древней формѣ, уставѣ, вольностяхъ и привилегіяхъ по дѣламъ свѣтскимъ и религіи, подъ ихъ собственнымъ герцогомъ, въ силу договоровъ поверженія коронѣ Польской и республикѣ Польской и съ предоставленіемъ королевскаго и республики польской права ненарушимо оставлены и содержаны были; такожъ чтобы въ противность сему никакой перемѣны въ состояніи сихъ княжествъ и чтѣ сосѣднимъ державамъ въ предосужденіе быть моглобъ никогда предвоспріято не было, того ради обои ихъ величества между собою чрезъ сіе обязались о такомъ соблюденіи помянутыхъ княжествъ обще стараться и оныя при ихъ издревле установленныхъ правахъ и вольностяхъ во всѣхъ случаяхъ защищать и содержать. А какъ его королевское высочество саксонскій принцъ Карлъ отрекся ратификовать заключенные съ чинами княжествъ Курляндскаго и Семигальскаго договоры, почему сихъ княжествъ старая форма, уставы, вольности и привилегіи по дѣламъ свѣтскимъ и религіи надежности не имѣють, и по которому помянутаго

его королевскаго высочества отрицанію, его свѣтлость Курляндскій герцогъ Эрнстъ-Іоганъ прежнія свои права на означенныя княжества получилъ; но въ разсужденіи оказанныхъ его свѣтлости и всей его фамиліи великихъ отъ его императорскаго величества Всероссійскаго милостей и отъ признанія за оныхъ, его свѣтлость за себя и за своихъ потомковъ совершенно отрекъ отъ всѣхъ на Курляндское и Семигальское герцогства правостей своихъ и совсѣмъ отъ оныхъ отказался въ пользу его высочества Голштейнъ-Готторпскаго герцога Георгія-Людвига и его наслѣдниковъ, по избраніи его высочества Курляндскими чинами въ ихъ герцоги: то его императорское величество Всероссійское, равно какъ и его королевское величество Прусское, по желанію своему его императорскому величеству Всероссійскому во всемъ по возможности спусхожденіе показывать, согласились и обязались не токмо дѣйствительному избранію въ герцоги Курляндскіе и Семигальскіе помянутаго его высочества не препятствовать, но еще всякимъ образомъ въ томъ способствовать, а особливо скорому и дѣйствительному доставленію отъ республики Польской инвеституры на оное избраніе его высочества, и обще всѣми силами поспѣшествовать, сверхъ же того его императорское величество объявляетъ что непременно учинять распоряженіе, чтобы помянутый герцогъ Эрнстъ-Іоганъ обратно получить могъ во владѣніе свое купленное имъ напередъ сего герцогство Вартенбергъ. Во утврѣненіе, и пр.

Артикулъ секретный III.

Понеже интересъ его императорскаго величества Всероссійскаго и его королевскаго величества Прусскаго требуетъ пецнися и стараться о томъ чтобы республика Польская, при ея правѣ вольнаго избранія соблюдена и никому дозволено или допущено не было помянутое королевство наслѣднымъ или себя самодержавнымъ надъ онымъ учинить, того ради его императорское величество Всероссійское и его королевское величество Прусское, по случаю постановленнаго сегодня союзнаго трактата, симъ артикуломъ секретнымъ взаимно обѣщались и наикрѣпчайше обязались, во всѣхъ случаяхъ ежели отъ кого, кто бъ оны ни былъ, предпріято будетъ лишить республику Польскую права ея вольнаго избранія, или оное королевство наслѣдственнымъ или же себя самодержавнымъ надъ онымъ учинить, того не допускать, но такіа неправильныя и сосѣдямъ опасныя намѣренія всѣми образы и способами, совокупными совѣты и силами, а въ потребномъ случаѣ и оружіемъ отвращать, опровергать, и уничтожать. Впрочемъ его императорское Всероссійское и его королевское величество Прусское симъ секретнымъ артикуломъ согласились, въ случаѣ кончины его величества владѣющаго

ныяъ короля Польскаго, обще и сходственно съ вольнымъ избраніемъ республики способствовать чтобъ избранъ былъ въ короли Польскіе особливо кто-либо изъ Пястовъ, который интересу самой націи, также и всѣхъ сосѣдственныхъ державъ, приличественнѣе и никому не предосудителенъ будетъ, и о которомъ при настояніи того случая обои величества между собою въ дружеской откровенности согласиться изволеть. Во увѣреніе того, и пр.

Итакъ секретныя статьи трактата 8-го іюня заявляли о полномъ соглашеніи Россіи и Пруссіи по тремъ весьма крупнымъ вопросамъ, составлявшимъ основу тогдашней политики нашей: по предмету Датско-Голштинскаго спора, по дѣламъ Курляндскимъ, и по предмету политики въ Польшѣ. Петръ III и Фридрихъ II обязывались употребить всѣ усилія чтобы возвратить захваченные Даніей Шлезвигъ и часть Голштиніи и чтобъ утвердить на Курляндскомъ престолѣ одну изъ вѣтвей Голштинской династіи; относительно Польши подтверждались старинныя преданія русско-прусской политики. Мы видѣли что еще въ 1720 году между Петромъ и Фридрихомъ-Вильгельмомъ состоялся договоръ, коимъ оба правительства заявляли о своихъ историческихъ, на договорахъ основанныхъ правахъ защищать польскихъ своихъ единовѣрцевъ, и выражали рѣшимость пользоваться этими правами; они заявляли о сознанной ими необходимости поддерживать въ Польшѣ избирательную форму правленія, равно какъ и другія права рыцарства и сеймовъ; а такъ какъ договаривающіяся стороны очень хорошо видѣли что на правительство польское опереться имъ не возможно, то они договорились организовать тамъ партіи для содѣйствія ихъ политикѣ. Это совершенно тѣ же основанія которыя находимъ и въ трактатѣ 1762 года. Они же приводились лишь съ самыми малыми измѣненіями во всѣхъ дружественныхъ трактатахъ съ Пруссіей: въ трактатѣ 10-го (21-го) августа 1726 года и въ заключенномъ при его ратификаціи *секретнѣйшемъ актѣ*, въ трактатахъ 9-го (20-го) сентября 1729 года, 30-го сентября 1730 года, 16-го декабря 1740 и 16-го (27-го) марта 1743 года. Итакъ въ отношеніи Польши характеръ нашихъ дипломатическихъ актовъ не измѣнялся. Но политика наша по отношенію къ этой странѣ, безъ сомнѣнія, гораздо болѣе завиства отъ личнаго состава правительства, отъ образа мыслей и характера государей нежели отъ дипломатическихъ актовъ. Дипломатія сдѣлала въ этомъ отношеніи все.

что отъ нея возможно требовать; но могли ли имѣть дѣйствительную силу какіе бы то ни было акты въ царствованіе императрицы Анны, напримѣръ, когда Биронъ заискивалъ покровительства Польскаго короля чтобъ сдѣлаться Курляндскимъ герцогомъ, или при Елисаветѣ, когда стоило разжалобить императрицу описаніемъ насилій причиняемыхъ Польскому королю Прусскимъ, чтобы парализовать всѣ историческія и дипломатическія права наши на вліяніе въ Польшѣ? Содержаніе прусско-русскаго договора 1720 г. прописывалось во всѣхъ совершавшихся затѣмъ международныхъ актахъ съ такою же, надо думать, бессознательностію, съ какою, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, англійскіе короли писались королями Франціи. Право наше на покровительство православнымъ диссидентамъ было формально признано еще въ концѣ XVII столѣтія, а между тѣмъ ни одинъ изъ русскіхъ государей до Екатерины, ни даже самъ Петръ I, не пользовался всею широтою этого права. Предполагалъ ли воспользоваться имъ Петръ III? Это не подтверждается никакимъ съ его стороны заявленіемъ, никакимъ намекомъ, а равнодушіе которое онъ всегда оказывалъ къ интересамъ православія заставляетъ думать что и въ настоящемъ случаѣ статья о диссидентахъ была съ нашей стороны внесена въ трактатъ машинально, вслѣдствіе установившагося обычая. Но никакъ нельзя предполагать того же со стороны Прусскаго короля, который, какъ мы уже видѣли, извлекалъ существенныя выгоды изъ права предоставленнаго ему Оливскимъ трактатомъ, который умѣлъ стать надеждою Поляковъ-протестантовъ, населявшихъ сѣверо-западные воеводства Польши, сосѣднія съ Пруссіей, и колебалъ довѣріе къ Россіи даже въ православномъ населеніи Литвы и Бѣлоруссіи. Пять лѣтъ спустя этимъ вопросомъ овладѣла Екатерина, но весьма вѣроподобно, что тѣсное сближеніе Россіи съ Пруссіей при Петрѣ III послужило бы лишь къ усиленію въ Польшѣ вліянія Фридриха. Что касается до политики нашей въ отношеніи Курляндіи, то несостоятельность ея съ русскою точки зрѣнія осязательна. Весьма вѣроятно что принцъ Георгъ былъ бы искреннимъ союзникомъ и даже вассаломъ своего племянника; но родственныя связи, разумѣется, ослабли бы въ слѣдующемъ поколѣніи, и преемники Георга, которые, безъ сомнѣнія, приобрѣли бы связи и поддержку при германскихъ дворахъ, и особенно при Берлинскомъ, дѣйствуя заодно съ мѣстнымъ

рыцарствомъ, въ короткое время превратили бы туземцевъ крестьянъ и горожанъ въ Нѣмцевъ, такъ что въ наше время едва ли возможно было бы отвратить присоединеніе Курляндіи къ Пруссіи. Политика Петра III въ отношеніи Курляндіи была, слѣдовательно, еще менѣе русская и еще больше германская чѣмъ его политика въ Польшѣ. Могли ли по крайней мѣрѣ виды его на Голштинію вознаграждать Россію за ущербы которые ей готовились въ другихъ мѣстахъ? О вѣроятностяхъ успѣха противъ Даніи странно и говорить: мы добровольно уступали тамъ гдѣ никто не требовалъ отъ насъ уступокъ, въ надеждѣ приобрѣсть, цѣною военныхъ усилій, въ другомъ мѣстѣ; мы рисковали своимъ балтійскимъ побережьемъ чтобы завоевать другое побережье за нѣсколько сотъ верстъ отъ своей границы; мы жертвовали устьями Западной Двины для того чтобъ утвердиться на устьяхъ Эльбы и отталкивали нѣсколько миліоновъ своихъ единоплеменниковъ и одноземцевъ чтобы ничто не мѣшало намъ завоевать нѣсколько сотъ тысячъ полу-Германцевъ и полу-Датчанъ. Замѣтимъ, наконецъ, что условіе о гарантіи Силезіи и Глаца, долженствовавшее вступить въ силу тотчасъ по ратификаціи трактата 8-го іюня, угрожало втянуть насъ въ войну съ Австріей, Франціей и частію Германіи. Конечно, всѣ эти аномаліи легко объясняются династическими преданіями, взаимными симпатіями и антипатіями царствовавшихъ лицъ, но каковы бы ни были побужденія Петра III, нѣтъ сомнѣнія что вся будущность Россіи подверглась бы вопросу, еслибы политическая его система имѣла время утвердиться.

Трудно сказать съ достовѣрностію въ какой мѣрѣ развитіе этой политической системы повліяло на печальный исходъ царствованія Петра III, но надо отдать справедливость его союзнику, королю Прусскому, что онъ дѣлалъ все что отъ него зависѣло съ цѣлію отклонить его отъ войны. Посланникъ его въ Петербургъ внушалъ императору что Датчане весьма далеки отъ намѣренія вызывать столкновенія, и что вооруженія ихъ производятся вслѣдствіе опасенія нападенія со стороны Россіи; онъ старался представить военныя силы Даніи вовсе не столь ничтожными какъ о нихъ говорили въ Петербургѣ. „Я представлялъ его величеству свѣдѣнія о сухопутныхъ и морскихъ силахъ Даніи,“ доносилъ баронъ Гольцъ королю, „но сдѣлалъ это въ общихъ выраженіяхъ, потому

что свѣдѣнія которыя имѣю о дурномъ устройствѣ арміи могли бы усилить желаніе встрѣтиться съ нею. Въ копіи съ этихъ свѣдѣній, которую просили у меня съ обѣщаніемъ хранить ихъ въ величайшей тайнѣ, я намѣренъ выпустить все что къ этому относится, но за то выставлю всю значительность датскаго флота, и надѣюсь что это произведетъ впечатлѣніе, потому что здѣсь сознаютъ недостатки и неустройство своихъ морскихъ силъ.“

Это были тщетныя надежды. Ни неудовлетворительное состояніе нашей заграничной арміи, о которомъ упоминаетъ Гольцъ въ одной изъ своихъ депешъ и которое было извѣстно въ Петербургѣ, ни безденежье не могли отклонить Петра отъ мысли которую онъ такъ долго лелѣялъ. Баронъ Гольцъ умолялъ короля отклонить своего союзника отъ этого рѣшенія, которое ему казалось опаснымъ, особенно въ виду усиливавшагося противъ него неудовольствія. Но какія употребить мѣры? Фридрихъ рѣшился писать къ принцу Георгу; онъ постарался выставить предъ нимъ затрудненія которыя ожидали русскую армію относительно продовольствія.* Гольцъ, благодаря короля за это письмо, замѣчалъ однакожъ что едва ли оно поколеблетъ рѣшимость императора. „Я увѣренъ что онъ обольщаетъ самъ себя, воображая что все гораздо лучше устроено нежели есть на самомъ дѣлѣ, а отчасти и не зная истиннаго положенія дѣлъ, потому что это отъ него скрываютъ,“ писалъ прусскій посланникъ.

Гольцъ былъ правъ. Рѣшимость государя не поколебалась. Но чѣмъ шире развивались его политическіе планы, тѣмъ настроеніе умовъ, по словамъ прусскихъ депешъ, становилось въ Петербургѣ тревожнѣе. Вслѣдствіе выраженнаго государемъ желанія, знаки ордена *За заслугу* привезъ ему флигель-адъютантъ короля графъ Шверинъ. Обласканный при дворѣ, онъ остался нѣсколько времени въ Петербургѣ, и оглядѣвшись въ немъ, написалъ королю донесеніе,** въ коемъ мы находимъ слѣдующія любопытныя указанія:

„Со времени моего послѣдняго донесенія, отъ 10-го сего мѣсяца (н. стила), я успѣлъ болѣе основательно изучить многихъ господъ здѣшняго двора, о коихъ упоминалъ вашему величеству лишь мелькомъ, не предполагая чтобъ они имѣли силу и значеніе. Но я очень ошибался.

* Это видно изъ депеши барона Гольца отъ 25-го мая (6-го іюля).

** Отъ 8-го (19-го) апрѣля.

„Первый изъ нихъ есть именно тотъ который находится во главѣ всего что представляетъ здѣсь опасность: это Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, бывший фаворитъ покойной императрицы. Человѣкъ этотъ, искони исполненный интригъ и происковъ, хотя и ненавидимый въ сущности императоромъ, сумѣлъ такъ искусно повести свою игру чрезъ задуманнаго своего друга Мельгунова, большаго любимца государева, что онъ получилъ управленіе кадетскимъ корпусомъ и главное завѣдываніе императорскимъ дворомъ, а это сдѣлало непремѣннымъ пребываніе въ столицѣ человѣка наиболее вреднаго и опаснаго. Этотъ господинъ слушкомъ плохо умѣетъ маскироваться чтобы скрыть недостойныя и презрѣныя питаемыя имъ намѣренія. Бѣшенство и досада написаны на лицѣ его, и я держу какой угодно закладъ что этотъ презрѣнный человѣкъ имѣетъ ужасные замыслы. Не смотря на это, императоръ терпитъ его, и я постоянно встрѣчаю его близъ его особы. Второй изъ числа этихъ вредныхъ людей, и который былъ бы еще опаснѣе перваго еслибъ онъ имѣлъ столько же ума, есть генералъ Мельгуновъ, на котораго я уже прежде сего указывалъ. Онъ явный фаворитъ государя. Его величество вполне довѣряетъ этому человѣку. Онъ воображаетъ его вѣрнѣйшимъ изъ своихъ подданныхъ, и однакожь это именно тотъ который, вмѣстѣ съ Иваномъ Ивановичемъ и нѣкимъ господиномъ Волковымъ, суть величайшіе его враги, ожидающіе только удобной минуты чтобы низвергнуть его съ престола.

„Я не преминулъ о всемъ этомъ весьма подробно представить императору; я даже называлъ ему людей которые, безъ сомнѣнія, очень опасны ему; но его величество отвѣчалъ мнѣ что хотя эти люди и точно не очень расположены къ нему, но что онъ задалъ имъ столько работы (ломкою по всѣмъ частямъ управленія) что имъ некогда составлять партіи, и что затѣмъ онъ совершенно спокоенъ съ этой стороны. Поистинѣ прискорбно что этотъ государь такъ обворожень людьми которые, конечно, ничѣмъ инымъ не заняты какъ его погубленіемъ, и только ожидаютъ случая чтобы привести въ исполненіе свои замыслы. Удаленіе этихъ презрѣнныхъ доставило бы ему вполне спокойное царствованіе; но напрогвѣвъ того, онъ самъ предлагаетъ имъ случаи, которыми они, безъ всякаго сомнѣнія, и поспѣшатъ воспользоваться: этотъ случай—поѣздка, которую государь уже рѣшилъ, для командованія арміею противъ Датчанъ. На этой мысли онъ такъ утвердился что нѣтъ никакой возможности отклонить его отъ нея. Разумѣется, Мельгуновъ и Шуваловъ, которые болѣе всего желаютъ его удаленія, поддерживаютъ принятое имъ рѣшеніе.... Мы съ полковникомъ Гольцемъ взяли на себя представить его величеству что его присутствіе было бы несравненно нужнѣе здѣсь, что оно совершенно необходимо для благоденствія государства, но онъ отвѣчалъ намъ

что такой совѣтъ очень удивляетъ его, и что наши слова доказываютъ что мы вовсе его не любимъ.

„Единственно ваше величество можете еще отклонить императора отъ этой опасной поѣздки. Письмо вашего величества, въ которомъ бы вы совѣтовали ему остаться, тотчасъ же перемѣнило бы здѣшнія рѣшенія. Онъ непременно послѣдуетъ вашему, государь, совѣту, ибо онъ питаетъ къ вашему величеству полнѣйшее довѣрiе. Безъ письма вашего, государь, онъ тотчасъ по полученiи курьера изъ Копенгагена уѣдетъ, и я предвижу что, прежде чѣмъ онъ переступитъ границу, неизбѣжно послѣдуетъ переворотъ (révolution).“

Намъ нѣтъ надобности останавливаться на отѣнкѣ подробностей этого любопытнаго письма; портретъ Шувалова все не похожъ, главою противниковъ Петра онъ никогда не былъ. Не вполне, должно полагать, вѣрно и то что графъ Шверинъ говорилъ о Мельгуновѣ. Но для насъ важенъ общiй тонъ этого письма; намъ важно узнать что еще въ первыхъ числахъ апрѣля 1762 года, и даже ранѣе, настроенiе умовъ въ Петербургѣ могло возбуждать серiозную тревогу со стороны искреннихъ приверженцевъ императора. 25-го мая (6-го iюня) * баронъ Гольцъ приготовилъ обширную депешу съ двумя къ ней приписками, но приостановилъ ея отправленiе съ тѣмъ чтобы включить въ нее слѣдующiя строки: „Нѣсколько извѣстiй, только что полученныхъ мною, побуждаютъ меня сдѣлать эту третью приписку къ моей депешѣ. Духовенство, приведенное въ отчаянiе указомъ послѣдовавшимъ въ первые дни настоящаго царствованiя, коимъ оно лишено всѣхъ своихъ имѣнiй, съ замѣной оныхъ пенсiей, представило адресъ ** на латинскомъ и русскомъ языкахъ, коимъ оно жалуется на насилiе причиненное этимъ указомъ, на странный въ отношенiи его образъ дѣйствiя, какого нельзя было бы ожидать и отъ варварскаго прави-

* Берлин. арх.

** Намъ извѣстно объ адресѣ только ростовскаго митрополита Арсенiя (Мацѣвича), см. *Чт. Общ. Ист.* 1862 г. II.). Объ этомъ адресѣ или, правильнѣе, прошенiи, сказано въ названномъ изданiи что оно было написано „весьма жалостно и плачевно, острого и высокаго разсужденiя, и отправлено оное съ iеросимономъ Лукою въ С. Петербургъ, которое и вручено было Его Величеству въ собранiи генералитетовъ и прочтено со остановкою оберъ-секретаремъ. И Государь былъ въ великомъ азартѣ, а той ехминикъ, отъ страха лихась ума, былъ посланъ въ Невскiй монастырь.“ (*Слѣд.*, 18.)

тельства, тогда какъ оный простирается отъ правительства православнаго; что оно, духовенство, яко служителя Божіи, тѣмъ менѣе могло бы ожидать подобнаго съ собою обращенія. Этотъ адресъ, подписанный архіереемъ и большею частию духовенства, написанъ въ высшей степени рѣзко. Его можно, по справедливости, принять скорѣе за вызовъ нежели за прошеніе. Донесенія, полученныя вчера отъ губернаторовъ отдаленныхъ мѣстностей, свидѣтельствуютъ что духовенство возбуждаетъ народъ противъ государя. По словамъ этихъ донесеній, духъ возмущенія и неудовольствія становится всеобщимъ, губернаторы сами не знаютъ какія принимать мѣры для успокоенія умовъ и требуютъ наставленій у двора.... Все это сильно встревожило дворъ. Смущеніе свое стараются, правда, скрыть, но имѣя ключъ отъ тайны, я ее улавливаю въ самомъ обращеніи со мной: принцъ Георгъ настоятельно просилъ меня вчера ходатайствовать чтобы ваше величество отклонили императора отъ поѣздки въ армию...“ „Поистинѣ, доносилъ баронъ Гольцъ отъ 2-го (13-го мая), я очень желалъ бы удержать его здѣсь...“ „Ваше величество изволите знать, что коронація императора назначена по окончаніи годоваго срока траура, а это будетъ лишь въ началѣ будущаго года. Слѣпая ревность націи ко всякаго рода религіознымъ церемоніямъ заставляеть меня желать чтобы императоръ не покидалъ своихъ владѣній до того времени.“ Но рѣшеніе Петра было безповоротно. Въ той же депешѣ прусскій посланникъ говоритъ объ отправленіи верховныхъ его лошадей въ армию Румянцова, а въ исходъмая дипломатическому корпусу было формально сообщено о предположеніи государя отправиться къ армиі, съ приглашеніемъ сопровождать его. Графиня Воронцова должна была слѣдовать въ его свитѣ до границы, что, повидимому, дѣлалось противъ ея желанія, такъ какъ она вполнѣ была предана интересамъ представляемымъ Гольцемъ: „Здѣсь старались внушить подозрѣнія насчетъ фаворитки, писалъ онъ отъ 2-го (13-го) мая, представляя будто она склоняется на сторону Вѣнскаго двора: это уловка этихъ господъ чтобы сломать шею тѣхъ которые не хотятъ принимать участія въ ихъ беззаконіяхъ и заговорахъ.“

Но ничто уже не могло остановить Петра. Назначенъ былъ день его выѣзда. Всѣ помыслы его были въ армиі.

Всѣ военныя силы Имперіи простирались въ описываемое

время до 531.335 человекъ, въ числѣ коихъ считалось регулярнаго войска 289.296 человекъ, а иррегулярнаго 242.039. * Изъ этого числа въ заграничной арміи находилось къ концу 1761 года всего 127.348 человекъ, распределенныхъ и расположенныхъ слѣдующимъ образомъ: Въ главной арміи, подъ командой фельдмаршала графа Бутурлина и подъ непосредственнымъ его начальствомъ, состояли дивизіи графа Фермора и князя А. М. Голицына (въ послѣдствіи фельдмаршала), всего 22.454 человека. Они занимали Старую Пруссію, то-есть небольшую область между Вислою и Нѣманомъ, съ главнымъ городомъ Кенигсбергомъ, окруженную польскими владѣніями. Въ Познанскомъ воеводствѣ, то-есть лѣвѣ главной арміи и нѣсколько впереди ея, расположенъ былъ корпусъ князя М. Н. Волконскаго, состоявшій изъ 22.012 человекъ. Главная квартира Волконскаго находилась въ Познани, на прямой дорогѣ въ Берлинъ чрезъ Кюстринъ или Франкфуртъ. Графъ П. А. Румянцовъ, покорившій въ концѣ минувшаго года Кольбергъ, остался зимовать въ прусской Помераніи, которую онъ занималъ до самаго Одера. Корпусъ Румянцова состоялъ изъ 51.920 человекъ. Подъ командой генерала Суворова (отца фельдмаршала), а послѣ него П. И. Панина, собственно для занятія Пруссіи, было 7.222 человекъ. Наконецъ въ составѣ австрійской арміи графа Лаудона состоялъ отдѣльный корпусъ графа З. Г. Чернышева, который имѣлъ свою главную квартиру во Фрейбургѣ (въ Силезіи) и у котораго подъ командой находилось 23.740 человекъ.

Однимъ изъ первыхъ дѣйствій Петра III по вступленіи на престолъ было назначеніе главнокомандующимъ графа П. С. Салтыкова; ** графу Чернышеву приказано было немедленно отдѣлиться отъ австрійской арміи и занять квартиры въ окрестностяхъ Торуня, *** слѣдовательно на лѣвомъ флангѣ главныхъ силъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Румянцову было приказано

* Въ дѣлахъ секретной экспедиціи военной коллегіи (арх. воен. министерства, въ Москвѣ) находится рапортъ коллегіи на высочайшее имя отъ 27-го декабря 1761 года съ *табеллю* военныхъ силъ Россіи, изъ коей извлечены вышеприведенныя цифры.

** Высочайшій приказъ объ этомъ состоялся 29-го декабря 1761 г.

*** Чернышевъ, какъ извѣстно, присоединился однажды къ арміи Фридриха и находился самъ при главной квартирѣ короля.

немедленно прибыть въ Петербургъ, сдавъ команду надъ своимъ корпусомъ князю Волконскому; онъ это исполнилъ немедленно и, на другой день по прибытіи своего преемника, именно 14-го января 1762 года, поскакалъ ко двору.*

Цѣль вызова въ Петербургъ Кольбергскаго побѣдителя очевидна. Корпусъ Румянцова находился впереди всѣхъ прочихъ частей русской арміи, ближе всѣхъ къ Голштинскимъ владѣніямъ, гдѣ, по всей вѣроятности, должны были разыграться военныя дѣйствія, и слѣдовательно этому же корпусу должна была принадлежать главная въ нихъ роль. Я не могъ найти никакихъ слѣдовъ совѣщаній Румянцова съ императоромъ и съ военными авторитетами того времени; но безъ сомнѣнія, для совѣщаній о предстоящемъ онъ и былъ вызванъ. Отправляя Румянцова обратно въ Померанію, государь снабдилъ его рескриптомъ, въ которомъ было между прочимъ сказано: „Вамъ генерально извѣстны уже тѣ важныя намѣренія, произведеміе въ дѣйство коихъ поручаемъ мы вашему искусству и ревности съ полною довѣренностію. Пространныя наставленія даны вамъ будутъ впредь, а теперь главное и первое дѣло въ томъ состоитъ чтобы будущій подъ командою вашею корпусъ войскъ нашихъ, имѣющій состоять изъ померанскаго и всѣхъ полковъ находящихся еще около Познани, снабженъ былъ какъ наискорѣе всѣмъ потребнымъ и приведенъ былъ въ такое готовое къ походу состояніе чтобы по первому указу чрезъ двадцать четыре часа дѣйствительно выступить могъ.“ Для этого посланы были писанія фельдмаршалу и П. И. Панину, управлявшему Старою Пруссіей, исполнять требованія Румянцова „какъ именныя указы“. **

Выѣхавъ изъ Петербурга въ началѣ марта и, вѣроятно, задержанный распутицей, новый главнокомандующій достигъ Помераніи не ранѣе 29-го и, принявъ отъ Волконскаго *** начальство, и тотчасъ же началъ осматривать

* См. въ арх. военн. топогр. депо, № 49.953, *Дѣла Румянцова*, № 42: всеподд. рапортъ Волк. отъ 15-го янв.

** Тамъ же.

*** Въ тѣхъ же дѣлахъ имѣется письмо къ Румянцову отъ Волкова, отъ 29-го марта, о всемогуществѣшемъ дозволеніи князю Волконскому прибыть, по его желанію, въ Петербургъ. Извѣстно что этотъ генералъ принималъ дѣятельное участіе въ событіяхъ 28-го и 29-го іюля.

войска и собирать свѣдѣнія о предметахъ недостающихъ для немедленнаго выступленія. Оказалось что вооруженіе вообще было въ исправности, и что обмундированіе приводилось къ концу, но обувь доставленная нижнимъ чинамъ требовала передѣлки. Румянцовъ нашелъ также что для похода ему надо нѣкоторое количество лошадей, а также орудій, въ добавокъ къ наличному числу, о чемъ онъ и обратился съ требованіемъ къ фельдмаршалу. Онъ просилъ государя чтобы, не полагаясь на мѣстные средства, доставлены были изъ Россіи запасы провіанта и сухаго фуража, къ чему приморское положеніе Кольберга представляло значительныя удобства. Противъ вышеприведеннаго численнаго состава померанскаго корпуса оказалась значительная убыль: Румянцовъ представлялъ что по спискамъ числится въ регулярныхъ войскахъ только 39.825 человекъ, а на лицо было и еще менѣе, а именно 36.937; казаковъ по спискамъ считалось 3.751, а на лицо было 3.402. Отъ чего такое уменьшеніе произошло въ столь короткое время, неизвѣстно. Впрочемъ, Румянцовъ просилъ лишь о небольшомъ пополненіи его корпуса, а именно о присылкѣ ему 1.831 человека регулярныхъ и 406 казаковъ. * Въмѣстѣ съ войсками расположенными въ Познани у него было бы отъ 36,65 до 70 тыс. человекъ.

До конца мая Румянцовъ занимался исключительно организаціей своей арміи, и указы получаемые имъ отъ государя касались исключительно этого предмета. Но какъ только получена была въ Петербургѣ ратификація мирнаго трактата, тотчасъ же тонъ нашей дипломатіи въ отношеніи Даніи, какъ мы видѣли, измѣнился. Сношенія съ ней не были еще прерваны, но Румянцовъ получилъ уже подробныя

* О всемъ этомъ см. всеподданнѣйшіе рапорты Румянцова отъ 31-го марта и 14-го апрѣля въ *Дѣл. Румянцк.*, № 41. Изъ числа людей, сдѣлавшихся въ послѣдствіи извѣстными, въ арміи Румянцова находились генералы: П. И. Панинъ, Олицъ, Плямяниковъ, Дерфельденъ, Измайловъ, гр. Витгенштейнъ, Мельгуновъ, А. И. Бибиковъ, Сиверсъ, Остерманъ, Н. И. Салтыковъ, кн. А. А. Вяземскій (въ званіи генераль-квартирмейстера, и наконецъ Суворовъ, бывший въ то время еще подполковникомъ и о повышеніи котораго Румянцовъ ходатайствовалъ предъ государемъ. (См. росписаніе въ *Дѣл. Рум.* № 42 и всеподд. рапортъ Румянцова, отъ 6-го іюня, № 6, въ дѣлѣ № 41.)

наставленія касательно военныхъ операцій. Вотъ что писалъ ему государь отъ 21-го мая: *

„Изъ приложенной при семъ копіи съ рескрипта въ нашу коллегію иностранныхъ дѣлъ, отъ сего же числа, удобно примѣтите вы что намѣренія наши въ разсужденіи дѣлъ съ Даніей и будущихъ движеній нашей арміи главнѣйше въ двухъ пунктахъ состоятъ:

„1) Последнія средства употребить къ полученію добровольной отдачи намъ принадлежащаго.

„2) Быть какъ можно больше въ готовности къ полученію того силою.

„Впрочемъ не имѣемъ мы нужды вамъ скрывать что отъ негоціацій мало или совсѣмъ никакого плода не ожидаемъ и согласуемся на возобновленіе оныхъ не для какихъ политическихъ уваженій, но единственно для того что вамъ для приготовленія впереди магазиновъ и принятія всѣхъ другихъ къ тому принадлежащихъ мѣръ конечно столько времени потребно будетъ, сколько на негоціацію мы отложили. Потому дѣло теперь въ томъ состоитъ чтобы симъ временемъ какъ можно больше воспользоваться, и для того имѣете вы:

„1) Войну съ Даніей почитать отнынѣ не только за неизбежную, но и за *дѣйствительно декларованную*; однакоже о томъ никому не объявлять, но токмо тѣмъ сильнѣе и ревнительнѣе къ оной готовиться, а отзывы ваши распорядить согласно тому какъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ предписано.

„2) Вѣдая что война неизбежима и еще въ нынѣшнюю кампанію дѣйствительно начаться имѣетъ, надлежитъ вамъ, вопервыхъ, собственно для себя распоряженіе сдѣлать, какими мѣстами до Голштиніи маршировать и гдѣ потому путевымъ и настоящимъ магазинамъ быть.“

Государь полагалъ что всего удобнѣе будетъ доставить большой запасъ провіанта изъ Россіи въ Кольбергъ и уже оттуда развозить его сообразно движенію наступающей арміи по пунктамъ, которые будутъ избраны главнокомандующимъ. Распоряженія о томъ уже были сдѣланы, а именно, приказано было заготовить двухгодовую пропорцію муки и овса на восьмидесятитысячную армію. Ревельская эскадра адмирала Спиридова и 20 купеческихъ судовъ приняла на себя доставку въ Кольбергъ этихъ запасовъ и затѣмъ должны были поступить въ распоряженіе Румянцова для дальнѣйшей подвозки продовольствія. Разумѣется, все это не снимало съ

* *Дѣла Румянца, № 42.*

главнокомандующаго обязанности заботиться о присланіи продовольственныхъ запасовъ на мѣстѣ, въ чемъ, писалъ государь, ищите содѣйствія штетинскаго губернатора, принца Бевернскаго. Онъ писалъ:

„4) Къ шведскому въ Штральсундѣ правительству также адресуетесь вы съ требованіемъ чтобы корабли наши и чрезъ Свинезундъ проходить и въ Штральсундъ и другія гавани, въ случаѣ нужды, заходить могли, какъ о томъ въ рескриптѣ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ пространнѣе изображено.

„5) Чтожь до подхода принадлежить, то по полученіи реляціи вашей изъ Кеслина, отъ 6-го сего мѣсяца, и усмотрѣвъ изъ письма къ вамъ отъ полковника Беллинга, что Датчане со-всѣмъ готовились вступить въ Мекленбургію, было и наше намѣреніе чтобы вы корпусъ до 10.000 человекъ, подъ именемъ вашего авангарда, немедленно выслали въ Мекленбургію жъ; но какъ съ того времени не получено никакого извѣстія о движеніи датскихъ войскъ, а весьма вѣроятно, напротивъ того, что послѣ чинимой отъ насъ въ Копенгагенѣ деклараціи о мирномъ конгрессѣ сей дворъ еще болѣе остерегаться станетъ чтобы какими-либо безвременными войсками своихъ движеніями не подать повода къ началу непріятельствъ, то кажется тѣмъ лучше и удобнѣе можно теперь свои мѣры исподоволь взять; потому прежде всего надлежитъ вамъ стараніе приложить, дабы получить полное свѣдѣніе о всѣхъ обстоятельствахъ въ Мекленбургіи кои въ разсужденіи войскъ вѣдать потребно, особливо же о городахъ Росто-кѣ, Гистровѣ, Варенѣ, Висмарѣ и Шверинѣ, ибо первые три, лежа довольно параллельно фронту наступающей изъ Помераніи арміи, изрядно пересѣкаютъ Мекленбургію и первый кордонъ нѣсколько подкрѣпленнымъ дѣлають, а сверхъ того и къ заведенію первыхъ магазиновъ весьма удобными быть кажутся. Висмаръ же и Шверинъ, будучи передовыми впереди, ближе къ Голштиніи, могли бы удобно другой кордонъ составлять и для другихъ ближайшихъ магазиновъ слу-жить.

„6) Сколь скоро по всему тому мѣры ваши столько приняты будутъ что по меньшей мѣрѣ на полученіе пропитанія въ Мекленбургіи надѣяться можно, а Датчане между тѣмъ или въ врежнемъ ихъ положеніи неотменно остаются, или еще нѣсколько убавили изъ своихъ приготовленій, то вы на маю не умедлите корпусъ 10.000 человекъ пѣхоты, конницы и легкихъ (войскъ), съ размѣряемою по тому частию полевой артиллеріи, подъ командой избираемого вами самими генерала, отправить въ Мекленбургію, объявляя о томъ, согласно рескрипту коллегіи иностранныхъ дѣлъ данному, что сіе чинится единственно для того чтобы земли его величества короля Прусскаго, толикую тягость претерпѣвшія, нѣсколько

облагчить, къ театру Германской войны ближе быть и такую землю занять которую всегда занимали союзныя намъ войска его величества короля Прусскаго и которую теперь оставить принуждены чтобы въ другихъ мѣстахъ употребленными быть.

„7) Сей десяти-тысячный корпусъ надлежитъ подвинуть до Ростокъ (близъ восточной границы Мекленбурга) и расположить кордономъ между вышепомянутыхъ трехъ городовъ и въ нихъ, а особливо въ Ростокѣ, и ежели потребно и за возможно усмотрѣно будетъ, то сіи мѣста нѣсколько и поукрѣпить, а паче крайнее стараніе прилагать чтобы въ Ростокѣ подвозомъ изъ Кольберга, а въ Гистровѣ и Варенѣ — подрядомъ и выписываніемъ съ земли, подъ квитанціи до воспослѣдуемой вскорѣ заплаты, достаточныя магазины завести.

„8) Сколь скоро единожды корпусъ нашихъ войскъ въ Мекленбургію вступилъ, и въ Ростокѣ и вышепомянутыхъ двухъ городахъ утвердился, а Датчане еще спокойно на то смотреть и никакого движенія не дѣлаютъ, то ни мало времени упущать не надлежитъ и прочіе два города, то-есть Висмаръ и Шверинъ, занять и магазины тамо завести, а для сего и корпусъ новыми полками подкрѣпить и умножить.

„9) Генерально за правило вамъ служить что по мѣрѣ того какъ передовой корпусъ въ Мекленбургію утвердятся и магазины заводятся будутъ, вы всегда болѣе полковъ туда вводите станете, такъ чтобы въ началѣ іюля, буде не вса, то по крайней мѣрѣ большая часть вѣрвеной вамъ арміи находилась уже въ Мекленбургіи.

„10) Напротивъ того, буде, паче всякаго ожиданія, датскій дворъ похочетъ войска свои въ Мекленбургію ввести и тѣмъ столько сдѣлать чтобы по меньшей мѣрѣ начало войны не въ его областяхъ было, въ такомъ случаѣ генерально за непремѣнное служить вамъ правило что, какъ только всѣми потребными приготовлениями исправиться можете, такъ того же часу и выступите со всею силою датскимъ войскамъ на встрѣчу, и принужденіемъ оныхъ выйти изъ Мекленбургіи война собою и начнется и сама жь дальнѣйшій путь къ славіи вамъ показывать будетъ, такъ что въ такомъ случаѣ не имѣете уже вы надобности новыхъ отъ насъ указовъ испрашивать, а только будемъ мы ожидать частыхъ и обстоятельныхъ доношеній, дабы по тому для вашего подкрѣпленія достаточныя здѣсь мѣры принять....“

Инструкція была ясна и положительна. Получивъ ее, Румянцовъ немедленно отправилъ благонадежнаго офицера къ штеттнскому коменданту чтобъ условиться съ нимъ относительно заготовленія на мѣстахъ хлѣбныхъ запасовъ, а другихъ въ Мекленбургѣ, для осмотра городовъ которые предполагалось занять и мѣстности которую пришлось бы

проходить, а также для собранія точнѣйшихъ извѣстій о силахъ и расположеніи датской арміи. Со стороны прусской администраціи обѣщано было самое радушное содѣйствіе; но, говорилъ штетинскій комендантъ, страна такъ разорена что на мѣстныхъ средства нельзя возлагать большихъ надеждъ, а основать все продовольствіе арміи на морскомъ подвозѣ казалось Румянцову дѣломъ рискованнымъ. Что касается до датскихъ войскъ, то,—доносилъ императору главнокомандующій,—хоть они и готовятся къ оборонѣ, но „часть надлежитъ что движеніе вашего императорскаго величества армій откроетъ имъ невозможности разныя исполнить дѣйствительно то что они видомя показать стараются“. * Съ своей стороны и согласно вышеприведенному, Румянцовъ приготовилъ легкій отрядъ въ 10.000 человекъ подъ командой генерал-майора фонъ-Бранта; кавалерія, назначенная въ составъ этого отряда, имѣла двинуться отъ Штаргарта, а пѣхота—отъ Трентова и Кольберга. Бранту было предписано начать 12-го іюня движеніе, долженствовавшее открыть кампанію, бдительно слѣдя при этомъ за датскими войсками. Если, писалъ ему Румянцовъ, они вступятъ въ Мекленбургъ, то немедленно дайте мнѣ знать, сами же остановитесь не переходя Одеръ. Впрочемъ столкновенія съ Датчанами, повидимому, еще нельзя было ожидать въ скорости. По собраннымъ свѣдѣніямъ, главные силы ихъ находились еще на Эльбѣ, близъ Гамбурга, а авангардъ хотя и приближался, но не переступалъ еще западной границы Мекленбурга.

Обстоятельства весьма благопріятствовали, слѣдовательно, предположенію приблизиться къ самымъ границамъ Гольштейна безъ объявленія войны. Но встрѣтилось одно затрудненіе: армія рисковала умереть голодною смертію въ Мекленбургѣ. „Всемилоствѣннѣйшій государь, писалъ Румянцовъ отъ 18-го іюня, сколь ни велико мое желаніе и ревность исполнить какъ наускорѣе всевысочайшее вашего императорскаго величества соизволеніе, но удерживаетъ меня непреодолимое мною препятствіе въ недостаткѣ привознаго къ Кольбергу провіанта, которыми полки въ Помераніи стоящіе довольствованы іюля по 6-е число; затѣмъ остается муки 5.377, а крупъ 1.170 четвертей“, такъ что „недостаетъ

* Дѣла Румянцова, № 41, рапорты отъ 8-го, 12-го и 18-го іюня, за №№ 7, 10 и 12.

въ мѣсячное число 22.928 четв. муки и крупъ 2.270 четв.“ Въ ближайшій изъ пунктовъ, гдѣ предполагалось устроить магазины для наступающей арміи, въ Свинемюнде, оказалось возможнымъ отправить изъ Кольберга провіанта всего на пять дней. Ни въ Анкламѣ, гдѣ имѣлось въ виду учредить слѣдующую провіантскую станцію, ни тѣмъ менѣе въ Ростокѣ, еще не было ни зерна; кольбергскіе склады сами были почти пусты, а мѣстные средства оказались ничтожными какъ въ Мекленбургѣ, такъ и въ Помераніи. Поэтому Румянцовъ приказалъ легкому отряду Бранта дойти только до Анклама и остановиться въ районѣ тамошнихъ магазиновъ. Переправившись черезъ проливъ, соединяющій съ моремъ Гросъ-гафское озеро, этотъ отрядъ, какъ доносилъ главнокомандующій отъ 18-го іюня, слѣдовалъ по низменной, болотистой, перерѣзанной множествомъ протоковъ равнинѣ къ Свинемюнде и Узедому. Выступленіе остальныхъ частей обуславливалось прибытіемъ транспортовъ изъ Риги. Но прибытія ихъ нельзя было въ скорости ожидать, потому что въ это время поднялись противные вѣтры. Въ Кольбергѣ, доносилъ Румянцевъ отъ 21-го іюня, находится провіанта только по 11-е іюля, а штетинскіе купцы требуютъ неслыханныя цѣны: за четверть крупы по 21 р., за четверть муки по 13 р., а за четверть овса по 9 р. Крестьяне требовали денегъ за траву которую казачьи лошади щиплютъ въ лугахъ. Прусскія власти, съ своей стороны, не могли или не хотѣли оказать никакого содѣйствія: все это, писалъ Румянцовъ, „приводитъ меня въ крайнее отчаяніе“.

Но все это было лишь началомъ затрудненій которыя ожидали нашу армію. „Сейчасъ, доносилъ Румянцовъ отъ 25-го іюня, получивъ я отъ часто упоминаемаго штетинскаго оберкоманданта генералъ-маіора Путкаммера письмо, которое меня тѣмъ болѣе удивило что требуетъ, въ силу воспослѣдовавшаго мирнаго трактата, по 4 и 6 пункту, отдачи ему всей Помераніи и Кольбергской крѣпости со всѣми преимуществами, и что онъ уже въ гарнизонъ полковника Лангенера съ баталіономъ отправилъ....“ Былъ ли неизвѣстенъ генералу Путкаммеру второй сепаратный пунктъ трактата 24-го апрѣля, уничтожавшій срокъ вывода русскихъ войскъ изъ Пруссіи, или же онъ дѣйствовалъ на основаніи тайныхъ повелѣній, имѣвшихъ цѣлю затруднить военныя операціи русской арміи,—

рѣшить трудно; но очевидно, требованіе генерала Путкаммера ставило Румянцева въ совершенную невозможность продолжать войну и приводило его въ тѣмъ большее смущеніе, что содержаніе мирнаго трактата съ Пруссіей не было сообщено ему. Между тѣмъ движеніе генерала Бранта, разумѣется, не осталось неизвѣстнымъ Датчанамъ, которые съ своей стороны стали переправляться черезъ Траве и вступать въ Мекленбургъ. Провіантъ получался въ Кольбергѣ самыми малыми частями; въ арміи открылись побѣги, въ подстрекательствѣ къ которымъ Румянцовъ подозрѣвалъ прусскихъ вербовщиковъ, а между тѣмъ полковникъ Лагенеръ со своимъ баталіономъ стоялъ подъ укрѣпленіями Кольберга и требовалъ, во имя дружбы короля прусскаго къ русскому императору, чтобы наша армія сдала ему охраненіе всѣхъ своихъ провіантскихъ, артиллерійскихъ и иныхъ складовъ....

Таково было по истинѣ отчаянное положеніе Румянцева, когда Екатерина вступала на престолъ. Въ архивѣ военнотопографическаго депо * сохранилась одна бумага объ этомъ событіи, производящая живое впечатлѣніе: это указъ возвыщающій Румянцову о переворотѣ 28-го іюня, данный въ тотъ же самый день. Чьєю-то размашистою и бойкою рукой, чрезвычайно бѣглымъ почеркомъ, на довольно грубомъ листѣ бумаги набросано:

„Божією милостію и пр.

„Нашему любезно-вѣрному генералу-аншефу графу Петру Румянцову.

„Сего числа Божією споспѣшествующею милостію и желаніемъ всѣхъ вѣрноподанныхъ сыновъ отечества, мы вступили благополучно на всероссійскій императорскій самодержавный престолъ. При чемъ мы, васъ обнадеживая нашею императорскою милостію и удостовѣрены будучи о вашемъ къ намъ усердіи, единомысленномъ со всѣми вѣрными намъ поданными, повелѣваемъ вамъ чрезъ сіе команду отдать нашему полному генералу Петру Панину, а вамъ самимъ, для благоспѣшествованія намѣреній нашихъ, возвратиться немедленно въ Россію, о чемъ генералу Панину особый указъ данъ.“

Подъ этимъ любопытнымъ актомъ, котораго самая внѣшность свидѣтельствуетъ въ какомъ вихрѣ мчалась тогда дѣла въ Петербургѣ, подписано собственною рукой новой госу-

* Дѣла Румянцова, № 42.

дарыни: *Екатерина*. Это было, по всей вѣроятности, одно изъ первыхъ ея распоряженій. Курьеръ, привезшій этотъ указъ, прибылъ въ Кольбергъ 6-го июля, но еще ранѣе Румянцовъ получилъ извѣстiе о воцаренiи Екатерины отъ фельдмаршала Салтыкова. Это извѣстiе, обѣщавшее новый и радикальный поворотъ въ политикѣ Россiи, позволило свободно вздохнуть главнокомандующему. Правда, его отзывали отъ армiи, но на какiе лавры могъ онъ разчитывать, оставаясь при ней?... Вотъ отвѣтъ Румянцова на указъ 28-го iюня:

„Вашего императорскаго величества высочайшiй указъ о вступленiи на престолъ самодержавный всероссiйскiй я со всемъ раболѣпнымъ благоговѣнiемъ получилъ чрезъ лейбъ-гвардiю Измайловскаго полка поручика Гринева—оригиналь, а чрезъ поручика Нащекина—дубликатъ 6-го числа приять удостоился. Я о семъ всерадостномъ происшествiи, до получения того, въ 5-е число отъ фельдмаршала графа Салтыкова былъ уведомленъ. Я не умедлилъ того же часу близлежащiя войска собрать, и имъ всенародно объявля всевысочайшее ваше императорскаго величества повелѣнiе, торжественно въ вѣрности присягу сдѣлали, * и потомъ Богу, толико мудро

* Нѣмецкiе биографы Петра III пустили въ ходъ извѣстiе о затрудненiяхъ вoadвигнутыхъ будто бы Румянцовымъ относительно присяги Екатерины. Это извѣстiе находимъ и у Баттышъ-Каменскаго (*Словарь дост. людей*); но приводимое мною письмо Румянцова къ императрицѣ даетъ въ этомъ отношенiи самое категорическое объясненiе. Повидимому, въ послѣдствiи открылись какiя-нибудь обстоятельства давшiя поводъ саишкомъ, впрочемъ, подозрительному Румянцову воображать себя въ немощи, вслѣдствiе чего онъ и просился въ отставку; но во всякомъ случаѣ это было долго спустя послѣ вступленiя на престолъ Екатерины, потому что она отвѣчала на его просьбу объ отставкѣ письмомъ отъ 13-го января 1763 года. (*Полн. собр. соч. Екат.*, т. III, стр. 185.) Вышеприведенный актъ положительнымъ образомъ опровергаетъ извѣстiе о колебанiяхъ Румянцова, основанное на предполагаемой преданности императору военнаго сословiя. Армiя,—по крайней мѣрѣ та которая находилась въ Померани,—могла болѣе чѣмъ кто-либо понять что съ перемѣной правленiя и правительственной системы должно было послѣдовать, какъ писалъ Румянцовъ, *спасенiе отечества*. Повидимому, что-либо подобное приписываемому Румянцову было сдѣлано Чернышевымъ, находившимся при главной квартирѣ прусскаго короля: въ *Дѣлахъ Румянцова* (№ 42) находится слѣдующiй указъ (въ копiю) правительствующему сенату:

„Генералъ графъ Вахаръ Чернышевъ, поданнымъ намъ письмомъ, прописывая свое желанiе о непродолженiи болѣе намъ и отечеству службы, проситъ объ отставкѣ. Чего ради симъ повелѣваемъ отста-

въ особѣ вашего императорскаго величества заблаговременно въ спасеніи отечества нашего устроивающему, благодареніе благоприятное принесаети, а потомъ съ крѣпости и со всѣхъ судовъ, и изъ мелкаго оружія троекратная пальба и радостныя восклицанія вашему императорскому величеству и многолѣтія провозглашены.

„Вашему императорскому величеству благоугодно было меня, послѣднѣйшаго раба вашего императорскаго величества, всемилостивѣйше высокомонаршею милостію обнадѣжить и въ числѣ всеусердѣйшихъ прямыхъ сыновъ отечества и всеподданныхъ вашему императорскому величеству помѣтить; я всеподданныѣйшее и рабское поздравленіе и благодареніе къ подножію трона вашего императорскаго величества поднесъ, препровождаю оное наитеплѣйшими молитвами къ толико избавившему отечество наше, къ самой крайности и гибели доведенное, Всемогущему Богу, дабы Онъ, какъ всѣхъ благъ датель, вашего императорскаго величества царствованіе увѣнчалъ всеми благостынями, жизнь вашего императорскаго величества до позднѣйшихъ лѣтъ въ радость вѣрноподанныхъ вашего императорскаго величества продолжилъ и всевысочайшія вашего императорскаго величества намѣренія и предпріятія всеми наилучшими успѣхами благословилъ. А какъ ваме императорское величество мнѣ всемилостивѣйше указать соизволили, отдавъ команду мнѣ вѣрную надъ арміею генералу-аншефу Панину, возвратиться въ Россію, я о числѣ оной людей и лошадей, въ какомъ она по отправленіи сей моеи всеподданныѣйшей реляціи осталась (положеніи), рапортъ вашему императорскому величеству всеижайше поднося, имѣю счастье доносить что я, по содержанію вышенаписаннаго вашего императорскаго величества всевысочайшаго указа, генералу-аншефу Панину въ команду отдаю и самъ, по отдачѣ, немедленно въ путь мой отправлюсь.

„Позвольте мнѣ, всеподданныѣйшему и послѣднѣйшему вашему императорскаго величества рабу, испросить всевысочайшей вашего императорскаго величества милости и благоволенія продолженія и нелицемѣрно увѣрить что я мое благополучіе и спасеніе, со всеми моими соотчичами, заключилъ въ особѣ всевысочайшей вашего императорскаго величества, единственно отраду и спокойеніе нашего крайняго и ежевременна смущенія на бывшія тогда времена составляющей (sic).“

..8-го іюля 1762 г.“

II. ЦЕВАЛЬСКІЙ.

вить лавчико.“ У подлиннаго подписано собственною ея императорскаго величества рукою тако: *Екатерица*.“

На этомъ указѣ не выставлено числа; но, повидимому, онъ относится къ первымъ днямъ царствованія Екатерины; онъ проводитъ совершенно новую и доселѣ неизвѣстную черту въ біографію графа Чернышева, который, впрочемъ, скоро занялъ одно изъ самыхъ видныхъ положеній въ новомъ правительствѣ.

ТЕАТРАЛЬНЫЕ АРТИСТЫ *

РОМАНЪ ГИЗЛАНЦОНИ.

СОКРАЩЕННЫЙ ПЕРЕВОДЪ СЪ ИТАЛІЯНСКАГО.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Слышали ли вы когда-нибудь о существованіи въ Италіи театральныхъ агентовъ? Ихъ офиціальное занятіе заключается въ рекомендаціи разнымъ импрессаріямъ неангажированныхъ артистовъ и въ полученіи за то отъ тѣхъ и другихъ довольно значительныхъ суммъ. При исполненіи этой обязанности они интригуютъ, плутуютъ, обманываютъ и исправно способствуютъ униженію искусства.

Въ 1844 году въ Италіи пользовался репутаціей весьма ловкаго театральнаго агента синьйоръ Паранилья, устроившій въ Туринѣ свою главную „студію“, какъ онъ величалъ свою квартиру. Она состояла изъ большой передней, гдѣ толпились неважные неангажированные артисты обоихъ половъ, изъ всѣхъ областей сценическаго искусства; изъ маленькой гостиной, довольно роскошно убранной, гдѣ посреди комнаты помѣщался огромный рояль, и куда впускались артисты избранные, съ именемъ пли протекціей, и наконецъ изъ маленькаго кабинета, гдѣ, предъ заключеніемъ контракта, при запертыхъ дверяхъ, происходили окончательные переговоры. Синьйоръ Паранилья, худенькій, крошечный человечекъ, хотя и старался парализовать свою невзрачность ношеніемъ страшно растрепанныхъ волосъ, длинныхъ до плечъ, и бороды и усовъ баснословной величины, не могъ импови-

* Окончаніе. См. *Русск. Вѣстн.* № 7.

ровать своею наружностью. Но тѣмъ не менѣе его видъ и появленіе производили всегда сильное впечатаніе на театральныхъ артистовъ. Его громадное вліяніе на ихъ карьеру и судьбу было неоспоримо, и въ этомъ отношеніи съ нимъ могъ соперничать развѣ только Тобіи, его лакей, фактотумъ и повѣренный по явнымъ и тайнымъ дѣламъ. Въ передней Тобіи разыгрывалъ такую же важную роль какъ его баринъ въ кабинетѣ. Второстепенные артисты обращались къ театальному агенту не иначе какъ чрезъ посредничество его лакея. Тобіи рѣдко отказывалъ имъ въ своей „протекціи“ и въ самыхъ утѣшительныхъ обѣщаніяхъ, а между тѣмъ бралъ у нихъ займы деньги. Артистамъ „имѣющимъ будущность“ онъ, напротивъ, охотнѣе самъ давалъ займы порядочныя суммы, получая проценты по пятидесяти на сто и сверхъ того обезпечивая себя заемнымъ письмомъ на первый будущій контрактъ талантливаго артиста. Синьоръ Паранилья, для препровожденія времени, оказывалъ немалое вниманіе финансовымъ оборотамъ своего Тобіа, и даже не забывалъ принимать ихъ въ соображеніе при рекомендаціи артистовъ. Въ зиму 1844 года синьоръ Паранилья былъ чрезвычайно занятъ: едва покончилъ онъ дѣла съ двумя труппами, какъ опять пришлось приняться за устройство новой: импрессарио изъ Кальяри прибылъ въ Туринъ съ намѣреніемъ сформировать большую оперную труппу и обратился къ синьору Паранилья съ просьбой собрать въ одно утро у себя всѣхъ неангажированныхъ артистовъ.

Въ передней толпа. Артисты перешептываются съ замѣтнымъ волненіемъ, непріязненно косятся другъ на друга; но когда замѣчаютъ что кто-нибудь изъ „первоклассныхъ“ прямо, безъ доклада, входитъ въ гостиную или, что еще хуже, въ кабинетъ, то спѣшатъ въ громкихъ и единодушныхъ заявленіяхъ и насмѣшкахъ излить на него весь ядъ зависти, злобы и клеветы. Тобіи подходитъ то къ басамъ и тенорамъ, молодымъ и старымъ, то къ сопранисткамъ и контральтисткамъ и энергически содѣйствуетъ сохраненію между ними хотя наружнаго мира, а на слова произнесенныя быстро и шепотомъ: „Тобіи! если меня ангажируютъ, ты получишь столько-то....“ отвѣчаетъ улыбкой и взглядомъ, ясно выражающими что заключеніе контракта зависитъ собственно не отъ стараній его барина, еще менѣе отъ воли импрессариа, а единственно только отъ каприза его, Тобіа.

Въ гостиной, на первыхъ местахъ, размищаются примадонны разряженныя въ пухъ и прахъ. Тенора, а за ними баритоны и басы, обращаютъ вѣжные, томные взгляды на тѣхъ изъ примадонъ которыя, по ихъ мнѣнію, будутъ ангажированы. Въ гостиной всѣ театральныя страстишки замаскированы желаніемъ казаться людьми образованными, а главное, надеждой найти другъ въ другѣ протекцію и поддержку. Тобій съ эффектомъ отворяетъ дверь въ „концертную залу“, входитъ импрессарио изъ Кальяри, всѣ артисты почти-тельно даютъ ему дорогу. Импрессарио толстый баринъ лѣтъ сорока. По своему положенію въ свѣтъ и по внутреннему призыву онъ собственно продавецъ каменнаго угля. Его дѣла пошли хорошо, онъ быстро разбогатѣлъ, и чувствуя непреодолимое пристрастіе къ представителямъ театральнаго міра, онъ вдругъ провозгласилъ предъ жителями Кальяри свою глубокую любовь къ искусству, объявилъ что онъ твердо рѣшился употребить все свое лишнее время и всѣ свои лишнія деньги въ пользу процвѣтанія искусствъ въ своемъ отечествѣ, и принялся за устройство новаго театра и оперной труппы въ Кальяри.

Импрессарио съ достоинствомъ пожалъ руку театральному агенту, важно усѣлся на диванѣ и торжественно объявилъ что онъ „готовъ слушать“. Парамидья громко произнесъ имя „Друзиллы Контини“, той самой которую мы знавали въ Марсели. Въ рѣчахъ примадонъ послышался оживленный шепотъ: „Я такъ и думала! Оливьоръ Парамидья ухаживаетъ за Контини...“—„Да, да, я ихъ видѣла нѣсколько разъ вмѣстѣ!“— „Вотъ къ какимъ средствамъ надо прибѣгать теперь чтобы сдѣлать карьеру!“—„Но какая порядочная женщина можетъ на это рѣшиться?“—„Разумѣется!“

— Т-съ! грозно закричали три тенора:—она начинаетъ пѣть.

„Арія изъ *Навуходоносора*, вотъ оно что! начинали опять шепотомъ пѣвицы:—кто не сумѣетъ пѣть музыку Верди! Любопытно было бы удостовѣриться можетъ ли она пѣть Россини, а Верди, это вздоръ... Речитативъ не дурно сказала... ой, ой, ой! Вы слышали? На полъ-тона съѣхала! Ай, ай! опять! и что за фіоритуры, къ чему? Какое беззкусіе! И такую пѣвицу журналисты осмѣиваются восхвалять!“ После конца аріи раздаются громкіе аплодисменты, а на фізіономіяхъ первыхъ и вторыхъ собранъ и центральныхъ просвѣдуютъ ласкательныя гримаски. Вслѣдъ за Контини еще

нѣсколько другихъ пѣвицъ подвергаются подобному экзамену. Импрессарио, слушая ихъ, превращался весь не въ слухъ, а въ зрѣніе. Когда очередь дошла до пѣвцовъ, онъ посмотрѣлъ на свои часы и всталъ.

— Я сегодня очень занятъ, обратился онъ къ театральному агенту,—по случаю продажи 400 мѣшковъ угля. Я теперь долженъ оставить васъ, зайду къ вамъ опять черезъ часокъ, а вы уже пожалуйста для меня все устройте. Изъ пѣвицъ я желаю ангажировать для перваго сопрано вотъ эту полувенькую—премиенькую.

— Но позвольте замѣтить вамъ что у нея контральтъ....

— А! хорошо, такъ она будетъ играть мужскія роли, ей это очень пойдетъ. Ну, такъ для перваго сопрано ангажируйте вотъ эту, Контини кажется? у нея дьявольскіе глазки и взглядъ который обшцаетъ многое!...

— Я вижу что вашъ музыкальный вкусъ значительно образовался. Контини это лѣто производила фуроръ въ Марсели.

— Тѣмъ лучше. Насчетъ выбора вторыхъ сопрано полагаюсь на васъ. Вамъ извѣстны мои желанія, требованія и условія. Кромѣ денежной платы, всѣ прима- и даже секундантны имѣютъ въ моемъ домѣ даромъ квартиру, столъ и всевозможныя удобства.

— Какихъ же вы желаете ангажировать теноровъ, баритоновъ, басовъ?

— Чистосердечно 'будь сказано, очень досадно что для оперы они необходимы и безъ нихъ обойтись нельзя.... Во всякомъ случаѣ, ангажируйте на сколько возможно поменьше пѣвцовъ, ужъ лучше одной пѣвицей больше. До свиданія! Меня ждутъ.

Когда импрессарио исчезъ, театральныи агентъ удалился вмѣстѣ съ синьорой Контини въ кабинетъ.

„Ну за какія блага въ мірѣ я бы не хотѣла имѣть дѣло съ такимъ импрессариентъ!“ раздается въ лагерѣ пѣвицъ. „Да, впрочемъ, и театръ въ Бальяри вообще не на хорошемъ счету: по всему видно что Контини ужъ нечего болѣе терять!“... Затѣмъ въ передней каждая изъ нихъ подзываетъ Тобіа для маленькаго; а parte и обращается къ нему съ фразой въ родѣ сѣдующей: „Если Контини не подпишетъ контракта, ты сію минуту уведоми меня объ этомъ, а я сумѣю поблагодарить тебя.“ Артисты du sexe fort еще ждутъ, надѣются, и съ безвокойствомъ поглядываютъ на запертую

дверь въ кабинетъ. Но театральныи агентъ и Контини все еще продолжаютъ свои совѣщанія, а между тѣмъ Тобіи отворяетъ дверь и впускаетъ какого-то молодого человѣка. Онъ скорѣе походитъ на джентльмена нежели на театральнаго артиста, и появленіе его производить на пѣвцовъ не совсемъ пріятное впечатлѣніе. „Кто это такой?“ спрашиваютъ они другъ друга вполголоса. „Можетъ-быть, теноръ? или баритонъ? пожалуй бась?“ Только буфы совершенно спокойны: вошедшій молодой человѣкъ, судя по его наружности, рѣшительно не можетъ быть буфомъ и ихъ соперникомъ.

— Эрнесто Сальвиани? началъ синьйоръ Паранилья, выходя изъ кабинета въ сопровожденіи Контини и приближаясь къ новому гостю.—Мнѣ Бароки написалъ что вы будете проѣздомъ въ Туринъ и зайдете по его порученію ко мнѣ. Я много слышалъ о вашемъ талантѣ, миланская публика, говорятъ, была въ восторгѣ отъ васъ. А теперь вы свободны?

— Нѣтъ. Я ангажированъ въ театръ „Пергола“ во Флоренцію.

— Но вѣдь тамъ, кажется, поетъ теноръ Цоболі?

— Онъ сдѣлалъ фіаско, хоромъ проговорили всѣ присутствовавшіе тенора.

— Онъ былъ нездоровъ, замѣтилъ Сальвиани.

— Какъ бы не такъ! Нездоровъ! подхватилъ опять хоръ теноровъ.—Извѣстно что теперь каждое фіаско приписывается нездоровью.

— Съ какой оперы вы начнете? спросилъ Паранилья.

— Теперь пойдетъ *Лючія*.

— Превосходный выборъ, если примадонна хороша. А примадонна въ „Пергола“ съ ума сводитъ всѣхъ Флорентійцевъ, забылъ ея имя... я ее видѣлъ въ Неаполѣ при ея первыхъ дебютахъ, симпатичное созданіе, вы не знаете ея фамиліи?

— Эмилиа Реденти, проговорилъ наконецъ Сальвиани.

— Эмилиа Реденти? воскликнула Контини, вдругъ очутившись возлѣ Паранилья и Сальвиани.—Вы меня спросите что такое Эмилиа Реденти! Я съ ней пѣла въ Марсели. Теперь легко попасть въ знаменитости: смазанное личико, двѣ-три эффектныхъ ноты, вотъ и все. А вамъ, дорогой мой теноръ, совѣтую не довѣрять госпожѣ Реденти, это гаусная интригантка!

— Подобное сужденіе для меня непонятно, сказалъ Сальвиани.—Я зналъ сеньору Реденти еще предъ ея отъѣздомъ въ Неаполь, и....

— Эмилія Реденти, благодаря своей невинной рожицѣ, перебила его Контини,—сумѣеть обмануть и провести самого дьявола, но вы лучше повѣрьте мнѣ. Могу сообщить вамъ о ней весьма интересныя исторіи....

— Сударыня, ваши слова и намеки компрометируютъ женщину которую я глубоко уважаю, и я не могу допустить чтобы въ моемъ присутствіи ея имя было поругано.

Слова эти озадачили на время Контини. Но ея братъ поспѣшилъ ей на помощь.

— Позвольте замѣтить вамъ, господинъ теноръ, началъ онъ съ шумною храбростью подбитою трусостью, что сестра моя неспособна лгать. Ваша protégée намъ достаточно известна, и въ подтвержденіе нашего мнѣнія о ней мы можемъ доставить вамъ историческіе документы....

— Довольно! перебилъ его Сальвиани.—Я ужь ознакомился съ театральнымъ міромъ.... и съ привычкой артистовъ клеветать другъ на друга.

— Ну стоить ли такъ горячиться? вмѣшался театральныи агентъ, опасаясь скандала.

— Но, продолжалъ Сальвиани не слушая его,—обычай и привычки касты, къ которой я принадлежу съ нѣкоторыхъ поръ, не заставляютъ меня забыть правила имбюція силу въ средѣ другихъ сословій: кто при мнѣ вздумаетъ оскорблять людей уважаемыхъ мною принужденъ будетъ убѣдиться что, несмотря на званіе актера, я не пересталъ быть порядочнымъ человекомъ. Здѣсь не мѣсто продолжать этотъ разговоръ; я жажду васъ чрезъ часъ въ гостиницѣ Санъ-Микеля.

Послѣ этихъ словъ Сальвиани пожалъ руку Паранильи, поклонился присутствовавшимъ и вышелъ.

— Да это настоящій вызовъ! слышалось нѣсколько голосовъ.

— Неучъ! Неотесанный мужикъ! закричалъ во все горло братъ Контини, грозно сжимая кулаки и удостоверившись что Сальвиани уже далеко.—Его счастье что онъ убѣжалъ отъ меня, а то я тутъ же проучилъ бы его! Но онъ не уйдетъ отъ моей мести!

Контини рѣшилъ приличнымъ упасть въ обморокъ. Театральныи агентъ подбѣжалъ къ ней съ флакономъ одеколона.

Въ эту минуту опять явился импрессарио изъ Кальяри.

— Что случилось? спросилъ онъ.—Моя примадонна безъ чувствъ! Что, она подписала контрактъ?

— Она въ такомъ только случаѣ принимаетъ все условія, если вы согласитесь дать ей два бенефиса, шепнулъ ему театральный агентъ.

— Согласенъ, согласенъ! отвѣчалъ импрессарио, не отводя глазъ съ примадонны.—Знаете, она прехорошенькая.

Синьйоръ Паранилья опять приближается къ Контини.

— Все устроено, вы будете имѣть два бенефиса, говорить онъ ей на ухо.

Эти слова дѣйствуютъ на примадонну еще сильнѣе одержимая, и она скоро совершенно оправляется.

— Я знаю твой буйный нравъ, обращается она съ мелодраматическимъ тономъ къ брату, — Я запрещаю тебѣ имѣть дѣло съ этимъ рыцаремъ Реденти.

— Я его убью, я его задую! кричитъ между тѣмъ ее братъ, расхаживая какъ бѣшеный по комнатѣ.

— Умоляю васъ, синьйоръ Паранилья, повторяетъ Контини, — успокойте его.

— Нѣтъ, нѣтъ! Твоя модьбы напрасны, презъ насъ одинъ изъ насъ будетъ трупомъ! восклицаетъ братъ и выбѣгаетъ изъ „студіо“ театральнаго агента.

Контини дѣлаетъ нѣсколько шаговъ чтобы догнать брата, но, конечно, въ этомъ не успѣваетъ, опираясь на синьйоромъ Паранилья въ его кабинетъ и подписываетъ контрактъ. Къ вечеру театральныя агенты составляютъ всю труппу для оперы въ Кальяри. Онъ останавливаетъ свой выборъ на тѣхъ изъ артистовъ которые изъ любви къ искусству соглашаются родиться сподвижниками жаднаго театральнаго агента. У Тобіа также карманъ полонъ. Неудачливые артисты, оставая „студію“, утѣшаются провѣселяемъ разныхъ болѣе или менѣе энергическихъ пожеланій, какъ-то: немирнолюбиваго свойства.

Сальвиани уже болѣе трехъ часовъ ждетъ визита брата Контини. Наконецъ кто-то позвучало въ дверь. Но входитъ не синьйоръ братъ примадонны, а старикъ Аристодемъ, другъ Сальвиани. Аристодемъ прожилъ всю свою жизнь посреди театральнаго міра, то въ качествѣ сурфера, то мажорнаго дамбовщика, то передвѣщика миссъ и ролей, а иногда

даже исполняя роли дѣйствующихъ лицъ „безъ рѣчей“. Почувствовавъ сильную симпатію къ Сальвиани, онъ поселился у него и сдѣлался его лакеемъ, секретаремъ, нянькою и другомъ. Аристокдемъ подаль Сальвиани толстое письмо „отъ сивьора Контини“. Братъ примадонны, откладывая на неопредѣленное время исполненіе своихъ яростныхъ угрозъ, ограничился пока сообщеніемъ Сальвиани, въ обстоятельномъ письмѣ, всѣхъ подробностей жизни Эмилии Реденти въ Марсели, всѣхъ толковъ о „ея связи“ съ барономъ Доке. Въ видѣ документа онъ приложилъ къ своему письму одну записку Эмилии къ барону Доке, доказывавшую интимность ихъ отношеній. „Все это подлая клевета!“ думалъ Сальвиани: „обыкновенныя выходки одной примадонны противъ другой. Но эти строки написаны ея рукой... И не написать мнѣ ни слова о существованіи такихъ дружескихъ отношеній съ постороннимъ человѣкомъ!... Если это правда что она уѣхала одна изъ Марсели во Флоренцію съ нимъ... съ такимъ человѣкомъ какъ баронъ Доке!... Да, не подлежитъ сомнѣнію, все это устроилъ Гарофоло. Эмилиа не виновата!... Но я долженъ спѣшить къ ней не теряя ни одной минуты. Я долженъ видѣть ее и, если нужно, спасти ее!“

— Бѣги, узнай, обратился онъ къ Аристокдему, — возможно ли еще сегодня отправиться во Флоренцію, ради Бога поспѣши.

Аристокдемъ съ безпокойствомъ посмотрѣлъ на Сальвиани, но не сказавъ ни слова отправился исполнить его приказаніе. Онъ скоро вернулся.

— Дилижансъ отходитъ чрезъ полчаса; я взялъ мѣста, объявилъ онъ, поспѣшно вбѣгая.

Чрезъ полчаса они выѣхали изъ Турина. Прибывъ въ Геную, они тотчасъ же поспѣшили на пароходъ отходящій въ Ливорно. Дорога была непріятная. Погода дурная. Сальвиани почти вовсе не говорилъ, Аристокдемъ тревожно смотрѣлъ на него. Ночью подулъ сильный вѣтеръ, и пошелъ дождь. Всѣ пассажиры спрятались въ каюты. Только Сальвиани не уходилъ съ палубы.

— Чтò это вы дѣлаете? началъ съ упрекомъ Аристокдемъ: — можно ли тенору, при такой сырой погодѣ, да еще ночью, оставаться на палубѣ? Какъ вамъ не грушно: при вашемъ талантѣ голосомъ шутить нельзя.

— Аристокдемъ! перебилъ его Сальвиани: — ты на своемъ

вѣку перебывалъ на многихъ сценахъ, ты наблюдательнѣе, ты знавалъ безчисленное множество всѣхъ возможныхъ артистовъ. Скажи мнѣ, тебѣ приходилось встрѣтить въ театральномъ мѣрѣ женщину которая осталась бы совершенно чистою, несмотря на всѣ окружающія ее опасности, на всю извращенность театральнхъ нравовъ?

— Отвѣчу вамъ откровенно. Я не желаю обидѣть кого бы то ни было, но скажу вамъ что еслибъ я любилъ женщину, я бы ни за какія блага въ мѣрѣ не допустилъ чтобъ она пошла на сцену....

II.

Гарофоло, какъ можно было предвидѣть, не нашелъ нужнымъ разыгрывать саишкомъ долго роль примѣрнаго мужа и скоро вслѣдъ за дочерью прибылъ во Флоренцію. Онъ объяснилъ свой прїѣздъ „улучшеніемъ въ здоровьи Женевы и своею болзнію оставить дочь еще долѣе одну. А насчетъ жены онъ, впрочемъ, можетъ быть совершенно спокойнымъ, поручивъ попеченіе о ней прекраснѣйшимъ людямъ.“ Въ сущности онъ помѣстилъ ее, уже умирающую, въ больницѣ.

Барону Доке все еще не удавалось возбудить въ Эмилиі болѣе нѣжное чувство къ себѣ. Но онъ уже успѣлъ заставить ее слушать его страстныя изъясненія и теоріи о счастьи и любви. Ему уже удалось запятнать ея мысли и воображеніе. Ей все еще казалось что она не можетъ полюбить такого человека какъ баронъ Доке: „она только привыкла къ нему“.... Но она уже „встрѣтила“ нѣсколько молодыхъ людей къ которымъ, „еслибъ она была свободна, могла бы питать такую же страсть какъ къ Сальвиани....“ Прежде только одинъ образъ наполнялъ ея душу, и мысль о другомъ показалась бы ей измѣной, святотатствомъ. Теперь, когда она выходила на сцену, ея взглядъ тревожно искалъ между зрителями тѣхъ изъ ея обожателей которые преимущественно сумѣли остановить на себѣ ея вниманіе. Посреди самой многочисленной публики она привыкла уже отмѣчать и узнавать и молодого аристократа ни на минуту не сводившаго съ нея билака, и юношу-живописца который сдѣлалъ на память ея портретъ, и поэта описавшаго ее въ стихахъ, и богача-плебея забрасывающаго ее каждый вечеръ букетами

и вѣнками... „Вотъ этотъ красивый Сальвиани, а тотъ болѣе талантивъ, а еще другой настоящій патрицій, а четвертый безусловно богатъ...“ Баронъ Доке сидѣлъ съ напряженнымъ вниманіемъ за этою метаморфозой, совершавшеюся въ Эмилии незамѣтно для нея самой, и ждалъ.

Во Флоренціи, на сценѣ театра Пергола, каждое появленіе Эмилии было для нея настоящимъ торжествомъ. Изъ досадъ Флорентійцевъ, вслѣдствіе болѣзни тенора Цободи, оперныя представленія прекратились. Вотъ извѣстные хорошіе тенора были ангажированы въ другихъ городахъ. Импресарио Ланора приходилъ въ отчаяніе: его репутація, его честь, а главное, его касса уже висѣли на волоскѣ. Онъ разослалъ ко всѣмъ своимъ агентамъ письма и даже посланныхъ. Наконецъ онъ получалъ извѣстіе что удалось ангажировать для него превосходнаго тенора, еще безъ большой репутаціи, но съ дивнымъ голосомъ и замѣчательнымъ драматическимъ талантомъ. Быстро разнеслась по всему городу важная вѣсть что во Флоренцію идетъ новый теноръ. Его имя еще не было извѣстно.

— Знаете, обратился баронъ Доке къ Эмилии, входя въ ея роскошный будуаръ, — я имѣю предчувствіе что новый теноръ не кто иной какъ вашъ Сальвиани.

— Эрнесто? Не можетъ быть! Въ своемъ послѣднемъ письмѣ онъ писалъ мнѣ что поетъ въ Миланѣ, въ Ла-Скала, и имѣетъ тамъ большой успѣхъ.

— Но возможность быть съ вами прежде нежели онъ ожидалъ заставить его пожертвовать и успѣхомъ, и всеми возможными выгодами, и контрактами... А это было бы очень поэтично. Здѣсь теперь идетъ *Лючія*. Эдлардъ неожиданно возвращается въ объятія своей Лючіи, наследствіе ея болѣе изрочно чѣмъ Лючія Вальтеръ-Скотта, вслѣдствіе чего, заколовъ себя на сценѣ, опѣшитъ воскреснуть за кулисами, надѣваетъ черный фракъ и бѣлые перчатки, и ведетъ свою Лючію для совершенія вѣнчательнаго обряда, ну, хоть бы въ церковь *Santa Croce*, идѣ, для большаго эффекта, при прощаніи облюбованной иллегитимки могли бы присутствовать тѣ же Альфіери, Микель-Анджело, Макиавелла, Галилея и также тѣ же вашего покорнаго слуга барона Доке...

— Вы утробиваете снѣ самоубійствомъ, сказала Эмилиа, улыбавшись.— Успокойтесь, вашъ послѣдній часъ еще не пребылъ.

— Но шутки в сторону; если бы в самом деле мое предположение оправдалось, и Сальвиани очутился во Флоренции, разве вы не воспользовались бы этим случаем чтобы поторопить вашу свадьбу?

— Мне трудно сейчас сказать как бы я поступила.... Было только что в настоящую минуту приезд Эрнесто не обрадовал бы меня....

— Оставайтесь попросить объяснения этих странных слов.

— Я по-прежнему люблю Эрнесто и никогда не откажусь от своего слова. Но я хотела бы увидеть его как своего жениха, а не как теюра. Считаю что это может показаться странным, но....

— Вовсе нет! Если бы Сальвиани прибыл сюда и стал бы жить с вами, весь город чрез несколько дней узнал бы историю вашей любви. Оно, пожалуй, и глупо, и неапно, но фактъ тотъ что всѣ театралы страшно ревнуютъ свѣтъ сценическихъ идиоловъ. Молодой артистъ, да еще такой красивый какъ вы, если она дорожить своею карьерой, собственно никогда не смѣловоало бы влюбляться, а еще меньше въ артиста.... а еще меньше выходить за него замужъ. Всѣ безпоселенные обожатели ваши, которые теперь приближаются къ самымъ сумашедшимъ выходкамъ чтобы доказать вамъ свой энтузіазмъ, скоро и живо охладнѣютъ къ вашему таланту, если они узнаютъ что вы любите пѣвца съ которымъ поете на сценѣ дуэты.... И вмѣсто восторженной публлки вы увидите предъ собою недоброжелательныхъ судей.

— Если вы права, то я должна опасаться приезда Эрнесто еще болѣе для него самого нежели для себя.

— Да, я полагаю что его положеніе здѣсь не было бы выгоднымъ....

— Эмилия! Спѣшу сообщить тебѣ интересную новость! воскликнула Гарофоло, входя въ сопровожденіи импрессаріа Ланари и сикьюра Монтрасіо, редактора артистической газеты: *La Rivista Toscana*.

Эмилия тревожно взглянула на отца и последовала за нимъ въ его кабинетъ.

— Когда же вы, наконецъ, узнимъ и услышимъ новаго теюра? обратился баронъ Доке къ Ланари.

— Онъ уже на пути во Флоренцію, отвѣчалъ импрессаріо съ сіяющимъ лицомъ.

— Тѣмъ лучше или тѣмъ хуже. Это зависитъ отъ его имени.

— Имя еще не громкое: Эрнесто Сальвиани. Но мнѣ изъ Милана пишутъ о немъ чудеса.

— Эрнесто Сальвиани? произнесъ сквозь зубы баронъ.—Я, кажется, слышалъ гдѣ-то его имя; если не ошибаюсь, синьора Эмилиа его знаетъ.

— Моя дочь извиняется, перебилъ его Гарофоло, опять появляясь,—она почувствовала себя не совсемъ здоровою и не можетъ выйти къ вамъ.

Баронъ, Ланари и Монтразіо взяли шляпы. При прощаньи съ ними Гарофоло сдѣлалъ знакъ журналисту.

— Оставайтесь, шепнулъ онъ ему,—я долженъ поговорить съ вами.

Предъ синьоромъ Монтразіо были челою въ театральные директоры, всѣ импрессари и всѣ, даже знаменитые, артисты. Благодаря таланту ошѣпить и забавлять и наглою дерзости, онъ приобрѣлъ славу перваго критика во Флоренціи, хотя всѣ знали что онъ за деньги продаетъ свой талантъ, свое перо, свои мнѣнія и убѣжденія; что для каждой похвалы имѣетъ особенный тарифъ и подымаетъ его такъ высоко что артисты часто не въ состояніи бываютъ удовлетворить его требованіямъ. Въ продолженіе всей своей литературной карьеры, Монтразіо одинъ разъ только случилось написать даромъ восторженную статью, именно объ Эмилиа Реденти. Совершилось это потому что самъ г. редакторъ не на шутку влюбился въ прелестную примадонну. Гарофоло, опасаясь что онъ охладѣетъ къ Эмилиа, если потеряетъ надежду на ея „взаимность“, и тогда перестанетъ писать даромъ восторженныя статьи, сообщилъ ему по секрету что Эмилиа далеко равнодушна къ нему. Известно что въ подобныхъ случаяхъ не трудно обмануть и умнѣвшихъ людей.

— Синьоръ Монтразіо, началъ Гарофоло,—я такъ глубоко увѣренъ въ вашей дружбѣ къ намъ что рѣшаюсь посвятить вамъ въ нѣкоторыя семейныя тайны. Надѣюсь что вы постараетесь кой-въ-чемъ помочь мнѣ. Итакъ, слушайте. Этого тенора Сальвиани,—его самъ дьяволъ ангажировалъ для театра Пергола во Флоренціи,—я превосходно знавалъ въ Миланѣ, гдѣ онъ готовился сдѣлаться адвокатомъ.... Вдругъ

ему вздумалось превратиться въ пѣвца! Онъ продалъ кодексъ и началъ выдѣлывать руды; все это для того чтобъ отнять у меня мою дочь, быть моимъ зятемъ и жить на счетъ своей жены-примадонны.

— Но для исполненія этихъ плановъ необходимо было согласіе вашей дочери?

— Эмилія была еще настоящимъ ребенкомъ. Разумѣется, первый красивый мужчина, одѣлавшій ей страстное любовное изъясненіе, произвелъ на нее нѣкоторое впечатлѣніе, и она вообразила что любить его. Я поступилъ какъ нѣжнѣйшій отецъ и торжественно далъ свое благословеніе на обрученіе Сальвиани съ Эмиліей подъ тѣмъ неперемѣннымъ условіемъ, однако, чтобы свадьбу отложили на нѣсколько мѣсяцевъ. Я не ошибся въ своихъ расчетахъ: Эмилія уже начинаетъ понимать что назначеніе артистки не въ замужествѣ, а также что въ сравненіи со всѣми блистательными львами, аристократами, поѣтами, журналистами, которые за одинъ ея взглядъ готовы броситься въ огонь и воду, ея Сальвиани не что болѣе какъ самое ничтожное созданіе, жалкое насѣкомое.... Я уже пересталъ и думать о вамъ, какъ вдругъ онъ появляется....

— Мой другъ, перебилъ его Монтезио, съ перваго его слова понявшій цѣль его конфиденціального разказа,—вмѣсто того чтобъ отчаиваться, вы, напротивъ, воздайте благодареніе судьбѣ, такъ явно благоприятствующей вамъ. Если дочь ваша и питаетъ еще симпатію къ господину тенору, то обещаюсь вамъ, что чрезъ какія-нибудь двѣ недѣли она изгонитъ его изъ своего сердца и изъ вашего дома. Я нахожу что женщины созданныя для сцены и сильныхъ ощущеній не должны выходить замужъ. Хозяйственныя заботы, пискливыя дѣти, мужъ, пожалуй еще ревнивый.... вѣтъ, вѣтъ, нельзя допустить чтобы свѣтъ потерялъ такую артистку какъ Эмилія по той причинѣ что какому-нибудь господину Сальвиани вздумалось обзавестись женой.... Сеньоръ Гарофоло! я понимаю какъ ваше нѣжное, благородное, отцовское сердце (онъ не могъ скрыть легкой улыбки) должно быть озабочено всѣмъ этимъ, но рассчитывайте на меня какъ на вашего дѣятельнѣйшаго союзника. Вашъ будущій зять сдѣлаетъ фіаско, такой фіаско, что еслибы дочь ваша и была влюблена въ него безъ памяти, она совершенно измѣнится отъ своей страсти.

Къ вечеру того же дня въ кафе Доне, гдѣ обыкновенно собирается вся флорентійская молодежь, съ жаромъ рассууж-

дали о закрытіи оперы, объ ожидаемомъ тенорѣ и о томъ что не придется болѣе недѣли слышать Реденти.

Кто не бывалъ въ Италіи, тотъ съ трудомъ повѣритъ какую важность придаютъ тамъ всѣмъ театральнымъ происшествіямъ. Открытіе театра, или первое представленіе новой оперы, или дебютъ артиста составляютъ въ Италіи серьезное событіе. Это особенно относится къ Флоренціи, гдѣ все располагаетъ къ большей воспріимчивости прекраснаго. Тамъ даже люди простыхъ классовъ интересуются произведеніями искусства и страстно любятъ театръ и музыку.

— Господа! важная новость! воскликнулъ одинъ изъ ежедневныхъ почитателей Доне.— Я только что купилъ еще старой нумеръ *Rivista Toscana*: наконецъ Эдгаръ уже на пути во Флоренцію.

— Кто онъ? Когда первый дебютъ? Читайте, читайте вслухъ статью! послышалось со всѣхъ сторонъ.

— Слушайте: „Сиккиоръ Ланари гениальнѣйшій изъ всѣхъ существующихъ въ мірѣ импресаріевъ. Знаете ли кѣмъ онъ замѣнилъ такого тенора какъ Цоболу? Вы думаете, можетъ-быть, Моріани, Гордони, Сальви, Дюпре, Маріо?... Какъ бы не такъ! Въ эти господа знаменитые пѣвцы, и только. Ланари понялъ что для торжественнаго открытія Перголы, первой оперной сцены во Флоренціи, музыкальнаго города во всей Италіи, надо найти что-нибудь необыкновенное, необыкновенное. Флорентійцы, слушайте! Импресаріо Ланари, на мѣсто Цоболу и *подъ пару* нашей очаровательной Реденти, ангажировалъ знаменитаго, великаго Эрнесто Сальвани, эксъ-адвоката, окончившаго не безъ некотораго успѣха курсъ права въ Болонскомъ университетѣ и поступившаго со скамеекъ университета на подмостки оперной сцены. Не находите ли вы что это рѣдкая честь для Флоренціи! Я съ своей стороны, какъ истый Флорентіецъ, не могу думать безъ чувства національной гордости о такомъ приобрѣтеніи для нашей знаменитой Перголы, на сценѣ которой никогда еще, сколько мнѣ известно, не появлялся теноръ-юрьетъ. Во всякомъ случаѣ будущаго Ланари обезпечена: если новый теноръ окажется до такой степени несоотвѣтельнымъ что Ланари тотчасъ же послѣ открытія оперы вынужденъ будетъ опять закрыть ее и объявить себя банкротомъ, то онъ можетъ воспользоваться юридическими познаніями тенора и поручить ему занятіемъ ликвидаціей своихъ дѣлъ.“

Чтение этой статьи возбудило громкий хохотъ, потому слышались фразы: „Да это не смѣшно, а возмутительно! Ланари шутить что ли вздумалъ съ флорентійскою публикой?... Можетъ-быть, Монтразіо жетъ, это съ нимъ случается... Какое! Развѣ вы когда-нибудь слышали о тенорѣ Сальвиани? Кажется онъ пѣлъ въ Миланѣ и нравился...“

— Вотъ кто разъяснитъ наши сомнѣнія, обратится одинъ изъ театраловъ къ господину входящему въ кафе.—Канокіо! Ты, фенакъ всѣхъ существующихъ вторыхъ теноровъ, ты, знающій всю подноготную всѣхъ артистовъ прошлаго, настоящаго и чуть ли не будущаго времени, скажи намъ что и кто этотъ теноръ Сальвиани?“

Канокіо и въ самые юные и блистательные годы своей артистической карьеры ни разу не исполнилъ партіи важнѣе роли „жениха Лючіи“. Постарѣвъ и совершенно потерявъ свои небольшія голосовыя средства, онъ, благодаря ловкой пронырливости, сумѣлъ остаться ангажированнымъ по праву давности. Импрессаріи и публика привыкли видѣть въ немъ непремѣнное зло флорентійской оперы, и если старались не слушать его пѣнія, за то съ удовольствіемъ слушали его рассказы, сплетни и даже сужденія объ оперныхъ артистахъ. Въ произношеніи своихъ критическихъ сужденій Канокіо руководствовался тѣми же побужденіями какъ и синьйоръ Монтразіо, только въ крайне уменьшенныхъ размѣрахъ: въ требованіи *сметки* Канокіо никогда не доходилъ выше завтрака съ устрицами или ужина съ шампанскимъ. Онъ пришелъ въ кафе Дове изъ гостиницы гдѣ Гарофоло накормилъ его превосходнымъ обѣдомъ.

— Господа! началъ Канокіо, важно усаживаясь посреди обступившей его толпы.—Да, я знаю Эрресто Сальвиани, я видѣлъ его въ Миланѣ: красивый малый, съ претензіями на аристократизмъ. Когда и у кого онъ учился пѣть, это ни мнѣ, да, я думаю, и никому другому неизвѣстно, но могу васъ увѣрить въ одномъ: что синьйоръ Сальвиани въ партіи Эдгарда несравненно выше Моріани....

Въ то время Моріани былъ идоломъ Флорентійцевъ.

Слова Канокіо произвели эффектъ.

— Лучше Моріани? Это невозможно! Кто, кто это говорить?

— Это какъ нельзя болѣе достоверно, потому что живніе это было сообщено мнѣ самимъ Эрресто Сальвиани.

— Онъ такъ нагло хвастаетъ?

— Онъ и не думалъ хвастать, онъ мнѣ только высказалъ свое глубокое убѣжденіе.

Трудно было найти выдумку которая бы болѣе возстановила публику противъ „новаго, неизвѣстнаго тенора“. Мон-тразіо, Гарофоло и баронъ Доке распустили разными путями еще другіе слухи о Сальвиани: „Ланари имѣлъ собственно выборъ между нѣсколькими тенорами съ репутаціей, но пожертвовалъ публикой и предпочелъ Сальвиани вслѣдствіе полученія отъ него значительной суммы. Сальвиани прибѣгнулъ ко всевозможнымъ средствамъ чтобы попасть на сцену Перголы, потому что онъ пылаетъ весьма комическою страстью къ Эмилиі Реденти и своими поступками уже не разъ компрометтировалъ спокойствіе и артистическую будущность очаровательной пѣвицы“....

Сальвиани, съ чувствомъ чистой любви въ душѣ приближаясь къ стѣнамъ Флоренціи, не могъ, конечно, подозрѣвать что тамъ уже былъ приготовленъ для него цѣлый рядъ не-пріятностей, разочарованій и горя.

III.

Не знаю, можно ли въѣзжая во Флоренцію не испытывать радостнаго волненія и восторга. Чудная природа, мягкій воздухъ, пропитанный запахомъ розъ, лилій, геліотроповъ, богатства искусства, памятники великаго прошедшаго Италіи, наконецъ звуки дивнаго тосканскаго языка,— все здѣсь соединяется чтобы произвести невыразимое очарованіе.... Для Сальвиани прелесть и поэзія Флоренціи имѣли удвоенную силу: тамъ была его Эмилиа.

Ланари (рѣдкое исключеніе, изъ всѣхъ импрессаріевъ) имѣлъ манеры и приемы настоящаго джентльмена. Онъ ожидалъ Сальвиани въ конторѣ дилижансовъ, привѣтливо встрѣтилъ его, предложилъ ему свои услуги и провезъ его до гостиницы, гдѣ для него приготовлена была квартира.

— Вы меня очень обяжете, обратитесь импрессаріо къ Сальвиани,—если придете сегодня вечеромъ на репетицію къ Реденти. Вамъ остается еще часа два времени чтобы отдохнуть; впрочемъ, вамъ не слѣдуетъ утомлять себя и пѣть: нужно будетъ только согласиться насчетъ tempi и дуэтовъ.

Намъ нельзя терять ни одной минуты.... Какъ вамъ извѣстно изъ вашего контракта, вы, послѣ одной репетиціи при фортепиано и двухъ съ оркестромъ, должны дебютировать въ *Лючии*.... Долге откладывать невозможно. Публика и такъ уже потеряла терпѣніе....

Сальвиани такъ былъ поглощенъ мыслию о предстоящемъ свиданіи съ Эмилией что весьма разсѣянно слушалъ рѣчь импрессарія. Онъ понялъ только что отъ него требуютъ чтобъ онъ *на репетиціи*, въ присутствіи всей оперной труппы, въ первый разъ увидѣлъ Эмилию. Онъ успѣшилъ сказать Ланари что онъ чрезчуръ утомленъ и нездоровъ и отказался исполнить его просьбу. Оставшись одинъ, онъ написалъ къ Эмилиі нѣсколько строкъ: „Я только что прибылъ во Флоренцію и хотѣлъ сейчасъ идти къ тебѣ, но узналъ что у тебя готовится теперь репетиція. Увидѣть тебя, въ первый разъ послѣ нашей разлуки, при другихъ—кажется мнѣ невозможнымъ. Завтра къ десяти часамъ утра я буду у тебя, постарайся быть одна! Молю небо чтобъ я узналъ въ тебѣ мою прежнюю Эмилию!...“

Между тѣмъ въ квартирѣ Эмилиі пѣвцы, суфлеръ, маэстро уже собрались для репетиціи.

— Чтò это значитъ? воскликнулъ маэстро, вынимая часы:—репетиція назначена въ восемь часовъ, а теперь безъ пяти минутъ девять. Если Эдгаръ чрезъ пять минутъ не будетъ здѣсь, я рѣшительно ухожу.

— Я, право, не привыкъ ждать и являться понапрасну, отозвался баритонъ.

— А я, замѣтилъ басы,—объявлю Ланари что я вовсе не буду присутствовать при репетиціяхъ *Лючии*.—Я доказалъ, кажется, что я въ своей партіи достаточно увѣренъ и нахожу совершенно лишнимъ утомлять себя изъ-за другихъ.

— Невѣжливость новаго тенора ни мало не удивляетъ меня, вмѣшался въ разговоръ Канокіо.—Онъ привыкъ пѣть на второстепенныхъ сценахъ, гдѣ, вы знаете, часто вовсе не дѣлаютъ репетицій. Онъ, вѣрно, воображаетъ что Пергола ничуть не важнѣе, на примѣръ, театра въ Монте Савь-Савино....

— Я пришелъ извинить и себя, и Сальвиани предъ вами, раздался голосъ Ланари.—Онъ такъ утомленъ отъ дороги что рѣшительно не былъ въ состояніи явиться сюда. Отложимъ репетицію до завтрашняго утра.

Цѣвцы, такъ грозно заявившіе прежде свое негодованіе, въ присутствіи импрессарія не выказали и малѣйшаго неудовольствія и преспокойно распростлились.

Эмилиа была сильно взволнована. Услышавъ звонокъ, она сама побѣжала отворить дверь. Это былъ Аристокдемъ.

— Сильиоръ Эрнесто Сальвиани, сказалъ онъ,—велѣлъ мнѣ отдать это письмо въ руки сильиоры Реденти.

— Дайте, дайте! воскликнула Эмилиа, тутъ же распечатывая письмо.

— Такъ онъ пріѣхалъ во Флоренцію, къ намъ! Этотъ дорогой Эрнесто! произнесъ съ умиленіемъ Гарофоло.—Какая неожиданная радость!

— Будетъ отвѣтъ? спросилъ Аристокдемъ.

— Скажите ему что я завтра буду ждать его.... сказала Эмилиа взволнованнымъ голосомъ.

Поздно вечеромъ Сальвиани попросилъ Аристодема указать ему гдѣ живетъ Эмилиа. Онъ отправился туда. Всѣ комнаты ея квартиры были освѣщены. Около полуночи стали гнѣшить лампы, только въ одномъ окнѣ еще долго видѣлся огонь. „Это комната Эмилиа“... думалъ Сальвиани, и какъ вкопанный остановился противъ этого окна. Влюбленный молодой человѣкъ, погружаясь въ упительныя мечты, совершенно забылъ что онъ теноръ и что черезъ два дня долженъ дебютировать на большой сценѣ театра Пергола.

Аристокдемъ находился въ самомъ тревожномъ состояніи.

— Непростительно такъ рисковать голосомъ! встрѣтилъ онъ возвратившагося Сальвиани.—До поздней ночи прогуливаться, когда вамъ послѣзавтра надо пѣть Эдгарда!... Да и Богъ знаетъ заслуживаетъ ли она чтобы вы такъ любили ее, прибавилъ онъ сквозь зубы.—Театральная артистка!... Или она какое-нибудь еще невиданное чудо, или....

Онъ махнулъ рукой и не докончилъ фразы.

Эмилиа исполнила желаніе Сальвиани. Она энергически объявила Гарофоло что при первомъ свиданіи съ женихомъ хочетъ быть одна. Сальвиани вошелъ къ ней. Она бросилась въ его объятія, ихъ уста слились въ горячемъ поцѣлуѣ. После первыхъ восторженныхъ минутъ, Сальвиани взялъ Эмилию за обѣ руки, и пристально и долго смотрѣлъ на нее.

— Эмилиа, сказалъ онъ,—и его голосъ болѣзненно зазвучалъ,—ты измѣнилась!...

Онъ не нашелъ своей Эмилии. Въместо очарованья бесо-

знательной красоты, онъ тотчасъ же замѣтилъ въ наружности Эмилии явныя доказательства какъ много и серьезно она ею занимается. Ея волосы были причесаны съ разными изысканными причудами, по бровямъ прошли пальцы и симметрически уложили ихъ волосики, на лбу и щекахъ видѣлись слѣды *poudre de riz*; туалетъ отличался богатствомъ, кокетливостью и отсутствіемъ простоты. Черты ея лица утратили выраженіе дѣтской прелести, и крѣпкая, но полустыдливая лаоки чистой любящей дѣвушки превратились въ страстные поцѣлуи примадонны, причувшеиса испытывать, по обязанности, каждый вечеръ, въ присутствіи тысячи зрителей, страстныя сцены любви. Сама Эмилиа также нашла первый поцѣлуй Сальвиани послѣ долгой разлуки несоотвѣтствующимъ ея ожиданіямъ. Она уже успѣла такъ привыкнуть къ сценическому пафосу, къ ходульности, къ увеличенію выраженія страстей, что простое проявленіе правдиваго чувства показалось ей холоднымъ и вялымъ.

— Эмилиа, мое бѣдное дитя, продолжалъ Сальвиани, — переживна въ тебѣ не удивляетъ меня. Твои письма приготовили меня ко многому. Я не вижу тебя. Я только еще глубже сознаю всю силу отравляющей атмосферы театральнаго міра, когда и на тебя она могла имѣть вліяніе!... Ты не виновата. Сцена предъ публикой и сцены за кулисами, совѣты Дженевьевы и Гарофоло... О, я знаю кто хотѣлъ погубить тебя, кто допустилъ чтобы такой человекъ какъ баронъ Доке являлся твоимъ домашнимъ другомъ, кто продалъ твою честь....

— Моя честь не тронута! перебила его Эмилиа, уязвленная его словами.

— Да, предъ твою совѣстью, предъ Богомъ, предъ мной — ты чиста, ты мое дитя, моя дѣвота, моя жена, — но въ общественномъ мнѣніи ты уже погибла.... Въ Марсели всѣ называютъ тебя любовницей барона Доке, въ Миланѣ, въ Туринѣ распространяютъ о тебѣ низкія клеветы. Мнѣ тяжело и больно говорить тебѣ это, но ты должна знать истину. Я не могу долге переносить это; скажи, Эмилиа, ты любишь меня по-прежнему? Согласна ли ты чтобы мы теперь здѣсь, во Флоренціи, обвѣнчались?

— Такъ ты не находишь еще меня недостойною тебя? спросила Эмилиа, не отвѣчая прямо на его вопросъ.

— Къ чему подобныя слова?... Я сказалъ тебѣ что люблю

тебя и вѣрю въ тебя; ты знаешь, я не умѣю лгать. Послушай, Эмилиа, я теперь убѣжденъ что твой отецъ никогда добровольно не дастъ согласія на нашъ бракъ. Но тебѣ, въ твоемъ положеніи, всѣ человѣческіе и божественные законы даютъ право дѣйствовать самостоятельно. Окружающія тебя опасности и клеветы, планы и правила твоего отца, все велитъ тебѣ искать спасенія въ соединеніи съ твоимъ другомъ. Повѣрь, я это чувствую, или ты теперь, безъ отлагательствъ, сдѣлаешься моею, или судьба разлучитъ насъ навсегда...

Слова эти подѣйствовали на Эмилию. Невольно вспомнила она послѣднее предсказаніе своей мачихи, ей сдѣлалось страшно, и еслибъ она послѣдовала первому порыву, она бы, благословляя Сальвиани какъ своего ангела-спасителя, обѣщалась ему подчиниться его волѣ и желаніямъ. Но скоро другія мысли мелькнули въ ея головѣ: отецъ, неприятная необходимость противодѣйствовать ему, театръ, сцена.... не лучше ли отложить еще свадьбу? Теперь она можетъ повредить ея артистической карьерѣ....

— Мой другъ, начала Эмилиа, — я надѣюсь что намъ удастся уговорить, упросить отца, и что мы не будемъ принуждены прибѣгать къ ссорѣ и скандалу.... Но не забудь что чрезъ два дня ты долженъ дебютировать. До этого времени не станемъ затрогивать слишкомъ серіозныхъ вопросовъ и и черезчуръ волновать себя. Пойми, что для насъ обоихъ спокойствіе теперь необходимо. Я горячо желаю чтобы твой дебютъ удался, отъ этого зависитъ многое. Послѣ перваго представленія *Лючии* мы окончательно переговоримъ обо всемъ, и обѣщаю тебѣ, — если въ самомъ дѣлѣ ты правъ, и отецъ будетъ протѣвиться моему счастью, — я рѣшусь поступить противъ его воли! Доволенъ ли ты теперь мною?

— Не совсѣмъ! отвѣчалъ Сальвиани. Полуулыбный, полухолодный, полуясный отвѣтъ Эмилии произвелъ на него тяжелое впечатлѣніе.

Въ сосѣдней комнатѣ послышалось нѣсколько голосовъ.

— Уже начинаютъ собираться для репетиціи, сказала Эмилиа. — Эрнесто! старайся быть спокойнѣе, прошу тебя. До твоего дебюта думай только о сценѣ и о твоемъ пѣніи.

Пѣвцы свысока посмотрѣли на Сальвиани.

— Позвольте представить вамъ нашего новаго тенора Эрнесто Сальвиани, обратилась къ нимъ Эмилиа.

Они молча поклонились. Канокіо взглянул на Сальвіани, какъ будто желая спросить: „такъ этотъ господинъ неизвѣстный теноръ Сальвіани?“

— Мы можемъ начать, сказалъ маэстро, усаживаясь за фортепіано.—Ферлоти, вы пропоете вашу арію?

— Это будетъ совершенно лишнимъ, отвѣчалъ баритонъ.— Не для меня мы здѣсь собрались. Чортъ бы побралъ всѣ репетиціи и всѣхъ тѣхъ которые ихъ выдумали.

— А вы, дочь моя, продолжалъ маэстро,—пройдете вашъ речитативъ?

— Мнѣ кажется, лучше, не теряя времени, сейчасъ же приступить къ мѣстамъ гдѣ поетъ теноръ, сказала Эмилиа.

Сальвіани развернулъ свои ноты и началъ пѣть въ полголоса. Пѣвцы сжались въ кучку въ углу залы, наостривъ уши и вопросительно поглядывая другъ на друга. Сальвіани не былъ еще безукоризненнымъ пѣвцомъ. Онъ обладалъ звучнымъ, симпатичнымъ голосомъ, и декламация его была проникнута истиннымъ чувствомъ. Но онъ не приучился еще въ-время сдерживать страстные порывы, въ его пѣніи часто замѣчались рѣзкіе переходы и неровности. Подобный недостатокъ иногда служитъ доказательствомъ таланта въ пѣвцѣ и залогомъ, при помощи энергическаго труда, его будущаго величія. Но старый маэстро, привыкшій крѣпко стоять за педантическую точность въ исполненіи всѣхъ традиціонныхъ темпъ и нюансовъ, ежеминутно и не слишкомъ вѣжливо останавливалъ Сальвіани, заставляя его по нѣскольку разъ повторять одну и ту же фразу. Сальвіани, парализованный этимъ и принужденный подчиняться понятіямъ о чувствѣ и выраженіи другаго, конфузился, путался, и такъ неудачно спѣлъ свою послѣднюю арію, что маэстро вскочилъ съ своего мѣста и со словами: „я тутъ ничего не могу сдѣлать!“ вышелъ изъ комнаты. Пѣвцы разошлись. Сальвіани, оскорбленный, взволнованный, хотѣлъ остаться еще съ Эмилией, но увидѣвъ входящаго Гарофоло, сказалъ ему нѣсколько словъ и поспѣшилъ уйти. Эмилиа весь этотъ день находилась въ самомъ дурномъ расположеніи духа. Гарофоло пообѣдалъ съ необыкновенно хорошимъ аппетитомъ.

IV.

Сальвиани переѣхалъ изъ гостиницы въ „меблированныя комнаты“ содержимыя синьоромъ Бусола. Пансионеры синьора Бусола, актъ-импресарио, почти исключительно принадлежали къ театральному міру. Пансионъ этотъ отличался дешевизной и порядочностью, чѣмъ синьоръ Бусола былъ преимущественно обязанъ стараніямъ и заботамъ своихъ двухъ дочерей. Обѣ дѣвушки, особенно старшая изъ нихъ, Адель, были замѣчательно хороши собой, умны, миды, талантливы. Отецъ далъ имъ воспитаніе, можетъ-быть, выше своего положенія, что, впрочемъ, ни чуть не мѣшало имъ исправно заниматься хозяйствомъ. Обѣ дѣвушки, рано потерявъ свою мать, хорошо понимали что онѣ обязаны заведывать домою. Но исподняя какъ нельзя болѣе дѣятельно и честно эту обязанность, онѣ держались совершенно въ сторонѣ отъ общества своихъ пансионеровъ и оставили себѣ такое неблагопріятное мнѣніе о театральныя артистахъ вообще, что Сальвиани показался имъ настоящимъ чудомъ.

— Какая у него благородная наружность, какія изящныя манеры! сказала Тереза, младшая изъ нихъ, обращаясь къ сестрѣ.

— Да. Но какъ онъ грустенъ и задумчивъ!

Это замѣчаніе еще болѣе возбудило сочувствіе Адели къ новому жильцу. Во время обѣда она была очень любезна и разговорчива съ нимъ. Одинъ хористъ, всегда одоленный противъ всѣхъ и всего, шепнулъ нѣсколько конокихъ словъ объ Адели своему сосѣду, „второму танцору“, но „второй танцоръ“ такъ былъ занятъ обѣдомъ что не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на успѣхъ Сальвиани. Обѣдъ приходилъ уже къ концу, когда явился почталіонъ съ толстымъ пакетомъ. Въ одну минуту расхватала письма и газеты. Читавшіе газеты посрѣщали объявить самыя важныя новости.

— Въ Неаполѣ *Эрнани* сдѣлалъ фіаско.

— *Лукреція Борджиа* производитъ восторгъ въ Падермо. Колина потерялъ голосъ. Дедагранжъ ангажирована въ Мантуу, значить ея слава меркнетъ.

— Въ Мадридѣ революція....

Почталіонъ вынулъ еще одно письмо и громко прочелъ имя „Эрнесто Сальвиани“. Никто еще не сумѣлъ объяснить

причины предчувствія, но неоспоримо что оно существует и рѣдко обманываетъ. Простой, обыкновенный фактъ: адресъ прочитанный почтальономъ, такъ встревожилъ Сальвиани что онъ поблѣднѣлъ, всталъ и быстро подошелъ къ почтальону. На конвертѣ письма Сальвиани узналъ руку отца.

— Аристокдемъ! сказалъ онъ, дослѣдно входя въ свою комнату:—письмо отъ отца.... оно возвѣщаетъ мнѣ какое-нибудь горе....

— Такъ отложите чтеніе письма до дослѣзатра. Предъ первымъ дебютомъ надо же хоть немного поберегъ себя.

— Да будутъ прокляты дебюты и тиранство всѣхъ сценическихъ требованій и условій! проговорилъ Сальвиани, распечатывая письмо.

„Сынъ мой“ писалъ старикъ, „если можешь, прѣвѣжай скорѣе къ намъ. Твоя мать больна. Она проситъ меня чтобъ я простилъ тебя. Посылаю тебѣ ея благословеніе, мое прощеніе и жду тебя. Не говорю ничего болѣе. Я убитъ мыслью о грозящемъ намъ несчастіи. Слѣши!“

— Моя матушка, моя добрая матушка! воскликнулъ Сальвиани, и слезы покатались по его лицу.—Она больна, она умираетъ, и я, можетъ-быть, убилъ ее.... Аристокдемъ! бѣги къ Ланари, скажи ему что надо уничтожить контрактъ, что я заранде соглашаюсь на всѣ условія которыя онъ предложитъ мнѣ, что мнѣ даже некогда зайти къ нему.... что я сегодня уѣзжаю, что я долженъ, что я хочу видѣть свою матушку!...

— Позвольте замѣтить вамъ что, вѣроятно, это ни къ чему не поведетъ. Развѣ вамъ неизвѣстна сила подписаннаго контракта и обязанности возложенныя на насъ муниципалитетомъ?

— Развѣ возможно чтобы существовали человѣческіе законы которые могутъ принудить человѣка пѣть на сценѣ, когда онъ знаетъ что его мать при смерти?... Бѣги, не теряй времени, Ланари сжалится надо мной, онъ человѣкъ.

— Онъ импрессарио.... пробормоталъ Аристокдемъ уже въ дверяхъ.

Аристокдемъ скоро возвратился вмѣстѣ съ Ланари.

— Мой дорогой другъ, началъ Ланари, немного запинаясь,—мнѣ рѣшительно невозможно допустить чтобы вы теперь оставили Флоренцію....

— Но я долженъ уѣхать, я не могу терять ни одной минуты.

— Еслибъ удовлетвореніе вашему желанію зависѣло только отъ меня, я бы, повѣрьте, видя васъ въ такомъ горѣ, не

противился вамъ. Но тутъ рѣчь идетъ не обо мнѣ только и о моихъ матеріальныхъ выгодахъ, а о силѣ муниципальныхъ распоряженій. Объявленія перваго представленія *Лючіи* уже напечатаны во всѣхъ газетахъ, на всѣхъ афишахъ. Если послѣзавтра опера не откроется, благодаря вашему отъѣзду, что, разумѣется, тотчасъ же сдѣлается извѣстнымъ, могутъ возникнуть серіозные беспорядки и неприятности. Во всякомъ случаѣ, я даже не въ правѣ разрѣшить вамъ отъѣздъ, не сообщивъ прежде о вашемъ намѣреніи президенту театральнoй дирекціи, иначе я подвергнусь нешуточной отвѣтственности.

— Но кто же имѣетъ право помѣшать мнѣ исполнить долгъ сына?...

— Тѣ кто обязаны слѣдить за охраненіемъ общественнаго порядка.

— Развѣ между ними найдется кто-нибудь у кого нѣтъ или не было матери?

— Повѣрьте, что я вполне понимаю васъ.... постараюсь помочь дѣлу, но не ручаюсь за успѣхъ.

Черезъ часъ Сальвиани получилъ отвѣтъ отъ Ланари: „Формальное запрещеніе оставить Флоренцію не исполнивъ всѣхъ обязанностей принятыхъ въ отношеніи къ импрессарию театра Пергола.“ Вечеромъ Сальвиани отправился на репетицію.

Гардеробная примадонны была наполнена „почитателями ея таланта“. Сальвиани не могъ безъ свидѣтелей сказать ей ни слова. По окончаніи репетиціи всѣ артисты единогласно рѣшили что новый теноръ, вѣроятно, сдѣлаетъ совершеннѣйшій фіаско. Сальвиани былъ такъ разстроены что пропѣлъ свою партію холодно, безцвѣтно и все время въ полголоса.

— Не слишкомъ же господинъ теноръ разчитываетъ на свои голосовыя средства, если онъ даже на генеральной репетиціи побоялся пѣть полнымъ голосомъ, замѣтилъ Монтразіо, насмѣшливо улыбаясь.

— Онъ воображаетъ что импонируетъ своими аристократическими манерами, отозвался баритонъ: — замѣйте что онъ держитъ себя въ сторонѣ отъ насъ.

— Завтра онъ позабудетъ важничать, прибавилъ Канокіо. — Публикѣ нужны пѣвцы, а не аристократы.

По городу разнеслись злобшіе слухи о предстоящемъ дебютѣ новаго тенора. Пансіонеры Бусола, также присутствовавшіе на генеральной репетиціи, сообщили Адела и Терезѣ

подробности этой несчастной репетиции. Когда Сальвиани возвратилась домой, его сожители встретили его съ потупленными взорами и съ фразами сказанными другъ другу полупотомомъ и выражающими соболъзнованіе. Только Адель взглянула на него прямо и съ чувствомъ искренняго участія. Сальвиани не спалъ всю ночь. На другой день въ театрѣ Пергола невозможно было найти ни одного свободнаго мѣстечка. Ничто такъ не возбуждаетъ любопытства публики какъ ожиданіе какого-нибудь фіаско. Подобное происшествіе принимаетъ для нея характеръ занимательной *partie de plaisir*. Думаетъ ли публика, забавляясь такими „театральными скандалами“, о тѣхъ мученіяхъ которыя переносятъ артисты, вида себя публично ошиканнымъ и осмѣяннымъ?... Предъ началомъ спектакля Эмилія и Сальвиани встрѣтились на сценѣ уже въ костюмахъ. Увидѣвъ свою Эмилію наряженную и костюмированную, взглянувъ на свой собственный мишурный нарядъ, Сальвиани, не объясняя себѣ хорошенько причины этого впечатлѣнія, почувствовалъ стыдъ, и у него болѣзненно сжалось сердце.

— Мой другъ, сказала Эмилія, — умоляю тебя, не падай духомъ! Ты вчера былъ такъ разстроенъ, утомленъ... но съ твоимъ голосомъ и талантомъ сегодня все пойдетъ хорошо. Ты имѣешь и друзей здѣсь: Монтразіо, баронъ Доке, нѣкоторые изъ ихъ пріятелей, всѣ они обѣщали мнѣ поддержать тебя...

— Эмилія, а если я въ твоемъ присутствіи буду униженъ, оскорбленъ, освистанъ?...

— Этого не можетъ быть.

— Но если это случится?

— Чтò жь? Мнѣ будетъ больно и досадно, но какое же вліяніе могло бы имѣть это на мою любовь къ тебѣ?

Въ эту минуту Эмилія была искренна и была занята только мыслью о Сальвиани. Она горячо желала чтобъ его дебютъ удался, она боялась, трепетала за него, она его любила. Но когда она вышла на сцену, и одно ея появленіе вызвало восторженныя крики и громъ рукоплесканій; когда послѣ ея первой аріи къ ея ногамъ посыпались безчисленные букеты, вѣнки, стихи, она забыла обо всемъ. Она испытывала только опьяненіе успѣха и сѣвшила благодарить публику очаровательными улыбками, прижиманіемъ букетовъ къ своей груди и всѣми тѣми нѣжностями, на которыя всѣ,

даже величайшія артистки, такъ расточительны въ отноше-
ніи къ публикѣ. Когда начался дѣйствіе, Эми-
лія уже такъ вошла въ свою роль и такъ уже была погло-
щена всеми ощущеніями примадонны, что въ Сальвиани ви-
дела только Эдгарда, а не своего друга и жениха. Осыпае-
мая аплодисментами, упиваясь все болѣе и болѣе энтузіаз-
момъ производимымъ ею на слушателей, она довольно рав-
нодушно замѣчала какъ холодно, съ какимъ явнымъ пред-
убѣжденіемъ принимали они „новаго тенора“. Послѣ перваго
дѣйствія нѣскольکو слабыхъ голосовъ попробовали вызвать
Сальвиани, но они были заглушены громкими свистками. Въ
то время когда Сальвиани стоялъ разстроенный, уничтожен-
ный, Эмилія опѣшила въ свою уборную чтобы встрѣтить тамъ
толпу обожателей всѣхъ разрядовъ и натѣшиться новыми ова-
діями. Во второмъ дѣйствіи ситуация драмы и характеръ
музыки до такой степени соотвѣтствовали душевному на-
строению Сальвиани, что онъ самъ невольно увлекся своею
ролью. Онъ съ такимъ мастерствомъ, съ такимъ могуществомъ
сыгралъ и сыгравъ сцену „возвращенія“, что публика, несмотря
на свое предубѣжденіе противъ него, въ „неизвѣстномъ, ни-
чтожномъ тенорѣ“ уже готова была признать и привѣтство-
вать великаго артиста. Но предъ фразой „проклетія“, за-
бывъ всѣ невзгоды и опасности которымъ въ послѣдніе дни
голосъ его былъ подвергнутъ, Сальвиани далъ слишкомъ
много воли своему увлеченію въ знаменитомъ „Maladetta“:
самая высокая и эффектная нота оборвалась у него и пре-
вратилась въ какой-то странный, пискливый звукъ.... Публи-
ка, уже увлеченная было въ пользу новаго тенора, мгновенно
забыла свой собственный восторгъ, раздались продолжи-
тельные шиканье, хохотъ и свистки. Трудно передать что
почувствовала Сальвиани въ эту минуту. Эдгардъ схватился
за кинжалъ, съ намѣреніемъ заколоть Люцію и себя не на
шутку. Онъ взглянулъ „въ послѣдній разъ“ на Эмилію. Ея
взглядъ, ея поза, ея голосъ выражали съ такою силой тоску,
любовь, мольбу.... Сальвиани подумалъ что Эмилія понимаетъ
его, вмѣстѣ съ нимъ страдаетъ, что она любитъ его, и под-
даваясь невольному очарованію, бросилъ кинжалъ. Онъ оши-
бался. Эмилія въ эту минуту была только актрисой. Она толь-
ко старалась эффектнѣе передать свою роль. Въ третьемъ
дѣйствіи Эмилія была неподражаема. Когда занавѣсъ опу-
стился, вызовомъ не было конца, и ее закидали цвѣтами.

Обаяние произведеннаго ею энтузіазма поглотило всё ея помыслы и чувства. Сальвиани стоялъ, прижавшись къ отдаленной кулисѣ, одинъ, оставленный, забытый. Только Аристомедъ былъ около него. Эмилиа прошла мимо, не замѣтивъ его, въ сопровожденіи барона Доке, Монтразіо и цѣлой толпы „дѣятелей искусства“, любезно и съ веселыми улыбками отвѣчая на ихъ восторженные комплименты и фразы.

— Мой добрый сеньйоръ, проговорилъ Аристомедъ, — забудьте эту женщину, она васъ не стоить....

Сальвиани не отвѣчалъ ни слова. Вернувшись домой, онъ написалъ Эмилиа письмо:

„Еще разъ, въ послѣдній разъ обращаюсь къ тебѣ съ вопросомъ, отъ рѣшенія котораго зависитъ все мое счастье, вся наша будущность. Не стану дѣлать тебѣ упрековъ, я все прощаю, я тебя люблю. Не стану исчислять тебѣ жертвы принесенныя мною для моей любви. Но умоляю тебя, если ты меня еще любишь, исполни мое желаніе: оставь сцену. Мой отецъ простилъ меня. Его домъ открытъ для меня. Теперь мнѣ возможно будетъ доставить тебѣ всё удобства жизни и даже всё прихоти роскоши. Сегодня, присутствуя при твоемъ торжествѣ, а самъ униженный, оскорбленный, я жалѣлъ тебя. Я думалъ о твоей будущности, если ты не рѣшишься разстаться съ театромъ. Я думалъ о томъ времени когда ты начнешь терять свѣжесть голоса, а публика начнетъ оставлять, забывать тебя.... Я спрашивалъ себя, поможетъ ли тебѣ Провидѣніе выйти совершенно чистою и безупречною изъ борьбы со всеми опасностями окружающими „знаменитую примадонну“?... Эмилиа, отвѣчай мнѣ, хочешь ты быть спасенною и видѣть меня счастливымъ? Хочешь ты теперь сдѣлаться моею?...“

— Да здравствуетъ сеньйоръ Эрнесто Сальвиани! вдругъ раздалось восклицаніе хоромъ подъ окномъ комнаты Сальвиани. — Многія лѣта и продолжительная слава великому тенору, который произвелъ сегодняшній вечеръ фуроръ въ знаменитомъ театрѣ Пергола.

Отъ этой оваціи артисты-дебютанты въ Италиіи никакъ не могутъ отказаться, даже если на ихъ долю выпадаетъ не „фуроръ“, а совершеннѣйшій фіаско. Сальвиани смиренно подвергся участи своихъ собратьевъ и поспѣшилъ выслать деньги за „поздравленіе“, получившее характеръ ядовитой насмѣшки.

На другой день послѣ своего дебюта, Сальвиани, уже не удерживаемый болѣе, рѣшился уѣхать къ своимъ родителямъ.

Дилжансь въ Кремону отходилъ повдно вечеромъ, и Сальвиани думалъ что получить до того времени отвѣтъ на свое письмо къ Эмилиі. Но отвѣта не было. „Можеть-быть, письмо перехватили, и оно не попало въ руки Эмилиі“, думалъ Сальвиани, „или... неужели она все забыла, все! Неужели она погибнетъ?..“ Къ вечеру онъ почувствовалъ себя очень дурно. У него сдѣлался сильный жаръ и бредъ. Объ отвѣздѣ было нельзя болѣе и думать. Аристодемъ побѣжалъ за докторомъ, Адель принялась ухаживать за больнымъ.

Сальвиани серьезно захворалъ. Его болѣзнь продолжалась около трехъ мѣсяцевъ. Въ это время мать его умерла. Эмилиа уѣхала въ Венецію, сопровождаемая, или скорѣе преследуемая барономъ Доке. Сальвиани, узнавъ объ этомъ, съ тѣхъ поръ ни разу не произнесъ имени Эмилиі. Аристодемъ не отходилъ отъ своего господина. Адель и Тереза посвящали больному все свое свободное время. Онъ долго былъ безъ памяти. Когда онъ пришелъ въ себя, онъ сталъ замѣчать съ какимъ самоотверженіемъ объ молодыя дѣвушки ухаживали за нимъ. Особенно часто онъ видѣлъ на стулѣ около своей кровати Адель. Она обыкновенно держала въ рукахъ работу или книгу, но ея взоръ, полный заботы и нѣжности, покоился на больномъ. Сальвиани глядѣлъ съ чувствомъ глубокой благодарности на молодую дѣвушку. Онъ привыкъ любоваться ея прелестнымъ личикомъ и слышать ея мягкій, ласкающій голосъ. Ему такъ отрадно было видѣть ее около себя что онъ почти боялся выздороувъть. Но ког а опасность миновала, Адель нашла что „нѣкоторое развлеченіе необходимо для больного“. Она читала ему вслухъ, пѣла въ полголоса его любимыя мотивы, говорила съ нимъ, не позволяя ему много отвѣчать. Такъ прошло еще нѣсколько недѣль. Наконецъ медики провозгласили что Сальвиани совершенно поправился и безбоязненно можетъ отправиться въ путь. Онъ хотѣлъ ѣхать въ Кремону навѣстить старика-отца.

За нѣсколько часовъ до своего отвѣзда, Сальвиани, просидѣвъ всю ночь за письменнымъ столомъ, прилежъ на диванъ и заснулъ. Адель вошла въ его комнату „чтобъ уложить его вещи“. Она остановилась предъ нимъ. Она его любила. Мысль что она растается съ нимъ, можетъ-быть, навсегда, что она нелюбима, лишила ее силъ сдерживать свое горе. Она залилась слезами. Сальвиани проснулся. Онъ увидѣлъ ея слезы; онъ давно угадывалъ ея любовь.

— Благодарю васъ за все! сказалъ онъ ей, крѣпко сжимая ея руки.

— Сильборъ Эрнесто! Чувство горя сильнѣе моей воли и разума.... Я не умѣю лгать: благодаря вамъ, я впервые узнала что такое страданіе.

„Да! она права, подумалъ Сальвиани:—любовь и страданіе одно и то же.“

— Я знаю, продолжала Адель,—что вы не можете любить меня, что вы любите другую. Но я не хочу скрывать предъ вами что вы мнѣ дороги.... и потому, можетъ-быть, слова мои будутъ имѣть какое-нибудь значеніе для васъ. Сильборъ Эрнесто, поспѣшите оставить сцену!... Для того чтобъ имѣть на сценѣ успѣхъ недостаточно любить искусство и имѣть талантъ—надо умѣть интриговать, хвастать, унижаться. Вы не рождены для театральной карьеры. Когда я узнаю что вы возвратились къ вашей прежней дѣятельности, я сдѣлаюсь спокойнѣе и.... счастливѣе.

— Моя добрая, славная Адель! Я не перебивалъ васъ, потому что мнѣ всегда отрадно слушать васъ. Но теперь скажу вамъ что я давно и твердо рѣшился оставить сцену. Я посвятилъ себя театральной карьерѣ въ надеждѣ что, благодаря этому, мнѣ можно будетъ соединиться съ женщиной которую я любилъ. Теперь женщина эта перестала существовать для меня, и ничто болѣе не удерживаетъ меня разстаться навсегда съ театромъ. Я въ эти нѣсколько мѣсяцевъ Много, много пережилъ.... мое прошедшее далеко отодвинулось отъ меня. Адель, я не прощаюсь съ вами. Я долженъ васъ увидѣть еще, вы мнѣ близки и дороги. Я устрою свои дѣла, я постараюсь обезпечить свою будущность, и тогда я возвращусь сюда къ вамъ, и....

— Не доканчивайте, перебила его Адель. — Вы находитесь подъ вліяніемъ дружбы, жалости.... вы совершенно искренно готовы произнести обѣщаніе которое потомъ вамъ, можетъ-быть, тяжело стало бы исполнить. Я сильнѣе всего желаю чтобы вы были счастливы, а я... Если вы когда-нибудь вспомните обо мнѣ и найдетъ мнѣ, я буду глубоко благодарна.... прибавила она, опять зарывающъ и быстро выходя изъ комнаты.

„Чистое, чудное созданіе!“ подумалъ Сальвиани. Прощаясь съ своимъ хозяиномъ, онъ увидалъ только Терезу. Она проводила его на дѣстницу.

— Простите Аделъ, сказала она ему, и сама заплакала.— Она такъ разстроена что не была бы въ состояннн притворяться при другихъ.

— Мы скоро опять увидимся.

— О, прѣзжайте, прѣзжайте! Что мнѣ сказать сестрѣ?

— Чтобъ она ждала меня.

V.

Когда женщина падаетъ, самыя снисходительныя судьи извиняють ее только въ такомъ случаѣ если она пала подъ вліяніемъ сильной, непобѣдимой страсти. Эмилиа не любила барона Доке, и потому не стану исчислять причины и обстоятельства предшествовавшія ея погибели. Они, правда, многочисленны; но какъ бы мнѣ ни хотѣлось извинить мою героиню, я знаю, всѣ старанія мои были бы напрасны. Ограничусь сообщеніемъ фактовъ:

Выѣхавъ изъ Флоренціи, Эмилиа не переставала думать о Сальвиани. Ея любовь къ нему воскресла съ новою, небывалою силой. Но было поздно. Она уже недостойна была принадлежать ему, она не дерзала и не имѣла болѣе права напомнить ему о себѣ. Сознаніе своего паденія и навсегда утраченнаго счастья терзало ее, и она поспѣшила оставить Италію и уѣхать въ Марсель. Она надѣялась что тамъ ей легче будетъ скрыть свой стыдъ и свое несчастье.

Осенью 1845 года, въ Марсели, мы, въ одно прекрасное утро, опять встрѣчаемъ нашего знакомаго поэта Савона. Противъ своего обыкновенія, онъ гладко причесавъ, умытъ и безукоризненно одѣтъ. Онъ нашелъ нужнымъ отступить отъ своихъ привычекъ чтобъ явиться въ приличномъ видѣ предъ лицомъ богатаго и важнаго магната, Гектора Санвито, графа де-Рокадоро, который пригласилъ его къ себѣ на обѣдъ. Графъ этотъ, красивый мужчина, лѣтъ сорока, былъ родомъ изъ Неаполя и назывался собственно Дженарино. Въ молодости онъ занимался парикмахерскимъ искусствомъ. Но почувствовавъ призваніе быть и жить большимъ бариномъ, онъ оставилъ свое отечество и отправился за границу. Смотра по разнымъ обстоятельствамъ и соображеніямъ, онъ мѣнялъ имя и званіе. Въ Парижѣ онъ выдавалъ себя за литератора и назывался Алберто Малакрида; въ

Лондонъ онъ сдѣлался графомъ Ронкало; въ Висбаденѣ онъ разжаловалъ себя въ простаго noble du Казерта, но за то въ Марсели онъ возложилъ на себя титулъ графа Рокадоро. Выбѣвъ со всеми этими столь разнообразными наименованіями, онъ никогда не разставался съ ролью политическаго мученика. Вездѣ и во всемъ онъ разказываетъ („по секрету“) что онъ замѣшанъ въ важномъ политическомъ дѣлѣ и такъ сильно компрометтированъ что принужденъ былъ оставить Италію; что правительство преслѣдуетъ его и конфисковало его громадное недвижимое имущество, но онъ надѣется что со временемъ его владѣнія будутъ ему возвращены, а пока онъ живетъ процентами со своихъ капиталовъ и „ждетъ каждый день присылки большой суммы“. Странно, что вездѣ находились люди которые не только вѣрили ему на-слово, но, выслушавъ его фразу о „присылкѣ большой суммы“, предлагали ему деньги взаймы. Такими и другими, еще менѣе честными, путями онъ продолжалъ поддерживать свое положеніе въ свѣтѣ, строго придерживаясь правила никогда не оставаться долго въ одномъ мѣстѣ. Всѣ его продѣлки счастливо сходили ему съ рукъ, но требовали такой неутомимой дѣятельности, такого усилія воображенія и энергіи, что дотянувъ такимъ образомъ до сорока лѣтъ, онъ почувствовалъ невыносимую усталость. Желаніе обезпечить себя разъ навсегда какимъ-нибудь блистательнымъ дѣломъ сдѣлалось его главною цѣлью. „Рулетка или женитьба“, думалъ онъ. Но обѣ эти затѣи не удавались ему. Въ Гамбургѣ за рулеткой онъ захотѣлъ такъ быстро разбогатѣть, что насилу избавился отъ тюрьмы. Въ Марсели онъ сталъ ухаживать за пожилою и очень богатою вдовой и сдѣлалъ ей предложеніе. Вдова вовсе была не прочь отъ замужества и не безъ увлеченія восхищалась красивымъ Неаполитанцемъ; но, къ несчастью, она была чуть ли еще не опытнѣе его—разгадала его и отказала ему. Побожившись ей что онъ или застрѣлится, или отравится, или умретъ отъ чахотки, онъ отправился въ кафе и велѣлъ подать себѣ порцію мороженаго. Онъ, правда, не помышлялъ о самоубійствѣ, но съ ужасомъ сознавалъ что рѣшительно не знаетъ гдѣ найти еще матеріальныя и умственныя средства для продолженія своей аристократической карьеры. Въ кафе рѣчь шла объ Эмилиі Реденти. Разсуждали о ея пѣніи, красотѣ, о ея связи съ барономъ Доке. Неаполитанецъ сталъ прислушиваться. „Такая примадонна можетъ

зарабатывать сотни тысячъ, подумалъ онъ, а за придаваемъ, при такомъ обожателѣ какъ баронъ Доке, дѣло не станетъ. Это была бы превосходная партія для меня, надо бы только все подробнѣе разузнать....“ Съ этою цѣлью онъ, на другой день, пригласилъ Савона къ себѣ на обѣдъ.

— Савонъ! Ты хорошо знаешь Эмилию Реденти? спросилъ Дженарино, перебравъ прежде всѣхъ марсельскихъ красавицъ.

Онъ любилъ иногда принимать характеръ либерала, и съ литераторами и артистами обыкновенно былъ на ты.

— Справедливы ли скандальные исторіи которыя рассказываютъ о ней? продолжалъ онъ, видя что Савонъ такъ занялся жаркимъ что и не думаетъ отвѣчать.

— Вотъ дай только покончить съ этимъ рябчикомъ, такъ я категорически отвѣчу на твой вопросъ.... Я знавалъ Эмилию Реденти здѣсь еще въ прошломъ году. Тогда, воспѣвая ее, можно было еще прибѣгать къ подобнымъ риторическимъ красотамъ какъ: „скромна какъ фіалка! Чиста какъ бѣлая роза! Невинна какъ голубка!“ Но оставивъ Марсель, она, кажется, подобно Франческѣ ди-Римини, начала восклицать: „О! какъ горько жить одной!“ баронъ Доке послѣдовалъ предложить ей свое общество, и.... однимъ словомъ, въ то время какъ я занимаюсь уничтоженіемъ этого рябчика, Эмилиа Реденти, вѣроятно, занята укачиваніемъ своего новорожденнаго....

— Этотъ милѣйшій баронъ! перебилъ Дженарино Савона, громко засмѣявшись.—Мнѣ уже въ Парижѣ въ нѣкоторыхъ салонахъ много рассказывали о немъ.

— Относительно Реденти, баронъ Доке не столько ухаживалъ за нею, сколько за ея отцомъ. Говорятъ что старикъ получилъ отъ барона такую груду золота что, ослабленный такимъ зрѣлищемъ, закрылъ сперва одинъ глазъ и тотчасъ же и другой. Такой отецъ для начала очень хорошъ, въ послѣдствіи же онъ могъ бы, конечно, сдѣлаться большою помѣхой; но у барона Доке дьявольское счастье. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ Венеціи, отецъ Реденти, выходя ночью изъ игорнаго дома, встрѣчаетъ двухъ незнакомцевъ. Они прямо высказываютъ ему свое намѣреніе обшарить его карманы. Между ними начинается ожесточенная борьба. Гарофоло получаетъ нѣсколько ранъ, вслѣдствіе чего на другой день умираетъ и, вѣроятно, спѣшитъ въ адъ

чтобы встрѣтить свою супругу, которая отправилась туда незадолго до смерти мужа. Теперь они, безъ сомнѣнія, вспоминая свое земное поприще, выплясываютъ предъ Цаутовомъ, Прозерпиной и ихъ дворомъ комическое *pas de deux*, а по окончаніи танца обходятъ съ тарелочкой въ рукахъ зрителей чтобы получить съ нихъ деньжонки....

— Неужели баронъ Доке до сихъ поръ еще влюбленъ въ Реденти?

— Я думаю что онъ уже давно желалъ бы не быть влюбленнымъ въ нее.

— Для нея это, пожалуй, не была бы большая невзгода, если она хорошая пѣвица.

— Удивительная! и красавица! Ну, вообрази себѣ соединеніе Малибранъ, Ристори, Гримели. Ахъ, какъ Гримели бывала хороша въ сценахъ любви! Когда я подумаю что Гримели, это чудо, это божество, каждый день ужинала со мной въ Миланѣ! что мы вмѣстѣ съ нею сѣдали по двѣ порціи макарони!... Да, это было идеальное время!

Но Дженарино уже болѣе не слушалъ Савона. „Одна, безъ родителей, думалъ онъ, надоѣла своему любовнику, еще не слишкомъ опытна — все это отлично! Она будетъ счастлива выйти замужъ, да еще сдѣлаться графиней Рокадоро. Если я не сумѣю повести удачно такое легкое дѣло, то я заслуживаю опять сдѣлаться парикмахеромъ, и навсегда разстаться со всѣми своими прошедшими, настоящими и будущими аристократическими титулами и преимуществами.“

Эмилиа жила за городомъ, въ виллѣ барона Доке. Но баронъ только изрѣдка прѣзжалъ къ ней; почти все его время было поглощено ухаживаніемъ за недавно прибывшею въ Марсель танцовщицей. Эмилиа много выстрадала. Она чувствовала себя глубоко несчастною. Только мысль о своемъ ребенкѣ поддерживала ее и придавала ей нѣкоторую энергію. Она надѣялась что артистическая жизнь, полная тревогъ и сильныхъ ощущеній, затушитъ въ ней гнетущую ее тоску. Въ Италію она не хотѣла вернуться, а рѣшилась ѣхать въ Парижъ. Баронъ Доке обѣщалъ ей что онъ поѣдетъ съ ней туда. Но судьба назначила ей другаго провожатаго.

— Сеньйора, какой-то господинъ желаетъ видѣть васъ, сказала горячая Эмилиа, подавая ей визитную карточку.

— „Алберто Малакрида, литераторъ“ прочла Эмилія.— Это имя неизвѣстно мнѣ....

— Онъ Неаполитанецъ, прервала ее горничная (страстная патриотка).— Еслибы вы знали, синьора, какое я испытала блаженство услышавъ нѣсколько словъ по-итальянски!

— Попроси его. И я буду рада видѣть соотечественника....

— Да, это она! воскликнулъ Дженарино, вбѣгая въ будуаръ Эмиліи и, какъ бы въ порывѣ восторга, забывъ даже поклониться.— Я ее опять вижу, нашу божественную примадонну театра Санъ-Карло!...

— Вы Неаполитанецъ, это сейчасъ можно угадать: ваши соотечественники всегда легко увлекаются....

— Легко? Развѣ возможно видѣть и слышать васъ, и не посвятить вамъ все свое существованіе? Съ того вечера какъ вы дебютировали въ Неаполѣ, вы навсегда приковали меня къ себѣ. Я слѣдовалъ за вами изъ города въ городъ, но я не искалъ вашего личнаго знакомства, я не дерзалъ приблизиться къ вамъ, я боялся что вы смѣшаете меня съ толпой вашихъ обожателей. Мнѣ оставалось только удивляться смѣлости съ которою они выказывали вамъ свой энтузіазмъ, а самому страдать безмолвно и молиться вамъ какъ недосягаемому божеству... О, простите мнѣ теперь мои слова! Но вспомните что я люблю васъ уже два года, и до сихъ поръ молчалъ.... Но сегодня вы должны выслушать меня.

— Я съ готовностью приняла у себя соотечественника, сказала Эмилія, немного озадаченная этою сценой,— ваше мнѣніе о моемъ талантѣ льститъ моему самолюбію.... но я принуждена замѣтить вамъ что баронъ Доке мой женихъ, и....

— О! Я все знаю, все! перебилъ ее Дженарино. Повѣрьте что и теперь я бы не былъ у васъ, я бы безропотно продолжалъ свое горестное существованіе, еслибъ я не думалъ что, можетъ-быть, вамъ скоро понадобится помощь друга.... еслибъ я не узналъ что вы теперь не совершенно счастливы. Вотъ причина побудившая меня измѣнить мой образъ дѣйствій въ отношеніи къ вамъ. Увидѣвъ васъ, я не въ состояніи былъ удержать порывъ страсти.... Простите, забудьте, и разчитывайте на меня какъ на человѣка безгранично преданнаго вамъ.

— У меня нѣтъ словъ благодарить васъ, синьоръ Малакрида....

— Мое настоящее имя Гекторъ Санвито, графъ Рока-

доро, но съ тѣхъ поръ какъ я, вслѣдствіе нѣкоторыхъ политическихъ происшествій, разошелся съ неаполитанскимъ правительствомъ, я, для большей предосторожности, принялъ фамилію Малакриада.

— Если не ошибаюсь, вы также занимаетесь литературой?

— Да, иногда, немного, отвѣчалъ Дженарино, скромно улыбувшись.—Я ищу у музъ вознагражденія за переносимыя мною муки изгнанія....

— Въ Неаполѣ всѣ поэты! Когда я въ послѣдній разъ пѣла въ театрѣ Санъ-Карло, я получила столько советовъ, романсовъ, одъ, что наполнила ими цѣлый альбомъ. Взгляните, прибавила она, передавая ему альбомъ, вотъ этотъ граціозный сонетъ написалъ Комарано, а это крошечное стихотвореніе,— не правда ли сколько здѣсь чувства и ума?—сочиненіе Della Valle. Но самая прелестная вещь изъ всего альбома этотъ романсъ безъ подписи; я никакъ не могла узнать имя автора!

— Я бы могъ назвать вамъ его.

— Неужели?

— Никто лучше меня не можетъ знать его, но ваши похвалы не позволяютъ мнѣ произнести его имя....

Дженарино уже готовился отъ скромныхъ намековъ перейти къ „откровенному“ признанію что авторъ анонимнаго стихотворенія никто иной какъ онъ самъ, но вошедшая горничная помѣшала ему.

— Синьора, письмо отъ барона, сказала она.

Эмилія быстро распечатала и пробѣжала письмо, хотѣла встать, хотѣла что-то сказать, хотѣла заплакать... но ея мысли спутались, письмо выпало изъ ея рукъ, и она лишилась чувствъ.

Романистовъ обыкновенно бранятъ за изображеніе ходульных, натынутыхъ сценъ и невѣроятныхъ событій. Но не подлежитъ также сомнѣнію что въ жизни часто бываютъ случаи которые „встрѣчаются только въ романахъ“.

Еслибы Эмилія получила письмо это нѣсколькими часами позже, а не въ присутствіи ея импровизованнаго обожателя, вся ея будущность, вѣроятно, сложилась бы иначе.

Дженарино успѣвшимъ поднять и прочесть письмо. „Эмилія!“ писалъ баронъ, „по многимъ весьма важнымъ причинамъ я принужденъ оставить Марсель. Когда ты получишь это письмо, я уже буду на пути въ Лондонъ. До твоего совершеннаго выздоровленія ты можешь остаться въ моей виллѣ. Я отдалъ приказаніе чтобы всѣ твои желанія исполня-

лись. Если тебѣ понадобятся деньги, обратись прямо къ секретарю моему, я его предупредилъ насчетъ этого. Пожалуста не церемонься. Ты изъ-за меня потеряла четыре мѣсяца, а для такой пѣвицы какъ ты это составляетъ важный расчетъ. Ты упрекнешь меня, можетъ-быть, въ неисполненіи нѣкоторыхъ обѣщаній, но повѣрь, со временемъ ты мнѣ будешь за то благодарна. Ты рождена для сцены, для славы артистки, а не для скучной, семейной жизни. Прощай! Отъ всей души желаю тебѣ счастья. Баронъ Доке.“

— О! я предвидѣлъ это! Я знаю васъ, баронъ Доке! воскликнулъ трагически Дженарино:—въ этотъ разъ, ваши *шлюсты* не обойдутся вамъ дешево, вы будете имѣть дѣло съ Гекторомъ Савито, графомъ Рокадору! Послушайте, обратися онъ къ горничной:—пароходъ отойдетъ сегодня не раньше какъ черезъ часа два. Баронъ еще долженъ быть въ Марсели. Лечу отыскивать его и совершить надъ нимъ мщение. Если я черезъ два часа не вернусь сюда, то скажите этой божественной женщинѣ что я умеръ за нее.

Съ этими словами онъ какъ бѣшеный выбѣжалъ изъ комнаты. Дженарино въ самомъ дѣлѣ отправился отыскивать, но не барона, а поэта Савона. Онъ повѣрилъ ему свою страсть къ Эмилиіи и свое намѣреніе жениться на ней.

— Прости, говорилъ онъ ему, — что я прежде не былъ откровененъ съ тобою: этимъ путемъ я надѣлся узнать всю истину, теперь я все узналъ, все!... Я такъ взволнованъ, прибавилъ онъ,—что рѣшительно не въ состояніи написать ни одной строки. Окажи дружбу, напиши для меня письмо къ этому ангелу; не забудь что оно должно быть выраженіемъ сильнѣйшей страсти. Не забудь также сообщить ей что я уже не нашелъ барона здѣсь и опиши ей хорошенько тѣ аскія муки которыя я переносилъ, слѣдуя за нею какъ тѣнь..

Савонъ тотчасъ принялся за дѣло и расписался на шести страницахъ. Дженарино остался совершенно доволенъ слогомъ своего повѣреннаго, исправно переписалъ письмо, и подписавъ свою длинную фамилію, сдѣлалъ перомъ очень красивый кругъ съ энергическимъ хвостомъ. Письмо оканчивалось слѣдующими словами: „Вѣрьте судьбу вашу мнѣ. Я буду вашимъ другомъ, братомъ, вашимъ мужемъ. Я буду отцомъ вашего ребенка. Мы поѣдемъ въ Парижъ. Тамъ исторія вашихъ несчастій неизвѣстна. Но, впрочемъ, мыслимо ли чтобы кто-нибудь дерзнулъ оскорбить, хотя бы

только непочтительнымъ взглядомъ, жену Гектора Санвито, графа Рокадоро?... А если баронъ Доке осмѣлится вписать ваше имя въ число своихъ жертвъ, то я сумѣю вычеркнуть это имя его кровью. Напишите мнѣ два слова, жизнь моя зависитъ отъ вашего отвѣта...“

Эмилія была одна, безъ друзей, оставленная отцомъ своего ребенка. О Сальвиани она не смѣла болѣе думать, сознаніе вины и стыда навсегда разлучило ее съ нимъ.... Мысль объ обманѣ ни разу не пришла ей въ голову. Да и трудно было ей придти. Что кромѣ искренней любви могло побудить графа Рокадора предложить ей свою руку? Онъ зналъ что у нея нѣтъ состоянія. Онъ былъ ознакомленъ со всѣми подробностями ея положенія, и несмотря на то онъ рѣшается дать ей свое имя и хочетъ спасти ее отъ безчестія и позора.... Эмилія много думала, много плакала, и наконецъ, три дня послѣ полученія этого письма, послала графу Рокадору отвѣтъ, отъ котораго зависѣло для него разрѣшеніе вопроса „быть или не быть“. Драгоценная жизнь Дженарино оказалась въ безопасности: Эмилія писала: „Пріѣзжайте ко мнѣ. Вы хотите быть моимъ другомъ, я вѣрю вамъ и благодарю васъ.“

Дженарино такъ ловко повелѣ дѣло что ровно черезъ шесть недѣль послѣ своего перваго визита у Эмиліи онъ стоялъ съ нею предъ алтаремъ и съ умиленнымъ выраженіемъ въ лицѣ слушалъ вѣнчальную проповѣдь священника. Эмилія была блѣдна, ея губы дрожали, предъ глазами темнѣло, что-то волновало ее. Горестныя воспоминанія, или тяжелое предчувствіе? При подписаніи контракта Дженарино принужденъ былъ, для того чтобы бракъ его былъ дѣйствителенъ предъ закономъ, назвать себя своимъ настоящимъ именемъ. Выхода изъ церкви, Эмилія спросила мужа отчего онъ до тѣхъ поръ скрывалъ отъ нея свое имя.

— Важныя политическія причины принудили меня къ этому. Я былъ главою одного заговора противъ правительства. Заговоръ не удался. Меня приговорили къ смерти. Я спасся бѣгствомъ, но и здѣсь мои политическія врага и агенты правительства преслѣдуютъ меня. Я долженъ еще скрывать свое имя, иначе я погибъ.

Во время свадебнаго обѣда Дженарино былъ до нельзя любезенъ и веселъ; Савонъ произносилъ, послѣ каждаго блюда, спичь или стихи; гости много пили, ѣли, хохотали; но

Эмилиа вовсе не походила на *молодую*. Она не говорила, не слушала, ей становилось страшно. Гости разѣхались. Остался одинъ Савонъ. Между нимъ и Дженарино завязался оживленный разговоръ. Горничная Эмилии показалась въ дверяхъ.

— Сирѣора! сказала она: — на два слова.

Эмилиа поспѣшно встала и пошла въ свою комнату.

— Какой-то пожилой человекъ принесъ это письмо, продолжала горничная, и просилъ меня тотчасъ передать его вамъ.

— Отъ Эрнесто! воскликнула Эмилиа. — Письмо безъ подписи, но это его рука....

„Между нами все кончено“, писалъ онъ, „но одно мое слово можетъ спасти васъ отъ страшной участи, и я пишу къ вамъ. Я случайно узналъ что вы намѣрены выйти замужъ за одного Неаполитанца, именующаго себя графомъ Рокадоро. Человекъ этотъ обманщикъ и негодяй. Его настоящая фамилія Дженарино. Онъ бывшій парикмахеръ. Въ Неаполѣ онъ осужденъ за дѣланіе фальшивыхъ бумагъ и векселей; въ Гамбургѣ онъ попался въ руки полиціи за фальшивую игру; въ Лондонѣ онъ былъ зачинщикомъ самой грязной исторіи и нѣсколько мѣсяцевъ просидѣлъ въ тюрьмѣ. Дай Богъ, дай Богъ чтобы письмо это дошло къ вамъ во-время.“

Эмилиа не вскрикнула, не зарыдала, она стояла неподвижно, какъ окаменѣлая. „Страшная участь“ процептала она. „Да! Она страшна, но я заслужила ее.“

VI.

Сальвиани, прибывъ въ Кремову, нашелъ отца своего больнымъ. Смерть жены сокрушила старика. Онъ не въ силахъ былъ перенести разлуки съ подругой. Сальвиани неутомимо ухаживалъ за отцомъ. Старикъ благодарилъ, ласкалъ его, но присутствіе и любовь сына и усилія медиковъ не спасли его. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ умеръ. Сальвиани поѣхалъ въ Парижъ. Онъ чувствовалъ потребность побыть нѣкоторое время съ сестрой. Радость свиданія съ нею, радужный пріемъ ея мужа благотворно подѣйствовали на него. Флоренца также содѣйствовалъ къ его нравственному выздоровленію. Онъ умѣлъ разсѣивать и веселить его. Сальвиани все еще любилъ своего университетскаго товарища, хотя съ грустью примѣчалъ что онъ во многомъ измѣнился. Въ его одеждѣ, манерахъ, разговорѣ часто проглядывали аффектація и шарлатанизмъ. Его занимали уже не мечты о лавровыхъ

вѣнкахъ и о „безкорыстномъ служеніи искусству, отечеству, всему высокому и прекрасному“, а денежные разчеты и выгоды, жажда эфемерныхъ свѣтскихъ успѣховъ и стремленіе во что бы то ни стало блестятъ и какъ можно туже набить себѣ карманы. Изъ италянскаго поэта онъ превратился во французскаго журналиста. Сальвиани старался извинять его вліаніемъ среды въ которой онъ вращался и продолжалъ еще вѣрить въ его хорошую натуру.

Въ домѣ графа Сень-Виктора Флоренца имѣлъ обязанность устраивать литературные и музыкальные вечера. Вечера эти славились во всемъ Парижѣ. Прелестная хозяйка, графиня Элиза, умѣла всѣхъ очаровывать красотой, граціей умомъ, привѣтливостью. Въ послѣдній вечеръ 1845 года, въ салонахъ графа и графини Сень-Викторъ собралось, какъ всегда, интересное, изящное общество. Послѣ концерта всѣ перешли въ столовую. За ужиномъ разговоръ сдѣлался чрезвычайно оживленнымъ. Альфонсъ Карръ, Готье, Дюма сынъ, перебрасывались остроумными замѣчаніями, шутивными колкостями. Лаблашъ, по своему обыкновенію, имѣлъ въ запасѣ цѣлый рядъ забавныхъ анекдотовъ и случаевъ.

— Самую интересную новость я сберегъ для конца, продолжалъ онъ, поразказавъ нѣсколько сценъ изъ закулисныхъ тайнъ, — директоръ Италіанской Оперы ангажировалъ новую сіятельную примадонну, графиню Абано. Сегодня утромъ является ко мнѣ какой-то господинъ. Я приглядываюсь къ нему, его лицо кажется мнѣ очень знакомымъ, но онъ произноситъ свою фамилію, совершенно неизвѣстную мнѣ: „Графъ Абано“. Я спѣшу встать и низко поклониться моему аристократическому гостю. Не знаю почему поклонъ этотъ заставляетъ его закусить губу. Я долженъ еще прибавить что этотъ графъ Абано какъ двѣ капли воды похожъ на одного парикмахера, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Неаполѣ, каждый день брилъ мнѣ бороду.

— *C'est drôle! c'est amusant!* слышалось со всѣхъ сторонъ. Сальвиани удвоилъ вниманіе.

— Графъ Абано, началъ опять Лаблашъ, — супругъ знаменитой примадонны, о которой, впрочемъ, я никогда ничего не слышалъ.

— Можетъ-быть, она пѣла въ Италіи подъ другимъ именемъ, замѣтилъ кто-то. — Странно что въ вашей поэтической Италіи аристократическіе предрасудки еще во всей силѣ...

— Относительно насъ, перебилъ Лаблашъ,—всѣ эти предразсудки не чтѣ иное какъ зависть. Въ Италиі мы пользуемся несравненно бѣльшимъ почетомъ, а чтѣ еще важнѣе, несравненно бѣльшими денежными средствами нежели аристократы.

— Какъ же кончился визитъ нашего соотечественника? спросилъ Флоренца:—меня интересуеъ эта личность съ титуломъ графа и съ физиономіей парикмахера.

— Да, да! Мы ждемъ продолженія! раздалось нѣсколько женскихъ голосовъ.

— Милостивыя государыни, вы точно какъ другъ мой Верди съ своею музыкой не даеъ мнѣ времени вздохнуть: будьте великодушнѣе его, и позвольте мнѣ хотя перевести духъ.... Если не ошибаюсь, обратился я къ графу Абано, мы въ Неаполѣ часто встрѣчались на вечерахъ у маркиза Меззабарба?—„Я всегда вращался въ самомъ высшемъ кругу,“ отвѣчалъ онъ.—И ваша супруга намѣрена дебютировать здѣсь?—„Тѣмъ лучше если талантъ украситъ мой гербъ лавровымъ вѣнкомъ!“ произнесъ съ паесомъ мой благородный соотечественникъ. Эта фраза окончательно сбила меня съ толку. Съ такимъ достоинствомъ можетъ, конечно, выражаться графъ, но также и парикмахеръ, потому что онъ имѣеъ случай каждый день подмѣчать манеры, разговоры и разсужденія первѣйшихъ аристократовъ. Графиня Абано будетъ дебютировать въ *Gemma di Vergi*. Донизетти уже давно написалъ эту оперу, но здѣсь она еще вовсе неизвѣстна. Во Франціи не знаютъ и десятой части того чтѣ создалъ этотъ гениальный человекъ....

Лаблашъ только что произнесъ эти слова, какъ изъ сосѣдней комнаты послышалась какаѣ-то странная фортепианная игра. Точно шаловливый ребенокъ обѣими руками пробѣжалъ по клавишамъ, и потомъ сталъ колотить по нимъ. Всѣ въ изумленіи на мгновение умолкли.

— Чтѣ это за адская музыка? спросилъ расхохотавшійся Лаблашъ:—еслибы ты, Тальбергъ, не сидѣлъ противъ меня, я бы подумалъ что это ты, но это какой-то новый гениі, который вздумалъ испортить роаяль графа.

— Можетъ-быть, это одинъ изъ моихъ лакеевъ, нашедшій въ бутылкѣ бордо музыкальное вдохновеніе, сказалъ графъ Сенъ-Викторъ, вставая съ намѣреніемъ помѣшать странному музыканту.

— Погодите! остановилъ его Лаблашъ:—совѣтую вамъ съ благоговѣніемъ вслушиваться въ эти непонятные звуки: это музыка будущности! Мы должны привыкать къ ней.

— Вы оба являетесь кстату, обратился графъ Сенъ-Викторъ къ маркизу Кюстинъ и къ доктору Дюверне, входившимъ въ залу.—Такимъ меломаномъ какъ вы не слѣдовало, правда, придти послѣ концерта, но за то вы найдете вознагражденіе въ музыкѣ которую какой-то неизвѣстный артистъ услаждаетъ нашъ слухъ.

Странная, фальшивая игра все еще продолжалась.

— Этотъ „неизвѣстный артистъ“, сказалъ Кюстинъ, — творецъ *Lucia* и *Elisir d'amore*, нашъ знаменитый другъ, нашъ несчастный Доницетти.

Послѣ этихъ словъ разомъ утихли смѣхъ и громкій, шутивный говоръ, исчезли улыбки. Неожиданная музыка никому уже болѣе не напоминала шалости невѣжливаго ребенка. Въ этихъ дикихъ аккордахъ, въ этихъ болѣзненныхъ диссонансахъ слышался какъ будто разказъ всего что перенесъ въ своей жизни Доницетти. Зависть, злоба, преслѣдованія, клеветы. Слышался дѣлный міръ горя и страданія и какъ бы послѣдняя отчаянная борьба генія противъ охватывающей его тьмы.... Всѣ встали и молча вошли въ сосѣдную комнату. Доницетти никого не замѣчалъ. Онъ продолжалъ играть. Его взглядъ, еще такъ недавно сіявшій энергіей и священнымъ огнемъ, бессмысленно устремленъ былъ на клавиши.

— Сегодня мы, Кюстинъ и я, обратился Дюверне въ полголоса къ графу Сенъ-Виктору,—съ радостью замѣтили улучшение въ состояніи Доницетти. Онъ дѣлно разсуждалъ, былъ веселъ и спокоенъ. „Не можете ли вы объяснить мнѣ,“ спросилъ онъ, „отчего Сенъ-Викторъ не пригласилъ меня сегодня?“ Ты не нуждаешься въ приглашеніи, ты знаешь какъ у графа Сенъ-Виктора всегда сердечно рады тебѣ, отвѣчалъ ему Кюстинъ. „А! такъ отправимся тотчасъ туда!“ воскликнулъ Доницетти. У меня не хватило духа противиться ему. Сначала все шло превосходно, но вдругъ его мысли стали путаться, „Знаете друзья,“ говорилъ онъ, „меня прокричали сумашедшимъ! Я докажу какъ умалишенные выходящіе изъ больницы, которую называютъ Италией, умѣютъ сочинять. Въ продолженіи этой недѣли я написалъ шесть оперъ, каждая въ пяти актахъ. Въ сто шестьдесятъ восемь часовъ

сочинить шесть оперъ!“ Мы хотѣли повѣста Доницетти назадъ; но онъ оттолкнулъ насъ и бѣгомъ отправился сюда.

Пока Дюверне говорилъ, въ чертахъ Доницетти происходила перемѣна. Улыбка и взглядъ оживились свѣтлою мыслію, и вмѣсто странныхъ, дикихъ диссонансовъ, изъ-подъ его пальцевъ полились звуки нѣжной, дивной мелодіи. Всѣ притаили дыханіе и слушали, слушали съ восторгомъ, съ упоеніемъ. Доницетти весь дрожалъ и былъ страшно блѣденъ. Вдругъ онъ прервалъ мелодію рѣзкимъ аккордомъ и опустилъ руки.

— О, мой Донъ-Себастьянъ, мой Донъ-Себастьянъ! воскликнулъ онъ съ выраженіемъ глубокаго страданія. Двѣ крупныя слезы покатались по его щекамъ, и лицо его опять приняло характеръ совершеннаго идиотизма.

— И послѣдняя искра потухла! прошепталъ горестно Дюверне.

Предсказаніе знаменитаго врача сбылось: съ послѣдняго дня 1845 года до дня своей смерти, въ концѣ апрѣля 1848 года, Доницетти уже ни разу болѣе не приходилъ въ себя.

Когда всѣ развѣхались, Сальвиани подошелъ къ сестрѣ и крѣпко сжалъ ея руки.

— Чтѣ съ тобою? спросила Элиза:—ты разстроены.... Но, впрочемъ, и на меня вся эта сцена съ Доницетти тяжело подействовала....

— Элиза! перебилъ ее Сальвиани:—я хочу сказать тебѣ что я рѣшился завтра уѣхать.

— Но почему же?

— Я отдохнулъ у тебя. Ты знаешь, я долженъ возвратиться въ Италію и наконецъ серьезно приняться за трудъ. Однако, признаюсь, я бы еще не думалъ объ отъѣздѣ завтра, еслибъ.... еслибъ я не боялся встрѣтить здѣсь женщину которую я долженъ бы презирать и ненавидѣть, но которая еще....

— Отчего же ты думаешь, что Эмилиа Реденти въ Парижѣ?! перебила его Элиза.

— Ты слышала разказъ о графѣ-парикмахерѣ?

— Ты полагаешь что графиня Абано?...

— Эмилиа Реденти, я въ этомъ убѣжденъ.

— Неужели ты въ состояніи былъ бы еще любить ее? Это слабость недостойная человѣка уважающаго себя.

— Ты права, и потому я спѣшу уѣхать.

— Какъ часто вы приносите въ жертву недостойной женщины вашу честь, ваше спокойствіе, отдаете ей все ваше существованіе, и проходите мимо чистаго, прелестнаго созданія, которое васъ любитъ искренно, свято, и какъ будто создано для того чтобы составить ваше счастье.

— Я постараюсь не пройти „мимо“ такого счастья.

На другой день, несмотря на всѣ просьбы Элизы и ея мужа, Сальвиани оставилъ Парижъ. Проѣзжая въ послѣдній разъ по улицамъ великолѣпной столицы, его вниманіе болѣе всего обратили на себя театральныя афишки, на которыхъ колоссальными буквами напечатано было объявленіе „о дебютѣ на сценѣ Итальянской Оперы графини Абаго“.

Дженарино, предъ отъѣздомъ изъ Марсели, нашелъ необходимымъ записаться деньгами. Онъ убѣдилъ Эмилию воспользоваться предложеніемъ барона Доке „для обезпеченія ея ребенка“ и потребовать у его секретаря значительную сумму. Получивъ такимъ образомъ пятнадцать тысячъ франковъ, Дженарино тотчасъ же принялъ титулъ графа Абаго. Съ такимъ мужемъ Эмилия, конечно, менѣе всего могла испытать недостатокъ въ титулахъ. Это непрерывное измѣненіе фамилій и титуловъ Дженарино объяснялъ женѣ своимъ положеніемъ политическаго мученика. Вообще онъ такъ ловко умѣлъ обманывать ее и разыгрывать предъ ней страстно влюбленнаго, безгранично преданнаго мужа, что впечатлѣніе произведенное на нее письмомъ Сальвиани почти совершенно изгладилось. Она увѣряла себя что Сальвиани написалъ это письмо подъ вліяніемъ клеветы и, можетъ-быть, ревности.

Прибывъ въ Парижъ, Дженарино съ увлеченіемъ вошелъ въ роль *мужса примадонны*. Онъ сообразилъ что примадонна-графиня не можетъ ударить въ грязь лицомъ и началъ сыпать деньгами. Остановился въ одной изъ первыхъ гостиницъ, завелся экипажемъ и абонировался на двадцать три журнала. Кромѣ того онъ сдѣлалъ визиты всѣмъ редакторамъ и главнымъ фельетонистамъ, и просилъ ихъ разчитывать на его благодарность, равно какъ и на его протекцію. Парижскія газеты успѣли провозгласить чудеса о новой примадоннѣ и съ эффектомъ приготовить публику къ ея дебюту. Дженарино былъ спокоенъ. „La gloire, la blague et la claque“ были къ его услугамъ. Но вдругъ одно маленькое происшествіе до основанія поколебало все его спокой-

ствіе. За три дня до перваго дебюта Эмилиі, Дженарино прочелъ на столбцахъ газеты *Хроника* слѣдующую статейку:

„Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Неаполѣ проживалъ довольно ловкій парикмахеръ Дженарино; звучная фамилія, не правда ли? Парикмахеръ этотъ не былъ нашего мнѣнія, онъ пожелалъ переименоваться и посѣшилъ оставить родину. Злые люди обвинили его въ разныхъ мошенничествахъ, все это потому что Дженарино, какъ человѣкъ предусмотрительный, не хотѣлъ отправиться въ дальній путь безъ достаточнаго количества денегъ, и не найдя ихъ у себя, принужденъ былъ воспользоваться неосторожностью и собственностью нѣкоторыхъ постороннихъ лицъ. Впрочемъ, онъ сумѣлъ стать выше людской злобы и клеветы, и только, для избѣжанія всякой солидарности съ дѣйствіями парикмахера Дженарино, принялъ имя и титулъ графа Фердинанда Орландини. Вскорѣ послѣ того, въ одномъ игорномъ домѣ въ Ліонѣ.... Но продолженіе этой біографіи мы откладываемъ до того, весьма близкаго, времени, когда она получитъ интересъ современности. Сегодня мы ограничимся только важнымъ извѣстіемъ, что на будущую субботу назначенъ первый дебютъ графини Абано. Наши читатели спросятъ, съ какой стати мы отъ первой главы изъ біографіи парикмахера перешли къ первому дебюту знаменитой артистки?... Par association d'idées, говоря объ италіянскомъ графѣ, мы вспомнили италіянскую графиню....“

„Кто могъ написать эту гнусную статью? подумалъ Дженарино. — Онъ, какъ видно, намѣренъ разказать всю мою исторію! Надо дѣйствовать быстро, иначе всѣ мои планы рухнутъ.... Дженарино прѣвѣстился у письменнаго стола и, сдѣлавъ нѣсколько черновыхъ, наконецъ, остался доволенъ сочиненіемъ записки къ редактору *Хроники*. „Милостивый государь,“ писалъ онъ, „статья появившаяся въ сегодняшнемъ номерѣ вашего уважаемаго журнала, гдѣ вы упоминаете о близкомъ дебютѣ графини Абано привела жену мою и меня въ невыразимый восторгъ! Находятъ, что Французы самый остроумный народъ въ мірѣ; я долженъ еще прибавить, что вы остроумнѣйшій человѣкъ во всей Франціи! Невозможно было придумать болѣе эффектную рекламу для дебюта жены моей. Спѣшу выразить вамъ нашу искреннюю благодарность. Графъ Абано. Hôtel des Princes.“

Вмѣстѣ съ этою запиской Дженарино вложилъ въ конвертъ билетъ въ 500 франковъ.

Черезъ часа два къ Эмилиі явился съ первымъ визитомъ Флоренца. Онъ никогда не видалъ Эмилиі и не подозревалъ что графиня Абано бывшая невѣста Сальвиани. Эмилиа обрадовалась знакомству съ соотечественникомъ, оживилась, разговорилась, и была такъ поразительно хороша что Флоренца совершенно забылъ главную цѣль своего визита. Онъ тогда только вспомнилъ о порученіи данномъ ему его редакторомъ, когда благородный супругъ очаровательной примадонны вошелъ къ женѣ.

— Мой другъ, сказала Эмилиа, — представляю тебѣ синьора Флоренцу: нашъ соотечественникъ и сотрудникъ газеты *Хроника*.

— А! вы Италиянецъ! воскликнулъ Дженарино съ восторгомъ, сквозь который проглядывалъ испугъ.—Позвольте выразить вамъ восхищеніе возбуждаемое всегда во мнѣ чтеніемъ *Хроники*. Сколько остроумія и игривости во всѣхъ статьяхъ этой газеты! „Вотъ несчастіе! подумалъ онъ:—сотрудникъ такого распространеннаго журнала Италиянецъ!“

Отъ опытнаго взгляда Флоренцы не ускользнуло замѣшательство графа.

— Мой пріятель, редакторъ *Хроники*, началъ онъ, — поручилъ мнѣ вручить вамъ отвѣтъ на вашу любезную записку.

— А!... О дѣлахъ я не люблю толковать въ будуарѣ моей жены, перебилъ его Дженарино, улыбаясь.—Милости просимъ въ мой кабинетъ.

— Вотъ записка моего друга, сказалъ Флоренца, усаживаясь противъ мужа примадонны и передавая ему письмо.

Записка была самаго лаконическаго свойства, она заключала въ себѣ слова: „Отказываетъ графу Абано редакторъ *Хроники*“—и билетъ въ 500 франковъ.

— Да это не журналистъ, а фениксъ! воскликнулъ Дженарино, стараясь шутивымъ тономъ замаскировать свое безпокойство.—Написать такую удивительную статью и отказаться отъ выраженія моей благодарности! Развѣ возможно за подобную статью благодарить *только* любезною запиской, или визитомъ?

— Я совершенно вашего мнѣнія.

— Но видно что вашъ редакторъ увлекся излишнею деликатностью и....

— О, я никакъ не могу предположить чтобъ онъ вздумалъ

афишировать правила которыя подвергли бы его нѣкоторымъ лишеніямъ и всеобщему осмѣянію.

— Такъ объясните же мнѣ, умоляю васъ, эту загадку!

— Удивляюсь что вы еще не разгадали ея.

— Божусь вамъ.

— Мнѣ кажется, нѣтъ ничего легче этого.... Мой другъ отказался отъ пятьсотъ франковъ, потому что онъ находитъ что статья его стоить несравненно больше....

— Я готовъ послать ему вдвое, перебилъ Дженарино Флоренцу, забывъ свои старанія казаться спокойнымъ.— Ради Бога, посоветуйте какъ удобнее поправить это дѣло!... Въ эту минуту Эмилиа вошла въ кабинетъ мужа. Флоренца взглянулъ на нее. Она ему сильно нравилась.

— У меня блеснула счастливая мысль, шепнулъ онъ мужу примадонны.— Вы можете все устроить, не издерживая на то ни единого су болѣе...

— Неужели?

— Я напишу нѣсколько строкъ къ моему пріятелю, и если вы тотчасъ потрудитесь сами передать ему эту записку, я ручаюсь за успѣхъ. „Ты можешь принять прилагаемые при семъ 500 франковъ“, писалъ Флоренца къ редактору, „потому что я отказываюсь отъ своей части и за сочиненіе статьи требую только чтобы ты задержалъ у себя подольше графа Абано.“ Дженарино поспѣшно отправился въ редакцію *Хроники*, а Флоренца остался у Эмилиа. Онъ не намѣренъ былъ терять много времени. Отъ разказовъ о своемъ журнальномъ могуществѣ и о легкости нравовъ большинства знаменитыхъ театральныхъ артистокъ онъ прямо перешелъ къ самому страстному и дерзкому любовному изъясненію. Со времени своего пребыванія въ Парижѣ, онъ приобрѣлъ умѣнье съ ловкостью дѣйствовать въ подобныхъ ситуаціяхъ, и надо сказать правду, рѣдко могъ жаловаться на неудачу. Обращеніе Эмилиа, исполненное достоинства и негодованія, озадачило его. Онъ всталъ, слегка улыбнулся, закусилъ губу и бросилъ злобный взглядъ на примадонну.

— Мы не разстанемся врагами? проговорила Эмилиа, какъ бы сама испугавшись своего рѣзкаго тона.

— Я никогда не ссорюсь съ красивыми женщинами, отвѣчалъ Флоренца,—но считаю долгомъ прибавить что такія вышешенныя созданія какъ вы, сударыня, весьма рѣдко имѣютъ большой успѣхъ на театральныхъ сценахъ въ Парижѣ.

Дженарино скоро возвратился.

— Гдѣ же Флоренца? спросилъ онъ жену.

— Я принуждена была указать ему на дверь.

— Указать на дверь! То-есть прогнать? Но почему же?

— Онъ осмѣлился говорить такъ, какъ не говорить съ честною женщиной.

— Что ты сдѣлала! Мы погибли! воскликнулъ съ ужасомъ супругъ.

— Какъ же, по-твоему, я должна была поступить?... спросила Эмилиа.

— Какъ поступить?... Не знаю.... Но послѣдствія твоего поступка могутъ быть крайне пагубны.... для насъ обоихъ! Прогнать главнаго сотрудника такого журнала какъ *Хроника*.... гдѣ сегодня появилась статья, которая.... Однимъ словомъ, бываютъ случаи когда женщина, посвятившая себя сценѣ, должна нѣсколько пожертвовать нѣкоторыми изъ своихъ убѣжденій....

— Довольно! перебила его Эмилиа.—Я до сихъ поръ старалась обманывать себя.... Но сегодня маска спала съ васъ. Теперь, теперь я знаю что я безгранично несчастна!

Она залилась слезами. Ея супругъ пожалъ плечами и вышелъ изъ комнаты. „Вотъ только этого несчастія еще не доставало въ моей жизни, пробормоталъ онъ съ досадою,—найти въ своей супругѣ идеаль нравственности! Но, чертъ возьми, пора измѣнить методу! Я ея мужъ, и мнѣ не изъ-за чего болѣе церемониться съ ней.“

Слова Эмилии оправдались: съ этого дня ея мужъ не находилъ болѣе нужнымъ надѣвать на себя маску.

VI.

Первый дебютъ Эмилии не удался, второй получилъ характеръ совершеннаго фіаско. Журналы черезчуръ прежде прислаужились Дженарино. Они провозгласили что графиня Абано гениальная, первоклассная артистка. Публика парижской Итальянской Оперы, привыкшая къ пѣнію Персіани и Зонтагъ, цѣнила болѣе всего безукоризненную обработку голоса. Эмилиа имѣла симпатичный голосъ и пѣла съ большимъ одушевленіемъ, но далеко не безукоризненно. Итальянцы готовы простить многое ради нѣсколькихъ фразъ спѣтыхъ со

страстію и энергіей. Въ Парижѣ, въ то время, выраженіе сильной страсти считалось даже „не совсѣмъ приличнымъ“, а Эмилиа не знала парижской публики. Встрѣтивъ послѣ своей первой аріи не энтузіазмъ, къ которому она привыкла, а холодное молчаніе, она постаралась придать своему пѣнію еще болѣе силы и страсти, впала въ утрировку, взяла нѣсколько форсированныхъ нотъ. Бель-этажъ сталъ пустѣть еще до конца спектакля, въ партерѣ раздалось шиканье, заглушенное, правда, стараніями хлопальщиковъ, но поразившее, какъ громъ, слухъ Эмилии. Она совершенно упала духомъ, растерялась и спѣла послѣднее дѣйствіе какъ плохая ученица. На другой день многіе журналы посвѣтили, болѣе или менѣе остроумно, „извиниться“ предъ публикой за разглашеніе незаслуженныхъ похвалъ графинѣ-примадоннѣ. Въ *Хроникѣ* появилась замѣчательно злобная статья о ея дебютахъ, соединенная съ продолженіемъ біографіи „графа-парикмахера“. Директоръ Италіанской Оперы отказался заключить контрактъ съ Эмилией. Два импресарія хотѣли ангажировать ее въ Италію, но Дженарино энергически воспротивился поѣздкѣ въ свое отечество. Положеніе графа и графини Абано становилось со дня на день затруднительнѣе. Пятнадцать тысячъ взятыхъ изъ кассы барона Доке „для обезпеченія сына Эмилии“, уже не существовали. Дженарино обсчитался: въ ожиданіи будущихъ благъ, онъ слишкомъ щедро сорилъ деньгами. Владѣтель *Hôtel des Princes* съ неутомимымъ вниманіемъ наблюдалъ за графомъ Абано, боясь чтобъ онъ не оставилъ Парижа забывъ заплатить ему. Между тѣмъ „біографическія статьи о графѣ-парикмахерѣ“ заставили Дженарино придти къ весьма основательному сознанію что ему должно чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше убраться изъ Парижа. Продавъ всѣ брилліанты Эмилии, ему удалось собрать порядочную сумму. Онъ расплатился въ гостиницѣ, составилъ изъ нѣсколькихъ кочующихъ артистовъ оперную труппу и, въ сопровожденіи жены и всей труппы, отправился путешествовать по провинціальнымъ городамъ Франціи.

Элиза сообщила всѣ эти свѣдѣнія брату. „Не смущайся тѣмъ, писалъ онъ ей, что судьба женщины, которую я прежде любилъ, еще занимаетъ меня. Думая о ней, я испытываю только состраданіе: Адель хороша и добра какъ ангель. Она любитъ меня, я счастливъ. Я отправилъ Аристодема въ Монпелье съ порученіемъ подѣ какимъ-нибудь предлогомъ

присоединиться къ оперной группѣ графа Абано. Надѣюсь что ему удастся предохранить Эмилию отъ еще большихъ несчастій. Аристодемъ будетъ сообщать всѣ извѣстія о ней не мнѣ, а тебѣ. Поручаю ее тебѣ, не оставь ея!... Участіе, которое я въ ней принимаю, могло бы набросить тѣнь на спокойствіе моей Адели, и потому я въ послѣдній разъ произношу имя Эмилии.“

Письма Аристодема къ Элизѣ не были утѣшительны. Каждый разъ онъ сообщалъ ей то какое-нибудь новое горе, то какую-нибудь новую подлость графа Абано. „Вы уже знаете, графиня,“ писалъ онъ ей,

„что нашъ сѣятельный импрессарио въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ никому не давалъ копѣйки, но дѣлалъ всѣми самыми блистательными обѣщанія и умѣлъ еще обманывать ихъ. Дома за то онъ не церемонился и до невѣроятности тиранил свою жену. Разъ, впрочемъ, онъ и на сценѣ, въ присутствіи цѣлой труппы, осыпалъ ее жестокою бранью за то что у нея, въ послѣдней аріи *Лучии*, сорвалась нога. Безпрерывныя непріятности уже и прежде сильно повредили голосу Эмилии; но послѣ этого представленія *Лучии* она на нѣсколько дней серьезно захворала, и дѣла пошли еще хуже. Нашъ первый баритонъ, получивъ отъ графа Абано, вмѣсто денегъ, опять одни обѣщанія, далъ ему въ кафе пощечину и оставилъ труппу. На другой день первый теноръ и второй басъ (первый басъ уже давно разстался съ нами), за исключеніемъ пощечины, сдѣлали то же самое, такъ что вся наша труппа состояла уже только изъ примадонны (несчастной Эмилии), одной хористки и одного втораго тенора. При такихъ средствахъ нельзя было и думать о постановкѣ какой-либо оперы. Графъ Абано, правда, не теряется въ самыхъ отчаянныхъ случаяхъ. Я это зналъ, но никакъ не могъ предполагать что на этотъ разъ онъ во мнѣ будетъ искать спасенія. „Аристодемъ! сказалъ онъ мнѣ.—Ты нашъ другъ, выведи насъ изъ бѣды! Надо непременно поставить какую-нибудь оперу. Для *Нормы* мнѣ всего нужно дѣйствующихъ лицъ: Эмилиа—*Норма*, Брюнетти (хористка) Адааджиза, второй теноръ—*Поліоне*; но у насъ нѣтъ баса.... будь великодушень, спаси насъ, согласишься дебютировать въ роли *Оровезо*!“—„Но я никогда не пѣлъ!“ воскликнулъ я, приди въ себя.—„Пустьяки! У тебя есть слухъ, а впрочемъ, вотъ и Рашель развѣзжаетъ съ труппой сапожниковъ, а не актеровъ, и ничего, собираетъ же деньги.“ Онъ такъ краснорѣчиво доказывалъ что, исполнивъ его просьбу, я окажу услугу Эмилии, что я принялся за изученіе роли *Оровезо*!... Графъ Абано далъ каждому изъ насъ по пяти франковъ на дорогу, и мы отправились въ *Безіеръ*. Черезъ нѣсколько дней громаднѣйшія афишки объявили о пріѣздѣ въ *Безіеръ* знаменитой примадонны графини Абано и о

первомъ представленіи *Нормы*. Театръ былъ набитъ биткомъ. Не стану описывать вамъ какъ великое произведеніе Беллини было искажено по милости Поліоне, Ададжизы и Оровезо! Скажу вамъ только что Эмилиа въ этотъ вечеръ была такою великолѣпною *Нормой* что восхищенная публика забыла ошибатъ насъ. Успѣхъ благотворно подѣйствовалъ на Эмилию. Она радостно улыбалась, ея глаза заблестѣли какъ въ былое время; но это продолжалось не долго. Во время спектакля графъ ни разу не приходилъ на сцену. Мы думали что онъ находится при кассѣ, и не совсѣмъ ошибались. Въ то время какъ представители лучшаго общества въ Безьерѣ окружили Эмилию чтобы высказать ей свой внтузіазмъ, Ададжиза и Поліоне съ безпокойствомъ замѣтили отсутствіе графа. Я сбросилъ тогу и отправился отыскивать его. Но мои поиски не могли увѣнчаться успѣхомъ, потому что графъ, воспользовавшись отправленіемъ дилижанса въ десять часовъ (именно когда пѣлось знаменитое трио), выѣхалъ изъ Безьера, не забывъ взять съ собою всю театральную кассу и то немногое что еще оставалось изъ цѣнныхъ вещей Эмилии. Вчера она получила отъ своего супруга письмо, гдѣ онъ ей „честно“ объявляетъ что оставляетъ ее навсегда, потому что ошибся въ своихъ расчетахъ. „Не успѣвъ поколебать строгость ея правилъ, онъ отчаивается въ возможности составить себѣ, благодаря ея таланту и красотѣ, хорошее состояніе, и намѣренъ заняться исполненіемъ другихъ плановъ.“ Эмилиа находится въ бѣдственномъ положеніи, обобранная, больная. Хористка и второй теноръ требуютъ деньги и грозятъ процессомъ. Эмилиа хочетъ дать концертъ чтобы расплатиться съ ними и съ кредиторами; но весь этотъ скандалъ такъ взволновалъ безьерскую публику что врядъ ли концертъ удастся: продано всего десять билетовъ. Графиня, помогите опять вы! И опять пришлите деньги на мое имя. Синьйоръ Эрнесто взялъ съ меня слово что Эмилиа не будетъ знать откуда ей является помощь.“

Черезъ нѣсколько времени Аристокдемъ сообщилъ Элизѣ что Эмилиа ангажирована для италіанской оперы въ Алжирѣ. „Условія не блистательны, прибавлялъ онъ, но другаго выбора не было. Я буду при той же труппѣ въ качествѣ суфлера и могу сопутствовать Эмилии.“

Предъ отъѣздомъ въ Алжиръ Эмилиа остановилась въ Марсели чтобы видѣть своего сына, оставленнаго на попеченіе одного фермера. Эмилиа узнала что супругъ ея и тутъ обманулъ ее: онъ увѣрилъ ее что послалъ фермеру деньги за полгода впередъ, но фермеръ не получилъ ни одного франка.

— Аристокдемъ, говорила Эмилиа, цѣлуя и обнимая своего

ребенка,—я должна жить и работать для этого несчастного ребенка.... Мой голос, моя энергия возвратятся. Я могу еще быть великою артисткой.... и теперь путь мой всегда будет чистъ и непороченъ. У меня есть сынъ, онъ будетъ уважать меня.

VIII.

Прошло четыре года. Не станемъ разказывать всѣ эпизоды грустной артистической карьеры Эмили. Безпрестанныя неудачи, непрерывная борьба съ разными интригами и съ грязною стороною театрального міра окончательно истощили силы бѣдной женщины. Ея здоровье совершенно разстроилось, голосъ почти совсѣмъ пропалъ. Она сознавала что не можетъ уже браться за исполненіе первыхъ ролей. Она рѣшилась ѣхать въ Парижъ и искать тамъ средствъ къ существованію.

Въ Парижѣ, въ предмѣстіи Св. Антонія, находилась въ то время гостиница третъестепеннаго свойства *La belle Sirène*, принадлежавшая супругамъ Дюпонъ. Г-жа Люкреція Дюпонъ въ своей молодости была танцовщицей и въ блистательнѣйшую эпоху своего поприща была прозвана *La belle Sirène*. Хотя названіе это напоминало ей „дѣла давно минувшихъ дней“, оно всегда радостно волновало ея душу, и пожелавъ увѣковѣчить воспоминаніе о своемъ торжествѣ, она предложила мужу переименовать ихъ *Hôtel*, какъ она иногда въ чаду самолюбія называла свое заведеніе, изъ *Les trois canards* въ *La belle Sirène*. Господинъ Дюпонъ, бывшій нѣкогда шэфомъ хлопальщиковъ въ театрѣ Амбигю, считалъ и себя чѣмъ-то въ родѣ артиста и имѣлъ большія претензіи на изящный вкусъ. Онъ пришелъ въ неописанный восторгъ отъ идеи своей жены, и въ одно прекрасное утро посѣтители заведенія четы Дюпонъ увидѣли на вывѣскѣ надъ входомъ въ гостиницу, вмѣсто плывущихъ трехъ утокъ, огромную надпись: „*La belle Sirène*“ и изображеніе женщины въ очень коротенькомъ зеленомъ платьѣ, съ вѣнкомъ на головѣ, въ позѣ танцовщицы стоящей на одной ногѣ съ другою на отлетѣ и съ поднятыми руками. Фантазія живописца придала эфирной жительницѣ водѣ самые широкіе размѣры, можетъ-быть желая

сдѣлать этимъ любезный намекъ на тождество сирены съ г-жою Дюпонъ, непомянуто растолстѣвшею со времени ея разлуки съ балетомъ.

Гостиница Дюпонъ была обыкновенно наполнена артистами всѣхъ возможныхъ сортовъ. За тридцать франковъ въ мѣсяцъ они имѣли комнату, меблированную на половину, и столъ: утромъ огромная чашка замѣчательно дурнаго кофе, вечеромъ обѣдъ изъ супа и хлѣба *à discretion* и мяснаго кушанья не *à discretion*. Разъ въ день, за *table d'hôte*, собирались всѣ жильцы: представители оперы, балета, драмы, цирка, фокусники, укротители звѣрей, и можно было дѣлать весьма интересныя наблюденія надъ ихъ аппетитомъ. Послѣ втораго кушанья г. Дюпонъ погружался въ глубокую думу, переходившую всегда въ глубокий сонъ, а г-жа Дюпонъ, вмѣсто десерта, начинала угощать своихъ жильцовъ воспоминаніями изъ своей театральной жизни, чаще всего нѣсколько скандальнаго свойства.

За столомъ, на самомъ почетномъ мѣстѣ, около г-жи Дюпонъ, помѣщается давно знакомый намъ поэтъ Савонъ. Онъ пріѣхалъ въ Парижъ въ надеждѣ привести въ исполненіе разные литературные планы, но потерпѣлъ самую неисправимую неудачу, вслѣдствіе чего его финансы пришли въ такое состояніе что изъ довольно порядочной гостиницы онъ принужденъ былъ перебраться въ „*La belle Sirène*“. Впрочемъ, онъ скоро примирился съ своею участью, разыгрывая въ заведеніи Дюпонъ самую почетную роль.

— Гдѣ же маэстро Бокаллини? спросилъ онъ.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, нашего Бокаллини нѣтъ! воскликнулъ миниатюрный, желтенькій человѣчекъ, укротитель звѣрей Кокъ, счастливый супругъ „необыкновенной женщины“, которая каждый день, въ четыре часа пополудни, въ костюмѣ дикой, входила въ клетку тигра, а потомъ проглатывала кусокъ толстой горящей свѣчи, и счастливый отецъ „необыкновенныхъ, еще малолѣтнихъ двухъ чадъ“, также глотающихъ уже предъ публикой зажженные свѣчи, но пока еще тоненькія; самъ онъ, въ два большихъ представленія, глоталъ куски кирпича. Эта интересная семья, несмотря на употребленіе такой тяжелой пищи, приводила своимъ аппетитомъ въ истинное отчаяніе г-жу Дюпонъ. — Значитъ, порція Бокаллини можетъ быть пожертвована въ пользу мою и моихъ

малютку! продолжалъ укротитель звѣрей, подставляя г-жѣ Дюпонъ разомъ двѣ тарелки.

— Съ удовольствіемъ, пробормотала она съ гримасой.

— Отсутствие Бокалина такой небывалый фактъ, началъ опять Савонъ,—что объяснить его можно только двумя происшествіями одинаковой важности: или онъ умеръ, или ствится его опера *Дидона*.

— Ни то, ни другое, сказала таинственно г-жа Дюпонъ,—маэстро Бокалина влюбленъ!

— Влюбленъ? Въ его лѣта, съ его ничѣмъ невозмутимую апатіей?... слышалось нѣсколько голосовъ.

— Кто хорошо знаетъ исторію, того подобные случаи не могутъ удивить, прервала общій хохотъ одна старая хористка.—Вотъ, напримѣръ, въ *Эрнани* старикъ Сильва страстно влюбленъ въ молодую дѣвушку, и....

Эта историческо-любовная диссертация была перебита возгласами: „Мы требуемъ разказа о романѣ Бокалина! Да, да, исторію любви маэстро Бокалина!“

— Вчера вечеромъ, начала г-жа Дюпонъ, явно польщенная выраженіемъ всеобщаго желанія слушать ее,—вошла въ эту залу женщина, еще молодая, очень блѣдная и замѣчательно красивая. Она вела за руку мальчика лѣтъ пяти. За ней слѣдовалъ носильщикъ съ маленькимъ чемоданомъ. Молодая женщина дала ему франкъ. „Мало! сказалъ онъ:—еще слѣдуетъ пятьдесятъ сантимовъ.“ Она покраснѣла. „Сударыня! отозвался маэстро Бокалина (онъ здѣсь читалъ газету),—у меня есть мелкія деньги.“ Незнакомка взглянула на него съ такимъ выраженіемъ что можно было бы подумать что онъ оказалъ ей благодѣяніе.... Они разговорились по-италіянски. „Мой соотечественникъ, обратилась она ко мнѣ,—увѣряетъ меня что у васъ добрѣйшее сердце. Это даетъ мнѣ смѣлость откровенно говорить съ вами. Согласитесь ли вы помѣстить меня въ вашей гостиницѣ, несмотря на то что въ первое время я не въ состояннн буду платить вамъ? Я надѣюсь найти здѣсь средства къ существованію, и....“ — Какъ вамъ не найти средства и друзей? перебила я ее.—Вы не унывайте! въ Парижѣ многія пріѣзжаютъ чуть ни въ лохмотьяхъ, а чрезъ короткое время ихъ видишь въ шелку, кружевахъ и брилліантахъ.... „О, у меня нѣтъ подобныхъ желаній,“ проговорила она съ улыбкой и крѣпко обняла своего малютку.—

А что касается до меня, продолжала я,—то вы можете спокойно остаться у меня безъ одного су въ продолженіи пяти, шести дней. Мы ужь разчитаемся....

— Но если она такая красавица, то чѣмъ объяснить что она находится въ такой бѣдности? замѣтила одна бывшая фигурантка.—Это что-то подозрительно, тутъ кроется тайна....

— Не перебивайте! воскликнулъ Савонъ.—Что жь маэстро Бокалини?

— Онъ совершенно преобразился. Вы знаете какъ трудно заставить его произнести хоть два слова; вчера, когда я, помѣстивъ незнакомку, возвратилась сюда, онъ съ удивительнымъ краснорѣчіемъ сталъ упрасивать меня беречь ее, не отказывать ей ни въ чемъ...; потомъ онъ сталъ бѣгать вокругъ этого стола, восклицая безпрестанно: „Да, да, я нашелъ великолѣпную Дидону! Наконецъ мнѣ возможно будетъ поставить мою *Дидону*, услышать мое произведеніе!“ А сегодня утромъ нашъ маэстро, разряженный, раздуженный, въ перчаткахъ, со складною шляпой, сдѣлавъ визитъ моей новой жиличкѣ, и чрезъ нѣсколько времени вмѣстѣ съ нею отправился куда-то въ наемной каретѣ.

— Вамъ уже извѣстно имя этой феи? спросилъ Савонъ.

— Меня просили пока еще не называть ее. Я слиткомъ глубоко проникнута сознаниемъ своихъ обязанностей чтобы нарушить инкогнито моихъ жильцовъ. Если незнакомка эта избрала „Hôtel“, то это значитъ что и она артистка....

— Да, пѣвица....

— И еще какая! Примадонна! произнесла съ гордостью г-жа Дюпонъ.

— Какая же она примадонна, если она находится въ такомъ положеніи и останавливается въ.... замѣтила та же бывшая фигурантка, не докончивъ своей фразы. Но замѣчаніе это было покрыто стукомъ подъѣзжавшаго экипажа.

— Вотъ она! провозгласила г-жа Дюпонъ.

Всѣ взоры обратились на дверь. Вошелъ старикъ Бокалини подъ руку съ Эмилией. Савонъ подбѣжалъ къ нимъ.

— Синьора Эмилия! воскликнулъ онъ: — я не ожидалъ встрѣтить васъ здѣсь.

Она вся вспыхнула, на силу смогла отвѣчать нѣсколько словъ, пожала руку Савону, поблагодарила Бокалини и поспѣшно удалась.

Всѣ обступили Бокалини и Савона съ безконечными

вопросами. Но Бокачини повторялъ только вполголоса и съ полнѣйшимъ отчаяніемъ: „Опять мои надежды рухнули: моя *Дидона* не будетъ поставлена!...“ а Савонъ ничего не говорилъ. Это произвело самое неблагоприятное впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ, и всѣ хоромъ рѣшили что эта блѣдная красавица не что болѣе какъ какая-нибудь авантюрьерка.

Эмилія и не подозрѣвала что она возбудила столько толковъ. Она сидѣла нагнувшись надъ своимъ спящимъ ребенкомъ. Слезы капали изъ ея глазъ. Она молилась.

IX.

Для три послѣ пріѣзда Эмиліи въ Парижъ, въ „*La belle Sirène*“ явился господинъ уже не первой молодости, но еще довольно красивый собою, и въ сильно поношенномъ костюмѣ.

— Потрудитесь, обратился онъ къ г-жѣ Дюпонъ,—сказать италіянской пѣвицѣ, которая на дняхъ переѣхала къ вамъ, что ее желаетъ видѣть одинъ давнишній ея знакомый.

— Ваше имя?

— О, у меня ихъ столько что я не знаю съ котораго начать!... Вы можете назвать меня или графомъ Рокадоро, или графомъ Абано, или скромнымъ именемъ литератора Малакрида, или....

Громогласныя имена и титулы такъ подѣйствовали на г-жу Дюпонъ что, не дослушавъ дальнѣйшаго ихъ исчисления, она поспѣшила къ Эмиліи чтобы доложить ей о знатномъ гостѣ.

— Какой-то графъ, или, кажется, даже маркизъ, непременно желаетъ видѣть васъ, объявила она торжественно. — Я предсказала вамъ что вы въ Парижѣ не останетесь долго безъ друзей....

— Я никого теперь не могу принять, перебила ее Эмилія.

— О, пожалуйста, этикетъ и церемоніи въ сторону! Я не такъ требователенъ, раздался за дверьми голосъ, какъ внезапное несчастье поразившій Эмилію.

Прежде нежели она успѣла опомниться, ея мужъ стоялъ предъ нею. Г-жа Дюпонъ удалилась, но не нашла лишнимъ остановиться въ корридорѣ, у дверей. Эмилія, по чувству инстинктивного страха, обѣими руками крѣпко обхватила своего ребенка.

— Прелестная Эмилія, началъ Дженарино, — кажется, мое присутствіе не совсѣмъ вамъ пріятно; я, напротивъ, надѣялся, что вы сумѣете одѣннуть мое вниманіе: только что (совершенно случайно) узнавъ о вашемъ пріѣздѣ, я тотчасъ же поспѣшилъ явиться къ вамъ.

Эмилія, точно окаменѣлая, не произносила ни слова.

— Вы часто бываете несправедливы ко мнѣ, продолжалъ онъ, удобно усаживаясь и закуривая сигарку.—Я отказался отъ надежды перевоспитать васъ и потому рѣшился избавиться васъ отъ супружескаго ига. Большинство женщинъ считали бы подобный поступокъ неотвѣннымъ, вы же забыли все что я сдѣлалъ для васъ. Когда я женился на васъ, вы, правда, были хороши и имѣли еще хорошій голосъ; но вы, конечно, понимаете, что еслибъ я въ этихъ достоинствахъ не видѣлъ средства къ упроченію своего соціального положенія, я бы не захотѣлъ прикрывать своею особой ваши увлеченія молодости и продѣлки барона Доке. Къ сожалѣнію, я ошибся въ своихъ расчетахъ: вы очень скоро спали съ голоса, а ваши капризы и ваша примѣрная добродѣтель, несобразная ни съ вашимъ прошедшимъ, ни съ положеніемъ театральнoй артистки, окончательно погубили насъ. Я сталъ другими путями искать себѣ счастья, но въ послѣднее время оно нѣсколько измѣнило мнѣ.... и я нахожу себя вынужденнымъ напомнить вамъ ваши супружескія обязанности. Я не пошлый мужъ и не думаю, разумѣется, требовать отъ васъ любви и поцѣлуевъ; но я требую чтобы вы вспомнили чѣмъ вы мнѣ обязаны и вывели меня изъ того затруднительнаго кризиса въ которомъ я теперь нахожусь, вотъ и все. Согласитесь что невозможно найти въ цѣломъ мірѣ болѣе благоразумнаго мужа.... Чѣмъ же я заслужилъ такой пріемъ отъ васъ?... Испуганное лицо и—ни слова! А я могу дать вамъ превосходный совѣтъ: баронъ Доке теперь въ Парижѣ, отправьтесь къ нему, и....

— Чтобъ я пошла къ барону Доке!

— Это будетъ теперь тѣмъ удобнѣе что баронъ недавно женился.... также на примадоннѣ, но она умнѣе вашего сумѣла устроить свои дѣла. Баронъ боится своей жены больше сатаны. Совѣтую вамъ явиться съ вашимъ сыномъ къ барону, онъ побойтся скандала, а еще болѣе жены, и дастъ вамъ ту сумму которую вы потребуете, а вы, какъ признательная жена, дадите мнѣ не болѣе половины этой суммы.

— Моя нога не будетъ въ его домѣ!

— Значить, у васъ есть другіе виды? Но какіе? Кажется, я въ правѣ требовать отъ васъ категорическаго отвѣта. Вы молчите. Знаю, что третьяго дня васъ слышалъ одинъ импресарио, но вы не понравились, и вслѣдствіе этого вы даже рѣшились пѣть въ café chantant. Это мысль не дурная. Вы еще хороши собой, а для café chantant это непремѣнное условіе.

Эмилиа съ возрастающимъ ужасомъ глядѣла на своего мужа.

— Но я думаю, продолжалъ Дженарино,—что и директоръ café chantant найдетъ вашъ голосъ черезчуръ слабымъ....

— О, я знаю что мнѣ нечего болѣе разчитывать на свой голосъ!...

— Такъ къ чему же вы такъ долго жеманитесь? Берите ваше чадо и идемъ сейчасъ вмѣстѣ къ барону Доке: это наилучшій способъ поправить наши обстоятельства.

Эмилиа не трогалась съ мѣста.

— А! такъ вотъ какую методу вы изволили принять! Закричалъ Дженарино.—Но, сударыня, я вашъ законный мужъ и, такъ или иначе, сумѣю принудить васъ къ послушанію.

Онъ выхватилъ малютку изъ ея объятій и поднялъ руку. Эмилиа вскрикнула съ такою силой, съ такимъ отчаяніемъ, что г-жа Дюпонъ быстро оворила дверь и въ мигъ очутилась около Эмилиа. За г-жой Дюпонъ вошли Савонъ и укротитель звѣрей. Она, во время разговора Дженарино съ Эмилией, вызвала ихъ изъ залы. Укротитель звѣрей, безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій и разсужденій, поднявшись на цыпочки, такъ энергически схватилъ Дженарино за шею что онъ тотчасъ же освободилъ плачущаго ребенка.

— Мерзавецъ, обманщикъ, воръ! продекларировалъ Савонъ патетически.—Провозгласить себя графомъ, маркизомъ....

— Кажется, и герцогомъ, вмѣшалась г-жа Дюпонъ.—Такъ острамить мой Hôtel!

— Я долженъ покончить съ тобой давнишніе счета, продолжалъ Савонъ.— Ты и меня обобрала, а, кажется, трудновато было пожитья добромъ такого бѣдняка какъ я. Но обо мнѣ послѣ, а теперь скажу тебѣ что если ты причинишь малѣйшій вредъ этой женщинѣ или этому ребенку, то мы, безъ всякихъ церемоній, задушимъ тебя.

Дженарино уже не думалъ ни о причиненіи вреда кому бы то ни было, ни о слушаніи спича Савона, а единственно

только о возможности высвободиться изъ рукъ укротителя звѣрей. Его старанія врядъ ли увѣнчались бы успѣхомъ, еслибы появленіе двухъ новыхъ лицъ не обратило на себя вниманіе укротителя звѣрей, вслѣдствіе чего онъ самъ выпустилъ свою жертву. Въ дверяхъ стояли два жандарма.

Полиція съ нѣкотораго времени уже находила нужнымъ подмѣчать за Дженарино; когда онъ вошелъ въ гостиницу, жандармы издали слѣдили за нимъ; услышавъ шумъ, они поспѣшили войти.

— Ваше имя? обратился одинъ изъ нихъ къ Дженарино.

— Де-Аликанти, пробормоталъ Дженарино, бросая взглядъ на дверь.

— Ваши бумаги?

— Да, да! покажите ваши карточки! заговорила съ яростью г-жа Дюпонъ.—Всѣ съ разными фамиліями и титулами!...

— Въ настоящую минуту мои бумаги не при мнѣ, сказалъ Дженарино, уже успѣвъ оправиться.—Но вотъ эта женщина можетъ сказать вамъ кто я, она моя законная жена.... что и этотъ господинъ, продолжалъ онъ указывая на Савона,—подтвердить вамъ: онъ былъ свидѣтелемъ на нашей свадьбѣ....

— Господа! перебилъ его Савонъ, обращаясь къ жандармамъ:—вы видите что „эта женщина“, какъ онъ называетъ свою несчастную жену, полумертва и не въ состояніи сообщить вамъ какія бы то ни было подробности; а я могу засвидѣтельствовать и подтвердить вамъ что этого человѣка должно отправить на каторгу, а до переселенія его въ это единственное приличное для него мѣсто, совѣтую вамъ помѣстить его гдѣ-нибудь откуда ему невозможно будетъ уйти.

Жандармы, выслушавъ Савона и не сказавъ болѣе ни слова, очень вѣжливо взяли Дженарино подъ руки и увели его.

Въ продолженіе всей этой сцены Эмилиа находилась въ какомъ-то болѣзненномъ оцѣпенѣніи. Когда она наконецъ пришла въ себя, въ ея комнатѣ никого уже не было, только сидѣла возлѣ нея та самая хористка которая черпала свои историческія познанія въ оперныхъ либретто. Она узнала о совершившейся катастрофѣ, приласкала малютку Эмилию и принялась ухаживать за ней самою.

— Вамъ теперь легче, не правда ли? говорила хористка.— Вы должны собраться съ силами.... Надо же выйти изъ подобнаго положенія.... что-нибудь предпринять.... Бокалини говорятъ что вы умѣете пѣть и что у васъ еще есть голосъ....

— Два импрессарія слышали меня здѣсь и оба отказались ангажировать меня....

— Но что же вы будете дѣлать? Госпожа Дюпонъ скоро представить вамъ счетъ.... Я ее знаю, она не долго будетъ великодушною, хотя она собственно женщина не злая. Но и во всякомъ случаѣ не совѣтую вамъ оставаться въ этой гостиницѣ, вы слишкомъ еще молоды и красивы. Если вы хорошо шьете, я могу доставить вамъ работу. Въ свободное отъ театра время я зарабатываю порядочныя деньги.

Эмилія вспыхнула. Она созналась хористкѣ что ее учили только пѣть и приготовляли быть только примадонной.

— Остается еще одно средство, продолжала хористка, серьезно озабоченная положеніемъ своей новой знакомой.—Въ здѣшней италіанской оперѣ увеличиваютъ число хористокъ; я могу завтра же представить васъ директору хоровъ. Я надѣюсь что намъ удастся устроить это дѣло.

Эмилія не рѣшалась отвѣтить. „Вступить въ хоръ!... думала она, въ труппу италіанской оперы.... встрѣтить тамъ, быть-можетъ, людей, которые знавали меня прежде.“

— Мама, мнѣ вѣсть хочется, проговорилъ ея ребенокъ.

Эти случайныя, простыя слова электрически подѣйствовали на нее.

— Да, я съ благодарностью принимаю ваше предложеніе, сказала она.—Я не имѣю права выбирать и ждать, у моего ребенка нѣтъ хлѣба.

На другой день послѣ этого разговора Эмилія, въ сопровожденіи хористки, отправилась въ италіанскую оперу.

— Дорога нѣсколько длинна, говорила хористка,—и вы не можете скоро идти, но мы поспѣемъ еще, я думаю, до начала оперы. Лучше было бы поскорѣе переговорить съ директоромъ хоровъ Гарисомъ. Онъ человекъ добрый, только черезчуръ ужъ любитъ ухаживать за хористками. Вы ужаснетесь, увидѣвъ какія здѣсь бываютъ скандалезныя исторіи. Но, впрочемъ, вамъ все это достаточно извѣстно.

Эмилія не говорила. Она насилу передвигала ноги.

— Не падайте духомъ! продолжала хористка.—Повѣрьте, и намъ не чужды нѣкоторыя артистическія наслажденія, когда, наприкладъ, какой-нибудь *morceau d'ensemble* производитъ фуроръ: развѣ мы не знаемъ что это *наша* заслуга? Или если какая-нибудь примадонна, которая относится къ намъ съ величайшимъ презрѣніемъ, при насъ дѣлаетъ фіаско!... Ну,

вотъ мы и пришли. Посторонитесь, наша примадонна выѣзжаетъ изъ кареты. Взгляните, замашки королевы, а мужъ точно лакей бѣжитъ за ней....

Чтобы добраться до мѣста сборища хористокъ, Эмилія и хористка должны были пройти мимо уборной примадонны. Дверь была полуоткрыта. Примадонна сидѣла развалившись въ креслахъ предъ трюмо. Парикмахеръ убиралъ ея волосы, горничная обувала ее; возлѣ нея стояли, съ одной стороны, лакей въ ливреѣ, съ серебрянымъ подносомъ, на которомъ находились разныя пастильки, сахарная вода, сырыя яйца и т. д., а съ другой стороны мужъ съ ящичкомъ бѣлилъ и румяня въ рукахъ.

— Мы счастливы, сказала хористка Эмилію,—вотъ и Гарисъ. Моя хорошая знакомая желаетъ поступить къ вамъ, обратилась она къ нему.—Я слышала что вы намѣрены увеличить число хористокъ....

— Какой чортъ увеличить! перебилъ ее Гарисъ.—Дѣла и такъ плохо идутъ; „увеличить“! напротивъ, слѣдовало бы уменьшить, или скорѣе уничтожить всѣхъ хористокъ....

Эти слова вызвали цѣлую бурю замѣчаній: „Если оперы дѣлаютъ фіаско, то это, конечно, не наша вина! Разумѣется! Еслибы первыя партіи лучше знали свое дѣло!... Еслибы мы получали приличное жалованье! Еслибы директоръ оркестра....“

— Довольно, довольно! закричалъ Гарисъ.—Скажите: вы, сударыня, желаете вступить въ эту столь симпатичную корпорацію? спросилъ онъ Эмилію.

— Да.... проговорила Эмилія.

Взглянувъ внимательно на прелестное лицо Эмилію, выражающее страданіе и смущеніе, Гарисъ тотчасъ же измѣнилъ тонъ въ отношеніи къ новой просительницѣ.

— Вы уже пѣли на другихъ сценахъ? спросилъ онъ ее ласково.

— Да....

— Я постараюсь исполнить ваше желаніе. Вы, кажется, черезчуръ застѣнчивы, но побывъ немного въ обществѣ этихъ синьйоръ, вы, безъ сомнѣнія, скоро исправитесь.... Окончательно переговоримъ послѣ спектакля, теперь я слишкомъ занятъ. Вы пока можете послушать оперу.

Эмилія поблагодарила и помѣстилась на указанномъ ей мѣстѣ.

— Сегодня идетъ *Линда*, сказала ея покровительница-хористка.—Итальянская опера идетъ на „итальянской сценѣ“, а кто поетъ? Примадонна Французенка, басъ Нѣмецъ, теноръ Русскій, баритонъ Шведъ, а директоръ оркестра тоже Нѣмецъ....

Но Эмилія не слушала ни разглагольствованій хористки, ни *Линду*. Самыя разнородныя мысли и воспоминанія волновали ея. Ея дебюты, энтузіазмъ публики, Сальвиани, ея первая, ея единственная любовь!... Прощаніе въ Миланѣ съ нимъ, съ братомъ.... Бѣдный Лучіано! Она тогда даже хорошенько не посмотрѣла на него, и съ тѣхъ поръ она его не видала, ничего не могла узнать о немъ.... Потомъ Флоренція, встрѣча съ Сальвиани, его письмо.... ея паденіе, гибель, свадьба. Потомъ послѣдніе тяжелые годы, непрерывныя неудачи и лишенія.... Ея бѣдный ребенокъ....

Опера кончилась. Аплодисменты, вызовы также кончились, но публика еще остается. Занавѣсъ опять подымается. На сцену выходитъ какой-то молодой человекъ со скрипкой въ рукахъ. Его принимаютъ съ оглушительными рукоплесканіями. Онъ начинаетъ играть. Первые звуки этой скрипки возбуждаютъ въ душѣ Эмиліи чувство невыразимой тоски.... Она бѣжитъ достать афишку. На афишкѣ большими буквами напечатано: „Послѣ окончанія оперы Лучіано Реденти исполнить на скрипкѣ фантазію своего сочиненія: *Брошенное дитя*.“ Эмилія вскрикнула и дрожа всѣмъ тѣломъ устремила свой взглядъ на сцену.

— Эта женщина, кажется, помѣшана, замѣтилъ кто-то.

— Да, да! это онъ, Раскіоне, мой бѣдный братъ! восклицала Эмилія.—Какъ онъ выросъ, но какъ онъ худъ и блѣденъ.... О! и онъ много, много страдалъ! Бѣдное „брошенное дитя“.... и Эмилія громко зарыдала.

Всѣ слушатели въ восторгѣ отъ страстной игры Лучіано, всѣ поражены красотой и могуществомъ выраженія этого дивнаго сочиненія. Но для Эмиліи это не *музыкальная фантазія*, а страшная истина.... Эти звуки разказываютъ ей всю исторію горестной жизни Раскіоне. Ясно представляется ея воображенію картина его безотраднaго дѣтства... непрерывныя истязанія, нравственныя и физическія... ни одного слова любви, ни одной ласки, и потомъ совершенное одиночество.... „брошенное дитя“....

Когда Лучіано кончилъ, и умолкли наконецъ рукоплесканія, Эмилиа попросила Гариса повести ее въ комнату артистовъ. Еще издали, чрезъ открытую дверь, Эмилиа увидала брата. Вокругъ него толпились разныя литературныя и музыкальныя знаменитости: Жюль Жаненъ, Фиорентино, Берлиозъ, но Лучіано такъ разсѣянно слушалъ ихъ что они, не привыкшіе къ подобному равнодушію, скоро оставили его. Эмилиа поджидала эту минуту. Она только что хотѣла кинуться къ брату, но остановилась какъ вкопаная. Чрезъ другую дверь быстро вошелъ красивый молодой человѣкъ и бросился въ объятія Лучіано.

— Мой дорогой Лучіано!

— Синьйоръ Сальвіани!... Какъ я счастливъ видѣть васъ....

Эмилиа сдѣлала нѣсколько шаговъ чтобъ уйти, но силы оставили ее, и она упала на полъ.

— Скорѣе воды, воды! воскликнулъ Гарисъ, подымая Эмилию.

— Кому это дурно сдѣлалось? спросилъ мужъ примадонны.

— Какая-то новая хористка....

— Хористка.... проговорилъ онъ съ пренебреженіемъ:— стоить ли изъ-за этого надѣлать столько шума!...

— Чтò случилось? Чтò такое? послышалось еще нѣсколько голосовъ.

— Ничего, ничего.... Какая-то хористка упала въ обморокъ.

Когда Эмилиа немного оправилась, Гарисъ усадилъ ее вмѣстѣ съ ея новой подругой въ карету и велѣлъ везти ихъ въ „La belle Sirène“.

Раскione и Сальвіани такъ были поглощены радостью своего свиданія что и не замѣтили всей этой сцены, происшедшей за кулисами. Но выходя изъ театра, Сальвіани увидѣлъ въ одной отъѣзжающей каретѣ блѣдное лицо Эмилии.

X.

Лучіано Реденти занималъ въ „Hôtel des Princes“ одинъ изъ роскошнѣйшихъ номеровъ, имѣлъ экипажъ, камердинера и двухъ Арабовъ, которые, наряженные въ богатые восточные костюмы, стояли у него въ передней. Во всемъ этомъ Лучіано былъ совершенно невиненъ. Американецъ, ангажи-

ровавший его „для артистической поѣздки по Европѣ“, былъ проникнутъ справедливымъ убѣжденіемъ что въ Парижѣ артистъ только при подобной обстановкѣ можетъ надѣяться на громадный успѣхъ. Лучіано машинально исполнялъ желанія и требованія „своего хозяина“, какъ онъ называлъ Американца, и ни о чемъ болѣе не заботился. Онъ ни съ кѣмъ не сближался и любилъ только свою скрипку.

— Сеньоръ Лучіано, сказалъ Американецъ, поспѣшно входя къ нему,—вы должны теперь принять одного извѣстнаго журналиста. Вотъ и маленькій свертокъ золотыхъ, который, при первомъ удобномъ случаѣ, не забудьте вручить ему.

— Пускай онъ войдетъ, только не на долго, пожалуйста, я еще сегодня почти не игралъ. А насчетъ „свертка“ вы ужъ потрудитесь мигнуть мнѣ когда настанетъ „первый удобный случай“, прибавилъ онъ, какъ-то странно улыбувшись,—я, вы знаете, ни на что не гожусь и готовъ, пожалуй, пропустить этотъ случай, и журналистъ меня, чего добраго, разрушаетъ, что для васъ можетъ быть не выгодно.

Арабы торжественно распахнули дверь и впустили Родольфа Флоренцу. Флоренца разсыпался въ самыхъ восторженныхъ похвалахъ.

— Я тѣмъ болѣе счастливъ отдать эту справедливую дань вашему геніальному таланту, окончилъ онъ свой хвалебный спичъ,—что я вашъ соотечественникъ и помню васъ еще ребенкомъ. Я всегда предсказывалъ что вы сдѣлаетесь великимъ артистомъ!...

Слова Флоренцы звучали искреннимъ восторгомъ. Но Лучіано только иронически улыбался и ничего не отвѣчалъ.

— Вы должны извинить его, шепнулъ Американецъ Флоренцѣ.—Какъ у всѣхъ геніальныхъ людей, у него есть нѣкоторыя странности.... Но повѣрьте, если вы въ вашемъ журналѣ такъ же лестно отзоветесь о немъ, то онъ сумѣетъ доказать свою признательность не одними словами....

— А! Относительно журнала это вопросъ совершенно другаго свойства и долженъ быть разрѣшенъ коммерческимъ образомъ, отвѣчалъ Флоренца.—Я могу чистосердечно восхищаться талантомъ любого артиста, а между тѣмъ печатно я долженъ подчинить свое мнѣніе разнымъ обстоятельствамъ и принятымъ въ нашей редакціи обычаямъ. Редакція возложила на меня обязанность, если новый замѣча-

тельный артистъ появляется въ Парижѣ, написать о немъ три статьи и предложить ему ихъ на выборъ. Я принесъ вамъ три такія статьи, прибавилъ онъ передавая Лучіано нѣсколько листовъ исписанной бумаги,—выбирайте....

— Мнѣ некогда читать, перебилъ его Лучіано. Вотъ десять золотыхъ, я хочу чтобы вы хвалили меня не болѣе какъ на эту сумму....

Флоренца ни мало не смутился и преспокойно вложилъ свертокъ золотыхъ въ карманъ.

— Жалтвю, сказалъ онъ,—что за эту сумму мы можемъ напечатать только статью *сторого* разряда. Но, впрочемъ, я постараюсь еще какъ-нибудь устроить это дѣло. Я съ своей стороны очень желалъ бы сдѣлать исключеніе въ вашу пользу.

Флоренца былъ прерванъ приходомъ Сальвіани. Со времени опубликованія біографіи Дженарино въ *Хроникъ*, Флоренца не былъ принятъ въ домъ графа Сея-Виктора. Элиза сообщила брату разныя подробности о Флоренцѣ, какія узнала, и Сальвіани прекратилъ съ нимъ всѣ сношенія.

— Вы, сколько мнѣ извѣстно, друзья, сказалъ Лучіано съ своею ироническою улыбкой:—что же значить эта холодность?

— Я рѣшительно не понимаю.... пробормоталъ Флоренца.

— Вы должны понять, перебилъ его Сальвіани,—что между мною и вами ничего общаго быть не можетъ.

Флоренца бросилъ на Сальвіани недобрый взглядъ, вѣжливо поклонился и вышелъ не сказавъ ни слова. Въ передней Американецъ задержалъ его. Боясь чтобы этотъ визитъ у Лучіано не произвелъ слѣшкомъ неблагопріятнаго дѣйствія, онъ всунулъ ему въ руку, на всякій случай, еще сверточекъ золотыхъ.

— Вы единственный человекъ въ мірѣ, сказалъ Лучіано, крѣпко сжимая руку Сальвіани,—котораго мнѣ отрадно видѣть....

— Единственный?

— У меня никого болѣе нѣтъ.

— Какая-то женщина непременно желаетъ войти къ вамъ, доложилъ Арабъ, отвѣщая низкій поклонъ.—Она увѣряетъ что она ваша сестра.

— У меня нѣтъ сестры.

— Я такъ и думалъ что это выдумка. Эта женщина не

можетъ быть вашею сестрой, она такъ бѣдно одѣта, какой-то поношенный бурнусъ, и....

— Довольно! Нечего пускаться въ разсужденія. Я сказалъ тебѣ что у меня нѣтъ ни сестры, ни другихъ родныхъ, — я одинъ.

Арабъ, отвѣсивъ второй поклонъ еще ниже перваго, поспѣшно вышелъ.

— Лучіано, Раскione, мой другъ! Развѣ ты не знаешь, или не хочешь знать что Эмилиа здѣсь? воскликнулъ Сальвиани.— Неужели ты такъ измѣнился? Ты вѣдь былъ добръ! Твоя сестра несчастна, быть-можетъ, въ нищетѣ. Вспомни какъ она тебя ласкала, защищала. Не оставляй, не осуждай ея.

— Неужели вы ее еще любите?

— Нѣтъ, я ея болѣе не люблю. Я весь принадлежу другой. Я женатъ, я счастливъ. Но женщина, которую я когда-то такъ горячо любилъ, не можетъ быть для меня совершенно чужою. Я бы хотѣлъ вывести ее изъ ея тяжкаго положенія; но мнѣ, именно мнѣ, трудно дѣйствовать одному. Я разчитываю на тебя, Лучіано. Эмилиа за свою вину достаточно поплатилась.... Мой другъ, ты поможешь мнѣ. Мы вмѣстѣ отправимся къ ней....

— Никогда. „Сестра“! Когда-то я взывалъ къ этому имени какъ къ святынь.... Да, думалъ я, успѣхъ, публика, сцена вскружили ей немного голову, она какъ будто забыла своего Раскione, но она опомнится, она добра, она любитъ меня, она моя надежда, мое счастье!... Сильборъ Эрнесто, съ тѣхъ поръ какъ я разстался съ вами, я много, много перенесъ горя.... Почти еще ребенокъ, на чужой сторонѣ, одинъ, больной, безъ куска хлѣба.... я писалъ къ „сестрѣ“ разъ, два, десять разъ. Я писалъ ей что я по-прежнему вѣрю въ нее, въ ея любовь ко мнѣ, я писалъ ей что я скитаюсь какъ нищій, что мнѣ холодно и нечѣмъ прикрыться, что я терплю голодь, что я хочу возвратиться въ Европу, увидѣть родину, сестру, что я умоляю ее помочь мнѣ. Она не отвѣтила мнѣ ни разу. Я надѣялся что она умерла, да, надѣялся! Но изъ журналовъ я узналъ что она производитъ „фуроръ“ въ Марсели, во Флоренціи, въ Венеціи.

— Но я убѣжденъ что она тутъ не такъ виновата: вѣроятно, перехватывали твои письма, обманывали ее: такіе люди какъ ея отецъ, какъ ея мужъ, на все способны. Лучіано, ты долженъ видѣть ее, говорить съ ней, тогда все объяснится....

— Не теряйте даромъ словъ. Я никогда не увижу ея.

Когда Лучіано остался одинъ, онъ вынулъ свою скрипку и съ невыразимою любовью прижалъ ее къ груди.

— Приди ты ко мнѣ, говорилъ онъ,—успокой меня. Ты всегда умѣла плакать и страдать со мной. Ты давала мнѣ ѣсть, когда я былъ голоденъ, ты отогревала мнѣ душу, когда я остывалъ отъ тяжкаго одиночества, а теперь ты находишь мнѣ протекторовъ, льстецовъ, друзей... и даже сестру!... Смиш-но! Да, теперь позабудемъ, похочемъ немного вдвоемъ!...

И Расконе сталъ импровизовать самыя странныя варіаціи на *Венеціанскій карнавалъ*.

XI.

Когда Дженарино посовѣтовала Эмилию отправиться къ барону Доке, она съ негодованіемъ возстала противъ этой мысли. Все казалось ей легче этого.... Но самыя скромныя ея желанія и надежды не осуществлялись. Насчетъ ея помѣщенія въ хоръ обѣщали дать ей отвѣтъ не раньше какъ мѣсяца черезъ два. Она еще разчитывала на уроки пѣнія; но и это требовало времени, а между тѣмъ г-жа Дюпонъ „съ большимъ сожалѣніемъ“ объявила ей что она долже безъ денегъ держать ее не можетъ. Лучіано оттолкнулъ, прогналъ ее.... Еслибъ Эмилиа была одна, она предпочла бы крайнюю нужду необходимости явиться просительницей къ барону Доке. Для своего ребенка она рѣшилась принести послѣднюю, самую тяжелую жертву.

Съ тѣхъ поръ какъ баронъ Доке, въ сопровожденіи танцовщицы-красавицы, оставилъ Марсель, число его артистическихъ побѣдъ увеличилось до невѣроятности, и въ этомъ безконечномъ регистрѣ имя бѣдной Эмилии обозначалось уже только одною изъ отдаленнѣйшихъ цифръ. Но времена измѣнились. Баронъ Доке изъ прежняго „bel homme“, въ самое короткое время, почти внезапно, превратился въ совершеннаго старика. Блѣдный, худой, съ крашеными волосами и черезчуръ искусно сдѣланными зубами, съ медленною походкой и потухшими глазами, онъ ужь вовсе не походилъ на побѣдителя женскихъ сердець, и разъ какъ-то, неожиданно и не замѣтно для самого себя, вдругъ увидѣлъ себя въ совершенной зависимости отъ новой своей знакомой, прима-

донны - assoluta, синьоры Анунціаты Гауденци, которая разными, болѣе или менѣе позволительными и честными путями заставила барона заключить съ ней неразрывныя узы брака.

Баронесса Доке въ первой молодости принадлежала къ группѣ странствующихъ, уличныхъ артистовъ. Благодаря своей красотѣ и своему сильному голосу, она была замѣчена однимъ импрессариемъ и поступила на оперную сцену. Встрѣтивъ барона Доке и быстро смекнувъ какъ легко ей дается побѣда надъ бывшимъ Ловеласомъ, она предпочла титулъ баронессы и богатство сценическимъ триумфамъ. Своего супруга она съ замѣчательнымъ умѣниемъ прибрала въ руки, не забывая также, при всѣхъ супружескихъ сценахъ разнообразнѣшаго свойства, ежеминутно напоминать ему что она для него пожертвовала славой и милліонами, и что онъ обязанъ вознаградить ее за это, исполняя всѣ ея желанія и малѣйшіе изъ ея капризовъ. Удовлетвореніе „малѣйшихъ капризовъ“ баронессы обходилось обыкновенно барону весьма дорого, но дѣлать было нечего.... Иначе барону не позволялось даже входить въ комнату его супруги.

— Баронесса проситъ васъ къ себѣ, объявила вертлявая, разряженная горничная барону.

Отправляясь къ женѣ, онъ всегда испытывалъ сильную тревогу. Въ какомъ состояніи находятся ея нервы? спрашивалъ онъ себя со страхомъ. Баронесса сидѣла въ роскошномъ пеньюарѣ, предъ трюмо; за ней подплясывалъ напомаженный, расфранченный парикмахеръ и убиралъ ея длинныя, черныя какъ смоль волосы; предъ ней стояли двѣ горничныя и соштіи отъ ювелира съ ящикомъ въ рукахъ.

— Взгляни, мой другъ, обратилась она къ мужу, — какую я себѣ выбрала миленькую вещицу....

— Діадема изъ жемчуга и сафировъ! воскликнулъ съ ужасомъ баронъ: — Но эта „миленькая вещица“ вѣроятно стоить...

— Двадцать пять тысячъ франковъ. Діадема, которую подарилъ мнѣ графъ М., стоила дороже.

— Мой ангелъ, ты знаешь какъ охотно я доставляю тебѣ удовольствіе, началъ баронъ, боязливо и полупешотомъ, — но послѣ нашихъ громаднѣхъ издержекъ.... Я уже говорилъ тебѣ что мои дѣла немного поразстроились... и что необходимо было бы сдѣлать нѣкоторую экономію.

— „Экономію!“ перебила его баронесса, вскакивая: — „эконо-

мию?“ „Экономію?“ повторяла онѣ, возвышая голосъ.—Вы воображаете что я вышла за васъ для того чтобы вы дѣлали экономію? Вы взгляните на себя, пожалуста.... Да и не мѣшаетъ вамъ вспомнить сколько я зарабатывала на оперныхъ сценахъ въ Амстердамѣ, въ Петербургѣ, въ Константинополѣ. А! Вы хотите дѣлать экономію! Прекрасно! Только вы займетесь этимъ одни, безъ меня, я васъ оставляю.... и оставляю вамъ ваши титулы и дворянство! Я опять буду Анунціатою Гауденци, знаменитою примадонной! Мнѣ ничего вашего не нужно, слышите? Ничего!

При этихъ словахъ баронесса принялась съ неимоверною быстротою бросать на полъ все что попадалось ей подъ руку—склянки помады и духовъ, ящички съ *poudre de riz*, флакончики, изящныя статуйки, колокольчики,—все это летѣло и мелькало въ воздухѣ предъ глазами присутствующихъ. Парикмахеръ испугался не на шутку и спрятался за трюмо; комми прежде всего поспѣшилъ вложить въ карманъ ящичекъ съ діадемой; одна горничная, съ опущенными глазами, на силу сдерживала улыбку, другая кинулась подымать разбросанныя вещи; самъ баронъ стоялъ ни живъ ни мертвъ, онъ ничего въ мѣрѣ такъ не боялся какъ скандала. Прежде чѣмъ онъ успѣлъ придти въ себя отъ обрушившейся на него бури и принять какое-либо рѣшеніе, баронесса набросила на свои роскошныя плечи бурнусъ и выбѣжала изъ комнаты. Последовало такое энергическое захлопываніе двери что мебель зашевелилась, какъ будто при землетрясеніи. „Воображалъ ли я когда-нибудь, думалъ баронъ, что я, баронъ Доке, буду осужденъ на такую жизнь?“...

Подобныя сцены повторялись безпрестанно, и баронъ переносилъ ихъ безропотно: онъ сознавалъ что онъ уже старъ и безобразенъ, что онъ далеко уже не такъ богатъ какъ прежде. Съ болѣзненнымъ страхомъ думалъ онъ объ угрозахъ своей жены, и точно убитый мыслію что она хочетъ оставить его, онъ медленно поплелся въ свой кабинетъ. Но на этотъ разъ ему не долго пришлось терзаться неизвѣстностію: двери распахнулись, и баронесса вошла въ сопровожденіи Эмилии.

— Милостивый государь! начала баронесса рѣзкимъ, крикливымъ голосомъ:—эта дама непременно желала видѣть васъ; ваши лакеи не хотѣли впустить ее, я заступилась за нее и сама привела ее къ вамъ.

— Я этой женщины не знаю, пробормоталъ баронъ.

Онъ не лгалъ. Эмилія съ своимъ поблекшимъ лицомъ, въ своемъ поношенномъ туалетѣ такъ мало походила на прежнюю Эмилію Реденти что баронъ въ первую минуту не узналъ ея.

— Мнѣ кажется что не трудно догадаться почему и къ чему эта женщина здѣсь! произнесла съ улыбкой баронесса. — Основываясь на какихъ-нибудь „правахъ“, она хочетъ просить у васъ подавнія.

— Я! у барона Доке? воскликнула Эмилія.

— Какую вы сценическую позу приняли, сударыня, продолжала баронесса. — Видно что вы ознакомлены съ театральными эффектами.... Можетъ-быть, освистанная примадонна или освистанная трагическая актриса, которая во времена оны пользовалась *протекуией* моего любезнаго супруга.... Къ сожалѣнію, онъ теперь годится болѣе къ разыгрыванію роли „благороднаго отца“ нежели „перваго любовника“. Но, впрочемъ, сцена можетъ сдѣлаться занимательною! прибавила баронесса, удобно усаживаясь на диванъ и какъ бы готовясь присутствовать при забавномъ спектаклѣ.

Увидѣвъ себя предъ барономъ Доке, Эмилія подумала что не будетъ въ состояніи произнести ни слова. Но замѣчанія и насмѣшки баронессы возвратили ей всю ея энергію.

— Баронъ, сказала она, — я вѣрю что вамъ трудно было узнать меня. Мое имя Эмилія Реденти. Я пришла къ вамъ не для того чтобы говорить вамъ о себѣ, но чтобы напомнить вамъ что есть въ мірѣ существо о которомъ вы обязаны заботиться.

— Вы видите что у меня теперь другія, серіозныя, священныя обязанности, произнесъ съ достоинствомъ баронъ.

— Я не обращалась къ вамъ до послѣдней возможности. И теперь, еслибъ я не испробовала тщетно всѣхъ другихъ средствъ, я бы, повѣрьте, не находилась въ эту минуту у васъ, но мое дитя.... я больна, я боюсь.... я не знаю что станетъ съ моимъ ребенкомъ.... Подумайте....

— Я сдѣлалъ для васъ все что могъ, перебилъ ее баронъ, — на большее вамъ разчитывать не слѣдовало.

Эмилія хотѣла отвѣчать барону. Она хотѣла припомнить ему обстоятельства и подробности ихъ знакомства съ перваго дня до послѣдняго. Она хотѣла разказать ему исторію

послѣднихъ годовъ, пережитыхъ ею. Но ея губы сжались, сердце замерло. Она взглянула еще разъ на барона, на его супругу, злобно улыбающуюся, на всю роскошную обстановку, и не сказавъ болѣе ни слова, оставила домъ барона Доке.

Баронесса между тѣмъ успѣла придумать новый родъ атаки. — Фульдженціо! Подобное существованіе не можетъ долге продолжаться! начала она мягко и вѣжливо. — Подумай самъ, такія сцены съ „Эмилиями Реденти“ повторяются безпрестанно!... Ты вспомни что я жена твоя, что я Итальянка, что наконецъ я люблю тебя и не въ силахъ переносить эти мученія! Изъ привязанности къ тебѣ я бы сумѣла смячить свой вспыльчивый характеръ, но, къ несчастію, я все болѣе убѣждаюсь что тебѣ собственно не слѣдовало жениться. Ты черезчуръ привыкъ къ холостой жизни, мы должны разстаться! Это единственное спасеніе для насъ обоихъ. Прощаю тебѣ все зло которое ты мнѣ причинилъ.... прости и ты меня, если я тебя чѣмъ-либо огорчила. Теперь мое рѣшеніе непоколебимо. Я сейчасъ отправляюсь искать себѣ квартиру. Вечеромъ я заѣду еще сюда въ послѣдній разъ чтобы взять свои вещи... и чтобы дать тебѣ послѣдній поцѣлуй!

Баронъ, разстроенный, уничтоженный всѣми происшествіями этого несчастнаго для него утра, стоялъ какъ окаменѣлый, съ опущенными глазами. Когда онъ ихъ поднималъ, его супруги уже не было. Баронесса, вмѣсто того чтобы заняться отысканіемъ квартиры, отправилась въ одинъ изъ лучшихъ ресторановъ, гдѣ превосходно пообедала въ обществѣ одного своего давнишняго друга-соотечественника, очень красиваго юноши. Вечеромъ, возвратившись домой „чтобы собрать свои вещи и дать послѣдній поцѣлуй мужу“, она нашла у себя на столѣ діадему изъ жемчуга и сафировъ и письмо, въ которомъ баронъ умолялъ жену не оставлять его.

XII.

Сальвиани поручилъ Аристоклему разузнать чѣмъ и какъ можно помочь Эмилию. Аристоклемъ, разставшись съ ней по ея возвращенію въ Европу, поѣхалъ въ Италію, опять поселился у Сальвиани и искренно приваивался къ его молодой женѣ. Но онъ часто и съ грустію вспоминалъ о бѣдной

Эмилии. Онъ и не подозрѣвалъ что она въ Парижѣ; онъ долго не имѣлъ о ней извѣстій, и съ тѣмъ большимъ рвеніемъ поспѣшилъ исполнить порученіе Сальвиани. Эмилиа бросилась къ своему старому, доброму Аристодему на шею и громко зарыдала.

— Моя дорогая синьйора, не падайте духомъ! говорилъ Аристодемъ.—Господь не оставитъ васъ.

— Да, да; Его милосердіе безгранично. Теперь я умру спокойно, а поручу вамъ мое бѣдное дитя.

— Что толковать о смерти! Вы еще такъ молоды; лучше полюбуйтесь на вашего Эрнестино, взгляните какъ онъ мило намъ улыбается.... да и подумаемъ о жизни. Прежде всего надо расплатиться съ вашею хозяйкой. Вы, конечно, не захотите огорчить меня и не принять отъ меня немного денегъ.... Сегодня я богатъ, завтра вы будете богаты; а эти деньги откладывалъ для васъ....

— Я ихъ не приму. Эти деньги отъ него....

— Вы о комъ говорите? Увѣряю васъ....

— Я его видѣла. Онъ стоялъ у подъѣзда театра. Скажите ему что я теперь не такъ нуждаюсь въ деньгахъ, но что я благодарю его отъ всей души.... что до послѣдней минуты моей жизни я буду молить Всевышняго за него, за его счастье....

Эмилиа опять заплакала слезами.

Распростившись съ Эмилией, Аристодемъ имѣлъ на лѣстницѣ тайную конференцію съ г-жою Дюпонъ и вручилъ ей сто франковъ. „А все-таки я старый оселъ!“ пробормоталъ онъ: „надо было съ этого начать, а не съ бухты-барахты предложить бѣдной синьйорѣ деньги.“ Г-жа Дюпонъ увидѣла въ визитѣ Аристодема начало весьма выгодной интрижки, „въ которой онъ исполнялъ роль повѣреннаго“, и попросила его заявить „извѣстной особѣ“ что она, то-есть г-жа Дюпонъ, употребитъ съ своей стороны всѣ усилія для наибѣйшаго успѣха дѣла. Аристодемъ, въ чистотѣ своей души, только съ увлеченіемъ благодарилъ ее за участіе и доброту, а г-жа Дюпонъ начала ухаживать за Эмилией какъ за принцессой. Новое происшествіе еще болѣе утвердило ее въ мнѣніи что ея Итальянка-пѣвица не обыкновенная жилучка, а настоящій кладъ.... Ея пріятныя размышленія были прерваны появленіемъ Бокалина. Онъ вбѣжалъ съ сіяющимъ лицомъ и съ письмомъ въ рукахъ.

— Синьйора Эмилія у себя? спросилъ онъ, задыхался отъ волненія.

— Да. Она не совсѣмъ здорова, но мы можемъ идти къ ней, отвѣчала г-жа Дюпонъ, найдя не лишнимъ сопровождать маэстро.

— Счастье для васъ и, можетъ-быть, для меня! произнесъ торжественно старикъ, развертывая письмо.

— Пятьсотъ франковъ за двѣ аріи! воскликнула г-жа Дюпонъ, успѣвъ бросить взглядъ на письмо.

Бокалинни еще эффективе расправилъ письмо и началъ громко читать:

„Графиня Эмилія Абано окажетъ истинную услугу нижеподписавшемуся, если согласится спѣть въ одномъ частномъ концертѣ двѣ аріи за гонорарій въ пятьсотъ франковъ. Театральный агентъ Бенели.“

Надо отдать справедливость г-жѣ Дюпонъ: на этотъ разъ не одни денежные соображенія, но и болѣе возвышенныя ощущенія волновали ее. Эксъ-танцовщица-солистка иногда глубоко страдала тѣмъ что въ *La belle Sirène* останавливались только артисты самыхъ послѣднихъ разрядовъ. Сознаніе что, наконецъ, попала въ ея заведеніе примадона-графина, которой предлагаютъ пятьсотъ франковъ за двѣ аріи, наполняло ея душу невыразимымъ блаженствомъ. Правда, что всѣ происшествія съ Эмиліей принимали характеръ какихъ-то загадокъ; но загадки, сопровождаемыя сотнями франковъ, приходились по вкусу г-жѣ Дюпонъ.

Послѣднюю тайну очень легко можно было бы объяснить ей: Флоренца оставилъ Лучіано и Сальвіани съ чувствомъ безграничной злобы. Поворачивая изъ одной улицы въ другую, онъ издали увидалъ Эмилію и рѣшился воспользоваться ея присутствіемъ въ Парижѣ чтобъ отомстить Сальвіани. Онъ самъ еще хорошенько не зналъ какимъ образомъ и какими путями исполнить онъ свое намѣреніе. Онъ только сознавалъ что Эмилія можетъ послужить превосходнымъ орудіемъ для достиженія его цѣли: причинить неприятность графу и графинѣ Сень-Викторъ, произвести скандалъ, можетъ-быть, поселить раздоръ между Сальвіани и его молодою женой, и рѣшился выждать благоприятнаго случая. Съ тѣхъ поръ какъ Флоренца переѣхалъ на житье въ Парижъ, всѣ его планы и предпріятія, важныя и не важныя, удавались ему.

Флоренца находился въ близкихъ сношеніяхъ съ театральнымъ агентомъ Бенели, который, преклоняясь передъ „гениальною ловкостію“ Флоренцы, никогда не дѣйствовалъ безъ его совѣта, за что, конечно, и дѣлился съ нимъ хорошими выгодами.

— Флоренца! Мнѣ нужна хорошая сопранистка, сказалъ Бенели, съ поспѣшностью входя въ изящный кабинетъ журналиста.—Графъ Сель-Викторъ поручилъ мнѣ устроить у него въ концѣ этой недѣли концертъ и найти для нумеровъ пѣнія что-нибудь новенькое, эффектное.

На красивомъ лицѣ Флоренцы мелькнула невольная улыбка удовольствія.

— Мнѣ говорили, началъ онъ небрежно,—что недавно прибыла сюда графиня Абано.

— Графиня Абано? Я кажется слыхалъ о ней.

— Примадонна, красавица и еще нигдѣ не пѣла здѣсь.

Административную часть Бенели понималъ не хуже самого Флоренцы. Но относительно артистическихъ вопросовъ онъ былъ совершеннѣйшій невежда, что, впрочемъ, смиренно и сознавалъ.

— Я могу, какъ тебѣ отлично извѣстно, сказалъ онъ,—на счетъ музыки надѣлать порядочной чепухи... Какъ всегда, разчитываю на тебя...

— Я могу указать тебѣ ея адресъ.... Но видишь какаа тутъ штука: нѣсколько лѣтъ тому назадъ графиня Абано дебютировала здѣсь на италіанской сценѣ; вслѣдствіе разныхъ интригъ, ея дебютъ не удался. Ты знаешь парижскую публику, она ничего не забываетъ; я думаю что, предлагая графинѣ Абано спѣть въ этомъ концертѣ, ты долженъ посоветовать ей явиться въ первый разъ предъ публикой подъ другимъ именемъ. Не знаю только, согласится ли она пѣть въ первый разъ въ частномъ концертѣ.

— Какъ же уладить дѣло?

— Мнѣ говорили что она недавно потеряла какой-то процессъ и лишилась своего состоянія; предложи ей порядочную сумму, тогда все уладится. Я на этотъ разъ отказываюсь отъ своей части.... (Бенели взглянулъ съ величайшимъ удивленіемъ на друга.) Я имѣю на то свои причины.... Да, еще одно слово: не называй графинѣ Абано ни меня, ни, до поры до времени, графа Сель-Викторъ. Въ другой разъ все объясню тебѣ, а сегодня и ты занятъ, и я спѣшу окончить

длиннѣйшую статью. Во всякомъ случаѣ, ты будешь благодаренъ мнѣ за эту рекомендацію.

Бенеци съ тѣмъ большею точностью исполнилъ всѣ совѣты Флоренцы, что его слова: „я на этотъ разъ отказываюсь отъ своей части“, глубоко запали въ его душу.

XIII.

Письмо театральнаго агента электрически подѣйствовало на Эмилию. Безпрерывныя неудачи заставили было ее потерять довѣріе къ самой себѣ; но при первомъ поворотѣ „къ счастью“ въ ней опять пробудились энергія и вѣра въ могущество своего таланта.

— Такъ нашлись еще люди въ Парижѣ которые помнятъ графиню Абамо и находятъ что она хорошо поетъ! произнесла она радостно.—Вы увидите, друзья мои, это происшествіе будетъ имѣть благотворныя послѣдствія для меня, вы увидите что я еще умѣю пѣть!

— О, я знаю, я увѣренъ, я увѣжденъ въ этомъ! воскликнулъ Бокачини.—А теперь, моя дорогая, моя безцѣнная сириндра Эмилиа, поговоримъ еще о дѣлѣ. Бенеци поручилъ мнѣ спросить васъ, желаете ли вы чтобы онъ прислалъ къ вамъ музыканта для акомпанимента, или...

— Нѣтъ, нѣтъ! перебила его Эмилиа:—вы будете мнѣ акомпанировать.

— О какъ я васъ знаю, я былъ увѣренъ въ этомъ!—И старикъ съ глубокимъ чувствомъ поцѣловалъ руку Эмилию.—А насчетъ выбора піесъ?...

— Надо спѣть двѣ аріи. Для перваго нумера я выберу вращальную арію изъ *Сафо* Пачини.

— А для втораго? спросилъ Бокачини. Его голосъ задрожалъ отъ сильнаго волненія.

— Я спою большую арію изъ вашей *Дидоны*.

На этотъ разъ маэстро не удовольствовался цѣлованіемъ руки, онъ крѣпко обнялъ Эмилию.

— И въ этомъ я былъ увѣренъ! То-есть почти увѣренъ, прибавилъ онъ, какъ бы считая долгомъ сознаться что онъ не смѣлъ совершенно разчитывать на такое счастье.

— Мой добрый другъ! Повѣрьте, что я дѣлаю этотъ выборъ не для того только чтобы доставить вамъ удовольствіе:

я искренно восхищаюсь вашей *Дидоной*, я твердо убеждена, что если вы не пользуетесь известностью, то это только и только потому что разные обстоятельства лишили вас до сих пор возможности ознакомить публику с вашим дивным сочинением. Ведь вы сами рассказываете что никто не хотѣлъ задать себѣ труда слушать музыку „неизвестнаго музыканта“... Какъ знать? Можетъ-быть, мнѣ, именно мнѣ, суждено оказать большую услугу и вамъ, и публикѣ, можетъ-быть, мы оба на этомъ концертѣ произведемъ фуроръ.... Можетъ-быть, вслѣдствіе этого, вамъ наконецъ удастся поставить вашу *Дидону*....

Бокачини слушалъ Эмилию въ какомъ-то упоеніи.... При послѣднихъ ея словахъ онъ всплеснулъ руками; въ избыткѣ благодарности и восторга радостной надежды, онъ не въ состояніи былъ произнести ни слова; двѣ крупныя слезы медленно катились по его сморщенному лицу. .

— Но мнѣ кажется, начала опять Эмилиа съ грустною улыбкой,—что мы слишкомъ поспѣшили строить планы. Врядъ ли мнѣ возможно будетъ принять это приглашеніе: мой туалетъ теперь въ такомъ безпорядкѣ....

— О, насчетъ этого вамъ нечего беспокоиться, взглянулась съ живостью г-жа Дюпонъ;—завтра же я отправлюсь въ Темплъ и за какіе-нибудь двадцать пять франковъ возьму на прокатъ такую кучу вещей что можно будетъ нарядить трехъ герцогинь!

Въ самомъ дѣлѣ, благодаря находчивости г-жи Дюпонъ и заботамъ пожилой хористки, туалетный вопросъ былъ вскорѣ блестятельно разрѣшенъ, и когда Бенели явился къ Эмилиіи чтобъ отправиться съ ней вмѣстѣ „въ аристократическій домъ, на музыкальный вечеръ“, она вышла къ нему въ такомъ изящномъ нарядѣ что онъ, вспомнивъ рассказъ Флоренцы о графинѣ Абано, тутъ же подумалъ: „однако, она сумѣла припрятать кой-что изъ своего потеряннаго состоянія“. Сидя въ каретѣ съ Бенели, Эмилиа коротко и разсѣянно отвѣчала на всѣ его оживленные рассказы и расспросы. Усталая, больная, измученная, она съ тоской и страхомъ думала о томъ что скоро должна будетъ выйти на встраду и пѣть предъ толпой совершенно чуждыхъ ей людей, и по мѣрѣ приближенія этой минуты пропадала ея вспыхнувшая энергія.

Бенели повелъ Эмилию, мимо концертной залы, „въ комнату

артистовъ“; тутъ толпились музыкальныя и литературныя знаменитости и нѣсколько аристократовъ-меломановъ. Появленіе Эмилиі прошло незамѣченнымъ, всеобщее вниманіе было сосредоточено на какомъ-то господинѣ, съ румянымъ лицомъ, блестящими глазами и саркастическою улыбкой.

— Это Россини! шепнулъ Бенели Эмилиі. На Россини была тогда мода. Быть знакомымъ съ Россини, быть удостоеннымъ пожатія его руки, говорить съ нимъ, или хотя стоять возле него когда онъ говорилъ, придавало вѣсъ въ свѣтѣ. Россини говорилъ со свойственною ему шумною развязностью и ясно отчеканивая каждое слово. Окружающіе слушали его съ благоговѣніемъ. Онъ уже перебралъ множество сюжетовъ и вопросовъ, и дошелъ до музыки Верди.

— Да! Вотъ гдѣ прогрессъ! восклицалъ онъ.—Какъ теперь повѣрить что во времена оны, впервыхъ, восхищались музыкой Беллини, Доницетти и Россини, а ввоторыхъ, находили ее черезчуръ громкою и шумною!... А меня называли „композиторомъ бури и грома“... Меня! Чтò я въ сравненіи съ Верди! Моя музыка относится къ его музыкѣ какъ жужжанье меланхолическаго, одинокаго комара къ реву всѣхъ львовъ Абиссиніи взятыхъ вмѣстѣ.

Концертъ начался. Комната артистовъ опустѣла. Эмилиа не слушала музыки; она была погружена въ тяжелыя мысли. Первая часть кончилась аріей изъ *Танкреда*, спѣтою одною знаменитою контральтисткой. Она особенно славилась своею вокализациею и украсила произведеніе Россини самыми замысловатыми фіоритурами. Россини, сидѣвшій въ первомъ ряду, слушалъ ее съ большимъ вниманіемъ, но не аплодировалъ ей; за то, опять появившись въ комнатѣ артистовъ, онъ подошелъ къ знаменитой контральтисткѣ и осыпалъ ее похвалами. Она уже бросала на окружающихъ самыя торжествующіе, побѣдоносныя взгляды, какъ вдругъ Россини окончилъ свою хвалебную рѣчь вопросомъ:

— Скажите мнѣ, пожалуста, сударыня, чье это сочиненіе вы изволили пѣть?

— Вы хотите шутить.... проговорила смутившаяся контральтистка:—вѣдь это была ваша арія изъ *Танкреда*...

— Неужто?! Могу васъ увѣрить что я не узналъ ея. Но во всякомъ случаѣ, позвольте мнѣ привѣтствовать въ васъ не только удивительную пѣвицу, но и своего собрата, удивительную сочинительницу!...

Бѣдная контральтистка сильно сконфузилась и принялась придумывать *приличный* отвѣтъ, но Россини между тѣмъ уже отошелъ отъ нея и обратился къ Бенели.

— А! старый дружище! Ты все еще занимаешься *искусствомъ*? сказалъ онъ ему.— Старый плутишка, за какою это ты красоткой такъ ухаживаешь? продолжалъ онъ, указывая на Эмилию.

— Это знаменитая примадонна, Линда Гафрини, отвѣчала Бенели, нѣсколько разъ и низко раскланываясь предъ великимъ маэстро.

— Линда Гафрини? насмѣшливо улыбаясь и медленно повторилъ Россини:— ты и меня надуть хочешь? Я знаю наизусть всѣ знаменитости.... но, ничего, ничего, тѣмъ лучше! Надо надѣяться что эта знаменитость-инкогнито по крайней мѣрѣ не сочинительница, да притомъ красавица! Я непременно поддержу ее!

— Смѣю увѣрить васъ, началъ Бенели,— что я сказалъ сущую правду. Обстоятельства которыя....

— Сеньйора Гафрини! Ваша очередь, громко провозгласилъ дирижеръ концерта. Эмилиа забыла было свою новую фамилию; но Бокалини подбѣжалъ къ ней и взялъ ее за руку.

— Будьте спокойны, шепнулъ онъ ей, самъ въ сильнѣйшемъ волненіи,— все пойдетъ отлично... не забудьте что отъ сегодняшняго вечера зависитъ для васъ многое, а для меня участь моей *Дидоны*. Всѣ музыкальныя и литературныя свѣтила собраны здѣсь, они сумѣютъ оцѣнить насъ. Эмилиа встала, пошла и взшла на эстраду какъ осужденная на казнь.

— Кто это?... Линда Гафрини?... Красивая женщина, но кто это? прошло шепотомъ по залѣ. Въ эту минуту раздалось одинокое, но энергическое рукоплесканіе. Россини привѣтливо улыбаясь „неизвѣстной пѣвицѣ“ и, не переставая, хлопалъ.

— Россини ее знаетъ! Россини аплодируетъ ей! Линда Гафрини.... теперь я припоминаю, это извѣстное имя! Линда Гафрини, это знаменитая артистка!... перебрасывалось съ одного ряда къ другому, и громъ аплодисментовъ привѣтствовалъ Эмилию. Такой приемъ ободрилъ ее. Она начала пѣть съ чувствомъ и со всѣмъ увлеченіемъ страсти. Но подобно Сальвиани, когда онъ дебютировалъ во Флоренціи, она не сообразилась со своими физическими силами и голосовыми средствами, она увлекалась все болѣе и болѣе, и сама не замѣчала того какъ ея голосъ

становилась все рѣзче и неприятнѣе. Высокія ноты зазвучали такъ криливо и фальшиво, что фешенебельные слушатели переглянулись съ недоумѣніемъ. Въ подобныхъ частныхъ концертахъ публика не заявляетъ, правда, громко своего неодобренія, но послѣ первой части аріи въ залѣ воцарилась такая тишина что Эмилія, ожидавшая повторенія прежнихъ рукоплесканій, съ изумленіемъ посмотрѣла на публику. Въ первый разъ она взглянула прямо и пристально на своихъ слушателей. Она увидала предъ собой роскошь и блескъ, холодныя лица и насмѣшливыя улыбки.... только Россини глядѣлъ на нее съ участіемъ, а за Россини, во второмъ ряду, Эмилія увидала молодого человѣка, блѣднаго, съ трудомъ скрывающаго свое волненіе; она увидала дорогія, незабвенныя черты, она узнала Сальвиани.... Ихъ взгляды встрѣтились. Эмилія невольно схватилась за стулъ на которомъ сидѣлъ Бокачини и, также сильно встревоженный, хотя по совершенно другимъ причинамъ, исполнялъ ригурнель ко второй части аріи *Сафо*. Адель крѣпко держала руку Сальвиани и неподвижно глядѣла на Эмилію. Какъ бы заколдованная ея появленіемъ, она не произносила ни слова, но ея губы дрожали, брови сдвинулись, ея прекрасное лицо было искажено выраженіемъ злобы и ненависти. „Къ чему эта женщина здѣсь? думала она. Чего она хочетъ отъ насъ?.. Какъ она хороша!... Онъ ее любилъ, но теперь онъ весь долженъ принадлежать мнѣ.... А она, развѣ она стоила его?“ Эмилія увидала руку Сальвиани въ рукѣ молодой, прелестной женщины, она взглянула на нее и все поняла. Тогда Эмилія перестала думать о рукоплесканіяхъ или молчаніи публики, она забыла эстраду и присутствіе толпы слушателей, она устремила свой молящій взоръ на Адель и начала пѣть какъ бы для нея одной.

Она пѣла въ полголоса, голосъ ея звучалъ такъ мягко и нѣжно, въ ея пѣвѣ съ такимъ могуществомъ выражались любовь, страданіе, мольба, что талантъ и искусство артистки произвели настоящій энтузіазмъ. Неумолкающіе вызовы, рукоплесканія наградили пѣвицу. А Адель? Ея большіе глаза наполнились слезами.

— Эрнесто, я была не добра, говорила она мужу.—Прости меня. Я счастлива, а она такъ много страдала....

— Милостивые государи и милостивыя государыни! произнесъ появившійся на эстрадѣ дирижеръ концерта, граціозно кланяясь:—по внезапной болѣзни г-жи Гафрини, арія изъ

Дидоны не будетъ исполнена; въ замѣвъ этого г. Тальбергъ исполнить піесу на фортепіано.

По залѣ прошелъ шепотъ сожалѣнія; но когда бархатные пальцы Тальберга коснулись клавишъ, его эlegantная, изящная игра скоро заставила забыть и арію изъ *Дидоны*, и новую пѣвицу, и въ залѣ опять раздались громкіе аплодисменты. А между тѣмъ Эмилию выводили изъ „комнаты артистовъ“ почти безчувственную, и суетясь около нея и не замѣтили старика Бокалини, который плелся за ней и съ безграничнымъ отчаяніемъ шепталъ: „Все кончено! Еслибы не этотъ несчастный случай, сегодня весь музыкальный Парижъ получилъ бы понятіе о моей *Дидонѣ*.... Она бы произвела фуроръ. Теперь все кончено, посѣдняя надежда рухнула“!...

XIV.

Въ гостиницѣ *La belle Sirène* происходила страшная суматоха. Два происшествія произвели тамъ тревогу и ужасъ: новая жилучка, графиня-примадонна, захворала, и врачъ объявилъ что она при смерти, а старикъ Бокалини застрѣлился. Да, застрѣлился.

На другой день послѣ концерта у графа Сень-Викторъ г-жа Дюпонъ и ея жильцы замѣтили что маэстро Бокалини молчаливъ и задумчивъ еще болѣе обыкновеннаго; всѣ видѣли въ этомъ новое доказательство „его страсти къ италіанской пѣвицѣ“. Въ самомъ дѣлѣ, ея болѣзнь совершенно разстроила старика. Услышавъ послѣдній приговоръ врача, онъ оставался еще болѣе часу въ общей залѣ, не произнося однако ни слова. Потомъ онъ медленными шагами отправился въ свою комнату. Потомъ прошелъ еще какой-нибудь часъ времени, и вдругъ въ стѣнахъ гостиницы *La belle Sirène* раздался выстрѣлъ. Черезъ нѣсколько минутъ комната маэстро Бокалини была уже загромождена народомъ. Рука старика, какъ видно, не слѣшкомъ дрожала: его нашли уже безъ дыханія. На столѣ лежала кupa нотъ, партитура *Дидоны* и письмо на имя Савона. „Вы человекъ съ душой“, писалъ старикъ,—

„обращаюсь къ вамъ съ моимъ послѣднимъ словомъ и завѣщаю вамъ всѣ свои рукописи. Не стану надоедать вамъ своимъ жизнеописаніемъ: мнѣ некогда, я спѣшу покончить съ

жизнью. Скажу вамъ только что это была долгая, тяжелая, безутѣшная борьба съ несправедливостью и съ безконечными неудачами. Несмотря на то я не терялъ вѣры въ силу своего таланта. Я не ослѣпленъ безумнымъ самолюбіемъ, я ясно сознаю свое величіе. Но я утомился и бросилъ борьбу и надежды. Встрѣча и знакомство съ Эмилией Реденти на время было воскресила меня. Она поняла меня и мою музыку. Обстоятельства легко могли иначе сложиться, тогда бы моя мечта осуществилась!... Теперь все кончено. Я рѣшился испробовать послѣднее средство: избрать эффектную смерть чтобы привлечь на умершаго Бокачини то вниманіе въ которомъ отказывали ему пока онъ былъ живъ. Конечно неизвѣстнаго музыканта, одинокаго старика, если бы онъ даже умеръ отъ тяжкаго горя, никто бы, разумется, не замѣтилъ.... Но каждая насильственная смерть производитъ эффектъ и возбуждаетъ любопытство. Можетъ-быть, теперь люди захотятъ узнать кто былъ этотъ старикъ, чѣмъ онъ занимался, и отчего онъ лишилъ себя жизни? Можетъ-быть, теперь они не найдутъ лишнимъ заглянуть въ его сочиненія.... и его любимое произведеніе, его *Дидона* сдѣлается извѣстна свѣту. Если это будетъ, то я не напрасно жилъ, и не напрасно умеръ.“

— Благородный страдалецъ... прошепталъ Савонъ.—Постараюсь исполнить твою мысль. „Можетъ-быть“!... Но вѣдь и я только бѣдный писатель. Ты и при жизни, и послѣ смерти не умѣлъ находить могущественныхъ протекторовъ....

Отъ Эмилиі скрыли все это происшествіе. Силы быстро оставляли ее. Искусный врачъ лѣчилъ ее, пожилая хористка ухаживала за ней съ умѣніемъ и самоотверженіемъ сестры милосердія; но всѣ старанія уже не могли спасти ее.

— Тотъ старикъ, чѣмъ часто приходитъ къ вамъ, желаетъ видѣть васъ, объявила г-жа Дюпонъ, входя къ Эмилиі, — и съ нимъ пріѣхала какая-то дама.

„Странно! прибавила она мысленно, я скорѣе ожидала что этотъ старикъ приведетъ сюда какого-нибудь джевлъмена“....

Аристоклемъ растворилъ дверь, и за нимъ показалось взволнованное личико Адели Сальвиани.

— Его жена! воскликнула Эмилиа:—о вы добры! Благодарю, да благословить васъ Господь!

Адель приблизилась къ кровати больной, обѣими руками обхватила блѣдную, исхудалую руку Эмилиі, поцѣловала ее въ лобъ и залилась слезами.

— Благодарю, произнесла Эмилиа,—что вы пришли ко мнѣ.

Безъ васъ какъ бы дошла къ нему моя послѣдняя мольба о прощеніи?... Вы возвратили его къ новой жизни, къ счастью, вы воскресили его сердце, онъ вамъ не откажетъ.... Можетъ-быть, еслибъ я стала разказывать всѣ подробности моего несчастья, моего паденія, а бы могла уменьшить предъ вами свою вину. Но я не хочу извинять себя, только скажите ему что предъ смертью я бы хотѣла услышать отъ него слово прощенія....

— Я поспѣшу къ нему....

— Да, спѣшите! Мои минуты сочтены....

— Не предавайтесь такимъ мыслямъ, Богъ милостивъ.

— Онъ милостивъ! Онъ послалъ мнѣ васъ.

Адель уѣхала одна. Аристокдемъ опять вошелъ къ Эмилиі. Маленькій Эрнестино стоялъ около нея.

— Моя мама нездорова.... моей мамѣ больно.... повторялъ онъ. Малютка положилъ головку на ея руки и горько плакалъ.

— Мое бѣдное дитя, мое бѣдное дитя.... что станетъ съ тобой? куда ты дѣнешься?... шептала Эмилиа съ отчаяніемъ.

Аристокдемъ не умѣлъ сказать ни слова. Старикъ самъ плакалъ какъ дитя.

— Аристокдемъ! воскликнула Эмилиа: — не оставьте моего Эрнестино!... Но вы ужъ не молоды.... вы бѣдны.... что станетъ съ моимъ ребенкомъ?...

— Да, я старъ и бѣденъ, прервалъ ее Аристокдемъ,—но еслибы Богу угодно было призвать васъ къ себѣ, старикъ Аристокдемъ нашелъ бы какъ приютить Эрнестино.... У меня блеснула мысль... Вы помните, когда мы были вмѣстѣ, вы иногда получали помощь отъ „неизвѣстной феи“, какъ вы выражались. Эта „фея“ была графиня Сень-Викторъ....

— Его сестра!

— Да, сестра Сальвиани. Она добра какъ ангелъ, у нея нѣтъ дѣтей, она возьметъ вашего сына.

— О, это невозможно.... развѣ я могу предаваться такой надеждѣ!... Вы думаете что они придутъ ко мнѣ? Что онъ захочетъ меня видѣть?... Я знаю, я недостойна этого, но Божіе милосердіе безгранично!

Разговоръ съ Аристокдемомъ истощилъ послѣднія силы Эмилиі. Ей сдѣлалось хуже. Она уже не могла говорить, но еще сохраняла сознание, и ждала-ждала, какъ можетъ только ждать умирающая. Наконецъ послышался въ корридорѣ

шорохъ. Дверь отворилась. Эмилиа увидала предъ собой Сальвиани и Адель. За ними вошла Элиза Сень-Викторъ.

— Графиня Элиза! воскликнулъ Аристодемъ:—самъ Богъ привелъ васъ сюда.

Эмилиа немного приподнялась, ея взоръ заблесталъ восторгомъ. Адель и Сальвиани стали на колыняхъ у кровати умирающей. Сальвиани прильнулъ устами къ ея рукамъ, его горячія слезы падали на нихъ. Эрнестино продолжалъ рыдать. Понималъ ли онъ инстинктивно что онъ теряетъ мать, или всеобщая печаль напугала дитя, но его прелестное личико выражало скорбь. Элиза, какъ бы угадавъ мысль Аристодема, взяла малютку на руки, и нѣжными словами и ласками старалась успокоить его. Эмилиа взглянула на нее, на своего ребенка. Ея руки сложились какъ для молитвы. „Благодарю“.... прошептала она. Она скончалась тихо, точно заснула. Ея лицо озарилось улыбкой счастья и покоя.

И. Л. Г.

СЪѢЗДЫ ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЕЙ

ВЪ ШВЕЙЦАРІИ, ГЕРМАНИИ И АНГЛІИ *

I.

Съезды естествоиспытателей у насъ дѣло новое. Мы казались поэтому полезнымъ составить, на основаніи свѣдѣній какія удалось достать, историческое обозрѣніе подобныхъ собраній въ Западной Европѣ, возникшихъ въ нынѣшнемъ столѣтіи и составляющихъ одно изъ характеристическихъ явленій нашего времени, когда, благодаря громадному улучшенію матеріальныхъ и духовныхъ средствъ сообщенія, такъ облегчились сношенія ученыхъ, прежде столь затруднительныя, и когда праздники науки болѣе и болѣе становятся общественными празднествами.

Ежегодные съезды ученыхъ цѣлой страны, переносящіе изъ года въ годъ мѣсто своего собранія, получили свое начало въ Швейцаріи, въ 1815 году. „Въ первыхъ числахъ октября 1815 года,“ читаемъ въ *Bibliothèque Universelle* 1816 года, ** „нѣсколько любителей естественной исторіи собрались, изъ разныхъ кантоновъ Швейцаріи, въ Женевѣ, по приглашенію покойнаго г. Госса, и образовали вѣсть со своими жене-

* Извлеченіе изъ этой статьи, приготовленной авторомъ ко второму съезду русскихъ естествоиспытателей въ Москвѣ, было прочтено на первомъ общемъ засѣданіи съезда, 21-го августа.

** Т. III, *Sciences et arts*, стр. 181. *Notice des Séances de la Société Helvétique des sciences naturelles, réunie à Berne les 3, 4 et 5 octobre.*

скими соотечественниками зерно Общества, котораго планъ набросали подъ именемъ „Швейцарскаго Общества Естественныхъ Наукъ“ (Société Helvétique des sciences naturelles). Было рѣшено что члены его каждаго года будутъ собираться, около того же времени, въ одномъ изъ городовъ Швейцаріи, гдѣ и будутъ проводить три дня, и что собраніе 1816 года произойдетъ въ Бернѣ. Г. Виттембахъ (Wittembach) былъ избранъ президентомъ, г. Штудеръ (Studer) вице-президентомъ, и г. Мейсснеръ секретаремъ Общества на годъ. Эти трое натуралистовъ были изъ Берна.“ Г. Госсъ, которому первому принадлежитъ счастливая мысль сѣзда, былъ извѣстный женеvскій врачъ, корреспондентъ Парижской Академіи Наукъ, дважды получавшій отъ нея преміи за рѣшеніе вопросовъ относившихся къ улучшенію нѣкоторыхъ способовъ обработки въ производствахъ вредныхъ для здоровья рабочихъ. Пиктеть въ біографіи прочтенной на собраніи въ Бернѣ, до котораго не дожилъ Госсъ, такъ говоритъ объ этомъ основателѣ швейцарскихъ сѣздовъ: „Онъ былъ наблюдатель по инстинкту и страстный созерцатель чудесъ творенія въ трехъ царствахъ природы. Проникнутый духомъ изслѣдованія и смотря на науку въ особенности какъ на благодѣтельницацу человѣка, Госсъ направлялъ свои труды къ предметамъ прикладнаго характера, на пользу массамъ и въ особенности низшимъ и страдающимъ классамъ общества. Вкусъ къ уединенію, усиливаясь съ лѣтами, побудилъ его купить развалины одного стараго замка, въ очень живописной мѣстности, на верху холма на восточномъ склонѣ горы Салевъ, въ двухъ льѣ отъ Женевы. Онъ сдѣлалъ изъ этого убѣжища мало-по-малу свое любимое жилище, свой кабинетъ, свой садикъ. Онъ соединилъ въ маленькомъ ботаническомъ саду альпійскія растенія и тамъ проводилъ прекрасные дни, вдыхая чистый горный воздухъ, вдали отъ городского шума и городскихъ заботъ, окруженный книгами, своимъ гербаріемъ, птицами и четвероногими, которыхъ онъ приручилъ и сдѣлалъ товарищами своего любезнаго уединенія. Тамъ, предъ лицомъ великолѣпнаго амфитеатра Альпъ, онъ собралъ въ 1815 году первый сѣздъ основателей Общества. Подъ кровомъ деревянаго павильона, украшеннаго бюстами Ланнеа, Галлера, Руссо, Боннета, Соссюра, послѣ бесѣды оживленной братскою веселостію, Госсъ, вдохновленный событіемъ и величественнымъ видомъ горъ уединен-

ныхъ вѣчными снѣгами, въ порывѣ сердца обратилъ къ Создателю этой чудной природы трогательное воззваніе, которое заключилъ испрашивая Его благословеніе на Общество, основанное съ цѣлію удивляться Его твореніямъ и изучать ихъ. Эта рѣчь произвела самое живое впечатлѣніе на присутствовавшихъ, но, увы! была для Госса пѣснью лебедя. Пораженный вскорѣ послѣ того апоплексическимъ ударомъ, онъ прожилъ едва мѣсяць, лишенный языка и почти всякаго движенія.“ Рѣчь Госса любопытный образецъ слога и идей эпохи. Онъ говорилъ: „Высшій Разумъ, который былъ, есть и будетъ! Первая Причина всего существующаго, Ты, неустанно пекущійся о счастіи всѣхъ Твоихъ твореній, прими дань моей хвалы и мою глубокую благодарность за то что сохранилъ до сего счастливаго дня мое слабое существованіе! Даруй Твое драгоцѣнное благословеніе этому собранію ученыхъ людей, и да получить каждый изъ нихъ въ своихъ трудахъ успѣхъ къ которому стремится! Обращаюсь и къ тебѣ, славный и бессмертный Линней, душа котораго, безъ сомнѣнія, парить надъ нашимъ собраніемъ: да пролетѣтъ огонь твоего всеобъемлющаго гения на cadaго изъ насъ! Я помѣстилъ твой бюстъ вмѣстѣ съ окружающими насъ бюстами четырехъ великихъ людей въ этомъ храмѣ воздвигнутомъ мною благой природѣ; да наэлектризуетъ насъ свѣтъ тобою распространенный! Дивясь неподражаемымъ твореніямъ этого великаго создателя, исполнимся усердія и настойчивости въ трудахъ, и да принесутъ они пользу нашему общему отечеству!“

На слѣдующій годъ, 3-го октября 1816 г., шестьдесятъ шесть членовъ Общества собрались въ Бернѣ, въ помѣщеніи мѣстной академіи, въ присутствіи шультейса (l'Avoyer régnaut) и канцлера академіи. Президентъ открылъ засѣданіе рѣчью на нѣмецкомъ языкѣ, въ которой изложилъ цѣль и значеніе Общества съ двоякой точки зрѣнія: по отношенію къ успѣхамъ науки и по отношенію къ духу единенія, какой подобное учрежденіе способно внести и поддерживать. Онъ указалъ что подобная попытка была двадцать лѣтъ тому назадъ сдѣлана бернскими учеными, но политическія волненія не дозволили ей принести плодъ. Съ возвращеніемъ мира идея возобновилась и была осуществлена, благодаря дѣятельному усердію Госса. Ораторъ изобразилъ даже въ живыхъ краскахъ подробности сельскаго праздника даннаго Госсомъ основате-

лѣмъ Общества въ Морнексѣ; воздалъ должную дань уваженію этому ученому, а также бернскому химику и натуралисту Морелю, котораго Общество потеряло въ истекшемъ году. Наконецъ онъ изложилъ труды комитета Общества, направленные къ тому чтобы приобрести Обществу полезныхъ членовъ и войти въ сношеніе съ различными отдѣльными обществами, находившимися въ различныхъ кантонахъ и занимавшимися разработкой естественной исторіи. За рѣчью председателя слѣдовалъ біографическій очеркъ Госса, составленный профессоромъ Пиктетомъ и изъ котораго мы привели выше выдержки.

По окончаніи перваго засѣданія, члены съѣзда посетили зданіе Бернской Академіи, гдѣ помѣщаются собраніе статуи слѣпленныхъ съ античныхъ произведеній и музей натуральной исторіи. Прекрасно исполненные рельефы различныхъ частей Альпъ обратили на себя особенное вниманіе гостей. Въ нижнемъ этажѣ зданія они разсматривали богатое минералогическое собраніе и собраніе оружія, одежды, украшеній и другихъ вещей островитянъ Южнаго Океана, привезенное изъ перваго путешествія Кука бернскимъ натуралистомъ Веберомъ, участвовавшимъ въ экспедиціи. Осмотръ учрежденія заключился обзорѣніемъ ботаническаго сада, основаннаго директоромъ музея, г. Виттембахомъ, и бібліотеки. Комитетъ Общества распорядился такъ что члены съѣзда въ краткій промежутокъ трехъ дней могли часто сходиться между собою и имѣли время осмотрѣть кабинеты, коллекціи, публичныя заведенія и вообще все замѣчательное въ Бернѣ. Осмотры происходили по утрамъ; на обѣдъ по подпискѣ члены собирались вмѣстѣ, а вечеромъ, послѣ общаго чая въ Зоммерлействъ (родъ казино), соединялись въ правильныя засѣданія. Первымъ предметомъ обсужденія былъ вопросъ объ окончательной организаціи Общества. Этотъ вопросъ занялъ почти исключительно всѣ три засѣданія; дебаты происходили отчасти на нѣмецкомъ, отчасти на французскомъ языкѣ. Было постановлено что „главный предметъ Швейцарскаго Общества естественныхъ наукъ есть поощреніе и распространеніе изученія природы вообще и естественной исторіи Швейцаріи въ особенности“. Определено собираться ежегодно на три дня въ различныхъ мѣстахъ Швейцаріи; города: Аррау, Базель, Бернъ, Женева, Лозанна, Сентъ-Галленъ, Цюрихъ послѣдовательно примутъ собраніе. Ближайшій съѣздъ былъ

назначенъ въ Цюрихъ, подъ предсѣдательствомъ совѣтника Устери (Usteri), избраннаго президентомъ Общества на 1817 годъ. Онъ долженъ былъ выбрать вице-президента и секретаря въ томъ же городѣ. Рѣшено что эти три должностныя лица образуютъ возобновляемое ежегодно бюро Общества. къ нимъ присоединится комитетъ, въ которомъ каждый изъ кантоновъ будетъ имѣть своего представителя. Представители эти будутъ посредниками между постояннымъ бюро и членами Общества разбѣянными въ своихъ округахъ.

„Въ годичныхъ собраніяхъ: 1) будутъ читаться записки о предметахъ общаго интереса, предварительно сообщенныя постоянному бюро и имъ одобренныя; 2) сочиненія спеціальнаго интереса могутъ быть сообщаемы въ отдѣльныхъ собраніяхъ членовъ, распределенныхъ въ шесть секцій: физики и химіи, зоологіи, ботаники, минералогіи и геологіи, медицины и хирургіи, сельскаго хозяйства и технологіи; 3) будутъ выслушиваться отчеты кантонныхъ обществъ и отдѣльныхъ членовъ Общества (гдѣ кантонныхъ обществъ нѣтъ) относительно естественной исторіи ихъ страны; 4) будутъ назначаться темы для премій и общіяныя преміи раздаваться заслужившимъ; 5) будутъ взаимно сообщаться открытія, новые опыты, частныя наблюденія сочтенныя достойными вниманія. 6) Въ промежуткѣ отъ одного съезда до другаго сообщенія будутъ происходить отчасти путемъ корреспонденцій, отчасти при посредствѣ бюллетеня въ одинъ или два печатные листа, который будетъ появляться отъ времени до времени и разсылаться всѣмъ членамъ, по мѣсту ихъ жительства. 7) Общество допускаетъ иностранныхъ почетныхъ членовъ; форма и условія ихъ избранія будутъ опредѣлены въ послѣдствіи. Но въ настоящемъ съездѣ, по единогласному избранію, Общество признаетъ въ этомъ качествѣ слѣдующихъ членовъ, приглашая ихъ принять участіе въ засѣданіяхъ: сэръ-Джона Себрайтта (Sebright), баронета, члена парламента, г. Гауссмана (Haußmann), профессора технологіи въ Геттингенѣ, г. Лене (Lainé), директора горнозаводства въ Сервозѣ (Servoz) и г. Скродскаго, профессора физики въ Варшавѣ.“

При открытіи втораго засѣданія президентъ сообщилъ что правительство, въ изъявленіе своего удовольствія по случаю перваго съезда Швейцарскаго Общества въ Бернѣ,

выдало Бернскому кантонному Обществу, въ вознагражденіе за иждержки какія оно могло понести по случаю сѣзда, сумму въ 600 франковъ. Бернское Общество не пожелало принять эту сумму какъ вознагражденіе, а опредѣлило положить ея начало фонда для ежегодной преміи, имѣющей выдаваться за лучшее сочиненіе на тему предлагаемую Швейцарскимъ Обществомъ. Собраніе выгировало благодарность Бернскому Обществу и пригласило комитетъ заняться выборомъ темы изъ многихъ предложенныхъ, по приглашенію президента, нѣкоторыми изъ наличныхъ членовъ. По недостатку времени, могъ быть прочитанъ лишь одинъ мемуаръ изъ числа доставленныхъ членами, а именно мемуаръ Видера о швейцарскихъ змѣяхъ. Авторъ представлялъ цѣлую коллекцію живыхъ пресмыкающихся этого рода и обращался съ ними безъ опасенія. Скоро ознакомились съ ними и члены сѣзда, такъ же какъ съ находившимися въ коллекціи огромными и красивыми зелеными ящерицами, которыя позволяли себя брать и ласкать какъ домашнія животныя.

Въ заключеніе послѣдняго засѣданія, 5-го октября, профессоръ Пиктетъ показалъ собранію нѣсколько новыхъ физическихъ приборовъ, между прочимъ азимутальную буссоль Кетера, предохранительную лампу Деви, гальваническую батарею Вульстена дающую свѣтъ чрезъ раскаленіе отъ одной пары. Опытъ былъ сдѣланъ въ собраніи, и свѣтъ показывался при двѣнадцати послѣдовательныхъ погруженіяхъ снаряда въ воду съ кислотой.

По утрамъ члены сѣзда осматривали примѣчательности Берна; посѣтили знаменитый сельско-хозяйственный институтъ Фелленберга, коллекцію растений Грубера, кабинеты и собранія Викемтеха (Wikemtech), Штудера (извѣстнаго геолога) и Мейсснера; мастерскія извѣстнаго строителя математическихъ и астрономическихъ инструментовъ Шенка, гдѣ ознакомились съ новыми усовершенствованіями двѣтельной машины; физическій кабинетъ академіи, гдѣ видѣли новые инструменты: барометръ Трешеля, директора кабинета, гидравлическій прессъ, работы Шенка старшаго, и его же работы паровую машину, дѣйствовавшую со значительною скоростію и правильностію. Г. Шенкъ вечеромъ показалъ свою мастерскую освѣщенную водороднымъ газомъ. Члены сѣзда наслаждались также любопытнымъ зрѣлищемъ

прозрачныхъ картинъ, исполненныхъ искуснымъ пейзажистомъ Кенигомъ и изображающихъ различные живописные виды Швейцаріи. Наконецъ г. Кліасъ, учитель гимнастики, показывалъ свое заведеніе, и члены съезда, посѣтившіе его, были удивлены искусствомъ и ловкостію его учениковъ и составили высокое понятіе о талантѣ учителя и пользѣ упражненій этого рода.

II.

Въ 1817 году Швейцарское Общество собралось въ Цюрихѣ. „Время стояло пасмурное, тускло было и собраніе, пишетъ объ этомъ съездѣ Декандоль въ своей *Автобіографіи* (*Mémoires et Souvenirs de Augustin-Pyramus De-Candolle*, Genève, 1862, стр. 294); я не имѣлъ привычки къ холодности цюрихскихъ нравовъ. Никакое празднество не оживляло съезда, и мы видѣли на немъ едва одну даму; такъ соблюдается въ этомъ городѣ раздѣленіе половъ.... Этотъ съездъ, на которомъ говорили по-нѣмецки, не очень привлекъ меня къ Обществу, но послѣдующіе, и даже съездъ имѣвшій мѣсто въ Цюрихѣ въ 1827 году, представили гораздо болѣе удовольствія и интереса.“

Не будемъ слѣдить погодно за съездами Швейцарскаго Общества, остановимся лишь на нѣкоторыхъ, по чему-либо особенно выдающихся, или о которыхъ имѣемъ болѣе подробныя свѣдѣнія. Съездъ 1829 года былъ замѣчательнъ особенно по той мѣстности гдѣ онъ происходилъ. Монахи Сентъ-Бернардскаго монастыря прислали на предшествовавшій съездъ свое гостепріимное приглашеніе, которое и было принято Обществомъ. Къ 19-му іюля ученые изъ всѣхъ частей Швейцаріи собрались въ Мартиньи, гдѣ ихъ ожидали уже мулы и проводники. Скоро Общество перенеслось безъ всякаго приключенія на высоту 1.500 туазовъ (2.470 метровъ), и открыло свои засѣданія среди вѣчныхъ снѣговъ, окруженное громадными альпійскими скалами, со всѣхъ сторонъ окаймлявшими горизонтъ. Температура ночью опускалась ниже нуля, днемъ поднималась до трехъ, а 22-го іюля до семи градусовъ; дулъ непрерывный сильный вѣтеръ съ сѣвера, воздухъ былъ очень рѣдокъ, и барометръ стоялъ не выше 21 дюйма. Въ засѣданіяхъ участвовало до ста человекъ и между ними, изъ иностранцевъ, Леопольдъ фонъ-Бухъ, парижскій

академикъ Буваръ и членъ Королевскаго Общества сельскаго хозяйства въ Парижѣ, Мишо. Въ свободное отъ засѣданій время сдѣлано было не мало экскурсій, отчасти съ ученою цѣлью, отчасти чтобы полюбоваться видами. (*Bibliothèque Universelle de Genève*. Т. XLI, 1829 г.) На этомъ съѣздѣ родилась мысль, съ 1830 года блистательно осуществленная, о производствѣ правильныхъ метеорологическихъ наблюдений на Сень-Бернардѣ.

Мало-по-малу Общество обошло большинство городовъ Швейцаріи, посѣтивъ нѣкоторые по нѣскольку разъ. Съ 1815 года до настоящаго времени было 53 съѣзда. Съѣздъ 1863 года замѣчательнъ тѣмъ что онъ происходилъ въ деревнѣ. Жители селенія Самаденъ, въ Энгадинѣ, на восточномъ краѣ Швейцаріи, въ сосѣдствѣ съ Тиролемъ и Верхнею Италіей, просили Общество посѣтить ихъ мѣстность, принимая на себя, вмѣстѣ съ присоединившимися къ нимъ жителями всѣхъ селеній Верхняго Энгадина, издержки приема. Заимствуемъ нѣсколько подробностей о съѣздѣ въ Самаденѣ изъ статьи г. Шарля-Мартена, французскаго ученаго, участвовавшаго въ собраніи и описавшаго съѣздъ въ любопытной статьѣ помѣщенной въ *Revue des deux Mondes* (1864 годъ. Т. L, 75). Собралось сто двадцать шесть участниковъ съѣзда (общее число членовъ Общества въ это время было болѣе 800): 95 Швейцарцевъ, 16 Нѣмцевъ, 14 Италианцевъ и одинъ Французъ (г. Мартенъ). Была середина августа, время въ юль стояло дождливое, и разнесся слухъ что въ Энгадинѣ, — котораго климатъ вообще суровъ, представляя шесть мѣсяцевъ снѣга, три мѣсяца холоднаго дождя и три мѣсяца лѣта безъ тепла, — выпалъ снѣгъ, на два фута покрывшій землю. Слухъ былъ справедливъ, но когда г. Мартенъ двинулся въ путь со своими спутниками, снѣгъ уже стаялъ, и увлажненная трава приняла вновь весеннюю свѣжесть. Селеніе имѣло праздничный видъ. При въѣздѣ триумфальныя ярки зелени, повсюду гирлянды, повсюду знамена: швейцарскія, нѣмецкія, французскія, италянскія, развивавшіяся на окнахъ украшенныхъ великолѣпными цвѣтами, возвращенными, какъ въ парникѣ, между двойными рамами, не выставляемыми круглый годъ. Засѣданія съѣзда открылись 24-го августа въ зданіи самаденской церкви. Колонны были украшены гирляндами, обрацики минераловъ покрывали ихъ основанія, федеральный крестъ блестѣлъ предъ кафедрой, превращенною въ корзину

цѣтовъ. Рѣчь президента, Рудольфа Планта (Rudolphe de Planta), представителя одной изъ древнѣйшихъ фамилій Энгадина, имѣла своимъ предметомъ краткій обзоръ исторіи населеній среди которыхъ находилось Общество. За нимъ извѣстный геологъ, профессоръ Штудеръ изъ Берна (одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Общества), прочелъ отчетъ о трудахъ комиссіи занимающейся составленіемъ геологической карты Швейцаріи въ большомъ масштабѣ, на счетъ суммы вотированной союзнымъ правительствомъ. Профессоръ физики въ Цюрихскомъ университетѣ, г. Муссонъ, передалъ результаты трудовъ метеорологической комиссіи, учрежденной съ цѣлью покрыть Швейцарію сѣтью метеорологическихъ обсерваторій. Послѣ г. Муссона, профессоръ Фогтъ сообщилъ результаты своихъ изслѣдованій о чловѣкѣ, его мѣстѣ въ ряду созданій и его роли въ исторіи земли. Онъ указывалъ на свидѣтельства постепеннаго усовершенствованія человѣческой породы. Послѣ засѣданія все общество собралось на обѣдъ у г. Планта, а затѣмъ въ шестидесяти двухъ экипажахъ, принадлежавшихъ жителямъ Самадена и сосѣднихъ селеній, направилось къ подошвѣ великолѣпнаго ледника Мортерачъ (Mortersatsch), скатившаго съ вершинъ Бернина огромные обломки скалъ. На другой день общество раздѣлилось на секціи собравшіяся отдѣльно. Наиболѣе посѣтителей привлекло геологическое отдѣленіе, какъ и слѣдуетъ въ классической странѣ геологіи. Вечеромъ общество посѣтило Сень-Морисскіе желѣзные источники, которыхъ минеральное достоинство впервые было указано въ 1493 г. Парацельзомъ. По приглашенію г. Планта, Общество наименовало одинъ изъ трехъ источниковъ ключомъ Парацельза. На третій и послѣдній день съезда, послѣ засѣданій, устроилась поѣздка вдоль по долинѣ Инна къ границѣ Нижняго Энгадина. Всѣ деревни были украшены знаменами и зеленью, тамъ и сямъ красовались надписи. „Природа есть книга мудрости“ гласила одна изъ нихъ на одномъ изъ домовъ въ крайнемъ селеніи Энгадина. Жители собрались со всей окрестности чтобы принять участіе въ праздникѣ науки. „Дамы, говоритъ г. Мартенъ, ходили вокругъ столовъ разставленныхъ на лугу, и множество рѣчей славили, по очереди, изученіе природы, свободу, Швейцарію, Италію, братство науки и труда.“ Съездъ окончился, члены Общества

стали развѣзжаться; многіе отправились въ Лугано привѣтствовать знаменитыхъ химиковъ Либиха и Вѣлера, которые въ то время тамъ находились.

Въ 1865 году, на своемъ сорокъ девятомъ сѣздѣ, въ Женевѣ, Общество праздновало пятидесятилѣтіе своего существованія; „праздновало скромно и серьезно,“ сказано въ отчетѣ помѣщенномъ въ *Biblioth. Univers.* за сентябрь 1865 года, „какъ приличествуетъ ученому учрежденію“. Членовъ собралось значительно болѣе обыкновеннаго: число ихъ простиралось до трехъ сотъ (294 по списку опубликованному во время сѣзда). Изъ 36 основателей Общества только двое дожили до его пятидесятилѣтія: бернскій геологъ Штудеръ, присутствовавшій на праздникъ въ Женевѣ, и Карлъ Мейеръ, бывшій профессоръ анатоміи въ Бернѣ, не прибывшій изъ Бонна, куда онъ давно уже переселился. Между пріѣхавшими на сѣздъ многими иностранцами назовемъ Тиндала, Франкланда, Шарля Мартена, Дове, Анри Сентъ-Клеръ-Девилля, Люма (въ Женевѣ получившаго свое первое научное образованіе и публиковавшаго первые свои труды), Клода Бернара (прибывшаго къ концу сѣзда, но успѣвшаго занять Общество любопытными сообщеніями о дѣйствиіи *curare*) и Магнуса. По случаю юбилея, г. Зигфридъ (Siegfried) составилъ на нѣмецкомъ языкѣ исторію Общества (*Geschichte der schweizerischen naturforschenden Gesellschaft*; in 4°, 98 p. Zurich, 1865; сожалѣю что не могъ воспользоваться этимъ сочиненіемъ, не успѣвъ его достать). По распоряженію центрального комитета Общества, трудъ г. Зигфрида былъ отпечатанъ на счетъ Общества и розданъ членамъ присутствовавшимъ въ Женевѣ.

Общество въ пятьдесятъ лѣтъ своего существованія имѣло 49 сѣздовъ, и даже пятьдесятъ, если считать собраніе безъ приглашенія состоявшееся въ Женевѣ въ 1859 году, когда обыкновенный сѣздъ былъ отложенъ. Сѣзды происходили въ 24 городахъ и мѣстностяхъ, а именно: въ Цюрихѣ (4 сѣзда), въ Винтертурѣ (1), въ Бернѣ (4), въ Поррентруѣ (1), въ Люцернѣ (2), въ Альторфѣ (1), въ Гларисѣ (1), въ Фрибургѣ (1), въ Золотурнѣ (3), въ Базелѣ (3), въ Шафгаузенѣ (2), въ Трогенѣ (1), въ Сентъ-Галленѣ (3), въ Куарѣ (Coire, 2), Самаденѣ (1), Аарау (3), Фрауенфельдѣ (1), Лугано (2), Лозаннѣ (4), Сионѣ (1), Сентъ-Бернардѣ (1), Невшателѣ (1), Шодефонѣ (1), Женевѣ (6). Предсѣдателемъ юбилейнаго

съѣзда былъ знаменитый женевокій физикъ Деларивъ. Обращаясь въ своей рѣчи къ началу Общества, онъ сказалъ: „Идея увидѣвшая свѣтъ въ павильонѣ Госса возрасла, и Швейцарія съ признательностію чувствуетъ великую цѣну этихъ періодическихъ собраній, которымъ она обязана своимъ ученымъ развитіемъ и, что еще дороже, тою связью, столько же сердечною, сколько полезною, которая нынѣ соединяетъ въ ней людей преданныхъ разработкѣ науки. Вы позволите мнѣ напомнить что Швейцаріи принадлежитъ первая идея ученыхъ съѣздовъ, нынѣ столь многочисленныхъ, и благодаря которымъ ежегодно люди разбѣянные по лицу Европы имѣютъ радость встрѣчаться между собою и бесѣдовать о наиболѣе занимающихъ ихъ вопросахъ и предметахъ своихъ общихъ занятій.“ Деларивъ указывалъ далѣе, что въ ученыхъ трудахъ Общества преобладающее значеніе постоянно имѣли вопросы о естественныхъ явленіяхъ земли и ея атмосферы. „Да и какъ могли бы,“ прибавляетъ онъ, „метеорологія и физика земли не имѣть перваго мѣста и не занимать умы въ странѣ Галлеровъ и Соссюровъ, въ этой области Европы, гдѣ природа связала свое поражающее великолѣпіе съ учеными задачами наиболѣе возбуждающими разумъ? Швейцарія, сказалъ въ прошломъ году одинъ изъ первыхъ метеорологовъ нашего времени, г. Дове, Швейцарія есть отечество горной метеорологіи, созданной Соссюромъ и Делюкомъ и играющей такую важную роль въ физикѣ земли.“ Вторую половину своей рѣчи Деларивъ посвятилъ очерку современнаго состоянія ученія о ледникахъ, какъ ученаго вопроса возникшаго и разработаннаго главнымъ образомъ въ Швейцаріи.

На слѣдующій 1866 годъ Общество собралось въ Невшателѣ. Отчетъ о съѣздѣ этого года, послѣдній изъ отчетовъ Швейцарскаго Общества который мы имѣли подъ руками (*Actes de la Société Helvétique des sciences naturelles réunie à Neuchâtel les 22, 23 et 24 août 1866*) замѣчательнъ нововведеніемъ, состоящимъ въ томъ что въ немъ не только приведенъ протоколъ засѣданій и извлеченія изъ ученыхъ трудовъ членовъ, но и сообщено, подъ рубрикой „Разказъ о праздествѣ“ (*Recit de la fête*), довольно подробное описаніе времяпровожденія членовъ въ продолженіе трехъ дней съѣзда. „Отступивъ, говорить составители *Разказа* гг. Фавръ и Гилльомъ, отъ принятаго доселѣ обычая и сообщая описаніе дѣйствій Общества

и внѣ его официальныхъ собраній, не думаемъ чтобы мы вышли изъ плана имъ себѣ начертаннаго. Страствованія свершаемыя имъ ежегодно въ различные кантоны Швейцаріи и, по временамъ, въ мѣстности наиболѣе удаленныя ясно показываютъ что Общество для вызова успѣховъ науки и для развитія свѣта знанія разчитываетъ не только на научныя сообщенія и мемуары терпѣливо выработанныя, но и на непосредственное дѣйствіе своего присутствія. Оно знаетъ что среди такого населенія какъ швейцарское считается радостію и счастьемъ взглянуть на черты лица и услышать голосъ людей которыхъ труды прославляютъ отечество; оно знаетъ что ихъ примѣръ можетъ пробудить не сознающее еще себя призваніе, ихъ видъ даетъ довѣріе тѣмъ кто еще сомнѣвается, и что вообще посѣщенія Общества далеко не безполезны и оставляютъ по себѣ всегда счастливое вліаніе.“ Съ марта мѣсяца невшательскій отдѣлъ Общества началъ свои приготовленія; „обратился къ патриотизму государства, муниципалитета, общины и къ гостепріимству частныхъ лицъ чтобы получить квартиры и почетныя вина (vins d'honneur), и всюду встрѣтилъ самый лучшій приемъ и живѣйшее участіе“. Гости собрались 21-го августа. Съ полудня каждый поѣздъ привозилъ по отряду; специальный комитетъ, остававшійся на станціи, раздавалъ программы, билеты на квартиры, и поручалъ прибывшихъ молодымъ членамъ Юрскаго Клуба (Club jurassien), которые и сопровождали ихъ въ назначенныя жилища. Къ вечеру прибыло болѣе 200 человекъ. Время стояло дурное, дождь лилъ ливнемъ. Прибывшіе собрались на ужинъ, данномъ президентомъ г. Кулономъ и вице-президентомъ г. Дезоромъ въ Кружкѣ Музея (Cercle du Musée), изящно украшенномъ и освѣщенномъ. На другой день, въ часъ, былъ обѣдъ въ обширныхъ залахъ одной изъ гостиницъ (brasserie Vuile) на 220 человекъ. Говорились рѣчи, провозглашались тосты „за отечество“, „за Швейцарское Общество“, „за Невшательское Общество естественныхъ наукъ“. Обѣдъ кончился въ четыре часа. Вечеръ былъ великолѣпный. Члены въ числѣ 180 отправились съ экстреннымъ поѣздомъ въ Бодри. Осматривали замѣчательный водопроводъ, древній замокъ, посѣтили думу, гдѣ собрались почетныя лица мѣстностей чтобы приветствовать прибывшихъ. Рѣчь говорилъ одинъ бывший учитель и вызвалъ громкія рукоплесканія. Затѣмъ зоолога отправились въ замѣчательный кабинетъ европейскихъ птицъ

капитана Вуга (Vouga) и были приглашены на ужинъ гостеприимнымъ хозяиномъ. Другіе, подъ предводительствомъ доктора Вуга, дѣлали геологическія экскурсіи въ окрестности, посѣтили гидротерапевтическое заведеніе доктора Вуга и обширныя заведенія искусственнаго рыбоводства. Затѣмъ все общество расположилось на террасѣ вокругъ столовъ заставленныхъ бутылками и блюдами. Вдругъ всѣ поднялись и направились въ аллею, въ концѣ которой находился большой предметъ прикрытый занавѣсомъ. Когда занавѣсъ упалъ, глазамъ представился огромный эрратическій камень, найденный не вдалекѣ, удивительно гладкій, покрытый тамъ и сямъ параллельными каналами, „достойный во всѣхъ отношеніяхъ быть сохраненнымъ какъ памятникъ исторіи ледниковъ“. На немъ былъ начертанъ рядъ именъ, и г. Вуга провозгласилъ ихъ громко. То были имена: Соссюра, Гуга, Шарпантье, Агассиса, Тиндала, братьевъ Шлагинтейтовъ и другихъ занимавшихся изученіемъ ледниковъ.

Все утро слѣдующаго дня было посвящено засѣданіямъ секцій. Въ три часа обѣдъ съ многочисленными тостами. Въ четыре — медики, числомъ 45, отправились осматривать больницу умалишенныхъ Префаржье. Въ саду посѣтителей удивилъ скрытый въ кустахъ хоръ пѣвцовъ, состоявшій исключительно изъ умалишенныхъ, составляющихъ небольшое пѣвческое общество. Члены не-медики осматривали между тѣмъ замѣчательныя работы Общества водопроводовъ. Они были приняты въ одномъ изъ громаднѣхъ резервуаровъ въ 60 метровъ длиною, при 9 ширины, приготовленныхъ для водъ Сейона (Seyon) предназначаемыхъ для городскихъ фонтановъ. Резервуаръ былъ освѣщенъ бенгальскими огнями. Затѣмъ было осмотрѣно зданіе фильтровъ при концѣ водопровода, и общество направилось къ знаменитому камню Ригге-à-Вот, гдѣ его ждала неожиданная встрѣча. Приблизилась группа молодыхъ людей, большею частію въ костюмахъ кадетъ, и приглашала гостей къ камню вокругъ котораго была приготовлена закуска. Это Юрскій Клубъ пожелавшій также праздновать прибытіе Общества. Послѣ обмѣна привѣтствій, и когда кружки пива были уже осушены, присутствовавшимъ былъ розданъ номеръ газеты *Сосновая Вѣсть* (Rameau du Sapin), журнала съ рисунками, органа Клуба, печатаемаго въ числѣ тысячи экземпляровъ. На возвратномъ пути члены Общества

были еще приняты въ прекрасномъ загородномъ жилищѣ г. Белено (Belanot).

На третій день, по окончаніи общаго засѣданія, закрытаго въ одиннадцать часовъ, члены Общества, посавъ общаго одушевленнаго обѣда, поспѣшили на станцію, гдѣ экстренный разукрашенный поѣздъ ждалъ Общество. Цѣлью поѣздки была живописная горная мѣстность носящая названіе Кре-дю-Вакъ (Creux-du-Vent). Желѣзный путь доставилъ гостей въ Нуарегъ (Noiraigue). Тотчасъ по прѣѣздѣ, ученая колонія направилась по пути въ Ейльонъ (Oeillon), гдѣ была встрѣчена многочисленною толпою членовъ четырехъ мѣстныхъ обществъ устроенныхъ съ общепользыными цѣлями. Знамя развѣвалось надъ толпою, раздались пушечные выстрѣлы, и г. Фрицъ Бертю (Berthoud) привѣтствовалъ Швейцарское Общество. „Вы не ожидаете, конечно, сказалъ онъ, найти среди этихъ горъ академіи и ученныя учрежденія достойныя васъ принять. И между тѣмъ ваше прибытіе обрадовало все это населеніе, чуждое науки и изученія. Съ тѣхъ поръ какъ мѣсяцъ тому назадъ оно узнало о предстоящемъ вашемъ посѣщеніи, оно ждало съ нетерпѣніемъ сегодняшняго дня какъ чести, какъ праздника... Пусть мы несвѣдушіе, но и мы знаемъ многое. Ремесленники, рабочіе, торговцы, заключенные въ тѣсныхъ обязанностяхъ труда для насущнаго хлѣба, подобно тому какъ заключены наши жилища въ этихъ высокихъ горахъ, мы знаемъ однако что выше и вѣѣ есть обширныя страны, гдѣ мысль имѣеть болѣе силы, разумѣніе находитъ болѣе свободное поле и болѣе блестящее солнце. Мы знаемъ что наша дѣятельность и наша промышленность не послужили бы намъ ни къ чему, еслибы не имѣли точкой опоры и основаніемъ труда этихъ людей, которые сами не суть ни ловкіе ремесленники, ни искусные торговцы.... Мы знаемъ что не хлѣбомъ единымъ живѣть будетъ человѣкъ.... Мы образовали въ каждомъ изъ большихъ селеній нашихъ по обществу.... ученому, если вы позволите мнѣ употребить это слово.“ Четыре общества, отъ имени которыхъ говорилъ ораторъ, были: Общество Соревнованія (Société d'émulation); Общество Музея (Société du Musée); Общество Взаимнаго Обученія (Société d'instruction mutuelle); Общество народнаго просвѣщенія (Société d'instruction populaire), устроенныя въ разныхъ селеніяхъ, жители которыхъ занимаютъ главнымъ образомъ часовымъ производствомъ. Живописная тропинка безъ утомленія

привела путниковъ къ цѣли путешествія. Обозрѣвъ естественныя богатства мѣстности, члены Общества собрались вокругъ скромныхъ столовъ, на которые со всѣхъ сторонъ глядѣли величественныя скалы. Во время пира молодые члены клубовъ стрѣляли изъ своихъ небольшихъ пушекъ. Звукъ разносился въ горахъ, производя поразительное эхо. Вечеромъ, по возвращеніи въ Нуарегъ, Общество было приглашено посѣтить источникъ, у котораго деревенское населеніе приготовило встрѣчу, и куда прибыла для привѣтствія сотня молодыхъ дѣвушекъ, ученицъ мѣстныхъ школъ, со своими учителями. Праздникъ кончился; экстренный поѣздъ привезъ гостей обратно въ Невшателъ.

Одновременно со съездомъ Швейцарскаго Общества, въ Невшателъ въ 1866 году имѣлъ мѣсто международный палеонтологическій или до-историческій конгрессъ, присоединившійся къ Обществу и засѣдавшій какъ его отдѣленіе, отчетъ о засѣданіяхъ котораго вошелъ въ общій составъ *Актовъ Швейцарскаго Общества* за 1866 годъ. Конгрессъ имѣлъ два засѣданія 23-го августа; 25-го происходила поѣздка на озеро, для обозрѣнія слѣдовъ древней до-исторической жизни, и заключительныя засѣданія конгресса, на которомъ предсѣдательствовалъ профессоръ Дезоръ, вице-президентъ Швейцарскаго Общества.

III.

Ученыя публикаціи Швейцарскаго Общества начались въ 1817 году, когда профессоръ Мейсснеръ изъерна выдалъ ежегодникъ, обозрѣвавшій труды съезда. Изданіе ежегодника остановилось въ 1824 году. *Межуары Общества* издаются съ 1829 года и составляютъ нынѣ болѣе двадцати томовъ со многими рисунками и картами. Отчеты о съездахъ печатаются, подъ именемъ *Актовъ Общества*, отчасти на французскомъ, отчасти на нѣмецкомъ языкахъ. О преобладающемъ направленіи трудовъ членовъ Общества всего лучше можно судить по тѣмъ ученымъ комиссіямъ которыя при немъ ходятъ. Таковы: комиссія геологическая, на которой главнымъ образомъ дежитъ исполненіе огромнаго геологическаго атласа Швейцаріи, издаваемаго на счетъ правительства; комиссія геодезическая, занимающаяся нивелировкой и триангуляціей различныхъ мѣстностей Швейцаріи; комиссія

метеорологическая, дающая отчетъ о 88 метеорологическихъ станціяхъ устроенныхъ съ 1860 года, изъ коихъ самая верхняя (устроенная трудами г. Долфуса-Оссе (Dollfuss-Ausset) находится на высотѣ 3.300 метровъ, на горѣ Saint-Théodule, а нижняя въ Женевѣ, на высотѣ 408 метровъ); коммиссія гидрометрическая (учрежденная съ 1863 года для изслѣдованія семи бассейновъ Рейна, Аара, Рейса, Лиммата, Роны, Тессина и Инна; съ 1866 года коммиссіи этой открытъ правительствомъ кредитъ въ 10.000 фр.); коммиссія для изслѣдованія земныхъ электрическихъ токовъ; коммиссія для изученія вопроса о легочной чахоткѣ (съ 1864 года). Принимая во вниманіе многочисленность и разнообразіе трудовъ коммиссій и отдѣльныхъ членовъ Общества, при скромности средствъ, и то высокое положеніе какое оно заняло въ странѣ, нельзя приложить къ современной дѣятельности Общества тотъ отзывъ объ ученыхъ трудахъ Общества какой Декандоль сдѣлалъ въ своихъ *Mémoires et Souvenirs*. Отзывъ этотъ едва ли былъ справедливъ и по отношенію къ той эпохѣ о которой говоритъ знаменитый ботаникъ, писавшій въ 1840 году. Описывая свои поѣздки на съезды Общества въ разныхъ мѣстахъ Швейцаріи, Декандоль прибавляетъ (стр. 367): „Во всѣхъ этихъ разказахъ о моихъ появленіяхъ въ Швейцарскомъ Обществѣ я мало говорилъ о самыхъ засѣданіяхъ, въ ученоемъ отношеніи, отчасти потому что результаты ихъ занесены въ отчеты Общества, отчасти потому что они, долженъ признаться, не кажутся мнѣ имѣющими большое значеніе. Я вынесъ изъ этихъ собраній одинъ поистинѣ интересный результатъ: лучше ознакомился съ самою Швейцаріей.“

Средства какими обладаетъ Швейцарское Общество не велики. Капиталъ его къ началу 1866 года простирался до 5.000 франковъ. Въ теченіе этого года въ него поступило ежегоднаго взноса по пяти франковъ съ 834 членовъ — 4.170 франковъ; входной платы по шести франковъ съ 87 членовъ-посѣтителей—522 франка, и 766 фр. съ продажи мемуаровъ; всего 5.458 фр., такъ что весь капиталъ составилъ 10.227 фр. Годичныя издержки, главнымъ образомъ на печатаніе *Аттовъ*, *Мемуаровъ* и пр., составили 4.800 франковъ. Имена членовъ не уплатившихъ годичнаго взноса публикуются въ отчетѣ. Таковыхъ въ 1866 году было восемь.

Въ 1861 году, находившійся на Востоку въ турецкой службѣ

молодой докторъ Шлефли (Schläfli) сдѣлавъ, на случай своей смерти, завѣщаніе, которымъ оставлялъ въ наследство Швейцарскому Обществу Естественныхъ Наукъ свое небольшое состояніе (9.000 франковъ) для учрежденія ежегодной преміи за ученый трудъ, по усмотрѣнію Общества. Великодушный завѣщатель, перенесшій въ послѣдніе годы своей жизни рядъ тяжкихъ болѣзней, скончался въ октябрѣ 1863 года, на 32 году отъ рожденія, и завѣщаніе вошло въ свою силу. Съ процентами и 500 франками прибавленными Обществомъ капиталъ составилъ 10.000 франковъ. Первая премія была выдана въ 1866 году г. Изидору Бахману изъ Берна за сочиненіе на геологическую тему о дилювіальныхъ породахъ и явленіяхъ въ Швейцаріи.

Статуты Общества, набросанные на второмъ съѣздѣ въ 1816 году, принятые на слѣдующемъ собраніи, перепечатанные въ 1825 году, нѣсколько измѣненные въ 1832, окончательный видъ получили въ 1844 году. Приведемъ ихъ вполнѣ, заимствуя текстъ изъ брошюры *Die wichtigsten Momente aus der Geschichte der drei ersten Jahrzehnde der Schweizerischen Gesellschaft*, Zürich 1848 г. (стр. 45).

§ 1. Общество имѣетъ цѣлью споспѣшествовать познанію природы вообще и отечественной въ особенности, распространенію и изложенію знаній на пользу отечества.

§ 2. Дабы имѣть право быть предложеннымъ въ члены Общества, требуется чтобы предлагаемый обладалъ знаніями въ какой-либо отрасли естествознанія и имѣлъ готовность прилагать ихъ соотвѣтственно цѣли Общества.

§ 3. Только такія лица могутъ быть приняты въ члены, которыхъ предлагаетъ естественно-испытательное общество соотвѣтствующаго кантона или, гдѣ нѣтъ такового, другой членъ, который для сего имѣетъ письменно, *за мѣсяцъ* до съѣзда, обращаться къ президенту.

§ 4. Избраніе членовъ производится тайною подачей голосовъ и абсолютнымъ большинствомъ.

§ 5. Объ избраніи новый членъ оповѣщается чрезъ присылку диплома правленіемъ избравшаго его съѣзда.

§ 6. Иностранные почетные члены избираются также тайною подачей и абсолютнымъ большинствомъ голосовъ. Въ почетные члены могутъ быть избираемы лишь лица ознаменовавшія себя особенными заслугами въ наукахъ о природѣ или полезною дѣятельностью въ области нашего отечественнаго естествознанія. Предложенія о нихъ должны быть заявляемы письменно годичному президенту *до перваго іюня*, съ обозначеніемъ ихъ ученыхъ заслугъ. Президентъ вноситъ

предложенія въ Центральное Правленіе, которое составляетъ списокъ и предлагаетъ Обществу.

§ 7. Ежегодно бываетъ сѣздъ Общества.

§ 8. Назначеніе времени сѣзда предоставляется Правленію.

§ 9. Сѣздъ продолжается не менѣе трехъ дней.

§ 10. Общество ежегодно, по предложенію Совѣщательнаго Комитета (§ 13), назначаетъ мѣсто сѣзда въ слѣдующій годъ. Въ случаѣ если избранное мѣсто не можетъ принять Общество, выборъ другаго мѣста предоставляется до истеченія года Правленію въ соглашеніи съ Центральнымъ Комитетомъ, а по истеченіи — постоянному Центральному Комитету.

§ 11. Завѣдываніе дѣлами Общества предоставляется:

а) Ежегодно смѣняющемуся Правленію, состоящему изъ президента, вице-президента и секретаря.

б) Постоянному Центральному Комитету изъ трехъ членовъ.

с) Приготовительному Комитету на время сѣзда.

§ 12. Президентъ, вице-президентъ и секретарь должны имѣть жительство въ томъ мѣстѣ, или по крайней мѣрѣ принадлежать тому кантону гдѣ назначенъ сѣздъ.

§ 13. Совѣщательный Комитетъ состоитъ:

а) Изъ наличныхъ бывшихъ президентовъ Общества.

б) Изъ представителей кантонныхъ обществъ, по одному отъ cadaго.

с) Изъ членовъ которыхъ годичный президентъ избираетъ по своему усмотрѣнію въ кантонахъ гдѣ нѣтъ обществъ, по одному отъ кантона.

д) Изъ членовъ постоянного Центрального Комитета и Правленія.

Составленный такимъ образомъ Комитетъ обсуждаетъ чтенія предлагаемыя для общихъ засѣданій.

§ 14. Президентъ избирается сѣздомъ тайною подачей и абсолютнымъ большинствомъ голосовъ.

§ 15. Избраніе вице-президента и секретаря предоставляется новоизбранному президенту.

§ 16. Президентъ, вице-президентъ и секретарь исправляютъ свои должности отъ 1-го января до 31-го декабря.

§ 17. Протоколъ, печать, дипломъ въ концѣ декабря пересылаются окончившимъ свой срокъ президентомъ новому.

§ 18. Постоянный Центральный Комитетъ завѣдуетъ всѣми дѣлами Общества не относящимися спеціально къ годичнымъ сѣздамъ и требующими непрерывнаго завѣдыванія, особенно общимъ счетоводствомъ. Онъ избирается Обществомъ на три года тайною подачей и абсолютнымъ большинствомъ голосовъ. По истеченіи этого срока ежегодно выходитъ по одному члену; вышедшіе могутъ быть опять избраны.

§ 19. Для покрытія издержекъ Общество имѣетъ кассу, въ которую каждый членъ вноситъ при вступленіи четыре

франка и ежегодно два франка. Вступительный взнос взимается при присылкѣ диплома, годичный въ первой половинѣ года. Счетный годъ считается съ 1-го января. Кто замедлитъ присылкой взноса и не доставитъ его по двукратномъ напоминаніи, считается выбывшимъ изъ членовъ Общества.

§ 20. Занятія Общества во время съезда составляютъ:

а) Чтенія и сообщенія о предметахъ изъ области естествознанія. Для общихъ засѣданій долженъ избираться предметъ имѣющій общій интересъ. Сообщенія спеціальнаго содержанія дѣлаются въ засѣданіяхъ отдѣлений. Раздѣленіе съезда на отдѣленія дѣлается Обществомъ смотря по обстоятельствамъ.

б) Представленіе отчетовъ кантонныхъ обществъ.

с) Представленіе некрологовъ членовъ умершихъ въ истекшемъ году.

д) Назначеніе темъ на преміи.

е) Показаніе новыхъ или замѣчательныхъ физическихъ, естественно-историческихъ и другихъ предметовъ, инструментовъ, препаратовъ, опытовъ и т. п.

§ 21. Занятія въ съездахъ составляютъ:

а) Изданіе *Мемуаровъ* Общества.

б) Изданіе *Актовъ Общества*, заключающихъ въ себѣ протоколы общихъ и секціонныхъ собраній, вступительную рѣчь президента, некрологи умершихъ членовъ, отчеты кантонныхъ обществъ, перемены въ общемъ составѣ членовъ, извѣщенія изъ сообщеній членовъ.

§ 22. Книги, рукописи, сочиненія и другіе предметы, какими нынѣ владѣетъ Общество или какіе имѣетъ получить, должны быть тщательно собраны и сохраняемы и образуютъ бібліотеку Общества. Всѣ члены имѣютъ право на пользованіе ею. Подробности о храненіи бібліотеки и пользованіи ею заключаются въ особо составленныхъ правилахъ.

§ 23. Состоявшееся рѣшеніе Общества имѣетъ силу если число наличныхъ членовъ было не менѣ тридцати.

§ 24. Каждый членъ имѣетъ право дѣлать предложенія касательно переменъ или добавленій въ статутахъ. Эти предложенія должны быть доставлены въ Правленіе не позже какъ за два мѣсяца до съезда. Правленіе сообщаетъ ихъ постоянному Центральному Комитету; затѣмъ, съ мнѣніемъ Правленія и Комитета, передаются прежде въ Совѣщательный Комитетъ, а затѣмъ, для рѣшенія, на съездъ.

Заклучимъ очеркъ швейцарскихъ съездовъ словами Деларива объ отношеніи съездовъ къ великому дѣлу единства науки, сказанными имъ въ 1845 году на съездѣ въ Женевѣ: „На мои глаза, сказалъ Деларивъ, главное преимущество этихъ собраній въ томъ что они приводятъ въ прикосновеніе людей занимающихся различными науками.

По мѣрѣ того какъ поле науки расширяется, всякій изъ работающихъ стремится заключиться въ специальной области, разработкѣ которой онъ преданъ. Прежде были зоологи, теперь видимъ физиологовъ, анатомовъ, палеонтологовъ; прежде были физики, теперь имѣемъ электриковъ, оптиковъ, метеорологовъ.... Но чѣмъ болѣе умножаются подраздѣленія, тѣмъ болѣе не должно терять изъ виду общности.... Специальность въ научныхъ знаніяхъ, необходимая для успѣха науки, вредитъ, если она чрезмѣрна, философскому духу, а слѣдовательно и самой цѣли науки, ибо ученый прежде всего есть философъ.“

IV.

Основателемъ германскихъ сѣздовъ былъ знаменитый въ свое время естествоиспытатель и натурфилософъ Окенъ. Въ Его журналѣ *Изида* („*Isis von Oken*“), въ шестой тетради 1823, находимъ любопытную статью „Сѣздъ нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей въ Лейпцигѣ 18-го сентября 1822 года“, въ которой развиваются соображенія вызвавшія учрежденіе сѣздовъ и опредѣляется ихъ характеръ, въ главныхъ чертахъ сохранившійся и донынѣ. Указывая на разединенность германскихъ ученыхъ, трудившихся каждый въ своемъ уголкѣ, на отсутствіе научныхъ центровъ и трудовъ предпринятыхъ совокупными силами, на грубость литературныхъ нравовъ, происходящихъ отъ недостатка общенія, авторъ статьи (безъ сомнѣнія самъ Окенъ) видитъ лучшее средство для устраненія этихъ золъ въ учрежденіи которое бы могущественно содѣйствовало *личному знакомству и сближенію* германскихъ ученыхъ.

„Часто возникалъ вопросъ, говорить Окенъ, отчего во Франціи и Англіи, благодаря совокупнымъ усиліямъ первоклассныхъ ученыхъ, выходитъ въ свѣтъ столько замѣчательныхъ трудовъ, въ формѣ энциклопедій естественныхъ наукъ, медицины, ремеслъ и искусствъ, столько лексиконовъ по этимъ отраслямъ, дѣльныхъ, періодически выдаваемыхъ различными обществами сборниковъ, журналовъ и т. д.? Отчего, напротивъ, въ Германіи нѣтъ почти ничего подобнаго, отчего три человека не могутъ соединиться для общаго труда, а если такое

соединеніе и состоитъ, то обыкновенно бываетъ весьма непродолжительно.

„Спрашиваютъ также, отчего во Франціи и Англіи появляется столько дѣльныхъ рецензій и отчетовъ, и преимущественно о серьезныхъ книгахъ, отчего въ критическихъ журналахъ царствуетъ столь вѣжливый и благородный тонъ что, когда люди и высказываютъ другъ другу свое неодобреніе, то врядъ ли это можетъ замѣтить непосвященный въ тайну читатель. Отчего, напротивъ, въ Германіи пишутся отчеты только объ однихъ легкихъ книгахъ, а когда дѣло коснется серьезныхъ трудовъ, то къ нимъ относятся такъ желчно и грубо что это невольно поражаетъ даже непосвященныхъ въ дѣло.

„Эта разница происходитъ, вѣроятно, отъ различія положенія ученыхъ у этихъ націй. Во Франціи большинство ученыхъ живетъ въ Парижѣ, или по крайней мѣрѣ каждый ученый хоть разъ въ жизни жилъ тамъ. Въ Англіи то же самое можно сказать о Лондонѣ. Иные думаютъ что личное знакомство дѣлаетъ изъ этихъ ученыхъ друзей; это бываетъ, но не въ большинствѣ случаевъ. Встрѣчаясь ежедневно въ академіи, невольно обличаешься или избѣгаешь другъ друга, но во всякомъ случаѣ привыкаешь соблюдать приличіе.

„На сколько невозможно, безъ предварительной нанесенной обиды, сказать человѣку въ лицо дерзость, на столько же невозможно критиковать его труды въ грубыхъ выраженіяхъ, если знакомъ съ нимъ лично, находилъ его всегда вѣжливымъ, сидѣлъ съ нимъ рядомъ за веселымъ пиромъ или за бокаломъ вина. Если нельзя одобрить его труды, то невольно смягчается тонъ чтобы ни въ какомъ случаѣ не обращаться съ авторомъ иначе чѣмъ какъ онъ заслужилъ съ своей стороны своимъ обращеніемъ. Такъ какъ французскимъ ученымъ нерѣдко приходится читать отчеты о трудахъ лицъ сидящихъ тутъ же возлѣ нихъ, то необходимость заставляетъ ихъ выражаться такъ, какъ принято въ хорошемъ обществѣ. Они невольно изошрются въ приисканіи вѣжливыхъ формъ для высказыванія горькой истины, и это обращается въ послѣдствіи въ привычку, такъ что, разбирая сочиненія даже незнакомыхъ писателей, они сохраняютъ тотъ же тонъ.

„Въ то же время какъ легко, видя ежедневно до восьмидесяти ученыхъ, занимающихся однимъ и тѣмъ же предметомъ.

томъ, найти изъ числа ихъ человекъ двѣнадцать чтобы соединиться для общаго предпріятія. На личную просьбу труднѣе отвѣтить отказомъ чѣмъ на пригласительную записку никогда невиданнаго незнакомца. Въ послѣднемъ случаѣ легко отвѣтить изъявленіемъ сожалѣнія о невозможности принять лестное предложеніе, или можно даже безъ особенной невѣжливости оставить письмо безъ вниманія и, при случаѣ, сослаться на забывчивость. Находясь между 80 человекъ, обстоятельства и характеръ которыхъ хорошо извѣстны, легко сообразить кто именно изъ нихъ согласится принять участіе въ извѣстномъ планѣ. Въ этомъ случаѣ имѣешь возможность представить всѣ выгодныя стороны дѣла, сообразиться съ количествомъ свободнаго времени участниковъ, привлечь на свою сторону главныхъ бойцовъ и добиться чтобъ они хоть имя свое поставили во главѣ предпріятія.

„Итакъ, причина преимуществъ которыми пользуется французская и англійская литература кроется *въ личномъ знакомствѣ ученыхъ между собою.*

„Отчего не быть этому и въ Германіи, если это сближеніе необходимо дабы естественныя науки и медицина могли получить то значеніе которое возможно лишь въ томъ случаѣ, когда эти науки будутъ плодомъ совокупныхъ трудовъ всѣхъ нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей.

„Эта истина была понята собраніемъ ученыхъ въ Лейпцигѣ, которое, руководясь ею, постановило что главною цѣлью съѣздовъ будетъ личное сближеніе нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей, такъ какъ все остальное, имѣющееся въ виду, будетъ невольнымъ послѣдствіемъ этого сближенія.

„Въ этомъ смыслѣ былъ составленъ уставъ, напечатанный въ первой книжкѣ *Изиды* за текущій 1823 годъ.

„Такъ какъ эти собранія имѣютъ такую обширную цѣль какъ исправленіе общаго характера естественно-исторической и медицинской литературы, то необходимо было составить уставъ въ широкихъ размѣрахъ. Этимъ собраніямъ не предполагалось придавать характеръ строго организованнаго общества, но имѣлось въ виду ежегодное соединеніе нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей, въ неограниченномъ числѣ и безъ опредѣленнаго впередъ мѣста, для того чтобы всякій, занимающійся наукой, могъ удобно видѣть своихъ товарищей и сближаться съ ними. Слово *общество* было

употреблено потому что не нашли другаго выраженія, какъ равно и на томъ основаніи что обыкновенно всякая совокупность нѣсколькихъ лицъ получаетъ наименованіе общества, безъ различія, приступаютъ ли они къ нему по приглашенію, или вслѣдствіе избранія.

„Такъ какъ цѣль Общества ввести приличныи и снисходительный тонъ въ критическую оцѣнку и положить начало совокупнымъ трудамъ, которые со временемъ принесутъ честь германскому естествознанію и медицинѣ, то понятно что членами Общества могутъ быть только писатели. Писателемъ же можетъ назваться лишь тотъ кто работаетъ и обнародываетъ свой трудъ по одному личному влеченію. Должностныя работы, какъ-то: диссертации, программы, дѣловые отчеты и т. д., не могутъ считаться свободнымъ трудомъ; онѣ часто составляются противъ желанія самого составителя и потому не служатъ доказательствомъ того что писавшій ихъ посвятилъ себя наукѣ. Подобные люди, какъ бы обширны и достойны уваженія ни были ихъ познанія, не соотвѣтствуютъ видамъ Общества, для котораго конечную цѣль составляютъ не лица, а ихъ труды. Тѣмъ не менѣе каждый желающій посѣтить собранія по охотѣ или изъ любопытства, съ цѣлью видѣть или слышать, но не съ тѣмъ чтобы принять участіе въ преніяхъ или въ подачѣ голосовъ, имѣетъ свободный доступъ на съезды. Въ силу этихъ соображеній было найдено лучшимъ дѣлать особенное избраніе членовъ и раздавать дипломы, что, дѣйствительно, было бы нѣсколько смѣшнымъ при столь легкомъ доступѣ и такомъ большомъ количествѣ участниковъ. Дѣло идетъ не о пустой игрѣ въ члены и дипломы, Общество желаетъ дѣйствовать и для этого привлечь побольше силъ.

„Въ Германіи нѣтъ Парижа или Лондона, нѣтъ такого мѣста гдѣ сотни ученыхъ жили бы вмѣстѣ, куда остальные стекались бы отовсюду чтобы приобрѣсти знакомства, заявить о себѣ, спросить совѣта, изучить богатыя коллекціи и воспользоваться аппаратами. Нѣмецкіе ученые не имѣютъ также большихъ средствъ чтобъ ежегодно совершать дальнія путешествія. По этой причинѣ нѣтъ заранее опредѣленнаго мѣста собраній, и было бы даже вполне неудобно и несправедливо назначить таковое. Неудобно это потому что коллекціи и небольшія общества ученыхъ разсѣяны повсюду, и въ одномъ мѣстѣ находится то чего не достаетъ въ другомъ; несправедливо потому что въ такомъ случаѣ ученые

одной мѣстности не имѣли бы никакихъ тратъ, между тѣмъ какъ другіе должны были бы ежегодно жертвовать большія суммы, или же оставаться дома. По этой причинѣ мѣсто съѣздовъ необходимо должно мѣняться. Одинъ разъ собираются въ центрѣ Германіи, другой разъ на сѣверѣ ея, на югѣ, на востокѣ, на западѣ, чтобы дать этимъ случай ученымъ всѣхъ мѣстностей, время отъ времени, при небольшой денежной тратѣ, видѣться съ ихъ товарищами по наукѣ. Сверхъ того необходимо чтобы мѣстомъ собранія былъ университетскій городъ, столица, или же другое чѣмъ-либо замѣчательное мѣсто, въ которомъ жило бы нѣсколько естествоиспытателей или врачей. Помимо удобствъ для самого собранія и для помѣщенія гостей, съездъ въ подобной мѣстности ставится какъ бы изъявленіемъ почести: члены университета сскаго или столичнаго города, принявшіе посѣщеніе, изъ приличія должны отдать его.

„Лейпцигъ, какъ средоточіе книжной торговли, находится приблизительно въ центрѣ Германіи, считая въ средѣ своей многихъ естествоиспытателей и врачей, безъ сомнѣнія, былъ всего удобнѣе для перваго собранія. Въ слѣдующемъ году, помимо другихъ соображеній, слѣдовало избрать мѣстность въ южной Германіи, напримеръ, Вюрцбургъ или Прагу. Но въ началѣ предпріятія, пока оно нуждается въ поддержкѣ, необходимость заставляетъ не удаляться отъ первыхъ участниковъ въ немъ и придерживаться тѣхъ мѣстностей гдѣ живетъ болѣе естествоиспытателей и врачей. Поэтому для текущаго года избранъ городъ Галле.

„Такъ какъ большинство ученыхъ собирающихся на съѣздахъ въ то же время занимаютъ катедры при университетахъ, гдѣ вакаціи бывають осенью, такъ какъ объ эту пору всего болѣе путешествуютъ, а потому и сообщенія легче, то сентябрь сочтенъ удобнѣйшимъ временемъ для съѣздовъ. Имѣя въ виду что лекціи захватываютъ и часть этого мѣсяца, днемъ съѣзда назначено 18-е число, время, къ которому можно собраться со всѣхъ частей Германіи.

„Въ каждой новой мѣстности необходимо приискать помѣщеніе для собранія и позаботиться о пріѣзжихъ. Должностными лицами Общества, поэтому, непремѣнно должны быть мѣстные жители. Въ Лейпцигѣ выбраны были Швейгеръ и Куанде, въ Галле Шпренгель и Швейгеръ.

„О предстоящемъ собраніи объявляется въ газетахъ. Слѣдовало бы полагать что подобныя объявленія будутъ приниматься бесплатно, подобно тому какъ въ Англіи и Франціи газеты сообщаютъ всегда длинныя отчеты о засѣданіяхъ. Однако мнѣ пришлось внести построчную плату за прошлогоднее объявленіе не только въ газеты, но даже въ литературныя журналы. Впрочемъ, было нѣсколько исключеній, достойныхъ всякаго уваженія.

„Такъ какъ мѣсто собраній мѣняется, то береженіе какой-либо собственности съездовъ было бы весьма затруднительно, и потому рѣшено не принимать никакихъ подарковъ въ видѣ книгъ, естественно-историческихъ предметовъ или препаратовъ.“

За этими общими разсужденіями слѣдуетъ краткое описаніе лейпцигскаго съезда. Общество собиралось ежедневно отъ 9 часовъ до 1 часа, послѣ чего всѣ вмѣстѣ обѣдали въ гостиницѣ. Потомъ обыкновенно осматривали прекрасныя, обильныя рѣдкими растеніями сады, которыми такъ богатъ Лейпцигъ, а именно сады Рейхенбаха, Лера и Ферстера, или натуральныя кабинеты Плосса и Линка и картинную галерею Кампе. Вечеромъ снова сходились въ какомъ-нибудь публичномъ мѣстѣ и не разлучались до 11 часовъ.

„Подобныя сходки, прибавляетъ Окенъ, всего болѣе достигаютъ настоящей цѣли съезда, а именно личнаго сближенія. Здѣсь говорится отъ души, говорится о самыхъ разнообразныхъ вещахъ, въ самомъ веселомъ настроеніи духа; здѣсь сближаются, привыкаютъ цѣнить другъ друга, теряютъ несправедливое предубѣжденіе, даже антипатію. Здѣсь всякій сообщаетъ свои научныя мнѣнія и открытія въ тѣсномъ кружкѣ знатоковъ и выслушиваетъ опроверженія. Всѣ мы разстались дружески, въ надеждѣ на успѣхъ и будущее свиданіе.“

Второй съездъ происходилъ въ Галле, третій, на югѣ Германіи, въ Вюрдбургѣ, четвертый во Франкфуртѣ.

Приводимъ выработанныя на первомъ собраніи статуты германскихъ съездовъ, сохранившіеся безъ измѣненія и до нашего времени.

Уставъ Общества нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей.

1) Нѣсколько нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей образуютъ съ 18-го сентября 1822 года въ Лейпцигѣ Обще-

ство подъ именемъ „Общества нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей“.

2) Цѣль этого Общества доставить естествоиспытателямъ и врачамъ Германіи случай лично узнать другъ друга.

3) Членомъ считается всякій писатель по части естественныхъ наукъ или медицины.

4) Написавшій лишь одну вступительную диссертацию не считается писателемъ.

5) Не бываетъ особеннаго избранія въ члены и не выдается дипломовъ.

6) Доступъ въ Общество открытъ всемъ занимающимся научно изученіемъ природы или медициной.

7) Правомъ голоса исключительно пользуются тѣ члены которые присутствуютъ во время засѣданій.

8) Всѣ дѣла рѣшаются большинствомъ голосовъ.

9) Собранія бывають ежегодно, при открытыхъ дверяхъ, начинаются 18-го сентября и продолжаются нѣсколько дней.

10) Мѣсто засѣданій различно. Оно опредѣляется во время всякаго сѣзда за годъ впередъ.

11) Правитель дѣлъ и секретарь, живущіе въ мѣстности гдѣ происходитъ собраніе, управляютъ дѣлами Общества до слѣдующаго сѣзда.

12) Правитель дѣлъ назначаетъ время и мѣсто засѣданій и приводитъ въ порядокъ работы, и потому всякій желающій что-либо просить заявляетъ ему объ этомъ.

13) Секретарь ведетъ протоколъ, счетную часть и переписку.

14) Эти два лица подписываются на всѣхъ актахъ одни за все Общество.

15) Они обязаны извѣщать соответствующія власти о предполагаемомъ собраніи и затѣмъ объявить во всеобщее свѣдѣніе о назначенномъ для того мѣстѣ.

16) Во время каждаго сѣзда избираются должностныя лица Общества на предстоящій годъ. Если выборъ не принятъ единогласно, то приступаютъ къ новому избранію, и, въ случаѣ нужды, мѣняютъ даже мѣсто собранія.

17) Если Общество лишается одного изъ двухъ должностныхъ лицъ своихъ, то оставшемуся предоставляется право назначить себѣ товарища. Если же они выступаютъ оба одновременно, то мѣста ихъ переходятъ къ лицамъ избраннымъ для отправления тѣхъ же должностей въ будущемъ году.

18) Общество не составляетъ естественно-историческихъ коллекцій и, за исключеніемъ архива, не имѣетъ собственности. Представившій что-либо на разсмотрѣніе получаетъ каждый предметъ обратно.

19) Могуція возникнуть небольшія траты покрываются соединенными усиліями всѣхъ присутствующихъ членовъ.

20) На пяти первыхъ сѣздахъ не дозволяется что-либо измѣнять въ настоящемъ уставѣ.

Лейпцига, 1-го октября,
1822 года.

Соединеніе врачей съ естествоиспытателями составляет оригинальную особенность германскихъ съездовъ сравнительно съ швейцарскими и английскими.

Въ *Изидь* 1827 года (Т. XX, тетради IV и V) встречаемъ подробное описаніе пятаго съезда, имѣвшаго мѣсто въ Дрезденѣ отъ 18-го до 23-го сентября 1826 года. Приведемъ нѣсколько свѣдѣній объ этомъ весьма удавшемся собраніи. „Въ Дрезденѣ, говорится въ описаніи, Общество естествоиспытателей тотчасъ и живо почувствовало что находится въ странѣ гдѣ царствующій домъ, по врожденному чувству, считаетъ науку и искусство за высшее благо человечества, заслуживающее попеченія и покровительства; гдѣ высшее образованіе и любовь къ наукѣ и искусству, передаваемая изъ рода въ родъ, перешли наконецъ въ плоть и кровь жителей и руководятъ всѣми ихъ дѣйствіями. Во всемъ проявлялось милостивое расположеніе короля, поощреніе со стороны царствующаго дома, расположеніе правительства, во всемъ замѣчалось усердіе властей и предупредительность образованнаго класса, стремящаяся помочь обществу въ достиженіи его цѣлей и сдѣлать пребываніе въ городѣ во всѣхъ отношеніяхъ приятнымъ и полезнымъ для пріѣзжихъ. Его королевское высочество принцъ Іоаннъ удостоилъ съездъ своимъ посѣщеніемъ. По донесенію кабинета-министра графа Эйнделья, король повелѣлъ открыть въ теченіе 14 дней всѣ королевскіе музеи для осмотра ихъ естествоиспытателями въ часы всего болѣе удобные для нихъ. Директоръ департамента налоговъ, г. Вацдорфъ, предложилъ для засѣданій общества зданіе земскихъ сословныхъ собраній; многіе министры и члены высшихъ административныхъ сферъ нерѣдко посѣщали собранія естествоиспытателей. Общества минералоговъ, натуралистовъ и медиковъ устроили пѣздку по Эльбѣ съ пышнымъ обѣдомъ въ красиво расположенной дачѣ; даже дирекція театровъ не оставила безъ вниманія присутствіе столькихъ пріѣзжихъ ученыхъ. Упомянуть здѣсь объ услугахъ и предупредительности многихъ частныхъ лицъ было бы, по нашему мнѣнію, неумѣстно.“

Пріѣзжіе ученые встрѣтили самый радушный пріемъ со стороны членовъ мѣстныхъ обществъ, Минералогическаго и Общества Естество- и Врачебновѣдѣнія. „Члены этихъ

обществъ были одушевлены такимъ радостнымъ чувствомъ и рвеніемъ что прїѣзжимъ казалось что они находятся въ родной семьѣ, которая въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ ожидала и радовалась прїѣзду долго невиданныхъ и любимыхъ родственниковъ. Члены названныхъ обществъ не только присутствовали и принимали участіе въ засѣданіяхъ, но и распредѣляли удовольствія, сопровождали, руководили прїѣзжихъ и ухаживали за ними. Такимъ образомъ всякій чувствовалъ себя перенесеннымъ въ многочисленное, образованное и любящее семейство, никто не испытывалъ обыкновенныхъ путевыхъ неудобствъ, всѣ, веселые и довольные, вступали въ красивую залу засѣданій чтобы слушать, читать и дѣйствовать на пользу науки и на поддержаніе гармоніи между нѣмецкими учеными.“

Въ поведѣльникъ, 18-го сентября, въ 9-часовъ, естествоиспытатели и врачи собрались въ зданіи земскаго дома (Landhaus), въ большой залѣ, которая, благодаря усердію профессора Рейхенбаха и трехъ придворныхъ садовниковъ, была роскошно убрана чужеземными деревьями и кустарниками. Между замѣчательными растеніями особенное вниманіе привлекала осыпанная цвѣтами *Lagerstroemia indica* изъ дворцоваго сада, равно какъ *Indigofera purpurea* изъ ботаническаго сада академіи. Когда члены расположились нѣсколькими рядами около стола, а кругомъ помѣстились многочисленные слушатели, предсѣдатель съѣзда, профессоръ Зейлеръ, директоръ медико-хирургической академіи, открылъ засѣданіе краткою рѣчью, изъ которой приведемъ слѣдующія мѣста:

„Настоящимъ съѣздомъ, сказалъ г. Зейлеръ, Общество заканчиваетъ первое пятилѣтіе своей дѣятельности; обширная и прекрасная идея его, вызывая искреннее сочувствіе всѣхъ изслѣдователей великихъ твореній природы, впервые родилась въ душѣ достойнаго человѣка, чье присутствіе оживляетъ нашъ кругъ, чьи мѣткіе, ясные взоры указали путь къ разгадкѣ многихъ тайнъ природы....“

„Въ самомъ дѣлѣ, какъ важна для изученія естествознанія указанная въ уставѣ цѣль Общества, дающая нѣмецкимъ естествоиспытателямъ возможность лично узнать другъ друга! Въ наше время, когда всѣ отрасли естественныхъ наукъ получили такое обширное развитіе и такъ сблизились между

собой, кто не постигъ того что было понято въ самые ранне вѣка, въ ту самую старину когда едва зарождалось начало цивилизаци, кто не созналъ что общій трудъ, честная и правдивая передача другимъ добытыхъ результатовъ двигаютъ впередъ науку; что личное знакомство приводитъ къ соединенію многихъ разрозненныхъ лицъ и нерѣдко превращаетъ отчужденіе, возникшее вслѣдствіе разности мнѣній, въ полезную для хода наукъ связь. Личное сближеніе мѣшаетъ также несогласію мнѣній превратиться во вражду противъ личности, вражду, въ которой желчное раздраженіе и самолюбіе нерѣдко продолжаютъ дѣйствовать вопреки нашему внутреннему убѣжденію; напротивъ, изъ сближенія возникаетъ одинакое стремленіе къ свѣту и истинѣ. Послѣ личныхъ переговоровъ объясняется многое до чего не скоро коснешься письменно. Сколько полезныхъ мыслей, указывающихъ пути къ подтвержденію добытыхъ уже результатовъ, или же доказывающихъ изъ неосновательность, возникаютъ изъ изустнаго обмѣна мнѣній. Потребности времени высказываются многими заразъ; это служитъ началомъ соединенія для общихъ изслѣдованій и литературныхъ работъ и способствуетъ выполнить то что невозможно отдѣльному лицу. Кто не помнитъ съ какими усиліями и жертвами мудрецы Греціи: Пифагоръ, Эмпедокль, Платонъ и Эвдоксій, предпринимали трудныя и опасныя путешествія для достиженія подобныхъ же цѣлей. Итакъ, послѣдуемъ же ихъ примѣру и не пропустимъ случая узнать одновременно столько людей съ любовью посвятившихъ себя наукѣ и, если возможно, потрудимся съ ними. Да распространится это стремленіе все шире и шире; пусть исчезнутъ всѣ постороннія соображенія, и да будетъ въ скоромъ времени достигнута благая цѣль соединенія нѣмецкихъ естествоиспытателей къ общему труду.“

Затѣмъ были прочитаны статуты Общества, и присутствовавшимъ членамъ предложено было скрѣпить ихъ своею подписью. Подписной листъ былъ автографированъ, и экземпляры его розданы членамъ. Подписей оказалось 76. Впрочемъ, общее число членовъ и дѣятельныхъ участниковъ возрасло потомъ до 115. Стороннихъ посѣтителей было болѣе двухсотъ, такъ что зала засѣданія была биткомъ набита. Для общаго обѣда членовъ определено было сойтись у ресторатора Кемфе, кромѣ того розданы были билеты для осмотра

королевскихъ собраній рѣдкоостей, для посвященія читальни Арнольди и на обѣдъ, приготовляемый въ будущую среду обществами минералоговъ, естественныхъ опытныхъ и врачей. Собственно ученые занятія начались сообщеніями профессора Тревирануса изъ области анатоміи и физиологіи растеній. Но главнымъ ученымъ событіемъ перваго засѣданія и вообще съѣзда было сообщеніе профессора Каруса о сдѣланномъ имъ открытіи явственнаго кровообращенія у гусеницъ насакомыхъ.

Когда наступило время обѣда, всѣ направились къ общему столу, къ которому, по приглашенію предсѣдателя съѣзда, пріѣзжіе ученые прибыли съ своими женами. „Этотъ обычай, сказано въ описаніи, былъ впервые принятъ во Франкфуртѣ. Многие города и мѣстности богаты предметами которые могутъ обратить на себя вниманіе образованной женщины. Желаніе доставить удовольствіе своимъ близкимъ побудило многихъ ученыхъ привести съ собой жену или даже всю семью. Дѣйствительно, было бы грустно, еслибы дамы, послѣ того какъ онѣ утромъ одиноко обозрѣвали достопримѣчательности города, должны были бы еще обѣдать однѣ въ гостиницѣ. Поэтому было справедливо и вѣжливо допустить женщинъ къ участию въ общемъ праздникѣ, не говоря о томъ что ихъ присутствіе оживляло и разнообразило разговоръ. Всѣ остались очень довольны угощеніемъ; къ сожалѣнію, вслѣдствіе неожиданнаго количества гостей, мѣста было слишкомъ мало, и общество должно было раздѣлиться на двѣ части, что вѣскольکو мѣшало бесѣдѣ и общему сближенію.“

Второе засѣданіе почтилъ своимъ присутствіемъ принцъ Іоаннъ и былъ привѣтствованъ рѣчью предсѣдателя. Въ среду, 20-го сентября, на третій день съѣзда, состоялся загородный праздникъ. Въ часъ пополудни пріѣзжіе гости, воспользовавшись приглашеніемъ двухъ ученыхъ дрезденскихъ обществъ, отправились на устроенный ими съ большимъ вкусомъ веселый обѣдъ въ прекрасной мѣстности, на небольшомъ холмѣ восточнаго берега Эльбы. Учредители пира отправились впередъ для необходимыхъ распоряженій. У моста находились гондолы для приватія гостей. Флотилія, подъ управленіемъ поэта Куна, поплыла съ распущенными парусами вверхъ по Эльбѣ, при попутномъ вѣтрѣ, подъ ослѣпительнымъ солнечнымъ освѣщеніемъ, съ музыкой впереди. У пристани

веселые гости были встрѣчены ружейными выстрѣлами, а на берегу ихъ пріѣтствовали съ восторженными криками распорядители празднества. Всѣ направилась къ красиво и богато убранной цѣвтамъ обѣденной залѣ и сѣли за столы, причѣмъ гости были размѣщены около мѣстныхъ жителей. Знакомство быстро завязалось, такъ что вокорѣ вся зала, ко взаимному удовольствію, была наполнена одними знакомыми. Министръ Ностицъ, директоръ департамента налоговъ Ваадорфъ, президентъ Шарпантье, камергеръ Карловицъ, придворный духовникъ Аммонъ и другія лица занимающія высшія административныя должности, равно какъ и многіе ученые не принадлежащіе къ упомянутымъ обществамъ, удостоили празднество своимъ присутствіемъ. „Поэты оживили его цѣвтамъ своего вдохновенія, и замысловатые тосты за здоровье короля, Нестора нѣмецкихъ естествоиспытателей, за другихъ лицъ и за преуспѣаніе науки, вызвали громкій восторгъ и радостныя сердечныя изліанія. Въ промежуткахъ раздавались и пѣлись приготовленныя къ этому случаю и уже напечатанныя пѣсни, или съ умѣньемъ и вкусомъ читались самими авторами написанные ими сонеты и стансы. Благодарность поѣтамъ выражалась каждый разъ продолжительными сочувственными восклицаніями.“ Большой эффектъ произвело стихотвореніе Бѣттигера въ честь Океа, произнесенное съ поднятымъ бокаломъ за здоровье издателя *Изиды*. Стихотвореніе оканчивалось словами:

Er lebe der dies Bienenreich gestaltet!
An Isis neubegründeten Altären
Fließt, würdiger Oken, Dir die Weihespende!
Trinkt, Freunde, dass sein Walten glorreich ende!

Съездъ окончился 23-го сентября. Шесть засѣданій едва могли вмѣстить многочисленныя сообщенія членовъ.

Любопытную характеристику нѣмецкихъ съездовъ прошлаго времени находимъ у Декандоля (*Mémoires et Souvenirs* 375), присутствовавшего въ 1827 году на съездѣ въ Мюнхенѣ. „Собраніе, пишетъ онъ, имѣло для меня много необычнаго. Право присутствовать имѣеть каждый напечатавшій что-либо (хорошо или дурно) по естественнымъ наукамъ, за исключеніемъ докторскихъ диссертаций. Нѣтъ, слѣдовательно, членовъ избираемыхъ и признаваемыхъ, а слѣдовательно и споровъ объ

этомъ предметѣ. Выбираютъ президента на слѣдующій годъ, и онъ распределяетъ чтенія по своему усмотрѣнiю. Слѣдствiемъ такой организацiи было то что мнѣнiе о представленныхъ мемуарахъ выражалось внѣ засѣданiй. Въ Мюнхенѣ (не знаю какъ дѣлалось въ другихъ мѣстахъ) члены съѣзда обѣдали внѣстѣ. За десертомъ провозглашались тосты и, смотря по большей или меньшей благосклонности съ какою она бывала принимаема, можно было судить о мнѣнiи собранiя. За первымъ обѣдомъ раздавался громъ рукоплесканiй въ честь Окена, основателя съѣздовъ и главы натуръ-философовъ; за вторымъ крики *vivat* раздѣлялись между нимъ и его антагонистомъ Тидеманомъ; за третьимъ Окенъ остался позади, и Тидеманъ побѣдилъ. Меня очень забавлялъ этотъ способъ рѣшать, съ зазданнымъ кубкомъ въ рукахъ, между самыми возвышенными ученiями науки. Среди этого столкновенiя мнѣнiй я находился въ довольно курioзномъ положенiи: я высказалъ въ *Начальной теорiи* нѣсколько мыслей которыя натуръ-философы принимали за благоприятныя ихъ ученiю, и они старались смотрѣть на меня какъ на своего; но съ другой стороны я говорилъ имъ, какъ и ихъ противникамъ, что я достигъ этихъ заключенiй просто чрезъ разсмотрѣнiе фактовъ, *a posteriori*, а не *a priori*: это располагало ко мнѣ, и съ полнымъ основанiемъ, противную сторону. Такая двойственность, въ соединенiи съ моимъ положенiемъ въ качествѣ иностранца, была причиной что за обѣдами на мою долю раздавались отличные *vivat*. Вечеромъ члены съѣзда собирались въ обширной кофейной (*tabagie*) гдѣ пили и курили такъ что зала наполнялась непроглядными облаками дыма. Посреди стоялъ столъ, вокругъ котораго сидѣли пятнадцать или двадцать дамъ, женъ или дочерей ученыхъ; онѣ спокойно вязали чулки среди дыма и двухъ или трехъ сотъ мушницъ. Зрѣлище это показалось мнѣ вполнѣ достойнымъ старой Германiи. Мы видѣли еще любопытную картину за большимъ ужиномъ, который давалъ членамъ съѣзда первый врачъ короля. Гости размѣстившись въ нѣсколькихъ комнатахъ, вокругъ маленькихъ столиковъ о пяти или шести кувертахъ. Жена хозяина и двѣ его племянницы, красивыя и разодѣтыя, ходили отъ стола къ столу и подавали кушанье и питье, весьма граціозно, но и весьма затрудняя тѣхъ кто не привыкъ къ подобнымъ служанкамъ.“

V.

Съѣздъ 1828 года въ Берлинѣ, седьмой отъ начала, замѣчательнѣе тѣмъ что на немъ въ первый разъ засѣданія раздѣлились на два рода: общія и по отдѣленіямъ, тогда какъ до того времени всѣ сообщенія дѣлались при общемъ собраніи членовъ. Съ этихъ поръ сообщеніе и обсужденіе специальныхъ вопросовъ сосредоточилось въ секціонныхъ собраніяхъ, общія же засѣданія приняли характеръ публичныхъ рѣчей о научныхъ предметахъ общаго интереса, излагаемыхъ въ общедоступной формѣ. Предложеніе объ учрежденіи секцій было сдѣлано предсѣдателемъ съѣзда Гумбольдтомъ, тогда уже находившимся въ полномъ блескѣ славы и не задолго предъ тѣмъ читавшимъ знаменитый публичный курсъ „О физическомъ міроописаніи“, на которомъ постоянно присутствовалъ король съ лицами королевской фамиліи и для котораго иные пріѣзжали изъ отдаленныхъ краевъ Германіи. „Основатели этого Общества, сказалъ Гумбольдтъ въ своей рѣчи при открытіи съѣзда, движимые истиннымъ и глубокимъ чувствомъ единства природы, тѣсно соединили вмѣстѣ всѣ отрасли физическаго знанія (описательнаго, измѣрительнаго и опытнаго). Наименованія естествоиспытателя и врача стали, напримѣръ, здѣсь почти синонимами... Какъ ни важно не разрушать этой связи, тѣмъ не менѣе расширяющійся кругъ и непрерывное развитіе этого учрежденія заставляютъ чувствовать необходимость, кромѣ общихъ публичныхъ засѣданій, организовать по отдѣленіямъ болѣе обстоятельныя чтенія и сообщенія по отдѣльнымъ учніямъ. Только въ такихъ болѣе тѣсныхъ кружкахъ, только между людьми взаимно привлекаемыми одинакостію ученыхъ занятій возможны устные бесѣды и споры.“

Чтобы дать точное понятіе, — до мелкихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ существенныхъ подробностей, — о томъ какъ происходятъ съѣзды въ Германіи, приведу полную программу одного изъ такихъ годовичныхъ собраній, именно программу тридцать четвертаго съѣзда, въ Карлсруе, въ 1858 году, составленную весьма обстоятельно и помѣщенную въ *Официальномъ отчетѣ* съѣзда за этотъ годъ (*Amtlicher Bericht über die vier- und dreissigste*

Versammlung Deutscher Naturforscher und Aerzte in Carlsruhe im September 1858, herausgegeben von den Geschäftsführern derselben Eisenlohr und Volz). Такіе отчеты издаются со времени берлинскаго съѣзда 1828 года. Изъ приводимой программы легко ознакомиться какъ съ предварительными распоряженіями для приѣма членовъ, такъ и съ общимъ распорядкомъ занятій во время самаго съѣзда.

§ 1. Съѣздъ открывается, съ высочайшаго соизволенія его королевскаго высочества великаго герцога, 16-го сентября и окончится 22-го.

§ 2. Согласно статутамъ, признаются членами только писатели по части естествознанія и медицины; *участниками* — научно занимающіеся естество- и врачевновѣдѣніемъ.

§ 3. Приемное бюро будетъ открыто съ 14-го сентября, отъ 8 часовъ утра до 7 вечера. Билеты выдаются по личному заявленію и по взносу четырехъ гульденовъ. Билетъ должно постоянно имѣть при себѣ, ибо предъявленіе его требуется для входа въ общія собранія, на выставки, при осмотрахъ достопримѣчательностей, и даетъ право на участіе въ празднествахъ и поѣздкахъ по желѣзнымъ дорогамъ, а также на получение праздничнаго подарка отъ города Карlsruhe, этой программы и ежедневнаго листка. Для прибывшихъ дамъ своего семейства каждый получаетъ особый билетъ на общія собранія. До 16-го сентября въ приемномъ бюро можно также получать билеты на праздничный обѣдъ въ залѣ музея (съ кружкою краснаго или бѣлаго вина) за два гульдема 42 крейцера.

§ 4. Получившій билетъ заявляетъ о себѣ въ находящемся противъ приемнаго бюро—квартирномъ бюро, гдѣ выдаются составленные по полученнымъ свѣдѣніямъ списки квартиръ съ обозначеніемъ цѣны. Тамъ же находятся постоянно *руководители* (Führer) изъ членовъ съѣзда, къ которымъ можно обращаться за справками. Они носятъ въ петлицѣ особую кокарду.

§ 5. Для свиданія и разговора сходятся вечеромъ 15-го сентября въ залѣ, въ саду Музея. Такъ же и въ слѣдующіе вечера.

§ 8. Читенія въ общихъ засѣданіяхъ, согласно правилу, не должны продолжаться каждое болѣе получаса, должны имѣть общій научный интересъ, и извлеченія изъ нихъ по крайней мѣрѣ за день должны быть доставлены президенту (erster Geschäftsführer).

§ 9. По окончаніи перваго общаго засѣданія, члены и участники отдѣленій вводятся своими предварительными предсѣдателями (provisorische Präsidenten) въ назначенныя помѣщенія, гдѣ выбираютъ предсѣдателя для слѣдующаго дня, заявляютъ о предстоящихъ чтеніяхъ и знакомятся съ мѣстными отношеніями.

§ 10. Секцій предполагается одиннадцать: 1) Минералогія и геогнозія, 2) ботаника и физиологія растений, 3) зоологія, 4) математика, астрономія и механика, 5) физика, 6) химія, 7) анатомія и физиологія, 8) медицина, 9) хирургія и офтальмологія, 10) гинекологія, 11) психіатрія.

§ 12. Засѣданія отдѣленій начинаются, по правилу, въ 8 часовъ и могутъ, за исключеніемъ перваго дня и времени общихъ засѣданій, продолжаться весь день, ибо назначается только одинъ праздничный обѣдъ.

§ 13. Кромѣ чтеній, въ засѣданіяхъ отдѣленій производится выборъ председателя для слѣдующаго дня и указываются предстоящія сообщенія.

§ 14. Всѣ означенные въ городскомъ подаркѣ (in der städtischen Festgabe) научные и медицинскіе институты, а также художественныя учрежденія, фабрики и другія примѣчательности открыты и будутъ обозрѣваться, по росписанію, подъ руководствомъ поименованныхъ въ § 4 членовъ-руководителей. Мѣстомъ собранія въ указанные дни назначается приемное бюро. Можно присоединяться и позже. Чтобы дать натуралистамъ возможность наглядно ознакомиться съ произведеніями страны, будутъ устроены въ соответствующихъ помѣщеніяхъ отдѣленій особыя выставки баденскихъ минераловъ и ископаемыхъ, а также горно-заводскихъ и соляныхъ продуктовъ.

§ 15. Если въ отдѣленіяхъ тому или другому изъ здѣшнихъ профессоровъ будетъ заявлено желаніе произвести опыты или демонстраціи, то оныя назначаетъ для этого время послѣ обѣда слѣдующаго дня.

§ 16. Для чтенія газетъ и т. д., а также для разговоровъ будутъ цѣлый день открыты читальныя и разговорныя комнаты въ Музеѣ, въ Клубѣ Согласія (Eintracht) и въ Мѣщанскомъ собраніи (Bürgerverein).

§ 17. Кромѣ общаго праздничнаго обѣда, не назначается никакихъ особыхъ обѣдовъ. Но устроено такъ что въ Музеѣ ежедневно значительное число персонъ (180) могутъ найти накрытый столъ. Отдѣльные кружки найдутъ мѣсто въ гостиницахъ и ресторанахъ и поступать хорошо напередъ сдѣлавъ надлежащія распоряженія. Въ случаѣ желанія, можетъ быть устроено по подпискѣ заключительный обѣдъ въ среду. Въ дневномъ листкѣ будетъ всякій разъ обозначено въ какой гостиницѣ можно будетъ во время обѣда встрѣтить президента. Списокъ гостиницъ и ресторановъ съ обозначеніемъ цѣнъ можно имѣть въ приемномъ бюро, а также и у служителей Политехникума и Сословнаго дома (Ständehaus). Къ обѣдамъ любезнѣе приглашаются и дамы. Обыкновенное время обѣда часъ, а въ дни общихъ засѣданій два съ половиной.

§ 18. Вечеромъ сходятся въ садовой залѣ Музея, въ Согласіи, въ Café Beck и Зеленомъ дворѣ. Участвующихъ про-

сятъ, въ случаѣ если они условятся относительно болѣе обширныхъ собраній, давать знать упомянутымъ въ § 4 руководителямъ.

§ 19. Пріятнѣйшія прогулки въ окрестностяхъ Карсруэ означены въ городскомъ подаркѣ, страница 3.

§ 20. По милостивому распоряженію его королевскаго высочества великаго герцога, въ театрѣ будутъ даны три праздничные спектакля, имѣющіе начинаться въ 7 часовъ. Допускаются по членскимъ билетамъ, съ соблюденіемъ правилъ которыя будутъ объявлены въ дневномъ листкѣ. Для имѣющагося въ виду придворнаго праздника послѣдуютъ особыя приглашенія.

§ 21. Дневной листокъ можно каждодневно получать съ 8 часовъ утра у служителей въ приемномъ бюро, въ Политехникумѣ и Сословномъ домѣ. Онъ содержитъ въ себѣ, вмѣстѣ со спискомъ прибывшихъ гостей, бывшія и имѣющія быть чтенія, а также протоколы засѣданій. Черезъ него же будутъ доводиться до всеобщаго свѣдѣнія перемены въ программѣ, разныя извѣщенія и пр.

§ 22. Члены и участники, которые пожелаютъ отсюда отправиться до Базеля и Вальдгута, или Киля и Парижа, или до какой-либо изъ промежуточныхъ станцій, получаютъ, по личному заявленію въ приемномъ бюро 20-го, 21-го и 22-го сентября, для себя и своего семейства удостовѣренія, по предъявленію которыхъ на станціи дороги имѣютъ платить за мѣста въ вагонахъ перваго и втораго класса половину цѣны. Удостовѣренія имѣютъ силу въ теченіе недѣли отъ 20-го до 27-го сентября.

Росписаніе занятій.

Среда, 15-го сентября. Собраніе вечеромъ въ 8 часовъ въ садовой залѣ Музея.

Четвергъ, 16-го сентября. 1) Собраніе въ Ботаническомъ саду въ 9 часовъ. 2) Въ 10¹/₂ открытіе перваго общаго засѣданія въ тамшнемъ зданіи оранжерей. 3) Распредѣленіе отдѣленій по ихъ помѣщеніямъ; выборъ предсѣдателей на слѣдующій день и внесеніе въ списокъ имѣющихъ быть сообщеній. Отдѣленіямъ предлагаются постоянные секретари. 4) Праздничный обѣдъ въ 3 часа въ залахъ Музея. 5) Въ 7 часовъ вечера праздничный спектакль, по приглашенію его королевскаго высочества великаго герцога: *Антигона* Софокла съ музыкой Мендельсона-Бартольди.

Пятница, 17-го сентября. 1) Засѣданія отдѣленій отъ 8 часовъ утра до часу, а по желанію до обѣда. 2) Вечеръ во дворцѣ и дворцовомъ саду по особому приглашенію его королевскаго высочества великаго герцога. *

* Были приглашены всѣ члены и участники.

Суббота, 18-го сентября. 1) Засѣданія отдѣленій. 2) Второе общее засѣданіе въ 11 часовъ; выборъ мѣста для слѣдующаго съезда. 3) Послѣ обѣда, по предварительному соглашенію, научныя бесѣды и опыты. 4) Въ 7 часовъ вечера праздничный спектакль: *Какъ вамъ угодно*, Шекспира.

Воскресенье, 19-го сентября. Поездка на экстренномъ поѣздѣ (по любезному распоряженію великогерцогскаго министерства иностранныхъ дѣлъ) въ Баденъ, въ 8 часовъ утра. Тамъ встрѣча и осмотръ примѣчательностей. Обѣдъ съ кружкой вина можно будетъ имѣть за 1 флоринъ 24 крейцера, въ часъ, въ гостиницахъ Конверзационсъ-гаузъ, Англійской, Европейской, Рейнской, Голландской и Отель Викторія. Прогулка въ Старый замокъ, Эберштейнеровъ замокъ и другіе живописные пункты; для геологической экскурсіи предлагается свои услуги профессоръ Зандбергеръ, для ботанической—Зейбертъ. Въ случаѣ благоприятной погоды, между 4 и 5 часами вечера общество собирается у Старога замка, гдѣ гостепріимство города Бадена озаботится объ удобствахъ и закускѣ для гостей. Вечеромъ, когда стемнѣетъ, общество собирается въ залахъ Конверзационсъ-гауза, которые будутъ, благодаря любезности г. Бензета, освѣщены по-праздничному, и гдѣ гостей встрѣтитъ музыка (Harmonie Musik). Отъездъ ровно въ 10 часовъ.

Понедѣльникъ, 20-го сентября. 1) Засѣданія отдѣленій отъ 8 до 1, а по желанію и послѣ обѣда. 2) Отъ 7 часовъ, согласно любезному предложенію здѣшнихъ клубовъ и собраній, балы въ Музеѣ, Клубѣ Согласія и Мѣщанскомъ Собраніи. Въ 7 часовъ президентъ съ членами комитета и присоединившимися членами и участниками съезда отправятся изъ пріемнаго бюро въ Музей; съ 7½ часовъ въ Согласіе; въ 8 въ Мѣщанское Собраніе.

Вторникъ, 21-го сентября. 1) Засѣданія секцій отъ 8 до 11 часовъ. 2) Послѣ обѣда въ 12½ часовъ врачи собираются на станціи желѣзной дороги для поѣздки въ Иллену, въ сопровожденіи вице-президента доктора Фольда. Отъездъ ровно въ часъ, возвращеніе въ 9½. 3) Прочіе члены и участники отправятся, въ сопровожденіи президента надворнаго совѣтника доктора Эйзендора, въ Дурлахъ.

Среда, 22-го сентября. 1) Засѣданія отдѣленій отъ 8 до 11 часовъ. 2) Третье общее засѣданіе въ 11 часовъ. 3) По предварительному соглашенію, послѣ общихъ собраній, посѣщеніе коллекцій или общія прогулки. 4) Въ 7 часовъ спектакль: *Ифигенія*, опера Глюка.*

Изъ приведенной программы можно уже усмотрѣть, что германскіе съезды имѣютъ главнымъ образомъ характеръ

* По окончаніи спектакля знаменитый Лубихъ водвался въ своей ложѣ и возгласилъ торжественное ура (Hoch) изъ королевскихъ высочествъ, подхваченное всеми присутствовавшими.

праздниковъ науки. Праздники эти весьма шумны, и основатель съездовъ, Окенъ, въ концѣ жизни уклонился отъ нихъ, находя ихъ слишкомъ громкими. Города гдѣ собирались съезды, по мѣрѣ силъ, старались чествовать гостей, и въ 1865 году, на послѣднемъ съездѣ предъ германскою войною, городъ Ганноверъ истратилъ болѣе 2.500 талеровъ на пиръ продолжавшійся нѣсколько часовъ. Громъ военныхъ событій не дозволилъ Обществу собраться въ 1866 году, и слѣдовавшій въ этомъ году сорокъ первый съездъ былъ перенесенъ на 1867 годъ и назначенъ во Франкфуртъ-на-Майнѣ. Приготовленія были въ этотъ разъ весьма скромны; политическія обстоятельства заставили франкфуртскій сенатъ сообщить распорядителямъ съезда, что онъ, къ сожалѣнію, можетъ принести собранію лишь свои добрыя пожеланія. Журналы, въ свою очередь, указывали на излишне пиршественный характеръ собраній какъ на недостатокъ нѣмецкихъ съездовъ. „Съездъ будетъ только въ выгодѣ, писали въ *Allgemeine Zeitung* (№ 235, 23-го August 1867, *Beilage*), если между секціями, на какія раздѣляется собраніе, исчезнетъ отдѣленіе которое иронически зовутъ отдѣленіемъ гастрономіи, и если уменьшится число участниковъ чуждыхъ естественнымъ наукамъ и имѣющихъ въ виду только поспрашивать въ теченіе нѣсколькихъ дней на счетъ городскихъ плательщиковъ податей.“ Газета указывала далѣе на недостатки изданія называемаго *Официальнымъ отчетомъ съезда* (*Amtlicher Bericht*), которое даромъ раздается участникамъ съезда и беретъ изъ небольшого бюджета съезда отъ 500 до 900 талеровъ. „Такъ какъ *Отчетъ* появляется черезъ годъ или позже, то публикуемое въ немъ обыкновенно теряетъ интересъ, ибо заключающіяся въ немъ отдѣльныя сообщенія бывають уже опубликованы другимъ путемъ, въ ученыхъ журналахъ и т. д. Читаются *Отчеты* сравнительно весьма немногими, и крайне рѣдко можно встрѣтить гдѣ-нибудь на нихъ ссылку, тѣмъ болѣе что ихъ нѣтъ въ продажѣ. Въ прежнее время положеніе дѣла было иное, и первый *Отчетъ*, изданный Александромъ Гумбольдтомъ (1828), былъ весьма значительнымъ событіемъ. Теперь условія перемѣнились и, можетъ-быть, можно посоветовать совсѣмъ прекратить изданіе, или, по крайней мѣрѣ, преобразовать его, передавъ въ руки какого-нибудь книгопродавца-издателя, напримѣръ Фивега въ Брауншвейгъ.“ На франкфуртскомъ съездѣ было до 800 участниковъ,

между которыми были прибывшіе изъ „Мексики, Сибири, Риги и Парижа, и двое изъ Казани“. На съѣздѣ особенное вниманіе привлекло и отличалось особенною дѣятельностью отдѣленіе гигиены и народнаго здравія. Прибавимъ въ заключеніе что нѣмецкіе съѣзды не лишены политическаго значенія. „Нигдѣ, сказано въ упомянутой статьѣ *Allgemeine Zeitung*, чувство единства германскихъ отраслей не пришло въ сознаніе съ такою силой какъ въ этихъ собраніяхъ.“

VI.

Англійскіе съѣзды естествоиспытателей начались съ 1831, когда основалось столь славное нынѣ Британское Общество Сопослѣствованія Наукъ (*The British Association for the advancement of science*). Общество, по обычаю Англій, учредилось по частной инициативѣ и на частныя средства. Такова исторія большей части ученыхъ и учебныхъ учрежденій въ странѣ, гдѣ богатый и образованный классъ съ давнихъ поръ отличается готовностью давать средства для осуществленія полезнаго общественнаго предпріятія. Въ шестидесятыхъ годахъ XVII вѣка Общество французскихъ ученыхъ, получившее силу лишь съ того времени когда сдѣлалось правительственнымъ учрежденіемъ и образовало Парижскую Академію наукъ, включило въ свое посланіе къ Лондонскому Королевскому Обществу такія любопытныя строки: „Нѣтъ у насъ (во Франціи) недостатка въ славныхъ мужахъ, готовыхъ дѣятельно работать, но сказать откровенно, нѣтъ у насъ, какъ есть въ счастливой Англій, вельможъ и начальниковъ (*magnates et principes*), которые возбуждали бы въ король любовь къ наукамъ (*regem in amorem studiorum pertrahant*), или сами ими бы занимались. О, вы счастливые!“ (*Birch, History of Royal Society*, т. I, 26). Ту же мысль высказалъ президентъ Французскаго Общества, пріѣзжавшій прибывшаго изъ Лондона полковника Тьюка (*Tuke*), члена Королевскаго Общества. „Президентъ, говорилъ Тьюкъ, оплакивалъ печальное положеніе знати и помѣстнаго дворянства (*nobility and gentry*) ихъ страны, гдѣ люди этихъ классовъ, не будучи въ состояніи удовлетворить расточительность издержекъ доходами съ имѣній, принуждены, если

способны къ дѣлу, искать фортуны или при дворѣ, или въ арміи, или въ управленіи провинціями (governments of province), такъ что не имѣютъ времени развивать умъ наукой и литературой, что порождаетъ большое невѣжество въ средѣ лицъ лучшаго общества и ведетъ къ пренебреженію наукъ.“ Тьюкъ отвѣчалъ: „Знатные и джентльмены нашей страны, имѣя обильные доходы съ имѣній и живя по состоянію, имѣютъ и время, и средства приобрѣтать знанія.“

Въ 1831 году знаменитый физикъ Брюстеръ (Brewster), скончавшійся въ прошломъ году, предложилъ друзьямъ науки, въ письмѣ на имя Философскаго Общества въ Йоркширѣ, соединиться въ сентябрѣ мѣсяцѣ на съѣздъ въ Йоркѣ по образцу того какъ тогда уже нѣсколько лѣтъ дѣлалось въ Германіи. Предложеніе, поддержанное эдинбургскими учеными Робизономъ, Форбесомъ, Джонстономъ и лондонскимъ геологомъ Мурчисономъ, встрѣтило общее сочувствіе. 27-го сентября состоялся первый съѣздъ, привлекшій болѣе трехъ сотъ челоѣкъ, подъ предсѣдательствомъ виконта Мильтона (въ послѣдствіи графа Фицвильяма). Избранный секретаремъ собранія, Вернонъ Гарткуръ (Vernon Hartcourt) напомнилъ цѣль собранія и отъ имени основателей съѣзда предложилъ проектъ учрежденія Британскаго Общества Споспѣшествованія Наукъ. „Мы нуждаемся, сказалъ онъ, въ новомъ Обществѣ, чтобы дать болѣе сильный толчокъ и болѣе систематическое направленіе научнымъ изслѣденіямъ. Не скажу чтобы я вѣрилъ абсолютному пониженію уровня науки въ Англіи (ораторъ напомнилъ то мнѣніе какое раздѣляли многіе извѣстные ученые того времени и которое породило въ 1830 году книгу Баббеджа *Reflections of the decline of science in England*),—какія имена, въ самомъ дѣлѣ, если исключимъ имя Ньютона, можно поставить въ нашей исторіи наравнѣ съ именами Деви, Вульстена, Йонга, которыхъ преждевременную утрату мы оплакиваемъ? Но несомнѣнно, что общій прогрессъ науки не находится у насъ въ соотвѣтствіи съ развитіемъ національнаго благосостоянія. Въ различныхъ мѣстахъ государства существуютъ многочисленныя ученныя общества, они обладаютъ значительными средствами, но они нуждаются въ силѣ которая бы ихъ соединила, въ общемъ направленіи которое повело бы ихъ къ дѣятельному содѣйствію въ разработкѣ обширнаго поля открытій въ его непечатыхъ мѣстахъ.“

Предложенный проектъ былъ принятъ, и Общество учре-

дилось на основаніяхъ, въ главныхъ чертахъ сохранившихся до насъ. Приведемъ его статуты въ томъ видѣ какъ они помѣщаются въ началѣ ежегоднаго отчета Общества. Знакомство съ этими постановленіями лучше всего введетъ насъ во внутреннее устройство знаменитаго учрежденія.

Цѣль Общества. Общество не предполагаетъ заниматься предметами коимъ посвятили себя другія учрежденія. Его предметы слѣдующіе: дать болѣе сильный толчокъ и болѣе систематическое направленіе научному изслѣдованію, содѣйствовать сношеніямъ лицъ занимающихся физическими науками въ различныхъ частяхъ Британской державы другъ съ другомъ и съ иностранными учеными, обратить болѣе общее вниманіе на предметы физическихъ наукъ и устранить всякаго рода общественныя затрудненія препятствующія ихъ успѣху.

Допущеніе членовъ и участниковъ. Всѣ лица бывшія на первомъ собраніи имѣютъ право стать членами Общества по подпискѣ ими обязательства подчиняться его правиламъ.

Товарищи и члены утвержденныхъ литературныхъ и ученыхъ обществъ, издающихъ свои труды въ Британской державѣ, равнымъ образомъ имѣютъ право быть членами Общества.

Должностныя лица и члены совѣтовъ или комитетовъ ученыхъ учреждений, также имѣютъ право быть членами Общества.

Лица не принадлежація къ таковымъ учрежденіямъ могутъ быть избираемы общимъ комитетомъ или совѣтомъ въ пожизненные члены Общества, въ члены платящіе годичные взносы или же въ участники на текущій годъ съ утвержденіемъ ихъ въ этихъ званіяхъ общимъ собраніемъ Общества.

Составъ, взносы и привилегіи Общества. По жизни члены взносятъ при вступленіи десять фунтовъ стерлинговъ. Они получаютъ *безвозмездно* отчеты Общества, какіе выйдутъ послѣ ихъ взноса. Они могутъ быть избираемы во всѣ должности при Обществѣ.

Постоянные члены платятъ при вступленіи два фунта стерлинговъ и въ каждый слѣдующій годъ по одному фунту. Они получаютъ *безвозмездно* отчеты Общества за годъ ихъ вступленія и послѣдующіе годы, пока продолжаютъ *безъ перерыва* свои годичные взносы. Прекративъ взносъ за какой-либо годъ, члены этого класса *утрачиваютъ на сей и всѣ будущіе годы* привилегію получать *gratis* изданія Общества; но они могутъ снова получить званіе члена и другія привилегіи при послѣдующемъ собраніи Общества, внося при каждомъ такомъ случаѣ одинъ фунтъ стерлинга. Они могутъ быть избираемы во всѣ должности при Обществѣ.

Участники на текущій годъ вносятъ при вступленіи одинъ фунтъ стерлинговъ. Они не получаютъ безвозмездно отчетовъ Общества, не могутъ быть избираемы въ комитеты или занимать какую-либо должность въ Обществѣ.

Общество состоитъ изъ членовъ слѣдующихъ классовъ:

1. Изъ пожизненныхъ членовъ, принятыхъ съ 1831 по 1845 годъ включительно, внесшихъ при вступленіи по пяти фунтовъ стерлинговъ на свой паѣ.

2. Изъ пожизненныхъ членовъ съ 1846 и послѣдующихъ годовъ, внесшихъ при вступленіи по десяти фунтовъ стерлинговъ.

3. Изъ постоянныхъ членовъ, принятыхъ съ 1831 по 1839 годъ включительно, съ годичнымъ взносомъ по одному фунту. (Они могутъ возобновлять членскій билетъ послѣ перерыва годичныхъ взносовъ.)

4. Изъ постоянныхъ членовъ, принятыхъ въ одинъ изъ годовъ послѣ 1839, со взносомъ по два фунта въ первый годъ и по одному фунту въ каждый послѣдующій годъ. (Они могутъ возобновлять членскій билетъ послѣ перерыва годичныхъ взносовъ.)

5. Изъ участниковъ на текущій годъ съ уплатой одного фунта.

6. Изъ членовъ-корреспондентовъ по назначенію совѣта.

Члены и участники имѣютъ право на получение ежегоднаго тома отчетовъ Общества *даромъ* или *по пониженнымъ* (или членскимъ) *цѣнамъ* на слѣдующихъ основаніяхъ:

1. *Даромъ*. Прежніе пожизненные члены, внесшіе по пяти фунтовъ стерлинговъ, взаменъ ежегодныхъ взносовъ и, кромѣ того, до 1845 года еще по два фунта въ подписную книжную сумму, а съ 1846 года по пяти фунтовъ въ такую сумму.

Новые пожизненные члены, внесшіе по десяти фунтовъ стерлинговъ взаменъ ежегодныхъ взносовъ.

Постоянные члены, не прекращавшіе ежегодныхъ взносовъ.

2. По *сокращеннымъ* или *членскимъ цѣнамъ*, то-есть за двѣ трети цѣны объявленной для продажи:

Прежніе пожизненные члены, уплатившіе по пяти фунтовъ стерлинговъ взаменъ ежегодныхъ взносовъ, но не внесшіе подписной книжной суммы.

Постоянные члены прекращавшіе ежегодные взносы.

Участники на текущій годъ (пользуются привилегіей только на томъ этого года).

3. Члены могутъ покупать (для пополненія своихъ собраній) какой-либо изъ первыхъ 17-ти томовъ изданій Общества, и *отъ коего остается больше ста экземпляровъ*, за третью продажной цѣны. Съ требованіями слѣдуетъ обращаться письменно къ гг. Тейлору и Франсису въ Лондонѣ.

Взносы принимаются казначеемъ или секретарями Общества.

Собранія. Члены Общества собираются каждый годъ на недѣлю или болѣе. Мѣсто cadaго съѣзда назначается общимъ комитетомъ во время предыдущаго собранія, а устройство его поручается должностнымъ лицамъ Общества.

Общій комитетъ. Общій комитетъ засѣдаетъ во время съезда, для веденія дѣлъ Общества. Онъ состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ:

1. Президентовъ и должностныхъ лицъ за настоящей и предшествующій годъ и авторовъ отчетовъ въ изданіяхъ Общества.

2. Членовъ сообщившихъ какую-либо записку одному изъ ученыхъ обществъ, которая была напечатана въ его изданіяхъ и которая относится къ такимъ предметамъ какіе принимаются въ соображеніе въ собраніяхъ отдѣловъ Общества.

3. Должностныхъ лицъ или делегатовъ отъ обществъ печатающихъ свои труды, но не болѣе трехъ отъ каждаго.

4. Должностныхъ лицъ или делегатовъ, не болѣе трехъ, отъ ученыхъ учрежденій находящихся въ мѣстѣ съезда или въ какомъ-либо мѣстѣ гдѣ прежде собирались члены Общества.

5. Иностранцевъ и другихъ лицъ, коихъ содѣйствіе желательно и которые специально назначаются для собранія текущаго года президентомъ и общими секретарями.

6. Изъ президентовъ, вице-президентовъ и секретарей отдѣловъ, которые, *ex officio*, состоятъ членами и Общаго Комитета въ данное время.

Комитеты отдѣловъ. Общій Комитетъ въ каждый съездъ назначаетъ комитеты отдѣленій, состоящіе каждый изъ членовъ наиболѣе знакомыхъ съ отдѣльными отраслями знанія, для совѣщанія о споспѣшествованіи оныхъ.

Эти комитеты имѣютъ сообщать доклады о томъ какіе предметы для изслѣдованія они въ особенности рекомендуютъ для занятій въ текущемъ году и для разсмотрѣнія на слѣдующемъ съездѣ.

Комитеты предлагаютъ также составленіе отъ времени до времени свѣдущими лицами отчетовъ о положеніи и успѣхахъ отдѣльныхъ наукъ для сообщенія ихъ на годовичныхъ съездахъ Общества.

Комитетъ Предложеній („Committee of recommendations“). Общій Комитетъ назначаетъ при каждомъ съездѣ особый комитетъ который долженъ принимать и разсматривать предложенія комитетовъ отдѣловъ и докладывать Общему Комитету о мѣрахъ которыя они совѣтуютъ принять для споспѣшествованія наукъ.

Всѣ предложенія о назначеніи денежныхъ суммъ, просьбы о специальныхъ изысканіяхъ и отчеты о научныхъ предметахъ имѣютъ поступать въ Комитетъ Предложеній и не будутъ принимаемы въ соображеніе Общимъ Комитетомъ иначе какъ по предварительной рекомендаціи Комитета Предложеній.

Мѣстные комитеты. Мѣстные комитеты устраиваются должностными лицами Общества для содѣйствія въ различныхъ приготовленияхъ для съездовъ.

Мѣстные комитеты имѣютъ право принимать въ свою среду тѣхъ членовъ Общества коихъ содѣйствіе имъ желательно.

Должностныя лица. Президентъ, два вице-президента или болѣе, одинъ или нѣсколько секретарей и казначей каждый годъ назначаются Общимъ Комитетомъ.

Совѣтъ. Въ промежуточное время между собраніями дѣла ведетъ совѣтъ, назначаемый Общимъ Комитетомъ. Совѣтъ можетъ также собираться для рѣшенія дѣлъ и во время недѣли сѣзда.

Записки и сообщенія. Авторъ какой-либо записки или сообщенія воленъ сохранить свое право собственности на нихъ.

Отчеты. Отчеты Общества ежегодно разсматриваются аудиторамъ (Auditors) назначаемыми собраніемъ.

Чтобы дать понятіе о распредѣленіи занятій во время британскихъ сѣздовъ приведемъ программу общихъ засѣданій сѣзда въ Донди въ 1867 году:

„Въ среду, 4-го сентября, въ 8 часовъ пополудни, въ Кинайрдъ-Галль (Kinraid-Hall), сэръ-Робертъ Мурчисонъ, вице-президентъ, въ отсутствіи президента Уильяма Грова, эсквайра, передастъ президентскую должность его свѣтаости герцогу Боккю (Buccleuch), который войдетъ на каедру и прочтетъ рѣчь (address).

„Въ четвергъ, 5-го сентября, въ 8 часовъ пополудни, *evening* (Soirée) въ Волонтерской залѣ (Volunteers' Hall).

„Въ четвергъ вечеромъ, 5-го сентября, въ Кинайрдъ-Галль, профессоръ Тиндаль прочтетъ лекцію „О матеріи и силѣ“ для рабочихъ классовъ въ Донди.

„Въ пятницу вечеромъ, 6-го сентября, въ 8½ часовъ, въ Кинайрдъ-Галль, Арчибальдъ Геіке (Archibald Geikie), эсквайръ, прочтетъ лекцію „О геологическомъ происхожденіи нынѣшняго вида Шотландіи“.

„Въ понедѣльникъ вечеромъ, 9-го сентября, въ 8½ часовъ, въ Кинайрдъ-Галль, Александръ Гершель, эсквайръ, прочтетъ лекцію „О современномъ состояніи нашихъ свѣдѣній о метеорахъ и метеоритахъ“.

„Во вторникъ, 10-го сентября, въ 8 часовъ пополудни, *evening* (Soirée) въ Волонтерской залѣ.

„Въ среду, 11-го сентября, въ 3 часа пополудни, общее заключительное засѣданіе, отчетъ Общаго Комитета и назначеніе суммъ на ученые труды.“

Мы видимъ что въ настоящее время на англійскихъ сѣздахъ нѣтъ общихъ засѣданій въ томъ смыслѣ какъ они существуютъ въ Германіи (и входятъ въ обычай у насъ), то есть въ смыслѣ собраній на которыхъ говорятся популярныя рѣчи о научныхъ предметахъ общаго интереса. Такія собранія въ Англійи замѣняются отчасти публичными чтеніями, обыкновенно съ богатою экспериментальною обстановкой,

и вечерами (soirées) съ выставкой замѣчательныхъ предметовъ, показаніемъ новыхъ инструментовъ, любопытными опытами и т. под.

Ежегодное изданіе Общества носить имя *Отчета о сѣздѣ Британскаго Общества Споспѣшествованія Наукъ* (Report of the meeting of the British Association for the advancement of science). Изданіе раздѣляется на три отдѣла: въ первомъ излагаются правила Общества, свѣдѣнія и дѣловые отчеты о его состояніи въ данный годъ и рѣчь президента; во второмъ помѣщаются *ученые отчеты* комиссій и отдѣльных членовъ; въ третьемъ—рѣчи президентовъ отдѣленій и краткія извлеченія изъ сообщеній дѣланныхъ на засѣданіяхъ отдѣленій. Въ заключеніе прилагается списокъ членовъ. *Ученые отчеты* составляютъ замѣчательную особенность Общества. Съ ихъ происхожденіемъ и характеромъ, какой они приняла съ первыхъ же лѣтъ Общества, мы лучше всего можемъ ознакомиться изъ рѣчи профессора Форбеса, произнесенной на сѣздѣ 1834 года въ Эдинбургѣ. Скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ сѣздѣ, обстоятельное описаніе котораго находимъ въ *Отчетѣ о четвертомъ сѣздѣ Общества*.

VII.

Сѣздъ открылся 8-го сентября. На собраніе сѣхалось болѣе членовъ чѣмъ на предшествовавшіе сѣзды,* но благодаря заботамъ секретарей и мѣстнаго комитета, ходъ занятій отличался большимъ порядкомъ и удобствомъ. Всѣ общественныя учрежденія столицы Шотландіи были открыты для Общества. Общій комитетъ засѣдалъ въ залѣ собраній Королевскаго Общества; собранія отдѣленій были распредѣлены въ классныхъ комнатахъ университета; собранія всѣхъ членовъ Общества происходили въ комнатахъ Городскаго Собранія и въ залѣ бібліотеки коллегіи.

Первое общее засѣданіе происходило въ понедѣльникъ 8-го сентября, въ восемь часовъ вечера, въ большой залѣ Городскаго Собранія. Президентъ предыдущаго года, профессоръ Седжвикъ, сказалъ нѣсколько словъ объ успѣхахъ Общества.

* Число рожденных билетовъ было 1.298.

Онъ поздравилъ его съ увеличеніемъ числа членовъ, собравшихся въ мѣстѣ дорогомъ для всѣхъ любителей знанія по столькимъ пріятнымъ и возвышеннымъ воспоминаніямъ, въ особенности по воспоминаніямъ о великихъ людяхъ которые были здѣсь воспитаны или явились здѣсь на свѣтъ. Онъ упомянулъ что въ числѣ лицъ собравшихся изъ разныхъ странъ на этотъ ученый съѣздъ пріятно было видѣть и встрѣтить знаменитое имя Араго, непремѣннаго секретаря французскаго Института. „Встрѣчаться, сказалъ онъ, съ такими людьми, дышать съ ними одною атмосферой, раздѣлять одинаковыя съ ними чувства, наслаждаться ихъ бесѣдой и имѣть возможность пріобрѣсти ихъ дружбу, — вотъ великія преимущества такихъ обществъ какъ Британское.“ Затѣмъ (онъ коснулся вопроса о той силѣ, которою Общество послужило движенію науки, и отвѣчалъ на этотъ вопросъ) что эта сила есть сила соединенія: какъ слабъ человекъ для всякаго дѣла, говорилъ онъ, когда стоитъ одинъ, такъ, напротивъ, онъ становится сильнѣе, соединяясь съ своими товарищами. Можетъ-быть и справедливо что величайшія философскія творенія были исполнены въ уединеніи; но не менѣе справедливо и то что эти творенія никогда не были бы совершенны, еслибъ ихъ авторы не были въ сообщеніи съ людьми одинаковыхъ занятій и не пользовались ихъ содѣйствіемъ. Такому-то обмѣну идей они часто бывали обязаны зародышами своихъ, повидимому, отдѣльныхъ открытій, и безъ такой взаимной помощи они рѣдко имѣли бы возможность доводить свои изслѣдованія до какого-нибудь цѣннаго результата.

Затѣмъ, послѣ небольшой рѣчи новаго президента, сэръ-Томаса Брисбена, старшій секретарь собранія сообщилъ о принятомъ для настоящаго собранія ходѣ занятій. Главное отличіе отъ занятій прежнихъ собраній заключалось въ томъ что рѣшено было посвятить исключительно утренніе часы за сѣданіямъ отдѣленій и ихъ комитетовъ, и вообще занятіямъ подробностями научнаго дѣла. Общія же собранія назначены по вечерамъ, въ восемь часовъ. На нихъ секретари каждаго комитета будутъ сообщать краткій перечень занятій происшедшихъ въ ихъ отдѣлахъ, и за этими сообщеніями должны слѣдовать какія-либо научныя изложенія популярнаго характера избираемыя для вечернихъ собраній.

Заимствуемъ изъ рѣчи профессора Форбеса, бывшаго вторымъ секретаремъ эдинбургскаго комитета, слѣдующее мѣсто, рѣзкими чертами изображающее характеръ Общества:

„Британское Общество, сказалъ онъ, можно назвать единственнымъ въ своемъ родѣ. Его не слѣдуетъ смѣшивать съ тѣми многочисленными и процвѣтающими учрежденіями которыя возникли, особенно въ послѣдніе годы, съ цѣлью только разлитія научныхъ истинъ. Такое *разлитіе*, собственно говоря, не заключаетъ въ себѣ необходимымъ образомъ попытки къ ихъ *расширенію* или собиранію; если оно во многихъ случаяхъ содѣйствуетъ такому расширенію, то вовсе не непосредственно, и нѣтъ сомнѣнія, что иногда оно имѣетъ противоположное свойство. Умственное богатство человечества столь же мало увеличивается этою работой, какъ вѣсь драгоценнаго металла въ рукахъ золотыхъ дѣлъ мастера. Послѣдній можетъ дать ему лучшій видъ для глаза и достигнуть болѣе удобнаго примѣненія его къ потребностямъ жизни; но для дѣйствительнаго увеличенія матеріала, который потомъ можетъ быть легко и скоро обработанъ руками тысячи работниковъ, мы должны обратиться къ рудокопу трудящемуся въ своемъ одинокомъ подземельѣ и къ работнику тяжкимъ трудомъ извлекающему драгоценныя крохи со дна потока. Поощреніе этого вида производительной энергіи ставить своимъ главнымъ предметомъ Британское Общество. Распространеніе вкуса къ научнымъ занятіямъ между его многочисленными членами есть, безъ сомнѣнія, также одно изъ необходимѣйшихъ и желательнѣйшихъ послѣдствій началъ, на коихъ оно основано; но это не главная его цѣль. Поучать тѣхъ чѣмъ никогда не занимались естествознаніемъ иначе какъ въ видѣ случайной забавы; дать имъ почувствовать что для нихъ открыто поле которое завтра они могутъ назвать своимъ; ссужать ихъ такою помощью чтобы содѣйствовать успѣху ихъ усилій, устраняя предварительныя затрудненія и указывая на существующую границу между извѣстнымъ и невѣдомымъ; поощрять эти усилія и усилія другихъ уже до нѣкоторой степени ознакомившихся съ трудами и результатами умственной работы, давая имъ возможность въ каждомъ отдѣлѣ встрѣчаться съ ветеранами,—которые уже приобрѣли и продолжаютъ приобретать величайшія награды даруемая изслѣдованіемъ природы, которые укажутъ методы

коимъ они сдѣлавали, неудачи которыя они встрѣчали и затрудненія которыя преодолевали; доставлять такимъ образомъ удовольствіе которое ощущаетъ всякій возвышенный умъ въ личномъ общеніи съ людьми ознаменовавшими себя умственными подвигами, и въ то же время доставлять такое поученіе и такое поощреніе къ подобнымъ же занятіямъ, какія могутъ быть переданы только словами и одними словами, — вотъ цѣли которыя предположены для достиженія при учрежденіи нашего Общества.

Общества для развитія естествознанія существуютъ уже около двухъ столѣтій, и они много сдѣлали для прогресса науки, такъ же какъ и для пробужденія болѣе общаго интереса къ занятію ею. Они были превосходно приспособлены къ эпохѣ ихъ учрежденія, когда трудности обыкновенныхъ сообщеній и недостатокъ научныхъ журналовъ дѣлали Лондонское Королевское Общество великимъ центромъ научныхъ свѣдѣній, гдѣ повторялись новыя опыты, гдѣ обсуждались новыя теоріи, чьи изданія, такъ же какъ изданія другихъ европейскихъ академій, — богатыя литературными сокровищами, которыя Гукъ, Вренъ (Wren), Бойль, Лейбницъ и Бернулли любили выставлять на показъ и которыя одинъ Ньютонъ любилъ скрывать, — были курьерами разносившими по Европѣ извѣстія о рядѣ умственныхъ побѣдъ этого могучаго вѣка. Однакоже, рѣдко даже и тогда, а еще рѣже въ послѣднее время пытались эти общества руководить въ какомъ-либо специальномъ направленіи изысканіями своихъ членовъ или образовать какую-либо школу знанія для посвященія въ тайны науки новыхъ изслѣдователей. Образование такихъ школъ учениковъ добровольно устраивавшихся при какомъ-нибудь славномъ ученомъ выводится и на континентъ; между тѣмъ какъ совершенное отсутствіе чего-либо подобнаго въ нашей странѣ и недостатокъ темъ для соисканія тѣхъ почетныхъ наградъ, которыя отъ времени до времени предлагались учеными обществами всѣхъ странъ и которыя иногда напрягали всѣ усилія какого-либо гениальнаго ума для рѣшенія особенно затруднительнаго вопроса предложеннаго на соисканіе, неизбежно породили въ ученомъ мірѣ Британіи еще большее отсутствіе совокупной, систематической дѣятельности людей науки чѣмъ въ другихъ странахъ, не превосходящихъ нашу въ политическомъ значеніи.

„Собирающіяся на съезды ученые общества Германіи и Швейцаріи, коимъ, какъ мы съ благодарностью признаемъ, обязано своимъ началомъ и наше британское учрежденіе, обнимаютъ лишь одну сторону дѣятельности характеризующей наше Общество. Ихъ цѣль была просто содѣйствовать взаимному общенію между учеными людьми и развивать вкусъ къ занятіямъ наукой. Общества эти не имѣютъ постояннаго существованія, не имѣютъ круга дѣятельности внѣ того времени когда ихъ члены разъ въ годъ собираются вмѣстѣ; они не смотрятъ на прошедшее и не пекутся о будущемъ; они только принимаютъ и рассматриваютъ тѣ сообщенія которыя имъ доставляетъ ревность ихъ членовъ. Такимъ образомъ предположено было и наше Общество, въ подраженіе иностраннымъ съездамъ; но въ послѣдствіи была принята болѣе широкая цѣль, и рѣшено учредить постоянное Общество, для коего годовые съезды должны быть только собраніями членовъ, но которое особенными, ему свойственными средствами и вліаніемъ [продолжало]бы дѣйствовать и въ промежутки этихъ годовыхъ собраній и стремилось бы сообщить движеніе каждой части научной системы, упрочивать научныя предпріятія и направлять труды потребныя для открытій....

„Если мы теперь обратимся отъ цѣлей къ дѣйствіямъ Общества, то найдемъ пріятное подтвержденіе того что эти замыслы не были химерой, и что первоначально придуманный [механизмъ] не страдалъ недостаткомъ жизненности и прочности. [Первое и самое явное подтвержденіе которое мы можемъ привести есть составленіе этихъ „отчетовъ объ успѣхахъ наукъ“, которое оказалось одною изъ важнѣйшихъ цѣлей нашего учрежденія и котораго, безъ сомнѣнія, не могло бы исполнить ни одно существующее общество. Пригласить людей, для коихъ время имѣетъ дорогую цѣну, посвятить это время такому трудному занятію какъ то которое требовалось для систематическаго и точнаго описанія недавнихъ успѣховъ наукъ коими они занимаются, значило заявлять требованіе, смѣлость котораго могутъ оцѣнить только тѣ кто испытали трудъ собранія разбросанныхъ, хотя часто глубокомысленныхъ статей по множеству ученыхъ журналовъ и академическихъ сборниковъ. Но такъ очевидна была польза предположеннаго, что съ самаго начала Общества

нашаось нѣсколько извѣстныхъ лицъ, главнымъ образомъ изъ Кембриджскаго университета, которыя даже не присутствовали на первомъ митингѣ, но которыя добровольно предприняли составить нѣкоторые изъ отчетовъ появившихся въ первомъ томѣ изданій Общества.... Отчеты эти совершенно отличны отъ краткихъ систематическихъ трактатовъ о научныхъ предметахъ коими преизобилуетъ литература. Они не предназначены для общаго круга читателей; они не имѣютъ цѣлью излагать популярно техническіе предметы. Ихъ главною цѣлью было изложить сдѣланныя открытія въ такомъ порядкѣ чтобы руководить человѣка, который уже приготовленъ справляться съ затрудненіями, въ приобрѣтеніи полнаго и точнаго знанія всего что уже сдѣлано по какой-нибудь отдѣльной наукѣ. Они не должны были содержать всѣ эти свѣдѣнія, но служить только критическимъ каталогомъ для нихъ, съ яснымъ анализомъ и подборомъ. Въ то же время они должны были указывать на важнѣйшіе вопросы остающіеся для разрѣшенія помощію опыта, или помощію математическихъ изысканій.“

Кромѣ отчетовъ объ успѣхахъ науки составленныхъ отдѣльными лицами, въ изданіи Общества, особенно въ послѣдніи годы, встрѣчаемъ многочисленные отчеты комиссій Общества, принявшихъ на себя изслѣдованіе различныхъ научныхъ вопросовъ. Таковы, напримѣръ, лунный комитетъ, занимающійся составленіемъ обширной и точной карты луны; комитетъ изслѣдованія Кентскихъ пещеръ; комитетъ метеоровъ; комитетъ по вопросу о дождѣ; комитетъ по вопросу объ однообразіи вѣсовъ и мѣръ; комитетъ по вопросу объ единицѣ электрическаго сопротивленія, и т. д. По мѣрѣ расширенія полезной дѣятельности Общества, увеличивалось и его значеніе въ странѣ, и приобрѣталъ силу его голосъ. Общество имѣетъ нынѣ особую „парламентскую комиссію“, на обязанности которой лежитъ формулировать мнѣніе Общества по законодательнымъ вопросамъ касающимся ученыхъ и учебныхъ учрежденій Британіи. Возбужденный въ послѣдніе годы вопросъ о расширеніи учебнаго плана англійскихъ школъ (донынѣ ограничивавшагося исключительно древними языками и математикой) чрезъ включеніе въ него, подобно тому какъ давно существуетъ въ Германіи и Франціи, физики и нѣкоторыхъ другихъ отраслей естествознанія,

нашел энергическую поддержку въ Британскомъ Обществѣ, назначившемъ для обсуждения его особую комиссію, докладъ которой напечатанъ въ отчетѣ о съездѣ въ Дюнди въ 1867 году.

VIII.

Пожизненные и ежегодные членскіе взносы, въ обиліи притекающіе въ кассу Общества, дѣлають его учрежденіемъ владѣющимъ большими средствами, которыя оно употребляетъ на развитіе и поощреніе ученыхъ трудовъ. Характеристику этой стороны дѣятельности Общества находимъ въ президентской рѣчи знаменитаго Юэлла (Whewell) произнесенной имъ на съездѣ 1841 года въ Плимутѣ. Приводимъ изъ нея слѣдующій отрывокъ.

„Вы помните, можетъ-быть, говорилъ Юэллъ, замѣчательную картину *Новой Атлантиды* великаго Бекона. Воображаемый учитель, котораго онъ представляетъ намъ какъ одного изъ мудрецовъ этой утопической области, описываетъ любознательному путешественнику учрежденіе, которое онъ называетъ *Соломоновымъ домомъ*, и которое есть нѣчто въ родѣ коллегіи для дѣланія открытій. Объ этомъ учрежденіи онъ говоритъ: „Цѣль нашего учрежденія есть познаніе причинъ и тайныхъ двигателей вещей и расширеніе границъ человѣческой власти для совершенія возможныхъ вещей“. Какъ отдѣльныя части этого зданія имъ описываются подземелья и колодцы, комнаты и башни, бани и сады, парки и пруды, лабораторіи и кузницы, и многія другія приспособленія для опыта и изслѣдованія. Есть также различныя классы лицъ занимающихся въ этой коллегіи, и которыхъ, по ихъ занятіямъ, онъ называетъ нѣсколько фантастическими именами: *продавцовъ съта, таинственныхъ людей, почитателей, пионеровъ или копателей, составителей, даятелей или благодѣтелей, свѣтильниковъ, прививателей* и, наконецъ, *толкователей природы*, которые возводятъ истины опыта въ общіе законы—высочайшую форму человѣческаго знанія. И другіе писатели изображали въ различныхъ видахъ нѣчто въ родѣ такихъ же представленій. Но вы, можетъ-быть, скажете что всѣ эти представленія не болѣе какъ мечты. Подобное учрежденіе существуетъ-де

только въ утопіи; оно никогда не было мыслимо какъ дѣйствительность. Правда, оно идеально, такъ же какъ и всѣ высшія формы человѣческихъ учрежденій идеальны. Оно утопично, какъ утопична совершенная монархія въ совершенствѣ управляемая. Но если мы вообразимъ себѣ совершенную монархію, гдѣ государь имѣеть неограниченную власть, которою онъ пользуется вполнѣ мудро и справедливо, между тѣмъ какъ средства его государства обширны, а нація по своему характеру просвѣщенна и прогрессивна, то не должны ли мы включить въ такую утопію коллегію открытій? Безъ всякаго сомнѣнія, представляя себѣ въ воображеніи *Новую Атлантиду*, мы должны также помѣстить въ ней и *Соломоновъ домъ*. Вы опять скажете мнѣ что все это мечта, и съ какой стати прельщать свои умы подобными пустыми картинами недосягаемаго блага? Нѣкоторые изъ васъ, хорошо знающіе для чего служатъ въ существѣ человѣка воображеніе и надежда,—смысловое воображеніе и благородная надежда,—уже отвѣтили на этотъ вопросъ въ своемъ собственномъ сердцѣ. Къ чему служатъ идеальныя картины предметовъ которыя стремятся возвысить и улучшить положеніе человѣка? Къ тому, что если мы обойдемся безъ нихъ, то положеніе человѣка съ тѣмъ вмѣстѣ понижается, и онъ не имѣеть болѣе цѣли. Онъ служитъ къ тому чтобы возносить наши мысли и пробуждать нашу дѣятельность, такъ чтобы мы могли становиться мудрѣе, и лучше, и благороднѣе чѣмъ мы были. Новое ли это ученіе? Благодаря Богу, въ нашей странѣ, по крайней мѣрѣ, оно давно уже привилось къ человѣческому уму, было примѣняемо на практикѣ и сопровождалось самыми благотѣльными и славными послѣдствіями. Бросимъ взглядъ на другіе предметы, весьма отличные отъ увеличенія знаній, и мы легко усмотримъ дѣйствіе этого ученія. Не трудно видѣть въ какой формѣ можемъ мы чаять найти его проявленіе. Ибо если мы представляемъ себѣ утопію совершеннаго правительства, то въ ней *Соломоновъ домъ* будетъ не единственное идеальное учрежденіе. Въ такой странѣ правосудія, мудрости и религіи мы должны имѣть коллегію для распространенія правосудія, мудрости и религіи по земной поверхности. Мы должны имѣть коллегію для обученія бѣдныхъ, коллегію для исправленія порочныхъ, коллегію для упраздненія рабства, коллегію для разлитія христіанства по земному шару. Подобныя коллегіи

должны быть въ нашей утопіи. Но самой утопіи нѣтъ. И что же? Приходимъ ли мы поэтому въ отчаяніе относительно достиженія этихъ великихъ цѣлей? Воздыхаемъ ли мы при мысли что всѣ эти предполагаемыя блага одна только мечта? Скорбимъ ли мы о томъ что не живемъ въ абсолютной монархіи, гдѣ мудрость монарха, опираясь на неограниченную власть, могла бы вызвать къ существованію эти благодѣтельные учрежденія? Приходимъ ли мы въ отчаяніе относительно этихъ великихъ и благихъ цѣлей, потому что мы живемъ въ обществѣ гдѣ люди дѣйствуютъ каждый для самого себя, не принуждаемые верховною властью? Бросаемъ ли мы наши идеи потому что ихъ едва ли можетъ привести къ осуществленію вся сила государства? Такъ ли мы поступаемъ, или совсѣмъ иначе? Мы дѣйствуемъ совершенно иначе. Мы крѣпко держимся въ нашихъ мысляхъ за наши идеи о высшемъ и лучшемъ. Но чувствуя себя свободными и считая нашимъ достославнымъ правомъ дѣйствовать какъ люди свободные, мы стремимся осуществить наши идеи не силою государства, а тою силою которая относительно такихъ предметовъ представляетъ собою убѣжденіе націи, силою свободного товарищества. Такимъ образомъ мы имѣемъ не государственныя коллегіи, а свободныя общества для обращенія въ христіанство язычниковъ, для просвѣщенія людей нечестивыхъ, для исправленія порочныхъ; мы имѣемъ и свободное общество для упраздненія рабства, до тѣхъ поръ пока принципъ свободного товарищества въ этомъ случаѣ, благодаря Бога, исполнилъ свое дѣло до конца, убѣдивъ государство взять въ свои руки и привести въ исполненіе великую цѣль къ которой стремилось свободное общество съ самаго основанія. Къ какому же заключенію приходимъ мы, испытывая духъ нашей страны какъ онъ проявляется въ ея напряженной дѣятельности и славныхъ подвигахъ и сопоставляя то что видимъ съ благородѣйшими идеальными стремленіями величайшихъ философовъ міра? Мы приходимъ къ заключенію, относительно учрежденія имѣющаго свою цѣлью расширить предѣлы человѣческаго знанія, что мы должны осуществить нашу идею тѣмъ же самымъ способомъ какимъ старались осуществить на практикѣ и наши другія идеи. Что въ совершенной монархіи было бы сдѣлано журдымъ государемъ, мы должны исполнить свободными усиліями. Въсто Соломонова дома содержимаго государствомъ мы

должны имѣть британскую ассоціацію содержимую нами самими. Британское Общество теперь уже десять лѣтъ исполняло обязанность такого учрежденія о которомъ мы говорили. Значительныя суммы собранныя изъ приношеній его членовъ и затраченныя подъ его руководствомъ были употреблены на то чтобы вызывать и повѣрять открытїя. Правда, мы не пробовали возводить такія зданїя или дѣлать такія приспособленїя для дѣлей опыта какія изображаетъ Беконъ въ своей картинѣ. У насъ опыты производились въ кузницахъ и на заводахъ, на желѣзныхъ дорогахъ и каналахъ, въ рудоконьяхъ и гаваняхъ, надъ паровозами и пароходами, въ такихъ размѣрахъ коихъ не могло бы надѣяться достигнуть никакое учрежденіе, какъ бы ни было оно велико, но которые были для насъ возможны вслѣдствіе просвѣщенной щедрости и ревности къ наукѣ владѣльцевъ и управителей этихъ орудїй нашихъ изысканїй. У насъ не было профессоровъ различныхъ классовъ, преподающихъ искусство открытїй. Мы не старались образовывать классы таинственныхъ людей и даятелей, собирателей фактовъ и толкователей природы, но мы нашли даровитѣйшихъ и знаменитѣйшихъ воздѣлывателей науки въ нашей собственной странѣ и нѣсколькихъ таковыхъ въ другихъ странахъ, охотно готовыхъ предпринять для насъ обязанность изслѣдовать и толковать природу, расширять и примѣнять знанїе. Никакое учрежденіе, какъ бы ни было оно устроено, не могло бы надѣяться завербовать въ свои дѣятельныя члены такой строй ученыхъ какой съ радостью явился работать для насъ; свободно давая намъ содѣйствїе своихъ способностей и своего искусства, математики, астрономы, геологи, химики, естествоиспытатели, прославившіеся во всей Европѣ, исполняли наши порученїя съ такою же рачительностію какъ еслибъ они были ихъ собственныя любимыя изысканїя; и мы пользовались такимъ содѣйствїемъ опытовъ и вычисленїй, наблюденїй и сообщенїй, какое могло бы удовлетворить желанїямъ самого Бекона. Чтобы не ограничиваться одними общими воззрѣнїями, я упомяну о нѣкоторыхъ суммахъ издержанныхъ Обществомъ на научныя изысканїя. Принимая въ соображеніе что эти суммы были издержаны подъ руководствомъ и бдительнымъ контролемъ такихъ людей о которыхъ я говорилъ, мы можемъ считать ихъ итогомъ услугъ оказанныхъ наукѣ нашимъ Обществомъ. Въ первые три года суммы издержанныя такимъ образомъ были не велики, такъ какъ Общество глав-

нымъ образомъ занималось собираніемъ свѣдѣній которыя могли дать направленіе его будущимъ дѣйствіямъ. Въ четвертый годъ было издержано 167 фунтовъ стерлинговъ, и съ этого времени суммы стали быстро возрастать. Въ пятый годъ было издержано почти 500 фунтовъ; въ шестой и седьмой годъ почти по 1.000 фунт. въ каждый; въ восьмой и девятый годъ болѣе чѣмъ по 1.500 фунт. въ каждый, а въ прошедшемъ году мы издержали указаннымъ образомъ 1.240 фунт. стерлинговъ. И эти цифры, замѣтите, суть только часть разрѣшенныхъ суммъ. Въ Ливерпулѣ, въ 1837 году, было разрѣшено издержать болѣе 3.000 фунт., изъ коихъ употреблено было только 1.000; въ Ньюкаслѣ была разрѣшена сумма въ 3.700 фунт., и уплачено изъ нея только 1.600; въ Бермингемѣ разрѣшено 2.800 фунт. и уплачено 1.500; въ Глазго въ прошедшемъ году разрѣшена была сумма 2.600 фунт., и изъ нея, какъ я сказалъ, нашъ казначей уплатилъ 1.240 фунт.“

Дополнимъ картину представленную Ювелломъ. Въ 1842 году Общество употребило на ученые труды 1.449 фунтовъ стерлинговъ, въ 1843—1.565 фунтовъ; съ 1844 по 1853 годъ—4.386 фунтовъ; съ 1854 по 1863 годъ—8.659 фунтовъ; въ 1864—1.289 фунтовъ, въ 1865—1.591 фунтъ, въ 1866 году 1.750 фунтовъ и въ 1867 году 1789 фунтовъ. Всего въ тридцать три года своего существованія Общество употребило на пользу науки болѣе 29.000 фунтовъ стерлинговъ (до 200 тысячъ руб. сер.). Метеорологическая обсерваторія въ Кью, едва ли не первая въ мірѣ, сдѣлавшаяся нынѣ центральной обсерваторіей Британіи, основана (1843) на средства Общества и ими поддерживается, получая въ послѣдніе годы по 600 фунтовъ ежегодно.

IX.

Съездъ Британскаго Общества въ августѣ прошлаго 1868 года былъ въ Норвичѣ. Заимствуемъ изъ англійскихъ газетъ нѣсколько свѣдѣній объ этомъ собраніи. Свѣдѣнія эти позволяютъ намъ еще ближе ознакомиться съ жизнью славнаго англійскаго учрежденія.

Общее собраніе для выслушанія вступительной рѣчи президента происходило 20-го августа въ гимнастической залѣ

Норвича. Присутствовавшихъ было около 2.000 человекъ, включая весьма значительное число дамъ которыя, повидимому, весьма интересовались всѣмъ что слышали. Сама зала не отличалась особеннымъ убранствомъ. Вдоль простой кирпичной стѣны были разставлены красивыя знамена съ именами покойнаго принца Альберта и лицъ посвятившихъ себя наукѣ которыя въ теченіе 38 лѣтъ со времени учрежденія Общества поочередно исполняли должность президента. Съ потолка висѣли въ изобиліи флаги, которые, вмѣстѣ съ упомянутыми знаменами, изящными костюмами дамъ и ослѣпительнымъ газовымъ свѣтомъ, представляли привлекательную и оживленную сцену. На верхнемъ концѣ залы была воздвигнута возвышенная платформа, на которой помѣщались прошлогодній президентъ герцогъ Бокклю, графъ Лейчестеръ, намѣстникъ Норфокскаго графства, г. Кольманъ, меръ города Норвича, г. Фичъ, норвичскій шерифъ, вновь избранный президентъ докторъ Гукеръ и значительное число извѣстныхъ ученыхъ. Занявъ президентское мѣсто, Гукеръ произнесъ свою рѣчь, въ которой особенное вниманіе обратили на себя его мысли о лучшемъ устройствѣ естественноисторическихъ коллекцій и музеевъ и блестящій очеркъ ученія Дарвина. На другой день начались засѣданія отдѣленій, по обычаю, также рѣчами ихъ предсѣдателей. Предсѣдателями восьми отдѣленій Общества на сѣздѣ въ Норвичѣ были: отдѣленія А, физическихъ наукъ—Тиндаль (большая часть его замѣчательной рѣчи была приведена въ № 9 *Русскаго Вѣстника* прошлаго года, вмѣстѣ съ извлеченіемъ изъ рѣчи Гукера); отдѣленія В, химическихъ наукъ—Франкландъ; отдѣленія С, геологіи—Годвинъ Аустинъ (Godwin Austin); отдѣленія D, биологіи—Беркелей (Berkeley); отдѣленія E, географіи и этнологіи—капитанъ Ричардсъ; отдѣленія F, политической экономіи и статистики—Самуель Броунъ; отдѣленія G, наукъ техническихъ—Биддеръ. Публичныхъ чтеній въ Норвичѣ была два: Гексли (Huxley) „О кускѣ мѣла“ и Ольдингга „Прямое и обратное химическое дѣйствіе“.

21-го августа было устроено большое вечернее собраніе въ залѣ Св. Андрея, и несмотря на неблагоприятную погоду, число собравшейся публики было весьма велико. Зала Св. Андрея весьма обширна и имѣетъ видъ какъ будто она когда-то была церковью. Въ послѣднее время она была возстановлена и значительно украшена, и вокругъ нея развѣшена

прекрасная коллекція портретовъ знаменитостей города Норвича и Норфокскаго графства и нѣсколько картинъ историческаго содержанія. Множество флаговъ были изящно расположены группами, а трофеи и знамена были помѣщены въ удачно выбранныхъ мѣстахъ. На эстрадѣ помѣщался оркестръ, исполнявшій избранныя піесы оперной и классической музыки. На столѣ поставленномъ выше оркестра были расположены драгоценныя и роскошныя регалии корпорацій города Норвича, а рядомъ, на другомъ столѣ, находился аппаратъ, выставленный директоромъ монетнаго двора, докторомъ Грагамомъ, и представляющій послѣдній триумфъ науки. Аппаратъ этотъ есть то что извѣстно въ наукѣ подъ именемъ вольтаметра, но отрицательный электродъ въ немъ сдѣланъ изъ полосы палладія. Когда онъ приводится въ соприкосновеніе съ электрическою батареей, то у положительнаго полюса свободно выдѣляется кислородъ, но на отрицательномъ электродѣ водородъ начинаетъ отдѣляться не прежде какъ по истеченіи нѣсколькихъ секундъ. Эта задержка въ выдѣленіи газа доказываетъ что онъ поглощается металломъ. Поглощеніе становится очевиднымъ чрезъ расширеніе пластинки въ такомъ же размѣрѣ какъ еслибъ она была нагрѣта до краснакалильнаго жара, и притомъ полоса металла, удлиняясь и дѣйствуя какъ рычагъ, заставляетъ звонить электрической колоколь. При пере мѣнѣ полюсовъ батареи, у полюсы палладія начинаетъ свободно выдѣляться кислородъ, вытѣсняя водородъ прежде поглощенный металломъ. Прежніе опыты доктора Грагама доказали что палладій поглощаетъ почти 900 объемовъ водорода. Въ центрѣ залы была помѣщена весьма интересная коллекція военныхъ принадлежностей, выставленная военнымъ департаментомъ. Въ ней находилось много новыхъ предметовъ введенныхъ въ употребленіе во время Абиссинской войны, включая образецъ 7-ми фунтоваго горнаго орудія, также модели Армстронговой пушки и Монкрифова лафета, образцы Поллизеровыхъ и другихъ бомбъ, разрывной бомбы съ парашютомъ Боксера, ракетныхъ трубокъ, и пр. Въ одной изъ боковыхъ комнатъ была выставлена прекрасная коллекція фотографій относящихся къ артиллеріи, изъ коихъ наиболѣе интересными были снимки указывающіе на дѣйствіе выстрѣловъ на желѣзную броню. Извѣстный мастеръ Леадъ, изъ Лондона, выставилъ новую магнитную машину большой силы и нѣсколько превосходныхъ образ-

цовъ исландскаго шлата. На столѣ близь оркестра были поставлены ящики заключающіе много прекрасныхъ образцовъ геологическихъ пластовъ, ископаемыхъ изъ известковаго и глинистаго сланцевъ въ окрестностяхъ Норвича, томъ прекрасно раскрашенныхъ рисунковъ африканскихъ мѣстностей и модель водопада Викторіи на рѣкѣ Замбези, въ южной Африкѣ, размѣрами затмевающаго славу Ниагарскаго водопада, такъ какъ ширина послѣдняго 1.000 ярдовъ, а глубина 500 футовъ, между тѣмъ какъ ширина водопада Замбези 1.900 ярдовъ, а глубина 400 футовъ. Въ промежуточное время между рѣчами десять членовъ Норвичскаго Микроскопическаго Общества давали публикѣ случай подивиться чудесамъ открываемымъ при помощи микроскопа. Въ числѣ показываемыхъ микроскопическихъ объектовъ находились и анатомическіе препараты (разрѣзы языка, кожи, легкихъ и мозга); показывались также целлюлярное обращеніе соковъ въ растеніяхъ, анатомическіе препараты насекомыхъ и пр. Г. Гейгисъ, изъ Норвича, выставилъ изобрѣтенный имъ поляризующій калейдоскопъ, дающій такіе роскошные цвѣта которые невозможно изобразить никакими извѣстными доселѣ способами окрашиванія. Кроме того, была еще выставлена весьма интересная коллекція рисунковъ съ ископаемыхъ черепкожицъ (*crustacea*) и множество изящныхъ фотографій съ зданій и другихъ интересныхъ предметовъ города Норвича и его окрестностей.

Главнымъ увеселительнымъ событіемъ на сѣздѣ въ Норвичѣ была поѣздка въ имѣніе одного богатаго мѣстнаго владѣльца. 25-го августа члены Общества и многія другія лица были приглашены на праздникъ устроенный для нихъ въ Кроунъ-Поинтъ г. Гарвеемъ, членомъ парламента. Праздникъ этотъ былъ необыкновенно удаченъ. Мѣстность, одна изъ живописнѣйшихъ въ восточныхъ графствахъ Англіи, состоитъ изъ весьма красиво расположенныхъ попеременно долинъ и холмовъ и широкой луговой равнины усѣянной мѣстами партерами цвѣтовъ. Съ одной стороны она окаймлена довольно большою рѣкой, а съ другой поднимается въ гору и покрыта густымъ прекраснымъ лѣсомъ. Одно время во владѣніяхъ мистера Гарвея добывались известъ и песокъ, и оставшіяся вслѣдствіе того нѣсколько большихъ амъ не только не уменьшали живописнаго вида мѣстности, но доставляли кроме того удобный случай для геологическихъ наблюденій.

Г. Гарвей, не ограничиваясь приглашеніемъ членовъ Общества и своихъ друзей посѣтить его помѣстья, позаботился также доставить для нихъ проѣзда паровыя лодки. Число собравшихся къ нему гостей было около 2.000. Когда они прибыли въ Кроунъ-Поинтъ, онъ былъ весь разукрашенъ флагами, а у рѣчной пристани стояли нѣсколько яхтъ принадлежащихъ г. Гарвею и другимъ джентльменамъ, также сверху до низу по-праздничному унизанныхъ разноцвѣтными флагами и значками. Выйдя изъ лодокъ и взобравшись на довольно крутой берегъ, гости нашли длинный рядъ палатокъ, въ коихъ было приготовлено роскошное угощеніе, состоявшее почти изъ всевозможныхъ видовъ яствъ подходящихъ подъ общее названіе „закусокъ“. Приглашеніе приступить къ пиршеству было принято столь же охотно какъ оно было любезно и гостепріимно предложено. Въ весьма скоромъ времени компанія приняла видъ особаго рода „британской ассоціаціи“ самаго веселаго и оживленнаго характера, и гости, раздѣлясь на небольшія партіи, разсѣлись на мягкомъ коврѣ зелени и приступили къ важному занятію воздать хвалу гостепріимству хозяина. Число группъ, на которыя разбрелись посѣтители далеко превзошло число отдѣловъ Общества собиравшихся ежедневно для научныхъ цѣлей въ библіотекахъ, музеяхъ и другихъ мѣстахъ, а пренія о качествахъ яствъ и винъ не уступали въ оживленіи обсужденіямъ ученыхъ предметовъ. Г. Гарвей благоразумно рѣшилъ чтобы на его празднествѣ не было произносимо рѣчей, разсудивъ справедливо что его гости уже до пресыщенія могли насытиться рѣчами произнесенными въ теченіе недѣли на собраніяхъ Общества. Онъ вмѣсто того придумалъ для нихъ множество другихъ развлеченій, которыя дали возможность весело провести краткое время оставшееся до ночи. Съ наступленіемъ сумерекъ праздникъ окончился блестящимъ фейерверкомъ, послѣ чего гости, отблагодаривъ хозяина прощальными громкими привѣтствіями, возвратились въ Норвичъ.

Газеты принесли уже извѣстіе и о съѣздѣ нынѣшняго года, открывшемся 18-го августа (нов. ст.) въ Экзетеръ. Городъ сдѣлалъ большія пожертвованія для приѣма Общества. Уже въ прошломъ году, когда сдѣлалось извѣстнымъ рѣшеніе Общества посѣтить Экзетеръ, открывшаяся подписка дала болѣе пятнадцати тысячъ рублей сер. Выстроена цѣлая обширная зала, могущая вмѣстить болѣе 2.000 человекъ (на съѣздѣ

собралось 1.800 человекъ, нѣсколько меньше чѣмъ на сѣзды предыдущихъ лѣтъ). Президентомъ сѣзда въ нынѣшнемъ году былъ кембриджскій профессоръ, извѣстный физикъ Стокесъ, открывшій превращеніе невидимыхъ лучей въ видимые путемъ флуоресценціи. Большая часть его рѣчи посвящена обзору успѣховъ астрономіи, особенно по отношенію къ вопросу о физическомъ строеніи солнца, вопросъ, въ исторіи котораго прошлый годъ составляетъ эпоху. По случаю рѣчи Стокеса, въ газетѣ *Times* появилась передовая статья трактующая объ исторіи астрономіи. „Физическое строеніе солнца“ служило также предметомъ блестящей публичной лекціи Доккіера. Другое публичное чтеніе было профессора Филиппса „О Везувіи“. Не забыта была и любимая тема физическо-ихъ чтеній послѣдняго времени — спектральный анализъ, который профессоръ Миллеръ сдѣлалъ предметомъ своей бесѣды. Однимъ изъ главныхъ событій сѣзда было чтеніе нашего знаменитаго соотечественника Чихачева о средней Азии, по поводу изготовляемаго новаго изданія сочиненія Гумбольдта объ этомъ предметѣ. Г. Чихачевъ прибылъ на сѣзды по особому приглашенію комитета Общества. Большое вниманіе обратила на себя также рѣчь предсѣдателя математическаго отдѣла Сильвестра (*Sylvester*) о духѣ математическихъ изслѣдованій. Сѣзды будущаго года назначены въ Ливерпулъ, президентомъ избранъ Гексли.

Обзоромъ сѣздовъ въ Швейцаріи, Германіи и Англіи ограничиваю задачу настоящаго очерка. Сѣзды бывають также въ Италіи, но о нихъ я не имѣю достаточныхъ свѣдѣній. Въ Франціи нѣтъ учрежденій этого рода; но нѣчто подобное представляютъ устроенныя правительствомъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, ежегодныя собранія въ Парижѣ представителей разсѣянныхъ по Франціи многочисленныхъ провинціальныхъ обществъ и академій.

Разсмотрѣнные нами сѣзды можно расположить по тремъ степенямъ. На первой стоятъ нѣмецкіе сѣзды, служащіе главнымъ образомъ къ личному знакомству и сближенію ученыхъ и имѣющіе, какъ уже было замѣчено нами, преимущественно характеръ праздниковъ науки. Члены нѣмецкихъ сѣздовъ не составляютъ Общества, — хотя уставъ и гласитъ объ Обществѣ естествоиспытателей и врачей, — и единеніе

ихъ въ краткаго срока годовыхъ собраній ничѣмъ не выражается. Участники съезда сходятся чтобы повидаться, познакомиться, сообщить о своихъ изслѣдованіяхъ, пріятно провести время и поднять тосты за единство германскаго духа и германской науки. Полнѣе организація швейцарскихъ съездовъ, члены которыхъ составляютъ Швейцарское Общество, издающее мемуары, образующее изъ своей среды коммисіи работающія въ съездахъ, нерѣдко вспомошествоваемая правительствомъ и приносящая на годовыя собранія результаты своихъ полезныхъ изслѣдованій. Наконецъ, высшая ступень безспорно принадлежитъ богатому средствами, сильному заслуженнымъ значеніемъ, имѣющему полное право гордиться своею исторіей, славному Британскому Обществу, справедливо называемому въ своей странѣ парламентомъ науки.

Говорить о нашихъ русскихъ съездахъ, начинаніями правительства возникшихъ полтора года тому назадъ и удачно открывшихся собраніемъ русскихъ естествоиспытателей въ Петербургѣ въ началѣ 1868 года, не входитъ въ планъ моей статьи. Ограничусь пожеланіемъ чтобы сближеніе повело къ совокупному дѣйствию, и повторю слова пригласенія на второй съездъ въ Москвѣ: да послужатъ наши съезды „къ объединенію ученыхъ силъ и укрѣпленію самостоятельной жизни науки въ нашемъ отечествѣ“.

Н. ЛЮБИМОВЪ.

ПОДДѢЛКА

КРЕДИТНЫХЪ БИЛЕТОВЪ ВЪ РОССИИ

Въ ряду преступленій посягающихъ на благосостояніе какъ частное, такъ и государственное, безспорно одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ поддѣлкѣ денежныхъ знаковъ. Преступленіе это одно изъ труднѣйшихъ для открытія и преслѣдованія. Весь механизмъ его таковъ что преступнику является возможность болѣе нежели въ другомъ какомъ-нибудь преступленіи оставаться въ тѣни; онъ не становится здѣсь лицомъ къ лицу со своею жертвою, какъ напримѣръ убійца или грабитель; здѣсь его преступная дѣятельность, прежде нежели выразится, переходитъ всегда чрезъ рядъ посредствующихъ звеньевъ. Какъ поддѣлыватели, такъ и сбытчики фальшивыхъ денегъ могутъ пребывать за сотни верстъ отъ того мѣста гдѣ проявляется ихъ незаконная дѣятельность и спокойно класть въ карманъ всю прибыль отъ нея, пользуясь въ то же время репутаціей честнаго гражданина. Самая сложность операций этого преступленія обуславливаетъ трудность его обнаруженія, а отсюда сравнительную безопасность и безнаказанность лицъ имъ занимающихся. Какъ это обстоятельство, такъ и приманка легкой и быстрой наживы служатъ могучими мотивами для привлеченія постоянно охотниковъ желающихъ стать въ ряды фальшивыхъ монетчиковъ. Но кромѣ этихъ главныхъ, такъ-сказать, внутреннихъ причинъ, есть еще много условій, чисто вѣнскихъ, которыя у насъ благоприятствовали широкому развитію этого преступленія. На первомъ мѣстѣ

въ этомъ отношеніи должно поставить неудовлетворительность полицейскаго и судебнаго надзора въ прежніе годы. Почти совершенное отсутствіе при старыхъ порядкахъ благоустроенной слѣдственной части не мало способствовало процвѣтанію этого незаконнаго промысла на Руси. Преступленіе это появилось у насъ, можно сказать, вмѣстѣ со введеніемъ первыхъ бумажныхъ денегъ и затѣмъ шло, все развиваясь, до нашихъ дней. Лишь въ послѣднее время, со введеніемъ новыхъ судовъ, которые ярко освѣтили многія темныя стороны нашей жизни, публика впервые узнала какіе громадные размѣры приняло у насъ это зло. Наконецъ и само правительство только въ послѣднее время получило возможность обратить серіозное вниманіе на развитіе этого преступленія и принять болѣе дѣйствительныя мѣры для борьбы съ нимъ. Такъ, назадъ тому около двухъ лѣтъ, въ Петербургѣ и Москвѣ при окружныхъ судахъ были учреждены должности судебныхъ слѣдователей по особо важнымъ дѣламъ, главная спеціальность которыхъ состоитъ въ производствѣ слѣдствій по дѣламъ о фальшивыхъ деньгахъ. Въ канцеляріяхъ этихъ слѣдователей сосредоточиваются всѣ официальные свѣдѣнія о дѣлахъ по поддѣлкѣ кредитныхъ билетовъ со всей Россіи. Въ послѣдствіи архивъ этихъ канцелярій дастъ богатый матеріалъ для серіознаго изученія этого рода преступленій; но даже, не забывая такъ далеко впередъ, и теперь такое сосредоточеніе свѣдѣній приноситъ не малую пользу. Благодаря ему нерѣдко открывается связь между дѣйствіями тамъ гдѣ никакъ нельзя было этого предполагать. Намъ пришлось одно время стоять довольно близко къ этому дѣлу, и мы считаемъ не безынтереснымъ подѣлиться съ публикой тѣми наблюденіями которыя вынесли изъ знакомства съ нимъ. При этомъ слѣшимъ предупредить что мы не пишемъ понаго изслѣдованія; для этого у насъ не было ни достаточно матеріаловъ, ни времени. Мы хотимъ только въ небольшой статьѣ набросать наиболее выдающіяся стороны дѣла.

Для человѣка незнакомаго съ дѣломъ, безъ сомнѣнія, покажется страннымъ, если мы скажемъ что производство фальшивыхъ билетовъ ведется на *экономическихъ и коммерческихъ* основаніяхъ. Преступленіе и—экономическія начала! Но между тѣмъ это такъ. Поддѣлка кредитныхъ билетовъ на Руси составляетъ родъ правильнаго промысла, которымъ

живутъ сотни семействъ. Здѣсь есть производители, торговцы оптомъ, мелкіе торгаша и, наконецъ, масса потребителей, болѣе или менѣе эксплуатируемая.

Главный центръ производства фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ на всю Россію—такъ-называемыя Гусауцы, мѣстность лежащая неподалеку отъ Москвы; но, кромѣ того, поддѣльватели тайно занимаются своимъ производствомъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи, преимущественно же въ промышленныхъ губерніяхъ; наконецъ, не малое число нашихъ кредитныхъ билетовъ поддѣляется для ввоза въ Россію за границей. Но мы не будемъ говорить о состояніи этого преступленія внѣ Россіи, такъ какъ это не входитъ въ рамку нашей статьи. Позволимъ себѣ относительно заграничной поддѣлки только одно замѣчаніе, а именно, что тамошніе производители поддѣлываютъ наши кредитные билеты преимущественно *пятидесятирублеваго* и *двадцатипятирублеваго* достоинства, рѣдко низшаго, и что билеты заграничной поддѣлки болѣею частію отличаются отчетливостью работы.

Обратимся къ нашимъ отечественнымъ поддѣльвателямъ и рассмотримъ въ отдѣльности каждую категорію лицъ занимающихся этимъ преступнымъ промысломъ.

Старая истина что производство опредѣляется спросомъ какъ нельзя болѣе примѣняется и къ рассматриваемому нами предмету. Поддѣльватели не стали бы заниматься своимъ промысломъ, еслибы на ихъ произведенія не было требованія со стороны сбытчиковъ, въ рукахъ которыхъ фальшивая ассигнація является необходимымъ орудіемъ для обмана толпы. На эту массу темнаго, неграмотнаго народа, живущую по деревнямъ, которая не въ состояніи отличить сама настоящій кредитный билетъ отъ поддѣльнаго, и разчитываютъ главнымъ образомъ сбытчики. Въ этой не просвѣщенной никакими знаніями средѣ поддѣльные билеты пользуются полнымъ кредитомъ и безпрепятственно переходятъ чрезъ десятки рукъ, пока не попадутъ къ какому-нибудь грамотному волостному писарю или становому приставу, которые наконецъ обнаружатъ ихъ фальшивость. Тогда начинается дѣло, и несчастный мужикъ, на которомъ оборвалась эта бѣда, одинъ отвѣчаетъ за всѣхъ тѣхъ у кого прежде пребывала эта ассигнація и несетъ матеріальныя потери. Почти всѣ дѣла по обнаруженію обращенія фальшивыхъ

кредитныхъ билетовъ возникаютъ въ крестьянской средѣ; въ городахъ, сравнительно съ деревней, фальшивыхъ ассигнацій обращается гораздо меньше. Мѣста гдѣ преимущественно обнаруживаются фальшивые кредитные билеты—это *уездныя казначейства*, куда вносятся крестьянами всякіе платежи. При рѣдкой сдачѣ деревенскими старостами податей не открывается одна или нѣсколько фальшивыхъ ассигнацій. Можно положительно утверждать что нѣтъ уголка на всемъ пространствѣ обширной Россіи куда бы не проникли фальшивыя деньги, и нѣтъ почти ни одного казначейства въ которомъ бы при вносѣ крестьянами податей не открывались фальшивые кредитные билеты. Такимъ образомъ наше сельское сословіе является главною жертвою которую эксплуатируютъ сбытчики фальшивыхъ денегъ. Но еще беззащитнѣе являются предъ лицомъ этого зла наши восточныя инородцы. Губерніи Оренбургская, Уфимская, Киргизская степь и другія восточныя окраины служатъ для сбытчиковъ настоящимъ золотымъ дномъ. Сюда идутъ преимущественно поддѣльные кредитные билеты крупнаго, пятидесятирублевого и двадцатипятирублевого достоинства и самой грубой поддѣлки. Крестьянинъ, принимая крупную ассигнацію, будетъ дѣйствовать осмотрительно; не довѣряя себѣ, изъ-за пяти рублей онъ не пойдетъ беспокоить становаго или священника, но изъ-за пятидесяти рублей онъ на это рѣшится; это отчасти ограждаетъ его интересы и весьма неблагоприятно для сбытчика. Но Киргизу или Башкиру среди степи не къ кому прибѣгнуть, и онъ безъ затрудненій, на вѣру, беретъ кредитный билетъ самой грубой поддѣлки. Нужно только удивляться какъ какой-нибудь лоскутъ бумаги, имѣющій часто самое отдаленное сходство съ настоящею ассигнаціей, находитъ здѣсь свободное обращеніе вмѣсто настоящихъ денегъ. Часто эти подобія кредитныхъ билетовъ бываютъ грубо раскрашены кистью, а черточки сдѣланныя перомъ замѣняютъ буквы.

На основаніи положительныхъ данныхъ, можно утверждать что фальшивые кредитные билеты встрѣчаются какъ въ столицахъ, такъ и на далекихъ окраинахъ, но количество ихъ находящееся въ обращеніи въ известной мѣстности зависитъ отъ состоянія грамотности въ этой мѣстности. Чѣмъ слабѣе вообще умственное развитіе массы, тѣмъ больше фальшивыхъ ассигнацій обращается въ ея средѣ.

Въ городахъ, напримѣръ, больше всего встрѣчаются фальшивые кредитные билеты трехъ- и пяти-рублеваго достоинства, то-есть именно тѣ на которые, по ихъ небольшой стоимости, всякій меньше обратитъ вниманія, и гораздо рѣже находят-ся здѣсь въ обращеніи фальшивыя ассигнаціи высшаго достоинства, * которыя всякій, принимая, тщательно будетъ разглядывать и, при извѣстномъ навыкѣ въ обращеніи съ деньгами и грамотности, сумѣетъ отличить отъ настоящихъ. Человѣкъ же деревенскій, у котораго вообще рѣдко бываютъ деньги, и безграмотный, остается одинаково беззащитнымъ и предъ трехрублевою и предъ пятидесяти-рублевою ассигнаціей, которую всучить ему въ руки ловкій сбытчикъ при продажѣ лошади или дастъ въ сдачу при покупкѣ меду или муки. Затѣмъ, обращая вниманіе на нашу западную окраину, мы встрѣчаемъ, что здѣсь преимущественно находятся въ обращеніи фальшивыя ассигнаціи низшаго достоинства, именно рублеваго. Трудно пока объяснить причину этого явленія. Можно только догадываться что въ немъ отразился характеръ Евреевъ, составляющихъ массу промышленнаго и торговаго населенія этого края и, какъ извѣстно, довольствующихся малымъ, но за то вѣрнымъ барышомъ во всемъ. Дѣйствительно, къ такой мелкой ассигнаціи всякій относится съ меньшимъ вниманіемъ нежели къ крупной, слѣдовательно сбытъ ея гораздо обезпеченнѣе.

Какъ проникаютъ въ массу народа фальшивыя кредитные билеты? Вглядываясь внимательно въ это дѣло, мы находимъ что здѣсь дѣйствуетъ обыкновенно стройная организація, раскрыть всѣ нити которой вполнѣ рѣдко удавалось слѣдователямъ, несмотря на всѣ усилія. Здѣсь приходится часто подоврѣвать что во главѣ этого преступнаго предпріятія стоятъ люди съ хорошиши материальными средствами и съ безукоризненнымъ, повидимому, имениемъ. На нихъ иногда указываетъ и народная молва, но собрать юридическія улики часто оказывается невозможнымъ: механизмъ ихъ преступной дѣятельности до того сложенъ что за подробностями не видно корня самого зла. Эти обитчики или торговцы фальшивыхъ ассигнацій оптомъ, на крупныя суммы, лично

* Мы не говоримъ здѣсь о появившихся въ недавнее время въ значительномъ числѣ фальшивыхъ ассигнаціяхъ пятидесяти-рублеваго достоинства, известнымъ къ намъ, во ослухивъ, изъ-за границы.

рѣдко вступаютъ въ сношенія съ поддѣльщиками или же мелкими сбытчиками; въ тайну ихъ опасной дѣятельности посвящены много три, четыре лица, которыя, въ свою очередь, имѣютъ своихъ довѣренныхъ агентовъ, и такъ даже, до самаго мелкаго сбытчика. Такимъ образомъ вся организація представляетъ посѣдовательную лѣстницу, и воѣ операціи проходятъ много рукъ прежде нежели окончательно выразятся. Большаю частію тотъ кто рискуетъ собою, поддѣлывая кредитные билеты или же разбививая ихъ на настоящія, не вѣдаетъ для кого онъ трудится. Въ то время какъ какой-нибудь странствующій по деревнямъ скупщикъ или кабатчикъ, соблазвившійся барышами при сбытѣ фальшивыхъ денегъ, уходитъ въ Сибирь, голова всему дѣлу, выпускающій цѣлыя тысячи фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, остается чистъ и еходитъ въ могилу унося имя честнаго гражданина. Въ этой отрасли незаконной промышленности вся выгода и воѣ барыши достаются на долю большаго капитала, а весь рискъ и неудобства на долю мелкихъ торгашей и производителей. Взаимная выгода крупныхъ сбытчиковъ и ихъ агентовъ, съ одной стороны, и въ то же время ихъ разобщенность, вслѣдствіе устройства самой организаціи, съ другой стороны, какъ нельзя больше обезпечиваютъ сохраненіе тайны. Рѣдкое дѣло вслѣвываетъ наружу со всеми подробностями. Накрыть сбытчиковъ-банкировъ на мѣстѣ преступленія, то-есть захватить при нихъ фальшивыя деньги или поймать при передачѣ ихъ другому лицу чрезвычайно трудно, потому что, помимо устройства этой организаціи, оберегающей ихъ безопасность, они для скрытія своей преступной дѣятельности пускаютъ въ ходъ всевозможныя тонкости и не пренебрегаютъ ни одною мелочною предосторожностью. Если и будетъ кто-либо пойманъ изъ шайки, то все дѣло отъ этого не разъяснится и ограничится однимъ лицомъ, потому что еслибъ онъ и желалъ открыть всѣхъ виновниковъ, то не можетъ этого сдѣлать, не зная по большей части именъ остальныхъ участниковъ и мѣста ихъ пребыванія, которыя они часто мѣняютъ и вслѣдствіе скрываютъ. Однимъ словомъ, собирать юридическія улики противъ этихъ лицъ весьма трудно; развѣ иногда поможетъ судьба. Приведемъ для примѣра слѣдующій случай, характеризующій приемы сбытчиковъ. На основаніи положительныхъ данныхъ было задержано одно лицо, пользовавшееся

до тѣхъ поръ репутаціей честнаго гражданина, по обвиненію въ сбытъ фальшивыхъ ассигнацій; свидѣнія указывали что при немъ должна была находиться значительная сумма фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ. Въ его вещахъ былъ произведенъ самый тщательный обыскъ, но подозрительнаго тамъ ничего не было найдено; а между тѣмъ получаемыя свидѣнія продолжали упорно настаивать на томъ что въ его вещахъ находятся фальшивыя деньги. Опять былъ произведенъ обыскъ, и опять окончился ничѣмъ. Впрочемъ, это такъ бы и осталось, еслибы задержанное лицо не сдѣлало само неосторожность, написавъ изъ тюрьмы къ другому лицу письмо, въ которомъ сообщало ему что фальшивыя кредитные билеты находятся въ замкѣ. Тогда обратили особенное вниманіе на довольно большой круглый привѣсный замокъ, не возбуждавшій до тѣхъ поръ никакого подозрѣнія, и отыскали въ немъ секретную пружину. Открывъ замокъ, нашли въ его полости между боками аккуратно уложенныя фальшивыя серіи и ассигнаціи разнаго достоинства на сумму нѣсколькихъ тысячъ рублей. И это не единственный случай гдѣ сбытчиками были употреблены самые хитрые приемы для скрытія своего преступленія.

Таковъ характеръ дѣятельности крупныхъ сбытчиковъ, тузовъ этой незаконной промышленности, въ числѣ которыхъ находятся преимущественно купцы, мѣщане, Армяне и Евреи.

За ними въ послѣдовательномъ порядкѣ стоятъ сбытчики которые производятъ мелкіе обороты подъ своею личною отвѣтственностью и ни отъ кого не зависятъ. Будучи лично знакомъ съ дѣлателемъ, такой сбытчикъ покупаетъ у него этого тайнаго товара на незначительную сумму и самъ его сбываетъ. Такіе сбытчики хотя не такъ многочисленны какъ сбытчики перваго рода, но попадаются чаще ихъ въ руки правосудія.

Наконецъ существуетъ третій разрядъ сбытчиковъ и самый многочисленный. О сбытчикахъ этого разряда преимущественно ведутся дѣла у слѣдователей. Это, если можно такъ выразиться, сбытчики невольные, скорѣе жертвы преступленія нежели его дѣтели. Мы разумемъ тѣ лица которымъ случайно попадаютъ въ руки фальшивыя кредитные билеты и которые затѣмъ, узнавъ о ихъ фальшивости и не желая, по свойству человеческой природы, нести убытка,

спѣшать сбыть ихъ какъ-нибудь и чаще всего при этомъ попадаютъ въ руки правосудія. Массу сбытчиковъ подобнаго рода составляютъ малограмотные крестьяне. Такъ, изъ 750 человекъ обвинявшихся въ подобномъ сбытѣ лишь около ста человекъ оказались принадлежавшими къ другимъ сословіямъ.

Изъ вышеприведеннаго читатель можетъ ясно видѣть что для производства операций въ этомъ незаконномъ промыслѣ существуютъ крупныя и мелкія дѣятели или, лучше сказать, *торговцы*, какъ и во всякомъ другомъ промыслѣ. И это наименованіе совершенно точно, ибо фальшивые кредитные билеты дѣйствительно представляютъ собою товаръ, на который ведутся коммерческія сдѣлки. По довольно вѣрнымъ даннымъ можно сказать что наши большія ярмарки, Ирбитская, Ростовская и Нижегородская, служатъ пунктами, гдѣ, наравнѣ съ другими товарами, производятся также главные обороты и этимъ незаконнымъ товаромъ, и на цѣлый годъ регулируются подобныя операции. Ко времени этихъ ярмарокъ дѣятели получаютъ самыя главныя и большіе заказы и спѣшатъ исполнить ихъ къ сроку. Какъ на ярмаркахъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, покупатели этого незаконнаго товара расплачиваются иногда наличными деньгами, но чаще даютъ срочныя обязательства, въ видѣ росписокъ, векселей и другихъ документовъ, причемъ фальшивые кредитные билеты на этихъ бумагахъ обыкновенно превращаются въ холщевый, желѣзный или другой какой-нибудь товаръ. Средняя цѣна на поддѣльные кредитные билеты при покупкѣ изъ первыхъ рукъ постоянно была 25 к. с. настоящими деньгами за фальшивый рубль; такъ что, напримѣръ, фальшивая пятирублевая ассигнація на настоящія деньги стоитъ 1 р. 25 к. с. Что же касается билетовъ высшаго достоинства, напримѣръ пятидесяти- и двадцати-пятирублеваго достоинства, то цѣна на нихъ значительно выше. Впрочемъ, цѣны на фальшивыя ассигнаціи часто колеблются, что зависитъ отъ искусства поддѣлки, отъ тѣхъ затрудненій которымъ подвергаются поддѣльщики вслѣдствіе усиленной дѣятельности сыскной полиціи, и отъ недостатка конкуренціи, если иногда иные производители бываютъ захвачены въ руки властей.

Наконецъ, обратимся къ послѣдней категоріи лицъ принимающихъ участіе въ этомъ незаконномъ промыслѣ—къ поддѣльщикамъ, то-есть къ тѣмъ лицамъ которыя производить

незаконный товаръ. Изъ данныхъ, которыя у насъ подъ рукою, видно что, въ большинствѣ случаевъ, этимъ производствомъ занимаются крестьяне, за ними слѣдуютъ мѣщане и, наконецъ, лица другихъ сословій. Занятіе поддѣлкой кредитныхъ билетовъ является всегда въ видѣ коммерческаго предпріятія, требующаго предварительной затраты довольно значительнаго капитала на необходимое обзаведеніе; нигдѣ экономическое начало раздѣленія труда не прилагается такъ строго какъ на этой ступени, описываемаго нами дѣла. Первѣйшею и самою главною необходимою принадлежностью, безъ которой это дѣло не можетъ быть пушено въ ходъ, является приобрѣтеніе мѣдныхъ досокъ или литографскаго камня съ вырѣзанными изображеніями поддѣльываемаго кредитнаго билета; затѣмъ необходимы ставокъ съ колесомъ для прокатки ассигнацій, прессъ для водяныхъ знаковъ, краски, бумага и другія принадлежности. Изъ одного этого перечня вещей необходимыхъ для обзаведенія очевидно что одинъ человекъ не въ силахъ пустить въ ходъ такое сложное предпріятіе, и что ему необходимы сообщники. Какъ это условіе, такъ и необходимость затраты довольно значительнаго капитала, которымъ въ началѣ предпріятія, по большей части, мало кто изъ крестьянъ обладаетъ, производятъ то что поддѣльватели всегда соединяются въ болѣе или менѣе значительныя шайки. Безъ мѣдныхъ досокъ или литографскаго камня съ вырѣзанными изображеніями лицевой и оборотной стороны ассигнаціи, ея сѣтки, словъ и т. п. нельзя обойтись при поддѣлкѣ всякаго кредитнаго билета, а между тѣмъ приобрѣтеніе ихъ стѣитъ не дешево, если только поддѣльвателямъ не удастся залучить въ свои сѣти какого-нибудь загулявшаго мастера изъ Москвы. Но такіе случаи бывають не часты и являются въ видѣ исключеній. Обыкновенно же обращаются къ болѣе или менѣе известнымъ рѣщикамъ, изъ которыхъ нѣкоторые занимаются уже многіе десятки лѣтъ своею преступною дѣятельностью, и отъ нихъ чрезъ надежныхъ лицъ приобрѣтаются нужныя доски и камни. Каждая такая доска стѣитъ не менѣе пятидесяти рублей серебромъ на настоящія деньги; а такихъ досокъ для фабрикаціи каждаго кредитнаго билета требуется нѣсколько, такъ что для того чтобы приступить къ какой-нибудь поддѣлкѣ нужно на одну доску употребить значительную сумму денегъ, напри-

мѣрь, для поддѣлыванія серіи необходимо имѣть около восьми досокъ, что составитъ капиталъ въ 400 руб. сер.

Большинство лицъ занимающихся вырѣзываніемъ на доскахъ изображеній кредитныхъ билетовъ принадлежатъ къ числу бывшихъ граверовъ и другихъ лицъ занимавшихся рѣзкой по металлу; кромѣ того, между ними встрѣчаются и простые мужики, не бывавшіе въ литографіяхъ, но которые своимъ умомъ и практикой постигли это искусство и рѣжутъ на камнѣ не хуже самихъ граверовъ. Должно удивляться тому умѣнью съ какимъ владѣють рѣзцомъ многія изъ этихъ лицъ посвятившихъ свою дѣятельность вредному для государства занятію. Въ то время какъ экспедиція заготовленія государственныхъ и кредитныхъ бумагъ пользуется всѣми новѣйшими усовершенствованіями въ этомъ дѣлѣ и владѣетъ громадными техническими средствами, какой-нибудь рѣщикъ въ трущобѣ лѣса, или въ подвалѣ въ городѣ, съ помощью лишь линейки да рѣзца изъ твердаго графита, работая по ночамъ, при свѣтѣ стеариновыхъ огарковъ, въ мѣсяцъ, а иногда въ двѣ-три недѣли воспроизводитъ съ большою вѣрностью изображеніе настоящаго кредитнаго билета, надъ которымъ долгое время трудились искусные художники академіи. До какого совершенства доходить это искусство поддѣлки свидѣтельствуютъ фальшивые кредитные билеты новаго образца. Всѣ техническія трудности въ настоящихъ билетахъ новаго образца побѣждены поддѣлывателями съ замѣчательнымъ искусствомъ. Число рѣщиковъ сравнительно съ массой поддѣлывателей не велико, но дѣятельность ихъ гораздо зловреднѣе дѣятельности послѣднихъ. Одинъ рѣщикъ даетъ жизнь многимъ шайкамъ поддѣлывателей, и вредъ причиняемый его работой неисчислимы. Рѣщики держатъ себя въ высшей степени осторожно; сравнительно гораздо болѣе развитые въ умственномъ отношеніи нежели простые поддѣлыватели, они принимаютъ всякія мѣры предосторожности, отличающіяся тонкою хитростью и практичностью. Они рѣже другихъ лицъ этой категоріи вѣдаются съ судомъ. Мѣстомъ жительства они выбираютъ тихія мѣста и ведутъ скромную жизнь, не возбуждая ничьего подозрѣнія въ томъ что занимаются такимъ незаконнымъ промысломъ. Кромѣ того, въ сношенія съ тѣми кто заказываетъ имъ нужныя доски они рѣдко вступаютъ сами, а дѣйствуютъ болѣею частью черезъ вторыхъ, третьихъ

руки. Все нами сказанное здѣсь относится преимущественно къ тѣмъ изъ нихъ которые занялись этимъ дѣломъ серьезно и сдѣлали себѣ изъ этого преступнаго занятія средство къ жизни, а не къ тѣмъ, по большей части загулявшимъ отъ хозяевъ рѣщикамъ, которыхъ на время залучаютъ къ себѣ поддѣльватели, хотя, по большей части, такое знакомство гравера съ поддѣльвателями служитъ для него лишь первымъ шагомъ на его преступномъ пути. Рѣдкій изъ нихъ, вступивъ на этотъ путь легкой наживы, возвращается къ честному труду.

Запасшись необходимыми матеріалами, поддѣльватели пускаютъ въ ходъ свою фабрику и дѣлятся сообщами вырученными барышами. Нельзя сказать чтобы дѣлежъ у нихъ всегда происходилъ справедливо; часто между ними случаются по этому поводу ссоры, которыя ведутъ иногда къ совершенно неожиданному раскрытію дѣлой ихъ шайки. Въ прежнія времена злоумышленники, при устройствѣ подобной фабрики, принимали меньше предосторожностей; теперь же, часто тревожимые въ своей дѣятельности энергическими дѣйствіями администраціи и судебныхъ слѣдователей, производящихъ, напримѣръ въ Гуслицахъ, безпрестанные обыски, они сдѣлались гораздо осторожнѣе. Теперь, по большей части, такая фабрика помѣщается въ какой-нибудь лѣсной трущобѣ, среди болотъ, въ какомъ-нибудь шалашѣ или землянкѣ. Свою работу они производятъ урывками, чтобы не возбудить ничьихъ подозрѣній; по окончаніи работы, всѣ матеріалы припрятываются по потаеннымъ мѣстамъ или закапываются въ землю впредь до нужды. Открытіе такой избы или шалаша среди лѣса, даже со всѣми принадлежностями изобличающими занятіе преступнымъ промысломъ, обыкновенно ни къ чему не приведетъ слѣдователя. Изба окажется неизвѣстно кому принадлежащею, вещи въ ней также останутся безъ хозяевъ и уличить кого-нибудь бываетъ почти невозможно.

Хотя поддѣльватели, безъ сомнѣнія, существуютъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи и, вѣроятно, ихъ приемы сходны съ сейчасъ описанными нами; но все сказанное выше преимущественно относится къ поддѣльвателямъ занимающимся свою профессіей подъ Москвой, съ которыми мы имѣли случай ближе познакомиться.

Здѣсь, подъ бокомъ у первопрестольной столицы, не далѣе какихъ-нибудь девяноста верстъ по направленію на сѣверо-

востокъ отъ нея, существуетъ цѣлая мѣстность, посвящая названіе Гуслицъ, гдѣ промыселъ поддѣлки фальшивыхъ денегъ развился такъ какъ ни въ одномъ уголкѣ Россіи и составляетъ чуть не главный источникъ обогащенія жителей. Гуслицы, по отношенію къ фабрикаціи поддѣльныхъ кредитныхъ билетовъ, имѣютъ то же значеніе для всей Россіи какое село Иваново въ производствѣ хлопчато-бумажномъ. Говоря это, мы нисколько не боимся упрека въ преувеличеніи сравненія, и послѣдующее изложеніе лишь подтвердитъ наши слова. Гуслицы—это главный пунктъ на всю Россію для производства фальшивыхъ денегъ; всѣ колебанія которымъ подвергается эта промышленность здѣсь сейчасъ же отражаются и на всемъ пространствѣ нашего обширнаго государства. Если въ другихъ мѣстахъ поддѣлка кредитныхъ билетовъ является въ видѣ одиночныхъ фактовъ, то въ Гуслицахъ она составляетъ главное занятіе большинства жителей, однимъ словомъ, представляется чуть не мѣстнымъ промысломъ. Въ послѣднее время не было ни одного процесса по поддѣлкѣ кредитныхъ билетовъ въ нашихъ новыхъ судахъ гдѣ бы не упоминалось имя Гуслицъ и гдѣ бы, большею частію, не являлись героями жители этой мѣстности. Мы сами не разъ слышали какъ многіе изъ нашей публики въ недоумѣніи спрашивали что это за удивительная мѣстность, Гуслицы, давшая радушный пріютъ, среди благоустроеннаго государства, такому злу?

Всякій разъ когда мы бывали въ Гуслицахъ, эта мѣстность казалась намъ населеніемъ хищниковъ, нечаянно брошеннымъ среди остальнаго мирнаго населенія и до нашихъ дней продолжающимъ стоять внѣ общихъ условій гражданственности. Собственно Гуслицами называется мѣстность лежащая верстъ на 60 вдоль по теченію рѣки Гуслянки. Гуслицы захватываютъ части уѣздовъ Богородскаго и Бронницкаго—Московской губерніи, Покровскаго—Владимірской губерніи и Егорьевскаго—Рязанской губерніи. Главная часть этой мѣстности лежитъ однако въ Богородскомъ уѣздѣ Московской губерніи, и здѣсь преимущественно сосредоточивается все зло поддѣлки фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ. Наибольше значительные и центральные пункты въ этой части Гуслицъ суть Гуслицкій монастырь, Ильинскій погостъ, Павловскій посадъ и другія мѣста. Гуслицы пересѣкаются двумя желѣзными дорогами, Нижегородскою и Рязанскою. Вся

почти мѣстность Гуслицъ покрыта довольно густымъ и болѣе или менѣе крупнымъ еловымъ лѣсомъ и перерѣзывается нѣсколькими болотистыми рѣчонками. Обрабатываемыхъ полей встрѣчается немного, за то кругомъ почти всякой деревни находятся большіе хмѣльники, которые лѣтомъ, когда хмѣль густо обовѣетъ вокругъ высокихъ безчисленныхъ жердей, представляютъ непроходимыя трупобы; помѣщичьихъ усадебъ почти не видно и, вообще, вся эта мѣстность носить дикій и угрюмый характеръ. Населеніе здѣсь на половину бывшіе помѣщичьи и на половину бывшіе государственные крестьяне; всѣ они, за малыми исключеніями, принадлежать къ различнымъ раскольничьимъ толкамъ, начиная отъ приверженцевъ Рогожскаго кладбища и безпоповцевъ и кончая скопцами. Всѣ они народъ зажиточный, отчасти благодаря довольно обширнымъ фабрикамъ дающимъ имъ хорошіе заработки и той поддержкѣ которую раскольники оказываютъ всегда другъ другу. Никто такъ не любитъ пощеголять хорошими лошадьми, какъ Гуслаки. Всѣ села и деревни здѣсь хорошо обстроены и обширны. Но главный источникъ, послужившій здѣсь къ обогащенію весьма многихъ, есть фабрикація фальшивыхъ денегъ, которая гнѣздится, болѣе или менѣе тайно, чуть не въ каждой деревнѣ. Такая слава про гуслицкихъ жителей бѣжитъ далеко по Руси.

Причинъ почему именно въ этой мѣстности преимущественно развился этотъ незаконный промыселъ до такихъ громадныхъ размѣровъ, весьма много. Вопервыхъ, близость Гуслицъ къ такому большому промышленному городу какъ Москва, которая всегда даетъ возможность заготовить всѣми матеріалами и поставляетъ искусныхъ мастеровъ дѣла, благодаря своимъ многочисленнымъ заведеніямъ рѣзбы по металламъ. Далѣе, Москва есть центральный пунктъ всей нашей внутренней торговли, что для дѣлателей и сбытчиковъ представляетъ не малыя удобства при распространеніи своего товара. Съ своей стороны, лѣсистая и болотистая мѣстность Гуслицъ какъ нельзя болѣе удобна для укрытія незаконнаго занятія. Но главная причина заключалась въ преступномъ попустительствѣ мѣстныхъ властей въ старыя годы и въ отсутствіи въ то время самостоятельной сѣвѣственной части. Всѣ эти условія взяты вмѣстѣ способствовали какъ нельзя болѣе процвѣтанію здѣсь поддѣлки фальшивыхъ денегъ. Болѣе удобную мѣстность и болѣе

благопріятныя внѣшнія условія для этого дѣла трудно было найти.

Чтобы показать до чего могла простираться безнаказанность занятія этимъ незаконнымъ промысломъ, мы приведемъ нѣкоторые разительные случаи изъ недавно прошедшаго, о которыхъ если и не было официальныхъ донесеній, тѣмъ не менѣе знаютъ всѣ жители и память живетъ до нашихъ дней.

Въ тѣ безвозвратно исчезнувшія времена поддѣлыватели не боялись иногда заниматься своимъ преступнымъ промысломъ даже въ квартирѣ самого становаго пристава; ходъ изъ канцеляріи велъ въ подземеелье, гдѣ стояли всѣ необходимыя для поддѣлки машины, и куда писаря становаго, послѣ дневныхъ трудовъ, спускались для болѣе выгоднаго занятія. Зналъ ли самъ становой о такой ночной работѣ своихъ подчиненныхъ, преданіе умалчиваетъ. Въ тѣ дни жители той или другой деревни въ Гуслицахъ, выбравъ время для прибыльной работы, оцѣпляли всю деревню часовыми, на случай неожиданнаго прибытія неприятнаго для нихъ лица, и сообща приступали къ поддѣлкѣ фальшивыхъ денегъ среди бѣлаго дня. Купецъ, при продажѣ какого-нибудь товара, нисколько не стѣснялся принимать завѣдомо фальшивые кредитные билеты въ уплату, но только въ этомъ случаѣ назначалъ цѣну, высшую цѣну за товаръ, нежели при уплатѣ настоящими деньгами. При игрѣ въ карты или въ кости по селамъ и деревнямъ, каждый играющій обязанъ былъ объявить какія деньги, настоящія или фальшивыя, ставилъ онъ на конъ, причемъ поддѣльныя ассигнаціи обыкновенно шли въ треть стоимости противъ настоящихъ. Мужикъ, собираясь ѣхать въ городъ или въ торговое село на базаръ за покупками, шелъ прямо къ сосѣду и просилъ его одолжить ему его валикъ или прессъ для фабрикаціи *синичекъ* или *лягушечекъ* (такъ называются поддѣльные кредитные билеты пяти- и трехъ-рублеваго достоинства, стараго образца). Привода эти примѣры, мы повторяемъ, что они не выдуманы нами изъ головы, а взяты изъ дѣйствительной жизни. О нихъ хорошо знаютъ тѣ лица которыя, по официальному своему положенію, обязаны были находиться въ сношеніяхъ съ этимъ краемъ. У здѣшнихъ жителей образовался свой особый взглядъ на это незаконное занятіе. Еслибы не карающіе законы, то они не видѣли бы въ этомъ даже ничего

преступнаго; сознание приносимаго ими вреда въ нихъ весьма слабо; они почти недоумѣваютъ почему правительство мѣшаетъ развиваться этому промыслу, который ведетъ къ ихъ обогащенію, и почему выпускъ денегъ долженъ быть исключительною прерогативой государственной власти. Особенно жалуются Гусляки на новые порядки, которые пошли со времени введенія судебной реформы, когда болѣе самостоятельная и сильная слѣдственная часть дала правительству возможность обратить особенное вниманіе на эту мѣстность. Но наиболѣе чувствительный ударъ нанесло гуслицкой промышленности учрежденіе въ прошломъ году должностей двухъ специальныхъ судебныхъ слѣдователей для производства исключительно дѣлъ о фабрикаціи фальшивыхъ денегъ. Для гуслицкихъ мастеровъ наступили съ тѣхъ поръ тяжелые дни. Не проходитъ мѣсяца чтобы въ Гусацкахъ слѣдователь изъ Москвы или Петербурга не производилъ обыска и не открылъ одного или нѣсколькихъ поддѣлывателей и сбытчиковъ. Но несмотря на такое опасное для нихъ положеніе, эти люди не унываютъ и не бросаютъ своего преступнаго занятія. Они измѣнили нѣкоторые приемы и сдѣлались гораздо осторожнѣе. Поддѣлка кредитныхъ билетовъ не скоро переведется въ этой мѣстности, потому что она успѣла уже войти въ нравы жителей. Помимо этого, трудность открытія подобнаго преступленія значительно увеличиваетъ тайной, которую строго хранить въ своихъ дѣйствіяхъ члены каждой шайки, благодаря общности интересовъ ихъ связывающихъ. Каждый чиновникъ администраціи или судебного вѣдомства, производя слѣдствіе по такому дѣлу, встрѣчаетъ здѣсь всюду не пособіе, а противодѣйствіе. На чиновника всѣ смотрятъ здѣсь какъ на личнаго врага. Онъ двоякѣмъ непріязненъ, во первыхъ, какъ чиновникъ православный, а во вторыхъ, какъ человекъ препятствующій имъ заниматься выгоднымъ промысломъ. Если не бываетъ, правда, прямого сопротивленія властямъ, то недостатка въ глухой оппозиціи не оберешься. Народъ всячески заявляетъ свое сочувствіе лицамъ попавшимся по подобнымъ дѣламъ въ руки правосудія и громко ропщетъ на дѣйствія властей. Можно часто видѣть какъ цѣлыя деревни выходятъ провожать арестованнаго; женщины громко плачутъ, мужчины не скрываютъ своего неудовольствія, и

страсти возбуждаются. Нерѣдко лицами причастными къ преступленіямъ по поддѣлкѣ кредитныхъ билетовъ являются сами низшія сельскія власти — сотскіе, старосты и т. п., лица, въ интересѣ которыхъ стараться не разоблачать подобныхъ дѣлъ. Это еще больше затрудняетъ дѣйствія слѣдователя. Иногда, при обыскѣ, жители отказываются снабдить начальствующихъ лицъ необходимыми инструментами, отговариваясь что у нихъ нѣтъ требуемыхъ вещей. Такъ мы были свидѣтелями какъ, при одномъ обыскѣ въ большомъ селѣ, когда понадобились заступы, ихъ долгое время не могли нигдѣ достать. Брать понятыхъ изъ одного села съ преступникомъ есть вѣрное условіе безуспѣшности всякаго обыска, такъ какъ они всегда защищаютъ своего. Но этимъ они не ограничиваются, они даже осмѣливаются иногда грозить понятымъ взятымъ изъ сосѣднихъ деревень местию за слишкомъ усердное служеніе властямъ. Наконецъ, собрать понятыхъ довольно трудно, такъ какъ они уклоняются отъ этой обязанности, избѣгая становиться въ непріязненные отношенія съ своими сосѣдами и опасаясь исполненія угрозъ съ ихъ стороны. И должно сказать, что иногда эти опасенія далеко не безосновательны. Въ доказательство что имѣть дѣло съ людьми принимающими участіе въ поддѣлкѣ и сбытѣ кредитныхъ билетовъ далеко не безопасно, приведемъ слѣдующій случай, бывшій въ этой мѣстности года два, три тому назадъ.

Однажды становой приставъ, уже давно слѣдившій за однимъ подобнымъ дѣломъ, былъ подробно увѣдомленъ своею кухаркой, состоявшею въ близкихъ сношеніяхъ съ однимъ изъ поддѣлывателей, о днѣ и часѣ когда шайка соберется въ извѣстной мѣстности на работу. Получивъ эти свѣдѣнія, становой въ назначенный день отправился въ указанную мѣстность, подкрался съ понятыми скрытно къ избѣ и первый вошелъ въ нее. Тутъ его глазамъ представилась слѣдующая картина: на развѣшенныхъ вдоль печки бичевкахъ сушились еще сырыя, только что сдѣланныя ассигнаціи, въ значительномъ количествѣ, а нѣсколько человекъ мастеровыхъ прокатывали на станкѣ еще неготовыя ассигнаціи. Въ минуту появленія станового преступники были поражены, но вскорѣ опомнились, и тогда одинъ изъ нихъ, стоявшій ближе другихъ къ становому, ударилъ его кулакомъ по лицу.

Становой, забывъ о бывшемъ при немъ револьверѣ, вцѣпился ударившему его въ волосы. Понятыя, увидѣвъ сопротивленіе со стороны поддѣльвателей, струсили и выбѣжали изъ избы. Становому пришлось бы плохо, потому что преступникъ уже добирался до топора, но въ это время кучеръ становаго, здоровый парень, опомнился первый, кинулся въ избу, ободрилъ понятыхъ и спасъ становаго. Преступники были захвачены съ поличнымъ, и началось слѣдствіе, произведшее въ свое время въ Гуслицяхъ много шума. Разказанное нами происшествіе случилось не задолго до Масленицы, а въ самую недѣлю Масленицы кухарка становаго была найдена убитою въ полѣ, неподалеку отъ села гдѣ находилась станова квартира. Великимъ же постомъ, въ томъ же селѣ, изъ колодезя былъ вытасченъ поутру кучеръ становаго безъ признаковъ жизни. Упалъ ли онъ туда ночью самъ, или же былъ кѣмъ-нибудь столкнутъ, осталось неизвѣстнымъ; но народная молва приписываетъ смерть обоихъ этихъ лицъ мести соучастниковъ поддѣльвателей.

На основаніи приведеннаго нами случая можно уже предполагать какъ трудно бываетъ отыскать сыщика изъ среды самихъ поддѣльвателей. Всякій сыщикъ въ этомъ дѣлѣ рискуетъ ни больше ни меньше какъ своею жизнью. Вообще лица занимающіяся этою незаконною профессіею не станутъ долго задумываться надъ выборомъ средства, когда имъ понадобится отдѣлаться отъ неудобнаго для нихъ человѣка. Разумѣется, при этомъ они такъ хитро и ловко станутъ дѣйствовать что до нихъ невозможно будетъ и добраться. Если же наконецъ и найдется сыщикъ, принадлежащій самъ къ этой вредной корпораціи, то слѣдователю приходится быть съ нимъ очень осторожнымъ, потому что въ большинствѣ случаевъ подобный сыщикъ играетъ въ двойную игру. Слѣдователю онъ сообщаетъ хотя вѣрныя, но не важныя свѣдѣнія о поддѣльвателяхъ, а между тѣмъ своихъ увѣдомляетъ о каждомъ шагѣ слѣдователя.

Однимъ словомъ, всѣ обстоятельства складываются здѣсь такъ что чиновникъ находится какъ будто въ край состоящемъ на военномъ положеніи. Всякій обыскъ въ этой мѣстности совершается не иначе какъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ жандармовъ наблюдательнаго состава (которые въ Гуслицяхъ расположены во всѣхъ значительныхъ селахъ), многочисленныхъ понятыхъ и сотскихъ. Пускаются

иначе значило бы отказаться заранее отъ всякаго успѣха въ обыскѣ. Хотя случаи открытаго сопротивленія властямъ почти не бываетъ, но глухое противодѣйствіе встрѣчается на всякомъ шагѣ. Всячески добъзжать начальство составляетъ одиннадцатую заповѣдь Гусляковъ. Мы знаемъ случаи когда слѣдователь, въ виду раздраженія толпы, собравшейся провожать арестованнаго, могъ добраться до экипажа не иначе какъ въ сопровожденіи жандармовъ; въ другой разъ лошадямъ исправника, заночевавшаго въ раскольничьей деревнѣ, забили далеко въ ноздри паклю, такъ что изъ носу у нихъ пошла кровь, и лошади были испорчены. На слѣдствіи чиновникъ съ трудомъ достанетъ себѣ свѣстаго. Раскольники принимаютъ его нѣхотя и, послѣ ухода, въ избѣ у нихъ все моется и чистится какъ послѣ басурмана; кромѣ того, приемъ чиновника можетъ навлечь на нихъ мсть со стороны лицъ промышленяющихъ поддѣлкой кредитныхъ билетовъ. Зная подобное враждебное отношеніе населенія къ себѣ, начальствующія лица ходятъ здѣсь всѣ вооруженныя револьверами; а становой, сильно допекавшій поддѣльвателей своею дѣятельностію, тотъ самый у котораго были убиты кучеръ и кухарка, рѣшался переходить ночью улицу изъ канцеляріи въ свою квартиру не иначе какъ въ сопровожденіи двухъ сотскихъ.

Лица занимающіяся фабрикаціей фальшивыхъ ассигнацій принимаютъ всѣ мѣры для своей безопасности. Мы уже говорили о принятомъ ими обычаѣ сходитья на работу въ какой-нибудь труппѣ; но кромѣ того, при малѣйшей тревогѣ, которая быстро распространяется по всѣмъ Гуслицамъ, всѣ работы всюду на время прекращаются, и всѣ притаиваются. Для этого поддѣльватели имѣютъ своихъ соглядатаевъ при всѣхъ мѣстныхъ властяхъ; кромѣ того, на всѣхъ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и проѣзжихъ путяхъ у нихъ находятся свои довѣренныя лица которыя зорко за всѣмъ кругомъ наблюдаютъ, такъ что лицу возбужденному почему-либо подозрѣніе въ томъ что онъ сыщикъ или слѣдователь нѣтъ возможности пробраться въ Гуслицы не возбуждивъ повсемѣстной тревоги. Лишь только что-нибудь подобное будетъ замѣчено, какъ гонцы, конные и пѣшіе, подъ видомъ пастуховъ и фабричныхъ, спѣшатъ оповѣстить о томъ всѣ Гуслицы. Мы знаемъ примѣры, когда лица стоявшія во главѣ шайкъ поддѣльвателей платили по 25 р. и болѣе вѣстнику

сообщившему имъ во-время о нагрянувшей бѣдѣ. Вслѣдствіе такой искусной организаціи часто случается что самые вѣрные, какъ казалось, обыски у завѣдомо извѣстныхъ цѣлой окрестности поддѣльвателей кончались неудачей. Поймать поддѣльвателя на мѣстѣ преступленія почти невозможно. Если же въ рѣдкихъ случаяхъ и удастся схватить преступника съ поличнымъ, то это обыкновенно бываетъ въ тѣ рѣдкія минуты, когда онъ, получивъ доски отъ рѣзчика или машину отъ столяра и тому подобные матеріалы, не успѣетъ еще переправить эти вещи изъ дому въ потаенныя мѣста. Опытный же въ этомъ дѣлѣ человекъ не приметъ такихъ вещей къ себѣ въ домъ; но даже пойманный съ поличнымъ, онъ и тутъ не унываетъ, утверждая что это ему нарочно подкинули его личные недоброжелатели, или же лица желающія выслужиться у начальства.

Большая часть гуслицкихъ жителей отличаются бойкостью ума и извѣстною степенью развитія которая ставитъ ихъ выше общей крестьянской среды. Кромѣ того, многіе изъ нихъ, особенно изъ лицъ занимающихся незаконнымъ промысломъ поддѣлки и сбыта кредитныхъ билетовъ, отлично знаютъ законы, знакомы до тонкости со старыми и новыми уставами судопроизводства и не разъ поражали насъ искусными практическими толкованіями закона. Видно по всему что эти люди понимаютъ дарованныя имъ новыми уставами права и не намѣрены оставлять ихъ мертвою буквою въ примѣненіи къ себѣ. Но эти же самые люди при слѣдствіи, когда того требуетъ ихъ выгода, являются ничего не знающими и чуть не идиотами.

Лица занимающіяся поддѣлкой и сбытомъ кредитныхъ билетовъ приглядываются и прислушиваются чутко ко всему что творится вокругъ нихъ и что имѣетъ отношеніе къ ихъ средѣ. Такъ, напримѣръ, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ извѣстно, что на всѣхъ доселѣ бывшихъ процессахъ въ Московскомъ окружномъ судѣ по дѣламъ о поддѣльвателяхъ и сбытчикахъ, постоянно присутствовали въ продолженіе всѣхъ засѣданій многія лица изъ Гуслиць, стояція во главѣ зловерныхъ шакъ, и живо интересовались приговоромъ суда который рано или поздно можетъ ихъ также постигнуть.

Мы рассмотрѣли механизмъ поддѣлки и сбыта фальшивыхъ ассигнацій, описали мѣстность гдѣ главнымъ образомъ процвѣтаетъ эта промышленность. Обратимся къ

разсмотрѣнію отличительныхъ свойствъ продуктовъ этой фабрикаціи. Опредѣлить массу фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ обращающихся у насъ наравнѣ съ настоящими нѣтъ никакихъ данныхъ; все что мы можемъ сказать, это то что количество ихъ весьма значительно, такъ какъ нѣтъ уголка въ Россіи куда бы они не проникли. Между ними встрѣчаются образцы какъ самой искусной, вполне художественной работы, такъ и самой грубой отдѣлки, имѣющіе весьма отдаленное сходство съ настоящими кредитными билетами. Это просто клочки бумаги, размалеванные отъ руки мутною краской и иногда съ черточками вмѣсто буквъ. Поддѣлываются кредитные билеты рѣшительно всѣхъ достоинствъ, но поддѣлка билетовъ низшей стоимости преобладаетъ надъ остальною. Для болѣе нагляднаго ознакомленія съ этою стороною разбираемаго нами вопроса приведемъ нѣкоторыя числовыя данныя, которыя лучше словъ объясняютъ въ какомъ отношеніи находится поддѣлка кредитныхъ билетовъ каждаго достоинства одна къ другой.

На 243 случая обнаруженія за извѣстное время, въ разныхъ мѣстахъ Россіи, находившихся въ обращеніи фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ *пятирублеваго достоинства** приходилось: *десятирублеваго достоинства* — 160 случаевъ, *рублеваго достоинства* — 155 случ., *трехрублеваго достоинства* — 90 случ., *двадцатипятирублеваго достоинства* — 65 случ., *пятидесятирублеваго достоинства* — 53 случ., *серій* — 17 случ., *сторублеваго достоинства* — 1 случай, и, кромѣ того, шесть случаевъ обнаруженія фальшивой монеты. Таково было процентное отношеніе поддѣлки кредитныхъ билетовъ одной стоимости къ другой въ то время когда мы имѣли случай производить наши наблюденія надъ этимъ дѣломъ; но мы держимся того мнѣнія что приблизительно, въ общихъ чертахъ, это отношеніе должно остаться одно и то же и при большемъ количествѣ наблюденій. При разсмотрѣніи вышеприведенныхъ цифръ, наше вниманіе останавливается на двухъ обстоятельствахъ. Замѣчательно, вопервыхъ, незначительное количество фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ *трехрублеваго достоинства* сравнительно съ фальшивыми кредитными билетами *рублевой, пяти- и десятирублевой* стоимости; а между

* Не нужно забывать что здѣсь мы говоримъ про кредитные билеты стараго образца.

тѣмъ нѣтъ сомнѣнiя что поддѣлывать ассигнаціи *трехрубле- ваго достоинства*, при равномъ рискѣ, выгоднѣе нежели рубле- ваго. Не менѣе замѣчательно что изъ нѣсколькихъ сотенъ случаевъ поддѣлки кредитныхъ билетовъ встрѣтился толь- ко одинъ случай поддѣлки бумажки *сторублевого* достоин- ства. Этотъ билетъ былъ сдѣланъ весьма грубо красками отъ руки и составлялъ исключеніе изъ общаго правила что чѣмъ выше стоимость фальшивой ассигнаціи тѣмъ совершен- нѣе работа. Такая постоянная рѣдкость поддѣлки кредитныхъ билетовъ *сторублевого* и относительная билетовъ *трехрубле- ваго* достоинства, главнымъ образомъ заключается въ тѣхъ техническихъ трудностяхъ съ которыми поддѣлывателямъ приходится бороться въ этихъ случаяхъ. По словамъ специа- листовъ литографскаго дѣла, уловить точно радужный оттъ- нокъ сторублевой ассигнаціи нѣтъ никакой возможности; а между тѣмъ поддѣлка такого кредитнаго билета къ которому, вслѣдствіе его высокой стоимости, каждый относится съ осо- беннымъ вниманіемъ, должна отличаться особенною отчетливо- стію. Точно также, должно-быть, техническія трудности удержи- ваютъ распространеніе въ значительныхъ размѣрахъ под- дѣлки кредитныхъ билетовъ *трехрублевого* достоинства, хотя, безъ сомнѣнiя, моральная причина, неблагопріятная для сбыт- чиковъ, именно особенное вниманіе получателя такого кредит- наго билета, здѣсь гораздо слабѣе нежели при полученіи сто- рублевой ассигнаціи.

Сдѣлаемъ нѣсколько замѣчанiй относительно цифръ обозна- чающихъ на фальшивыхъ кредитныхъ билетахъ нумерацію и годъ выпуска. Вообще, чѣмъ выше стоимость фальшиваго кре- дитнаго билета, тѣмъ разнообразнѣе цифры нумераціи и года, и чѣмъ ниже его стоимость, тѣмъ чаще встрѣчаются однѣ и тѣ же цифры нумераціи и года. Это объясняется отчасти тѣмъ обстоятельствомъ что каждый получающій ассигнацію боль- шой стоимости отнесется къ ней съ особеннымъ вниманіемъ и легче запомнить какъ ея отличительныя черты, такъ и ея номеръ; при полученіи же мелкаго кредитнаго рубля все это существуетъ въ гораздо слабѣйшей степени. Кромѣ того, мы выше видѣли, что фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ *высшаго* достоинства меньше нежели *низшаго*, что въ этомъ отношеніи они стремятся приблизиться къ той пропорціи ко- торая существуетъ между *настоящими* билетами разныхъ сто- имостей, ибо хотя поддѣлка ассигнацій крупнаго достоинства

выгоднѣе нежели низшаго, за то сбытъ гораздо труднѣе; вслѣдствіе чего поддѣлка ассигнацій низшей стоимости преобладаетъ надъ поддѣлкой ассигнацій высшей стоимости. Поэтому весьма легко понять почему, между тѣмъ какъ фальшивые кредитные билеты *пятидесяти* и *двадцатипятирублеваго достоинства* рѣдко попадаются съ одними и тѣми же цифрами нумераціи и года, ассигнаціи низшей стоимости съ одинаковыми цифрами нумераціи и года встрѣчаются, наоборотъ, очень часто.

Приводимъ цифры нумерацій и годовъ выпуска фальшивыхъ билетовъ наиболѣе часто попадавшіяся въ то время когда мы имѣли случай производить наши наблюденія. Эти цифры были для кредитныхъ билетовъ *рублеваго достоинства* — № 410.000, годъ 1863 и 1864; *тремярублеваго достоинства* — № 516.345, годъ 1865; *пятирублеваго достоинства* — 3.270.552, годъ 1865; *десятирублеваго достоинства* — № 732.502, годъ 1865; *двадцатипятирублеваго достоинства* и *пятидесятирублеваго достоинства* — годъ 1855 или 1856, за разными нумерами; *серіи* — годъ 1864, также за разными нумерами.

Разумѣется, на ряду съ фальшивыми билетами имѣвшими эти цифры нумераціи и года обращалось много фальшивыхъ билетовъ съ другими цифрами; но вообще должно сказать что съ годъ тому назадъ въ обращеніи (исключая фальшивыхъ ассигнацій двадцатипятирублеваго и пятидесятирублеваго достоинства) фальшивыя ассигнаціи рѣдко встрѣчались съ цифрой года ранѣе 1859. Болѣе или менѣе часто встрѣчающіяся одѣ и тѣ же цифры нумераціи и годовъ на фальшивыхъ кредитныхъ билетахъ даннаго достоинства указываютъ на большія и меньшія средства и дѣятельность шайки заумышленниковъ, занимающейся ихъ поддѣлкой и сбытомъ.

Въ заключеніе позволимъ себѣ остановиться на нѣкоторыхъ общихъ соображеніяхъ и указать на нѣкоторые способы принятыя за границей для ограниченія поддѣлки билетовъ.

Какъ извѣстно, у насъ въ Россіи поддѣлка кредитныхъ билетовъ появилась чуть не въ одно время съ ихъ первымъ выпускомъ. Скоро и за границей явились многочисленные заумышленники, которые въ поддѣлкѣ русскихъ денежныхъ знаковъ нашли себѣ источникъ обогащенія. Предъ

кампаніей 1812 года масса фальшивыхъ ассигнацій наводни-ла Россію; въ настоящіе дни польская интрига видитъ въ поддѣлкѣ русскихъ денежныхъ знаковъ за границей могущественное средство для нанесенія матеріальнаго вреда Россіи. Наше правительство, въ виду громаднхъ размѣровъ какіе приняло это зло у насъ дома и за границей, постоянно изыскивало различныя средства для его прекращенія. Однимъ изъ главныхъ средствъ для этой цѣли считалась частая перемѣна образцовъ нашихъ кредитныхъ билетовъ, причѣмъ каждый разъ техническія трудности при ихъ производствѣ увеличивались. На эти техническія трудности постоянно разчитывали какъ на главную гарантію противъ поддѣлки, и постоянно эти надежды бывали обмануты. Искусство поддѣльвателей шло всегда наравнѣ съ усовершенствованіями вводимыми въ настоящихъ кредитныхъ билетахъ. Наши кредитные билеты послѣдняго образца исполнены въ высшей степени художественно: въ нихъ были собраны почти всѣ непреодолимыя техническія трудности для ихъ поддѣлки; но все это не смутило поддѣльвателей, и вскорѣ послѣ выпуска этихъ билетовъ появились таковыя же фальшивыя, такъ искусно сдѣланныя, что только человекъ опытный, и то съ большимъ трудомъ, различить ихъ отъ настоящихъ; а человекъ безграмотный приметъ безъ всякаго подозрѣнія въ ихъ фальшивости. За границей уже давно сознали слабость гарантіи противъ поддѣлки денежныхъ знаковъ какую представляетъ собраніе всякихъ техническихъ трудностей при производствѣ кредитныхъ билетовъ. Тамъ другія условія не дали развиться преступленію поддѣлки до тѣхъ огромныхъ размѣровъ какъ у насъ. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ условій. Въ то время какъ въ Россіи представителями цѣнностей уже долгое время служатъ единственно государственныя кредитные билеты, тамъ мелкіе расчеты большею частію производятся звонкою монетою — золотою или серебряною, — а для болѣе крупныхъ ходятъ чеки различныхъ банковъ. Кромѣ того, крупныя билеты, при отсутствіи довѣрія къ лицу, принимаются не иначе какъ съ передаточною надписью. Противъ послѣдняго обстоятельства обыкновенно возражаютъ что передающій билетъ можетъ назваться не своимъ именемъ. Не споримъ, что это можетъ случиться, но большею частію лица дѣлающія крупныя сдѣлки знаютъ другъ друга лично; наконецъ, мало

кто рѣшится, кромѣ передачи фальшивой ассигнаціи, совершить еще подлогъ, назвавшись чужимъ именемъ. Что бы ни говорили, но эта мѣра служить довольно дѣйствительнымъ средствомъ для ограниченія предѣловъ сбыта фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ крупнаго достоинства. Въ числѣ другихъ способовъ для предотвращенія распространенія въ публикѣ фальшивыхъ ассигнацій, въ Англіи, въ казначействахъ и банкахъ, существуетъ такое правило что каждый билетъ ими выпущенный, вернувшись обратно въ ихъ кассу въ какомъ бы ни было видѣ, старомъ или новомъ, въ другой разъ уже не выпускается въ обращеніе и замѣняется другимъ; вотъ почему тамъ нѣтъ изорванныхъ и засаженныхъ билетовъ, какіе у насъ способствуютъ обращенію фальшивыхъ ассигнацій. Съ своей стороны, общество способствуетъ администраціи въ открытіи злоумышленниковъ. Въ Англіи существуютъ дѣла общества частныхъ лицъ образовавшіяся для преслѣдованія поддѣльвателей денежныхъ знаковъ. Прибавимъ, что распространеніе образованія было бы однимъ изъ важнѣйшихъ противодѣйствій развитію поддѣлки денежныхъ знаковъ. Пока крестьянинъ не въ состояніи будетъ отличить буквъ отъ безобразныхъ кавычекъ, никакія усовершенствованія въ кредитныхъ билетахъ не останавятъ ихъ поддѣлки и сбыта. Всегда будутъ находиться сѣрые люди, готовые, по незнанію, принять съ полною вѣрой дѣвтной клочокъ бумаги, имѣющей самое отдаленное сходство съ кредитнымъ билетомъ, за настоящую ассигнацію. Большинство поддѣльвателей и сбытчиковъ въ своихъ оборотахъ разчитываютъ обыкновенно не на города, гдѣ все-таки умственное развитіе выше, а на деревни и села. Главная масса фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, по наблюденіямъ, обращается не въ городахъ, а по деревнямъ.

ВЛАДИМИРЪ РОСКОВЩЕНКО.

САМОЗВАНЕЦЪ СТЕПАНЪ МАЛЫЙ

ПО АКТАМЪ ВЕНЕЦІЯНСКАГО АРХИВА.

III. Самозванецъ въ Майнахъ.

Въ предыдущихъ двухъ главахъ мы сообщили первыя венеціянскія извѣстія о Степанѣ Маломъ, собрали отрывочныя свѣдѣнія о походе его до самозванства и старались разъяснить причины благоприятствовавшія ему какъ въ Черногоріи, такъ и въ венеціанской Албаніи. Представимъ теперь очеркъ его дѣятельности въ Майнахъ.

Мы уже видѣли подъ какимъ предлогомъ Степанъ Малый поселился въ домъ Вука Марковича въ Майнахъ, какою таинственностью онъ окружилъ себя, и какое впечатлѣніе произвели на генеральнаго проведитора въ Далмаціи его появленіе и странныя его письма. Отправленный къ Степану Малому шпиономъ Доменикъ Палеологъ не могъ узнать о немъ ничего обстоятельнаго, и на приглашеніе открыться и довериться генеральному проведитору, самозванецъ отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ отъ 5-го сентября ст. ст., написаннымъ псевдонимомъ „Pape Igudiana“:

„Отъ вѣрнаго слуги вашего прев—ства (пишетъ Степанъ Малый Реньеру), Доменика Палеолога, муниципонера Будвы, я узналъ то чего давно ожидали мое сердце и мой умъ. Уже болѣе года нахожусь я въ Черногоріи и въ здѣшнихъ мѣстахъ, и съ большимъ трудомъ достигъ я этой земли. Я остановился здѣсь и сталъ наблюдать, по мѣрѣ слабыхъ силъ своихъ, могу ли надѣяться на мудрость правителей (la buona

* См. Русскій Вѣстникъ № 7.

carrienza dei fedeli patroni), и опчбся въ надеждахъ. Сколько разъ умъ внушалъ мнѣ искать иного пути, но мнѣ это невозможно, ибо имѣю исполнить крѣпкую заповѣдь, данную мнѣ Богомъ (un forte e gagliardo comando da Dio). Изъ страха нѣтъ силъ мыслить; страхъ этотъ объемлетъ всякаго смертнаго, невиннаго и преступнаго. Добрые будутъ награждены, злые наказаны. Но довольно. Вы понимаете смыслъ моихъ словъ. Съ радующимся возрадуется черная земля. Но страхъ мнѣ сковываетъ языкъ, не забудьте этого времени. Вижу что взаправду ваше прев—ство прибудете въ Боку, Скендеро и остальные благоденствующія подъ вашимъ управленіемъ области. Мысль моя ищетъ чистыхъ путей, и нѣтъ иного, кромѣ одного, и вотъ чего я желаю: скажу во оправданіе имѣющаго совершиться. Я снялъ съ себя божественныя знаменія и посылаю ихъ въ сенатъ: не могу миновать этого пути; это солнце, которое я созерцаю. Предѣлы пройдены, за коими откровеніе. Жду отъ сената отвѣта: отъ него зависитъ связать и развязать языкъ. Для меня нѣтъ исхода безъ этого отвѣта. Сообразно съ нимъ направляю мои дѣйствія. Прошу васъ, держите это въ тайнѣ, ради вашего счастья. Придетъ время, когда познаете знаменія находящіяся при мнѣ. Усерднѣе прошу васъ, пошлите не размышляя мои строки (буквально, слова: parole). Еще имѣю сказать нѣчто императору Вѣны чтобы доказать что при мнѣ находятса божественныя и его знаменія (divini e suoi controsogni), знаменія не раздѣлимыя: пусть избираетъ онъ лучшее что можетъ, когда наступитъ время откровенія. Безъ разрѣшенія сената не могу предъявить эти знаменія; съ его согласія они будутъ обнародованы здѣсь. Они вполне скажутъ то что я говорю наполовину. Счастливъ идущій прямымъ путемъ. Будьте тверды въ добрыхъ начинаніяхъ. Теперь не имѣю ничего болѣе сказать, ожидая отвѣта, который надѣюсь получить чрезъ васъ вѣрнымъ путемъ. Дотолѣ будемъ жить въ мирѣ, а потомъ поступимъ сообразно съ нимъ (отвѣтомъ). Въ случаѣ неудачи, увѣдомьте меня для личнаго моего свидѣнія; въ случаѣ успѣха, пришлите мнѣ удостовѣрительный приказъ, а я вручу вамъ *посты* (li posti?), и возрадуемся въ первый разъ отъ всего сердца. Придетъ къ намъ на помощь Богъ, надѣющіеся на Него не погибнуть. И солнце станетъ грѣть. Имя и фамилія, которыми подписываюсь — *Rane Irudianiija*. Я пахарь, пашущій землю; пашу и буду пахать ее, пока не родитъ она плодъ. Хочу или умереть, или работать и вскорѣ окончить работу. Такъ повелѣваетъ мнѣ самъ Богъ, надъ которымъ нѣтъ владыки. Настанетъ время когда уразумѣете мое слово. Не забывайте его и вѣруйте въ его исполненіе.“

Мы передали по возможности близко къ подлиннику выраженія этого письма, писаннаго по-италіянски и сохранившагося въ бумагахъ генеральнаго проведитора Реньера:

буквальный перевод невозможенъ. Препровожденнаго при немъ письма въ сенатъ мы не нашли.

Реньеръ понималъ что бредъ въ этомъ письмѣ преднамѣренный, что писавшій его не сумасшедшій, что цѣль письма пустить пылъ въ глаза; съ другой стороны, онъ зналъ что народъ начинаетъ вѣрить царственному происхожденію самозванца, и что вслѣдствіе этого могутъ произойти серьезныя безпорядки во вѣренной его управленію области, а потому, въ ожиданіи инструкцій отъ сената, онъ рѣшился немедленно принять мѣры противъ самозванца: онъ окружаетъ его шпионами, отправляетъ къ берегамъ Будвы вооруженную галеру и самъ отправляется въ венеціанскую Албанію.

Между тѣмъ Степанъ Малый цѣлымъ рядомъ самыхъ смѣлыхъ, даже отчаянныхъ поступковъ успѣлъ расширить кругъ своихъ приверженцевъ и подчинить своему вліянію всю Черногорію и большую часть венеціанской Албаніи, не останавливаясь ни предъ неудачами, ни предъ опасностями. Незвѣстный авторъ рукописной *Истории Степана Малаго* (*Storia del Stefano Piccolo*, № 698, библ. г. Кукулевича, въ Загребѣ) разказываетъ слѣдующій случай, не лишенный правдоподобія:

„Однажды, находясь въ Нѣгушахъ на свадьбѣ, Вукъ Марковичъ, увидѣвъ что Степанъ Малый беретъ за стаканъ вина, встаетъ тотчасъ на ноги и въ знакъ почтенія приподымаетъ шапку. Черногорцы разсмѣялись и спросили его: „если ты такъ уважаешь своего работника, то почему не одѣнешь его получше? Если у тебя нѣтъ одежды, то занялъ бы у насъ“. Другіе шутя спросили: „Почему ты не снабдилъ его оружіемъ? Если у тебя нѣтъ сабли, то препоясалъ бы ему палку.“

Такъ было въ началѣ; потомъ увидимъ совершенно иного рода сцены.

Первыми приверженцами и довѣренными самозванца были: его хозяинъ, Вукъ Марковичъ, человекъ простой, но корыстный, и два другія Майнота, Марко Яновичъ и монахъ Θεодосій Мерковичъ,—оба бывшіе въ Россіи при Петрѣ III и имѣвшіе случай видѣть его. Они признали въ немъ настоящаго царя Петра III, и Марко Яновичъ ручался даже головой за справедливость словъ своихъ. Нашли въ православномъ Майнинскомъ монастырѣ портретъ Петра III, и

поразительное сходство со Степаномъ Малымъ еще болѣе даю вѣсу увѣреніямъ Марка Яновича и монаха Θεодосія.

Не дремалъ и самъ Степанъ Малый: На сходкѣ общинъ Майнъ и Пастровичей, спорившихъ о границахъ, видя что выборные только разжигали общинную вражду, онъ публично сталъ укорять ихъ, разобралъ взаимныя жалобы и притязанія и постановилъ рѣшеніе, которымъ остались довольны обѣ стороны, немедленно примирившіяся. Пристыженные имъ выборные грозили ему местию; но онъ, не теряя присутствія духа, отвѣчалъ: „Пока въ рукахъ моихъ только ружье, а вскорѣ будетъ галера“.*

25-го сентября „Степанъ Малый“, малѣйшій въ мірѣ, добрый съ добрыми, издалъ въ Будвѣ прокламацію, въ которой говорилось „что два яблока еще не созрѣли, но вскорѣ созрѣютъ“, и затѣмъ увѣщевалъ владыку черногорскаго изгнать изъ епархіи недостойныхъ священниковъ и монаховъ, распутная жизнь которыхъ подаетъ дурной примѣръ паствѣ, а черногорскихъ главарей увѣщевалъ примирить враждующія общины и установить вѣчный миръ.**

Увѣщаніе Степана Малаго не осталось безъ послѣдствій: оно заставило стараго Савву призадуматься и найти предлогъ не созывать церковнаго собора требуемаго „неизвѣстнымъ“ таинственнымъ иностранцемъ; черногорскіе же главари, напротивъ, поспѣшили собраться на скупшину въ Цемлигахъ Катунской нахіи. На нее были приглашены и депутаты отъ общинъ Майнъ, Поборей и Брамчей: первая изъ этихъ общинъ послала восемь человекъ, вторая десять, а послѣдняя четырехъ. На скупшинѣ 3-го октября было положено забыть старыя обиды и несогласія и заключить всеобщій миръ, но не вѣчный, какъ требовалъ Степанъ Малый, а временный, до Юрьева дня. При ружейныхъ выстрѣлахъ и при кликахъ: „да здравствуетъ царь Петръ!“ разошлась скупшина; но не остался ею доволенъ Степанъ Малый: на слѣдующій же день онъ отправилъ въ Черногорію своего довѣреннаго съ письмами къ главарямъ; онъ укорялъ ихъ въ кровожадности, въ стремленіи ко взаимному истребленію и призывалъ ихъ снова на скупшину для заключенія вѣчнаго

* Донесеніе командира галеры въ водахъ Будвы, Серб. Морозими, октябрь 1767 г. *Generalato Remier*, № 112.

** Тамъ же. Ср. *Storia del Stefano Piccolo*.

мира. Въ то же время онъ обладеживалъ ихъ возможностью расширенія границъ со стороны Венеціи.*

9-го октября происходило первое свиданіе владыки Саввы со Степаномъ Малымъ, имѣвшее немаловажныя послѣдствія. Наканунѣ старый владыка съ викаріемъ Степаномъ и съ подobaющею его сану свитой спустился съ Черныхъ Горъ въ Майны. На другой день онъ одинъ былъ допущенъ къ Степану Малому. Со смиреніемъ и повиновеніемъ предсталъ предъ нимъ престарѣлый, напуганный Савва. Степанъ Малый принялъ его съ надменностію, укорялъ за распущенную жизнь духовенства въ Черногоріи, за упадокъ христіанской нравственности въ народѣ, и во всемъ винилъ его самого, подающаго лично дурной примѣръ паствѣ. Савва сначала попробовалъ было оправдываться, но вскорѣ долженъ былъ уступить „силѣ убѣжденія и краснорѣчія“ и замолчать. Прощаясь, онъ хотѣлъ облобызать ноги самозванца; но тотъ быстро поднялъ его и, ободряя, совѣтовалъ ему перемѣнить образъ жизни и тѣмъ заслужить его довѣріе. Владыка разстался съ нимъ вполне утѣшенный (*consolatissimo*).**

По свидѣтельству очевидцевъ, Степанъ Малый отличался повелительнымъ тономъ, надменнымъ обращеніемъ, быстрымъ умомъ и силою краснорѣчія. Эти качества обаятельно дѣйствовали и на натуры болѣе крѣпкія чѣмъ Савва, а потому неудивительно что хилый владыка такъ легко поддался его вліянію и своимъ примѣромъ увлекъ всю Черногорію и большую часть венеціанской Албаніи—свою паству.

Слухъ о присутствіи въ Майнахъ русскаго царя проникъ и въ Боку Которскую и былъ причиной безпорядковъ, противъ которыхъ Венеціанцы нашлись вынужденными употребить вооруженную силу. „Въ Рисано“, по словамъ неизвѣстнаго біографа Степана Малаго, „дошло до кровопролитія. Нѣкто Петръ Джая, одинъ изъ рисанскихъ главарей, послалъ Степану Малому, при письмѣ, въ подарокъ оружіе и одежду. Джая былъ нѣкоторое время въ Россіи, и его поступку

* Донесеніе С. Морозина отъ 1-го и Марка Бубича отъ 4-го октября 1767. Тамъ же.

** Маркъ Бубичъ въ двухъ донесеніяхъ отъ 10-го октября описываетъ свиданіе Саввы съ Степаномъ Малымъ. По показанію одного шпіона (*Relazione di confidente, ritornato dal Montenegro, a di 14 ottobre 1767, при донесеніи Чикомъ отъ того же дня*), Савва подарилъ Степану Малому быка и четырехъ барановъ.

придали особую важность. Венеціанскія власти нашли поэтому нужнымъ сдѣлать выговоръ Джаѣ и другимъ двумъ рисанскимъ шкиперамъ, Цѣловичу и Кордѣ. Они обидѣлись и отвѣчали грубо. Ихъ призвали для оправданія въ Которъ; но когда троекратный вызовъ остался безъ послѣдствій, отправили въ Рисано маіора съ 40 солдатами, съ приказаніемъ схватить непослушныхъ и доставить ихъ къ проведитору. Маіоръ сохранилъ въ тайнѣ свое порученіе; но когда онъ неожиданно отдалъ приказаніе схватить трехъ вышепомянутыхъ шкиперовъ, Рисаноты поспѣшили къ нимъ на помощь и силою освободили ихъ. Тогда венеціанскія власти должны были прибѣгнуть къ болѣе строгимъ мѣрамъ. Тотчасъ были отправлены къ Рисано вооруженныя суда съ нѣсколькими тысячами десанта. Послѣ двукратнаго бесполезнаго увѣщанія солдаты пошли на приступъ города. Рисаноты столь мужественно защищались въ своихъ домахъ, что венеціанскіе солдаты должны были отступить съ потерей нѣсколькихъ сотъ человекъ (тогда какъ со стороны Рисанотовъ были убиты только одинъ мужчина и одна женщина). Призванный на вѣру (*sulla fede*) въ Которъ, Корда, на вопросъ почему они (Рисаноты) сражались съ войсками дожа, отвѣчалъ что не съ войскомъ дожа они сражались, а съ какими-то неизвѣстными воинами высадившимися подъ городомъ, съ которыми даже дѣти начали драться и т. п. Такимъ образомъ онъ сумѣлъ дать иной оборотъ дѣлу. Получивъ отъ него увѣреніе что они (Рисаноты) точно также будутъ сражаться и за дожа, даровали ему прощеніе.“

Объ этомъ происшествіи я не нашелъ никакихъ свѣдѣній въ актахъ венеціанскаго архива; объ упоминаемыхъ же въ этомъ разказѣ лицахъ сохранились слѣдующія извѣстія въ предписаніяхъ государственныхъ инквизиторовъ (*Inquisitor di stato*) къ чрезвычайному проведитору въ Албаніи, *Zuane Zusto*. Вотъ что писалъ ему, отъ имени своихъ товарищей, Петръ Градениго отъ 20-го августа 1768 г.:

„Считая достойнымъ особаго вниманія происшествія, съ нѣкотораго времени возмущающія спокойствіе Албаніи, вызванныя извѣстнымъ самозванцемъ сумѣвшимъ столь искусно привлечь на свою сторону Черногорцевъ, судъ съ самаго ихъ начала не могъ упустить изъ виду нѣкоего шкипера Заю Бладиновича (*Zaja Bieladinovich*) изъ Рисано.... Въ началѣ онъ служилъ чрезвычайному проведитору Чиконьѣ

шпіономъ (di confidente) и былъ посланъ въ Мадны для розысканій о личности и поступкахъ вышепомянутаго самозванца. Тамъ онъ пробылъ болѣе двухъ недѣль, по причинамъ или, быть-можетъ, подъ предлогомъ хирагры. По возвращеніи онъ сталъ пренебрегать чрезвычайнымъ проведиторомъ и даже увѣрялъ что помянутый самозванецъ есть царь Петръ, и послалъ ему въ подарокъ коня, саблю и пару пистолетовъ. Послѣ того открылось, что вышепомянутый Зая рѣшился пробраться въ Истрію на кораблѣ шедшемъ въ Венецію, подъ предлогомъ помѣстити одного изъ своихъ сыновей въ училище въ Каподистрію. Въ этой области находился въ то время нѣкто Степанъ Заровичъ (Sarovich), по прозванію Петровичъ, его зять, бывший начальникомъ мѣстной милиціи и по важнымъ подозрѣніямъ арестованный судомъ. Съ этою цѣлю онъ (Зая) обратился къ генеральному проведитору съ просьбой о выдачѣ ему паспорта, но вслѣдствіе замедленія, онъ, изъ подозрѣнія, перемѣнилъ намѣреніе и остался на родинѣ, гдѣ доселѣ находится. Самъ генеральный проведиторъ подозрѣвалъ что онъ (Зая) намѣренъ былъ произвести въ Истрію между своими единоплеменниками и единовѣрцами движеніе въ пользу самозванца, въ которомъ онъ признавалъ царя Петра. Подобный человѣкъ можетъ быть еще опаснѣе на родинѣ, гдѣ простой народъ уже поддался или легко можетъ поддаться подобнымъ внушеніямъ.“ Вслѣдствіе этого предписывалось которскому проведитору произвести строжайшее и въ то же время секретнѣйшее слѣдствіе надъ Заею и его сообщниками, разузнать откуда и сколько получаютъ Черногорцы субсидій оружіемъ и деньгами и, въ случаѣ есабы подозрѣнія оправдались, арестовать какъ Заю, такъ и его сообщниковъ, напередъ овладѣвъ ихъ бумагами.* Но которскому проведитору не удалось арестовать Петра Бѣладиновича Заю: онъ вмѣстѣ съ Петромъ Кордою бѣжалъ изъ Рисано, какъ доносилъ объ этомъ Zusto инквизиторамъ. **

Не только простой православный народъ венеціанской Албаніи, но даже образованные венеціанскіе чиновники,

* *Piero Gradenigo al Prov. Estraord. in Albania Zuanne Zusto. 20 Agosto 1768. (Inquisitori di stato. Prov. Gen. in Dalm. et Alb. Antonio Renier 1765—1768. № 14.)*

. ** *Lorenze Grimani allo stesso. 7 Novembre 1768. Ibidem.*

каковъ былъ начальникъ галеры Себастьянъ Морозини, вѣрили что Степанъ Малый былъ дѣйствительно царь Петръ III, чуднымъ образомъ спасшійся отъ смерти и въ теченіе семи лѣтъ странствовавшій по свѣту, претерпѣвая всевозможныя лишенія.

При такихъ обстоятельствахъ жизнь Степана Малаго становится привольнѣе. Корыстный Вукъ Марковичъ съ сообщниками стараются удовлетворить всѣмъ его прихотямъ. Подарки одеждой, оружіемъ, съѣстными припасами присылаются какъ изъ Черногоріи, такъ и изъ разныхъ мѣстъ венеціанской Албаніи. У самозванца заводится секретарь—Иово Пеиовъ. Домъ его охраняетъ стража изъ мѣстныхъ жителей, а у дверей его покоя ставится караульный съ обнаженною саблей.... *

Скупщина или соборъ (сборъ), имѣвшая собраться во Врелѣ, неподалеку отъ Бранчей, по причинѣ многочисленности была перенесена въ Цетинье. На ней присутствовало 7.000 Черногорцевъ и Поморцевъ: всѣ нахіи Черногоріи (Цервичская, Рѣчская, Катунская, Лѣшанская и Бердская) имѣли на ней представителей; изъ венеціанской Албаніи прибыло 130 Майнотовъ, 85 Поборянь и 70 Бранчей. Представителями Степана Малаго были Вукъ Марковичъ и Марко Яновичъ, первый въ качествѣ секретаря, а второй въ качествѣ адъютанта. Этотъ послѣдній, бывшій нѣсколько лѣтъ тому назадъ вмѣстѣ съ владыкой Василиемъ въ Россіи и имѣвшій случай неоднократно цѣловать руку императора (?), поручился головою своею и всѣмъ своимъ имуществомъ что иностранная особа пребывающая въ Майнахъ есть царь Петръ III. На этой скупщинѣ, 13-го октября н. ст., былъ заключенъ вѣчный миръ между всѣми племенами черногорскими и пограничными албанскими, былъ избранъ губернаторомъ Иово Станишичъ, сынъ Стана Попова, умершаго въ Петербургѣ, и братъ Вукала, убитаго три года тому назадъ Рѣчанами, и было постановлено, что всякое племя отправить отъ себя 60 старшинъ (vecchiardi) къ царю,

* Довесеніе Себ. Морозини Реньеру отъ 1-го октября 1767 г. Сравни также показаніе котораго-то шпіона (*Relazione di confidente a di 11 ottobre 1767*) превозжаемое Пасквалемъ Чуконью къ Реньеру при довесеніи отъ 12-го октября того же года.

пребывающему въ Майнахъ. * На этой же скупщинѣ, по рекомендаціи Степана Малаго, былъ признанъ коадьюторомъ черногорскаго владыки, Арсеній Пламеницъ, племянникъ Сарвы по женской линіи.

Неизвѣстный биографъ Степана Малаго сообщаетъ объ этой скупщинѣ нѣкоторыя подробности, не имѣющіяся въ актахъ венеціанскаго архива. „Одинъ монахъ“, говоритъ онъ, „громкимъ голосомъ на всѣхъ четырехъ углахъ многолюднаго собранія прочелъ указъ Степана Малаго. Онъ повелѣвалъ забыть кровную месть, возбуждавшую одинъ родъ противъ другаго, одно племя противъ другаго, и установить вѣчный миръ: всякій поднявшій руку на своего ближняго или совершившій покражу долженъ быть изгоняемъ изъ Черногоріи. Въ случаѣ если Черногорцы окажутъ повиновеніе его приказаніямъ, онъ соглашается принять главарей и обѣщаетъ открыть имъ свое происхожденіе. По прочтеніи этого указа, нѣкоторые главари произносили рѣчи къ собранію. и было постановлено избрать губернатора, мѣсто коего уже два года не было замѣщено по убіеніи Вукала Станишича. Единодушно былъ избранъ на этотъ постъ молодой Іоко Станишичъ, братъ убитаго, который, повинувъ Степану Малому, первый забылъ кровную обиду и примирился съ убійцами своего брата. Его примѣру послѣдовало все собраніе, и было постановлено всеобщее прощеніе. **

Вечеромъ того же дня, 13-го октября, 200 Черногорцевъ спустились въ Майны и размѣстились частію въ монастырѣ, частію въ домѣ занимаемомъ Степаномъ Малымъ и сосѣднихъ домахъ. Заявъ квартиры, всѣ они собрались неподалеку отъ его жилища. Онъ предсталъ предъ ними съ важнымъ видомъ, держа въ рукѣ пику. Ему предшествовалъ одинъ Майнотъ съ обнаженною саблей въ рукѣ, другой слѣдовалъ за нимъ съ обнаженнымъ палахомъ. При его появленіи всѣ главари, съ знаками глубокаго почтенія привѣтствовали его и низко кланялись ему. Самозванецъ, благосклонно отвѣтивъ на ихъ привѣтствія и пожеланія, сказалъ: „Призываю на

* *Relazione di confidente, ritornato dal Montenero, a di 14 ottobre 1767.*

** *Storia del Stefano Piccolo.* Въ ней ошибочно показанъ день скупщины (17-го октября) и число присутствовавшихъ на ней (4.000).

васъ благословеніе Бога, Владыки неба и земли! Да даруетъ Онъ вамъ силу и храбрость противъ враговъ, да будутъ остры ваши сабли и крѣпки ваши мышцы!“ Затѣмъ, поблагодаривъ ихъ за забвеніе взаимныхъ обидъ и за установленіе вѣчнаго мира, прибавилъ: „Миръ—это благодатное солнце. Да не возобновятся на будущее время кровная месть и грабежи и разбои, и да будетъ защитой всякому отъ неправды законъ!...“ Окончивъ, онъ приказалъ принести мяса и вина и сталъ угощать многолюдное собраніе. *

Спустя три дня, прибыли въ Майны еще 300 Черногорцевъ изъ селенія Глухидоль Цермничской нахіи. Онъ рассудилъ ихъ и увѣщевалъ жить между собою въ мирѣ. ** При ружейныхъ выстрѣлахъ, они покинули Майны и захѣли сербскую пѣсню: „Пой, братъ! Богъ намъ въ помощь. Да здравствуетъ нашъ царь!“ и т. д. Донося объ этомъ, М. Бубичъ прибавляетъ что самозванецъ въ теченіе 3—4 часовъ можетъ имѣть въ своемъ распоряженіи 3.000 воиновъ. Располагая такою силою, онъ могъ съ презрѣніемъ относиться къ приказаніямъ венеціанскихъ властей, требовавшихъ чтобы онъ немедленно покинулъ Майны. „Я останусь здѣсь,“ говорилъ онъ Бубичу: „это Катунская нахіа, область черногорская. Пусть придутъ сюда всѣ эти люди и вы въ ихъ челѣ, вамъ первому я срублю собственноручно голову.“ ***

О приѣмѣ Цермничанъ и о церемоніи при посвященіи самозванцемъ церкви Себастьянъ Морозини разказываетъ такъ: „Вчера (18-го октября) этотъ иностранецъ, всѣми

* Довесеніе С. Морозини отъ 18-го и М. Бубича отъ 15-го октября 1767 г. Біографъ Степана Малаго прибавляетъ къ этимъ официальнымъ свидѣніямъ еще слѣдующее: „Послѣ чего примирились также главаря трехъ общинъ (Майнъ, Поборей и Бранчей), и Степанъ Малый одобрилъ ихъ поступокъ. На возвратномъ пути одинъ изъ гвардейцевъ перемѣнилъ назначенный ему постъ и тѣмъ нарушилъ торжественный порядокъ шествія. Этимъ былъ столь раздраженъ Степанъ Малый что началъ бить его и хотѣлъ тотчасъ же отрубить ему голову; но жители на козлахъ вымолили ему прощаніе.“ Разказъ этотъ совершенно въ духъ черногорскомъ. Мнѣ въ Нѣгушахъ разказывали подобный саучай съ покойнымъ Е. П. Ковалевскимъ.

** Неизвѣстный біографъ Степана Малаго говоритъ что причиной прибытія Цермничанъ въ Майны были раздоры по поводу назначенія новаго коадьютора черногорскаго владыки.

*** Довесеніе М. Бубича къ Реньеру. Майны, 17-го октября 1767.

признаваемый за царя Петра, отправился въ близлежащую церковь, въ которой уже давно не былъ по причинѣ болѣзни. Онъ совершилъ этотъ краткій путь верхомъ на лошади, препоясанный дорогою саблей (подарки шкипера Заи изъ Русана, доселѣ проживающаго въ монастырѣ, по причинѣ хирагры, которою онъ страдаетъ). Ему предшествовала и за нимъ слѣдовала въ оба конца почетная стража изъ Черногорцевъ. При приближеніи къ церкви онъ былъ встрѣченъ салютами изъ ружей.... Сегодня (19-го октября) онъ принималъ главарей изъ Глуходола Цермничской нахи, прибывшихъ сюда въ сопровожденіи 260 поселянъ. Онъ принялъ ихъ въ величественной позѣ, съ жезломъ въ рукѣ; по обоимъ бокамъ его стояли стражи съ обнаженными саблями. Онъ былъ встрѣченъ и провожаемъ общимъ залпомъ изъ ружей. И владыка Савва оказываетъ ему большое вниманіе: онъ прислалъ ему въ подарокъ быка, сыру, два боченка вина, плащъ, рубаху и пару національныхъ шароваровъ — все изъ тончайшаго шелку.“ *

22-го октября пришли къ Степану Малому на поклоненіе (per prestar l'omaggio) 5 Ливнянъ и главари Бѣлицы и тотчасъ же по полученіи аудіенціи возвратились на родину. **

24-го числа прибылъ въ Майны архимандритъ, состоявшій при антиохійскомъ патриархѣ, уроженецъ Ускопля, получившій воспитаніе въ Россіи. Ему было подѣ 40 лѣтъ; это былъ человекъ ученый, знавшій много иностранныхъ языковъ и ловкій куртизанъ. Увѣряли, будто бы онъ былъ духовникомъ Петра III, и будто бы ему было поручено русскимъ дворомъ разыскать гдѣ онъ находится. Въ Драчѣ (Dugazzo) онъ будто бы впервые узналъ о его мѣстопребываніи, а въ Спичѣ развѣдывалъ далеко ли до Майнъ, кто такой Вукъ Марковичъ, и при немъ ли еще находится неизвѣстный иностранецъ. Получивъ нужныя свѣдѣнія, онъ отправился къ Пастровичамъ, куда прибылъ къ вечеру, и остановился въ Режевическомъ монастырѣ. Утромъ на слѣдующій день (это было 24-го октября) онъ отправился

* Домесеніе Саб. Морозими Ремьеру. Будва 19-го октября 1767 г. Число мѣсяца помѣчено, кажется, невѣрно: слѣдовало бы читать 17. Срв. предыдущее домесеніе Бубича.

** Домесеніе М. Бубича Ремьеру отъ 22-го октября 1766. Изъ Подострога близъ Майнъ.

въ Будву, а оттуда въ Майны. Остановившись въ монастырѣ, онъ не замедлил посѣтить самозванца, и былъ встрѣченъ имъ чрезвычайно радушно. Нѣсколько разъ они поцѣловались, и архимандритъ вручилъ ему письмо (будто бы отъ русскаго посланника въ Константинополь) и ларецъ съ мощами. Они бесѣдовали болѣе трехъ часовъ. Въ числѣ радостныхъ новостей архимандритъ сообщилъ будто бы что Павелъ Петровичъ былъ обрученъ съ принцессой англійскою. Онъ увѣрялъ будто бы же-Петра, что онъ вовсе не лишился правъ на престолъ, что императрица не была еще коронована и т. п., что императоръ австрійскій приготовилъ для него эскадру въ Триестъ... Самозванецъ торжествовалъ и все время веселился. Разставшись съ нимъ, архимандритъ отправился ко владыкѣ Саввѣ въ Сталевичи. *

Мы имѣемъ полное право считать этотъ разказъ о свиданіи самозванца съ какимъ-то заѣзжимъ архимандритомъ вымысломъ Марка Яновича, со словъ котораго писалъ Бубичъ: извѣстно что этотъ „confidante“ венеціанскаго чиновника былъ правою рукой Степана Малаго...

25-го октября посѣтилъ Степана Малаго воевода Джюрашкочичъ съ двадцатью черногорскими главарями. На возвратномъ пути онъ имѣлъ свиданіе съ подгорицкимъ пашой, распрашивавшимъ его о Степанѣ Маломъ: паша удивлялся мудрости и правосудію самозванца и радовался если онъ дѣйствительно царь Петръ III. Въ это время, прибавляетъ Бубичъ, было уже отправлено изъ Скадра въ Константинополь восемь курьеровъ съ извѣстіями о самозванцѣ. **

Черезъ четыре дня явился на поклонъ къ самозванцу коадьюторъ черногорскаго владыки, епископъ Арсеній, и принесъ ему въ даръ грузъ сухарей, четыре штуки сыра, вѣсомъ во 100 слишкомъ фунтовъ, и копченой рыбы.

Положеніе Степана Малаго было упрочено: опираясь на Черногорію и православныхъ жителей венеціанской Албаніи, онъ смѣялся надъ угрозами мѣстныхъ властей, не рѣшавшихся принять рѣшительныя мѣры. Эта нерѣшительность происходила изъ боязни вооружить противъ Венеціи Черногорію и встрѣтить сопротивленіе со стороны православныхъ

* Довесеніе его же изъ Будвы, отъ 26-го октября 1767 г. Срв. довесенія Антонія Вона, подесты Будвы, отъ 24-го, и Вубича отъ 30-го числа того же мѣсяца.

** Довесеніе его же отъ 28-го октября 1767 года.

общинъ венеціанской Албаніи. Не располагая достаточными силами для открытой борьбы, генеральный проведиторъ Далмаціи долженъ былъ довольствоваться полумѣрами. Вотъ что онъ писалъ, отъ 27-го октября, состоявшему при Портѣ Оттоманской, Ивану Антону Руццини: *

„Неизвѣстный иностранецъ продолжаетъ жить въ Майнахъ, принимая депутатовъ отъ различныхъ православныхъ сербскихъ общинъ, даже изъ сосѣдней Турціи, приходящихъ изъ любопытства взглянуть на него и поклониться тому кого они считаютъ царемъ Петромъ Третьимъ.

„Хотя онъ открыто и не говоритъ что онъ царь, но употребляетъ таинственныя выраженія и символическіе знаки, возбуждающіе воображеніе массы, и распускаетъ молву о своей перепискѣ съ Петербургомъ и съ русскими посланниками въ Вѣнѣ и Константинополѣ, желая, какъ мнѣ кажется, продлить эту сцену.

„Владыка черногорскій своими посвѣщеніями и подарками, состоящими изъ одежды и съѣстныхъ припасовъ, укрѣпляетъ ежедневно простой народъ въ его заблужденіи и своими совѣтами руководитъ его дѣйствіями изъ личныхъ своихъ видовъ и для поддержанія возбужденнаго фанатизма.

„Турецкія власти въ Албаніи и Герцеговинѣ зорко слѣдятъ за движеніями Черногорцевъ и православныхъ Сербовъ въ этихъ областяхъ.

„Я не успѣлъ еще убѣдить его покинуть венеціанскую территорію, а благоразуміе не позволяетъ мнѣ прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ, дабы не возбудить открытаго сопротивленія.

„Онъ говоритъ что со временемъ онъ отправится отсюда, но что теперь не хочетъ покинуть своего мирнаго убѣжища въ Майнахъ, гдѣ онъ никого не беспокоитъ, проповѣдуя миръ и справедливость.

„Онъ недоволенъ мною за приказаніе удалиться изъ Венеціанскаго государства и считаетъ меня несчастнымъ за то что я не раздѣляю его идей.

„Ожидаю инструкцій отъ сената и сообщеній отъ вашего правительства: вы, вѣроятно, получите отъ русскаго посланника всѣ необходимыя свѣдѣнія объ этомъ феноменѣ.“

Силы которыми могъ располагать Степанъ Малый съ каждымъ днемъ увеличивались. Кромѣ пяти свободныхъ черногорскихъ нахій, признали его царемъ Петромъ Третьимъ слѣдующія племена, находившіяся подъ властію Турокъ: Подгоричане, Кучи и Требцы (всего 3.000 чел.), Папери (3.000

* *Gio. Ant. Ruzzini, Bailo alla Porta. Cattoro, 27 ottobre 1767. Generalato Renier. Lettere al Bailo di Constantinopoli.*

чел.), Никшичъ, Гауко и Требинье. Всѣ эти племена возстали поголовно и готовы были идти куда поведетъ ихъ мнимый царь. Распустили слухъ что въ непродолжительномъ времени вступятъ въ Герцеговину русскія и австрійскія войска. *

2-го ноября возвратился самозванецъ изъ непродолжительной поѣздки по Черногоріи, въ сопровожденіи 25 главарей. Вслѣдъ за нимъ прибыли въ Майны 60 главарей изъ Николчей и Цудъ. Въ тотъ же день онъ получилъ письмо отъ всего черногорскаго народа, торжественно признававшего его царемъ Петромъ Третьимъ, своимъ повелителемъ. **

Самозванецъ потребовалъ чтобы Савва прислалъ ему грамоту царя Петра I ко владыкѣ Данилу и 160 золотыхъ медалей, присланныхъ изъ Россіи для раздачи черногорскимъ главарямъ.

Такъ какъ въ наличности оказалось всего 20 медалей (двѣ цѣнностью въ 80 цекиновъ, десять въ 50, а остальные въ 30 цек.), то владыка Савва обязался уплатить сумму въ 300 цекиновъ. У него нашлось всего только 100 цекиновъ, и онъ сталъ серьезно опасаться послѣдствій гнѣва самозванца. Русскія медали онъ роздалъ преданнымъ ему черногорскимъ главарямъ. ***

Въ первыхъ числахъ ноября посѣтилъ самозванца, по приказанію генеральнаго провектора, полковникъ Трифонъ Стефановичъ. Въ его донесеніи, отъ 9-го ноября, сохранился любопытный разказъ объ этомъ свиданіи. „Подъѣзжая къ дому Вука Марковича, я замѣтилъ“, говоритъ онъ, „неизвѣстнаго, возвращавшагося верхомъ на лошади изъ ближайшей православной церкви, гдѣ онъ былъ у обѣдни (былъ праздничный день); за нимъ слѣдовало около тридцати вооруженныхъ человекъ.... Предъ его домомъ стояло около 150 вооруженныхъ Черногорцевъ. Отвѣтивъ на ихъ привѣтствіе, я слѣзъ съ лошади и направился къ дверямъ, въ которыхъ встрѣтилъ меня неизвѣстный. Поздоровавшись, онъ ввелъ меня въ низкую комнату съ мѣстною обстановкой: въ ней была постель изъ досокъ на морлацкій манеръ; посреди

* Донесеніе Андрея Дуадо изъ Скадра, отъ 1-го, и Станислава Вуровича изъ Новаго (Castelnovo), отъ 10 го ноября 1767 года.

** Донесеніе Вубича, изъ Будвы, отъ 3-го ноября 1767 года.

*** Донесеніе Вубича отъ 5-го ноября 1767 года.

нея былъ разведенъ огонь; двѣ деревянныя скамьи были покрыты двумя струками (родъ плета, употребляемый Черногорцами и Герцеговинцами); неподалеку былъ столикъ покрытый скатертью, а на немъ восемь стакановъ изъ разноцвѣтнаго богемскаго стекла. На неизвѣстномъ были албанскія панучи, шерстяные разноцвѣтные чулки, бѣлые шелковые шаровары на манеръ турецкихъ, поношенный камзолъ изъ краснаго сукна, шелковая шитая куртка (подарокъ владыки Саввы, равно какъ и шаровары), а поверхъ нея истасканный сюртукъ, на италіанскій манеръ, изъ грубаго бѣлаго сукна; красный фесъ былъ нахлобученъ до бровей.... Онъ средняго росту; худощавъ; цвѣтъ тѣла бѣлый; бороды не носить, а только маленькіе бѣлорусые усики; длинныя волосы покрываютъ шею и падаютъ на спину.

„Усѣвшись, я спросилъ его: Господинъ Стефанъ, что вамъ угодно отъ меня? Вы неоднократно изъявляли желаніе видѣть меня.“—„Я не господинъ“, отвѣтилъ онъ мнѣ, „а Степанъ малѣйшій изъ малыхъ“. Потомъ прибавилъ: „Я желалъ знать отъ васъ о двухъ вещахъ: 1) что злаго я сдѣлалъ въ области ясѣйшей Венеціанской республики, развѣ то что внушилъ этому грубому народу уваженіе къ божескому и человѣческому закону? и 2) почему генеральный провекторъ старается изгнать меня изъ венеціанскихъ владѣній и даже, быть-можетъ, покушается на жизнь мою?“ Я отвѣтилъ ему: „Господинъ Стефанъ, ваши поступки несообразны съ нашими мыслями, ибо вы взволновали здѣшній народъ и даже православныхъ турецкихъ подданныхъ, увѣряя что вы царь русскій Петръ III.“

„— Я никогда этого не говорилъ, перебилъ онъ меня.— Я Степанъ малый, и Богъ изъ малыхъ творить великихъ и изъ великихъ малыхъ.“

„— Но такого рода рѣчи, замѣтилъ я, — возбуждаютъ народное воображеніе, которое рисуетъ васъ царемъ-избавителемъ.“

„— Я ничего иного не дѣлаю, отвѣтилъ онъ, — какъ излагаю только заповѣди Божіи и законъ христіанскій, по ко-ему мы должны любить ближняго какъ себя самихъ и прощать во имя Христова обиды и оскорбленія. Итакъ ничего злаго я не дѣлаю, соблюдая заповѣди Божіи.“

„— Это дѣло духовенства, сказалъ я ему, — и безъ позволенія властей никто не можетъ проповѣдывать въ венеціанскихъ владѣніяхъ, а повтому онъ хорошо бы сдѣлалъ еслибы

перенесъ свою проповѣдь въ чужія страны, напримѣръ хотъ въ сосѣднюю Черногорію, которая столь нуждается въ хорошихъ проповѣдникахъ.

„— Прошло уже семь лѣтъ, отвѣчалъ онъ,—съ тѣхъ поръ какъ Господь заповѣдалъ мнѣ идти по міру и проповѣдывать монархамъ заповѣдь его, да всѣ единодушно соединятся противъ общаго врага Креста Христова.

„— Такъ можетъ говорить, замѣтилъ я ему,—только чело-вѣкъ съ разстроеннымъ разсудкомъ, и внимать ему можетъ только невѣжественная чернь.

„Въ раздраженіи онъ сбросилъ съ головы фесъ и сказалъ:

„— Я слѣдую внушенію свыше и готовъ претерпѣть всякую казнь и всякія страданія, дабы заслужить вѣнецъ мученическій.

„При видѣ его раздраженія, я всталъ и сказалъ ему шу-тливимъ тономъ:

„— Если вы таковы, если Господь столь милосердъ къ вамъ, то сотворите чудо надо мной, да сдѣлаюсь я вашимъ послѣдователемъ и пойду по стопамъ вашимъ по міру, проповѣдая царямъ и народамъ христіанскимъ этотъ союзъ.

„— Наступитъ время, отвѣтилъ онъ,—когда божественное вдохновеніе освѣтитъ васъ и вамъ подобныхъ, и исполнится заповѣдь Господня.

„— Наше правительство, оказалъ я ему,—не желаетъ изъ-за васъ ссориться съ Портой Оттоманскою. Пограничные Турки слѣдятъ за вашими дѣйствіями и непріязненно смотрятъ на своихъ православныхъ подданныхъ, увлеченныхъ ложною молвою о вашемъ царственномъ происхожденіи. Если вы настоящій послѣдователь Христа, то не должны ли избѣгать гибели столькихъ христіанскихъ душъ, а не подвергать ихъ явной опасности? Такъ учить наша святая вѣра.

„— Богъ этого не попуститъ, отвѣтилъ онъ мнѣ.

„— А еслибъ это случилось? спросилъ я.

„— Семь христіанскихъ государей, сказалъ онъ,—соединенными силами уничтожатъ, по волѣ Господней, этого врага нашей вѣры.

„— М. г., прибавилъ я,—ваши доводы не убѣждаютъ меня; а потому вы поступили бы благоразумно, удалившись отсюда и перенеся вашу божественную миссію въ чужія страны.

„— Я отправилъ письма въ Вѣну, Константинополь и въ вашъ сенатъ; отъ котораго генеральный провѣдиторъ полу-

чить приказанія насчетъ моей особы, и мнѣ необходимо ожидать здѣсь отвѣта.

„— Это ваша обыкновенная отговорка, замѣтилъ я.—Объ отвѣтъ нѣтъ ни слуху, ни духу.

„— Еслибы мои первыя письма, отправленныя къ бывшему чрезвычайному проведитору Паруттѣ были доставлены по принадлежности, то мои слова нынѣ бы уже объяснились.

„Я настаивалъ на томъ чтобъ онъ удалился изъ венеціанскихъ владѣній.

„Сбросивъ вторично шапку съ головы, онъ сказалъ съ гнѣвомъ:

„— Я не могу уѣхать отсюда до полученія отвѣта.

„— Ну, этому конца не будетъ, замѣтилъ я.—Скажите, ради Бога, чего вы хотите?

„Взявшись за руку, онъ сказалъ:

„— Полковникъ, не призывайте всуе имени Божія. Увѣрю васъ что черезъ 15 или 20 дней я получу отвѣтъ и тогда отправлюсь отсюда.

„— Вы несправедливы, отвѣтилъ я.—Вы ищете безпокойства Венеціи и гибели всей Черногоріи и столькихъ христіанскихъ душъ въ сосѣднихъ областяхъ оттоманскихъ. Храбра и ненарушимо миръ съ султаномъ, мы будемъ принуждены отказать въ убѣжищѣ на венеціанской землѣ несчастнымъ Черногорцамъ отъ преслѣдованій Турокъ, въ убѣжищѣ которое такъ часто они находили у насъ.

„— Господь настроитъ умы, сказалъ онъ мнѣ въ отвѣтъ,—и не попуститъ чтобы враги имени Христова восторжествовали надъ вѣрными.

„— Ваши слова ничего не значать и не могутъ быть терпимы, перебилъ я его;—если вы такъ упрямы, то начальство будетъ вынуждено принять противъ васъ мѣры которыя вамъ не понравятся.

„— Я знаю, отвѣтилъ онъ,—что генеральный проведиторъ отѣвнилъ мою голову.

„— Его превосходительство не такого характера: онъ христіанинъ и кавалеръ (cavalier). Еслибы таковы были его намѣренія, то онъ давно бы заставилъ этотъ вашъ черногорскій народъ связать васъ, избить и сдѣлать все что ему угодно.

„— Ну, этого они не сдѣлали бы, отвѣтилъ онъ; и на мое утвержденіе прибавилъ:—Богъ надо всеми нами. Я надѣюсь

на Его Божеское милосердіе, которое освѣтитъ всякаго начальствующаго и всякаго властвующаго христіанина.

„На этомъ онъ прервалъ разговоръ и предложилъ мнѣ выпить розолія. Я отказался, а онъ, замѣтивъ что привыкъ пить, откупорилъ бутылку и выпилъ добрую чашу. Потомъ сказалъ онъ: „пообѣдаемъ сегодня вмѣстѣ по нашему обычаю“. Но я рѣшительно отказался, несмотря на то что онъ сильно настаивалъ.

„— Ну, такъ поговоримъ еще немного, пока я выкурю трубку.

„И съ этими словами онъ призвалъ одного изъ слугъ, далъ ему набить чубукъ, и когда тотъ исполнилъ его приказаніе, отослалъ его.

„Мы возвращались нѣсколько разъ къ вышеизложеннымъ предметамъ. Я сталъ говорить ему что царь Петръ III вскорѣ послѣ отреченія своего отъ престола умеръ, и что тѣло его трое сутокъ было выставлено на показъ подданнымъ. И такъ, какимъ образомъ хотите вы увѣрять этотъ невѣжественный народъ что онъ живъ, и что онъ воплощенъ въ васъ?

„— Я никогда не говорилъ что я — царь Петръ, отвѣтилъ онъ. — Что же касается до его смерти, Господь можетъ показать одно за другое.

„— Не вы говорите, замѣтилъ я, — такъ говорятъ ваши послѣдователи что вы царь Петръ. Не быть добру ни для нихъ, ни для васъ. Повѣрьте человѣку честному, совѣтующему вамъ искать спасенія; ибо васъ не минуешь гибель, если этотъ народъ откроетъ обманъ.

„— Полковникъ, отвѣтилъ онъ, — уже семь лѣтъ я блуждаю по міру и доселѣ Божественное Провидѣніе спасло меня отъ тридцати трехъ опасностей. Во время моихъ странствій я десять разъ переимѣнилъ мое имя и фамилію.

„— Доселѣ вы были счастливы, сказалъ я ему. — Но послѣ столькохъ обмановъ наступитъ день наказанія. Да сохранить васъ Богъ отъ плачевнаго конца. Послушайте меня и избавьте отъ гибели столько христіанскихъ душъ, страдающихъ подъ игомъ турецкимъ.

„— Да будетъ надо мною воля Господня, отвѣтилъ онъ со вздохомъ. — Не знаю нынѣ на что иное рѣшиться.

„Я представилъ ему что генеральный провѣдаторъ побуждается къ преслѣдованію его видами политическими, отвѣтственности предъ Портой.

„— Богъ того не попуститъ, отвѣтилъ онъ.— Я надѣюсь на семерыхъ моихъ братьевъ, которые меня не оставятъ.

„— Милостивый государь, вы говорите какъ духовное лицо, замѣтилъ я ему;— но еслибы вы были монархъ или лицо міра политическаго, то приняи бы во вниманіе представляемые мною доводы государственной безопасности.

„— Богъ великъ, сказалъ онъ мнѣ на это.— Онъ дѣйствуетъ чрезъ меня и чрезъ другихъ. Я слѣпое орудіе его воли. Изъ великихъ Онъ творитъ малыхъ и изъ малыхъ великихъ.

„Я ему сталъ разказывать, какъ царь Петръ III хотѣлъ развестись съ императрицей, жениться на лютеранкѣ и ввести лютеранство въ Россіи, какъ вслѣдствіе этого составилъ противъ него заговоръ изъ императрицы, знатнѣйшаго духовенства и московскаго сената, и какъ имъ удалось низложить его. Итакъ, еслибы даже былъ живъ царь Петръ III, то ему не удалось бы возвратитъ себѣ престолъ. Императрица, знатнѣйшее духовенство, государственные сановники и всякій кто способствовалъ его низложенію употребили бы всѣ средства, рискуя даже жизнью, дабы не удалось ему снова стать царемъ.

„— Господь руководитъ всѣми, отвѣтилъ онъ,— и знаетъ что имѣетъ послѣдовать.

„Я снова сталъ совѣтовать ему подуматъ о своей безопасности и развязать намъ руки по отношенію къ Туркамъ.

„— Я долженъ ожидать здѣсь отвѣта на мои письма, отвѣчалъ онъ.

„— Ну, такъ намъ придется принять мѣры противъ васъ, замѣтилъ я.

„— Хорошо, возвестите всенародно что чрезъ 15 или 20 дней я отправлюсь отсюда въ Морею, и, если сочтете нужнымъ, напишите скадарскому пашѣ что я пройду чрезъ его область съ двумя только спутниками.

„— Хотя и не заслуживаю вашего довѣрія, сказалъ я ему,— но заклинаю васъ Богомъ, скажите мнѣ правду.

„Онъ взялъ меня за руку и сказалъ:

„— Клянусь Богомъ (но пусть будетъ это тайна, извѣстная только вамъ да генеральному проведитору) что по полученіи отвѣта на письма я отправлюсь на западъ, навѣрно не знаю, чрезъ Рѣку (Fiume), Триестъ или Венецію, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ обращусь съ просьбой къ генеральному проведитору чтобъ онъ снабдилъ меня необходимымъ для путешествія.

„Такъ кончилось свиданіе съ этою неизвѣстною особой продолжавшееся цѣлыхъ четыре съ половиною часа.“

Броженіе умовъ, произведенное въ Черногоріи и пограничныхъ венеціанскихъ и турецкихъ областяхъ появленіемъ самозванца, встревожило обѣ сосѣднія державы. Венеція стала укрѣплять свою границу со стороны Черногоріи и послала эскадру въ Которскую бухту. Этими вооруженіями Венеціи встревожился Дубровникъ, постоянно опасавшійся своей сосѣдки и подозрѣвавшій ее въ направленныхъ противъ него тайныхъ замыслахъ всякій разъ какъ появлялось въ его окрестностяхъ нѣсколько лишнихъ венеціанскихъ галеръ. * Скадарскій паша опасался вторженія Черногорцевъ: его опасенія оправдались, когда курьеръ бердскаго воеводы, Ильи, былъ захваченъ въ Жаблякѣ съ письмомъ, въ которомъ онъ уведомлялъ Степана Малаго что по первому его знаку онъ готовъ напасть на Турокъ. ** Наученный, вѣроятно, Венеціей, паша отправилъ къ самозванцу убійцу, но его попытка такъ легко отдѣлаться отъ опаснаго сосѣда не удалась: его посланецъ былъ схваченъ на дорогѣ и отправленъ въ цетинскую тюрьму (7-го ноября). ***

Послѣ долгихъ ожиданій генеральный провѣдиторъ получилъ наконецъ слѣдующую секретную инструкцію отъ государственныхъ инквизиторовъ:

„По весьма важнымъ государственнымъ причинамъ крайне необходимо прекратить жизнь неизвѣстнаго иностранца, виновника происшедшихъ въ Черногоріи волненій, могущихъ причинить еще большія безпокойства и насилія, а потому судъ вашъ находитъ удобнымъ и нужнымъ, посылая въ сѣмъ пакетѣ все потребное, поручить вашему превосходительству привести въ исполненіе это дѣло способами самыми осторожными, менѣ замѣтными и наиболѣ тайными и вѣрными. На этотъ конецъ вы употребите лицо наиболѣ ловкое, способное и вѣрное, хотя бы и преслѣдуемое закономъ: ему вы объявите прощеніе его преступленій и, кромѣ того, по совершеніи дѣла, вручите ему въ награду 200 цекіновъ.“

Въ прилагаемомъ пакетѣ заключалось слѣдующее:

Бутылочка № 1. Четвертая ея часть дѣйствуетъ въ нѣсколько дней.

* Письмо дубровницкаго секретаря, Ивана Фаченды, отъ 8-го ноября, при дозвѣсѣніи Вубича отъ 6-го того же мѣсяца.

** Дозвѣсеніе Вубича отъ 6-го ноября 1767 года.

*** То же отъ 9-го того же мѣсяца.

Бутылочка № 2. Соль для соленія всякаго кушанія въ количествѣ достаточномъ для вкуса.

Бутылочка № 3. Корица для употребленія тамъ гдѣ вранится. Дѣйствуетъ медленно.

Свертокъ № 4. Шоколатъ: четвертая его часть, положенная въ чашку настоящаго, дѣйствуетъ чрезъ нѣсколько дней.

Бутылочка № 5. 40 капель, смѣшанныхъ съ розоліо, производятъ свое дѣйствіе.

Не въ первый разъ прибѣгала Венеція къ подобнымъ низкимъ средствамъ чтобъ избавиться отъ опаснаго ей лица: въ бумагахъ государственныхъ инквизиторовъ и совѣта Десяти находится не мало свидѣтельствъ какъ часто прибѣгала она къ подобнымъ мѣрамъ въ отношеніи не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ армій (она отравляла источники).

Но генеральному проведитору, несмотря на его усердіе, не удалось привести въ исполненіе данное ему адское порученіе: Степанъ Малый сталъ чрезвычайно остороженъ въ лицѣ и въ питъѣ и усилилъ стражу. Шестеро Майнотовъ постоянно сторожили его: двое у дверей дома, двое по дорогѣ въ Будву и двое по дорогѣ въ Черногорію въ разстояніи одинъ отъ другаго на полружейный выстрѣлъ.* Напрасно возобновляли государственные инквизиторы свои предписанія и Ревьеру, и Дзусто, увеличивали сумму предназначенную въ награду убійцѣ и предоставляли ему убѣжище и привольную жизнь въ Венеціи: имъ не удалось извести Степана Малаго.

Утромъ 2-го декабря самозванецъ принималъ губернатора и главарей Черногоріи, числомъ 21: знатѣйшіе изъ нихъ были воеводы Нѣгушскій, Цеклицкій и Бѣлицкій (Николай Степановъ съ племянникомъ), сердаръ Вуколь Озриничскій и Живко Сеничъ.**

Видя что Пастровичи, побуждаемые архимандритомъ Любшею, орудіемъ Венеціи, стали непріязненно обращаться съ Черногорцами, Степанъ Малый приказалъ ему унять ихъ, грозя въ случаѣ непослушанія разорить ихъ монастыри и церкви. Кромѣ того, считая необходимымъ дать болѣе правильное управленіе передавшимся ему общинамъ, онъ отпра-

* Домесеніе Антонія Бона, подесты Будвы, отъ 27-го ноября 1767 года.

** Домесеніе подполковника Доменика Вубича изъ Будвы, отъ 2-го декабря 1767 года.

вилъ къ нимъ утромъ 6-го числа посланіе, въ которомъ предписывалъ правила управленія и приказывалъ каждой общинѣ избрать четырехъ главарей, отвѣтственныхъ во всякомъ упущеніи предъ нимъ, Степаномъ Малымъ. Посланіе было публично прочтено предъ церковью въ Подострогѣ и, повинаясь самозванцу, общины избрали слѣдующихъ главарей: Майны—Вука Марковича, Савича Боретту, Марка Яновича и Марка Кнежевича; Поборы—Марка Зеца и своего графа и Бранчи—Раича Стояновича, своего графа, Никицу Попова и еще одного, неизвѣстнаго по имени. *

Вскорѣ появился другой приказъ Степана Малаго. Всякій Черногорець, Майноть, Поборянинъ и Бранчъ обязывался по первому сигналу спѣшить въ Майны. Ночная стража была усилена. Самозванецъ, дабы убѣдиться въ бдительности главарей, подымалъ по ночамъ ложную тревогу. Въ то же время онъ обнадеживалъ своихъ приверженцевъ что австрійскія войска получили приказаніе немедленно вступить въ Босну, а русскія спѣшать занять Валахію. **

Марко Яновичъ, Песекунъ (?) и Митра (Димитрій) Булицъ, въ сопровожденіи четвертаго неизвѣстнаго по имени лица, были отправлены самозванцемъ въ Цермничскую нахію съ письмомъ, въ которомъ приказывалось соблюдать праздники Господни и избрать во всякомъ селѣ двухъ старшинъ для наблюденія за порядкомъ. Во время чтенія этого письма, посланцы Степана Малаго обнажили сабли для внушенія большаго къ нему уваженія. *** Марко Яновичъ клялся всѣмъ что Степанъ Малый есть царь Петръ III. ****

Въ первыхъ числахъ января возвратился Яновичъ изъ Черногоріи и привезъ самозванцу пять боченковъ вина и боченокъ водки. Въ это время онъ находился въ страшномъ безденежьи: у него не было денегъ даже на покупку свѣчъ.† Яновичъ отправился по деревнямъ собирать въ его пользу подаванія и вскорѣ вернулся съ 50 лошадьми, нагруженными хлѣбомъ, и съ пятью или шестью боченками вина и съ

* То же 7-го декабря 1767.

** Донесеніе Д. Бубича отъ 14-го и Авт. Бола отъ 16-го декабря 1767.

*** Тоже 19-го декабря 1767.

**** Тоже 21-го декабря 1767.

† Донесеніе Бубича, отъ 6-го января 1768.

боченкомъ водки.* Затѣмъ появились у самозванца и деньги: капитанъ Джурошквичъ привелъ къ нему на судъ двухъ Черногорцевъ. Онъ присудилъ ихъ къ денежной пени, которая была раздѣлена между нимъ и главарями: на его долю досталось 60 цекиновъ.** Въ концѣ мѣсяца прибыли въ Майны на поклоненіе къ Степану Малому пятьдесятъ чело-вѣкъ изъ селенія Милати и принесли ему въ даръ двадцать барановъ.*** Такимъ образомъ поправились финансовыя обстоятельства самозванца.

Но какъ бы они ни были круты, онъ не забывалъ своей роли. Въ началѣ января онъ распустилъ слухъ что получилъ письма изъ Вены и Константинополя о вступленіи Русскихъ въ Валахію и Австрійцевъ въ Босну, и о большихъ военныхъ приготовленіяхъ въ Россіи.**** Онъ грозилъ мстью католикамъ, къ нему не расположеннымъ, и посылалъ Черногорцевъ грабить Пастровичанъ. † Степану Малому, вѣроятно, было не безызвѣстно тайное къ нему недружелюбіе черногорскаго владыки, говорившаго что онъ, Степанъ Малый, питается награбленнымъ у него, владыки (*онъ съ грани, що мене распуцае*), что неизвѣстно кто изъ нихъ двухъ владыка въ Черногоріи (*онъ или я владыка у ову землю*), †† что вся Черногорія и Приморье сошли съ ума, принявъ его сторону и т. п. ††† Савва до того боялся Степана Малаго что, услышавъ объ ожидаемомъ прибытіи новаго его союзника, Печскаго патріарха, онъ разставилъ по дорогѣ стражу, дабы не пропустить его въ Черногорію, приказавъ въ случаѣ надобности стрѣлять въ него. Тѣмъ не менѣе, вечеромъ 28-го января благополучно прибылъ въ Майны сербскій патріархъ въ сопровожденіи епископа Арсенія. Свиту патріарха составляли 30 Бѣлопавличей и 15 Требиняны; при Арсеніи было

* Донесеніе Вубича отъ 11-го числа того же мѣсяца.

** То же отъ 16-го числа того же мѣсяца.

*** То же отъ 30-го числа того же мѣсяца.

**** То же отъ 6-го и 23-го числа того же мѣсяца.

† Донесеніе кастеляна Петра Медина Реньеру, отъ 9-го января 1768.

†† Письмо попа Кости Живковича къ д'Андріа при донесеніи Чикомъ Реньеру, отъ 27-го января 1768.

††† Письмо Саввы къ Реньеру, отъ 21-го декабря 1787.

только семь Билопавличей. На границѣ его встрѣтилъ салютами Марко Яновичъ съ 20 Майнотами, а при приближеніи къ Майнамъ вышелъ къ нему навстрѣчу самозванецъ. Цѣлую ночь они пробесѣдовали въ домѣ Вука Марковича, а Черногорцы, по приказанію Степана Малаго, плясали и пѣли на дворѣ. На слѣдующій день всѣ они вмѣстѣ отправились въ Станевичи къ владыкѣ Саввѣ, * куда прибыли 30-го числа и гдѣ были встрѣчены салютами изъ ружей. Самозванецъ успѣлъ увѣрить владыку что онъ настоящій царь Петръ III, и довѣрчивый Савва поспѣшилъ увѣдомить объ этомъ генеральнаго провектора; ** но вскорѣ раскаялся въ своей поспѣшности: не прошло и трехъ дней, а онъ писалъ уже плацъ-маіору (*supra intedente dell'armi*) въ Будвѣ д'Андрія что Степанъ Малый самозванецъ. *** Такая быстрая перемѣна въ образѣ мыслей владыки произошла вслѣдствіе извѣстій полученныхъ изъ Константинополя.

Мы уже видѣли, что еще 27-го октября генеральный провекторъ, сообщая состоявшему при Оттоманской Портѣ Антону Руцини первыя извѣстія о появленіи въ Майнахъ самозванца, просилъ его разузнать отъ русскаго министра-резидента объ этой фантастической личности.

Руцини обратился за свѣдѣніями къ русскому министру-резиденту, Алексѣю Обрѣскову, съ которымъ находился въ дружественныхъ отношеніяхъ. Обрѣсковъ зналъ о появленіи самозванца въ Майнахъ отъ дубровницкаго консула; кромѣ того, онъ получилъ письмо отъ владыки Саввы. Сообщая о чудесномъ умиротвореніи Черногорцевъ неизвѣстною особой, Савва спрашиваетъ Обрѣскова дѣйствительно ли умеръ царь Петръ III; затѣмъ проситъ вѣрить, что только изъ преданности Россіи онъ дозволилъ своимъ Черногорцамъ признавать неизвѣстнаго тѣмъ за кого онъ себя выдаетъ, и то до тѣхъ только поръ пока получить доказательства противнаго. Въ томъ же самомъ письмѣ находилось нѣсколько фантастическихъ словъ полу-сербскихъ, полу-русскихъ, написанныхъ рукою неизвѣстнаго. Обрѣсковъ отвѣчалъ Саввѣ слѣдующимъ письмомъ, копія котораго сохранилась въ бумагахъ Ренъера:

* Донесеніе Д. Бубича, отъ 29-го января 1768 и Письма Живковича отъ 29-го и 31-го того же мѣсяца.

** Письмо владыки Саввы, отъ 22-го янв. 1768.

*** Письмо Саввы при донесеніи д'Андрія, отъ 3-го февраля 1768.

„Преосвященнѣйшій владыко,
Государь мой!

„На письмо вашего преосвященства отъ 21-го минувшаго октября отвѣтствую, что императоръ всероссійскій Петръ III претавился 6-го юля 1762 года и погребенъ торжественно со всеми пристойностями въ соборной церкви Александровскаго Невскаго монастыря, по... * дѣда его блаженной и вѣчной славы предостойной памяти императора Петра Великаго. Я удивляюсь что ваше преосвященство о семъ понынѣ находитесь *несвѣдоми* и чрезъ то впали въ равное съ невѣжливымъ вашимъ народомъ заблужденіе и вѣрите появившемуся у васъ плуту или вралю и *ложси*, наученному кѣмъ-нибудь изъ собственныхъ заостныхъ или корыстныхъ видовъ. Я ваше преосвященство предувѣдомляю, что такое ваше и народа вашего поведеніе и легкомысліе Высочайшему моему двору весьма будетъ прогнѣвительно и который, ежели ваше преосвященство не приложите крайняго вашего старанія извлечь народъ вашъ изъ заблужденія во мнѣніяхъ его о чезовѣткѣ въ вашемъ мѣстѣ находящемся, не изведете плутовство его и не изженете изъ земли вашей, конечно навсегда лишить васъ, обители ваши и народъ вашъ царскія милости. Есмь съ особеннымъ почтеніемъ

Вашего преосвященства покорный слуга

Ея императорскаго величества тайный совѣтникъ, ордена Св. Анны кавалеръ и резидующій министръ при Оттоманской Портѣ

„Алексій Обресковъ.“

Изъ Перы константинопольской
.. отъ 17-го ноября 1767 года.

Это письмо было получено Саввою 22-го января (3-го февраля) и на другой день было послано съ протопопомъ Петромъ Блятовичемъ къ Степану Вракъену въ Которъ съ просьбою возвратить, по прочтеніи, „ибо въ немъ вся наша сила“. ** Копіи этого письма были немедленно разосланы владыкой по всей Черногоріи и къ тремъ венеціанскимъ общинамъ, Майнамъ, Браччамъ и Поборамъ. Савва сталъ грозить предать самозванца въ руки генеральнаго проведитора или убить его. Самозванецъ созвалъ Цетиняны и Озриничей и ручался имъ головою что овъ Петръ III, увѣряя что владыка и Нѣгуши подкуплены

* Въ копіи здѣсь написано слово, не имѣющее никакого значенія. Вообще на всемъ текстѣ этого письма осталася сдѣл сербскаго переписчика, не знавшаго хорошо русскаго азыка.

** Письмо Саввы къ Ст. Вракъену отъ 6-го февраля 1768 г.

Рейеромъ за 5.000 дукатовъ, что письмо русскаго министра подложное, и клялся отмстить Саввѣ: „или его, или моя голова должна пасть“, говорилъ онъ. Савва отвѣчалъ, что еслибы дѣйствительно онъ былъ царь, то не жилъ бы на счетъ черногорскихъ *торбиуз* и былъ бы въ сношеніяхъ съ генеральнымъ проведиторомъ. Въ то же время, для вѣщаго убѣжденія что самозванецъ не знаетъ ни русскаго, ни иностранныхъ языковъ, онъ поручилъ попу Костѣ Живковичу написать къ нему письма по-русски, по-италіянски, по-гречески и по-французски.*

9-го февраля собралась въ резиденціи владыки, монастырѣ Ставевичахъ, скупщина изъ всѣхъ черногорскихъ главарей, на которую были приглашены также Майны, Побори и Бранчи. Послѣ долгихъ совѣщаній, рѣшили позвать самозванца на судъ. На слѣдующій день онъ отправился туда въ сопровожденіи Вука Марковича, Марка Яновича и другихъ своихъ приверженцевъ.**

Предъ отправленіемъ въ Черногорію самозванецъ посылалъ Бранчи, гдѣ, по полученіи письма Саввы, собралась шумная сходка. Дабы разсвѣять возникшія на его счетъ сомнѣнія и подозрѣнія, онъ сталъ увѣрять что генеральный проведиторъ получилъ извѣстія изъ Вѣны утверждающія что онъ, Степанъ Малый, есть царь Петръ III, и что повтому уже приказано оказывать ему всякія почести.***

Самозванецъ явился въ Черногорію не подсудимымъ, а судьей. Онъ сумѣлъ ловко воспользоваться давнишнею пріязнью Саввы къ венеціанскимъ властямъ въ Далмаціи, отъ которыхъ онъ получалъ субсидіи, чтобы выставить себя жертвой его корыстолюбія. Дабы сильнѣе подѣйствовать на народъ, онъ обѣщалъ раздать ему полученныя будто бы за его голову Саввою деньги и дозволилъ расхитить его имущество. Вмѣстѣ было уведено сто барановъ принадлежавшихъ Саввѣ, былъ ограбленъ домъ въ Станевичахъ, въ которомъ, какъ подозрѣвали, находились полученныя отъ генеральнаго

* Письмо попа Косты Живковича къ д'Андриа, при его донесеніи Рейеру отъ 10-го февраля 1768 г.

** Донесеніе Д. Бубича отъ 10-го февраля 1768. Делеша Рейера въ сентязъ № 146.

*** Письмо Живковича при донесеніи д'Андриа отъ 11-го февраля 1768.

проведитора деньги. Говорятъ, что самозванецъ отнял у владыки 32.000 цекеновъ и роздалъ ихъ народу.*

Савва былъ арестованъ и заключенъ съ однимъ только служкою въ одну изъ келій монастыря Станевичей; его куда не выпускали и не впускали никого къ нему. Его племянники были заключены въ тюрьму. Епископъ Арсеній отправленъ въ цетинскій монастырь. Всѣ монахи были изгнаны и монастырское имущество разхищено. Три наиболее богатые монастыря заняты стражей. Сотня Черногорцевъ и Майнотовъ заняла Станевичи, грабя и разоряя окрестности.**

Такимъ образомъ самозванецъ нанесъ рѣшительный ударъ своимъ врагамъ и сталъ господиномъ въ Черногоріи: цѣль была достигнута, о средствахъ не стоило и думать.

Принявъ всѣ нужныя мѣры противъ своихъ враговъ въ Черногоріи, самозванецъ возвратился въ Майны. Сюда снова стали стекаться Черногорцы на поклоненіе и судъ къ нему. 16-го февраля прибыло двадцать Цермничанъ, привезшихъ ему въ подарокъ восемь боченковъ вина, два боченка водки, сухарей и рыбы.*** Чрезъ три дня пришли къ нему съ поклономъ 150 Цермничанъ и принесли ему въ даръ вина, водки, сыру, масла, рыбы и т. п.****

Порта, дотоле сохранявшая невозмутимое спокойствіе, издѣвавшаяся надъ лже-царемъ, начала сильно беспокоиться: собирала свѣдѣнія о самозванцѣ не только въ иностранныхъ посольствахъ, но и отъ купцовъ имѣвшихъ сношенія съ Албаніей и Далмаціей, посылала курьера за курьеромъ въ Скадаръ, куда отправлено было шесть восемнадцати-фунтовыхъ пушекъ и 70 ящичковъ ружей и сабель, † и предписала боснійскому пашѣ и другимъ пограничнымъ военачальникамъ отрѣзать православнымъ ея подданнымъ сообщеніе съ Черногоріей и не пропускать самозванца въ турецкія владѣнія. ††

* Донесеніе Д. Бубича отъ 11-го февраля 1768.

** То же, отъ 12-го числа того же мѣсяца. Письмо Живковича при донесеніи д'Андриа отъ того же числа.

*** Донесеніе Д. Бубича, отъ 18-го февраля 1768.

**** Тамъ же, отъ 21-го того же мѣсяца.

† Донесеніе Рудцани и Джустициана дожу, отъ 17-го февраля 1768, № 11.

†† Денеша ихъ же къ Реньеру, отъ 28-го того же мѣсяца.

Отдавая тайно эти приказанія, Порта продолжала притворяться, высказывая удивленіе что Венеція, сосредоточившая на границахъ Черногоріи двадцатитысячное войско, не можетъ справиться съ самозванцемъ, и выражая что она, Порта, не желаетъ вмѣшиваться въ это домашнее дѣло Венеціи.*

Что же дѣлала въ то время Венеція? Она подсылала убійцъ къ самозванцу, арестовала нѣсколькихъ православныхъ собиравшихъ по Далмаціи подаянія въ его пользу, казнила двухъ монаховъ, его приверженцевъ, и одного его шпіона въ Будвѣ, и грозила экзекуціей непослушнымъ общинамъ. Степанъ Малый жаловался на это въ письмѣ которое отправилъ къ Реньеру.

Въ то же время послалъ онъ увѣщаніе къ главарямъ Пастровичей, такъ какъ, по наущенію мѣстныхъ властей, Пастровичи, а во главѣ ихъ извѣстный въ то время разбойникъ, Каза Негри, начали грабить соседнихъ Черногорцевъ и Майнотовъ.

Недовольный Реньеромъ, Степанъ Малый отправилъ на него жалобу въ венеціанскій сенатъ чрезъ посредство новаго „генерала отъ армате“. Въ этой жалобѣ онъ не винитъ Венецію и ея сенатъ въ принятыхъ противъ него мѣрахъ, а винитъ во всемъ Реньера, доносившаго неправду; онъ требуетъ суда и самъ готовъ ѣхать въ Венецію, если пришлютъ за нимъ корабль; если же ихъ не разсудятъ, то онъ убьетъ Реньера, даже среди войска, и горе тогда Венеціанцамъ: лучше бы они умерли чѣмъ дождались такого времени! Онъ грозитъ также смертию генералу, если онъ затаитъ или продастъ его письмо. Степанъ Малый не причесетъ болѣе за таинственныя завѣсы: онъ открыто вызываетъ на бой, онъ сознаетъ свою силу. Характеристиченъ самый языкъ жалобы, представляющій смѣсь сербокаго съ русскимъ и италіанскимъ.

Новоприбывшій генералъ, которому была адресована эта жалоба, былъ, вѣроятно, *Маньянини* (Magnanini), посланный Реньеромъ 25-го февраля въ Майны осмотрѣть мѣстность и

* Письмо Мехмедъ-паша къ нему же, изъ Скутари, отъ 8-го января 1768. Письмо баиловъ къ нему же отъ 3-го марта 1768 г. По показанію Венеціанцевъ, все войско ихъ на черногорской границѣ не простиралось и до 10.000.

выбрать позицію для военныхъ дѣйствій противъ возмущившихся общинъ. „Неизвѣстный“, доносилъ оъ, „не рѣшается на бой прежде чѣмъ будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи отъ 18 до 20 т. человекъ. Охраняющая его стража болѣе чѣмъ почетная. Одинъ часовой стоитъ въ его комнатѣ, другіе два у дверей дома: они наблюдаютъ за сигналами подаваемыми караульными, разставленными по дорогамъ къ нему ведущимъ. Домъ его окруженъ семью другими, занятыми родственниками Вука Марковича. Поставлено, что по первому выстрѣлу должны спѣшить на помощь всѣ Майноты, Побори и Бранчи: должно ожидать отъ нихъ отчаяннаго сопротивленія. При такихъ затрудненіяхъ употребленіе правильной и открытой силы было бы опасно: на сторонѣ противниковъ преимущества мѣстоположенія и численности. Подобная побѣда могла бы значительно возвысить самозванца въ глазахъ его приверженцевъ.“

Нерѣшительность Венеціи въ отношеніи къ самозванцу и къ возмущившимся общинамъ внушила Туркамъ подозрѣніе насчетъ ея соучастія въ волненіяхъ происходившихъ на герцеговинской и албанской границахъ. Боснійскому и скадарскому пашамъ было приказано привести въ оборонительное состояніе крѣпости и стянуть войска къ венеціанскимъ границамъ подѣ предлогомъ не пропускать самозванца въ турецкія владѣнія, а въ самомъ дѣлѣ съ цѣлью овладѣть тремя пограничными венеціанскими общинами. Къ такому поступку побуждалъ Порту скадарскій паша. „Это открытіе происходитъ изъ *спривѣтшаго источника*“, доносилъ Рудци-на дожу: „но стоило мнѣ часовъ съ золотой цѣпочкой, пріобрѣтенныхъ здѣсь за 250 піастровъ, и 50, врученныхъ мною человеку посланному сообщить мнѣ это.“ * Мы имѣемъ, впрочемъ, полное право не вѣрить этому сообщенію, купленному баиломъ столь дорогою цѣной: всѣ послѣдующія обстоятельства свидѣтельствуютъ что Порта дѣлала военныя приготовленія не противъ кого-либо другаго, какъ Степана Малаго и Черногорцевъ. Константинопольскій патріархъ, съ своей стороны, предложилъ Портѣ услуги для изгнанія самозванца и усмиренія Черногорцевъ.

Русскій министръ-резидентъ, узнавъ о томъ, что самозва-

* Дешети Рудциви и Джустаніана отъ 2-го и 16-го марта и 1-го и 16-го апрѣля, №№ 14, 15, 17 и 18.

недѣ заподозрилъ его письма къ черногорскому владыкѣ въ подложности, утѣшалъ себя надеждой что подобное же письмо не замедлитъ получить Савва отъ посланника въ Вѣнѣ, и ничего не предпринималъ...

14-го марта было получено въ Константинополь изъ Майнъ, Черногоріи и ея окрестностей множество писемъ, приглашавшихъ Черногорцевъ и Поморцевъ, находившихся тамъ на заработкахъ, спѣшить на родину угрожаемую Турками, и болѣе 200 человекъ спѣшили покинуть Стамбуль. *

16-го марта главари Нѣгушей, Бѣлицъ и Озриничей прибыли въ Станевичи къ владыкѣ Саввѣ и всѣ вмѣстѣ отправились къ самозванцу, который, уступая ихъ просьбѣ, приказалъ освободить изъ заключенія двухъ племянниковъ Саввы и племянника покойнаго Василя. Онъ жаловался, что Венеціанцы перехватываютъ его письма, принимаютъ строгія мѣры противъ его приверженцевъ и запрещаютъ имъ приближаться къ Будвѣ, гарнизону которой приказано стрѣлять въ нихъ. Онъ высказалъ свое намѣреніе переселиться въ Черногорію, лишь только деревья покроются листьями. **

Вечеромъ 20-го марта прибылъ въ Пастровичи изъ монастыря Берчелей (въ Цермничѣ), назначеннаго ему самозванцемъ резиденціей, сербскій патріархъ Василій I и на слѣдующій день отправился въ Майны, гдѣ остановился въ домѣ владыки. *** Въ посланіи къ „Богомъ спасенному племени Пастровичей, къ честнѣйшимъ архимандритамъ, игуменамъ, іеромонахамъ, благоговѣйнымъ протопопамъ, попамъ, къ благороднымъ господамъ судьямъ, главамъ и ко всѣмъ вообще православнымъ христіанамъ“, „Василій I милостію Божіею православный архіепископъ Печьскій, всѣхъ Сербовъ и Болгаровъ и цѣлаго Илирика патріархъ“ увѣщеваетъ почитать Степана Малаго какъ царя Петра III, умершаго для своего отечества, родныхъ и враговъ, но живущаго для нихъ, православныхъ Сербовъ, для ихъ блага и спасенія. Ихъ защитѣ и покровительству поручаетъ онъ Степана Малаго, въ самомъ имени коего заключается указаніе на его царственное

* Письмо ихъ же къ Реньеру отъ 6-го апрѣля. *Relazioni dei Baili presso la Porta Ottomana.*

** Докосеніе Д. Вубича отъ 18-го марта 1768.

*** То же отъ 12-го марта и письмо архимандрита пастровичскаго, Василя Любичи, къ д'Андриа отъ 21-го марта 1768.

происхождение: „и да не преластитъ (прельститъ) васъ име Мали Степанъ имети Стефанъ погрчоскому, а по нашему глаголе вѣвценосець, а что прилагаетъ мали, сіе бо по христовоме словеси творить.“... *

Получивъ извѣстіе о стычкѣ происшедшей между Бѣлопавлчачами и Турками подъ Спужемъ и о большихъ военныхъ приготовленияхъ со стороны Албаніи и Босны, Степанъ Малый пригласилъ въ Майны на совѣщаніе черногорскихъ главарей. Въ великій четвертокъ (это было въ послѣднихъ числахъ марта) собрались сюда слѣдующіе главари: одинъ изъ Бердъ, двое изъ Кучей, двое изъ Пиперей, двое изъ Клементи (албанское племя), одинъ изъ албанскаго племени Тусковъ, одинъ изъ Пастричей, двое изъ Бѣловичей, одинъ изъ Шѣшвица и одинъ изъ Послиджей. Степанъ Малый говорилъ что онъ пришелъ не воевать, что на начинающаго Богъ... Главари поклялись идти по первому его призыву куда онъ поведетъ. По увѣренію самозванца, онъ могъ въ три дня собрать тридцатитысячное войско. **

Дабы избавить преданныя ему общины отъ грозившей имъ акзекуціи, какъ полагаетъ Реньеръ, или, вѣрнѣе, чтобы сдѣлать необходимыя распоряженія къ неизбежной войнѣ съ Турками, Степанъ Малый, оставивъ патриарха въ Майнахъ (по мнѣнію Реньера для того чтобъ, изъ уваженія къ его особѣ, Венеціанцы не заняли войсками владычнаго монастыря), удалился въ началѣ апрѣля въ близлежащее черногорское селеніе, Мирецъ.

Селеніе Мирецъ, подчиненное Нѣгушскому капитану, Катурской вахи, состояло въ то время изъ 35 домовъ. Оно находится въ разстояніи полу-мили отъ венеціанской границы, двухъ съ половиною миль отъ форта Св. Троицы и пяти миль отъ Котора. Оно граничило съ венеціанскими общинами, Верхнею Жупою и Лозницею. ***

Вслѣдъ за Степаномъ Малымъ прибылъ въ Черногорію одинъ священникъ изъ Гацко съ письмомъ отъ боснійскаго визира къ черногорскимъ главарямъ отъ 21-го

* Копія этого длиннаго риторическаго посланія отъ 9-го (21-го) марта находится при донесеніи Реньера дожу отъ 26-го апрѣля 1768, № 167.

** Письмо патриарха къ архимандриту Любштъ отъ 1-го апрѣля ст. ст. при донесеніи Реньера, № 167.

*** Донесеніе Реньера, № 167.

марта 1768: визирь приказывалъ Черногорцамъ оставить самозванца и покориться Портѣ, угрожая въ противномъ случаѣ усмирить ихъ силою. Визиру отвѣчалъ Савва письменно; къ сожалѣнію, мы не нашли этого письма въ венеціанскомъ архивѣ. Степанъ Малый, при свиданіи съ посланцемъ визиря въ Мирцѣ, говорилъ ему что онъ человѣкъ не честолюбивый, что онъ не возмущалъ подданныхъ никакой державы, а что, напротивъ, внашалъ имъ справедливость и миролюбіе, и что, наконецъ, чрезъ нѣсколько дней онъ покинетъ Черногорію. * Въ письмѣ къ беглербею румелійскому самозванецъ предлагаетъ Туркамъ не только выгодный для обѣихъ сторонъ миръ, но даже союзъ противъ враговъ. Вотъ переводъ этого письма.

„Слава Великому Богу и граду Іерусалиму. Степанъ Малый.

„Находясь здѣсь во главѣ управленія этимъ испорченнымъ народомъ (*di questa gente seomposta*) и стараясь исправить его погрѣшности (*colpe*), я предлагаю вамъ снова помириться и вступить въ добрыя съ нами сношенія и заключить миръ до смерти или же временный, или вѣчный, необходимый для насъ; и да будете вы такъ же увѣрены въ насъ, какъ мы въ васъ: вы будете мочь воспользоваться нами противъ вашихъ великихъ враговъ, и это будетъ вамъ на пользу; ибо грѣхъ проливать столько невинной турецкой и черногорской крови. Миръ — благодѣяніе. Жду вашего отвѣта. Прощайте.“ **

Проведя десять дней въ Мирцѣ, Степанъ Малый въ сопровожденіи 50 Черногорцевъ отправился въ Нѣгуши, а отъ да въ Цетинье, для совѣщанія съ черногорскими главарями. Онъ объявилъ имъ что намѣренъ отлучиться на мѣсяць въ Вѣну, и на время своей отлучки оставилъ правила какъ судить народъ. *** Изъ Цетинья онъ отправился въ Станевичи на свиданіе съ Саввой, а оттуда въ Майны. Онъ сообщилъ тремъ преданнымъ ему общинамъ о своемъ намѣреніи съѣздить въ Вѣну, откуда обѣщалъ въ непродолжительномъ

* Донесеніе Ревьера, отъ 23-го апрѣля 1768, № 167.

** *Traduzione della lettera scritta dell' Impostore di Montenegro al Passia di Rumelj Beglerbej* — препровождена къ Ревьеру Муссеемъ Алаятии при письмѣ изъ Монастыря, отъ 6-го іюля 1768 г. Письмо это было немедленно отправлено визиремъ въ Константинополь.

*** Донесеніе Ревьера дожу, отъ 25-го апрѣля 1768 г., № 167.

времени возвратиться „съ войскомъ и деньгами (con armata e denario)“, и увѣщевалъ ихъ дѣйствовать единодушно и согласно съ Черногорцами. Патріархъ снабдилъ его деньгами на дорогу.

Переночевавъ въ домѣ Вука Марковича, одаривъ женщинъ и забравъ свои вещи, онъ простился съ семействомъ, которое такъ долго оказывало ему гостепріимство, и возвратился въ Нѣгуши. Вукъ Марковичъ и Марко Яновичъ были назначены имъ капитанами общинъ Майнъ, Цоборей и Бранчей.

Предъ отъѣздомъ онъ наложилъ пеню въ 30 цекиновъ на двухъ послушавшихся его Бранчанъ, но изъ уваженія къ ихъ бѣдности уменьшилъ пеню до 10 цекиновъ. „Вообще извѣстно,“ прибавляетъ Реньеръ, „что къ подобнымъ мѣрамъ онъ принужденъ время отъ времени прибѣгать для покрытія необходимыхъ издержекъ и для удовлетворенія сателлитовъ его окружающихъ.“

Вслѣдъ за Степаномъ Малымъ прибыли въ Нѣгуши Савва и патріархъ, отсюда втроемъ они отправились на нѣсколько дней въ Станевичи. По возвращеніи въ Нѣгуши, патріархъ остался при Степанѣ Маломъ. *

ВИКЕНТІЙ МАКУШЕВЪ.

(До слѣд. №.)

БАЛОВЕНЬ СЧАСТІЯ

П О В Ъ С Т Ь.

(Посвящается Б. М. Маркевичу.)

Es ist eine alte Geschichte,
Do h bleibt sie immer neu ...

I.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, а именно въ 1860 году, въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ, которыми такъ богаты поэтическіе берега Дуная, вся денежная Вѣна собралась въ театрѣ an der Wien, послушать знаменитую пѣвицу Лагруа, только что предъ тѣмъ пріѣхавшую изъ Петербурга и дебютировавшую на вѣнской сценѣ въ *Нормѣ*. Театръ былъ полонъ, ложи блистали изящными нарядами дамъ, партеръ, пестрѣвшій самыми разнообразными костюмами, отъ парижскаго фрака до національной венгерки включительно, волновался отъ удовольствія. Лагруа была очаровательна, но волненіе переходило въ настоящую бурю тамъ наверху, по нашему въ райкѣ, набитомъ биткомъ въ тотъ вечеръ студентами, по большей части изъ Итальянцевъ, бѣдныхъ деньгами, но богатыхъ сочувствіемъ къ искусству вообще и къ талантливой соотечественницѣ своей въ особенности. Всѣ карманы ихъ были наполнены экземплярами свѣже-испеченнаго сонета въ честь Лагруа. Послѣ перваго акта, листки эти полетѣли шуршащими дождемъ на сцену, изъ ложъ посыпался на артистку другой дождь цвѣтовъ. Все это сопровождалось восторженнымъ взрывомъ апплодисментовъ и „браво“. Все было торжественно, весело, шумно, ели о шумно.

Театръ представлялъ какъ бы одну обширную семью. Восхищенію не было границъ. Въ этотъ самый вечеръ, уже гораздо послѣ начала представленія вошелъ и усѣлся въ первомъ ряду кресель одинъ молодой человекъ, представлявшій собою такую рѣзкую противоположность со всѣмъ окружавшимъ его что нельзя было не обратить на него особеннаго вниманія. Это и въ самомъ дѣлѣ было сдѣлано однимъ изъ его сосѣдей, обратившимся къ другому съ вопросомъ: *Wer ist das?* и получившимъ въ отвѣтъ: *Ein Ausländer.* Вошелъ онъ поступью не то гордо, скорѣе дерзкою, съ видимымъ намѣреніемъ обратить на себя всеобщее вниманіе. Многіе дѣйствительно посмотрѣли на него и улыбнулись, другіе зашикали, давая этимъ знать какъ неприличенъ шумъ во время музыки, но иностранца это нисколько не смутило. Онъ преспокойно развалился на своемъ креслѣ, сдѣлалъ презрительную мину, сильно былъ онъ недоволенъ... Чѣмъ? представленіемъ, мѣстомъ, или публикой, Богъ его знаетъ. Потомъ потянулся, зѣвнулъ раза два и принялся лорнировать ложи. Двѣ-три красавицы полусвѣта отвѣтили ему тѣмъ же, и хотя онъ уже быстро отвернулся отъ нихъ, но онъ не отводилъ отъ него своихъ глазъ. Онъ дѣйствительно былъ недурень: ростомъ пониже высокаго и повыше средняго, тонкій станъ его какъ нельзя лучше обрисовывался изящнымъ парижскимъ платьемъ; блѣдное лицо носило слѣды ранняго истощенія, глаза черные, лишенные уже огня юности, выражали прежде всего какое-то утомленіе, и физическое и нравственное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и что-то вкрадчиво-нѣжное, что такъ нравится въ мушкетѣ женщинамъ. Но физиономисту навѣрно не понравился бы общій смыслъ этого лица, который особенно выдавали его толстыя, чувственные и „вульгарныя“ губы. Таковъ былъ вошедшій незнакомецъ... Въ десять минутъ онъ успѣлъ обзрѣть своимъ лорнетомъ весь театръ и, какъ видно не удовлетворенный этимъ обзрѣніемъ, снялъ перчатки, положилъ ихъ съ лорнетомъ въ шляпу, которую поставилъ подъ кресло, а самъ, скрестивъ одну ногу на другую, склонилъ голову на сторону, и подперши ее рукой, погрузился въ думу. Онъ не замѣтилъ даже какъ опустили занавѣсъ, какъ стали вставать и шумѣть около него, и очнулся только услышавъ подъ самымъ своимъ носомъ обращенную къ нему просьбу театральнаго лакея о передачѣ сосѣду его порціи мороженаго. Молодой человекъ взялъ

блюдечко изъ рукъ лакея, передалъ сидѣвшему третьимъ отъ него господину и выслушалъ благодарность обоихъ съ холодною, полупрезрительною, подудивленною улыбкой. Видно было что онъ выросъ и жилъ въ странахъ не привыкшихъ къ такимъ патриархальнымъ обычаямъ. Затѣмъ онъ всталъ самъ съ своего мѣста, и перегнувшись черезъ барьеръ, сталъ разглядывать отъ нечего дѣлать сидѣвшихъ предъ нимъ въ оркестрѣ музыкантовъ. Прямо противъ него, у барьера, помѣщались за пюпитромъ два артиста—первый флейты, изъ которыхъ одинъ постарѣе, настоящій пятидесятилѣтній Бетговенъ въ очкахъ, казался учителемъ, другой, красивый румянонѣжкій юноша, повидимому, былъ его ученикомъ. По окончаніи акта учитель сталъ дѣлать ученику какія-то замѣчанія, безпрестанно повертывая инструменты и тыкая пальцемъ въ ноты, потомъ всталъ, снялъ очки, внимательно вытеръ ихъ платкомъ, и уложивъ ихъ бережно въ футляръ, оставилъ на пюпитрѣ; а самъ, слегка потянувшись, вышелъ неторопливымъ шагомъ изъ оркестра. Юноша остался на своемъ мѣстѣ, вытеръ потное лицо свое полотнянымъ платкомъ, поправилъ галстучекъ и воротничекъ рубашки, и вытянувъ какъ гусь свою бѣлую молодую шею, сталъ всматриваться въ противоположную высоту, въ четвертый ярусъ ложъ, какъ бы отыскивая тамъ какое-то знакомое лицо. Видно, лицо это не замедлило отыскаться, и въ свою очередь, нашло ищущаго его, потому что скоро между ними завязалась мимическая корреспонденція. Молодой музыкантъ вдругъ засмѣялся, замигалъ глазами и закивалъ головой, какъ бы дѣлая такіе вопросы: „ну, что, какъ ты тамъ, хорошо ли тебѣ?“ Въ это самое время замѣтилъ его вышеописанный нами Ausländer. Онъ сперва взглянулъ на артиста тѣмъ презрительнымъ окомъ, какимъ привыкъ съ оника озирать всѣхъ и все, потомъ, казалось, заинтересовался его мимикой и, наконецъ, сталъ прилежно и внимательно слѣдить за нимъ. Артистъ смотрѣлъ наверхъ, въ четвертый ярусъ. Щеголь направилъ взгляды свои туда же, потомъ оставилъ лорнетъ, посмотрѣлъ опять внимательно и ласково на артиста, какъ бы спрашивая его кому это тамъ на верху дѣлаютъ тотъ пантомимные знаки, опять взялъ лорнетъ и направилъ его совершенно по тому же направленію куда стремились не отрываясь глаза артиста. Тамъ, на верху, въ четвертомъ ярусѣ, сидѣла дѣвушка, смотрѣвшая въ оркестръ съ такимъ же напряженнымъ вниманіемъ съ

какимъ смотрѣли на нее изъ оркестра. Большая ложа, въ которой сидѣла она, была наполнена женщинами всякаго возраста, молодыми и старыми, изъ которыхъ первыя казались столько же скромны и затѣнчивы, сколько вторыя развиты: это была казенная ложа, предоставленная дирекціей въ распоряженіе второстепенныхъ актрисъ, хористокъ, фигурантокъ, женъ и родственницъ артистовъ, словомъ, всего низшаго сценическаго общества. Служительницы театральнаго музья явились туда въ двойномъ противъ положеннаго комплектѣ, потому что нѣкоторыя пригласили съ собой своихъ родственницъ и знакомыхъ: такъ попала туда и дѣвушка, въ настоящую минуту занимавшая такъ сильно и нашего иностранца, и смиреннаго ученика оркестра. На лицо этой дѣвушкѣ казалось лѣтъ шестнадцать, и лицо это было такъ поразительно похоже на лицо глядѣвшаго на нее молоденькаго артиста, что всякій увидѣвшій ихъ хотя бы только на минуту не усумнился бы въ ихъ близкомъ родствѣ. Та же безмысленная бѣлизна, тотъ же здоровый румянецъ юности которымъ отличаются въ особенности уроженцы горныхъ странъ, тѣ же веселые, исполненные дѣтской простоты и привѣтливости голубые глаза, та же округлость формъ и кудрявые волосы.... На обоихъ сіяла красота божественной, чуждой всякихъ прикрасъ, не обезображенной еще никакими искусственными вліяніями природы, отъ обоихъ вѣяло благоуханіемъ живительной весны. И любой художникъ, глядя на нихъ, вспомнилъ бы тѣ стихи что вырвались какъ вопль о невозвратномъ прошломъ изъ глубины души старика Мета-стазія:

O, primavera, gioventù dull' anno!

O, gioventù, primavera della vita! *

вспомнилъ бы и подумалъ бы, какими чудесными *натурами* могли бы они послужить для статуй Молодости и Весны.

Нашъ щеголь, который, какъ узнаемъ въ послѣдствіи, не былъ ни художникомъ, ни поэтомъ, тоже заглядѣлся на дивную дѣвушку съ чувствомъ близко подходящимъ къ восторгу.... И долго, долго глядѣлъ онъ на нее въ свой бинокль, и лицо его, дотолѣ холодно неподвижное, озарилось вдругъ какою-то ясною улыбкой и стало красивѣе, добрѣе, привлекательнѣе чѣмъ было за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ....

* О весна, молодость года,

О молодость, весна жизни.

II.

Вполовину разошедшійся оркестръ собрался снова. Зрители опять усѣлись на своихъ мѣстахъ. Юный музыкантъ тоже кончилъ свои мимическіе разговоры, и обратившись весь во вниманіе и слухъ, взялъ свой инструментъ и оставилъ глаза на развернутыя предъ нимъ ноты.

Раздалась интродукція втораго акта, а молодой иностранецъ все еще стоялъ прислонясь къ барьеру, спиной къ сценѣ, не сводя лорнета съ четвертаго яруса, и усѣлся только тогда когда, уже во время перваго хора, приглашенъ былъ къ тому очень вѣжливо своими сосѣдами. Но усѣвшись на своемъ мѣстѣ, онъ не смотрѣлъ на сцену, а смотрѣлъ прямо и упорно въ глаза своему vis-a-vis, молодому музыканту. Черезъ нѣсколько времени и въ свободную отъ дѣла минуту, музыкантъ замѣтилъ этотъ взглядъ и отвѣтилъ на него тою улыбкой какая свойственна только дѣтямъ: въ ней высказывались и ласка, и довѣрчивость, и нѣкоторое чувство удовольственнаго самолюбія: „вотъ-де, пришла пора, интересуются и нами, спасибо“. Господинъ сталъ вытягиваться поближе къ оркестру, какъ бы желая заглянуть въ ноты и со вниманіемъ слѣдить за исполненіемъ музыки. Музыкантъ, какъ бы венарочно, передвинулъ ноты къ его сторонѣ.... Господинъ поблагодарилъ чуть замѣтнымъ движеніемъ головы, музыкантъ опять улыбнулся. Лицо господина все болѣе и болѣе оживлялось, одушевлялось лаской, теряло прежнюю апатію и сонливость. Лицо музыканта разгоралось яркимъ румянцемъ, онъ игралъ все живѣе и лучше обыкновеннаго, такъ что сидѣвшій подлѣ него товарищъ его, первая флейта, похожій на Бетговена, послѣ одного отлично исполненнаго юношей труднаго пассажа сказалъ довольно громко: Bravo! Sehr gut, mein Kind! Занавѣсъ опустился за послѣднимъ актомъ *Нормы* и немедленно опять взвился. Блѣдная, усталая Лагруа, появилась опять на сценѣ принять изъявленіе благодарности восторженной публики. Опять раздалась безчисленныя рукоплесканія, и поднялся шумный говоръ похвалъ. Зрители громко передавали другъ другу о своихъ впечатлѣніяхъ. Молодому франту не съ кѣмъ было подѣлиться таковыми: знакомыхъ, какъ видно, у него не было, и онъ опять было задумался на минуту, но потомъ вдругъ просіялъ, какъ бы озаренный

новою мыслию, быстро всталъ съ своего мѣста, смѣло подошелъ къ оркестру и, перегнувшись чрезъ балюстраду, обратился на нѣмецкомъ языкѣ къ юному флейтисту:

— Какова? спросилъ онъ, кивая головой на Лагруа, которая въ это время дѣлала на сценѣ уже послѣдніе поклоны публикѣ.

— О! могъ только отвѣтить музыкантъ, вытянувъ свою лебединую шею.

— Есть отъ чего придти въ восторгъ! продолжалъ господинъ, явно выказывая намѣреніе завязать бесѣду съ музыкантомъ. Послѣднему пришлось это по сердцу, онъ всталъ съ своего мѣста, обратился къ говорящему и распространился въ похвалахъ пѣвицѣ такъ, какъ распространяются обыкновенно въ рѣчахъ молодые люди и съ тѣмъ одушевленіемъ которое свойственно только артистамъ.

— Да ты ужъ не влюбленъ ли въ нее? спросилъ подъ конецъ старый музыкантъ, все время прислушивавшійся къ рѣчамъ своего юнаго сосѣда.

Юноша вспыхнулъ; старикъ засмѣялся и потрепалъ его по плечу. Засмѣялся и нашъ франтъ и, указывая на юношу, обратился къ старику:

— Въ эти лѣта понятны восторженность и увлеченіе.... Вотъ ужъ насъ съ вами теперь такъ легко не расшевелить.

— Увы! отвѣчалъ на это, качая головой и съ глубокимъ вздохомъ, старикъ и затѣмъ, вынувъ изъ кармана старую полинялую табакерку, потянулъ, какъ бы въ утѣшеніе себѣ, большую щепоть табаку.—Да впрочемъ что же вы это, продолжалъ онъ обратившись къ иностранцу:—ставьте себя на одну доску со мной? Вы скорѣе ему ровесникъ.

Онъ указалъ на молодаго флейтиста.

— О! отвѣчалъ на это иностранецъ съ самою меланхолическою интонаціей:—когда бы это была правда! Впрочемъ, искусство еще дорого для меня, Лагруа доставила мнѣ сегодня бездну наслажденія.

— Вы слышали ее прежде?

— Еще бы! Много разъ и на многихъ сценахъ....

Завязавшійся разговоръ продолжался въ томъ же тонѣ до тѣхъ поръ пока начали интродукцію къ новой піесѣ. Это была шутка, италянское *scherzo*, болѣе для пополненія афиши; публика уже развѣзжалась; слушали внимательно одни верхніе

посвятители.... Тѣмъ не менѣе музыкантамъ надобно было все-таки играть, и они разыгрывали ничтожный капризъ неизвѣстнаго композитора съ тою же отчетливостью съ какою предъ тѣмъ передавали страстные звуки Беллини. Первый рядъ кресель опустился еще до окончанія спектакля, но молодой щеголь оставался до самаго конца. Уходя, онъ поклонился оркестру и даже протянулъ за барьеръ свою затянутую въ бѣлую перчатку руку юному музыканту, которую тотъ сжалъ не безъ чувства удовольствія, не вовсе чуждаго, впрочемъ, удивленія и нѣкоторой робости.

— Прощайте, до завтра! сказалъ ему иностранецъ.

— А вы будете опять? весело спросилъ юноша.

— Да, я абонировался....

Онъ ушелъ, еще разъ кивнувъ головой. Черезъ нѣсколько минутъ опустился и оркестръ. Шумною толпой выходили артисты. Нѣкоторые отправились въ ближнюю кофейню по-роскошествовать кружкой пива; другіе, болѣе скромные или бѣдные, чтò почти одно и то же, мирно отправились восвояси. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и нашъ юноша. Онъ шелъ вдвоемъ, только не со старымъ своимъ учителемъ, который свято и неуклонно наблюдалъ свой давній обычай уходить всякій вечеръ прямо изъ храма музъ въ пріютъ питей, а съ своимъ молодымъ товарищемъ, жившимъ съ нимъ вмѣстѣ и игравшимъ на другомъ концѣ того же оркестра вторую, не то третью скрипку.

— Кто это подалъ тебѣ изъ перваго ряда руку въ бѣлой перчаткѣ? спросилъ скрипачъ флейтиста.

— Не знаю, какой-то иностранецъ, сегодня въ первый разъ еще пріѣхавшій въ театръ.

— Да кто же онъ и какъ познакомился съ тобой?

— А никакъ, прямо заговорилъ о Лагуа и о музыкѣ, а уходя подалъ мнѣ руку.... Отлично говорилъ по-нѣмецки, только, знаешь, сѣверное произношеніе на і.

— Ну, это, должно-быть, Прусакъ.

— Нѣтъ! Видно что не Нѣмецъ, а откуда-нибудь подальше.

— А! Ну, такъ, вѣрно, Русскій.

— А вотъ узнаемъ. Онъ обѣщался пріѣхать завтра. Какъ ты догадливъ, Максъ! Вотъ вѣдь мнѣ это и въ голову не пришло, даромъ что разговаривалъ съ нимъ, а въ самомъ дѣлѣ, должно-быть, Русскій.... Русскіе отлично говорятъ на иностранныхъ языкахъ.

III.

Молодые люди не ошибались. Пловый, занимающій ихъ и насъ посѣтитель вѣнскаго театра былъ дѣйствительно Русскій, только что въ тотъ день прѣхавшій въ Вѣну: откуда и зачѣмъ, это мы узнаемъ ниже.

Николай Ивановичъ Красавинъ, отъ роду двадцати пяти лѣтъ, числящійся на службѣ безъ жалованья, но съ правами на всевозможныя отличія и чины, происходилъ отъ древней дворянской фамиліи, родословную которой онъ всегда возилъ съ собою и любилъ ею похвастать при удобномъ случаѣ. Отецъ его, впрочемъ, несмотря на свое аристократическое происхожденіе, началъ житейское поприще въ великой бѣдности, то-есть при двадцати душахъ родового имѣнія: остальное все было промотано благочестивыми его предками. Иванъ Алексѣевичъ, — такъ звали отца нашего героя, — рано понялъ что при одномъ громкомъ наследственномъ имени далеко не уѣдешь. Одаренный отъ природы пылкими страстями, но желѣзною волей, онъ рано сперва затаилъ, а потомъ и совсѣмъ придавилъ первыя; за то вполнѣ развилъ и выказалъ вторую. Еще въ тѣ горячіе годы, когда другіе молодые люди гоняются за разными жизненными приманками, онъ отдался вполнѣ одной цѣли, одной мысли, и сталъ служить ей всѣми своими силами, всѣми способностями. Богатство сдѣлалось не только главною, но единственною метою, къ которой направилась вся его жизнь. При скудномъ жалованьи мичмана, — онъ поступилъ во флотъ, — при еще болѣе скудныхъ доходахъ съ имѣнія, молодой Иванъ Алексѣевичъ сумѣлъ въ нѣсколько лѣтъ скопить себѣ капиталецъ тысячъ въ пять ассигнаціями. Какъ это онъ ухитрился, Богъ его знаетъ.... Товарищи увѣряли что мичманъ Красавинъ питается матросскимъ пайкомъ, можетъ-быть, они говорили и правду, но все же одною экономіей отъ стола пятитысячнаго капитала въ три-четыре года не накопимъ. Мудрой экономіи Ивана Алексѣевича помогали еще кое-какія другія, боковыя средства, и главнѣйшимъ образомъ карты. Въ началѣ этого вѣка банкъ былъ у насъ въ большой модѣ, многіе бѣдняки составили себѣ имъ огромныя состоянія, еще болѣе богачей на немъ разорились. Но игра въ

банкъ не существовала для Ивана Алексѣевича. Онъ, правда, сиживалъ иногда въ кругу играющихъ товарищей и смотрѣлъ съ напряженнымъ вниманіемъ какъ груды серебра и золота двигались по зеленому сукну, повинуюсь магическимъ восклицаніямъ банкюмета; но самъ никогда не дерзалъ вѣрять свою фортуна такой утлой ладью: для карточной игры, онъ прискалъ себѣ другое поприще, не столь подверженное случайностямъ, менѣе выгодное, но болѣе солидное чѣмъ банкъ: онъ избралъ бостонъ, бывшій тогда въ пренебреженіи у молодежи, но весьма въ почетѣ у старичковъ. Въ кругу ихъ, этихъ почтенныхъ, украшенныхъ не одними сѣдинами, но болѣею частію и звѣздами старичковъ, молодой мичманъ скоро приобрѣлъ себѣ славу ловкаго и пріятнаго партнера. Сперва приглашали его за недостаткомъ играющихъ въ пополненіе необходимаго комплекта: позвать молъ Красавина „чтобы пришелъ къ семи часамъ, надо четвертаго на бостонъ“. А потомъ уже и въ такихъ выраженіяхъ: „Пригласить и Ванюшу Красавина, онъ малый славный!“ Чѣмъ же держался этотъ малый въ большомъ петербургскомъ свѣтѣ, съ которыми такъ плохо ладили, повидимому, его необразованность, неуклюжія манеры, плебейскія привычки и языкъ? Чѣмъ держался? Скропностью. „Онъ такой смиренный,“ говорили о немъ благодущные его покровители. И еще чѣмъ? Шутовствомъ. „Онъ такой забавникъ,“ говорили другіе, менѣе благодущные, но все-таки его покровители. Но дѣйствительнѣе всего держался онъ своимъ глубокимъ, искуснымъ тактомъ; тактъ же почерпнулъ онъ, во первыхъ, инстинктивно, въ своей природѣ; во вторыхъ, въ одной повѣстической легендѣ, которую съ дѣтства слыхалъ отъ няни, а потомъ въ юности самъ нерѣдко перечитывалъ: это было, между прочимъ, единственное чтеніе не наводившее на него сна. Легенда эта была извѣстная русская народная сказка объ Иванушкѣ дурачкѣ.... Иванъ Алексѣевичъ вполнѣ оцѣнилъ глубокій смыслъ этого созданія народнаго воображенія. Взявъ героя его, приходившагося къ тому же ему тезкой, за образецъ, пошелъ молодой человѣкъ дурачиться въ свѣтѣ, тоненько, умненько, и за всякое новое дурачество схватывать новыя выгоды, оправдывая такимъ образомъ собою извѣстную русскую пословицу объ умникѣ и о дурачкѣ.

Однакоже, по мѣрѣ того какъ старѣлся нашъ Иванушка и утверждался въ болѣе выгодномъ положеніи въ обществѣ

и по службѣ, онъ начиналъ понимать что долго носимая имъ роль становилась ему уже не подъ силу, да и не къ лицу. Онъ взялся за другой типъ, и опять не выдумалъ, а нашель его готовымъ въ той же народной нашей жизни. Много разныхъ типовъ на святой Руси, много тамъ ходитъ всякихъ юродивыхъ, блаженныхъ, которыхъ повсюду принимаютъ отлично и угощаютъ обильно. Сталъ юродствовать Иванъ Алексѣевичъ, примазываться къ богомольнымъ старичкамъ и старушкамъ, за немощью своею отказавшись отъ прелестей міра сего, сталъ ублажать ихъ, чадъ ихъ и домочадцевъ, сталъ говорить текстами, бить поклоны, осѣнлалъ себя при всякомъ удобномъ случаѣ, чуть не при всякомъ словѣ и движеніи, широкимъ крестнымъ знаменіемъ, явно подражая тому какъ это дѣлаетъ простой народъ. Люди несѣтливые подсмѣивались надъ этимъ мнимымъ монашествомъ Ивана Алексѣевича, казавшимся имъ нѣсколько страннымъ, пожалуй, даже неприличнымъ въ обществѣ. Но Иванушка нашъ билъ навѣрное: его юродство выдвинуло его въ 40 лѣтъ на очень выгодное мѣсто. Въ первый же годъ, Иванъ Алексѣевичъ, давнымъ давно уже оставившій флотъ и приобрѣтшій навыкъ въ гражданскихъ дѣлахъ, получилъ важную командировку въ провинцію, по одному очень запутанному дѣлу, которое тянулось уже нѣсколько лѣтъ, было переслѣдовано и пересужено многими мелкими и значительными, мѣстными и наѣзжими чиновниками, и все безуспѣшно. А Иванъ Алексѣевичъ, надо отдать ему честь, успѣлъ распутать и выяснить это дѣло въ теченіе полугода. Да кромѣ того въ теченіе этого же времени успѣлъ и для себя состряпать прибыльное дѣльце. Въ губернскомъ городѣ, куда онъ былъ посланъ съ порученіемъ, проживалъ не то чтобы вовсе въ ссылкѣ, а такъ себѣ, какъ говорится, на смиреніи, богатый откупщикъ, владѣлецъ огромнаго состоянія, мужъ хилой жены и отецъ здоровой дочери-невѣсты. Состояніе откупщика все было секвестровано правительствомъ по разнымъ дѣламъ. Чтобы распутать ихъ и спасти все угрожаемое описью въ казну состояніе нужна была рука прежде всего очень сильная и затѣмъ не менѣе искусная. Такая рука нашлась у Ивана Алексѣевича. Онъ предложилъ ее къ услугамъ откупщика; откупщикъ сразу понялъ что за человѣкъ былъ Иванъ Алексѣевичъ, съ радостью принялъ его предложеніе

и, въ благодарность и подкрѣпленіе союза, предложилъ ему съ своей стороны руку своей единственной дочери, наследницы всего отцовскаго богатства. Свадьбу сыграли въ день отъѣзда Ивана Алексѣевича въ Петербургъ; жена его осталась въ городѣ у родителей.

Въ первый же годъ, блестящій успѣхъ дѣйствиі Ивана Алексѣевича вполне оправдалъ основательность надеждъ возложенныхъ на него его тестемъ. Последнему дозволили возвратиться въ столицу, а главное, возвратили ему добрую половину состоянія, о другой же половинѣ разрѣшено начать законный искъ, то-есть отложить дѣло въ дальній ящикъ. Добившись этого, откупщикъ нашъ переселился со всей семьей въ Петербургъ и зажилъ купно съ зятемъ и дочерью. Онъ имѣлъ утѣшеніе видѣть и благословлять нарождавшихся внуковъ и внучекъ, и поживъ такимъ образомъ еще нѣсколько лѣтъ, переселился въ вѣчность, оставивъ зятя своего уже генераломъ и со звѣздой, а приданое дочери своей удесятереннымъ выигранною наканунѣ его смерти тяжбой съ выгодами и преимуществами неслыханными. За нимъ скоро послѣдовала въ могилу хилая и дряхлая его жена, а чрезъ нѣсколько лѣтъ и дочь, оставивъ богатаго и знатнаго своего мужа съ тремя дѣтьми: двумя сыновьями и дочерью, уже на возрастѣ и воспитанными вполне на аристократическій манеръ, то-есть такъ, какъ позволяло ихъ огромное состояніе и какъ умѣютъ воспитывать дѣтей у насъ на Руси.

IV.

Меньшой изъ этихъ дѣтей, герой нашей повѣсти, названный въ честь дѣдушки Николаемъ, баловень всей семьи, начиная отъ дѣдушки и бабушки до брата и сестрицы, родился отъ родителей уже обладателемъ десяти слухкомъ тысячъ душъ. Кромѣ того, дѣдушка, бывшій его крестнымъ отцомъ, положилъ крестнику на зубокъ ломбардный билетикъ во сто тысячъ цѣковыхъ, что, по достиженіи внукомъ совершеннолѣтія, составило изъ процентовъ почти двойной капиталъ. Съ такими сладкими и очень дѣйствительными упованіями на будущность, малелькій Кокочка (такъ звали его въ семействѣ, такъ будемъ звать покуда и мы), едва вышелъ изъ-

подъ присмотра няньки Англичанки, началъ свое воспитаніе подъ руководствомъ ученаго Нѣмца. Ученый Нѣмецъ, приступая къ дѣлу воспитанія Кокочки, руководствовался на первыхъ порахъ двумя соображеніями: вопервыхъ, какъ честный Нѣмецъ, онъ хотѣлъ исполнить долгъ свой честно, то-есть выучить русскаго барича всему что было въ его программѣ по воспитанію, а вовторыхъ, какъ человѣкъ расчетливый, полагалъ обезпечить себя въ это время на всю остальную будущность, разчитывая такимъ образомъ достигнуть двухъ цѣлей разомъ.

Но вышло иное: оказалось что эти двѣ не исключаютъ себя въ мѣстѣ ученаго Нѣмца цѣли, въ дѣйствительности одна другой противорѣчили и вредили другъ другу. Когда Нѣмецъ хотѣлъ заставить Кокочку учиться, въ то время, какъ нарочно, Кокочкѣ хотѣлось гулять. Если же Нѣмецъ тѣшил маленько принудить ребенка учиться, Нѣмцу говорили вѣжливымъ образомъ дурака и грозили выгнать его изъ дома, то-есть лишить полуторы тысячи цѣлковыхъ жалованья, что, какъ мы знаемъ, рѣшительно противорѣчало второй и, можетъ-быть, главнѣйшей изъ двухъ его цѣлей.

Итакъ, для достиженія послѣдней, Нѣмецъ уже рѣшительно пренебрегъ первую. Выѣсто того чтобъ учить чему-нибудь своего ученика, онъ самъ сталъ учиться у всякаго искусства жить въ свѣтѣ. Русскій аристократическій домъ представлялъ для этой науки хорошую школу, и скоро докторъ философіи Шварцъ, смиренно учившійся въ этой школѣ на задней скамейкѣ, сдѣлался не изъ послѣднихъ учениковъ ея. Хозяинъ, который не говорилъ, какъ мы уже знаемъ, ни на какомъ иностранномъ языкѣ и звалъ ученаго доктора „мусью“, привѣтливо улыбался, когда мусью, пришаркивая ножками и поднимая свои и безъ того ужъ ирекоротенькія ручки, жеманясь и жмурясь, отвѣшивалъ ему поклонъ за поклономъ, непрерывно приговаривая: „Excellenz!“ Хозяйка, говорившая по-нѣмецки, награждала его также ласковымъ словомъ, когда приходила взглянуть на своего милаго сына, одѣтаго по послѣдней модѣ на прогулку, вокругъ котораго нарочно на глазахъ у нея ходилъ восторженный учитель, и охорашивая своего питомца и любясь имъ, восклицала: „Wie brav, hübsch, elegant!“ Молодые барышни, генеральская дочь съ подругами, подсмѣивались надъ энтузіастомъ-докторомъ, когда онъ съ восторгомъ декламировалъ имъ стихи

Шиллера и Гете, а докторъ былъ очень радъ позабавить молодыхъ барышень, лишь бы удержаться въ такомъ домѣ гдѣ отлично кормятъ, поятъ и одѣваютъ, да еще дарятъ, сверхъ жалованья, значительные куши раза два въ годъ, такъ что годовое жалованье можно было откладывать на приобретение себѣ въ послѣдствіи времени клочка земли въ родимой Саксоніи, что было любимую, задушевною мечтою ученаго Нѣмца.

Вышло однако не такъ. Въ этомъ случаѣ русская натура сломала нѣмецкую и одержала надъ ней полную побѣду.... Уступая, такъ-сказать, шагъ за шагомъ поле битвы, сперва умалчивая о своихъ настоящихъ мысляхъ и чувствахъ, потомъ прикрывая ихъ различными личинами, Нѣмецъ довелъ свою слабкую натуру до того что она вполне пропиталась окружающею его сферой и вытѣснила тѣ начала которыми была пропитана въ юности. Уже онъ привыкъ и привязался къ роскоши, которая прежде была ему такъ противна, его уже стали занимать свѣтскія отличія и почести, толки и сплетни, къ которымъ прежде питалъ онъ неодолимое отвращеніе. На первыхъ порахъ самъ едва не сдѣлавшись жертвою интригъ, онъ сталъ находить прелесть въ интригахъ.

И отъ ближняго своего сталъ Нѣмецъ подальше. Когда одинъ юный и, въ добавокъ, бывший еще въ училищѣ его другомъ, бѣдный и талантливый его соотчичъ, пріѣхавшій подобно ему поискать счастья въ Петербургъ, сунулся также въ свѣтъ, надѣясь на покровительство своего друга, опытный докторъ Шварцъ такъ ловко подставилъ ногу неопытному магистру Вейсу, то-есть обнесъ и оклеветалъ его такъ искусно, что тотъ черезъ двѣ недѣли увидѣлъ заворенными для себя тѣ самыя гостепріимныя двери которыя доселѣ настежь отворялись предъ нимъ....

Пять лѣтъ слишкомъ выдержалъ себя почтеннѣйшій докторъ Шварцъ, то-есть до той поры когда его воспитанника отецъ помѣстилъ въ Александровскій лицей. Къ этому времени очутился у Шварца скопленный имъ капиталъ въ числѣ пяти, шести тысячъ талеровъ; о которомъ онъ едва смѣлъ мечтать когда-то. Но на эти деньги ученый Нѣмецъ, позабывшій, вѣроятно, завѣтъ Шиллера „хранить вѣрность мечтамъ своей юности“, не купилъ себѣ столь давно желаннаго

клячка земли въ родной Саксоніи. Деньги помѣстили онъ къ банкиру, а самъ пошелъ вновь гувернеромъ къ сыну одного министра, съ которымъ и доселѣ въ урочные часы разгуливаетъ по Невскому проспекту, въ упованіи поступить со временемъ на російскую государственную службу и сдѣлаться на старости лѣтъ Kaiserlicher Russischer Hof-, а можетъ быть и Staats-Rath'омъ.

V.

Такова была карьера учителя. Карьера ученика шла еще глаже, еще ровнѣе. Послѣ шести лѣтъ мирно проведенныхъ въ лицей между скучными лекціями профессоровъ и веселыми кутежами съ товарищами, Кокочка, по достиженіи восемнадцатилѣтняго возраста, вышелъ съ чиномъ 10-го класса (9-й, несмотря на всѣ натяжки, оказалось невозможнымъ дать ему по его удивительной лѣности) и поступилъ на службу въ канцелярію одного изъ министровъ. Уже около года числился онъ въ этой канцеляріи, не видѣвъ ее въ глаза, какъ вдругъ однажды вечеромъ является на квартиру къ нему курьеръ съ приказаніемъ явиться къ такому-то начальнику отдѣленія завтра утромъ. Не по вкусу пришлось Кокочку это приказаніе; онъ даже немножечко перепугался и передалъ свой страхъ и опасенія папашѣ (мамаши въ это время не было на свѣтѣ), но папаша успокоилъ милаго сына, посоветовавъ ему ѣхать завтра куда слѣдуетъ и когда слѣдуетъ, и обѣщавъ послѣзавтра лично переговорить обо всемъ съ начальникомъ Кокочки на обѣдѣ у княгини Нюниной. Пріѣхавъ въ канцелярію въ каретѣ заложеной парю доморощенныхъ рысаковъ, вслѣдствіе чего онъ съ особеннымъ почтеніемъ былъ принятъ внизу швейцаромъ, Кокочка ожидалъ себѣ точно такого же приѣма отъ чиновниковъ наверху. Но чиновники, занятые своимъ дѣломъ, не обратили на Кокочку никакого вниманія. Нѣсколько пораженный этимъ равнодушіемъ, Кокочка уже не съ такимъ апломбомъ спросилъ у сидящаго въ концѣ залы сѣдаго журналиста:

— Гдѣ начальникъ отдѣленія такой-то?

— А вотъ рядомъ, въ этой комнатѣ; только онъ теперь занятъ, едва ли васъ приметъ.

Коко почувствовалъ себя оскорбленнымъ такимъ непочтительнымъ отвѣтомъ и отошелъ отъ стола, сквозь зубы проговоривъ: „не безпокойтесь, меня вездѣ принимаютъ“. На этотъ разъ слова его вполне оправдались. Едва только вошелъ онъ въ указанную комнатку и назвалъ себя, сидѣвшій тамъ за письменнымъ столомъ лысенькій, маленькій человекъ, съ крестомъ на шеѣ, вскочилъ съ своего мѣста и, протягивая руку Коко, заговорилъ скороговоркой:

— Очень радъ-съ! Очень радъ! Давно желалъ имѣть удовольствіе васъ видѣть, вѣдь вы числитесь у меня въ отдѣленіи.

Коко весьма тонко и деликатно извинившись за свое бездѣйствіе, которое онъ объяснялъ бременемъ домашнихъ дѣлъ будто бы лежащихъ на немъ за старостію отца, спросилъ наконецъ за какимъ дѣломъ потребовали его сегодня въ канцелярію?

— Это-съ по приказанію директора, отвѣчалъ начальникъ отдѣленія.—Дѣло вотъ какого рода. Намъ надо составить записку объ улучшеніи и преобразованіи нѣкоторыхъ богоугодныхъ заведеній на заграничный манеръ. Записка эта должна имѣть, знаете, эдакъ форму болѣе литературную чѣмъ официальную. Вы, какъ человекъ образованный, знающій иностранные языки, однимъ словомъ—лицеистъ, можете сдѣлать это лучше всякаго другаго. Предоставляя вамъ эту работу, его превосходительство думало доставить вамъ случай отличиться и тѣмъ услужить вамъ самимъ, а главное, угодить вашему почтеннѣйшему батюшкѣ.... Какъ вы объ этомъ думаете, молодой человекъ?

Но молодой человекъ стоялъ неподвиженъ какъ статуя предъ черезчуръ уже подвижнымъ своимъ начальникомъ; до того ошеломило его выраженіе: „записка“, то-есть занятіе, дѣло, работа.... Однакоже послѣднія слова начальнической рѣчи—угодить батюшкѣ, отличиться, награда,—вывели его изъ этого ошуманенія. Онъ приободрился, сообразилъ важность и выгоду настоящей минуты и отвѣчалъ съ поклонами начальнику что очень радъ. Начальникъ передалъ ему тутъ же нѣкоторыя нужныя для исполненія заказанной работы книги и бумаги, и затѣмъ выпроводилъ, пожелавъ счастливаго успѣха. Съ кипой этихъ книгъ и бумагъ подъ мышкой, вышелъ

юный Кокко изъ маленькаго кабинета и прошелъ чрезъ большую залу канцеляріи съ такимъ видомъ, съ какимъ, вѣроятно, покойный Юлій Цезарь, вернувшись съ триумфомъ изъ Галліи, въ первый разъ проходилъ залу римскаго сената. Нѣкоторые маленькіе чиновники, пораженные этимъ непомерно величавымъ видомъ проходящаго, даже встали со своихъ мѣстъ и отпустили ему по поклону, на которые онъ не отвѣтилъ, частію потому что не кланяться же ему всякой „приказной твари“, а частію и вслѣдствіе того что ужь очень былъ онъ озабоченъ во глубинѣ своей души.

Да и было о чемъ подумать нашему герою!

Никогда въ жизни не приходилось ему встрѣтить такой напасти. О всякой человѣческой работѣ дотошъ имѣлъ онъ только смутное понятіе, какъ объ удѣлѣ бѣдныхъ. Удѣлъ богатыхъ, по всему тому что онъ въ жизни видѣлъ и слышалъ, пользоваться плодами чужихъ трудовъ. А тутъ вдругъ предлагаютъ поработать ему самому, ему, Красавину, предлагаютъ, правда, обѣщая за это отличную награду, но вѣдь награду можно бы схватить и не работая. Притомъ какъ приступить къ дѣлу совершенно ему незнакому? Наконецъ, положимъ, можно пораспросить собственно о дѣлѣ людей знающихъ, но какъ изложить слышанное? Все литературное искусство нашего героя заключалось въ умѣніи писать записочки дамамъ на французскомъ языкѣ и прикащикамъ и управляющимъ своихъ имѣній на отечественномъ. Училъ онъ, правда, нѣкогда наизусть стихотворенія Пушкина, Жуковскаго и Лермонтова; но прочитывалъ ихъ учителю не иначе какъ съ подсказкой, а по выходѣ изъ лица и вовсе бросалъ всякое подобное чтеніе, наслышавшись отъ своего батюшки что все это были люди сумашедшіе, уже потому, доказывалъ Иванъ Алексѣевичъ, что никто изъ нихъ не устроилъ своего состоянія, а многіе, напротивъ того, разстроили его въ пухъ. Но теперь приходилось ему такъ трудно, что Коконка чуть не позавидовалъ судьбѣ повтовъ, разсудивъ, что все-таки каждый изъ нихъ былъ бы способенъ написать записку о богоугодныхъ заведеніяхъ чѣмъ онъ, богачъ и *аристократъ*, какъ называлъ онъ себя *in petto*, а иногда и вслухъ. Нечего было дѣлать однако. Красавинъ рѣшился обратиться къ чужой помощи. „Кому же ближе знать какъ все это дѣлается и пишется, разсуждалъ онъ, какъ не чиновникамъ той же

канцеляріи которые только этимъ и занимаются? Найти ко-го-нибудь изъ нихъ посмышленѣе, заплатить ему, передать наваленную на меня работу, и дѣло въ шляпѣ...“ Задумано и сдѣлано. Мигомъ очутился онъ опять въ канцеляріи, и не погнушавшись на этотъ разъ неравенствомъ положеній, вступилъ въ разговоръ со швейцаромъ, всунувъ ему предварительно въ руку трехрублевую бумажку. Отъ швейцара узналъ онъ все что ему было нужно, то-есть кто въ канцеляріи главный дѣлецъ, кому поручается трудная и спѣшная работа, и пр. Оказалось что такою славой пользовался нѣкто Андрей Кирилловичъ Скворцовъ, столоначальникъ, мѣ-тящій уже на мѣсто начальника отдѣленія, хотя еще чело-вѣкъ молодой, недавно выпущенный изъ университета. Узнавъ все это, Кoko птичкой вспорхнулъ на верхъ, отыскавъ въ канцеляріи Скворцова, представился ему, рассыпался въ ты-сячахъ лестныхъ выраженій, попросилъ о знакомствѣ и при-гласилъ къ себѣ. Молодой столоначальникъ, проводившій всю жизнь свою за книгами и бумагами, неопытный въ сношені-яхъ съ людьми и между тѣмъ не чуждый, какъ и всѣ мы, самолюбія, былъ совсѣмъ не прочь отъ такого знакомства. Онъ обѣщаль воспользоваться любезнымъ приглашеніемъ Красавина не далѣе какъ въ тотъ же вечеръ. Но по уходѣ его Скворцовъ услышалъ нѣсколько предостереженій отъ кое-кого изъ болѣе опытныхъ канцелярскихъ своихъ товарищей: „Ну, братъ, говорили они, — не даромъ забѣгаетъ къ тебѣ этотъ франтъ, вѣрно хочетъ о какомъ-нибудь дѣльцѣ попро-сить. Смотри, берегись, облопошить! У него и батюшка на этотъ счетъ извѣстенъ: отряпчему, выхлопотавшему ему миллионную тяжбу и потерявшему зрѣніе за его бумагами, заплатилъ онъ всего-на-все полтораста цѣлковыхъ.“

Тѣмъ не менѣе молодой Скворцовъ въ 8 часовъ того же вечера сидѣлъ въ кабинетѣ молодого Красавина. Хозяинъ встрѣтилъ гостя съ тою же изысканною любезностью съ ка-кою утромъ, въ канцеляріи, просилъ его о знакомствѣ, и объ-явилъ ему что, покончивъ теперь съ домашними дѣлами, онъ очель долгомъ просить его руководительныхъ совѣтовъ и на-ставленій по службѣ, которою намѣренъ серьезно заняться. За любезностями началось обильное угощеніе. За ужиномъ Скворцовъ былъ представленъ самому старику Красавину и удостоился даже чести получить отъ него shake-hand, хотя только двумя пальцами. Послѣ ужина Кoko увелъ своего

гостя въ кабинетъ, велѣлъ подать туда шампанскаго, и чокувшись бокалами, обратился къ гостю уже съ такою безцеремонною рѣчью: „Надѣюсь, мы будемъ съ вами отнынѣ друзьями! Ваше образованіе, умъ и пр. я умѣю это цѣнить, повѣрьте.... Вы можете быть очень полезны мнѣ, сознаюсь, да и я вамъ могу при случаѣ послужить не мало,—говорю вамъ откровенно. Не будемте же пренебрегать взаимною пользою. Вотъ видите въ чемъ дѣло на первый разъ. Напишите мнѣ требуемый отъ меня проектъ, — вотъ всѣ нужныя для этого бумаги (онъ всунулъ ему въ руки полученную отъ начальника отдѣленія кипу),—вамъ, какъ человѣку привычному, это будетъ стоить труда не много, а плату принесетъ хорошую, вотъ вамъ честное слово!... А затѣмъ прощайте! Надѣюсь на васъ, а вы надѣйтесь на меня. Теперь я долженъ сейчасъ же оставить васъ.... и такъ ужъ я опоздалъ на раутъ къ графинѣ Разанаковской.“ Тутъ онъ повернулся спиной и такъ быстро вышелъ изъ кабинета, что ошеломленный гость не успѣлъ отвѣтить ни слова, и замѣтивъ что остался одинъ, не замедлилъ самъ выбѣжать какъ полоумный изъ этого гостеприимнаго дома.

На раутѣ Коко былъ необыкновенно веселъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ ловко обдѣлалъ онъ это дѣло со Скворцовымъ, а впереди крестикъ, чинъ, — а, кто знаетъ, можетъ-быть, и золотой мундиръ! Какъ будетъ онъ всѣмъ этимъ гордиться, какъ будетъ доволенъ его папа, какъ возвыситъ это его въ глазахъ милыхъ дамъ!...

Въ такихъ сладкихъ грезахъ Коко провелъ всю ночь; въ такихъ сладкихъ мечтахъ застало его слѣдующее утро. Но такъ какъ герой нашъ былъ прежде всего человѣкъ положительный, то, вставъ съ постели, онъ тотчасъ же сѣлъ за письменный столъ и написалъ къ Скворцову слѣдующую записку: „Зная напередъ, любезнѣйшій, что работа ваша будетъ хороша, и полагая, между прочимъ, что вы, какъ человѣкъ недостаточный и живущій единственно жалованьемъ, нуждаетесь въ деньгахъ, имѣю честь препроводить вамъ при семъ посильную мою благодарность, 50 руб. сер.“ За симъ, вложивъ деньги въ конвертъ и запечатавъ фамильною печатью, Коко приказалъ человѣку доставить по адресу, а самъ, наскоро одѣвшись, поскакалъ завтракать къ „Дюссо“.

Не такъ-то весело встрѣтилъ и проводилъ это утро молодой Скворцовъ. Озадаченный еще наканунѣ такою неожиданною

неприятною развязкой приятно проведеннаго вечера, униженный, задѣтый за живое въ самой тонкой, большой струнѣ своего самолюбія, молодой чиновникъ не спалъ всю ночь. Поутру, когда, оправившись отъ ночнаго волненія, онъ собирался идти въ канцелярію и начиналъ уже съ большимъ хладнокровіемъ обсуживать происшедшее наканунѣ, человекъ подалъ ему вдругъ письмо съ деньгами отъ Красавина. Прочитавъ письмо, Скворцовъ прерывистымъ голосомъ спросилъ тутъ ли посланный и получилъ въ отвѣтъ что его давно уже нѣтъ, письмо принесено съ полчаса, но слуга позабылъ подать его ранѣе. Скворцовъ, наскоро одѣвшись и захвативъ письмо съ деньгами и бумаги Красавина, опрометью побѣжалъ въ канцелярію.

Черезъ два часа послѣ того вся канцелярія знала о случившемся, и самъ директоръ, которому Скворцовъ не замедлилъ передать и деньги, и бумаги, и письмо Красавина, отозвался о послѣднемъ не совсѣмъ-то лестнымъ образомъ, и сказалъ что Красавинъ, конечно, болѣе служить въ канцелярію не будетъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ тотъ же день онъ похвально къ старику Ивану Алексѣевичу рассказать подробно всю геніальную выходку его сына и очень вѣжливо, но довольно понятно далъ ему почувствовать, что сыну его ничего не остается дѣлать какъ удалиться изъ того вѣдомства въ которомъ онъ считается на службѣ. Иванъ Алексѣевичъ выслушалъ всю исторію съ большимъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ, о сынѣ отозвался весьма кратко: „Что станешь дѣлать? молодъ! неопытенъ! А вѣдь умница! Этого никакъ нельзя отнять у него!“

На другой день умница переведенъ былъ въ другое присутственное мѣсто, подъ начальство мужа сестры своей, человека весьма сильнаго и вліятельнаго. Тамъ продолжалъ онъ, числясь на службѣ и не тревожась никакими заказами въ родѣ вышеописаннаго проекта, получать отличія и награды законною чередой.

Но если и случилось нашему герою такъ оплошать однажды, то справедливость требуетъ сказать что не всегда и не вездѣ былъ онъ такъ неразуменъ. Напротивъ, ранняя практичность доставила ему вполне заслуженное уваженіе всей семьи, начиная съ престарѣлаго родителя, съ дѣтства преподававшаго ему уроки трудной и важной науки благо-

приобрѣтенія и умноженія рублей. Уроки пошли въ пользу: сыночекъ оказался вполне достойнымъ батюшки. Получивъ на 21 году весь двѣдушкинъ капиталъ, онъ очень выгодно купилъ съ аукциона въ московскомъ опекуномъ совѣтѣ одно многоземельное имѣнiе, куда тотчасъ же перевелъ часть крестьянъ изъ другихъ, доставшихся ему послѣ матери, имѣнiй. Хотя переселенцы эти, отправившись въ путь, по барской прихоти, въ позднее время года, и перемерли на половину отъ гнилой горячки, тѣмъ не менѣе помѣщикъ остался очень доволенъ и собою, и новымъ имѣнiемъ, высчитывая сколько оно дало ему въ первый же годъ чистаго дохода. Этимъ не ограничились выгодныя операціи милаго Кокочки. Никто не умѣлъ такъ искусно продать дорого и купить дешево, и не разъ купецъ, заключившій съ нимъ сдѣлку, выходилъ отъ него отирая обѣими руками лившій съ него крупными каплями потъ и садился, изнеможенный, въ передней, отдуваясь и только приговаривая: „Ну, ужъ баринъ, какъ есть кулакъ-баринъ!“ Скупать векселя, отдавать деньги подъ вѣрные залого—все это было дѣломъ Кокочки, однимъ изъ тѣхъ которыя самъ онъ вѣрно характеризовалъ въ разговорѣ съ начальникомъ эпитетомъ *домашнихъ дѣлъ*. Дѣйствительно, эти *домашнія дѣла* занимали все время остававшееся Кокочкѣ отъ баловъ, собраній, визитовъ и ужиновъ съ товарищами и тѣми расписанными барынями, которыми не оскудѣваетъ богоспасаемый градъ Санктъ-Петербургъ.

VI.

Такъ протекала тихимъ ручейкомъ по цвѣтущей долинѣ, сказалъ бы поэтъ, однообразно счастливая жизнь нашего героя безъ малаго до 24 лѣтъ. Тутъ имѣлъ онъ несчастье остаться круглымъ сиротой. Несчастье это приумножило его состоянiе весьма уже немногимъ, потому что Иванъ Алексѣевичъ заживо еще раздѣлилъ огромныя свои богатства между дѣтьми. На собственныя издержки хватало ему, даже съ большими остатками, его сенаторскаго жалованья. Привыкнувъ смолоду во всемъ отказывать себѣ, онъ продолжалъ дѣлать это въ послѣдствіи уже по привычкѣ. Чѣмъ старѣе становился онъ, тѣмъ сильнѣе становилась эта привычка.

Какъ острые соки въ молодомъ, сильномъ и свѣжемъ тѣлѣ вырываются наружу въ болѣзненной формѣ и стремятся извергнуться вонъ, но подавленные неискуснымъ лѣченіемъ обращаются вспять и разливаются по всей крови медленнымъ ядомъ, такъ и страсти въ душѣ Ивана Алексѣевича не погибли подъ ярмомъ его желѣзной воли, а первоначально притаившись, стали мало-по-малу выходить затѣмъ наружу въ первобытномъ своемъ безобразіи. Сначала, казалось, онъ раздѣлялся весь между самолюбіемъ и сребролюбіемъ, но послѣднее взяло окончательно надо всѣмъ перевѣсъ. Скупость сенатора Красавина, извѣстная всему Петербургу, въ послѣднее время его жизни не имѣла границъ. Онъ не зналъ другаго платья кромѣ форменнаго, въ немъ дѣлалъ официальные и частные визиты, а круглую черную шляпу пронесилъ къ ряду двѣнадцать лѣтъ, и пронесилъ бы еще, можетъ-быть, столько же, еслибы чиновники изъ шутки, а можетъ-быть и изъ жалости, въ самый день именинъ его, не подмѣнили ее другою, болѣе новою, въ швейцарской сената. Но безжалостно скупой на самого себя, Иванъ Алексѣевичъ былъ, какъ мы видѣли, щедръ до расточительности относительно дѣтей своихъ и баловалъ ихъ безгранично, живя уже какъ бы не своею, а единственно ихъ жизнью. Одна была у него молитва, послѣ того какъ уже исполнились всѣ молитвы о личномъ его счастьи: „Матерь Божія! выведи дѣтей моихъ въ большой свѣтъ!“ Это былъ его вѣчный, задушевный помыселъ, послѣдній озарявшій его заботливую голову. Видѣть дѣтей своихъ „своими людьми“ въ высшемъ кругу столицы въ той надменной средѣ предъ которой самъ онъ, бѣдный, неизвѣстный и необразованный, такъ унижался и юродствовалъ въ молодости, — вотъ о чемъ теперь постоянно и тревожно думалъ добившійся почестей и денегъ дѣтолюбивый старикъ. Къ сожалѣнію, въ отплату своей страстной и слѣпой вѣжности, онъ видѣлъ отъ дѣтей своихъ лишь одну черствую холодность, которую самъ же онъ „практическимъ“ словомъ своимъ и примѣромъ посылалъ и возрастилъ въ нихъ. Дѣти смотрѣли на батюшку какъ на дойную корову, покуда не имѣли своей собственности, а получивъ ее, отвернулись отъ него какъ отъ ненужной вещи; стыдились его въ обществѣ, смѣялись надъ его грубою необразованностью и скряжничествомъ и безжалостно кинули его одинокого въ пору послѣдней его тяжкой болѣзни. Поздно бѣдный старикъ

разгадалъ страшную истину. Дѣти не любили его. Но и разгадать, онъ никому не высказалъ, не довѣрилъ ея, а спряталъ въ тотъ же глубокий тайникъ въ которомъ всю жизнь затѣвалъ свои помышленія. Последняя минута приближалась медленно, торжественно; гордо, молчаливо встрѣчалъ ее Иванъ Алексѣевичъ. Никто не слышалъ отъ него ни жалобъ, ни стоновъ, несмотря на ежедневно увеличивавшіяся его страданія. Платя дань своему самолюбію, до послѣдняго дня не покидалъ онъ своихъ должностей, хотя и не могъ уже исполнять сопряженныхъ съ ними обязанностей, и заплатилъ послѣднюю дань своей окупости, завѣщавъ похоронить себя въ простомъ деревянномъ, ничѣмъ не обитомъ и некрашеномъ гробѣ. День кое-какъ онъ еще перемогался, заставляя читать себѣ всяческія бумаги; выдавалъ изрѣдка съ дѣтьми, отдавалъ приказанія по дому. Но съ сумерекъ онъ затворился въ свою спальню, уходилъ въ свое волтеровское кресло, въ свое *гнѣздо*, какъ онъ называлъ его, и проводилъ тамъ томительные вечера и долги, бессонныя ночи. Единственными собесѣдниками его были старушка, посвятившая себя на богомолье и уходъ за больными, да вскормленная ею собачка, смиренно покоившаяся на козлышкахъ умиравшаго и согрѣвавшая его холодѣвшіе члены. Въ этомъ гнѣздѣ, при этихъ скромныхъ, но вѣрныхъ товарищахъ, застала его и смерть, и только одни они въ цѣломъ домѣ и горевали, и плакали по старомъ баринѣ. Да еще, когда въ Сергіевской пустыни безъ слезъ опустили въ могилу прахъ Ивана Алексѣевича, полился на эту могилу въ замѣнъ человеческихъ слезъ такой крупный ливень, и такъ страшно завывало бурное море, какъ будто бы въ самомъ дѣлѣ сама природа расплакалась о напрасной тратѣ богатыхъ силъ духа какими одаренъ былъ этотъ человекъ.

Но не пролилъ ни одной слезинки любимецъ Кочка надъ прахомъ отца; не пролилъ потому что просто не умѣлъ чувствовать и скорбѣть, и думалъ что исполнялъ всю сыновнюю обязанность благодарности и печали, поставивъ надъ прахомъ благороднаго отца памятникъ изъ каррарскаго мрамора тысячъ въ пять цѣковыхъ. Свѣтъ отъ него, впрочемъ, ничего другаго и не требовалъ!... По смерти отца на долю Кoko досталось большое состояніе. Если прибавить къ тому двадцать пять лѣтъ отъ реду, отлучное, не потрепанное ни заботами, ни трудами здоровье и полную, безотчетную

свободу дѣйствій, отсутствіе всякой прямой или косвенной опеки,—пойдутъ ли на умъ тоска и слезы! Но вотъ вопросъ: какъ провести цѣлый годъ, траурный, скучный годъ въ Петербургѣ, гдѣ нельзя будетъ ѣздить ни въ театръ, ни на балы? Какъ бы сократить эту траурную скуку? Не ударить ли куда-нибудь подале, куда бы не досягнуло око ни единого Аргуса петербургскаго свѣта.... На этой мысли остановился нашъ герой. На другой день утромъ онъ поѣхалъ къ своей сестрѣ, упротилъ ее выхлопотать у своего зятя, начальника, годовой отпускъ безъ потери выгодъ и преимуществъ по службѣ.... Черезъ двѣ недѣли отпускъ былъ у него въ карманѣ, а черезъ три онъ летѣлъ въ собственной каретѣ по рижскому шоссе.... Въ Парижѣ, куда, разумѣется, онъ прямо направилъ путь свой, онъ провелъ цѣлую зиму, мало показываясь въ свѣтъ, но за то погрузившись всецѣло въ миръ парижскихъ легкихъ удовольствій. Одна изъ богинь этого соблазнительнаго міра на первыхъ же порахъ, впрочемъ, подвергла его тяжелому искусу. Она поводила его, какъ говорится, на бобахъ мѣсяцевъ шесть, выманила нѣсколько десятковъ тысячъ франковъ и, едва сойдясь, черезъ мѣсяць разошлась съ нимъ, оставивъ по себѣ на память пылкому любовнику довольно разстроенный карманъ и разстроенное здоровье. Для поправленія того и другаго Красавицъ уѣхалъ на весну въ Римъ. Но уставъ отъ трехнедѣльнаго посѣщенія храмовъ, музеевъ и галлерей, въ которыхъ онъ постоянно зѣвалъ отъ скуки, герой нашъ отправился въ Венецію, гдѣ и поселился въ одномъ изъ опустѣлыхъ ея дворцовъ. Но онъ впалъ тамъ въ такую апатію, изъ которой не могли вывести его даже венеціанскія женщины, столь извѣстныя своею красотой. Красавицъ дѣйствительно заболѣлъ отъ скуки, и слѣды ея отзывались даже на его лицѣ, что заставило его созвать консилиумъ докторовъ, во избѣжаніе дальнѣйшей опасности которой могла бы подвергнуться отъ тѣхъ же причинъ его прекрасная наружность. Доктора нашли въ немъ разстройство нервной системы и совѣтовали ему отправиться на лѣто въ Гаштейнъ.... Пробираясь туда, онъ остановился недѣли на двѣ, на три въ Вѣнѣ, гдѣ въ первый же вечеръ, въ оперѣ, въ верхнемъ ярусѣ, увидѣлъ молодую красавицу которая произвела на него такое сильное впечатлѣніе....

Возвращаемся къ нашему разказу.

VII.

На другой день послѣ дебюта Лагуа, въ театрѣ an der Wien давали *Elisir d'amore*. Публика была такъ же многочисленна какъ и въ первый вечеръ.... 8-й номеръ въ первомъ ряду кресель долго оставался не занятымъ, хотя на него часто поглядывали изъ оркестра знакомый намъ старикъ музыкантъ и ученикъ его, молодой флейтистъ. Наконецъ, въ исходѣ перваго акта, часовъ въ девять, вошелъ въ партеръ и занялъ этотъ номеръ господинъ Красавинъ. Музыканты играли въ это время и не замѣтили его прихода; но какъ скоро молодой флейтистъ кончилъ свою партію, онъ взглянулъ на Красавина и привѣтствовалъ его добродушною улыбкой какъ стараго знакомаго. Красавинъ отвѣчалъ ему тѣмъ же. Въ антрактѣ онъ подошелъ къ оркестру, дружелюбно подавъ руку молодому музыканту и вѣжливо отвѣтилъ на поклонъ старика. Тотъ въ свою очередь подошелъ къ периламъ и вступилъ въ разговоръ съ Красавинымъ.

— А, вы опять здѣсь и все на томъ же мѣстѣ? Вы, вѣроятно, большой дилеттантъ?

— Да, я страстно люблю музыку.

— Похвальная страсть. Впрочемъ, знаете чтò замѣтилъ старикъ: — вы не въ-время попали въ Вѣну. Наши лучшія времена прошли.... Это опера чтò за опера! Нынѣ она здѣсь содержится частнымъ импрессарио. Это не то что прежде, когда Италіяны приглашались дирекціей отъ правительства и пѣли въ императорскомъ придворномъ театрѣ. Нынѣ императоръ не пустилъ ихъ туда, онъ сердитъ на Италію и Италіянецевъ.... Нынѣ трудныя времена. Политика, все политика! Война вредитъ искусству. *Strepto belli artes pelluntur*. Вотъ видите, я и по-латыни знаю.... А прежде, когда мы наслаждались многолѣтнимъ миромъ, Вѣна могла пощеголять своею оперой.... Вотъ хоть бы та же *Norma*. Вы бы послушали какъ она шла здѣсь съ Рубини, Лаблашемъ и Паста.... Это были пѣвцы не то что нынѣшняя школа! Капельмейстеромъ нашего оркестра былъ знаменитый Доницетти; я при немъ вступилъ на службу.... Золотые то были годы! Опоздали вы приѣхать къ намъ, опоздали! да!

И старикъ весь просіялъ при дорогихъ воспоминаніяхъ молодости.... Красавинъ едва удерживалъ саркастическую улыбку. Наивная словоохотливость стараго Нѣмца казалась и скучною, и неумѣстною русскому баричу.

— Для васъ, я думаю, прервалъ онъ вдругъ старика, — должно быть очень пріятно имѣть такого даровитаго ученика.

И онъ указалъ на юнаго флейтиста.

— Да! Рекомендую вамъ! Отличный, полный надеждъ юноша!... Если только не избалуется, изъ него будетъ прокъ.

И онъ самодовольно потрепалъ по плечу юношу, покраснѣвшагося какъ маковый цвѣтъ отъ этой ласки и похвалы.

Но вотъ вошелъ капельмейстеръ, и музыканты живо разошлись по своимъ мѣстамъ. Усѣлись и зрители. Красавинъ глазъ не спускалъ съ молодаго музыканта. Онъ все придумывалъ средства какъ бы короче познакомиться съ нимъ и какъ бы сдѣлать это поблаговиднѣе. Содѣйствіе стараго музыканта представлялось ему необходимымъ; хотя простодушная фамилярность старика и не нравилась ему, но онъ рѣшилъ ею воспользоваться. Лишь только кончилось представленіе, онъ подошелъ къ оркестру и обратился къ флейтисту:

— Не сдѣлаете ли вы мнѣ сегодня величайшее одолженіе, сказалъ онъ, — отужинать вмѣстѣ со мной и такимъ образомъ продать вашу занимательную бесѣду?

— Очень радъ, очень благодаренъ за честь.... отвѣчалъ съ поклономъ и нѣсколько сконфузившись старый Нѣмецъ.

— Въ такомъ случаѣ выходите чрезъ главный подъѣздъ, я буду тамъ ждать васъ. Да не забудьте взять съ собой и вашего ученика, присовокупилъ Красавинъ съ улыбкой, и ласково кивнувъ юношѣ, быстро вышелъ вонъ и сталъ дожидаться у подъѣзда своихъ гостей.... Они не замедлили явиться, и всѣ трое отправились въ кофейню Шеффера, прямо противъ театра. Красавинъ предложилъ своимъ гостямъ мороженого, что показалось имъ ужъ чрезчуръ роскошнымъ угощеніемъ, но Красавинъ настоялъ, потребовавъ къ тому и пива, безъ котораго для устаго Нѣмца нѣтъ пива. Разговоръ, разумѣется, повелъ о музыкѣ, но вдругъ старый музыкантъ обратился къ нашему герою съ такимъ вопросомъ:

— Скажите, пожалуйста, вѣдь вы Англичанинъ?—и не давъ ему отвѣтить продолжалъ: — я знаю англійское общество; лѣтъ шесть тому назадъ я часто игрывалъ на вечерахъ у

англійскаго посла графа Вестморланда. Славные собирались у него люди! все ваши соотечественники.

— Къ сожалѣнiю, не мои, отвѣчалъ, засмѣявшись, Красавинъ.

— Какъ! кто же вы? Французы не могутъ такъ хорошо, какъ вы, говорить по-нѣмецки. Ахъ, Боже мой! Да какъ же я ранѣе не догадался! Вы непременно Русскій?

— Къ вашимъ услугамъ....

— А я такъ вотъ сразу отгадалъ какой вы наци, промолвилъ молодой ученикъ, — а вчера же сказалъ своимъ товарищамъ что вы должны быть Русскій!

— А почему же вы это такъ отгадали.... живо обернулася на него Красавинъ, — обрадовавшійся случаю ввести скорѣе въ разговоръ юношу.

— Почему! Да не знаю, право, такъ....

И онъ снова покраснѣлъ при семь удобномъ случаѣ.

— А вамъ нравятся Русскіе, позвольте спросить, шутливо спросилъ его Красавинъ.

— О, да! поспѣшилъ отвѣтить ему молодой человекъ, и вскинулъ на него свой ребячески довѣрчивый взглядъ.

— Благодарю! благодарю отъ всего сердца, сказалъ нашъ герой, и такъ крѣпко сжалъ руку своего молодого собесѣдника, будто тотъ оказалъ ему этими словами какую-нибудь необыкновенную услугу.

— О! мы всѣ любимъ и уважаемъ Русскихъ, заговорилъ опять старикъ. — Я еще маленькимъ мальчикомъ видѣлъ здѣсь вашего покойнаго императора Александра I, когда онъ жилъ цѣлую зиму здѣсь у насъ въ Вѣнѣ, и доселѣ не забуду его прекраснопривѣтливаго лица! Потомъ я зналъ также очень многихъ русскихъ вельможъ: однажды мнѣ даже пришлось управлять оркестромъ на домашнемъ спектаклѣ у вашего посланника Татищева, der Commandor von Tatischeff! Вотъ былъ вельможа, ein grosser Herr! Нынѣ дипломаты такъ уже не живутъ! Нынче нѣтъ такихъ, совсѣмъ не бываетъ. Тамъ, у него же, на этомъ спектаклѣ, я познакомился съ однимъ русскимъ графомъ изъ Москвы....

— Однако же, заговорилъ нетерпѣливо Красавинъ, испугавшійся начала этой рѣчи и не предвидя ей скорого конца, — мы столько времени бесѣдуемъ другъ съ другомъ, а не знаемъ еще фамилій другъ друга: моя—Красавинъ, русскій дворянинъ, вотъ вамъ моя карточка. Позвольте узнать вашу.

— Жаль что со мной нѣтъ тоже карточки, но я не премину вамъ доставить.... Гдѣ вы изволите жить?

— Zum Erzherzog Karl.

— Завтра же буду имѣть честь явиться къ вамъ, вашъ покорный слуга, Иоганнъ Фарбахъ, первый императорско-королевскій придворный флейтистъ, сказалъ протяжно-недвигательно старый музыкантъ, и при этомъ низко поклонился Красавину....

— Очень, очень радъ! отвѣчалъ тотъ.—А васъ какъ зовутъ? съ особеннымъ отнѣнкомъ участія спросилъ онъ юношу.

— Адамъ Фишеръ, императорско-королевской Вѣнской консерваторіи первый ученикъ, добавилъ торжественно учитель.

— Душевно радъ вашему знакомству, сказалъ Красавинъ, и еще разъ подавъ руку юношѣ. Затѣмъ онъ взглянулъ на часы: гости его поняли и взялись за шляпы. Красавинъ щедро заплатилъ общій счетъ и еще щедрѣе далъ на водку кельнеру, чѣмъ немало удивилъ разчетливыхъ Нѣмцевъ. Они всѣ вмѣстѣ вышли изъ кофейной. Еще болѣе изумились музыканты, когда Красавинъ на подъѣздѣ кликнулъ карету, которая, не замѣченная его спутниками, слѣдовала за нимъ изъ театра. Имѣть свой экипажъ первый признакъ вельможества въ глазахъ Нѣмца....

— Ну, вотъ, не говорилъ ли я что этотъ господинъ аристократъ? сказалъ старикъ Фарбахъ, оставшись на улицѣ вдвоемъ съ своимъ ученикомъ.

— Ja wohl, отвѣчалъ тотъ съ неменьшимъ удовольствіемъ.

Между тѣмъ „аристократъ“, изъ глубины своей кареты, не терялъ новыхъ знакомыхъ своихъ изъ виду, и замѣтивъ что они вконецъ пошла въ разныя стороны, поѣхалъ вслѣдъ за молодымъ, догналъ его и предложилъ довести его до дому въ своемъ экипажѣ.

— Это между прочимъ, сказалъ онъ смѣясь, доставить вамъ удовольствіе побесѣдовать съ вами, удовольствіе рѣшительно невозможное въ присутствіи вашего словоохотливаго учителя.

Юноша сконфузился; но отъ предлагаемой чести не отказался. Онъ сѣлъ въ карету подлѣ Красавина и сказалъ кучеру ѣхать въ улицу Kindergasse. Дорогою Красавинъ былъ весьма любезенъ съ своимъ спутникомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и остороженъ. Замѣтивъ что шутки надъ учителемъ не вызываютъ

сочувственной улыбки ученика, онъ тотчасъ же прекратилъ ихъ. „Больно ужъ невиненъ, подумалъ онъ; на первыхъ порахъ пугать не надо.“

— Сколько вамъ лѣтъ отъ роду? спросилъ онъ своего спутника.

— Шестнадцать, отвѣчалъ тотъ.

— И вы не знаете никакихъ развлеченій, никакихъ удовольствій въ вашихъ занятіяхъ?

— Какъ не знать? Иногда зимой ходимъ на балы, а лѣтомъ на прогулки за городъ.

— Ну, а съ кѣмъ же вы танцуете?

— На балахъ? Съ дѣвцами, съ дамами, какъ и всѣ и вездѣ.

— И это, видно, одна изъ вашихъ любимыхъ дамъ, та, которая вчера была въ театрѣ въ ложѣ четвертаго яруса, и на которую вы такъ пристально смотрѣли.

— Это была моя сестра, отвѣчалъ наивно Фишеръ.

Красавицъ отгадалъ это съ перваго раза, еще вчера. Тѣмъ не менѣе онъ обрадовался какъ дитя своему открытію... Сердце у него даже забилось, вспоминая прелестный молодой образъ. Онъ почти съ любовію взглянулъ на сидѣвшаго подлѣ него юношу. Онъ однако подавилъ внезапное волненіе и продолжалъ возможно равнодушнымъ тономъ разспрашивать своего спутника о его семействѣ, объ ихъ состояніи, образѣ жизни и т. п. Изъ подробныхъ и довѣрчивыхъ отвѣтовъ молодого человѣка герой нашъ узналъ, что Адамъ Фишеръ сынъ вѣнскаго почталіона Флоріана Фишера и жены его Доротеи, что онъ вмѣстѣ съ родителями своими и сестрою, Луизою, семнадцати лѣтъ, живетъ въ одномъ изъ отдаленнѣйшихъ переулковъ предмѣстія An der Wien, въ квартирѣ состоящей изъ кухни, большой комнаты составляющей салонъ и спальню женщины и еще изъ небольшой каморки, въ которой самъ Адамъ жилъ съ товарищемъ своимъ, музыкантомъ Трельци, Венгерцемъ родомъ, который занималъ у нихъ уголь за утиренную плату шести гульденовъ въ мѣсяцъ. Отецъ Адама находился въ то время на водахъ въ Баденѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Вѣны; прошедшею зимой вся семья заразилась тифомъ, но послѣдствія этой болѣзни отразились только на старикѣ Фишерѣ, который чуть было не лишился употребленія ногъ; теперь же, по словамъ сына, отъ дѣйствія баденскихъ ваннъ онъ былъ на пути выздоровленія.... Словомъ,

простодушный Нѣмецъ юноша выболтался весь хитроумному русскому барину. Въ такихъ разговорахъ доѣхали они до самаго жилища Фишера, и тутъ только разстались.... Но прежде разставанія Красавинъ выразилъ Фишеру желаніе свое познакомиться съ его почтенными родителями и вручилъ ему для передачи имъ визитную свою карточку, а сверхъ того попросилъ его на завтра къ себѣ обѣдать. Адамъ согласился, и новые пріатели разстались предовольные другъ другомъ. Оба не скоро заснули въ тотъ вечеръ. Нѣмецъ все разказывалъ своимъ домашнимъ подробности своего знакомства съ русскимъ бариниомъ; герой же нашъ обдумывалъ въ умѣ своемъ мало-по-малу созидавшійся планъ своей наступательной кампаніи, разчитывалъ ходъ своихъ грядущихъ дѣйствій и радъ, безконечно радъ былъ что судьба наконецъ послала ему дѣло которое могло поглотить и наполнить всю его пустую и праздную жизнь....

Прошла еще одна недѣля, новые пріатели были почти неразлучны, а все еще не успѣлъ Красавинъ въ главной дѣли своей, не успѣлъ познакомиться съ семьей Фишера, хотя въ теченіе этого времени онъ всячески старался войти съ въ нею сношенія. Луизѣ онъ постоянно посылалъ чрезъ брата разные гостинцы, конфеты, фрукты, цвѣты; она каждый разъ поручала брату благодарить Красавина за любезность, но видѣть ее добиться все таки не могъ нашъ герой. Несмотря на рекомендаціи и настоянія молодого Фишера, его мать никакъ не соглашалась, въ отсутствіе отца, ввести въ свой домъ иностранца, съ которымъ у нихъ, думала она, не могло быть ничего общаго. Въ ея понятіяхъ это было дѣломъ важности первостепенной, которое могло быть рѣшено только самимъ главою семейства.... Между тѣмъ, не успѣвая въ домѣ Фишера, Красавинъ успѣвалъ въ театрѣ an' der Wiēn, куда онъ продолжалъ являться каждый вечеръ и гдѣ пріобрѣталъ себѣ въ оркестрѣ все болѣе и болѣе друзей. Въ антрактахъ онъ постоянно предлагалъ музыкантамъ разное угощеніе, въ разговорахъ весьма искусно намекалъ о своихъ обширныхъ связяхъ, о своей любви къ искусствамъ, вообще о покровительствѣ которымъ пользуются иностранные артисты въ Петербургѣ. Многіе изъ его слушателей и въ томъ числѣ молодой Венгерецъ, игравшій вторую скрипку въ оркестрѣ, просили его доставить имъ выгодный анга-

жементъ въ петербургскую оперу, и меценатъ великодушно общалъ имъ въ этомъ случаѣ свое вельможное покровительство. Оркестръ, за немногими исключениями, былъ восхищенъ русскимъ „аристократомъ“. Но исключеніе это, вмѣстѣ съ двумя, тремя стариками, оставлялъ Фарбахъ. Его старая опытность и природный умъ, несмотря на всю сердечную доброту его, оберегали его отъ слишкомъ большаго увлеченія щедротами и видимымъ искательствомъ завѣжаго госта. *Timeo Danaos et dona ferentes!* мурлыкалъ онъ часто про себя, наблюдая чрезъ очки за Красавинымъ, разсыпавшимся въ любезностяхъ съ товарищами старика по оркестру. Кромѣ того, старый виртуозъ съ недавняго времени сталъ замѣчать въ некоторую небрежность въ занятіяхъ своего молодаго ученика, поглощеннаго всецѣло новымъ знакомствомъ и, не говоря ему ни слова, рѣшился передать все, и подозрѣнія свои и замѣчанія, его отцу, дню пріѣзда котораго не одинъ онъ ждалъ съ нетерпѣніемъ. Прошла еще недѣля, другая, и этотъ день насталъ.

VIII.

Флоріанъ Готлибъ Фишеръ родился въ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія. Сынъ тирольскаго крестьянина, поступившаго въ военную службу и убитаго въ первую войну Австріи съ Наполеономъ I, онъ самъ сталъ въ ряды храбрыхъ защитниковъ своего отечества подъ знамена Андреа Гоффера, скоро заплатившаго жизнію за свой патріотизмъ.... По смерти любимаго вождя, приверженцы его разсѣялись, укрываясь то отъ преслѣдованія непріятелей, то отъ нерасположенія своихъ же соотчичей, боявшихся мщенія Французовъ пуще смерти. Храбрыхъ Тирольцамъ не давали хода въ Австрію, не принимали ихъ на службу и не давали имъ никакого жеста. Молодой Флоріанъ нѣсколько лѣтъ провелъ скитальцемъ въ дикихъ горахъ и лѣсахъ родимаго Тироля, безъ всякихъ опредѣленныхъ занятій и средствъ къ жизни, промышляя единственно охотой. Въ продолженіи этихъ трехъ-четырехъ лѣтъ дѣятельной жизни, окончательно развились и укрѣпились физическія силы молодаго охотника, сложеннаго на славу, подобно всѣмъ его землякамъ, и еще болѣе укрѣпленнаго

тою строгою, воздержною жизнію которая нынѣ становится уже неизвѣстною въ цивилизованныхъ странахъ Европы. Въ 20 лѣтъ Флоріанъ Фишеръ былъ здоровъ и силенъ какъ Геркулесъ и вѣствѣ съ тѣмъ цѣломудренъ и невиненъ какъ ребенокъ. Одна только любовь была ему вѣдома, любовь къ прекрасной его родинѣ, и одна нѣжность—къ старушкѣ матери. Но при этомъ онъ былъ чувствителенъ и мечтателенъ какъ дѣвушка. Никогда не могъ онъ слышать безъ сердечнаго волненія свою родную тирольскую пѣсню, подъ звуки которой младенцемъ засыпалъ въ колыбели, никогда не могъ онъ глядѣть равнодушно на красоты дивной природы которыми окруженъ былъ съ дѣтства. Не разъ въ тѣ годы обитатели Зальцъ-Каммергута (очаровательной страны между Зальцбургомъ и Ишлемъ, извѣстной болѣе подъ именемъ Австрійскаго Тироля и служащей преддверіемъ Большаго Тироля) замѣчали въ вечерній часъ на вершинѣ какой-либо скалы молодого стройнаго охотника, обитаго яркими лучами заката, скрестившаго руки надъ длиннымъ ружьемъ и въ какомъ-то очарованномъ оцѣпенѣніи глядящаго въ даль, по направленію рѣчки Тросуна. Тамъ, на берегу маленькой, но шумной и живописной рѣчки, обильной форелями, стоялъ домъ его матери. Молодой охотникъ мечталъ о томъ времени, когда будетъ имѣть возможность поднять изъ развалинъ этотъ маленькій домъ, выкупить заложенный у сосѣда клочокъ земли, взять добрую жену хозяйку и зажить тамъ съ нею, да со своею дорогою старушкой... Но этимъ мечтамъ суждено было не такъ и не вполне осуществиться! Съ Флоріаномъ Фишеромъ случилось одно обстоятельство, круто повернувшее всю его жизнь. Однажды на охотѣ Флоріанъ долго преслѣдовалъ дикую козу и гналъ ее почти вплоть до большой дороги пролегавшей въ Зальцбургъ изъ сосѣднаго городка. Подлѣ самой дороги, обнесенной не высокою изгородью, шумный потокъ, одинъ изъ тѣхъ гремучихъ водопадовъ которыми такъ богата альпійская природа, пробиваясь между скалами и мѣняя чуть не съ каждою весной каменистое русло свое, образовалъ около себя по обѣ стороны небольшіе, живописно-поросшіе густымъ зеленымъ кустарникомъ, овраги. Въ одинъ изъ нихъ прыгнула испуганная серна, думая спастись въ зеленой чащѣ. Отважный охотникъ, замѣтивъ мѣсто, быстро прыгнулъ со скалы вслѣдъ за нею; но скачокъ былъ не удаченъ, Фишеръ упалъ, разбившись

о камни, у дороги. Тамъ пролежалъ онъ безъ чувствъ около часа, и въ такомъ положеніи нашло его семейство графа Дрейкирхена, проживавшее близъ тѣхъ мѣстъ въ своемъ родовомъ богатомъ замкѣ. Его уложили въ коляску и привезли въ замокъ графа, Флоріанъ получилъ нужную медицинскую помощь, и въ скоромъ времени положеніе его оказалось далеко не столь безнадежнымъ какимъ представилось оно въ первую минуту его спасителямъ. Онъ отдѣлался сломаннымъ ребромъ; чрезъ шесть недѣль крѣпкая натура молодого горца взяла свое, онъ вполне пришелъ въ себя, не чувствовалъ никакой боли и съ трудомъ можно было удержать его отъ движенія.... Еще мѣсяць, и Флоріанъ сталъ молодцомъ, хотя не по-прежнему, хотя съ нѣкоторыми, какъ говорится, изъянцами; онъ сознавалъ себя уже не годящимся ни для охотничьей, ни для военной жизни.... Первымъ его дѣломъ, по выздоровленіи, было пойти въ церковь. Религіозное чувство въ немъ, какъ и вообще во всѣхъ Тироляцахъ, было чрезвычайно живо.... Изъ церкви онъ прошелъ въ графскій замокъ и, бросившись къ ногамъ своихъ благодѣтелей, со слезами благодарилъ ихъ за свое спасеніе. Старый графъ дружественно поднималъ его, обнялъ, выразилъ желаніе быть ему полезнымъ и впредь, и отпустилъ изъ своего дома Флоріана Фишера бодрого тѣломъ и духомъ, довольнаго и собою, и людьми. Въ это время въ Тироль набирали изъ охотниковъ корпусъ егерей въ австрійскую армію для послѣдней кампаніи противъ Наполеона, но Фишеръ не могъ уже стать въ ихъ ряды.... Да и весь корпусъ вернулся изъ похода не бывъ въ дѣлѣ и вскорѣ былъ распущенъ. Собирался Вѣнскій конгрессъ, наступили желанныя мирныя времена, храбрые возвращались къ домашнимъ очагамъ; вернулся въ свой домъ, послѣ многихъ скитальческихъ лѣтъ, и Флоріанъ Фишеръ, но тамъ уже не засталъ своей матери въ живыхъ. Въмѣсто матери, въ родимыхъ стѣнахъ суждено было ему найти невесту. Дочь сосѣда жившаго рядомъ съ нимъ понравилась ему въ первый же день его возвращенія. Онъ зналъ ее давно, они вмѣстѣ играли дѣтми. Лучшей жены и не мечталось ему никогда. Все, казалось, предназначало ихъ къ союзу, но отецъ невесты находилъ жениха слишкомъ бѣднымъ. „Найди себѣ прежде обезпеченную должность“, ставилъ онъ ему условіемъ для полученія руки своей дочери. Въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ, влюбленный Флоріанъ рѣшился прибѣгнуть къ

покровительству своего благодѣтеля графа Дрейкирхена, который въ то время, по окончаніи войны, сдѣланъ былъ штатгальтеромъ одной изъ сосѣднихъ провинцій. Графъ принялъ своего protégé съ прежнею благосклонностью, отвѣчалъ на его просьбу предложеніемъ ему мѣста перваго почталіона, то-есть, по-нашему, станціоннаго смотрителя на одной изъ почтовыхъ станцій лежащихъ на живописной большой дорогѣ изъ Зальцбурга въ Ишль. Станція эта не далеко была и отъ родной деревни Флоріана, и отъ родоваго замка графа. Такимъ образомъ предлагаемое мѣсто доставляло Флоріану возможность жить вблизи всего что было для него любимаго и драгоценнаго. Со слезами благодарилъ онъ графа, который не позабылъ надѣлать его даже небольшою суммою денегъ на свадьбу. Черезъ недѣлю послѣ того свадьба была сыграна, молодые продали остатки полуразвалившагося Флоріанова дома и на другой же день отправились на новое мѣсто службы Флоріана.

На этой станціи провелъ онъ однообразно счастливо со своею неизмѣнною подругой двадцать пять лѣтъ; имѣлъ утѣшеніе отпраздновать съ ней серебряную свадьбу, а чрезъ нѣсколько дней потомъ съ глубокою печалью проводилъ ее на послѣднее жилище. Въ брачной жизни Флоріана Фишера, счастливой и покойной, было, по его мнѣнію, одно несчастье, то что онъ не имѣлъ дѣтей. Между тѣмъ имѣть дѣтей, воспитать, образовать ихъ, было, по его понятіямъ, верхъ земнаго счастья. Бывало, по вечерамъ, собравшись съ пріятелями своими, приходскимъ священникомъ и сельскимъ писаремъ, въ деревенскомъ трактирѣ, онъ неутомимо ораторствовалъ на эту тему, горько сѣтуя на свою бездѣтность, лишавшую его возможности доказать на дѣлѣ какъ хорошо онъ понимаетъ задачу воспитанія. Но онъ не отчаивался. Ему было всего еще 50 лѣтъ, и благодаря крѣпкой своей природѣ и сурово воздержному образу жизни, онъ сохранилъ весь жаръ и силу молодости. Черезъ годъ по смерти жены своей Фишеръ вступилъ въ новый бракъ съ немолодою уже дѣвушкой, сестрою пріятеля своего, сельскаго писаря. Богъ благословилъ этотъ новый союзъ, Фишеръ обрадованъ былъ рожденіемъ дочери, которую назвалъ, въ честь покойной матери своей, Луизой, а за тѣмъ и сыномъ, котораго мать назвала, въ честь своего отца, Адамомъ. Дѣти росли, хорошали и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе радовали своихъ родителей.

Горный воздухъ и свобода сельской жизни плодотворно развивали тѣлесныя силы малютокъ; умственное развитіе ихъ предоставлялъ себѣ отецъ. Онъ рано самъ обучилъ ихъ грамотѣ; но кромѣ того еще болѣе училъ ихъ своими ежедневными разговорами, передавая имъ въ возможно-ясныхъ и простыхъ формахъ то что самъ зналъ изъ книгъ и изъ многолѣтняго опыта жизни. Скоро однакоже добрый отецъ увидалъ что запасъ собственныхъ его свѣдѣній начиналъ сильно истощаться, а въ деревнѣ кто же могъ взять на себя дальнѣйшее образованіе дѣтей его? Фишеръ сталъ серіозно думать о переселеніи въ городъ. Графъ, его благодѣтель, умеръ, семейство его не жило въ замкѣ, стало-быть у Фишера не было уже сильныхъ покровителей; но онъ такъ хорошо въ теченіе многолѣтней службы своей зарекомендовалъ себя начальству, что имя его знали уже въ самой Вѣнѣ, и по первой просьбѣ его о перемѣщеніи на службу въ столицу, перевели почталіономъ въ столичный почтамтъ.

Переселеніе въ Вѣну дало Фишеру полную возможность воспитывать дѣтей своихъ такъ, какъ онъ желалъ. Замѣтивъ въ нихъ музыкальныя способности, онъ сталъ обоимъ еще съ раннихъ лѣтъ обучать музыкѣ. Дѣвочку онъ отдалъ въ пансіонъ содержимый для бѣдныхъ сестрами одного духовнаго ордена; мальчикъ жилъ въ іезуитскомъ коллегіумѣ, откуда только на праздничные и вакаціонные дни приходилъ домой.... Самая нѣжная дружба связывала брата и сестру: они вмѣстѣ дѣлили и уроки, и забавы; день свиданія ихъ былъ счастливѣйшимъ днемъ для обоимъ. Въ послѣдствіи, въ юности, *въ порѣ любви и грусти нѣжной*, музыкальныя занятія облизали ихъ еще болѣе. Луиза, по выходѣ изъ пансіона, все свободное время свое стала посвящать фортепіано, на которомъ въ шестнадцать лѣтъ играла отлично. Пятнадцати-лѣтній Адамъ любилъ акомпанировать ей на флейтѣ, которой исключительно предаваъ по выходѣ изъ коллегіума, и поступилъ въ Вѣнскую Консерваторію, съ твердымъ намѣреніемъ выйти оттуда не иначе какъ увѣнчаннымъ виртуозомъ. Учитель его, знакомый уже намъ Фарбахъ, горячо полюбившій его и за музыкальныя способности, и за его чистое сердце, подружился со стариками Фишерами и сталъ часто навѣщать его домъ. Такимъ образомъ въ семействѣ бѣднаго вѣнскаго почталіона, пожертвовавшего всѣмъ скопленнымъ въ 40 лѣтъ капиталомъ на покупку дѣтямъ хорошаго фортепіано

устраивались нередко такіе музыкальные вечера каких немного могъ бы найти русскій любитель музыки и въ богатомъ кругу въ своемъ отечествѣ. Вообще, къ слову сказать, нельзя не подивиться нашему брату Русаку, какъ въ большей части Европы, въ Германіи въ особенности, просвѣщеніе уживается съ бѣдностью. У насъ оно — заносное растеніе — требуетъ для себя постояннаго ухода и заботы и даетъ блѣдые плоды свои лишь при искусственномъ согрѣваніи богатой теплицы. Тамъ оно успѣло пустить здоровые корни свои въ самую глубь народныхъ массъ, саплось съ ихъ духомъ, вошло въ ихъ потребности, вознаграждая ихъ за то облагороженіемъ ихъ нравственнаго быта.... Тамъ бѣдность не гнететъ такъ талантъ какъ у насъ, гдѣ Кольцовъ умеръ подъ гнетомъ дикой среды, въ которой бѣдность заставляла его жить. Въ Германіи Жанъ-Поль безропотно писалъ свои фантастическія созданія предъ тѣмъ самымъ очагомъ на которомъ мать его стряпала кушанье ему и себѣ. А сами онѣ, эти стряпухи, эти сантиментальныя Нѣмки, столько разъ и такъ несправедливо осмѣяанныя, не заслуживаютъ ли онѣ скорѣе удивленія и подражанія, онѣ, перебѣгающія такъ проворно отъ тома Шиллера къ кастрюлькѣ, отъ фортепіано къ утюгу?...

Убога была обстановка въ домѣ Фишера, случались въ немъ и черныя дни, и невеселыя думы подчасъ, когда скудость средствъ ложилась бревномъ поперекъ удовлетворенію самыхъ скромныхъ самыхъ законныхъ желаній. Но были тамъ и эстетическіе вкусы, и поэтическія мгновенія, и тихія радости, и смутныя надежды, внушаемыя невольно добрымъ хозяевамъ развивающимися талантами ихъ дѣтей; было и счастье, то простое, но столь рѣдкое счастье мира, взаимной вѣры, взаимной любви. Не даромъ же старикъ Фишеръ привыкъ звать свой домъ маленькимъ земнымъ раемъ. Въ этотъ рай вернулся онъ, восстановленный и укрѣпленный, послѣ шестинедѣльнаго отсутствія, въ іюнѣ 1860 года. Въ этотъ же самый день пришелъ навѣстить его вѣрный другъ его, Фарбахъ.

Но еще и до прихода Фарбаха семья успѣла разказать Фишеру со всеми подробностями исторію знакомства своего съ богатымъ русскимъ княземъ (такъ звали вообще Нѣмцы Красавина; самъ же онъ, хотя положительно не принималъ,

но и не отказывался отъ этого титула). Къ удивленію семьи, ожидавшей порядочнаго нагоняя отъ строгаго старика за принятіе Луизою гостинцевъ отъ неизвѣстнаго почти ей, да къ тому же еще и молодаго иностранца, Фишеръ выслушалъ всю эту исторію довольно благосклонно. Его душѣ, чуждой свѣтскихъ тревоженій, недоступно было подозрѣніе; всякія изъявленія добрыхъ чувствъ принималъ онъ за чистую монету, а знатныхъ людей привыкъ почитать чѣмъ-то въ родѣ сказочныхъ рыцарей, преисполненныхъ всякихъ доблестей. Въ сношеніяхъ ихъ съ бѣдными людьми онъ видѣлъ только благополучіе послѣднихъ. Такому мечтательному взгляду его болѣе всего способствовали сношенія его съ домою графа Дрейкирхена, единственнымъ аристократическимъ домою который онъ лично зналъ. Кромѣ того, въ пользу Красавина послужили во мнѣніи старика безчисленные разказы о добродушіи, щедрости и гостепріимствѣ Русскихъ, не разъ слышанные имъ отъ земляковъ, пѣвцовъ - Тирольцевъ. Ко всему этому надо прибавить и то что старикъ Фишеръ, воспитывая дѣтей своихъ не по средствамъ, привыкъ смотрѣть на нихъ не иначе какъ на предназначенныхъ для иного, высшаго общества и, слѣдовательно, рано или поздно, долженствующихъ выйти изъ той низкой сферы въ которой они родились. Но для этого, безъ сомнѣнія, нужны связи; для составленія связей необходимъ случай, и такимъ случаемъ представилось ему на первый разъ знакомство съ русскимъ вельможей. Словомъ сказать, не охлажденное годами воображеніе старика Фишера до того настроилось въ пользу сближенія съ Красавинымъ что трудъ, принятый на себя Фарбахомъ, предупредить его относительно вреда который могъ произойти отъ этого сближенія для всѣхъ членовъ его семьи, особливо же для молодаго Адама, оказался совершенно безполезнаго трудомъ. Сыну своему старикъ подтвердилъ быть прилежнымъ въ занятіяхъ, но на другой же день утромъ, вмѣстѣ съ нимъ, пошелъ, одѣвшись парадно, съ визитомъ въ гостиницу Zum Erzherzog Karl.

IX.

Результатомъ этого визита вышло то что старый Фишеръ, совершенно очарованный ласковымъ приѣмомъ Красавина и въ простотѣ своей принявшій его любезность за выраженіе сердечныхъ качествъ, полюбилъ его съ перваго же раза.

Онъ не долго задумывался насчетъ тѣхъ причинъ какія могли привлечь богатаго русскаго барина въ семейство вѣнскаго почталіона. Молодой русскій баричъ, съ первыхъ же словъ, такъ живо изобразилъ ему тоску и одиночество на чужой сторонѣ что добродушный Нѣмецъ повѣрилъ вполне странствующему Чайльдъ - Гарольду!... Еще скорѣе и легче повѣрилъ онъ похваламъ которыя тотъ щедро рассыпалъ привлекательнымъ качествамъ его дѣтей. Онъ отвѣчалъ на нихъ скромными изъявленіями благодарности, но въ то же время думалъ, какъ думаютъ въ такихъ случаяхъ почти всѣ отцы на свѣтѣ: „Еще бы! Кому не понравятся мои дѣти!...“ И подымался вслѣдъ за этимъ въ головѣ его цѣлый рой блестящихъ надеждъ. Фишеръ неспособенъ былъ сдѣлать никакого завѣдомо дурнаго или даже сомнительной честности дѣла для житейскаго блага своихъ дѣтей; но еслибы счастье выпало имъ на долю такъ нечаянно со стороны, онъ отъ радости умеръ бы, глядя на нихъ и благословляя небо. И вотъ это счастье, въ лицѣ русскаго богача, стало въ самомъ дѣлѣ приваливать къ бѣдному нѣмецкому семейству, находившемуся въ ту пору въ особенно затруднительныхъ обстоятельствахъ по случаю послѣднихъ издержекъ на путешествіе къ водамъ главы его. Красавицъ съ первыхъ же дней знакомства съ молодымъ Фишеромъ примѣтилъ эту крайность. Онъ подумалъ даже, не она ли собственно служила препятствіемъ къ принятію его въ домъ Фишеровъ? Надо было помочь своимъ знакомымъ.... Но исполнить эту задачу было не такъ-то легко. Въ первый же разъ когда онъ предложилъ своему юному другу пачку ассигнацій, тотъ съ гордостью отказался принять ихъ. Надлежало взяться за дѣло поумнѣе. Замѣтивъ что у Адама превосходный почеркъ, онъ обратился къ нему съ порученіемъ переписывать разныя произведенія вѣнской музыки, нужныя будто бы ему для отсылки какимъ-то друзьямъ въ Россію. Порученіе это трудолюбивый юноша принялъ на себя весьма охотно, и съ того времени деньги потекли довольно обильно изъ кармана Красавина въ тощій кошелекъ юноши. Кромѣ того, Красавицъ ловко, въ самое непродолжительное время, сумѣлъ вкрасться въ довѣріе старика Фишера, часто и убѣдительно доказывая ему что необыкновенный талантъ Адама, въ которомъ онъ, Красавицъ, имѣетъ случай съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе убѣждаться, и музыкальныя способности

Луизы, о которыхъ онъ *пока* знаетъ по насыпкѣ отъ учителя ея Фарбаха, необходимо требуютъ развитія и поволенія широкимъ образованіемъ, что на это не должно жалѣть средствъ, а средствами онъ, Красавинъ, почтетъ себя за особенное счастье снабдить семейство Фишеровъ, — въ займы, разумѣется, до того времени когда Адамъ своими талантомъ сдѣлаетъ себя состояніе....

Соблазнили старика эти рѣчи. Занять при такихъ условіяхъ казалось ему выгодно и вмѣстѣ съ тѣмъ честно; онъ твердо вѣрилъ въ то что сынъ его будетъ со временемъ богачомъ и уплатитъ какой угодно долгъ. Онъ рѣшился взять на первый разъ у Красавина ста три, четыре гудденовъ.

Какъ ни громадна показалась старику Фишеру эта занятая имъ сумма, однакоже она въ скоромъ времени разлетѣлась у него на тысячи потребностей, давно не удовлетворенныхъ и слѣдовательно накопившихся въ последнее время. Прежде всего Фишеръ пошелъ расплатиться съ долгами сдѣланными по случаю его болѣзни, съ докторомъ лечившимъ его. Часть денегъ пошла на разныя хозяйственныя нужды, а на остальные вымѣнено было, наконецъ, старое фортепіано на новое, о чемъ такъ давно уже и настойчиво толковалъ Фарбахъ. Луизѣ купили нѣсколько книгъ и нотъ, въ которыхъ она давно нуждалась, подновленъ былъ ея туалетъ, и въ семейномъ совѣтѣ рѣшено было отпраздновать приближающійся день ея рожденія семейнымъ вечеромъ, на который пригласить и русскаго пріятеля. Чтобы достойнѣе занять дорогаго гостя и имѣть приличный случай ввести его въ домъ, затѣяли устроить небольшой домашній концертъ, въ которомъ долженъ былъ принять участіе и Фарбахъ. Не по вкусу приходился этотъ концертъ лишь одному молодому Венгерцу, жившему на хлѣбахъ у Фишера, но и тотъ долженъ былъ согласиться участвовать въ немъ, чтобы не разстроитъ квартета.

Х.

Утромъ въ тотъ день когда Луизѣ Фишеръ минуло ровно семнадцать лѣтъ, она, кромѣ необычныхъ въ бѣдномъ семействѣ подарковъ, полученныхъ ею отъ родныхъ и состоявшихъ изъ нарядовъ, маленькихъ золотыхъ вещицъ и нотъ, получила еще,

через посредство своего брата, скромный подарок от Красавина.... Это был изящный букетъ, составленный съ необыкновеннымъ вкусомъ и притомъ съ символическимъ значеніемъ. Луиза и братъ ея, изъ разныхъ сантиментальныхъ книжекъ которыми такъ богата нѣмецкая литература, давно выучились разумѣть этотъ „языкъ цвѣтовъ“. Они прочли въ подаркѣ Красавина самое скромное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и довольно нѣжное выраженіе его чувствъ къ прелестной именинницѣ и, по долгу безпристрастнаго разсудка, мы должны прибавить, что не безъ тайнаго волненія разбирала эту азбуку Луиза; дѣтскій возрастъ не поновалъ для нея навсегда, она вступала въ новую, опасную для сердца пору жизни.... Старики Фишеры, не имѣвшіе никакого понятія о подобной азбукѣ, не находили ничего предосудительнаго въ такомъ невинномъ подаркѣ какъ букетъ изъ обыкновенныхъ цвѣтовъ, и благодарили за него своего русскаго пріятеля, когда тотъ, въ шесть часовъ вечера, явился въ ихъ комнату во всемъ блескѣ щегольскаго туалета. Впрочемъ, туалетъ этотъ, на эффектѣ котораго много разчитывалъ Красавинъ, произвелъ скорѣе неблагопріятное впечатлѣніе: онъ привелъ въ робость все маленькое общество. Старый Фарбахъ взглянулъ по этому случаю съ особенною нѣжностью и благодарностью на старый фракъ свой, хотя и побѣдѣвшій по швамъ, но за то служившій ему вѣрой и правдой другое десятилѣтіе. За то Максъ не безъ нѣкотораго чувства стыда припряталъ подъ рукава своей венгерки высовывавшіеся оттуда коленкоровые маншеты, когда взглянулъ на осадительное бѣлье Красавина. Не разъ яркій румянецъ пятнами выступалъ на щекахъ молодаго Венгерца, когда, въ продолженіе этого вечера, приходилось ему невольно дѣлать не лестныя для себя сравненія съ этимъ русскимъ гостемъ, который былъ такъ великодушенъ и милъ, къ которому съ исключительнымъ и почтительнымъ вниманіемъ обращались не только старики-хозяева, но и сама она, Луиза, успѣвшая преодолѣть на этотъ разъ свою застѣнчивость и, по настоянію родителей, любезно разговаривавшая съ Русскимъ. Тревожнымъ ухомъ подслушивалъ эти разговоры Максъ и бесконечно радъ былъ когда они прекратились, по приглашенію Фарбаха, громко провозгласившаго что время начинать квартетъ. Подали лампу и свѣчи. Луиза усѣлась на табуретъ за фортепіано. Подлѣ нея, съ одной стороны,

сталъ со скрипкой Максъ, съ другой, усѣлся Адамъ съ флейтой и старый Фарбахъ исполнявшій партію виолончели. Старикъ-хозяинъ сталъ за стуломъ своего стараго друга, въ кругу играющихъ, предварительно усадивъ Красавина на почетное мѣсто, то-есть на единственный диванъ находившійся въ комнатѣ. Но недолго усидѣлъ тамъ нашъ герой; когда квартетъ разыгрался, и всеобщее вниманіе поглощено было музыкой, а хозяйка вышла изъ комнаты готовить закуску съ десертомъ, онъ перешелъ на стулъ у раствореннаго окна, куда врывались трепетные листья сосѣдняго тополя, тихо шелестившіе въ сумракѣ благоуханной лѣтней ночи. Оттуда ясно вырисовывался тонкій профиль Луизы, освѣщенный полусвѣтомъ лампы, стоявшей на пюпитрѣ. Красавинъ сталъ пристальнѣе, упорнѣе вглядываться въ этотъ профиль. И чѣмъ больше онъ вглядывался, тѣмъ сильнѣе росло его восхищеніе. Луиза, неволью покоряясь магнетической силѣ устремленнаго на нее взора, въ свою очередь взглянула на него раза два. Сильно забилося сердце Красавина.... А звѣздная ночь такъ привѣтно глядѣла въ окно, и шелестъ тополя такъ мелодично вторилъ задушевнымъ звукамъ Моцартовскаго квартета.... Подъ вліяніемъ этихъ чарующихъ обаяній пробуждались всѣ заснувшія юныя силы. Какъ почувствовалъ себя обновленнымъ Красавинъ! Какъ захотѣлось ему опять зажить всею полнотою молодости, какъ захотѣлось ему любить!... Квартетъ замолкъ. Музыканты поднялись съ своихъ мѣстъ. Старики Фишеръ и Фарбахъ съ самодовольнымъ видомъ подходили уже къ Красавину принять отъ него изъявленія благодарности, столь справедливо заслуженной.... А онъ все неподвижно сидѣлъ, погруженный въ невѣдомую ему до тѣхъ поръ мечтательность. Глаза его туманили никогда до нынѣшняго вечера невѣдомыя ему слезы. Онъ пришелъ въ себя только когда Фарбахъ обратился къ нему съ прямымъ вопросомъ: „какъ ему понравилась квартетъ?“ Тутъ только очнулся Красавинъ и покраснѣлся, стыдясь внутренно минутнаго своего увлеченія. Онъ рассыпался въ комплиментяхъ, и пережавъ поочередно всѣмъ мущинамъ руки, подошелъ наконецъ къ Луизѣ: она все еще сидѣла за фортепіано и разсѣянно перелистывала ноты. Пока наши музыканты, подойдя къ окну и закуривъ дешевенькія сигары, разсуждали о достоинствахъ только что исполненной пьесы, а хозяинъ побѣжалъ въ кухню торопить жену, Красавину

представилась полная свобода объясниться съ дѣвушкой.... Онъ началъ съ впечатлѣнія произведеннаго на него ея игрой.... Заговорилъ и о томъ какъ поразила его ея красота тогда, въ театрѣ, когда онъ въ первый разъ увидалъ ее.... Луиза слушала сконфуженная и молчаливая, но.... Богъ знаетъ что заговорило въ эту минуту въ ея душѣ. Къ счастью, ея старикъ отецъ подошелъ въ это время къ Красавину съ подносомъ въ рукахъ, на которомъ стояло нѣсколько чашекъ чаю.... Красавинъ прежде всего предложилъ чашку Луизѣ, но она отказалась, извиняясь необходимостью идти на подмогу къ матери по хозяйству.... Точно ушатъ холодной воды пролили на разгоряченную голову Красавина! Онъ мечталъ въ это время о несказанномъ блаженствѣ, о небесныхъ радостяхъ любви, и вдругъ она, эта богиня, покидаетъ его, бѣжитъ,—и куда же,—на кухню, къ очагу, на которомъ варится къ ужину картофель. Сразу шлепнулся съ неба на землю нашъ петербургскій франтъ. Поморщившись отъ перваго глотка отпитаго чаю, онъ присосѣдился къ музыкантамъ, которые усѣлись вокругъ стола и занялись чаепитіемъ и уничтоженіемъ разныхъ хлѣбныхъ печеній, булочекъ, кренделей и „ванкухенъ“. Жую и ѣсмакую, Фарбахъ обратился къ нашему герою съ вопросомъ: долго ли онъ пробудетъ еще въ Вѣнѣ и когда собирается въ Гаштейнъ? Этотъ вопросъ пришелся очень кстати; отдавшись весь зародившемуся въ немъ чувству къ Луизѣ, Красавинъ совсѣмъ позабылъ о бѣдѣ, составлявшей главную дѣль его путешествія.

— Я не знаю еще, надо поговорить съ докторами, отвѣчалъ онъ.

А самъ не на шутку задумался: не нужно ли ему и въ самомъ дѣлѣ спѣшить лѣченіемъ? Не дѣйствительно ли онъ боленъ, и не вслѣдствіе ли этого являются у него такіа, прежде не свойственныя ему въ здоровомъ состояніи, блаженные минуты какъ нынче, на примѣръ? Да и самая эта страсть, наконецъ, страсть къ бѣдной дѣвушкѣ, во взаимности которой къ нему онъ даже пока не увѣренъ, не есть ли все это плодъ все того же разстроеннаго организма? Задавъ себѣ такіе многотрудные къ разрѣшенію вопросы, Красавинъ погружился въ глубокую думу. И вотъ опять опустилась надъ нимъ свинцовою тучей тяжелая, такъ горько знаемая и едва позабытая имъ скука!... Долго сидѣлъ онъ такъ, унылый и молчаливый, въ веселой компаніи, громко шутившей

и снѣвающейся вокругъ него. Одинъ только молодой Венгерецъ, по задумчивости своей, могъ бы, пожалуй, быть товарищемъ Красавину.... Но нѣтъ! Печаль музыканта была совсѣмъ другого рода: въ противоположность нашему герою, она черезчуръ оживляла его юную душу, наполняла ее хоть и горькими, но пылко и ярко горѣвшими въ ней чувствами. Въ душѣ же Красавина царствовали лишь холодъ, мракъ и пустота! Онъ вскорѣ самъ испугался своего состоянія, такъ оно напоминало ему недавнее, тяжелое прошлое!... Поэтому приходъ Луизы, принесшей гостямъ въ изящно убранной корзинкѣ десертъ изъ плодовъ, былъ для него сущою радостью. Онъ опять засмотрѣлся на ея дѣвственную красоту, и опять ожилъ, опять обновился духомъ!... Фарбахъ предложилъ дѣвухѣ разыграть какой-нибудь дуэтъ съ братомъ; Красавинъ указалъ на извѣстную серенаду Шуберта. Луиза послушно сѣла за фортепiano, Адамъ взялъ свою флейту. Но исполненіе ими этого прелестнаго музыкальнаго произведенія, неожиданнымъ образомъ, такъ взволновало Красавина что онъ, не дождавшись конца пьесы, съ блѣднымъ лицомъ и горящими глазами, едва имѣлъ силу въ нѣсколькихъ словахъ извиниться нездоровьемъ предъ хозяевами, и не вышедъ, а чуть не выбѣжалъ отъ нихъ на улицу, оставивъ все общество въ глубокомъ изумленіи.

XI.

Много толковали и еще болѣе думали въ этотъ вечеръ въ домѣ вѣнскаго почталіона о молодомъ русскомъ богачѣ. Одни находили быстрый отъѣздъ его съ вечера страннымъ и неприличнымъ, другіе, относя все къ его болѣзни, глубоко сожалѣли о немъ. Въ числѣ первыхъ были Фарбахъ и Максъ, въ числѣ послѣднихъ все семейство Фишера, а болѣе всѣхъ Луиза, милая Луиза! Уйдя къ себѣ въ комнату, она долго не могла уснуть, перебирая въ памяти всѣ эпизоды минувшаго дня, начиная отъ букета присланнаго ей Красавинымъ и до тѣхъ страстно сдержанныхъ рѣчей которыя онъ шепталъ ей стоя за ея стуломъ у фортепiano. „Быть-можетъ“, думала бѣдная дѣвушка, „мое глупое, мѣщанское молчаніе, мою дикую застѣнчивость онъ растолковалъ себѣ нерасположеніемъ

съ моей стороны къ нему, неумѣстной сдержанностью... Я показала ему холодную, суровую! Онъ такъ нервенъ, такъ глубоко и тонко чувствуетъ.... Я оскорбила, огорчила его! И упрекая себя въ этой суровости и холодности, милая дѣвушка провела безъ сна почти всю ночь. А за ея стѣной, въ сосѣдней комнатѣ, двое юношей, лежа на своихъ постеляхъ, тоже еще толковали о русскомъ господинѣ.

— Нѣтъ, Максъ, говорилъ молодой Фишеръ,—какъ хочешь, а ты несправедливъ къ нему. Ну, самъ посуди, виноватъ ли человекъ въ томъ что заболѣлъ?

— Человекъ этотъ, любезнѣйшій другъ, здоровѣе насъ съ тобой. Ему просто скучно стало у васъ; онъ не привыкъ къ такому низкому кругу, вотъ онъ взялъ да и уѣхалъ до конца вечера, доказывая вамъ этимъ какъ мало онъ съ вами церемонится. Невѣжа онъ, грубіанъ, болѣе ничего!..

— Ну, такъ! Вы, Венгерцы, всегда таковы! Ужь кого не полюбите, такъ тотъ у васъ и не проси пощады, всегда виноватъ будетъ! Нечего сказать, прости меня, вы, Венгерцы, храбрый народъ, прямой, а только немножко.... какъ бы сказать.... жестокосерды....

— Ну, да, а все поумнѣе и подальше видимъ чѣмъ мягко-сердечные и сладенькіе Нѣмцы.... Впрочемъ, что тутъ разказывать! Правится тебѣ господинъ Красавинъ, такъ и обращайся съ нимъ, а я вамъ въ дружбѣ не товарищъ. Куда намъ до аристократовъ!.. Далеко, да и не зачѣмъ. Спокойной ночи!

Максъ закутался въ одѣяло и повернулся на бокъ. Адамъ сдѣлалъ то же. И хотя молодые люди долго еще послѣ того не спали, но въ разговоръ уже не вступали.

На другой день поутру Флоріанъ Фишеръ отправилъ сына въ гостиницу „Zum Erzherzog Karl“ освѣдомиться о здоровьѣ ихъ русскаго пріятеля. Весьма былъ удивленъ нашъ юноша, узнавъ тамъ отъ швейцара что der russische Fürst съ полчаса тому назадъ куда-то уѣхалъ въ каретѣ.

— Здоровъ онъ? спросилъ Фишеръ.

— Сгало-быть здоровъ, коли катается, отвѣчалъ довольно грубо швейцаръ.

Бѣдный Адамъ остолебѣлъ. Въ первый разъ въ душѣ его пробѣжало сомнѣніе; слова Макса пришли ему невольнo на умъ. Но какъ бы то ни было, онъ превозмогъ свое смущеніе и отправился на репетицію въ Консерваторію, гдѣ шли

тогда спѣшныя приготовленія къ экзамену, имѣвшему быть на другой день. Тамъ старый Фарбахъ спросилъ его не видалъ ли онъ въ тотъ день русскаго господина.

— Нѣтъ, не видалъ, проговорилъ тихо Адамъ.

Ему было и больно, и досадно, и за своего друга, и за самого себя. Репетиція кончилась очень поздно, но весьма благополучно. За ужиномъ вся семья Фишеревъ справлялась у Адама о здоровьѣ Русскаго. Чистосердечный отвѣтъ его тотчасъ же вызвалъ саркастическую улыбку на устахъ Макса...

— Странная болѣзнь у твоего господина Красавина! началъ онъ, и замѣтивъ вдругъ что у Луизы, едва произнесъ онъ это имя, все лицо покрылось краской, продолжалъ уже съ озлобленіемъ:—сегодня рыскаетъ по городу, а вчера, подъ предлогомъ нездоровья, оскорбилъ цѣлое общество почтенныхъ людей пригласившихъ его къ себѣ въ домъ....

Старикъ Фишеръ вступился за обвиняемаго.

— Почему же ты предполагаешь что онъ рыскаетъ, Максъ? сказалъ онъ. — А онъ, можетъ-быть, къ доктору своему поѣхалъ, и это даже весьма вѣроятно. Развѣ со мною еще недавно не было того же? Предъ поѣздкой моею въ Бадень, въ теченіи цѣлаго мѣсяца, я, едва передвигая ноги, отправлялся ежедневно на совѣтъ къ господину статскому совѣтнику профессору Опольцеру.

— То вы, бѣдный вѣнскій почталіонъ, перебилъ его довольно грубо Максъ,—а то онъ, богатый русскій дворянинъ; между вами есть маленькая разница: ему стоить захотѣть, и господинъ профессоръ Опольцеръ почтетъ себя счастливымъ хоть по три визита въ день ему дѣлать за его русскіе золотые.

Старикъ недовольно взглянулъ на говорящаго и видимо хотѣлъ удержать себя, но не утерпѣлъ.

— Ты еще молодъ, Максъ, чтобы перебивать стариковъ, да и вообще не можешь правильно судить о людяхъ.

— Максъ привыкъ судить обо всѣхъ очень строго, примолвилъ Адамъ,—и въ особенности почему-то ужасно не взлюбилъ нашего русскаго друга, несмотря на всю его ласку....

— Плюю я на его ласку, да, по правдѣ сказать, и не нуждаюсь ни въ чьей, сказалъ на это, задыхаясь отъ гнѣва, Венгерецъ, и опрометью выскочилъ изъ-за стола.

— Макс!... Что ты это, съ ума сошел! закричалъ, быстро вставъ съ своего мѣста, старикъ Фишеръ.

Но Максъ хлопнулъ дверьми и чрезъ нѣсколько мгновений былъ уже далеко.

— Скажи, Адамъ, своему другу чтобъ онъ искалъ себѣ другую квартиру! Я не желаю чтобы такія сцены повторялись въ моемъ домѣ, промолвилъ рѣшительнымъ тономъ старикъ Фишеръ, и приказалъ семьѣ разойтись спать.

Но никому не спалось хорошо въ эту ночь въ домѣ Фишера. Самъ старикъ, сдѣлавъ касательно своего жилья такое строгое распоряженіе, готовъ былъ взять его назадъ, едва прошелъ первый порывъ несвойственного ему гнѣва. Пораздумался честный Нѣмецъ, вспоминая свое трудное прошлое. Куда-то денется теперь бѣдный Венгерецъ безъ средствъ, безъ знакомыхъ, кто замѣнитъ ему знакомую, любившую его и любимую имъ семью, въ средѣ которой провелъ онъ уже столько счастливыхъ лѣтъ. Да и сама эта семья не потеряетъ ли въ немъ вѣрнаго друга, который до настоящаго случая показывалъ ей такъ много привязанности? И вслѣдъ за этимъ иная, новая мысль мелькнула въ головѣ старика: вся эта внезапная смута происшедшая въ семейномъ кругу его, доселѣ наслаждавшемся невозмутимымъ миромъ, возникла со вступленіемъ въ этотъ кругъ богатаго иностранца. Думали пріятно провести вечеръ, а вотъ, по милости его, вмѣсто того проводятъ уже другую безпокойную ночь. Не заключается ли въ самомъ дѣлѣ какая-то проклятая сила въ этомъ золотѣ, которое, по словамъ одной старинной пѣсни, переливается въ слезы? Въ такомъ расположеніи Флоріанъ Фишеръ далъ крутой оборотъ своимъ мыслямъ: онъ готовъ былъ сразу порвать это знакомство, несмотря на блага которыя оно, можетъ-быть, сулило для дѣтей его.... Но не такъ легко отказывались отъ своихъ мечтаній его дѣти. Луиза опять всю ночь не спала, думая о больномъ, одинокомъ иностранцѣ, и часто съ горечью, хотя не безъ тайнаго ощущенія какого-то смутнаго счастья, обвиняла себя въ его страданіяхъ. Пылкій братъ ея горѣлъ желаніемъ вступить за своего обиженнаго друга и готовъ былъ видѣть въ его врагѣ и своего отчаянно-непримиримаго врага.... Но куда скрылся этотъ врагъ, куда бѣжалъ такъ внезапно? Новая мучительная неизвѣстность! Не сомкнувъ глазъ ни на одну

минуту, Адамъ всталъ блѣдный, скучный, и наскоро принарядившись, отправился въ Консерваторію на экзамень.

Съ безпокойствомъ ожидала его возвращенія вся семья. Безпокоились замѣченнымъ въ немъ разстройствомъ, которое могло повліять на его игру: онъ могъ оробѣть, сконфузиться и такимъ образомъ лишиться заслуженной награды—плода двухгодичныхъ трудовъ. Все однако вышло отлично. Адамъ сдѣлалъ надъ собою могучее усиліе и отличился на славу. Въ классѣ своемъ, предпоследнемъ до окончанія курса, онъ получилъ первую награду. Товарищи окружили счастливаго лавреата.... Въ числѣ ихъ подошелъ къ нему и Максъ, и также чистосердечно пожалъ ему руку.

— Гдѣ ты? Что съ тобой? Гдѣ ты пропадалъ всю ночь? торопливо спрашивалъ обрадованный Адамъ, забывая все при одномъ видѣ товарища. Но Максъ успѣлъ уже отойти отъ него, оставивъ въ рукахъ Адама записочку, которую тотъ сунулъ съ удивленіемъ въ карманъ. Но болѣе всѣхъ и, вѣроятно, искреннѣе всѣхъ радовался торжеству Адама добрый наставникъ его Фарбахъ. Со слезами радости обнявъ онъ любимаго ученика и, опираясь на его руку и гордо поднявъ голову, пробрался съ нимъ сквозь шумную толпу наполнявшую великолѣпныя залы Вѣнской Консерваторіи на улицу, а оттуда въ тотъ скромный домикъ предмѣстья *an der Wisp*, гдѣ тревожно ожидали ихъ. Не давъ ученику вымолвить слова, учитель самъ объявилъ о его торжествѣ. Начались взаимныя поздравленія, поцѣлуи, объятія, а за трапезой тосты *hoch!* и *vivat!* за здоровье юнаго лавреата. Но лавреатъ былъ все еще не веселъ и улыбался черезъ силу.

— Ты вѣрно скучаешь по Максѣ? спросилъ его заботливо отецъ.

— Ахъ! да гдѣ же это въ самомъ дѣлѣ Максъ? Что это пѣть его сегодня между нами? спросилъ въ свою очередь Фарбахъ.

— Максъ собирается скоро ѣхать на родину и ушелъ сегодня повидаться съ пріѣзжими земляками, отвѣчалъ Адамъ.

— Откуда ты знаешь объ этомъ? спросилъ съ удивленіемъ Флоріанъ.

— Мнѣ Максъ самъ пишетъ.

И онъ показалъ полученную имъ записку Макса, въ которой тотъ, ни словомъ не упоминая о вчерашней осорѣ, въ

самомъ дѣлѣ увѣдомлялъ о скоромъ отъѣздѣ своемъ въ Венгрію и обѣщаль зайти за своими вещами дня черезъ три.

Вечеромъ того же дня молодой Фишеръ почувствовалъ себя очень нездоровымъ и, убѣждаемый встревоженными родными, хотѣлъ уже лечь въ постель ранѣе обыкновеннаго, какъ вдругъ факторъ изъ гостинницы Zum Erzherzog Karl принесъ письмо на его имя. По требованію родителей, Адамъ прочелъ его вслухъ.

„Мой добрый другъ! (писалъ нашъ герой) Жалѣю очень что вы не застали меня дома: я ѣздилъ къ моему доктору, профессору Опольцеру...“

— Ну, вотъ! вскричалъ съ торжествомъ обрадованный старикъ Фишеръ: — не говорилъ ли я Максу!

Адамъ продолжалъ:

„...Опольцеру, за которымъ посылалъ въ тотъ же день, но онъ былъ очень занятъ, и я рѣшилъ самъ отправиться къ нему, встревоженный возобновившимися припадками той болѣзни, которой свидѣтелями вы сами вчера были, и по милости которой, вопреки моей волѣ, я долженъ былъ оставить преждевременно пріятнѣйшій для меня вечеръ...“

— Ну, вотъ какъ все объяснилось, замѣтила Луиза.

— Читай дальше, сказалъ отецъ Адаму.

„...Я еще не успѣлъ доселѣ поблагодарить васъ и родителей вашихъ за этотъ вечеръ. Дѣлаю это теперь отъ полноты искренняго сердца... Да, мой юный другъ, благодарность моя къ вамъ, равно какъ и ко всему почтенному семейству вашему, безпредѣльна... Только въ вашемъ обществѣ чувствую я себя счастливымъ; только съ вами забываю и одиночество мое, и болѣзнь... Опольцеръ немедленно посылаетъ меня въ Гаштейнъ, который и до этого былъ уже цѣлю пріѣзда моего въ Австрію... Но ѣхать въ моемъ положеніи, одному, въ мѣстечко лишенное всякихъ развлеченій, о, это ужасно! Юный другъ мой, сжальтесь надо мной! Примите мою просьбу провести со мной на водахъ три недѣли посреди великолѣпной альпійской природы; это будетъ во всѣхъ отношеніяхъ не бесполезно и для васъ, а меня вы обожете на вѣки вѣчные.“

„Отъ всего сердца преданный вамъ

„Красавинъ.“

XII.

Письмо пришло какъ нельзя кстати. Старикъ Фишеръ, замѣчая утомленіе своего сына и приписывая его не однимъ музыкальнымъ его трудамъ, но и остаткамъ зимней болѣзни, давно и самъ помышлялъ объ отправленіи больного на воды и затруднялся только относительно необходимыхъ для этого средствъ. Адамъ же только и мечталъ какъ бы посѣтить ему тѣ живописныя мѣста родины, что съ такою неотразимою, хотя уже и смутною прелестью воскресали въ его памяти, и забыть которыя не давали ему вѣчные разговоры о нихъ со старикомъ отцомъ. Сколько лѣтъ эти мечты казались несбыточными, и вотъ теперь судьба такъ неожиданно и такъ блистательно осуществляетъ ихъ. Было отчего закружиться больной головѣ и забиться слабому сердцу.... Адамъ вопросительно взглянулъ на отца, тотъ отвѣтилъ ему одобряющимъ взглядомъ.... А мать его и Луиза воскликнули въ одинъ голосъ:

— Чего же лучше!... Надо благодарить Бога и ѣхать съ Русскимъ!

Затѣмъ на семейномъ совѣтѣ положили: Адаму, вслѣдствіе его нездоровья, остаться еще на весь этотъ день дома, но за то отцу его отправиться съ согласіемъ на предложеніе и съ изъявленіемъ глубокой благодарности отъ имени его и всей семьи великодушному иностранцу.... что и исполнено было въ тотъ же самый вечеръ. А на другой день, рано утромъ, счастливый Адамъ не шелъ, а бѣжалъ въ гостиницу Zum Erzherzog Karl. Онъ чувствовалъ себя совершенно здоровымъ и сиялъ какъ это раннее лѣтнее утро. Вошедши въ № 33, онъ долго не могъ отъ волненія произнести ни одного слова и со слезами умиленія повисъ на груди своего друга.

Красавицъ не ожидалъ такого успѣха. Онъ все еще тайнѣ боялся чтобы восторженную благодарность, которую изъявляли ему и отецъ, и сынъ Фишеры, не замѣнило болѣе холодное чувство вслѣдствіе чьихъ-либо постороннихъ дружескихъ на нихъ вліаній. Для предупрежденія этой случайности, онъ старался какъ можно скорѣе поспѣшить отъѣздомъ, и только вслѣдствіе усиленныхъ просьбъ своего

спутника рѣшился остаться до вечера другого дня. Условившись съ Красавинымъ о часѣ отъѣзда, Адамъ Фишеръ пошелъ прямо отъ него въ Консерваторію проститься съ наставниками и товарищами. Старикъ Фарбахъ выслушалъ вѣсть о путешествіи молодого человѣка далеко не съ такимъ веселымъ лицомъ съ какимъ тотъ сообщилъ ему ее, но не сказалъ ему ни слова. За то Максъ, котораго онъ засталъ тамъ, выразилъ ему такъ свое откровенное мнѣніе:

— Съ Богомъ, поѣзжай, братъ, поѣзжай, поживи поближе съ русскимъ аристократомъ, авось-либо со временемъ ты его раскусишь хорошенько и узнаешь чтѣ это за гусь!....

— Я такъ увѣренъ въ немъ, началъ было Фишеръ.

— Оставимъ, Бога ради, эти споры, пылко перебилъ его Тредли, — время покажетъ кто изъ насъ правъ, кто виновать. Скажи мнѣ лучше всѣ ли здоровы у васъ? Чтѣ Луиза?... Вѣдь она не....

Онъ хотѣлъ было спросить: „она не ѣдетъ съ вами?“ и остановился, самъ испугавшись смысла какой можно было придать этимъ словамъ.

— Скажи, мнѣ Максъ, началъ въ свою очередь Адамъ, — отчего это ты такъ внезапно оставилъ насъ?... Не грѣхъ ли тебѣ сердиться на старика.

— Я не сержусь ни на кого, не далъ ему кончить Максъ, крѣпко пожимая обѣ руки Адама. — Я сегодня же хотѣлъ придти къ вамъ проститься.

— И ты дѣйствительно собираешься въ отечество, въ Венгрію? Отчего такъ внезапно?

— Такъ, нечаянная встрѣча съ нѣкоторыми земляками.... важныя извѣстія.... Наконецъ, прежде всего.... священный долгъ!... Словомъ, что тутъ много толковать! Надо ѣхать! добавилъ съ какою-то таинственностью Тредли.

Адамъ не хотѣлъ его допытывать болѣе. Друзья изъ Консерваторіи отправились на квартиру Фишеровъ, гдѣ и провели остальную день самымъ дружественнымъ образомъ. О минувшей ссорѣ не было ни слова; но настоящую причину своего отъѣзда Максъ отказался объяснить, несмотря на всѣ распросы и просьбы старика Фишера. Разставаніе съ доброю семьей было трогательно. Ноги подкосились у молодого Венгерца, когда онъ при прощаньи подѣловалъ руку у Луизы.

Эта минута много сказала и ей, и окружающимъ, о чемъ прежде не догадывались ни она, ни они.

На другое утро Адамъ переселился въ номеръ къ Красавину со своею флейтой и небольшимъ чемоданчикомъ. Вечеромъ того же дня друзья наши были уже на станціи желѣзной дороги.

На станцію пришелъ проводить ихъ только старикъ Фишеръ. Онъ еще разъ со слезами поблагодарилъ Красавина и благословилъ сына на благополучный путь.... Тотъ былъ въ свою очередь растроганъ, цѣлуя черную и жилистую руку своего отца.... Красавина не столько смѣшили, сколько бѣсили эти мѣщанскія вѣжности.

Въ тотъ же вечеръ отплылъ изъ Леопольдштадта пароходъ внизъ по Дунаю. На палубѣ, скучившись въ одномъ углу, сидѣла группа Венгерцевъ; тихо и таинственно разговаривали они о чемъ-то между собою. Посреди ихъ видѣлась чья-то стройная, молодая фигура, выражавшая собою самое напряженное вниманіе. То былъ знакомецъ нашъ, Максъ Трельи.

XIII.

Кто не помнитъ перваго своего путешествія? Кто не помнитъ его молодыхъ восторговъ, его свѣтлыхъ, радостныхъ ощущеній? Вотъ они, эти мѣста, о которыхъ еще такъ недавно читалъ и слушалъ съ ненасытнымъ любопытствомъ, къ которымъ такъ жадно рвался воображеніемъ! Вотъ они, въ очію смотришь на нихъ и не насмотришься!... Любуешься и едва вѣришь глазамъ, неужели это не сонъ, а дѣйствительность?...

Такъ смотрѣлъ, въ первые дни своего пребыванія въ Гаштейнѣ, Адамъ Фишеръ на красоты альпійской природы.... Съ нѣмымъ восхищеніемъ взиралъ онъ по вечерамъ какъ заходящее солнце румянило верхушки снѣжныхъ горъ; по ночамъ долго не засыпалъ онъ, прислушиваясь къ шуму гаштейнскаго водопада.... Въ вѣчномъ говорѣ падающихъ водъ слышались ему какіе-то новые музыкальные звуки, открывались словно новыя тайны гармоніи. Какъ настроена была въ то время эта дѣтская душа, лучше всего

видно из переписки молодого музыканта съ его семействомъ. Вотъ что, на третій день пребывания своего въ Гаштейнъ, писалъ Адамъ къ Луизѣ:

„Милая сестра!

„Изъ письма моего отъ третьяго дня къ родителямъ ты уже знаешь что мы прибыли благополучно въ Гаштейнъ.... Мой благородный и несчастный другъ (я говорю несчастный, потому что вижу его постоянно скучнымъ, хотя настоящая причина его скуки мнѣ неизвѣстна, вѣроятно, болѣзь) на другой же день, по совѣту докторовъ, долженъ былъ начать принимать ванны, а я еще не начиналъ, да и не думаю начинать. Къ чему? Я чувствую себя такимъ здоровымъ, бодрымъ, веселымъ. Я гуляю не боясь устали съ утра до вечера по великолѣпнымъ здѣшнимъ окрестностямъ и все не могу еще досыта нагуляться.... Другъ мой, Луиза, отчего нѣтъ тебя здѣсь со мною.... Какъ бы мы были счастливы, постоянно раздѣляя и сообщая другъ другу благоговѣйныя чувства внушаемая зрѣлищемъ этой великой природы. Не знаю я, право, чѣмъ могъ бы я выразить мою благодарность къ нашему великодушному благодѣтелю. Еслибы знала ты какъ онъ добръ и какъ любить всѣхъ насъ. Представь себѣ, вчера, заужиномъ, онъ вдругъ сказалъ мнѣ что ему жаль меня и совѣстно, потому что я пожертвовалъ для него лучшимъ своимъ счастьемъ, покинулъ мою семью. Чувствую, говорилъ онъ, все значеніе такой жертвы; но не могу не признаться что она лежитъ у меня камнемъ на сердцѣ.... Ты вырази себѣ это, Луиза: онъ оказалъ намъ вѣсѣмъ такое одолженіе, взявъ меня съ собою сюда, и онъ же теперь мучится мыслію о разлукѣ моей съ семьей! Я всячески старался успокоить его, объяснить ему какъ глубоко я ему обязанъ. „Нѣтъ, нѣтъ, повторялъ онъ, вы непременно должны скучать безъ семейства“.... А почему бы, заключилъ онъ, семейству вашему не пріѣхать сюда и не осчатливить обоихъ насъ разомъ? О средствахъ батюшкѣ вашему беспокоиться нечего....“ Я не знаю что отвѣчать на эти слова: но ты можешь вообразить себѣ, какъ сильно забилось при нихъ мое сердце.... Милая Луиза! Вообрази себѣ положеніе человѣка которому вблизи показываютъ рай и предлагаютъ входъ туда.... Да, Гаштейнъ сталъ бы для меня истиннымъ раемъ, еслибы ты, моя ласточка, была здѣсь со мною....

„P. S. Г. Красавинъ поручилъ мнѣ передать вѣсѣмъ вамъ поклонъ, а тебѣ въ особенности! До свиданія.... Я не люблю горькаго слова *прощай!*“

Меньше чѣмъ чрезъ недѣлю времени Адамъ получилъ на это письмо такой отвѣтъ:

„Милый и безцѣнный братъ! Благодарю тебя за добрыя твои строки, онѣ усладили отчасти горестъ разлуки съ тобой. Ты легко можешь представить себѣ какъ тяжело чувствуется она въ нашемъ скромномъ, бѣдномъ уголкѣ, если ты самъ томишься ею среди прелестей природы, окруженный всеми удобствами и удовольствіями жизни. Бѣдная матушка очень скучаетъ по тебѣ, хотя и не выказываетъ этого предъ батюшкой, чтобы не огорчить его.... Я передала ей содержаніе твоего письма, но всего прочитать не посмѣла: мысль всѣмъ намъ вѣхать къ тебѣ показалась мнѣ такою смѣлою и неудобноисполнимою!... Но вообрази себѣ мое радостное изумленіе, когда батюшка вчера самъ сказалъ: „Еслибъ у меня случились лишнія деньги, я бы отпустилъ Луизу съ матерью къ ея роднымъ въ Зальцъ-Каммергутъ и оттуда въ Гаштейнъ для свиданія съ Адамомъ.“ Я молчала, я не смѣла говорить. Но еслибы ты зналъ, мой милый Адамъ, какъ дорого мнѣ стоило молчаніе въ настоящемъ случаѣ!... Такъ вотъ и хотѣлось бы шепнуть батюшкѣ: „у насъ есть деньги!...“ Но предоставимъ все волѣ Провидѣнія.... Помнишь что сказалъ нашъ любимый поэтъ:

Du musst glauben, du musst wagen,
Denn die Götter leihn kein Pfand,
Nur ein Wunder kann dich tragen
In das schöne Wunderland.*

„Обнимаю тебя, мой несравненный, милый, добрый братъ... Твоя Луиза.

„P. S. Батюшка посылаетъ тебѣ свое благословеніе, а матушка наказъ какъ можно болѣе ухаживать за больнымъ твоимъ другомъ, который, по словамъ ея, очень и очень не бережетъ свое здоровье. Клянется тебѣ нашъ старый другъ Фарбахъ и проситъ за прогулками не оставлять и флейты.“

Красавицъ между тѣмъ не переставалъ твердить своему довѣрчивому молодому другу о томъ какъ чудесно было бы, еслибы семейство его пріѣхало къ нимъ въ Гаштейнъ. Когда получено было письмо Луизы, заключавшее легкій намекъ на возможность этого, Адамъ безконечно обрадовался. Онъ

* По переводу Жуковскаго:

Вѣрь тому что сердце скажетъ,
Нѣтъ залоговъ отъ небесъ,
Только чудо путь укажетъ
Въ край таинственный чудесъ.

сообщилъ о томъ Красавину, а тотъ попросилъ у него позволенія прочитать все письмо. Довѣрчивый юноша не умѣлъ отказывать. Но какъ велико было его изумленіе, когда онъ увидѣлъ что Красавинъ, по прочтеніи письма, вмѣсто того чтобъ отдать его по принадлежности, съ жаромъ поцѣловалъ письмо, потомъ, бережно сложивъ его, положилъ въ свой карманъ! Еще болѣе изумился Адамъ, когда вдругъ Красавинъ бросился къ нему на шею и, цѣлуя его, прерывающимся отъ волненія голосомъ проговорилъ:

— Милый другъ мой! Прости меня за присвоеніе твоей собственности, но я увѣренъ что ты не откажешь мнѣ въ этомъ счастьи, подарить мнѣ это письмо!...

— Но вѣдь это письмо.... письмо Луизы.... еле могъ проговорить на это смущенный юноша.

— О, Боже мой! воскликнулъ въ отвѣтъ на это Красавинъ:—неужели ты доселѣ еще не понялъ что я.... люблю ее.

XIV.

Признаніе Красавина уже совершенно ошеломило бѣднаго Адама. Какъ ни былъ онъ молодъ и неопытенъ, какъ ни мало былъ знакомъ со свѣтомъ и всѣми его условіями, тѣмъ не менѣе онъ сразу понялъ всю опасность, всѣ ложныя и дурныя стороны настоящаго положенія, хотя въ то же время экзальтированное воображеніе его и показывало ему какъ бы въ туманѣ всѣ блестящія стороны того же самого положенія.... Что Русскій, богачъ, могъ полюбить бѣдную сестру его, въ этомъ не было для Адама ничего удивительнаго. На его глаза, Луиза была достойна любви хотя бы какого-нибудь принца крови. Но къ чему можетъ повести эта любовь къ ней Красавина, который стоялъ на такомъ недосыгаемомъ, аристократическомъ пьедесталѣ во мнѣніи Адама и всей его семьи? Вотъ вопросъ который невольно блеснулъ теперь какъ молнія въ головѣ Адама. Но, между прочимъ, въ самомъ признаніи Красавина было нѣчто лестное и вмѣстѣ трогательное для нашего юноши; въ первый разъ Красавинъ заговорилъ съ нимъ совершенно дружески, какъ равный съ равнымъ, на ты.... Противъ этого искушенія не могло устоять бѣдное сердце мечтательнаго юноши: онъ разомъ подавилъ возникшія сомнѣнія, и увѣровавъ въ

чужую, словно въ собственную, чистоту и святость чувства, откликнулся на сладкій голосъ дружбы....

Весь этотъ день прошелъ во взаимныхъ изліяніяхъ между друзьями. Красавинъ очень живо разказывалъ своему молодому другу всю повѣсть о страсти своей къ сестрѣ его и краснорѣчиво представлялъ ему картину семейнаго счастья ожидающаго всѣхъ ихъ въ будущемъ. Между прочимъ, онъ взялъ съ Адама клятвенное обѣщаніе никому не открывать вѣренной ему тайны, ниже намекать о ней. По словамъ влюбленнаго, никто кромѣ самого его не могъ высказать чувствъ его къ возлюбленной, а это онъ могъ позволить себѣ не иначе, какъ убѣдившись напередъ въ ея взаимности, которою, впрочемъ, и обнадеживалъ его отчасти пылкій Адамъ. Но Красавину, конечно, обнадеживаній этихъ было мало. Онъ хотѣлъ самъ слышать признаніе подобное своему. Въ противномъ случаѣ грозилъ совершеннымъ отчаяніемъ, намѣреніемъ кончить жизнь свою самоубійствомъ и другими, тому подобными рѣчами, приводившими въ ужасъ неопытнаго юношу. Адамъ съ этого дня началъ съ особеннымъ стараніемъ настаивать на пріѣздѣ своихъ родныхъ въ Гаштейнъ и написалъ въ этомъ смыслѣ письмо въ Вѣну. Вслѣдъ за тѣмъ въ скоромъ времени произошли два особенныя обстоятельства, какъ бы нарочно къ облегченію и подкрѣпленію этихъ стараній. Адамъ Фишеръ не всегда и далеко не часто гулялъ съ Красавинымъ. Последній былъ столько же лѣнивъ ходить, сколько первый неутомимъ. Красавинъ доводилъ обыкновенно свои прогулки утромъ до небольшой площадки предъ гостиницей Штраубингена, въ которой пріатели большею частію завтракали и обѣдали, а по вечерамъ до крытой галлерей, гдѣ обыкновенно собирается все дѣйствительно или мнимо требующее лѣченія гаштейнскими водами. Туда обыкновенно заходилъ за нимъ возвращавшійся съ отдаленныхъ прогулокъ своихъ Фишеръ. Однажды вечеромъ, войдя такимъ образомъ въ галлерей за пріателемъ, онъ засталъ его въ очень дружелюбномъ разговорѣ съ молодымъ австрійскимъ офицеромъ и какою-то статною молодою женщиной. Женщина опиралась на руку офицера. По семейному сходству, ее тотчасъ же можно было признать за его сестру. Адамъ, по свойственной ему робости, не рѣшился

подойти къ этой группѣ, онъ только издали кивнулъ Красавину, а тотъ далъ ему легкимъ знакомъ понять что придетъ домой послѣ, одинъ. Адамъ не упустилъ случая еще разъ обзвѣгать ближайшіе пригорки, полюбоваться пышною, звѣздною ночью, и возвращаясь домой довольно поздно, думалъ застать своего друга уже въ постелѣ. Но къ удивленію его, онъ не нашелъ его дома. Адамъ, не ложась спать, сталъ дожидаться. Около полуночи Красавинъ вернулся и повѣдалъ своему юному другу что онъ познакомился и провелъ очень пріятный вечеръ съ однимъ почтеннымъ семействомъ, о которомъ слышался гораздо прежде въ Вѣнѣ, отъ Фишеровъ.

— Кто же бы это были такіе? спросилъ удивленный Адамъ.

— Графъ и графиня Дрейкирхены.

— Благодарители моего отца!

— Этотъ офицеръ и дѣвушка, сестра его, которыхъ ты видѣлъ сегодня со мной въ галереѣ, говорилъ Красавинъ, — это внукъ и внучка того графа который нѣкогда былъ штатгальтеромъ въ Зальцбургѣ.

— Да, это былъ онъ, онъ самый! Я завтра же напишу объ этомъ отцу, воскликнулъ восхищенный Адамъ. — Онъ будетъ такъ счастливъ увидѣть потомковъ того кто когда-то спасъ ему жизнь!

Красавинъ сталъ, разумѣется, поддерживать его въ этой мысли, утверждая что это всего легче можетъ сдѣлаться здѣсь, на водахъ, при помощи его самого и безцеремонности и простоты существующихъ здѣсь обычаевъ. На другой же день Адамъ написалъ обо всемъ этомъ подробно къ отцу. На старика вѣсть эта сильно подѣйствовала. Познакомиться съ молодыми Дрейкирхенами, поручить ихъ покровительству вступающихъ въ жизнь дѣтей своихъ—сдѣлалось пламеннымъ его желаніемъ. Къ тому же, для осуществленія его явились вдругъ совершенно неожиданно и средства. У Флоріана былъ давно какъ-то купленъ на имя Луизы билетъ австрійской лотереи; билетъ этотъ теперь, какъ нарочно, вышелъ съ выигрышемъ въ четыреста гульденовъ. На другой же день вся семья Фишеровъ отправилась въ Гаштеймъ.

XV.

Свиданіе Красавина съ вѣнскою семьей было самое дружественное. По отношенію къ Луизѣ онъ велъ себя сдержанно и скромно, какъ слѣдовало. Но лицо бѣдной дѣвочки явно измѣнилось ей и изобличало душевное смущеніе, которое она старалась всѣми силами подавить.

Фишеры поселились не въ самомъ Гаштейнѣ, гдѣ уже почти не было мѣста въ гостиницахъ, а въ одной изъ ближайшихъ деревень, въ особенномъ домикѣ, нанятомъ для нихъ Адамомъ. Самъ же онъ, по настоянію своего отца, строгаго исполнителя всякихъ условій, остался по-прежнему съ Красавинымъ, въ качествѣ его компаніона.

Проведя нѣсколько дней въ Гаштейнѣ и водворивъ тамъ въ покойномъ и удобномъ жилищѣ свою семью, старикъ Фишеръ дней черезъ пять вернулся въ Вѣну къ должности, обѣщавъ прійхать опять недѣли черезъ двѣ-три за своимъ, для повѣздки на родину, въ Тироль. Предъ отъѣздомъ онъ поручилъ жену и дѣтей своимъ покровительству русскаго благодѣтеля, но самимъ имъ строго запретилъ не только обращаться къ нему за денежною помощію, но даже принимать ее въ случаѣ добровольнаго предложенія съ его стороны. Онъ оставилъ имъ нѣсколько десятковъ гульденовъ и уѣхалъ спокойный и веселый....

По отъѣздѣ Флоріана, жена и дочь, скучая своимъ одиночествомъ, стали, понятнымъ образомъ, искать чаще прежняго случаевъ видѣть Адама. Этими случаями воспользовался и Красавинъ. Онъ всегда сопровождалъ своего молодого друга, когда тотъ по утрамъ ходилъ навѣщать родныхъ, проводилъ у нихъ часть дня, а послѣ обѣда провожалъ ихъ въ Гаштейнъ слушать музыку. Выпивъ тамъ по чашкѣ кофе, мать и дочь уходили къ себѣ еще задолго до заката солнца, сопровождаемая Адамомъ. На Красавина тихая однообразная жизнь эта, удаленіе отъ свѣтской суеты, блаженство быть постоянно вмѣстѣ съ тою которая вполне владела его сердцемъ, произвели самое благодѣтельное вліяніе. Онъ почувствовалъ и внутреннее довольство, и крѣпость физическихъ силъ, какъ никогда дотолѣ. Наслаждаясь настоящимъ, онъ ни разу не подумалъ о томъ чего онъ могъ ожидать для

себя впереди. Онъ ничего не искалъ, ничего не добивался: онъ былъ счастливъ обществомъ Луизы, слушалъ ея протыя, наивныя, хотя далеко не пустыя рѣчи, ловилъ ея невинный, исполненный выраженія взглядъ.... Онъ весь поддавался вліянію этой свѣжей, дѣвственной природы.... Но если онъ не говорилъ еще ей о своей любви, то потому только что ему не представлялось къ тому случая. Но вотъ что произошло. Былъ поздній вечеръ; все почти народонаселеніе Гаштейна собралось смотрѣть на иллюминацію и фейерверкъ устроенные по случаю какого-то торжества на сосѣднихъ горахъ. Больные смотрѣли на эту иллюминацію съ галереи, болѣе здоровые съ моста противъ водопада, который, при освѣщеніи бенгальскими огнями, представлялъ картину восхитительную. Наконецъ, толпа мѣстныхъ жителей и окрестныхъ поселянъ, пришедшихъ полюбоваться зрѣлищемъ, кучками расположилась на ближнихъ скалахъ и пригоркахъ. На одномъ изъ такихъ холмовъ, освѣненномъ группою роскошныхъ деревьевъ, помѣщался Красавинъ съ своимъ молодымъ пріателемъ, его матерью и сестрой.... Ночь была звѣздная, очаровательная. Какими-то мрачными, неопредѣленнаго вида великанами стояли окрестныя скалы, освѣенныя вѣковыми лѣсами. Порою ихъ освѣщали на мгновеніе яркіе огни фейерверка; тогда они выступали на передній фонъ, обрисовывались во всѣхъ своихъ очертаніяхъ, и затѣмъ все опять сливалось въ одну сплошную, громадно-темную массу. Громъ ружейныхъ выстрѣловъ, которыми горные жители любятъ изъяслять радость и торжество, сливалась съ шумомъ водопада. Сквозь этотъ двойной шумъ едва-едва слышались гармоническіе звуки музыки игравшей на галереѣ. Луиза была въ полномъ упоеніи, она думала что попала въ одну изъ тѣхъ обѣтованныхъ странъ о которыхъ съ юности мечтала, читая поэтовъ. Чего ей не доставало въ настоящую минуту для полноты счастья? Все что было ей дорого, все къ чему она стремилась, что любила, все это было теперь съ ней. И на лицѣ матери своей замѣтилъ Адамъ глубоко задумчивое выраженіе.... Онъ заговорилъ съ ней. Великолѣпное звѣздное небо стало предметомъ ихъ тихой бесѣды. Онъ началъ объяснять ей научное значеніе свѣтилъ, которыми она такъ благоговѣнно любовалась, передавать ей тѣ небольшія астрономическія познанія которыя приобрѣлъ въ школѣ. Мать съ

пряженнымъ вниманіемъ заслушалась его.... Красавицъ ходилъ съ Луизой около павильона. Замѣтивъ необыкновенно восторженное состояніе овладѣвшее дѣвушкой, онъ какъ бы не нарочно коснулся ея руки: рука эта, несмотря на свѣжесть ночнаго воздуха, горѣла какъ въ лихорадочномъ жару. Онъ быстро обнялъ Луизу и крѣпко прижалъ къ себѣ....

— Луиза! Ангелъ мой! прошепталъ онъ чуть слышно.

Онъ склонился къ ней такъ близко что почти касался ея лица.... Бѣдная дѣвушка совершенно обезсилѣла, кровь прилила къ ея головѣ и къ сердцу, ноги дрожали.... Ея безмолвный умоляющій взоръ высказалъ все безъ словъ.... Въ этой таинственной тиши, подъ этимъ чуднымъ кровомъ неба раздался ихъ первый поцѣлуй.... Красавицъ почувствовался первый, собралъ всю свою энергію, отрезвился, вынулъ свой благоухающій платокъ и освѣжилъ имъ пылающее лицо Луизы; она, шатаясь, направилась объ руку съ нимъ по направленію къ матери. Адамъ давно уже слѣдилъ за ними, но не рѣшался подойти, боясь обратить на нихъ вниманіе матери. И не одинъ Адамъ зорко смотрѣлъ на влюбленныхъ. Изъ толпы устремлены были на нихъ многіе любопытные взгляды. До слуха Адама, внимательно слѣдившаго за всѣмъ происходившимъ вокругъ, долетѣло даже нѣсколько словъ.... Въ прискорбномъ значеніи ихъ для Луизы, для него, онъ усомниться не могъ.... Едва подошла къ матери сестра его, онъ отвелъ Красавица нѣсколько въ сторону и нѣмымъ, но полнымъ выраженіемъ взглядомъ спросилъ его: „Что ты сдѣлалъ съ сестрой?“ Красавицъ понялъ его.

— Другъ мой! сказалъ онъ тихо Адаму: — я счастливъ. Я выслушалъ признаніе Луизы: она любитъ меня.

— Пора намъ домой, сказала госпожа Фишеръ, подходя къ нимъ съ Луизой.

До деревни ихъ было еще съ четверть мили. Адамъ съ пріятелемъ своимъ пошли ихъ провожать. Красавицъ понималъ что съ его стороны это было лишнее, не кстату, но онъ былъ въ такомъ возбужденномъ состояніи что не замѣчалъ ничего что дѣлалось вокругъ него. Ему хотѣлось быть вмѣстѣ съ Луизой, хотя онъ смутно сознавалъ что проводы эти могли навлечь бѣду на бѣдную дѣвушку. Проводивъ семейство Фишеровъ до дома, Красавицъ былъ однако на столько благодарнаменъ что не зашелъ къ нимъ. Общій

разговор дорогою не клеился, Луиза видимо была смущена, Адамъ обезпокоенъ. Онъ остался еще съ матерью и сестрой довольно долго послѣ того какъ Красавинъ ушелъ отъ нихъ. А герой нашъ, желая какъ-нибудь утомиться физически, чтобъ успокоить свои раздраженные нервы, прошелъ прямо въ галерею.

— *Bonsoir! Que faites vous de bon?* сказалъ чей-то голосъ Красавину, едва ступилъ онъ на галерею, и чья-то рука крѣпко пожала ему руку.

Красавинъ взглянулъ въ лицо говорившему: то былъ молодой графъ Дрейкурхенъ. Онъ не видался съ нимъ уже нѣсколько дней и въ свою очередь дружески отвѣтилъ на его привѣтствіе. Графъ продолжалъ по-французски:

— Что случилось съ вами, любезный Красавинъ! Вы совсѣмъ друзей своихъ забыли. Ну, да это все вздоръ: друзья ваши, положимъ, не имѣютъ права претендовать на взаимность, а вотъ что жалко: вы совсѣмъ покинули общество прекрасныхъ дамъ.... Промѣняли ихъ на одно это.... это, какъ бы сказать, прекрасное созданье.... Дамы наши очень обижаются этимъ. Вы бы могли уступить имъ свои вечера, а ночи, пожалуй, проводили бы съ нею, съ прелестницей вашей.

Графъ засмѣялся.

Красавина, хотя и привыкшаго къ подобнымъ шуткамъ, слова эти глубоко оскорбили. Онъ былъ еще подъ вліяніемъ высокихъ и чистыхъ ощущеній прочувствованныхъ имъ въ тотъ вечеръ: ему жаль было бѣдную дѣвушку, которая из-за него уже сдѣлалась предметомъ осмѣянія и самой черной свѣтской клеветы. Первымъ его движеніемъ было отвѣчать дерзостью на дерзкую выходку графа. Но онъ подавилъ въ себѣ это движеніе, подчиняясь сыздѣтства внутреннему ему правилу никогда не увлекаться, не выходить изъ предѣловъ приличій, и потому, принявъ сколь возможно равнодушный и спокойный видъ, отвѣчалъ:

— Я не являлся въ общество потому что былъ эти дни не очень здоровъ, но въ настоящую минуту вы именно встрѣтили меня на дорогѣ къ балу.

— И прекрасно! Такъ поидемте же; у сестры моей нѣтъ на первую кадрили кавалера, а у меня визави: вербую васъ на обѣ роли, сказалъ на это съ веселымъ видомъ Дрейкурхенъ, и взявъ подъ руку Красавина, повлекъ его съ собою.—А не сочтете ли вы преступнымъ съ моей стороны

любопытствомъ, спросилъ онъ Красавина дорогою, — если я спрошу васъ объ имени прелестнаго созданія за которое такъ сердятся на васъ наши дамы?

— О, Боже мой, отвѣчалъ нашъ герой, успѣвшій уже совершенно совладать съ собою. — Я очень люблю ея брата, молодого и талантливаго музыканта, который оказалъ мнѣ важныя услуги во время моей болѣзни въ Вѣнѣ и теперь живетъ у меня. Я, такимъ образомъ, познакомился невольно и съ его отцомъ, и съ семьей. Фамилія ихъ Фишеръ, очень хорошіе и честные люди.

— Фишеръ! повторилъ графъ. — Да я его знаю, почиталіонъ въ Вѣнѣ?

— Да, именно. Я знаю отъ него, что онъ почитаетъ себя весьма многимъ обязаннымъ вашему семейству, особенно покойному вашему дѣду.

— Онъ былъ здѣсь недавно у насъ, отвѣчалъ небрежно Дрейкурхенъ. — *Ce monde là fait une drôle d'engance!* промолвилъ онъ, скорчивъ пренебрежительную гримасу. — Потому что какой-нибудь предокъ оказалъ имъ услугу, они потомъ считаютъ долгомъ преслѣдовать своими чувствами преданности и признательности и самое отдаленное его потомство. Этотъ Фишеръ хотѣлъ представить матушкѣ моей и сестрѣ всю свою семью; мы насилу отъ него отвязались.

Подобныя рѣчи довольно непріятно дѣйствовали на Красавина, но онъ старался скрыть свое неудовольствіе и успѣлъ въ этомъ совершенно. Они пришли съ Дрейкурхеномъ въ галерею предъ самымъ началомъ танцевъ. Выслушавъ отъ хорошенькой сестры своего товарища любезный упрекъ въ долгомъ бѣгствѣ и отвѣтивъ на это также любезно, онъ сталъ въ кадриль съ самымъ покойнымъ и обыкновеннымъ видомъ, и, конечно, никто бы не догадался что этотъ самый человѣкъ за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ переживалъ самыя сильныя ощущенія своей жизни. Веселые звуки музыки и вообще вся эта балльная обстановка, которой онъ давно уже не видалъ и которую все еще не переставалъ въ душѣ любить, живоительно дохнули на него и не замедлили привести въ наилучшее расположеніе. Подъ вліяніемъ такого настроенія, самая страсть его къ Луизѣ, увѣчанная наковецъ наивнымъ признаніемъ бѣдной дѣвушки, какъ бы потеряла мгновенно всю свою поэтическую важность.... Красавинъ поздно воротился съ бала домой,

думая найти компаніона своего уже спящимъ. Но къ удивленію его, Адамъ еще не возвращался. Это нѣсколько озаботило Красавина; не болѣе какъ чрезъ полчаса, однако, онъ заснулъ, какъ спать обыкновенно молодые и счастливые люди, богатырскимъ сномъ.

XVI.

Но не суждено было уснуть во всю эту ночь бѣдному Адаму Фишеру. Проводивъ своихъ до ихъ жилища, онъ воспользовался временемъ когда мать ушла готовить ужинъ, и взявъ сестру за руку, вывелъ ее на небольшой балконъ, какими обыкновенно бываютъ обнесены тирольскія хижины. Едва остались они одни, Луиза поняла изъ одного взгляда брата о чемъ онъ хотѣлъ спросить ее, и залилась слезами.... И Адамъ хорошо понималъ эти слезы.... Онъ уже не спрашивалъ сестру что говорила она Красавину, что выслушивала она отъ него,—все это было ему ясно. Но его преслѣдовала все та же мысль что и прежде, когда впервые сбѣжались ему извѣстны отношенія Красавина къ сестрѣ.

— Но, бѣдная Луиза! на какой же конецъ поведетъ все это? вырвалось у него невольно.

Луиза залилась слезами пуще прежняго и едва могла только проговорить брату:

— Почему я знаю! Онъ клянется что любитъ меня.

— Да, все это прекрасно, сказалъ Адамъ,—онъ и мнѣ то же повторялъ; но надо чтобъ эта любовь была облечена въ законныя отношенія, чтобы не стыдно было признаться въ ней предъ цѣлымъ свѣтомъ; а то....

Онъ не договорилъ всего что думалъ, о чемъ заставляли его думать замѣчательныя имъ взгляды и улыбки обращенныя на сестру его, когда они шли домой съ гаштейнскаго праздника.

Въ этотъ самый вечеръ, который оканчивался такимъ различнымъ образомъ для нашихъ дѣйствующихъ лицъ, новое лицо совершенно неожиданно для другихъ показалось въ Гаштейнѣ. Когда Адамъ, ведя съ собой мать и сестру и сопровождаемый Красавинымъ, сходилъ съ того холма откуда они смотрѣли на фейерверкъ, изъ толпы отдѣлился одинъ молодой человѣкъ, устремившій на проходящихъ взглядъ исполненный самаго живаго участія. По всему видно было что онъ только что сейчасъ

прибыль откуда-то издалека, не успѣлъ еще ни освѣжиться, ни отдохнуть, и явился на праздникъ прямо съ дороги. Объ этомъ свидѣтельствовали и его запыленная одежда, и котомка на кожаныхъ ремняхъ за плечами: онъ держалъ въ рукахъ толстую съ желѣзнымъ наконечникомъ палку, и пистолеты выглядывали изъ-за его пояса. Большая круглая шляпа почти скрывала его лицо; онъ немного приподнялъ широкія поля ея чтобы ближе разсмотрѣть проходящихъ, и вдругъ его черты приняли какое-то страстное выражение, а правая рука его опустилась за поясъ какъ бы ища тамъ чего-то.... Вблизи его проходилъ въ эту минуту Красавинъ съ Луизой. Но мгновенная вспышка также мгновенно потухла. Незнакомецъ только пристально поглядѣлъ имъ вслѣдъ и тихо побрелъ за ними, видимо избѣгая быть ими замѣченнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не теряя ихъ изъ виду.

Такимъ образомъ онъ проводилъ ихъ почти до самой деревни, издали взглянулъ на хижину куда они вошли и быстро вернулся назадъ въ лѣсъ, чрезъ который пролегла гаштейнская дорога. Тамъ, близъ самой дороги, расположился онъ подъ сѣнью широколиственныхъ деревьевъ на отдыхъ. Онъ бросилъ свою палку, снялъ котомку сдѣлавъ себѣ изъ нея изголовье, легъ въ густую траву и, закурилъ сигару, погрузился взоромъ въ высокое звѣздное небо, разстилавшее надъ нимъ свой безпредѣльный шатеръ.... Уснулъ онъ не могъ, хотя и старался, какъ можно было заключить по его тѣлодвиженіямъ. Такъ пролежалъ онъ съ часъ времени. Вдругъ близъ него, въ лѣсу по дорогѣ, раздались чьи-то шаги и звуки пѣнія. Кто-то шелъ тихимъ, мѣрнымъ шагомъ и пѣлъ въ полголоса тирольскую пѣсню. Незнакомецъ быстро вскочилъ, наострилъ уши и узналъ знакомый голосъ. Онъ опрометью бросился къ пѣшеходу и такъ быстро и внезапно схватилъ его за руку что тотъ невольно воскликнулъ.

— Адамъ! это ты мой милый! сказалъ онъ, стараясь успокоить испуганнаго путника.

— Да, конечно я.

— Но, ты.... ты что за привидѣніе? По голосу, ты долженъ быть Максъ.

— Онъ самъ на лицо, отвѣтилъ, смѣясь, старый пріятель.

— Максъ, живой Максъ! повторилъ Адамъ, съ трудомъ переводя дыханіе.—Гляди, какъ ты меня испугалъ.

Онъ взялъ руку товарища и положилъ ее себѣ на сердце, которое билось у него какъ птичка въ клеткѣ.

— Ну, такъ! еще веселѣе сказалъ Максъ. — Ты все такой же слабодушный и нервный какъ женщина.

— Да какъ же, самъ посуди! Вдругъ, ночью, въ лѣсу!... Но скажи мнѣ, ради Бога, какимъ волшебнымъ вѣтромъ занесло тебя сюда?... Откуда ты и какъ?... Точно изъ-подъ земли выросъ.

— А вотъ, промолвилъ Трельи, — свернемъ-ка немного въ сторону, вотъ въ эти кусты, гдѣ я устроилъ было себѣ даровой ночлеги. Мнѣ очень нужно побесѣдовать съ тобой, и чѣмъ раньше, тѣмъ лучше.

Молодые люди развалились на травѣ. Котомка Макса послужила имъ вмѣсто спинки дивана. Адамъ предложилъ Максу сигару, но тотъ, отвѣдавъ ее, бросилъ тутъ же.

— Не хочу, сказалъ онъ, — слишкомъ хороша! Нашему брату, солдату, не годится.

— Какъ, ты солдатъ? спросилъ удивленный юноша. — Гдѣ же, въ какой арміи и давно ли?

— Погоди, не забѣгай впередъ! хладнокровно отвѣтилъ Венгерецъ. — Сейчасъ все узнаешь, я за этимъ и пришелъ сюда. Можетъ-быть, и даже вѣроятнѣе всего, что нынѣшняя бѣда будетъ послѣднею въ нашей жизни. Поэтому ты долженъ выслушать всю мою задушевную исповѣдь.

— Съ удовольствіемъ, сказалъ Адамъ.

— Такъ слушай же. Но прежде всего скажи мнѣ, знаешь ли ты что я влюбленъ.... давно.... что я люблю.... какъ не умѣютъ любить эти знатные господа съ жидкою кровью.... а какъ умѣютъ любить простые люди въ нашей сторонѣ? И знаешь ли ты что предметъ этой страстной любви моей сестра твоя?

— Ты мнѣ никогда не говорилъ объ этомъ; но я.... я догадывался, сказалъ, покраснѣвшись, Фишеръ.

— Еще бы! да и нельзя было не догадаться, продолжалъ Венгерецъ, — несмотря на то что я скрывалъ это ото всѣхъ, сколько могъ.... Прежде чѣмъ открыться, я думалъ упрочить свое положеніе, чтобы вмѣстѣ съ признаніемъ предложить свою руку Луизѣ. Но ты знаешь мои средства къ жизни: они еще плоше твоихъ. У тебя хоть родители; я же, какъ началъ помнитъ себя сиротой, такимъ я и поднесъ! Принялъ меня къ себѣ, Христа ради, старикъ-дядя, то-есть далъ мнѣ у себя приютъ, ежедневный кусокъ черствого хлѣба да

старую скрипку... Эта скрипка была неразлучною спутницей моего дѣтства, она же, я надѣялся, должна была и кормить меня всю мою жизнь. Ты знаешь, играю я недурно, меня знаютъ въ кругу музыкантовъ. Послѣ ангажемента въ вѣнскомъ театрѣ, который свелъ меня съ тобой и твоею семьей, мнѣ предстоялъ другой, очень выгодный ангажементъ въ одинъ изъ иностранныхъ театровъ. Я и разчитывалъ, какъ только получу его, сдѣлать предложеніе Луизѣ... Появленіе этого недобраго гостя, этого русскаго богача, разбило разомъ всѣ мои планы и надежды.

Тутъ слушавшій хотѣлъ было прервать говорившаго, но тотъ рукою подавъ ему знакъ къ молчанію, и самъ продолжалъ:

— Я пришелъ въ ужасъ отъ появленія этого гостя въ нашемъ семействѣ. Тайное предчувствіе говорило мнѣ что онъ врагъ не только моему счастью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣмъ вамъ. Мнѣ казалось что онъ внесетъ въ вашъ домъ позоръ, гибель... Первое время мнѣ все хотѣлось убить его.... Потомъ я устыдился этого чувства и освободился отъ него.... Но не такъ-то легко было мнѣ освободиться отъ тоски, въ особенности съ тѣхъ поръ какъ я сталъ замѣчать что Луиза, которую я считалъ ангеломъ невинности, и только этой невинности приписывалъ ея равнодушіе ко мнѣ, что эта самая Луиза^а стала равнодушною къ нему, къ этому....

Максъ не докончилъ. Внутреннее волненіе душило его. Онъ продолжалъ уже спокойнѣе:

— Тогда новая безумная мысль родилась въ больной головѣ моей: я задумалъ лишить себя жизни. Нѣсколько дней я ходилъ тѣшась этою мыслью, какъ ребенокъ игрушкой.... Къ счастью, прошло и это. Ты помнишь какъ въ послѣднее время, то-есть съ тѣхъ поръ какъ ты сталъ сближаться съ этимъ Русскимъ, я сталъ часто отлучаться изъ дому, сталъ ходить по кофейнямъ, по кабакамъ, ища разсѣянія, забвенія.... Тамъ за билліардомъ сопелся я съ однимъ изъ моихъ земляковъ. Однажды, именно въ самый день ссоры моей съ твоимъ отцомъ, этотъ человекъ повелъ меня въ одну изъ самыхъ отдаленныхъ частей Вѣны. Тамъ, въ одной кофейнѣ, собирались почти исключительно одни Венгерцы. Мы застали цѣлое засѣданіе въ полномъ разгарѣ; тутъ были всякіе люди, богатые и бѣдные, знатные и ничтожные, старики и молодые. Мое появленіе нѣсколько изумило собраніе, но товарищъ мой успокоилъ его, представивъ

меня присутствовавшимъ какъ честнаго Венгерца, неспособнаго измѣнить своей родинѣ. Нѣсколько рукъ тотчасъ же протянулось ко мнѣ, дружелюбно привѣтствуя новаго собрата. Я попалъ въ одинъ изъ тайныхъ клубовъ, во множествѣ и, можетъ-быть, даже не безъ вѣдома правительства, существующихъ въ Вѣнѣ. Называется онъ Клубомъ Друзей Отечества и стремится къ возвращенію нашей родной странѣ тѣхъ вѣковыхъ правъ которыя мы такъ несчастно утратили вслѣдствіе послѣднихъ политическихъ событій. Въ этотъ вечеръ засѣданіе было одно изъ самыхъ жаркихъ. Собраніе раздѣлилось на двѣ партіи: старики настаивали на томъ чтобы, прежде чѣмъ начать дѣйствовать, выждать чѣмъ кончатся италянскія дѣла; молодежь требовала немедленныхъ и рѣшительныхъ дѣйствій. Слушая эти горячія пренія, я вдругъ какъ будто переродился, въ душѣ моей возникло новое чувство, котораго я еще недавно словно вовсе и не подозревалъ. Вчера еще ребенокъ, я вдругъ почувствовалъ себя гражданиномъ! Я вдругъ понялъ что не имѣю права располагать собою, что жизнь моя принадлежитъ всецѣло не мнѣ, не моимъ эгоистическимъ стремленіямъ и мечтамъ, а чему-то общему, великому и прекрасному, называемому отечествомъ, родиной. Спорили, спорили земляки мои въ эту памятную мнѣ ночь и порѣшили на томъ что, въ виду будущихъ случайностей, въ Венгріи весьма полезно имѣть наготовѣ людей близко знакомыхъ съ военнымъ дѣломъ, вслѣдствіе чего слѣдуетъ помогать вербовкѣ наибольшаго числа молодежи подъ начальство одного прославившагося въ послѣднюю нашу войну генерала, пріятеля Гарибальди, который набиралъ тогда въ Венгріи корпусъ волонтеровъ для независимости Италіи. Меня спросила „желаю ли я служить подъ знаменами свободы?“ Я поднялъ руку и присягнулъ на призвѣ. Въ слѣдующій вечеръ я уже плылъ по Дунаю въ Венгрію. О томъ что я нашелъ у себя на родинѣ, чего ждетъ она теперь, что готовить, я не стану говорить. Вы, Тирольцы, извѣстны приверженностью своею къ австрійскому дому. Я не осуждаю васъ: напротивъ, вы свое дѣло дѣлаете. Всякому должна быть дорога своя слава, своя народность. Наши интересы различны, — пусть же каждый идетъ своею дорогою; но я знаю тебя и увѣренъ что все слышанное тобой отъ меня навсегда останется тайной. Не такъ ли?

— Максъ! воскликнулъ Фишеръ: — можешь ли ты сомнѣ-

ваться въ этомъ? Но скажи, ради Бога, какими судьбами попалъ ты сюда, въ Гаштейнъ? Я этого никакъ не понимаю....

— Сейчасъ объясню. Легионъ, о которомъ я слышалъ еще въ Вѣнѣ, былъ дѣйствительно сформированъ въ Венгріи. Провести его въ Италію въ цѣломъ составѣ, въ особенноти прямымъ путемъ чрезъ Австрію, не представлялось никакой возможности. По распоряженію нашего генерала, мы раздѣлились на партіи, кучками разсѣялись по разнымъ путямъ и соберемся потомъ всѣ вмѣстѣ въ одномъ назначенномъ пунктѣ. Я избралъ тотъ путь который бы доставилъ мнѣ случай видѣться съ вами. Я поспѣшилъ въ Вѣну чтобъ еще разъ взглянуть на нее, на Луизу. Но тамъ узналъ о вашемъ отъѣздѣ въ Гаштейнъ. Тогда я подобралъ себѣ двухъ товарищей изъ нашего легиона хорошо знающихъ дороги въ здѣшнихъ мѣстахъ, и вотъ пробрались мы съ ними въ Венеціанскую область. Ты знаешь ли что здѣсь есть альпійская тропинка, по которой мѣсте чѣмъ въ два дня можно пройти изъ Гаштейна въ Венецію?

— Знаю, слышалъ.... Но гдѣ же твои товарищи?

— Остались ночевать въ послѣдней деревнѣ не дохода Гаштейна. Я же не могъ преодолѣть своего нетерпѣнія, опередилъ ихъ и—вотъ я, какъ видишь, на лицо. Теперь ты все про меня знаешь, говори же, въ свою очередь, что у васъ дѣлается? Говори скорѣе, Бога ради!

Адамъ смутился отъ этого вопроса, хотя и ожидалъ его.

— У насъ что?... проговорилъ онъ сквозь зубы по нѣкоторомъ молчаніи:—Особеннаго ничего. Мы, слава Богу, здоровы.

— Здоровы! Ну, очень радъ, отвѣчалъ съ несесолою усмѣшкой Максъ.—Впрочемъ, я уже лично имѣлъ возможность въ этомъ убѣдиться. А ты вотъ что лучше скажи-ка мнѣ, скоро ли у васъ свадьба?

— Свадьба. Какая свадьба? выговорилъ почти съ испугомъ Адамъ.

— Какъ кака! Да что же такой этотъ Русскій, твой, такъ-называемый, другъ?... Развѣ онъ не женихъ Луизы?... А если онъ не женихъ, такъ зачѣмъ же онъ показывается съ ней на народѣ какъ съ невѣстой? Зачѣмъ онъ не бережетъ бѣдной дѣвушки? Ты не видалъ, не слышалъ ничего, быть-можетъ, а я тутъ, въ толпѣ былъ, я знаю.... Но тебѣ, какъ брату, не мѣшало бы вообще быть болѣе заботливымъ о ея честномъ имени....

Максъ попалъ въ самое больное мѣсто Адама.... Юноша слишкомъ хорошо понялъ на что намекнулъ ему теперь Максъ. Предъ нимъ разомъ раскрылась та пропасть которая грозилъ поглотить все счастье, все будущее его семьи. Онъ рѣшился тутъ же немедленно покончить съ этимъ напряженнымъ ходомъ дѣлъ, развязать этотъ гордиевъ узелъ.... Въ такую минуту, для полноты рѣшимости, ему, всегда слабому и колеблющемуся, необходимо было опереться на сильную руку: и вотъ, казалось, само небо посылаю ему такую руку.... Онъ горячо, со слезами на глазахъ обнялъ своего испытаннаго друга....

— Будь спокоенъ, Максъ! Все устроится какъ нельзя лучше.

— Давай Богъ! сказалъ на это Венгерецъ.—Только смотри, гляди въ оба, другъ мой Адамъ. Не довѣрайся вполне твоему русскому пріятелю. Онъ аристократъ, а эти господа привыкли смотрѣть на нашего брата какъ на вещь созданную для ихъ удовольствія. Чтò имъ наши страданія и наши слезы!... Лишь бы имъ было весело, а тамъ пропадай весь свѣтъ. Такъ ты это помни, и берегись.... Нечего мѣшкать, поскорѣй къ дѣлу. Помни что ты отвѣчаешь за сестру предъ Божьимъ судомъ, да и предъ людскимъ тоже. А я, ты знаешь, гдѣ бы ни былъ, договорилъ дрожащимъ голосомъ Венгерецъ,—я всегда буду радъ ея счастью; но еслибы—не дай Богъ—что-нибудь случилось, дай мнѣ знать, я явлюсь!..

Онъ не договорилъ, но въ душу Адама глубоко запали его слова, и, можетъ-быть, въ первый разъ еще съ тѣхъ поръ какъ сошелся съ Максомъ, понялъ онъ вполне какое сокровище благородства и безкорытнаго горячаго чувства заключалось въ этомъ человѣкѣ. Въместо отвѣта, Адамъ еще разъ кинулся въ его объятія.... Время уже было однако позаботиться о ночлегѣ. Адаму не хотѣлось разставаться въ эту ночь съ товарищемъ, и они отправились въ гаштейнскій трактаръ, гдѣ поужинавъ и остались ночевать.

На другой день, рано утромъ, друзья наши проснулись и разошлись: Максъ отправился въ деревню гдѣ оставилъ на кануна своихъ товарищей, а Адамъ къ своимъ. Сестра встрѣтила его еще на крыльцѣ хижины; лицо ея носило слѣды бессонно проведенной ночи.

— Намъ нельзя болѣе здѣсь оставаться, встревоженнымъ, прерывающимся голосомъ объявила она съ первыхъ же словъ Адаму. — Наши здѣшнія сосѣдки также были вчера на

праздникъ въ Гастейнѣ, онъ видѣли какъ шелъ со мною.... какъ провожалъ насъ онъ.... твой другъ.... И теперь надо мною смѣются, чуть не въ глаза.... Сейчасъ хозяйка наша не хотѣла отвѣчать мнѣ.... отвернулась отъ меня.... О! это ужасно! воскликнула, зарыдавъ, бѣдная Луиза.—Милый братъ, ради Бога, уѣдемъ, уѣдемъ скорѣе отсюда!..

— Хорошо! Уѣдемъ! Въ полдень ждите меня. А до того времени старайся быть какъ можно спокойнѣе, отвѣчалъ онъ, пожавъ ей руку, и побѣжалъ къ Гаштейну.

Черезъ полчаса онъ былъ въ комнатѣ Красавина.

XVII.

Тотъ только что всталъ съ постели и собирался идти въ ванну, какъ усмотрѣлъ входящаго друга....

— Здравствуйте, мой милый! Гдѣ это вы пропадали нынѣшнюю ночь? сказалъ онъ со смѣхомъ и протягивая ему дружески руку.

Адамъ холодно пожалъ ее и съ довольно мрачнымъ видомъ отвѣчалъ баричу что встрѣтилъ вчера одного своего давнишняго друга, съ которымъ и провелъ въ гостиницѣ почти всю ночь безъ сна.

— О, такъ вы измѣнили мнѣ?... воскликнулъ Красавинъ:— оставили меня для какого-то иного друга! И вы сами признаетесь въ этомъ! Покорнѣйше благодарю.

— Я не измѣнилъ вамъ, отвѣчалъ Фишеръ, слегка покраснѣвъ, — но дѣйствительно, можетъ-быть, намъ придется разстаться съ вами и даже очень скоро.

— Какъ? что это значитъ? встревоженнымъ голосомъ спросилъ Красавинъ, опускаясь на диванъ и приглашая сѣсть подлѣ себя Фишера.

Адамъ, съ худо скрываемымъ волненіемъ, передалъ ему все что слышано было имъ о положеніи въ какое поставлена сестра его, вслѣдствіе странныхъ отношеній къ ней русскаго аристократа. Красавина, по правдѣ сказать, эти рѣчи мало смутили. Вчерашнее призваніе Луизы было для него несомнѣннымъ залогомъ того что куда она ни уйди, онъ всюду достигнетъ ее, всюду найдетъ и добьется конечной цѣли своихъ желаній. На основаніи этихъ утѣшительныхъ размышленій Красавинъ почелъ нужнымъ на жаркія рѣчи Адама Фишера отвѣчать такою рѣчью:

— Мне очень жаль что все это случилось такъ какъ вы рассказываете.... Но вы еще молоды, не любилъ сами, не можете понять что такое любовь. Когда любишь страстно женщину, тогда не обращаешь вниманія на то что о насъ скажутъ.

— Пожалуй, я этого и не могу еще понять, сказалъ въ свою очередь, саркастически улыбаясь Адамъ;—но я все-таки хотѣлъ бы знать на какой же конецъ поведетъ ваша любовь къ Луизѣ?... Женитесь ли вы на ней?...

— О, да, конечно.... проговорилъ сквозь зубы Красавицъ.

— Когда же?... спросилъ опять пылко Адамъ.

— Когда.... когда.... будетъ можно....

И Красавицъ, хлопнувъ дверью, быстро вышелъ въ другую комнату.... Озадаченный Адамъ долго простоялъ на одномъ мѣстѣ, теряясь въ мысляхъ. Наконецъ онъ горько заплакалъ и, отерши глаза, вышелъ, не простившись со своимъ пріятелемъ. Красавицъ, чувствуя себя разстроеннымъ, не бралъ въ этотъ день ванны, а только въ полдень, наскоро одѣвшись, пошелъ завтракать въ Казино. Онъ встрѣтилъ тамъ цѣлую компанію молодыхъ людей изъ такъ-называемаго хорошаго общества, игравшихъ, въ ожиданіи завтрака, на биліардѣ. Между ними былъ и молодой графъ Дрейкирхенъ. Онъ встрѣтилъ Красавица съ расprostертыми объятіями, представилъ его тѣмъ съ кѣмъ онъ не былъ еще знакомъ и предложилъ завтракать всѣмъ вмѣстѣ. Завтракъ продолжался долго, выпито было много, выпито было даже всеобщее братство, такъ-называемое Bruderschaft, послѣ чего вся компанія должна была говорить другъ другу „ты“. Первый подалъ руку на „du“ съ Красавицинымъ Дрейкирхенъ.... Последніе бокалы они пили уже крѣпко обнявшись и цѣлуясь словно друзья послѣ долгой разлуки. Вдова Клаико располагаетъ, какъ извѣстно, къ нѣжнымъ изліяніямъ. Въ концѣ концовъ рѣшено было что русскій ихъ пріятель прелестьѣйшій человекъ, только сильно хандритъ, а потому слѣдуетъ развлекать его. По этому случаю, общимъ приговоромъ постановлено было завтра же устроить для него въ горахъ Гаштейна охоту на сернъ и дикихъ козъ.

Съ переполненнымъ желудкомъ и слегка кружащеюся головой вернувшись къ себѣ домой, Красавицъ не нашелъ тамъ своего компаніона. Слуга доложилъ ему что Адамъ Фишеръ, часа съ два тому назадъ, забралъ свои вещи и отправился

неизвѣстно куда. Патрону своему онъ поручилъ клясться и сказать что не вернется болѣе. Это извѣстiе какъ громомъ поразило Красавина: онъ никакъ не ожидалъ его. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, со стороны Адама все это было не минутная вспышка, какъ предполагалъ нашъ баричъ, а твердое и непремѣнное рѣшенiе? И куда же это онъ уѣхалъ? И неужели,—чего Боже упаси!—вмѣстѣ съ сестрой своею? Красавинъ даже поблѣднѣлъ отъ этой мысли. Онъ, пожалуй, немного думалъ о Луизѣ въ шумной компанiи свѣтскихъ друзей своихъ; обладанiе ею представлялось ему въ то время дѣломъ несомнѣннымъ. Но теперь, когда предметъ его исканiй грозилъ ускользнуть изъ его рукъ, о, теперь онъ былъ ему дорогъ, какъ никогда еще не бывалъ; теперь онъ неотразимо сіялъ предъ нимъ во всей чародѣйной примажкѣ своей дѣвственной юности и красоты. Красавинъ чуть не опрометью побѣжалъ въ деревню гдѣ жила Луиза. Тамъ онъ узналъ что семейство Фишеровъ внезапно выѣхало и отправилось не говоря куда.... Чаша переполнилась. Красавинъ пролилъ первыя и, вѣроятно, единственныя въ своей жизни слезы; только тутъ, въ ту минуту когда Луиза, казалось, была на вѣки потеряна для него, почувствовалъ онъ что способенъ былъ любить.... Весь день бродилъ онъ, одинокій, по окрестнымъ лѣсамъ и горамъ, томимый нестерпимою хандрой, какъ бывало хаживалъ онъ по пустыннымъ заламъ своего наемнаго дворца въ Венеціи. Едва къ ночи воротился онъ домой, бросился на постель, ворочался, ворочался, но заснуть не могъ. На самой зарѣ вбѣжалъ къ нему въ охотничьемъ нарядѣ графъ Дрейкирхенъ звать его съ собой на охоту.

XVIII.

Черезъ полчаса Красавинъ, въ щегольской одеждѣ тиролякаго егеря, съ двустовольнымъ французскимъ ружьемъ на плечѣ, входилъ въ Казино, весело приветствуемый ожидающею его молодежью. Напившись кофе, друзья наши отправились выше водопада въ горы, по направленiю большаго хребта отдѣляющаго эту часть австрiйскаго Тироля отъ итальянской. Утро было великолѣпное: золотистые лучи лѣтнаго солнца ярко играли на вѣковѣчныхъ снѣгахъ вѣнчающихъ Альпiйскія вершины. Въ воздухѣ еще чувствовалась

овѣжеть; охотники прибавили шагъ. Красавицъ, освѣженный благодатнымъ утромъ, не отставалъ отъ нихъ. Они шли около часу по лужайкѣ пролегающей между горъ, съ обѣихъ сторонъ узко обнимающихъ ее словно двѣ стѣны. По всему пути неся имъ навстрѣчу запахъ благовонныхъ травъ и роскошныхъ альпійскихъ цвѣтовъ. Но вотъ на крутизнѣ мелькнули темныя, живыя точки.... Это дикія козы.... Охотники тотчасъ же разбрелись въ разныя стороны по горнымъ тропинкамъ, назначивъ въ полдень сойтись для завтрака на лужайкѣ, въ хижинѣ одного изъ зрителей близлежащихъ рудниковъ. Туда должна была къ тому времени привезти прислуга великолѣпный завтракъ, заказанный у Штраубингена. Красавицъ остался одинъ. Онъ былъ радъ этому, онъ жаждалъ уединенія, ему надобно наконецъ притворствоваться, шутить и смѣяться, тогда какъ на сердцѣ лежала у него тяжелымъ камнемъ безысходная, казалась ему, грусть. Разставшись съ товарищами, онъ быстро пошелъ по извилистой тропинкѣ, уводившей его все далѣе и далѣе въ горы. Скоро послышался за нимъ выстрѣлъ. Онъ еще прибавилъ шагу, какъ бы желая уйти куда-нибудь, куда бы не доходило ни единого звука земнаго....

Что-то зашелестило въ кустахъ и быстро пронеслось мимо. Онъ оборотился и увидѣлъ серну; первымъ движеніемъ его было выстрѣлить по ней, но пока онъ собирался, она была уже далеко.

„Нѣтъ, сегодня я не охотникъ“, сказалъ себѣ Красавицъ, и равнодушно посмотрѣвъ вслѣдъ убѣгающей добычѣ, пошелъ машинально далѣе, куда глаза глядятъ.... Такъ шелъ онъ долго, долго, все мечтая о ней, о своей ненаглядной Луизѣ.... Шелъ онъ до тѣхъ поръ пока не почувствовалъ страшной усталости въ ногахъ и слабости во всѣхъ членахъ. Онъ остановился, осмотрѣлся.

Громады горъ кругомъ его высились одна надъ другою и замыкали горизонтъ со всѣхъ сторонъ, какъ бы зубчатые стѣны нѣкогого замка; предъ нимъ лежала небольшая зеленая площадка, представлявшая единственные слѣды растительности въ этомъ царствѣ камней и снѣговъ. Красавицъ поспѣшилъ къ площадкѣ: она лежала у подошвы одной скалы, нависшей надъ ней, и кончалась прямымъ обрывомъ; обрывъ этотъ, конечно, велъ въ глубокую пропасть, какими обильны Тирольскіе Альпы. Красавицъ не смѣлъ подойти

поближе къ обрыву и заглянуть въ пропасть... и безъ того уже у него, вслѣдствіе ночнаго утомленія, ходьбы и вліянія разрѣженнаго горнаго воздуха, начинала кружиться голова.

„Отдохнемъ! сказалъ себѣ Красавинъ:—тутъ бояться некого: не въ Италиі, разбойниковъ нѣтъ. Если и забредетъ случайно кто, такъ никто иной какъ нашъ братъ охотникъ.“

Онъ снялъ съ себя *ягедъ*, разостлалъ его на травѣ подъ тѣнію утеса и разлегся, положивъ подлѣ себя ружье и накрывъ лицо шляпой. Черезъ нѣсколько минутъ онъ заснулъ крѣпкимъ сномъ. Такъ проспалъ бы онъ, вѣроятно, до самаго вечера, еслибы сладкій сонъ его не былъ прерванъ въ полдень совершенно неожиданнымъ образомъ: кто-то сильно толкалъ его.... Красавинъ открылъ испуганные глаза: надъ нимъ стоялъ, низко наклонившись, какой-то молодой человекъ, загорѣлое лицо котораго показалось ему какъ будто знакомымъ, но съ переполоха и просонья онъ не могъ вдругъ припомнить гдѣ и когда онъ его видѣлъ. Незнакомецъ былъ вооруженъ, какъ говорятъ, съ головы до ногъ.

„Разбойникъ“, подумалъ Красавинъ и закрылъ глаза.

— Не бойтесь, говорилъ ему между тѣмъ ласковымъ голосомъ незнакомецъ.—Чего вы такъ испугались?... Встаньте и приободритесь, мнѣ нужно поговорить съ вами. Всмотритесь въ меня хорошенько. Вы видали меня. Стыдно трусить такому воспитанному и богатому господину какъ вы.

Слова эти и оживили Красавина, и задѣли его самолюбіе: онъ быстро привсталъ на своемъ импровизованномъ ложѣ, протирая глаза.... Незнакомецъ стоялъ противъ него, склонившись на одно колено.... Такъ, долго и пристально, смотрѣли они другъ на друга.... Незнакомцу, казалось, хотѣлось чтобы Красавинъ вспомнилъ его. Наконецъ онъ первый нарушилъ молчаніе.

— Если вы не узнаете меня, то я вамъ о себѣ напомню. Вы видали меня нынѣшнимъ же лѣтомъ въ Вѣнѣ, сперва въ театрѣ, а потомъ въ семействѣ Фишеровъ. Я Венгерецъ, имя мое Максъ.

— Помню, знаю, едва могъ проговорить Красавинъ, и лицо его зардѣлось яркимъ румянцемъ.

— Но знаете ли о чемъ я хочу говорить съ вами? продолжалъ Максъ уже болѣе суровымъ голосомъ.

— Узнаю когда скажете, отвѣчалъ съ принужденною улыбкой Красавинъ.

Венгерецъ безъ церемоніи усѣлся подлѣ охотника, снялъ съ себя ружье и котомку, и глотнувъ вина изъ висѣвшей у него на перевязи фляжки, продолжалъ:

— Я иду въ Италію; вотъ почему вы видите меня въ такомъ вооруженіи (тутъ только у Красавина вполнѣ отлегло отъ сердца). Черезъ эти горы пролегаетъ тропинка, не многимъ извѣстная, но которой можно спуститься прямо въ Венеціанскую область. Я иду не одинъ, но отсталъ отъ товарищей, потому.... потому что мнѣ нужно видѣть васъ. Случай помогъ мнѣ: я набрелъ на васъ спящаго и одинокаго. Еслибъ я имѣлъ дурныя намѣренія, то могъ бы совершенно безопасно убить васъ или просто толкнуть въ пропасть, чтѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда. Но такой образъ дѣйствій недостойнъ честнаго человѣка какимъ я всегда хотѣлъ и хочу быть. Я разбудилъ васъ затѣмъ чтобы предложить вамъ драться со мной....

Тутъ Венгерецъ всталъ на ноги, глаза его засверкали.

— Изъ-за Луизы! неволью вырвалось изъ устъ Красавина, растерявшагося совсѣмъ, но тоже силвашагося приподняться....

— Ага! догадались! Скоро догадались! Вотъ чтѣ значить совѣсть не чиста! Сейчасъ подсказала въ чемъ дѣло! Да, за Луизу, и предъ вами за нее мститель!

И Максъ, пріосанившись, вынулъ изъ-за пояса пару пистолетовъ.

— Оба заряжены, сказалъ онъ,—выбирайте любой! Бросимте жребій кому первому стрѣлять, или выстрѣлимте заразъ вмѣстѣ.

— Но постойте, ради Бога постойте, Максъ; чтѣ вы это? вскричалъ, быстро отодвигаясь, Красавинъ.

Испугъ придалъ ему силы.

— Вы ошибаетесь, какъ и многіе, насчетъ истинныхъ моихъ отношеній къ Луизѣ, я ни въ чемъ не виноватъ предъ ней, я люблю ее всею душой и все время, даже весь этотъ день, думалъ о ней; я видѣлъ ее во снѣ въ ту самую минуту какъ вы меня разбудили.

Онъ говорилъ скорымъ и умоляющимъ голосомъ, неволью вызвавшимъ полунасмѣшливую улыбку сожалѣнія на уста Венгерца.

— Вы ни въ чемъ не виноваты предъ Луизой! А это ничего что вы пустили худую славу про бѣдную дѣвушку, давъ поводъ обращеніемъ своимъ съ нею къ сплетнямъ, толкамъ

и пересудамъ злыхъ языковъ? Да, наконецъ, развѣ вы не видите что для Луизы уже ни покоя, ни счастья нѣтъ въ этой жизни?... Полюби она другаго, не то бы было, а вы!... Да что тутъ долго толковать, вы появленіемъ своимъ разрушили миръ и благополучіе всей этой почтенной семьи.

Красавинъ молчалъ, но глаза его мало-по-малу наполнялись слезами. Его собственная совѣсть повторяла ему отъ слова до слова все чѣмъ упрекала его Венгерецъ. Послѣдній тоже замолкъ на мгновеніе, въ ожиданіи отвѣта Красавина; но не дождавшись его, воскликнулъ:

— Ну! Что же, выбирайте что ли! Что это вы такъ боитесь смерти! Лучше честно умереть чѣмъ жить безчестно.

— Нѣтъ, я не хочу умирать, вскричалъ наконецъ Красавинъ. — Не хочу, потому что хочу жить честно, справедливо, я хочу жениться на Луизѣ!...

— Это уже вы, вѣроятно, обѣщали не разъ, проговорилъ со вздохомъ и покачивая головой Венгерецъ.

— Обѣщаль и на этотъ разъ исполню, съ жаромъ подхватилъ Красавинъ.—Будьте хранителемъ и свидѣтелемъ моего клятвеннаго обѣта, продолжалъ онъ, торжественно воздѣвая правую руку къ небу.

— Аминь! сказалъ на это, снимая шляпу, Венгерецъ и перебросилъ пистолеты въ лѣвую руку, а правую протянулъ Красавину. Тотъ сжалъ ее, казалось, съ непритворнымъ чувствомъ.

— Но скажите, пожалуйста, знаете ли вы гдѣ теперь Луиза?

— Знаю.

— Самъ Богъ послалъ мнѣ васъ. Передайте мнѣ поскорѣе, куда скрылся отъ меня Адамъ со своею сестрой?

— Въ окрестности Ишля, отвѣчалъ Максъ,—по дорогѣ къ Зальцбургу, въ деревню Блумгартенъ, на родину матери, у которой еще есть тамъ родня. Бѣдные люди не могли долѣе оставаться въ Гаштейнѣ послѣ того несчастнаго вечера.... Ваше любезничанье не въ здѣшнихъ нравахъ.... Несчастливая дѣвушка дорого поплатилась за свою неосторожность.... Но вы клятвою обѣщали поправить все; смотрите же, помните...

— Не надо мнѣ напоминаній, воскликнулъ Красавинъ, — самое главное что вы открыли мнѣ убѣжище Луизы, я завтра же поѣду къ ней и покончу все....

— Пора! замѣтилъ на это Венгерецъ.—А между тѣмъ пора и мнѣ идти къ своимъ товарищамъ, да и вамъ къ своимъ....

Хотите, я провожу васъ до того мѣста откуда виденъ лугъ съ котораго вы пришли сюда?

— Пожалуста. Но зачѣмъ вы идете въ Италію?

— Учиться музыкѣ, коротко отрѣзавъ въ отвѣтъ спутникъ Красавина и замолчалъ.

Молодые люди скоро дошли до того самаго мѣста гдѣ горизонтъ, закрытый отъ нихъ дотолѣ сплошными стѣнами горъ, внезапно расширился. Предъ ними, почти у ногъ ихъ, засверкала изумрудная зелень луга подъ лучами полдневнаго солнца.

— Ну, прощайте теперь, сказалъ Венгерецъ.—Намъ предстоятъ разныя дороги: вамъ вотъ эта, примовилъ онъ, указывая внизъ на лугъ, — мягкая и усѣянная цвѣтами; мнѣ же туда!—онъ показалъ на горы, по которымъ вилась чуть замѣтная тропинка.—Темна и скалиста.... Всякому свой удѣлъ.

— Не могу ли чѣмъ-нибудь служить вамъ? поспѣшно спросилъ Красавинъ.

— Ваша служба въ семействѣ Фишеровъ, нахмурившись отвѣтилъ ему на это музыкантъ, — сдѣлайте Луизу счастливою, а я....

— Вы ее любите! воскликнулъ живо Красавинъ, взглянувъ ему въ глаза.

Лицо Венгерца мгновенно вспыхнуло яркимъ румянцемъ.

— Какое вамъ до этого дѣло? съ сердцемъ отвѣчалъ онъ. Вамъ достаточно знать что она любитъ васъ одного.... Прощайте, отрѣзавъ онъ, и судорожно пожавъ протянутую къ нему руку русскаго барича, быстро отвернулся и чрезъ нѣсколько минутъ, съ легкостью серны взбираясь со скалы на скалу, пропалъ изъ глазъ своего соперника. Красавинъ долго оставался недвижимъ на своемъ мѣстѣ: Онъ никакъ не могъ собраться съ мыслями. Въ первый разъ въ жизни что-то похожее на истинное религіозное чувство мелькнуло въ его душѣ, и онъ, до сихъ поръ, по примѣру своего почтеннаго батюшки, понимавшій вѣрованіе лишь съ его внѣшней обрядовой стороны, впервые преклонилъ колѣна съ горячею молитвою ко Всемогущему Богу за избавленіе его отъ смертельной опасности, грозившей ему когда онъ, сонный, лежалъ беззащитно во власти врага.... При этомъ онъ давалъ Творцу торжественную клятву жениться на Луизѣ.... Но какъ бы сдѣлать это и скорѣе и, по возможности, безъ огласки? Долго терпаясь онъ въ этихъ соображеніяхъ, наконецъ

порѣшилъ склонить Луизу вѣхать съ нимъ для вѣнчанья въ какой-нибудь отдаленный городъ, гдѣ есть греческая церковь, и въ которомъ онъ не рисковалъ бы встрѣтить на каждомъ шагѣ своихъ земляковъ и знакомыхъ, городъ какъ Триестъ на примѣръ; потомъ прожить съ ней года два, три гдѣ-нибудь въ уединенномъ уголкѣ Швейцаріи или Тироля. И наконецъ уже, по истеченіи этого срока, везти ее въ отечество и представить роднѣ. Посердятся, посердятся, да и примуть, думалъ онъ. Мало ли бывало такихъ примѣровъ въ свѣтѣ? Развѣ не случалось ему самому встрѣчать сіяющихъ и титулами, и брилліантами дамъ, которыхъ прошлое весьма, весьма темно.... и подаетъ поводъ скандалезной хроникѣ разказывать шепотомъ такіа вещи какихъ самый злой языкъ навѣрное не рѣшится сказать о Луизѣ. Конечно! онъ женится на ней!... Только для женитьбы и для всѣхъ имѣющихъ быть по этому случаю ближнихъ и дальнихъ путешествій прежде всего нужны деньги. А денегъ въ настоящую минуту въ наличности у него было, по его мнѣнію, мало. Онъ положилъ немедленно написать въ Россію о высылкѣ ему векселя на довольно большую сумму. Разсуждая съ собою такимъ образомъ, онъ незамѣтно очутился уже на лужайкѣ, въ виду хижины назначенной сборнымъ мѣстомъ.

— Красавинъ! Чтѣ съ вами? Гдѣ вы пропадали? раздалось около него вдругъ нѣсколько голосовъ, и въ то же время веселые друзья окружили его, только уже не съ ружьями, а со стаканами въ рукахъ....—Мы уже намѣревались разослать людей искать васъ. Чтѣ, вы много убили?

— Ничего! Все время самъ я лежалъ убитый сномъ! возразилъ шутиво Красавинъ.

Дружный хохотъ отвѣчалъ ему на это, и вся компанія шумно принялась за завтракъ....

XIX.

Вернувшись съ охоты домой, Красавинъ написалъ два письма: одно къ управляющему, съ приказаніемъ о высылкѣ денегъ, другое къ сестрѣ, подъ начальствомъ мужа которой онъ числился на службѣ, съ просьбой продлить ему отпускъ на неопредѣленное время. Въ случаѣ несогласія на это своего

начальника, онъ изъявлялъ намѣреніе подать въ отставку, но ни въ какомъ случаѣ не полагалъ возможнымъ вернуться въ Россію ранѣе двухъ, трехъ лѣтъ. Отправивъ въ тотъ же вечеръ эти письма, Красавинъ, усталый тѣлесно и душевно, легъ въ постель ранѣе обыкновеннаго и проспалъ всю ночь такимъ сномъ какого уже давно не зналъ. На другой день онъ всталъ бодрымъ и веселымъ, какъ вообще человѣкъ принявшій твердое рѣшеніе, которое, по его мнѣнію, должно, такъ или иначе, но окончательно устроить его судьбу. Первою его мыслию было отыскать убѣжище Луизы: это было не трудно, потому что старикъ Фишеръ не разъ упоминалъ своему русскому пріятелю названіе мѣстности откуда взята была имъ вторая его жена. Красавинъ не рѣшился, впрочемъ, ѣхать туда тотчасъ же. По зрѣломъ размышленію, онъ убѣдился въ необходимости явиться на этотъ разъ въ семейство Фишеровъ не иначе какъ женихомъ Луизы, съ формальнымъ требованіемъ у родителей руки ея; а это онъ не могъ позволить себѣ ранѣе чѣмъ придетъ отвѣтъ изъ Петербурга. Въ ожиданіи отвѣта, онъ снова сталъ утромъ пользоваться гаштейнскими ваннами, а по вечерамъ являться въ общество, собиравшемся, по случаю наставшей вдругъ дурной погоды, въ галлерей. Чаше прежняго сталъ посѣщать онъ семейство графа Дрейкирхена; его принимали тамъ съ видимымъ отащеніемъ, и онъ вскорѣ сдѣлался ежедневнымъ гостемъ въ этомъ домѣ. Тамъ, разумѣется, въ присутствіи его никогда не произносилось имя Фишеровъ; даже молодой графъ Отто, сперва часто подшучивавшій въ бесѣдахъ tête à tête съ Красавинымъ насчетъ отношеній пріятеля къ хорошенькой Нѣмочкѣ, замѣтивъ что эти шутки неприятны ему, вовсе прекратилъ ихъ, и дружба молодыхъ людей, повидимому, укрѣплялась день ото дня. Такъ однообразно протекала недѣля, за ней другая и третья. Въ теченіи этого времени гаштейнское водяное общество, видя Красавина постоянно съ Дрейкирхенами, единогласно порѣшило что онъ женится на молодой графинѣ. Эти сплетни не дошли до ушей самого Красавина, державшаго себя отъ остальнаго общества довольно далеко, но Дрейкирхены знали объ этомъ и, надо сказать, не особенно трудились опровергать эти слухи. Старая графиня показывала даже съ видимымъ удовольствіемъ свои старыя желтые зубы, что обозначало у ней довольноую улыбку, когда

любезные ея земляки многозначительно намекали ей что германское племя опять-таки одержало рѣшительную побѣду надъ славянскимъ въ лицѣ одной близко извѣстной ей особы и т. д. Въ душѣ своей старуха несомнѣнно вѣрила въ дочернюю побѣду, и чѣмъ далѣе откладывалась развязка, тѣмъ болѣе жаждала она насладиться торжествомъ. Богатый Красавинъ былъ въ ея глазахъ весьма приличная партія для графини Иды...

Въ концѣ третьей недѣли Красавину принесли письмо съ почты: оно было отъ управляющаго и заключало въ себѣ вексель на требуемую сумму. Отъ сестры не было никакого отвѣта; но Красавинъ не обратилъ на это обстоятельство особеннаго вниманія. Главное, деньги были въ его рукахъ. Въ тотъ же день онъ приказалъ своему камердинеру укладывать вещи и собираться въ дорогу, а самъ пошелъ дѣлать прощальные визиты. Дрейкирхены, братъ и сестра, казалось, были и удивлены, и раздосадованы его отъѣздомъ. Одна только старая графиня сохранила при прощаніи прежнее присутствіе духа. Она въ такой степени считала Русскаго добычей прелестей Иды что эта добыча, по ея мнѣнію, не могла никуда ускользнуть изъ столь прелестныхъ рукъ. Красавинъ, впрочемъ, прощаясь съ австрійскимъ семействомъ, объявилъ что отправляется на короткое время въ пѣшеходное путешествіе по Тиролю, а осенью обѣщалъ свидѣться съ ними въ Вѣнѣ. Что отложено то еще не потеряно, мысленно повторяла, прощаясь съ нимъ, семья, и Красавинъ, послѣ обильнаго завтрака у Дрейкирхеновъ, сѣлъ въ ожидавшую его почтовую карету и поѣхалъ по направленію къ Зальцбургу. Дорогой онъ мечталъ о томъ какъ представеть предъ Луизой, какъ обрадуется ея своимъ пріѣздомъ, какъ удивить родныхъ ея своимъ предложеніемъ.... Но, странное дѣло, въ то самое время когда душа его отдавалась страсти, какой-то недобрый духъ вѣялъ на него холодомъ сомнѣнія. Нежданно возникалъ въ немъ мучительный вопросъ: точно ли Луиза любить его такъ, какъ онъ надѣялся и какъ онъ въ правѣ требовать отъ нея, жертвуя ей такъ много (онъ глубоко былъ убѣжденъ что жертвовалъ ей главнѣйшими благами жизни). Эта мысль стала преслѣдовать его неотвязно, и страстный женихъ положилъ въ умѣ своемъ, прежде чѣмъ сдѣлать посаданій рѣшительный шагъ, испытать степень любви будущей своей

невѣсты. Это испытаніе должно было окончательно рѣшить судьбу его... Въ подобныхъ думахъ и мечтахъ, не замѣтивъ ни единого изъ прелестныхъ видовъ открывавшихся предъ нимъ на каждомъ шагѣ, доѣхалъ онъ до Зальцбурга. На другой день, отправивъ камердинера своего съ вещами въ Ишль, гдѣ велѣлъ ожидать себя черезъ нѣсколько дней, герой нашъ, вооруженный длинною съ желѣзнымъ наконечникомъ палкой и двуствольнымъ охотничьимъ ружьемъ, тронулся въ путь пѣшкомъ. Онъ пошелъ по дорогѣ къ Ишлю и къ закату солнца дошелъ до первой станціи, гдѣ въ деревенскомъ трактирѣ остановился на ночлегъ. Непривычная ходьба не только не утомила, но даже освѣжила его: онъ переживалъ новыя впечатлѣнія, испытывалъ новыя, невѣдомыя ему дотола ощущенія, любясь красотами природы, которыя рѣдко замѣчалъ до этой поры, спрашивая себя какъ это никогда ему не приходило въ голову путешествовать пѣшкомъ?...

XX.

Отлично выспавшись на мягкихъ пуховикахъ, какими снабжены всѣ, даже самыя бѣднѣйшіе, деревенскіе трактиры въ Тироль, Красавинъ на другой день, за завтракомъ, пустился съ прислуживавшимъ ему хозяномъ въ разговоры о томъ какія изъ сосѣднихъ мѣстъ наиболѣе изобилуютъ дичью, славятся мѣстоположеніемъ и т. п. Такимъ образомъ въ короткое время ему удалось изъ отвѣтовъ хозяина не только подробно узнать всю топографію окрестностей, но отчасти также и исторію ихъ, ибо словоохотливый трактирщикъ не преминулъ, отвѣтствуя на любознательные вопросы своего гостя, присоединить къ названію деревень краткую біографію и характеристику ихъ обитателей. Этимъ путемъ нашъ путешественникъ узналъ что до деревни Блюмгартенъ онъ могъ дойти легко въ какіе-нибудь полтора часа времени. Красавинъ едва могъ скрыть волненіе, причиненное ему этимъ извѣстіемъ. По окончаніи завтрака онъ объявилъ что останется, можетъ-быть, нѣсколько недѣль подъ вывѣской *Золотаго лебедя*, на что трактирщикъ отвѣчалъ только низкими поклонами и радостнымъ потираньемъ рукъ, такъ какъ тотчасъ же смекнулъ что жилецъ его принадлежитъ къ числу тѣхъ пѣшеходовъ съ которыхъ можно взять тѣ же деньги

что берутъ эти господа съ путешествующихъ въ экипажѣ четверикомъ. Пѣшеходъ нашъ между тѣмъ взялъ съ собою ружье, и предваривъ хозяевъ что едва ли вернется сегодня на ночлегъ, прямо пошелъ въ ту сторону гдѣ лежала деревня Блюмгартенъ. Было уже довольно поздно, и солнце закатывалось за гору, у подошвы которой расположена была деревня, когда онъ подходилъ туда. Сердце его сильно билось, но какъ ни влекли его чувства къ завѣтному дому, обитаемому столь дорогимъ для него существомъ, онъ сумѣлъ совладать съ собой и не пошелъ туда, а остался отдохнуть въ виду селенія, въ тѣни небольшой рощицы отдѣлявшей озеро отъ горы. Вокорѣ солнце сѣло, и взошла луна, полная и яркая. Красавицъ сидѣлъ задумчивый и молчаливый, опершись на ружье. Онъ все придумывалъ средства какъ бы дать знать о своемъ прибытіи Луизѣ, одной ей. Онъ хотѣлъ прожить въ этихъ мѣстахъ невѣдомый никѣмъ кромѣ своей возлюбленной. Такъ прошло часа два. Вдругъ послышались ему гдѣ-то вдали звуки музыки. Они видимо приближались къ нему, потому что становились все слышнѣе и слышнѣе. Наконецъ онъ ясно могъ различить народную мелодію вальса, одну изъ тѣхъ прелестныхъ тирольскихъ мелодій, которыя Ланнеръ сдѣлалъ популярными въ Европѣ. Но вотъ вмѣстѣ съ звуками музыки послышались и голоса, и топотъ танцующихъ. Скрытый въ чащѣ деревъ, осторожно раздвигая вѣтви, Красавицъ сталъ глядѣть на дорогу: по ней двигалась изъ деревни къ озеру цѣлая гурьба молодежи обоого пола, человѣка четыре доморощенныхъ музыкантовъ играли на различныхъ инструментахъ, остальные кружились предъ ними въ мѣрномъ темпѣ стариннаго нѣмецкаго вальса. Красавицъ жадно вглядывался въ черты танцующихъ. Вскорѣ въ веселой толпѣ ихъ онъ могъ узнать при яркомъ свѣтѣ луны юный обликъ Адама.... Позади всѣхъ и какъ бы безучастный къ общему увлеченію, двигался медленно четъ-то стройный женскій образъ. Боже мой, это она! Голова закружилась у Красавина. Ему хотѣлось остановить Луизу, сказать ей слово, или хоть знакъ ей подать какой-нибудь.... Но все это было невозможно, онъ былъ бы замѣченъ не одною ею, а онъ слишкомъ хорошо помнилъ Гаштейнъ и послѣдствія встрѣчи своей съ Луизой на фейерверкѣ.... Наконецъ вся компанія остановилась у самой опушки лѣса скрывавшаго нашего героя, на площадкѣ между озеромъ и горою. Отдохнувъ немного,

музыканты настроили свои инструменты и заиграли новый вальсъ: начались танцы. Но Луиза не танцевала и теперь. Она перемолвила нѣсколько словъ съ братомъ, съ кѣмъ-то изъ подругъ и,—о чудо! Красавинъ не вѣрилъ глазамъ своимъ,—тихо пошла одна-одинехонька въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ притаившись ея милый. Скоро увидѣлъ онъ что она держала въ рукахъ букетъ душистыхъ фіалокъ и, тихо подвигаясь, пригибалась къ землѣ, срывая лиловые цвѣты, едва замѣтные въ травѣ при мѣсячномъ сіяніи. Тонкій запахъ Луизина букета доносился уже до Красавина. Онъ могъ кликнуть ее, она бы услышала, но онъ боялся испугать ее, боялся также быть замѣченнымъ другими. Онъ выдернулъ листокъ изъ своей записной книжки, и тутъ же написалъ на немъ синимъ карандашомъ: „Я здѣсь, но боюсь „опять повредить тебѣ. Если хочешь доказать что любишь „меня, приходи въ полночь на это самое мѣсто. Жду тебя. К.“ Свернувъ бумагу въ трубочку, онъ поползъ между кустами на встрѣчу къ Луизѣ и въ минуту, когда она еще разъ нагибалась за фіалкой къ землѣ, довольно удачно подкинулъ ей записку почти подъ самыя руки. Она замѣтила ее и инстинктивно подняла голову. Лицо Красавина приподнялось надъ кустомъ, съ пальцемъ приложеннымъ къ губамъ, и тутъ же исчезло. Бѣдная дѣвушка едва успѣла удержать крикъ, просившійся изъ ея взволнованной груди, подняла записку, отгадала скорѣе чѣмъ прочла ея содержаніе при блѣдномъ свѣтѣ луны, и въ порывѣ невыразимой радости чуть не побѣжала сообщить о ней Адаму. Но размышленіе остановило ее; тѣмъ же тихимъ шагомъ повернулась Луиза и пошла назадъ къ своей компаніи. Она шла молчаливо поодаль отъ плясавшихъ и, когда кончились танцы, вернулась вмѣстѣ съ подругами домой, не раздѣляя ихъ хохота и пѣсенъ. Въ полночь, когда мать и братъ Луизы уже спали крѣпкимъ сномъ, дѣвушка скользнула изъ дверей своей комнаты и чрезъ нѣсколько минутъ была въ объятіяхъ Красавина.

XXI.

Со слезами разказала она ему, бѣдняжка, сколько горя причинило имъ всѣмъ его поведеніе въ Гаштейнѣ, какъ самъ Адамъ, до тѣхъ поръ всюю душою преданный ему, разочаровался въ немъ вслѣдствіе ихъ послѣдняго разставанія и

считаетъ теперь его пустымъ и избалованнымъ свѣтскимъ обманщикомъ.

— Я напередъ былъ увѣренъ въ этомъ, отвѣтилъ на это Красавинъ,—вотъ почему я такъ и просилъ тебя ничего не говорить Адаму; онъ навѣрное воспрепятствовалъ бы нашему свиданію. Я не виноватъ предъ нимъ, продолжалъ онъ,— не виноватъ предъ тобою, кланусь тебѣ! Я не понимаю изъ-за чего вы, изъ-за какихъ пустыхъ сплетенъ оставили тогда вдругъ Гаштейнъ, за что разгнѣвался на меня твой братъ. Можетъ-быть я и дѣйствительно, раздосадованный тогда всѣмъ что около меня происходило, наконецъ болѣзненно моей, оскорбилъ Адама какимъ-нибудь словомъ, неприличною выходкой, все это я допускаю.... Но гдѣ же послѣ этого дружба, если нѣтъ снисхожденія къ минутной вспышкѣ, къ слабостямъ друга! А ты, мой ангелъ, могла ли хоть единое мгновеніе сомнѣваться во мнѣ, сомнѣваться въ томъ что счастливейшею минутой моей жизни будетъ та, когда я назову тебя моею женой, моею подругой навѣки!...

И онъ покрывалъ ее страстными поцѣлуями и расточалъ ей, трепетный отъ восторга, безконечныя клятвы и ласки. Луиза отвѣчала на нихъ краснѣя и безпрестанно пряча на его груди свое пылающее лицо. Она передала ему между прочимъ что старый Флоріанъ ничего не знаетъ о размовкѣ своей семьи съ ея русскимъ покровителемъ, какъ привыкъ онъ называть Красавина; что они положили не писать ему объ этомъ, хотя и уведомили о выгнѣдъ своемъ изъ Гаштейна, но объясняя это тамошнею дороговизной. Здѣсь, говорила Луиза, они живутъ довольно спокойно у родни, въ кругу добродушныхъ и расположенныхъ къ нимъ поселенъ, и ждутъ чрезъ недѣлю прибытія изъ Вѣны старика-отца, которому намѣрены объявить, какъ можно осторожно, о всемъ что происходило въ его отсутствіе.

— Я самъ объявлю ему, но не ту грустную вѣсть какую вы почему-то собирались передавать ему, а другую, которая осчастливитъ и его, и всѣхъ насъ, но въ особенности меня и тебя.

Луиза еще разъ прижалась къ его груди. Счастію ея не было мѣры. А онъ все крѣпче и крѣпче обвивалъ ее горячими руками и жгучими поцѣлуями замыкалъ ей уста.... Онъ говорилъ ей что-то; она не слушала словъ, она внимала лишь звукамъ этого сладостнаго ей голоса. Бѣдная Луиза!

Знала ли она, понимала ли что говорило и пылало въ ней самой?....

Уже на зарѣ проводилъ Красавинъ Луизу до дому. Она была печальна и убита; спутникъ ея весель и бодръ. Она вошла въ домъ такъ же тихо и скрытно, какъ нѣсколько часовъ тому назадъ вышла оттуда. Красавинъ не пошелъ спать. Онъ отправился прямо по окрестнымъ горамъ на охоту. Успѣхъ сопровождалъ его и здѣсь: солнце едва успѣло взойти, какъ онъ уже убилъ большую серну. Почти изнемогая подъ бременемъ добычи, пришелъ нашъ охотникъ въ гостиницу прямо къ завтраку. Хозяева встрѣтили его поздравленіями и безконечными похвалами его ловкости. Онъ выслушалъ ихъ молча, гордый и счастливый.... Утоливъ свой аппетитъ. Красавинъ разлегся съ необыкновеннымъ удовольствіемъ на мягкихъ пуховикахъ своей постели и проспалъ отличнѣйшимъ сномъ до самаго вечера. Очень поздно отобѣдавъ, онъ, почти уже на закатѣ, опять отправился въ путь, сказавъ что проведетъ ночь въ горахъ. На самомъ дѣлѣ онъ провелъ ее опять надъ озеромъ, на томъ же самомъ мѣстѣ, съ Луизой. Но утренняя за тѣмъ охота не удалась ему; онъ не принесъ домой ничего. Такъ протекала однообразно, день за-день, цѣлая недѣля. Луиза смотрѣла на своего жениха какъ на полнаго своего владетелина и въ безпредѣльной любви къ нему подавала все свое блаженство. Самъ Красавинъ казалось, растаялъ и расцвѣлъ душой.... Черезъ недѣлю послѣ первой, роковой ихъ встрѣчи, Луиза извѣстила своего возлюбленнаго что отецъ ея долженъ пріѣхать къ нимъ изъ Вѣны не позже какъ дня черезъ два. Вслѣдствіе этого извѣстія, Красавинъ немедленно написалъ къ старику Фишеру письмо, адресовавъ его въ деревню Блумгартенъ и надписавъ на адресѣ что семейство Флоріана Фишера, въ случаѣ отсутствія послѣдняго, уполномочивается распечатать и прочитать письмо и сообщить отцу о его содержаніи. Письмо это Красавинъ послалъ на ближнюю почтовую станцію, поручивъ посыланному сказать что оно вручено ему однимъ проезжающимъ господиномъ. Вслѣдъ за этимъ самъ онъ въ тотъ же день отправился въ Ипль.

XXII.

Не успѣвъ Флоріанъ Фишеръ шагнуть чрезъ порогъ дома занимаемаго въ деревнѣ Блюмгартенъ его семьей, какъ уже вся она обступила его, съ привѣтственными ласками и съ распечатаннымъ письмомъ.... Дѣти цѣловали его, повторяя „папенька! какое счастье!“ Счастливая [мать могла только промолвить:

— Другъ мой! Хоть на старости лѣтъ Богъ утѣшилъ насъ!

Старикъ долго ничего не могъ понять.... Наконецъ, когда онъ вошелъ въ комнату и усѣлся въ старинное кресло, Адамъ подалъ ему съ торжествующимъ видомъ письмо и по приказанію отца прочелъ вслухъ слѣдующее:

„Господину Флоріану Готлибу Фишеру и пр. и пр.

„Милостивый государь!

„Счастливымъ случаемъ познакомившись съ вашимъ сыномъ и введенный имъ въ ваше почтенное семейство, я въ первое же свиданіе плѣнился красотой вашей дочери Луизы и оцѣнилъ ея превосходныя душевныя качества. Въ послѣдующее за тѣмъ время она только усилила это первое впечатлѣніе и окончателно утвердила мое высокое мнѣніе о ней. Будучи, какъ вамъ извѣстно, вполне независимымъ по состоянію и по семейнымъ отношеніямъ, я вполне властенъ избрать себѣ подругу жизни по влеченію сердца. И сердце мое, и разумокъ равно избрали Луизу, которой руки и прошу у васъ настоящимъ письмомъ, прося покорнѣйше сообщить о рѣшеніи вашемъ мнѣ въ Ишалъ.

„Вашъ покорнѣйшій слуга.

„Н. Красавинъ.“

За чтеніемъ письма послѣдовали нескончаемые разказы о томъ что происходило послѣ отъѣзда старика изъ Гаштейна: какъ тѣсныя отношенія семейства его съ Красавинымъ подали поводъ къ двусмысленнымъ толкамъ въ обществѣ; какъ наконецъ самыя эти толки способствовали скорбѣшему чѣмъ предполагалось въ началѣ выѣзду Фишеровъ изъ Гаштейна, и тому что Адамъ развѣхался съ пріятелемъ. Последнее обстоятельство передано было Адамомъ только слегка, со всевозможною осторожностью, во избѣжаніе со стороны отца упрековъ въ неблагодарности, о которой онъ всегда твердилъ дѣтямъ какъ о величайшемъ порокѣ. Луиза

во все время этихъ разговоровъ хранила стыдливое молчаніе; но потупленные глаза ея, полные слезъ, краснорѣчивѣе всякихъ словъ говорили о чувствахъ волновавшихъ ея душу. Старикъ Фишеръ прежде всего освѣдомился о томъ, оказывали ли его семейству какое-нибудь вниманіе графъ и графиня Дрейкирхенъ? Узнавъ что они часто видались и, по видимому, подружались съ Красавинымъ, но къ Адаму были очень холодны, онъ крайне огорчился, приписавъ эту холодность вліянію тѣхъ дурныхъ слуховъ о которыхъ передавала ему его семья. Первою заботой для него стало теперь омыть честь своего семейства предъ тѣми кому онъ считалъ себя вѣчно обязаннымъ и кого онъ такъ желалъ сдѣлать участниками и свидѣтелями своего семейнаго торжества. На другой же день, едва отдохнувъ отъ дороги, старикъ Фишеръ, съ письмомъ Красавина въ карманѣ, отправился въ Гаштейнъ, откуда и намѣренъ былъ написать отвѣтъ, разумеется благопріятный, Красавину. Веселый и постоянно въ мысляхъ своихъ благодарящій Бога, прибылъ старикъ въ Гаштейнъ къ вечеру и тотчасъ же побѣжалъ въ домъ, гдѣ имѣли помѣщеніе Дрейкирхены. Велѣвъ доложить о себѣ, онъ былъ послѣ нѣсколькихъ минутъ ожиданія принятъ старою графиней, которая знала его еще въ замкѣ покойнаго своего свекра и съ тѣхъ поръ принимала всегда ласково, хотя и свысока, чѣмъ нисколько не обижался добродушный Тиролецъ. На этотъ разъ тонъ графини совершенно перемѣнился, она встрѣтила своего protégé весьма строго и такими словами.

— Послушайте, мой милый! Я приняла васъ сегодня, потому что привыкла считать васъ, еще по завѣщанію покойнаго батюшки, какъ бы питомцемъ нашего дома. Но мнѣ кажется, что свиданіе наше будетъ послѣднимъ. Недавнія обстоятельства показали мнѣ сколь недостойны вы и семейство ваше нашей протекціи....

— Какъ такъ? Чѣмъ? Почему? Объяснитесь подробнѣе, ваше сіятельство, вскричалъ глубоко обиженный старикъ. Онъ дѣйствительно не вполне понималъ смыслъ словъ графини, хотя и предугадывалъ на чтò она мѣтить.

— А тѣмъ какую роль ваша дочь и вѣроятно не безъ вѣдома вашего, играла здѣсь въ отношеніи къ одному завѣжемому русскому дворянину.... Ему, конечно, какъ молодому человеку, простительно было искать забавы... Только я не

желала бы чтобъ этою забавой служила ему дочь человѣка, который былъ облагодѣтельствованъ нами именно потому что мы разумѣли въ немъ до сихъ поръ человѣка честнаго.

— Онъ все тотъ же графиня!... И дочь, и сынъ, и жена моя тоже честные люди!... Мы не навязывались на знакомство съ русскимъ господиномъ, онъ самъ привязался къ намъ, и я смѣю увѣрить васъ что привязанность его имѣеть вовсе не тотъ характеръ какой вы почему-то придаете ей!... Вотъ прочтите-ка лучше какъ онъ самъ говоритъ объ этомъ.

И весь зардѣвшійся гнѣвомъ, старикъ почти кинулъ письмо Красавина графинѣ.... Она раздражилась не менѣе его тономъ и дерзкимъ движеніемъ, котораго она никакъ не могла ожидать отъ такого маленькаго и до сихъ поръ такого покорнаго ей человѣка, но любопытство взяло верхъ надъ всякимъ другимъ чувствомъ.

— Чтѣ за письмо? дайте-ка его сюда! сказала она, какъ бы ничего не замѣтивъ.

Старый Тиролецъ, успѣвшій тѣмъ временемъ придти въ себя, взялъ письмо со стола и подаль графинѣ, поцѣловавъ ее протянутую руку. Какъ и всѣ свѣтскіе люди, графиня умѣла владѣть собой; въ настоящемъ случаѣ искусство это пригодилось ей. Она рѣшительно не знала чтѣ подумать, читая это письмо: сомнѣваться въ подлинности его было однако невозможно, ей былъ извѣстенъ почеркъ Красавина; къ тому же на письмѣ была его фамильная печать.

— Ну, чтѣ же, поздравляю васъ, сказала она какъ бы машинально Фишеру, и даже тщицалась показать ему въ эту минуту свои желтые зубы, между тѣмъ какъ страшная буря подымалась у нея на сердце: оскорбленная гордость, зависть, гнѣвъ, все это разомъ закипѣло и заговорило тамъ!—Поздравляю! Поздравляю васъ! по нѣкоторомъ молчаніи еще разъ проговорила графиня.

— Видите ли, я говорилъ вамъ, съ восторгомъ заговорилъ въ свою очередь старикъ, — что дочь моя не такаа какъ вы думали о ней: еслибъ она чуть-чуть вела себя иначе чѣмъ надежить честной и, смѣю сказать, добродѣтельной дѣвицѣ, никогда бы не удостоилась она такого счастья.

— Кто знаетъ! Въ свѣтѣ бывають иной разъ странныя дѣла! отвѣтила на это графиня, и не договорила своей мысли. Потомъ, какъ бы озаренная новою мыслію: — Постоите-ка,

сказала она, указывая на письмо: — еще надо хорошенько подумать. Не кроется ли тутъ какого обмана?...

— Какъ обмана! Развѣ такіе большіе господа, такіе аристократы какъ этотъ Русскій, все равно что сіятельнѣйшіе графы Дрейкирхены, способны на обманъ? Да послѣ этого кому же можно было бы повѣрить?

— Да, оно такъ, оно конечно!... Вы правы. Я вѣдь это сказала такъ, единственно изъ участія принимаемаго мною въ вашемъ семействѣ.... Однако, знаете ли что, оставьте-ка это письмо покуда у меня, я покажу его моимъ дѣтямъ: мы всѣ вмѣстѣ подумаемъ и посоветуемъ вамъ что на это отвѣчать. Добродушный Фишеръ былъ какъ нельзя болѣе доволенъ этимъ предложеніемъ графини, сдѣлавшейся съ нимъ вдругъ необыкновенно ласковою и, по ея приглашенію, остался у нея пить чай. Къ чаю пришли ея дѣти. Графиня что-то долго говорила съ ними по-французски и отпустила своего гостя, увѣряя его въ участіи своемъ къ его семейству; но письмо Красавина оставила у себя.

XXIII.

Черезъ часъ послѣ того компанія молодыхъ людей изъ фешіонебельнаго гаштейнскаго общества выслушивала отъ молодаго графа Дрейкирхена новую еще для нихъ вѣсть о томъ что русскій богачъ фонъ-Красавинъ женится на содержанкѣ своей, дочери вѣнскаго почталіона Фишера. На утро вѣсть эта разнеслась по всему Гаштейну. Въ этотъ же самый вечеръ прибыла изъ Зальцбурга небольшая почтовая карета и остановилась у подъѣзда гостиницы Штраубингена. Изъ кареты вышла дама, довольно молодая, въ простомъ, но изящномъ костюмѣ; за ней другая, неопредѣленныхъ лѣтъ и неопредѣленнаго званія, не то горничная, не то компаніонка. Дамы заняли лучшій номеръ гостиницы, и призвавъ къ себѣ кельнера, немедленно стали съ большимъ любопытствомъ освѣдомляться о русскомъ путешественникѣ Красавинѣ. Кельнеръ сообщилъ имъ что г. Красавинъ уѣхалъ нѣсколько дней тому назадъ изъ Гаштейна въ добромъ здоровьи, стоялъ не у Штраубингена, а въ особомъ домѣ, но часто ходилъ въ гостиницу кушать или играть на билліардѣ въ компанію

пріятелей, изъ коихъ австрійскій офицеръ графъ Дрейкурхенъ и теперь еще у нихъ внизу,

— Такъ, пожалуйста, попросите его сейчасъ ко мнѣ, вотъ моя карточка.

Кельнеръ удалился и, выйдя въ корридоръ, взглянулъ на карточку: тамъ подъ княжескимъ гербомъ читалось: *Princesse de Kromoff née Krassavine*. Кельнеръ преисполнился благоговѣніемъ и со всѣхъ ногъ полетѣлъ внизъ исполнять порученіе ея сіятельства. Ея же сіятельство, оставшись вдвоемъ съ компаніонкой, обратилась къ ней съ сѣдующею рѣчью:

— Мина Ивановна! Чтѣ это значитъ? Я ничего покуда не понимаю въ этой мистификаціи; братъ пишетъ мнѣ что онъ вслѣдствіе болѣзни своей продолжить пребываніе свое за границей, а здѣсь вдругъ я слышу что онъ совсѣмъ здоровъ....

— А чтѣ я могу тутъ знать? *Was kann ich doch wissen!* отвѣтила не менѣе удивленная Нѣмка, и принялась приводить въ порядокъ разбросанныя по комнатахъ дорожныя вещи.

Княгиня между тѣмъ погрузилась въ глубокую задумчивость. Она думала о братѣ. Получивъ отъ него извѣстное нашимъ читателямъ письмо о продолженіи ему отпуска, она вполне повѣрила его болѣзни, повѣрила и испугалась. Не дай Богъ, братъ ея умретъ за границей не сдѣлавъ завѣщанія, и громадное состояніе его, на законномъ основаніи, перейдетъ его старшему брату. А княгиня почему-то давно уже привыкла считать наследниками Кокочки своихъ дѣтей. Вслѣдствіе такихъ соображеній, она тотчасъ же собралась на свиданіе съ Кокочкой... То чтѣ она узнала теперь отъ кельнера весьма озадачило ее. Главное, ее смущало то что братъ не предупредилъ ея куда именно онъ намѣренъ былъ поѣхать изъ Гаштейна. Въ этихъ размышленіяхъ засталъ ее приходъ молодаго графа Дрейкурхена. Едва завидѣвъ его, княгиня привстала съ дивана, ласково протянула ему руку, и усадивъ его подлѣ себя, тотчасъ же, послѣ первыхъ привѣтствій, обратилась къ нему съ просьбой, во имя чести и всего святаго, разказать все чтѣ онъ зналъ о ея братѣ. Дрейкурхенъ готовъ былъ сдѣлать это и безъ всякихъ просьбъ. Разказъ его полился обильнымъ потокомъ. Но когда очередь дошла до женитьбы Красавина, которую графъ не преминулъ представить въ самомъ каррикатурномъ видѣ, собесѣдница прервала его восклицаніемъ:

— Не можетъ быть чтобы братъ способенъ былъ рѣшиться на такую глупость...

— Я смѣю надѣяться, сказалъ на это, лукаво улыбаясь, графъ,—что дружба моя къ вашему братцу даетъ мнѣ право на нѣкоторое довѣріе съ вашей стороны....

— О, да! Я вѣрю вамъ, отвѣчала княгиня,—но то что вы сейчасъ сообщили мнѣ поразило меня до того что я... я....

Княгиня внезапно залилась слезами.

— Можетъ-быть, еще есть средство помочь вашему горю, сказалъ Дрейкурхенъ, съ большимъ участіемъ, повидимому, внимавшій словамъ княгини.—Вы, вѣроятно, еще можете уговорить вашего брата. Не угодно ли, я сейчасъ пришлю вамъ письмо его къ будущему тестю?

— Ахъ! ради Бога пришлите, спасите насъ! сказала княгиня.

Графъ всталъ и, уходя, объяснилъ какимъ образомъ письмо Красавина попало въ руки его матери. Черезъ полчаса этотъ интересный документъ перешелъ во власть княгини Кромовой.

На другое утро она поѣхала съ визитомъ къ графинѣ Дрейкурхенъ. Со слезами благодарила она старуху за услугу оказанную ей вчера молодымъ графомъ.... Кто бы увидалъ этихъ двухъ дамъ, сидѣвшихъ рядомъ и то и дѣло пожимавшихъ другъ другу руки съ видомъ величайшей интимности, никакъ бы, конечно, не повѣрилъ что онѣ видятся въ первый разъ: такъ быстро общіе и, прибавимъ кстату, корыстные интересы сближаютъ между собою людей. Княгиня совѣщалась съ графиней о томъ какъ бы разстроить свадьбу своего брата. Графиня отъ души помогала ей въ этомъ дѣлѣ совѣтами, преслѣдуя при этомъ свою личную цѣль. Во всякомъ случаѣ, думала она, княгиня захочетъ лучше видѣть своего брата женатымъ на дочери графа Дрейкурхена чѣмъ на дочери вѣнскаго почталіона. Къ тому же чувство благодарности обяжетъ ее искать союза съ нами. А оставить Красавина послѣ этой исторіи неженатымъ нельзя, никакъ нельзя.... Бѣдная графиня, несмотря на свою многолѣтнюю опытность, жестоко ошибалась въ настоящемъ случаѣ. Княгиня вовсе не желала видѣть своего Кокочку женатымъ на комъ бы то ни было: мечта ея была оставить его холостымъ, усыновившимъ [ея дѣтей за неимѣніемъ собственныхъ. Какъ бы то ни было, обѣ дамы разстались совершенными друзьями. Черезъ часъ послѣ этого свиданія, графиня доложили о приходѣ старика Фишера: она не приняла его. Старикъ опять пришелъ вечеромъ. Графиня выслала сказать ему чрезъ челоуѣка чтобъ онъ побывалъ въ

гостиницѣ Штраубингена у прїѣзжей русской дамы. Ничего не понимая, старикъ однакоже повиновался; внутреннее чувство говорило ему что прїѣздъ этой дамы, соотечественницы Красавина, въ связи съ его дѣломъ. Но въ гостиницѣ ему сказали что прїѣзжая русская дама съ большою поспѣшностію уѣхала нѣсколько часовъ тому назадъ и теперь уже должна быть въ Ишаѣ.... При словѣ „Ишаѣ“ Фишеръ поблѣднѣлъ. Онъ попросилъ позволенія присѣсть, выпилъ стаканъ холодной воды и спросилъ кельнера, не знаетъ ли онъ чего-либо еще объ этой путешественницѣ.

— Это сестра извѣстнаго русскаго богача барона Красавина, еще недавно бывшаго здѣсь на водахъ, объяснили ему.— Она ищетъ своего брата, котораго, говорятъ, окрутила какая-то мамзель, изъ ловкихъ, должно-быть!

Кельнеръ при этомъ ослабился и ухорски подмигнулъ глазомъ Фишеру. Старикъ опрометью побѣжалъ изъ гостиницы къ графинѣ Дрейкхенъ.

Та и на этотъ разъ не приняла его, но молодой графъ вышелъ къ нему въ переднюю и внушительно сказалъ ему.

— Матушка не хочетъ и не можетъ васъ видѣть, но она велѣла мнѣ посоветовать вамъ немедленно отправиться домой къ вашей семьѣ и жить смирно и честно, оставивъ въ сторонѣ всякіе честолюбивые замыслы. Подъ этимъ только условіемъ вы можете рассчитывать вновь на нашу протекцію.

Графъ сухо поклонился Флоріану и ушелъ въ комнаты.

XXIV.

Словно повязка упала съ умственныхъ очей старика Фишера. Тутъ только понялъ онъ что отношенія его къ семейству графовъ Дрейкхеновъ были въ дѣйствительности вовсе не таковы какими онъ почиталъ ихъ до сихъ поръ. Предъ нимъ вдругъ раскрылась вся глубокая пропасть которая раздѣляла его, плебея, отъ этихъ надменныхъ аристократовъ. Одною насмѣшкой и презрѣніемъ отвѣчали они на его слѣпое къ нимъ довѣріе. Но кто знаетъ теперь, не насмѣшка ли была и самое письмо этого русскаго барина, этого прїятеля Дрейкхеновъ? Можетъ ли онъ дѣйствительно желать жениться на Луизѣ, на дочери его, Фишера, котораго сейчасъ только что не прогнали его

покровители"? Не есть ли это опять обманъ, безжалостный, безошадный обманъ?... Склонилъ свою сѣдую голову старый Тиролецъ подъ ношею неожиданной скорби, зашелъ за своимъ дорожнымъ мѣшкомъ и, несмотря на поздній часъ, отправился въ деревню Блумгартенъ. Онъ шелъ быстро и не отдыхая почти цѣлую ночь. На разсвѣтъ благовонный горный воздухъ нѣсколько освѣжилъ его взволнованную кровь и сталъ клонить ко сну. Путникъ свернулъ въ сторону отъ дороги, положилъ свой мѣшокъ на мягкую траву подъ кустикъ, и кое-какъ отдохнувъ тамъ съ часъ времени, снова пустился въ путь и еще до заката солнца пришелъ въ Блумгартенъ. Дѣтей онъ не засталъ дома: былъ праздничный день, они ушли въ лѣсъ съ деревенскою молодежью. Жена принесла ему хлѣба, вина; онъ ни словомъ не обмѣнялся съ ней, велѣлъ только приготовить себѣ скорѣе постель въ верхней горницѣ. Закусивъ и осушивъ почти залпомъ бутылку, старикъ удалился на верхъ, запретивъ будить себя до слѣдующаго утра и пускать кого бы то ни было. Скоро вернулись дѣти, нашли мать встревоженною и сами встревожились ея разказомъ о необычномъ поведеніи отца. Долго не спали всѣ въ домѣ, долго горѣла свѣча въ горнѣхъ Флоріана, куда никто не смѣлъ войти. Старикъ долго лежалъ распростертый на землѣ предъ деревяннымъ рѣзнымъ Распятіемъ, когда-то принадлежавшимъ его матери. Въ этой продолжительной молитвѣ онъ обрѣлъ и спокойствіе, и желанную рѣшимость. Сонъ его былъ крѣпокъ и безмятеженъ. Утромъ онъ сошелъ внизъ, поздоровался съ женой и дѣтьми (они поняли по одному его строгому виду что не слѣдуетъ обращаться къ нему съ вопросомъ), и потребовавъ бумаги и перо, сѣлъ писать. Когда письмо было готово, онъ позвалъ всю семью, и сказавъ ей: „вотъ мой отвѣтъ г. Красавину на предложеніе его Луизѣ“,—прочелъ слѣдующее:

„Высокопочтеннѣйшій господинъ баронъ!

„Письмо ваше отъ 20-го іюля сего года я имѣлъ удовольствіе получить. Дѣло, о которомъ вы изволите говорить въ немъ, представляетъ такую важность, что я не могу рѣшить его, предварительно не переговоривъ съ вами лично. Поэтому, если это действительно такъ интересуетъ васъ, какъ вы пишете, то не угодно ли вамъ самимъ пожаловать въ деревню Блумгартенъ, въ Зальцбургскомъ округѣ, гдѣ я теперь имѣю пребываніе съ моимъ семействомъ. Буду ожидать васъ

три дня, а если вы, Боже избави, нездоровы или почему-либо не можете прѣхать теперь, и предупредите меня о томъ, то даже дѣлюю недѣлю. За тѣмъ обязанности мои призываютъ меня въ Вѣну. Съ величайшимъ почтеніемъ остаюсь вашъ покорный слуга

„Флоріанъ Фишеръ.“

— Это для того, сказалъ Фишеръ, обращаясь къ женѣ,—чтобы все покончить разомъ: хочеть Русскій жениться на Луизѣ—пусть здѣсь же, у насъ, и подпишетъ свадебный контрактъ. А давать ему предварительное согласіе на письмо я нахожу неудобнымъ. Кто его знаетъ, можетъ-быть, онъ еще хочеть просто одурочить насъ; аристократы любятъ иногда подшутить надъ нами, бѣдными людьми. Ты, Адамъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ сыну, — запечатай это письмо, напиши адресъ и снеси сейчасъ же на почту. А за тѣмъ, строго сказалъ онъ, возвысивъ голосъ и обращаясь разомъ къ женѣ и дѣтямъ,—запрещаю всѣмъ вамъ произносить при мнѣ имя г. Красавина, говорить о свадьбѣ Луизы, и вообще припоминать все что было.

Сказавъ это, онъ быстро вышелъ вонъ.

XXV.

Другаго рода сцена происходила въ это самое время въ Ишлѣ. Прѣхавъ туда поздно ночью, княгиня Кромова остановилась въ гостиницѣ „Золотаго Льва“, гдѣ, къ величайшему своему удовольствію нашла столь жадно отыскиваемого брата. Узнавъ что онъ уже спитъ, она не приказала будить его, но велѣла поутру поднять себя какъ только тотъ встанеть. Злополучный Красавинъ, въ свою очередь, былъ столько же обрадованъ, сколько удивленъ внезапнымъ прѣездомъ сестры. Первое свиданіе ихъ было драматично въ полномъ смыслѣ слова. Съ княгиней сдѣлалась истерика. Надо было приводить ее въ чувство съ помощію гофманскихъ капель и другихъ снадобій. Едва опомнившись, она немедленно вступила въ объясненіе съ братомъ.

— Что ты дѣлаешь, Кoko? спросила она вдругъ, устремивъ на него пронизательные глаза свои, которыхъ онъ съ дѣтства еще почему-то привыкъ бояться.—Что ты дѣлаешь?

Зачѣмъ приводишь ты всѣхъ насъ въ отчаяніе и тревожишь въ могилѣ прахъ отца?

— Какъ это? Чѣмъ!? спросилъ удивленный Коко.

— Ты еще спрашиваешь! Это безумство твое, эта невозможная женитьба предполагаемая тобою....

— Ты почему объ этомъ знаешь? перебилъ ее братъ, покраснѣвъ до ушей.

— Какъ же не знать мнѣ, которая любитъ тебя какъ родная мать и слѣдитъ за всѣми твоими поступками! Какъ не знать мнѣ, когда ты ославилъ себя на цѣлый свѣтъ однимъ этимъ милымъ твоимъ намѣреніемъ, когда ты сдѣлался теперь притчей во языцѣхъ! примолвила она, и злобно засмѣялась.

Красавина покорило. Хорошо знала его сестра, какое внушеніе не могло бы такъ глубоко повліять на него, какъ то что свѣтъ знаетъ о его намѣреніи и смѣется надъ нимъ.

— Ну, объ этотъ когда-нибудь послѣ, сказалъ онъ,—а ты окажи лучше чтò привело тебя сюда.

— Письмо твое, въ которомъ ты писалъ о твоей болѣзни. Я бросила мужа, дѣтей, поскакала ходить за тобой, моимъ любимымъ дитятей. Приѣзжаю въ Гаштейнъ.... узнаю что ты, слава Богу, теперь здоровъ, но затѣвалъ такую штуку, на которую способенъ лишь сумашедшій.... А я безъ ума безъ памяти скакала день и ночь, не щадя себя, говорила княгиня, заливаясь слезами.

— Милая сестра! могъ только промолвить на это Красавинъ, дѣлуя ея руки:—прости меня. Но мнѣ и въ голову не приходило чтобы ты изъ-за письма моего могла рѣшиться ѣхать....

— Не оно, дѣйствительно, не письмо твое привело меня сюда, возразила княгиня,—а само Провидѣніе, которое располагаетъ всею жизнью человѣческою и направляетъ все ко благу. Оно послало меня сюда для твоего счастья, и отъ тебя зависитъ только не противиться святой Его волѣ, а слѣпо повиноваться ей.

— Но чтò же я долженъ дѣлать? спросилъ Красавинъ. Рѣшительный и торжественный тонъ его сестры привелъ его какъ бы въ трепеть.

— Бросить эту глупую связь, покинуть навсегда недѣльную мысль о женитьбѣ и ѣхать вмѣстѣ со мной подальше

отъ этихъ проклятыхъ мѣсть, гдѣ ты подвергнутъ былъ такому искушенію, сказала еще грознѣе княгиня, и вставъ съ своего мѣста, выпрямилась и взглянула брату прямо въ глаза, какъ бы желая магнетизмомъ своего взгляда покорить его своей волѣ. Онъ понурилъ голову. Его дрянненькая натура не выдержала. Спасоваль нашъ баловень.

— Да какъ же мнѣ быть! я не могу отказаться теперь, я написалъ письмо (въ которомъ рѣшительно прошу руки Лу... этой дѣвушки. Это письмо связываетъ меня....

— Вотъ оно! сказала съ торжествующимъ видомъ княгиня, подавая брату писанный его рукою почтовый листъ. Онъ взялъ его съ растеряннымъ видомъ: какъ достался онъ княгинѣ, Красавинѣ спросить не посмѣлъ. Долго большими шагами ходилъ онъ по комнатамъ взадъ и впередъ. Самыя противоположныя чувства видимо боролись въ его душѣ. Наконецъ онъ, казалось, рѣшился:

— Сестра, промолвилъ онъ,—я не могу покинуть дѣвушку которую называлъ своею невѣстой... Я далъ страшную клятву...

— Клятву! ха! ха! ха! (Тутъ княгиня разразилась гомерическимъ смѣхомъ.) Да кто жевѣ молодости не давалъ подобныхъ клятвъ. Развѣ ты позабылъ какъ покойный отецъ нашъ, котораго и до сихъ поръ въ свѣтѣ считаютъ чуть не святымъ, и который по истинѣ можетъ служить образцомъ честнаго и благороднаго человѣка, развѣ ты позабылъ, какъ онъ самъ, бывало, въ веселыя минуты разказывалъ намъ о проказахъ своей грѣшной юности? Навѣрное онъ обѣщаль, по крайней мѣрѣ, десяти бѣднымъ дурамъ жениться на нихъ, а не женился ни на одной. Женился же, безъ всякой предварительной клятвы, на той которая представила для него выгодную партію, составила счастье всей его жизни и положила прочное основаніе счастью всѣхъ насъ!

Этотъ аргументъ вновь поколебалъ Красавина: онъ понималъ что сестра его говорить о клятвѣ данной имъ бѣдной Луизѣ. О другой, данной имъ великодушному своему сопернику, въ свидѣтели которой онъ призывалъ само небо, онъ счелъ за лучшее вовсе не упоминать.

— Но, сестра, вскрикнулъ онъ вдругъ со смущеннымъ видомъ, какъ бы припомнивъ что-то новое, еще болѣе ужасное,—я долженъ открыть тебѣ, я обольстилъ невинную дѣвушку: кто знаетъ, можетъ-быть....

Княгиня закусила губу: внутренно она смѣялась надъ братомъ.

— Конечно, возразила она,—это обстоятельство неприятное, но опять-таки что же это доказываетъ? Покойный батюшка былъ же въ связи съ Матреной, своею крѣпостной, она и до сихъ поръ въ услуженіи у меня. У нея отъ него дочь маленькая, Саша, двѣ капли воды покойникъ: эта дѣвочка записана была по послѣдней ревизіи въ Саратовской губерніи и теперь, по раздѣлу деревень, досталась тебѣ. Когда она подростетъ, ты, изъ уваженія къ памяти отца, дашь ей вольную, а не то къ тому времени всѣ крестьяне будутъ вольными, такъ и этого не нужно будетъ. А мы всѣ сообща соберемъ ей порядочное приданое и выдадимъ за приличнаго жениха замужь. Вотъ и все. Относительно этой дѣвушки сдѣлай то же самое. Пошли деньги....

Противъ такихъ доводовъ Красавинъ не нашелъ возраженій. Княгиня побѣдила.

— Ну, что же ты понурилъ голову? сказала она весело и уже совершенно спокойно, замѣтивъ какое дѣйствіе произвели на брата ея убѣжденія:—прибодрись и благодаря Бога что все такъ кончилось.

При словѣ „Богъ“ Красавинъ вздрогнулъ.

— Сестра, прошепталъ онъ чуть внятно,—я боюсь клятвопреступленія, вѣдь это страшный грѣхъ.

— Не намъ съ тобой грѣхи-то разбирать, продолжала тѣмъ же равнодушнымъ тономъ княгиня:—погоди, приѣдемъ въ Россію, я тамъ познакомлю тебя съ однимъ благочестивымъ старцемъ, это, mon cher, настоящій directeur de conscience, какъ говорится у Французовъ. А пока, повторяю, возьми себѣ въ примѣръ отца, подражай ему во всемъ: вотъ человѣкъ который умѣлъ ужиться въ ладу со всѣми, съ совѣстью и съ міромъ.

Княгиня, выговоривъ эти слова съ нѣкоторымъ пафосомъ, нѣжно поцѣловала брата въ щеку: Кокочка, въ свою очередь, почтительно поцѣловала у ней руку. Затѣмъ разговоръ перешелъ на болѣе обычные и пріятные предметы, на отсутствующихъ родныхъ, на петербургскія новости и пр. Такъ протекло время до обѣда. Княгиня казалась очень утомленною, вслѣдствіе всѣхъ испытанныхъ ею въ это время тревоженій; но она не рѣшилась даже отдохнуть послѣ обѣда, боясь оставить брата одного. Наконецъ тотъ, за-

мѣтивъ чрезмѣрное утомленіе сестры, уговорилъ ее лечь, давъ обѣщаніе никуда безъ нея не уходить. Княгиня послушалась его, но предварительно поручила своей Нѣмкѣ занимать брата разговорами, преимущественно петербургскими сплетнями, и разбудить ее въ случаѣ еслибы кто пришелъ къ нему. Но, къ счастью, никто не приходилъ. Выспавшись, княгиня отправилась съ братомъ въ садъ, гдѣ собиралось по вечерамъ все ишльское общество. Это такъ же благотвѣтельно подѣйствовало на самого Красавина, какъ послѣобѣденный сонъ на сестру его. Онъ вернулся домой бодрѣе и веселѣе, почти такимъ какимъ желала его видѣть сестрица. На другой день она почти уже безъ труда уговорила его оставить Ишль. Онъ просилъ позволенія по крайней мѣрѣ написать нѣсколько словъ Фишерамъ. Княгиня никакъ на это не соглашалась. Наконецъ къ вечеру, когда уже экипажъ княгини былъ поданъ, и она, вмѣстѣ съ братомъ, готовилась отправиться въ дорогу, послѣднему подали съ почты письмо отъ Флоріана Фишера. Красавина привело оно въ совершенное недоумѣніе, сестру его—въ радость.

— Видишь ли, другъ мой, сказала она брату, — они еще и сами не очень-то хотятъ тебя.

Красавинъ не отвѣчалъ. Гордость, задѣтая этими словами, подавила въ немъ всякое другое чувство. Онъ сѣлъ съ княгиней въ ея карету; видъ его былъ суровъ, но не унылъ. Дорожныя впечатлѣнія окончательно сгладили и послѣднія морщины съ его лица.

XXVI.

Путешественники наши поѣхали изъ Ишля не въ Вѣну которая, по мнѣнію предусмотрительной княгини, могла напомнить брату его недавнее прошлое, но въ Мюнхенъ. Оттуда Красавинъ послалъ, безо всякаго, однако, письма, двѣ тысячи гульденовъ въ Вѣну, на имя почталіона Флоріана Фишера: деньги были завернуты въ бумагу, на которой женскою рукою сдѣлана была надпись: „Луизѣ“. Этимъ послѣднимъ поступкомъ княгиня Кромова пресерьіозно думала осчастливить и умиротворить разомъ всѣхъ лицъ, участвовавшихъ въ описываемой нами драмѣ. Изъ Мюнхена, представляющаго такъ много занимательнаго для ученаго и художника, но довольно мало для свѣтскихъ людей, княгиня повезла

брatца въ Баденъ-Баденъ. Эта сфера была рѣшительно по немъ. Игра въ рулетку, балы, прогулки до того благотворно повліяли на нашего героя что онъ самъ сталъ хладнокровно и даже съ легкою насмѣшкой припоминать о своей страсти. Но тутъ онъ едва-было не сдѣлался жертвою новой страсти къ одной извѣстной героинѣ тогдашняго сезона, предмету обожаній почти всѣхъ европейскихъ и американскихъ денди. Къ счастью, сама героиня скоро разрушила очарованіе произведенное на нашего Кокочку ея по истинѣ дивною красотою.

Повторилась исторія бывшая уже съ нимъ въ Парижѣ. Выманивъ у сѣвернаго варвара въ теченіе двухъ недѣль около пятидесяти тысячъ франковъ, эта пламенная дочь поэтического юга (она была уроженка Сициліи, хотя уже нѣсколько лѣтъ промышляла въ разныхъ столицахъ Европы) очень прозаично потребовала съ него немедленно еще столько же для уплаты старыхъ долговъ. Такое требованіе было для любви Красавина то же что потокъ холодной воды для горящаго костра. Страсть разомъ пропала и заглохла. Къ тому же онъ пресытился и утомился. „Довольно!“ сказалъ себѣ Красавинъ, посвятивъ разъ цѣлый вечеръ сведенію итоговъ всѣхъ суммъ растраченныхъ имъ за границей. „Довольно, подурачился,—отдохнул! Надо опять позаняться своими дѣлами...“ Въ тотъ же вечеръ сообщилъ онъ сестрѣ своей намѣреніе возвратиться въ Россію. Княгиня выслушала это, какъ и слѣдовало ожидать, съ чувствомъ живѣйшей радости.

— Ну, что, накутился до сыта, голубчикъ! сказала она, нѣжно обнимая брата.

— Да, нечего-таки пожаловаться.... Покутилъ, покутилъ, сестрица.

На другой день достойные родственники катили по пути въ Петербургъ.

ЭПИЛОГЪ.

Послѣ описанныхъ нами происшествій протекло слиткомъ два года. 1-го ноября 1862 года, въ праздникъ Всѣхъ Святыхъ который, какъ извѣстно, соединенъ въ католическомъ мірѣ съ поминовеніемъ усоншихъ, въ самыя сумерки щегольская извоицья карета вѣхала отъ Шенбрунна по

вѣнскому предмѣстью Maria Hilf. Въ одномъ мѣстѣ она должна была остановиться отъ скопленія множества экипажей и тѣсно скучившейся толпы. Изъ кареты выглянул изящно одѣтый господинъ.

— Что это значить? спросилъ онъ у кучера.— Отчего здѣсь такой сѣвръ? Куда спѣшать эти люди?

— На кладбище, высокопочтенный господинъ, отвѣчалъ кучеръ, почтительно приподымая шляпу.— Нынѣшнимъ днемъ здѣшніе жители посѣщаютъ, съ фонарями и съ вѣнками, могилы своихъ близкихъ: здѣсь по близости самое большое кладбище Вѣны.... Теперь просто настоящее гулянье, на которомъ вотъ и столпилось такъ много народу. Надо съ минутку подождать.

— Хорошо; а потомъ и ты поѣзжай туда же, сказалъ господинъ.

— На кладбище? повторилъ кучеръ.

— Да, да, на это, на ближнее.... какъ оно называется?

— Maria Hilf.

— Такъ туда.

Господинъ былъ, какъ видно, путешественникъ и охотникъ до всякаго рода зрѣлищъ. Кладбища посѣщать онъ не любилъ; но по случаю гулянья на немъ онъ полагалъ встрѣтить тамъ не мало хорошихъ лицъ: Вѣна же съ этой стороны пользуется у иностранцевъ завидною репутаціей. Пріѣхавъ къ кладбищу, онъ выскочилъ изъ кареты и вошелъ, увлекаемый толпой, въ ограду. Его поразила представившаяся ему картина. По множеству собравшагося туда народа, кладбище, дѣйствительно, представляло видъ гулянья, но гулянье это имѣло характеръ не обычный, а совершенно особенный, величественно-строгий. Густыя толпы уходили и приходили, разбивались на кучки и располагались по могиламъ, на которыя ставили фонари и свѣчи и клали вѣнки; одно ужъ это освѣщеніе въ осеннія сумерки производило необыкновенное впечатлѣніе. Въ разныхъ мѣстахъ огни озаряли самыя разнообразныя группы. И одинокій старецъ, и молодой супругъ, и рѣзвыя дѣти на свѣжей могилѣ матери, вся широкая и печальная драма жизни была тутъ въ лицахъ. Красавица,—путешественникъ этотъ былъ никто другой какъ онъ,—смотрѣлъ на все это съ холоднымъ любопытствомъ; съ трудомъ пробираясь между густыми массажи народа, прешелъ онъ такъ почти вдоль всего кладбища. Вдругъ

у самой стѣны, въ углу, замѣтилъ онъ небольшую группу, которая почему-то сразу привлекла его вниманіе. Группа эта состояла изъ двухъ фигуръ: старая женщина, опустившаяся въсьмъ тѣломъ внизъ, почти лежала на могилѣ; мущина старался приподнять ее, оба плакали. Красавинъ осторожно подошелъ поближе къ нимъ, остановился на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ за кипарисомъ, освѣявшимъ чей-то великолѣпный памятникъ, и сталъ наблюдать.... Вотъ они встали, вотъ они прошли почти подлѣ него, свѣтъ фонаря, бывшаго при нихъ, прямо падалъ на ихъ лица. Красавинъ внезапно отшатнулся назадъ: онъ узналъ въ проходившихъ Адама Фишера и его старую мать. Не успѣли они пройти мимо, какъ онъ опрометью бросился къ покинутой ими гробницѣ. Было темно, ничего разсмотрѣть было нельзя. Но рядомъ, на ближайшей могилѣ, сидѣлъ одиноко какой-то мальчикъ съ фонаремъ въ рукѣ. Красавинъ выпросилъ у него этотъ фонарь на минуту, и при тускломъ свѣтѣ его прочелъ на бѣлой каменной плитѣ, украшенной свѣжимъ, только-что положеннымъ вѣнкомъ изъ иммортелей, слѣдующую надпись: „Луиза Фишеръ и ея бѣдный младенецъ, преставились 5-го марта 1861 года.“

Красавинъ вздрогнулъ, нѣмая гробница заговорила.... Отъ внезапнаго ужаса во рту у него стало сухо. Глаза не могли оторваться отъ этой могильной плиты. Въ головахъ у могилы Луизы стоялъ черный крестъ, на которомъ также висѣлъ свѣжій зеленый вѣнокъ. Красавинъ прочелъ на крестѣ надпись: одна, верхняя, гласила: „Флоріанъ Фишеръ, скончался 20-го марта 1861 года“; другая, подъ ней, содержала слова псалма: „*Не надѣйтесь ни на князи, ни на сыны челоувеческіе*“. Красавинъ безмолвно отдалъ фонарь и самымъ ближнимъ путемъ удалился съ кладбища. Что сказали ему эти двѣ видѣнія имъ сейчасъ могилы, онъ даже не могъ отдать себѣ отчета. Что-то бессознательно страшное давило и щемило его грудь. Ему до боли хотѣлось плакать, но слезъ не было.

Въ эти два года нервы его огрубѣли и окрѣпли: лучъ теплаго, свѣтлаго чувства, нечаянно какъ-то не на долго озарившій и согрѣвшій его душу, казалось, навѣки исчезъ. И вдругъ прежнее ожило опять. Нужно же было заглянуть ему опять въ эту роковую для него Вѣну, будто не было другой дороги въ Италію, куда онъ теперь ѣхалъ по совѣту докторовъ на зимовье. Печальный, слѣзъ

Красавинъ въ свою карету и приказалъ ѣхать какъ можно скорѣе въ гостиницу гдѣ онъ остановился. „Не шали, не нѣжничай, не давай воли нервамъ!... Бѣда когда эти враги возьмутъ надъ тобой верхъ!“ говорилъ себѣ нашъ герой и захотѣлъ дѣйствительно выдержать геройски натискъ болѣзненныхъ впечатлѣній этого дня. Пріѣхавъ къ себѣ, онъ наскоро переодѣлся и поѣхалъ въ театръ въ ложу посланника. Давали еще новую тогда оперу Гуно: *Фаустъ*. Посланникъ восхищался музыкой и хвалилъ вѣнскій оркестръ. Красавинъ согласился съ нимъ и направилъ бинокль на оркестръ. Бетговенская фигура стараго его знакомаго Фарбаха прежде всѣхъ бросилась ему въ глаза. Онъ отвернулся и ушелъ въ глубь ложи. Но и тутъ, сокрытый ото всѣхъ взоровъ, онъ не былъ спокоенъ. Звуки музыки и стихи либретто тревожили его.... Въ Гретхенъ онъ узнавалъ Луизу.... Онъ не могъ долѣе владѣть собой, всталъ и сталъ прощаться съ посланникомъ.

— А, кстати, сказалъ ему тотъ,—въ канцеляріи посольства давнымъ-давно лежитъ на ваше имя пакетъ съ деньгами. Я приказалъ нынче же доставить его вамъ, лишь только узналъ что вы сюда пріѣхали.

Дѣйствительно, дома Красавинъ нашелъ пакетъ, написанный очень четкимъ и весьма знакомымъ ему почеркомъ: въ пакетѣ было ровно двѣ тысячи четыреста гульденовъ, то-есть всѣ тѣ деньги которыя онъ когда-то послалъ Луизѣ и далъ взаймы Флоріану Фишеру. Письма при этомъ не было никакого. „Нѣтъ! Мнѣ рѣшительно въ Вѣнѣ не счастливится!“ сказалъ себѣ Красавинъ, и на другой день рано утромъ покинулъ берега Дуная. Желѣзныя дороги быстро перенесли его въ Италію, гдѣ бы онъ, конечно, весьма скоро позабылъ всякія тяжелыя впечатлѣнія, еслибы вдругъ въ Генуѣ, совершенно для него неожиданно, не наткнулся онъ снова на событіе, живо напомнившее ему то прошедшее, отъ котораго онъ бѣжалъ какъ отъ злобнаго врага. Однажды онъ, гуляя за городомъ, встрѣтилъ простой гробъ, который несли на кладбище солдаты. Сзади шла одна только сестра милосердія, которая, поравнявшись съ тѣмъ мѣстомъ на которомъ повстрѣчалъ процессію Красавинъ, поклонилась въ послѣдній разъ покойнику и повернула назадъ въ городъ. Такимъ образомъ ему и ей пришлось идти вмѣстѣ. Сестра,

по свойственному ордену смиренію, первая поклонилась Красавину; тотъ вѣжливо отвѣтилъ на поклонъ и спросилъ ее:

— Кого вы это хоронили?

— Военнаго плѣнника изъ-подъ Аспромонте....

— А! изъ арміи Гарибальди?

— Да, онъ былъ тяжело раненъ подлѣ самого генерала и вмѣстѣ съ нимъ взятъ въ плѣнъ....

— А! онъ и умеръ, стало-быть, отъ раны?

— Нѣтъ, доктора увѣряютъ что у него была давнишняя чахотка: рана только ускорила его смерть. Онъ былъ влюбленъ и, должно-быть, несчастливо. Вотъ онъ передъ смертью отдалъ мнѣ бумажку, заключающую въ себѣ волосы его возлюбленной, съ просьбой переслать это въ Вѣну. Такой мечтатель, точно рыцарь сказочный. А съ кѣмъ я перешлю? Между нами и Австрійцами нѣтъ никакихъ сообщеній. Развѣ чрезъ какого-нибудь путешественника. Не возьметесь ли вотъ хоть вы?

— А покажите-ка, сказалъ равнодушно Красавинъ.

Сестра добродушно подала ему что-то завернутое въ клочкѣ бумаги, на которой видимо слабѣющею рукой написано было:

„Адаму Фишеру, музыканту, въ Вѣну.

„Умирая, возвращаю тебѣ что у тебя предъ нашимъ разставаньемъ похитилъ и носилъ съ собой вездѣ какъ талисманъ.... Это волосы Луизы. Прощай, вѣрный ей и тебѣ и за гробомъ

„Максъ Трельи.“

— Нѣтъ, не могу взять.... Я не ѣду въ Вѣну, сказалъ поблѣднѣвшій Красавинъ, отдавая посылку сестрѣ. — Прощайте! Вы спѣшите въ городъ, а я такъ просто гуляю, и сяду здѣсь отдохнуть.

Сестра удалась. Красавинъ, свлѣз на камень на берегу моря и долго оставался въ задумчивости.

— Гдѣ же я найду себѣ наконецъ покой и когда кончится для меня эта несчастная исторія?

Она кончилась: это была ея послѣдняя грустная страница.

Но исторія героя нашего продолжается блестящимъ образомъ и по нынѣ. Проживаетъ онъ въ Петербургѣ, пользуется житейскими благами, предуготовленными ему дальновозркимъ покойникомъ отцомъ и собственною его мудростью.

Конечно, молодость не вѣчна, и съ нимъ проионал кое-какія перемены: онъ сильно оплѣшивѣлъ, зубы вываливаются у него одинъ за другимъ, а за ними и щеки его не мѣняютъ уже прежней, счастливой упругости. Чтò дѣлать! годы, холодная жизнь, благораствореніе, невокихъ береговъ кладутъ и на него свою неотразимую печать. Тѣмъ не менѣе онъ и по нынѣ служитъ для многихъ предметомъ удивленія и зависти.

— Красавинъ, выражался еще недавно о немъ въ одномъ добродѣтельномъ петербургскомъ салонѣ одинъ изъ его слерстиковъ, — Красавинъ, это достинѣ баловень счастія. Самыя неудачи служатъ этому человѣку поводомъ къ новымъ успѣхамъ. Вотъ, напримѣръ, эманципація всѣхъ насъ разорила, а онъ, подызуясь всеобщимъ безденежемъ, въ это время купилъ почти за даромъ тысячу пятнадцать десятинъ черназемы. Умеръ его зять, ему дали въ утѣшеніе золотой ключъ, который покойникъ почему-то не хотѣлъ доставить ему....

— А вы какъ думаете? прервалъ его нѣкій господинъ, пользующійся въ свѣтѣ репутаціей очень рѣзкаго въ своихъ сужденіяхъ человѣка. — Счастье-то Красавину дается не даромъ: онъ работаетъ надъ нимъ день и ночь, не хуже иного чернобурчачаго.

— Какъ это такъ? воскликнули вокругъ говорившаго многіе голоса.

— Да очень просто, продолжалъ тотъ хладнокровно. — Красавинъ достойнымъ образомъ продолжаетъ коммерческую дѣятельность своего знаменитаго папеньки и даже превзошелъ его. Папенька былъ просто аферистъ, сынъ сдѣлался ростовщикомъ. Кому изъ васъ, господа, нужны деньги, смѣло отправляйтесь къ нему: можете получить сколько угодно, но заранѣе предваряю, дешево это вамъ не обойдется.

— Боже мой! промолвила едва слышно и складывая на груди руки одна почтенная старушка. — Боже мой! Вѣкъ-то нынѣшній, молодежь какая! Красавинъ — ростовщикъ! А отецъ его былъ такой богомольный.

— И сынъ не менѣе богомоленъ, очень громко возразилъ старушкѣ тотъ же рѣзкій господинъ. — Я вамъ разкажу сейчасъ случай, который вамъ докажетъ что онъ даже и въ набожности перецеоголялъ достойнаго своего родителя. Случай этотъ былъ на дняхъ съ Ушлевскимъ, котораго всѣ вы знаете. Ушлевскому нужно было къ сроку уплатить одному баряну двадцать пять тысячъ. Денегъ у него къ сроку не

оказалось, а кредиторъ его былъ ему пріятель и самъ дѣйствительно до-зарѣзу нуждался въ деньгахъ. Кинулся мой Ушлевскій туда, сюда,—какъ, нарочно, нигдѣ денегъ нѣтъ. А срокъ на носу, и пріятель его ходилъ къ нему каждый день, торопя его и умолая вывести его изъ бѣды. Вдругъ являет-ся къ нему какой-то человекъ и говоритъ, что вотъ, молъ, я слышалъ, вамъ деньги нужны, такъ можете, молъ, по-лучить у Николая Ивановича Красавина. Чуть на шею не кинулся къ нему Ушлевскій и тутъ же устремился къ Красавину. Пошли переговоры. Условія милый Коко предлагалъ слѣдующія: онъ двадцать пять тысячъ дать не могъ, а да-валъ пятьдесятъ тысячъ. „Хотите, — берите, а меньше дать не могу, на то-де у меня свои расчеты.“ Ушлевскій подумалъ, подумалъ. „Хорошо, говоритъ, пожалуй, возьму, хотя мнѣ эти лишнія двадцать пять тысячъ въ тягость. Далѣе?“ — „Къ векселю мы припишемъ восемь тысячъ,“ продолжалъ Коко, „а процентовъ я съ васъ, по дружбѣ, возьму всего по два въ мѣсяцъ...“ — „Помилуйте,“ чуть не закричалъ Ушлевскій, „да вѣдь это...“ Красавинъ не далъ ему договорить, замѣтивъ ему чрезвычайно вѣжливо, что вѣдь это à prendre ou à laisser и что онъ его не неволить. Замолчалъ мой бѣд-ный Ушлевскій, слушаетъ что дальше будетъ. „На вашъ вексель мнѣ въ пятьдесятъ восемь тысячъ,“ невозмутимѣ-шимъ голосомъ говорилъ далѣе Коко, „а дамъ вамъ чистыми деньгами двадцать три тысячи, а остальные доплачу вамъ векселями.“ — „Какими векселями?“ — „Потрудитесь взгля-нуть.“ И выкладываетъ изъ шкатулки предъ растерявшимся Ушлевскимъ векселя разныхъ извѣстныхъ лицъ, давно до тла промотавшихся. „Помилуйте, Николай Ивановичъ, съ ко-го изъ этихъ господъ получу я хоть грошъ!“ — „Получите,“ отвѣчаетъ вкрадчиво Коко, „поприжмите, заплатятъ, ну, а не заплатятъ, въ долговое ихъ посадите...“ Ушлевскій даже отвѣчать не могъ, и только глядѣлъ на Коко, не вѣря соб-ственнымъ ушамъ....

— Ну, ужъ какъ хотите, я этому никакъ повѣрить не могу! отряпательно качая головой, воскликнула на этомъ мѣстѣ почтенная старушка.

— Не вѣрите мнѣ, отвѣчалъ разкащикъ съ вѣжливой улыб-кой,—спросите самого Ушлевскаго, онъ вамъ, кажется, памянникомъ приходится.

— И неужели онъ согласился на эти условія Красавина? спросилъ кто-то изъ присутствовавшихъ.

Рѣзкій господинъ пожалъ плечами.

— Не согласился бы, не было бы и моей исторіи, а я попрошу почтенное общество выслушать ее до конца. На все согласился бѣдный Ушлевскій, подписалъ документъ въ пятьдесятъ восемь тысячъ рублей, получилъ за него двадцать три тысячи рублей, и даже не сполна деньгами, а большую часть разными бумагами по курсу, и на двадцать семь тысячъ векселей, годныхъ развѣ на закурку сигарь. Коко нашъ не могъ скрыть своей радости и дружески подтрунивалъ надъ своею жертвой. Что, молъ, поприжалъ васъ маленько, урокъ вамъ далъ, не попадайтесь другой разъ! Вотъ что говорила эта жаба.... Pardon, Анфиса Павловна, обратился, разкащикъ къ старушкѣ, — виновать, съ языка сорвалось....

— Далѣе, далѣе! просили его между тѣмъ окружающіе.

— Ну, вотъ-съ, когда все это кончилось, и Ушлевскій брался за шляпу, Коко спрашиваетъ его вдругъ: не знаетъ ли онъ хорошаго и дешеваго серебряника? „Не знаю,“ отвѣчаетъ рѣзвянно тотъ, „въ Гостинномъ дворѣ, кажется, есть.... А вамъ на что?“ — „Я вамъ сейчасъ покажу.“ И вотъ беретъ Коко свою жертву подъ руку и ведетъ въ свою спальню. Тамъ по стѣнѣ развѣшены иконы въ окладахъ. Нѣсколько образовъ безъ окладовъ лежатъ на окнѣ. Коко беретъ одинъ изъ этихъ послѣднихъ, заворачиваетъ въ бумагу и говоритъ Ушлевскому: „Вы въ экипажѣ?“ — „Да.“ — „Такъ отвезите меня въ Гостинный Дворъ.“ Ушлевскій все еще ничего не понимаетъ. „Изволите видѣть,“ объясняетъ ему наконецъ милый Коко, садясь съ нимъ въ карету, „каждый разъ какъ удастся мнѣ устроить выгодное дѣльце, я надѣваю на икону серебряную ризу. У меня ужъ такъ по обѣту положено, и я отъ этого никогда не отступаю: за каждое хорошее дѣло новую ризу на образъ и свѣчу Николаю Чудотворцу. Вотъ кстату и Пантелеймона церковь. Зайдемте, Егоръ Дмитричъ, вы, я знаю, сами богомольны....“ И послушный Ушлевскій, объ руку съ обобравшимъ его какъ липку ростовщикомъ, остановились у церкви, гдѣ Коко дѣйствительно поставилъ свѣчу предъ образомъ и долго молился въ умиленіи благодарнаго сердца.

— Ахъ, какой вы, однако, злой языкъ! сказала хозяйка

дома, дослушавъ, впрочемъ, съ видимымъ любопытствомъ, разказъ до конца.

— Не судите, да не судимы будете! примолвила, въ видѣ поученія, старушка, защитница Красавина, все также отрицательно качая своею головою, одѣтою въ парикъ и кружевной чепецъ.

— Я и́же сужу, нѣсколько грустнымъ голосомъ отвѣчалъ господинъ, слышавшій Мефистофелемъ въ этомъ свѣтско-добродѣтельномъ кругу. — На людей, какъ господинъ Красавинъ, нѣтъ людскаго суда!...

М. ХОЗАРСКІЙ.

ПРОЦЕССЪ ЛЕЗЮРКА

И

ВОПРОСЪ О ВОЗОБНОВЛЕНІИ УГОЛОВНЫХЪ ДѢЛЪ *

IV.

8-го флореала IV года (27-го апрѣля 1796) почта изъ Парижа въ Лионъ, вышедшая изъ Парижа въ 5½ часовъ утра, спустя три часа подверглась нападенію между станціей Льерсенъ и станціей Меленъ: сопровождавшій почту курьеръ Эккофонъ и почталіонъ Одеберъ были убиты, и всѣ деньги заключавшіяся въ почтовыхъ тюкахъ разграблены. Вѣсть объ этомъ быстро разнеслась по окрестностямъ на другое же утро, и начались розыски. Мѣстный мировой судья Меленской общины прибылъ на другой день на мѣсто преступленія и произвелъ тщательный осмотръ. Оказалось что почтовый экипажъ былъ свороченъ нѣсколько съ дороги на смежное съ нею поле. Экипажъ стоялъ задомъ къ дорогѣ и дышломъ по направленію въ поле; кругомъ валялись разорванные почтовые пакеты. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ почтового экипажа найдены были окровавленные трупы курьера и почталіона. Кромѣ того, близъ экипажа найдены слѣдующія вещи: плащъ отороченный голубою каймой, поломанная и окровавленная сабля и ножны отъ нея; на саблѣ съ одной стороны находился девизъ: *L'honneur me conduit*, а съ другой: *pour le salut de ma patrie*; еще ножны отъ сабли, рукоятка

* См. Русскій Вѣстникъ № 7.

ножа, посеребренная шпора и пара очковъ. Протоколъ мирового суда оканчивается слѣдующимъ общимъ выводомъ:

Изъ свѣдѣній и показаній нами собранныхъ явствуетъ, что однимъ изъ виновниковъ преступленія долженъ быть пассажиръ, вѣхавшій съ почтой, который исчезъ. Есть основаніе думать, что этотъ пассажиръ, сговорившись на убійство съ четырьмя неизвѣстными всадниками, подозрительной наружности, которыхъ видѣли по дорогѣ въ этотъ день, при встрѣчѣ съ ними въ условленномъ мѣстѣ, нанесъ курьеру три удара ножомъ, всадники же напали открытою силою на почтовый экипажъ и на почталіона, который, повидимому, энергически защищался. Изъ осмотра на мѣстѣ преступленія далѣе видно, что почта разграблена съ помощію ножицъ найденныхъ тутъ же, и что грабители хорошо знали способъ упаковки почтовыхъ тюковъ. Разграбленная сумма, по собраннымъ справкамъ, простирается до 7 милліоновъ ливровъ принадлежавшихъ республикѣ (ассигнаціями) и 9.000 ливровъ звонкою монетою принадлежавшихъ частнымъ лицамъ. Совершивъ убійство, пассажиръ завладѣлъ лошадью почталіона и уѣхалъ вмѣстѣ со своими сообщниками.“

Семь милліоновъ ассигнаціями, о которыхъ здѣсь говорится, далеко не имѣли своей номинальной стоимости. Извѣстно какъ низко упали въ это время (1796 г.) бумажныя деньги республики. Всего, по точной оцѣнкѣ сдѣланной въ послѣдствіи, разграбленная сумма простиралась до 74.596 фр. 95 с.

Предварительное дознаніе произведенное по горячимъ слѣдамъ дало слѣдующіе результаты: 8-го флореала четыре всадника были замѣчены по дорогѣ въ Мелень между Шарантономъ и Монжерономъ; это было между 11 и 1 часомъ дня. Въ Монжеронѣ неизвѣстные остановились въ трактирѣ содержательницы Эвраръ. Пообѣдавъ у послѣдней, они отправились въ ресторанъ г-жи Шателенъ пить кофе и играть на билліардѣ. Изъ Монжерона они выѣхали далѣе по дорогѣ въ Льерсенъ около 4 часовъ дня; пріѣхавъ въ Льерсенъ, они зашли въ питейный домъ супруговъ Шампо, гдѣ выпили нѣсколько бутылокъ вина, а одинъ изъ нихъ далъ подковать свою лошадь. Въ 7 съ четвертью часовъ вечера они выѣхали, и ихъ видѣли за Льерсеномъ ѣдущими весьма медленно. Курьеръ Экскофонъ, сдавая на почтовой станціи въ Льерсенѣ назначенный туда пакетъ, говорилъ что съ нимъ въ почтовомъ экипажѣ ѣдетъ пассажиръ, котораго онъ не знаетъ, и который не захотѣлъ взять на себя, какъ водится, дорожныя издержки его, курьера. Около часу ночи одинъ офицеръ національной гвардіи видѣлъ пятерыхъ всадниковъ вѣхавшихъ

очень быстро по дорогѣ обратно въ Парижъ. Другой національный гвардеецъ гражданинъ, портной Таньеръ, бывший на часахъ у Шарантонской заставы въ Парижѣ, показывалъ что 9-го флореала, въ 5¼ часовъ утра, пять человекъ, ѣхавшіе верхомъ и очень скоро, возвратились чрезъ эту заставу въ Парижъ.

Всѣ эти данныя послужили точкой отправленія для розысковъ. Прежде всего дознано было что пассажиръ при взятіи мѣста въ почтовомъ экипажѣ назвался фамиліей Лабордъ, что у него не было никакихъ вещей кромѣ сабли, и что плащъ найденный на мѣстѣ преступленія принадлежалъ ему. Далѣе, на одной изъ площадей Парижа найдена была лошадь почталіона, которою, по предположенію, завладѣлъ послѣ убійства этотъ Лабордъ. Наконецъ было дознано что 9-го утромъ на заѣзжій дворъ нѣкоего Мирона были приведены четыре верховыя лошади. Дворникъ заѣзжаго двора показывалъ что въ этотъ день рано утромъ нѣкто Этьенъ, котораго онъ знаетъ нѣсколько мѣсяцевъ, и другой ему неизвѣстный привели четырехъ лошадей осѣдланыхъ и вьюзданныхъ; отдавая ихъ ему, они сказали что прѣехали изъ Версаля, и приказали ему накормить лошадей и не отдавать никому, если не предъявлена будетъ записка подписанная Этьеномъ. Въ 7 часовъ Этьенъ явился самъ съ другимъ неизвѣстнымъ и принялъ лошадей. Содержатель Миронъ указывалъ адресъ Этьена: меблированныя комнаты въ улицѣ Petit-Rerovois, № 200. Содержатель меблированныхъ комнатъ и его привратникъ показали что Этьенъ, по фамиліи Куріоль, жилъ у нихъ нѣсколько мѣсяцевъ съ своею женой и выбылъ съ квартиры 10-го флореала; что наканунѣ переѣзда и въ предшествовавшую ночь, то-есть 9-го и 8-го, Куріоль не ночевалъ дома. Дальнѣйшіе розыски обнаружили что Куріоль и женщина слышная за его жену, Маделенъ Бребанъ, переѣхали 10-го къ нѣкому Ришару, улица Visberie № 27, откуда 18-го флореала выѣхали въ Труа, и что по дорогѣ они останавливались въ Шато - Тьерри, заѣхавъ къ нѣкому Галье. Былъ сдѣланъ обыскъ у Ришара. У него забраны всѣ найденныя бумаги, и привлечены къ дѣлу какъ самъ Ришаръ, такъ и проживавшій у него Брюэ и еще нѣкто Гено, на котораго указала жена Ришара, говоря что и онъ у нихъ проживалъ.

Куріоль и Маделенъ Бребанъ были арестованы 20-го

флореала въ Шато-Тьерри, въ домѣ Галье, который тоже привлеченъ былъ сначала къ дѣлу. По обыску у Куріоля найдено до 1.000.000 фр. ассигнаціями, 1.528 фр. звонкою монетою и множество драгоценныхъ вещей, всего около пятой части разграбленной суммы.

Производство формальнаго слѣдствія было поручено Добантону, мировому судѣе участка Pont Neuf, который считался самымъ дѣятельнымъ и искуснымъ слѣдователемъ въ Парижѣ. Приводимъ протоколъ его, въ которомъ изложенъ случай подавшій поводъ къ привлеченію къ дѣлу Жозефа Лезюрка:

„Когда я, пишетъ Добантонъ, прибылъ въ центральное бюро чтобы разсмотрѣть и познакомиться съ бумагами имѣвшимися по этому дѣлу, ко мнѣ явился Гено съ просьбой возвратить ему бумаги отобранныя у него во время обыска. Я сказалъ ему что прежде чѣмъ возвратить бумаги мнѣ нужно разсмотрѣть ихъ, и чтобы онъ пришелъ за ними на другой день. Первымъ моимъ дѣломъ было озаботиться о вызовѣ всѣхъ свидѣтелей, которыхъ я приказалъ одному полицейскому агенту представить ко мнѣ въ бюро на другой день, что и было исполнено. Когда агентъ доложилъ мнѣ на другой день что всѣ свидѣтели на лицо, я отправился въ бюро чтобы допросить ихъ. Какъ только я пришелъ въ кабинетъ, гдѣ имѣли производиться допросы, офицеръ сыскной полиціи доложилъ мнѣ что двѣ изъ приведенныхъ имъ свидѣтельница признали въ одной изъ залъ бюро двухъ лицъ за тѣхъ самыхъ которые въ день убійства останавливались вмѣстѣ съ двумя другими въ Монжеронѣ, гдѣ обѣдали и пили кофе, и о которыхъ предполагаютъ что убійство совершено ими. Я былъ хорошо извѣстенъ (продолжаетъ г. Добантонъ съ истинно французскимъ наивнымъ самохвальствомъ) по ревности, дѣятельности, а главное строгости, съ которыми я преслѣдовалъ всякаго рода преступниковъ; мнѣ показалось невѣроятнымъ чтобы двое изъ убійцъ лонскаго курьера были настолько смѣлы чтобы добровольно попасться мнѣ подъ руку. Я былъ такъ пораженъ этою мыслию что даже невольно высказалъ ее въ присутствіи жандармовъ и другихъ полицейскихъ бывшихъ въ моемъ кабинетѣ. Я велѣлъ привести ко мнѣ одну изъ этихъ женщинъ и спросилъ ее, точно ли она увѣрена что двое людей, которыхъ она замѣтила въ залѣ предъ моимъ кабинетомъ, суть именно тѣ которыхъ она видѣла въ Монжеронѣ въ день убійства. Эта женщина увѣрила меня что она не ошибается. Я позвалъ другую женщину и предложилъ ей тотъ же вопросъ; она отвѣтила то же. Я повторилъ предъ двумя женщинами приведенное выше замѣчаніе о невѣроятности подобной дерзости со стороны убійцъ. Я сказалъ имъ что позову ихъ одного за другимъ

въ свой кабинетъ и совѣтовалъ имъ хорошенько всмотрѣться и быть осмотрительными въ своихъ показаніяхъ, которыя могутъ повести этихъ двухъ людей на эшафотъ. Сперва ввели ко мнѣ Гено, котораго привезли изъ Шато-Тьерри вмѣстѣ съ Куріолемъ и которому я обѣщалъ въ этотъ же день возвратить его бумаги, такъ какъ до тѣхъ поръ не было никакихъ данныхъ заподозрѣвать его. Я постарался скрыть предъ нимъ возобновившее меня чувство и спросилъ его зачѣмъ онъ явился въ центральное бюро? Онъ сказалъ что пришелъ дабы получить отъ меня, согласно моему обѣщанію, свои бумаги, и что вмѣстѣ съ нимъ тутъ находится его землякъ, изъ Дуэ, нѣкто Лезюркъ, котораго онъ встрѣтилъ по дорогѣ въ бюро. Я позвалъ Лезюрка и довольно долго разговаривалъ съ обоими о постороннихъ предметахъ; затѣмъ я отпустилъ ихъ изъ кабинета, давъ секретно приказаніе не выпускать ихъ пока мѣсть изъ зданія бюро. Когда они вышли, я снова обратился съ вопросомъ къ двумъ женщинамъ, бывшимъ тутъ же, настаиваютъ ли онѣ на своемъ прежнемъ показаніи; онѣ отвѣтили мнѣ что онѣ не ошибаются. Тогда я занесъ ихъ показаніе въ протоколъ и отдалъ приказъ объ арестованіи Гено и Лезюрка.“

Эти показанія заключаются въ слѣдующемъ: Гросстетъ, служанка Эварръ, содержательницы гостиницы въ Монжоронѣ, показала что 8-го флореала между 12 и 1 часомъ дня одна пріѣзжія верхомъ остановилась у ихъ гостиницы, заказала себѣ супъ и полбутылки вина, но затѣмъ вышла, и возвратившись, приказала приготовить обѣдъ для четверыхъ. Спустя четверть часа пріѣхали еще трое верхомъ; они пообедали вчетверомъ и потребовали яблоковъ; имъ отвѣчали что яблоковъ нѣтъ; тогда они сказали что имъ нужно по крайней мѣрѣ выпить кофе: имъ указали кофейную Шателена, и они туда отправились. Свидѣтельница узнала двухъ изъ этихъ четырехъ въ тѣхъ которые только что вышли изъ кабинета судьи; она запомнила ихъ и по лицамъ, и по костюму.

Сантонъ, служанка Шателена, показала что 8-го флореала четверо посѣтителей пришли въ 3-мъ часу къ нимъ и потребовали кофе. Пока имъ готовили кофе, они поиграли на бильярдѣ, а затѣмъ уѣхали верхомъ по дорогѣ въ Льерсенъ. Она узнала двухъ изъ нихъ въ тѣхъ которые были тутъ, именно молодого человѣка блондина (Лезюрка) и другаго повыше (Гено).

Г. Добантонъ допросилъ немедленно арестованныхъ; которые дали слѣдующія показанія:

Гено, что онъ родомъ изъ Дуэ, отъ роду ему 32 года, занимается онъ военными перевозками. Въ Парижѣ онъ находится уже два мѣсяца и прибылъ сюда для розысканія двухъ пропавшихъ у него ящичковъ серебра. Онъ остановился у Ршара, ювелира, своего земляка. Изъ Парижа онъ въ это время два раза ѣздилъ въ Шато-Тьерри, къ Гаае, который занимается одинаковымъ съ нимъ промысломъ. Куріоля онъ знаетъ только потому что онъ тоже жилъ у Ршара. Лезюрка онъ знаетъ съ дѣтства; они вмѣстѣ воспитывались. Лезюркъ находился прежде на государственной службѣ въ Дуэ; затѣмъ онъ сталъ заниматься покупкой и продажей національных доменовъ (конфискованныхъ имѣній); это принесло ему большіе барыши, и Лезюркъ говоритъ что онъ обязанъ своимъ благосостояніемъ республикѣ.

Жозефъ Лезюркъ на первомъ допросѣ показалъ о себѣ слѣдующее: Ему 35 лѣтъ, родомъ изъ Дуэ; живетъ доходами съ своего капитала, въ улицѣ *Montmartre* № 205. Въ Парижѣ живетъ годъ и съ тѣхъ поръ никуда не выѣзжалъ. Состояніе, которымъ онъ владѣетъ, составилось изъ спекуляцій національными доменами, и этого состоянія теперь совершенно достаточно для безбѣднаго его существованія. Гражданина Ршара онъ нѣсколько знаетъ, какъ своего земляка. Впрочемъ онъ съ нимъ не имѣлъ никакихъ сношеній, а только былъ у него два раза съ Гено и, по приглашенію послѣдняго, одинъ разъ обѣдалъ у Ршара, а другой разъ завтракалъ. Когда онъ обѣдалъ у Ршара, тамъ былъ еще одинъ гость, котораго называли Этьеномъ, и женщина слышавшая за его жену. Фамилію Куріоль онъ никогда не слышалъ.

Лезюрка обыскали и принесть нашли два вида на жительство, *carte de sureté*, которые введены были во Франціи во время первой республики и были обязательны для каждого гражданина. Первый паспортъ на имя Лезюрка принадлежалъ не ему, а двоюродному его брату, а второй былъ бланкъ, на которомъ никакого имени не было выставлено. На вопросъ судьи, Лезюркъ оказалъ что первый паспортъ забытъ у него его кузеномъ, про бланкъ же онъ не знаетъ какъ онъ къ нему попалъ; вѣроятно онъ находился въ кучѣ старой бумаги бывшей въ его квартирѣ и недавно имъ проданной. Его собственный паспортъ остался на родинѣ, а въ Парижѣ онъ до сихъ поръ не позаботился о паспортѣ, ибо онъ никогда ночью не выходитъ и всегда ложится рано.

Ришаръ и Брюэ, привлеченные къ дѣлу въ качествѣ подсудимыхъ, сознались въ своемъ знакомствѣ съ Куріолемъ, но отрицали всякое участіе или сообщество въ совершеніи убійства.

Куріоль также ни въ чемъ не сознался. Уличенный въ томъ что онъ 9-го флореала привелъ лошадей къ Мирону, онъ сказалъ что, вышедши изъ своей квартиры 9-го, въ 5 часовъ утра, онъ встрѣтилъ пятерыхъ своихъ знакомыхъ верхомъ, которые и упросили его отвести лошадей на заѣзжій дворъ; онъ и отвелъ ихъ сначала къ Мирону, а потомъ къ нѣкому Бернару. Именъ этихъ своихъ знакомыхъ онъ не знаетъ.

Давидъ Бернаръ, комиссіонеръ, въ улицѣ Sainte-Avoüe, былъ тотчасъ же арестованъ; онъ отрицалъ всякое знакомство съ Куріолемъ, а также и то будто бы Куріоль поставилъ у него лошадей.

Маделенъ Бребанъ, 23 лѣтъ, показала что она находится десять мѣсяцевъ въ связи съ Куріолемъ, и жила съ нимъ подъ видомъ его жены. Жили они до 10 флореала въ улицѣ Petit-Rerosoir, а въ этотъ день переѣхали къ Ришару, а отъ него 18-го уѣхали въ Шато-Тьерри. 9-го флореала Куріоль вернулся домой лишь около 12 часовъ дня; а въ предшествовавшія дѣть ночи онъ дома не ночевалъ. Съ Ришаромъ Куріоль былъ знакомъ и прежде, до перехода къ нему на квартиру. Ришаръ у нихъ бывалъ довольно часто. Съ Гено они познакомились у Ришара, когда къ нему переѣхали. Лезюрка она вовсе не знаетъ.

Маделенъ Бребанъ, по распоряженію слѣдственнаго судьи, была освобождена.

Куріоль былъ признанъ двумя названными выше свидѣтельницами, Гросстеть и Сантонъ, за одного изъ четырехъ бывшихъ въ ихъ заведеніяхъ въ Монжеронъ, въ день убійства.

Его призналъ также Жанъ Шампо, содержатель питейнаго заведенія въ Льерсенъ, который показалъ слѣдующее: (это показаніе имѣло важное значеніе въ послѣдующемъ производствѣ). Въ день когда совершилось убійство, около 5 часовъ вечера, остановились въ его заведеніи четверо неизвѣстныхъ, которые были верхомъ, повидимому на наемныхъ лошадяхъ. Они закусили и велѣли отвести лошадей на конюшню, а около 7 часовъ вечера уѣхали далѣе, по дорогѣ въ Меленъ.

Спустя немного времени послѣ ихъ отъѣзда, прибыли еще двое всадниковъ; онъ ихъ спросилъ не принадлежатъ ли они къ одной компаніи съ тѣми которые были прежде. Они отвѣчали что нѣтъ, и что они не знаютъ о комъ онъ говоритъ. Черезъ полчаса они отправились далѣе по той же дорогѣ. Но вслѣдъ затѣмъ возвратился одинъ изъ четырехъ прежде бывшихъ, отыскивая свою саблю, которую онъ забылъ у свидѣтеля. Нашедши саблю, онъ сказалъ что у него еще есть время, и велѣлъ дать своей лошади полмѣры овса, замѣтивъ что она успѣетъ еще съѣсть эту порцію, а онъ между тѣмъ пойдетъ погулять. Спѣшить-де ему нечего, такъ какъ товарищи его, уѣхавшіе впередъ, уже позаботятся и объ его ужинѣ въ Меленѣ; онъ же останется здѣсь до 10 часовъ вечера. Но вышедши на улицу, онъ почти тотчасъ возвратился назадъ и сказалъ свидѣтелю: „Поскорѣе взнуздайте моего коня, я долженъ сейчасъ ѣхать; на дорогѣ ночью небезопасно“. Свидѣтель поспѣшилъ исполнить приказаніе, но неизвестный былъ такъ нетерпѣливъ что не далъ ему кончить и принялся самъ взнуздывать, выпилъ еще рюмку водки и поскакалъ въ галопъ. Минутъ 5 спустя черезъ Льерсенъ проѣхалъ почтовый экипажъ. Свидѣтель узнаетъ въ Куріолѣ того самого который возвращался за саблей, узнаетъ и самую саблю (которая была найдена на мѣстѣ преступленія).

Шампо и ея жена признали и Лезюрка за одного изъ четырехъ всадниковъ. Кромѣ этихъ свидѣтелей и двухъ названныхъ выше женщинъ, были спрошены еще многіе свидѣтели, изъ показаній коихъ заслуживаютъ особеннаго вниманія слѣдующія:

Жанъ Делафолл, служитель въ ресторанѣ Эвраръ, узнаетъ въ Лезюркѣ того самого который первый прибылъ въ ихъ заведеніе въ Монжеронѣ, а за нимъ остальные три.

Лоранъ Шарбо, негоціантъ и землевладѣлецъ, показалъ что 8-го флореала онъ выѣхалъ изъ Парижа въ собственномъ экипажѣ около 11 часовъ утра. По дорогѣ его опередили четыре всадника съ которыми онъ затѣмъ встрѣтился въ гостиницѣ въ Монжеронѣ, гдѣ обѣдалъ съ ними въ одной комнатѣ. Онъ запомнилъ въ особенности лица двухъ изъ нихъ, и утверждаетъ положительно что Лезюркъ былъ одинъ изъ этихъ двухъ и, хотя ему кажется что другой былъ Гено, но такъ какъ онъ не совсѣмъ въ этомъ увѣренъ, то и не беретъ на себя утверждать это положительно.

Антуанъ Перо: что 8-го флореала, ѣдучи въ Парижъ, онъ остановился обѣдать въ гостиницѣ Эврара въ Монжеронѣ, видѣлъ тамъ четырехъ проѣзжихъ; на одного изъ нихъ онъ обратилъ особенное вниманіе, такъ какъ онъ говорилъ съ провансальскимъ акцентомъ; это былъ Куріоль. Ему кажется что Гено и Лезюркъ также были тамъ въ то время.

Жанъ Лампръ, драгунъ: 8-го флореала онъ ѣхалъ съ порученіемъ изъ Мелена въ Парижъ. Не доѣзжая Монжерона, онъ встрѣтилъ четырехъ всадниковъ ѣхавшихъ по направлению къ Льерсену; это было около четырехъ часовъ пополудни. На лица проѣзжихъ онъ не обратилъ вниманія, за исключеніемъ одного котораго онъ замѣтилъ, такъ какъ ему понравилась лошадь на которой онъ ѣхалъ. Онъ утверждаетъ по совѣсти что это былъ Гено. На другой день, возвращаясь изъ Парижа, онъ въ четыре часа утра подымалъ на дорогѣ окровавленную саблю которую и представилъ кому слѣдуетъ.

Бургуазенъ, живущая въ Льерсенѣ: 8-го флореала она видѣла послѣ обѣда четырехъ всадниковъ и обратила вниманіе на лицо одного изъ нихъ, и утверждаетъ предъ правосудіемъ что это былъ Брюэ.

Пьеръ Жилле торговецъ изъ Льерсена: 8-го флореала, около 5½ часовъ вечера, сидя предъ воротами своего дома и держа на рукахъ свою внучку, онъ видѣлъ трехъ всадниковъ и въ одномъ изъ нихъ узналъ было своего знакомаго; но всмотрѣвшись ближе, убѣдился что ошибся. Введши его въ заблужденіе сходствомъ своимъ съ его знакомымъ, есть Лезюркъ.

Мари-Жаннъ Гильберъ узнала въ Куріолѣ и Лезюркѣ двухъ видѣнныхъ ею 8-го флореала, передъ вечеромъ, въ Льерсенѣ неизвѣстныхъ ей лицъ, которыя, прогуливаясь, три раза прошли пѣшкомъ предъ ея домомъ.

Антуанъ Триомаръ: 8-го флореала, около семи часовъ вечера, онъ видѣлъ въ Льерсенѣ четырехъ неизвѣстныхъ проѣзжавшихъ верхомъ, очень тихо. Они ему показались подозрительными, и онъ замѣтилъ своему товарищу: „вотъ четверо гражданъ которые, кажется мнѣ, суть четыре вора“. Онъ положительно признаетъ одного изъ нихъ въ Куріолѣ; въ остальныхъ пяти обвиняемыхъ онъ не узнаетъ ни одного изъ тѣхъ подозрительныхъ людей.

Жанъ Огюстенъ Пьеръ: 8-го флореала, во время захода

солнца, онъ ѣхалъ изъ Льерсена въ Меленъ. По дорогѣ онъ нагналъ четырехъ неизвестныхъ верхомъ; они ѣхали чрезвычайно тихо.

Гражданка Альфруа положительно признала въ Курюоль и Лезюркѣ двухъ неизвестныхъ прогуливавшихся вечеромъ 8-го флореала по Льерсену.

Въ виду всѣхъ данныхъ собранныхъ слѣдствіемъ, въ особенности въ виду всѣхъ этихъ свидѣтельскихъ показаній, нѣтъ ничего удивительнаго что правосудіе считало свою цѣль почти вполнѣ достигнутою и воображало что всѣ главные виновники находятся въ его рукахъ. Въ самомъ дѣлѣ, не можетъ быть сомнѣнія что предположеніе о томъ что преступленіе совершено четырьмя неизвестными которыхъ видѣливъ день убійства по дорогѣ отъ Парижа до Льерсена, видѣвъ съ пятымъ ѣхавшимъ въ почтовомъ экипажѣ подъ видомъ пассажира, оправдывается всѣми обстоятельствами дѣла. Въ руки правосудія попало шесть подозрительныхъ людей, изъ которыхъ четыре, Курюоль, Лезюркъ, Гено и Брюэ были положительно признаны многими свидѣтелями за тѣхъ самыхъ таинственныхъ путешественниковъ въ которыхъ предполагали убійцъ. Казалось что на этихъ открытіяхъ можно было успокоиться. Въ дѣйствительности же настоящія улики обнаружены были только противъ Курюоля; Лезюркъ же и остальные имѣли противъ себя лишь показанія свидѣтелей признавшихъ ихъ сходство съ предполагаемыми убійцами. Но чтобы показать какъ ненадежны подобнаго рода признанія въ лицо людей однажды и мелькомъ видѣнныхъ, достаточно сказать что Гено и Брюэ, которыхъ признали многіе свидѣтели за двухъ изъ сказанной компаніи, на судѣ доказали несомнѣннымъ образомъ что они 8-го флореала не были на дорогѣ изъ Парижа въ Меленъ и вообще ни въ чемъ неповинны.

Лезюркъ имѣлъ противъ себя показанія *десяти* свидѣтелей, признавшихъ его самымъ положительнымъ образомъ за одного изъ четырехъ всадниковъ. Спрошенный о томъ какъ онъ провелъ весь день 8-го флореала, онъ далъ слѣдующее показаніе: утромъ онъ былъ у гражданина Леграна, золотыхъ дѣлъ мастера, у котораго пробылъ полтора часа; затѣмъ возвратился обѣдать къ своему родственнику Лезюрка, у котораго онъ и проживалъ. Въ этотъ день у нихъ обѣдало нѣсколько гостей, въ томъ числѣ рисоваальщикъ

Илеръ, съ которымъ они вдвоемъ отправились гулять по Италіянскому бульвару, гдѣ встрѣтили Гено, выпили вмѣстѣ по рюмкѣ ликера, а затѣмъ онъ, Лезюркъ, возвратился домой, поужинавъ и легъ спать.

Слѣдственный судья собралъ справки о поведеніи и образѣ жизни Лезюрка. Коммиссаръ исполнительной власти въ округѣ Дуэ (родина Лезюрка) далъ о немъ слѣдующій отзывъ: Лезюркъ успѣлъ, чрезъ разныя знакомства, совершить нѣсколько выгодныхъ операцій во время продажи національныхъ доменовъ; онъ приобрѣлъ этимъ путемъ состояніе, которое обезпечило ему безбѣдное существованіе, но не настолько, однако, чтобъ онъ могъ на всю жизнь обойтись безъ всякой службы и опредѣленнаго занятія. Но онъ сталъ жить черезчуръ широко, отправился въ Парижъ, гдѣ ведетъ праздную жизнь, и въ Дуэ всѣ думаютъ что капиталовъ его хватитъ не надолго. „Лезюркъ, сказано далѣе въ сообщеніи коммиссара, патриотъ, онъ характера любезнаго и уживчиваго; великодушень до крайности и обладаетъ способностями. Друзья его съ сожалѣніемъ замѣтили въ послѣднее время что онъ оставилъ свою жену, тратился на актрисъ, на скаковыхъ лошадей и другія подобнаго рода глупости.“

Обвинительное жюри предало суду по обвиненію въ убійствѣ и участіи въ немъ: Куріоля, Лезюрка, Гено, Брюэ, Бернара и Ршара. Въ обвинительномъ актѣ были вычислены всѣ собранныя противъ подсудимыхъ улики. Противъ Куріоля улики были весьма сильны. Противъ Лезюрка улики заключались главнымъ образомъ въ показанія свидѣтелей признавшихъ его въ лицо. Вещественнымъ доказательствомъ противъ него выставлена серебряная шпора найденная на мѣстѣ преступленія. Шпора эта была испорчена и перевязана ниткой; а одинъ изъ свидѣтелей признавшихъ въ Лезюркѣ одного изъ всадниковъ бывшихъ въ Льерсенѣ въ гостиницѣ, говорилъ что всадникъ этотъ поправлялъ въ его присутствіи свою сломанную шпору, перевязывая ее ниткой. Далѣе обвинительный актъ говорилъ что Лезюркъ ничѣмъ не доказалъ что онъ провелъ день 8-го флореала именно такъ какъ онъ разказываетъ, подозрительнымъ обстоятельствомъ представляются найденные на немъ два паспорта, и наконецъ указывается что Лезюркъ выставляетъ себя владѣльцемъ состоянія приносящаго до 10.000 ливровъ годоваго дохода, между тѣмъ какъ изъ отзыва мѣстныхъ властей

о немъ оказывается что онъ обладаетъ капиталомъ, который можетъ обезпечить ему безбѣдную жизнь, если онъ притомъ будетъ имѣть постоянное занятіе. Замѣтимъ здѣсь что состояніе Лезюрка, какъ оказалось въ послѣдствіи, дѣйствительно приносило 10.000 фр. дохода.

Гено и Брюэ обвинялись на основаніи показаній нѣсколькихъ свидѣтелей признавшихъ ихъ въ лицо, а также на основаніи доказанныхъ личныхъ сношеній ихъ съ Куріолемъ.

Бернаръ обвинялся на томъ основаніи что онъ далъ въ наймы лошадей на которыхъ ѣхали убійцы.

Ришаръ обвинялся въ укрывательствѣ вещей и денегъ добытыхъ преступленіемъ, а также въ томъ что онъ далъ у себя убійце Куріолю послѣ совершенія преступленія.

Дѣло передано было въ Сенскій уголовный трибуналь; судебное засѣданіе открылось 15-го термидора года IV (2-го августа 1796). Оно продолжалось 3 дня. Со стороны обвиненія допрошены были 55 свидѣтелей, со стороны защиты 83.

Защита Лезюрка, равно какъ Гено и Брюэ, заключалась въ стараніяхъ доказать ихъ *alibi*, то-есть что въ день и моментъ преступленія они находились не тамъ гдѣ предполагается обвиненіе. Лезюркъ доказывалъ справедливость приведеннаго выше показанія его о томъ гдѣ и какъ провелъ онъ день 8-го флореала. Съ этою цѣлью и вызваны были свидѣтели. Но тутъ случилось странное обстоятельство, которое главнымъ образомъ погубило Лезюрка. Онъ, какъ сказано, показывалъ что утромъ 8-го флореала онъ, вышедши изъ дому, зашелъ прежде всего къ ювелиру Леграну, у котораго въ магазинѣ пробылъ все утро. Этотъ Легранъ вполнѣ подтвердилъ ссылку на него Лезюрка, сказавъ что онъ просидѣлъ у него съ 10 до 2 часовъ. Онъ положительно утверждалъ, что это было именно 8-го, и помнитъ это хорошо по слѣдующей причинѣ: въ то самое время когда сидѣлъ у него Лезюркъ, онъ отпустилъ одну серебряную ложку ювелиру Альденгофу и записалъ объ этомъ въ книгу подѣ 8-мъ флореалемъ. Президентъ ассизнаго суда приказалъ доставить въ судъ эту книгу. По внимательномъ разсмотрѣніи указанной записи оказалось что цифра 8, означавшая день продажи, была передѣлана изъ цифры 9; это подтвердили два эксперта. Легранъ былъ немедленно арестованъ, и объ немъ въ тотъ же день начато предварительное слѣдствіе, по обвиненію въ умысленномъ подлогѣ. Легранъ

отвѣтилъ свидѣственному судѣ, допрашивавшему его, что онъ ничего не знаетъ о поправкѣ въ его книгѣ. Онъ полагательно помнитъ что Лезюркъ былъ у него въ день продажи ложки, онъ показалъ что это было 8-го справившись въ своей книгѣ; но онъ не знаетъ и не помнитъ какимъ образомъ произошла подправленная цифра въ книгѣ. 17-го термидора, то-есть на третій день судебного засѣданія, Легранъ снова явился въ ассизный судъ, на этотъ разъ арестованнымъ. Въ протоколѣ сказано: „президентъ спросилъ Леграна, настаиваетъ ли онъ на прежнемъ показаніи относительно дня 8-го флореала? Легранъ сказалъ что онъ беретъ назадъ свое прежнее показаніе, какъ основанное на подлогѣ, о которомъ онъ узналъ лишь теперь. Президентъ спросилъ Лезюрка что онъ имѣетъ сказать по поводу этого новаго показанія свидѣтеля. Лезюркъ, рассмотрѣвъ предъявленную ему книгу Леграна, просилъ присяжныхъ считать какъ бы все не данными всѣ показанія которыя были основаны на записи въ книгѣ Леграна.“

Ювелиръ Альденгофъ, показавшій сначала что онъ видѣлъ Лезюрка у Леграна 8-го, когда бралъ у него ложку, такъ же какъ и Легранъ взялъ назадъ свое показаніе, основанное на той же записи. Гражданинъ Илеръ утверждалъ, согласно съ показаніемъ Лезюрка, что онъ обѣдалъ вмѣстѣ съ подсудимымъ у его родственника 8-го флореала; но не могъ подтвердить этого показанія никакими доказательствами. Гражданинъ Франсуа Бодаръ показалъ что, будучи приглашенъ на обѣдъ къ Лезюрку на 9-е флореала, онъ былъ у него наканунѣ, 8-го, чтобы сказать ему что онъ не можетъ быть у него 9-го, такъ какъ на этотъ день приходится его дежурство по національной гвардіи. *Въ подкрѣпленіе этого показанія своего Бодаръ представилъ повѣстку о дежурствѣ.* Прочіе свидѣтели выставленные въ защиту Лезюрка всѣ подтвердили его *alibi*, но ни одинъ изъ нихъ не могъ подкрѣпить своихъ показаній письменными доказательствами, которыя, повидимому, настойчиво требовались отъ нихъ судомъ.

Свидѣтели обвиненія, показанія которыхъ изложены выше, повторили предъ судомъ сказанное прежде, признавъ въ лицо не только Лезюрка и Куріюля, но и Гено, Брюэ и Бернара. Лезюркъ, Гено и Брюэ настаивали на томъ что свидѣтели ошибаются; послѣдніе два доказали, какъ сказано,

несомнѣннымъ образомъ свое *alibi*. Куріоль и Бернаръ держались на судѣ системы полного отрицанія.

Присяжнымъ были предложены о каждомъ изъ четырехъ подсудимыхъ, Куріоль, Лезюркъ, Гено и Бернаръ, по два вопроса, относившіеся до предумышленного убійства, съ цѣлью грабежа, курьера Экскофона и почталіона Одебера въ ночь съ 8-го на 9-е флореала. Вопросы о Ршарѣ и Брюэ заключали въ себѣ признаки приобрѣтенія завѣдомо плодовъ преступленія. Когда присяжные удалились для совѣщаній, президенту было доложено что Маделенъ Бребанъ, которая не была вызвана въ качествѣ свидѣтельницы ни со стороны обвиненія, ни со стороны защиты, просить чтобы съ нея снятъ былъ допросъ, такъ какъ она имѣетъ сообщить нѣчто весьма важное. Ее ввели въ залу засѣданія, и на вопросъ президента Гоёе она объяснила что изъ шести подсудимыхъ виновенъ лишь одинъ Куріоль. Гено и Лезюркъ, если ихъ обвинять, падутъ жертвами сходства съ двумя изъ дѣйствительныхъ убійцъ. Гено свидѣтели приняли за Видала, а Лезюрка за Дюбоска. Послѣдній, въ день убійства, носилъ бѣлокурый парикъ, и это еще болѣе увеличило его сходство съ Лезюркомъ.

Президентъ прервалъ показаніе Бребанъ замѣчаніемъ что теперь уже не время выслушивать новыя показанія, такъ какъ судебное слѣдствіе и пренія кончились, и присяжные удалились для совѣщаній.

Присяжные отвѣтили утвердительно на вопросы о виновности Куріоля, Лезюрка, Бернара и Ршара, отрицательно о Гено и Брюэ.

Вслѣдствіе этого вердикта Куріоль, Лезюркъ и Бернаръ, какъ непосредственные участники въ убійствѣ, приговорены къ смертной казни, Ршаръ, какъ укрыватель—къ заключенію въ оковахъ на 24 года, Гено и Брюэ объявлены оправданными.

По выслушаніи приговора, Лезюркъ громко протестовалъ противъ него, говоря что онъ невиновенъ. Куріоль, который до тѣхъ поръ все отрицалъ, воскликнулъ: „Лезюркъ и Бернаръ ни въ чемъ невиновны; Бернаръ только далъ намъ лошадей. Лезюркъ никакого участія въ преступленіи не принималъ.“

На другой день, по просьбѣ Лезюрка, съ Куріоля снятъ былъ формальный допросъ въ тюрьмѣ Висетръ. Куріоль показавъ что виновниками преступленія были, кромѣ его, еще

четверо, имена, фамиліи и подробный адресъ которыхъ онъ тутъ же сообщилъ, присовокупивъ что ихъ хорошо знаетъ бывшая его любовница Маделенъ Бребанъ, такъ какъ они часто посѣщали его въ его квартирѣ. Это были: Дюбоскъ, Видааль, Русси и Лабордъ. 8-го флореала выѣхали они изъ Парижа чрезъ Шарантонскую заставу на лошадяхъ доставленныхъ имъ Бернаромъ. Часъ спустя онъ, Куріоль, догналъ ихъ за заставой. Лабордъ взялъ мѣсто въ почтовомъ экипажѣ, а остальные четверо отправились даже по дорогѣ верхомъ; въ Монжеронѣ они обѣдали и пили кофе. Совершивъ преступленіе, они на другой день возвратились въ Парижъ въ 5 часовъ утра, и здѣсь, въ квартирѣ Дюбоска, происходилъ дѣлежъ добычи. Русси, сколько ему извѣстно, уѣхалъ въ Брюссель. Зачинщиками преступленія были Русси и Видааль. Сабля и шпора найденныя на мѣстѣ преступленія принадлежали Дюбоску; тотъ же Дюбоскъ забылъ свою саблю въ Льерсенѣ и возвращался за нею. Сабля найденная на дорогѣ принадлежала Русси.

Еще нѣсколько дней спустя, Куріоль продиктовалъ письмо на имя Директоріи, въ которомъ сказано слѣдующее:

„Неужели справедливо что я долженъ присовокупить къ своему преступленію еще двойное убійство? Правдивыя заявленія, которыя я не переставалъ дѣлать съ минуты моего осужденія, не могли побудить къ оправданію двухъ невинныхъ, которые суть жертвы ошибки. Могу ли я надѣяться, по крайней мѣрѣ, что вы, въ отмщеніе ихъ смерти, дадите строжайшій приказъ о розысканіи четырехъ лицъ, на которыхъ я указалъ, и которыя суть мои единственные сообщники? Интересы общества васъ къ тому обязываютъ. Дѣвица Бребанъ, съ которою я жилъ, повторяю вамъ, знаетъ ихъ очень хорошо и вполне посвящена во всѣ подробности совершенія этого преступленія. Доказательствомъ тому служить что еще прежде формальнаго преданія суду этихъ несчастныхъ (которыхъ теперь безчеловѣчнымъ образомъ приносятъ въ жертву), она заявила комиссару исполнительной власти при муниципалитетѣ въ Меленѣ, что изъ шести арестованныхъ по этому дѣлу виноватъ только я одинъ. Она не повторила этого предъ судомъ лишь изъ непростительной робости. Нужны ли вамъ, граждане-директоры, еще доказательства чтобъ убѣдить васъ въ правдивости моихъ показаній? Прикажете меня допросить, и я готовъ дать всевозможныя свѣдѣнія и указанія. Впрочемъ, истина должна скоро открыться, и немного погоды вы сами будете въ ней убѣждены. Но уже будетъ поздно. Невинные уже не будутъ въ живыхъ, да, невинные! Я не перестану повторять это до моего послѣдняго издыханія.“

Въ то же время нѣсколько лицъ заявили властямъ о такихъ обстоятельствахъ которые, повидимому, подтверждали показанія Куріоля. Такъ Жанъ-Батистъ Кошуа показалъ, что Маделенъ Бребанъ проживаетъ у него, будучи отдана ему на поручительство слѣдственнымъ судьей Добантономъ. Наканунѣ судебного засѣданія она говорила ему что изъ шести подсудимыхъ одинъ Куріоль виновенъ, остальные убійцы бѣжали изъ Парижа съ фальшивыми паспортами приготовленными заранее. Гулонъ, сапожникъ, показалъ что жена Рижара, его земляка, пришла къ нему послѣ осужденія ея мужа; они вмѣстѣ пошли отыскивать гражданку Бребанъ, которая и имъ сказала то же самое, прибавивъ что Лезюркъ былъ принятъ за другаго, и поводомъ къ этому послужили его свѣтлорусые волосы, ибо Дюбоскъ постоянно носить русый парикъ. Маделенъ Бребанъ повторила тѣ же показанія и предъ слѣдственнымъ судьей, сказавъ что она видѣла одинъ разъ Лезюрка у Рижара, и что Лезюркъ много похожъ на Дюбоска, въ особенности когда послѣдній носить русый парикъ.

Лезюркъ подалъ кассационную жалобу, въ которой ссылаяся главнымъ образомъ на обстоятельства доказывающія его невиновность; какъ кассационный же поводъ выставилъ неточности и невѣрности въ изложеніи протокола судебного засѣданія. Кассационный судъ, оставивъ безъ разсмотрѣнія все относящееся до существа дѣла, какъ неподлежащее обсужденію въ кассационномъ порядкѣ, нашелъ что неточности въ протоколѣ не могутъ быть признаны существеннымъ нарушеніемъ формъ и обрядовъ судопроизводства, и рѣшеніемъ отъ 27-го вандемьера V года оставилъ кассационную жалобу безъ послѣдствій.

Лезюркъ обратился съ прошеніемъ въ Исполнительную Директорію.

Директорія потребовала къ себѣ все дѣло, разсмотрѣла его и затѣмъ предложила Совѣту Пяти Сотъ обсудить дѣло и рѣшить какъ должно въ этомъ случаѣ поступить правительству. „Если Лезюркъ невиновенъ, сказано было въ посланіи Директоріи, то долженъ ли онъ погибнуть на эшафотѣ потому только что онъ похожъ на виновнаго? Директорія обращаетъ ваше особенное вниманіе на это дѣло, граждане-представители, причемъ вы должны имѣть въ виду, что тутъ

нельзя терять ни минуты, ибо завтра утромъ (28-го вандемьера) смертная казнь имѣетъ быть исполнена.“

Совѣтъ Пяти Сотъ предписалъ Директоріи отсрочить исполненіе приговора и назначилъ особую комиссію для разсмотрѣнія дѣла. Эта комиссія состояла изъ трехъ лицъ, Фрельяра, Крассу и Симеона—трехъ извѣстныхъ юристовъ.

Докладъ комиссіи представляетъ самъ по себѣ столь интересный документъ, что мы рѣшаемся привести изъ него тѣ мѣста въ которыхъ высказывается взглядъ тогдашнихъ французскихъ юристовъ на возобновленіе рѣшенныхъ уголовныхъ дѣлъ:

„Комиссія, сказано въ докладѣ, сознавая всю важность предмета, съ величайшимъ, лихорадочнымъ вниманіемъ прослѣдила документы предложенные на ея разсмотрѣніе. Двѣ важныя мысли занимали ее: усмотрѣть ясно невиновность осужденнаго, найти законныя средства къ его спасенію и въ то же время обезпечить противъ подобной же участи всякаго невиновнаго, который могъ бы впасть въ такое же несчастье. Въмѣсто очевидности, которую комиссія надѣялась усмотрѣть, она съ прискорбіемъ встрѣтила одно только заявленіе осужденнаго Куріоля, сдѣланное 19-го термидора, то-есть на другой день послѣ произнесенія приговора.

„Ваша комиссія спросила себя: какое значеніе могутъ имѣть болѣе или менѣе повторительныя заявленія осужденнаго въ пользу его соосужденныхъ? какую цѣну можно придать внѣ-судебнымъ показаніямъ свидѣтелей, которые явились послѣ суда никѣмъ не призванные? Отвѣтъ былъ не труденъ. Какой осужденный не согласится, за извѣстную сумму обѣщанную его семейству, или даже просто изъ великодушія, которое ему ничего не стоить, оправдать сообщника, смерть котораго не можетъ принести ему никакой пользы? Это могло бы даже сдѣлаться предметомъ договора между злодѣями. Сообщники преступленія стали бы напередъ соглашаться между собою о томъ или о тѣхъ, которыхъ слѣдуетъ выгородить въ случаѣ обвинительнаго приговора. Какой осужденный, въ особенности если у него есть средства, не найдетъ возможности добыть, послѣ осужденія, какихъ угодно свидѣтелей? Много ли усилій требуется для того чтобы обратиться въ свою пользу тѣ сомнѣнія которыя присяжные отвергли по зрѣломъ и всестороннемъ обсужденію дѣла?

„Мы надѣялись встрѣтить въ заявленіяхъ Куріоля такія проблески истины которыя, указывая на очевидную ошибку, заставляютъ создать, въ случаѣ надобности, новое средство для ея устраненія. Мы ожидали доказательствъ того что Куріоль одинъ виновенъ, что невиновность Бернара, Лезюрка и Ршара будетъ осязательна. Мы думали убѣдиться что послѣдніе не имѣли никакихъ сношеній съ Куріолемъ, и что

въ то время, въ которое совершилось преступленіе, они были далеки отъ него; что они докажутъ самымъ точнымъ, самымъ поразительнымъ образомъ свое *alibi*. Въ-сто всего этого мы видимъ что Куріоль, соглашающійся умереть одинъ, ибо товарищи нужны для совершенія грабежа или убійства двухъ здоровыхъ и мужественныхъ людей, но въ нихъ нѣтъ надобности чтобъ умереть,—этотъ Куріоль подставляетъ на мѣсто своихъ соосужденныхъ другихъ лицъ, которыхъ онъ называетъ и обозначаетъ по своему произволу, которые могли принять или не принимать участіе въ преступленіи; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ что тѣ которыхъ преслѣдовала обвинительная власть невиновны.

„Куріоль оправдываетъ своимъ заявленіемъ не только Лезюрка, но и Ршара, обвиненнаго въ укрывательствѣ, и Бернара, признаннаго участникомъ убійства. Между тѣмъ послѣдніе и не думаютъ оспаривать приговоръ. Неужели Бернаръ и Ршаръ пренебрегаютъ благодѣніемъ оказываемымъ имъ Куріолемъ? Или же ихъ причислили къ безвинно-осужденнымъ потому что для спасенія Лезюрка сочли нужнымъ замѣнить всѣхъ дѣйствующихъ лицъ кровавой драмы совершенно новымъ персоналомъ?

„Чтобы не упустить изъ виду ничего могущаго служить къ оправданію Лезюрка, мы собрали подробныя свѣдѣнія о томъ что происходило во время разбирательства этого дѣла какъ въ ассизномъ, такъ и въ кассационномъ судѣ. Въ кассационномъ судѣ защитникъ Лезюрка доказывалъ его невиновность основываясь на заявленіи Куріоля и на внѣ-судебныхъ показаніяхъ четырехъ свидѣтелей. Кассационный судъ, который не имѣетъ права вѣдаться въ разсмотрѣніе существа дѣла, находя выставленные въ жалобѣ кассационные поводы неуважительными, оставилъ ходатайство Лезюрка безъ послѣдствій. Но мы полагаемъ, что еслибы кассационный судъ усмотрѣлъ очевидныя доказательства невиновности Лезюрка, тогда, повинувшись соображеніямъ высшей справедливости, онъ сумѣлъ бы придать самымъ ничтожнымъ нарушеніямъ формъ и обрядовъ судопроизводства характеръ существенныхъ отступленій, почерпнувъ основанія для этого изъ фактической стороны дѣла. Кассационному суду все показалось бы пригоднымъ дабы кассировать приговоръ, ибо нельзя не воспользоваться всякимъ предлогомъ дабы предупредить юридическое убійство. Еслибы, наконецъ, сознание строгости долга и предѣловъ своей власти не дозволило верховному трибуналу этого смѣлаго шага, онъ по крайней мѣрѣ сообщилъ бы законодательному корпусу о безсиліи закона и призвалъ бы его на помощь погибающей невинности, которую спасти судъ не находитъ средствъ. Итакъ кассационный судъ не имѣлъ того яснаго указанія судебной ошибки, котораго и мы съ жадностью, но тщетно доискивались.

„Можетъ-быть, въ ассизномъ судѣ обнаружили болѣе осознательныя указанія въ пользу Лезюрка, но были затемнены

въ глазахъ присяжныхъ другими указаніями противоположнаго свойства? Можетъ-быть, эти проблески истины, въ соединеніи съ недостаточными сами по себѣ четырьмя свидѣтельскими показаніями представленными послѣ суда, дадутъ намъ вполнѣ удовлетворительный поводъ къ признанію ошибки? Увы! Мы узнали что судебное слѣдствіе продолжалось почти непрерывно три дня и три ночи; въ пользу Лезюрка было выслушано 80 свидѣтелей; все что могло быть высказано въ его защиту было высказано; но никто и не пытался на судѣ оспаривать тождество подсудимыхъ признанныхъ многими, вполнѣ достовѣрными свидѣтелями и доказывать что ихъ приняли за другихъ, тѣхъ самыхъ которые послѣ суда были названы по имени и описаны по примѣтамъ. Лезюркъ былъ узнавъ семью свидѣтелями видѣвшими его въ Монжеронѣ и Льерсенѣ. Трактирщикъ изъ Льерсена и его жена специально признали въ немъ того самого которому принадлежала шпора найденная близъ труповъ убитыхъ. Трактирщица дала ему нитку для укрѣпленія шпору. Она узнала свою нитку на шпорѣ.

(Затѣмъ въ докладѣ разбираются подробно улики противъ Лезюрка: его завтракъ у Ришара вмѣстѣ съ Гено, неимѣніе паспорта, его появленіе въ центральномъ бюро и, наконецъ, alibi опровергнутое доказанною поправкой въ книгѣ Лиграна.)

„Лезюркъ (продолжаетъ докладъ) сужденъ и осужденъ по всей формѣ закона. Это доказываетъ его кассационное домогательство отвергнутое кассационнымъ судомъ.

„Теперь мы должны, поднимаясь до болѣе общихъ соображеній справедливости и требованій общественной пользы, обратить ваше вниманіе на то какъ опасно было бы допустить послѣ осужденія представленіе новыхъ оправдательныхъ доводовъ со стороны осужденнаго. Напрасно ссылаются по этому поводу на великую цѣну человеческой жизни: здѣсь слѣдуетъ прежде всего имѣть въ виду всеобщее благо. Стоить только допустить подобнаго рода ходатайство, и тогда не будетъ ни одного осужденнаго который не нашелъ бы средствъ избѣгнуть исполненія произнесеннаго надъ нимъ приговора, который не добылъ бы оправдательныхъ показаній со стороны сострадательныхъ или подкупленныхъ свидѣтелей. Существованіе приказовъ о пересмотрѣ (*lettres de révision*) въ старомъ процессѣ еще можетъ быть оправдано: этого требовали формы слѣдственнаго процесса и возможность многочисленныхъ ошибокъ которыя влекло за собою его дурное устройство. Но вмѣсто этого порядка мы установили другой, несравненно болѣе совершенный, и притомъ столь благоприятный для подсудимаго что при немъ многіе виновные могутъ избѣгнуть кары правосудія, но почти невозможно чтобы пострадалъ невинный. Гдѣ остановиться, если рѣшеніе суда никогда не можетъ стать окончательнымъ, если подсудимый, для оправданія котораго достаточно желанія трехъ изъ двѣнадцати присяжныхъ, будетъ имѣть право,

послѣ осужденія, ссылаться на новыя показанія въ его пользу и требовать на этомъ основаніи новаго судебного разбирательства?

„Рѣшеніе присяжныхъ, сказано въ нашемъ кодексѣ, не можетъ ни коимъ образомъ быть подвергнуто апелляціи.“ Послѣ ихъ рѣшенія все исчерпано, развѣ только обнаружится ошибка съ такою очевидностью, которая выходитъ за предѣлы всякихъ предустановленныхъ правилъ; напимѣрь, въ случаѣ если самое событіе преступленія будетъ уничтожено, и человѣкъ, предполагаемый убитымъ, окажется въ живыхъ. Но когда въ событіи преступленія сомнѣваться нельзя, и когда присяжные признали въ немъ виновнымъ подсудимаго, давать послѣднему возможность оспаривать правильность убѣжденія присяжныхъ значило бы уничтожить всякую прочность установленнаго порядка судопроизводства, создать обширную возможность безнаказанности преступленій, отдать общество на произволъ и отвагу злодѣевъ, а правосудіе на ихъ посмѣшище.

„По всѣмъ симъ соображеніямъ коммиссія предлагаетъ вамъ переходъ къ очереднымъ дѣламъ.“

Куріоль между тѣмъ прислалъ въ законодательное собраніе новое (четвертое) заявленіе, въ которомъ онъ снова повторилъ свои прежнія показанія и со всею подробностью разказалъ какъ приготовлялось и совершилось преступленіе; онъ снова настаивалъ на допросѣ Бребанъ, которая, по его словамъ, посвящена была во всѣ подробности дѣла. Съ своей стороны и Лезюркъ подалъ петицію, въ которой просилъ назначить члена собранія для выслушанія его показаній и умолялъ чтобъ ему данъ былъ срокъ въ нѣсколько дней, въ которые онъ представитъ ясныя доказательства своей невинности. Заявленіе и петиція вызвали добавленіе къ приведенному докладу коммиссіи, въ которомъ сказано было, между прочимъ, слѣдующее:

„Законодательное собраніе замѣчаетъ конечно куда привело его движеніе гуманности побудившее его назначить особую коммиссію. Вы видите что Куріоль уже предлагаетъ вамъ назначить одного изъ вашихъ членовъ для снятія съ него допроса, то-есть для исполненія судейскихъ обязанностей, а Лезюркъ проситъ срока въ нѣсколько дней для представленія доказательствъ. Собрать доказательства, когда ихъ слѣдовало бы по крайней мѣрѣ представить совершенно готовыми и сіяющими тѣмъ свѣтомъ истины который устрашаетъ всякую тѣнь сомнѣнія! Собрать еще новыя доказательства, когда на судѣ представлено было со стороны защиты 80 свидѣтелей, когда между преданіемъ суду и судомъ прошло три мѣсяца, когда послѣ суда также уже прошло два

мѣсяца и девять дней! Имѣеть ли законодательное собраніе право дать Лезюрку новую отсрочку? Можетъ ли вообще законодательное собраніе вмѣшиваться въ дѣло суда и принять на себя роль апелляціонной инстанціи? Лезюркъ былъ судимъ съ соблюденіемъ того законнаго порядка который установленъ для суда надъ всѣми гражданами преданными суду. Еслибы даже было справедливо что онъ осужденъ неправильно, то и тогда мы не могли бы вмѣшаться въ это дѣло, какъ не можемъ мы отмѣнить какое-либо неправильное административное распоряженіе. Во всякомъ случаѣ никакія сожалѣнія не могутъ тяготить насъ, ибо мы не облечены на этотъ предметъ никакою властью. То что Лезюркъ теперь представляетъ въ свое оправданіе было бы недостаточно для опроверженія показаній свидѣтелей которые признали его въ лицо; при старомъ порядкѣ судопроизводства этого было бы недостаточно чтобы вызвать приказъ о возобновеніи. *Нужно было бы чтобы тѣ на кого указываютъ какъ на настоящихъ виновныхъ были спасены, и чтобы они сознались или были осуждены.* Вы знаете какъ несогласимо возобновеніе уголовныхъ дѣлъ съ устнымъ процессомъ основаннымъ на принципѣ внутренняго убѣжденія присяжныхъ. Вы знаете что въ Англіи осужденный, до исполненія надъ нимъ приговора, можетъ доказывать только одно, что не онъ осужденный; онъ можетъ оспаривать тождество своей личности, но не вопросъ о своей виновности, ибо, говоритъ Блакстонъ, это вопросъ рѣшенный. Въ настоящемъ дѣлѣ суду преданъ былъ Лезюркъ, а не кто другой, осужденъ также Лезюркъ, а не другой. Онъ доказываетъ теперь свою невиновность, но онъ не отрицаетъ событія преступленія, безъ котораго не могло бы быть ни виновнаго, ни суда. Онъ говоритъ: „дайте мнѣ возможность доказать что я невиновенъ“; но вы не можете дозволить ему то что запрещено и старымъ, и новымъ закономъ. Вамъ стоить только произвольно принять на себя роль судилища высшей справедливости, и тогда каждый осужденный станетъ домогаться вашего милосердія какъ въ бывшее время доискивались этого предъ королями. Подобно послѣднимъ, вамъ будутъ льстить, васъ будутъ обманывать; чувства и добрыя намеренія заступятъ мѣсто твердыхъ правилъ; подъ предлогомъ весьма благовиднымъ вы установите произволъ, примѣромъ котораго не преминуть воспользоваться для менѣе извинительныхъ нововведеній.

„Коммиссія настаиваетъ на своемъ предложеніи о переходѣ къ очереднымъ дѣламъ.“

Защитникъ Лезюрка составилъ подробную записку, въ которой разбиралъ и опровергалъ всѣ соображенія коммиссіи. Эта записка была имъ напечатана и роздана всѣмъ членамъ Совѣта Пяти Сотъ. Вотъ что сказано было въ запискѣ по поводу уликъ выставленныхъ противъ Лезюрка:

„Коммиссія требуетъ чтобы Лезюркъ доказалъ болѣе убѣдительнымъ образомъ свое *alibi*. Исполняя обязанности которыя оставляютъ вамъ мало времени, каждый изъ васъ, граждане-представители, конечно, легко могъ бы указать какимъ образомъ и въ какихъ занятіяхъ провелъ онъ извѣстный день двѣ недѣли тому назадъ. Но когда вы были простыми гражданами, вашъ досугъ наполненъ былъ такими занятіями, которыя, по прошествіи иногда весьма короткаго времени, совершенно изглаживаются изъ памяти. Еслибъ отъ васъ потребовали отчета объ извѣстныхъ опредѣленныхъ дняхъ, вы могли бы припомнить болѣе или менѣе свои занятія и дѣйствія, но доказать все это едва ли въ большинствѣ случаевъ было бы возможно. Почему же вы требуете отъ Лезюрка вещь невозможную для большинства гражданъ которыхъ честность не подлежитъ никакому сомнѣнію? Никакое важное дѣло или событіе не отмѣтило для Лезюрка особеннымъ образомъ день 8-го флореала. Единственное что онъ могъ припомнить объ этомъ днѣ было собраніе нѣсколькихъ его друзей; послѣ обѣда того же дня онъ посѣтилъ мастерскія нѣсколькихъ ремесленниковъ, которымъ онъ сдѣлалъ заказы для вновь устраиваемой своей квартиры. Въ тотъ же день онъ прогуливался и вообще предавался такимъ занятіямъ которыя характеризуютъ праздную жизнь человѣка обеспеченнаго въ матеріальномъ отношеніи. Тутъ онъ встрѣтился съ Гено. Еслибы послѣдній случайно въ этотъ день не имѣлъ важнаго дѣла, по которому ему пришлось явиться къ нѣкоторымъ властямъ, его постигла бы та же участь что и Лезюрка, ибо улики противъ него выставленныя были почти одинаковы: пять свидѣтелей, показывавшіе что они видѣли его на дорогѣ изъ Парижа въ Меленъ и очевидно ошибавшіеся, были тѣ самые показаніе которыхъ противъ Лезюрка послужило основаніемъ къ его осужденію. Они присягнули что признаютъ Гено; это показаніе несомнѣнно было ложно. Трое изъ нихъ присягнули также что признаютъ Брюэ, который былъ оправданъ по той же причинѣ что и Гено; они опять солгали. Какъ же можно думать что относительно Лезюрка они показали правду? Если свидѣтельскія показанія считаются такимъ несомнѣннымъ доказательствомъ, если имъ придаютъ такую вѣру, то почему же на судѣ такъ различно оцѣнивались показанія свидѣтелей обвиненія и свидѣтелей защиты? Я слабъ за всѣмъ происшедшимъ на судѣ, и это предпочтеніе данное, въ противность закону, однимъ свидѣтелямъ предъ другими меня поразило. Эта несообразность особенно рѣзко выступила въ послѣднемъ разъясненіи президента присяжнымъ. Въ своей рѣчи президентъ, вмѣсто того чтобъ изложить обстоятельства дѣла, дозволилъ себѣ ихъ оцѣнивать; обвиняемые же и ихъ защитники не могли ему возражать и указать его ошибки. Президентъ удивлялся какимъ образомъ свидѣтели защиты, подтвердившіе всѣ до одного *alibi* Лезюрка, могли такъ хорошо припомнить что обстоятельства,

о которыхъ они показывали, относились именно до 8-го флореала, между тѣмъ какъ ни одинъ не могъ указать, въ подтвержденіе своихъ словъ, на какое-либо письменное доказательство которое служило бы точкой опоры для ихъ воспоминаній; вотъ почему, говорилъ президентъ, показанія ихъ были плодомъ ошибки или намеренною ложью. Онъ не допускалъ чтобы всѣ эти свидѣтели могли ясно помнить день 8-го флореала, а минуту спустя онъ требовалъ отъ Лезюрка точныхъ указаній насчетъ того же дня. Что было невозможно для свидѣтелей должно было быть возможно для обвиняемаго.*

„Коммиссія, какъ и обвинитель на судѣ, находила важную улику противъ Лезюрка въ показаніи Леграна и обстоятельствахъ его сопровождавшихъ. Я не знаю что говорилъ Легранъ свидѣтелю, когда его арестовали по обвиненію въ подлогѣ. Чтобы избавиться отъ такого обвиненія, онъ, можетъ-быть, и высказалъ предъ свидѣтелемъ предположеніе, будто бы поправка въ его книгѣ была сдѣлана въ послѣдствіи и безъ его вѣдома. Но при вторичномъ допросѣ на судѣ, это я утверждаю положительно, онъ отрицалъ всякій подлогъ и утверждалъ что поправка была слѣдствіемъ случайной ошибки во время самой записи, и что посѣщеніе Лезюрка относилось именно къ 8-му. Лезюркъ вовсе не отвергъ, какъ сказано въ протоколѣ, показаніе Леграна: онъ только отказался отъ доказательства основаннаго на записи въ книгѣ Леграна; онъ считалъ это излишнимъ, такъ какъ это самое *alibi* (посѣщеніе лавки Леграна) подтверждено было другимъ свидѣтельскимъ показаніемъ и притомъ такимъ которое опиралось на письменномъ актѣ, повѣсткѣ о призывѣ къ отправленію обязанностей по національной гвардіи.

„Противъ Лезюрка еще выставляютъ уликой то обстоятельство, которое его погубило: его появленіе въ центральномъ бюро. Обвиненіе утверждаетъ что онъ пошелъ туда

* Разказы очевидцевъ указываютъ на многія дѣйствія президента Гоге обличающія его пристрастіе противъ Лезюрка. Онъ положительно запугивалъ свидѣтелей защиты, на одну свидѣтельницу онъ навелъ такой ужасъ что она упала въ обморокъ. „Какъ велики ваши доходы?“ спросилъ между прочимъ президентъ Лезюрка.— „Они простираются до 12.000 фр.“, отвѣтилъ послѣдній.— „Ассигнаціи, конечно?“— „Нѣтъ, гражданскіи-президентъ, я получаю свои доходы съ земель звонкою монетой.“— „Вѣрьте послѣ этого, обратилася президентъ къ присяжнымъ,—что преступленія совершаются лишь бѣдняками! Если оправедливо что мелкія преступленія составляютъ достояніе бѣдныхъ людей, то крупныя принадлежатъ богатымъ.“ Этотъ разказъ приведенъ въ русскомъ журналѣ *Уголовная Лѣтопись*, издающемся въ Дрезденѣ, безъ означенія источника изъ котораго онъ заимствованъ.

дабы узнать что-нибудь о ходѣ полицейскихъ розысковъ. Но это предположеніе лишено всякаго правдоподобія. Никогда виновные не рискуютъ приближаться къ мѣсту розысковъ. Имъ извѣстно что примѣты ихъ указаны и служатъ однимъ изъ первыхъ способовъ розысканія. По заявленію Куріоля, сообщники его уѣхали изъ Парижа, когда началось сѣдствіе; онъ самъ поспѣшилъ удалиться въ Шато-Тьерри. Лезюрку, еслибъ онъ былъ виновенъ, нужно было быть несмысленно отважнымъ, нужно было быть сумасшедшимъ чтобы забраться безъ нужды именно туда гдѣ для него предстояла наибольшая опасность.

„Еще указываютъ на то что Лезюркъ имѣлъ при себѣ чужой паспортъ. Сознаюсь, что по этому предмету Лезюркъ заслуживаетъ упрека. Проживать двѣнадцать лѣтъ въ Парижѣ и не застисъ этимъ необходимымъ документомъ, не выполнять обязанностей гражданина по національной гвардіи * доказываетъ безпечность достойную всякаго порицанія. Эта-то безпечность во всѣхъ дѣлахъ и погубила Лезюрка. Но тутъ нѣтъ никакого преступленія; Лезюрку нужна была карта чтобы пройти въ бюро, и онъ взялъ такую у своего родственника; это поступокъ предосудительный, но изъ него отнюдь не слѣдуетъ чтобъ онъ былъ убійцей.“

Мы сочли не безынтереснымъ привести довольно большія выписки изъ того что было выставлено за и противъ Лезюрка. Защита сдѣлала все отъ нея зависѣвшее для спасенія несчастнаго, и въ наше время трудно понять какимъ образомъ эти столь убѣдительные доводы оставлены были безъ вниманія. Нѣтъ сомнѣнія что соображенія комиссіи законодательнаго собранія, ея указанія на неудобства и опасности вышатаательства законодательной власти въ дѣло суда имѣли рѣшительное вліяніе на роковое постановленіе Совѣта Пяти Сотъ. Эти соображенія, дѣйствительно, вполне уважительны. Противъ нихъ и теперь нельзя ничего возразить съ точки зрѣнія какъ юридической, такъ и политической, но именно поэтому докладъ комиссіи по дѣлу Лезюрка могъ бы быть дѣйкомъ включенъ въ любой трактатъ о смертной казни и послужить весьма тяжеловѣснымъ аргументомъ противъ нея. Непоправимость этой высшей кары въ человѣческомъ правосудіи въ виду человѣческой погрѣшимости и возможности судебной ошибки—вотъ что болѣе всего другаго заставляетъ

* Во время республики всѣ граждане обязаны были внести свое имя въ списки, на основаніи котораго устанавливалась очередь для отправленія гарнизонныхъ обязанностей по національной гвардіи. Съ этою же цѣлью каждому гражданину выдавалась полицейская карточка (carte de sûreté).

призадуматься криминалиста, и дѣло Лезюрка на всегда останется въ лѣтописяхъ уголовного права разительнымъ подтвержденіемъ грозной дилеммы, въ какую часто бываетъ поставлено правосудіе когда, съ одной стороны, мечъ его *долженъ* опуститься на голову виновнаго, а съ другой, сомнѣніе въ его дѣйствительной виновности,—сомнѣніе, устранить которое вполне не въ силахъ человѣка,—заставляетъ колебаться карающую руку.

Совѣтъ Пяти Сотъ не имѣлъ никакой *законной* возможности даровать Лезюрку тѣ нѣсколько дней о которыхъ онъ умолялъ, и принялъ предложенную комиссіей резолюцію о переходѣ къ очереднымъ дѣламъ.

На другой день, 9-го брюмера, Лезюркъ, вмѣстѣ съ Куріолемъ и Бернаромъ, сложилъ свою голову на эшафотѣ. Лезюркъ до послѣдней минуты не переставалъ громко протестовать. Съ своей стороны и Куріоль, уже стоя на эшафотѣ, восклицалъ: „Я убійца, но Лезюркъ ни въ чемъ не виновенъ“....

V.

Казнь Лезюрка окончилось лишь первое дѣйствіе кровавой судебной драмы. Мы увидимъ что не одинъ еще смертный приговоръ былъ произнесенъ по поводу убійства Экокофона и Одебера. Но процессъ этотъ, продолжавшійся еще восемь лѣтъ послѣ казни трехъ упомянутыхъ лицъ, не былъ направленъ только на розысканіе и осужденіе остальныхъ виновниковъ преступленія. Послѣдующее развитіе процесса отличалось одною исключительно ему принадлежащею особенностью: каждое новое обвиненіе произнесенное противъ дѣйствительныхъ участниковъ убійства приносило вмѣстѣ съ тѣмъ новое подтвержденіе невинности Лезюрка.

Новыя обстоятельства стали раскрываться спустя уже нѣсколько дней послѣ казни Лезюрка. Черезъ семь дней послѣ казни одинъ изъ составителей доклада комиссіи получилъ письмо отъ г. Жарри, бывшаго мирового судьи въ Безансонѣ, въ которомъ послѣдній сообщалъ что показаніе Куріоля насчетъ Дюбоска, по его твердому убѣжденію, заслуживало полного довѣрія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, писалъ г. Жарри, онъ, по просьбѣ одного негоціанта, у котораго произведена была кража на два милліона ассигнаціями и звонкою

монетой, задержалъ въ Безансонѣ жену вора уже арестованнаго прежде. Но за нѣсколько дней до суда воръ перелѣзъ чрезъ ограду тюрьмы и бѣжалъ, успѣвъ освободить свою жену. Въ послѣдствіи открылось что этотъ смѣлый злодѣй еще до того былъ осужденъ на каторгу Сенскимъ трибуномъ. Этотъ злодѣй былъ Дюбоскъ. „У него были каштановые волосы, пишетъ г. Жарри, но онъ носилъ свѣтлорусый парикъ, а между его вещами я нашелъ другой, черный. Посредствомъ этихъ париковъ онъ часто мѣнялъ свою физиономію. Это былъ самый опытный и бывалый злодѣй изъ всѣхъ мнѣ извѣстныхъ. Послѣ его бѣгства, когда до меня доходили слухи о какомъ-либо смѣломъ преступленіи въ Парижѣ или Лионѣ, я всегда былъ увѣренъ что Дюбоскъ тутъ замѣшанъ. Когда я прочиталъ въ *Мониторъ* вашъ докладъ, я сразу узналъ Дюбоска. Для меня достаточно было узнать о свѣтлорусомъ парикѣ чтобъ убѣдиться въ этомъ. Это онъ. Куріоль говорилъ правду.“

Вскорѣ обнаружилась гораздо болѣе важная обстоятельство, указывавшія на существованіе судебной ошибки относительно Лезюрка. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ казни послѣдняго, одинъ изъ указанныхъ Куріолемъ сообщниковъ, Лабордъ (Жозефъ Дюроша), былъ узнавъ на судѣ, гдѣ онъ судился за кражу. Дѣло было приостановлено, и противъ него начато предварительное слѣдствіе по обвиненію въ участіи въ убійствѣ лионскаго курьера. На первомъ же допросѣ у слѣдователя Добантона Лабордъ вполнѣ во всемъ сознался. Онъ показалъ слѣдующее: За нѣсколько мѣсяцевъ до преступленія онъ пріѣхалъ въ Парижъ и встрѣтился здѣсь съ Видалемъ, котораго онъ зналъ еще прежде. Видалъ пригласилъ его къ себѣ на квартиру, гдѣ онъ и ночевалъ. Чрезъ нѣсколько дней Видалъ сообщилъ ему о планѣ, составленномъ имъ и нѣкоторыми его знакомыми, отправиться на большую дорогу въ Меленъ дабы ограбить почтовый экипажъ идущій въ Лионъ. Вслѣдъ за тѣмъ Видалъ свелъ его съ Дюбоскомъ, Русси и Куріолемъ для соглашенія насчетъ предпріятія. Дюбоску принадлежала первая мысль о преступленіи. Было условлено чтобъ онъ, Лабордъ, взялъ мѣсто въ экипажѣ; остальные же четверо должны были напасть на почтовый экипажъ за Льерсеномъ, при чемъ, по словамъ Лаборда, условлено было ограничиться однимъ ограбленіемъ, не прибѣгая къ убійству; почталіона и курьера предполагалось

связать. Днемъ совершенія замысла условлено 8-е флореаля. Съ помощію Дюбоска и Видала, онъ запасся паспортомъ подь именемъ Лабордъ и взялъ мѣсто въ почтовомъ экипажѣ, за которое заплатилъ 3.000 ливровъ ассигнаціями, деньгами данными ему Дюбоскомъ. Видалъ, Дюбоскъ, Русси и Куріоль выѣхали изъ Парижа въ 8 часовъ утра 8-го флореаля; лошадей доставилъ имъ Бернаръ. Онъ, Лабордъ, выѣхалъ въ почтовомъ экипажѣ въ 4 часа того же дня. Было около 9^{1/2} часовъ вечера, когда за Льерсеномъ сдѣлано было нападеніе. Русси первый нанесъ ударъ саблей курьеру. Онъ, Лабордъ, хотѣлъ-девоспротивиться убійству, но получилъ самъ сильную рану въ руку, отъ которой до сихъ поръ у него остался шрамъ. Онъ выскочилъ изъ экипажа и побѣжалъ; въ 20 шагахъ онъ наткнулся на Куріоля и сталъ упрекать его въ томъ что первоначальный уговоръ о томъ чтобы не убивать былъ нарушенъ, говоря что это поведетъ ихъ подь гильйотину. Куріоль ему отвѣчалъ: „Это Русси; ты знаешь какъ онъ горячъ. Но теперь дѣло сдѣлано: мертвые не возстанутъ чтобы показывать противъ насъ.“ Затѣмъ экипажъ былъ свороченъ съ дороги, и они принялись раскрывать тюки и пакеты, забирая все чтъ было въ нихъ цѣннаго. Они возвратились въ Парижъ, причемъ Русси сѣлъ на лошадь убитаго почталіона, а ему уступилъ свою. Они всѣ остановились въ квартирѣ Дюбоска; было около 4 часовъ утра. Лошадь почталіона была убита и брошена на бульварѣ; остальные четыре лошади были уведены неизвѣстно куда. У Дюбоска происходилъ дѣлежъ добычи. Ему досталось 50 лундоровъ золотомъ, 500.000 ливровъ ассигнаціями, которыя имѣли тогда курсъ 10.000 ливровъ за одинъ золотой лундоръ, и 40.000 ливровъ билетами казначейства, которые имѣли курсъ 40 за 100. Послѣ того онъ еще оставался у Видала десять дней, а когда Куріоль былъ арестованъ, они бѣжали изъ Парижа въ Неверъ. Къ этому показанію Лабордъ добавилъ: „Я слышалъ что по этому дѣлу былъ судимъ и осужденъ нѣкто Лезюркъ: по совѣсти заявляю что я его не знаю и не видалъ его ни во время уговора на преступленіе, ни при совершеніи его, ни при дѣлежѣ добычи. Единственные участники преступленія суть: я, Русси, Дюбоскъ, Куріоль и Видалъ, а также Бернаръ, который завѣдомо снабдилъ ихъ лошадьми, но въ убійствѣ не участвовалъ.“

Г. Добантонъ добавилъ къ протоколу объ этомъ допросѣ:

„Съ этой минуты я не сомнѣваюсь болѣе въ невиновности Лезюрка. Движеніе искренняго чувства, которое побудило Дюроша (Лаборда) сдѣлать мнѣ это признаніе, довольство которое онъ испытывалъ облегчивъ свою совѣсть, неподдѣльная растроганность, когда онъ увѣрялъ меня что Лезюркъ невиновенъ, твердость и постоянство всѣхъ послѣдующихъ его показаній, преданность судьбѣ своей выказанная имъ послѣ признанія,—все это непоколебимо укрѣпляетъ меня въ моемъ убѣжденіи.“

Дюроша (Лабордъ) заявилъ далѣе что шпора найденная на мѣстѣ преступленія принадлежала Дюбоску. Въ то самое утро когда они дѣлили добычу преступленія, онъ слышалъ отъ Дюбоска что у него сломалась одна шпора, что онъ ее поправилъ съ помощію нитки въ томъ мѣстѣ гдѣ они обѣдали, и что онъ ее потерялъ на мѣстѣ преступленія, а потому ему необходимо забросить другую куда-нибудь, дабы она не послужила противъ него уликой.

17-го жерминала V года Дюроша-Лабордъ, признанный присяжными виновнымъ, на основаніи его собственнаго признанія, приговоренъ былъ Сенскимъ судомъ къ смертной казни. Но исполненіе приговора было приостановлено, такъ какъ за нѣсколько времени до того были пойманы Видалъ и Дюбоскъ. Но когда они были „оказаны“ Лаборду, послѣдній, признавъ Видала, сказалъ что онъ Дюбоска не знаетъ. По дальнѣйшему изслѣдованію, побудительная причина отрицанія Лаборда разъяснилась вполнѣ: по показанію сторожей тюрьмы, въ которой нѣкоторое время содержались какъ Лабордъ, такъ и Видалъ и Дюбоскъ, оказалось что послѣдній просто подкупилъ Лаборда. Предъ смертью Лабордъ впрочемъ повторилъ свое первоначальное заявленіе объ участникахъ преступленія, заявленіе во всемъ согласное съ показаніями Куріоля, причемъ чистосердечно сознался что онъ снялъ свой оговоръ съ Дюбоска вслѣдствіе подкупа.

Послѣ казни Лаборда немедленно началось предварительное слѣдствіе противъ Видала и Дюбоска. Къ дѣлу привлечена была также Клодина Барьеръ, называвшая себя женой Дюбоска. Она обвинялась въ укрывательствѣ вещей добытыхъ преступленіемъ. Нѣкоторые изъ свидѣтелей, показывавшихъ о пребываніи четырехъ всадниковъ по дорогѣ отъ Монжерона до Льерсена, признали Видала за одного изъ нихъ; другіе не признали. Изъ тѣхъ которые признали его

ивые заявили о сходствѣ его съ Гено, чѣмъ и объясняли свои показанія противъ послѣдняго, котораго они приняли за Видала.

Видалъ, несмотря на всѣ выставленныя противъ него улики, держался системы полного отрицанія.

Дюбоскъ также не сознавался ни въ чемъ. Свидѣтели тоже не признали его. Оказывая имъ Дюбоска, ихъ спрашивали не находятъ ли они въ немъ сходства съ Лезюркомъ и не послужило ли это сходство причиной ихъ заблужденія, вслѣдствіе котораго они признали въ послѣднемъ одного изъ четырехъ путешественниковъ? Здѣсь необходимо привести ихъ показанія:

Антуанъ Перро показалъ что онъ не думаетъ чтобъ ошибся признавъ Лезюрка. Неизвѣстнаго, теперь ему оказываемаго, онъ не узнаетъ за одного изъ тѣхъ четырехъ которые обѣдали въ гостиницѣ. Онъ, правда, одного роста съ Лезюркомъ, но цвѣтъ волосъ его гораздо темнѣе чѣмъ у Лезюрка, у котораго они были совершенно свѣтлорусые, да и черты лица совсѣмъ другія.

Гросстетъ не узнаетъ въ Дюбоскѣ одного изъ тѣхъ которымъ она прислуживала за обѣдомъ въ Монжеронѣ. Тотъ который пріѣхалъ первый въ ихъ гостиницу и заказалъ обѣдъ для четырехъ былъ узнавъ ею въ лицѣ Лезюрка, хотя она и тогда не утверждала положительно чтобы это былъ непременно онъ.

Салтонъ также не узнаетъ въ Дюбоскѣ одного изъ тѣхъ которые пришли къ нимъ пить кофе и играть на биллиардѣ. Лица ихъ она, кажется, хорошо запомнила, и троицъ изъ ихъ признала въ Куріолѣ, Лезюркѣ и Гено.

Альфруа изъ Льерсена показала что во время предшествовавшихъ производствъ она признала въ Куріолѣ, Лезюркѣ и Видалѣ троицъ изъ четырехъ неизвѣстныхъ путешественниковъ видѣнныхъ ею 8-го флореала IV г. въ Льерсенѣ. Въ Дюбоскѣ она не можетъ признать четвертаго изъ этихъ всадниковъ; но вглядываясь въ него пристальнѣе, она замѣчаетъ въ немъ сходство съ Лезюркомъ, хотя онъ, кажется, не такъ высокъ ростомъ, не такъ бѣлъ лицомъ, и волосы его нѣсколько темнѣе.

Пьеръ Жилле показалъ что онъ призналъ въ Лезюркѣ одного изъ всадниковъ проѣхавшихъ чрезъ Льерсенъ 8-го флореала IV г. въ 5 часовъ вечера. Ему кажется что онъ хорошо вглядѣлся въ Лезюрка, такъ какъ онъ принялъ его

сначала за одного изъ своихъ знакомыхъ. Въ Дюбоскѣ онъ не узнаетъ одного изъ путешественниковъ; онъ, правда, блондинъ какъ и Лезюркъ; но у него волосы темнѣе и ростомъ онъ меньше.

Жанъ Шампо заявляетъ что онъ никоимъ образомъ не признаетъ въ неизвѣстномъ ему оказываемомъ одного изъ тѣхъ которые 8-го флореала останавливались и закусывали у него въ Льерсенѣ; Лезюрка же онъ положительно призналъ за того самаго которому онъ далъ нитку для прикрѣпленія шпоры. Дюбоскъ не такъ высокъ, не такъ бѣлъ и не имѣетъ такихъ свѣтлыхъ волосъ какъ Лезюркъ. Жена Шампо не находитъ чтобы Дюбоскъ хотя сколько-нибудь походилъ на тѣхъ которые были у нихъ въ извѣстный день.

Еще до казни Лаборда былъ спрошенъ одинъ свидѣтель, Шеронъ, который не былъ спрошенъ во время процесса первыхъ обвиняемыхъ. Ему оказаны были Лабордъ, Видалъ и Дюбоскъ. Показаніе его, чрезвычайно важное, заключалось въ слѣдующемъ: Лаборда онъ не знаетъ и никогда его не видалъ. Видала и Дюбоска онъ знаетъ очень хорошо, такъ какъ они много разъ бывали у его хозяина, Еврея Бернара, занимавшагося разными промыслами, въ томъ числѣ торговлей лошадьми, у котораго онъ находился въ услуженіи. Около того времени когда убитъ былъ лонскій курьеръ, однажды утромъ явились къ Бернару четверо, Куріоль, Русси и двое оказываемыхъ ему, Видалъ и Дюбоскъ, которыхъ онъ положительно узнаетъ. Каждый изъ нихъ взялъ по верховой лошади. Это было около 5 или 6 часовъ утра. Когда они выѣзжали со двора, Бернаръ сказалъ имъ чтобы они не ѣхали по Парижу всѣ вмѣстѣ. Двое слѣзли съ лошадей, и ему, свидѣтелю, велѣно было отвести ихъ къ одному кафе-ресторану, гдѣ всѣ четверо собрались опять и уѣхали вмѣстѣ; при ихъ отъѣздѣ находился и Бернаръ. Свидѣтель не жилъ у Бернара, а только приходилъ къ нему въ извѣстные часы для отправленія своей обязанности. На другой день въ 7 часовъ, онъ, пришедши къ Бернару, нашелъ лошадей взятыхъ наканунѣ уже въ конюшнѣ, но онѣ были до такой степени измучены что онъ замѣтилъ Бернару: „Если вы будете давать лошадей чтобы ихъ такъ мучили, то онѣ не долго проживутъ.“ На это Бернаръ отвѣчалъ: „да, эти негодяи совсѣмъ заѣздили моихъ лошадей; ихъ видѣли вчера скачущими по всему Парижу.“

Маделенъ Бребанъ, которая также была снова спрошена, показала что она знаетъ Дюбоска очень хорошо, такъ какъ онъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Куріолемъ. Относительно самого событія преступленія Бребанъ на этотъ разъ показала слѣдующее: 8-го флореала Куріоль вышелъ изъ дому въ 5 часовъ утра, взявъ съ собой небольшой чемоданъ и сказавъ что онъ идетъ къ Бернару, у котораго возьметъ лошадь и уѣдетъ за городъ. На другой день рано утромъ она отправилась къ Бернару чтобы спросить его гдѣ Куріоль. Бернаръ сказалъ ей что онъ вчера уѣхалъ за городъ и еще не возвращался. Она вернулась домой; около 8 часовъ пришелъ къ ней тотъ же Бернаръ и принесъ ей записку отъ Куріоля, въ которой тотъ просилъ чтобъ она принесла ему перемѣну платья и бѣлья. Бернаръ сказалъ ей что Куріоль остановился у Дюбоска и отвелъ ее туда. Она застала Куріоля въ одной рубашкѣ, и отдавъ ему принесенное платье, тотчасъ удалилась. Въ квартирѣ Дюбоска она застала его самого, его жену, Куріоля, Видала и Русси.

Наконецъ Пьеръ Ринаръ, осужденный въ первомъ процессѣ какъ укрыватель преступленія и находившійся на каторгѣ въ Рошфорѣ, желая, какъ онъ говорилъ, отвратить возможность новой ошибки, подобной той которая случилась относительно Лезюрка, просилъ чтобъ его вызвали въ судъ для очной ставки съ Видалемъ и Дюбоскомъ. Онъ показалъ что 13-го флореала онъ завтракалъ въ одномъ ресторанѣ вмѣстѣ съ Куріолемъ, Дюбоскомъ, Русси, Видалемъ и Лабордомъ. Они разговаривали между собой и спорили по поводу какого-то дѣла. Затѣмъ онъ узналъ всѣ подробности убійства: Дюбоскъ и Куріоль убили почталіона, а Русси съ Видалемъ накинулись на курьера сидѣвшаго рядомъ съ Лабордомъ, который въ то же время возилъ въ него большой ножъ. По возвращеніи въ Парижъ, убійцы раздѣлили между собою добычу въ квартирѣ Дюбоска.

На основаніи всѣхъ вышеизложенныхъ данныхъ составленъ былъ обвинительный актъ противъ Дюбоска и Видала, причемъ относительно перваго, при изложеніи собранныхъ противъ него уликъ, было прямо высказано что нѣкоторые изъ свидѣтелей введены были въ заблужденіе сходствомъ Лезюрка съ нимъ. Министръ юстиціи предписалъ обвинителю направить свои усилія къ тому чтобъ обнаружить на судѣ кто изъ двухъ, Лезюркъ или Дюбоскъ, истинно виновенъ.

«Необходимо, писалъ министр, дознать положительно, исключаетъ ли виновность одного виновность другаго, или же они оба и совместно могутъ быть признаны участниками преступленія.» Министръ сослался при этомъ на законъ 5-го мая 1793 г., по которому дозволяется пересмотръ процесса въ случаѣ доказаннаго противорѣчія между двумя приговорами, *если оба осужденные находятся еще въ живыхъ.*

Но судебное засѣданіе назначенное на 25-е флореала VI г. не могло состояться вслѣдствіе бѣгства Видаля, Дюбоска и его жены, которымъ удалось скрыться изъ Версальской тюрьмы, гдѣ они содержались. Повидимому, мѣста заключенія во Франціи не отличались въ то время образцовымъ устройствомъ.

Видаля скоро былъ опять пойманъ, и судъ надъ нимъ происходилъ въ Парижѣ 23-го фруктидора VI г. Уликъ противъ него выставлено было множество. Тѣмъ не менѣе Видаля упорно отрицалъ свою виновность, основывая свою защиту на томъ что его принимаютъ за Гено. Присяжные признали его виновнымъ. Овъ приговоренъ былъ къ смертной казни, которая и была надъ нимъ исполнена. Видаля, повидимому, не сдѣлалъ предъ смертью никакихъ признаній.

Дюбоскъ и его жена были пойманы лишь два года спустя, 14-го фруктидора VIII г. Но судъ надъ ними затянулся еще на нѣсколько мѣсяцевъ, вслѣдствіе того что признано было необходимымъ принять нѣкоторыя предварительныя мѣры дабы вполне разъяснить на судѣ невиновность Лезюрка. И дѣйствительно, судъ надъ Дюбоскомъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ пересмотромъ дѣла Лезюрка, пересмотромъ, который, однако, къ сожалѣнію, не только не выразился въ какомъ-либо формальномъ рѣшеніи присяжныхъ, но напротивъ подалъ поводъ къ дальнѣйшимъ неясностямъ и недоразумѣніямъ.

По требованію прокурора, въ судъ доставленъ былъ миниатюрный портретъ Лезюрка сохранившійся у его родственниковъ. Для Дюбоска заказанъ былъ свѣтлорусый парикъ сходный съ прической Лезюрка на этомъ портретѣ.

Судебное засѣданіе открылось 28-го фримера IX г., спустя пять лѣтъ послѣ процесса Лезюрка. Всѣ свидѣтели показавшіе объ обстоятельствахъ относившихся до пребыванія четырехъ убійцъ въ Монжеронѣ и Льерсенѣ находились налицо. Дюбоскъ былъ имъ предъявленъ въ парикѣ. Каждому изъ свидѣтелей данъ былъ въ руки портретъ Лезюрка, и имъ

предложено было хорошенько слѣдить Дюбоска съ этимъ портретомъ прежде, чѣмъ дать свои показанія. Изъ 13-ти свидѣтелей 12 заявили что они и теперь остаются при своихъ показаніяхъ данныхъ во время суда надъ Лезюркомъ, что, можетъ-быть, въ общихъ очертаніяхъ лица и есть нѣкоторое сходство между Дюбоскомъ и Лезюркомъ, но въ частностяхъ между ними такъ мало сходства, что они не могутъ допустить чтобъ ихъ показанія противъ Лезюрка были слѣдствіемъ ошибки. Лишь одна изъ свидѣтельницъ, Альфруа изъ Льерсена, дала слѣдующее показаніе: она признала на судѣ Лезюрка; но теперь совѣсть велитъ ей сознаться что она ошиблась; она положительно убѣждена теперь что 8-го флореала она видѣла Дюбоска, а не Лезюрка. Свидѣтельница было сдѣлано увѣщаніе о важности ея теперешняго показанія. Она снова долго и пристально вглядывалась въ Дюбоска и повторила свое заявленіе.

Дюбоскъ все отрицалъ. Система его защиты заключалась въ томъ что онъ не можетъ быть признанъ виновнымъ въ тѣхъ самыхъ дѣяніяхъ за которыя судился и былъ казненъ Лезюркъ. Присяжные не приняли его доводовъ. 1-го нивоза IX г. надъ нимъ и его женой произнесенъ былъ обвинительный вердиктъ, на основаніи котораго Дюбоскъ приговоренъ къ смертной казни, а жена его къ 24 годамъ заточенія.

Вердиктъ присяжныхъ относительно Дюбоска заключался въ слѣдующемъ: они отвѣтили отрицательно на вопросъ о непосредственномъ участіи его въ убійствѣ, но признали что онъ предумышленно и сознательно содѣйствовалъ убійцамъ въ совершеніи преступленія. Дюбоскъ подалъ кассационный отзывъ, который не былъ уваженъ, и приговоръ былъ исполненъ надъ нимъ 5-го вентоза IX г. Говорятъ что предъ казню онъ сознался своему защитнику что Лезюркъ былъ совершенно невиновенъ; но это признаніе его не было облечено въ какую-либо официальную форму.

Казню Дюбоска еще не окончился этотъ длинный, запутанный и кровавый процессъ. Во всѣ пять лѣтъ протекшихъ послѣ преступленія до казни Дюбоска, французская полиція безъ успѣха доискивалась слѣдовъ одного изъ самыхъ дѣятельныхъ участниковъ преступленія, согласно указаніямъ на него осужденныхъ прежде преступниковъ, Итальянца Русси. Лишь спустя три года послѣ казни Дюбоска и восемь лѣтъ послѣ совершенія преступленія, дознано было что онъ

скрывается въ Испаніи. Онъ былъ арестованъ испанскимъ правительствомъ въ Мадридѣ и выданъ Франціи. Судъ надъ нимъ происходилъ въ Парижѣ 29-го плувіоза XII г. Многіе свидѣтели признали его за одного изъ четырехъ путешественниковъ бывшихъ 8-го флореала IV г. въ Монжеронѣ и Льерсеѣ; кромѣ того, его положительно признали Маделенъ Бребанъ, Ринаръ и Шеронъ. Русси отрицалъ все. Система его защиты заключалась въ томъ что по дѣлу объ убійствѣ ліонскаго курьера уже произнесено шесть смертныхъ приговоровъ, а между тѣмъ вполне доказано что, не считая Бернара который былъ лишь пособникомъ преступленія, непосредственно участвовали въ совершеніи убійства лишь пять человекъ. Защитникъ Русси доказывалъ что кліентъ его можетъ быть осужденъ лишь въ такомъ случаѣ, если Лезюркъ, въ виновности котораго существуетъ сомнѣніе, будетъ признанъ невинно-осужденнымъ. Онъ требовалъ поэтому, предварительно суда надъ Русси, формальнаго производства о возстановленіи добраго имени Лезюрка. Эта адвокатская уловка была разчитана на то что, по существовавшимъ тогда законамъ, пересмотръ процесса Лезюрка не могъ быть допущенъ. Доводы защитника не привели однако ни къ чему. Русси, признанный виновнымъ, приговоренъ былъ къ смертной казни. Это была *седьмая* кровавая жертва въ воздаяніе за двойное убійство совершенное, какъ по всему видно, пятью лицами. Предъ казнь Русси сдѣланъ былъ формальный допросъ, занесенный въ протоколъ, относительно Лезюрка. Продолжая отрицать свою вину, онъ сказалъ только что онъ никогда не зналъ и не видалъ Лезюрка. Но послѣ казни, священникъ провожавшій его на эшафотъ заявилъ о признаніи Русси, поручившаго ему сказать что приговоръ произнесенный надъ нимъ былъ справедливый приговоръ. Спустя полгода послѣ того тотъ же священникъ представилъ нотаріусу для храненія и предъявленія кому слѣдуетъ собственноручную записку Русси, писанную имъ наканунѣ казни, въ которой онъ заявлялъ что Лезюркъ невиновенъ. Эту записку, какъ сказано въ ней же, онъ поручилъ своему духовнику представить ровно чрезъ полгода послѣ его смерти, что тотъ и исполнилъ.

М. ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕРЪ.

(До слѣд. №.)

ПРЕБЫВАНИЕ СПЕРАНСКАГО ВЪ ПЕРМИ *

Знаменитый изгнанникъ прибылъ въ Пермь 23-го сентября 1812 года; оставилъ же ее 19-го сентября 1814 года, слѣдовательно прожилъ въ Перми два года безъ четырехъ дней.

Со времени прїѣзда, недѣли три Михайло Михайловичъ жилъ въ отведенной ему квартирѣ у купца Н. А. Попова; все же остальное время своего пребывания въ Перми жилъ въ домѣ наследниковъ купца Ипанова, нанимая квартиру на собственный счетъ. Домъ Попова сохранился донынѣ и занятъ теперь губернской почтовою конторой; домъ же Ипанова, сломаанный за ветхостію въ 1830 году, стоялъ на торговой улицѣ, на углу Верхотурскаго переулка, въ одну линію съ бывшимъ домомъ Градскаго Общества, занятымъ нынѣ дѣтскимъ пріютомъ для нищенскихъ дѣтей, устроеннымъ стараніями губернаторши А. Ѳ. Струве, на берегу рѣки Камы, подъ Петропавловскимъ соборомъ.

Не лишнимъ будетъ указать здѣсь нѣсколько словъ о тогдашнемъ порядкѣ управленія въ Перми, невыгоды котораго довелось горько испытать на себѣ несчастному царедворцу. Губернаторъ только по имени былъ начальникомъ губерніи; всѣ важнѣйшія дѣла онъ предоставлялъ рѣшать своему секретарю (должность равнявшаяся нынѣшней должности правителя губернаторской канцеляріи), отчасти и другимъ

* Подробности здѣсь описанныя сообщены мнѣ другомъ моимъ Ѳ. А. Прадиальчиковымъ, однимъ изъ старожиловъ Перми, слышавшимъ все это отъ современниковъ и очевидцевъ.

чиновникамъ, по принадлежности дѣлъ, а мелкія—супругъ своей Анны Ивановны. Губернаторъ и мужской ареонагъ положительно не знали что имъ дѣлать со Сперанскимъ, и потому были очень рады, когда губернаторша взяла гостя въ свое завѣдываніе.

Въ высочайшемъ указѣ, при которомъ доставленъ въ Пермь бывшій государственный секретарь, предписывалось губернатору *имѣть Сперанскаго подъ строгимъ присмотромъ*. Какой именно смыслъ заключался въ этихъ словахъ? Анна Ивановна настаивала придерживаться буквы: голосъ ея взялъ верхъ, и потому въ переднюю Михаила Михайловича были посажены дневальные будочники; городничему съ частными приставами ввѣнено въ обязанность посѣщать, безъ церемоніи, во всякое время, квартиру ссыльнаго, и о томъ что они тамъ увидятъ или услышатъ рапортовать кому слѣдуетъ, то есть губернаторшѣ. На вопросъ одного близкаго человѣка, съ какою цѣлію наряжаются будочники, ея превосходительство дала такой отвѣтъ: „А такъ себѣ: пускай временщикъ, при видѣ солдата, пойметъ что роль его кончена.“

На первыхъ порахъ Михайло Михайловичъ пытался было завести знакомство съ высшимъ классомъ пермскихъ жителей, но встрѣтилъ неудачу: никто не отплатилъ ему визита. Правда, нѣкоторые лица желали соблюсти эту обыкновенную свѣтскую вѣжливость, но отказались отъ своего намѣренія, какъ скоро узнали что это можетъ навлечь на нихъ гнѣвъ губернаторши. Епископъ Іустинъ, человѣкъ весьма робкаго характера, послѣдовалъ примѣру мірскихъ властей. Между духовенствомъ, однакожъ, нашелся смѣльчакъ который дерзнулъ принимать Сперанскаго и навѣщать его довольно часто: это былъ Иннокентій, игумень Соликамскаго Троицкаго Источенскаго монастыря, короткій пріятель купца Н. А. Попова, жившій постоянно въ Перми по обязанности члена консисторіи.

Находились люди которые, раздавая уличнымъ мальчишкамъ пряники, орѣхи и другія лакомства, подучали негодяевъ гоняться издали за Сперанскимъ и кричать въ слѣдъ ему: „Измѣнникъ! Измѣнникъ!“ Ребятишки охотно исполняли наказъ. Особенною ревностію въ такомъ преслѣдованіи отличались воспитанники гимназіи: одинъ разъ они съ особенною яростію ванапи на свою жертву, когда она проходила по галлерей гостиннаго двора. Одинъ чиновникъ, выгнанный

изъ службы за пьянство и лѣбдничество и приканувшійся, во избѣжаніе суда за кощунство, помѣшаннымъ, нѣрѣдко являлся въ пьяномъ видѣ предъ окнами Ипановскаго дома, садился на тротуарный столбикъ и распѣвалъ во все горло псаломъ: „На рѣкахъ Вавилонскихъ“ и пр.

Вполнѣ равнодушный къ тому что творила злоба и глупость, Михайло Михайловичъ почти ежедневно отправлялся прогуливаться въ предмѣстіе Слудку, * значить проходилъ Пермь изъ конца въ конецъ. Сдѣлавъ на Слудской набережной два-три тура, онъ останавливался для отдыха противъ зданія консисторіи и, опершись на трость, подолгу задумчиво глядѣлъ на печальную и пустынную картину Камскаго залѣся. Жители Слудки, вѣчно трудившіеся надъ выдѣлкой кожъ, отнюдь не беспокоили посѣтителя ихъ слободы, украдкой выглядывали изъ оконъ на величавую фигуру петербургскаго генерала и удивлялись что, при поклонахъ дѣлаемыхъ ему мимоидущими семинаристами, онъ вѣжливо кланяется, снимая шляпу, а не держитъ себя столбомъ, какъ пермскіе важные господа. Къ чести семинаристовъ, исконныхъ обитателей Слудки, надобно сказать что они, вѣроятно по примѣру наставниковъ, смотрѣли съ благоговѣніемъ на челоуѣка подпяшгагося изъ ихъ среды, и такимъ образомъ были единственными почитателями того къ кому такъ оскорбительно отнесся почти весь городъ.

Искреннюю пріязню Сперанскаго могли похвалиться трое изъ жителей Перми: хозяинъ первой его квартиры Н. А. Поповъ, игуменъ Иннокентій и купецъ Д. Е. Смѣшиловъ. Поповъ былъ разорившійся капиталистъ едва пробывавшійся крохами прежняго богатства. О. Иннокентій, хотя числился настоятелемъ Соликамскаго монастыря, но, какъ мы выше замѣтили, постоянно жилъ въ Перми, по обязанности члена консисторіи и преподавателя семинаріи; онъ занималъ квартиру во флигелѣ дома купца Попова. Смѣшиловъ, тогда еще далеко не миллионеръ, какимъ онъ сдѣлался подъ старость, ссудилъ Сперанскаго, безъ всякихъ залоговъ, 5.000 рублей, суммою, по старому времени, весьма значительною: этого

* Слудкою въ Перми называется гора, идущая отъ каедральнаго собора внизъ по теченію рѣки Камы и составляющая лѣвый берегъ этой рѣки. Населена она бѣдными мѣщанами-кожевниками, у которыхъ квартируютъ на хлѣбахъ семинаристы.

пособія должникъ не забывалъ во всю остальную жизнь. Подъ конецъ пребыванія въ Перми Михайла Михайловича окружила толпа поклонниковъ, но онъ, конечно, умѣлъ цѣнить по достоинству ихъ ласку.*

Любопытны обстоятельства перемѣны въ отношеніяхъ между Сперанскимъ и губернаторомъ. Нѣкоторые чиновники, сознавая крутость мѣръ начально принятыхъ Анною Ивановною, и побаиваясь за послѣдствія ихъ для ея супруга, присовѣтовали губернатору спросить гдѣ слѣдуетъ, какъ надлежало разумѣть личныя права состоящаго подъ строгимъ присмотромъ. Губернаторъ послушался. На представленіе его министръ полиціи Балашовъ увѣдомилъ категорически, что уволенный государственный секретарь сохраняетъ всѣ права и преимущества соединенныя съ высочайше пожалованнымъ ему чиномъ тайнаго совѣтника. Не трудно вообразить испугъ пермскихъ властей. Немедленно, по мановенію ихъ, исчезли будочники-швейцары, исчезъ куда-то и городничій со своими частными приставами. Чтобы загладить вину свою предъ обиженнымъ, губернаторъ поднялся на хитрость. Дождавшись перваго высокаторжественнаго дня, онъ облекся въ мундиръ, взялъ съ собою свиту чиновниковъ, тоже въ полной формѣ, и поѣхалъ съ офиціальнымъ визитомъ къ скромному обитателю Ипановскаго дома. Народъ не безъ удивленія смотрѣлъ на этотъ торжественный поѣздъ всей городской знати. Одинъ изъ участниковъ этой церемоніи такъ разказывалъ объ этомъ случаѣ моему другу, Ѡ. А. Прядильщикову: „Михайло Михайловичъ принялъ насъ очень просто; онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, одѣтый въ

* Къ числу позднѣйшихъ знакомыхъ Михайла Михайловича въ Перми принадлежалъ и Семень Ивановичъ Барановъ, тогда служившій при губернаторѣ, а въ послѣдствіи бывшій пермскимъ губерньскимъ прокуроромъ. Онъ получалъ въ приданое за женой обширный винокуренный заводъ въ Красноуфимскомъ уѣздѣ. Это давало ему значительныя средства къ жизни, и домъ Барановыхъ вкорѣ сдѣлался однимъ изъ лучшихъ домовъ въ Перми. Михайло Михайловичъ хорошо сошелся съ Семеномъ Ивановичемъ и долго посѣлъ, воротившись уже въ Петербургъ, продолжалъ съ нимъ переписку. У меня есть въ рукахъ нѣсколько писемъ Сперанскаго къ Баранову, которыя хотя и не имѣютъ никакого историческаго значенія, но какъ матеріалъ для біографіи замѣчательнаго человѣка, могутъ быть обнародованы.

шпафрокъ. На поздравленіе губернатора тайный совѣтникъ отвѣчалъ, едва приподнявшись со стула, легкимъ наклоненіемъ головы. Губернатору предложено было сѣсть, а намъ не сказано ничего. Тутъ только поняли мы грѣхи свои предъ изгнанникомъ: чувство стыда смѣшалось въ насъ съ чувствомъ страха; визитъ, естественно, былъ непродолжителенъ. Откланявшись, мы, не очень спокойные, разъѣхались по домамъ и долго не заводили между собою рѣчи про настоящій урокъ. Въ послѣдствіи Михайло Михайловичъ ни словомъ, ни дѣломъ не обнаруживалъ уже къ кому-либо изъ насъ своего неудовольствія или холодности; напротивъ, онъ весьма любезно принималъ участіе въ нашихъ общественныхъ, даже семейныхъ собраніяхъ, точь-въ-точь какъ давнишній Пермь.⁴

Переводъ Сперанскаго въ Новгородскую губернію истолкованъ былъ самымъ выгоднымъ для него образомъ: рѣшили что государственный секретарь возвращается ко двору. Оптимисты пермскіе чаяли себѣ, за свою хлѣбъ-соль, всевозможныхъ благъ; пессимисты же призадумались, памятуя кое-какія нехорошія вещи.

Наступило 19-е сентября 1814 года. Весь губернский синклитъ, съ губернаторомъ во главѣ, явился къ отъѣзжающему сановнику для пожеланія благополучнаго пути; изъ постороннихъ находились тутъ одинъ изъ перскихъ помѣщиковъ Х. Я. Лазаревъ и игуменъ Иннокентій. Проводы были за ставу. Здѣсь Михайло Михайловичъ, вышедши изъ экипажа, поблагодарилъ компанію за честь, ему сдѣланную, переѣзжался со всѣми, и садясь снова въ экипажъ, взялъ за руку игумена и сказалъ: „Прощайте, добрѣйшій отецъ! Если я буду современемъ счастливъ, и вы будете счастливы.“ Скромный инокъ на сей разъ не придавалъ никакого особеннаго значенія этимъ словамъ, но чрезъ нѣсколько лѣтъ вспомнилъ о нихъ, когда, безъ всякой протекціи со стороны высшихъ духовныхъ властей, получивъ сперва санъ архимандрита и должность ректора Псковской семинаріи, вскорѣ за тѣмъ возведенъ былъ на кафедру викарнаго епископа въ Москвѣ и наконецъ сдѣланъ архіепископомъ на Волынѣ.

Кстати припомнимъ здѣсь нѣсколько случаевъ изъ жизни преосвященнаго Иннокентія. Когда въ Перми не было еще отдѣльной епархіи, а принадлежала она къ епархіи Вятской, то разъ Лаврентій 2-й, епископъ Вятскій и великопермскій,

обозрѣвая свою епархію, пріѣхалъ въ Нытвенскій заводъ кн. Голицыныхъ (на Камѣ, верстѣ 50 ниже Перми), гдѣ и совершалъ литургію. Предъ малымъ выходомъ одинъ мальчикъ пробрался, по выходѣ сослужащихъ, незамѣтно въ алтарь и сѣлъ на горнемъ мѣстѣ: это былъ сынъ нытвенскаго пономаря Іаковъ Коровинъ, въ послѣдствіи архіепископъ Иннокентій. Когда возвратившіеся по маломъ выходѣ священнослужители замѣтили мальчика, то хотѣли его выгнать, но епископъ Лаврентій воспретилъ имъ это, сказавъ что, можетъ-быть, Господь Богъ опредѣлилъ этому мальчику сидѣть на епископскомъ престолѣ. Случай этотъ былъ какъ бы предзнаменованіемъ будущаго высокаго жребія преосвященнаго Иннокентія. Когда мальчику исполнилось семь лѣтъ, отецъ отвезъ его въ училище въ Вятку, совершивъ, по бѣдѣ вѣсти своей, 400-верстный путь отъ Нытвы до Вятки, зимою, пѣшкомъ и веза сына за собой въ салазкахъ. При открытіи епархіи въ Перми въ 1800 г., Іаковъ Коровинъ былъ переведенъ пѣвчимъ къ первому пермскому епископу Іоанну и доучивался въ новооткрытой семинаріи. По выходѣ изъ семинаріи онъ вздумалъ жениться на одной дѣвицѣ дворянскаго званія, которая сначала дала было ему слово, но потомъ отказалась вслѣдствіе дворянскаго гонора ея родныхъ. Тогда Коровинъ пошелъ съ горя въ монахи, и въ 1811 году назначенъ былъ игуменомъ Соликамскаго Истобенскаго монастыря. Дальнѣйшимъ возвышеніемъ онъ обязанъ Сперанскому. Однажды Сперанскій, будучи уже снова въ Петербургѣ, случайно заѣхалъ къ члену святѣйшаго синода, тверскому архіепископу Григорію (скончавшемуся въ послѣдствіи митрополитомъ с.-петербургскимъ), и засталъ его нѣсколько озабоченнымъ. На вопросъ Сперанскаго что его такъ заботитъ, архіепископъ отвѣчалъ что въ псковской семинаріи открылась вакансія ректора, и онъ, имѣя обязанность отправиться сейчасъ съ докладомъ объ этомъ къ митрополиту Серафиму, затрудняется кого бы рекомендовать на вакантное мѣсто. Сперанскій сказалъ ему что онъ знаетъ человека вполне достойнаго, и указалъ на игумена Иннокентія. Преосвященный Григорій передалъ это митрополиту, и вотъ, нежданно-негаданно, смиренный игуменъ, не имѣвшій никакой протекціи, назначенъ былъ ректоромъ псковской семинаріи, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита.

АЛЕКСАНДРЪ ДМИТРИЕВЪ.

НОВЫЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ ИЗДАНІЯ *

II.

Басни Крылова, иллюстрированныя академикомъ Трутовскимъ.

Отъ иллюстраціи сочиненій Державина переходя къ иллюстраціи басенъ Крылова, мы дѣлаемъ скачокъ въ исторіи искусства на цѣлыя столѣтія. Не мѣсто слѣдить здѣсь шагъ за шагомъ успѣхи художественнаго воспитанія и образованія, начиная съ того застоя, на которомъ искусство такъ долго косьмо въ болѣе и болѣе искажавшемся стилѣ возрожденія, и до тѣхъ результатовъ которыми мы теперь пользуемся. Достаточно сказать что въ эти столѣтія совершился такой громадный переворотъ въ художественной практикѣ и теоріи что иллюстрація Державинская гораздо ближе подходит къ произведеніямъ XVI вѣка нежели къ современнымъ намъ. Въ будущемъ по достоинству оцѣнятся успѣхи новѣйшаго искусства; но уже и для насъ, какъ кажется, можетъ быть неоспоримою истиной что оно вступило наконецъ на тотъ настоящій путь отъ котораго такъ долго уклонялось въ разныя стороны. Только въ послѣднее время убѣдились въ самомъ существенномъ для искусства принципѣ что оно главнѣйшею своею задачей должно имѣть выраженіе дѣйствительности, которая во всемъ ея необъятномъ объемѣ даетъ для него неистощимо богатое содержаніе.

Именно эти-то животрепещущіе интересы дѣйствительности имѣлъ въ виду затронуть и г. Трутовскій въ своей иллюстраціи *Басенъ Крылова*.

Когда художникъ иллюстрируетъ писателя пользуется только

* См. *Русск. Вѣст.* № 4, 1869 г.

его произведеніямъ, а не личными его указаніями, какъ это мы видѣли въ рисункахъ къ Державину, тогда предоставляется ему на выборъ двойкій способъ. Или онъ воспроизводитъ въ живописныхъ изображеніяхъ описываемыя авторомъ лица и событія, съ тѣмъ чтобы въ большей наглядности ввести читателя въ повѣстическія представленія писателя; или же произведеніе литературное служитъ иллюминатору только поводомъ къ самостоятельному творчеству, только вдохновляетъ его, внушаетъ ему идеи для художественнаго творчества. Въ первомъ случаѣ художникъ входитъ въ нравы и обычаи и во всю бытовую обстановку той жизни которую воссоздаетъ поэтъ, напримѣръ, если будетъ иллюстрировать *Божественную комедію* Данта или *Донъ-Кихота* Сервантеса; во второмъ, пользуясь только общими мыслями автора, онъ проводитъ ихъ чрезъ частные случаи дѣйствительности въ современныхъ сценахъ. Иллюстрацію въ первомъ случаѣ надобно назвать историческою, во второмъ—бытовою (жанръ).

Иллюстрація г. Трутовскаго принадлежитъ ко второму ряду. Главное вниманіе въ басняхъ Крылова художникъ обратилъ не на сюжетъ ихъ, который впрочемъ передаетъ иногда въ мелкихъ рисункахъ, а на общія мысли, которыя онъ приурочиваетъ къ различнымъ случаямъ современной намъ жизни. Эти-то бытовые эпизоды, подходящіе только по общему смыслу къ баснямъ Крылова, но воспроизводящіе наше время, наши интересы и убѣжденія, а не тѣ которые имѣлъ въ виду самъ баснописецъ, составляютъ главную задачу иллюстраціи г. Трутовскаго.

Басни особенно способны къ такому роду иллюстраціи, и нельзя не одобрить задачу наглядно доказать, въ живописныхъ изображеніяхъ нашей современности, что здравый, практическій взглядъ Крылова не потерялъ своей цѣны и для насъ, и что событія и случаи текущаго времени мы не отвыкли еще осмысливать для себя по его мѣткимъ и тонкимъ указаніямъ.

Неоспоримое достоинство басенъ Крылова главнѣйшимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію потому что всѣми признаны онѣ за лучшую настольную книгу для дѣтей. А что безусловно хорошо для чтенія дѣтямъ, то хорошо и взрослымъ: и басни Крылова, заучиваемыя въ дѣтствѣ, на всю жизнь оставляютъ по себѣ благотворный слѣдъ, точно такъ же какъ изученіе Гомера въ гимназіи.

Г. Трутовскій имѣлъ повидимому въ виду исключительно взрослыхъ читателей. Онъ явственно оставилъ въ сторонѣ педагогическое примѣненіе и почтилъ въ баснописцѣ житейскую мудрость, приложивъ ея принципы къ оцѣнкѣ явленій современной жизни. Само собою разумѣется, его иллюстрація не могла удовлетворить требованіямъ педагогическимъ, потому что не всѣ случаи дѣйствительности доступны дѣтскому пониманію, а иные, будучи низведены въ педагогическую сферу, дали бы поводъ къ справедливымъ нареканіямъ за вопіющія противорѣчія ихъ самымъ элементарнымъ правиламъ науки и воспитанія.

Я почелъ нужнымъ предварительно устранить это недоразумѣніе, потому что, какъ только появилось въ свѣтъ изданіе басенъ Крылова, иллюстрированное г. Трутовскимъ, оно возбудило противъ себя въ печати неодобрительные отзывы именно въ отношеніи педагогическомъ.

Прежде чѣмъ приступимъ къ разсмотрѣнію иллюстраціи басенъ въ отношеніи къ изображенной въ ней современной дѣйствительности, мы постараемся познакомиться, на сколько позволить эта иллюстрація, съ эстетическими принципами художника и вообще съ его убѣжденіями и интересами.

Онъ довольно ясно высказываетъ свое понятіе объ искусствѣ и о томъ направленіи которое онъ предпочитаетъ. Въ противодѣйствіе тѣмъ которые невѣжественно отвергаютъ всѣ художественные авторитеты, г. Трутовскій чититъ преданіе и осмѣиваетъ доморощенныхъ русскихъ геніевъ, которые, безъ изученія образцовъ, только своимъ умомъ мечтаютъ создать нѣчто великое. Онъ заставляетъ одного живописца списывать копию съ картины Рубенса, а другого, изъ недоучившихся верхоглядовъ, который предъ толвою зрителемъ глумится надъ этою картиною, онъ клеймитъ словами басни:

Ай, моська! знать она спавна,
Что лаетъ на слова.

Само собою разумѣется, иллюминаторъ не хотѣлъ ограничить художественное преданіе толстыми и сочными обнаженными фигурами голландской картины, по которой рекомендуетъ учиться новому поколѣнію живописцевъ. Подъ Рубенсомъ онъ разумѣлъ, безъ сомнѣнія, вообще добрую,

разумную школу, основанную на изученіи образцовъ и ведущую къ самостоятельнымъ работамъ съ натуры. Иначе не безъ основанія можно было бы обвинить г. Трутовскаго въ крайней односторонности.

И въ самомъ дѣлѣ, развѣ для успѣховъ современнаго искусства нужны одни только матеріальные сюжеты Рубенса? Развѣ такъ мало вѣримъ мы въ силу природы и дѣйствительности, что опасаемся показывать юнымъ академикамъ красоты Рафаэлевой живописи, чтобъ онѣ не сбили молодой фантазій съ толку и чтобы не увлекли ея въ праздную мечтательность? Развѣ въ наше практическое, матеріалистическое время и въ Луврѣ, и въ флорентійскихъ галереяхъ, сотни живописцевъ не копируютъ Рафаэля, Микель-Анджело, Леонардо-да-Винчи? Развѣ и въ наше время для Лондонскаго музея не производятся колоссальныя копіи, въ величину подлинниковъ, съ Пизанской кафедры XIV вѣка и съ благочестивой живописи XV вѣка, украшающей стѣны капеллы въ флорентійскомъ дворцѣ Риккарди?

„Каждому свое“—вотъ девизъ современнаго эстетическаго вкуса. Свобода современной мысли открываетъ свободное поприще и для эстетическаго наслажденія, которое повсюду, во всѣхъ вѣкахъ, во всѣхъ школахъ и направленіяхъ искусства находитъ себѣ здоровую пищу. Наше время не увлекается ни идеальностью Гвидо Рени, ни матеріализмомъ Рубенса, и умѣетъ наслаждаться и тѣмъ и другимъ, можетъ быть, не такъ восторженно, какъ наслаждались прежде, а благоразумно и осмотрительно, благодаря успѣхамъ эстетической критики и практическому смыслу времени.

Станемъ же думать что Рубенсъ въ иллюстраціи Трутовскаго есть вообще представитель художественнаго преданія, а не знамя какой-нибудь односторонности; потому что ничто такъ не противно всеобъемлющему, свободному современному взгляду, какъ односторонняя исключительность, которая такъ пригодна была для деспотическихъ теорій стараго времени.

Историческимъ картинамъ эта иллюстрація предпочитаетъ жанръ, по крайней мѣрѣ полагаетъ его болѣе соответствующимъ интересамъ публики, и притомъ особенно цѣнить направленіе ироническое, обличительное. На стр. 256-й вы видите: въ галереѣ рядомъ съ *Осадою Пскова* Брюлова висятъ мелкія картинки Федотова: это, по смыслу басни,

дѣлительный *Ручей*, предъ которымъ собралась разнокалиберная публика, и взрослые и дѣти, чтобы лѣчиться, тогда какъ, предъ историческою картиною Брюлова никого нѣтъ,— это громкій *Водопадъ*, которому только удивляются.

Мысль, какъ кажется, не точно выраженная. Художникъ, взявшій за образецъ въ своей иллюстраціи произведенія *Федотова*, вполне можетъ имъ сочувствовать; по своей специальности, онъ имѣетъ полное право предпочитать то что любитъ самъ и на что полагаетъ свои труды. Но обращикъ исторической живописи въ *Осадъ Пскова* выбранъ неудачно. Правда, неразвитая часть публики мало интересуется минушею жизнію своего отечества и въ частности не соединяетъ никакой мысли съ судьбою такихъ старыхъ городовъ какъ Псковъ или Новгородъ. Мальчики и дѣвочки, конечно, набросились бы на картинку *Федотова*, потому что имъ непонятна и скучна серьезная картина Брюлова; имъ надобны уроки исторіи и въ школахъ. Но что касается до русской публики вообще, то она любитъ историческія картины столько же какъ и жанръ. Въ Московскомъ публичномъ музее, предъ *Проповѣдью Іоанна Крестителя* *Иванова* постоянно толпы зрителей. А какой успѣхъ имѣла недавно *Княжна Тараканова* *Флавицкаго*!

Искусство, по убѣжденію г. Трутовскаго, должно имѣть практическую цѣль, должно исправлять, назидать, и преимущественно исцѣлять. Убѣжденіе вполне вѣрное, оправдываемое исторіей искусства. Когда оно процвѣтало, оно всегда направлялось къ практическимъ цѣлямъ; оно назидало и исцѣляло въ благочестивой живописи и въ барельефахъ готическихъ соборовъ; оно поддерживало авторитетъ зачинавшейся королевской власти и обаятельно окружало святость папскаго престола. Это внѣшняя, временная польза искусства.

Гораздо важнѣе польза внутренняя, непреходящая. Искусство исцѣляетъ и животворитъ не потому что въ картинахъ *Федотова* осмѣиваетъ забуддыгу-чиновника, получившаго первый орденъ, или пузатаго маіора, шествующаго завоевать себѣ въ купеческомъ домѣ невѣсту, а потому что вообще облагораживаетъ человѣка, просвѣтляетъ ему жизнь, устраняя изъ дѣйствительности все мелкое, ничтожное, недостойное человѣка. Для этой цѣли оно одинаково могущественно дѣйствуетъ и въ идеальномъ образѣ, и въ обличеніи, и въ исторической картинѣ, и въ жанрѣ.

Крыловская иллюстрація принимаетъ *искупленіе* помощію искусства, безъ всякаго сомнѣнія, въ этомъ единственно вѣрномъ смыслѣ. Но неточность, происшедшая отъ противоположенія картинокъ Федотова исторической картинѣ Брюлова, можетъ кого-нибудь навести на мысль что уличная карриатура, имѣющая цѣлью исправить какое-нибудь общественное зло, есть высшая задача современнаго искусства. Этого г. Трутовскій, полагаемъ, не хотѣлъ сказать, да и не могъ, уже потому самому что ни маіоръ Федотова, ни его чиновникъ, люди, хотя и храбрые, но самыя непритязательныя, никогда не воображали брать на себя великую обязанность—врачевать общественныя язвы.

Бываютъ такія эпохи, когда обличеніе господствуетъ. Реформація оставила по себѣ громадную литературу обличительнаго содержанія. Такъ-называемые *Летучіе листы* съ бойкими карриатурами разлетались повсюду, грома злоупотребленія власти, обскурантизмъ, безнравственность и всякую неурядицу. Общественное, политическое и всякое другое нравственное безобразіе пытались стряхнуть съ лица земли, бичуя представителей его проклятіями и насмѣшками, то заставляя ихъ плясать подъ дудку всесокрушающей Смерти, въ *Пляскѣ мертвецовъ*, то надѣвая на нихъ дурачкіе колпаки, въ *Похвалѣ дурачеству*, въ этихъ двухъ превосходныхъ образцахъ обличительнаго направленія, увѣковѣченнаго неподобными рисунками Гольбейна.

Реформы послѣдняго времени въ нашемъ отечествѣ должны были отразиться духомъ обличенія и въ литературѣ, и въ искусствѣ. Общественная совѣсть пробудилась; сознаніе своихъ недостатковъ и ошибокъ влекло къ исправленію и уврачеванію. Всякій мыслящій человекъ думалъ внести долю своего участія въ великое государственное дѣло, заявить свою любовь къ отечеству посильнымъ исправленіемъ его недостатковъ, такъ-сказать, положить лепту на алтарь отечества. Въ жизни такъ часто малое граничитъ съ великимъ, и великое переходитъ въ смѣшное. Обличеніе скоро вошло въ моду; вмѣсто того чтобы дѣлать свое дѣло и его усовершенствовать, всѣ стали обличать другъ друга, полагая вину общественной неурядицы не въ себѣ, а въ другихъ. Недостатокъ элементарнаго образованія ставилъ въ смѣшное положеніе неприваныхъ обличителей, и обличеніе наконецъ

опошляло до того что мальчики на гимназическихъ скамьяхъ стали обличать своихъ учителей.

Г. Трутовскій, повидимому, понималъ щекотливую роль обличителя, и потому не преминулъ намекнуть о своей скромной задачѣ подъ видомъ безвѣстнаго *Ручья*, противопоставивъ его громкой славѣ преславутихъ *Водопадовъ*. Сверхъ того, онъ уклонился отъ обязанности давать уроки другимъ и быть судьей своихъ современниковъ, подчинивъ свои нравственные принципы авторитету мудрыхъ изреченій знаменитаго баснописца. Иллюминаторъ только рисуетъ дѣйствительность, а обличаетъ самъ Крыловъ. Критика имѣетъ право предъявить иллюминатору только одинъ запросъ: типичны ли выбранные случаи современной дѣйствительности, и удачно ли приложены они къ параграфамъ нравственнаго кодекса басень Крылова.

Впрочемъ и въ самомъ изображеніи дѣйствительности художникъ скромно причисляетъ себя къ многочисленнымъ послѣдователямъ Гоголя. *Мертвая душа* онъ почитаетъ самымъ вѣрнымъ зеркаломъ, въ которомъ отражается неурадица русскаго житья-бытья. Изъ авторовъ новѣйшихъ, замѣтно на Крыловской иллюстраціи вліяніе Гончарова. На картинкѣ къ баснѣ *Прудъ и рыбка* изображенъ лѣтний молодой человекъ. Онъ покоится на кушеткѣ, возлѣ которой на столѣ бутылки съ виномъ, графинъ и кружка, а на полу книга, носящая заглавіе *Обломовъ*. Этотъ молодой лѣтний „смотритъ на суету мірскую, и философствуетъ сквозь сонъ“. Въ нему подходитъ художникъ и словами басни думаетъ пробудить въ немъ полезную дѣятельность:

„А, философствуя, ты помнишь ли законъ,
Что свѣжесть лишь вода движеньемъ сохраняетъ?“

Безспорно, человекъ призванъ къ дѣятельности, но чтобы трудиться съ толкомъ, надобно понимать свое дѣло. Обломовы гадки не потому что они лѣтныя, а потому что они недоучившіеся невѣжды. Для этихъ Обломовыхъ изъ русскихъ артистовъ (въ философствующемъ лежбкѣ изображенъ, повидимому, товарищъ пришедшаго къ нему гостя) необходимо всего лучшая и болѣе правильная подготовка въ научныхъ свѣдѣніяхъ.

Это, очевидно, признаетъ и самъ иллюминаторъ, потому что неоднократно заявляетъ своимъ карандашомъ мысль о

необходимости болѣе распространить просвѣщеніе въ нашемъ отечествѣ. Онъ уважаетъ университетъ, и даже желаетъ чтобы двери его были открыты и для женщинъ. Симпатично передаетъ онъ типъ прилежныхъ „студентокъ“, которыя, съ книгами подъ мышкой, „идутъ впередъ“, сѣвша на лекцію, тогда какъ насмѣхающаяся фравтиха и ея двое спутниковъ „полаютъ да отстаютъ“. Въ борьбѣ двухъ поколѣній, давшей Тургеневу сюжетъ для романа *Отцы и дѣти*, художникъ стоитъ за поколѣніе молодое, и на него возлагаетъ свои надежды въ отношеніи русскаго просвѣщенія. Въ каррикатурѣ рисуетъ онъ старика профессора, который, какъ камень на нивѣ, цѣлые сорокъ лѣтъ безъ пользы для науки коснѣлъ въ своихъ лекціяхъ, а профессора молодого окружаетъ толпой внимательныхъ слушателей. Въ безвѣстной жизни ученаго труженника онъ видитъ благотворные плоды, заслуживающіе большей признательности нежели иныя, казалось бы и громкіе, подвиги военнаго человѣка, который словами Крыловскаго *Орла* надмѣнно относится къ этой трудолюбивой *Пчелѣ* съ такими презрительными словами;

„Какъ ты, бѣдняжка, мнѣ жалка,
Со всей твоей работой и съ умѣньемъ!
Вась въ ульѣ тысячи все лѣто лѣзять сотъ:
Да кто же посмѣ разбереть
И отличить твои работы?“

О, еслибы были у насъ тысячи такихъ науколюбивыхъ пчелъ, не то бы было и въ университетахъ, и въ академіяхъ художествъ! Въ скромномъ труженникѣ художникъ изобразилъ, впрочемъ, не представителя русскихъ ученыхъ, а скорѣе лицо идеальное, нѣчто въ родѣ Тургеневскаго Базарова, окруженнаго химическими и физическими аппаратами, анатомическими рисунками и коллекціей насѣкомыхъ наколотыхъ на булавки.

Благоговѣя предъ прогрессомъ, иллюминаторъ является вмѣстѣ съ тѣмъ благонамѣреннымъ консерваторомъ какъ въ семейномъ и общественномъ отношеніи, такъ и въ политическомъ.

Онъ стоитъ за неприкосновенность семейныхъ узъ, и въ матери семейства видитъ и кормилицу, и воспитательницу своихъ дѣтей. Чувство матери великій стимулъ обезпечивающій семейное благополучіе и добрыя нравы и

воспитаніе дѣтей (стр. 95). Какъ ничтожна предъ истиннымъ идеаломъ супруги и матери вѣтреная щеголиха, которая, покинувъ семью, рыщетъ съ визитами! (Стр. 209.) Благоразумные родители должны сами воспитывать своихъ дѣтей и не „ввѣрять ихъ наемничьимъ рукамъ“ (стр. 166—167). Въ гувернерахъ и гувернанткахъ художникъ видитъ большое зло, въ результатѣ котораго порча дѣтей и семейныя бѣдствія. Отецъ, возвращаясь домой, застаётъ свою жену въ объятіяхъ гувернера, а маленькихъ дѣтей съ трубкой табаку и за стаканомъ съ виномъ (стр. 175). Можетъ-быть именно въ связи съ высокимъ призваніемъ женщины, какъ вѣрной супруги и матери, на обязанности которой лежитъ воспитаніе и обученіе дѣтей, художникъ и лелѣетъ мечту о женскомъ университетѣ.

Нѣжныхъ супруговъ идеалически рисуетъ онъ какъ граціозную парочку воркующихъ голубковъ, въ пандавъ къ баснѣ *Два голуба* (стр. 25), изъ которыхъ одинъ задумалъ оставить свое теплое гнѣздышко и посмотреть далекія страны, за что, какъ извѣстно, и былъ примѣрно наказанъ. Юный супругъ сладостно мѣветъ близъ своей вѣрной супруги, сидя вмѣстѣ съ нею въ дѣтской, на мягкомъ диванѣ, около колыбельки нѣжнаго залога ихъ супружескаго счастья. Тутъ же на полу лежитъ сакъ-воляжъ и другія принадлежности комфортабельнаго путешествія, и черезъ плечо неблагодарнаго искателя приключеній уже виситъ дорожная сумка. Онъ ѣдетъ по крайней мѣрѣ въ Америку, взглянуть какъ краснокожіе скальпируютъ своихъ плѣнниковъ; потому что въ Парижъ и въ Италію теперь ужъ не путешествуютъ: по желѣзной дорогѣ—это рукой подать, и ближе, и безопаснѣе чѣмъ протащиться по тысячѣ ухабовъ и колеямъ какихъ-нибудь шестьдесятъ верстъ по проселку нашего благословеннаго отечества. Еслибы не американскіе дикари, еслибы не сакъ-воляжъ, не дорожная сумка и другія принадлежности современнаго костюма, — эта картинка поселяла бы въ душѣ самое сладкое воспоминаніе о тѣхъ временахъ, когда любящіяся пѣвали *Стонетъ сизый голубочекъ*, и когда русскій путешественникъ въ письмахъ къ друзьямъ неутѣшно оплакивалъ свою съ ними разлуку, ѣдучи по дорогѣ отъ Митавы къ прусской границѣ.

Чѣмъ свѣтлѣе представляется въ Крыловской иллюстраціи идеалъ семейнаго счастья, вѣрной супруги и заботливой

матери, тѣмъ грязнѣе и безобразнѣе рисуются картины супружеской невѣрности, разврата и посягательства на невинность. * Вотъ эти-то изображенія и дали поводъ нѣкоторымъ критикамъ къ обвиненію иллюстраціи въ безнравственномъ направленіи. Но художникъ, безъ сомнѣнія, руководился въ составленіи ихъ самыми благонамѣренными правилами нравственности. Эта лисица, выманывающая у безбрачнаго волокиты кусочекъ сыру въ видѣ банковаго билета въ 50 тысячъ (стр. 3), эта въ отчаяніи ломающая себѣ руки плотичка, которую такъ нахально утѣшаетъ ухорскій кавалеристъ (стр. 203), эта невинная пташка, граціозно поднимающая себѣ къ лицу передникъ, когда обрюзглый волокита, ея баринъ, дѣлаетъ ей позорное предложеніе (стр. 226), и другія скандальныя сцены только набрасываютъ полутѣни на общую картинку, въ которой тѣмъ свѣтлѣе и ярче выступаютъ идеалы законной любви и семейнаго благополучія. Можетъ-быть, этотъ водевильный, Поль-де-Коковскій консерватизмъ не вполне соответствуетъ стилю Крыловскихъ басенъ, но, съ точки зрѣнія не строгой морали, все же это консерватизмъ, и довольно благонамѣренный.

Было замѣчено что для уразумѣнія и художественнаго воссозданія дѣйствительности г. Трутовскій взялъ себѣ въ руководители преимущественно Гоголя. Это видно, въ числѣ прочаго, изъ взгляда на нашу администрацію, въ которомъ авторъ Крыловской иллюстраціи усвоилъ себѣ теорію приведенную Гоголемъ въ развязкѣ его *Ревизора*. Неурядица въ управленіи происходитъ отъ мелкихъ чиновниковъ, которые падаютъ ницъ предъ высшей расправой и изъ хищныхъ волковъ дѣлаются смиренными баранами. Въ картинкѣ къ баснѣ *Волкъ и Котъ* изображенъ горемычный городничій, который не знаетъ къ кому обратиться за спасеніемъ въ роковую для него минуту, когда тамъ вдалекѣ явилась высшая расправа въ образѣ какого-то генерала съ эполетами, предъ которымъ преклоняющаяся толпа обѣтъ челомъ на своего хищнаго волка (стр. 254).

Вліяніе *Ревизора* оказалось даже въ самой концепціи рисунка, въ постановкѣ фигуръ и въ ихъ драматическомъ положеніи. Такъ въ картинкѣ къ баснѣ *Левъ и Лисица*, нѣкоторый довольно важный чиновникъ, корча умильную гримасу,

* См. стр. 3, 42, 46, 89, 133, 175, 203, 226, 263.

подсовываетъ тяжеловѣсную взятку другому чиновнику, болѣе важному, украшенному двумя звѣздами, который, съ добавляющею важностью раскинувшись въ креслахъ, отворотилъ отъ подателя свои величественные и строгіе взоры, и только растопырилъ пальцы чтобы взять отъ него приношеніе (стр. 152). Иллюстрація покусилась поднять сцену дѣйствія на многіе градусы выше Гоголевскаго *Ревизора*, но изнемогла въ трудной задачѣ, изобразивъ того же палуна Хлестакова перераженнымъ въ важную особу съ сіяющими регаліями. Впрочемъ есть вещи о которыхъ спорить нельзя, потому что нѣтъ данныхъ для сомнѣнія. Моментъ принятія взятки важною особою — тайна не доступная для постороннихъ глазъ. Можетъ-быть, во времена Крылова важныя особы и принимали посильное приношеніе именно такъ, какъ ревизоръ у Гоголя, и какъ это изображено въ иллюстраціи. Нынѣ это дѣлается иначе.

Но мы еще не покончили съ высшею расправой. Мысль о ней въ самомъ широкомъ размѣрѣ выражена въ рисункѣ къ баснѣ *Рыбы пляски* (стр. 228). На крыльцо выходитъ военный генералъ со свитой чиновниковъ позади. Предъ нимъ на площади страшная дачка народу, оцѣпленного веревкой, какъ это бываетъ въ процессіяхъ и на парадахъ. Всѣ спѣшатъ къ этой важной особѣ съ просьбой о защитѣ и спасеніи отъ притѣсненій и невзгодъ: кто кланяется въ землю, кто сталъ на колѣна, какая-то женщина, продираясь впередъ, высоко поднимаетъ въ рукѣ листъ съ прошеніемъ; а между тѣмъ полицейскіе бюстителіи порядка кулаками осаживаютъ толпу, отъ чего, разумѣется, происходитъ еще больше кутерьмы.

Все это мелкія рыбки, которыхъ воевода-лиса жаритъ себѣ на сковородѣ, какъ разъ въ то самое время какъ военный левъ явился на ревизію. Лиса въ статскомъ мундирѣ со звѣздой умилно докладываетъ что обывателямъ ея воеводства не житье, а рай. „Да отчего же? спрашиваетъ левъ, —

Хвостами такъ онѣ и головами машутъ?

— „О, мудрый левъ!“ Лиса отвѣтствуетъ: „Онѣ

На радости, тебя увидя, пляшутъ.“

Но иллюминаторъ счастливіе Крылова и Гоголя. Въ судьбахъ русскаго народа ему пришлось увидѣть не одну высшую расправу которая караетъ бездѣльниковъ. Совершилась

великое дѣло народнаго освобожденія. Взглянемъ какъ отнесся художникъ къ этому великому событію.

Слѣдую программѣ баснописца, иллюминаторъ представляетъ себя Россію громаднымъ деревомъ, которое пышно красуется своею богатою листвою, и глубоко въдарило въ землю крѣпкими корнями (см. *Листы и Корни* на стр. 103). Было время, когда листья, гордясь своею красою, забывали что они кормятся и живутъ родными имъ корнями. Пышная листва русскаго дерева изображена художникомъ въ видѣ эlegantнаго общества, которое собралось на балконѣ барскаго дома, съ величавыми колоннами, выходящаго въ садъ. Дама и молодой человекъ съ усиками, надобно полагать отставной военный, оба покуривая сигары, ведутъ между собой интересную бесѣду. Около сидитъ еще мужчина, посольствѣ, въ самодовольной позѣ, и слушаетъ, а надъ ними красуются раскидистыя вѣтви, бросая тѣнь на балконъ и вторя нѣжнымъ шелестомъ листвѣвъ досужей болтовнѣ. Вдругъ внизу балкона, изъ-подъ садовыхъ цвѣтовъ, показываются на свѣтъ Божій корявые корни, въ образѣ троихъ мужичковъ—дѣдушки, сына и внука. Эти представители трехъ поколѣній, какъ гласитъ басня, осмѣлились нарушить бесѣду листвѣвъ, напомнивъ имъ о себѣ:

— „Кто смѣетъ говорить столь нагло и надменно!

Кто вы такіе тамъ,

Что дерзко такъ считаться съ нами стааи?“

Листы, по дереву шума, зашептали.

— „Мы тѣ,

Которые, здѣсь роясь въ темнотѣ,

Питаемъ васъ.“

Обнародовано Положеніе 19-го февраля. Степная помѣщица, добывъ листъ Положенія, впопыхахъ свѣшнить съ ошеломляющею вѣстью къ своей сосѣдкѣ и застаётъ ее въ самой пріятной обстановкѣ помѣщичьяго хозяйства, когда она, сидя на креслѣ у лежанки съ наливками въ бутылкахъ, свѣшивала на безмянѣ принесенную ей барщину въ огромныхъ клубкахъ пряжи. Въ ужасѣ отъ потрясающей новости вскочила она, оставивъ на креслѣ свою шаль, и топырить руки, будто отталкиваетъ отъ себя какое дьявольское навожденіе. Эти мыши, грызшія чужое добро (рисунокъ относится къ баснѣ *Мыши*, стр. 266), порѣшили что на свѣтѣ нѣтъ никакого порядка, что корабль Россійскаго государства, не

руководимый кормчимъ, поидеть ко лну. А тѣмъ временемъ дворовая дѣвчонка, сѣдя за вязаньемъ чулка на полу около барскаго сундука, сложивъ ноги калачикомъ, какъ восточныя невольницы, съ жадностью слушаетъ радостную вѣсть и, смекая про себя, украдкой бросаетъ хитрый взглядъ на собесѣдницъ.

Художникъ съ особенною любовью и часто весьма удачно рисуетъ крестьянскіе типы. Какъ хороши эти три коренастые представителя прочности и величія Россійскаго древа! Скольکو азіатской хитрости въ этой маленькой рабынѣ, вяжущей барскій чулокъ! Не дурны въ иллюстраціи мужички и въ тѣхъ сценахъ, гдѣ они, копируя Антона Горемыку Григоровича, играютъ давно впрочемъ заученную ими роль жертвы; напримѣръ, когда земская полиція приводитъ къ помѣщику оборваннаго горемыку и накладываетъ на него кандалы, можетъ-быть, за какую-нибудь вязанку хворосту которую онъ стануль изъ барскаго лѣсу (стр. 220); или когда та же полиція схватываетъ его ни за-что, ни про-что на сѣнокосѣ и оторопѣлаго тащить къ мертвому тѣлу женщины, обвиняя его въ преступленіи на томъ только основаніи что онъ не подалеку косилъ сѣно (стр. 18). Въ тѣхъ случаяхъ гдѣ „жертва“, выведенная изъ терпѣнія грубымъ насиліемъ, рѣшается на такое же грубое самоуправство, она принимается въ иллюстраціи за это непривычное ей дѣло какъ-то вяло и неловко, будто плохой актеръ на театрѣ, какъ напримѣръ, когда мужики идутъ съ дубьемъ на барича, обезчестившаго въ ихъ семьѣ дѣвушку (стр. 46).

Впрочемъ, въ Крыловской иллюстраціи есть одинъ рисунокъ, гдѣ русскіе крестьяне являются сами по себѣ, безъ помѣхи баръ и чиновниковъ, и, кажется, въ очень удачныхъ, характеристическихъ типахъ, именно рисунокъ къ баснѣ *Стрекоза и Муравей* (стр. 52). Какъ величаво сидитъ въ своей избѣ зажиточный крестьянинъ въ рубахѣ и сапогахъ, положивъ локоть на столъ, а другою рукой опираясь на скамью, на которой твердо и прочно сидитъ онъ, будто царь на престолѣ, управляя своимъ маленькимъ, запечнымъ государствомъ. Строго и неподатливо слушаетъ онъ, но не смотритъ въ лицо оборванному бѣдняку, который, растопыривая руки, стоитъ предъ нимъ и проситъ выручить изъ бѣды, жалуясь на свое сиротство: настоящая кабацкая голь въ кургузомъ кафтаникѣ, виснущемъ лохмотьями, и бородинка у него рѣдкая,

выщипанная; въ лаптяхъ и онучахъ; фигура поджарая и голенастая, точно сама стрекоза въ кафтанѣ, беззаботная и шутовская, хотя безпріютная и горемычная. Типъ забуддыги, привыкшаго жить на авось и небось, отлично противопоставляется суровому и самодовольному типу мелкаго семейнаго деспота, — типу, отразившему въ себѣ тѣ темные элементы національнаго характера, изъ которыхъ, на болѣе широкомъ поприщѣ, слагались на русской почвѣ роковыя личности въ родѣ Ивана Васильевича Грознаго.

Сказать что Крыловская иллюстрація предлагаетъ полную характеристику сословіи и касается главнѣйшихъ общественныхъ интересовъ, это значило бы видѣть въ ней болѣе нежели что хотѣлъ и что могъ сдѣлать иллюминаторъ. Задача современнаго искусства — воспроизводить дѣйствительность — такъ необязательна что на рѣшеніе ея должны посвятить себя цѣлыя поколѣнія художниковъ. Отъ каждаго изъ нихъ въ отдѣльности критика можетъ требовать чтобъ онъ бралъ изъ жизни самое характеристическое, иногда и такое что проходить незамѣтно для толпы, но что рѣзко бросится въ глаза всякому, когда будетъ остроумно и мѣтко схвачено въ художественномъ произведеніи. Читатель самъ можетъ судить до какой степени широкъ и провицателенъ взглядъ иллюминатора на дѣйствительность изъ слѣдующаго перечня главнѣйшихъ сюжетовъ его иллюстраціи.

Лягушка и Волъ, стр. 9. Аукціонъ движимаго имѣнья промотавшейся барыни. Весьма хорошъ купчикъ, въ длинномъ сюртукѣ и съ бородкой, явившійся купить дорогую утварь дворянскихъ затѣй. Важно, будто къ какому важному лицу, подходитъ онъ къ двумъ громаднымъ вазамъ, изящно расписаннымъ, и почтительно нагибаясь, рукою на ощупь пробуетъ ихъ эстетическое достоинство.

Мѣшокъ, стр. 77. Откупщику, важно развалившемуся на самыхъ покойныхъ креслахъ, представляются на поклонъ разныя лица. Важный чиновникъ въ мундирѣ, почтительно изгибаясь предъ нимъ, протягиваетъ ему обѣ руки, въ которыя богачъ удостоиваетъ для пожатія протянуть только одинъ палець, украшенный дорогимъ перстнемъ. Около съ преданнѣйшимъ почтеніемъ стоитъ военный. Далѣе, художникъ бьетъ челомъ картиною, на которой изображена обнаженная нимфа. Назади — юный поэтъ, въ очкахъ, съ одою, посвященною все тому же мѣшку.

Бѣлая Барыня, стр. 120. Барыня, которая не может выносить детей, мальчишка съѣлъ барыню, а барыня съѣла мальчишку въ гостиницѣ.

Мертвая Душа, стр. 141, и *Бѣлая Барыня*, стр. 120. Какъ престаиватели нашего практическаго, приоррвательнаго времени. Одинъ глубокомысленно считаетъ деньги, будто совершаетъ какое таинство; другой, тяжко больной, около стклянокъ съ микстурами разложилъ свои банковые билеты и регалии.

Добрая Лисица, стр. 124. Опека. Весьма граціозны въ ихъ невзрачномъ костюмѣ несчастные сиротки, мальчикъ и дѣвочка, приведенные въ опеку.

Миронъ, стр. 249. Общество призрѣнія бѣдныхъ. Швейцарь съ солдатомъ въ зашеи гонять нищихъ и калѣкъ съ крыльца зданія гдѣ помѣщается это общество.

Волкъ и Лисица, стр. 105. Продолженіе той же идеи. Богатая барыня изъ благотворительнаго общества посвѣщаетъ квартиру бѣдняковъ. Мужъ лежитъ на кровати больной, жена сидитъ у него въ ногахъ, оба молодые. Удачно нарисована благотворительница, вмѣсто денегъ на хлѣбъ насущный и на лѣкарство, привозящая хлѣбъ неземной въ видѣ книги подъ заглавіемъ: *Наставленіе несчастнымъ*.

Медведь въ стѣнѣ, стр. 184. Городская больница, можетъ быть, внесенная въ иллюстрацію опять подъ вліяніемъ Гоголевскаго *Ревизора*. Но типъ главнаго доктора, застигнутого ревизоромъ врасплохъ, хорошъ. Пожилой человекъ, съ брюшкомъ, въ мундирѣ, руки по швамъ и немножко разинулъ ротъ, точно школьникъ предъ учителемъ который, грозить ему расправой.

Этими указаніями я ограничиваю обзорѣніе главнѣйшихъ сюжетовъ Крыловской иллюстраціи. И достоинства, и недостатки ея содержанія вытекаютъ изъ одного и того же источника—изъ стремленія передать современную дѣйствительность. Задаваясь этою задачей, художникъ можетъ мѣтко, интересно и вполне изящно схватить тотъ или другой случай текущей жизни, но если онъ расширяетъ объемъ своихъ сюжетовъ до нѣкоторой полноты въ изображеніи современности, тогда онъ часто рискуетъ быть отсталымъ, изобразивъ то что въ текущей жизни уже прошло, что не принадлежитъ современности и сдано въ архивъ исторіи. Эта опасность грозитъ художнику и литератору особенно въ такіа

богатыя реформами эпохи, какъ наша. Прошло только ко пять лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ была составлена иллюстрація должествовавшая приложить современные нравы къ житейской морали баснописца, и именно относительно современности эта иллюстрація уже во многомъ отстала. Она еще пренаивно рисуетъ намъ разные ужасы земской полиціи, грозитъ станowymi приставами и плачетъ надъ безгласными жертвами татарскаго самосуда; а текущая впередъ жизнь уже успѣла принести намъ на своихъ освѣжительныхъ волнахъ мировыя учрежденія и гласное судопроизводство въ окружныхъ судахъ, и далеко отодвинула въ даль все это мракобѣсіе чиновническаго ключкотворства. Въ своихъ тенденціяхъ на современность живопись нравовъ раздѣляетъ одинаковую судьбу съ картинками парижскихъ модъ. Неистощимъ остроумный каррикатуристъ, не пугается этой превратной судьбы и, какъ парижская модистка, живетъ вѣчною перемѣной, вытѣсняя одну каррикутуру другою, болѣе современною. Но художникъ, серіознѣе понимающій свое назначеніе, желаетъ своимъ произведеніямъ большей живучести. Избирая въ окружающей его дѣйствительности самое типическое, постоянно имѣя въ виду не столько случайную обстановку челоуѣка, сколько его психическую натуру, опредѣляемую условіями мѣстными и историческими, онъ стремится увѣковѣчить свою современность, какъ увѣковѣчивали ее даже въ портретахъ Тиціанъ или Рембрандтъ.

Впрочемъ, относиться къ Крыловской иллюстраціи слишкомъ требовательно, въ художественномъ отношеніи, не должно. Это не болѣе какъ бѣглые очерки, какими сопровождается юмористическій текстъ *Искры*, *Развлеченія* и другихъ обличительныхъ журналовъ.

Здѣсь кстати указать на одинъ изъ лучшихъ рисунковъ разсматриваемой нами иллюстраціи. Это къ баснѣ *Левъ и Комаръ*, стр. 80. Комаръ, въ видѣ сатирическаго журнала съ иллюстраціей, мѣтко куснулъ какого-то важнаго господина и привелъ его въ такую бѣшеную ярость что, глядя на этого баснословнаго звѣря, въ военномъ вицмундирѣ, страшно становится подумать что надѣлалъ бы онъ, еслибъ имѣлъ силу и кровожадность дѣйствительнаго льва.

Такое положеніе искусства, можетъ-быть, понижаетъ степень его внутренняго, безотносительнаго достоинства, но выгнѣтъ съ тѣмъ даетъ ему громадную выгоду: служить не для

тонкаго, эстетическаго наслажденія немногихъ избранныхъ цѣнителей, а для болѣе грубаго удовольствія, но въ сѣть тѣмъ и для пользы всѣхъ и каждаго. Было бы безсмысленно сравнивать въ художественномъ отношеніи Мадонну Рафаэля съ *Летучимъ Листкомъ* украшеннымъ карриатурой лубочнаго издѣлія: но едва ли можно отвергать что для распространенія образованія въ массахъ народа лубочныя издѣлія оказали болѣе непосредственнаго вліянія нежели произведенія великихъ художниковъ.

Здѣсь невольно опять приходитъ на мысль толкованіе данное иллюстраціей баснѣ *Водопадъ и Ручей* (стр. 256). Въ толкованіи *Ручья*, какъ замѣтилъ я выше, до нѣкоторой степени позволительно видѣть скромный намекъ этой иллюстраціи на самое себя. По общедоступности современныхъ сюжетовъ, она дѣйствительно имѣетъ право разчитывать на удовлетвореніе интересовъ обширнаго круга публики. Въ этомъ отношеніи она имѣетъ неоспоримое преимущество предъ иллюстраціей Державинскою, которая отличается характеромъ торжественнаго монумента, и къ которой тѣмъ болѣе примѣняется Крыловскій *Водопадъ* что она, между прочимъ, къ знаменитой одѣ того же названія предлагаетъ рисунокъ водопада, безжизненный, чуждый изученія природы, напыщенный, съ театральнымъ героемъ, сидящимъ подъ деревомъ оперши голову рукою. (*Сочин. Держ.* I, 457.)

Трудно найти бѣольшую противоположность въ основныхъ принципахъ искусства, какъ въ этихъ двухъ иллюстраціяхъ, Державинской и Крыловской. Монументальное содержаніе первой и въ самой отдѣлкѣ получаетъ вполне выработанную, пластическую форму. Правда, много въ этой формѣ изысканнаго и искусственнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ она пѣвнваетъ зрѣніе замѣчательнымъ изяществомъ и артистическою законченностью. Напротивъ того, стиль *Летучимъ Листкомъ*, усвоенный иллюстраціей Крыловскою, соответствующій интересамъ минуты, выражается въ формѣ легкой, набросанной наскоро, спѣшащей схватить второпяхъ улетающую минутой современности. Въ Державинской иллюстраціи господствуетъ изящная форма въ ущербъ содержанію, самому убогому, ничтожному; въ Крыловской—разнообразіе обильнаго содержанія отвлекаетъ отъ внѣшней формы вниманіе и художника, и его публики.

Впрочемъ, никоимъ образомъ не надобно думать чтобы

съ удѣломъ напѣшивать, покусомъ достигнуть презрѣніе ко внѣшней формѣ. Напротивъ, уже, когда прежде не умѣли такъ легко возвышаться подъ стиль художниковъ разныхъ временъ, какъ теперь, а этого невозможно было бы достигнуть безъ самой тщательной выработки внѣшней формы во всемъ разнообразіи техническихъ приѣмовъ.

Итакъ, недостатокъ художественной отдѣлки, невниманіе ко внѣшней формѣ, особенно замѣтное въ Крыловской иллюстраціи, напримѣръ, во всѣхъ заставкахъ или фронтисписахъ, въ заглавіи каждой изъ девяти книгъ этого изданія—вина не современнаго искусства вообще, а того легкаго стиля *Летучихъ Листковъ* который иллюстрація себѣ усвоила.

Въ заключеніе надобно сказать объ отношеніи обѣихъ этихъ иллюстрацій къ текстамъ, которые онѣ украшаютъ и объясняютъ. Крыловская, по самой задачѣ своей,—подводитъ случаи современной намъ жизни подъ параграфы Крыловской морали,—не можетъ служить пособіемъ при изученіи текста, возникшаго во времена оны, при другихъ обстоятельствахъ русской жизни. Замѣченная выше невыдержанность рисунковъ въ изображеніи дѣйствительности, ихъ очевидная неровность, вслѣдствіе отсталости нѣкоторыхъ изъ нихъ, отражаются неровностью и невыдержанностью самого стиля. Отсюда неминуемое противорѣчіе стиля иллюстраціи со стилемъ самихъ басенъ, противорѣчіе, естественно оказавшееся вслѣдствіе того что разные времена наложили разные, несходные другъ съ другомъ отпечатки на текстъ и на его иллюстрацію. Величавое спокойствіе житейской мудрости нашего баснописца, освѣщаемое добродушною беззаботностью игриваго ума, постоянно нарушается тревожною раздражительностью, которая подтакиваетъ обличительный карандашъ иллюстратора.

Напротивъ того, иллюстрація сопровождающая стихотворенія Державина, какъ мы видѣли, не только вполне соответствуетъ тексту, но служитъ ему необходимымъ объясненіемъ, а съ художественной точки зрѣнія, законченною пластичностью формы доводитъ до послѣдней очевидности понятіе о томъ стилѣ, которымъ отличаются эти стихотворенія. Сетрудничество между поэтомъ и его иллюминаторами выразилось подвѣйшею гармоніей иллюстраціи съ текстомъ.

О. БУСЛАЕВЪ.

ЗАМѢТКА

Нѣсколько словъ сказанныхъ нами въ № 5 *Русскаго Вѣстника* по поводу статьи *Россия и Европа* вызвали замѣтку въ журналѣ *Заря*. Рецензентъ находитъ что мы не поняли статьи г. Данилевскаго и сдѣлали двѣ фактическія ошибки, а именно: 1) приписали Пушкину стихи:

Нѣтъ, весь я не умру, и пр.

тогда какъ они принадлежать будто бы Державину, и 2) утверждали будто г. Данилевскій говоритъ что *Западъ гниетъ*, тогда какъ г. Данилевскій, по словамъ рецензента, и не думалъ объ этомъ. Отвѣчать на первый пунктъ обвиненія не трудно: стоить сослаться на стр. 535 первого тома Исаковскаго изданія Пушкина. Правда, стихи Пушкина и Державина носятъ одно названіе (*Памятникъ*) и очень сходны по мысли и даже по формѣ, но это едва ли даетъ право рецензенту учено-литературнаго журнала смѣшивать ихъ и объявлять въ *утѣшеніе* будто бы *намъ*: „это восклицаніе не Пушкинъ“. Что касается до втораго обвинительнаго пункта, то вотъ собственныя слова г. Данилевскаго подавшія намъ поводъ утверждать что онъ усматриваетъ въ жизни западной Европы процессъ гніенія. „Сама мысль высказанная славянофилами о

...иногда кажется мне совершенно верною толка...
 ...она все же убо...
 ...иногда кажется въ...
 ...периодъ своего развитія находятся евро-
 пейскія общества, на какой точкѣ своего пути: восходятъ
 ли они еще по кривой выражающей ходъ общественнаго дви-
 жения, достигли ль кульминаціонной точки, или уже перешли
 ее и склоняются къ западу своей жизни? (Заря, № IV,
 стр. 96). Отвѣчая на этотъ вопросъ, авторъ говоритъ что
 не слѣдуетъ увлекаться обиліемъ плодовъ западно-европей-
 ской цивилизаціи: „плодъ есть по преимуществу даръ на-
 чала осени“ (101). „Высшимъ моментомъ творчества обще-
 ственныхъ силъ должно признать то время, когда проявля-
 ются окончательно тѣ идеи, которыя будутъ служить содер-
 жаніемъ всего дальнѣйшаго культурнаго развитія. Результаты
 этого движенія, этого толчка долго могутъ еще *возрастать* (?)
 и представлять собою всю роскошь и изобиліе плодовъ ци-
 вилизаціи, но уже создающая ее и руководящая ею сила
 будетъ ослабѣвать и клониться къ своему упадку.“ (102)...
 Что же касается до Западной Европы, то, говоритъ нашъ
 авторъ, „ея творческія созидательныя силы вступили уже
 около полуторасти или двухъ сотъ лѣтъ тому назадъ на нис-
 ходящую сторону своего пути“ (103). Вотъ собственныя сло-
 ва г. Данилевскаго; сколько мы понимаемъ, ихъ весьма поз-
 воительно резюмировать сакраментальною фразой славяно-
 филовъ: *Западъ гніетъ*, — особенно взявъ въ расчетъ что
 глава посвященная разсмотрѣнію этого вопроса поставлена
 подъ знамя слѣдующаго эпиграфа:

О, никогда зема, отъ первыхъ дней творенья,
 Не зрѣла надъ собой столь пламенныхъ свѣтилъ.
 Но, горе, вѣкъ прошелъ,—и мертвеннымъ покровомъ
 Задержуть Западъ весь....

Иначе говоря: на западную Европу надѣтъ уже саванъ....
 а рецензентъ *Зари* говоритъ будто „г. Данилевскій от-
 нюдь не утверждаетъ что Западъ гніетъ“. (146). Помилуй-
 те, онъ гніетъ уже полуторасти или двѣсти лѣтъ, и если
 не дѣти, то внуки наши безъ сомнѣнія будутъ свидѣтелями
 превращенія Западной Европы въ Среднюю Азію. Парижъ

сдѣлается такимъ же мертвымъ городомъ какъ Самаркандъ, рейнскіе виноградники задичаютъ, желѣзныя дороги порастутъ крапивой, надъ Англличанами будетъ властвовать какой-нибудь деспотъ въ родѣ Мегметъ-аги-хана, Германцы утратятъ способность мышленія, а Италіяны—чувство красоты....

II. Ц.

О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ 1866. году.

Годовое изданіе РУССКАГО ВѢСТНИКА состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ выйдетъ въ 1869 г. стоить въ Москвѣ и Петербургѣ съ доставки, четырнадцать рублей; съ доставкой на домъ въ Москвѣ пятнадцать рублей; съ почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи шестнадцать рублей.

Заграничные высылають за доставку въ Австрію, Баварію, Баденъ, Виртембергъ, Ганноверъ, Нидерланды, Пруссію, Саксонію и другія гсударства Герм. Почт. Союза — 16 р.; въ Бельгію — 17 р.; во Францію и Данію — 18 р. 50 к.; въ Англію, Швецію, Испанію и Португалію — 20 р.; въ Швейцарію — 21 р., и въ Италію — 22 руб.

Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается:

ВЪ МОСКВѢ:

Въ конторѣ Университетской Типографіи на Страстномъ бульварѣ; въ книжной лавкѣ И. Г. Соловьева (бывшей Базунова), на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загражскаго, и у другихъ книгопродавцевъ Москвы.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжной лавкѣ Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Энгельгардтъ, и у другихъ книгопродавцевъ Петербурга.

Въ почтовыхъ мѣстахъ Имперіи подписка на Русскій Вѣстникъ не принимается.

Пногородные адресуются: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

О подпискѣ на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1869 году.

Цѣна за МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ на 1869 годъ, съ казенными объявленіями и воскресными прибавленіями: въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, двѣнадцать рублей сер.; съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой въ другіе города пятнадцать рублей сер.

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ. Въ Петербургѣ, кромѣ того, можно подписываться въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Базунова, на Невскомъ проспектѣ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и др.)
на Страстномъ бульварѣ.

